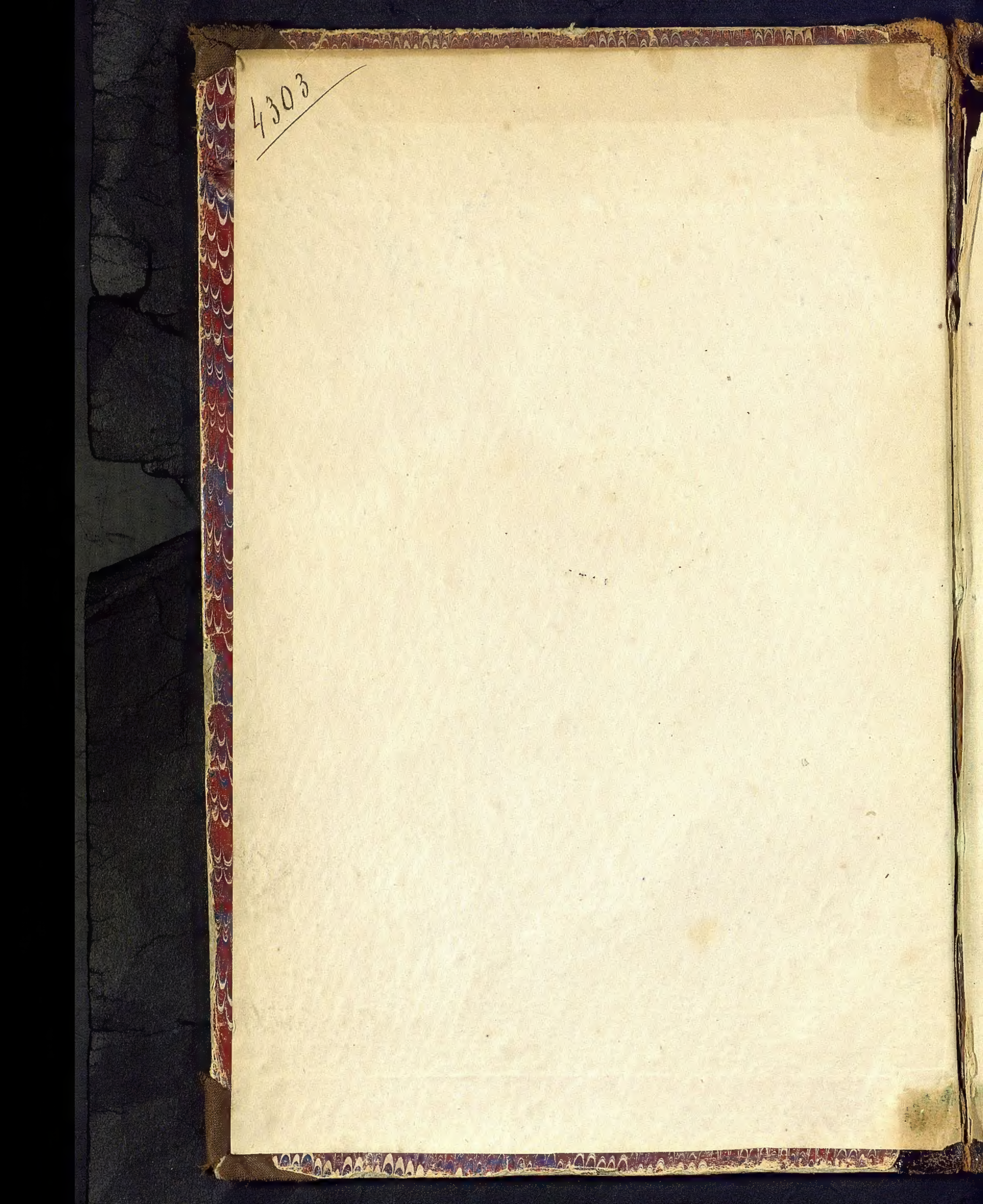
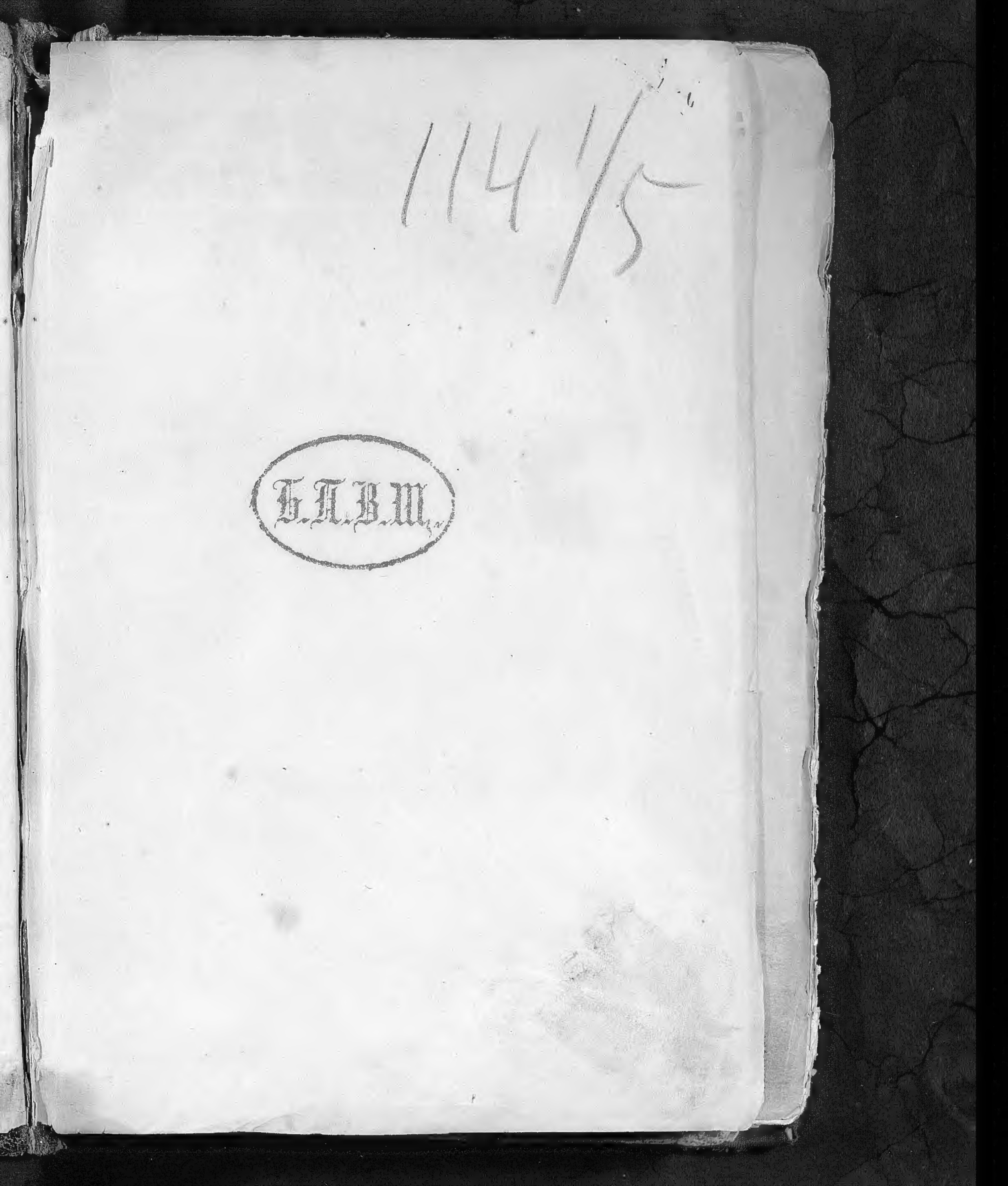

4303


114/5

АРХИВЪ

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

относящихся

ДО РОССІИ.

АРХИВЪ

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,

относящихся

ДО РОССІИ,

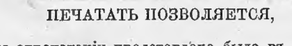
издаваемый

Николаемъ Калачовымъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

МОСКВА. Въ типографіи А. Семена.
1861.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. 22-го Февраля 1861 г.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издаваемая нынѣ книга «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи» начата была печатаніемъ еще въ 1857 году. Обстоятельства, побудившія меня оставить Москву, были причиною, что значительная часть этой книги напечатана въ мое отсутствіе подъ наблюденіемъ *И. Е. Забѣлина;* когда же я переселился въ Петербургъ, то продолжалъ здѣсь печатаніе остальныхъ статей ея, хотя также очень медленно, по причинѣ другихъ занятій, между прочимъ изданія Журнала подъ названіемъ: «Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», которымъ я думалъ замѣнить «Архивъ» въ прежнемъ его видѣ. Мысль эта весьма естественно возникла во мнѣ подъ вліяніемъ тѣхъ практическихъ вопросовъ, которые съ 1858 года стали у насъ съ особенною силою занимать какъ вообще публику, такъ въ особенности нашихъ историковъ и юристовъ. Я былъ убѣжденъ, что изданіе, посвященное преимущественно разработкѣ этихъ вопросовъ, въ связи съ изслѣдованіемъ древняго быта Россіи, должно принести несомнѣнную пользу. Но быстрое развитіе литературы, посвященной практическимъ интересамъ нашего отечества, превзошло тогдашнія ожиданія. Во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ статьи этого рода заняли почетное мѣсто. Въ числѣ ихъ также статьи юридическаго содержанія сдѣлались необходимою принадлежностію каждаго дѣльнаго Журнала. Мало того: явилось множество повременныхъ изданій, назначенныхъ исключительно для распространенія въ публикѣ спеціальныхъ свѣдѣній по той или другой части науки, между прочимъ и свѣдѣній юридическихъ; изъ нихъ нельзя не

указать особенно на Журналъ Министерства Юстиціи, приносящій столь огромную пользу, знакомя своихъ читателей съ исполненною интереса дѣятельностію судебныхъ мѣстъ въ Россіи. И не смотря на то масса юридическихъ матеріаловъ, накопляющихся въ дѣйствительной жизни и настоятельно требующихъ заявленія ихъ публикѣ, вмѣстѣ съ гласнымъ обсужденіемъ ихъ, такъ велика, что мы сами не усомнились отдѣлить отъ «Архива» юридическую часть его, назначенную для статей практическаго содержанія, и составить изъ нея особое изданіе, подъ именемъ «Юридическаго Вѣстника». Имѣемъ полное основаніе думать, что и этотъ Журналъ возбуждаетъ сочувствіе публики; но вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не замѣтить, что самый «Архивъ», какъ повременное изданіе, утратилъ чрезъ то большую часть своего значенія. Если же мы присоединимъ къ этому сдѣланное выше замѣчаніе, что статьи практическаго содержанія по разнымъ отраслямъ вѣдѣнія составляютъ теперь существенную принадлежность каждаго періодическаго изданія и что сверхъ того имъ посвящены многіе спеціальные Журналы, то должны будемъ прямо и откровенно сознаться, что за тѣмъ едва ли было бы умѣстно съ нашей стороны настаивать на продолженіи «Архива» съ направленіемъ по преимуществу практическимъ, какимъ мы замышляли его въ то время, когда еще далеко не были выяснены различные вопросы, разработываемые нынѣ съ столь отраднымъ увлеченіемъ. Такимъ образомъ мы невольно приходимъ къ мысли оставить «Архивъ» лишь спеціальнымъ изданіемъ, посвященнымъ отечественнымъ древностямъ въ обширномъ значеніи этого слова, въ особенности же историко-юридическимъ,—къ мысли, выраженной намъ неоднократно многими учеными, которые жалѣли о прекращеніи его въ этомъ видѣ. Исполняя такое желаніе ихъ, спѣшимъ заявить, что мы намѣрены съ будущаго 1862 года издавать лишь продолженіе «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи», котораго программу оставляемъ поэтому, по-крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время, безъ измѣненія.

Изъ сказаннаго выше очевидно, что многія статьи, входящія въ настоящую книгу, были намъ доставлены еще до 1857 года; отсюда понятно, что нѣкоторыя изъ нихъ, хотя и относятся къ древнему быту Россіи, отчасти устарѣли, если можно такъ выразиться, ибо ученая разработка нашихъ древностей сдѣлала также несомнѣнные успѣхи въ послѣдніе три-четыре года. Такъ именно авторъ первой статьи: «Судьба мѣстничества», профессоръ *А. П. Зернинъ*, дозволилъ выпустить ее въ свѣтъ лишь съ оговоркою, что онъ не преминетъ дополнить ее и исправить по ея выходѣ. Конечно тоже самое относится и къ статьямъ *Д. О. Шепинга* «О наузахъ» и *А. Н. Аѳанасьева* «О загробной жизни по славянскимъ преданіямъ», которыя появляются въ свѣтъ уже послѣ изданія изслѣдованій Ѳ. И. Буслаева по части вѣрованій нашихъ предковъ, вышедшаго лишь въ концѣ 1860 года, между тѣмъ какъ онѣ были составлены гораздо прежде многихъ изъ статей, помѣщенныхъ въ означенномъ изданіи. Считаю долгомъ выставить на видъ это обстоятельство, изъ опасенія, чтобы кто нибудь не вздумалъ, по винѣ одной редакціи, упрекнуть въ какомъ-либо недостаткѣ уважаемыхъ писателей, поспѣшившихъ доставить мнѣ свои статьи, какъ скоро имъ сдѣлалось извѣстнымъ о томъ, что приступлено къ изданію третьей книги «Архива».

Что касается до прочихъ статей, то я не могу не указать здѣсь особенно на чрезвычайно важный матеріалъ, сообщеніемъ котораго я обязанъ просвѣщенной любви къ отечественнымъ древностямъ *князя М. А. Оболенскаго*, именно на «Боярскую книгу 1556 года», представляющую драгоцѣнныя данныя для исторіи служилаго класса. Далѣе, считаю себя въ правѣ обратить вниманіе читателей на обработанные съ большимъ талантомъ матеріалы въ статьяхъ *И. Е. Забѣлина:* «О дѣтствѣ Петра Великаго» и *Д. Л. Мордовцева:* «Крестьяне въ юго-западной Руси XVI вѣка», и на критическую статью, написанную на 1-ю половину второй книги «Архива» *А. Е. Энгельманомъ*, такъ рано похищеннымъ смертью. Въ отдѣленіи же

критики я осмѣлился помѣстить и мою рецензію на сочиненіе г. Деппа: «О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича», которая хотя и была напечатана въ «Москвитянинѣ», но, кажется, осталась неизвѣстною даже объяснителямъ Русской Правды, между тѣмъ какъ въ ней они могутъ найти многія дополненія къ моимъ «Изслѣдованіямъ» объ этомъ памятникѣ.

Окончаніе Указателя, составленнаго *А. Н. Аѳанасьевымъ*, къ «Отечественнымъ Запискамъ П. П. Свиньина», безъ сомнѣнія будетъ принято съ участіемъ со стороны не одних нашихъ библіографовъ. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сообщить о моемъ намѣреніи и въ будущихъ книгахъ «Архива» продолжать изданіе Указателей къ статьямъ по части Русской исторіи, статистики и права, помѣщеннымъ въ различныхъ Журналахъ, которые еще не были разсмотрѣны въ этомъ отношеніи въ другихъ изданіяхъ, и что, по предложенію моему, уже составляется такой Указатель къ «Вѣстнику Европы» *П. А. Мулловымъ*.

Н. Калачовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ

ПАМЯТНИКОВЪ

по части

ИСТОРІИ, СТАТИСТИКИ И ПРАВА

ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

I.

СУДЬБА МѢСТНИЧЕСТВА

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

ПРИ ПЕРВЫХЪ ДВУХЪ ГОСУДАРЯХЪ

ДИНАСТІИ РОМАНОВЫХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

А. Зернина.

СУДЬБА МѢСТНИЧЕСТВА.

При современныхъ требованіяхъ науки и тѣхъ плодотворныхъ результатахъ, къ которымъ привело уже господствующее у насъ теперь направленіе разработки Русской исторіи, очень естественно, что вопросъ о мѣстничествѣ долженъ былъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ изученіи исторіи древней Россіи въ коренныхъ основахъ ея самобытнаго существованія. Какъ извѣстно, сознаніе великой важности мѣстничества въ историческомъ ходѣ развитія Россіи обнаружилось у насъ одновременно съ убѣжденіемъ, что обработка Русской исторіи нуждается въ новыхъ пріемахъ и должна быть утверждена на иныхъ началахъ, нежели какія господствовали въ ней столь долгое время. Едва только въ 1838 году появилось въ печати 15 дѣлъ, впервые ознакомившихъ насъ съ ходомъ и характеромъ споровъ за мѣста, какъ Погодинъ, высказавшій въ томъ же году первый научный взглядъ на мѣстничество, сочиненіе свое объ немъ начинаетъ упрекомъ, что «всѣ изслѣдователи Русской исторіи, начиная съ Байера, въ продолженіи болѣе ста лѣтъ, занимались преимущественно происхожденіемъ Варяговъ-Руси, написали объ нихъ цѣлую библіотеку, а до прочихъ предметовъ почти не касались; другіе принимали на себя трудъ писать полную Русскую исторію, и потому не могли изслѣдовать въ равной степени всѣхъ ея событій, всѣхъ учрежденій отечественныхъ». Воздавъ за симъ должную похвалу Карамзину, онъ продолжаетъ: «Карамзинъ передалъ намъ превосходно наши лѣтописи, сообразивъ и очистивъ всѣ ихъ извѣстія, представилъ Русскую исторію анатомически... но мы, его потомки, должны уже идти далѣе, раскрывать ея физіологію: онъ описалъ намъ кости, мышцы, нервы Русской исторіи,—теперь наступила пора, идя по его слѣдамъ, съ его помощію, разбирать ихъ значеніе, связь, взаимное вліяніе, объяснять всѣ явленія жизненнаго организ-

а» ... Далѣе, чувствуя нелегкость такой работы, Погодинъ говоритъ о необходимости раздѣленія труда. — Важно здѣсь для насъ то, что такое сознаніе высказано однимъ изъ ревностныхъ послѣдователей прежняго направленія обработки Русской исторіи.—Задачу о мѣстничествѣ Погодинъ назвалъ одною изъ мудреныхъ въ нашей исторіи. Мѣстничество, по его мнѣнію, есть *учрежденіе*, вполнѣ заслуживающее вниманіе: въ немъ выразился характеръ Русскій подъ печатію Востока. Назвавъ мѣстничество Московскимъ продолженіемъ Удѣльной системы, онъ сдѣлалъ этимъ первую попытку связать его съ прочими явленіями Русской жизни.

Дальнѣйшее разъясненіе вопроса о мѣстничествѣ послѣдовало не вдругъ за этимъ первымъ опытомъ. Затрудненія представлялись какъ по самому недостатку матеріяловъ, такъ и потому, что при господствовавшемъ у насъ тогда направленіи обработки Русской исторіи не легко было оторваться отъ методъ и началъ, на которыхъ опиралась эта обработка, и которыя имѣли за себя прошедшее. Въ 1842 году къ прежнему числу дѣлъ по мѣстничеству прибавилось еще 14 новыхъ, относящихся ко времени отъ 1501 до 1691 года. Вслѣдствіе этого представилась возможность если не вполнѣ объяснить историческій ходъ мѣстничества, то, по крайней мѣрѣ, раскрыть основныя его начала и опредѣлить значеніе его въ жизни древней Россіи. Такая задача въ 1845 году разрѣшена была Волуевымъ; введеніе его къ Разрядной книгѣ, помѣщенной въ Симбирскомъ сборникѣ, не только правильно поставило вопросъ о мѣстничествѣ въ ряду существеннѣйшихъ въ нашей исторіи, но вѣрно обозначило направленіе и для дальнѣйшей его обработки. Воззрѣніе Волуева на мѣстничество въ частности и на древнюю Русскую исторію вообще тѣмъ болѣе поражаетъ своею свѣжестію, что высказано было въ то время, когда приверженцы двухъ противуположныхъ толковъ о происхожденіи Варяговъ–Руси, снова поднявъ этотъ вопросъ, казалось, готовы были утвердить его преобладаніе въ нашей исторической литературѣ на нескончаемыя времена. — Трудъ Волуева заключенъ былъ въ 1847 году Соловьевымъ, окончательно установившимъ вопросъ, что мѣстничество, имѣющее свои корни въ столкновеніи дружиннаго начала съ родовымъ, должно быть изучаемо не иначе, какъ въ связи со всею нашею древнею исторіею.—Съ 1847 года новое направленіе въ обработкѣ Русской исторіи съ каждымъ годомъ дѣлало быстрые успѣхи. Всякое сочиненіе, правильно задуманное, задачею котораго было разъясненіе той или другой стороны внутренней исторіи древней

Россіи, увеличивало число выводовъ, добытыхъ уже наукою, какимъ-нибудь новымъ, имѣющимъ болѣе или менѣе существенное значеніе. Число историческихъ матеріяловъ также быстро возрастало. Не оставалась назади и задача о мѣстничествѣ, по крайней мѣрѣ въ последнемъ отношеніи. Рѣшительный же шагъ впередъ должно было сдѣлать разъяс неніе его по обнародованіи Разрядныхъ книгъ, изданіе которыхъ началось съ 1850 года подъ названіемъ *Дворцовыхъ разрядовъ.* Въ настоящее время, благодаря этому изданію, мы имѣемъ полную возможность прослѣдить ходъ споровъ за мѣста въ періодъ, по нашему мнѣнію, самый важный въ исторіи мѣстничества, то-есть отъ 1613 года до кончины царя Алексѣя Михайловича.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что исторія Россіи въ XVII столѣтіи, представляя намъ развитіе Русской жизни какъ государственной, такъ и общественной, какого только она способна была достигнуть, сохраняя неприкосновенными свои коренныя начала, ведетъ къ правильному уразумѣнію и предшествовавшаго времени, не смотря на то, что многія явленія въ XVII столѣтіи утратили уже въ Русской жизни свой дѣйствительный смыслъ, оставшись только при номинальномъ значеніи. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о мѣстничествѣ: изучая ходъ его при царяхъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, мы облегчаемъ себѣ задачу о значеніи его вообще въ Русской жизни. Принявъ въ себя новые элементы и подчинившись естественному ходу событій, оно тѣмъ не менѣе оставалось вѣрнымъ своимъ кореннымъ началамъ до послѣдней минуты своего юридическаго существованія; въ этомъ мы убѣждаемся чрезъ разсмотрѣніе всѣхъ споровъ въ два упомянутыя царствованія, о которыхъ только сохранились извѣстія въ дошедшихъ до насъ разрядахъ. Изложимъ предварительно выводы, уже добытые наукою касательно мѣстничества, что̀, по нашему мнѣнію, необходимо какъ для полноты взгляда на историческое значеніе его вообще, такъ и для болѣе яснаго уразумѣнія явленій, въ которыхъ оно обнаруживалось въ періодъ времени отъ 1613 до 1675 года.

Начнемъ съ замѣчаній Погодина. Хотя онъ и назвалъ мѣстничество Московскимъ продолженіемъ Удѣльной системы, все же нельзя сказать, чтобы онъ имѣлъ въ виду ограничить значеніе его тѣсной сферой родословныхъ людей, ставшихъ въ служебныя отношенія къ государямъ Московскимъ. Сказавъ, что мѣстничество *распространено по всему народу и выражается во многихъ обычаяхъ средняго состоянія, купечества и крестьянства,* Погодинъ далъ ему широкое

всеобъемлющее значенiе въ Русской жизни. Это еще опредѣлительнѣе высказано въ заключенiи: «я желалъ всего болѣе—говоритъ онъ—утвердить, что это *учрежденiе* (мѣстничество) не есть случай, экспромтъ, что оно никогда не сочинялось, не выдумывалось и не уничтожалось *), а что оно течетъ въ крови Русскаго народа, естественное произведенiе его первоначальной исторiи, которое, по порядку времени, проходитъ разныя степени, развивается и усовершенствуется; однимъ словомъ живетъ, какъ всѣ подобныя историческiя учрежденiя въ Россiи, въ Европѣ, во всемъ свѣтѣ, — слѣдовательно отнюдь не должно быть осуждаемо ни на какой степени своего необходимаго развитiя.» Главная мысль, вытекающая изъ воззрѣнiя Погодина та, что онъ не только не предполагалъ въ мѣстничествѣ способности сдерживать успѣхи развитiя государственной и общественной жизни древней Россiи, но еще и въ немъ самомъ допускалъ возможность видоизмѣняться сообразно съ требованiями вѣка.

Въ иномъ свѣтѣ представляется намъ мѣстничество въ сочиненiи Волуева. Прослѣдивъ весь общiй ходъ родовыхъ отношенiй, онъ представляетъ въ слѣдующемъ видѣ выведенныя имъ главныя положенiя: «1) Мѣстничество, по своему понятiю, обрекало общество на китайскую неподвижность и потому самому дѣлало необходимымъ въ жизни постоянныя отклоненiя отъ его нормы; 2) Такими отклоненiями и были: *повышенiе* и *потеря* однихъ родовъ передъ другими, въ понятiи всегда необходимо условленныя другъ другомъ, — и внутри самихъ родовъ *потеря* и *повышенiе* однихъ родичей передъ другими, всегда условленныя другъ другомъ, не только въ понятiи, но и на самомъ фактѣ. 3) Какъ первое, такъ и второе были одинаково незаконны въ понятiи мѣстничества; но всякая потеря являлась, сверхъ того, незаконною передъ судомъ частныхъ родовыхъ понятiй, тогда какъ всякое повышенiе было право передъ нимъ, и являлось незаконнымъ только въ общемъ отвлеченномъ понятiи мѣстничества. 4) Правильное движенiе мѣстничества являлось въ законномъ переходѣ отношенiй съ однихъ лицъ на другiя, уравновѣшиваемомъ судебными разбирательствами, которыя приводили въ ясность неопредѣленности въ отношенiяхъ, неизбѣжныя даже при правильномъ переходѣ и разложенiи всѣхъ отношенiй, не говоря уже объ уклоненiяхъ отъ ихъ

*) Здѣсь бросается въ глаза непонятное сочетанiе мыслей—мѣстничество есть учрежденiе, но оно никогда не сочинялось, не выдумывалось, не уничтожалось!

правильнаго хода. 5) При переходѣ этихъ отношеній, ихъ разбирательствѣ и опредѣленіи, необходимо являются вопросы о правѣ счета однихъ лицъ другими, то есть въ какихъ случаяхъ мѣстническія права могли юридически переходить съ однихъ лицъ на другія?—Опредѣляющимъ это право юридическаго перехода отношеній являлось бытіе въ разрядахъ тѣхъ, которые считались между собою и тѣхъ, коими считались они. 6) Вопросъ о счетѣ однихъ другими разрѣшается тѣмъ, что когда были въ разрядахъ тѣ, которые вели счетъ, и тѣ, которыми они считались, то могли считаться только меньшіе своими большими или равными. Если же вела счетъ отсутствовавшая въ разрядахъ или опальная вѣтвь рода, то она имѣла право считаться передъ другими родами какъ меньшими, такъ и большими родичами, бывшими въ разрядахъ, ибо въ такомъ случаѣ какъ тѣ, такъ и другіе являлись лишь представителями ея въ обществѣ. 7) Точкой отправленія для всѣхъ измѣненій въ разрядахъ была *потеря* однихъ передъ другими; но могла она происходить не иначе, какъ въ кругу самаго служебнаго распорядка,—внѣ его, при опалѣ или отсутствіи рода въ разрядахъ, родъ могъ только вообще *захудать*, но не потерять передъ другими опредѣленнымъ числомъ единицъ. 8) Преграды, которыя поставляло мѣстничество для личнаго достоинства и его законныхъ правъ на высшую дѣятельность въ государствѣ, и затрудненія, представляемыя имъ для самого Правительства въ выборѣ слугъ по достоинству, рано заставили Московскихъ князей и царей открыть широкій путь въ ряды мѣстничества *введеніемъ* новыхъ пришлыхъ родовъ. Мѣстничество послушно раздвигаетъ свои ряды передъ вымышленными или дѣйствительными титлами и честію каждаго пришлаго искателя приключеній, когда вмѣстѣ съ тѣмъ упорно противится всякому возвышенію туземца въ мѣру его заслугѣ и достоинству, если и не въ мѣру отечеству». — Дополнимъ эти общія положенія еще слѣдующими соображеніями Волуева; подъ конецъ своего введенія онъ говоритъ:

«Пока были еще удѣлы и вольный переходъ изъ однихъ въ другіе, всѣ отношенія того тѣснаго кружка приближенныхъ и служилыхъ людей, которые составляли дворъ и дружину князя, выходили изъ чисто родоваго или семейнаго, еще ничѣмъ нестѣсненнаго начала. Отношенія же между родами, и особливо пришлыми, опредѣлялись тѣмъ старшинствомъ, которое окончательно утверждалось за тѣмъ или другимъ непосредственностію самихъ отношеній и общимъ признаніемъ всѣхъ. Всякій же, кто считалъ права чести нарушенными, отходилъ

къ другому князю, какъ это сдѣлалъ въ 1333 году бояринъ Акинѳъ Гавриловичь, отъѣхавшій въ Тверь, когда Калита далъ надъ всѣми большинство пріѣхавшему изъ Кіева вельможѣ Родіону.—Такъ точно не могла служба княжеская видоизмѣнять родовыя отношенія однородцевъ и не могло быть потерь между ними; ибо всякій однородецъ былъ также воленъ всегда отъѣхать въ другой удѣлъ.»

«Въ единодержавную Москву естественно и самъ собою перешолъ тотъ же *вольный* обычный распорядокъ старшинства, распредѣлявшій отъ мала до велика всѣ отношенія слугъ княжескихъ и всѣхъ исполнителей общественной обязанности; но перенесенный изъ того вольнаго простора, который ему представляла удѣльная Россія, въ тѣсную рамку государства и прикованный къ Москвѣ, онъ необходимо образовался въ распорядокъ мѣстничества, — какимъ мы знаемъ его въ XVI вѣкѣ, съ его судебными разбирательствами, потерями и повышеніями однихъ передъ другими, борьбою чести родовой и служебнойи противодѣйствіемъ ему Правительства. Но коренныя основы того же вольнаго распорядка остались за мѣстничествомъ, а числовая опредѣленность всѣхъ отношеній и счетовъ сдѣлалась вѣроятно еще строже. Всякій родъ или членъ его имѣлъ значеніе въ общемъ распорядкѣ не иначе, какъ соотвѣтственное звено цѣлаго и живой мускулъ, отвѣчающій и повинующійся на каждое малѣйшее движеніе всего организма; но вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ служебнаго распорядка къ одному общественному кругу, неизбѣжна была кристаллизація и отверденіе этихъ звеньевъ и мускуловъ, когда живые соки, наполнявшіе организмъ, начали оставлять его. Такъ первоначально не могло быть въ мѣстничествѣ и понятія о старшинствѣ родовъ между собою, о старшихъ или о младшихъ вѣтвяхъ рода, ибо эти понятія могли быть чисто фактическія, снятыя съ случайности явленій, но не покрывающія ихъ въ общемъ»........ Подтвердивъ свои выводы фактами, Волуевъ продолжаетъ: «но мѣстническій распорядокъ, лишенный того свободнаго движенія, которое давала ему удѣльная Россія, необходимо долженъ былъ своимъ естественнымъ ходомъ выдѣлить изъ себя счетъ старшинствомъ родовъ и вѣтвей рода, какъ отдѣльными сомкнутыми единицами. Такъ, если разъ приходилось, что одному цѣлому роду недоставало въ случаяхъ до цѣлаго другаго рода, то продолжительное повтореніе такого недоставанья должно было неизбѣжно привести къ понятію прямаго старшинства одного рода передъ другимъ.... И наконецъ самый мѣстническій распорядокъ, разъ установившись и передвигая въ своемъ круговращеніи одни и тѣ же родо-

выя звенья (при сравнительной немногочисленности новыхъ вступающихъ звеньевъ), необходимо долженъ былъ выработать отношенія своихъ членовъ до большей опредѣленности и окончательно привести къ извѣстнымъ разрядамъ между ними и къ тому раздѣленію родовъ, которое мы находимъ у Котошихина на роды боярскіе, окольническіе, и проч.»—Сказавъ, что подобная классификація, идущая въ разрѣзъ всему закону органическихъ соотвѣтствій мѣстничества, становится замѣтною весьма рано и приведя въ подтвержденіе этой мысли грамоту 1519 года, въ которой приказывалось учинить Бутурлина *осподиномъ* Воронцову, Волуевъ заключаетъ, что родовыя отношенія между одними родами опредѣлялись братскимъ равенствомъ, а между другими какъ *господій* однихъ передъ другими *).

Совершенно справедливо Волуевъ говоритъ, что въ XVII столѣтіи мѣстническій распорядокъ распадается на свои составныя части, то-есть роды, но уже придавъ имъ новое служебно-родовое начало, или начало придворной аристократіи и своимъ естественнымъ ходомъ вноситъ въ себя аристократическое начало разрядовъ чести и правъ, самостоятельно принадлежащихъ извѣстнымъ родамъ и лицамъ по ихъ рожденію. Наконецъ, онъ приходитъ къ вѣрному заключенію, что мѣстничество не могло быть Московскимъ продолженіемъ Удѣльной системы, хотя такое предположеніе имѣетъ за себя на первый взглядъ много правдоподобнаго. Онъ говоритъ: «очевидно, что еслибы удѣльные князья принесли въ единодержавную Москву мѣстническій распорядокъ и они создали служебное мѣстничество, то внесли бы въ него и понятіе о своемъ первенствѣ. Совершенное же отсутствіе такихъ понятій показываетъ намъ, что система удѣльныхъ княженій была только явленіемъ, подчиненнымъ другому порядку вещей и понятій, правившему всею жизнію и обществомъ древней до-Московской Россіи, который параллельно съ системой удѣловъ приготовлялъ

*) Считаю необходимымъ замѣтить здѣсь, что въ мѣстничествѣ назвать одного челобитчика передъ другимъ господиномъ, слугою, значило дать самое сильное опредѣленіе степени недосягаемаго большинства одного передъ другимъ. Много подобныхъ опредѣленій встрѣчается въ терминологіи мѣстничества XVII столѣтія. Такъ, напр., когда бояре разбирали дѣло Исака Погожего и Θедора Смердова Плещеева и присудили, что не только Исаку Погожему, но и старшему его брату Димитрію можно быть меньше Θедора Плещеева, то бояринъ князь Борисъ Михайловичь Лыковъ, вставъ изъ-за стола, сказалъ: «*а до Димитрія не только намъ дѣло, но и большимъ родителямъ нашимъ*». Очевидно эта фраза сказана для нагляднѣйшаго представленія того, что Погожему никакъ не достало до Θедора Плещеева.

и ростилъ въ ней мѣстничество, *на первый взглядъ* лишь замѣнившее Удѣльную систему и ея прямое произведеніе. То же совершенное отсутствіе такихъ понятій показываетъ намъ, что власть княжеская никогда не доходила въ удѣльной Россіи до личнаго значенія, отъ котораго наоборотъ отправлялось все общество западное. Князь являлся лишь однимъ изъ необходимыхъ органовъ общественнаго порядка, блюстителемъ закона и Божіей правды на землѣ. А потому такъ легко и уступила удѣльная Россія одному высшему блюстителю этой правды и представителю всей земли Русской, какимъ явился Московскій князь для всего Русскаго народа, уже понявшаго невозможность своего разумнаго существованія въ удѣльной и междоусобной Россіи. И потому самому каждый удѣльный князь, какъ скоро утрачивалъ свое княжество и тотъ верховный санъ, въ который онъ былъ облеченъ понятіями народными, прямо переходилъ въ ряды народные и наравнѣ со всѣмъ народомъ служилъ новому государю. Удѣльный князь не вынесъ отъ своего княжества ни малѣйшаго оттѣнка личнаго отношенія,—и потому въ древней Россіи не только не дорожили княжествомъ, но даже едвали имѣли понятіе о его какомъ-либо высшемъ почетномъ значеніи въ обществѣ. Бóльшая часть княжескихъ родовъ добровольно теряетъ и забываетъ свое княжество, а другіе княжескіе роды, не продолжая службы государевой, *замолодавъ* и *захудавъ*, переходили въ народъ или такъ называемыя низшія сословія. Такъ и доселѣ еще есть на Руси князья чистой крови Св. Владиміра въ однодворцахъ и сами пашущіе свою землю.»

Признаки, которыми мѣстничество отличалось отъ всѣхъ аристократій древняго и новаго міра, по мнѣнію Волуева, были: «что ни одно лицо и ни одинъ родъ не имѣлъ никакого значенія и никакого права самъ по себѣ, какъ отдѣльная самостоятельная личность, а потому и не имѣлъ никакихъ положительныхъ, ему лично принадлежащихъ правъ, но только извѣстное кандидатство на совокупность правъ и обязанностей, принадлежащихъ всѣмъ служилымъ людямъ общества, ктобы они ни были, и которыя, по извѣстному закону соотношеній, разлагались въ извѣстную мѣру между всѣми и каждымъ. Но съ разложеніемъ мѣстническаго организма на статьи и разряды и съ замыканіемъ родовъ въ отдѣльныя цѣлыя, мѣстничество не только получаетъ характеръ аристократіи, но даже теряетъ то свойство общаго равенства всѣхъ членовъ сословія, которое составляетъ отличительное качество нѣкоторыхъ изъ нихъ, сложившихся не изъ отдѣльныхъ личностей. Другой еще существеннѣйшій признакъ мѣстничества,

выходящій изъ того же начала и еще полнѣе отдѣляющій его отъ понятія всякой аристократіи, заключается въ томъ, что всякая аристократія нераздѣльна съ понятіемъ извѣстнаго привиллегированнаго сословія, пользующагося извѣстною совокупностію правъ надъ другими низшими сословіями, или такъ называемымъ народомъ. Въ мѣстничествѣ же мы видимъ, что является принадлежащимъ къ нему всякій, служащій обществу въ отправленіи его внѣшней дѣятельности, всякій, выступающій изъ общей массы народа, какъ слуга или человѣкъ царскій—одинъ изъ органовъ общественной дѣятельности, коей царь глава и государь...... Всякая аристократія отправляется отъ понятія тѣхъ правъ, которыя могутъ одни люди имѣть или пріобрѣсти въ обществѣ надъ другими людьми; мѣстничество же отъ понятія обязанности, которую человѣкъ долженъ нести передъ обществомъ.»

Заключимъ наши извлеченія еще слѣдующимъ интереснымъ мѣстомъ: «въ XVII вѣкѣ—говоритъ Волуевъ—Россія, испуганная междуцарствіемъ, которое представило такое хаотическое состояніе общества, потому что человѣкъ не былъ связанъ въ немъ никакою условностію, начинаетъ съ прикрѣпленія каждаго лица къ тому мѣсту, которое онъ случайно занималъ въ обществѣ или на почвѣ государства. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ совпало съ фактомъ владѣнія землями служилымъ сословіемъ за его службу и передало мѣстническому распорядку понятія о правѣ и дѣйствительныя права надъ другими, дотолѣ незнакомыя ему, и тѣмъ лишило его послѣднихъ признаковъ, отдѣляющихъ его отъ аристократіи. Такимъ образомъ элементы Русской жизни XVII столѣтія готовили ей, подъ вліяніемъ Польскаго сосѣдства, туже Польскую аристократію со всѣми ея гибельными и страшными послѣдствіями для государства; но благая воля царя Θеодора и патріарха и здравый смыслъ Русскаго народа, призванный на совѣтъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества, предупредили зло, а Петръ Великій сдѣлалъ его невозможнымъ.»

Соловьевъ, представивъ въ общихъ чертахъ, согласно съ Волуевымъ, ходъ мѣстничества до Смутнаго времени и изложивъ основныя его начала, говоритъ: «при новой династіи Романовыхъ мѣстничество обнаруживаетъ явные признаки вымиранія. Такъ, мы встрѣчаемъ теперь примѣры, что соперники ссылаются на царскіе уставы и приговоры, противорѣчившіе мѣстническимъ понятіямъ и обычаю, тогда какъ прежде мы находимъ ссылки на эти уставы и приговоры въ однихъ отвѣтахъ царя или Разряда: знакъ, что мѣстничество стало уже терять всю свою крѣпость обычая. Правительство слѣдуетъ бла-

горазумной мѣрѣ Грознаго: почти всѣ походы были уже безъ мѣстъ, что и привело постепенно и естественно къ мысли объ уничтоженіи мѣстничества, совершенномъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ; здѣсь вѣчное: «быть безъ мѣстъ» замѣнило только повтореніе этого выраженія при каждомъ походѣ.»

Вглядываясь внимательно въ приведенныя извлеченія, не трудно усмотрѣть, что выводы Волуева, по самой своей новости, должны были возбудить участіе въ читателѣ. Авторъ, при тѣхъ далеко еще неполныхъ средствахъ, какія могла доставить ему наука Русской исторіи въ сороковыхъ годахъ, уже вполнѣ и отчетисто созналъ всѣ особенности и всю самобытность развитія исторической жизни древней Россіи. Но нѣкоторыя его заключенія носятъ на себѣ видимый слѣдъ увлеченія избраннымъ предметомъ, какъ не старался онъ оградить себя отъ подобнаго недостатка. Такъ, напримѣръ, Волуевъ поспѣшно заключилъ, что Московскіе князья и цари, стѣсняясь въ выборѣ слугъ по достоинству, рано сознали необходимость открыть широкій путь въ ряды мѣстничества введеніемъ пришлыхъ родовъ, и что мѣстничество послушно раздвигало передъ пришельцами свои ряды.... Такое положеніе осталось и всегда будетъ недоказаннымъ по той причинѣ, что въ подтвержденіе его нѣтъ доказательствъ, ибо случая съ княземъ Сулешевымъ, Крымскимъ выходцемъ, на которомъ думалъ утвердиться Волуевъ, недостаточно, какъ относящагося къ позднѣйшему времени въ исторіи мѣстничества*). — Не можетъ быть принято за общую характерическую черту древняго Русскаго быта сказанное въ заключеніи объ удѣльныхъ князьяхъ и ихъ отношеніяхъ къ князьямъ Московскимъ. Если мы и дѣйствительно видимъ, что быть потомкомъ какой-нибудь древней княжеской отрасли ничего не значило по Московскимъ понятіямъ въ XVII столѣтіи, когда эта древность происхожденія не подкрѣплялась разрядными случаями, все же такая черта въ мѣстничествѣ была возможною не иначе какъ подъ условіемъ, чтобы память о древности родовъ поизгладилась, а самые представители ихъ *захудали* и порастеряли свою родовую честь, а для этого нужно было довольно значительное время. Кромѣ того, если допустить, «что всякій удѣльный князь, утративъ свое княжество и свой

*) Разряды положительно свидѣтельствуютъ, что царь Михаилъ Ѳеодоровичь, наскучивъ безконечными челобитьями, открылъ широкій путь въ служебный распорядокъ не иноземнымъ выходцамъ, а людямъ неродословнымъ; объ этомъ будетъ сказано ниже.

верховный санъ, въ который онъ былъ облеченъ понятіями народными, переходилъ въ ряды на родные и наряду со всѣмъ народомъ служилъ новому государю, и что въ древней Россіи не только не дорожили княжествомъ, но даже едвали имѣли понятіе о какомъ-нибудь его высшемъ значеніи въ обществѣ», то подобное положеніе должно повести прямо къ заключенію, что Московскіе князья были какими-то особенными, выходящими изъ общей среды всѣхъ прочихъ удѣльныхъ князей, первенствующими надъ послѣдними съ самаго начала существованія Московскаго княжества, и что это ихъ первенство было безусловно признаваемо всѣми. Но исторія постепеннаго возвышенія Москвы раскрываетъ передъ нами совершенно противное.

Перейдемъ теперь къ изложенію общей характеристики мѣстничества при царяхъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ. Мы назвали этотъ періодъ важнѣйшимъ въ исторіи мѣстничества на томъ основаніи, что прежде оно, вращаясь въ кругу людей родословныхъ, являлось передъ историкомъ далеко не во всей полнотѣ своего значенія, какое имѣло въ Русской жизни. При Романовыхъ напротивъ того многочисленные споры за мѣста неродословныхъ людей между собою и съ родословными ясно показываютъ, что мѣстничество не было принадлежностію только послѣднихъ, но лежало въ основѣ всей Русской жизни. Мало того: есть примѣры, что цѣлые отряды били челомъ, какъ скоро воеводою назначался человѣкъ, не имѣющій какихъ-нибудь особыхъ отличій по старшинству. Такъ 5 іюня 1633 года послалъ царь въ Стародубъ къ стольнику и воеводѣ Ѳ. М. Бутурлину товарищемъ Григ. Андр. Алябьева, съ которымъ указано быть дворянамъ Московскимъ, жильцамъ и дворовымъ людямъ. — Дворяне и жильцы били челомъ на Алябьева, что имъ у него въ полку нельзя быть, потому что *послѣдній дворянинъ и жилецъ ему въ версту*. Царь указалъ Алябьеву быть съ одними дворовыми людьми: подключниками, сытниками, конюхами, кречетниками, сокольниками, охотниками и *дѣтьми боярскими царицына чину*.—Что именно такое широкое значеніе мѣстничество получило при Романовыхъ и что прежде сфера его была ограниченнѣе, это весьма понятно. Со вступленія на престолъ Михаила Ѳедоровича началась новая жизнь для Россіи. Недостаточность прежнихъ условій была ясна сознана всѣми. Оказались несостоятельными и прежнія начала, на которыхъ опирались всѣ служебныя назначенія. Правительство необходимо должно было открыть путь въ служебный распорядокъ людямъ неродословнымъ; послѣдніе,

будучи допущены къ воеводскимъ и другимъ высшимъ мѣстамъ, не могли не увлечься мѣстничествомъ какъ по самой природѣ Русскаго человѣка, такъ и по свойствамъ службы въ Московскомъ государствѣ, ибо, какъ извѣстно, въ старину всѣ служебныя назначенія были временныя; по окончаніи службы, воеводы, снова вступая въ ряды многочисленнаго класса служилыхъ людей, не выносили никакихъ индивидуальныхъ отличій, кромѣ вещественныхъ наградъ въ случаѣ если порученіе Правительства было исполнено успѣшно; потому что, по коренному Русскому обычаю — *«государь жаловалъ за службу помѣстьями и деньгами, а не отечествомъ»* *). Слѣдовательно кто не выдавался изъ общей массы по своему отечеству, для того единственная возможность возвыситься и пріобрѣсть старшинство заключалась въ службѣ, тѣмъ болѣе, что разрядные случаи съ каждымъ годомъ пріобрѣтали все большее и большее значеніе передъ самыми родовыми отличіями. Что же представляетъ мѣстничество при царяхъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ?

Казалось при тѣхъ высокихъ побужденіяхъ, которыми одушевлены были всѣ, принимавшіе участіе въ великомъ дѣлѣ возстановленія внутренняго порядка и единства въ государствѣ, хранителемъ которыхъ былъ *излюбленный* всею землею царь Михаилъ Ѳедоровичь, и самая родовая честь служилыхъ людей должна была хоть на время оставить свою требовательность. Совершенно противное раскрываютъ передъ нами разрядныя книги: изъ нихъ мы видимъ, что мѣстничество, по прежнему, оставалось вѣрнымъ своему своекорыстному расчету. Служилые люди особенно высшихъ статей, по прежнему, имѣли въ виду главнѣйшимъ образомъ *вмѣстность* или *невмѣстность*, мало заботясь о томъ, чего требовала общественная польза. Особенно много было челобитій изъ за-мѣстъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича до 1619 года. Не останавливаясь здѣсь на томъ, что рѣдкое назначеніе по службѣ не влекло за собою споровъ за мѣста, укажемъ на случаи, которые безусловно достойны строжайшаго порицанія во всякое время и при всякихъ условіяхъ жизни и которые во всей наготѣ разоблачаютъ передъ нами нравственную порчу служилыхъ людей. Такъ, въ 1615 г., князь Михаилъ Петровичь Борятинскій стоялъ съ отрядомъ въ Волокѣ въ то время, какъ Лисовскій изъ Ржева по-

---

*) Тоже самое говоритъ и Котошихинъ: «а вновь Московскій царь изъ бояръ и изъ ближнихъ и изъ иныхъ чиновъ людей, княземъ учинити не можетъ никого, кромѣ боярствъ и иныхъ чиновъ, потому что не обычай тому есть и не повелось.» См. стр. 21.

шелъ къ Ярославлю. Свѣдавъ объ этомъ, царь, чтобы предупредить его, указалъ послать въ Ярославль князя Василія Ивановича Туренина и Тимоѳея Васильевича Измайлова. Вмѣстѣ съ этимъ дано было знать Борятинскому, чтобы и онъ шелъ за Лисовскимъ наспѣхъ и соединился бы съ Турeнинымъ, по прибытіи въ Ярославль; въ грамотахъ велѣно писаться одному князю Василію *съ товарищи*. Когда Лисовскій вторгнулся въ Ярославскія и Костромскія мѣста, тогда царскіе воеводы двинулись на него, но дѣйствовали мѣшкотно, такъ что Лисовскій безпрепятственно пошелъ на Муромъ, а потомъ на Рязань. По этимъ вѣстямъ царь указалъ послать еще двухъ воеводъ, князя Ѳедора Сем. Куракина и Ивана Александровича Колтовскаго. Подтвердили и Туренину съ товарищами, чтобы и они послужили государю, шли за Лисовскимъ наспѣхъ. Борятинскому царь велѣлъ объявить, что онъ, «не служа ему государю шелъ за Лисовскимъ неспѣшно и не настигъ его, дорогою же воровалъ, уѣзды запустошилъ, села и деревни многія разграбилъ», вслѣдствіе чего царь угрожалъ ему великою опалою, если онъ не покажетъ службы своей. Князь Борятинскій дѣйствовалъ по прежнему мѣшкотно, а Лисовскій выжегъ Муромскіе посады, повоевалъ уѣздъ и, простоявъ пять дней подъ Муромомъ, безпрепятственно пошелъ къ Касимову. Узнавъ объ этомъ, царь немедленно послалъ въ полки къ Туренину Ивана Романов. Безобразова; послѣднему наказано было, въ случаѣ, если застанетъ Борятинскаго въ полкахъ, объявить ему передъ всѣми, что «онъ, князь Михайло, воръ, жонка, а не слуга, сдѣлалъ измѣною, шелъ мѣшкотно и далъ возможность Лисовскому повоевать и пожечь многіе города». Потомъ Безобразовъ долженъ былъ передъ всѣми бить Борятинскаго по щекамъ, подвести подъ висѣлицу и, наконецъ, отправить въ ближайшій городъ въ тюрму *). Приведемъ еще слѣдующихъ два случая. Въ 1616 году, между прочимъ, пошли на таборы Гонсевскаго Мих. Бутурлинъ и Исакъ Погожей; но Литовцы ихъ побили и взяли въ плѣнъ голову стрѣлецкаго Андрея Жукова. Не взирая на такой исходъ дѣла, Бутурлинъ изъ-подъ Смоленска извѣстилъ царя, что онъ побилъ Гонсевскаго и взялъ 54 человѣка. Царь наградилъ его за такой радостный сеунчъ. Спустя нѣсколько времени прислалъ въ Москву съ сеунчемъ и Исакъ Погожей; онъ жаловался на Бутурлина, что тотъ его не пишетъ съ собою, хотя государь велѣлъ имъ быть обоимъ у одного дѣла. Далѣе Погожей доносилъ, что Бу-

*) Въ 1618 году князь Мих. Борятинскій опять встрѣчается на службѣ.

турлинъ самъ на бою не былъ и сотенъ не пускалъ, которые же дворяне, *собою урываяся, бились самовольствомъ*, то Бутурлинъ билъ ихъ и службы ихъ писать не велѣлъ; языковъ же взяли 24 человѣка, а не столько, сколько писано было царю *). Въ 1618 году, во время нашествія Владислава, въ Бѣжецкомъ верху былъ Максимъ Языковъ; тогда онъ доносилъ царю, что онъ не только побилъ Литовскихъ людей, пришедшихъ въ Бѣжецкій уѣздъ, но отсидѣлся и также побилъ ихъ, когда они приступили къ самому Бѣжецкому верху. Черезъ три года послѣ этого князь Иванъ Мордкинъ, Дав. Милюковъ, Алексѣй Ушаковъ подали царю челобитную на Языкова и жаловались, что онъ ихъ написалъ въ спискахъ сотенными головами, «тогда какъ они не бывали, да и не сошлось имъ быть у такого въ головахъ;» при этомъ они донесли, что въ 1618 г. Литовскіе люди не приходили въ Бѣжецкій уѣздъ, Языковъ ихъ не побивалъ, и приступу къ Бѣжецку не бывало **). Изъ двухъ послѣднихъ случаевъ ясно видно, что не примѣшайся въ нихъ мѣстническій расчетъ, и зло осталось бы нераскрытымъ.

Упорство, выказанное мѣстничествомъ, отсутствіе въ немъ всякаго сочувствія къ пользамъ государственнымъ, наконецъ прямое и открытое неповиновеніе разряднымъ распоряженіямъ, — все это вызывало Правительство на прямыя мѣры противъ него. Но юный и неопытный Михаилъ, окруженный преимущественно людьми, проникнутыми идеей о родовой чести, и самъ считалъ мѣстничество необходимымъ и неизбѣжнымъ явленіемъ въ государственной жизни. Кромѣ того онъ по своей добротѣ и кротости едва ли способенъ былъ къ какимъ-нибудь крутымъ мѣрамъ ***). Если же мы въ нѣкоторыхъ

---

*) Въ разрядахъ сказано, что по этому доносу — «бояре указу не учинили ничего.»

**) Доносъ Мордкина оправдался по слѣдствію; Языковъ былъ битъ батогами вмѣсто кнута; у него убавили денежный и хлѣбный оклады жалованья; за безчестье же Мордкина, Милюкова и Ушакова посадили въ тюрму.

***) Вотъ какъ изображенъ царь Михаилъ Ѳедоровичь въ памятникахъ XVII вѣка: «бѣ же Михаилъ добръ, образомъ красенъ и очима свѣтелъ и радостноокъ и возрастомъ изряденъ и нравомъ зѣло преудобенъ, милостивъ же и кротокъ и тихъ, и на человѣколюбіе излиха подвизаяся, зѣло же любя священный и иноческій чинъ, и сихъ яко слуги Божія почитая, о церквахъ же и о монастырехъ зѣло прилежа и сихъ обновляя: не на питія и на пустошныя игры внимая и о сихъ глумяся, но помышляя всѣми образы, ежебы како умертвенная скифетра оживити и обветшавшая поновити, понеже благочестивое оно царствіе толико насилуемо тогда отъ зловѣрныхъ, яко не на колѣну уже падеся, но на лицы бѣднѣ лежа.» Дополн. къ Акт. Ист. Т. II. № 76, стр. 199.

приговорахъ касательно обвиненныхъ по суду мѣстниковъ и видимъ строгость, то не трудно усмотрѣть, откуда она проистекала: челобитья по мѣстничеству при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, особенно въ первые годы его царствованія, почти исключительно разбирали бояре, старавшіеся всѣми способами устранить чьибы-то-ни было покушенія достигнуть старшинства съ помощію разрядныхъ случаевъ въ ущербъ родовой чести. Безпощадное осужденіе людей неродословныхъ и всевозможная уступка родословнымъ, сообразно съ степенію родовой знатности,—вотъ главныя черты, характеризующія приговоры бояръ касательно челобитій изъ за мѣстъ. Въ самомъ рѣшеніи споровъ господствовалъ совершенный произволъ; такъ, на пр., въ 1613 году Ѳедору Смердову Плещееву присудили старшинство надъ Исакомъ Погожимъ слѣдующимъ образомъ: Погожей былъ человѣхъ неродословный, а Плещеевъ представилъ лѣствицу, въ которой вывелъ себя отъ Ивана Данилова Плещеева; навели справку; оказалось, что Иванъ Плещеевъ показанъ въ царскомъ родословцѣ бездѣтнымъ. Поговоря между собою, бояре объявили объ этомъ Ѳедору Смердову, который могъ только сказать въ свое извиненіе, что описался дьячекъ. Бояре разрѣшили ему принести новую роспись. Слѣдовательно первая не должна была имѣть болѣе силы, однако ею воспользовались какъ доказательствомъ противъ Ѳедора Смердова Плещеева, когда онъ въ 1620 году заспорилъ о мѣстахъ съ княземъ Ѳедоромъ Иванов. Лыковымъ.—Когда счетъ начинался между родословными, то судьи прибѣгали иногда къ страннымъ уловкамъ, что ясно представляетъ слѣдующій случай: въ февралѣ 1614 года приказано было идти подъ Смоленскъ стольникамъ князю Дмитрію Мамстрюковичу Черкаскому и князю Ивану Ѳедоровичу Троекурову. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что на службу съ Черкаскимъ и Троекуровымъ не явились многіе изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ украинныхъ городовъ; царь указалъ послать въ Калугу сборщикомъ Михайла Пушкина; ему же велѣно было и отвести подъ Смоленскъ собранныхъ. Пушкинъ сталъ бить челомъ, что ему невмѣстно отводить дворянъ и дѣтей боярскихъ къ князю Троекурову; вслѣдствіе чего указано было ему отвести ихъ къ одному князю Черкаскому. Когда Пушкинъ такъ и поступилъ, то Троекуровъ прислалъ челобитную, въ которой выставилъ, что ему отъ того позору нельзя быть подъ Смоленскомъ у государева дѣла. Писалъ въ Москву и Черкаскій, что князь Иванъ *не сидитъ у государева дѣла*, потому что Пушкинъ привелъ дворянъ и дѣтей боярскихъ къ нему одному. Троекурову послали отъ царскаго имени грамоту, въ которой

сказапо было, что «*Михайлова челобитья на него князя Троекурова не бывало, а хотя бы и было его челобитье въ отечествѣ, и твое отечество намъ и боярамъ вѣдомо, Пушкинымъ съ тобою не сошлось*».—Далѣе говорится, что если Пушкину приказано было отвести дворянъ и дѣтей боярскихъ къ одному Черкаскому, то такъ распорядились по той причинѣ, что городамъ, въ которыхъ Пушкинъ былъ сборщикомъ, по первому наряду назначено быть съ княземъ Дмитріемъ. Здѣсь обнаруживается явное желаніе удовлетворить требованіямъ родовой чести обоихъ челобитчиковъ, ибо оба они были людьми родословными.

Правильное ограниченіе мѣстничества началось собственно по прибытіи въ Москву Филарета Никитича, или точнѣе со времени поставленія его въ патріархи. Съ этой поры всѣ приговоры давались отъ имени царя и патріарха. Челобитчикамъ, вздумавшимъ считаться старшинствомъ въ назначеніяхъ отъ царя сравнительно съ подобными отъ патріарха, дано было знать: «*каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государевъ.... ихъ государское величество нераздѣльно, тутъ мѣстъ нѣтъ*». Съ этой же поры чаще стало встрѣчаться наказаніе не за неправое мѣстничество, но за ослушаніе волѣ царской и нарушеніе правительственнаго распорядка. Изложимъ здѣсь послѣдовательно, на основаніи разрядовъ, дѣйствія Правительства относительно мѣстничества, начиная со времени принятія Филаретомъ Никитичемъ участія въ дѣлахъ государственныхъ.

Объявленіе *быть безъ мѣстъ*, очень часто повторявшееся при царяхъ Михаилѣ Θедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ и сказанное наконецъ однажды навсегда царемъ Θедоромъ Алексѣевичемъ, далеко не имѣло той дѣйствительной силы, какую обыкновенно ему приписываютъ,—особенно при первомъ изъ поименованныхъ государей. Мѣстничество понимало всѣ общественныя отношенія по своему и ослабить его можно было или руководствуясь положительными правилами въ самомъ служебномъ распорядкѣ, или же расширяя его кругъ введеніемъ новыхъ элементовъ; и то и другое началось при царѣ Михаилѣ Θедоровичѣ; первое съ 1620 года, при назначеніи воеводъ въ Украинный или береговой и Рязанскій разряды; сдѣлаемъ здѣсь предварительно нѣсколько замѣчаній касательно службы вообще въ этихъ разрядахъ.

Воеводы въ Украинный и Рязанскій разряды назначаемы были ежегодно по причинѣ часто повторявшихся набѣговъ Крымскихъ и Нагайскихъ Татаръ. — Служба здѣсь также была неразлучна съ пред-

ставленіемъ о старшинствѣ. Такъ воеводы Украиннаго разряда считались старше своихъ товарищей въ Рязанскомъ. Полки располагались также на основаніи старшинства одного города надъ другимъ: въ Украинномъ разрядѣ Тула была старшимъ городомъ, поэтому въ ней всегда собирался большой полкъ; въ Дѣдиловѣ передовой, въ Кропивнѣ—сторожевой, въ Мценскѣ прибылой. Въ Рязанскомъ разрядѣ: большой полкъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ; передовой въ Михайловѣ; сторожевой въ Пронскѣ. Въ каждый полкъ назначаемо было по два воеводы. Когда приходили *большія вѣсти*, то есть, если получалось извѣстіе объ особенной какой-нибудь опасности со стороны Татаръ, тогда, согласно съ предписаніемъ, Рязанскіе воеводы должны были идти въ сходъ къ Украинскимъ, какъ младшіе къ старшимъ. Въ отвращеніе челобитій, сопровождавшихъ всякій разъ распредѣленіе воеводъ въ упомянутые разряды, царь Михаилъ Ѳедоровичь, посовѣтовавшись съ патріархомъ и боярами, приговорилъ на первый разъ возвратиться къ прежнему уложенію какъ было при царяхъ Іоаннѣ Васильевичѣ и Ѳедорѣ Іоанновичѣ. Поэтому 9 апрѣля 1620 года думный разрядный дьякъ Томило Луговскій объявилъ: «которымъ бояромъ и воеводамъ и дворяномъ велитъ государь быть на своей государевѣ службѣ на три полка, и бояромъ быть на государевѣ службѣ по прежнему государскому уложенію, какъ было при дѣдѣ его, государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи и при дядѣ его, государѣ царѣ и великомъ князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи — болшаго полка другому воеводѣ до передоваго и сторожеваго до первыхъ воеводъ дѣла и счету нѣтъ, а передоваго и сторожеваго первымъ до болшаго полку другаго воеводы потомужъ дѣла нѣтъ. Также и передовому полку до сторожеваго, а сторожевому до передоваго межъ себя дѣла и счету нѣтъ.» — Черезъ четыре дня, то-есть 13 апрѣля, этотъ приговоръ былъ уже нарушенъ воеводами, назначенными въ Украинный и Рязанскій разряды, что̀ повторялось ежегодно при каждомъ новомъ назначеніи. Причину такого безсилія постановленія усмотрѣть не трудно: 1) она заключалась въ неточности самыхъ опредѣленій, далеко необнимавшихъ всѣхъ комбинацій, на какія только способно было мѣстничество въ Украинскомъ и Рязанскомъ разрядахъ; на примѣръ, ни слова не сказано объ отношеніяхъ воеводъ перваго къ воеводамъ послѣдняго; 2) въ послабленіи со стороны Правительства: вмѣсто того, чтобы безусловно отказывать всѣмъ челобитчикамъ, думные разрядные дьяки однимъ отказывали, другихъ подвергали взысканіямъ, а третьимъ давали удовлетвореніе, то есть, другими сло-

вами — сами нарушали общее постановленіе и, ограничивая мѣстничество, въ тоже время давали ему новую пищу. Такъ было до 1 апрѣля 1638 года; съ этого времени воеводы стали назначаться *по мѣстамъ*, а не по полкамъ. Въ Тулу посылался главный; за нимъ слѣдовали младшіе въ Одоевѣ, Кропивнѣ, Веневѣ, Переяславлѣ Рязанскомъ и Мценскѣ. Въ 1638 году главнымъ воеводою былъ назначенъ бояринъ князь Ив. Бор. Черкаскій; прочимъ всѣмъ приказано быть съ нимъ, — *«а межъ себя быть безъ мѣстъ и стоять по своимъ городамъ, гдѣ кому указано и никому ни на кого не бить челомъ, кто съ кѣмъ ни будетъ; а писать изо всѣхъ мѣстъ на Тулу къ одному бояр. князю Ив. Б. Черкаскому, а къ государю писать боярину Черкаскому въ отпискахъ одному съ товарищи»* *). Такъ какъ подобнымъ же образомъ установлялся служебный порядокъ въ Украинномъ и Рязанскомъ разрядахъ также въ слѣдующихъ годахъ, то мы имѣемъ полное право считать его постояннымъ распоряженіемъ Правительства, а не какою-нибудь временною мѣрою, тѣмъ болѣе, что здѣсь выражается сознаніе необходимости единства въ дѣйствіяхъ, котораго не доставало прежде. Какъ бы то ни было, а новая мѣра оказалась вполнѣ дѣйствительною, ибо въ 1638 и 1639 годахъ по Украинному разряду вовсе не было челобитій; хотя они снова появились въ 1640 и 1641 годахъ, но уже безъ тѣхъ послѣдствій, которыми очень часто сопровождались при прежнемъ распорядкѣ **).

Наскучивъ безконечными челобитьями, царь Михаилъ Өеодоровичъ указалъ выбирать въ придворные и другіе чины изъ меньшихъ ста-

---

*) Дворц. Разр. Т. II, столб. 568, 569.

**) Въ 1640 году въ числѣ второстепенныхъ воеводъ въ Мценскъ были назначены кн. Осипъ Ивановичъ Щербатовъ и Андр. Вас. Волынскій; послѣдній билъ челомъ на кн. Осипа, за котораго вступился бояр. кн. Бор. Алекс. Рѣпнинъ. За Андрея Волынскаго стали просить окольн. Өед. Васильевичъ и казначей Павелъ Иван. Волынскіе; они, какъ сказано въ разрядахъ—*«въ ту пору бранились съ бояр. кн. Б. А. Рѣпнинымъ, а называли его братомъ своимъ.»* Рѣпнинъ билъ челомъ о безчестьи. Царь указалъ Өеодора и Павла Волынскихъ посадить въ тюрму; въ сказкѣ, объявленной имъ, сказано: «кн. Щербатовъ и Анд. Волынскій отставлены *не для вашего отечества, а для того, что они молоды и польскихъ служебъ не знаютъ»*. Здѣсь выражается стремленіе Правительства лишить Волынскихъ возможности указывать на отставку Щербатова и Анд. Волынскаго, какъ на случай, говорящій въ пользу ихъ отечества. Въ 1642, 1643, 1644 и 1645 по Украинному разряду вовсе не было челобитій, тѣмъ не менѣе Правительство постоянно подтверждало: «быть всѣмъ съ старшимъ воеводою и между собою мѣстами не считаться.»

тей служилыхъ людей. Въ первый разъ объ этомъ упоминается въ разрядахъ 3 декабря 1623 года по слѣдующему случаю. Царь принималъ Персидскаго гонца; рындами при этомъ были назначены кн. Ив. Өед. Татевъ, кн. Юр. Ан. Звенигородскій, стряпчіе Степ. Вас. Телепневъ и Мих. Вас. Ларіоновъ. Послѣдній билъ челомъ на Телепнева и говорилъ, что отецъ его Василій былъ сынъ боярскій, служилъ же въ Дмитровѣ, тогда какъ Василій Телепневъ, Степановъ отецъ, изъ подьячихъ. Царь указалъ объявить, чтобы Ларіоновъ съ Телепневымъ былъ, — «а быть ему пригоже, потому что Степановъ отецъ Василій былъ у государя думнымъ дьякомъ посольскимъ, а его отецъ Михайловъ рядовымъ дьякомъ, оба же они люди неродословные и счету имъ нѣтъ, гдѣ государь велитъ быть, тотъ тамъ и будь».— Ларіоновъ былъ въ рындахъ, но потомъ вторично сталъ бить челомъ на Телепнева; царь раскручинился на него и велѣлъ «выкинуть его изъ стряпчихъ и написать съ города, что онъ государева указу не послушалъ». Думный дьякъ Лихачовъ буквально исполнилъ царское приказаніе, то есть вытолкалъ Ларіонова изъ передней, сказавъ ему царскимъ словомъ: *«Государь для докуки и челобитья велѣлъ изъ меншихъ статей выбирать къ чему было и недостойны такіе, ино и тѣ бьютъ челомъ»*. Послѣднія слова чрезвычайно важны: изъ нихъ прямо видно какъ уже тяготилось Правительство челобитьями по мѣстничеству. Что эта мѣра имѣла общее примѣненіе въ практикѣ, видно изъ того, что и въ воеводы Украиннаго и Рязанскаго разрядовъ очень часто назначались принадлежащіе къ меньшимъ статьямъ служилаго класса. Хотя подобная мѣра, выдвигая людей неродословныхъ, не устраняла мѣстничества, все же Правительству легче было справляться съ людьми, имѣвшими за себя только служебное старшинство и вовсе никакихъ или весьма сомнительныя родовыя отличія.

Кромѣ указанныхъ мѣръ были при царѣ Михаилѣ Өедоровичѣ еще другія, направленныя собственно противъ людей родословныхъ или имѣвшихъ за себя неотъемлемыя служебныя отличія. Какъ извѣстно, очень часто пожалованіе кого-нибудь въ бояре и окольничіе сопровождалось челобитьями, ибо при этомъ, по заведенному обычаю, соблюдался слѣдующій порядокъ: боярство или окольничество сказывалъ думный разрядный дьякъ, у сказки же стоять назначался кто нибудь изъ высшихъ статей служилыхъ людей—бояринъ, окольничій или думный дворянинъ. Послѣдніе били челомъ, какъ скоро представлялась имъ, по ихъ родовой чести, невмѣстность стоять у сказки. Въ первые годы своего царствованія Михаилъ Өедоровичъ отказывалъ въ по-

добныхъ челобитьяхъ, основываясь иногда на важности самыхъ случаевъ, при которыхъ происходило пожалованіе въ высшіе чины. Такъ, напримѣръ, думному дворянину Гаврилѣ Пушкину, бившему челомъ въ 1613 году на кн. Д. М. Пожарскаго, дано было въ отвѣтъ: «*государь указалъ для своего царскаго вѣнца во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ, а не для Гаврилова челобитья*». Въ устраненіе подобныхъ случаевъ 20–го апрѣля 1622 года былъ объявленъ слѣдующій царскій приговоръ: «сказывать боярство и околничество болшимъ кто кого менши въ родствѣ; а мѣстъ и счету въ томъ нѣтъ и порухи болшимъ родомъ отечеству ихъ въ томъ не будетъ, кто кому менши себя отечествомъ скажетъ боярство и околничество» *).

Дополнимъ наши замѣчанія о мѣстничествѣ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ еще слѣдующими чертами. Уже при немъ становится замѣтнымъ разложеніе мѣстническаго распорядка на степени. Высшую степень заняли роды, имѣвшіе за себя неотъемлемыя родовыя отличія, неприкосновенность которыхъ признавало само Правительство. Какъ упорно мѣстническая аристократія стояла за свое старшинство, это видно изъ того, что она не считала себя обязанною соблюдать запрещенія Правительства считаться мѣстами даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ этого требовала государственная польза или соблюденіе порядка и благочинія. Такъ во время нашествія королевича Владислава, въ 1618 году, царь Михаилъ Ѳедоровичь, посовѣтовавшись съ

*) Это опредѣленіе было нарушено на другой день, 21-го апрѣля, княземъ Д. Т. Трубецкимъ, объявившимъ, что «ему не пригоже сказывать боярство Сем. Вас. Головину». Какъ трудно было пріучить къ подобной новизнѣ родословныхъ людей и какъ упорно держались они стариннаго обычая, можно видѣть изъ того, что само Правительство дѣлало уступки родовой чести. Самый замѣчательный случай въ этомъ отношеніи былъ въ 1635 году съ княземъ Ив. Вас. Голицынымъ. 5-го мая, въ имянины царевны Ирины Михайловны, царь указалъ сказать боярство кн. П. А. Рѣпнину; у сказки назначено было стоять кн. И. А. Голицыну; по онъ сталъ бить челомъ, что «его родители въ ихъ версту такимъ боярство никому не сказывали». Царь самъ уговаривалъ его, чтобы онъ не упрямился, сказалъ боярство Рѣпнину, чрезъ что не будетъ порухи его отечеству. Но князь Иванъ не послушался царскаго слова. Царь велѣлъ отвести его въ тюрму на три дня, а потомъ, по окончаніи ареста, быть за приставомъ и въ собственномъ домѣ. Въ тюрму и на домъ посылали разряднаго дьяка Григорія Ларіонова уговаривать его, чтобы онъ сказалъ боярство Рѣпнину. Когда же всѣ увѣщанія были тщетны и когда объявили Голицыну, что «ему быть разорену и сослапу», то онъ настойчиво сказалъ: «въ разореньѣ и ссылкѣ воленъ Богъ да государь, а мнѣ кн. Петру боярства не сказывать»; и дѣйствительно не измѣнилъ своего обычая, не сказалъ Рѣпнину боярства.

духовенствомъ и боярами, приговорилъ: «гдѣ кто будетъ у какого государева дѣла, быть всѣмъ безъ мѣстъ». Но не взирая на то, что такого опредѣленія требовали обстоятельства, бояринъ Мат. Мих. Годуновъ билъ челомъ въ отечествѣ на боярина кн. Аѳ. Вас. Лобанова-Ростовскаго. Царь велѣлъ посадить ослушника въ тюрму безъ всякаго разбора дѣла. Передъ первою свадьбою царя Михаила Ѳедоровича, 14 сентября 1624 года, торжественно было объявлено, что «на государевой радости во всѣхъ чинахъ быть безъ мѣстъ и впредь тѣмъ никому не считаться и въ случаи не принимать». Царь и патріархъ велѣли думнымъ дьякамъ подписать этотъ приговоръ и приложить къ нему государственную печать «для укрѣпленія». Но мѣстничество и тутъ осталось вѣрнымъ своему обычаю; стали бить челомъ: князь Дм. Мамстрюковичь Черкаскій на князя Ив. Бор. Черкаскаго; бояринъ Михаилъ Борисовичь Шеинъ на князя Дм. Черкаскаго. Хотя оба эти челобитья не имѣли успѣха, все же князь Иванъ Васильев. Голицынъ и жена его не поѣхали на царскую свадьбу, ибо первому по росписи приходилось сидѣть ниже князей Ивана Ив. Шуйскаго и Дм. Т. Трубецкаго, а второй ниже княгини Шуйской. Царь и патріархъ велѣли подтвердить, что на свадьбѣ всѣ безъ мѣстъ. «Въ томъ ихъ государская воля, хотя вели государь казнить, а мнѣ по той сказкѣ нельзя быть меньше Шуйскаго и Трубецкаго», твердилъ князь Иванъ Васильевичь. Видя такое упорство, царь и патріархъ указали сказать объ этомъ боярамъ. Бояре приговорили, что князь Иванъ за его измѣну достоинъ всякаго раззоренія и наказанія. И дѣйствительно, у него отняты были помѣстья и вотчины, самъ онъ отправленъ былъ въ ссылку подъ конвоемъ.—Много въ разрядахъ и другихъ еще случаевъ, изъ которыхъ видно какъ трудно было царю Михаилу Ѳедоровичу обуздывать родовую честь служилыхъ людей высшихъ статей.

Какъ измѣнялся Русскій человѣкъ, поддавшись обаятельному вліянію мѣстничества, это всего лучше видно на князѣ Дм. М. Пожарскомъ, который былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ единственно службѣ. Вызванный Мининымъ на великій трудъ вождя народнаго ополченія, князь Дмитрій Михайловичь былъ въ то время очень скромнаго мнѣнія о самомъ себѣ; онъ даже не считалъ себя воеводою *),

---

*) «Бояре и воеводы *и мы вся всякихъ чиновъ* люди Москов. государства о томъ у всемогущаго Бога и пречистые Его Матере милости просимъ, чтобы намъ Моск. государство въ соединеньи видѣть».... говорилъ онъ архимандриту Геннадію и князю Оболенскому, присланнымъ отъ лица В. Новгорода.

но простымъ земцемъ, обязаннымъ служить общему дѣлу освобожденія земли. Когда въ переговорахъ съ уполномоченными отъ В. Новгорода у него зашла рѣчь объ отправленіи выборныхъ къ Шведскому принцу Филиппу, то онъ, между прочимъ, говоря о князѣ Вас. Вас. Голицынѣ, высказалъ и о самомъ себѣ весьма важное замѣчаніе: «надобны были такіе люди въ нынѣшнее время—говорилъ онъ, —толко бы нынѣ такой столпъ князь Василей Васильевичь былъ здѣсь, и объ немъ бы всѣ держались, *и язъ къ такому великому дѣлу мимо его не принялся, а то нынѣ меня къ такому дѣлу бояре и вся земля силно приневолили»*.—Между тѣмъ тотъ же князь Пожарскій, отличенный и взысканный царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, заговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ, какъ скоро достигъ высшей степени въ государствѣ. Онъ не только часто сталъ возвышать голосъ, чтобы его отечеству порухи не было, но когда ему велѣно было сказывать боярство (6-го дек. 1613 г.) Борису Михайловичу Салтыкову, то повелъ себя какъ истый родословный человѣкъ, то есть объявилъ сперва, что ему невмѣстно сказывать боярство Салтыкову, а потомъ уѣхалъ къ себѣ на дворъ, прибѣгнувъ къ обычной мѣстнической отговоркѣ, —сказавшись больнымъ, какъ скоро царь рѣшилъ дѣло въ пользу Салтыковыхъ. Любопытно видѣть, какъ при этомъ случаѣ дѣйствовалъ самъ Михаилъ Ѳедоровичь: онъ *поговорилъ* съ боярами прежде, нежели рѣшилъ записать князя Пожарскаго въ разрядѣ, что боярство Салтыкову сказывалъ онъ, хотя у сказки былъ одинъ только думный разрядный дьякъ Сыдавный Васильевъ. Далѣе — присудилъ выдать князя Димитрія головою, также не иначе, какъ *поговоря* предварительно съ боярами. Преданнымъ расчетамъ мѣстничества и мелочнымъ является князь Дмитрій Михайловичь и послѣ, даже въ самыя важныя для государства минуты. Такъ, когда передъ открытіемъ второй Польской войны назначенный въ главные воеводы съ княземъ Дм. Мамст. Черкаскимъ князь Борисъ Михайловичь Лыковъ сталъ просить объ увольненіи *) и когда царь и патріархъ вмѣсто Лыкова и Черкаскаго назначили М. Б. Шеина и Д. М. Пожарскаго, то послѣдній отказался подъ предлогомъ, что у него *черный недугъ*, о которомъ послѣ не было и рѣчи во время назначенія его съ княземъ Дм. Мам.

---

*) Князь Б. М. Лыковъ принадлежитъ къ числу наиболѣе выдающихся типовъ въ мѣстничествѣ; онъ говорилъ, что ему нельзя быть съ Черкаскимъ, потому что *«у него обычай тяжолъ, да и старъ онъ передъ княземъ Димитріемъ Мамстрюковичемъ, служитъ государю 40 лѣтъ, а лѣтъ съ 30 ходитъ своимъ набатомъ, а не за чужимъ и не въ товарищахъ»*.

Черкаскимъ *). Въ 1635 году на переговорахъ съ Польскими уполномоченными князь Дмитрій Михайловичь въ разрядахъ названъ Пожарскимъ-*Стародубскимъ*; такая прибавка сдѣлана вѣроятно для утвержденія за нимъ древности происхожденія, которой прежде не признавали за его родомъ люди родословные.

Нельзя не замѣтить какую важную роль въ разборѣ споровъ за мѣста играли думные разрядные дьяки; въ ихъ рукахъ было все дѣлопроизводство; они наводили справки въ разрядныхъ книгахъ и царскомъ родословцѣ; составляли записи и приговоры; подвергали собственноручно наказаніямъ неправыхъ мѣстниковъ тутъ же въ Разрядѣ, въ подклетѣ, а иногда и на конюшнѣ. Понятно послѣ этого, какъ много зависѣло отъ думнаго разряднаго дьяка дать оборотъ дѣлу, благопріятный той или другой изъ тяжущихся сторонъ, смотря по обстоятельствамъ. Что думные разрядные дьяки дѣйствовали здѣсь иногда пристрастно, на это есть прямыя указанія въ разрядныхъ книгахъ. Такъ, въ 1613 году 18-го сентября, когда Ивану Ивановичу Чепчюгову назначено было стоять въ рындахъ вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Григорьевичемъ Ромадановскимъ и онъ сталъ бить челомъ, что ему невмѣстно быть, то князь Василій Ромадановскій и князь Д. М. Пожарскій, въ свою очередь, также ударили царю челомъ, что Чепчюговъ обезчестилъ весь ихъ родъ, что онъ *молода отца сынъ*, что дѣдъ его Никифоръ бывалъ въ головахъ у Татаръ, да и то случаемъ, что «*былъ Щелкаловымъ свой и они его по свойству вынесли*» **). Въ 1618 г. 24 мая стольникъ Василій Алексѣевъ Третьяковъ заспорилъ объ отечествѣ съ княземъ Юр. Петр. Буйносовымъ-Ростовскимъ; за послѣдняго дружно вступились его родичи, князья Катыревъ и Лобановъ-Ростовскіе; дѣло кончилось тѣмъ, что Третьякова присудили посадить въ тюрму, объявивъ ему, что ему недостало и до тѣхъ Ростовскихъ, которые меньше всѣхъ въ своемъ роду. Въ 1622 году

---

*) Въ 1642 году въ сказкѣ кн. И. А. Голицыну, бившему челомъ на кн. Д. Мам. Черкаскаго, между прочимъ, значится: «*Кн. Дмитрій Мамстрюковичь человѣкъ великій и честь ихъ старая*».

**) Въ 1648 году въ полѣ былъ споръ за мѣста у Алексѣя Степановича Чепчюгова съ Мих. Сем. Волынскимъ. Чепчюговъ говорилъ: «мнѣ безчестнѣе Волынскаго быть не умѣть, потому что Волынскіе наша братья и хуже насъ». Вмѣстѣ съ этимъ онъ представилъ многія грамоты и наказы царя Ивана Васильевича за приписью дум. дьяка Василія Щелкалова. Волынскій въ свою защиту сказалъ: «*а тѣ де онъ грамоты кладетъ неправые, нарядные, потому что де думной дьякъ Василей Щелкаловъ имъ Чепчюговымъ былъ свой ближней*». Двор. разр. Т. III., столб. 126, 127.

Третьяковъ снова подалъ челобитную; на этотъ разъ дѣло пришло другой оборотъ: думный дьякъ Томило Луговскій объявилъ приговоръ, въ которомъ касательно прежняго рѣшенія сказано: «а что написано въ государевѣ розрядѣ, что мочно быть тебѣ Василью и съ послѣднимъ Ростовскимъ и станутъ бить челомъ на тебя о обороне, имъ давать оборонь на тебя и послѣднему Ростовскому, *и то своровалъ думной дьякъ Сыдавной-Васильевъ, такъ сказалъ тебѣ и велѣлъ написать безъ государева указу и безъ боярскаго приговору; а то дѣло не всхожее: и великъ и малъ въ Ростовскихъ князьяхъ, не ровны Ростовскіе»*.... Споръ князя Туренина съ княземъ Косаткинымъ-Ростовскимъ, начавшійся въ апрѣлѣ 1617 года и оконченный въ февралѣ 1623 года, показываетъ, что была возможность поддѣлки самыхъ невмѣстныхъ грамотъ; само собою разумѣется, что въ подобныхъ случаяхъ дѣло не обходилось безъ участія дум. разр. дьяковъ. Особенно смѣлы и дерзки были они относительно людей, вступавшихъ въ споры за мѣста на основаніи однихъ разрядныхъ случаевъ.

Особенною строгостію касательно мѣстничества стали отличаться правительственные приговоры съ царствованія Алексѣя Михайловича, что можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ: на 127 челобитій, записанныхъ въ разрядахъ, начиная съ 1645 по 1675 годъ включительно, приходится 12 выдачь головою, 46 заточеній въ тюрму, 14 тѣлесныхъ наказаній батогами и кнутомъ, 3 денежныхъ взысканія, 20 отказовъ, въ томъ числѣ 8 съ угрозою—«*быть въ опалѣ*»,—«*быть въ великомъ наказаньи*», или «*быть въ тюрмѣ*», одна дѣйствительная опала; только въ 8 случаяхъ по челобитьямъ сдѣлана была уступка; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вовсе не было отвѣта или рѣшенія. Всѣ приговоры давались отъ имени царя. Независимо отъ такой строгости при всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ въ придворной и государственной службѣ, по прежнему, объявлялось *быть безъ мѣстъ*. Съ особенною торжественностію и небывалымъ доселѣ образомъ этотъ приговоръ объявленъ былъ предъ открытіемъ войны съ Польшею за Малороссію. Въ разрядахъ это изложено слѣдующимъ образомъ: 1653 г. 23 октября царь Алексѣй Михайловичь въ Успенскомъ соборѣ послѣ молебна передъ собою и патріархомъ велѣлъ думному посольскому дьяку Алмазу Иванову сказать боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ, жильцамъ и всякихъ чиновъ людямъ, что «прося у Бога милости и у Пресвятые Богородицы помощи и заступленія великихъ чюдотворцевъ

Московскихъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа и у всѣхъ святыхъ, поволилъ итти на недруга своего, Полскаго и Литовскаго короля Яна Казиміра за его многія неправды. А кому съ нимъ великимъ государемъ въ его государевѣ полку и по инымъ полкамъ быть боярамъ и околничимъ и думнымъ людемъ и столникамъ и стряпчимъ и дворянамъ, гдѣ кому въ какомъ чину быть, и тѣмъ всѣмъ указалъ онъ великій государь на сей своей государевѣ службѣ всѣмъ быть безъ мѣстъ». Вслѣдъ за этимъ думный разрядный дьякъ Семенъ Заборовскій тутъ же прочиталъ слѣдующій царскій указъ: «Мы великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь всеа Русіи, положа упованіе на Всемогущаго Бога и на Его Матерь Пресвятую Богородицу и на Московскихъ чюдотворцевъ Петра, Алексѣя, Іону и Филиппа и всѣхъ святыхъ и совѣтовавъ съ отцемъ своимъ и богомолцемъ, великимъ государемъ святѣйшимъ Никономъ, патріархомъ Московскимъ и всеа Русіи, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ вами бояры и околничими и думными людми, приговорить изволили Мы итти противъ недруга своего, Полскаго и Литовскаго короля. А кому съ нами великимъ государемъ и по инымъ полкамъ быть въ нынѣшней службѣ воеводамъ и во всякихъ чинахъ, и всѣмъ ратнымъ людямъ, боярамъ и околничимъ и думнымъ людямъ и столникамъ и стряпчимъ и дворянамъ Московскимъ и жилцамъ и головамъ стрѣлецкимъ и дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, и тѣмъ на нынѣшней нашей службѣ всѣмъ быть безъ мѣстъ, и никому нынѣшнимъ розрядомъ нынѣ и впредь не считаться и въ случаяхъ не подавать и никому никого тѣмъ не попрекать». Этотъ указъ записали въ разрядѣ и, что особенно замѣчательно, царь подписалъ его своею рукою. Въ заключеніе всего самъ Алексѣй Михайловичь прочиталъ роспись боярамъ и воеводамъ гдѣ кому назначено быть. Въ разрядѣ вмѣстѣ съ указомъ прописали еще слѣдующую угрозу: «а кто, мимо его государева указу, нынѣшнимъ розрядомъ въ отечествѣ на кого учнетъ государю бить челомъ, или кто учнетъ кого въ отечествѣ попрекать, и тѣмъ людямъ отъ государя быть въ опалѣ, и въ болшомъ наказаньѣ и въ ссылкѣ и впредь тѣмъ людямъ въ прежней своей чести во вѣки не быть.» Удивительнѣе всего, что и послѣ такого необыкновеннаго распоряженія челобитья изъ за мѣстъ появились своимъ чередомъ. Такъ въ 1655 году 5 іюня посланъ былъ въ Борисовъ на Березину стольникъ князь Юр. Никит. Борятинскій; въ числѣ головъ, назначенныхъ съ нимъ, былъ Михаилъ Наумовъ; послѣдній билъ челомъ, что ему невмѣстно быть съ Борятинскимъ. Царь велѣлъ сказать Наумову, чтобы

былъ, потому что служба всѣмъ безъ мѣстъ; когда же онъ сталъ твердить свое, что ему никакъ нельзя быть съ княземъ Юріемъ, тогда Алексѣй Михайловичь велѣлъ его бить кнутомъ и сослать на Лену. — 21 іюня царь послалъ изъ Шклова воевать своихъ измѣнниковъ Витебскаго уѣзда стольника князя Александра Ивановича Лобанова-Ростовскаго; съ нимъ назначены были головы съ сотнями государева полка князь Никита Яковлевъ Львовъ, Яковъ Никитинъ Лихаревъ, да Василій Никитинъ Панинъ съ Казанскими мурзами. Когда они допущены были къ царской рукѣ, то Львовъ сталъ бить челомъ на князя Лобанова. Царь напомнилъ ему, что служба всѣмъ безъ мѣстъ; Львовъ стоялъ на своемъ, вслѣдствіе чего царь велѣлъ его бить кнутомъ; кромѣ того ему указано быть съ Донскими казаками; мѣсто его въ царскомъ полку заступилъ Григ. Ѳед. Бояшевъ. Но особенно важенъ слѣдующій случай, ясно показывающій стремленіе Правительства подчинить мѣстничество высшей идеѣ святости и ненарушимости государственнаго распорядка: въ 1657 г. 17 февраля окольничій князь Дан. Степ. Великаго-Гагинъ билъ челомъ на боярина князя Ивана Петровича Пронскаго; онъ, между прочимъ, говорилъ: «я бъ на него не билъ челомъ, потому что его государева служба сказана безъ мѣстъ, а и топерво де служба мѣстная». Царь сперва указалъ посадить Гагина въ татинную тюрму *«за честь соборной и апостольской церкви и за то, что его государевъ указъ нарушилъ»*. Потомъ дано было удовлетвореніе отечеству боярина Пронскаго: Гагина, по освобожденіи изъ тюрмы, отвели и выдали Пронскому головою.

Но мѣстничество и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, не взирая на всю строгость Правительства, сохраняло всю свою прежнюю силу и упорную стойкость, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда споръ начинался между людьми родословными. Укажемъ здѣсь на болѣе поразительные примѣры. 27 февраля 1649 года были у царя въ золотой палатѣ Нидерландскій гонецъ да Крымскіе посланники; рындами были назначены стольники: князья Ѳедоръ и Алексѣй Никитины Одоевскіе, князь Василій Борисовъ Хилковъ и Михаилъ Львовъ Плещеевъ. Послѣдній билъ челомъ на Хилкова и въ рындахъ не былъ; мѣсто его заступилъ князь Данило Ефимовъ Мышецкій. Хилковъ просилъ объ обороны. Царь указалъ дьяку Заборовскому бить Плещеева кнутомъ въ подклетѣ; при этомъ ему царскимъ словомъ объявлено было: «такіе страдники не бивали челомъ на Хилковыхъ, а бывали съ Хилковыми и лучше Плещеевыхъ». На этомъ не остановилось наказаніе: чтобы еще болѣе дать почувствовать Плещеевымъ, что они ниже

и хуже Хилковыхъ, царь велѣлъ старшаго Михайлова брата посадить въ тюрму на пять дней, хотя онъ и не участвовалъ въ челобитьи, а самого Михайлу Плещеева въ казенку на три дня. Хотя потомъ кнутъ замѣненъ былъ батогами, всежъ въ разрядѣ записали, что Михайло Плещеевъ за безчестье Хилковыхъ былъ битъ кнутомъ и сидѣлъ въ тюрмѣ. Царь Алексѣй Михайловичь поступалъ здѣсь съ полнымъ безпристрастіемъ, что видно изъ слѣдующаго: князь Данило Мышецкій также подалъ челобитную на Плещеевыхъ и говорилъ: «съ кн. Хилковымъ готовъ быть и на него не бью челомъ, а меньше Мих. Плещеева быть мнѣ не мочно, родители наши служили по В. Новгороду въ дворянахъ, а дѣдъ Михайловъ Аѳонасій Никитинъ Плещеевъ служилъ у архіепископа съ отцемъ дьяка Лутохина Семеномъ; Илья Плещеевъ былъ въ Порховѣ въ губныхъ старостахъ, а иные ихъ родители были въ деньщикахъ у воеводъ и въ недѣльщикахъ, и чтобы государь велѣлъ ему счетъ дать». Приняли его челобитную на Плещеевыхъ и записали въ разрядѣ. Завязалось такимъ образомъ новое дѣло; Плещеевы, отстаивая свои права на старшинство надъ Мышецкимъ, сказали, между прочимъ, что отецъ ихъ Левъ билъ челомъ въ отечествѣ на боярина Ив. Петр. Шереметева; этимъ они задѣли родовую честь Шереметевыхъ; бояринъ Вас. Петровичь Шереметевъ съ дѣтьми и племянниками стали, въ свою очередь, просить о безчестьи. Вся эта путаница разрѣшена была въ 1652 году слѣдующими приговорами: 1) Мышецкому 9 февраля объявлено было, что ему можно быть меньше Плещеевыхъ многими мѣстами; за безчестье же ихъ указано было бить его батогами въ Разрядѣ и посадить въ тюрму; 2) Андрею и Михайлѣ Плещеевымъ 28 марта сказано было, что и лучшіе ихъ родители вездѣ бывали меньше Шереметевыхъ и что за безчестье боярина Вас. Петровича, его дѣтей, племянниковъ и внучатъ, государь указалъ бить ихъ батогами въ Разрядѣ и посадить въ тюрму. Хотя наказаніемъ Плещеевыхъ за безчестье Хилкова, по понятіямъ мѣстничества и унижена была честь всего ихъ рода, тѣмъ не менѣе, когда въ томъ же 1649 году царь назначилъ старшимъ воеводою въ Украинный разрядъ кн. Вас. Бор. Хилкова, приказавъ всѣмъ прочимъ быть съ нимъ и между собою безъ мѣстъ, то Алексѣй Дмитріевичь Охотинъ-Плещеевъ, назначенный воеводою въ Веневъ, сталъ бить челомъ на Хилкова. Царь, наперекоръ всѣму мѣстническому обычаю, указалъ выдать ослушника Хилкову головою *«безъ сыску и безъ счету.»* Съ тою же стойкостію въ 1668 году вели себя князья Иванъ Андреевичь и Петръ Ивановичь Хованскіе въ спорѣ съ

бояр. кн. Григ. Семеновичемъ Куракинымъ. Этотъ случай замѣчателенъ тѣмъ, что Хованскіе все же достигли нѣкоторой уступки ихъ родовой чести, ибо царь указалъ не выставлять въ бумагахъ имени кн. Петра, а писаться кн. Куракину *съ товарищи* *).

Цѣня заслуги и личныя достоинства, царь Алексѣй Михайловичь открылъ доступъ къ высшимъ почестямъ для людей неродословныхъ. Съ его царствованія потерялъ значеніе и тотъ обычай, по которому, какъ свидѣтельствуетъ Котошихинъ, вся мѣстническая аристократія раздѣлялась на три категоріи, то есть: 1) на тѣхъ, «которые бываютъ въ боярѣхъ, а въ окольничихъ не бываютъ»; 2) «которые бываютъ въ окольничихъ и боярѣхъ», 3) «которые бываютъ въ думныхъ дворянѣхъ и окольничихъ,» ибо мы видимъ въ боярахъ людей неродословныхъ, какими были Богданъ Хитровъ, Аѳонасій Лаврентьевичь Ординъ-Нащокинъ и Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ. Такое отступленіе отъ обычая отцевъ казалось родословнымъ людямъ чѣмъ-то преступнымъ и не пріучая ихъ къ необходимости жертвовать общему интересу частнымъ, разжигало и питало въ нихъ только упорство. Это наглядно представляетъ намъ слѣдующій случай. Въ 1667 году 26 октября билъ челомъ государю Матв. Степ. Пушкинъ, что ему нельзя ѣхать за Польскими послами, а потомъ провожать ихъ къ отвѣту, ибо въ отвѣтѣ съ ними назначено быть боярину Аѳ. Лавр. Ордину-Нащокину, съ которымъ ему быть невмѣстно. Когда же Нащокинъ сталъ говорить въ свою защиту, что онъ бьетъ челомъ не дѣломъ, что прежде тутъ мѣстъ не бывало и нынѣ нѣтъ, то Пушкинъ сказалъ: «*прежъ сего съ послами бывали честные люди, а не въ его Аѳонасьеву версту, потому въ то время и челобитья не бывало*. Теперь же мнѣ за Аѳонасьемъ никоими мѣрами за послами ѣхать не возможно, а отечество мое съ Аѳонасьемъ извѣстно ему великому государю, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ свой милостивый указъ учинить.» Царь велѣлъ Пушкину ѣхать за послами по прежней росписи, объявивъ, что *тутъ мѣстъ не бывало, нынѣ нѣтъ и впредь не будетъ*. Но Пушкинъ не поѣхалъ на посольскій дворъ; вслѣдствіе чего 2 ноября ему объявили, что такъ какъ онъ своимъ непослушаніемъ *учинилъ государеву дѣлу многое мотчанье*, то государь указалъ и бояре приговорили посадить его въ тюрму, объявивъ, что въ случаѣ дальнѣйшаго неповиновенія ему быть въ *великомъ разореніи*. Изъ тюрмы царь велѣлъ выпустить его туже минуту, довольствуясь только

*) См. объ этомъ въ обзорѣ споровъ подъ 1668 годомъ

одною угрозою. Пушкинъ и у сказки говорилъ свое — «что ему съ Аѳонасьемъ отнюдь не бывать, хотя вели государь казнить смертью, не толко разорить или вотчины и помѣстья па себя государя отписать, а Аѳонасей Нащокинъ передъ нимъ человѣкъ молодой и неродословной, и родители его Аѳонасьевы съ его Матвѣевыми родители не толко въ товарыщѣхъ бывали, и съ товарыщи ихъ бывали безсловно, и про тобъ его челобитье доложить государя.»

Какъ на замѣчательный случай въ исторіи мѣстничества укажемъ еще на споръ изъ за мѣстъ, поднятый самимъ думнымъ разрядн. дьякомъ Семеномъ Заборовскимъ, этимъ ревностнымъ исполнителемъ воли царя Алексѣя Михайловича, наказывавшимъ неоднократно своею рукою другихъ за мѣстничество и неповиновеніе волѣ царской. Заборовскій заспорилъ по слѣдующему случаю и слѣдующимъ образомъ: 1663 года 19-го апрѣля, въ день Пасхи, былъ у царя столъ въ грановитой палатѣ; у стола были царевичи: Касимовскій и Сибирскіе, высшее духовенство, кромѣ того были назначены: бояре кн. Ѳед. Ѳед. Куракинъ, Яковъ Куденетовичь Черкаскій, Ив. Ив. Лобановъ-Ростовскій, окольничіе: кн. Дмитр. Алексѣев. Долгорукій, Осипъ Иванов. Сукинъ, да думный дьякъ Семенъ Заборовскій. Послѣдній у сказки объявилъ, что ему съ Сукинымъ быть невмѣстно и уѣхалъ къ себѣ на дворъ; его мѣсто, по царскому указу, заступилъ думный дьякъ Алмазъ Ивановъ. На другой день Заборовскій сталъ бить челомъ о счетѣ на Сукина, говоря, что «Осиповъ прадѣдъ Борисъ былъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ дьякомъ и въ иныхъ худыхъ чинахъ бывали родители его». Сукинъ въ свою защиту говорилъ, что Заборовскій передъ нимъ молодой человѣкъ, бьетъ челомъ не по своей мѣрѣ, ибо *прежде сего на околничихъ думные дьяки не бивали челомъ*; далѣе онъ сказалъ, что дѣдъ его никогда не бывалъ дьякомъ, а прадѣдъ былъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ бояриномъ. Царь положилъ свою опалу на Заборовскаго, но только не за безчестье Сукина, а за то, что воспротивился его волѣ, уѣхалъ отъ стола *).

Приведенныхъ случаевъ достаточно для того, чтобы составить ясную идею о ходѣ и характерѣ мѣстничества при царяхъ Михаилѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичь, слѣдуя

---

*) Заборовскій пользовался особенною милостію царя; въ разрядахъ сказано: «и апрѣля въ 22 день государь пожаловалъ С. Заборовскаго, велѣлъ съ двора съѣзжать и видѣть свои государевы очи». Дополн. къ т. III Дворц. разр., стол. 375.

неуклонно строгимъ мѣрамъ отца своего, подготовилъ исподоволь великое событіе уничтоженія мѣстничества. Такъ, въ 1678 году 5 ноября, передъ началомъ Турецкой войны, объявленъ былъ приговоръ, который былъ почти буквально сходенъ съ приговоромъ Царя Алексѣя Михайловича отъ 23 октября 1653 года*). Ноября 2-го 1679 года былъ обнародованъ имянной царскій указъ съ патріаршимъ и боярскимъ приговоромъ о томъ, чтобы въ крестныхъ ходахъ быть безъ мѣстъ **). Введеніе въ войскѣ новой организаціи, переименованіе стрѣлецкихъ головъ, полуголовъ и сотниковъ въ соотвѣтственные иностранные чины, то есть въ полковники, полуполковники и капитаны ***) и другія перемѣны предшествовали паденію мѣстничества. Наконецъ насталъ достопамятный день 12 Января 1682 года, порѣшившій судьбу его однажды навсегда. На соборѣ высшихъ духовныхъ лицъ, выборныхъ изъ класса служилыхъ людей всѣхъ статей, царь Ѳедоръ Алексѣевичь, назвавъ мѣстничество «дѣломъ благословенной любви вредительнымъ, мира и братскаго соединенія искоренительнымъ, противу непріятелей общаго и пристойнаго усердія разрушительнымъ, Всевидящему оку немилосерднымъ и ненавистнымъ», обратился наконецъ къ присутствующимъ съ вопросомъ: «по нынѣшнему ли выборныхъ людей челобитью всѣмъ разрядамъ и чинамъ быть безъ мѣстъ или по прежнему быть съ мѣсты?» — Рѣшено было единогласно — быть безъ мѣстъ; царь закрѣпилъ соборное дѣяніе слѣд. подписью: «Божіею милостію царь и В. К. Ѳеодоръ Алексѣевичь, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержецъ, *во утвержденіе сего соборнаго дѣянія и въ совершенное гордости и проклятыхъ мѣстъ въ вѣчное искорененіе* моею рукою подписалъ.»— По сожженіи разрядныхъ книгъ, патріархъ завершилъ все это дѣло своимъ архипастырскимъ благословеніемъ усердствующихъ общему благу и *тяжкимъ церковнымъ запрещеніемъ преобидниковъ* царскаго повелѣнія,

*) Полн. собр. зак. Т. II № 738. Также разр. книги т. II, годы 1678, 1679.

**) Полн. собр. зак. Т. II. № 775; здѣсь сказано, между прочимъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ бояре, окольничіе, думные и ближніе люди и стольники и дворяне и съ ними полковники и головы и полуголовы стрѣлецкіе въ тѣхъ годѣхъ бывали долгое время межъ себя, не считаяся въ отечествѣ; а послѣ того учали тѣ посылки, кому гдѣ по ихъ государскому указу быть доведется, ставить въ мѣста и въ случай, и другъ на друга учали бить челомъ въ отечествѣ и тѣмъ своимъ намѣреніемъ не токмо къ себѣ Бога милостива сотворить, но и паче предъ Господомъ Богомъ согрѣшаютъ, а ихъ государей тѣмъ своимъ челобитьемъ на гнѣвъ приводятъ.»

***) Полн. собр. зак. Т. II № 812.

которые осмѣлятся впредь воспрекословить этому дѣлу и утаятъ у себя въ домахъ книги и всякія письма, относящіяся къ случаямъ *прежде бывшихъ отечествъ*.

Такъ совершилось одно изъ важнѣйшихъ событій въ Русской исторіи. Но мѣстничество осталось въ Русской жизни и послѣ того, какъ утратило свое государственное значеніе; никакія мѣры Правительства не властны были вырвать его съ корнемъ до тѣхъ поръ, пока жизнь оставалась вѣрною своимъ кровнымъ началамъ. По прежнему имѣло силу представленіе, что утрата чести однимъ членомъ рода распространяется и на весь родъ, къ которому онъ принадлежалъ. Это наглядно представляется изъ слѣдующаго примѣра. Князья Василій Васильевичь и Борисъ Алексѣевичь Голицыны принадлежали къ двумъ враждебнымъ сторонамъ: въ то время какъ первый былъ ревностнымъ приверженцемъ царевны Софіи, второй былъ однимъ изъ главныхъ поборниковъ интересовъ царя Петра. А между тѣмъ, когда противъ кн. Вас. Васильевича, на ряду съ прочими его сообщниками, готовилось обвиненіе въ измѣнѣ государственной, никто такъ не старался отклонить отъ него подобное обвиненіе, какъ князь Борисъ Алексѣевичь, ибо позоръ, причиненный его двоюродному брату, становился общимъ для всѣхъ членовъ рода Голицыныхъ. Эту особенность въ Русской жизни замѣчали и иностранцы. Такъ Патрикъ Гордонъ говоритъ въ своемъ дневникѣ: «въ Россіи не такъ какъ въ другихъ земляхъ, гдѣ наказаніе виновнаго не влечетъ за собою позора для всѣхъ прочихъ членовъ той же фамиліи, непричастныхъ преступленію своего родственника; здѣсь, напротивъ, считается вѣчнымъ пятномъ для всего рода, хотя бы одинъ только изъ его членовъ оказался государственнымъ измѣнникомъ. Поэтому кн. Борисъ Алексѣевичь употребилъ всѣ старанія и всѣ средства только бы въ приговорѣ его родственнику ни слова не говорилось объ измѣнѣ; а чрезъ это онъ самъ возбудилъ къ себѣ сильную ненависть не только въ народѣ, но въ друзьяхъ и родственникахъ младшаго царя *).»

Заключимъ нашъ очеркъ еще слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ. Мѣстничество, имѣющее свою основу въ кровныхъ началахъ Русской жизни, вызываемо было наружу службою. Оно расширялось и разнообразилось въ своихъ проявленіяхъ по мѣрѣ того, какъ распространялась служебная сфера Московскаго государства. Не могло оно

---

*) Tagebuch des Gen. P. Gordon, 2 Band, p. 281.

развить изъ себя силы, неодолимой для Правительства, пока во главѣ государства стояли государи *прирожденные*, какъ называла древняя Россія своихъ Рюриковичей, и также при *излюбленныхъ* всею землею Романовыхъ. Царь Борисъ не былъ ни прирожденнымъ, ни излюбленнымъ, —и мѣстничество долго не могло забыть его дѣйствій, идущихъ наперекоръ всѣмъ представленіямъ, какія только неразлучны были съ освященнымъ давностію родовымъ началомъ, —этою одною изъ главныхъ основъ въ Русской жизни*).

Что касается до прилагаемаго при этомъ очеркѣ обзора споровъ за мѣста съ 1613 по 1675 годъ, то я пользовался при составленіи его исключительно Дворцовыми Разрядами, потому что сравнительно съ ними я не замѣтилъ никакихъ особенно важныхъ данныхъ касательно мѣстничества ни въ такъ называемыхъ *Повседневныхъ запискахъ*, ни въ дѣлахъ, помѣщенныхъ въ Русскомъ Историческомъ сборникѣ или разрядныхъ книгахъ, изданныхъ Императорскимъ Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ.

Харьковъ, 1856 года.

А. Зернинъ.

---

*) Какъ велико было ожесточеніе противъ царя Бориса родословныхъ людей, это можно видѣть изъ слѣдующаго случая: когда, въ 1616 году 9 мая, окольничій Никита Васильевичь Годуновъ заспорилъ о мѣстахъ съ бояриномъ Вас. Петр. Морозовымъ и говорилъ, что онъ въ 1605 году былъ меньше племянника его окольн. Ив. Ив. Годунова, то бояр. Василій Петровичь вмѣстѣ съ Борисомъ и Мих. Михайловичами Салтыковыми сталъ просить на Годунова; — «*а что упрекаетъ племянникомъ своимъ*—говорили они—*и царю Борису въ тѣ поры была воля, по свойству своихъ выносилъ, и говорить было противъ царя Бориса не мочно, вѣдомо было государю самому, каково было при царѣ Борисѣ, многихъ своею неправдою погубилъ и розослалъ*».

ОБЗОРЪ
СПОРОВЪ ЗА МѢСТА
ПО ЦАРСТВОВАНІЯМЪ,
съ 1613 по 1675 годъ.

I. ЦАРСТВОВАНІЕ МИХАИЛА ѲЕДОРОВИЧА.

1613. — Еще до пріѣзда своего въ Москву, въ апрѣлѣ, царь Михаилъ Ѳедоровичъ указалъ кн. Сем. Прозоровскому и Леонтію Вельяминову идти противъ Шведовъ въ Стрѣтенскія волости и къ Тихвину. Но они дали знать, что непріятель предупредилъ ихъ. Тогда царь послалъ подъ Тихвинъ Исака Никит. Сунбулова. Сунбуловъ билъ челомъ государю въ отечествѣ на Вельяминова; воспослѣдовалъ указъ быть ему съ однимъ кн. Прозоровскимъ [1]).

7 іюня получено было въ Москвѣ извѣстіе, что идутъ къ Тихвину «многіе Нѣмецкіе люди и Черкасы». Царь указалъ послать туда Ѳед. Смердова Плещеева и Исака Семен. Погожего. Погожей у сказки билъ челомъ на Плещеева; царь велѣлъ боярамъ принять челобитье и «сыскать про ихъ отечество своими государевыми разряды.» Бояре, поставивъ Погожего и Плещеева съ очей на очи, приказали имъ подать лѣствицы и случаи. Плещеевъ подалъ лѣствицу, въ которой было написано, что Матв. Иван. Колоткинъ-Плещеевъ больше его однимъ мѣстомъ. Бояре велѣли справиться въ родословной книгѣ; оказалось по справкѣ, что тотъ, отъ кого выводилъ себя Ѳ. Плещеевъ, записанъ тамъ бездѣтнымъ. Поговоря между собою, бояре велѣли сказать объ этомъ Плещееву. Послѣдній только и нашелся сказать въ свое извиненіе, что описался дьячокъ; но судьи разрѣшили ему принести другую память, спросивъ его: «каковъ съ нимъ

---

1) Дворц. разр. т. I, столб. 91.

Мат. Плещеевъ»?—«Болѣе меня двумя мѣстами,»—отвѣчалъ Ѳ. Плещеевъ. Потребовали Матв. Плещеева и стали его допрашивать — каковъ съ нимъ Ѳ. Смердовъ Плещеевъ? Матв. Плещеевъ подтвердилъ показаніе послѣдняго и подалъ собственноручную запись. Тогда бояр. кн. Бор. Мих. Лыковъ, вставъ изъ-за стола, ударилъ челомъ боярамъ, чтобы они приказали записать Матвѣеву сказку, что онъ болѣе Ѳ. Плещеева двумя мѣстами, а старшаго его брата Димитрія однимъ мѣстомъ; — *«а до Димитрія не только намъ дѣло, но и большимъ* (въ подл. *послѣднимъ) родителямъ нашимъ»*—сказалъ Лыковъ. Бояре велѣли дум. розрядному дьяку Сыдавному-Васильеву подписать Матвѣеву сказку. Въ заключеніе суда челобитчикамъ объявили: «Ѳедоръ! билъ челомъ на тебя Исакъ Погожей, и Исаку можно быть съ тобою; а ты, Исакъ, билъ челомъ не дѣломъ на Ѳедора, можно и большому твоему брату Димитрію быть, а до сихъ поръ такіе неродословные люди, дѣти боярскія, на такихъ родословныхъ людей не бивали челомъ государю и тѣмъ его не кручинили» [2]).

11 іюня была коронація царя Михаила Ѳедоровича; по случаю этого торжества пожалованы были въ бояре стольники кн. Ив. Борис. Черкаскій и кн. Дм. Мих. Пожарскій. Боярство обоимъ сказывалъ д. дьякъ Сыдавный-Васильевъ; у сказки велѣно стоять боярину Вас. Петр. Морозову и сокольничему дум. дворянину Гавр. Григ. Пушкину. Морозовъ билъ челомъ въ отечествѣ на Черкаскаго, Пушкинъ — на Пожарскаго, говоря, что родители Пушкиныхъ меньше Пожарскихъ никогда не были, и что при царѣ Вас. Ивановичѣ билъ челомъ о судѣ на князя Димитрія меньшій братъ его Ив. Мих. Пушкинъ и судъ до сихъ поръ не вершенъ. Царь указалъ *«для своего царскаго вѣнца во всякихъ чинахъ быть безъ мѣстъ, а не для Гаврилова челобитья»* [3]). — Въ золотой палатѣ царь черезъ посольскаго дьяка Третьякова объявилъ, чтобы золотыми его осыпалъ бояр. кн. Ѳ. И. Мстиславскій, Мономахову шапку держалъ бояр. И. Н. Романовъ, скипетръ — бояр. кн. Д. Т. Трубецкой. —Трубецкой билъ челомъ, что съ Романовымъ ему быть не вмѣстно. Царь сказалъ ему: *«вѣдомо твое отечество передъ Иваномъ, можно ему тебя меньше быть; а нынѣ тебѣ быть для того, что мнѣ Иванъ Никитичь по родству дядя; быть вамъ безъ мѣстъ»* [4]). — Передъ вѣнцомъ за регаліями на казенный дворъ были посланы князь Д. М. Пожарскій, Вас. Пет. Морозовъ и Никиф. Вас. Траханіотовъ. Съ казеннаго двора въ золотую палату и оттуда въ соборную церковь регаліи были несены въ слѣд. порядкѣ: Мономахову шапку, діадиму и крестъ несъ на блюдѣ Благовѣщенскій протопопъ Кириллъ; скипетръ несъ кн. Пожарскій; яблоко—Траханіотовъ; Морозовъ шелъ *передъ*

---

2) Ibid. стол. 95, 118, 119. — 3) Ibid. стол. 96; рѣшеніе въ пользу Пушкина. — 4) Ibid. ст. 97

саномъ; онъ сталъ бить челомъ, что ему нельзя быть меньше кн. Трубецкаго, которому приказано держать скипетръ. «*Можно тебѣ всегда быть съ кн. Димитріемъ*»—сказалъ ему царь, подтвердивъ свое приказаніе—*идти передъ саномъ*. Во время обѣда и на третій день было объявлено: «*весь безъ мѣстъ*»[5]).

8 сентября былъ у царя столъ; у стола были кн. Ѳ. Ив. Мстиславскій, И. Н. Романовъ, кн. Б. М. Лыковъ. Послѣдній билъ челомъ что, ему меньше Романова невмѣстно быть. Царь долго кручинился на кн. Лыкова и говорилъ, что ему можно быть подъ Иваномъ Никитичемъ. Лыковъ былъ у стола и послѣ обѣда къ царской чашѣ подходилъ послѣ Романова[6]).

18 сентября царь принималъ Персидскаго посла Амиръ Албека; при этомъ рындами были назначены стольники — кн. Юрій Енишеевичь Сулешевъ, Ив. Петр. Шереметевъ, кн. Юрій Дм. Хворостининъ, кн. Алексѣй Мих. Львовъ.—Шереметевъ билъ челомъ на Сулешева, Львовъ—на Хворостинина. Царь указалъ отставить всѣхъ четверыхъ; вмѣсто ихъ указано быть князьямъ Вас. и Ѳед. Семен. Куракинымъ, Анд. Ѳедор. Литвинову-Масальскому и Ив. Ив. Чепчюгову[7]). — Эти два назначенія повлекли за собою довольно сложный споръ о мѣстахъ, любопытный въ подробностяхъ. Началось тѣмъ, что какъ скоро Масальскій и Чепчюговъ услышали о своемъ назначеніи, то убѣжали съ царскаго двора, первый спрятался, второй сказался больнымъ. Царь велѣлъ привести ихъ и долго ждалъ. Но не дождавшись, велѣлъ быть съ Куракиными кн. Вас. Григ. Ромадановскому большому и И. И. Чепчюгову. Послѣдняго на этотъ разъ взяли въ его домѣ и привели во дворецъ силою; онъ оказался здоровымъ. Когда же ему указано было занять назначенное ему мѣсто, то онъ сталъ бить челомъ, что ему не вмѣстно быть съ Ромадановскимъ. Челобитье его затронуло честь Д. М. Пожарскаго и В. Ромадановскаго: оба они ударили челомъ царю, что Чепчюговъ обезчестилъ весь ихъ родъ, что онъ *молода отца сынъ*, что дѣдъ его Никифоръ бывалъ въ головахъ у Татаръ, — «*да и то случаемъ* — прибавили они — *что былъ Щелкаловымъ свой и они его по свойству вынесли*». Ромадановскій былъ оправленъ; Чепчюгова указано бить батогами и выдать кн. Василью головою. Князь Масальскій также былъ битъ батогами за то, что «*государева указу не послушался, схоронился*»[8]). Въ тотъ же день, какъ только царь пришелъ въ золотую палату, ему сталъ бить челомъ кн. Сулешевъ о безчестьи на Ивана Шереметева. Шереметевъ, въ свою очередь, сталъ говорить, что князь Юрій иноземецъ,—«*а въ нашу де версту*—прибавилъ онъ—*по сл мѣста менши его никто не бывалъ, и въ томъ де твоя государева воля, какова ты его, государь, ни учинишь, только бы нашему отечеству впредь въ томъ*

---

5) Ibid. столб. 98, 99. — 6) Ibid. ст. 109. — 7) Ibid. ст. 110. — 8) Ibid. ст. 111.

поруxи не было.» На Шереметева стали бить челомъ Вас. Ив. Бутурлинъ, Мат. Ив. Плещеевъ-Колоткинъ, кн. Ив. Ѳед. Троекуровъ. Всѣ они утверждали, что Шереметевъ проситъ на Сулешева не дѣломъ, что они бывали съ кн. Юріемъ, а честію они не хуже Шереметева и, слѣдовательно, онъ ихъ своимъ челобитьемъ безчеститъ. Повторилъ свое челобитье и Сулешевъ, говоря, что у В. Бутурлина есть невмѣстная грамота на дядю Шереметева, Ѳедора Ивановича, и что Василій Бутурлинъ былъ съ нимъ Сулешевымъ безсловно; «*да не токмо де В. Бутурлину* — сказалъ онъ—*или Ивану Шереметеву, хотя бъ кто и лутче, ино по вашей государской милости, и по моему отечеству, мочно быти со мною, холопомъ твоимъ, безсловно; князь Петра де Урусова царь Василей розвелъ съ бояриномъ кн. Мих. Вас. Скопинымъ-Шуйскимъ, а наши де родители въ Крымѣ гораздо честнѣе Урусовыхъ, и то де вамъ государемъ извѣстно; ино де, государь, по вашей государской милости и по нашему отечеству не сошлося было Ивану Шереметеву на меня холопа твоего въ отечествѣ бить челомъ.»* — Ив. Петр. Шереметевъ противъ этого сталъ бить челомъ царю, что «*князь Петръ Урусовъ и кн. Юрья Енишинъ роды Крымскіе въ Московск. государствѣ, отечество ихъ невѣдомо, кто кого болши или менши, то въ его государевѣ волѣ, хочетъ онъ государь иноземцевъ учинити у себя государя честна и велика, онъ государь учинитъ, а по ся мѣста съ кн. Юрьемъ никто въ его версту не бывалъ.*»—Царь, выслушавъ челобитья, указалъ д. р. дьяку Сыдавному-Васильеву объявить Шереметеву, что ему можно быть съ Сулешевымъ по *его иноземству*. Споръ этотъ происходилъ 20 сентября; на другой день билъ челомъ царю бояр. Ѳ. И. Шереметевъ, что «кн. Юрій въ своемъ челобитьи *опозоря и обезчестя* его говорилъ, что у В. Бутурлина есть на него невмѣстная грамота, чтобы государь велѣлъ допросить про нее кн. Юрія, а В. Бутурлину—положить ту грамоту передъ собою государемъ». Царь указалъ боярамъ разобрать это дѣло. На допросѣ Сулешевъ показалъ, что самъ онъ той грамоты не видалъ, но слышалъ объ ней отъ другихъ. Когда же Бутурлинъ объявилъ, что у него нѣтъ невмѣстной грамоты на бояр. Шереметева, то бояре сдѣлали слѣд. приговоръ: «*чтобы грамота впредь не объявилась, а будетъ объявится, и та грамота не въ грамоту*»[9]).

26 сентября царь указалъ стряпчему Ѳед. Ив. Пушкину собрать во Владимірѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ, потомъ отвести ихъ въ Новгородъ къ князьямъ Д. Т. Трубецкому и Данилѣ Ив. Мезецкому. Пушкинъ билъ челомъ на Мезецкаго въ отечествѣ. Царь велѣлъ отвести дворянъ и дѣтей боярскихъ къ одному Трубецкому; такъ и въ разрядѣ записали [10]).

10 октября былъ у царя столъ въ золотой палатѣ; у стола были бояре;

---

9) Ibid. столб, 112, 113, 114. — 10) Ibid. ст. 115.

въ столы смотрѣли: въ большой — Вас. Ив. Бутурлинъ; въ кривой — Ив. Афан. Плещеевъ. Послѣдній билъ челомъ на Бутурлина, но, по царскому указу, былъ обвиненъ и выданъ Бутурлину головою[11]).

6 декабря царь пожаловалъ въ бояре: 1) кн. Ив. Никит. меньшаго Одоевскаго; у сказки велѣно стоять бояр. кн. Влад. Тимоѳ. Долгорукому; сказывалъ боярство д. дьякъ С.-Васильевъ; 2) Бор. Мих. Салтыкова; у сказки указано было стоять кн. Д. М. Пожарскому, сказывать боярство тому же дьяку. Кн. Пожарскій билъ челомъ, что ему меньше Салтыкова быть невмѣстно; онъ приводилъ двѣ причины: 1) что кн. Григ. Петр. Ромадановскій въ роду меньше его, а былъ больше Григ. Мѣщанинова Морозова, который въ своемъ роду таковъ, каковъ въ своемъ Мих. Глѣб. Салтыковъ, послѣдній же приводится Борису Салтыкову дядею и больше его тремя мѣстами; 2) боярство кн. Ивану Одоевскому назначенъ сказывать кн. Влад. Долгорукій, а ему кн. Димитрію нельзя быть меньше кн. Долгорукаго, ибо послѣдній былъ выданъ головою дядѣ его кн. Петру Пожарскому, князь же Петръ въ ихъ роду меньше его. Едва только кн. Пожарскій высказалъ все это, какъ на него стали бить челомъ: 1) кн. Владиміръ утверждая, что Пожарскій *затѣваетъ ложь* — будто онъ былъ выданъ головою его дядѣ,—чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ сыскать про это своими государевыми разрядами; 2) Борисъ и Михайло Мих. Салтыковы,—что Пожарскій безчеститъ ихъ своимъ отказомъ, что ему можно быть меньше многими мѣстами, что кн. Ив. Ромадановскій былъ въ Ливнахъ въ товарищахъ у Мих. Глѣб. Салтыкова, который по родству меньше ихъ, князь же Иванъ въ своемъ родѣ больше кн. Димитрія; кромѣ того, говорили они, кн. Димитрій при царѣ Василіѣ былъ разведенъ съ Ив. Пушкинымъ, который у отца своего пятый сынъ, старшій же братъ послѣдняго Астафій Пушкинъ былъ меньше Мих. Глѣб. Салтыкова. «*Да и по инымъ многимъ случаямъ можно намъ больше быть кн. Димитрія*», — сказали они въ заключеніе. Спросили Ив. Пушкина, который тутъ же подтвердилъ, что челобитье его на кн. Димитрія при царѣ Василіѣ было записано, только дѣло осталось невершенымъ. Пожарскій противъ этихъ статей не говорилъ ничего. Когда же царь объявилъ, что можно ему быть меньше Бор. Салтыкова, то онъ уѣхалъ къ себѣ на дворъ и сказался больнымъ. — Поговоря съ боярами, Михаилъ Ѳедоровичь велѣлъ д. дьяку Сыд.-Васильеву сказать боярство Салтыкову, въ разрядѣ же записать, что сказывалъ кн. Пожарскій. Борисъ Салтыковъ благодарилъ царя за такое рѣшеніе и снова ударилъ челомъ о безчестьи на кн. Димитрія. Послѣ обѣда онъ еще разъ просилъ, чтобы царь его пожаловалъ, велѣлъ учинить ему оборонь на кн. Пожарскаго. Царь, поговоря съ боярами, указалъ вывесть кн. Дим. Михайловича въ городъ и выдать Салтыкову головою[12]).

11) Ibid. столб. 118. — 12) Ibid. ст. 120, 121, 122, 123.

1614. — 6 февраля царь указалъ быть въ Литовской землѣ на войнѣ съ кн. Алексѣемъ Мих. Львовымъ и Перфиліемъ Секиринымъ головѣ Осипу Прончищеву. Прончищевъ просилъ о разрѣшеніи быть съ однимъ Львовымъ; царь исполнилъ его просьбу; въ грамотѣ, посланной по этому случаю Львову, было прибавлено: «*будетъ Перфилью до Осипа дѣло, и онъ бы билъ челомъ государю*[13]).

Въ тоже время приказано было идти изъ Бѣлой подъ Смоленскъ стольникамъ кн. Димит. Мамстрюковичу Черкаскому и кн. Ив. Ѳед. Троекурову; они пришли подъ Смоленскъ и начали осаду. Между тѣмъ царь, получивъ извѣстіе, что на службу съ Черкаскимъ и Троекуровымъ не явились многіе изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ Украинныхъ городовъ, указалъ послать въ Калугу сборщикомъ Мих. Пушкина; ему же велѣно было и отвести подъ Смоленскъ собранныхъ. Пушкинъ билъ челомъ, что ему отводить ихъ къ кн. Троекурову невмѣстно. Царь велѣлъ написать въ наказѣ, чтобы отвелъ дворянъ и дѣтей боярскихъ къ одному Черкаскому. Когда такъ и сдѣлалось, то Троекуровъ сталъ бить челомъ на Пушкина о безчестьи, прописавъ въ челобитной, что ему отъ того позору нельзя быть подъ Смоленскомъ у государева дѣла. Писалъ къ царю и Черкаскій, что кн. Троекуровъ не *сидитъ у государева дѣла* изъ-за Пушкина. Въ слѣдствіе сего послали Троекурову грамоту, въ которой, между прочимъ, сказано: «*Михайлова челобитья на него князя Троекурова не бывало, а хотя бы и было его челобитье въ отечествѣ, и твое отечество намъ и боярамъ вѣдомо; Пушкинымъ съ тобою не сошлось.*» Далѣе говорится, что если Пушкину приказано было отвести дворянъ и дѣтей боярскихъ къ одному кн. Черкаскому, то такъ распорядились по той причинѣ, что городамъ, въ которыхъ Пушкинъ былъ сборщикомъ, по первому наряду было приказано быть съ кн. Черкаскимъ. Грамота оканчивается увѣщаніемъ, чтобы князь Троекуровъ по прежнему былъ у государева и земскаго дѣла и промышлялъ вмѣстѣ съ Черкаскимъ[14]).

17 апрѣля, въ вербное воскресенье, былъ у царя столъ; у стола указано быть: боярямъ кн. Ѳ. И. Мстиславскому, И. Ник. Романову, кн. Б. М. Лыкову, окольничему Артемію Вас. Измайлову. Лыковъ билъ челомъ на Романова, который, въ свою очередь, утверждалъ, что кн. Борису можно быть съ нимъ, а только онъ не хочетъ и тѣмъ его безчеститъ. Царь напомнилъ Лыкову, что прежде онъ 8 сентября прошлаго года былъ у стола вмѣстѣ съ Ив. Никитичемъ. Лыковъ отвѣчалъ, что ему «*никоторыми дѣлы быть менши Ив. Никитича невмѣстно, лучше бъ его государь велѣлъ казнить смертью, а менши Ивана быть не велѣлъ; а будетъ государь укажетъ ему быти съ Романовымъ по своему государеву родству, и онъ съ нимъ быть готовъ.*» Царь сказалъ, что ему съ Романо-

13) Ibid. столб. 124. — 14) Ibid. ст. 124, 125, 126, 127, 128.

вымъ можно быть по многимъ случаямъ, а не по родству, и онъ бы его не кручинилъ, садился бы за столомъ ниже Романова. Лыковъ не послушался, за столъ не сѣлъ и поѣхалъ къ себѣ на дворъ. Царь еще разъ послалъ сказать ему, чтобы онъ не упрямился, шелъ къ столу, въ противномъ случаѣ быть выдану Романову головою. «*Готовъ ѣхать къ казни*», отвѣчалъ Лыковъ. Тогда царь послалъ къ Лыкову Ив. Чемоданова и Леонт. Извольскаго, приказавъ имъ взять его и отвести къ Ив. Никитичу для выдачи головою; при этомъ Романову сказано было царское милостивое слово. Посланные исполнили царскій указъ въ точности[15]).

5 мая царь ходилъ къ Николѣ на Угрѣшу на освященіе храма. Тамъ онъ пожаловалъ бояръ и дворянъ, велѣлъ имъ быть у стола; въ столы смотрѣли: въ большой—стольникъ Вас. Петр. Шереметевъ, въ кривой—Ив. Никиф. Траханіотовъ. Траханіотовъ билъ челомъ, что ему меньше Шереметева невмѣстно быть. Царь велѣлъ сказать: «*бьетъ челомъ не дѣломъ, не по своей мѣрѣ*»[16]). Тогда же царь пожаловалъ въ постельничіе Конст. Ив. Михалкова, а Степ. Яков. Милюкова въ стряпчіе съ ключомъ. Милюковъ билъ челомъ на Михалкова. Царь принялъ его челобитье и велѣлъ ему *ѣсть подавать;* вмѣсто его назначенъ былъ Ив. Ив. Чемодановъ[17]).

Въ этомъ году на Украйнѣ воеводами были назначены: въ большой полкъ въ Тулѣ стольн. кн. Ив. Мих. Катыревъ-Ростовскій, товарищемъ у него былъ Григ. Анд. Глазунъ-Плещеевъ; въ перед. полкъ въ Мценскѣ столн. Ив. Пет. Шереметевъ, кн. Юрій Косой Иван. Шаховской; въ сторожевой полкъ въ Новосили кн. Ив. Анд. Хворостининъ, Өед. Ив. Строй-Челюсткинъ. Въ Переяславлѣ Ряз. кн. Өед. Ив. Лыковъ. При этомъ били челомъ: кн. Шаховской—на Плещеева,—дано было въ отвѣтъ: «*быть безъ мѣстъ*»; Гр. Плещеевъ—на Шереметева,—получилъ въ отвѣтъ: *бьешь челомъ не по своей мѣрѣ*». Оба челобитчика не противились болѣе[18]).

24 іюня царь указалъ послать подъ Смоленскъ къ воеводамъ Черкаскому и Троекурову *для своего государскаго дѣла* Ө. Ө. Михалкова и Ив. Өед. Кикина; объ этомъ сказано было имъ въ Разрядѣ и наказъ данъ. Кикинъ въ Разрядѣ не билъ челомъ на Михалкова; но *потомъ, не хотя государю служить, взявъ съ Өедоромъ вмѣстѣ наказъ и подводы,* поѣхалъ къ себѣ на дворъ. Одумавшись, онъ снова пришелъ въ Разрядъ и объявилъ, что съ Михалковымъ ему невмѣстно быть. Царь велѣлъ разсмотрѣть дѣло. Бояре нашли, что Кикину съ Михалковымъ *пригоже быть,* потому что Михалковы и у прежнихъ государей бывали въ ближнихъ людяхъ и по городамъ въ воеводахъ, а Кикины *люди обычные, служатъ съ городомъ.* Вслѣдствіе сего Кикина за ослушаніе присудили посадить въ тюрму. Послѣ открылось, что Кикинъ билъ челомъ въ надеждѣ, что его отставятъ отъ той

---

15) Ibid. столб. 128, 129, 130. — 16) Ibid. ст. 131. — 17) Ibid. ст. 132. — 18) Ibid. ст. 133.

посылки, ибо ему по бѣдности не съ чѣмъ было подняться въ дорогу. За безчестіе Михалкова Царь указалъ выдать ему Кикина головою[19]).

Когда пришло извѣстіе изъ Астрахани, что Заруцкій побѣжалъ оттуда на Яикъ и что за нимъ послана погоня, Астраханцы же *вины свои принесли и съ повинною къ государю на Москву прислали,* — то царь указалъ послать въ Астрахань къ воеводамъ кн. Ив. Никит. Одоевскому, Сем. Вас. Головину и на Терекъ къ Пет. Пет. Головину, Дмит. Сем. Погожего съ тѣмъ, чтобы онъ за Астраханскую и Терскую службу сказалъ имъ царское милостивое слово, спросилъ о здоровьи и роздалъ золотые. Погожей билъ челомъ, что ему ѣхать къ П. Головину невмѣстно; на него билъ челомъ племянникъ Петра Головина, Иванъ Вас., чтобы царь пожаловалъ, велѣлъ дать имъ оборонь. Царь указалъ допросить Погожего — по какимъ случаямъ ѣхать ему къ П. Головину невмѣстно? Погожей объявилъ, что при царѣ Василіѣ въ походѣ на Литовскихъ людей подъ Троицею меньшой братъ его Ѳедоръ былъ въ товарищахъ въ сторожевомъ полку съ Ѳед. Головинымъ и тогда же билъ челомъ царю Василію, что ему быть меньше невмѣстно,—вслѣдствіе чего былъ разведенъ;—«*да и потому*,— прибавилъ Погожей — *что Петръ Головинъ государю не служивалъ, а моя службишка государю извѣстна.*» Ив. Головинъ просилъ, чтобы бояре велѣли сыскать про Троицкую службу и спросить у тѣхъ, которые тотъ походъ помнятъ. Бояре спросили окольн. кн. Гр. Петр. Ромадановскаго и дьяка Марка Поздѣева, участвовавшихъ въ Троицкомъ походѣ. Оба они объявили, что тогда въ сторожевомъ полку Ѳ. Головинъ былъ одинъ, а Погожей въ ту пору воеводою не бывалъ и не билъ челомъ на Ѳ. Головина. Бояре приговорили бить Погожего батогами и посадить въ тюрму. Обвиненному была объявлена слѣд. сказка: «Не сошлось дѣтямъ Петровымъ съ твоимъ Димитріевымъ отцемъ; у П. Головина отецъ былъ бояринъ, да и всѣ Головины при государяхъ были въ чести; а твой Димитріевъ отецъ въ разрядахъ нигдѣ не объявливался, служилъ въ Калугѣ съ городомъ и люди вы неродословные, *а до сихъ поръ дѣтишки боярскія, такіе неродословные люди на родословныхъ не бивали челомъ и государя тѣмъ не кручинивали;* а что ты, Димитрій, говорилъ, что Ѳ. Погожей разведенъ съ Ѳ. Головинымъ, и то ты солгалъ.»—Царь однако смягчилъ приговоръ: бить батогами Погожего не велѣлъ, ограничивъ наказаніе заключеніемъ въ тюрму[20]).

28 іюля, по Крымскимъ вѣстямъ, царь изъ Новодѣвич. монастыря послалъ на Москву бояр. Вас. Пет. Морозова и окольн. Никиту Вас. Годунова, велѣвъ имъ быть вмѣсто себя. Годуновъ билъ челомъ на Морозова. Царь и бояре приговорили за безчестье Морозова посадить Годунова въ

---

19) Ibid. ст. 134, 135, 136. — 20) Ibid. ст. 136, 137, 138, 139, 140.

тюрму. Но онъ вторично билъ челомъ на Морозова; царь не принялъ челобитной и суда давать не велѣлъ[21]).

Въ августѣ приказано быть воеводами: въ Псковѣ кн. Ив. Ѳед. Хованскому, Ѳед. Леонт. Бутурлину; во Гдовѣ Григ. Ив. Кокореву. Послѣдній билъ челомъ на Бутурлина и получилъ невмѣстную грамоту[22]).

Въ сентябрѣ послѣ 8 числа въ селѣ Рубцовѣ на освященіе храма св. Николая былъ у царя столъ; къ столу были позваны бояре кн. Ѳ. И. Мстиславскій, да И. Н. Романовъ; въ столы смотрѣли: въ большой — Ив. Петр. Шереметевъ; въ кривой—Левъ Афан. Плещеевъ. Послѣдній билъ челомъ, что ему невмѣстно быть съ Шереметевымъ, который, въ свою очередь, просилъ объ оборони. Когда спросили Плещеева, почему ему невмѣстно быть съ Шереметевымъ, то онъ объявилъ, что собственно говоря, ему можно быть съ нимъ, только при царѣ Борисѣ билъ челомъ на Пет. Никит. Шереметева Димитрій Вельяминовъ и тотъ судъ не вершенъ; съ Вельяминовыми же Плещеевы вездѣ бывали безсловно; поэтому если государь пожалуетъ, велитъ записать, что Вельяминовы меньше Шереметевыхъ, то онъ готовъ быть съ Ив. Петровичемъ. Царь велѣлъ записать въ разрядѣ, что Вельяминовымъ и впредь можно быть меньше Шереметевыхъ. Послѣ этого Плещеевъ былъ безсловно[23]).

30 октября царь принималъ Датскаго посла; въ пріемной палатѣ сидѣли по лавкамъ: на большой кн. Ѳ. И. Мстиславскій, Ѳ. И. Шереметевъ, кн. Д. Т. Трубецкой и другіе бояре и окольничіе—*всѣ безъ мѣстъ;* на другой—кн. Ив. Вас. Голицынъ, казначей Никиф. Вас. Траханіотовъ, постельничій Конст. Ив. Михалковъ и иные дворяне—также *безъ мѣстъ*. Рындами были стольники: кн. Вас. и Ѳед. Сем. Куракины, Мат. Вас. Прозоровскій и Степ. Матв. Проѣстевъ.—Прозоровскіе Семенъ и Матвѣй били челомъ на Ѳ. Куракина, что быть съ нимъ невмѣстно и чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ судъ и счетъ имъ дать. Куракины просили объ оборони. Царь указалъ стоять имъ во время пріема по росписи безсловно; боярамъ же велѣно допросить послѣ Прозоровскихъ; послѣдніе неотступно просили суда, «*случаевъ у насъ много*—говорили они—*да передъ боярами ихъ положить нельзя, потому что въ нихъ дойдетъ и до многихъ бояръ.*» По государеву указу бояре приговорили обвинить Мат. Прозоровскаго, что билъ челомъ не дѣломъ, ибо съ Ѳ. Куракинымъ можно быть даже старшему его брату. Но царь все же велѣлъ допросить Прозоровскихъ, почему они били челомъ на Куракиныхъ? Прозоровскіе отказали боярамъ и случаевъ не дали; послѣ чего кн. Матвѣй за безчестье Ѳ. Куракина былъ посаженъ на три дня въ тюрму[24]).

3 ноября царь послалъ Ратмана Андр. Вельяминова въ Калугу за хлѣбными *пособными* запасами, которые потомъ приказано было ему отвезти

21) Ibid. ст. 140. — 22) Ibid. ст. 141. — 23) Ibid. ст. 155, 156. — 24) Ibid. ст. 157, 158.

подъ Смоленскъ къ князьямъ Черкаскому и Троекурову. Вельяминовъ билъ челомъ, что къ Троекурову ему ѣхать невмѣстно, потому что при царѣ Борисѣ былъ судъ у князя Романа Троекурова съ княземъ Данилою Мезецкимъ и тотъ судъ не вершенъ; при царѣ же Борисѣ дядя Мезецкаго былъ меньше его дяди Якова. Царь велѣлъ отправить Вельяминова силою, если онъ не поѣдетъ добровольно; Вельяминовъ повиновался[25]).

1615. — 1 генваря царь принималъ Англійскаго посла Джона Мерика; рындами при этомъ были стольники Ив. Ив. Салтыковъ, Ив. Вас. Плещеевъ, Анд. Осип. Плещеевъ, Исакъ Сем. Погожей. Послѣдній билъ челомъ на Анд. Плещеева, который просилъ объ оборони. Царь кручинился на Погожего и говорилъ: «*давно ли ты выданъ былъ головою Ѳ. Смердову Плещееву.*» Между тѣмъ приказано было рѣшить дѣло безъ суда, только справкою съ разрядами. Бояре, исполнивъ царскій указъ, объявили Погожему, что онъ билъ челомъ не дѣломъ[26]).

16 марта царь снова принималъ Джона Мерика; рындами были стольники Ив. и Бор. Петр. Шереметевы, Ив. Ив. Пушкинъ и кн. Мих. Ѳед. Волконскій, который билъ челомъ въ отечествѣ на Пушкина[27]).

22 марта царь указалъ быть въ Украинныхъ городахъ воеводами: въ больш. п. въ Тулѣ стольн. кн. Вас. Сем. Куракину, Ратм. Анд. Вельяминову, при нихъ долженъ былъ находиться дьякъ Семейка Зеленый; въ перед. п. въ Мценскѣ стольн. кн. Сем. Вас. Прозоровскому, кн. Юр. Иван. Косому Шаховскому; въ сторож. полку въ Новосилѣ стольн. кн. Юр. Дмит. Хворостинину, Ѳед. Исак. Леонтьеву. Князь С. Прозоровскій не поѣхалъ въ перед. полкъ и сказался больнымъ. Ему объявили царскимъ именемъ, если онъ не ѣдетъ на службу за *кѣмъ за мѣстами,* и онъ бы о томъ билъ челомъ государю, а на службу бы ѣхалъ. Прозоровскій сказалъ, что не ѣдетъ по болѣзни, а не за мѣстами. Но за него сталъ бить челомъ братъ его, князь Матвѣй, на кн. Куракина и просилъ, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ ему судъ дать. Бояре сыскали разрядами и объявили чрезъ д. дьяка Сыдав.-Васильева, что кн. Семену можно быть меньше младшаго брата кн. Куракина, Ѳедора; Матвѣя же Прозоровскаго за братнино челобитье присудили бить батогами въ Разрядѣ и посадить въ тюрму. Въ тоже время были еще слѣдующія челобитья: 1) кн. Хворостинина на С. Прозоровскаго, — указано *сыскать разрядами;* 2) кн. Шаховскаго и Леонтьева на Ратм. Вельяминова, который просилъ объ

---

25) Ibid. столб. 160, 161. — 26) Ibid. ст. 168. Когда бояре разбирали дѣло И. Погожего съ Смерд. Плещеевымъ, то тамъ не было сказано, чтобъ его присудили выдать головою. — 27) Ibid. ст. 171.

обороны,—дано въ отвѣтъ: *»быть на службѣ по росписи, а какъ служба минетъ, на Ратмана судъ дадутъ*[28]).

25 марта у царя былъ столъ. Послѣ стола царь пожаловалъ за Турецкую службу бояр. кн. Алексѣю Юрьев. Сицкому шубу да кубокъ; а стольн. кн. Ѳ. Елецкому за Рыльскую службу—шубу да ковшъ. Елецкій билъ челомъ, что ему невмѣстно быть меньше кн. Сицкаго и подходить послѣ него къ государеву жалованью. Царь отказалъ; Елецкій болѣе не противился[29]).

Въ апрѣлѣ царь послалъ подъ Смоленскъ къ Черкаскому и Троекурову съ жалованнымъ словомъ и о здоровьи спрашивать Никиту Ив. Ласкирева. Ласкиревъ билъ челомъ на Троекурова; ему объявлено, чтобы ѣхалъ, а какъ кн. Троекуровъ будетъ въ Москвѣ, и тогда дадутъ ему счетъ въ отечествѣ. Въ маѣ кн. Троекуровъ былъ смѣненъ за болѣзнію. Оправившись, онъ былъ у царя у руки и тутъ сталъ бить челомъ на Ласкирева о безчестьи. Царь велѣлъ навести справку разрядами. Бояре велѣли Ласкиреву принести случаи; онъ упомянулъ въ своихъ случаяхъ кн. Пет. Сем. Лобанова-Ростовскаго. Это обстоятельство заставило бить челомъ на Ласкирева кн. Афан. Вас. Лобанова-Ростовскаго, который утверждалъ, что Ласкиревъ не дѣломъ упомянулъ въ своихъ случаяхъ его дядю и тѣмъ его обезчестилъ. Царь велѣлъ навести новую справку въ разрядахъ. Бояре обвинили Ласкирева; сказка ему была объявлена за Троекурова и Лобанова; касательно перваго сказано, что можно быть меньше кн. Троекурова не только ему, но и отцу его Ивану; о второмъ же было объявлено, что онъ привелъ его въ случаяхъ не дѣломъ. Вслѣдствіе чего за безчестіе кн. Аф. Лобанова и его родителей и присудили посадить Ласкирева въ тюрму[30]).

Въ іюнѣ царь послалъ подъ Смоленскъ къ кн. Ив. Анд. Хованскому и Мирону Анд. Вельяминову Ивана Влад. Спасителева, поручивъ ему строить острожки. Спасителевъ билъ челомъ на Вельяминова, утверждая свое старшинство на томъ, что дѣдъ его былъ постельничимъ у князя Юрія Васильевича, а съ нимъ были Дмит. Годуновъ, да Ив. Мятлевъ. Царь отказалъ ему съ подтвержденіемъ немедленно ѣхать на мѣсто назначенія.

Въ іюнѣже царь указалъ быть въ Псковѣ осадными воеводами бояр. Вас. Пет. Морозову, Ѳед. Леонт. Бутурлину; вылазнымъ и походнымъ былъ назначенъ кн. Афан. Ѳед. Гагаринъ. Гагаринъ билъ челомъ, что ему невмѣстно быть съ Бутурлинымъ и просилъ, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ бы писать въ наказѣ и грамотахъ *бояр. В. П. Морозова съ товарищи*. Царь исполнилъ его просьбу. Но Бутурлинъ обидѣлся, что имя его не прописывается въ бумагахъ, подалъ челобитную, въ которой выставилъ, что кн. Гагаринъ, *приходя въ съѣзжую избу, садится у*

28) Ibid. ст. 172, 173, 174. — 29) Ibid. ст. 175. — 30) Ibid. ст. 176, 177, 178, 179.

государева дѣла и съ нимъ мѣстничается. Царь велѣлъ писать въ бумагахъ: «*бояр. Вас. Пет. Морозову, Ѳед. Бутурлину и кн. Аф. Гагарину*». Недовольный такимъ рѣшеніемъ, кн. Гагаринъ снова сталъ бить челомъ, чтобы государь его пожаловалъ, не велѣлъ выдавать его Бутурлину безъ суда и безъ сыску; въ заключеніе онъ говорилъ, что когда ему велятъ быть въ Москвѣ, и онъ тогда станетъ бить челомъ на Бутурлина и случаи подастъ [31]).

Въ іюнѣ царь велѣлъ собирать въ Суздалѣ ратныхъ людей и привести ихъ въ Москву; такое порученіе было возложено на Ив. Ѳед. Леонтьева и Анд. Дурново. Послѣдній билъ челомъ на Леонтьева. Царь отказалъ не только ему, но и дядѣ его Петру, повторившему челобитье и утверждавшему, что они вездѣ честнѣе Леонтьевыхъ бывали [32]).

Въ томъ же году царь указалъ послать подъ Смоленскъ къ кн. Хованскому и Вельяминову съ милостивымъ словомъ и о здоровьи спросить кн. Сем. Волконскаго. Волконскій сталъ бить челомъ, что ему меньше Вельяминова быть и о здоровьи его спрашивать невмѣстно, и чтобы государь велѣлъ въ наказѣ написать имя одного кн. Хованскаго [33]).

Въ августѣ посланы были на съѣздъ съ Литовскими послами подъ Смоленскъ бояр. кн. Ив. Мих. Воротынскій, кн. Алексѣй Юрьевичь Сицкій, Арт. Вас. Измайловъ, Семенъ Коробинъ, Ефимъ Телепневъ, дьяки Болотниковъ

---

31) Ibid. ст. 183, 184. Упорство Гагарина было такъ велико, что когда царь въ генварѣ 1616 года послалъ къ Псковскимъ воеводамъ кн. Татева съ своимъ жалованнымъ милостивымъ словомъ и золотыми, то онъ не взялъ золотаго, потому что ему пришлось подходить послѣ Бутурлина (ст. 210). Дѣло поднялось въ апрѣлѣ 1616 года, по возвращеніи въ Москву Псковскихъ воеводъ. 7 апрѣля царь велѣлъ имъ быть у стола; послѣ обѣда онъ жаловалъ ихъ шубами и кубками. Гагарину и тутъ пришлось подходить послѣ Бутурлина, который, въ свою очередь, сталъ просить объ обороны. Царь указалъ разобрать ихъ дѣло боярамъ. Когда же послѣдніе объявили Гагарину, что безъ случаевъ нельзя дать ему суда, тогда онъ сталъ говорить, что съ Ѳ. Бутурлинымъ ему можно быть, бьетъ же на него челомъ потому, что другіе *Бутурлины худы.* Бояре, разсмотрѣвъ дѣло и доложа царю, составили слѣдующее рѣшеніе: «Ѳ. Бутурлина оправить, а кн. Аф. Гагарина обвинить, потому что билъ челомъ на Ѳедора не по своей мѣрѣ, не дѣломъ, сказавъ будто Богданъ Бутурлинъ пріѣзжалъ отъ Арт. Измайлова съ сеунчемъ, и того не бывало, и что Вас. Кир. Бутурлинъ былъ съ Григ. Образцовымъ во Ржевѣ, — и Вас. Кир. Бутурлинъ съ Образцовымъ во Ржевѣ не бывалъ, а былъ въ головахъ отъ боярина Ѳ. И. Шереметева, *а отецъ Ѳедора Леонтьевича былъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ честный человѣкъ, въ стольникахъ, а кн. Гагарина отецъ служилъ съ городомъ, да и нынѣ многіе роду ихъ служатъ съ городомъ,* и напередъ сего Гагарины на Бутурлиныхъ не бивали челомъ о мѣстѣхъ.» Царь указалъ посадить кн. Гагарина въ тюрму, что̀ и исполнено 31 мая. Столб. 217, 218. — 32) Ibid. ст. 185. — 33) Ibid. стол. 185, 186.

и Витовтовъ. Коробинъ билъ челомъ на Измайлова, но царь указалъ быть по росписи и что судъ будетъ данъ по возвращеніи изъ подъ Смоленска[34]). Князь Воротынскій съ товарищами прибылъ на мѣсто назначенія въ сентябрѣ. Когда они стали посылать въ Смоленскъ *для сговору* Григ. Никиф. Давыдова, то онъ не поѣхалъ изъ за А. Измайлова; донесли объ этомъ въ Москву; царь указалъ посадить Давыдова въ тюрму за безчестіе Измайлова[35]).

1616. — 16 марта царь указалъ быть въ Украинномъ разрядѣ воеводамъ: кн. Ѳ. С. Куракину и Гр. Загряжскому въ больш. п. въ Тулѣ; кн. В. И. Туренину и Дм. Ѳ. Скуратову въ перед. п. на Мценскѣ; Мих. Самс. Дмитріеву и Ив. Ив. Чичерину въ сторож. п. въ Новосилѣ. Чичеринъ билъ челомъ на Скуратова; царь велѣлъ записать челобитье въ разрядѣ[36]). Въ Переяславль Рязанскій назначенъ былъ Ив. Александ. Колтовской; въ Михайловъ Ив. Ив. Пушкинъ. Послѣдній прислалъ въ Москву челобитную, что ему на Михайловѣ за Колтовскимъ быть невмѣстно и чтобы государь пожаловалъ его, велѣлъ ему быть къ Москвѣ. Царь исполнилъ его челобитье, указавъ назначить на его мѣсто Як. Вас. Колтовскаго. Пушкинъ, возвратившись въ Москву, болѣе не билъ челомъ[37]).

14 апрѣля царь въ двухъ отдѣльныхъ аудіенціяхъ принималъ Джона

---

34) Въ декабрѣ тогоже года Коробинъ возвратился въ Москву и снова сталъ бить челомъ на Измайлова; царь указалъ взять случаи; это дѣло тянулось очень долго и не было, кажется, вовсе рѣшено, потому что челобитчики сами запутали его безвыходно. Въ первый разъ споръ Коробина съ Измайловымъ возобновился въ 1625 г. Въ разрядахъ сказано: «какъ пришли изъ Кизильбашъ, билъ челомъ государю Сем. Коробинъ съ братіею на Ортемьева отца, Василія Измайлова, что въ 123 (1615) г. посланы были подъ Смоленскъ наразмѣну бояр. кн. И. М. Воротынскій, да бояр кн. А. Ю. Сицкій, да окольн. Арт. Измайловъ, да изъ дворянъ велѣно быть ему, Семену, и онъ билъ челомъ, что ему можно быть больше Артемьева отца по случаямъ и по своему отечеству и случаи подалъ; по тѣмъ случаямъ дѣло не вершено по сю пору. Государь указалъ то дѣло въ докладъ внесть и бояр. В. П. Морозову поставить ихъ съ очей на очи. Артемій Измайловъ съ братьями и племянниками билъ челомъ государю, что бояр. Морозовъ свой и другъ Коробинымъ, и чтобы государь милость показалъ, велѣлъ то дѣло вершить помимо бояр. Морозова». Царь исполнилъ челобитье Измайловыхъ. Ст. 729, 730. Но дѣло тянулось еще въ 1626 г. Такъ на столб. 833 и 834 сказано: «тогоже году былъ судъ у окольн. у Ортемья Измайлова съ Сем. Гавр. сыномъ Коробинымъ. Искалъ своего отечества С. Коробинъ на Ортемьевѣ отцѣ Измайлова, а Ортемей Измайловъ искалъ отечества сына своего Андрея на Семеновѣ дядѣ Коробина. А судилъ ихъ бояр. кн. Д. М. Пожарскій, да разр. дьякъ Мих. Даниловъ, и судъ не вершенъ.» — 35) Ibid. ст. 197. — 36) Ibid ст. 211. — 37) Ibid. ст. 212.

Мерика и Касимовскаго царя Арaслана Алеевича; для каждаго изъ нихъ былъ отдѣльный нарядъ. Въ первомъ случаѣ рындами были: кн. Сем. и Матв. Вас. Прозоровскіе, кн. Левъ Мих. Жмура Волконскій, кн. Мих. Ѳед. Волконскій. Встрѣчалъ посла Никита Дмитр. Вельяминовъ съ дьякомъ Добрынею Семеновымъ; объявлялъ посла окольн. кн. Григ. Констан. Волконскій. Пріемъ Касимовскаго царя былъ въ золотой палатѣ; рындами были: Ив. Петр. Шереметевъ, кн. Юр. Дм. Хворостининъ, кн. Ив. Ѳед. Волконскій, кн. Лев. Мих. Волконскій. Встрѣчали царя въ сѣняхъ бояр. П. П. Головинъ, кн. Ѳ. И. Меринъ Волконскій, дьякъ Сава Романчюковъ. Начались челобитья: 1) Вельяминовъ билъ челомъ на Головина[38]). Царь велѣлъ сказать: «*тутъ мѣстъ нѣтъ, не у одного дѣла*»; 2) князья Ѳ. Ив. и Гр. Кон. Волконскіе также били челомъ на Головина. Царь указалъ боярамъ допросить ихъ. Волконскіе просили суда и говорили, что у нихъ и случаи есть. Головинъ просилъ объ обороні, утверждая, что Волконскимъ можно быть меньше его многими мѣстами и что кн. Григорій недавно меньше его былъ, когда сказывалъ ему боярство, а между тѣмъ тогда не билъ на него челомъ. Бояре приговорили, что Волконскіе били челомъ не дѣломъ, — «*люди они неродословные, а по государеву указу неродословнымъ людямъ съ родословными суда и счету въ отечествѣ не бывало и они нынѣ болрина Головина обезчестили, что на него били челомъ о мѣстахъ, а за службу государь жалуетъ помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ*». Волконскихъ присудили посадить въ тюрму[39]).

Въ тотъ же день (14 апрѣля) Джонъ Мерикъ приглашенъ былъ къ царскому столу. Кн. Григ. Вас. Тюфякинъ билъ челомъ на Григ. Волконскаго и говорилъ, что Волконскій объявлялъ посла, а ему велѣно звать посла къ столу и ѣхать его подчивать, и ему бъ тѣмъ отъ кн. Григорья безчестну не быть. Царь указалъ дум. посольскому дьяку Третьякову записать въ Посольскомъ Приказѣ, что «*стольнику, который посла зоветъ къ столу, до окольничаго, который посла сказываетъ, въ отечествѣ дѣла нѣтъ; а окольничему до него дѣла нѣтъ и прежь того небывало же*»[40]).

9 мая, у праздника Николы на Угрѣшѣ, былъ у царя столъ; за столомъ были: бояре В. П. Морозовъ, кн. Д. М. Пожарскій, окольн. Никита Вас. Годуновъ. Послѣдній билъ челомъ на Морозова; онъ говорилъ, что въ 113 (1605) году въ походѣ подъ Кромами при царѣ Борисѣ былъ въ сторожевомъ полку первымъ окольн. Ив. Ив. Годуновъ, а въ лѣвой рукѣ первымъ

---

38) Вельяминовъ говорилъ, что ему меньше Головина нельзя быть, ибо послѣднему назначено встрѣчать царя, тогда какъ ему посла, доказывая это тѣмъ, что «бьютъ челомъ на Петра Волконскіе; да Петровъ же родной братъ болшой Василей Головинъ болши тремя мѣстами, а менши бывалъ Дм. Замыцкаго, а Дм. Замыцкой съ ихъ родители бывалъ»..... Ст. 220. — 39) Ibid. ст. 222, 223, 224. — 40) Ibid. ст. 221. На другой день, 15 апр., Тюфякинъ не велѣлъ записывать своего челобитья и самъ сознался, что ему тутъ мѣстъ нѣтъ. Ст. 224.

онъ бояринъ Вас. Ивановичь; Иванъ же Годуновъ ему Никитѣ племянникъ и меньше его въ роду многими мѣстами. Тутъ Вас. Петр. Морозовъ да Борисъ и Михайло Михайловичи Салтыковы ударили челомъ на Годунова, утверждая, что онъ проситъ не дѣломъ,—«*николи Годуновымъ съ Морозовыми и Салтыковыми не сошлось* — говорили они — *а что упрекаетъ племянникомъ, что при царѣ Борисѣ былъ болши Василія* (Морозова), *и царю Борису въ тѣ поры была воля, по свойству своихъ выносилъ и говорить было противъ ц. Бориса не мочно, вѣдомо было государю самому каково было при царѣ Борисѣ, многихъ своею неправдою погубилъ и розослалъ; а Годуновымъ съ нами не сошлось нигдѣ.*» Царь велѣлъ Годунову являть бояръ и садиться за столъ; еслиже у него дѣло до бояр. Морозова или до другаго кого, и онъ билъ бы челомъ послѣ. Годуновъ не послушался, бояръ не являлъ и за столъ не сѣлъ. Царь велѣлъ за непослушаніе и за то, что *говорилъ встрѣчу,* посадить его въ тюрму. Послѣ же указано выдать его головою Морозову [41]).

15 іюня по Крымскимъ и Нагайскимъ вѣстямъ царь указалъ въ Бѣломъ городѣ у воротъ быть воеводами: 1) отъ Москвы рѣки до Арбацкихъ воротъ кн. Ю. Д. Хворостинину; Дм. Ѳед. Скуратову; 2) отъ Арбацкихъ воротъ до Тверскихъ Ѳед. Леонт. Бутурлину, кн. Мих. Вас. Бѣлосельскому; 3) отъ Тверск. воротъ до Неглины кн. Александру Григ. Долгорукому, Сем. Демен. Яковлеву; 4) отъ Неглины до Фроловскихъ воротъ кн. Ѳ. И. Лыкову, Ѳ. Смердову Плещееву; 5) отъ Фроловск. воротъ до Яузы кн. С. В. Прозоровскому, Ѳ. И. Волконскому; 6) отъ Яузы по Москву рѣку Ив. Пет. Шереметеву, кн. Никитѣ Петров. Борятинскому; 7) отъ Москвы рѣки до Серпуховскихъ воротъ кн. Ив. Ѳед. Хованскому, Триг. Андр. Глазуну-Плещееву; 8) отъ Серп. воротъ до Москвы рѣки Ив. Вас. Морозову, Ив. Матв. Соплѣ-Бутурлину. Въ этомъ разрядѣ царь указалъ и бояре приговорили: «*быть всѣмъ воеводамъ безъ мѣстъ.*» Но не смотря на такое рѣшеніе челобитья начались своимъ чередомъ. Прежде всѣхъ Ив. Сопля-Бутурлинъ, Гр. Глазунъ-Плещеевъ, кн. Н. Борятинскій стали бить челомъ на большихъ воеводъ кн. С. Прозоровскаго, Ю. Хворостинина, А. Долгорукаго и Ѳ. Бутурлина, что съ ними въ товарищахъ быть невмѣстно, потому что они моложе лѣтами, а отечествомъ написаны въ версту имъ первыми воеводами. Царь снова указалъ и бояре приговорили: «*быть безъ мѣстъ, кто съ кѣмъ написанъ, тотъ того и меньше*». Но Ив. Бутурлинъ и Гр. Плещеевъ не поѣхали къ воротамъ. Царь указалъ посадить ихъ въ тюрму, а потомъ, освободивъ, отправить каждаго по назначенію[42]). Неудачи этихъ челобитій не отнимали смѣлости у другихъ. Такъ въ тоже время билъ челомъ на кн. Ѳ. И. Лыкова Ѳед. Кир. Плещеевъ; дѣло рѣшено было въ пользу Лыкова [43]).

41) Ibid. столб. 225, 226, 227. — 42) Ibid. ст. 228, 229. — 43) Ibid. ст. 229, 230, 231. Рѣшеніе на стол. 250, 251; тамъ сказано: «государь пожа-

1 сентября велѣлъ царь быть подъ Псковомъ и помогать Пскову отъ Шведовъ воеводамъ: кн. Ив. Ѳед. Хованскому, да кн. Никитѣ Петр. Борятинскому. Въ Псковѣ въ осадѣ были воеводы Ив. Дмит. Заяцъ-Плещеевъ, да Сергѣй Степ. Собакинъ, дьяки Вас. Каринъ, Четай Оботуровъ. Вылазными воеводами указано быть кн. Мих. Вас. Бѣлосельскому да Ив. Конст. Коромышеву. — Собакинъ билъ челомъ на Плещеева, Коромышевъ — на Бѣлосельскаго. Царь указалъ обоихъ отставить [44]).

Слѣдующій случай вызванъ былъ также мѣстничествомъ. Мих. Бутурлинъ и Исакъ Погожей пошли на таборы Гонсевскаго; но Литовцы ихъ побили и взяли въ плѣнъ голову стрѣлецкаго Анд. Жукова. Не взирая на такой исходъ дѣла Бутурлинъ изъ-подъ Смоленска прислалъ къ царю съ сеунчемъ Смольянина Григ. Шестакова, что онъ Гонсевскаго побилъ и взялъ 54 человѣка въ плѣнъ. Царь за сеунчъ пожаловалъ ему ковшъ, сорокъ соболей и камку кармазинъ. Послѣ этого пріѣхалъ въ Москву съ сеунчемъ Галичанинъ Залешенинъ Хреневъ отъ Исака Погожего. Послѣдній жаловался на Бутурлина, что онъ его съ собою не пишетъ, хотя государь велѣлъ имъ быть обоимъ у одного дѣла; далѣе Погожей доносилъ, что М. Бутурлинъ самъ на бою не былъ и сотенъ не пускалъ; которые же дворяне, *собою урываяся, бились самовольствомъ*, то Бутурлинъ билъ ихъ и службы ихъ писать не велѣлъ; плѣнныхъ же (языковъ) взяли 24 человѣка, а не столько, сколько писалъ Бутурлинъ. Царь велѣлъ разобрать дѣло боярамъ; но бояре *указу не учинили никакого* [45]).

ловалъ и бояре приговорили, кн. Лыкова велѣли оправити, а Ѳ. Плещеева обвинити. И д. р. дьякъ Сыд.-Васильевъ сказалъ обоимъ въ государевыхъ переднихъ сѣнѣхъ: Ѳедоръ! билъ ты челомъ государю на кн. Ѳ. Лыкова, что тебѣ быть съ нимъ невмѣстно, а кн. Ѳедоръ билъ челомъ государю на прадѣда твоего о безчестьѣ и оборони, и государь о томъ велѣлъ сидѣть боярамъ, и указалъ государь и бояре приговорили, велѣли тебѣ сказать, что и дѣду твоему менши кн. Ѳедора Лыкова быть мочно, да на тебя жъ на Ѳедора билъ челомъ въ прошломъ 121 году Исакъ Погожей о мѣстѣхъ и Исака тебѣ Ѳедору обвинили мѣстомъ, а на Исакова роднаго брата болшаго на Дмитрея ты Ѳедоръ не билъ челомъ о безчестьѣ, и потому ты, Ѳедоръ, ровенъ Исакову брату Дмитрею, а до болшаго ихъ брата до Дементья тебѣ и дѣла нѣтъ. А то государь сыскалъ, что Погожіе неродословные люди, дѣтишка боярскіе худые. Да тыжъ Ѳедоръ подалъ роспись роду своему, какъ на тебя билъ челомъ Исакъ Погожей въ 121 году, что ты пошелъ отъ Ив. Данил. Плещеева, и въ государевѣ родословцѣ сыскано: Иван. Данил. бездѣтенъ; да ты жъ подалъ память, что въ 81 (1573) году оставлены были на осень въ Серпуховѣ послѣ болшихъ воеводъ отъ слуги и боярина отъ кн. Мих. Ив. Воротынскаго Романъ Григ. сынъ Плещеевъ, да кн. Ив. Ив. Лыковъ, отецъ кн. Ѳедора Лыкова, и государь велѣлъ про то сыскать своими государевыми розряды, и того въ государевѣ розрядѣ не сыскано. И государь велѣлъ тебѣ сказать и бояре приговорили, что тебѣ менши кн. Ѳедора быть мочно. И государь за кн. Ѳедорово безчестье указалъ выдать тебя головою, что ты билъ челомъ на него не по дѣлу.» — 44) Ibid. ст. 249. — 45) Ibid. ст. 254, 255.

Въ то же время въ Смоленской области дѣйствовали бояринъ кн. Ю. Сулешевъ, стольники кн. С. Прозоровскій, кн. Никита Борятинскій. Князь Сулешевъ велѣлъ Гр. Волуеву въ Долгомостьи ставить острогъ. Волуевъ билъ челомъ Сулешеву, что пишется кн. С. Прозоровскому да кн. Н. Борятинскому, и ему меньше кн. Никиты быть нельзя. Сулешевъ далъ наказъ Волуеву отъ себя и отъ кн. Прозоровскаго, чтобы онъ писалъ мимо кн. Борятинскаго. Послѣдній, пріѣхавъ въ Москву, не билъ челомъ на Волуева [46]). Слѣд. распоряженія Сулешева также подали поводъ къ челобитьямъ: 1) онъ велѣлъ въ Дорогобужѣ Степ. Менщикову Волынскому раздавать деньги ратнымъ людямъ. Волынскій билъ челомъ, что ему *для кн. С. Прозоровскаго роздавать денегъ нелзе*. Сулешевъ отмѣнилъ свое распоряженіе; 2) онъ велѣлъ быть въ головахъ въ Дорогобужѣ Григ. Бархатову Кокореву. Послѣдній билъ челомъ, что ему нельзя быть съ сотнею, потому что на кн. С. Прозоровскаго билъ челомъ С. Волынскій, а Степановъ отецъ бывалъ много разъ меньше Мих. Вельяминова; онъ же Кокоревъ при царѣ Мих. Ѳед. былъ въ Псковскомъ пригородкѣ, тогда какъ Никита Вельяминовъ—во Псковѣ; и государь его пожаловалъ, велѣлъ ему съ Никитою быть безъ мѣстъ и грамота на Никиту дана ему невмѣстная [47]).

1617. — Февраля .. дня принималъ царь Юргенскаго посланника; рындами были кн. Ѳ. С. Куракинъ, кн. Вас. Ив. Туренинъ, кн. Дан. Гр. Гагаринъ, Замятня Ѳед. Леонтьевъ. Замятня билъ челомъ государю на кн. Гагарина. Д. р. дьякъ Сыд. Васильевъ за безчестье кн. Данилы *билъ Замятню по щекамъ*; послѣ чего онъ былъ въ рындахъ [48]).

9 февраля царь принималъ посла Алтына царя изъ Сибири; рындами были кн. Ѳ. С. Куракинъ, Фед. Мат. Бутурлинъ, Ив. Ив. Сопленокъ-Бутурлинъ, стряпчій изъ жилья Мих. Меньшово-Дурной. Ив. Соп. Бутурлинъ билъ челомъ на Ѳ. Бутурлина, д. р. дьякъ Сыд. Васильевъ *билъ его по щекамъ* за безчестье Ѳ. Бутурлина [49]).

Въ апрѣлѣ царь указалъ быть на Украйнѣ воеводами: въ больш. п. въ Тулѣ кн. И. Ѳ. Хованскому, Юр. Слѣпому Вас. Вердеревскому; въ пер. п. въ Мценскѣ—кн. Ѳед. Анд. Татеву, Никитѣ Парам. Лихареву; въ стор. п. въ Новосилѣ В. В. Волынскому, Прок. Воейкову. Въ Рязанскомъ разрядѣ: въ большомъ п. въ Переяславлѣ Рязанскомъ кн. Вас. Ив. Туренину; въ пер. п. въ Михайловѣ кн. Богд. Вас. Касаткину Ростовскому; въ стор. п. въ Пронскѣ — Григ. Вас. Житову. Сходными воеводами были назначены: въ Зарайскѣ Тим. Анд. Павловъ; на Коширѣ Пет. Влад. Клубковъ-Масальскій; въ Серпуховѣ кн. Ив. Львовъ Мосальскій; въ Ряжскомъ Вас. Григ. Извольскій; въ Данковѣ—Хотяинцевъ... Кн. Касатк.-Ростовскій билъ челомъ на Туренина. Царь указалъ дать Касаткину невмѣстную грамоту [50]).

---

46) Ibid. столб. 263.—47) Ibid. ст. 263, 264, конецъ этого дѣла неизвѣстенъ.—48) Ibid. ст. 264.—49) Ibid. ст. 265 —50) Ibid. ст. 266, 267, 268,

4*

Въ маѣ кн. Сулешевъ съ товарищами подъ Дорогобужемъ разбили полковника Чаплинскаго и взяли 240 человѣкъ въ плѣнъ (языковъ). Съ сеунчемъ отправленъ въ Москву кн. Пет. Ром. Борятинской - Бѣляй. Царь указалъ послать съ золотыми къ Сулешеву и товарищамъ его за службу ихъ стольн. кн. Гр. Вас. Тюфякина; онъ раздавалъ золотые въ Вязьмѣ. Кн. С. Прозоровскій не взялъ золотаго, потому что имя его не было написано въ наказѣ, данномъ Тюфякину. Въ челобитной, поданной по этому случаю, онъ прописалъ, что кн. Григорій похваляется, будто ему меньше быть невмѣстно; — «*а кн. Григорію*—говоритъ далѣе Прозоровскій—*не только меньше меня можно быть, но даже дѣду его можно быть съ меньшимъ братомъ моимъ Матвѣемъ*». Въ заключеніе Прозоровскій просилъ, чтобы царь пожаловалъ, велѣлъ ему дать оборонь на кн. Тюфякина. Бояре рѣшили дать кн. Семену грамоту, въ которой прописать, что если имя его въ наказѣ Тюфякину не выставлено, то это сдѣлано не для него, но для кн. Никиты Борятинскаго[51]).

Въ іюнѣ царь указалъ послать на Литовцевъ въ Вологодскія и Бѣлозер-

---

также ст. 324, 325. Князь Туренинъ, возвратившись въ Москву, многократно билъ челомъ на кн. Касаткина и Лобановыхъ-Ростовскихъ и доказывалъ, что невмѣстная грамота на него дана не дѣломъ; вмѣстѣ съ этимъ онъ представилъ боярамъ много царскихъ грамотъ, говорящихъ въ его пользу; но бояре не дали ему рѣшенія. Въ генв. 1620 г. Туренинъ возобновилъ челобитье и сталъ говорить, что Касаткинъ взялъ тайно невмѣстную грамоту на него и что Лобановы похваляются, будто тою грамотою кн. Богданъ разведенъ съ дѣдомъ его Самсономъ Туренинымъ. Царь снова указалъ боярамъ слушать дѣло Туренина съ Касаткинымъ, но рѣшенія и теперь не было; см. стол. 436, 437. Въ 1623 г. 2 февраля Туренинъ еще разъ подалъ челобитную на Касаткина. Царь велѣлъ д. дьяку Лихачеву допросить Касаткина, почему онъ билъ челомъ на князя Туренина и есть ли у него невмѣстная грамота? Касаткинъ отвѣчалъ, что онъ не билъ челомъ на Туренина, грамота же невмѣстная была прислана ему съ Москвы, только она утерялась въ приходъ королевича Владислава. Потомъ Касаткинъ сталъ бить челомъ на кн. Туренина, чтобы государь пожаловалъ велѣлъ ему судъ дать. Послѣ сего по царскому указу и боярскому приговору Лихачевъ объявилъ Касаткину сказку, въ которой, между прочимъ, значилось: «Самъ ты въ допросѣ сказалъ, что ты на кн. Василія не бивалъ челомъ; сыскано въ госуд. разрядѣ отписка твоя Богданова изъ Михайлова въ прошломъ 124 (1616) году на кн. Василія о невмѣстной грамотѣ, а каковы прежнія отписки приходили отъ тебя изъ Михайлова къ государю о госуд. дѣлахъ Михайловскаго подьячаго рука, и та отписка (на Туренина) съ прежними отписками не сошлась рука съ рукою». Царь указалъ посадить Касаткина въ тюрму за безчестіе Туренина; невмѣстная же грамота объявлена недѣйствительною и въ разрядѣ о томъ записали. Ст. 535, 536, 537. — 51) Ibid. ст. 274, 275.

скія мѣста воеводами Ѳед. Мих. Бояшева, да Дан. Ив. Милославскаго.— Милославскій сталъ бить челомъ на Бояшева, потому что съ нимъ во многихъ мѣстахъ бывали ротмистры въ версту Бояшева, а съ Бояшевымъ въ его Данилову версту никто не бывалъ. Бояре приговорили: Милославскому съ Бояшевымъ быть въ товарищахъ, если же впредь случится Бояшеву быть съ кѣмъ-нибудь, и до Данилы Милославскаго въ томъ никому дѣла нѣтъ, отечеству его въ томъ отъ Ѳедора порухи не будетъ[52]).

Въ іюнѣ царь указалъ послать къ атаманамъ и казакамъ за Угру воеводами кн. Сем. Никит. Гагарина да Як. Авксент. Дашкова; они должны были идти въ Вязьму въ сходъ къ стольн. и воеводѣ кн. П. Пронскому. Дашковъ билъ челомъ на Гагарина, но получилъ отказъ. Кн. Гагаринъ и Дашковъ сошлись съ Пронскимъ и стояли въ Вязьмѣ, но подъ Дорогобужъ не пошли. Поэтому къ нимъ былъ присланъ съ наказомъ Никита Аладьинъ, въ наказѣ было написано: «говорить ему кн. Пронскому, да кн. С. Гагарину, да Ив. Колтовскому, да Як. Дашкову, что живутъ они въ Вязьмѣ не по государеву указу, и государь имъ велѣлъ ѣхать въ Дорогобужъ.» Колтовскій вовсе не поѣхалъ на съѣздъ съ Гагаринымъ. Послѣдній прибылъ въ Москву; д. дьякъ Сыд.-Васильевъ взялъ у него наказъ въ Разрядъ. Писалъ изъ Вязьмы на Колтовскаго и Пронскій, жалуясь, что онъ съ нимъ не сидитъ у государева дѣла. Колтовскій также, въ свою очередь, принесъ жалобу, что онъ можетъ быть больше кн. Гагарина многими случаями и просилъ, чтобы государь его пожаловалъ, безъ сыску не велѣлъ выдать Гагаринымъ. Бояре приговорили писаться кн. Пронскому по принятой въ подобныхъ спорныхъ случаяхъ формѣ, т.-е. «*съ товарищи*». Какъ скоро узналъ объ этомъ рѣшеніи Колтовскій, то немедленно написалъ въ Москву, что онъ въ Вязьмѣ лежитъ боленъ; царь указалъ отпустить его домой. На его мѣсто назначенъ былъ кн. М. В. Бѣлосельскій. Въ отвращеніе же споровъ князю Пронскому подтверждено о всякихъ государевыхъ дѣлахъ писать бумаги отъ своего имени «*съ товарищи*»[53]).

8 іюня царь принималъ Джона Мерика, пріѣхавшаго въ Москву по заключеніи Столбовскаго мира. Въ тотъ же день былъ у царя столъ; за столомъ были: бояре кн. Ѳ. И. Мстиславскій, кн. Ив. Мих. Воротынскій, кн. Ив. Ан. Большой-Хованскій, кн. Гр. Пет. Ромадановскій; окольничіе Никита Вас. Годуновъ, Арт. Вас. Измайловъ. Ромадановскій сказался больнымъ. Кн. Хованскій ударилъ челомъ, говоря: «будетъ кн. Григорій не хочетъ быть у стола изъ за меня, и тѣмъ меня онъ безчеститъ». Послали за Романовскимъ стрѣльцовъ; онъ пріѣхалъ и сказалъ, что боленъ отъ ранъ. При этомъ онъ примолвилъ: «а только бы мнѣ бить челомъ на Хованскаго, и мнѣ на такого князя бить челомъ есть чѣмъ». Послѣ этого Ромадановскій былъ у стола[54]).

---

52) Ibid. ст. 278, 279. — 53) Ibid. ст. 278, 279, 280, 281. — 54) Ibid. ст. 281.

31 іюля царь указалъ ѣхать передъ собою въ Симоновъ монастырь въ окольничихъ кн. Ѳед. Анд. Звѣнигородскому и Влад. Игнат. Вешнякову. Вешняковъ билъ челомъ на Звѣнигородскаго въ отечествѣ; послѣдній просилъ о безчестьи. Вешнякова присудили посадить въ тюрму [55]).

12 октября возвратился въ Москву изъ Мурома съ ратными людьми кн. Б. М. Лыковъ. Царь велѣлъ ему быть у стола; вмѣстѣ съ нимъ приказано быть бояр. П. П. Головину и окольн. Алексѣю Ив. Зюзину. Головинъ не поѣхалъ во дворецъ и сказался больнымъ. Царь велѣлъ привести его въ городъ больнаго. Когда привезли его, то онъ сталъ бить челомъ, что ему съ кн. Лыковымъ невмѣстно быть по случаямъ и государь бы пожаловалъ его, не велѣлъ выдать кн. Борису безъ суда. Царь указалъ ему быть у стола, потому что ему всегда съ кн. Лыковымъ можно быть. Головинъ болѣе не противился. 26 октября кн. Лыковъ билъ челомъ о безчестьи. Царь указалъ посадить Головина въ тюрму [56]).

18 ноября встрѣчали Персидскихъ пословъ, въ 1-й встрѣчѣ были кн. Алексѣй Чертенокъ Григ. Долгорукій и дьякъ Губинъ; на большой встрѣчѣ у палатныхъ дверей кн. Данило Ив. Долгорукій и дьякъ Головинъ. Кн. Алексѣй у сказки билъ челомъ на кн. Данилу, что они съ кн. Дан. *между собою вѣдаются* и что теперь онъ ему *поступается, только бы встрѣчи были записаны глухо, кто гдѣ встрѣчалъ*. Далѣе Долгорукіе били челомъ, чтобы государь велѣлъ записать ихъ челобитье, потому что окольн. Сем. Головинъ встрѣчалъ и являлъ царя Касимовскаго, а имъ указано встрѣчать Персид. пословъ и впредь бы отечеству ихъ отъ С. Головина порухи не было. Рындами во время означеннаго пріема были: съ правой стороны стольн. кн. Ив. Ив. меньшой Одоевскій, кн. М. В. Прозоровскій; съ лѣвой—кн. С. В. Прозоровскій, Богд. Мих. Нагово. Послѣдній сказалъ, что ему нельзя быть въ рындахъ, потому что у него рука болитъ, да и меньше Прозоровскихъ ему невмѣстно быть. Д. дьякъ Сыд. Васильевъ объявилъ ему, чтобы онъ непремѣнно былъ. Нагой не противился [57]).

1618.—4 генваря былъ вторичный пріемъ Персидскихъ пословъ; рындами были назначены тѣже. Но Нагова не было въ то время въ Москвѣ; онъ былъ отпущенъ въ Ростовъ хоронить отца. Такимъ образомъ его замѣнили кн. М. С. Гагаринымъ. Кн. С. Прозоровскій сталъ бить челомъ, что Нагой нарочно отпросился въ Ростовъ, не желая быть съ ними въ рындахъ. Тогда д. р. дьякъ Сыд. Васильевъ, по царскому указу, записалъ въ разрядѣ, что Нагой былъ съ М. Прозоровскимъ и впредь ему можно быть съ Прозоровскими; если же онъ будетъ бить челомъ, то ему отказать, въ случаѣ же непослушанія подвергнуть его наказанію [58]).

---

55) Ibid. ст. 284, 285. — 56) Ibid. ст. 302, 303, 304. — 57) Ibid. ст. 304, 305, 306. — 58) Ibid. ст. 310.

Того же числа были объявлены послами къ шаху Аббасу кн. Мих. Петр. Борятинскій, Ив. Ив. Чичеринъ и дьякъ Мих. Тюхинъ. Прежде сего въ Персіи посланникомъ былъ Өед. Исак. Леонтьевъ; теперь онъ сталъ бить челомъ, что онъ былъ въ Персіи посланникомъ, а кн. Борятинскій отправляется туда въ качествѣ посла, меньше же кн. Михайлы ему невмѣстно быть. Царь указалъ объявить Леонтьеву, что онъ одинъ былъ въ Персіи посланникомъ, и кн. Борятинскій отправляется теперь въ послахъ, и его Өедора съ нимъ не посылаютъ, поэтому онъ бьетъ челомъ не дѣломъ. Борятинскій просилъ объ оборони. Леонтьева бояре приговорили посадить въ тюрму [59]).

5 марта назначены были на съѣздъ съ Литовскими уполномоченными бояре Ө. И. Шереметевъ, кн. Дан. Ив. Мезецкій, околнич. А. В. Измайловъ, дум. дьякъ Петръ Третьяковъ. Измайловъ билъ челомъ на Мезецкаго на томъ основаніи, что дѣдъ послѣдняго былъ меньше Назарья Глѣбова,—въ которомъ году, онъ этого не показалъ. Кн. Мезецкій просилъ объ обороны. Царь указалъ и бояре приговорили посадить Измайлова въ тюрму [60]).

Марта .. числа царь послалъ провожать запасы въ Бѣлую съ Волоколамска кн. Ө. А. Елецкаго и Ө. В. Левашева; запасы велѣно отдать кн. Б. А. Хилкову. Елецкій билъ челомъ, что ему невмѣстно везти запасы къ Хилкову; указано отослать запасы съ головами, а самому быть въ Москву [61]).

Въ апрѣлѣ Матвѣй Калинниковъ Челюсткинъ билъ челомъ на кн. Ө. Волконскаго, что велѣно ему быть въ Сѣверскомъ походѣ въ товарищахъ у послѣдняго; родители же и отецъ его ни съ кѣмъ изъ Волконскихъ не бывали, поэтому государь пожаловалъ бы его, велѣлъ на кн. Өедора счетъ ему дать. Кн. Волконскій просилъ объ оборони. Царь слушалъ челобитья и велѣлъ боярамъ указъ учинить. Бояре рѣшили, что Челюсткинъ билъ челомъ на кн. Өедора не дѣломъ и присудили посадить его въ тюрму; потомъ объявлено было Челюсткину, чтобы онъ былъ съ Волконскимъ [62]).

Въ апрѣлѣ (безъ озн. числа) принимали Шведскихъ пословъ; приставомъ у нихъ былъ Дм. Сем. Погожей; встрѣчать ихъ велѣно кн. Ник. Пет. Борятинскому; Погожей билъ челомъ на него. Бояре оправили кн. Никиту и присудили Погожего посадить въ тюрму. Когда ему объявили объ этомъ сказку, то онъ разнемогся. Его привезли къ посольской избѣ и досматривали. Царь, въ уваженіе его болѣзни, велѣлъ отставить его. Мѣсто его долженъ былъ занять Потапъ Норбековъ; потомъ отставили и Норбекова, назначивъ Моисея Өед. Глѣбова [63]).

---

59) Ibid ст. 311, 312; въ варіантѣ сказано:«Государь велѣлъ сказать Леонтьеву, чтобы онъ не плуталъ; а меньше ему кн. Борятинскаго быть можно.... потому что Леонтьевы люди молодые — Копиреня». — 60) Ibid. столб. 314, 315. — 61) Ibid. ст. 315. — 62) Ibid. столб. 316. — 63) Ibid. ст. 317, 318. Въ варіантѣ сказано, что Потапъ Норбековъ сказалъ· «язъ, государь,

Слѣд. случаи записаны безъ означенія числа и мѣсяца: былъ у царя столъ; у стола были бояре кн. Б. М. Лыковъ и П. П. Головинъ. Головинъ билъ челомъ на Лыкова. Царь велѣлъ посадить его въ тюрму, а въ разрядѣ записать, что ему можно быть меньше кн. Бориса[64]). — Посланы были подъ Можайскъ воеводами стольники кн. Дмит. Мамстрюковичь и Вас. Пет. Ахамашуковъ Черкаскіе; товарищемъ съ ними былъ назначенъ Ив. Алекс. Момотъ Колтовской. Кромѣ того велѣно быть въ Можайскѣ бояр. кн. Б. М. Лыкову, товарищами ему назначены были князья Гр. Вас. Тюфякинъ и Ѳ. Ив. Волконскій Меринъ. Всѣмъ имъ указано быть по новой росписи, т. е.—въ больш. полку князьямъ Черкаскимъ, въ другомъ отдѣльномъ полку—Лыкову, Колтовскому и Гр. Волуеву. Колтовскій билъ челомъ на Ахамаш. Черкаскаго; кн. Волконскій—на Колтовскаго. Царь велѣлъ обоихъ отставить[65]).

24 мая въ Троицынъ день былъ у царя столъ въ золотой палатѣ; у стола были: бояре кн. Д. Т. Трубецкой и Гр. Пет. Ромадановскій, окольн. Алек. Ив. Зюзинъ. Въ столы смотрѣли: въ большой—кн. Ю. Пет. Буйносовъ-Ростовскій; въ кривой—Вас. Алексѣевъ Третьяковъ; вина наряжалъ кн. Петръ Алекс. Рѣпнинъ. Третьяковъ билъ челомъ на кн. Буйносова,—ему было отказано. Буйносовъ сталъ просить о безчестьи; его поддерживали князья Катыревъ и Лобановъ—Ростовскіе. Видя, что кн. Ростовскіе дружно вступаются за своего обиженнаго родича, Третьяковъ сталъ говорить кн. Ив. Катыреву: «мнѣ съ тобою, кн. Ив. Михайловичь, не сошлось, готовъ быть хоть со внукомъ твоимъ, бью челомъ на Буйносовыхъ по многимъ случаямъ; отецъ твой въ потерку Буйносовыхъ никогда не вступался; ты самъ себя позоришь, вступаясь за Буйносовыхъ». Царь велѣлъ сказать, что Третьяковъ билъ челомъ на кн. Юрія не по своей мѣрѣ, что ему не достало и до тѣхъ Ростовскихъ, которые меньше всѣхъ въ своемъ роду; если же онъ еще будетъ бить челомъ, то ему быть въ наказаніи; за безчестье же кн. Юрья указано посадить Третьякова въ тюрму[66]).

какая перемѣна Дмитрею? въ Калугѣ отецъ его былъ губной староста..... а какъ шелъ къ Москвѣ Мих. Шуйской, то отецъ и дядя Погожего кормы сбирали на Нѣмцевъ. — 64) Ibid. ст. 321. — 65) Ibid. ст. 323, 324. — 66) Ibid ст. 325, 326. Третьяковъ старшинство свое надъ кн. Юрьемъ утверждалъ на томъ, что въ 1600 году кн. Владиміръ Бахтеяровъ-Ростовскій билъ челомъ на кн. Василія старшаго, дядю кн. Юрія, а Бахтеяровы бывали меньше Головиныхъ и Третьяковыхъ. Въ 1622 году Третьяковъ снова билъ челомъ на кн. Юрія. Изложивъ въ своей челобитной о причинахъ спора и приговорѣ, объявленномъ ему д. дьякомъ Сыдавнымъ, онъ говоритъ: «такою я сказкою обвинною опозоренъ.... а будетъ государь производитъ быть мнѣ меньше кн. Ю. Буйносова, и государь бы милость показалъ, не велѣлъ поставить Буйносовымъ князь Владиміров суда въ мѣсто.... И о томъ бы Государь свой го-

25 мая въ Калугу въ товарищи кн. Д. М. Пожарскому назначенъ былъ Ив. Алексан. Колтовской; онъ сталъ бить челомъ, что ему съ кн. Димитріемъ быть невмѣстно. За кн. Дим. Михайловича объ оборони просилъ сынъ его Петръ. Царь указалъ и бояре приговорили Колтовскаго за безчестье Пожарскаго бить батогами и посадить на три дни въ тюрму. Пожарскому послана правая грамота[67]).

12 іюня царь указалъ послать въ Калугу къ кн. Пожарскому съ милостивымъ словомъ и о здоровьи спросить стольн. Юр. Игнат. Татищева. Татищевъ билъ челомъ въ отечествѣ на Пожарскаго. Царь велѣлъ отказать. Когда же д. дьякъ Сыд. Васильевъ привелъ Татищева и поставилъ на постельномъ крыльцѣ у переднихъ дверей, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ на отпускѣ у царя, а самъ пошелъ доложить царю,—то Татищевъ убѣжалъ тѣмъ временемъ съ верху. Послали за нимъ подьячаго къ нему на дворъ; Татищевъ не сказался дома; но, одумавшись, самъ явился въ разрядъ и былъ представленъ царю. На этотъ разъ царь указалъ и бояре приговорили Татищева, *за непослушаніе великое и за безчестіе кн. Дм. Михайловича, бить въ Разрядѣ кнутомъ, а потомъ отвезти къ кн. Пожарскому и выдать головою.* О здоровьи же спросить кн. Пожарскаго назначенъ былъ кн. Сем. Ѳед. Волконскій. Послѣдній объявилъ, что готовъ ѣхать, только на кн. Димитрія билъ челомъ Гав. Пушкинъ, когда сказывалъ ему боярство; Гавр. Пушкинъ при царѣ Борисѣ былъ меньше дяди его кн. Ѳед. Конст. Волконскаго[68]).

29 іюня пришло въ Москву изъ Можайска первое извѣстіе, что подъ

сударскій милостивый указъ учинилъ, чтобы ему кн. Владиміровымъ судомъ Бахтеярова такою сказкою впредь въ позорѣ передъ своею братьею не быть». 7 іюня д. дьякъ Томило Луговскій объявилъ Третьякову, что, разсмотрѣвъ его челобитье, государь совѣтовался съ отцемъ своимъ свят. патріархомъ и съ своими государевыми боярами, велѣлъ сказать и въ разрядную книгу записать, что В. Третьяковъ обвиненъ кн. Юрію въ отечествѣ по дѣлу. Что же касается до того, что Василій билъ челомъ на Буйносова судомъ Владиміра Бахтеярова, и государь не велитъ ставить того въ мѣсто Буйносовымъ, потому что царь Борисъ не дѣломъ далъ судъ В. Бахтеярову на Буйносовыхъ мимо прежнихъ случаевъ, потому что Влад. Бахтеяровъ не разъ бывалъ меньше кн. Пет. Буйносова въ 93 (1585) и 96 (1588) годахъ; да и не сошлось Бахтеяровымъ съ Буйносовыми. Если же въ разрядѣ написано, что В. Третьякову можно быть меньше и послѣдняго Ростовскаго.... и то своровалъ дьякъ Сыд. Васильевъ, велѣлъ написать безъ государева указу и безъ боярскаго приговору, а то дѣло не всхожее, великъ и малъ въ Ростовскихъ князьяхъ, неровны Ростовскіе. Въ заключеніе сказано, что государь пожаловалъ Третьякова, не велѣлъ ту сказку въ разрядѣ ставить въ дѣло. Ст. 514, 515, 516, 517.— 67) Ibid ст. 327, 328, 329. Въ грамотѣ Пожарскому сказано, что Колтовской былъ только посаженъ въ тюрму. — 68) Ibid. ст. 329, 330.

Можайскъ пришли королевичь Владиславъ и гетманъ Хоткевичь со многими Польскими и Литовскими людьми.—Готовясь дать рѣшительный отпоръ непріятелю, царь озаботился о безопасности и самой Москвы. Назначивъ воеводъ ко всѣмъ воротамъ, онъ 27 іюля имѣлъ совѣщаніе съ духовенствомъ, боярами и прочими высшими служилыми людьми, чтобы всѣмъ быть безъ мѣстъ съ 126 по 128 годъ (1618—1620)[69]). Но не смотря на такое торжественное рѣшеніе, когда Владиславъ сталъ подступать къ Москвѣ, и царь велѣлъ бояр. Матв. Мих. Годунову за Яузою строить острогъ, а бояр. кн. Афан. Вас. Лобанову-Ростовскому надзирать, то Годуновъ сталъ бить челомъ объ отечествѣ. Царь безъ всякаго разбора велѣлъ посадить ослушника въ тюрму[70]).

9 октября кн. Ѳ. Елецкій, посланный во Владиміръ съ бояр. кн. Б. М. Лыковымъ для сбору дворянъ и дѣтей боярскихъ, писалъ къ царю, что прежде сего въ ту версту, каковъ кн. Лыковъ, родители его ни съ кѣмъ не бывали и ему съ кн. Борисомъ быть невмѣстно. Елецкаго присудили на день посадить въ тюрму[71]).

Во время съѣзда съ уполномоченными Владислава бояр. Ѳ. И. Шереметевъ съ товарищами (въ томъ числѣ былъ А. В. Измайловъ) велѣлъ быть головами: въ полку стольниковъ и стряпчихъ Дм. Ѳед. Скуратову; у дворянъ Московскихъ Никитѣ Парамон. Лихареву; у жильцовъ Гр. Анд. Алябьеву; у дворянъ разныхъ городовъ Ив. Юр. Ловчикову. Скуратовъ, Лихаревъ и Ловчиковъ били челомъ, что они готовы быть отъ бояр Шереметева, только не отъ Измайлова. Требовательнѣе всѣхъ былъ Скуратовъ. Когда послы разъѣхались, Измайловъ просилъ на него; царь велѣлъ посадить Скуратова въ тюрму[72]).

9 декабря, по окончаніи переговоровъ, бояр. Шереметевъ съ товарищами былъ у царя у руки; царь велѣлъ имъ быть къ столу. Тутъ кн. Дан. Мезецкій сталъ бить челомъ на Ивана Плещеева, что онъ пріѣзжалъ съ царскимъ милостивымъ словомъ къ одному бояр. Шереметеву[73]).

---

69) Ibid. ст. 340, 341. — 70) Ibid. ст. 341. — 71) Ibid. ст. 367—373. Я не распространился объ этомъ дѣлѣ, потому что въ немъ нѣтъ ни одной особенной характеристической черты для мѣстничества. Оно имѣетъ только ту важность, что Правительство, вступая въ разборъ его, само нарушало торжественное опредѣленіе — *быть всѣмъ безъ мѣстъ*. Такъ поступили вѣроятно изъ снисхожденія къ Лыкову, родовая честь котораго сохранила всю раздражительность мѣстничества прежнихъ временъ. — 72) Ibid. ст. 375. — 73) Ibid. ст. 382. Споръ этотъ возобновился въ 1619 году въ іюлѣ. Когда Мезецкому велѣли принести случаи, то онъ сказалъ, что не даетъ случаевъ *для многіе ссоры съ своею братіею*, и государь бы пожаловалъ, велѣлъ судить одному боярину. Далѣе сказано, что Мезецкій не захотѣлъ суда и перестало бить челомъ, будучи посланъ въ Новгородъ.—Про Плещеева сказано, что *ему полно и того, что разведенъ съ Мезецкимъ*.

Въ декабрѣ же царь приказалъ кн. Г. П. Ромадановскому и А. В. Измайлову разобрать дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые были въ Можайскѣ съ кн. Лыковымъ. Измайловъ у сказки билъ челомъ, что по нынѣшнему государеву указу и по боярскому приговору онъ готовъ быть у государева дѣла съ кн. Григоріемъ. «*А только не по нынѣшнему указу*— прибавилъ онъ — *и я бы билъ челомъ на кн. Григорія*». Ромадановскій сталъ настаивать, чтобы допросили Измайлова. Послѣдній тутъ же поднялъ шумъ и брань, попрекая кн. Григорія разрядами. Измайлова посадили въ тюрму [74]).

1619.—Въ февралѣ назначены были въ приказы: въ Судный Владимірскій бояр. кн. Ив. Никит. Одоевскій, кн. Ром. Ив. Гагаринъ; въ Судный Московскій бояр. кн. Григор. Пет. Ромадановскій, кн. Ив. Ѳед. Волконскій. — Волконскій билъ челомъ на Гагарина и получилъ отказъ [75]).

Когда возвращался изъ плѣну Филаретъ Никитичь и прибылъ въ Вязьму, то царь, по обычаю, три раза посылалъ спросить его о здоровьи: 1) бояр. Бор. Мих. Салтыкова; 2) кн. Ив. Бор. Черкаскаго; 3) бояр. кн. Афан. Вас. Лобанова-Ростовскаго. Къ великимъ посламъ къ бояр. Ѳ. И. Шереметеву съ товарищами съ привѣтствіемъ былъ посланъ стольн. кн. Вас. Пет. Ахамашуковъ-Черкаскій; къ бояр. М. Б. Шеину, д. дьяку Томилѣ Луговскому и прочимъ, бывшимъ въ плѣну, кн. Степ. Ив. Великаго-Гагинъ. Кн. Мезецкій, бывшій въ числѣ великихъ пословъ, билъ челомъ и спрашивалъ, почему имени его не выставили въ наказѣ Черкаскому? Онъ говорилъ, что Черкаскій тѣмъ его обезчестилъ. Но царскаго указу по этому челобитью не было [76]).

Когда Филаретъ Никитичь отправился изъ Вязьмы къ Москвѣ, то ему назначены были слѣд. встрѣчи: 1) бояр. В. П. Морозовъ, окол. Ѳ. Л. Бутурлинъ; 2) бояр. к. Д. Т. Трубецкой, дум. дворянинъ Гав. Гр. Пушкинъ; 3) бояр. кн. Д. М. Пожарскій, ок. Гр. Конст. Волконскій. Бутурлинъ билъ челомъ на Пожарскаго; царь сдѣлалъ перемѣну: въ перв. встрѣчу были назначены кн. Пожарскій и Волконскій; во вторую—Морозовъ и Пушкинъ; въ третью—Трубецкой и Бутурлинъ; при этомъ всѣмъ было сказано—быть безъ мѣстъ [77]). Не смотря на это Морозовъ билъ челомъ на Трубецкаго, который просилъ объ обороны; — получилъ въ отвѣтъ—быть безъ мѣстъ; кромѣ того Морозову сказано: «*не сошлось тебѣ николи съ Трубецкими, знай свою мѣру на кого бити челомъ*» [78]). Бутурлинъ повторилъ свое

---

74) Ibid. ст. 383, 384. — 75) Ibid. ст. 385. — 76) Ibid. ст. 394. — 77) Ibid. ст. 394, 395, 396. Пушкинъ былъ назначенъ вмѣсто В. Вас. Головина, отставленнаго за болѣзнію; онъ вздумалъ было бить челомъ на послѣдняго, но получилъ отказъ. — 78) Этимъ отвѣтомъ Правительство сдѣлало возможнымъ возобновленіе спора; онъ дѣйствительно возобновился въ августѣ того же года; тогда Трубецкой подалъ снова челобитную объ обороны на Морозова, который отвѣчалъ тѣмъ же; въ челобитной своей онъ гово-

челобитье на Пожарскаго, но получилъ въ отвѣтъ — быть безъ мѣстъ [79]). Билъ челомъ на Пожарскаго и Пушкинъ,—данъ былъ тотъ же отвѣтъ.

Филаретъ Никитичь прибылъ въ Москву 14 іюня, а 24 іюня поставленъ въ патріархи. Въ тотъ же день взятъ изъ Пронска воевода кн. С. Шаховской; на мѣсто его велѣно быть Ст. И. Исленьеву. На Исленьева били челомъ Вас. и Пет. Чевкины, изъ которыхъ первый былъ вторымъ воеводою въ Переяславлѣ Рязанс., а Петръ въ Михайловѣ также во вторыхъ; Исленьевъ же былъ назначенъ первымъ въ Пронскъ. Царь велѣлъ дать судъ Чевкинымъ [80]).

Въ тоже время царь послалъ въ Торопецъ межевать рубежъ съ Литовскими уполномоченными стольн. Юр. Иг. Татищева да Сем. Ѳед. Глѣбова. Глѣбовъ билъ челомъ на Татищева и получилъ въ отвѣтъ: «*пригоже ему быть, если же еще будетъ бить челомъ, то ему учинятъ наказаніе*[81]).

Въ ноябрѣ царь послалъ на размѣнъ съ Крымскими послами окольн. Г. К. Волконскаго; ему указано было отпустить отъ себя въ Крымъ посланникомъ Прокофія Воейкова; Воейковъ билъ челомъ на Волконскаго и получилъ въ отвѣтъ, что «*вракаетъ, быть ему съ кн. Григоріемъ можно, а будетъ впредь станетъ бить челомъ и ему быть въ великой опалѣ*»[82]).

1620. — 19 генваря былъ у государя Шведскій посолъ; рындами при этомъ назначены были: Ив. Вас. Морозовъ, кн. Ю. Анд. Сицкій, кн. Аф. Гр. Шаховской и Ив. Пет. Чихачовъ. Послѣдній въ городъ не поѣхалъ и сказался больнымъ. Бояре, по государеву указу, послали за нимъ и велѣли

ритъ, что когда напомнилъ о распоряженіи быть безъ мѣстъ, то кн. Трубецкой началъ его ругать передъ боярами, называя страдникомъ. «Я — говоритъ онъ — противъ этого молвилъ только, что въ 105 (1597) г. кн. Ив. Куракинъ былъ челомъ на старшаго брата Димитріева кн. Юрія и съ нимъ не былъ; а кн. Юрій нынѣ въ измѣнѣ, служитъ королю; по прежнему же государеву уложенію—*которые бывали въ дѣлѣхъ и отъѣзжали, и тѣ у себя и своего роду теряли многія мѣста.*» — Царь и патріархъ указали разобрать дѣло боярамъ. Бояре обвинили Морозова и присудили посадить его въ тюрму. Но царь помиловалъ его для радостной встрѣчи Филар. Никитича. Поэтому Морозову объявили, что ему можно быть съ Трубецкимъ. Ст. 411, 412. — 79) Бутурлинъ возобновилъ претензію на Пожарскаго; въ мартѣ 1620 года онъ снова билъ челомъ, опираясь на то, что Трубецкому дана была оборонь на Морозова. Сказавъ въ челобитной объ удовлетвореніи, данномъ кн. Димитрію, онъ продолжаетъ: «*и потомъ кабы приговоръ нарушенъ: и то приговорили быть безъ мѣстъ, а нынѣ кн. Димитрію дали оборонь на В. Морозова*» Но царь и въ этотъ разъ отказалъ Бутурлину, давъ ему знать, что «ему до Пожарскаго дѣла нѣтъ, а Пожарскому до Бутурлиныхъ». Ст. 440, 441. — 80) Ibid. ст. 407, 408. — 81) Ibid. ст. 409. — 82) Ibid. ст. 433.

его поставить передъ собою. Чихачевъ явился къ боярамъ въ золотую палату, опираясь на костыли.—«Почему ты въ городъ не выѣхалъ, тогда какъ тебѣ сказано быть въ бѣломъ платьи?»—спросили у него бояре. Чихачовъ отвѣчалъ, что «сломалъ ногу въ ту пору, какъ государь тѣшился за лосями и потому въ городъ не выѣхалъ.» — «Больше де ты отбаливаешься отъ кн. Аф. Шаховскаго и за тѣмъ въ городъ не хотѣлъ ѣхать» — возразилъ ему д. дьякъ Томило Луговскій. Тутъ Чихачовъ сталъ говорить: «билъ я челомъ государю на кн. Афанасія и впредь стану бить челомъ и милости просить у государя, чтобы государь пожаловалъ, въ отечествѣ велѣлъ на кн. Афанасія мнѣ дать судъ, и меньше его мнѣ быть невмѣстно.» Бояре рѣшили, что ему можно быть меньше кн. Шаховскаго и приговорили бить его кнутомъ. Но Томило Луговскій выхватилъ у Чихачова одинъ костыль и началъ его бить по спинѣ и по ногамъ, приговаривая: «долго ждать.» Примѣру Луговскаго послѣдовалъ бояр. И. Н. Романовъ; онъ схватилъ другой костыль и также сталъ бить Чихачова, твердя ему: «не дѣломъ бьешь челомъ, знай свою мѣру».—Въ заключеніе объявили Чихачову, чтобы онъ былъ по первой сказкѣ [83]).

Въ мартѣ были назначены въ Казань воеводами бояр. Лыковъ, да кн. Ѳ. Пет. Борятинскій большой. Послѣдній сказался больнымъ. Царь велѣлъ вывезти его къ Разряду 19 мая. Въ назначенный день Том. Луговскій у Разряду объявилъ Борятинскому, чтобы онъ ѣхалъ въ Казань. Борятинскій отвѣчалъ, что боленъ и не владѣетъ ни руками, ни ногами. На другой день кн. Никита Борятинскій съ братьями приходилъ въ Разрядъ и билъ челомъ, что кн. Ѳедоръ не проситъ въ отечествѣ на кн. Лыкова, а не можетъ ѣхать по болѣзни. Царь и патріархъ тѣмъ не менѣе подтвердили указъ, чтобы кн. Ѳедоръ ѣхалъ въ Казань, и онъ не противился[84]).

9 апрѣля царь Мих. Ѳеодоровичь, совѣтовавъ съ отцемъ своимъ, патр. Филаретомъ, и съ боярами, приговорили: «*которымъ бояромъ и воеводамъ и дворяномъ велитъ государь быть на своей государевой службѣ на три полка, и бояромъ быть на государевой службѣ по прежнему государскому уложенію, какъ было при дѣдѣ его гос. ц. и в. кн.* ***Иванѣ Вас. вс. Русіи*** *и при дядѣ его гос. ц. и в. кн.* ***Ѳед. Ив. вс. Р.***—*большаго полка другому воеводѣ до передоваго и сторожеваго до первыхъ воеводъ дѣла и счету нѣтъ; а передоваго и сторожеваго первымъ до большаго полку другаго воеводы потомуже дѣла нѣтъ. Также и передовому полку до сторожеваго, а сторожевому до передоваго межъ себя дѣла и счету нѣтъ.*» Этотъ указъ сказывалъ д. дьякъ Томило Луговскій[85]).

13 апрѣля царь велѣлъ быть въ Украинномъ разрядѣ воеводамъ: въ бол. п. въ Тулѣ стольн. кн. Вас. Сем. Куракину, Степ. меньшему Ив. Волынскому; въ перед. п. въ Дѣдиловѣ—стол. кн. Вас. Григ. большому Рома-

---

83) Ibid. ст. 435, 436. — 84) Ibid. ст. 439. — 85) Ibid. ст. 442.

дановскому, Григ. Алексѣеву Саврасу-Загряжскому, въ стор. п. въ Кропивнѣ—кн. Дм. Пет. Пожарскому Лопатѣ, да Дм. Ѳед. Скуратову. Загряжскій билъ челомъ на Волынскаго и получилъ отказъ[86]); кн. Пожарскій—на Ромадановскаго, который также подалъ челобитную объ оборони. 15 апрѣля Томило Луговскій объявилъ имъ приговоръ; сказавъ объ ихъ челобитьяхъ и приведя указъ 9 апрѣля, онъ заключилъ: «и вамъ впредь о томъ государю не бить челомъ и не докучать, а учнете бить челомъ и приговоръ государскій нарушите, и вамъ за то быть въ тюрмѣ.» Послѣ этого челобитную кн. Ромадановскаго передрали надвое[87]). Въ тоже время въ Рязанскомъ разрядѣ приказано быть: въ б. п. въ Переяславлѣ Ив. Ив. Салтыкову, Петр. Ст. Чевкину; въ пер. п. въ Михайловѣ кн. Юр. Ив. Кривому Шаховскому, Влад. Прок. Ляпунову; въ стор. п. въ Пронскѣ Вас. Пет. Чевкину.—По вѣстямъ царь указалъ идти въ сходъ Рязанскимъ воеводамъ къ Тульскимъ,—большому полку въ большой, перед. въ передовой, сторож. въ сторожевой. Князь Юрій Шаховской билъ челомъ, что ему невмѣстно идти въ сходъ къ кн. Ромадановскому, потому что въ (1596) 104 году дана невмѣстная грамота Григ. Шаховскому на дядю кн. Василія, князя Ивана. Ромадановскій билъ челомъ о безчестьи. 17 апрѣля Т. Луговскій объявилъ челобитчикамъ, что грамота, данная Григ. Шаховскому не въ грамоту и что впредь кн. Григорію можно быть въ головахъ у кн. Ив. Ромадановскаго, а въ воеводахъ Гр. Шаховскому нигдѣ не бывать и потому—заключилъ Луговскій—государь царь и в. кн. Мих. Ѳ. всеа Русіи велѣлъ тебѣ кн. Юрію меньше быть кн. Вас. Ромадановскаго, а станешь впредь бить челомъ, и тебя государь велѣлъ посадить въ тюрму да выдать головою.» Когда Украинные воеводы пошли къ царской рукѣ, то Ю. Шаховскій не явился и продолжалъ просить на Ромадановскаго. Его посадили въ тюрму и потомъ черезъ два дня выдали головою[88]).

20 апрѣля царь указалъ сидѣть въ Холопьемъ Приказѣ въ товарищахъ съ Сем. Мих. Колтовскимъ Ив. Кузм. Бѣгичеву. Бѣгичевъ билъ челомъ на Колтовскаго, который сталъ просить объ оборони. Бояре оправили послѣдняго, потому что родъ его люди честные и прежде сего во многихъ

---

86) Ibid. ст. 444, 445. — 87) Тамже. Любопытна челобитная Ромадановскаго; сказавъ о родовыхъ отношеніяхъ Ромадановскихъ къ Пожарскимъ, онъ продолжаетъ: «въ родствѣ они Пожарскіе съ нами разошлись далече; а считаемся де мы и бьемъ челомъ государю по государевымъ разрядамъ, а не по лѣствицѣ; и государь бы пожаловалъ, велѣлъ оборонь записать на дѣда князь Димитріева ему князь Василію.»—88) Ibid. ст. 446, 447, 448, 449. Въ варіантѣ приговоръ изложенъ иначе, да и самый исходъ спора не такъ разсказанъ; такъ напримѣръ значится, что когда Шаховскаго вывели изъ тюрмы и привели въ Разрядъ, то Луговскій трижды спрашивалъ его: «идти ли ему въ сходъ къ кн. Ромадановскому? Шаховскій всякій разъ отвѣчалъ: «не хаживать.» Тогда его выдали головою.

мѣстахъ бывали товарищами у бояръ. Бѣгичева присудили посадить въ тюрму; при этомъ ему было сказано, что если онъ еще будетъ бить челомъ, то будетъ выданъ головою. Бѣгичевъ не упорствовалъ [89]).

5 мая царь пошелъ къ Николѣ на Угрѣшу; впередъ отпущены были окол. Ѳ. Вас. Головинъ да дворянинъ Ив. Кон. Карамышевъ. Карамышевъ сталъ бить челомъ на Головина. Царь велѣлъ отказать [90]).

1621. — 10 марта царь велѣлъ быть въ береговомъ разрядѣ на службѣ воеводамъ: въ б. п. въ Тулѣ И. В. Морозову, кн. В. Р. Борятинскому; въ пер. п. въ Дѣдиловѣ кн. Ю. Д. Хворостинину, Бор. Ник. Давыдову; въ ст. п. въ Кропивнѣ кн. Г. В. Тюфякину, М. Ѳ. Глѣбову. Давыдовъ билъ челомъ на Борятинскаго, который просилъ объ оборони. Царь велѣлъ отказать Давыдову съ объявленіемъ, что его назначили, *вѣдая его отечество*: Когда дьякъ Поздѣевъ объявлялъ приговоръ Давыдову, то онъ сталъ просить, чтобы у него взяли случаи. «Случаевъ у тебя не возьму—сказалъ Поздѣевъ,—а станешь еще бить челомъ, и тебѣ быть въ наказаньи.»— Но Давыдовъ и послѣ неоднократно билъ челомъ. Царь велѣлъ ему меньше быть [91]).

6 августа былъ у царя столъ для патріарха; у стола были: бояре кн. Ю. Енш. Сулешевъ, Гр. Пет. Ромадановскій, окольн. С. В. Головинъ. Ромадановскій билъ челомъ на Сулешева, утверждая свое старшинство на томъ, что когда онъ въ 1616 г. былъ на съѣздѣ съ Крымскимъ посломъ Ахметомъ, большимъ дядею Сулешева, то Ахметъ пріѣзжалъ къ нему и былъ у него въ государевѣ шатрѣ. Царь и патріархъ спросили Ромадановскаго: «какія у тебя мѣста съ Ахметомъ, который служитъ Крымскому хану, а кн. Сулешевъ Московскому государю?» Ромадановскій пересталъ бить челомъ. Но Сулешевъ просилъ о безчестьи, говоря, что «дядя его Ахметъ паша приходилъ къ кн. Григорію въ шатеръ, почитая государское имя.» Царь подтвердилъ Ромадановскому, что которые и лучше его, а бывали съ кн. Юріемъ, и чтобы онъ садился ниже Сулешева. Кн. Григорій не противился. Но дѣло на этомъ не остановилось. На Ромадановскаго сталъ просить С. Головинъ, утверждая, что ему можно быть больше отца Григорьева кн. Петра, а что онъ теперь сидитъ съ кн. Григоріемъ, и тѣмъ бы его чести порухи не было. Вмѣстѣ съ этимъ стали бить челомъ на

---

89) Ibid. ст. 450, 451. — 90) Далѣе въ разрядѣ сказано: «И дум. дьякъ Томило Луговскій сказалъ: что ты, Иванъ, бьешь челомъ на Ѳеодора Головина не дѣломъ, и государь велѣлъ тебя за безчестье Головиныхъ въ тюрму посадить. А какъ изъ тюрмы его вынели и послали его къ околничему къ Ѳ. Головину на дворъ головою, и онъ былъ съ Ѳеодоромъ.» Ст. 451, 452. — Царь велѣлъ только отказать, а между тѣмъ Карамышевъ былъ посаженъ въ тюрму и выданъ головою. Вѣроятно усиленіе наказанія было дѣломъ Т. Луговскаго. — 91) Ibid. ст. 469, 470.

Ромадановскаго кн. Мат. Прозоровскій, кн. Ю. Сицкій, Вас. Третьяковъ по весьма сложному притязанію, а именно: старшій братъ кн. Матвѣя Семенъ былъ меньше Сулешева, а они всѣ бывали съ меньшимъ братомъ послѣдняго Василіемъ; такъ какъ теперь кн. Григорій билъ челомъ на кн. Юрія, то отъ его челобитья ихъ отечеству порухи не было бы[92]). Царь велѣлъ сказать Головину и всѣмъ прочимъ челобитчикамъ, что ихъ чести отъ Ромадановскаго никакой порухи нѣтъ, потому что онъ сидѣлъ ниже Сулешева. Послѣ стола кн. Юрій еще разъ ударилъ челомъ патріарху о безчестьи на Ромадановскаго; *«какова де безчестья хочешь* — замѣтилъ ему Филаретъ Никитичь — *вѣдь де и такъ кн. Григорій подъ тобою сидѣлъ и сказано, что ему съ тобою можно быть»* [93]).

Въ тоже время пріѣхалъ въ Москву изъ Городецка Максимъ Сем. Языковъ, бывшій тамъ воеводою, и подалъ въ разрядѣ послужные списки, какъ приходили къ Городецку Черкасы. Въ послужныхъ спискахъ были написаны сотенными головами кн. Ан. Ив. Мордкинъ, Дав. Мих. Милюковъ, Алексѣй Львовъ Ушаковъ. Мордкинъ и Милюковъ подали на Языкова слѣд. челобитную: «какъ въ прошломъ 127 (1618) году приходили Литовскіе люди на Московское государство, и онъ М. Языковъ былъ въ тѣ поры въ Бѣжецкомъ Верху, а писалъ онъ Максимъ ему государю къ Москвѣ ложно, что Литовскіе люди приходили въ Бѣжецкій уѣздъ и онъ Максимъ будто бы посылалъ на Литовскихъ людей отъ себя головъ Д. М. Милюкова, А. Мордкина да А. Л. Ушакова и они де Литовскихъ людей побили; да послѣ того будто приходили Литовскіе люди и къ городу приступали и онъ отсидѣлся и Литовскихъ людей побилъ, а на городѣ головы были тѣже, и послужные списки къ государю прислалъ. И то онъ Максимъ Языковъ затѣялъ; а онъ кн. Мордкинъ, Д. Милюковъ и А. Ушаковъ въ головахъ у него не бывали, да и не сошлось имъ быть у такого въ головахъ, а написалъ онъ Максимъ ихъ ложно въ головахъ у себя, безчестя ихъ тѣмъ; да и службу свою Максимъ ложно писалъ къ государю: Литовскихъ людей онъ не побивалъ и приступу къ городу не бывало, и государь бы милость показалъ, велѣлъ про то сыскать и за ихъ безчестья оборонь учинить.» — Назначено было слѣдствіе; доносъ Мордкина оправдался. Царь указалъ бить Языкова батогами за его воровство; кромѣ того велѣлъ убавить у него окладъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья на 25 руб. и 150 четвертей; за безчестье же Мордкина, Милюкова и Ушакова посадить на три дня въ тюрму [94]).

---

92) Въ варіантѣ здѣсь прибавлено весьма важное выраженіе — били челомъ — *помогаючи Сулешеву*. — 93) Ibid. ст. 477, 478, 479, 480. — 94) Ibid. ст. 480, 481, 482. Значитъ не затронь Языковъ родовой чести Мордкина съ товарищами и грубый, безстыдный обманъ остался бы нераскрытымъ.

21 сентября патріархъ принималъ Турецкаго посла; приставомъ у посла былъ кн. С. Н. Гагаринъ; на перв. встрѣчѣ былъ кн. Р. Ив. Гагаринъ; на второй—кн. И. Ѳ. Хованскій. Князь Хованскій билъ челомъ на Никиту Годунова, который встрѣчалъ тогоже посла у царя. «Какіе вамъ тутъ мѣста» — крикнулъ на Хованскаго патріархъ, и велѣлъ быть по росписи. Объявлялъ посла патріарху д. дьякъ Грамотинъ; со столомъ къ послу отъ патріарха ѣздилъ кн. Пет. Алексан. Рѣпнинъ. Послѣ пріема Рѣпнинъ сталъ бить челомъ царю и патріарху, что прежде къ Персидскому послу ѣздилъ подчивать отъ государя кн. Ю. Анд. Сицкій, а отъ патріарха ѣздилъ онъ, и въ ту пору онъ не билъ челомъ на Сицкаго за тѣмъ, что ихъ государей гнѣвить не смѣлъ и не раздѣлялъ ихъ государскаго имени; теперь же къ Турецкому послу отъ царя ѣздилъ Левъ Ив. Долматовъ-Карповъ, отъ патріарха же онъ; «и я готовъ быть по государеву указу, сказалъ Рѣпнинъ въ заключеніе, только кн. Сицкій похваляется, что учинился больше меня, ѣздилъ отъ государя къ Персид. послу.» Дано въ отвѣтъ, что онъ князь Петръ бьетъ челомъ, *«незнаючи, что каковъ онъ государь, таковъ и отецъ его государевъ вел. гос. св. патріархъ Фил. Никитичь Московскій и всея Русіи и ихъ государское величество нераздѣльно; тутъ мѣстъ нѣтъ»* [95]).

1622.—Въ февралѣ царь и патріархъ указали сыскать про оклады стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ и жильцовъ окольн. С. В. Головину и дворянамъ съ нимъ Ю. Игн. Татищеву, Алексѣю Захар. Шапилову, дьяку Пет. Микулину. Татищевъ билъ челомъ на Головина, который просилъ объ оборони. Татищева присудили посадить въ тюрму на три дня [96]).

14 марта у царя былъ столъ для патріарха; были у стола: бояре кн. Ю. Е. Сулешевъ, кн. Д. М. Пожарскій, окольн. кн. Г. К. Волконскій. Князь Пожарскій билъ челомъ, чтобы родству его порухи не было, потому что на Сулешева билъ челомъ кн. Г. П. Ромадановскій, который по родству ему кн. Димитрію малъ. Царь велѣлъ сказать Пожарскому, что Ромадановскій билъ челомъ не дѣломъ. Князь Дим. Михайловичь не противился и былъ у стола. Но тутъ сталъ бить челомъ на него Ромадановскій; царь велѣлъ сказать: *«теперь имъ мѣстъ нѣту, а гдѣ имъ велятъ быть вмѣстѣ и тогда государевъ указъ будетъ»* [97]).

26 марта объявлена была служба въ Украин. разрядѣ однимъ меньшимъ воеводамъ; посланы были: въ б. п. въ Тулу кн. Вас. Пет. Щербатовъ; въ пер. п. въ Дѣдиловъ кн. Сем. Ник. Гагаринъ; въ стор. п. въ Кропивну кн. Пет. Анд. Волконскій Черный Глазунъ. Кн. Гагаринъ билъ челомъ на Щер-

---

95) Ibid. ст. 489, 490, 491. — 96) Ibid. ст. 497, 498. — 97) Ibid. ст. 498, 499, 500.

батова, который просилъ объ обороне. По царскому указу Том. Луговскій объявилъ челобитчикамъ, что никто изъ Гагариныхъ въ воеводахъ не бывалъ, а бывали вездѣ въ губныхъ старостахъ и городовыхъ прикащикахъ, и впредь бы кн. Семенъ не билъ челомъ, если же станетъ бить челомъ, то ему быть въ опалѣ и безпощадномъ наказаніи. Когда воеводы пошли къ царю на отпускъ, то Гагаринъ вторично сталъ бить челомъ на Щербатова; царь отказалъ ему съ *кручиною великою* [98]). Въ Рязанскомъ разрядѣ назначены были: въ б. п. въ Переяславль Ив. Никиф. Сабуровъ, да Дмит. Петр. Беклемишевъ; въ п. п. въ Михайловъ Вас. Пет. Чевкинъ, да Ив. Өед. Кикинъ; въ стор. п. въ Пронскъ кн. Гр. Анд. Волконскій, да Анд. Хотяинцевъ. Кикинъ билъ челомъ на Беклемишева, но получилъ отказъ. Беклемишевъ билъ челомъ на Чевкина; также и ему было отказано, на основаніи положенія 9 апр. 1620 года, равно и потому, что Беклемишевы передъ Чевкиными люди молодые. Кромѣ того царь указалъ навести справку—писался ли отецъ Беклемишева воеводою, если не писался, то его и не писать воеводою [99]). Не взирая на неудачный исходъ этихъ челобитій, Сабуровъ просилъ объ отмѣненіи распоряженія, по которому ему должно было ходить въ сходъ на Тулу къ кн. Щербатову. Царь велѣлъ послать ему грамоту, которою ему предписывалось ходить и промышлять надъ Крымцами и Нагайцами, если они придутъ въ Рязанскія мѣста; если же они придутъ въ Тульскія мѣста, то посылать въ сходъ къ Щербатову Беклемишева; самъ бы Сабуровъ не ходилъ туда—*для князя Щербатова* [100]).

20 апрѣля царь приговорилъ «*сказывать боярство и окольничество большимъ, кто кого меньше въ родствѣ; а мѣстъ и счету въ томъ нѣтъ и порухи большимъ родамъ отечеству ихъ въ томъ не будетъ, кто кому меньше себя скажетъ боярство и окольничество*» [101]). Это опредѣленіе нарушено было на другой же день, 21 апрѣля въ Свѣтлое Воскресенье, а именно: царь пожаловалъ въ бояре окольнич. С. В. Головина; боярство должны были сказать кн. Д. Т. Трубецкой и Томило Луговскій. Трубецкой билъ челомъ, что ему *не пригоже* сказывать боярство Головину. Царь объявилъ: «*тутъ мѣстъ нѣтъ и старшій младшему сказываетъ*» [102]).

28 апрѣля въ радуницу пожаловалъ царь окольничествомъ кн. Θ. Ив.

---

98) Ibid. 501, 502. — 99) Ibid. ст. 502, 503. — 100) Ibid. ст. 503. Въ іюнѣ на мѣсто Сабурова царь указалъ послать Ив. Пет. Шереметева и Пет. Степ. Чевкина. Они назначили отъ себя головами Дея Рахманинова и Ив. Можарова. Послѣдніе стали бить челомъ, что имъ отъ Чевкина нельзя быть головами. Чевкинъ прислалъ царю отписку, къ которой подклеена была челобитная съ случаями, въ которыхъ, между прочимъ, сказано, что старшій братъ Рахманинова былъ сотеннымъ головою отъ Семена Коробина, а отецъ Можарова — прикащикомъ въ государевыхъ дворцовыхъ селахъ. Рахманинова и Можарова за безчестье Чевкина приказано бить батогами и посадить въ тюрму. Ст. 504, 505.—101) Ibid. ст. 506.—102) Ibid. ст. 506, 507.

Лыкова. Князь Θедоръ билъ челомъ на меньшаго своего брата Бориса Михайловича и говорилъ, что ему позорно быть окольничимъ, когда младшій братъ въ боярахъ. Царь не послушалъ его челобитья [103]).

31 декабря пріѣхалъ служить царю Юргенскій царевичь Авганъ Арапухановъ. Во время народной встрѣчи царевича, приставомъ у него былъ Перфилій Ив. Секеринъ; объявлялъ его кн. Г. К. Волконскій. Секеринъ билъ челомъ на послѣдняго; сказано въ отвѣтъ, что онъ *плутаетъ, бьетъ челомъ, незнаючи, что тутъ мѣстъ нѣтъ* [104]).

1623.—Въ февралѣ царь пожаловалъ царевича Мих. Кайбуловича, велѣлъ ему жениться, а взять дочь Григ. Ляпунова. По росписи кому быть на свадьбѣ, между прочимъ, назначены были: въ сидячіе бояре—Ив. Дмит. Заика-Плещеевъ, князья Гагарины Ром. Ив. и Никита Никитинъ; въ сидячія боярыни — жена Ив. Дм. Плещеева (не была, потому что мужъ сказалъ ее больною, ея мѣсто должна была заступить жена Ив. Яков. Вельяминова), да жены кн. Гагариныхъ. Гагарины били челомъ, что имъ нельзя сидѣть ниже Плещеева, да и женамъ ихъ невмѣстно быть меньше Вельяминовой. Царь велѣлъ поставить въ росписи имя Плещеевой, матери жены Вельяминова, послѣдняя же должна была только заступать ея мѣсто. Гагаринымъ объявлено было, чтобы они на свадьбѣ непремѣнно были по росписи; «а послѣ свадьбы, кому до кого дѣло и тотъ бей послѣ государю челомъ, а только они государева повелѣнья не послушаютъ, и имъ быть отъ государя въ великой опалѣ»—сказалъ Гагаринымъ дьякъ Степановъ. Гагарины повиновались и не били челомъ даже послѣ свадьбы [105]). Въ отцево мѣсто къ невѣстѣ былъ назначенъ Θ. Л. Бутурлинъ; въ сидячихъ съ невѣстиной стороны были В. Θ. Клепикъ-Бутурлинъ, Г. А. Загряжскій и И. И. Бѣгичевъ. В. Бутурлинъ билъ челомъ на Θ. Бутурлина; Бѣгичевъ—на Загряжскаго. Θ. Бутурлинъ съ братьями сталъ просить о безчестьи и говорилъ, что въ родствѣ они съ Клеп. Бутурлинымъ разошлись далеко, что родственники Василія служили въ Новгородѣ и отечество свое истеряли по многимъ случаямъ во многихъ мѣстахъ, дѣды же его Θедора и отецъ нигдѣ отечества не истеряли и били челомъ еще ц. Ивану Васильевичу, *чтобы онъ милость свою имъ показалъ, имъ Новгородскими Бутурлиными потеркою и находкою считаться не велѣлъ.* Далѣе онъ говорилъ, что дѣды Новгородскихъ Бутурлиныхъ бывали въ головахъ у его дѣдовъ, и что его дѣды и отцы, по государской милости, знатны и во всѣхъ государевыхъ чинахъ бывали и въ государевомъ родословцѣ записаны всѣ поимянно; ихъ же Новгородцевъ почему знать: сколько ихъ плодилось и кто у нихъ большой и меньшой братъ? Царь велѣлъ имъ на свадьбѣ быть по

---

103) Ibid. ст. 508.— 104) Ibid. ст. 531, 532.— 105) Ibid. ст. 537, 538, 539.

росписи. Послѣ свадьбы В. Бутурлинъ снова билъ челомъ на Ѳ. Бутурлина; царь указалъ разобрать ихъ дѣло боярину кн. Ив. Ив. Шуйскому и дьяку Мих. Данилову. Челобитчиковъ ставили съ очей на очи, у Ѳеодора же Бутурлина были взяты случаи разрядамъ. 13 іюня тогоже года была объявлена имъ сказка, по которой Василію Бутурлину приказано быть меньше Ѳ. Бутурлина. Старшинство послѣдняго, между прочимъ, утверждено было и на томъ основаніи, что Вас. Бутурлинъ былъ въ окладчикахъ у М. Глѣб. Салтыкова въ Новгородѣ и сидѣлъ ниже Новгородца сына боярскаго Луки Милославскаго, и что они бывали въ городничихъ. У сказки Василій объявилъ, что у Салтыкова въ окладчикахъ не бывалъ и писать не умѣетъ; «*да нестатное дѣло быть мнѣ въ окладчикахъ*—заключилъ онъ—*кто живетъ въ окладчикахъ, по тѣхъ и руки живутъ, а моей руки въ окладчикахъ нѣтъ, и то де я записанъ за очи, и государь бы про то велѣлъ сыскать, и то знатно, что то сдѣлалось припадкомъ и государскою милостью.*» Василій Бутурлинъ замѣтилъ также, что онъ съ братіею билъ челомъ государю «*о судѣ, и онибъ тому дали отводъ, а то учинилося безъ суда.*» Сказка Бутурлинымъ была въ столовой избѣ. Бѣгичеву подтверждено было сидѣть ниже Загряжскаго [106]).

13 марта была объявлена служба въ Украинномъ разрядѣ; воеводами были назначены: въ б. п. въ Тулу кн. Ѳ. С. Куракинъ, Бор. Ив. Нащокинъ; въ п. п. въ Дѣдиловъ—кн. В. Ром. Борятинскій, В. С. Беклемишевъ; въ ст. п. въ Кропивну—Бог. Мих. Нагой, Анд. Пет. Совинъ. Нагой билъ челомъ на Борятинскаго и представилъ случаи своего старшинства; Борятинскій просилъ объ обороне. По царскому указу бояре напомнили Нагому объ опредѣленіи 9 апрѣля 1620; но онъ продолжалъ бить челомъ, утверждая, что въ равенствѣ съ Борятинскимъ ему нельзя быть, и что Борятинскій будетъ похваляться, что былъ по тому разряду съ нимъ безъ мѣстъ. Бояре стали говорить Нагому, что кн. Борятинскому впредь тѣмъ попрекать его нельзя и въ равенство ему не поставятъ; потому что, по царскому указу, *въ сторож. полку малъ и великъ живетъ*, и онъ бы на службѣ былъ по росписи, а безчестья ему въ томъ не будетъ.—На Борятинскаго билъ челомъ и Нащокинъ; пріѣхавъ на мѣсто, онъ не взялъ списковъ, за что посадили его въ тюрму. На Нащокина просилъ Совинъ; бояре отказали ему, назвавъ его *холопомъ Воротынскаго* [107]).—Того же 13 марта д. раз. дьякъ Лихачовъ объявилъ царскимъ именемъ службу въ Рязанскомъ разрядѣ; воеводами были назначены: въ б. п. въ Переяславль—Ив. В. Головинъ, Пет. Ст. Чевкинъ (онъ былъ впрочемъ отстав-

---

106) Ibid. ст. 539, 541, 542, 543, 544, 560, 561, 562. — 107) Ibid. ст. 544—546. Кн. Куракинъ донесъ, что Нащокинъ въ сходъ съ нимъ не пошелъ, утверждая, что ему невмѣстно быть съ Борятинскимъ. Послана была въ Тулу грамота съ приказаніемъ посадить Нащокина въ тюрму. Ст. 556.

ленъ, его мѣсто заступилъ Осипъ Тимоѳ. Хлоповъ); въ п. п. въ Михайловъ А. Ѳ. Наумовъ, И. Ѳ. Кикинъ; въ стор. п. въ Пронскъ—одинъ Гр. Вас. Житовъ-Бороздинъ; въ приб. полкъ въ Мценскъ—Вас. Ар. Измайловъ, Никита Ив. Сомовъ. Наумовъ у сказки билъ челомъ на Головина. Бояре отказали ему, что *бьетъ безмѣрствомъ на Головина, передъ которымъ онъ молодой человѣкъ.* Наумовъ повиновался, но сталъ просить на Борятинскаго, что въ сходъ къ нему не можетъ идти по многимъ случаямъ. Царь указалъ и бояре приговорили, чтобы Наумовъ въ сходѣ былъ безъ мѣстъ, когдаже служба минстъ, тогда и счетъ данъ будетъ [108]). Въ томъже разрядѣ били челомъ: 1) На Головина Житовъ; когдаже ему отказали съ угрозою быть въ великой опалѣ, тогда онъ объявилъ, что готовъ быть съ Головинымъ, но проситъ на Нагова, что въ сходъ къ нему идти невмѣстно; ему и здѣсь отказали; 2) Хлоповъ билъ челомъ, что невмѣстно идти въ сходъ къ Нащокину и получилъ отказъ [109]).

30 ноября царь принималъ Черкаскихъ мурзъ; рындами при этомъ были: князья Иванъ Молчанка и Василій меньшой Григ. Ромадановскіе, Кузьма Дан. и Павелъ Ѳед. Леонтьевы. Леонтьевы били челомъ на Ромадановскихъ; послѣдніе жаловались на нихъ;—«до сихъ поръ—говорили князья Иванъ и Василій—на насъ не бивали челомъ такія дѣтишка боярскія, коновалы». Д. р. дьякъ Лихачовъ сказалъ Леонтьевымъ, чтобы они на этотъ разъ съ Ромадановскими были. Узнавъ объ этомъ, Данило Леонтьевъ спросилъ Лихачова: «государевымъ ли словомъ сказываешь, что сыну моему и племяннику быть съ Ромадановскими безъ мѣстъ?» —«Я де вамъ говорю не государевымъ словомъ, потому чтобы вы теперь государя не кручинили», отвѣчалъ Лихачовъ. Леонтьевы были въ рындахъ; но 3-го декабря повторили свою жалобу. Царь принялъ у нихъ челобитную, также и у Ромадановскихъ, когда тѣ снова стали просить объ оборони въ безчестьи. 12 декабря указано было бояр. кн. И. И. Одоевскому и дьяку Данилову поставить челобитчиковъ съ очей на очи. Ромадановскіе ударили челомъ, что имъ отвѣчать и на судъ идти съ такими дѣтишками боярскими неумѣстно, потому что Леонтьевы люди неродословные, мелкія городовыя дѣти боярскія, Коширяне, и что никогда еще счету не бывало неродословнымъ людямъ съ родословными; «поэтому государь бы пожаловалъ, велѣлъ имъ дать оборонь, а на судъ имъ никакъ не хаживать, въ томъ государева воля», сказали они въ заключеніе. Кн. Одоевскій доложилъ объ этомъ царю; воспослѣдовалъ указъ—«*судить и по сыску что доведется указъ учинить*». Ромадановскіе снова били челомъ; но бояре имъ объявили, что, по государеву указу, если они не пойдутъ на судъ, то и оборони имъ дать не почему [110]).

108) Ibid. ст. 550. По возвращеніи въ Москву Наумова и Борятинскаго имъ данъ былъ судъ 17 августа 1624 года; судилъ ихъ бояр. кн. Ив. Ник. Одоевскій. Судъ однако былъ невершенъ. Ст. 625, 626.—109) Ibid. стол. 549, 550.—110) Ibid. ст. 573—578.

Того же 3 декабря царь принималъ Персидскаго гонца; рындами при этомъ были князья Ив. Ѳед. Татевъ и Юр. Анд. Звѣнигородскій, стряпчіе Степ. Вас. Телепневъ, Мих. Вас. Ларіоновъ. Звѣнигородскій сказался больнымъ; царь велѣлъ насильно одѣть его въ бѣлое платье. По окончаніи пріема Звѣнигородскій билъ челомъ на Татева; царь велѣлъ отказать и подтвердить, чтобы онъ и впредь всегда былъ съ Татевымъ[111]). Сталъ бить челомъ и Ларіоновъ на Телепнева, говоря, что отецъ его Василій былъ сынъ боярскій, служилъ же въ Дмитровѣ, тогда какъ Василій Телепневъ, отецъ Степана, изъ подьячихъ. Царь указалъ объявить, чтобы Ларіоновъ съ Телепневымъ былъ,—*«а быть ему пригоже, потому что Степановъ отецъ Василій былъ у государя думнымъ дьякомъ посольскимъ, а его отецъ Михайловъ рядовымъ дьякомъ, оба же они люди неродословные и счету имъ нѣтъ, гдѣ государь велитъ быть, тотъ тамъ и будь»* сказано было Ларіонову. Ларіоновъ былъ въ рындахъ, но потомъ вторично билъ челомъ; царь на него кручинился и велѣлъ *«выкинуть его изъ стряпчихъ, а написать съ города, что онъ госуд. указу не послушалъ»*. Д. дьякъ Лихачовъ, вслѣдствіе сего, вытолкалъ (выбилъ) Ларіонова изъ царской передней, и примолвилъ: *«государь для докуки и челобитья велѣлъ изъ меньшихъ статей выбирать, къ чему было и недостойны такіе, ино и тѣ бьютъ челомъ*[112]).

1624.— 9 марта царь указалъ быть въ Укр. и Рязанс. разрядахъ воеводами: въ б. п. въ Тулѣ — кн. Ив. Ан. Голицыну и Д. П. Пожарскому Лопатѣ; въ пер. п. въ Дѣдиловѣ — кн. М. В. Прозоровскому, Ст. Лукьян. Хрущову; въ ст. п. въ Кропивнѣ—кн. Ан. Ѳед. Литвинову-Масальскому, Ѳед. Мих. Бояшеву[113]); въ приб. полку, въ Мценскѣ, Вас. Ив. Нагому, Ѳ. Ив. Грекову Кожѣ; въ Переяславлѣ—Ѳ. Мат. Бутурлину, В. П. Чевкину; въ пер. п., въ Михайловѣ—кн. Мих. Вас. Щетинину-Оболенскому, Дмит. Петр. Беклемишеву; въ ст. п., въ Пронскѣ—Пет. Тимоѳ. Пушкину, Ѳед. Гр. Аладьину. Начались челобитья: Пожарскій билъ челомъ, что ему въ больш. полку вторымъ быть безчестно, потому что въ пер. п. первымъ кн. М. Прозоровскій, въ другихъ же полкахъ первыми люди еще моложе Прозоровскаго. Беклемишевъ билъ челомъ на Щетинина, Пушкинъ—на Масальскаго. Царь велѣлъ сказать, чтобы всѣ были по росписи. Пушкину же отдѣльно объявилъ д. дьякъ Лихачовъ, что бьетъ челомъ на Масальскаго не дѣломъ, потому что въ 1598 году отецъ его Тимоѳей въ Черниговѣ съ бояр. Ѳ. И. Шереметевымъ былъ въ третьихъ головахъ меньше

---

111) Ibid. ст. 574, 575.—112) Ibid. ст. 575, 576. Царь впрочемъ на праздникъ Петра митрополита простилъ Ларіонова и снова пожаловалъ его въ стряпчіе. 113) Про него сказано — «иноземецъ Волосскія земли».

кн. Вас. Масальскаго — Рубца; если же онъ Петръ не будетъ на службѣ, то ему быть выдану головою. 20 марта всѣ воеводы пошли на отпускъ къ царю; кн. Пожарскій не явился, сказавши, что его разбила лошадь. Царь велѣлъ отставить его по болѣзни; мѣсто его заступилъ кн. Никиф. Яков. Мещерскій[114]). Воеводы, уѣхавъ изъ Москвы, не оставили своихъ счетовъ, но не ладили между собою и въ полкахъ. Такъ Аладьинъ отъ 17 апрѣля доносилъ, что Пушкинъ не беретъ списковъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, потому что ему велѣно идти въ сходъ въ Кропивну къ кн. Масальскому. Царь указалъ Аладьину, чтобы онъ далъ строгое подтвержденіе Пушкину, если же онъ станетъ упорствовать, то посадить его на недѣлю въ тюрму; послана была грамота и къ Пушкину. Въ тоже время изъ Тулы писалъ кн. Голицынъ, что дворяне выборные, которымъ указано быть съ нимъ, когда онъ ихъ расписалъ въ головы по сотнямъ и къ подъѣзднымъ станицамъ, давъ имъ списки сотень, пришли въ съѣзжую избу съ великимъ шумомъ и побросали списки, говоря, что имъ изъ за Мещерскаго головами невмѣстно быть. Въ отвѣтѣ царскомъ отъ 26 мая, между прочимъ, сказано: «*Головамъ въ томъ мѣстѣ прежде сего не бывало и намъ о томъ напередъ не бивали челомъ, и нынѣ имъ въ томъ мѣстѣ нѣтъ, а сказалъ бы еси имъ; списки сотенные и подъѣздные отдалъ тотчасъ и по прежнему нашему указу на нашей службѣ имъ быть велѣлъ, чтобъ нашему дѣлу въ томъ порухи никакой не было. А только они сотень и подъѣздовъ не возьмутъ, и тыбъ ихъ за непослушанье велѣлъ посадить въ тюрму, да о томъ къ намъ отписалъ, и мы имъ о большемъ наказаньи велимъ указъ учинить*». Князь Голицынъ, до полученія отвѣта на первое донесеніе, отъ 23 мая еще писалъ, что Борисъ Колтовской съ товарищами вторично пришли въ съѣзжую избу и побросали списки. Потомъ Голицынъ отъ 29 мая увѣдомилъ царя, что Колтовской, Афан. Уваровъ и Як. Хрущовъ убѣжали со службы. Царь написалъ, что бѣглецы схвачены въ Москвѣ, были посажены въ тюрму, а теперь отправлены обратно на службу въ Тулу.—Въ это же время получены были еще слѣд. отписки: 1) изъ Пронска отъ Аладьина, увѣдомлявшаго, что хотя Пушкинъ и пошелъ въ сходъ къ Масальскому, боясь царской опалы, всеже не перестаетъ твердить, что ему быть въ сходѣ невмѣстно, потому что родители его меньше Масальскихъ не бывали. Царь написалъ, что за такую отповѣдь онъ указалъ и бояре приговорили посадить Пушкина на три дня въ тюрму. Пушкину дано знать, что, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства съ его стороны, его отведутъ и выдадутъ головою. 2) Изъ Переяславля писалъ Бутурлинъ, что Чевкинъ не ходитъ въ съѣзжую избу, потому что на Тулѣ съ Голицынымъ велѣно быть Ме-

114) Ibid. ст. 583, 584, 585. Пожарскій при осмотрѣ дѣйствительно оказался больнымъ.

щерскому, меньше котораго ему быть невмѣстно. Чевкину отказано съ угрозою, что въ случаѣ неповиновенія ему быть въ великой опалѣ—быть посажену въ тюрму, кромѣ того ему велятъ учинить великое наказаніе. 3) Съ Кропивны доносилъ кн. Литвиновъ-Масальскій, что Бояшевъ отдалъ ему списки, сказавъ, что ему нельзя быть меньше Мещерскаго и что въ съѣзжую избу не ходитъ и у государева дѣла не сидитъ. Изъ Москвы пришелъ отказъ съ угрозою, что Бояшеву за упорство быть въ тюрмѣ и великомъ наказаньи, ибо ему до кн. Мещерскаго недостало. 4) изъ Дѣдилова писалъ Прозоровскій, что и Хрущовъ изъ за кн. Мещерскаго не занимается государевымъ дѣломъ и въ съѣзжей избѣ не сидитъ; данъ отвѣтъ такого жё содержанія, какъ и предъидущіе [115]). Вся эта безурядица произошла по поводу назначенія кн. Мещерскаго въ Тулу вторымъ воеводою.

14 марта былъ у царя столъ для патріарха; у стола были бояре: Ѳ. И. Шереметевъ, кн. Д. И. Мезецкій, окольн. кн. Д. И. Шабановскій-Долгорукій. Послѣдній билъ челомъ, что ему ниже Шереметева сидѣть невмѣстно, говоря, что дядя Шереметева Ѳед. Васильевичь былъ меньше кн. Ѳ. Ноготкова, который ему Данилѣ по родству ровенъ, бояр. же Ѳ. Ивановичь меньше дяди своего тремя мѣстами. Царь сказалъ Долгорукому, что ему можно быть меньше Ѳ. И. Шереметева и впредь бы не билъ на него челомъ, подъ опасеніемъ быть въ наказаніи. Долгорукій не противился. На другой день Ѳ. И. Шереметевъ подалъ царю и патріарху челобитную отъ лица племянника своего Бориса Петровича; тонъ этой челобитной былъ самый смиренный; въ заключеніе въ ней сказано: «Милосердый государь царь и вел. кн. Мих. Ѳед. всеа Русіи и в. г. свят. патр. Фил. Никит. Моск. и всеа Русіи! пожалуйте меня, холопа своего, велите мнѣ отъ кн. Данила въ отечествѣ оборонь учинить, чтобъ, государи, по смерти родители наши, а мы, холопи ваши, живы, вашею государскою милостію, отъ кн. Данила безчестны и позорны не были.—Царь государь.... и св. патріархъ, смилуйтеся, пожалуйте»! Царскаго указу по этой челобитной не было [116]).

---

115) Ibid. столб. 583 — 601. Хрущовъ, возвратившись въ Москву, подалъ челобитную на Мещерскаго. Ст. 654. — 116) Ibid. ст. 603—609. Въ слѣд. году 19 ноября Борисъ Петровичь подалъ новую челобитную; въ ней, между прочимъ, указываетъ онъ на нѣкоторые случаи, при которыхъ давали оборонь въ безчестьи; такъ приведено въ примѣръ, что за кн. Куракина и Лыкова сидѣли въ тюрмѣ Мат. Прозоровскій и Пет. Головинъ, «да и многимъ, государи, по вашей государской милости оборонь учинена, кто на кого ни бивалъ челомъ въ отечествѣ не по своей мѣрѣ—говоритъ онъ въ заключеніе—а мнѣ холопу вашему указу нѣтъ». Эта челобитная также не имѣла успѣха. Оборонь Шереметевымъ на Долгорукаго дана была по другому случаю, о чемъ будетъ сказано ниже.

14 сентября царь, посовѣтовавшись съ патріархомъ, указалъ на своей государевой радости боярамъ и окольничимъ и думнымъ людямъ и стольникамъ и стряпчимъ и дворянамъ и приказнымъ людямъ быть безъ мѣстъ и впредь тѣмъ никому не считаться и въ случаи не принимать. Для укрѣпленія указалъ государь свой государскій указъ подписать думнымъ дьякамъ и своею государскою печатію запечатать. По росписи въ свадебныхъ чинахъ въ числѣ другихъ были съ государевой стороны въ отцево мѣсто И. Н. Романовъ, тысяцкимъ кн. Ив. Бор. Черкаскій, большимъ дружкою кн. Дм. Мамстр. Черкаскій, другимъ дружкою кн. Дм. М. Пожарскій; съ государыниной стороны: больш. дружкою М. Б. Шеинъ, другимъ дружкою кн. Ром. Пет. Пожарскій. Дм. Мамстр. Черкаскій билъ челомъ на И. Б. Черкаскаго; дано въ отвѣтъ — *быть безъ мѣстъ*. Шеинъ также сталъ просить, говоря, что въ его версту съ кн. Д. Мам. никто не бывалъ и чтобы его отечеству въ томъ порухи не было; отвѣта не дано. Кромѣ того въ сидячихъ пришлось быть съ госуд. стороны князьямъ Ив. И. Шуйскому и Ив. Вас. Голицыну; съ государыниной стор. первымъ сидячимъ былъ кн. Д. Т. Трубецкой; жена кн. Голицына также должна была сидѣть ниже княгини Шуйской. Кн. Голицынъ билъ челомъ, что ему невмѣстно быть меньше Шуйскаго и Трубецкаго. Не взирая на то, что царь и патріархъ еще разъ объявили—быть всѣмъ безъ мѣстъ, Голицынъ стоялъ на своемъ,—«*въ томъ ихъ государская воля, хотя вели государь казнить, а мнѣ по той сказкѣ нельзя быть меньше Шуйскаго и Трубецкаго*»—твердилъ онъ. Д. дьякъ Грамотинъ доложилъ царю и патріарху; они указали объявить объ этомъ боярамъ. Бояре приговорили: «кн. Ив. Голицынъ учинилъ то измѣною, что на государевѣ радости быть не хочетъ, а государская милость ко всѣмъ къ нимъ, что быть указалъ государь на своей государской радости всѣмъ имъ безъ мѣстъ, и въ князь Ивановѣ непослушаньѣ и измѣнѣ ихъ государская воля, а кн. Иванъ по своей винѣ достоинъ всякаго наказанья и разоренья». Послѣ такого рѣшенія царь и патріархъ указали у кн. Голицына, за его измѣну и непослушаніе, отписать помѣстья и вотчины; помѣстья роздать въ роздачу, а вотчины вѣдать во Дворцѣ, Голицыну же оставить одно село въ Арзамасѣ, которое поменьше; потомъ сослать его съ женою въ Пермь за приставомъ и подъ конвоемъ стрѣльцовъ. Однако двора и движимаго имущества не велѣно отнимать у него. Въ Пермь съ кн. Голицынымъ посланы были Мих. Ладыженскій и 30 стрѣльцовъ *для береженья*. Ладыженскому наказано быть при князѣ неотступно и беречь накрѣпко, чтобы къ нему никто не приходилъ. Въ Перми указано дать ссыльному дворъ, на которомъ избы двѣ или три; съ собою ему позволено взять 12 человѣкъ прислуги и священника. По праздникамъ Голицынъ могъ ходить въ церковь только въ сопровожденіи Ладыженскаго [117]).

117) Ibid. ст. 629—642.

21 декабря царь былъ на обѣдѣ у патріарха; у стола были: бояре Ѳ. И. Шереметевъ, кн. Д. М. Пожарскій, окольн. кн. Дан. Ив. Шабановскій-Долгорукій. Послѣдній и на этотъ разъ билъ челомъ царю и патріарху, что ему ниже Шереметева сидѣть невмѣстно. Пожарскій обидѣлся этимъ и сталъ говорить, что Долгорукій, челобитьемъ своимъ на бояр. Шереметева, хочетъ быть больше его, тогда какъ ему по его отечеству и безъ того меньше быть невмѣстно [118]). Шереметевъ, въ свою очередь, просилъ объ оборони на Долгорукаго, утверждая, что съ нимъ можно быть даже дѣду кн. Данилы. Царь велѣлъ д. дьяку Лихачеву посадить Долгорукаго за столъ. Послѣ обѣда тутъ же въ столовой палатѣ въ присутстіи царя и патріарха Лихачовъ объявилъ Шереметеву, что Долгорукій и прежде и теперь билъ челомъ на него не по своей мѣрѣ и тѣмъ его обезчестилъ; «и гос. ц. и в. кн. Мих. Ѳед. всеа Русіи—продолжалъ онъ—тебя бояр. Ѳ. Ивановича пожаловалъ, велѣлъ тебѣ отъ кн. Дан. Долгорукаго въ отечествѣ оборонь учинить, велѣлъ его кн. Данила посадить въ тюрму, а не достало ему кн. Данилу въ отечествѣ не токмо дотебя, и до племянниковъ твоихъ.» Вслѣдъ за этимъ объявленъ былъ приговоръ Долгорукому, потомъ указано было записать это рѣшеніе въ разрядѣ. Долгорукаго отвели въ тюрму, гдѣ онъ сидѣлъ четыре дня. 25 декабря царь велѣлъ освободить его и позволилъ ему видѣть свои царскія очи. При свиданіи самъ царь еще разъ сказалъ Долгорукому, что онъ и прежде и нынѣ билъ челомъ на Шереметева не по своей мѣрѣ и тѣмъ его обезчестилъ [119]).

1625.—Въ генварѣ царь указалъ укрѣплять Можайскъ Ив. Вас. Измайлову и Гр. Сем. Бутикову; головами съ ними были назначены Дан. Дан. Шенгурскій, Матв. Мих. Унковскій, Мат. Влад. Долгой-Сабуровъ, Чаадай Вас. Спѣшневъ, Алексѣй Тим. Борзецовъ. Шенгурскій билъ челомъ на Измайлова; царь велѣлъ бить его батогами [120]).

12 марта была объявлена служба въ Украин. и Рязанскомъ разрядахъ; воеводами назначены: въ б. п. въ Тулу кн. И. М. Катыревъ-Ростовскій, Гр. Ан. Глазунъ-Плещеевъ; въ п. п. въ Дѣдиловъ И. И. Салтыковъ, Тим. Григ. Поливановъ; въ ст. п. въ Кропивну кн. А. В. Пріимковъ-Ростовскій, Вл. Прок. Ляпуновъ; въ приб. п. въ Мценскъ кн. Ѳ. Тим. Чернаго-Оболенскій, Ан. Пет. Совинъ; въ Переяславль въ б. п. кн. П. А. Рѣпнинъ, кн. Ив. Ѳ. Волконскій; въ Михайловъ въ пер. п. кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій-Меринъ, Ульянъ Сем. Ляпуновъ; въ ст. п. въ Пронскъ Ив. Вас. Сукинъ, да Макс. Пет. Крюковъ. Ляпуновы били челомъ на Волконскихъ и отозва-

118) Послѣднія слова очевидно сказаны на счетъ Шереметева. — 119) Ibid. ст. 654—657 — 120) Ibid. столб. 660—661.

лись непристойно объ ихъ происхожденіи [121]). Кн. И. Ѳ. Волконскій билъ челомъ, что ему нельзя быть съ кн. Рѣпнинымъ, потому что онъ Ляпуновымъ свой и станетъ мстить ему за нихъ какую-нибудь недружбу [122]). Царь вмѣсто И. Волконскаго велѣлъ назначить И. Ю. Ловчикова [123]). Въ этомъ же разрядѣ были еще слѣд. челобитья: 1) Плещеева на Салтыкова,—приказано быть по росписи и по царск. указу 9 апр. 1620; 2) кн. Пріимкова также на Салтыкова,—данъ тотъ же отвѣтъ; 3) Ляпунова на Ловчикова; отказано; 4) Крюкова—на Ловчикова,— дано въ отвѣтъ: быть по росписи [124]).

Чрезвычайно любопытенъ слѣд. случай, раскрывающійся изъ царской грамоты въ Брянскъ, гдѣ въ 1625 г. воеводами были Александръ Мих. Нагой и Сем. Демен. Яковлевъ. Отъ 31 марта царь писалъ Нагому: «били намъ челомъ Брянченя Иванъ да Лазарь Семеновы дѣти, Иванъ Матвѣевъ сынъ, Ѳедоръ Елизарьевъ сынъ Безобразовы съ братьею и племянниками: по нашему указу велѣно имъ быть на нашей службѣ въ Брянску съ тобою и съ товарищемъ твоимъ Сем. Яковлевымъ, и имъ де съ Семеномъ быть не мочно, потому ихъ Семенъ ничѣмъ не лучше, и намъ бы ихъ пожаловать, велѣть имъ быть на нашей службѣ съ однимъ съ тобою. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбъ Брянчанамъ... Безобразовымъ съ братьею и племянники велѣлъ быть на нашей службѣ съ однимъ съ собою» [125]).

7 мая царь велѣлъ быть у себя въ походѣ къ Николѣ на Угрѣшу вмѣсто окольничихъ дворянамъ кн. Пет. Ив. Рыбину-Пронскому и Сем. Чемода-

---

121) Ibid. ст. 668. Кн. Ѳед. Волконскій писалъ изъ Михайлова, что Ул. Ляпуновъ въ съѣзжую избу не ходитъ, у государева дѣла не сидитъ и съ нимъ быть не хочетъ. Царь предписалъ Михайловскому городовому воеводѣ посадить Ляпунова въ тюрму. Отъ 9 іюля того же года кн. Ѳ. Волконскій донесъ, что городовой воевода Гагинъ посадилъ Ляпунова не въ тюрму, а въ городню подъ башню, и что Ляпуновъ, проломавъ мостъ, сталъ ходить на башню и живетъ тамъ *своимъ покоемъ*. Царь велѣлъ произвести слѣдствіе; между тѣмъ указано, освободивъ Ляпунова, объявить ему, чтобы онъ былъ съ Волконскимъ по росписи, если же онъ станетъ упорствовать, то посадить его снова въ тюрму; дано знать объ этомъ и Волконскому. Ст. 711, 712. Въ сент. кн. Ѳедоръ донесъ, что Ляпуновъ послѣ тюремнаго заточенія былъ съ нимъ и въ съѣзжую избу ѣздилъ; а потомъ снова не захотѣлъ заниматься государевымъ дѣломъ. Царь велѣлъ еще разъ посадить Ляпунова въ тюрму, если онъ не перестанетъ упорствовать; дано знать объ этомъ и Ляпунову. Ст. 747, 748. — 122) Рѣпнинъ былъ женатъ на дочери Захара Ляпунова.— 123) Въ варіантѣ сказано, что кн. Ив. Волконскій разболѣлся. — 124) Ibid. ст. 670. 2 мая послана была въ Пронскъ воеводѣ Сукину царская грамота, чтобы онъ посадилъ въ тюрму Крюкова, который изъ за кн. Ѳ. Волконскаго и Ловчикова не хотѣлъ брать списковъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Ст. 679, 680. — 125) Ibid. ст. 674, 675.

нову. Кн. Петръ билъ челомъ, что Пронскіе и въ прямыхъ окольничихъ въ походахъ не бывали, и не поѣхалъ. Царь положилъ на него опалу, — и сидѣлъ онъ за приставомъ до 20 мая; освободили его по просьбѣ патріарха для праздника св. Алексѣя митрополита [126]).

26 мая отпущены были изъ Москвы Персидскіе послы водянымъ путемъ; приставами къ нимъ до Казани назначены были Мих. Гр. Елизарьевъ да Вас. Захар. Тихменевъ. Передъ отъѣздомъ Персидскіе послы были у царскаго стола. Кн. Вас. Ромадановскому приказано было звать пословъ къ столу, а кн. Ѳед. Татеву—ихъ подчивать. Ромадановскій ударилъ челомъ царю на Татева въ отечествѣ, говоря: «толко тутъ есть мѣста, и мнѣ меньше Татева быть невмѣстно; а толко безъ мѣстъ, и я звать пословъ готовъ». Царь велѣлъ сказать, что *тутъ мѣстъ нѣтъ*. Татевъ послѣ просилъ объ обороны [127]).

31 мая царь объявилъ, что идетъ къ Троицѣ; на Москвѣ оставлены были бояре Ѳ. И. Шереметевъ, кн. Анд. Вас. Сицкій и д. дьякъ Лихачовъ. Сицкій не пошелъ въ Верхъ по царскому указу. Лихачовъ послалъ къ нему подьячаго Сѣверова съ объявленіемъ, что ему указано быть въ Москвѣ на время отсутствія царя. «Воленъ Богъ да государь, быть готовъ, только мало могу» — отвѣчалъ Сицкій. 1 іюня, по царскому указу, къ нему нѣсколько разъ посылали подьячаго Ларіонова съ подтвержденіемъ, чтобы онъ шелъ въ Верхъ; Сицкій отвѣчалъ одно и тоже. Наконецъ къ нему присланъ былъ Ларіоновъ, что если онъ не пойдетъ добровольно, то его велѣно привести силою. Кн. Андр. выѣхалъ въ городъ; тутъ Лихачовъ объявилъ ему и Шереметеву вѣдать Москву во время своего отсутствія. «*Готовъ быть*» — отвѣчалъ Сицкій и не билъ челомъ у сказки. Когда же царь, по выходѣ изъ собора, позвалъ его и Шереметева къ рукѣ, тогда онъ ударилъ челомъ, что ему невмѣстно быть съ Шереметевымъ; послѣдній сталъ просить объ обороны. Въ іюнѣ же (безъ означеніи числа) патріархъ велѣлъ Шереметеву представить случаи на Сицкаго для повѣрки съ разрядами. Шереметевъ не замедлилъ исполнить патр. указъ. Представленные имъ случаи восходили до 1560 (7067) года. 12 іюня Лихачовъ отъ имени царя и патріарха объявилъ Сицкому, что онъ билъ челомъ на Шереметева не дѣломъ, что меньше ему быть можно, а сколькими именно мѣстами, о томъ будетъ ему особый указъ; за безчестье же Шереметева велѣно его посадить въ тюрму. Князь Сицкій сталъ было говорить въ свое оправданіе, что онъ былъ съ Шереметевымъ, но все же не избѣгнулъ тюрмы. 18 іюня его освободили и привели въ столовую избу; здѣсь въ присутствіи бояръ кн. Ив. Бор. и Дмит. Мам. Черкаскихъ, Ив. Ив. Одоевскаго, Дан. Ив. Мезецкаго, окольн. Ѳ. Леон. Бутурлина, кн. Дан. Иван. Долгорукаго, д. дьякъ Лихачовъ, передъ бояр. Ѳ. И. Шереметевымъ, объ-

---

126) Ibid. ст. 680. — 127) Ibid. ст. 696, 697.

явилъ Сицкому, что онъ меньше послѣдняго пятью мѣстами. Кн. Андрей сказалъ при этомъ, что хотя онъ и билъ челомъ на Шереметева, все же былъ съ нимъ. А племянникъ его князь Алексѣй Юрьев. Сицкій не утерпѣлъ и сталъ говорить: *«въ томъ государева и государя патріарха воля, по ихъ государскому велѣнію дядя мой бояринъ кн. Ан. Сицкій съ бояр. Ѳ. И. Шереметевымъ былъ, а которые на которыхъ бьютъ въ отечествѣ и у государскіе руки не бываютъ, а кто куда посланъ, и бьютъ челомъ государю спустя года по два, и тѣмъ государская милость указъ бываетъ»* [128]).

7 іюля послалъ царь въ полки смотрѣть дворянъ и дѣтей боярскихъ: въ б. п. въ Тулу кн. Ѳ. Б. Татева; въ п. п. въ Дѣдиловъ Вас. Ив. Нагова; въ ст. п. въ Кропивну Вас. Арт. Измайлова; въ приб. п. въ Мценскъ Дм. Ѳед. Колтовскаго; въ Переяславль въ б. п. кн. Никиту Ив. Егупова-Черкаскаго; въ п. п. въ Михайловъ Илью Абр. Безобразова; въ ст. п. въ Пронскъ Лар. Гр. Сумина-Курдюкова. — Стали бить челомъ: Нагой — на Татева; на него же — Егуповъ-Черкаскій; Курдюковъ — на Безобразова. Царь указалъ объявить всѣмъ — *быть по росписи* [129]).

1626. — 25 марта объявлена служба въ Украин. и Ряз. разрядахъ; назначены воеводами: въ Тулу кн. Юр. Пет. Буйносовъ-Ростовскій, Б. Гр. Пушкинъ; въ Дѣдиловъ кн. Юр. Ан. Звѣнигородскій, Дм. Баимовъ Воейковъ; въ Кропивну кн. Анд. Никит. Звѣнигородскій, Ермолай Ив. Мясоѣдовъ; въ Переяславль кн. Ан. И. Солнцевъ-Засѣкинъ, В. П. Чевкинъ; въ Михайловъ Гр. В. Житовъ, Ѳ. И. Кожа-Грековъ; въ Пронскъ Б. Саѳост. Колтовскій, М. Бор. Протасьевъ. Билъ челомъ: Пушкинъ на Ю. Звѣнигородскаго, — получилъ отказъ. 26 марта воеводы были у царской руки; тутъ стали просить: Пушкинъ на Звѣнигородскаго и Солнцева; Солнцевъ на Буйносова; Воейковъ и Чевкинъ на Б. Пушкина и Житова; Протасьевъ на Колтовскаго; Пушкину и Солнцеву дано въ отвѣтъ — быть по росписи; Воейкову и Протасьеву вовсе не было указа [130]). Но споры этимъ не кончи-

---

128) Ibid. ст. 697, 698, 704 — 709. — 129) Ibid. ст. 709, 710. — 130) Ст. 791 — 795. До какой степени царь и дум. раз. дьяки теряли всякое терпѣніе, слушая безконечныя челобитья воеводъ, объ этомъ можно судить по слѣдующему: когда на Б Пушкина били челомъ Чевкинъ и Воейковъ, а Пушкинъ просилъ объ оборони, то царь велѣлъ отказать, примолвивъ: *«такія дѣти боярскія бьютъ челомъ на честныхъ дворянъ не дѣломъ»;* дьякъ же Лихачовъ назвалъ Чевкина и Воейкова дѣтишками боярскими и *ударилъ Чевкина въ душу.* Воейковъ осмѣлился и послѣ этого идти къ самому царю съ челобитьемъ, — *«и царь почалъ на него кручиниться и лаелъ его.... называлъ сынчишкомъ боярскимъ»,* — прибавилъ — *«станешь еще бить челомъ, велю опозорити».*

лись; такъ кн. Солнцевъ прислалъ изъ Переяславля челобитную на Буйносова и доказывалъ, что никакъ не можетъ быть меньше его. Царь велѣлъ написать въ отвѣтъ, чтобы былъ по росписи. Въ концѣ грамоты, посланной Солнцеву и Чевкину, высказана слѣд. угроза; *«а только вы по нашему указу въ полки и въ Украин. города не пойдете и съ воеводами нашими ссылаться и дѣломъ промышлять не учнете, а тою вашею рознію отъ воинскихъ людей нашей Украйнѣ хоти малая какая поруха учинится, и вамъ отъ насъ быть въ великой опалѣ безъ всякой пощады»* [131]). Эта грамота послана 13 апрѣля, а отъ 18 того же мѣсяца Пушкинъ прислалъ въ Москву челобитную, въ которой прописывалъ, что такъ какъ Солнцевъ билъ челомъ на Буйносова и такъ какъ ему Пушкину по многимъ случаямъ можно быть больше Солнцева, то ему невмѣстно быть съ Буйносовымъ и чтобы отъ того его чести порухи не было. Въ царск. грамотѣ Пушкину сказано, что ему всегда можно быть съ Буйносовымъ и чести его отъ этого порухи не будетъ [132]). Челобитье Солнцева на Буйносова побудило Бутурлина, начальствовавшаго въ прибыломъ полку, прислать царю челобитную, въ которой онъ выставилъ, что ему идти въ сходъ къ Буйносову невмѣстно, потому что на него писалъ царю Солнцевъ. 28 апрѣля Бутурлину послана была царск. грамота, въ которой значилось, что къ Солнцеву за его челобитье написано съ великою опалою и чтобы Бутурлинъ царскимъ дѣломъ промышлялъ по данному ему наказу, смотря *«по тамошнему дѣлу съ великимъ радѣніемъ, чтобы надъ воинскими людьми поискъ учинить и воевать не дать и православныхъ христіанъ въ полонъ не выдать»....* Далѣе слѣдуетъ также угроза, которою заключена была грамота Солнцеву [133]). — Всѣ эти строгія подтвержденія, какъ видно, имѣли мало дѣйствія: Солнцевъ не пошелъ въ сходъ къ Буйносову; послѣдній въ маѣ доносилъ объ этомъ царю и просилъ обороны на Солнцева, который, въ свою очередь, также написалъ, что *въ сходъ къ кн. Юрію ему идти нельзя и не хаживать, въ томъ государская воля, велѣлъ бы государь ему дать счетъ»*. Царь еще разъ велѣлъ идти въ сходъ къ Буйносову, однако схода не было, потому что Татары не приходили [134]).

Въ маѣ, послѣ пожара, опустошившаго Кремль и Китай городъ, царь указалъ быть на Москвѣ въ объѣздѣ отъ огней: въ Бѣломъ городѣ въ Чертольи по Никитскую улицу—к. Ив. Мих. Птицѣ-Долгорукому; отъ Никитской по Неглинную — Кир. Сем. Воронцову-Вельяминову; на другой половинѣ: отъ Неглинной по Покровку кн. Бор. Ан. Хилкову, отъ Покровки до Яузскихъ воротъ и по Васильевскому лужку И. И. Пушкину; за Яузою кн. Ив. Афан. Мещерскому. На Долгорукаго били челомъ

---

131) Ibid. ст. 804 — 807. — 132) Ibid. ст. 809—811. — 133) Ibid. ст. 820, 821, 822. — 134) Ibid. ст. 826.

Воронцовъ, Хилковъ [135]) и Пушкинъ. Царь указалъ, чтобы всѣ въ объѣздѣ были безъ мѣстъ [136]).

Въ этомъ же году посланъ въ Бѣлгородъ воеводою кн. Мих. Козловскій, на мѣсто Ладыженскаго, которому велѣно быть въ Волуйкѣ, на розмѣнѣ. Въ Крымъ посланникомъ былъ отпущенъ Степ. Тарбѣевъ. Тарбѣевъ сталъ бить челомъ на Ладыженскаго, который просилъ объ оборони. Царь указалъ Ладыженскому отпустить Тарбѣева въ Крымъ; вмѣстѣ съ этимъ объявлено было послѣднему, что билъ челомъ не дѣломъ [137]).

Въ ноябрѣ принимали въ Москвѣ Шведскаго посла. Сем. Колтовской, назначенный приставомъ къ послу, не поѣхалъ на посольскій дворъ и сталъ бить челомъ, что ему приставомъ быть не у мѣстъ, потому что встрѣчать посла назначенъ кн. Гр. Волконскій, меньше котораго ему нельзя быть. Съ Семеномъ Колтовскимъ билъ челомъ и Дмит. Ѳед. Колтовской. Царь велѣлъ сказать, чтобы Семенъ былъ приставомъ, а судъ данъ будетъ послѣ. Но Колтовской царскаго указу не послушалъ и къ послу не поѣхалъ. Царь указалъ посадить его и Дмит. Колтовскаго въ тюрму. Тѣмъ не менѣе послѣ былъ данъ судъ Колтовскимъ, судилъ ихъ бояр. М. Б. Шеинъ и разр. дьякъ Даниловъ. Судъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что Колтовскіе доказывали свое старшинство лѣствицею, а Волконскаго оправили разрядами [138]).

1627. — 7 марта была объявлена служба въ Украин. и Рязанс. разрядахъ; воеводами были назначены: въ б. п. въ Тулу кн. Ѳ. С. Куракинъ,

---

135) Ibid. ст. 823—825.—136) Ibid. ст 825. Здѣсь любопытенъ слѣд. случай: въ разрядѣ дали кн. Мещерскому наказъ ѣздить въ Бѣломъ городѣ отъ Покровки до Яузкихъ воротъ, Пушкину же стали давать наказъ, чтобы онъ ѣздилъ за Яузою; онъ не взялъ наказа и хотѣлъ бить челомъ царю. Тогда дьякъ Лихачовъ велѣлъ Мещерскому принести въ Разрядъ данный ему наказъ; Мещерскій сперва не слушался, но потомъ повиновался, особенно когда ему стали грозить, что посадятъ въ казенку. Послѣ этого Лихачовъ отдалъ наказъ Мещерскаго Пушкину и наоборотъ. Ст. 826. — 137) Ibid. ст. 834. — 138) Ibid. ст. 868, 869. Сказка Колтовскому была объявлена 27 марта 1627 года; ему сказано, что Волконскіе бывали вездѣ честнѣе Колтовскихъ. Касательно того, что Колтовской, по примѣру Ляпунова, неприлично отозвался о происхожденіи Волконскихъ, царь и патріархъ рѣшили взыскать съ него денежный годовой окладъ жалованья кн. Григорія въ его пользу. Семенъ Колтовскій сталъ говорить, что онъ не позорилъ кн. Григорія, а сказалъ только, что онъ пошелъ отъ ..... Ивашки толстой головы, и теперь въ этомъ не запирается. Кн. Григорій утверждалъ, что они князи Оболенскіе, но что родители его молоды остались, и приводилъ въ свидѣтели кн. Лыкова. Колтовской стоялъ на своемъ, что Волконскихъ нѣтъ въ царскомъ родословцѣ; князю Лыкову допроса не было. Ст. 910, 911, 912.

Ив. Өед. Шаховской; въ п. п. въ Дѣдиловъ кн. И. Өед. Татевъ, Ст. Лук. Хрущовъ; въ ст. п. въ Кропивну Анд. Ос. Плещеевъ, да Ив. Вл. Благой; въ приб. п. въ Мценскъ кн. Өом. Дм. Мезецкій, Макс. Петр. Крюковъ; въ Переяславль въ б. п. кн. Ө. Б. Татевъ, Вас. Пет. Чевкинъ; въ п. п. въ Михайловъ кн. Ив. Пет. Засѣкинъ, Өед. Ерм. Лихаревъ; въ ст. п. въ Пронскъ Вас. Ник. Пушкинъ, Алексѣй Терен. Чюбаровъ. Стали бить челомъ: 1) кн. Ө. Татевъ на кн. Куракина, утверждая свою претензію на томъ, что на Куракина бивали челомъ тѣ, которые ему въ версту, въ слѣдствіе сего чтобы настоящимъ назначеніемъ его отечеству порухи не было; д. дьякъ Лихачовъ лаконически замѣтилъ Татеву: «которые бивали на Куракиныхъ не по своей мѣрѣ, тѣ сидѣли въ тюрмѣ»; 2) А. О. Плещеевъ на Ө. и И. Татевыхъ; послѣдніе просили объ обороны; 3) Засѣкинъ также на Татевыхъ на томъ основаніи, что на нихъ въ 1625 году били челомъ В. Нагой, кн. Егуповъ Черкаскій и кн. Звѣнигородскій, теперь же бьетъ челомъ Плещеевъ; 4) кн. Шаховской говорилъ, что ему велѣно быть въ б. п. въ Тулѣ въ товарищахъ, прежде же сего, «которые ихъ братья бывали на Тулѣ, и тѣмъ государское жалованье было, что имъ перед. и стор. полковъ до первыхъ воеводъ въ мѣстахъ дѣла нѣтъ по прежнему уложенію, и чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ челобитье записать» (слѣд. онъ самъ сознавалъ возможность челобитій на него); 5) В. Пушкинъ—на Плещеева; 6) Благой—на Шаховскаго и Хрущова, утверждая, что ему по многимъ случаямъ меньше ихъ быть нельзя; 7) Лихаревъ—на Чевкина и Ст. Хрущова; Чевкинъ просилъ объ обороны. По царскому указу бояре прежде всего сидѣли по дѣлу Куракина: 1) Татеву объявили, что ему можно быть безсловно; Куракину же приговорили сказать, что ему обороны дать на Татева недовелося, потому что Татевъ не прямо билъ на него челомъ, а указывалъ на чужія челобитья, остерегаясь тѣхъ прежнихъ челобитчиковъ; 2) Ан. Плещеева за безчестье Татевыхъ приговорили посадить въ тюрму; 3) челобитье Пушкина велѣли записать въ разрядѣ, объявивъ ему, что счетъ будетъ данъ, когда служба минетъ; 4) Засѣкину отказали, потому что указывалъ на чужія челобитья, а не своими случаями билъ челомъ; 5) Благому сказали, что онъ, благодаря царской милости, долженъ считать находкою, если ему велѣно теперь быть воеводою въ Украин. разрядѣ въ стор. полку; но чтобы онъ былъ на службѣ; когда же вернется въ Москву, то можетъ бить челомъ на Шаховскаго, если имѣетъ до него дѣло въ отечествѣ по какимъ-нибудь ближнимъ случаямъ; тогда государь его пожалуетъ, велитъ ему судъ дать по своему государскому разсмотрѣнію, потому что князь Иванъ Шаховской и отецъ его служили съ городовъ, и можетъ быть въ городахъ будетъ ихъ отечеству какая-нибудь потерка. Далѣе сказано: «еслибъ онъ сталъ бить челомъ на тѣхъ Шаховскихъ, которые давно служатъ съ Москвы и объявились въ разрядахъ, то ему отказали бы безъ суда; отказали бы и по-

тому, что братъ его Петръ Благой служитъ въ Москвѣ въ головахъ у стрѣльцовъ и ему съ Московскими Шаховскими не сошлось въ отечествѣ».—Касательно челобитья на Хрущова Благому сказано, что онъ *дуруетъ* и нарушаетъ прежній государевъ указъ и старое уложеніе, потому что передовому полку съ сторожевымъ мѣстъ нѣтъ. 6) Лихареву объявленъ тотъ же приговоръ касательно челобитья его на Чевкина, т. е. чтобы онъ просилъ по окончаніи службы; о Хрущовѣ же объявлено, что Лихареву до него не достало въ мѣстахъ [139]).

28 апрѣля царь отпускалъ Персидскаго и Ширванскаго пословъ; при этомъ рындами назначены были князья Петръ и Ѳед. Дмитр. Пожарскіе, Ѳед. и Пет. Ѳедор. Волконскіе.—Волконскіе били челомъ на Пожарскихъ; послѣдніе просили объ оборонѣ. Волконскихъ указано посадить въ тюрьму;

---

139) Ibid. ст. 883—960. Судъ В. Пушкина съ Анд. Плещеевымъ былъ въ октябрѣ 29, того же года. Пушкинъ первый подалъ челобитную и просилъ о судѣ. Царь велѣлъ судить бояр. Лыкову и дьяку Данилову. Плещеевъ не пошелъ на судъ и утверждалъ, что ему никакъ невмѣстно идти на судъ съ Пушкинымъ, потому что въ 1624 году Пет. Тимоѳ. Пушкинъ обвиненъ передъ Кн. Анд. Ѳед. Литвиновымъ Мосальскимъ, дядя же послѣдняго Владиміръ Кольцовъ-Мосальскій въ 1604 былъ меньше отца его Осипа Плещеева. 6 ноября кн. Лыковъ объявилъ Плещееву, что объ его челобитьи докладывали государю, но государь велѣлъ ему идти на судъ съ Пушкинымъ; указъ же велѣно учинить, смотря по случаямъ челобитчиковъ. Лыковъ прибавилъ: «если ты не пойдешь на судъ, то государь велѣлъ тебя за ослушаніе посадить въ тюрьму, а потомъ, освободивъ, снова поставить на судъ.»—Плещеевъ съ братьями объявилъ, что «имъ никакъ на судъ съ Пушкиными не хаживать, въ томъ государская воля, для того, что П. Пушкинъ обвиненъ кн. А. Мосальскому, а будетъ, государь велитъ дать судъ Пушкину на него Андрея (Плещеева), и государь бы пожаловалъ велѣлъ ему Андрею на Васильева прадѣда въ отечествѣ судъ дать, и Андрей готовъ идти на судъ». Лыковъ и Даниловъ снова доложили объ этомъ царю и патріарху; они указали посадить Плещеева въ тюрьму за его ослушаніе; сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ до 8 ноября; въ этотъ день его выпустили съ приказаніемъ явиться въ судъ. Плещеевъ просилъ сроку на три дня. 11 ноября былъ наконецъ судъ; Василій Пушкинъ явился съ Бор. Иван. Пушкинымъ, Плещеевъ—съ Дмитріемъ Репей-Плещеевымъ. Пушкинъ положилъ передъ судьями 23 случая да 12 царскихъ грамотъ съ отводными памятями, два наказа, да память руки дьяка Данилова, два списка съ государевыхъ грамотъ. Плещеевы могли представить одну только невмѣстную грамоту на Бориса Нащокина, присланную на Верхотурье Ив. Мих. Плещееву.... Конецъ суда неизвѣстенъ. Въ этотъ же день подалъ челобитную Благой на Шаховскаго, но судъ не вершенъ. 1 февр. 1628 года Благой еще разъ билъ челомъ на Шаховскаго; судъ былъ записанъ 18 февр. того же года.—Болѣе ничего объ этомъ спорѣ не сказано въ разрядахъ. ст. 947—953, 973.

сказка имъ была объявлена 5 мая; въ ней, между прочимъ, значится, что они своимъ челобитьемъ обезчестили кн. Дм. Мих. Пожарскаго, потому что Гагаринымъ и Пушкину, бившимъ на него челомъ, было отказано, а Волконскіе ссылались на нихъ [140])

Въ іюнѣ царь и патріархъ принимали въ подписной палатѣ Англійскаго посла; рындами назначены были князья Ив. и Вас. меньшой Ромодановскіе, Ѳед. и Пет. Волконскіе.—Волконскіе стали бить челомъ и на Ромодановскихъ, утверждая свой искъ на томъ, что на нихъ били челомъ Леонтьевы, которымъ данъ былъ судъ. Царь велѣлъ Ромодановскихъ отставить и вмѣсто ихъ назначить дѣтей кн. Д. М. Пожарскаго, Петра и Ѳедора [141]).

27 іюля приказано быть воеводою въ Тобольскѣ Ив. Ив. Салтыкову, товарищемъ у него долженъ быть Ив. Вас. Птица-Щепинъ-Волынскій, бывшій уже въ то время на мѣстѣ въ Тобольскѣ. На Салтыкова стали бить челомъ Ст. Иван. Волынскій съ братьями, говоря, что брату ихъ невмѣстно быть съ нимъ. Царь велѣлъ дать имъ счетъ [142]). Тогда на Волынскихъ начали просить Воинъ и Ѳед. Тимоѳѣевы Пушкины, утверждавшіе, что Волынскіе своимъ челобитьемъ на Салтыкова ихъ обезчестили (братъ Пушкиныхъ Петръ былъ воеводою въ Тюмени) и что Ив. Волынскому можно быть многими мѣстами меньше не только Салтыкова, но и брата ихъ Петра. Такого же роду было челобитье на Волынскихъ князей Ром. Иванова и Данилы Григор. Гагариныхъ, родственникъ которыхъ кн. Сем. Гагаринъ былъ воеводою въ Верхотурьѣ [143]).

1628. — 11 февраля царь указалъ быть въ постельничихъ Степ. Хрущову, а въ укладчикахъ Аѳ. Прончищеву.—Прончищевъ билъ челомъ на Хрущова; царь велѣлъ отказать [144]).

11 марта была объявлена служба въ Украин. и Рязанс. разрядахъ; воеводами были назначены: въ б. п. въ Тулу кн. Ѳед. Анд. Телятевскій, Ив. Ив. Пушкинъ; въ п. п. въ Дѣдиловъ кн. Юр. Дм. Хворостининъ, Вас. Гав. Коробинъ; въ ст. п. въ Кропивну кн. Ив. Ив. Ромадановскій меньшой, М. Иг. Новосильцевъ; въ приб. п. въ Мценскъ Никиѳ. Юр. Плещеевъ, Дм. Пет. Беклемишевъ; въ б. п. въ Переяславль М. Мат. Бутур-

140) Ibid. ст. 916 — 919. — 141) Ibid. ст. 924, 925. — 142) Ibid. столб. 929. 12 октября того же года въ Тобольскъ былъ посланъ воеводою кн. Алек. Никит. Трубецкой. Волынскіе стали похваляться, что Салтыковъ отставленъ изъ-за ихъ челобитья. Салтыковъ сталъ просить на нихъ; 17 октября д. дьякъ Лихачевъ съ постельнаго крыльца объявилъ Волынскимъ, что Салтыковъ отставленъ не для ихъ челобитья, и что царь указалъ записать это въ разрядѣ. ст. 946. — 143) Ibid. столб. 929, 930. — 144) Ibid. столб. 974.

линъ, Вас. Пет. Чевкинъ; въ п. п. въ Михайловъ Анд. Вас. Степановъ-Волынскій, Вас. Гр. Ляпуновъ; въ ст. п. въ Пронскъ кн. Алек. Өед. Мордкинъ, Ульянъ Сем. Ляпуновъ. Стали бить челомъ: 1) Коробинъ и Новосильцевъ на Пушкина; 2) Волынскій — на Бутурлина и Ю. Хворостинина; 3) Мордкинъ—на Ромодановскаго; 4) В. и У. Ляпуновы — на Чевкина, Волынскаго и Коробина. — Ив. Пушкинъ у сказки сталъ бить челомъ, чтобы Коробина и Новосильцева поставили передъ боярами и велѣли бы ихъ допросить; про себя онъ сказалъ, что готовъ быть на службѣ по прежнему и по нынѣшнему государеву уложенію. 15 марта воспослѣдовало рѣшеніе; сперва д. дьякъ Лихачовъ передъ боярами объявилъ всѣмъ челобитчикамъ вообще: *«кто на кого билъ челомъ государю въ отечествѣ, чтобы они по государеву указу и по боярскому приговору на государевѣ службѣ были, гдѣ кому велѣно и съ кѣмъ велѣно быть».*— Потомъ онъ сталъ вызывать каждаго челобитчика отдѣльно и сталъ объявлять частные приговоры. Такъ было объявлено: 1) Коробину и Новосильцеву, что имъ до И. Пушкина недостало, если же еще будутъ просить, то имъ быть въ наказаніи; 2) Волынскому и Мордкину, что имъ также недостало до Хворостинина и Бутурлина; 3) Ляпуновымъ сказано тоже съ прибавкою, что если они станутъ на кого бить челомъ, и тому дана будетъ на нихъ оборонь [145]). Но Вас. Ляпуновъ, не взирая на отказъ, продолжалъ утверждать, что ему нельзя быть меньше Чевкина, потому что отъ его меньшаго брата Влад. Прокоф. Ляпунова пріѣзжалъ въ 1614 г. къ государю съ сеунчемъ Ө. Чевкинъ, который въ роду своемъ болѣе Вас. Чевкина. Бояре велѣли отыскать въ разрядѣ грамоту, которую привезъ отъ В. Ляпунова Ө. Чевкинъ. Грамота не нашлась, но сыскана на Казенномъ Дворѣ память, написанная въ 1614 г., въ которой значилось: *«дать сеунчикамъ—Маслову тафта добрая, а Ө. Чевкину тафта средняя»* [146]). Бояре не рѣшили этого дѣла; объ этомъ можно заключить по царск. грамотѣ отъ 25 апрѣля, посланной воеводѣ Анд. Волынскому, который донесъ, что Ляпуновъ не сидитъ у государева дѣла и въ съѣзжую избу не ѣздитъ изъ-за Коробина и Чевкина. Царь указалъ Волынскому объявить Ляпунову, чтобы онъ не отмѣнно на службѣ былъ; «*а только онъ у нашего дѣла не будетъ и* ему сидѣть въ тюрьмѣ»—сказано въ царск. грамотѣ въ заключеніе [147]).

Въ декабрѣ царь указалъ сидѣть въ приказахъ: въ Суд. Владимірскомъ бояр. В. П. Морозову, Никитѣ Дмит. Вельяминову и дьякамъ Ив. Лговскому и Астаф. Кувшинову. Кувшиновъ билъ челомъ на своего товарища; вмѣсто Лговскаго назначили Яковлева [148]).

---

145) Ibid. столб. 983 — 996. — 146) Ibid. ст. 997, 998. Челобитная Чевкиныхъ въ прилож. къ т. II раз. ст. 821, 822. — 147) Ibid. ст. 1006, 1007. — 148) Дворц. разр. т. II. ст. 16.

Въ этомъ же году велѣно быть въ Тобольскѣ въ товарищахъ у кн. Алексѣя Никит. Трубецкаго вмѣсто Ив. Волынскаго Григ. Алексѣеву Загряжскому; письменными головами были назначены Лук. Лук. Башмаковъ и Дмит. Обрѣзковъ. Башмаковъ билъ челомъ на Загряжскаго, утверждая свое старшинство на томъ, что Башмаковы люди родословные и причитаются Воронцовымъ-Вельяминовымъ одного роду. Загряжскіе же говорили, что Башмаковы Смольяне земцы. Царь указалъ Башмакову быть въ головахъ [149]).

1629. — Въ генварѣ царь послалъ въ Ниж. Новгородъ встрѣчать Персидскаго посла и велѣлъ быть у него въ приставахъ Вас. Пет. Наумову; въ Москвѣ къ послу приставами назначены были кн. Ром. Пет. Пожарскій, да дьякъ Яковъ Ключаревъ. Наумовъ билъ челомъ на кн. Романа. Царь велѣлъ послать къ нему грамоту съ приказаніемъ, чтобы онъ былъ у посла приставомъ до послѣдняго стана, гдѣ онъ долженъ былъ сдать посла Ив. Хохлову, которому велѣно быть вмѣсто его у посла съ кн. Романомъ [150]).

Въ февралѣ, во время пріема Персидскаго посла, между прочимъ, на первой встрѣчѣ назначено быть кн. Александ. Данил. Пріимкову Ростовскому; на него билъ челомъ кн. Р. Пожарскій; царь велѣлъ кн. Ив. Ив. Шуйскому и д. дьяку Данилову дать имъ судъ [151]).

20 марта была объявлена служба въ Укр. и Ряз. разрядахъ; воеводами были назначены: въ Тулу кн. Ив. Ник. Хованскій, кн. Ив. Ѳ. Большой Шаховской; въ Дѣдиловъ Бог. Мих. Нагой, Ѳед. Мих. Бояшевъ; въ Кропивну Мих. Пет. Щепинъ-Волынскій, Влад. Прок. Ляпуновъ [152]); въ Мценскъ Куз. Дан. Леонтьевъ, Бог. Дмит. Ходыревъ; въ Переяславль кн. А. И. Солнцевъ Засѣкинъ, да И. С. Благой; въ Михайловъ кн. И. П. Засѣкинъ, Д. П. Беклемишевъ; въ Пронскъ Ив. Вас. Сукинъ, Алек. Трет. Чюбаровъ. Хотя у сказки было объявлено, чтобы никто не просилъ о мѣстахъ, все же челобитья начались своимъ порядкомъ. 21 марта билъ че-

---

149) Дворц. раз. т. II. стол. 16. — 150) Ibid. ст. 25, 26.—151) Ibid. ст. 28. Судъ данъ былъ 11 іюня 1629 г. Вмѣсто кн. Александра случаи представилъ племянникъ его кн. Семенъ; въ случаяхъ, между прочимъ, сказано: «въ 123 (1615) году по вашему государ. указу велѣно сказать боярство Б. Салтыкову кн. Романову брату большому, кн. Д. М. Пожарскому, который былъ выданъ головою, дядя же Бориса, Мих. Глѣб. Салтыковъ въ 90 (1582) году былъ меньше дѣда моего кн. Вас. Мих. Лобанова-Ростовскаго, бывшаго воеводою въ б. полку, Мих. же Салтыковъ былъ въ правой рукѣ. Судъ былъ записанъ въ разрядѣ. ст. 29—38. — 152) Ляпунова отставили по челобитью Кропивенскихъ дворянъ и дѣтей боярск., бившихъ челомъ на него *не дружбою*; его мѣсто заступилъ Макс. Крюковъ. ст. 47.

ломъ кн. И. Засѣкинъ, что ему въ сходы итти къ Нагому не вмѣстно; дана Засѣкину грамота съ подтвержденіемъ, чтобы былъ, а счетъ данъ будетъ послѣ [153]). Ходыревъ билъ челомъ на Леонтьева; Волынскій на Нагова; Сукинъ на Волынскаго, и Нагова; Беклемишевъ — на Благова и Бояшева; Благой—на Шаховскаго [154]). Объявлено всѣмъ, чтобы были на службѣ по росписи, а кому до кого дѣло и они, пріѣхавъ въ Москву, били бы государю челомъ, и государевъ указъ будетъ по разсмотрѣнію [155]). 1 апрѣля воеводы Украинные и Рязанскіе были на отпускѣ у патріарха въ Благовѣщенскомъ соборѣ; здѣсь повторили челобитья кн. И. Засѣкинъ—на Нагова, Ив. Сукинъ — на М. Волынскаго. Патріархъ велѣлъ челобитья ихъ записать въ разрядѣ [156]).

4 іюля у царя былъ столъ въ селѣ Тонинскомъ (на возвратномъ пути отъ Троицы); въ столы смотрѣть назначены были: въ большой — кн. Алексѣй Ив. Воротынскій; въ кривой — кн. Мих. Пет. Рыбинъ-Пронскій. Послѣдній билъ челомъ на Воротынскаго; царь ему отказалъ. Кн. Воротынскій ударилъ челомъ о безчестьи. Въ челобитной, поданной царю и патріарху, онъ говоритъ: «Пронскіе передъ своими родителями захудали; дѣдъ кн. Михайлы Иванъ и прадѣдъ его Василій служили по Дорогобужу, а которые служили по городамъ и тѣ вамъ государямъ, на родителей нашихъ не бивали челомъ.»— 9 іюля, по указу царя и патріарха, дьякъ Лихачовъ объявилъ Пронскому слѣд. сказку:.... «Билъ ты челомъ государю о мѣстѣхъ на кн. Алексѣя Воротынскаго и въ челобитьи своемъ написалъ, будто прадѣдъ твой большой кн. Ив. Турунтай-Пронскій былъ больше меньшаго князь Алексѣева дѣда кн. Александра Воротынскаго, и тѣмъ ты безчестилъ дѣда и отца кн. Алексѣя Вор.; а тебѣ до Турунтая и дѣла нѣтъ; вы Пронскіе Рыбины, а Воротынскихъ родство вѣдомо имъ государямъ (царю и

---

153) Когда миновалась служба, то Засѣкину отказали въ его челобитьи на Нагова. Засѣкинъ билъ еще челомъ на Солнцева-Засѣкина, который пошелъ отъ меньшаго брата, тогда какъ онъ отъ старшаго. Ему отказали на томъ основаніи, что отецъ Солнцева честнѣе по разрядамъ его отца. стол. 49. — 154) Благой въ челобитной своей указывалъ на то, что, въ 1627, 1628 годахъ былъ у брата его И. В. Благова судъ съ кн. Ив. Большимъ Шаховскимъ и что тотъ судъ невершенъ, «по этому—писалъ онъ — государь бы его пожаловалъ, велѣлъ тотъ судъ брата его съ кн. Ив. вершить, или бы государь пожаловалъ, велѣлъ отставить его отъ своей государевой службы для кн. Ивана Шаховскаго». Ст. 49.— 155) Ст. 50.— 156) Ibid. ст. 58. 11 октября того же года были у царя у руки воеводы: съ Тулы кн. И. Шаховской изъ Дѣдилова Б. Нагой; изъ Кропивны М. Волынскій; 18 октября допущены были къ царск. рукѣ кн. Солнцевъ, кн. Салехъ Засѣкинъ и Сукинъ. Послѣдній повторилъ просьбу на Волынскаго; царь принялъ челобитную. Кн. же Ив. Засѣкинъ не билъ болѣе челомъ на Солнцева и Нагова. Ст. 94.

патріарху). Въ заключеніе сказано, что царь и патріархъ указали посадить Пронскаго въ тюрьму, а за дѣда и отца Воротынскаго доправить на Пронскомъ денежное безчестье. Пронскій сказалъ: «его де государева воля, что велѣлъ такъ учинить надо мною, холопомъ своимъ, безъ сыску, а Воротынскому де то не позоръ, что на него бью челомъ въ отечествѣ, и впредь мнѣ бити челомъ государю на него въ своемъ отечествѣ, а что де служилъ дѣдъ мой по городу и то де учинилъ царь Иванъ Васильевичъ за опалу прадѣда моего кн. Василія Ѳед. казнилъ смертію, велѣлъ ему на пожарѣ голову отсѣчь, а дѣда моего кн. Ивана Вас. велѣлъ написать по городу за опалу [157]).

13 августа посланы въ Вязьму для постройки укрѣпленій кн. Ан. Анд. Хованскій, Ив. Ѳед. Наумовъ. Въ тоже время отправлены были туда для заготовленія запасовъ дворяне Никита Астаф. Пушкинъ, Мих. Игн. Новосильцевъ, Потапъ Дмит. Нарбековъ. Хованскій и Пушкинъ били челомъ царю и патріарху, что къ такимъ дѣламъ въ ихъ версту прежде не посылали, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ ихъ отъ той посылки отставить. Царь отказалъ имъ [158]).

Въ томъ же году на Волуйкѣ на размѣнѣ съ Крымскими послами былъ окольн. Ѳед. Мат. Бутурлинъ, при немъ съ сотнями были кн. Никита Сем. Вяземскій, Сем. Игнат. Колтовской, кн. Ив. Ѳед. Козловскій и Аѳан. Отяевъ. Когда послы пришли къ государеву шатру, то Бутурлинъ велѣлъ ихъ встрѣтить на первой встрѣчѣ двор. Мячкову, на второй кн. Вяземскому. Пріѣхавъ въ Москву, Вяземскій билъ челомъ царю, что прежде сего у такихъ дѣлъ въ его версту не бывали, а Мячковъ билъ челомъ въ отечествѣ на Вяземскаго; по этимъ челобитьямъ рѣшенія небыло [159]).

29 октября прибылъ въ Москву Французскій посланникъ; въ нарядѣ по этому случаю въ числѣ другихъ были Анд. Окуневъ, назначенный приставомъ отъ Пскова до Москвы и кн. Мих. Вас. Бѣлосельскій, присланный изъ Москвы встрѣчать посла. Окуневъ билъ челомъ на Бѣлосельскаго, Бѣлосельскій просилъ объ обороне [160]).

1630.—11 марта была объявлена служба въ Украин. и Ряз. разрядахъ; воеводами назначены были: въ Тулу кн. М. М. Темкинъ-Ростовскій, кн. В. Р. Борятинскій; въ Дѣдиловъ кн. Н. И. Егуповъ-Черкас-

---

157) Ibid. ст. 72—77. Царь и патріархъ велѣли Пронскаго выпустить изъ тюрьмы 11 іюля: безчестья съ него велѣно доправить въ пользу кн. М. И. Воротынскаго и сына его кн. Ив. Михайловича по 700 на каждаго сравнительно съ окладомъ кн. Ивана въ 1616 году. — 158) Ibid. ст. 87. — 159) Ibid. ст. 88. — 160) Ibid. ст. 98.

скій Курица, Леон. Агае. Извольскій; въ Кропивну кн. И. С. Лобановъ-Ростовскій—Турій рогъ, М. П. Крюковъ; въ приб. п. въ Мценскъ И. В. Плещеевъ, У. С. Ляпуновъ; въ Переяславль кн. И. А. Хилковъ Меньшой, Г. Ан. Алябьевъ; въ Михайловъ Ѳ. И. Пушкинъ, Ив. Ст. Рогозинъ; въ Пронскъ Тр. Гавр. Пушкинъ, Алек. Тер. Чюбаровъ. У сказки били челомъ: 1) кн. Хилковъ на кн. Темкина,—отказано—*«бьетъ не подѣлу, не сошлось Хилковымъ съ Темкиными»;* 2) Алябьевъ на Борятинскаго; 3) Ѳ. и Г. Пушкины—на Егупова Черкасскаго и Лобанова Ростовскаго; 4) Крюковъ — на Извольскаго; 5) Рогозинъ и Чубаровъ—на Олябьева; дано всѣмъ въ отвѣтъ: быть по росписи,»—по челобитьямъ же указу не было, потому что *«всѣ били челомъ не дѣломъ»*. — 25 марта всѣ воеводы были допущены къ царск. рукѣ и къ патріарху на благословеніе. Въ это время стали бить челомъ. 1) Григорій Пушкинъ на Лобанова и грамоту объявилъ на кн. Богдана, дядю послѣдняго; 2) Хилковъ — на Темкина; 3) Ѳ. Пушкинъ—на Егупова; однако имъ указу не было. Въ апрѣлѣ изъ Пронска Гр. Пушкинъ прислалъ новую челобитную на кн. Лобанова, въ которой, между прочимъ, писалъ, что онъ, блюдяся государевой опалы, взялъ списки дворянъ и дѣтей боярскихъ, но въ сходъ къ Лобанову ему идти не вмѣстно: *по многимъ ближнимъ и точнымъ случаямъ*. По возвращеніи въ Москву въ октябрѣ того же года Ѳ. Пушкинъ снова билъ челомъ на Егупова, а Григ. Пушкинъ—на Лобанова. Царь принялъ ихъ челобитья [161]).

18 мая царь ходилъ въ Ново-дѣвичій монастырь; на Москвѣ оставленъ былъ бояр. С. В. Головинъ; въ объѣздѣ въ числѣ другихъ былъ кн. П А. Хилковъ; онъ сталъ бить челомъ на Головина; царь велѣлъ отказать и записать въ разрядѣ, что ему съ С. В. Головинымъ мѣстъ нѣтъ и впредь его отечеству порухи не будетъ [162]).

Въ томъ же году были на Москвѣ объѣзжими головами для огней: въ кремлѣ кн. П. А. Хилковъ; въ Китаѣ И. И. Стараго—Милюковъ; въ Б. городѣ—въ Чертольи отъ водяныхъ воротъ по Никитскую Гуръ Ив. Волынцевъ; отъ Никитской по Неглинную Ив. Пет. Кологривовъ; послѣдній билъ челомъ на Милюкова. Царь велѣлъ отставить Кологривова; его мѣсто заступилъ Ив. Мих. Милюковъ [163]).

14 декабря царь принималъ Нидерландскаго посла; рындами были назначены всѣ съ лѣвой стороны: князья Пет. и Ѳед. Дмитріевы Пожарскіе, Ѳед. Богд. Глѣбовъ, Дан. Сем. Яковлевъ. По окончаніи пріема Яковлевъ билъ челомъ на брата своего Глѣбова, который просилъ объ обороні; въ ихъ споръ вмѣшался Богданъ Мат. Глѣбовъ и сталъ просить государя, чтобы онъ пожаловалъ племянника его Яковлева, велѣлъ *мѣ-*

---

161) Ibid. ст. 124—130, 170, 171. — 162) Ibid. ст. 133. — 163) Ibid ст. 154, 155.

шать въ мѣстахъ съ сыномъ его Ѳедоромъ, потому что они по родству ровны. Царь исполнилъ его просьбу и велѣлъ Яковлева и Глѣбова *учинить мѣстниками* [164]).

22 декабря въ Тулу для разбору дворянъ и дѣтей боярскихъ посланы были окольн. кн. Г. К. Волконскій, да дьякъ Ив. Михайловъ. На Волконскаго били челомъ Коширяне Лихаревы, говоря что имъ съ нимъ въ окладчикахъ быть не вмѣстно; по этому челобитью указу не было [165]).

26 декабря царь указалъ сидѣть въ Приказахъ; въ Суд. Владимірскомъ Ив. Пет. Шереметеву, въ Суд. Московскомъ — кн. Ан. Вас. Хилкову, Ив. Елизар. Протопопову. Хилковъ билъ челомъ на Шереметева, а Шереметевъ просилъ объ обороны. 30 декабря царь велѣлъ сказать Хилкову, что ему можно быть съ бояр. Ив. Петровичемъ, потому что Хилковы всегда меньше Шереметевыхъ бывали; за безчестье же Ив. Петр. указано Хилкова отвести въ тюрму [166]).

1631.—3 апрѣля царь указалъ быть воеводами въ Укр. и Ряз. разрядахъ: въ Тулѣ И. И. Пушкину, въ Дѣдиловѣ В. Г. Ляпунову, въ Кропивнѣ И. Ѳ. Клюкину; въ Мценскѣ И. Леонт. Скобельцыну; въ Переяславлѣ В. П. Чевкину; въ Михайловѣ У. С. Ляпунову; въ Пронскѣ А. С. Чубарову. Всѣ они въ тотъ же день допущены были къ царск. рукѣ. Во дворцѣ стали бить челомъ: 1) Чевкинъ на Пушкина, — отказано съ замѣчаніемъ: бьетъ челомъ недѣломъ, не посвоей мѣрѣ; Пушкинъ сталъ просить объ обороны, примолвивъ: «которые бывали въ головахъ у отца и дядъ его, и Чевкины съ тѣми всегда бывали, а нынѣ Чевкинъ бьетъ челомъ *по наученію недруговъ*»; 2) У. Ляпуновъ, на Чевкина и на брата своего В. Г. Ляпунова, утверждая, что онъ въ роду своемъ больше и пошелъ отъ старшаго брата. [167]).

15 мая прибылъ въ Москву Шведскій посолъ; приставами у него въ Москвѣ были Аброс. Ив. Лодыженскій и дьякъ Образцовъ. Изъ Новгорода до Москвы приставомъ у посла былъ Новгородецъ Степ. Тимоѳ. Горихвостовъ. Сынъ послѣдняго, Ѳедоръ, билъ челомъ на Лодыженскаго въ отечествѣ, и говорилъ, что отцу его меньше невмѣстно быть [168]).

11 іюля указано идти въ Вязьму строить городъ: двор. Мих. Анд. Вельяминову, кн. Вас. Григ. Вяземскому; Вяземскій билъ челомъ на Вельяминова. 31 іюля д. р. дьякъ Гавреневъ объявилъ кн. Василію на постельномъ крыльцѣ, что царь и патріархъ велѣли ему быть въ Вязьмѣ у своего дѣла; когда же онъ по окончаніи порученія вернется въ Москву, то

164) Ibid. ст. 174. — 165) Ibid. ст. 179.—166) Ibid. ст. 179 180.—167) Ibid. ст.: 195, 196 — 168) Ibid. ст, 205, 206, 207.

можетъ бить тогда челомъ на Вельяминова, и государь укажетъ дать ему судъ [169]).

1632.—28 генваря пришли въ Москву наемные Нѣмцы; царь велѣлъ имъ кормъ давать и сбирать съ четверти со всѣхъ уѣздовъ Григ. Алек. Загряжскому, И. Дм. Есипову, дьякамъ Бормосову и Емел. Евсевьеву. Есиповъ былъ боленъ, вмѣсто его назначали Ив. Нелюбова Огарева. Огаревъ билъ челомъ на Загряжскаго, но ему отказано и велѣно быть меньше [170]).

21 февраля прибылъ въ Москву Турецкій посолъ; приставомъ у него былъ Карпъ Бор. Навалкинъ. За городомъ встрѣчали посла и въ приставахъ у него были кн. Ѳ. А. Елецкій, Абр. Ив. Лодыженскій. Навалкинъ билъ челомъ на Лодыженскаго, но получилъ отказъ [171]).

Во время пріема того же посла кн. Ѳ. Елецкій билъ челомъ на кн. Ив. Буйносова-Ростовскаго, назначеннаго въ первую встрѣчу и подалъ челобитную, въ которой написалъ, что дѣдъ кн. Ивана былъ меньше его дѣда. Буйносовъ билъ челомъ объ оборони; въ челобитной своей онъ говорилъ, что кн. Елецкій подалъ на него ложные случаи, тогда какъ большіе родители кн. Ѳедора бывали безсловно меньщими товарищами прадѣда и дѣда; въ подтвержденіе сего кн. Ив. представилъ случаи. Царь указалъ дать имъ счетъ по уходѣ Турецкаго посла; судить ихъ поручено окольн. кн. Г. К. Волконскому да разр. д. дьяку Данилову. Когда поставили въ столовой избѣ челобитчиковъ и стали ихъ допрашивать, то кн. Иванъ сказалъ, что ему не отвѣчать кн. Ѳедору, потому что Елецкіе вездѣ бывали съ Ростовскими [172]).

---

169) Ibid. 222, 227. Счетное дѣло Вяземскаго съ Вельяминовымъ см. рус. ист. сбор. т. v. Князь Вяземскій искалъ старшинства надъ своимъ совмѣстникомъ лѣствицею, ссылаясь на царскій родословецъ. Вельяминовъ выигралъ, потому что разрядные случаи всѣ говорили въ его пользу. 13 Іюня 1635 года кн. Вяземскому была объявлена сказка, въ которой говорится: «случаевъ вашихъ слушалъ государь и бояре, и по тѣмъ случаямъ приговорили, что тебѣ кн. Василію меньше Мирона быть мочно ....» И государь Мирона пожаловалъ, велѣлъ его оправить, а тебя кн. Василія обинить.... и ты впредь на Мирона не бей челомъ, а станешь бить челомъ, и тебѣ тогды скажутъ *почему* тебѣ Мирона меньше быть мочно». Ст. 468, 469. — 170) Ibid. ст. 249. — 171) Ibid. ст. 250. — 172) Въ варіантѣ сказано, что Буйносовъ объявилъ, что ему даже съ кн. Ѳедоровымъ пращуромъ въ судъ идти нельзя. Судьи доложили объ этомъ царю, который велѣлъ записать въ разрядѣ, что и впредь князю Елецкому не быть меньше Буйносовыхъ. Ст. 251—263 Этотъ споръ оконченъ 26 генваря 1636 года; на стол. 491 сказано: «бояре слушавъ дѣла кн. Ѳ. Елецкаго съ Буйносовыми, велѣли окольн. Вас. Ив. Стрѣшневу доложить государя, что по разрядамъ кн. Ѳ. Елецкому можно быть безсловно съ Ив. и Юр. Буйносо-

5 апрѣля была обьявлена служба въ Укр. и Ряз. разрядахъ; воеводы по полкамъ были назначены: въ Тулу Б. Г. Пушкинъ, въ Дѣдиловъ М. П. Крюковъ; въ Кропивну И. П. Вердеревскій; въ Мценскъ И. М. Матюхановъ; въ Переяславль Гр. Г. Косой Пушкинъ; въ Михайловъ Т. Д. Аладьинъ; въ Пронскъ А. Т. Чюбаровъ. При этомъ случаѣ били челомъ: Вердеревскій на Пушкина и Крюкова,—получилъ въ отвѣтъ—быть по росписи; Аладьинъ на Крюкова,—отвѣта не было [175])

Въ тоже время противъ Поляковъ царь и патріархъ назначили воеводами кн. Д. Мамст. Черкаскаго, Б. М. Лыкова, Ѳ. А. Елецкаго. Прежде князья Черкаскій и Лыковъ были вмѣстѣ у разбору стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ и иноземцевъ. Теперь же кн. Лыковъ сталъ бить челомъ царю и патіарху, что ему съ кн. Д. Мамст. быть нельзя, потому что у него «*тяжолъ обычай, да и старъ онъ передъ кн. Димитріемъ Мамст.: служитъ государю 40 лѣтъ, а лѣтъ съ 30 ходитъ своимъ набатомъ, а не за чужимъ и не въ товарищахъ.*» Черкаскій билъ челомъ объ обороны. Царь указалъ за его безчестье доправить боярскій окладъ вдвое, 1200 руб. [174]). Вмѣсто Черкаскаго и Лыкова назначены были М. Б. Шеинъ и кн. Д. М. Пожарскій; послѣдній сказался больнымъ, объявивъ, что у него *черный недугъ* [175]); вмѣсто его назначенъ былъ А. В. Измайловъ. Съ иноземцами въ походѣ велѣно быть В. В. Волынскому, Т. В. Поливанову, дьяку Бредихину; о всѣхъ дѣлахъ указано имъ докладывать бояр. Шеину и Пожарскому (это было прежде назначенія Измайлова). Волынскій билъ челомъ въ отечествѣ на Пожарскаго; царь велѣлъ ему докладывать и кормовыя росписи приносить одному бояр. Шеину; далѣе сказано Волынскому, что по его челобитью указъ будетъ, когда Пожарскій выѣдетъ въ городъ. Но Волынскій не былъ по своему назначенію, и царь, за ослушаніе, указалъ сослать его въ Казань. По окончаніи всѣхъ распоряженій. д. р. дьякъ Гавреневъ сказалъ отъ лица царя и патріарха служилымъ людямъ всѣхъ статей: «*быти на службахъ и у всякихъ дѣлъ безъ мѣстъ, покамѣста служба минется*» [176]). Но не взирая на объявленный приговоръ, Гр. Загряжскій, которому велѣно быть съ запасами для Нѣмцевъ, сталъ бить челомъ на Измайлова. Измайловъ просилъ объ обороны. Царь указалъ Загряжскаго посадить въ тюрму и въ разрядѣ записать, что онъ меньше Измайлова [177]).

16 октября, пріѣхалъ въ Москву съ сеунчемъ отъ Б. Нагова кн. В. И.

выми, а въ прош. 1632 іюля 23 государь и отецъ его государевъ.... указали на кн. Ѳ. челобитной Елецкаго надписать, что впредь кн. Елецкому меньше Буйносова быть нельзя. «Царь велѣлъ дѣло рѣшить разрядами; вслѣдствіе чего Елецкій былъ обвиненъ; его за безчестье Буйносовыхъ присудили посадить въ тюрму. Ст. 491—494. — 173). Ibid. ст. 268. — 174) Ibid. ст. 269 270. — 175) Ibid. ст. 276. — 176) Ibid. ст. 274. — 177) Ibid. ст. 276.

Гагаринъ, что взятъ Серпейскъ. Гагаринъ сталъ было бить челомъ, на Нагова, но ему велѣли замолчать [178]).

9 ноября д. р. дьякъ Гавреневъ еще разъ отъ имени царя и патріарха, объявилъ, что до конца войны быть всѣмъ безъ мѣстъ; указъ велѣно внести въ разрядъ и подписать его дьякамъ Гавреневу и Грязеву [179]).

1633. — 27 генваря царь ходилъ въ Новоспаскій монастырь; возницею у него былъ стольникъ кн. Юр. Анд. Сицкій; на ухабѣ стоялъ стольникъ Ѳед. Петр. Нащокинъ.—Нащокинъ билъ челомъ на Сицкаго и говорилъ, что съ родителями его бывали Годуновы и Сабуровы, а Сицкіе не бывали съ ними; впрочемъ Нащокинъ стоялъ на ухабѣ. Князь Юрій просилъ объ оборони. 29 генваря д. дьякъ Гавреневъ объявилъ Нащокину что царь указалъ выдать его головою Сицкому. Тѣмъ это не кончилось: Алек. Никит. Годуновъ и Пет. Григ. Сабуровъ съ братьею стали бить челомъ на Нащокина, обезчестившаго ихъ тѣмъ, что сказалъ про Годуновыхъ и Сабуровыхъ, будто они бывали съ его родителями. Царь указалъ за ихъ безчестье посадить Нащокина въ тюрму, подтвердивъ ему, чтобы онъ «*впредь тѣхъ господъ своихъ въ случаяхъ не подавалъ*» [180])

30 марта была объявлена служба въ Украин. и Ряз. разрядахъ; воеводами были назначены: въ Тулу кн. Ив. Ив. Ромадановскій, Бор. Саваст. Колтовской; въ Дѣдиловъ кн. Дан. Гр. Гагаринъ, Тим. Сид. Желябовскій; въ Кропивну кн. Алек. Ѳед. Мордкинъ, Аѳ. Григ. Желябовскій; въ Мценскъ кн. Сав. Ив. Козловскій, Ив. Леонт. Скобельцынъ; въ Переяславль кн. Аѳ. Григ. Козловскій, Ник. Наум. Бѣглецовъ; въ Михайловъ Дан. Судок. Мясной, Сем. Вас. Чаплинъ; въ Пронскъ Ник. Ѳед. Панинъ, Ив. Дмит. Есиповъ. Стали бить челомъ: на Ромадановскаго — Козловскіе, Гагаринъ, Б. Колтовскій; Мордкинъ—на Ромадановскаго, Аѳ. Козловскаго и Гагарина; Бѣглецовъ на Аѳ. Козловскаго; на него же Панинъ; Скобельцынъ — на Сав. Козловскаго; Чаплинъ на Мяснаго и Бѣглецова. «*И были воеводы на службѣ безъ мѣстъ*». — Сказано въ разрядѣ обо всѣхъ этихъ челобитьяхъ [181]).

5 іюня послалъ царь въ Стародубъ къ Ѳед. Мат. Бутурлину товарищемъ Григ. Анд. Алябьева; съ нимъ указано быть дворянамъ Московскимъ, жильцамъ и дворовымъ людямъ. Дворяне и жильцы стали бить

---

178) Ibid. 297. — 179) Ibid. 298. На ст. 304 сказано, что на Измайлова билъ челомъ кн. М. В. Бѣлосельскій, назначенный въ Бѣлую товарищемъ къ кн. С. В. Прозоровскому; такъ трудно было пріучить служилыхъ людей къ приговору — быть безъ мѣстъ! — 180) Ibid. ст. 314, 315. — 181) Ibid ст. 322, 323, 324.

челомъ на Алябьева, что имъ у него въ полку нельзя быть, ибо послѣдній дворянинъ и жилецъ ему въ версту. Царь указалъ имъ быть съ однимъ Бутурлинымъ. Алябьеву велѣно быть съ дворовыми людьми — подключниками, сытниками, конюхами, кречетниками, сокольниками, охотниками и дѣтьми боярскими *царицына чину* [182]).

18 октября царь указалъ итти въ сходъ и *выручать* бояр. Шеина, между прочими, кн. Н. И. Одоевскому и Ѳ. Куракину. Оба они били челомъ на кн. Д. Мам. Черкаскаго, говоря, что готовы быть съ нимъ только «*въ версту по се время съ кн. Димитріемъ никто не бывалъ, и чтобы государь велѣлъ записать ихъ челобитья на случай, если кто станетъ бить челомъ на кн. Димитрія, и ихъ бы отечеству тѣмъ бытьемъ съ кн. Черкаскимъ порухи не было*». Князь Черкаскій сталъ просить объ обороны. Дѣло это кончилось тѣмъ, что присудили Одоевскаго и Куракина посадить въ тюрму; но царь велѣлъ воротить ихъ отъ Фроловскихъ воротъ [183]). — Во время этого общаго распорядка кн. Ив. Шаховской не взялъ списковъ дворянъ изъ за кн. Д. М. Пожарскаго, назначеннаго вмѣстѣ съ Черкаскимъ. Царь указалъ посадить Шаховскаго въ тюрму [184]).

8 декабря пріѣхалъ въ Москву Турецкій посолъ; царь принималъ его 15 декабря; при этомъ рындами съ топорами были: кн. Ѳ. А. Телятевскій; В. В. Бутурлинъ, Гр. Ѳед. Тѣстовъ-Бутурлинъ, Мат. Степ. Исленьевъ. Гр. Бутурлинъ билъ челомъ на В. Бутурлина [185]).

1634. — 4 февраля царь снова принималъ Турецкаго посла; на встрѣчахъ были: на первой на крыльцѣ кн. Вас. Большой Григ. Ромадановскій; на большой въ сѣняхъ кн. Анд. Анд. Хованскій. Ромадановскій билъ челомъ на Хованскаго; послѣдній просилъ объ обороны. Царь велѣлъ посадить кн. Василія въ тюрму [186]).

6 февраля поставленъ въ патріархи Іоасафъ; въ тотъ же день былъ у царя столъ для патріарха; у стола были бояре кн. Ив. Бор. Черкаскій, кн. Ю. Енш. Сулешевъ, Б. М. Салтыковъ, окольн. М. М. Салтыковъ. Борисъ Салтыковъ сказался больнымъ и въ Верхъ не пошелъ. Кн. Сулешевъ сталъ бить челомъ, говоря, что Б. Салтыковъ вчера былъ здоровъ и былъ вмѣстѣ съ нимъ на пиру. Царь указалъ вывести Салтыкова въ городъ. Когда его привели, то онъ сталъ бить челомъ на Су-

---

182) Ibid. ст. 330. — 183) Ibid. ст. 349—351. — 184) Ibid. ст. 351. — 185) Ibid. ст. 352. — 186) Ibid. ст. 360, 361. Сказка Ромадановскому была объявлена 17 апрѣля того же года. ст. 371, 372.

лешева, утверждая, что кн. Юрій иноземецъ. Впрочемъ онъ противился, и говорилъ, что готовъ быть у стола, только бы его чести порухи не было. Но Сулешевъ не довольствовался этимъ и просилъ объ обороні. 9 февраля д. дьякъ Гавреневъ объявилъ Салтыкову, что царь указалъ и бояре приговорили, за безчестіе Сулешева, посадить его въ тюрму [187]).

6 апрѣля въ день пасхи былъ у царя столъ для патріарха; въ столы велѣно смотрѣть: въ большой кн. Алексѣю Ив. Воротынскому; въ кривой—Вас. Вас. Бутурлину. Послѣдній спрятался; вмѣсто его былъ назначенъ кн. Юр. Алексѣев. Чертенокъ-Долгорукій; вина наряжалъ кн. ед. Анд. Телятевскій.—Телятевскій билъ челомъ на Воротынскаго; Долгорукій на В. Бутурлина, утверждая, что онъ Бутурлину не перемѣна. Окольн. Ѳ. Бутурлинъ вступился за своего племянника и билъ челомъ объ обороні на Долгорукаго. 14 апрѣля Телятевскому объявили сказку, въ которой значилось, что у стола «*мѣстъ нѣтъ*, а хотя бы и были, то съ Воротынскимъ можно быть даже отцу его кн. Андрею.» Послѣ этого Телятевскаго отвели въ тюрму [188]).

9 іюня царь указалъ идти за казаками стольн. кн. Ив. Ник. Хованскому изъ Боровска, а изъ Калуги товарищу его кн. Ѳ. Ѳ. Шерихѣ-Волконскому. 10 іюня послана была грамота въ Можайскъ къ кн. Д. Мам. Черкаскому и Д. М. Пожарскому съ тѣмъ, чтобы они послали отъ себя въ Боровскъ въ сходъ къ кн. Хованскому Бор. Григ. Сулемшина-Пушкина. Узнавъ объ этомъ, дум. дворянинъ Гав. Григ. Пушкинъ сталъ бить челомъ, что племянникъ его Борисъ написанъ въ полку съ однимъ кн. Д. Черкаскимъ, грамота же царская посылается теперь къ обоимъ воеводамъ (т. е. и Пожарскому); «когда же Государь садился на царство—говорилъ далѣе Г. Пушкинъ—и когда я въ ту пору сказывалъ боярство кн. Дмит. Михайловичу, то мнѣ велѣли тогда быть безъ мѣстъ, что и въ разрядѣ записано.» Но Борисъ Пушкинъ, независимо отъ дядиной челобитной, прислалъ царю свою, въ которой прописывалъ, что ему отъ кн. Пожарскаго идти въ сходъ невмѣстно по многимъ ближнимъ случаямъ, да и потому также, что дядя его Иванъ Пушкинъ меньшой билъ челомъ на Пожарскаго и судъ ему былъ данъ, только невершенъ до сихъ поръ. По этой челобитной царь указалъ послать Черкаскому грамоту, чтобы онъ одинъ отпустилъ Пушкина, такъ какъ онъ написанъ съ нимъ однимъ. Когда воеводы воротились въ Москву, то Б. Пушкинъ снова билъ челомъ на кн. Дм. Михайловича; въ челобитной своей онъ говоритъ, что—«блюдясь государевой опалы и хотя государю служить, онъ съ ратными людьми пошелъ тотчасъ, но списковъ не взялъ, потому что ему меньше кн. Пожарскаго быть невмѣстно, а велѣно его отпустить съ ратными людьми одному бояр. К. Д. М. Черкаскому мимо бояр. кн. Д. М. Пожар-

---

187) Ibid. ст. 362, 363, 364. — 188) Ibid. ст. 368, 369, 370.

скаго. И по его князь Димитріеву умышленью дьякъ Никиф. Шипулинъ сказалъ кн. Д. Мамстрюковичу будто къ нему Борису грамота государева съ указомъ, и потому де бояр. кн. Д. Пожарскаго умышленью, противъ государевы грамоты изъ Можайска къ нему государева указу не прислано. А кн. Д. Пожарскій вѣдаетъ то, что ему по случаямъ можно быть меньше его Бориса многими мѣсты; и хотя его тѣмъ истѣснить и государеву дѣлу поруху учинить, много промышлялъ, чтобы по госуд. грамотѣ изъ Можайска о томъ указу не послать, видя къ нему (Борису) государеву милость, что государь его пожаловалъ велѣлъ отпустить его одному кн. Д. Мамстрюковичу мимо его кн. Димитрія и хотя государеву грамоту утаить, которая съ тѣмъ къ нему прислана и впредь хотя его въ отечествѣ утягивать и государевъ указъ ни во что поставить и государеву дѣлу многую поруху учинить, и государь бы его пожаловалъ велѣлъ его челобитье записать». Въ этой челобитной обнаруживается явное злостное стремленіе уронить кн. Пожарскаго въ глазахъ самого царя. Пушкинъ, напирая на то, что Пожарскій, будто бы съ умысломъ утаивъ царскую грамоту, хотѣлъ учинить многую поруху госуд. дѣлу — расчитывалъ на вѣрный ударъ Пожарскому, возвысившемуся личными заслугами, которыхъ не знала и не терпѣла родовая честь. — Пожарскій, въ свою очередь, подалъ царю челобитную на Б. Пушкина. Царь, выслушавъ оба челобитья, велѣлъ по этому дѣлу сидѣть боярамъ. На судѣ князь Д. Михайловичь представилъ боярамъ слѣд. документы: 1) наказъ Царя Василія за приписью дьяка Янова, относящійся къ тому времени, когда онъ былъ посланъ въ Коломну (1609 г.) и съ нимъ въ то время былъ Иванъ Пушкинъ; 2) грамоту, посланную въ томъ же году къ нему и Ивану Пушкину. Бояре велѣли съ этихъ бумагъ снять копіи; потомъ наведены были справки въ разрядахъ, начиная съ 1613 года. По слѣдствію Пушкинъ оказался неправымъ. Сказка Пушкину объявлена была 2 мая 1635 года; въ ней сказано въ заключеніе, что не только ему можно быть меньше кн. Дмит. Михайловича, но и дядѣ его Гаврилѣ, объявлявшему боярство Пожарскому. Царь указалъ и бояре приговорили Бориса Пушкина посадить въ тюрму [189]).

26 іюля, по Крымскимъ вѣстямъ, была объявлена служба въ Украин. разрядѣ; воеводами были назначены: въ Тулу кн. Юр. Пет. Буйносовъ-Ростовскій, Григ. Пет. Хрущовъ; въ Дѣдиловъ кн. Гр. Анд. Волконскій; въ Кропивну кн. Мих. Вас. Щетининъ; въ Мценскъ Дмит. Ѳед. Колтовской. Щетининъ билъ челомъ на Волконскаго; царь велѣлъ посадить его въ тюрму [190]).

16 сентября прибылъ въ Москву Турец. посолъ; приставомъ у него до

---

189) Ibid ст. 373—379; 454—456. — 190) Ibid. ст. 386.

Москвы былъ Ив. Зах. Свіязевъ. За городомъ встрѣчалъ посла Ѳ. Ив. Голенищевъ. Свіязевъ на него билъ челомъ [191]).

24 октября отправлено было въ Польшу посольство приводить короля Владислава къ кресту — *«что помирился съ Московскимъ государемъ вѣчнымъ миромъ»*. Посломъ былъ бояр. Суздальскій намѣстникъ кн. Алексѣй Мих. Львовъ; въ числѣ дворянъ, назначенныхъ съ нимъ были Баимъ Ѳед. Болтинъ, Илья Вас. Наумовъ, Жданъ Вас. Кондыревъ. Первые двое били челомъ на Кондырева. Царь указалъ обьявить: *«тутъ быть безъ мѣстъ»* [192]).

1635. — Въ генварѣ печатникъ и д. дьякъ Ив. Тарасьевичъ Грамотинъ обьявилъ кн. Вас. большому Григ. Ромадановскому слѣд. сказку: «былъ ты, князь Василій, на межеваньи, а межевалъ съ Литовскими людми ото Пскова, да отъ Лукъ; и ты писалъ и ссылался съ Литовс. людми въ государевыхъ дѣлахъ не противъ наказу своего, каковъ тебѣ наказъ данъ на Москвѣ. А наказъ тебѣ данъ: велѣно тебѣ писать по договору пословъ бояр. и намѣстника Псковскаго Ѳ. Ив. *Шереметева, да бояр. и намѣст. Суздальскаго кн. А. М. Львова съ товарищи,* а ты писалъ *одного бояр. Ѳ. И. Шереметева съ товарищи,* а князь Алексѣево имя не писалъ и ты тѣмъ бояр. кн. А. М. Львова обезчестилъ. И. бояр. кн. А. М. Львовъ билъ челомъ на тебя Государю о безчестьи. И государь указалъ тебя кн. Василія за то, что ты писалъ не противъ наказу да за безчестье б. к. А. М. Львова посадить въ тюрму» [193]).

18 генваря царь поѣхалъ къ Троицѣ на богомолье; возницею у него былъ стольн. Никиф. Серг. Собакинъ; на ухабѣ стоялъ стряпчій Ив. Сем, Панинъ. Послѣдній билъ челомъ на Собакина. 30 генваря было объявлено. что такъ какъ Панины люди неродословные, то имъ можно быть съ Собакиными; за безчестіе же Никифора Сергѣева царь указалъ посадить Ив. Семенова въ тюрму [194]).

6 февраля пріѣхали въ Москву Польскіе послы. Царь указалъ встрѣтить ихъ за Тверскими воротами и быть у нихъ приставами кн. Мих. Григ. Козловскому, Григ. Ив. Горихвостову, Никитѣ Наумову Бѣглецову.... Бѣглецовъ билъ челомъ на Горихвостова [195]).

15 февр. царь принималъ Польскихъ пословъ; рындами въ бѣломъ платьѣ съ топорами велѣно быть: съ правой руки—стольникамъ кн. Григ. Сем. Куракину, Григ. Алек. Зюзину; съ лѣвой — стольникамъ П. Гр. Очину-Плещееву, Никитѣ Алек. Зюзину. Очинъ-Плещеевъ билъ челомъ

---

191) Ibid. ст. 400. — 192) Ibid. ст. 404. — 193) Ibid. ст. 407, 408. — 194) Ibid. ст. 409, 410, 413. — 195) Ibid. ст. 417.

на Куракина, говоря, что Сабуровымъ на Куракиныхъ дана невмѣстная грамота; Сабуровы же съ Плещеевыми бывали безсловно. Кн. Куракинъ просилъ объ обороны. Плещеевъ впрочемъ былъ въ рындахъ. На него били челомъ Зюзины изъ предосторожности, чтобы имъ не было укоризны и порухи ихъ отечеству со стороны его родичей [196]).

По окончаніи обычныхъ обрядовъ, которыми сопровождался пріемъ Польскихъ пословъ, царь указалъ быть имъ въ отвѣтѣ у бояръ; для этого были назначены ближній бояр. и Псков. намѣстникъ Ѳ. И. Шереметевъ, бояр. и Коломенскій намѣстникъ кн. Д. М. Пожарскій *Стародубскій* [197]), околн. и Калужскій намѣстникъ кн. Ѳ. Ѳ. Волконскій, печатникъ и д. посольскій дьякъ И. Т. Грамотинъ, д. раз. дьякъ Ив. Аѳ. Гавреневъ. 19 марта царь торжественно присягалъ хранить мирный договоръ. При этомъ скипетръ у царя принималъ Ѳ. И. Шереметевъ; крестъ подносилъ и запись держалъ бояр. кн. Ан. Вас. Хилковъ; блюдо съ крестомъ держалъ кн. Д. М. Пожарскій. 20 Марта бояр. Хилковъ былъ челомъ на Ѳ. И. Шереметева, что быть съ нимъ невмѣстно; »*былъ же*« — прибавилъ онъ — *не желая оставить твоего государева дѣла.*« Царь не принялъ челобитья, замѣтивъ, что Хилкову недостало до Ѳ. Ивановича. Послѣдній просилъ объ обороны [198]). На Хилкова билъ челомъ кн. Пожарскій, говоря, что родъ ихъ одинъ, и что они равны въ роду своемъ. Того же числа послы были приглашены къ царскому столу въ грановитую палату. Въ столы указано смотрѣть: въ большой — кн. Алек. Ив. Воротынскому и Гр. Гав. Пушкину; въ кривой — кн. Юр. Анд. Сицкому и Ст. Гавр. Пушкинъ. Кн. Ю. Ан. Буйносовъ-Ростовскій былъ на третьей встрѣчѣ. Кн. Вас. Пет. Ахамашуковъ-Черкаскій назначенъ былъ въ числѣ стольниковъ, подававшихъ царю пить. У ѣствъ сидѣли: 1) у царской кн. Б. М. Лыковъ, Окольн. Вас. Ив. Стрѣшневъ; 2) у боярской — Ром. Ѳед. Бобарыкинъ; 3) у посольской — кн. Мат. Ѳед. Волконскій. Начались челобитья: 1) Гр. и Ст. Пушкины били челомъ на Сицкаго; при этомъ они говорили, что съ кн. Юріемъ имъ можно быть, только на Сицкихъ бивали челомъ Головины, изъ которыхъ Ѳедоръ былъ съ дядею ихъ Григоріемъ Пушкинымъ. 2) Кн. В. Черкаскій билъ челомъ на кн. Юр. Буйносова, потому что кн. Ѳ. Елец-

---

196) Ibidem. 419. Сказка Оч. Плещееву была 1 августа того же года; за безчестье Куракина его присудили посадить въ тюрьму Ст. 473, 474. — 197.) Кн. Пожарскому дано было названіе *Стародубскій* вѣроятно для того, чтобы защитить его отъ челобитій, которыми преслѣдовали его въ продолженіи почти всего его служебнаго поприща. — 198) Ibid. ст. 433. Хилковъ еще разъ билъ челомъ, но царь опять не взялъ у него челобитной. Когда Ѳ. И. Шереметевъ вторично сталъ просить на Хилкова, то царь принялъ его челобитье. Ст. 465.

кому данъ былъ судъ на большаго брата Юрьева Ивана, — *«а князь Өед. Елецкій бывалъ со мною безсловно»* — заключилъ Черкасскій [199]); 3) кн. Петръ Волконскій билъ челомъ на Вас. Стрѣшнева и Ром. Бобарыкина, говоря, что «въ версту съ Стрѣшневыми по се время не бывали, а Бобарыкинъ молодой человѣкъ». Бобарыкинъ въ свою защиту сказалъ, что «неродословнымъ людямъ съ родословными счету нѣтъ, а Волконскіе люди неродословные». 24 марта Ө. Ө. и П. Волконскіе еще разъ просили на Стрѣшнева и Бобарыкина [200]).

13 апрѣля объявлена была служба въ Украин. и Рязанскомъ разрядахъ; воеводами были назначены: въ Тулу князья Ив. Никит. Хованскій и Никиф. Өед. Мещерскій; въ Дѣдиловъ кн. Пет. Дмит. Пожарскій и Петръ Алексан. Граевскій (про него сказано — иноземецъ Полякъ); въ Кропивну кн. Пет. Бѣляй Ром. Борятинскій, Тим. Ден. Аладьинъ; въ Мценскъ Ст. Өед. Стрѣшневъ, Өед. Вахр. Сухотинъ; въ Переяславль кн. Дм. Пет. Львовъ, Дороѳ. Меньшаго Астафьевъ; въ Михайловъ Өед. Сав. Колтовской, Алексѣй Терент. Смирнаго-Чюбаровъ; въ Пронскъ Ив. Тим. Фустовъ, Алек. Тим. Борзецовъ. У сказки били челомъ: 1) кн. Мещерскій на П. Пожарскаго и Д. Львова; 2) Колтовской на Д. Львова, потому что дѣдъ кн. Димитрія былъ меньше его дѣда, и что они бывали въ губныхъ старостахъ; Львовъ просилъ на Колтовскаго о безчестьи; 3) Фустовъ на кн. Борятинскаго. Въ тотъ же день д. д. Гавреневъ отъ имени царскаго отвѣчалъ челобитчикамъ: 1) кн. Мещерскому напомнилъ объ уложеніи 9 апрѣля 1620; 2) Колтовскому отказалъ съ приговоромъ посадить его въ тюрму за безчестье Львова; 3) Фустову также отказалъ, замѣтивъ: *«будетъ и бывали родители твои въ разрядахъ больше Борятинскихъ, только быть тебѣ меньше Борятинскаго можно»* [201]).

5 мая, въ имянины царевны Ирины Михайловны, царь указалъ сказать боярство кн. Пет. Алексан. Рѣпнину; у сказки назначено было стоять кн. Ив. Ан. Голицыну. Голицынъ сталъ бить челомъ, что его родители въ ихъ версту такимъ боярство никому не сказывали. Царь сталъ говорить Голицыну: «у стола быть ему кн. Ивану, а съ нимъ П. Рѣпнину, а въ отечествѣ ему кн. Петру до его кн. Ивана недостало, а приговоръ ихъ государскій, что большіе меньшимъ сказывали, а отечеству ихъ тѣмъ порухи нѣтъ. И при царѣ Иванѣ Васильевичѣ бояр. кн. Ө. Мих. Трубецкой сказывалъ боярство Борису Годунову; у стола же Годуновъ былъ

199) Ibid. 443. Челобитье Черкаскаго служитъ доказательствомъ, что споры за мѣста иногда начинаемы были безъ всякаго сознанія, — по привычкѣ. Кн. Ө. Елецкій былъ обвиненъ передъ Буйносовыми, а Черкаскій на его челобитьи основываетъ свое старшинство! — 200) Ibid. 445. — 201) Ibid. 451—454. Кромѣ того Колтовскому и Фустову сказано, что прежде сего неродословные люди на родословныхъ не бивали челомъ.

съ нимъ и послѣ того бывалъ меньше его; а нынѣ многіе сказывали меньше себя боярство: бояр. кн. Д. Т. Трубецкой сказывалъ боярство Сем. Головину, а у стола Семенъ съ нимъ былъ, а отецъ его князь Димитріевъ князь Тимоѳей Трубецкой былъ больше дяди твоего, кн. Ив. Голицына-Шпаки, большаго роднаго брата отца твоего, а дядя твой кн. Вас. Голицынъ въ Смоленскѣ выданъ головою кн. Тим. Трубецкому, а въ родствѣ своемъ онъ равенъ отцу твоему кн. Андрею; и ты не упрямливайся, кн. Петру боярство скажи, и тѣмъ отечеству твоему порухи не будетъ; и у стола онъ будетъ съ тобою». Кн. Голицынъ не послушался царскаго слова. Царь велѣлъ посадить его въ тюрму. Сидѣлъ онъ въ тюрмѣ три дня; потомъ его освободили, объявивъ ему, чтобы ѣхалъ къ себѣ на дворъ; назначили къ нему пристава Кайсарова. Въ тюрму и на домъ неоднократно посылали къ Голицыну д. дьяка Гавренева уговоривать его, чтобы сказалъ боярство Рѣпнину. Гавреневъ грозилъ даже Голицыну, что если онъ не скажетъ боярства Рѣпнину, то ему быть «разорену и сослану». «Въ разореньи и ссылкѣ воленъ Богъ да государь, а мнѣ князь Петру боярства не сказывать» — твердилъ кн. Голицынъ и настоялъ на своемъ — не сказалъ Рѣпнину боярства [202]).

Въ послѣднихъ числахъ августа царь велѣлъ быть въ Астрахани окольн. Ѳ. В. Волынскому, Ив. Никиф. Давыдову, Ильѣ Ив. Зубову. Послѣдній билъ челомъ на Давыдова; царь указалъ писаться имъ поименно [203]). Тогда же указано быть на Земскомъ Дворѣ В. П. Наумову, Ник. Наум. Бѣглецову; дьякамъ Аѳ. Костяеву и Ждану Рябинину. Костяевъ билъ челомъ на Бѣглецова; царь велѣлъ отставить Костяева; его мѣсто заступилъ дьякъ Ларіоновъ [204]).

1636. 10 марта была объявлена служба въ Украин. и Рязан. разрядахъ; воеводами были назначены: въ Тулу кн. Ю. П. Буйносов. Ростов., Ив. Ан. Ржевскій; въ Дѣдиловъ кн. Ив. Пет. Салехъ-Засѣкинъ, Сава Алексан. Языковъ; въ Кропивну кн. Никита Мих. Борятинскій, Никита Ив. Уваровъ; въ Мценскъ Ив. Гав. Бобрищевъ-Пушкинъ, Вас. Варѳол. Мясной; въ Новосиль (въ другой прибылой полкъ) кн. Дм. Пет. Сеитовъ, Мак. Пет. Крюковъ; въ Переяславль Ив. Никиф. Траханіотовъ, Дм. Ив. Зубовъ; въ Михайловъ Пет. Алексѣевъ Загряжскій, Никиф. Мих. Коше-

---

202) Ibid. ст. 456, 457 Голицынъ, кажется, не былъ сосланъ; въ томъ же году, 6 августа, онъ былъ у царскаго стола вмѣстѣ съ кн. Хилковымъ. Ст. 474. Замѣчательно, что и послѣ кн И. А. Голицынъ былъ назначаемъ съ бояр. кн. Хилковымъ; для примѣру см. ст. 476. —203) Ibid. ст. 477, въ варіантѣ сказано, что царь велѣлъ Волынскому писаться *съ товарищи*, слѣд. челобитье Зубова достигло своей цѣли. — 204) Ibid. ст. 480.

левъ; въ Пронскъ Ѳ. Ив. Голенищевъ, Лавр. Ив. Аверкіевъ. У сказки били челомъ: 1) Траханіотовъ на кн. Буйносова, съ оговоркою, что готовъ быть съ кн. Юріемъ, только прежде сего на него бивали челомъ тѣ, которые хуже Траханіотовыхъ; 2) Голенищевъ на Борятинскаго, который просилъ объ обороны; 3) Уваровъ на Ржевскаго — царь велѣлъ посадить его въ тюрму за безчестье Ржевскаго; 4) Уваровъ же на Языкова, — напомнили объ уложеніи 9 апр. 1620 г.; 5) на Ржевскаго также били челомъ Мясной и Крюковъ, — дано въ отвѣтъ: «вы люди нарочитые и Ржевскіе люди нарочитые, можно вамъ быть со Ржевскимъ» — кромѣ того Крюкову напомнили объ уложеніи 9 апрѣля 1620 г. 19 марта объявлена была сказка Голенищеву, что ему не сошлось съ Борятинскими и если еще будетъ бить челомъ, то его посадятъ въ тюрму за безчестье Борятинскихъ [205]).

1637. 10 марта была объявлена служба въ Укр. и Ряз. разрядахъ; воеводами были назначены: въ Тулу кн. Ив. Никит. Хованскій; въ Дѣдиловъ кн. Ив. Ив. Лобановъ-Ростовскій; въ Кропивну кн. Ан. Ив. Солнцевъ-Засѣкинъ; въ Мценскъ Анд. Львовъ Плещеевъ; въ Переяславль кн. Вас. Гр. Ромадановскій; въ Михайловъ кн. Гр. Пет. Борятинскій; въ Пронскъ Гр. Вас. Житовъ. Ромадановскій билъ челомъ на Хованскаго, который просилъ объ обороны; царь велѣлъ сказать, что кн. Василію можно быть съ Хованскимъ, если еще станетъ бить челомъ, то быть въ тюрмѣ. Борятинскій билъ челомъ на Ромадановскаго и Лобанова-Ростовскаго, но получилъ отказъ. Далѣе — объявлено — *всѣмъ быть по росписи* [206]).

27 іюля царь пошелъ въ Новодѣвичій Монастырь; Москву указано вѣдать кн. И. А. Голицыну, Ан. Вас. Хилкову, окольн. Ст. Мат. Проѣстеву, печатнику И. Т. Грамотину, д. дьякамъ Лихачову и Данилову. 28 іюля былъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ у царя столъ; у стола были И. П. Шереметевъ, кн. Д. М. Пожарскій, окольн. кн. Ан. Ѳед. Литвиновъ-Мосальскій. Въ столы смотрѣли: въ большой кн. Гр. Анд. Хованскій; въ кривой кн. П. Д. Пожарскій. Князь Дмит. Михайловичъ сталъ бить челомъ за сына своего Петра, говоря, что «тѣмъ бытьемъ съ кн. Хованскимъ отечеству ихъ порухи бы не было, потому что на Хованскихъ бьютъ челомъ также Ромадановскіе.» Царь отвѣчалъ кн. Димитріи Мих., что *онъ то и самъ знаетъ* — велѣлъ ему сѣсть [207]).

29 августа царь велѣлъ быть въ Тулѣ съ кн. Хованскимъ въ товарищахъ Ив. Як. Вельяминову; Вельяминовъ билъ челомъ, чтобы его чести порухи

---

205) Ibid. ст. 497, 498, 499, 500. — 206) Ibid. ст. 530, 531, 532. — 207) Ibid. ст. 542, 543.

не было отъ того, что кн. Лобановъ въ Дѣдиловѣ, а Солнцевъ — въ Кропивнѣ; дано въ отвѣтъ: «тутъ мѣстъ нѣтъ» [208]).

1638. 5 мая былъ у царя столъ; смотрѣть въ столы были назначены: въ большой кн. И. Никит. Хованскій; въ кривой Ан. Вас. Клепиковъ-Бутурлинъ. Сказать имъ объ этомъ послали Льва Плещеева; онъ, возвратившись, доложилъ царю, что передалъ его приказаніе, но что Бутурлинъ, не сказавъ ни слова, пошелъ въ проходныя сѣни. Царь послалъ д. дьяка Гавренева отыскивать Бутурлина. Князь же Хованскій сталъ просить, говоря, что Бутурлинъ *отъ него бѣгаетъ* и тѣмъ его безчеститъ. Гавреневъ, между тѣмъ, привелъ Бутурлина въ столовую избу, поймавъ его на казенномъ дворѣ, и доложилъ царю, что Бутурлинъ, на вопросъ: зачѣмъ онъ бѣгаетъ отъ Хованскаго, — отвѣчалъ, что не думалъ бѣгать, а пошелъ переодѣться на казенный дворъ. Царь велѣлъ въ столы смотрѣть по прежнему, но на Бутурлина долго кручинился за его уловку. Когда же Хованскій повторилъ свое челобитье на Бутурлина, то послѣдній тутъ же сказалъ, что онъ не думалъ отъ него бѣгать и не бьетъ на него челомъ, хотя *въ ихъ версту* (Бутурлиныхъ) *на Хованскихъ Ромадановскіе бивали челомъ* [209]).

24 сентября царь указалъ быть на службѣ въ Укр. разрядѣ меньшимъ воеводамъ. Между прочими были: въ Тулѣ кн. Ст. Ив. Великаго-Гагинъ, а въ Кропивнѣ кн. Сем. Ив. Харя Шаховской. Послѣдній билъ челомъ на Гагина, но получилъ отказъ [210]).

1639. 1 мая объявлена была служба въ Укр. разрядѣ; при этотъ въ Тулу были назначены бояре кн. Д. Мам. Черкаскій, Бор. Мих. Салтыковъ, окольн. кн. Ан. Ѳед. Литвиновъ-Мосальскій, да дьякъ Ѳед. Степановъ. Мосальскій билъ челомъ на Салтыкова, но на службѣ не былъ за болѣзнію; тѣмъ не менѣе имя его въ бумагахъ писали вмѣстѣ съ Салтыковымъ. Всѣмъ же воеводамъ царь указалъ объявить: «*быть въ этомъ походѣ безъ мѣстъ и стоять по городамъ, гдѣ кому указано*» [211]).

1640. 8 марта была объявлена въ Укр. разрядѣ служба по мѣстамъ, а не по полкамъ, какъ обыкновенно до сихъ поръ бывало; назначены были: въ Тулу кн. Алек. Никит. Трубецкой, окольн. кн. Анд. Литви-

---

208) Ibid. ст. 547. — 209) Ibid. ст. 590. — 210) Ibid. ст. 573, 574. — 211) Ibid. ст. 604.

новъ-Мосальскій, кн. Ив. большой Ѳед. Шаховской, дьякъ Никиф. Талызинъ (онъ заболѣлъ, вмѣсто его былъ присланъ Костяевъ). Шаховской билъ челомъ на Мосальскаго; царь велѣлъ отказать, потому что указано всѣмъ быть съ кн. Трубецкимъ. На Кропивну были посланы кн. Ѳ. С. Куракинъ, Ник. Юр. Плещеевъ; въ Одоевъ кн. Ив. Ник. Хованскій, кн. Никита Никит. Гагаринъ; въ Переяславль Рязанскій кн. Мат. Вас. Прозоровскій, кн. Пет. Ѳед. Меринъ-Волконскій; въ Веневъ кн. Вас. Меньшой Гр. Ромадановскій, Ив. Ѳед. Еропкинъ; въ Мценскъ кн. Ос. Ив. Щербатой, Ан. Вас. Волынскій; послѣдніе были отставлены; вмѣсто ихъ назначены кн. Гр. Дан. Шибановъ-Долгорукій, Ив. Зах. Ляпуновъ [212]). Всѣмъ объявлено: *«быть съ кн. Трубецкимъ, а между собою безъ мѣстъ и въ случаяхъ того разряду не подавать»*. Не взирая на такое объявленіе, стали бить челомъ: 1) кн. Куракинъ на кн. Трубецкаго, который просилъ объ обороны; 2) Ник. Плещеевъ, Пет. Волконскій, Ник. Гагаринъ на Литвинова Мосальскаго; 3) Еропкинъ на Ромадановскаго [213]).

5 мая царь указалъ послать на Терекъ кн. Сем. Харю-Шаховскаго, Саву Потап. Нарбекова, дьяка Григ. Углева. Нарбековъ билъ челомъ на Шаховскаго, который просилъ объ обороны. 8 мая Гавреневъ объявилъ Нарбекову: «можно тебѣ быть съ Шаховскимъ, потому что Шаховскіе родословные князья, а вы дѣтишки боярскія городовыя, обычныя». Кромѣ того Нарбекова посадили въ тюрму [214]).

30 сентября царь ходилъ въ село Рубцово; Москва была поручена бояр. Ѳ. И. Шереметеву, окольн. кн. Ѳ. Ѳ. Волконскому и Ст. Мат. Проѣстеву. Послѣдній билъ челомъ на Волконскаго, который просилъ объ обороны; царь указалъ быть безъ мѣстъ [215]).

1641. 1 марта былъ у царя столъ; у стола стояли крайчей кн. Сем. Ан. Урусовъ, кн. Ив. Ив. Дашковъ. Дашковъ билъ челомъ на Урусова,

212) Въ разрядахъ здѣсь путаница: 7 марта поставлена сказка, объявленая дьякомъ Гавреневымъ окольн. Ѳ. Васильевичу и казначею Пав. Ив. Волынскимъ, а 8 марта распредѣленіе воеводъ въ Укр разрядѣ, тогда какъ приговоръ Волынскимъ по связи, какую имѣетъ съ этимъ распредѣленіемъ, долженъ стоять послѣ. Волынскіе Ѳедоръ и Павелъ, какъ видно, считали что ихъ родичъ Ан. Волынскій назначенъ ниже Ѳ. Куракина. Въ сказкѣ, объявленной имъ, значится, что они *«бранились съ бояр. Бор. Алек. Куракинымъ, называли его своимъ братомъ»*; бояр. Куракинъ билъ челомъ объ обороны въ безчестьи. Бояре присудили, что Ѳед. и Павелъ Волынскіе могутъ быть внуками бояр. Куракина; вслѣдствіе сего они за безчестье послѣдняго были посажены въ тюрму, ст. 624. — 213) Ст. 625, 626, 627. — 214) Ibid. 633. — 215) Ibid. ст. 644. 645.

который просилъ объ оборони. 2 марта Гавреневъ объявилъ Дашкову, что онъ билъ челомъ не дѣломъ и что за безчестье Урусова царь указалъ его бить кнутомъ и посадить на недѣлю въ тюрму. Кнутомъ Дашкова билъ въ Разрядѣ же самъ Гавреневъ [216]).

1 мая была объявлена въ Укр. разрядѣ служба по мѣстамъ; были назначены: въ Тулу стольн. кн. Яковъ Куденетовичь Черкаскій, кн. В. П. Ахамашуковъ Черкаскій, И. В. Клепиковъ-Бутурлинъ; въ Переяславль рязанскій бояр. Глѣбъ Ив. Морозовъ, Ив. Гавр. Бобрищевъ-Пушкинъ, въ Веневъ кн. Гр. С. Куракинъ. Всѣмъ имъ указано быть съ кн. Я. Куд. Черкаскимъ и между собою мѣстами не считаться. Стали было бить челомъ Бутурлинъ на Ахам. Черкаскаго и Куракинъ на Морозова, но получили въ отвѣтъ, что всѣмъ указано быть съ кн. Як. Черкаскимъ [217]).

10 сент. былъ у царя на отпускѣ Персид. посолъ; приставами къ нему назначены были кн. Мих. Ив. Мещерскій и дьякъ Булыгинъ; со столомъ къ послу долженъ былъ ѣхать кн. В. Г. Ромадановскій; Мещерскій билъ на него челомъ. Когда же онъ объявилъ, что не хочетъ быть приставомъ, то д. дьякъ Лихачовъ отправилъ его на Посольскій дворъ насильно съ подьячимъ. Послѣ этого Мещерскій не противился [218]).

1642. 17 апрѣля д. р. дьякъ Гавреневъ объявилъ кн. И. Ан. Голицыну: «былъ государь при иноземцахъ въ золотой палатѣ, и ты, князь Иванъ, въ ту пору хотѣлъ сѣсть выше бояр. кн. Д. Мам. Черкаскаго и называлъ его своимъ братомъ и тѣмъ-ты б. к. Д. М. Черкаскаго безчестилъ. Кн. Д. Мамстрюковичь *человѣкъ великой и честь ихъ старая* и въ прежнихъ лѣтѣхъ блаженныя памяти при вел. гос. ц. и в. кн. Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи кн. Мих. Темрюковичь былъ въ великой чести и бывали съ нимъ многіе; за безчестье же кн. Д. Мамстрюковича велѣлъ государь тебя кн. Ив. Голицына послать въ тюрму« [219]).

Въ маѣ былъ Украин. разрядъ по мѣстамъ съ кн. Алексѣемъ Ив. Воротынскимъ. Третьимъ при этомъ въ Тулу былъ назначенъ Григ. Пушкинъ. 20 мая кн. Воротынскій съ товарищами велѣлъ быть въ Тулѣ въ судьяхъ Бор. Саваст. Колтовскому; вмѣстѣ съ этимъ онъ послалъ память осадному воеводѣ Ив. Степ. Колтовскому. Колтовскіе били челомъ на Гр. Пушкина, что *«имъ у дѣлъ за нимъ Григоріемъ быть невмѣстно»*. На Колтовскихъ въ Москвѣ просилъ братъ Гр. Пушкина Степанъ [220]).

---

216) Ibid. ст. 648, 649. — 217) Ibid. ст. 655, 656. — 218) Ibid ст. 668. — 219) Ibid. ст. 679. — 220) Ibid. ст. 680, 681, 682.

25 мая царь послалъ въ Путивль межевать спорныя земли съ Литовс. людьми окольн. Ѳ. Ѳ. Волконскаго, ясельничаго Баима Ѳед. Болтина, дьяка Шипулина. Съ Волконскимъ были назначены дворяне и жильцы, въ числѣ которыхъ находились Куз. Ан. Трусовъ и Вас. Протасовъ. Трусовъ сталъ бить челомъ на Волконскаго; за честь послѣдняго въ Москвѣ вступился Сем. Волконскій съ братьею. Трусова присудили посадить въ тюрму. Гавреневъ при этомъ сказалъ ему: «Волконскіе люди честные, а вы дѣтишки боярскія, обычныя, а иные ваши родители служатъ и въ боярскихъ дворахъ». Послѣ этого къ Трусову присоединился Протасовъ, и стали они вмѣстѣ бить челомъ на Болтина и *лаяли его,* за что ихъ обоихъ били батогами [221]).

12 іюля былъ у царя столъ; въ столы смотрѣли: въ большой кн. Ю. П. Буйносовъ-Ростов.; въ кривой кн. Ив. Анд. Меньшой Хилковъ; послѣдній билъ челомъ на кн. Юрія; царь велѣлъ отказать. Потомъ Буйносовъ сталъ просить о безчестьи [222]).

Въ декабрѣ указано было сидѣть въ приказахъ: въ Судн. Владимірскомъ бояр. И. П. Шереметеву; въ Судн. Московскомъ бояр. кн. А. В. Хилкову. Князь Андрей билъ челомъ на Шереметева, который просилъ объ оборони. 30 декабря Хилкову объявлена сказка: онъ обвиненъ и за безчестье Шереметева посаженъ въ тюрму [223]).

1643. 24 апрѣля царь указалъ послать въ Астрахань съ бояр. кн. Б. А. Рѣпнинымъ письменныхъ головъ М. П. Вердеревскаго, Ѳ. С. Левашова; съ окольн. кн. Ѳ. Ѳ. Волконскимъ головою былъ В. Мат. Ярцовъ. Вердеревскій билъ челомъ на Волконскаго и случаи подалъ. Волконскій просилъ объ оборони. 28 апрѣля печатникъ д. п. дьякъ Ѳ. Ѳед. Лихачовъ въ переднихъ сѣняхъ объявилъ челобитчикамъ, что государь велѣлъ взять у нихъ челобитныя. При этомъ Лихачовъ сказалъ имъ: «теперь, слушавъ вашихъ челобитенъ, указу вамъ учинить неколи; а какъ служба минется, и вамъ въ томъ указъ будетъ. А нынѣ государь указалъ тебѣ (обращаясь къ Вердеревскому) быть по прежнему въ письменныхъ головахъ съ однимъ бояр. кн. Б. А. Рѣпнинымъ, а что ты государя прогнѣвилъ, билъ челомъ на кн. Ѳедора не противъ сказки; и за то государь указалъ послать тебя въ тюрму» [224]).

18 октября царь указалъ послать противъ Калмыковъ въ Самару и Уфу — въ Самару Льва Аф. Плещеева, Ив. Самс. Чевкина, — въ Уфу

---

221) Ibid. 682. — 222) Ibid. 685. — 223) Ibid. 696, 697. — 224) Ibid. 700, 701.

Анд. Львова Плещеева, Аѳ. Григ. Желябовскаго. Послѣдній билъ челомъ на Чевкина и получилъ отказъ [225]).

1644. 2 генваря принимали въ Москвѣ Петра Марселіуса, присланнаго отъ датскаго короля Христіана и королевича Вольдемара; приставами у него были Бог. Пет. Тушинъ и дьякъ Акинфіевъ. Со столомъ отъ царя къ послу ѣздилъ Мих. Сем. Волынскій; на него сталъ бить челомъ Тушинъ. Царь велѣлъ взять у него случаи. Волынскій просилъ объ оборони, говоря, что Тушину съ нимъ можно быть. 10 генваря Гавреневъ объявилъ Тушину: «билъ ты челомъ государю на М. Волынскаго въ отечествѣ, что тебѣ быть съ нимъ немочно; а какъ Михайло пріѣхалъ отъ государя къ послу со столомъ, и ты тутъ не былъ *и чаши государевы не пилъ*, и государь указалъ за то посадить тебя въ тюрму» [226]).

18 генваря царь указалъ на встрѣчѣ принца Вольдемара быть всѣмъ безъ мѣстъ. Королевичь пріѣхалъ 21 генваря. За городомъ встрѣчалъ его и рѣчь говориль ему бояр. М. М. Салтыковъ, съ нимъ былъ Никиф. Юр. Плещеевъ. Пословъ за городомъ встрѣчалъ и въ приставахъ при нихъ былъ Б. И. Пушкинъ. Кн. Ю. Анд. Сицкій писалъ къ царю, «что велѣно встрѣтить королевича за городомъ бояр. М. М. Салтыкову, а онъ кн. Юрій встрѣчалъ королевича въ Псковѣ, а прежде сего, при царѣ Борисѣ, посыланъ встрѣтить Дацкаго королевича Ягана бояр. Мих. Глѣб. Салтыковъ гораздо хуже его князь Юрья и ему для Мих. Салтыкова въ городъ не ѣзживать съ королевичемъ». Царь указалъ послать Сицкому невмѣстную грамоту на М. М. Салтыкова, въ которой было прописано: «по государеву указу велѣно всѣмъ быть безъ мѣстъ, а съ Мих. Салтыковымъ ему мѣстъ николи не будетъ и честь ихъ Сицкихъ старѣе Салтыковыхъ и при прежнихъ государѣхъ родители его Салтыковыхъ честнѣе бывали и онъ бы съ королевичемъ ѣхалъ по прежнему ко встрѣшнему мѣсту безо всякаго опасенія« [227]).

30 генваря былъ у государя Литовскій гонецъ; рындами при этомъ были Пет. Вас. да Вас. Бор. Шереметевы, князья Ив. Дмит. и Сем. Ром. Пожарскіе. Кн. Семенъ билъ челомъ на кн. Ивана, утверждая, что онъ по родству больше. 3 февраля царь принималъ Датскихъ пословъ; рындами были тѣ же. Семенъ Пожарскій повторилъ свое челобитье. Царь велѣлъ отказать ему съ замѣчаніемъ, что бьетъ челомъ не дѣломъ и что ему всегда можно быть съ кн. Иваномъ [228]).

Въ февралѣ царь указалъ быть въ послахъ къ Польскому королю Владиславу — бояр. Суздальск. намѣстнику кн. А. М. Львову, стольн. Ала-

---

225) Ibid. 713. — 226) Ibid. 718, 719. — 227) Ibid. 720, 721, 722. — 228) Ibid. 728, 729.

торскому намѣстнику Гр. Гав. Пушкину и дьяку Волошенинову. Пушкинъ билъ челомъ на Львова, который просилъ объ обороны. Царь велѣлъ взять у Пушкина случаи; по выслушаніи ихъ Пушкину объявили сказку, въ которой, между прочимъ, значилось, что показаніе его — будто кн. Ив. Анд. Львовъ былъ съ отцемъ его въ 1619 г. — недѣйствительно, потому что въ томъ году «по государеву указу мѣстъ никому ни съ кѣмъ не было; а былъ кн. Иванъ Львовъ съ бояр. В. П. Морозовымъ, а съ отцемъ его не бывалъ«. Вслѣдствіе сего царь указалъ и бояре приговорили за безчестье кн. Львова посадить Пушкина въ тюрьму [229]).

Въ августѣ указалъ царь послать въ Самару къ Льву Плещееву съ товарищами и къ ратнымъ людямъ, за Калмыцкую службу, съ своимъ государевымъ жалованьемъ, милостивымъ словомъ, о здоровьи спрашивать и съ золотыми, стольн. Сем. Алексѣева Лихарева. Лихаревъ билъ челомъ на Л. Плещеева въ отечествѣ. Царь указалъ посадить его въ тюрму [230]).

1645. 26 генваря былъ у царя Польскій посолъ Стемковскій; приставами у него въ Москвѣ были кн. Никиф. Вас. Мещерскій, да Ник. Вас. Кавтыревъ. Кавтыревъ билъ челомъ на Мещерскаго. Царь указалъ объявить, что можно ему быть съ кн. Никифоромъ; за безчестье же послѣдняго бить его батогами и послать въ тюрму [231]).

27 генваря указалъ царь быть въ отвѣтѣ у Польскаго посла бояр. кн. Ник. Ив. Одоевскому, да Ив. Пет. Шереметеву и другимъ. Шереметевъ билъ челомъ на Одоевскаго, который просилъ объ обороны. 30 генваря дьякъ Волошениновъ въ переднихъ сѣняхъ объявилъ Ив. Петровичу, что онъ билъ челомъ не дѣломъ, что за безчестье Одоевскаго государь указалъ послать его въ тюрму [232]).

---

229) Ibid. ст. 730, 731. — 230) Ibid. ст. 736. — 231) Ibid. ст. 748. — 232) Ibid. ст. 750.

II. ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

1645. 9 августа былъ у государя Польскій посолъ Гавріилъ Стемковскій на отпускѣ. На встрѣчахъ были: на крыльцѣ кн. Ан. Ив. Хилковъ; на середней кн. Ив. Вас. Хилковъ; на большой у палатныхъ дверей кн. Мих. Мих. Темкинъ-Ростовскій да дьякъ Волковъ. Кн. Ив. Хилковъ билъ челомъ на Темкина, который просилъ о безчестьи. Д. дьякъ Волошениновъ, по царскому указу, объявилъ: первому — «билъ ты челомъ не дѣломъ, можно тебѣ всегда быть меньше Темкиныхъ»; второму — «тебѣ, Михайло, всегда можно быть больше Хилковыхъ» [233]).

13 августа были у царя на отпускѣ королевичь Вольдемаръ и Датскіе великіе послы; приставомъ у пословъ былъ кн. Савелій Ив. Козловскій; на первую встрѣчу назначенъ былъ кн. Ѳ. Ѳ. Шериха-Волконскій. Козловскій билъ челомъ на Волконскаго. Царь велѣлъ назначить вмѣсто послѣдняго кн. Пет. Ан. Козловскаго. На второй встрѣчѣ указано быть В. П. Шереметеву, стол. Вас. Вас. Бутурлину; на третьей кн. Н. И. Одоевскому, да Мих. Мат. Бутурлину. Бутурлины били челомъ на Шереметева; Шереметевы Борисъ и Василій просили объ оборони. Царь указалъ сказать Бутурлинымъ, что бьютъ челомъ не дѣломъ, и что меньше Шереметевыхъ имъ всегда можно быть [234]).

28 сентября была коронація ц. Алексѣя Михайловича; царь указалъ всѣмъ чинамъ на его поставленіи быть безъ мѣстъ и записать этотъ приговоръ въ разрядную книгу. Челобитій не было во время вѣнчанія и во время послѣдующихъ за нимъ торжествъ, продолжавшихся три дня.

1 октября былъ у царя столъ для патріарха; у стола стояли крайчій Сем. Лукьян. Стрѣшневъ и стольн. В. В. Бутурлинъ [235]).

24 декабря царь получилъ извѣстіе изъ Курска отъ воеводъ Сем. Ром. Пожарскаго и Анд. Лазарева, что подъ Курскомъ были Татары и что съ ними былъ бой. По этимъ вѣстямъ царь указалъ быть въ Укр. разрядѣ на службѣ: въ Тулѣ бояр. кн. А. Н. Трубецкому, окольн.

---

233) Двор. раз. т. III. ст. 8. — 234) Ibid. ст. 9. — 235) Ibid. ст. 20. Здѣсь сказано: Бутурлинъ не билъ челомъ на Стрѣшнева; значитъ предполагалась возможность челобитья.

кн. А. Ѳ. Литвинову-Мосальскому; въ Переяславлѣ Ряз. стольн. кн. Ю. П. Буйносову-Ростовскому; въ Веневѣ кн. Ив. Ан. Меньшему Хилкову; въ Кропивнѣ кн. Гр. Дан. Долгорукому; въ Одоевѣ Ст. Гав. Пушкину. Окол. кн. С. В. Прозоровскому да Пет. Беклемишеву указано было идти въ Курскъ противъ Татаръ; въ сходъ съ Прозоровскимъ и Беклемышевымъ назначено было идти съ Тулы кн. Лит. Мосальскому.

Кн. Трубецкой писалъ царю, что Мосальскій не взялъ списковъ изъ за Прозоровскаго. Мосальскій и самъ писалъ царю, что съ Прозоровскимъ быть ему не вмѣстно. Царь далъ въ отвѣтъ, что если не пойдетъ, то ему быть въ великой опалѣ. Трубецкому дано знать, чтобы онъ тотчасъ, не мѣшкая, отправилъ Мосальскаго; въ случаѣ неповиновенія приказывалось посадить ослушника въ тюрму [236]). Когда же пришло извѣстіе, что Татары появились въ Орловскихъ и Карачевскихъ мѣстахъ, то, кромѣ другихъ распоряженій, приказано было кн. Трубецкому и Гр. Гав. Пушкину (присланному на мѣсто Мосальскаго) идти въ Мценскъ. Въ сходъ къ нимъ назначены были кн. Буйносовъ изъ Переяславля и Хилковъ изъ Венева; имъ указано быть съ однимъ Трубецкимъ и межь собою мѣстами не считаться. Въ грамотахъ велѣно писать: «*болр. кн. Трубецкой съ товарищи*».

1646. 1 февраля царь указалъ быть на Украинской службѣ: въ Бѣлгородѣ въ больш. полку кн. Н. И. Одоевскому, кн. Дм. Пет. Львову, Анд. Львову Плещеву, дьяку Дурову; въ Карповѣ въ пер. п. бояр. В. П. Шереметеву, кн. Сем. Пет. Львову; въ Яблоновѣ въ ст. п. Вас. Бор. Шереметеву, Ив. Зах. Ляпунову. Ан Плещеевъ билъ челомъ на Львовыхъ: сказано: быть безъ мѣстъ; однако сдѣлана перестановка: Сем. Львовъ назначенъ на мѣсто Ан. Плещеева и на оборотъ [237]). Въ Ливнахъ царь указалъ быть съ деньгами на жалованье драгунамъ и салдатамъ Ив. Анд. Ржевскому да Гр. Замятнину Неронову; имъ велѣно «*докладывать кн. Одоевскому съ товарищи*». Ржевскій билъ челомъ, что ему докладывать и меньше быть Дм. и Сем. Львовыхъ не вмѣстно. Львовы просили объ оборони. 1 марта была объявлена сказка Ржевскому, за безчестье Львовыхъ указано посадить его въ тюрму; кромѣ того ему строго подтверждено быть по росписи. Ржевскій не повиновался, тогда царь велѣлъ снова посадить его въ тюрму, а помѣстья и вотчины отписать во дворецъ; и сидѣлъ Ржевскій въ тюрмѣ полгода [238]).

17 марта, въ день своего, ангела государь пожаловалъ въ бояры кн. Ю. П. Буйносова-Ростовскаго. Сказывать боярство велѣно окольн. Ѳед. Бор.

---

236) Ibid. ст. 23, 24. — 237) Ibid. ст. 28. — 238) Ibid. ст. 29, 30.

Далматову-Карпову. Карповъ билъ челомъ на Буйносова и боярства ему не сказывалъ, а сказывали окольн. Пет. Өед. Волконскій, да д. дьякъ Гавреневъ. Въ тотъ же день у царскаго стола бояре всѣ были безъ мѣстъ [239]).

13 іюня царь пожаловалъ въ дум. дьяки помѣстнаго дьяка Өед. Елизарова; думу сказывалъ дьякъ Алмазъ Ивановъ. Елизаровъ билъ челомъ царю и говорилъ: «какъ де твоя государева милость будетъ въ мѣстѣхъ съ Ив. Гавреневымъ, а меньше де его мнѣ быть невмѣстно» [240]).

14 іюня при распоряженіяхъ касательно Украйны, снова было объявлено воеводамъ быть между собою безъ мѣстъ подъ главнымъ начальствомъ кн. Одоевскаго; ему же указалъ царь съѣзжаться съ польскими людьми и на съѣздахъ титуловаться Астраханскимъ намѣстникомъ. Съ Одоевскимъ былъ Новоторжскій намѣстникъ Вас. Пет. Шереметевъ; объ этомъ велѣно отписать въ Путивль къ воеводѣ кн. Ю. А. Чертенку-Долгорукому съ тѣмъ, чтобы онъ извѣстилъ о такомъ распоряженіи Литовскаго гетмана Потоцкаго. Но Долгорукій написалъ въ Литву объ одномъ только Одоевскомъ. Не зная ничего о назначеніи на съѣздъ Шереметева, Потоцкій адресовалъ свои грамоты на имя одного кн. Никиты Ивановича. Шереметевъ сталъ бить челомъ царю на Долгорукаго; царь указалъ за безчестье бояр. Василія Петровича посадить кн. Юрія въ тюрму на недѣлю въ Путивлѣ [241]).

6 августа былъ у царя гонецъ короля Владислава; рындами были назначены кн. Алек. Ив. Буйносовъ-Ростовскій, Өед. Вас. и Игнатій Григ. Волконскіе, Ив. Ст. Телепневъ. Иг. Волконскій билъ челомъ на Өед. Волконскаго. Царь указалъ записать въ разрядѣ, что они были безъ мѣстъ [242]). Тогоже числа Польск. гонецъ былъ на отпускѣ; рындами были кн. А. И. Буйн.-Ростовскій, князья Данила и Борисъ Еѳим. Мышецкіе, Ив. Ст. Телепневъ. Телепневъ билъ челомъ на Мышецкихъ, но царь велѣлъ выдать его головою [243]).

28 августа писалъ царю стольн. Вас. Бор. Шереметевъ, что съ нимъ велѣно быть въ Осколѣ оскольскому осадному воеводѣ Дмит. Ив. Плещееву со всѣми оскольскими служилыми людьми, но что Плещеевъ царск. указу не слушаетъ, въ съѣзжую избу не ходитъ и говоритъ, что ему царск. указу не прислано. Вслѣдствіе сего Шереметевъ билъ челомъ на Плещеева и просилъ о безчестьи и обороні. 10 сентября царь указалъ посадить Плещеева въ тюрму [244]).

17 сентяря царь указалъ быть по полкамъ воеводамъ въ Укр. городахъ: въ Бѣлгородѣ въ б. п. бояр. кн. Н. И. Одоевскому, кн. Дмит. и Сем. Пет.

239) Ibid. ст. 31, 32. — 240) Ibid. 34. Елизарову »ничего не указано». — 241) Ibid. 38, 39, 40. — 242) Ibid. 41. — 243) Ibid. 42. — 244) Ibid. 42, 43, 44.

Львовымъ. Кн. Мих. Ив. Щетининъ стоялъ въ Карповѣ Сторожевьѣ; по вѣстямъ ему велѣно было немедленно идти въ сходъ въ Бѣлгородъ къ кн. Ѳ. Хилкову. Щетининъ билъ челомъ на Хилкова, Хилковъ на Щетинина объ обороні. Царь указалъ написать кн. Одоевскому, чтобы онъ посадилъ Щетинина въ тюрму [245]).

20 сент. царь поѣхалъ къ Троицѣ; Москву приказано вѣдать бояр. Ив. Вас. Морозову, Григ. Гав. Пушкину да окольн. Ст. Мат. Проѣстеву. Проѣстевъ билъ челомъ на Пушкина [246]).

11 ноября былъ у царя Польскій посланникъ, отправленный въ Персію; приставомъ у него былъ Мих. Ларіоновъ; встрѣчать посланника назначенъ Сем. Вас. Волынскій; объявлялъ его окольн. Никиф. Серг. Собакинъ; со столомъ же къ нему ѣздилъ Мих. Сем. Волынскій; когда послѣдній пріѣхалъ къ посланнику, то Ларіоновъ его не объявлялъ. Волынскій билъ челомъ о безчестьи; царь указалъ бить Ларіонова батогами [247]).

20 ноября былъ распорядокъ касательно службы въ Украин. разрядѣ; воеводами были назначены: въ Тулу окольн. М. М. Бутурлинъ; въ Переяславль ряз. стол. В. В. Бутурлинъ; въ Кропивну кн. Н. И. Лобановъ-Ростовскій; въ Мценскъ кн. Тим. Ив. Щербатой. По вѣстямъ указано быть въ сходѣ. — Въ больш. полку въ Ливнахъ съ кн. Н. И. Одоевскимъ — изъ Тулы М. Бутурлину, изъ Мценска Щербатому; въ пер. полкъ въ Курскъ съ б. В. П. Шереметевымъ — изъ Кропивны Лоб.-Ростовскому; въ стор. полкъ въ Елецъ съ стольн. Вас. Шереметевымъ изъ Переяславля В. Бутурлину. Бутурлинъ билъ челомъ на В. Шереметева; объявлено было: «бьетъ челомъ не дѣломъ, чтобы непремѣнно былъ въ сходѣ, а если не пойдетъ, то быть въ великой опалѣ» [248]).

12 декаб. царь отпустилъ изъ полковъ съ Украйны кн. Одоевскаго съ товарищами; вновь назначены были: въ б. п. въ Ливны кн. Ив. Пет. Рыбинъ-Пронскій; въ п. п. въ Курскъ кн. И. Ѳ. Лыковъ; въ ст. п. въ Елецъ кн. Гр. Дан. Долгорукій. Лыковъ билъ челомъ на Пронскаго, Долгорукій на Пронскаго и Лыкова; дано въ отвѣтъ: бьютъ челомъ не дѣломъ, въ случаѣ же неповиновенія быть въ тюрмѣ. У сказки Львовъ еще разъ билъ челомъ, говоря, что ему съ кн. Пронскимъ не бывать, потому что онъ Рыбинъ, а не Пронскій, что родители его служили по городу и были въ окладчикахъ вмѣстѣ съ Неѣловыми. Долгорукій же объявилъ, что готовъ быть съ Пронскимъ, а бьетъ челомъ на Лыкова. Указу по этимъ челобитьямъ не было [249]). Но упомянутая роспись была замѣнена новою; такъ въ Ливны назначили окольн. М. Мат. Бутурлина; въ Елецъ ст. В. В. Бутурлина; въ Курскъ кн. Тим. Ив. Щербатова. Щербатый билъ челомъ на окольн. Бутурлина, который просилъ объ обороні, говоря что прадѣду

245) Ibid. ст. 47, 48. — 246) Ibid. ст. 48. — 247) Ibid. ст. 50. — 248) Ibid. ст. 50, 51. — 249) Ibid. ст. 52.

кн. Тимоѳея можно быть съ его племянникомъ Василіемъ. Царь слушалъ ихъ челобитья и противъ случаевъ, представленныхъ Щербатовымъ, велѣлъ выписать изъ разряду [250]).

25 декабря былъ у царя столъ; у стола былъ патріархъ Іосифъ; смотрѣли въ столы: въ большой кн. Пет. Сем. Прозоровскій, въ кривой кн. Дмит. Алекс. Чертенокъ-Долгорукій. Долгорукій объявилъ, что ему невмѣстно быть съ Прозоровскимъ и въ столъ не сказывалъ. Кн. Пет. Семеновъ просилъ о безчестьи. Царь указалъ назначить вмѣсто Долгорукаго Ив. Яков. Колтовскаго; Долгорукаго же за ослушаніе и за безчестье Прозоровскаго посадить въ тюрму [251]).

1647. 1 мая царь указалъ быть на службѣ на Украйнѣ: въ Ливнахъ кн. Г. С. Куракину, Ан. Вас. Клепикову-Бутурлину; въ Курскѣ кн. И. Ѳ. Лыкову, Ан. Тим. Лазарѣву; въ Ельцѣ кн. Гр. Дан. Долгорукому, Савѣ Сем. Хитрому; на Вольномъ Ив. Анд. Совину. Не смотря на то, что объявлено было всѣмъ имъ быть съ кн. Куракинымъ и между собою мѣстами не считаться, Клепиковъ-Бутурлинъ сталъ бить челомъ на кн. Гр. Долгорукаго. Дьякъ Гавреневъ именемъ царскимъ объявилъ ему, что «онъ билъ челомъ не дѣломъ, не послушалъ государева указу и передъ Долгорукими молодой человѣкъ въ отечествѣ»; Бутурлина отвели въ тюрму. Приказано также посадить въ тюрму ливенскаго осаднаго воеводу Лодыженскаго, бившаго челомъ на Андрея Бутурлина [252]).

---

250) Ibid. ст. 53, 63. 13 мая 1648 Василій Бутурлинъ подалъ царю челобитную на Щербатова, вступаясь за честь Мих. Бутурлина. Кромѣ того Василій Бутурлинъ просилъ, чтобы государь пожаловалъ велѣлъ у него взять къ тому дѣлу грамоты на кн. Ив. Туренина, да на Ѳедора и Андрея Хворостининыхъ. По царскому указу съ этихъ грамотъ взяты списки, а подлинныя возвращены Василію Бутурлину. Ст. 90. Приговоръ Щербатову былъ объявленъ 22 іюля 1648 года; онъ былъ обвиненъ передъ Бутурлиными и за ихъ безчестье посаженъ въ тюрму; въ приговорѣ Щербатову значится, что дѣды его, какъ видно изъ разрядовъ, всегда бывали съ дядями Бутурлиныхъ. Относительно Вас. Бутурлина сказано: «и какъ вел. гос. ц. и в. кн. Алексѣй Мих. всеа Русіи вѣнчался царскимъ вѣнцемъ и въ тотъ день и послѣ того въ иные дни у стола стоялъ съ крайчимъ съ С. Стрѣшневымъ стольн. В. В. Бутурлинъ, и по государеву указу то записано, что въ тотъ день всѣ были безъ мѣстъ и тѣмъ его Василія и его родителей не упрекать и Сем. Стрѣшневу и его родителямъ того въ находку не ставить, а за Васильево безчестье указалъ государь тебя кн. Тимоѳея посадить въ тюрму». Ст. 97, 98. — 251) Ibid. ст. 54. — 252) Ibid. ст. 58.

25 мая писалъ царю изъ Путивля воевода кн. Ю. А. Долгорукій, что Кіевскій каштелянъ Кисель извѣстилъ его, что самъ Крымскій ханъ намѣренъ идти въ Украйну. Царь указалъ быть воеводамъ по городамъ: кн. Ѳед. Ю. Хворостинину въ Тулѣ; кн. М. А. Кольцову Масальскому въ Одоевѣ; Триг. Аф. Козловскому въ Переяславлѣ Ряз.; въ сходѣ велѣно быть: въ Ливнахъ съ Куракинымъ Хворостинину; въ Курскѣ съ Лыковымъ Масальскому; въ Ельцѣ съ Долгорукимъ Козловскому. Стали бить челомъ: 1) Масальскій на Лыкова; — вовсе указу не было; 2) Козловскій на Долгорукаго; Козловскаго на два дня посадили въ тюрму, а потомъ объявили, что ему никогда не будетъ счету съ Долгорукимп, меньше которыхъ ему всегда можно быть [253]).

Іюля дня были у царя иноземцы въ золотой палатѣ; рындами назначены были: кн. А. И. Буйносовъ-Ростовскій, Пет. Мих. Пушкинъ князья Дан. и Бор. Ефим. Мышецкіе; послѣдніе били челомъ на Пушкина; царь указалъ дьяку Гавреневу бить ихъ кнутомъ на конюшнѣ, а потомъ сказать, что имъ можно быть меньше Пушкина [254]).

27 ноября царь пожаловалъ въ окольничіе Бог. Матв. Хитрово; окольничество велѣно сказать казначею думному дворянину Богдану Миничу Дубровскому. Дубровскій билъ челомъ на Хитрово и окольничества ему не сказывалъ; царь велѣлъ посадить его въ тюрму за безчестье Хитрово [255]).

30 нояря былъ у царя столъ для Польскихъ пословъ. Потчивалъ ихъ и ѣлъ съ ними стольн. В. И. Шереметевъ. Къ столу звать ихъ ходилъ кн. Ѳ. Ѳ. Долгорукій. Долгорукій билъ челомъ, что ему не вмѣстно быть съ Шереметевымъ, который въ свою очередь, просилъ объ обороны. Послѣ стола Долгорукому объявлено, что ему можно быть меньше; за безчестіе же Шереметева царь указалъ посадить его въ тюрму [256]).

1648. 16 генваря была свадьба царя Алексѣя Михайловича; онъ указалъ «на своей государевѣ радости быть всѣмъ въ чинахъ безъ мѣстъ, а кто станетъ бить челомъ на кого о мѣстахъ, и имъ быть въ великомъ наказаньи».

Въ мартѣ царь указалъ идти въ Швецію послами окольн. Бор. Ив. Пушкину да Никитѣ Алексѣев. Зюзину. Зюзинъ билъ челомъ на Пушкина; Пушкинъ просилъ объ обороны. Царь велѣлъ у нихъ взять случаи. Зюзинъ былъ обвиненъ передъ Пушкинымъ «многими случаями»; по-

253) Ibid. ст. 60, 61, 62. — 254) Ibid. ст. 64. — 255) Ibid. ст. 74. — 256) Ibid. ст. 76, 77.

томъ его, по царскому указу, посадили въ тюрму, далѣе — выдали его головою. Когда Зюзинъ и послѣ этого не хотѣлъ быть съ Пушкинымъ, то царь велѣлъ вторично посадить его въ тюрму и отписать у него вотчины и помѣстья; сидѣлъ онъ въ тюрмѣ долгое время; по освобожденіи же царь снова пожаловалъ его вотчинами и помѣстьями. Борисъ Пушкинъ въ томъ году на посольствѣ не былъ [257]).

15 мая указано быть на Украйнѣ воеводами: въ Яблоновѣ кн. Алексѣю Ив. Буйносову Ростовскому, Ст. Мих. Вельяминову; въ Бѣлгородѣ Тим. Ѳед. Вороненку Бутурлину; въ Царевѣ-Алексѣевѣ кн. Ив. Ив. Лобанову-Ростовскому (онъ не былъ; его мѣсто заступилъ братъ его Никита). Бѣлгородскому и Царево-Алексѣевскому воеводамъ по вѣстямъ указано идти въ сходъ къ кн. Буйносову. За Тимоѳея Бутурлина билъ челомъ на Буйносова братъ его В. В. Бутурлинъ. Въ тотъ же день д. дьякъ Волошениновъ объявилъ челобитчику, что бояре приговорили посадить въ тюрму на три дня его и брата его Тимоѳея за безчестіе Буйносова [258]).

21 мая былъ у царя столъ въ Троицкой Лаврѣ; у стола вмѣстѣ съ боярами Б. И. Морозовымъ, кн. Ю. Буйносовымъ-Ростовскимъ, В. И. Стрѣшневымъ были окольничіе князья Ив. Ив. Ромадановскій и Ѳ. Ѳ. Волконскій. Волконскій билъ челомъ на Ромадановскаго, потому что у Леонтьевыхъ подписана челобитная на Ромадановскихъ. Ему сказано: «то Ромадановскимъ не упрекъ, въ случаи того не ставить». Волконскій былъ у стола [259]).

5 августа были назначены въ приказы: Судный Владим. Вас. Бор. Шереметевъ, Никита Алек. Зюзинъ, дьяки Ив. Байбаковъ и Грязной Акишевъ; въ Судн. Моск. кн. Ив. Анд. Хилковъ, Афан. Зиновьевъ, дьяки Сава Звѣревъ, Исай Нефедьевъ. Хилковъ билъ челомъ на Шереметева, Шереметевъ просилъ объ оборони. Приговоръ Хилкову былъ 14 августа; въ немъ сказано, что государь слушалъ его челобитье и велѣлъ объявить, что ему можно быть меньше Шереметева, потому что братъ его большой бояр. кн. Анд. Вас. Хилковъ былъ безсловно съ дѣдомъ и дядею Василія Шереметева Ѳедоромъ Ивановичемъ и Иваномъ Петровичемъ. Князя Ивана присудили посадить въ тюрму [260]).

1649. Въ генварѣ царь указалъ быть послами въ Швецію окольн. Бор. Ив. Пушкину, да Афан. Осип. Прончищему. Прончищевъ объявилъ, что онъ готовъ быть съ Пушкинымъ, но такъ какъ на него билъ челомъ Никита Зюзинъ, дѣдъ котораго былъ съ его дѣдомъ, то чтобы ему отъ той

257) Ibid. ст. 87. — 258) Ibid. ст. 91. — 259) Ibid. ст. 93. — 260) Ibid. ст. 99.

посылки съ Борисомъ безчестну не быть. Вмѣстѣ съ этимъ Прончищевъ просилъ, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ взять у него наказъ, въ которомъ году дѣдъ Зюзина былъ съ его дѣдомъ. Указу по этому челобитью не было [261]).

31 генваря царь ѣздилъ въ Новоспасскій монастырь къ панихидѣ; возницею у него былъ стольникъ В. В. Бутурлинъ; на ухабѣ стоялъ стольникъ кн. А. М. Мещерскій. Мещерскій билъ челомъ на Бутурлина, который просилъ объ оборони. Царь указалъ Гавреневу объявить кн. Андрею, что бьетъ челомъ не въ мѣру, можно ему быть съ Васильевымъ внукомъ, за безчестье же Бутурлина бить его батогами въ Разрядѣ. Послѣ этого Мещерскій былъ ухабничимъ [262]).

27 февраля царь принималъ Голландскаго гонца и Крымскихъ посланниковъ; рындами при этомъ были назначены стольники: князья Ѳед. и Алексѣй Никит. Одоевскіе, Вас. Бор. Хилковъ, да Мих. Львовъ Плещеевъ. Плещеевъ билъ челомъ на Хилкова и въ рындахъ не былъ; на мѣсто его велѣно быть кн. Дан. Ефим. Мышецкому. Хилковъ просилъ объ оборони. Царь указалъ дьяку Заборовскому за безчестье Хилковыхъ бить Плещеева батогами въ подклѣтѣ [263]). Князь Мышецкій вздумалъ обратить въ свою пользу неудачу Плещеева и подалъ на него челобитную, въ которой прописалъ: «я готовъ быть съ Хилковымъ и на него не бью челомъ, а меньше М. Плещеева мнѣ быть не мочно, родители наши служили по В. Новгороду въ дворянахъ, а дѣдъ Михайловъ Афанасій Никитинъ Плещеевъ служилъ у архіепископа съ отцемъ дьяка Лутохина Семеномъ; Илья Плещеевъ былъ въ Порховѣ въ губныхъ старостахъ, а иные ихъ родители были въ денщикахъ у воеводъ и въ недѣльщикахъ, и чтобы государь велѣлъ ему счетъ дать». Челобитье Мышецкаго записали въ Разрядѣ. Плещеевы Андрей и Михайло, въ свою очередь, подали челобитную на Мышецкаго, въ которой, между прочимъ выставили, что отецъ ихъ Левъ билъ челомъ въ отечествѣ на бояр. Ив. Пет. Шереметева. Приговоръ Мы-

---

261) Ibid. ст. 111. — 262) Ibid ст. 112. — 263) Ibid. ст. 113. Приговоръ и наказаніе Плещеева изложены въ разрядахъ слѣд. образомъ: «... И велѣлъ государь Мих. Плещееву сказать, что такіе *страдники* на Хилковыхъ не бивали челомъ, а бывали и лучшіе ихъ Плещеевы съ Хилковыми; а брата его большаго Анд. Львова сына Плещеева указалъ государь посадить въ тюрму на пять дней; да его жь Михайла Плещеева указалъ государь посадить въ казенку на три дня. И на третей день указалъ государь Мих. Плещеева бить въ розрядѣ батоги вмѣсто кнутья, за Хилковыхъ безчестье, дум. же разряд. дьяку Сем. Заборовскому и въ книгу разрядную записать, что М. Плещеевъ за князь Васильево безчестье бitъ кнутомъ и въ тюрму посланъ. Ст. 114.

шецкому былъ объявленъ 9 февр. 1652 года, а Плещеевымъ — 28 марта того же года; Мышецкому сказано, что ему можно быть меньше Плещеевыхъ, и что государь за безчестье ихъ указалъ бить его въ Разрядѣ батогами и посадить въ тюрьму [264]). Плещеевыхъ также били батогами и посадили въ тюрму, потому что на нихъ искали оборони Шереметевы, Вас. Петр. съ дѣтьми и племянниками; вслѣдствіе чего кромѣ наказанія объявлено было Плещеевымъ: «и лучшіе ваши Плещеевы вездѣ меньше Шереметевыхъ бывали», — въ заключеніе сказано, что они подвергаются наказанію за безчестіе Вас. Петровича *его дѣтей, племянниковъ и внучатъ* [265]).

7 мая царь пожаловалъ изъ стольниковъ въ окольничіе кн. Ив. Анд. Хилкова; у сказки велѣно было стоять окольнич. кн. Пет. Өед. Волконскому. Волконскій сталъ говорить: «окольничество Хилкову сказать мнѣ можно и не мѣстникъ я Хилкову, только, государь, о томъ милости прошу, что-де били челомъ на кн. Вас. Бор. Хилкова Плещеевы, а Плещеевы съ нами бывали, и чтобы отъ нихъ намъ упреку не было». Царь на это сказалъ: «Плещеевы за Хилковыхъ въ тюрму сажены и батогами биты, а если впредь станутъ бить челомъ и имъ быть битымъ не только батогами, но и кнутомъ». Волконскій сказывалъ окольничество Хилкову [266]).

9 мая былъ разрядъ на Украйну по городамъ меньшимъ воеводамъ; назначены были стольники: въ Тулу кн. В. Б Хилковъ; въ Переяславль кн. Ив. Дмит. Пожарскій; въ Веневъ Алексѣй Дмит. Охотинъ-Плещеевъ; въ Кропивну кн. Ив. Пет. Борятинскій; въ Одоевъ кн. Юр. Никит. Борятинскій; въ Мценскъ кн. Ив. Ан. Жировой-Засѣкинъ. Царь указалъ всѣмъ воеводамъ быть съ кн. Хилковымъ и между собою не считаться мѣстами. Но начались челобитья на самого Хилкова; такъ на него били челомъ Охотинъ-Плещеевъ и Засѣкинъ; перваго царь указалъ и бояре приговорили выдать Хилкову головою «*безъ сыску и безъ счету*»; челобитная втораго принята, но указу по ней не было [267]).

13 мая царь былъ въ Троицкомъ монастырѣ; въ его отсутствіе Москву вѣдали бояр. кн. Мих. Пет. Пронскій, окольн. Ст. Гавр. Пушкинъ, Богд. Миничь Дубровскій, дум. дьяки Волошениновъ и Заборовскій. Кромѣ того въ числѣ объѣзжихъ назначенъ былъ Дмит. Сабуровъ. Онъ сталъ бить челомъ на Пронскаго; Пронскій сталъ просить о безчестьи, оборони. Сабурову царь указалъ сказать, что бьетъ челомъ не дѣломъ; за безчестье же кн. Мих. Петровича его били батогами *вмѣсто кнута* и посадили въ тюрму [268]).

---

264) Ibid. ст. 298. — 265) Ibid. ст. 303. — 266) Ibid. ст. 118. — 267) Ibid. ст. 121. — 268) Ibid. ст. 123, 124.

21 іюня царь указалъ сидѣть въ Приказахъ. въ Судн. Владимірск. бояр. кн. Бор. Александр. Рѣпнину, да кн. Никиф. Ив. Бѣлосельскому, дьякамъ Байбакову и Грязному-Акишеву; въ Суд. Моск. кн. Тимоѳ. Ив. Щербатову, да Аѳ. Алексѣеву Зиновьеву, дьякамъ Звѣреву и Неѳедьеву. Князь Щербатовъ билъ челомъ на Рѣпнина, который просилъ объ обороны; въ тотъ же день по царскому указу объявилъ Щербатову д. дьякъ Заборовскій: «билъ ты челомъ не дѣломъ, а за безчестье бояр. Рѣпнина присудили посадить тебя въ тюрму». Зиновьевъ просилъ на Бѣлосельскаго; царь указалъ ихъ обоихъ отставить; вмѣсто ихъ назначены были Исленьевы Иванъ и Матвѣй [269]).

Въ іюнѣ указалъ государь послать по городамъ закладчиковъ сбирать: въ Ярославль былъ посланъ стольн. Мих. Сем. Волынскій; въ Угличь стольн. Алек. Степ. Чепчюговъ; первому дано 8 подводъ, второму 6. Чепчюговъ билъ челомъ на Волынскаго именно изъ-за того, что ему дано 8 подводъ, — «мнѣ де безчестнѣе Мих. Волынскаго быть не умѣть — говорилъ онъ, — потому что Волынскіе наша братья и хуже насъ . . . (слѣдуютъ случаи)». Волынскій просилъ о безчестьи, утверждая, что Чепчюговъ кладетъ грамоты неправыя, нарядныя, потому что д. дьякъ Вас. Щелкаловъ былъ имъ свой ближній. Судъ первоначально кончился въ пользу Чепчюгова; бояре основывались на грамотахъ имъ представленныхъ, съ которыхъ впрочемъ велѣли снять списки. Но потомъ, вѣроятно разсмотрѣвъ ихъ ближе и провѣривъ разрядами, бояре измѣнили свое рѣшеніе. Такъ 24 генв. 1650 года Ив. Ив. Чепчюгову (Алексѣеву брату) объявленъ былъ слѣд. противоположный первому приговоръ: «билъ челомъ государю въ отечествѣ братъ твой, Алексѣй Степановъ сынъ Чепчюговъ, на Мих. Семенова сына Волынскаго, а сказывалъ, что Волынскіе меньше Чепчюговыхъ бывали и грамоты клалъ блаженные памяти Г. Ц. и В. К. Ивана Вас. всеа Русіи; и того въ разрядѣ не сыскано, что Чепчюговы бывали больше Волынскихъ, а бывали ваши Чепчюговы во многихъ мѣстахъ съ Волынскими и вамъ и нынѣ потому жь меньше Волынскихъ быть можно; а будетъ впредь станете бить челомъ на Волынскихъ въ отечествѣ, и вамъ быть отъ государя въ великомъ наказаньѣ [270]).

27 августа были у царя послы Польскаго короля Яна Казимира. На встрѣчахъ были: на первой стольн. Андрей Льв. Плещеевъ, дьякъ Нехорошей-Фирсовъ; на средней стольн. кн. Ан. Ив. Хилковъ, дьякъ Ник. Головинъ; на большой у палатныхъ дверей думной дворянинъ кн. Пет. Анд. Хилковъ, дьякъ Вас. Яковлевъ. Анд. Плещеевъ билъ челомъ на кн.

---

269) Ibid. ст. 125, 126. — 270) Ibid. ст 127, 147, 148.

Анд. и Пет. Хилковыхъ. Царь велѣлъ сказать Плещееву: «бьетъ челомъ не въ первой и не по дѣлу» [271]).

1650. 19 генваря были у государя Персидскіе послы; приставами у нихъ были кн. Вас. Дмит. Горчаковъ да дьякъ Богданъ Силинъ. На встрѣчахъ были: 1) Ан. Льв. Плещеевъ, дьякъ Никита Головнинъ; 2) на большой въ сѣняхъ кн. Вас. Ив. Хилковъ, дьякъ Герасимъ Дохтуровъ. Горчаковъ билъ челомъ на Плещеева, Плещеевъ просилъ объ обороны въ безчестьи [272]).

1 апрѣля, въ имянины царицы, былъ у царя столъ; у стола были патріархъ Іосифъ, да бояре кн. Яковъ Куденетовичь-Черкаскій и Вас. Пет. Шереметевъ, окольничіе Вас. Вас. Бутурлинъ, кн. Ив. Ив. Ромадановскій. Ромадановскій билъ челомъ на Бутурлина, послѣдній просилъ объ обороны. По царскому указу дьякъ Волошениновъ объявилъ Ромадановскому: «не достало тебѣ въ отечествѣ до Бутурлина и за безчестье его государь указалъ посадить тебя въ тюрму». Ромадановскій сидѣлъ въ тюрмѣ три дня [273]). — Въ столы указано смотрѣть: въ большой князь Ѳед. Никит. Одоевскому, въ кривой Пет. Ив. Годунову. Годуновъ спрятался; его мѣсто заступилъ стольн. Ѳед. Мих. Лодыженскій. Когда же, отъискавъ, привели Годунова, то онъ сталъ бить челомъ на Одоевскаго, сказавъ: «на отца его Никиту Ивановича билъ челомъ бояр. И. П. Шереметевъ, а Шереметевы не бывали съ нами». Шереметевы Вас. и Бор. Петровичи тутъ же ударили челомъ на Петра Годунова, говоря: «бьетъ де онъ челомъ на кн. Одоевскаго, а ему можно быть не только съ Одоевскими, но и съ ними Шереметевыми, и тѣмъ ихъ Петръ безчеститъ». Послѣ стола д. раз. дьякъ Гавреневъ объявилъ Годунову, что онъ билъ челомъ бездѣльно и можно ему быть меньше третьяго князь Ѳедорова брата Якова и за безчестье Одоевскихъ приказано его бить въ Разрядѣ батогами. 3 апрѣля д. дьякъ Заборовскій объявилъ Годунову второй приговоръ, въ которомъ сказано, что ему меньше Шереметевыхъ всегда можно быть и за безчестье ихъ царь указалъ отвести его въ тюрму [274]).

7 апрѣля, въ вербное воскресенье, у патріарха былъ столъ; къ столу назначены были: бояре кн. Як. Куден. Черкаскій, В. П. Шереметевъ, окольничіе В. В. Бутурлинъ, князь Ив. Ив. Ромадановскій. Ромадановскій повторилъ свое челобитье на Бутурлина и не пошелъ къ столу. 8 апрѣля Заборовскій объявилъ приговоръ кн. Ивану; сказавъ сперва

---

271) Ibid. ст. 128, 129. — 272) Ibid. 146, 147. — 273) Ibid. 153, 154. — 274) Ibid. 153, 154.

что сдѣлано было ему по его челобитью 1 апрѣля, Заборовскій заключилъ: «нынѣ государь указалъ за безчестье окольн. Бутурлина выдать тебя ему головою» [275]),

10 апрѣля былъ у царя на отпускѣ гонецъ Польскаго короля; рындами съ топорами были назначены: кн. Алексѣй Ив. Буйносовъ-Ростовскій, кн. Алексѣй Алексѣевъ Лыковъ, Ив. и Никита Анд. Вельяминовы. На Буйносова били челомъ Алексѣй Лыковъ и дядя его Иванъ. Буйносовъ просилъ обороны. Царь указалъ отвести Лыковыхъ въ тюрму; кромѣ того было приказано д. дьяку Гавреневу бить батогами кн. Алексѣя въ Разрядѣ за то, что «*онъ топора не взялъ и топоръ уронилъ*» [276]).

9 мая получено извѣстіе изъ Пскова отъ окольн. кн. Ѳ. Ѳ. Волконскаго и дьяка Дохтурова, что «Псковичи въ сыскъ не дались и ихъ въ городѣ держатъ за приставомъ въ тюрмѣ, а воеводу Псковскаго окольничего Никиф. Серг. Собакина посадили въ тюрму и учинились не послушны».— Царь послалъ на Псковъ ратныхъ людей подъ начальствомъ кн. Алексѣя Никит. Трубецкаго, кн. Мих. Пет. Пронскаго, Тимоѳ. Ѳед. Бутурлина, Бог. Матв. Хитрово, да дьяка Томила Перфильева. При нихъ въ числѣ стрѣлецкихъ головъ былъ Астафій Зыбинъ; онъ и братъ его Михайла объявили, что готовы быть со всѣми назначенными воеводами, только съ окольн. Хитровымъ имъ не вмѣстно, потому что въ городахъ родители его передъ ихъ родителями люди молодые. Дьякъ Заборовскій объявилъ Зыбинымъ, что они бьютъ челомъ не дѣломъ и что государь велѣлъ посадить ихъ въ тюрму на три дня [277]).

14 мая былъ у царя въ золотой палатѣ Англійскій посолъ; приставами у него были кн. В. Д. Горчаковъ, да дьякъ Силинъ; встрѣчали посла Анд. Львовъ Плещеевъ и дьякъ Ушаковъ. Горчаковъ билъ челомъ на Плещеева. По царскому указу Заборовскій объявилъ Горчакову, что ему всегда можно быть меньше Плещеевыхъ безсловно [278]).

15 мая царь указалъ быть на службѣ въ Бѣлгородѣ бояр. Бор. Алекс. Рѣпнину, Вас. Пет. Головину и дьяку Дмит. Карпову. Головинъ билъ челомъ на Рѣпнина, но получилъ отказъ и былъ посланъ въ тюрму.

22 мая Рѣпнинъ, Головинъ и Карповъ были допущены къ рукѣ государевой; Головинъ повторилъ свое челобитье; Рѣпнинъ сталъ просить объ обороны. Царь указалъ выдать Головина Рѣпнину головою [279]).

4 іюня царь былъ въ Кашинѣ на богомольи; 12 іюня былъ тамъ у него столъ въ шатрахъ; у стола были бояре Б. И. Морозовъ, кн. М. М. Темкинъ-Ростовскій, окольн. В. В. Бутурлинъ; у стола указано стоять кн. В. Хилкову да П. Пушкину. Пушкинъ сталъ просить на Хилкова, говоря:

---

275) Ibid. ст. 156. — 276) Ibid ст. 157. — 277) Ibid. ст. 164, 165. — 278) Ibid. ст. 166. — 279) Ibid ст. 166.

«били де челомъ на кн. Василія Плещеевы, а Плещеевы хуже насъ и намъ бы въ томъ нашему роду отъ Плещеевыхъ порухи не было». — Царь кручинился на Пушкина, что бьетъ челомъ не дѣломъ. Пушкинъ не противился и стоялъ у стола [280]).

28 іюля въ праздникъ Одигитріи указалъ царь изъ Новодѣв. монастыря идти за крестами бояр. И. И. Салтыкову, да окольн. Ив. Ив. Ромадановскому. Послѣдній билъ челомъ на Салтыкова, который просилъ о безчестьи. Царь указалъ посадить Ромадановскаго въ тюрму [281]).

9 октября ходилъ царь на богомолье къ Троицѣ; впереди по станамъ были окольничіе кн. И. И. Ромадановскій и Ив. Самс. Чевкинъ. Чевкинъ билъ челомъ на кн. Ивана, потому что указано было дать Леонтьевымъ судъ на Ромадановскихъ и получилъ въ отвѣтъ: «бьетъ челомъ не дѣломъ, можно ему всегда быть съ Ромадановскими» [282]).

1651. 30 марта пожаловалъ царь изъ дворянъ въ окольничіе Сем. Лук. Стрѣшнева и П. П. Головина. Головинъ билъ челомъ, что «*въ окольничихъ въ его пору нѣтъ; а отецъ его при царѣ Мих. Өедоровичѣ былъ въ боярахъ*». Царь «положилъ свою государеву опалу на П. Головина за то, что билъ челомъ не дѣломъ и его государя прогнѣвилъ»; Головина велѣно посадить въ тюрму и окольничество ему не сказано [283]). Въ тотъ же день былъ у царя столъ для патріарха; у стола были: бояре Б. И. Морозовъ, кн. М. М. Темкинъ-Ростовскій, окольничіе В. Вас. Бутурлинъ, кн. В. Гр. Ромадановскій. Когда царь шелъ изъ собора, то кн. Василій билъ челомъ на Бутурлина; царь отказалъ, а за безчестье Бутурлина велѣлъ доправить съ него денежную пеню 350 рублей [284]).

25 декабря былъ у царя столъ; у стола были: бояре кн. А. Н. Трубецкой, Ө. С. Куракинъ, Б. А. Рѣпнинъ, окольн. кн. Ө. Ю. Хворостининъ, Никиф. Серг. Собакинъ. При этомъ били челомъ — Рѣпнинъ на Куракина, Собакинъ на Хворостинина. Царь долго гнѣвался на Рѣпнина и

---

280) Ibid. ст. 178. — 281) Ibid. ст. 180. — 282) Ibid. ст. 197. — 283) Ibid. ст. 226. на слѣд. 227, 228. столбцахъ сказано: «того же дня (1 апрѣля) государь велѣлъ Головина изъ тюрмы выпустить, и сказка ему была на красномъ крыльцѣ, а сказывалъ д. дьякъ Сем. Заборовскій: *«что де государь было тебя страдника пожаловалъ не по твоей страдничей мѣрѣ честію въ окольничіе, а ты де государя прогнѣвилъ...* бояре было приговорили тебя, бивъ кнутомъ, сослать въ Сибирь, и государь на милость положилъ кнутомъ бить и въ Сибирь сослать не велѣлъ, а велѣлъ тебя написать по Москов. списку и ни въ какой чести тебѣ у него государя не бывать». — 284) Ibid. ст. 226, 227.

Собакина; на послѣдняго даже положилъ свою опалу, не велѣлъ быть у себя въ комнатѣ ни ему, ни дѣтямъ его Василію и Григорію. Хворостининъ сталъ просить объ оборони, и царь велѣлъ посадить Сабакина въ тюрму [285]).

1652. 9 февраля д. дьякъ Заборовскій объявилъ бояр. оружейничему Гр. Гавр. да окольн. Ст. Гавриловичу Пушкинымъ: «Ноября въ 22 день (1651) сидѣлъ государь съ бояры и вы, Григорій да Степанъ, въ тое пору бранилися съ бояр. съ князь Юріемъ, да съ окольничимъ со князь Дмит. Алексѣевичи Долгорукими и били челомъ государю, что вамъ меньше ихъ быть не можно; а бояр. к. Юрій да окольн. к. Дмитрей Долгорукіе били челомъ на васъ государю о безчестьѣ, что вы тѣмъ ихъ безчестите. И тебѣ Григорью да Степану меньше князь Юрья и кн. Дмитрея Долгорукихъ быть мочно, потому что отецъ вашъ Гаврило былъ меньше дяди ихъ роднаго, князь Василья Долгорукаго, а Иванъ Бобрищевъ-Пушкинъ былъ во Брянску меньше отца ихъ князь Алексѣя. И за безчестье бояр. кн. Юрья, да окольн. кн. Дмитрея Алекс. Долгорукихъ, указалъ государь васъ, бояр. Гр. да окольн. Ст. Гаврил. Пушкиныхъ послать въ тюрму, и впредь вамъ у всякихъ государевыхъ дѣлъ съ ними быть мочно» [286]).

25 марта былъ у царя столъ; въ столы смотрѣли: въ большой стольн. Пет. Вас. Шереметевъ, кн. Юр. Ив. Ромадановскій; въ кривой Мат. Вас. Шереметевъ, кн. Гр. Гр. Ромадановскій. Князь Григорій билъ челомъ на кн. Юрія, что быть съ нимъ не вмѣстно, потому что они въ роду своемъ равны. Князь Юрій, напротивъ, говорилъ, что имъ можно быть, такъ какъ кн. Григорій у отца своего 8-й сынъ, а онъ у своего отца первый. Царь велѣлъ имъ быть по росписи, сказавъ, что «послѣ велитъ ихъ счесть старымъ родителямъ ихъ» [287]).

1653. 2 февраля царь указалъ сидѣть въ приказахъ: въ суд. Владимірскомъ съ бояр. кн. Ѳед. Сем. Куракинымъ стольнику Ив. Богд. Комынину; въ суд. Московскомъ окольн. Никиф. Сергѣевичу Собакину, да стольн. Артемью Богд. Комынину. Комынины били челомъ на Собакина. 4 февр. Заборовскій объявилъ Комынинымъ: «вы не родословные молодые люди, а Собакины родословные, а не родословнымъ съ родословными

---

285) Ibid. ст. 287, 288, 289. — 286) Ibid. ст. 297, 298. — 287) Ibid. ст. 302. Гр. Ромад. не послушался; царь велѣлъ посадить его въ желѣза — См. Пол. Соб. Зак. т. I. № 77.

счету нѣтъ»; царь указалъ послать въ тюрму одного Ивана Комынина (потому что онъ былъ старшій братъ) [288]).

Еще въ декабрѣ прошлаго года назначены были въ Польшу великими послами князья Бор. Алексан. Рѣпнинъ и Ѳед. Ѳед. Волконскій; въ числѣ дворянъ, бывшихъ при нихъ, находились Никиф. Прокоф. да Ром. Семен. Воейковы; они 25 марта 1653 года стали бить челомъ на Ѳ. Волконскаго; царь указалъ посадить въ тюрму Никиф. Воейкова, а за Волконскаго доправить денежное безчестье [289]).

31 марта царь велѣлъ быть въ судн. Влад. приказѣ съ кн. Куракинымъ Никитѣ Вас. Кавтыреву, а въ судн. Московскомъ съ Собакинымъ Як. Вас. Кавтыреву. Кавтыревы били челомъ на Собакина. Царь велѣлъ обоихъ посадить въ тюрму [290]).

22 апрѣля были у царя въ столовой избѣ цареградскій патріархъ Афанасій да Акридонскій архіеп. Діонисій. Царь послалъ со столомъ — къ патріарху стольн. Як. Никит. Лихарева, — къ архіеп. Діонисію стольн. Гр. Ив. Кавтырева. Послѣдній билъ челомъ на Лихарева, но указу не было [291]).

2 августа были у царя въ золотой палатѣ Сибирскіе и Касимовскіе царевичи; приставомъ у первыхъ былъ Ден. Пет. Тургеневъ; у Касимовскаго же Лука Матв. Зиновьевъ. Со столомъ къ Сибирс. царевичамъ ѣздилъ Мих. Львовъ Плещеевъ, и Ѳ. Л. Плещеевъ къ Касимовскому. Тургеневъ билъ челомъ на М. Плещеева; ему велѣно сказать, что «онъ плутаетъ, бьетъ челомъ не дѣломъ, до Плещеевыхъ ему Денису ни до котораго не достало». Кромѣ того Тургеневъ былъ посаженъ въ тюрму [292]).

9 октября назначены были въ Малороссію бояр. В. В. Бутурлинъ, окольн. Ив. Вас. Алферьевъ, да дум. дьякъ Ларіонъ Лопухинъ. Съ Алферьевымъ въ числѣ дворянъ были Ив. Ст. Исленьевъ и Ѳед. Богд. Глѣбовъ. Оба они били челомъ на Алферьева. Исленьеву было отказано, а Глѣбова царь велѣлъ выдать головою [293]).

23 октября царь въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи патріарха и всего духовенства указалъ дум. посол. дьяку Алмазу Иванову объявить боярамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ, жильцамъ и всякихъ чиновъ людямъ, что «прося у Бога милости, и у Пресвятой Богородицы помощи и заступленія великихъ чюдотворцевъ Московскихъ Петра, Алексія, Іоны и Филиппа и у всѣхъ святыхъ, поволилъ государь идти на недруга своего Польс. и Литовс. короля Яна Казимира за его многія неправды. А кому съ нимъ вел. государемъ въ его государевѣ полку и по инымъ полкамъ, быть

---

288) Ibid. ст. 340, 341. — 289) Ibid. ст. 345, пол. Соб. Зак т. I. № 95. — 290) Ibid. ст. 346. — 291) Ibid. ст. 348. — 292) Ibid. ст. 361. — 293) Ibid. ст. 374, 375, 376.

боярамъ и окольничимъ и думнымъ людямъ и стольникамъ и стряпчимъ и дворянамъ, гдѣ кому въ какомъ чину быть и тѣмъ всѣмъ указалъ онъ, вел. государь, на сей своей государевѣ службѣ быть всѣмъ безъ мѣстъ». — Вслѣдъ за этимъ д. р. дьякъ прочелъ царскій указъ, въ которомъ въ концѣ сказано: «всѣмъ быть безъ мѣстъ и никому нынѣшнимъ разрядомъ нынѣ и впредь не считаться и въ случаяхъ не подавать и никому никого тѣмъ не попрекать». Этотъ указъ царь подписалъ собственноручно. Кому же изъ бояръ быть на службѣ, то объявилъ самъ царь по росписи [294]).

27 декабря прибыли въ Москву Грузинскій царевичь Николай Давыдовичь съ матерью Еленою Леонтьевною. За городомъ встрѣтить ихъ и въ приставахъ у нихъ быть царь указалъ окольн. кн. Ив. Ан. Хилкову, Дмит. Пет. Волынскому и дьяку Дохтурову. Волынскій сказался больнымъ; его привезли къ разряду и свидѣтельствовали. Царь велѣлъ ему быть по указу; и хотя онъ не былъ, все же имя его было выставлено вмѣстѣ въ Хилковымъ [295]).

1654. 1 генваря былъ у царя парадный столъ въ грановитой палатѣ; у стола были: бояре кн. А. Н. Трубецкой, кн. Г. С. Куракинъ, кн. Ив. В. Хилковъ, окольничіе кн. И. Анд. Хилковъ, Ник. Сер. Собакинъ, д. р. дьякъ Заборовскій, да пристава Дм. Пет. Волынскій, Аф. Осип. Прончищевъ, дьякъ Дохтуровъ. Послѣ стола Волынскій сталъ бить челомъ на кн. Ив. Анд. Хилкова; царь за безчестье послѣдняго велѣлъ бить его батогами [296]).

15 іюня писалъ царю дум. дворянинъ, ясельничій и воевода Жданъ Вас. Кондыревъ на голову Московс. стрѣльцовъ Богдана Булгакова, что онъ, безчестя его, говорилъ, что ему велѣно быть на службѣ помимо его ждана съ однимъ бояриномъ В. П. Шереметевымъ; по этому Кондыревъ просилъ у царя обороны. Царь указалъ за его безчестье посадить Булгакова на день въ тюрму [297]).

1655. 5 іюня послалъ царь на Березину подъ Борисовъ *для языковъ* стольн. кн. Юр. Никит. Борятинскаго; съ нимъ посланъ былъ въ головахъ Мих. Ив. Наумовъ. Онъ билъ челомъ на Борятинскаго; царь велѣлъ подтвердить, что бы былъ, «а нынѣ служба всѣмъ безъ мѣтсъ». Когда же

---

294) Ibid. ст. 377, 378. — 295) Ibid. ст. 384. — 296) Ibid ст. 388, 389 — 297) Ibid. ст. 431

Наумовъ сталъ упорствовать и говорить, что ему ни какъ нельзя быть съ Борятинскимъ, тогда царь велѣлъ его бить кнутомъ, сослать на Лену и отобрать помѣстья и вотчины [298]).

21 іюня царь изъ Шклова послалъ стольн. кн. Александ. Ив. Лобанова-Ростовскаго воевать своихъ измѣнниковъ Витебскаго уѣзда; съ Лобановымъ назначены головы съ сотнями царскаго полка кн. Никита Яков. Львовъ, Як. Никит. Лихаревъ, Вас. Ник. Панинъ съ казанскими мурзами. Львовъ у руки билъ челомъ на Лобанова. Царь подтвердилъ, что нынѣ всѣ безъ мѣстъ. Но Львовъ твердилъ свое, что ему не вмѣстно быть съ кн. Александромъ. Царь велѣлъ его бить кнутомъ; потомъ ему указано быть съ Донскими казаками; въ царскомъ же полку его мѣсто занялъ Гр. Ѳед. Бояшевъ [299]).

13 ноября царь указалъ быть въ Смоленскѣ бояр. кн. Б. А. Рѣпнину, Петру Мих. Пушкину, М. Пет. Вердеревскому. Пушкинъ билъ челомъ на Рѣпнина; царь велѣлъ отставить Пушкина; его мѣсто занялъ кн. А. Ю. Звѣнигородскій [300]).

1656. 4 мая царь принималъ посла Германскаго императора; рындами въ ферезеяхъ съ топорами назначены были князья Пет. и Мих. Семеновичи Прозоровскіе, Мат. Степановъ и Ив. Ѳедоровъ Пушкины. Ив. Пушкинъ билъ челомъ на Мат. Пушкина. Царь велѣлъ отставить Ивана Пушкина; его мѣсто занялъ Ив. Афан. Прончищевъ [301]).

4 августа была сказка кн. Ив. Сем. Гагарину, назначенному въ Астрахань съ кн. Вас. Гр. Ромадановскимъ, на которого онъ билъ челомъ о невмѣстности. Гагарина царь указалъ посадить въ тюрму [302]).

1657. 16 февраля царь указалъ идти въ Полоцкъ съ полкомъ воеводамъ боярину кн. Ив. Пет. Пронскому, окольничимъ кн. Дан. Степ. Великаго-Гагину и Никитѣ Мих. Бобарыкину. 17 февраля на Пронскаго билъ челомъ кн. Гагинъ; приведя причины своего старшинства надъ кн. Иваномъ, онъ говорилъ: «я бы на него не билъ челомъ, потому что служба государева сказана всѣмъ безъ мѣстъ, а теперь служба мѣстная». Царь велѣлъ сказать челобитчику, что въ прошломъ 1653 году въ соборной и апостольской церкви объявлено всѣмъ быть безъ мѣстъ пока служба минется; по этому еслибы Гагину до бояр. кн. Пронскаго и достало, то

---

298) Ibid. ст. 479. — 299) Ibid. ст. 481, 482. — 300) Допол. къ т. III. ст. 11. — 301) Допол. ст. 36. — 302) Допол. ст. 63, 65, 66.

и въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть уже потому, что служба для всѣхъ безъ мѣстъ. Послѣ этого указано было посадить Гагина въ тюрму *«за честь соборной и апостольской церкви и за то, что онъ государевъ указъ нарушилъ»*. 20 февраля Гагина вывели изъ тюрмы; тутъ ему объявленъ былъ новый приговоръ, что государь указалъ его выдать Пронскому головою [303]).

1 апрѣля былъ у царя столъ; у стола были патріархъ и царевичи, изъ бояръ же и окольничихъ Б. И. Морозовъ, Илья Данил. Милославскій, Ив. Анд. Милославскій и князья Вас. и Сем. Петровичи Львовы. Кн. Сем. Львовъ билъ челомъ на Илью Милославскаго; царь на него кручинился и сказалъ: «какія тутъ мѣста«; потомъ подтвердилъ Львову, чтобы онъ былъ у стола, а челомъ можетъ бить послѣ. Когда же Львовъ не переставалъ просить, то царь велѣлъ посадить его насильно. 3 апрѣля Львову былъ объявленъ приговоръ, въ которомъ значится: «кн. Семенъ билъ челомъ не дѣломъ и ему можно быть меньше Милославскаго, потому что онъ третій братъ, а которые прежь сего бывали въ присвоеньи государю и на тѣхъ не бивалъ челомъ. А что онъ за государевымъ словомъ билъ челомъ и за то государь указалъ послать его въ тюрму» [304]).

Въ ноябрѣ царь велѣлъ для своихъ государевыхъ дѣлъ послать въ войско Запорожское къ гетману Виговскому окольн. и оружничаго Богд. Мат. Хитрово да стольника Ив. Афан. Прончищева. 21 ноября Прончищевъ билъ челомъ, что ему съ Хитровымъ быть не вмѣстно; Хитрово просилъ объ оборони въ безчестьи. Царь указалъ за безчестье Хитрово посадить Прончищева въ тюрму, потомъ, освободивъ, бить его батогами [305]).

1658. 16 февраля царь указалъ быть въ товарищахъ съ кн. Юр. Алексѣев. Долгорукимъ стольнику Мих. Сем. Волынскому. У сказки Волынскій билъ челомъ на кн. Юрія. Въ тотъ же день объявлено Волынскому, что ему не только можно быть съ кн. Юріемъ, но и съ товарищами послѣдняго; потомъ его за безчестье Долгорукаго отвели въ тюрму [306]).

5 марта царь указалъ на встрѣчу Богдана Хитрово съ товарищами, (когда они возвращались изъ Малороссіи) послать съ милостивымъ словомъ и о здоровьи спрашивать стольника Григ. Ив. Кафтырева. — Кафтыревъ билъ челомъ, что ему ѣхать къ Хитрово не вмѣстно. 16 марта

---

303) Допол. ст. 90, 91. — 304) Допол. ст. 99, 100. — 305) Допол. ст. 112 — 306) Допол. ст. 121, 122.

царь велѣлъ бить Кафтырева батогами въ Разрядѣ — за безчестье Хитрово [307]).

23 апрѣля царь велѣлъ быть на съѣздѣ съ Шведскими послами бояр. кн. Ив. Сем. Прозоровскому, Афанасію Лаврент. Ордину-Нащокину, Ив. Афан. Прончищеву, дьякамъ Дохтурову и Юрьеву. Прончищевъ билъ челомъ на Нащокина. Царь отказалъ съ угрозою, что если впредь станетъ билъ челомъ и ему быть въ наказаньи [308]).

5 мая послалъ царь въ Кіевъ воеводъ бояр. В. Б. Шереметева, стольн. кн. Ю. Никит. Борятинскаго, Ив. Ив. Чаадаева, дьяка Алексѣя Постникова; туда же съ приказомъ стрѣльцовъ посланъ голова Ив. Дмит. Зубовъ. — Зубовъ билъ челомъ на Чаадаева. Царь велѣлъ сказать, что ему указано быть съ однимъ бояр. Шереметевымъ [309]).

20 мая били челомъ государю стольники Ив. да Никита Андреевы Вельяминовы за отца своего на стольн. кн. Вас. Ив. Хилкова. Дьякъ Богдановъ объявилъ Вельяминовымъ на постельномъ крыльцѣ, что государь, за безчестье Хилкова указалъ ихъ выдать ему головою [310]).

13 октября велѣлъ царь проводить до струга Грузинскаго царя Теймураза головѣ съ сотнею стольнику кн. Алексѣю Андр. Голицыну. Князь Мих. Андр. Голицынъ объявилъ, что братъ его Алексѣй боленъ, замѣтивъ, при этомъ, что когда пріѣхалъ Теймуразъ, то на первой встрѣчѣ былъ бояр. кн. А. Н. Трубецкой, а теперь брату его Алексѣю велятъ проводить Груз. царя до струга, и меньше Трубецкаго ему нельзя быть. На другой день, 13 октяб., окольн. Ив. Афан. Гавреневъ по царскому указу сказалъ князю Ивану, старшему брату Алексѣя и Михайлы, что кн. Михайло билъ челомъ не дѣломъ, потому что тутъ мѣстъ нѣтъ и случая быть не можетъ, кромѣ того имъ съ бояр. кн. А. Никитичемъ всегда быть можно. За безчестье же Трубецкаго царь велѣлъ выдать ему головою кн. Ивана. Когда же князь Алексѣй не поѣхалъ провожать царя Теймураза, тогда послали за нимъ въ домъ его. Наконецъ привезли Голицына на дворъ Теймураза; тутъ дьякъ Заборовскій сказалъ, чтобы онъ, по царскому указу, ѣхалъ провожать Грузинскаго царя. — «Не ѣзживать, и меньше кн. А. Н. Трубецкаго быть мнѣ не вмѣстно» — твердилъ князь Алексѣй. Царь указалъ посадить его въ тюрму на три дня; провожалъ же Теймураза д. дьякъ Заборовскій со стольниками [311]).

Вв октябрѣ же царь указалъ стольнику Лукѣ Влад. Ляпунову идти въ Бѣлую и оттуда отвесть ратныхъ людей подъ Смоленскъ къ окольн. кн. Ив. Ив. Лобанову-Ростовскому. Ляпуновъ билъ челомъ, что ему нельзя идти

307) Допол. ст. 123. — 308) Допол ст. 128. — 309) Допол ст. 130. — 310) Допол. ст. 133, 134. Хилковъ встрѣчалъ Грузинскаго царя, а Андрей Вельяминовъ былъ у него приставомъ. — 311) Допол. ст. 151, 152, 153.

къ кн. Лобанову изъ-за товарища послѣдняго, кн. Григ. Афан. Козловскаго; впрочемъ онъ отправился сообразно съ назначеніемъ. Но въ Москвѣ за кн. Григ. Козловскаго билъ челомъ на Ляпунова кн. Андрей Козловскій; вслѣдствіе чего царь велѣлъ послать подъ Смоленскъ грамоту, въ которой значилось, что Ляпунову указано быть съ обоими воеводами [312]).

19 ноября велѣлъ царь кн. Ив. Борятинскому ѣхать къ кн. Ю. А. Долгорукому съ товарищами — съ своимъ государевымъ жалованьемъ, милостивымъ словомъ и о здоровьи спросить. У сказки Борятинскій объявилъ, что готовъ ѣхать, только боленъ. 20 ноября онъ былъ допущенъ къ рукѣ государевой; здѣсь онъ сказалъ: «твоя государева служба всѣмъ сказана безъ мѣстъ намъ холопамъ твоимъ, и я готовъ ѣхать на твою государеву службу». — Эти слова показались обидными кн. Дмит. Алекс. Долгорукому; онъ сталъ бить челомъ, что князь Борятинскій не хочетъ быть на службѣ и тѣмъ безчеститъ брата его Юрія. Царь указалъ Борятинскаго посадить въ тюрму, сказавъ, — *«что посылаются съ его государевымъ милостивымъ словомъ и о здоровьѣ спрашивать къ боярамъ и воеводамъ и тутъ мѣста»* [313]).

30 ноября билъ челомъ государю кн. Ив. Мих. Каркадиновъ, что сказано ему на Нѣмецкій съѣздъ къ бояр. кн. Ив. Сем. Прозоровскому ѣхать съ милостивымъ словомъ и объявлять побѣду на гетмана Гонсѣвскаго, и ему ѣхать не вмѣстно и случаи подалъ. Но случаевъ у него не взяли и счету на Прозоровскихъ царь давать не велѣлъ. Кромѣ того дьякъ Богдановъ на постельномъ крыльцѣ объявилъ Каркадинову, что государь указалъ выдать его головою и послать на дворъ къ четвертому меньшему брату Прозоровскаго кн. Петру [314]).

12 декабря писалъ къ царю изъ Могилева князь Григорій Козловскій, что ему не вмѣстно быть съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Царь указалъ, за безчестье послѣдняго, выдать его головою [315]).

1659. 7 апрѣля царь указалъ Псковс. воеводѣ кн. Ив. Анд. Хованскому писаться Вятскимъ намѣстникомъ и о всякихъ дѣлахъ писать ему въ В. Новгородъ къ бояр. кн. Гр. Сем. Куракину. У сказки князь Хованскій просилъ дьяка доложить царю, что онъ на службу ѣхать готовъ, «а къ кн. Куракину не писывать, а писать къ государю, а на кн. Куракина ему есть чѣмъ бить челомъ». Царь велѣлъ объявить Хованскому,

---

312) Допол. ст. 153, 157. — 313) Допол. ст. 155, 156. — 314) Допол. ст. 159. — 315) Допол. ст. 160.

что ему указано о всякихъ дѣлахъ только ссылаться съ кн. Куракинымъ [316]).

5 іюня. Никита Анд. Вельяминовъ съ братьями билъ челомъ государю, что брату ихъ Ивану, находящемуся въ Полоцкѣ съ кн. Ив. Бор. Рѣпнинымъ, нельзя быть меньше кн. Ѳ. Никит. Борятинского посланнаго въ товарищи къ бояр. кн. Бор. Алекс. Рѣпнину въ Смоленскъ, на мѣсто отца ихъ Андрея Вельминова. Царь сказалъ Вельминовымъ: «тутъ мѣстъ не достало, потому что тотъ разрядъ себѣ» [317])

18 сентября объявлено было, что государь пойдетъ къ Троицѣ; Москву вѣдать указано бояр. кн. Ив. Сем. Прозоровскому, окольн. Мих. Сем. Волынскому, да дум. дьяку Алмазу Иванову. Волынскій билъ челомъ на кн. Ив. Прозоровскаго. 19 сентября Волынскому была объявлена сказка: царь указалъ выдать его головою [318]).

---

316) Допол. ст. 181. Въ апрѣлѣ того же года 28 числа записана въ разрядахъ слѣдующая сказка, заключающая въ себѣ нѣкоторыя черты, характеризующія мѣстничества и также военныя дѣйствія Московскихъ воеводъ: «велѣлъ государь сказать стольникамъ князь Ѳед. Никитину Борятинскому да Ѳед. Иванову, да Алексѣю Дмитріеву Охотину-Плещеевымъ, а были они на посольствѣ съ великими послами съ бояр. кн Н. И. Одоевскимъ съ товарищи, и Алексѣя Плещеева не было, былъ въ деревнѣ, и сказка была князь Ѳ. Борятинскому да Ѳ. Плещееву, а сказывалъ имъ раз. дум. дьякъ Вас. Бреховъ на постельномъ крыльцѣ: Г. ц. и В. к. Алексѣй Мих. всеа Русіи велѣлъ вамъ сказать: посыланы вы были съ его государевыми великими и полномочными послами съ бояры съ кн. Н. И. Одоевскимъ, да съ П. В. Шереметевымъ съ товарищи въ Вильну на съѣздъ съ Польскими комисары головами у сотенъ, а съ полкомъ посыланъ былъ кн. Ю. А. Долгорукій съ товарищи; и какъ у великихъ пословъ съ Польскими комисары комисея не сталась, и бояр. кн. Ю. А. Долгорукій пошелъ на гетмановъ на Павла Сапѣгу да на Винцентея Корвина-Гансевскаго и на Польскихъ и на Литовскихъ людей. И присылалъ бояр. и воеводы кн. Ю. Алексѣевичь съ товарищи къ вел. посламъ, чтобъ прислали на помочь ратныхъ людей; и б. кн. Н. И. Одоевскій говорилъ товарищу своему б. П. В. Шереметеву, чтобы пошелъ на гетмановъ на помощь къ бояр. и воеводамъ къ к. Ю. А. Долгорукому съ товарищи, а съ бояр. П. Васильевичемъ посылалъ васъ головъ съ сотнями и вы отказали, что вамъ съ сотнями идти помогать къ б. кн. Ю. А. Долгорукому не вмѣстно: а тутъ таки мѣстъ нѣтъ, всегда большой воевода меньшему помагаетъ и въ томъ всегда мѣстъ не бываетъ, и вашею измѣною гетмана П. Сапѣгу упустили; а хотя бъ и велѣно вамъ быть съ бояр. кн. Ю. Алексѣевичемъ, и съ товарищи его быть мочно. И указалъ государь васъ, за безчестье б. к. Ю. Алексѣевича, послать къ нему на дворъ головою»... ст. 183, 184, 185. Отослали головою къ кн. Юрію и Охотина Плещеева. — 317) Допол. ст. 190. — 318) Допол. ст. 199, 200.

11 декабря царь велѣлъ послать въ Быховъ къ окольн. кн. Ив. Ив. Лобанову-Ростовскому съ товарищами стольн. Мат. Степ. Пушкина съ милостивымъ словомъ, о здоровьи спросить и съ золотыми. Пушкинъ билъ челомъ на Лобанова. Царь велѣлъ посадить его въ тюрму [319]).

1660. 17 апрѣля царь указалъ послать къ своимъ великимъ полномочнымъ посламъ кн. Н. И. Одоевскому, Пет. Вас. Шереметеву, кн. Ѳ. Ѳ. Волконскому, стольн. Ѳ. Ив. Колтовскаго съ наказомъ. Колтовской билъ челомъ на кн. Ѳедора Ѳедоровича и наказа не взялъ. Царь указалъ за безчестье Волконскаго выдать Колтовскаго головою, а за то, что не взялъ наказа, бить батогами [320]).

18 іюля посланъ былъ противъ Поляковъ кн. Ю. А. Долгорукій, въ товарищахъ у него велѣно быть Мих. Пет. Волынскому, Осипу Ив. Сукину да дьякамъ Ив. Амиреву и Ѳед. Протопопову. Волынскій сказался больнымъ; его привезли къ Разряду для осмотру; тутъ д. дьякъ Заборовскій объявилъ ему о его назначеніи. — «Готовъ быть на государевой службѣ, только боленъ; а въ товарищахъ съ бояр. кн. Ю. А. Долгорукимъ быть мнѣ не вмѣстно» — сказалъ Волынскій. Царь указалъ, за безчестье кн. Юрія, посадить его въ тюрму, съ Долгорукимъ же быть на службѣ; но Волынскій за болѣзнію не былъ [321]).

6 августа указалъ царь быть въ Полоцкѣ воеводою Степ. Мих. Вельяминову, товарищемъ ему былъ назначенъ Никит. Анд. Вельяминовъ; послѣдній сталъ говорить, что ему не вмѣстно быть въ товарищахъ у Степана, потому что онъ въ роду у нихъ худъ и что, напротивъ, Степану Вельяминову можно быть у него въ товарищахъ. Царь указалъ Никиту Вельяминова отставить, а быть въ Полоцкѣ одному Степану Вельяминову [322]).

1 сентября писалъ царю изъ Смоленска стольн. кн. Конст. Осип. Щербатовъ, что ему не вмѣстно быть въ товарищахъ у кн. Ю. А. Долгорукаго. 15 сентября послана къ Смоленскъ грамота, въ которой сказано, что кн. Константинъ билъ челомъ не дѣломъ, за безчестье же Долгорукаго посадить его на день въ тюрму [323]).

1661. 5 генваря царь указалъ послать кн. Юр. Ив. Шаховскаго съ своимъ милостивымъ словомъ и о здоровьи спросить къ кн. Ю. А. Дол-

---

319) Допол. ст. 207, 208. — 320) Допол. ст. 223. — 321) Допол. ст. 234. — 322) Допол. ст. 237 — 323) Допол. ст. 242.

горукому съ товарищами и къ ратнымъ людямъ за ихъ службу. Шаховской билъ челомъ на кн. Юрія; царь велѣлъ сказать, что ему можно быть съ сыномъ кн. Юрія; послѣ этого приказано было послать Шаховскаго въ тюрму за безчестье Долгорукаго, а потомъ отправить его съ даннымъ ему порученіемъ [324]).

21 генваря посланъ былъ съ полкомъ въ Одоевъ бояр. кн. Ив. Ив. Лобановъ-Ростовскій, въ товарищи ему даны окольн. Дан. Ив. Траханіотовъ, да дьякъ Артемій Козловъ. На отпускѣ Траханіотовъ билъ челомъ на кн. Лобанова, но получилъ отказъ, на службу же поѣхалъ безпрекословно [325]).

7 марта указалъ царь послать къ окольн. кн. Пет. Алексѣев. Долгорукому стольн. Сем. Сем. Колтовскаго да дворян. Ив. Ѳед. Самарина. Колтовскому велѣно взять часть стрѣльцовъ у Долгорукаго и идти къ Брянску; другую же часть долженъ былъ Самаринъ отвесть въ Полоцкъ и Витебскъ къ воеводамъ Степ. Мих. да Ив. Анд. Вельяминовымъ и къ окольн. Никитѣ Мих. Бобарыкину. Самаринъ билъ челомъ на Колтовскаго. Царь велѣлъ отказать и посадить его въ тюрму [326]).

31 марта стали бить челомъ государю стольн. Осипъ Мих. Квашнинъ и Анд. Никит. Самаринъ съ братьями, что Ив. Самаринъ въ челобитной своей на Колтовскаго сказалъ, что онъ изъ Квашниныхъ-Самариныхъ, тогда какъ онъ и родители его не изъ ихъ Самариныхъ, а людишки худые; по этому государь пожаловалъ бы, велѣлъ сыскать по своему государеву родословцу и имъ бы оборонь учинить. 4 апрѣля царь велѣлъ окольн. Ив. Афан. Гавреневу поставить Самариныхъ съ очей на очи; но Осипъ Квашнинъ и Анд. Самаринъ не пошли на очную ставку, говоря, что имъ съ такими людишками на судъ не хаживать, но чтобы государь велѣлъ взять у нихъ роспись ихъ рода и сдѣлать выписку изъ родословной книги [327]).

6 мая билъ челомъ государю Никита Анд. Вельяминовъ съ братьями, что дядѣ и брату ихъ Ст. Мих. и Ив. Анд. Вельяминовымъ не вмѣстно быть въ товарищахъ съ окольн. кн. Дан. Степ. Великаго-Гагинымъ, посланнымъ воеводою въ Полоцкъ. 11 мая д. дьякъ Заборовскій объявилъ челобитчикамъ на постельномъ крыльцѣ, что они просили, «не познавъ своей мѣры»; по этому государь указалъ Никиту Вельяминова, за безчестье Гагина, посадить въ тюрму, брату же и дядѣ его быть по прежнему [328]).

18 мая царь принималъ въ грановитой палатѣ пословъ Германскаго императора; рындами при этомъ были назначены стольники Никита Ив.

---

324) Допол. ст. 248. — 325) Доп. ст. 251. — 326) Допол. ст. 256. — 327) Допол. ст. 259. — 328) Допол. ст. 264.

Шереметевъ, Никита и Данило Андр. Вельяминовы, да стряпчій Гр. Владиміръ Новосильцевъ. Владиміръ Новосильцевъ билъ челомъ на Вельяминовыхъ, что быть ему съ ними не вмѣстно; онъ повторилъ свою просьбу, когда царь пошелъ въ Грановитую Палату. Царь указалъ бить Влад. Новосильцова батогами за то, что прогнѣвилъ его своими челобитными; сына его Григорія велѣлъ послать на Казенный Дворъ надѣвать бѣлое платье. Послѣдній пришелъ на Казенный Дворъ, но одѣваться не хотѣлъ. Царь указалъ оборвать на немъ его платье и силою одѣть его. Гр. Новосильцевъ послѣ этого былъ въ рындахъ [329]).

19 іюня писалъ царю изъ Смоленска кн. Пет. Алек. Долгорукій, что въ силу царской грамоты нужно въ Смоленскѣ строить укрѣпленія тѣми людьми, которые прежде это дѣлали; прежде же строили ихъ жители Витебска и другихъ городовъ. По этому онъ писалъ Бабарыкину о высылкѣ въ Смоленскъ нужнаго числа рабочихъ. Но Бабарыкинъ не исполнилъ этого, написавъ, что онъ «то дѣло затѣялъ самъ собою и зналъ бы свою мѣру», и тѣмъ его обезчестилъ; поэтому, чтобы государь его пожаловалъ, велѣлъ ему о безчестьи свой милостивый указъ учинить. 27 іюня послана была въ Витебскъ городовому воеводѣ Басманову грамота съ приказаніемъ посадить Бабарыкина въ тюрму и ту же минуту выпустить [330]).

4 іюля указалъ царь послать въ Архангельскъ принять Англичанъ, пріѣхавшихъ къ нему на службу, стольн. Ѳед. Мих. Лодыженскаго, дворянина Вас. Богданова Лихачова и стольн. Вас. Григ. Нечаева. Лихачовъ билъ челомъ на Лодыженскаго, который просилъ объ обороні. 29 іюля д. дьякъ Заборовскій объявилъ Лихачову на красномъ крыльцѣ, что «онъ передъ Лодыженскимъ человѣкъ обычный и съ нимъ ему быть можно»; за безчестье же Лодыженскаго Лихачова посадили въ тюрму [331]).

18 сентября царь, намѣреваясь идти къ Троицѣ, приказалъ остаться на Москвѣ бояр. кн. Б. А. Рѣпнину, окольн. Ѳед. Вас. Бутурлину и Ив. Аѳан. Гавреневу. У сказки Бутурлинъ билъ челомъ на кн. Рѣпнина, который просилъ о безчестьи; царь указалъ посадить Бутурлина въ тюрму [332]).

11 декабря указалъ царь д. дьяку Заборовскому сказать стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ Московскимъ и жильцамъ, что изволитъ онъ, в. государь, идти на недруга своего Польскаго короля Яна Казимира за его многія неправды. А кому быть съ нимъ, вел. государемъ въ

---

329) Допол. ст. 267. — 330) Допол. 273, 274. — 331) Допол. ст. 277. — 332) Допол. ст. 291.

его государевомъ полку дворовыми воеводами и въ иныхъ чинахъ, всѣмъ быть по росписи. Въ тотъ же день царь, для осмотру Одоевскихъ, Лихвинскихъ и Бѣлевскихъ засѣкъ, велѣлъ послать стольниковъ кн. В. И. Хилкова и кн. А. Ю. Звѣнигородскаго; съ ними должны быть воеводы, находящіеся у засѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ Алекс. Дан. Леонтьевъ; онъ просилъ на кн. Звѣнигородскаго, но указу не было [333]).

16 декабря посланы кн. Сем. Анд. Хованскій и Емельянъ Ив. Бутурлинъ осматривать Рязанскую, Веневскую и Каширскую засѣки; у Ряз. засѣки воеводою былъ Вас. Яков. Колтовской. — Колтовской билъ челомъ на Бутурлина и изъ-за него не далъ сказки кн. Семену Хованскому. Когда же Бутурлинъ сталъ просить объ оборони въ безчестьи, то Колтовской прислалъ челобитную о счетѣ. Послѣ неоднократныхъ докукъ со стороны Бутурлина, царь указалъ взять у него случаи на Колтовскаго. «Не чего класть случаевъ на такихъ худыхъ людей, дѣтей боярскихъ» — отвѣчалъ Бутурлинъ; но ему замѣтили, что безъ случаевъ и суда не будетъ на Колтовскаго [334]). Споръ этотъ возникъ въ слѣд. году.

1662. 28 февраля Емельянъ Бутурлинъ съ братьями еще подалъ челобитную на В. Я. Колтовскаго о безчестьи и оборони, говоря, что Колтовской просилъ на него не по своей мѣрѣ; послѣдній снова сталъ просить о счетѣ. Челобитныя обоихъ приняты; 16 марта Бутурлина спросили зачѣмъ онъ случаевъ не представляетъ? «Не принашивать мнѣ случаевъ на такихъ обычныхъ людишекъ, дѣтей боярскихъ», — отвѣчалъ Бутурлинъ. Суда не было и на этотъ разъ. Но, какъ видно, онъ наконецъ уступилъ и принесъ случаи, потому что 20 марта стольн. Ив. Вас. Бутурлинъ просилъ о безчестьи и оборони на Ем. Бутурлина-Сопленка, говоря, что послѣдній въ дѣлѣ съ Колтовскимъ пользуется случаями, которые были съ поколѣніемъ отца его боярина и дворецкаго Вас. Вас. Бутурлина; — «и тѣмъ онъ Амельянъ отца моего и меня обезчестилъ — говорилъ Ив. Бутурлинъ, — потому что онъ Амельянъ и Клепичата Бутурлины Новгородцы, а передъ ними по случаямъ обышные люди, чтобы государь пожаловалъ, велѣлъ ему на нихъ Новгородцевъ Бутурлиныхъ въ его безчестьѣ оборонь дать, что они причитались къ его Иванову поколѣнью, а они передъ ними по случаямъ худы» [335]).

---

333) Допол. ст. 299, 300. — 334) Допол. ст. 300, 315, 316. — 335) Допол. ст. 323, 324.

23 марта, какъ царь ходилъ за вербою, на церемонію смотрѣли послы Цесарскіе и Шведскіе; первые стояли позади лобнаго мѣста у пушекъ; приставами у нихъ были дворян. Як. Ив. Загряжскій, да дьякъ Гр. Богдановъ. Шведскіе послы стояли по другую сторону, противъ рядовъ на взрубѣ; приставами у нихъ были стольн. кн. Анд. Мих. Волконскій, да дьякъ Ив. Богдановъ. По приходѣ на лобное мѣсто царь послалъ спросить пословъ о здоровьи; къ Цесарскимъ посламъ ходилъ дум. дьякъ Ларіонъ Лопухинъ, къ Шведскимъ дьякъ тайныхъ дѣлъ Дементій Башмаковъ; ему же велѣно съѣздить на дворъ Шведскаго посольства и освѣдомиться о здоровьѣ главнаго посла Бента Горна, который былъ болѣнъ. На другой день, 24 марта, князь Волконскій подалъ царю челобитную, въ которой прописалъ: «какъ послы смотрѣли вербы и у Цесарскихъ пословъ приставъ былъ Як. Загряжской, и у Свѣйскихъ пословъ былъ онъ, кн. Андрей, и въ тѣ поры отъ него государя приходилъ пословъ Цесарскихъ о здоровьѣ спрашивать дум. дьякъ Лар. Лопухинъ, а Свѣйскихъ пословъ о здоровьѣ спрашивалъ дьякъ Демен. Башмаковъ, и потому какъ бы онъ меньше Якова, и чтобъ государь пожаловалъ, не велѣлъ то въ мѣсто поставить; а въ тѣ поры не билъ челомъ, его, государя, не посмѣлъ прогнѣвить». Дано въ отвѣтъ «тутъ мѣстъ нѣтъ и ему до Якова дѣла нѣтъ» [336]).

15 апрѣля были у царя на отпускѣ Цесарскіе послы; рындами указано быть кн. Мих. Сем. Прозоровкому, Дан. и Льву Анд. Вельяминовымъ, Ив. Бог. Приклонскому. — Приклонскій у сказки билъ челомъ на Вельяминовыхъ только потому, что на нихъ просилъ Влад. Новосильцовъ. — Когда же царь пошелъ изъ Золотой палаты, то Вельяминовы стали просить объ оборони; Приклонскаго били батогами за ихъ безчестье [337]).

18 октября царь принималъ Шведскихъ пословъ; рындами были назначены кн. Пет. Ив. Прозоровскій, Александръ да Пет. Тимоѳ. Измайловы, стряпчій Евдокимъ Савинъ Языковъ. Послѣдній билъ челомъ на Измайловыхъ, но получилъ въ отвѣтъ, чтобы былъ въ рындахъ, а челомъ можетъ бить послѣ. По окончаніи пріема къ Евдокиму Языкову присоединился Ив. Макс. Языковъ, и они вмѣстѣ ударили теперь челомъ на Измайловыхъ. Царь велѣлъ спросить ихъ — по какимъ случаямъ они просятъ на Измайловыхъ, — «*а будетъ случаевъ не скажутъ и имъ быть въ тюрмѣ*» — прибавилъ онъ. Языковы сказали, что у нихъ есть случаи на Измайловыхъ, только они у дѣда ихъ Ивана Семенова, поэтому, чтобы государь пожаловалъ ихъ, далъ имъ срокъ сходить за тѣми случаями. Измайловы многократно просили объ оборони. 29 ноября царь указалъ и бояре приговорили обвинить стряпчаго Евдокима Языкова, потому что

336) Допол. ст. 324, 325. — 337) Допол. ст. 331.

9*

онъ билъ челомъ не дѣломъ; за безчестье же Измайловыхъ бить его батогами [338]).

20 декабря по царскому указу и боярскому приговору объявлено было стряпчему Ив. Никиф. Свіязеву, что ему всегда можно быть съ Нарбековыми и что за безчестье стольника Ѳед. Сав. Нарбекова его присудили посадить въ тюрму. Свіязевъ въ 1660 г. 15 августа былъ назначенъ идти впередъ пословъ окольн. Ѳед. Яков. Милославскаго и стольн. Ѳ. С. Нарбекова, отправленныхъ въ Персію. Тогда онъ билъ челомъ на Нарбекова, который просилъ объ оборони. Царь велѣлъ взять у обоихъ случаи; но случаевъ Свіязева не отыскано въ Разрядѣ, вслѣдствіе чего онъ и былъ обвиненъ [339]).

1663. 27 марта царь указалъ послать въ Воскресенскій монастырь дум. дворянина Ив. Ив. Баклановскаго да разряд. дьяка Вас. Брехова для сыску по челобитью Ив. Сытина на бывшаго патріарха Никона. Бреховъ билъ челомъ на Баклановскаго, потому что отцы ихъ служили по Кашину и были въ одной статьѣ. Баклановскій просилъ объ оборони, говоря, что прежде сего дьяки на думныхъ людей не бивали челомъ. 30 марта Бреховъ за безчестье Баклановскаго былъ отосланъ въ тюрму [340]).

19 апрѣля въ Свѣтлое воскресенье былъ у царя столъ; у стола были Касимовскій и Сибирскіе царевичи, митрополиты Казанскій, Крутицкій, да Греческіе митрополиты и архіепископы, кромѣ того — бояре кн. Ѳ. Ѳ. Куракинъ, Яковъ Куденетовичь-Черкаскій, Ив. Ив. Лобановъ-Ростовскій, окольничіе князь Дмит. Алексѣевичь Долгорукій, Осипъ Ив. Сукинъ, и дум. дьякъ С. Заборовскій. — Заборовскій у сказки билъ челомъ, что съ Сукинымъ ему не вмѣстно быть, къ столу не пошелъ и уѣхалъ къ себѣ на дворъ. Вмѣсто его назначенъ былъ д. дьякъ Алмазъ Ивановъ. 20 апрѣля Заборовскій сталъ просить о счетѣ и говорилъ, что дѣдъ Сукина Борисъ при царѣ Ив. Васильевичѣ былъ дьякомъ; «да и въ иныхъ худыхъ чинахъ бывали родители его», — прибавилъ онъ въ заключеніе. Сукинъ въ свою защиту говорилъ, что Заборовскій предъ нимъ молодой человѣкъ, что прежде сего на окольничихъ думные дьяки не бивали челомъ, что дѣдъ его никогда не былъ дьякомъ, а прадѣдъ его при царѣ Ив. Васильевичѣ былъ бояриномъ». Царь положилъ свою опалу на Заборовскаго за то, что прогнѣвилъ его, уѣхалъ отъ стола; не велѣлъ ему съѣзжать со двора до указу» [341]).

---

338) Допол ст. 358, 359. — 339) Допол. ст. 362. — 340) Допол. ст. 371. — 341) Допол. ст. 373, 374.

9 іюня, въ день имянинъ царевича Θедора Алексѣевича, былъ у царя столъ для Касимовскаго и Сибирскихъ царевичей, также для высшихъ духовныхъ; изъ бояръ у стола были кн. Я. Куд.-Черкаскій, Сем. Лукьян. Стрѣшневъ, окольн. Родіонъ Матв. Стрѣшневъ, д. дьякъ С. Заборовскій. Въ столы назначены смотрѣть: въ большой кн. Юр. Пет. Трубецкой, въ кривой Никита Ив. Шереметевъ; объявлялъ имъ объ этомъ окольн. Θед. Мих. Ртищевъ. У сказки Никита Шереметевъ сказалъ, «что онъ волѣ государской непротивенъ, съ кн. Ю. Трубецкимъ быть готовъ и на него не бьетъ челомъ; только кн. Юрій Труб. иноземецъ, а въ его Никитину версту и хуже его отечествомъ по се время съ нимъ кн. Юріемъ никто не бывалъ, и будетъ кто, не зная мѣры своей впредь на него кн. Юрія станетъ бить челомъ, и чтоб отъ тѣхъ его братей ему Никитѣ и отечеству его порухи въ томъ не было и чтобъ про то доложили государю». — Ртищевъ донесъ объ этомъ царю, который приказалъ въ столы смотрѣть по прежнему. Послѣ стола бояр. Пет. Вас. Шереметевъ сталъ говорить, что братъ его волѣ государевой не противился, въ кривой столъ смотрѣлъ, и что впредь «по отечеству родителей его Трубецкихъ быть съ нимъ готовы, только князь Юрій иноземецъ» [342]). 11 іюня кн. Юрій просилъ обороны на Шереметевыхъ. 26 іюня по царскому указу бояр. П. В. Шереметеву дьякъ Заборовскій объявилъ сказку, въ которой значится: «Трубецкіе не иноземцы: старой родъ честной, не токмо съ родители его при прежнихъ вел. государяхъ Россійскихъ многіе роды честные бывали, и съ дѣдомъ его меншимъ, съ бояр. съ князь А. Н. Трубецкимъ, по милости блаженные памяти отца его государева, вел. государя царя и вел. кн. Мих. Θед. всеа Русіи и при немъ великомъ государѣ честные жъ роды бывали; а дѣдъ князь Юрьевъ Трубецкой, большой братъ бояр. кн. Алекс. Никитича и болши его тремя мѣсты»... Далѣе сказано, что за «непристойное челобитье» и за то, что Шереметевъ билъ челомъ не дѣломъ, указано съ бояр. П. Васильевича и съ брата его Никиты доправить въ пользу Трубецкаго денежное безчестье, сравнительно съ половиною оклада дѣда его кн. Алексѣя Никитича [343]).

11 іюня царь указалъ назначить окольн. кн. Ив. Петр. Борятинскаго по Новгородскому разряду въ товарищи къ окольнич. кн. Дм. Алек. Долгорукому. Князь Борятинскій билъ челомъ на кн. Дмитрія, который вмѣстѣ съ братомъ своимъ Юріемъ сталъ просить объ обороны. Дьякъ Заборовскій по царскому указу объявилъ князю Борятинскому на постель-

---

342) Далѣе слѣдуетъ то же, что сказалъ Никита Шереметевъ. — 343) Допол. ст. 378, 379, 383.

номъ крыльцѣ, что онъ выдается головою Долгорукимъ за ихъ безчестье [344]).

1667. 20 сентября царь принималъ Англійскаго посла; рындами при этомъ были назначены стольники князья Яковъ Вас. и Анд. Анд. Хилковы, Бор. и Пет. Лукины Львовы. Львовы били челомъ на Хилковыхъ, что быть съ ними не вмѣстно. Царь отказалъ съ угрозою, что если не будутъ въ рындахъ, то подвергнутся наказанію [345]).

Во время пребыванія въ Москвѣ Польскихъ пословъ, 26 октября билъ челомъ государю стольникъ Матв. Степ. Пушкинъ, говоря, что ему велѣно ѣхать за послами и проводить ихъ къ отвѣту; въ отвѣтѣ съ послами указано быть бояр. Аѳан. Лаврен. Ордину-Нащокину, меньше котораго быть ему не вмѣстно. Нащокинъ, въ свою защиту, сказалъ, что Пушкинъ бьетъ на нето не дѣломъ. Царь сказалъ Пушкину, что онъ «всчинаетъ тутъ мѣста не дѣломъ, а прежь сего мѣстъ тутъ не бывало, и нынѣ нѣтъ». Но Пушкинъ сталъ говорить: «прежъ сего съ послами бывали въ отвѣтѣ честные люди, а не въ его Аѳанасьеву версту и потому въ то время и челобитья не бывало; а нынѣ ему Матвѣю съ Афанасьемъ никоими мѣрами по пословъ ѣхать невозможно, а отечество его съ Аѳанасьемъ извѣстно ему вел. государю, и чтобы в. государь пожаловалъ велѣлъ ему въ томъ свой милостивый указъ учинить». Царь велѣлъ ему ѣхать за послами, еще разъ подтвердивъ, что «тутъ мѣстъ не бывало и нынѣ нѣтъ и впредь не будетъ». Пушкинъ поѣхалъ за послами, но не захотѣлъ проводить ихъ къ отвѣту. 30 октября Афанасій Лаврентьевичь повторилъ свое челобитье объ оборони на Матвѣя Пушкина. 2 ноября царь велѣлъ сказать Пушкину свой указъ на постельномъ крыльцѣ; въ указѣ значится, что онъ своимъ упорствомъ *государеву дѣлу учинилъ многое мотчанье*; вслѣдствіе чего присудили посадить его въ тюрму, прибавивъ еще угрозу, что въ случаѣ неповиновенія быть ему въ *великомъ разореніи*. Но царь велѣлъ тотчасъ освободить его, подтвердивъ, чтобы онъ былъ въ приставахъ у пословъ». — Пушкинъ же стоялъ на своемъ; «отнюдь не бывать мнѣ съ Аѳанасіемъ, — говорилъ онъ — хотя вели государь смертію казнить, не только разорить или вотчины и помѣстья на себя государя отписать, а А. Нащокинъ передо мною молодой человѣкъ и не родословный»... Его болѣе не неволили и онъ не былъ у пословъ съ приставомъ до отпуску [346]).

---

344) Допол. ст. 380, 381. — 345) Раз. т. III. сол. 664. — 346) Ibid. ст. 680, 683, 684, 685.

12 ноября Польскіе послы были у царскаго стола; при этомъ въ большой столъ указано смотрѣть стольн. Ник. Ив. Шереметеву и кн. Дм. Ив. Жирового-Засѣкину; въ кривой кн. Анд. Мих. Солнцеву-Засѣкину, да Ив. Мак. Языкову. Князь Жирового-Засѣкинъ билъ челомъ на кн. Солнцева; царь сказалъ: «чтобы нынѣ былъ, а послѣ велю судъ дать». Но кн. Дмитрій продолжалъ просить, а потомъ не пошелъ смотрѣть въ столы. Царь велѣлъ дьяку Башмакову бить его батогами въ подклѣтѣ *за не послушаніе*. По исполненіи приговора кн. Жирового-Засѣкинъ былъ по росписи. 15 ноября кн. Ан. Солнцевъ билъ челомъ объ обороні; царь принялъ челобитную и указалъ дьяку Башмакову сдѣлать выписку изъ разряда и внести въ докладъ. Послѣ этого князья Дмитрій и Михаилъ Жирового-Засѣкины подали въ разрядѣ сказку, въ которой прописали, что «имъ съ кн. Андреемъ Солнцевымъ можно быть и на него они не челобитчики» [347]).

1668. 17 мая царь послалъ противъ измѣнниковъ въ Малороссію бояр. кн. Гр. Сем. Куракина, стольн. кн. Пет. Ив. Хованскаго, да дьяковъ Ив. Михайлова и Филип. Артемьева. Бояр. кн. Ив. Анд. Хованскій объявилъ дьяку Башмакову, что сынъ его кн. Петръ болѣнъ. Царь велѣлъ освидѣтельствовать больнаго, подтвердивъ при этомъ, чтобы онъ на службѣ былъ по росписи. Узнавъ о вторичномъ приказаніи, князь Петръ снова сталъ извиняться болѣзнію: при этомъ онъ сказалъ, что съ Куракинымъ ему не вмѣстно быть; когда же онъ оправится, то «готовъ быть въ *рядовыхъ*, а списковъ ему не имывать». Царь велѣлъ привезти его къ Разряду и осмотрѣть. Когда привезли его на телѣгѣ, то Башмаковъ нашелъ, что онъ дѣйствительно болѣнъ, о чемъ немедленно донесъ царю. — Послѣ этого были позваны къ царской рукѣ князь Куракинъ и дьяки. Думный дьякъ, объявивъ князя Григорія Семеновича, назвалъ потомъ кн. Петра Хованскаго; тутъ отецъ его подалъ царю челобитную на кн. Куракина и словесно билъ челомъ, что они съ Куракиными въ *точныхъ товарищахъ никогда не бывали*. Царь говорилъ кн. Ивану, что сынъ его не дѣломъ бьетъ челомъ, что съ Куракинымъ можно быть даже самому ему; при этомъ онъ напомнилъ, что въ 1659 г. кн. Иванъ дѣйствительно былъ съ кн. Григоріемъ Семеновичемъ, и не взялъ челобитной у него. Когда же Куракинъ сталъ просить объ обороні на Хованскихъ, то князь Иванъ возражалъ, что Куракины бывали съ Хабаровыми и Воронцовыми и

---

347) Ibid. ст. 692, 693, 695.

снова просилъ царя, чтобы принялъ его челобитную. — Царь указалъ теперь выслать Хованскаго изъ передней, а за безчестье кн. Куракина посадить его въ тюрму. Въ сказкѣ, объявленной кн. Ивану, значилось, чтобы кн. Петръ ѣхалъ на службу, «какъ обможется». Послѣдній и послѣ этого оставался у себя дома; царь прислалъ къ нему дьяка Башмакова спросить, почему онъ не отправляется на службу? «Я болѣнъ, да и за мѣстами не ѣду, потому что съ Куракинымъ быть мнѣ не вмѣстно» — отвѣчалъ Хованскій. Узнавъ объ этомъ, царь велѣлъ отправить его насильно на ямской подводѣ; провожалъ его подъячій Лобковъ. 13 іюня воспослѣдовалъ указъ о выдачѣ кн. Петра головою; однако Куракину въ грамотахъ указано писаться *съ товарищи,* не обозначая Хованскаго поимянно; послѣдній болѣе не противился [348]).

6 іюля писалъ царю изъ Сѣвска бояр. Куракинъ, что кн. Бор. Еф. Мышецкій не хочетъ быть по росписи меньше стольника Мих. Мих. Дмитріева, назначеннаго вмѣстѣ съ нимъ въ товарищи къ нему и кн. Хованскому. Мышецкій отъ 9 іюня прислалъ царю челобитную на Дмитріева. Отвѣтомъ было то, что Мышецкаго указано посадить въ тюрму на день за нарушеніе приговора, которымъ запрещено воеводамъ въ полкахъ *всчинать мѣста.* 10 іюля Илья Мих. Дмитріевъ именемъ отца своего подалъ челобитную о безчестьи и оборони, но получилъ въ отвѣтъ: «тутъ мѣстъ нѣтъ и быть имъ безъ мѣстъ» [349]).

20 іюля царь указалъ быть въ Сѣвскѣ въ полковыхъ товарищахъ съ кн. Куракинымъ стольн. кн. Алексѣю Ив. Лобанову-Ростовскому. Прибывъ на мѣсто, Лобановъ объявилъ, что ему за кн. Петромъ Хованскимъ нельзя быть; вмѣстѣ съ этимъ онъ послалъ челобитную царю; князь Петръ просилъ объ оборони. Споръ былъ неудаченъ, ибо Куракину велѣно было объявить Лобанову, что онъ билъ челомъ не дѣломъ, *и всчинаетъ мѣста тамъ, гдѣ мѣстъ не указано,* а потомъ послать его въ тюрму [350]).

1672. Назначены были въ Смоленскъ стольники кн. Мих. Анд. Голицынъ, Мат. Степ. Пушкинъ, Вас. Яков. Дашковъ; Дашковъ билъ челомъ на Пушкина. 19 іюля царь съ боярами, выслушавъ челобитье Дашкова, указалъ дум. дьяку Титову объявить, «что онъ билъ челомъ на Пушкина не дѣломъ, и ѣздя по многимъ домамъ, показывалъ случаи на Пушкиныхъ по росписямъ, а въ разрядѣ тѣхъ случаевъ сыскать негдѣ». Бояре при-

---

348) Ibid. ст. 747, 749, 750, 751, 758, 790, 791. — 349) Ibid ст. 802, 804, 805, 806. — 350) Ibid. 812, 814.

говорили бить Дашкова батогами; но царь смягчилъ приговоръ, батогами бить не велѣлъ, а послать только въ тюрму [351]).

1673. Въ августѣ послана была царская грамота въ Астрахань къ воеводѣ кн. Я. Ник. Одоевскому съ тѣмъ, чтобы онъ отправилъ на Терекъ воеводами стольниковъ кн. Ив. Мих. Каркадинова, да Григ. Клементьева Хрущова. Въ концѣ сентября били челомъ стольники Тимоѳей Устиновъ и Ѳед. Григ. Хрущовы, что брату ихъ съ Каркадиновымъ не вмѣстно быть. 3 октября былъ объявленъ Хрущовымъ приговоръ, въ которомъ сказано, что они били челомъ не дѣломъ, «не познавъ мѣры своей, что Каркадиновы люди честные, родословные, Смоленскіе князья, а Хрущовы люди не родословные, а неродословнымъ съ родословными счету и мѣстъ не бывало и впредь не будетъ». Кромѣ того царь указалъ посадить челобитчиковъ въ тюрму за безчестье Каркадинова, а брату ихъ быть на службѣ по прежнему указу [352]).

1674. 23 марта назначено сидѣть въ приказахъ: въ Судн. Владимірскомъ бояр. кн. Алексѣю Анд. Голицыну, стольн. Пет. Мих. Пушкину; въ Судн. Московскомъ стольникамъ Ив. Вас. Бутурлину, Сем. Ѳед. Толочанову. Пушкинъ у сказки билъ челомъ на Бутурлина. 27 марта объявлено было, что онъ билъ челомъ «не познавъ своей мѣры»; вслѣдствіе чего указано было выдать его головою [353]).

18 сентября царь принималъ Польскаго посланника; рындами при этомъ въ ферезеяхъ и съ топорами назначены были князья Вас. и Алекс. Петровы Прозоровскіе, Илья и Афан. Михайловы Дмитріевы. Послѣдніе били челомъ на Прозоровскихъ. Царь указалъ д. дьяку Дохтурову объявить имъ: «*за свою вел. государя вину, что они учинились его вел. государя указу непослушны и съ Прозоровскими въ рындахъ быть не хотѣли, бить батогами на казенномъ дворѣ, а за безчестье князей Василія и Алексѣя послать въ тюрму*» [354]).

---

351) Ibid. ст. 896. — 352) Ibid. ст. 904, 905. — 353) Ibid. ст. 934, 936, 937. — 354) Ibid. ст. 1030.

1673. 23 іюля указано было идти за крестами въ Срѣтенскій монастырь окольн. кн. Ив. Пет. Борятинскому, дум. дворянину Ив. Ив. Баклановскому, да дум. дьяку Казанскаго Дворца Григ. Караулову. — Карауловъ билъ челомъ на Баклановскаго въ отечествѣ, который, въ свою очередь, просилъ объ оборони; но царскаго указу по этимъ челобитьямъ не было [355]).

---

355) Ibid. ст. 1565.

II.

О ДѢТСТВѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

И. Забѣлина.

О ДѢТСТВѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Петръ родился тридцатаго мая 1672 года, въ четвертокъ, на памятъ Исаакія Далматскаго, *въ отдачу часовъ ночныхъ*, т. е. на исходъ ночи или, по другому извѣстію, за полтретья часа до дня, что̀ по теперешнему счету будетъ означать часъ по полуночи [1]).

Соблюдая тогдашніе обычаи и порядки быта, царь Алексѣй Михайловичъ въ тотъ же часъ указалъ послать *съ вѣстью* къ боярамъ, окольничимъ и ближнимъ людямъ, а также и къ гостямъ. О посылкѣ къ митрополиту (тогда было междупатріаршество) и духовнымъ властямъ современныя записки не говорятъ ни слова; но извѣстно, что повѣстка посылалась не только къ нимъ, но даже и во всѣ важнѣйшіе московскіе монастыри, и особенно къ Троицѣ въ Сергіевъ. Отъ царицы также посылались съ вѣстью, или, какъ тогда говорили, *со здоровьемъ*, къ женамъ бояръ, окольничихъ и ближнихъ людей, вообще къ *боярынямъ пріѣзжимъ*, такъ назы-

1) Часы дѣлились въ то время на денные и ночные; денные считались съ солнечнаго восхода, а ночные съ заката. Съ 25 мая по тогдашнему счету било 17 часовъ денныхъ и 7 ночныхъ. 30 мая солнце восходитъ въ 3 ч. 18 м., заходитъ въ 8 ч. 40 м. — слѣдовательно тогдашній первый часъ ночи соотвѣтствовалъ половинѣ десятаго по полудни, а первый часъ дня — половинѣ четвертаго по полуночи. Если принимать, что начало дня считали въ то время съ трехъ съ половиною часовъ, то выраженіе за полтретья часа до дня будетъ означать часъ по полуночи.

вавшимся въ отличіе отъ *дворовыхъ боярынь*, которыя жили во дворцѣ.

Во второмъ часу дня или въ пять утра заблаговѣстили въ большой успенскій колоколъ къ молебну. Въ это время все уже было готово къ царскому торжественному выходу. Въ сопровожденіи грузинскаго, касимовскаго и сибирскихъ царевичей, бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ, полковниковъ солдатскихъ выборныхъ и стрѣлецкихъ полковъ, государь шествовалъ въ Успенскій соборъ, гдѣ и совершено было молебствіе. Послѣ молебна митрополитъ Питиримъ со властьми, 3 митрополитами, 3 архіепископами и 1 епископомъ и со всѣмъ соборомъ поздравилъ государя съ новорожденнымъ. Затѣмъ поздравляли царевичи, боярство и всякихъ чиновъ люди, бывшіе на выходѣ, при чемъ грузинскій царевичъ Николай Давыдовичъ, стоявшій въ главѣ синклита, произнесъ обычную поздравительную рѣчь. Изъ Успенскаго собора государь шествовалъ въ соборъ Архангельскій, потомъ въ монастыри Чудовъ и Вознесенскій и на возвратномъ пути, въ соборъ Благовѣщенскій, гдѣ и совершалъ обычное богомолье [2]).

Возвратившись во дворецъ, государь, въ Столовой палатѣ, пожаловалъ изъ думныхъ дворянъ въ окольничіе отца царицы, Ки-

---

2) Нельзя не остановиться на томъ обстоятельствѣ, что весь этомъ торжественный выходъ былъ наряженъ въ такое короткое время. Въ теченіе четырехъ часовъ съ минуты родинъ всѣ были увѣдомлены, и всѣ парадно собрались къ торжеству. Это, кромѣ многихъ другихъ данныхъ, можетъ служить весьма убѣдительнымъ доказательствомъ, что Петръ родился въ Кремлѣ, а не въ Измайловѣ и не въ Коломенскомъ, какъ утверждаютъ даже до сихъ поръ нѣкоторые изыскатели. Миллеръ еще въ 1787 году почиталъ эти мнѣнія неосновательными, по самымъ простымъ и здравымъ соображеніямъ. «Весьма неимовѣрно, говоритъ онъ, чтобъ государыня царица, на послѣднихъ дняхъ своей беременности, изволила ѣздить въ Каломенское, или въ Измайлово и ожидать тамъ своего отъ бремени разрѣшенія; чего безъ многихъ затрудненій учиниться не могло. Разрядная записка того жь числа свидѣтельствуетъ, что государь царь Алексѣй Михайловичъ во второмъ часу дня присутствовалъ при благодарственномъ молебствіи въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, для сего благополучнаго рожденія отправленномъ. Могло ли сіе сдѣлаться, если изъ Коломенскаго или Измайлова о томъ въ городѣ повѣстить, духовенство собрать, и государю самому оттуда къ молебствію пріѣхать надлежало»? Собр. разр. записокъ о жизни Петра Великаго, *Туманскаго*. V. стр. 118.

рилла Полуехтовича Нарышкина, и своего *друга Сергѣевича* — Артамона Матвѣева. Въ тотъ же день пожалованы были въ думные дворяне дядя царицы Ѳедоръ Полуехтовичъ Нарышкинъ, Авраамъ Никитичъ Лопухинъ и московскій ловчій Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ. Отслушавъ потомъ обѣдню, государь, по случаю общей радости, справилъ въ Передней и обычное родинное угощеніе водкой, винами и разными сластями. Принесено было питье, яблоки, дули, груши и другіе овощи въ патокѣ, въ ковшахъ. Изъ собственныхъ рукъ государь подавалъ водку и фряжскія вина боярамъ, окольничимъ, думнымъ людамъ, дьякамъ и полковникамъ стрѣлецкимъ; головамъ и полуполковникамъ стрѣлецкимъ и салдатскимъ подносилъ водку передъ Переднею въ сѣняхъ бояринъ и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово. Все справлено было по обычаю, и не подавали только *коврижекъ* и *взвару*, необходимыхъ принадлежностей этого угощенія, которыхъ подача, какъ увидимъ, была отложена до другаго времени.

По порядку вскорѣ слѣдовало дать во дворцѣ родинный столъ, но чрезъ три дня по рожденіи младенца наступилъ Петровъ постъ; въ воскресенье праздновали день Всѣхъ Святыхъ и было заговѣнье. — Приготовиться такъ скоро, въ два дня, къ большому торжественному столу было невозможно и для дворцоваго хозяйства и для гостей, потому что къ родинному столу гости по коренному обычаю должны были явиться съ дарами для новорожденнаго. Нельзя однакожь было отлагать на долгое время веселое пиршество. 2 іюня въ воскресенье, въ самое заговѣнье, государь далъ приватный столъ одному боярству съ дьяками, *безъ зову и безъ мѣстъ*. Столъ накрытъ былъ въ Золотой Царицыной Палатѣ. Въ числѣ яствъ важнѣйшее мѣсто занимали здѣсь *коврижки и взваръ:* «Великій Государь жаловалъ всѣхъ водкою, а заѣдали коврижками, яблоками, дулями, инбиремъ, смоквою, сукатомъ въ патокѣ и иными овощами; а какъ начали ѣсть, напередъ носили *взваръ* въ ковшахъ». Въ то же время передъ палатою, въ проходныхъ сѣняхъ, кормлены Благовѣщенскаго собора священники, которые служатъ у *крестовъ*, т. е. въ царскихъ моленныхъ комнатахъ. Этимъ небольшимъ столомъ и заключились предварительныя торжества.

Наконецъ насталъ Петровъ день, въ который праздновались именины новорожденнаго и назначены были крестины. Крестины были совершены въ Чудовомъ монастырѣ, у Алексѣя Чудотвор-

ца въ трапезѣ, предъ обѣднею, въ 3 часу дня. Крестилъ духовникъ царя, Благовѣщенскій протопопъ Андрей Савиновичъ. Воспріемниками были старшій братъ Петра царевичъ Ѳедоръ Алексѣевичъ и тетка царевна Ирина Михайловна. Когда несли новорожденнаго въ церковь, то по пути кропилъ св. водою дворцовый рождественскій священникъ Никита, весьма уважаемый въ то время за святость жизни. За крещенье государеву духовнику дано отъ государя: кубокъ съ кровлею, вѣсомъ фунтъ 60 зол.; сорокъ соболей въ 80 руб., атласу таусиннаго 10 арш. Отъ царицы: кубокъ съ кровлею, вѣсомъ фунтъ 9 зол.; сорокъ соболей во 100 руб.; камки куфтерю темно-лазоревой 10 арш. Отъ царевича: сорокъ соболей во 100 руб., объяри гвоздичной 5 арш., 50 золотыхъ. Чудовскому архимандриту Іоакиму: кубокъ вѣсомъ фунтъ 14 зол., сорокъ соболей во 100 руб., байберекъ таусинной. Рожественному священнику Никитѣ 50 руб.; дьяконамъ: чудовскому Пахомію 20 рублей да объяри таусинной 5 арш., екатерининскому Ивану сукна кармазину, тафты зеленой по 5 арш.

На другой день, 30 іюня, также въ воскресенье, послѣ обѣдни, во дворцѣ собрались духовенство «съ образы и съ дары», боярство, гости, выборные гостиной, суконной и черныхъ сотенъ и конюшенныхъ слободъ и изъ городовъ отъ посадскихъ, также съ родинными дарами. Родинный столъ былъ данъ въ Грановитой Палатѣ въ этотъ же день. Отъ другихъ столовъ родинные столы отличались неимовѣрнымъ количествомъ подаваемыхъ гостямъ всякаго рода *сахаровъ*, пряниковъ, и овощей, вареныхъ и сушеныхъ. Столъ новорожденнаго Петра въ буквальномъ смыслѣ загроможденъ былъ этими разнообразными издѣліями старинныхъ приспѣшниковъ. Между ними самое видное мѣсто занимали и служили украшеніемъ царскаго пира огромныя коврижки и литые сахарные фигуры птицъ, зданій и т. п. Большая коврижка изображала гербъ Московскаго государства. Два сахарныхъ орла вѣсили каждый по полтора пуда, лебедь два пуда, утя полпуда, попугай полпуда и т. д. Былъ сдѣланъ также и *городъ сахарный Кремль съ людьми, съ конными и съ пѣшими* и другой *городъ* четвероугольный съ пушками (крѣпость). Въ то же время и царица давала родинный столъ боярынямъ въ своей Золотой Палатѣ. Изъ сахаровъ и овощей, поданныхъ ей за столъ, коврижка большая изображала гербъ государства Казанскаго; орлы, лебедь, утя и другія птицы были такого же вѣса, какъ за столомъ царскимъ.

Былъ здѣсь также городъ сахарный треугольный съ цвѣтами, двѣ палатки и кроватка сахарная. Каждый изъ гостей получалъ по большому блюду съ разнообразными сахарами, зеренчатыми, леденцами и канфектами, сушеными ягодами, корицею, арбузными и дынными полосами и проч. Количество сахаровъ и разныхъ заѣдокъ соразмѣрялось впрочемъ со степенью значенія каждаго изъ гостей. Младшіе члены пира, т. е. люди низшихъ разрядовъ получали меньше высшихъ. Это были обычные родинные подарки въ то время. Они раздавались гостямъ послѣ стола, и каждый уносилъ гостинцы съ царскаго пира домой. Тѣмъ изъ знатныхъ, которые почему-либо не могли быть на пиру, сахары посылались обыкновенно на домъ. Такимъ же образомъ черезъ четыре дня, іюля 4, справленъ былъ и *крестинный столъ*, которымъ и заключились придворныя торжества по случаю царскихъ родинъ [3]).

Теперь остановимся на первыхъ заботахъ и распоряженіяхъ касательно самого младенца. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши объ этомъ предметѣ, по свойству доступныхъ намъ матеріяловъ, будутъ по преимуществу касаться одной только внѣшней стороны воспитательныхъ заботъ того времени. Но соберемъ и эти скудныя и сухія крупицы, можетъ-быть и онѣ не будутъ безполезны при изученіи дѣтскихъ лѣтъ Великаго Преобразователя.

Одно изъ первыхъ распоряженій въ отношеніи новорожденнаго касалось дѣла благочестиваго и душеполезнаго. Съ дитяти снимали *мѣру*, долготу и широту, и въ эту мѣру, на кипарисной или липовой дскѣ, писали икону тезоименитаго его ангела. На третій день по рожденіи Петра, 1 іюня, царь Алексѣй Михайловичъ именнымъ указомъ повелѣлъ писать мѣру сына искуснѣйшему въ то время иконописцу Симону Ушакову. На капарисной дскѣ, длиною одиннадцати, а шириною трехъ вершковъ, Ушаковъ назнаменилъ образъ живоначальныя Троицы и Апостола Петра и успѣлъ написать только одни ризы иконы, до лицъ, потомъ заскорбѣлъ, сдѣлался болѣнъ. Лица дописывалъ не менѣе искусный иконописецъ Ѳеодоръ Козловъ. Эта *мѣра рожденія* доселѣ сохраняется надъ гробомъ Императора. Но само собою разумѣется, что многое изъ заботъ о новорожденномъ предшествовало еще самымъ родинамъ. Выборъ мамы, на-

---

3) Дополн. къ 111, т. дворц. разрядовъ, ст. 463.

примѣръ, рѣшался конечно гораздо прежде. Наготовѣ были и всѣ распоряженія по выбору кормилицы — «жены доброй и чистой и млекомъ сладостной и здоровой». Справки о такихъ качествахъ не могли быть ведены скоро, такъ-сказать въ торопяхъ, когда уже настояла въ томъ рѣшительная нужда. Въ мамы Петру назначена была *княгиня Ульяна Ивановна Голицына*, кормилицей была *Ненила Ерофеева* [4]), изъ какого чина неизвѣстно. Намъ не встрѣтилось извѣстій ни о первомъ помѣщеніи младенца, ни о колыбели и другихъ потребностяхъ, заготовленныхъ для первыхъ его дней. Впрочемъ можно составить себѣ понятіе объ этихъ предметахъ изъ записокъ о ихъ заготовленіи въ послѣдующее время. Вообще нужно замѣтить, что дѣтская колыбель и дѣтская одежда отличались царскимъ богатствомъ и были далеки отъ той простоты, какую можно предполагать, судя по простотѣ самыхъ вкусовъ тогдашняго общежитія; тѣже цѣнныя золотныя ткани, дорогіе мѣха и т. п. являлись и у дѣтской колыбели. Такъ черезъ годъ (1673 г.) именно къ Петрову дню, къ именинамъ царевича, ему устроена *новая колыбель* изъ турскаго золотнаго бархата — «по червчатой землѣ репьи велики золоты да репейки серебряны невелики, въ обводѣ морхъ зеленъ», — подбитая хлопчатой бумагой, на тафтяной рудожелтой подкладкѣ; ремни обшиты бархатомъ червчатымъ виницейскимъ; яблока у пялецъ обшиты объярью по серебряной землѣ «травы золоты съ шолки розными». — Въ то же время сдѣланы *пуховикъ* и *бумажникъ*, т. е. перинка и тюфячекъ. Для пуховика нижняя наволочка скроена изъ тверскаго полотна, лучшаго въ то время, а верхняя изъ желтой тафты, длиною въ два аршина. Пуху лебяжьяго, чистаго, бѣлаго, пошло полпуда. Такой же величины былъ скроенъ и бумажникъ, покрытый червчатою тафтою; хлопчатой бумаги употреблено десять фунтовъ. Подушки или взголовья также были пуховыя, изъ лебяжьяго пуху, покрытыя тафтой. Колыбель и перинки дѣлались каждый годъ, по мѣрѣ того, какъ подросталъ ребенокъ. Дорогія ткани съ старыхъ, *отставныхъ*, колыбелей употреблялись нерѣдко на *церковное строенье*, что признавалось благочестивою мыслію того времени дѣломъ богоугоднымъ и благополезнымъ въ отношеніи самого дитяти. Въ концѣ 1673 года изъ дорогаго бархата съ

---

4) Книга Кроильная 7181 г., № 524, въ Арх. Ор. Пал. Послѣ Мамою у Петра была также боярыня Матрена Романовна Леонтьева.

отставныхъ двухъ колыбелей Петра, съ *меньшей*, т. е. самой первой и со второй, описанной выше, обшиты двѣ новыя хоругви въ Успенскій Соборъ и сдѣлано въ Новодѣвичій монастырь пять епитрахилей да пять поручей [5]). Впрочемъ обыкновенное легкое дѣтское платье и постельные предметы шились большею частію изъ тафты жолтой, бѣлой, иногда червчатой и другихъ цвѣтовъ. На зимнее время они подбивались мѣхами изъ черевовъ бѣльихъ и лисьихъ. Такъ въ сентябрѣ 1672 года, когда Петру было только три мѣсяца, скроены ему чулки изъ желтой тафты на бѣльихъ черевахъ. Въ эту же осень и зиму ему сшиты одѣяла, одно изъ бѣлой тафты на бѣльихъ черевахъ, другое изъ желтой тафты на лисьихъ черевахъ. Съ того же времени ему стали шить и обыкновенное платье. Пятимѣсячный, онъ носилъ уже золотные кафтаны; но на первый разъ (декабря 2) ему сшили *зипунъ* (коротенькій кафтанецъ) изъ бѣлаго атласа на собольихъ пупкахъ, съ пятью золотными пуговками. Черезъ недѣлю (декабря 11) сшитъ *кафтанъ*, также на собольихъ пупкахъ, изъ объяри — «по червчатои землѣ, по ней струя и травы золоты съ серебромъ, въ длину аршинъ, въ плечахъ поларшина, рукава длиною $8^1/_2$ вершковъ, въ корени 4 вершка, въ запястьѣ $2^1/_2$ вершка; въ подолѣ ширина $2^1/_4$ аршина», — вездѣ пущено съ большимъ запасомъ. Въ тотъ же день скроенъ и *холодный кафтанъ*, такой же мѣры, изъ объяри — по алой землѣ, по ней струя и травы золоты, на тафтяной подкладкѣ. Въ апрѣлѣ 1673 г. скроена ему *ферезея* — объярь ала струя серебряна, на тафтяной желтой подкладкѣ, обшитая кружевомъ нѣмецкимъ плетенымъ — золото съ серебромъ, и украшенная двумя гнѣздами *аламовъ* или запанъ, низаныхъ жемчугомъ, и двумя завязками съ серебряными кистьми, также низаными жемчугомъ. Однимъ словомъ, достигнувъ году, царевичъ Петръ ходилъ уже въ полномъ тогдашнемъ нарядѣ, отличавшемся обыкновеннымъ въ царскомъ быту богатствомъ. У него была шапка, обнизная жемчугомъ съ каменьями; шапка бархатная червчатая съ собольимъ околомъ; нѣсколько паръ обнизныхъ башмаковъ; богатый *опашень* — «объярь по червчатой землѣ, по ней травы золоты съ серебромъ», — съ нашивкою и кружевомъ, низаными гурмыцкимъ жемчугомъ (597 зеренъ) и съ

5) Ibid. № 524.

6 изумрудными пуговицами на золотыхъ спняхъ или закрѣпкахъ; ферезея, описанная прежде, болѣе десяти кафтановъ шелковыхъ и золотныхъ и т. д. Гардеробъ его съ каждымъ годомъ, или точнѣе, съ каждымъ мѣсяцемъ получалъ приращеніе и разнообразился новыми предметами тогдашняго костюма. Въ ноябрѣ 1673 года царевичу сшитъ *нагрудникъ* изъ червчатаго атласа съ тремя серебряными вызолоченными и украшенными финифтью пуговицами; сшита *чуга* (родъ кафтана) изъ алаго атласа на собольемъ мѣху съ 12 золочеными пуговицами и съ серебрянымъ круживомъ; скроены теплыя *рукавицы* изъ камки двоеличной, шелкъ алъ да желтъ, на собольемъ мѣху и обито судно червчатымъ атласомъ съ серебрянымъ голуномъ [6]). Сначала гардеробъ Петра хранился въ государевой мастерской палатѣ, т. е. въ гардеробной его отца, а потомъ брата царя Ѳеодора. Но въ 1676 г., декабря 14, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ указалъ: брата своего государева в. г. царевича и в. к. Петра Алексѣевича *сундукъ* раковинный (украшенный перламутромъ) съ его в. г. царевичевымъ платьемъ, за печатью хоромною в. г. царицы и в. к. Наталіи Кириловны, а въ немъ платье ѣздовое теплое и холодное, ферезеи и чюги и кафтаны ѣздовые, и однорядки суконные, и шубы и опошни объяринные, золотные и серебряные, и гладкіе, и зуфные, и ферезеи и зипуны золотные жь и серебряные, и атласные, и камчатые, и тафтяные, и шапки бархатные двоеморхіе и гладкіе, и суконные съ запаны и съ петли жемчужными, — изъ своей в. г. мастерской палаты взять въ царицыну мастерскую палату... и съ того числа указалъ в. г. брату своему царевичу Петру Алексѣевичу кроенье платью быть въ царицыной мастерской палатѣ, а что къ тому кроенью надобно будетъ и то имать изъ его государевы мастерскіе палаты [7]).

Царевичъ съ своимъ особымъ штатомъ, мамою, кормилицею и разными служебными лицами помѣщался въ отдѣльныхъ небольшихъ деревянныхъ хоромахъ, которыя внутри убирались обыкновенно сукномъ. Но у Петра одна комната въ августѣ 1673 года была обита *серебряными кожами*. Черезъ два года по рожденіи ему выстроены были отдѣльные хоромы, въ кото-

---

6) Ibid. — 7) Книга Кроильная царицы Наталіи Кириловны, 7185 г., № 528 А. О. П.

рыхъ полы, частію стѣны, оконныя рамы покрыты были сукномъ червчатымъ анбурскимъ и багрецомъ. Такимъ же сукномъ былъ покрытъ и столъ. ***Полавочники*** на лавкахъ были сшиты изъ багрецу съ каймами изъ бѣлаго сукна, по которому нашиты травы изъ сукна желтаго и лазореваго. Между переднихъ оконъ стѣна обита хлопчатою бумагою и по полотну тафтою червчатою, вѣроятно для того, чтобъ отъ стѣны не дуло. Въ іюлѣ 1674 года въ эти же хоромы сдѣланъ суконный *миндерь*, т. е. тюфякъ, который клали на лавки. Кромѣ лавокъ и скамей въ хоромахъ Петра было вызолоченное *мѣсто* (родъ креселъ), сдѣланное въ 1674 и *кресла*, сдѣланныя въ 1677 году, обитыя рудожелтымъ бархатомъ съ золотнымъ широкимъ галунамъ; застѣнокъ ихъ или спинка была обита сафьяномъ червчатымъ; къ нимъ сдѣлана скамейка, обитая по хлопчатой бумагѣ червчатымъ сукномъ. Въ 1675 году ему сдѣлали столикъ, росписанный красками, золотомъ и серебромъ [8]). Тогда еще вмѣсто стеколъ въ рамахъ или оконницахъ употребляли слюду, слѣд. изъ слюды же были сдѣланы и оконницы въ хоромахъ Петра. Въ мартѣ 1676 года поручено было искуснѣйшему живописцу того времени Ивану Салтанову написать въ хоромы царевича оконницу: «въ кругу орла, по угламъ травы, по слюдѣ; а написать такъ, чтобъ изъ хоромъ всквозе видно было, а съ надворья въ хоромы, чтобъ невидно было! Здѣсь высказалась та мысль древняго воспитанія въ царскомъ быту, въ силу которой дѣти бережно скрывались отъ постороннихъ глазъ, царевичи лѣтъ до 13, а царевны на всю жизнь.

По свидѣтельству Крекшина, которое подтверждается и другими указаніями, младенецъ Петръ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ дѣтямъ, у которыхъ раннее развитіе умственныхъ силъ шло рядомъ съ раннимъ развитіемъ силъ физическихъ. Ребенокъ обладалъ цвѣтущимъ здоровьемъ и крѣпкимъ сложеніемъ. «Бѣ возрастенъ и красенъ и крѣпокъ тѣломъ», замѣчаетъ Крекшинъ. На это указываетъ между прочимъ и то обстоятельство, что чрезъ полгода онъ начиналъ уже ходить. Въ половинѣ декабря 1672 года сдѣланы ему *ходячія* или *походячія* кресла, на колесахъ, обитыя

8) Книги Арх. Ор. П. №№ 524, 528, 539 и др.

на хлопчатой бумагѣ червчатымъ атласомъ съ серебрянымъ голуномъ [9]).

Въ то же время являются разнообразныя игрушки и игры, которыя также могутъ свидѣтельствовать, что и смыслъ и силы дитяти возрастали быстро, такъ что въ забавахъ своихъ онъ скоро поравнялся съ старшими братьями Өедоромъ и Иваномъ. Черезъ годъ, къ именинамъ, царевичу сдѣлали деревяннаго *коня* или *потѣшную лошадку*, во всемъ уборѣ. Конь былъ обтянутъ жеребячьею выдѣланною кожею; сѣдло съ стремянами, пряжами и запряжниками было вызолочено и высеребрено сусальнымъ золотомъ и серебромъ. 1 октября 1673 года сдѣлано нѣсколько мелкихъ игрушекъ, противъ сахарныхъ образцовъ (т. е. конфектъ), — звѣри львы, лошади, пушки. Въ ноябрѣ устроенъ потѣшный стулецъ на желѣзныхъ колесахъ, на которомъ царевичъ катался въ хоромахъ. Въ февралѣ 1674 года органистъ Симонъ Гутовскій сдѣлалъ царевичу *клевикорды* — струны мѣдныя. Въ то же время онъ починивалъ царевичу *цынбалы* нѣмецкаго дѣла и купилъ для этого *римскую струну* длиною два аршина. Въ августѣ онъ дѣлалъ еще двои *цынбалы* и *страменты*. Въ декабрѣ къ празднику Рождества царевичу были подарены *цынбальца книжкою* въ сафьянномъ аломъ переплетѣ съ золотымъ наводомъ, съ застежками изъ серебрянаго съ шелками галуну. Въ теченіи этого и слѣдующаго года цынбальцы и страменцы довольно часто починивались. 1675 года въ маѣ къ страментамъ потѣшнымъ для починки было куплено 204 стальныхъ иглы. Въ апрѣлѣ 1674 г., на святой, царевичу устроили въ хоромахъ *качель*, на веревкахъ, обшитыхъ червчатымъ бархатомъ. Качели на святой были обычнымъ увеселеніемъ въ тогдашнемъ общежитіи, а потому и забавы царевича не могли отставать отъ обычныхъ порядковъ жизни и ему сдѣлали качель. Такъ точно зимою онъ катался съ горъ въ потѣшныхъ саняхъ. Такія сани были ему сдѣланы 13 декабря 1677 года, когда ему былъ шестой годъ [10]). Лѣтомъ, еще двухлѣтняго, его

---

9) Книга Арх. Ор. П. № 524. Въ царскомъ быту дѣти учились ходить также посредствомъ *водильнаго нагрудника*. Сынъ Михаила царевичъ Иванъ (род. 1 іюня 1633) началъ ходить двухъ лѣтъ, въ 1635 г. Въ это время ему сшили нагрудникъ съ водилами. *См Домашній бытъ царей, статья 6, От. Зап. т. XCIV, стр. 56.* — 10) Кн. Арх. О. П. № 524, 531.

возили въ потѣшной кареткѣ, которая сдѣлана 9 іюля 1674 года. 1675 г. въ маѣ бояринъ Артемонъ Сергѣевичь Матвѣевъ ударилъ челомъ царевичу Петру: «карету маленькую, а въ ней четыре возника (лошадки) темнокаріе, а на возникахъ шлеи бархатные, пряжки вызолочены, начелники, и гривы и нахвостники шитые, а кругъ кареты рѣзи вызолочены, а на ней 4 яблока вызолочены, да вмѣсто желѣза кругъ колесъ мѣдь вызолочено, да кругъ кареты стекла хрустальные, а на стеклахъ писано цари и короли всѣхъ земель; въ той каретѣ убито бархатомъ жаркимъ, а въ ней рѣзи, а кругъ кареты бахромы золотные. Да *виноходца* рыжа, попона аксамитная, а на ней муштукъ нѣмецкой съ яшмы, начелки и нагривки и нахвостникъ шиты; да *снегиря* нѣмецкаго» [11]). Въ этой самой кареткѣ царевичь слѣдовалъ въ царскомъ торжественномъ выѣздѣ въ Троицкій походъ 19 сентября того жъ года. Очевидецъ этого выѣзда, Лизекъ пишетъ, что «вслѣдъ за поѣздомъ царя показался, изъ другихъ воротъ дворца, поѣздъ царицы. Впереди ѣхалъ Иванъ Грибоѣдовъ съ двумя стами скороходовъ, за ними вели двѣнадцать рослыхъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, лошадей изъ-подъ царицыной кареты, обвязанныхъ шелковыми сѣтками. Потомъ слѣдовала маленькая, вся испещренная золотомъ карета младшаго князя въ четыре лошадки пигмейной породы; по бокамъ шли четыре карлика, и такой же сзади верхомъ на крохотномъ конькѣ (вѣроятно на иноходцѣ, подаренномъ Матвѣевымъ).»

Лѣтомъ въ іюлѣ 1675 года Петру построена была *потѣшная баба,* деревянная во всемъ нарядѣ, «въ кикѣ низаной съ каменьемъ и съ пелепелы и съ рясы, серьги и ожерелье низаное съ каменьи жъ, зарукавье низаное съ каменьи жъ, въ лѣтникѣ и шубкѣ». 5 октября бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, сшедъ отъ государя съ верху въ посольскій приказъ, приказалъ по государеву указу купить игрушекъ серебряныхъ или какихъ добыть можно. Тогда же взято въ серебряномъ ряду у торговаго человѣка Ивана Өедорова: «ящикъ съ малыми сосудцы серебряными, и въ томъ числѣ паликадило, столъ, два шандана стѣнныхъ, два шандана столовыхъ витыхъ, кресла, ловеникъ, солонка, перешница, рукомойникъ, росольникъ съ накрышкою, четыре блюда, четыре торелки, три ложки; а вѣсомъ въ нихъ серебра 2 ф. 38 золотн., цѣною и съ дѣломъ по 15 ру-

---

11) Дворц. Разр. т. III, ст. 1419.

блевъ фунтъ». Въ тотъ же день тѣ малые сосудцы Матвѣевъ взнесъ къ государю, а потомъ они взнесены были къ царевичу Петру [12]). Въ 1676 году, къ святой недѣлѣ, велѣно живописцу Ивану Салтанову росписать для царевича красками: «гнѣздо голубей, гнѣздо ракитокъ, гнѣздо кинареекъ, гнѣздо щеглятъ, гнѣздо чижей, гнѣздо барановъ, а у борашковъ сдѣлать, чтобъ была будто шерсть по нихъ сущая». И по этимъ отрывочнымъ указаніямъ можно уже судить, что запасъ игрушекъ былъ значителенъ и весьма разнообразенъ. Но само собою разумѣется, что для ребенка несравненно привлекательнѣе были игрушки и игры воинскія. Онѣ нравятся дѣтямъ по многимъ весьма естественнымъ причинамъ, которыя кроются въ самой натурѣ человѣка. Въ нихъ ребенокъ находитъ больше простора для той подвижности, живости характера, которая по преимуществу всегда сопровождаетъ дѣтскій возрастъ. Онъ здѣсь находитъ больше простора для *дѣла, дѣйствія,* для пробы и употребленія возрастающихъ силъ и смысла.

Сдѣлаемъ хронологическое обозрѣніе встрѣтившихся намъ указаній о воинскихъ *потѣшкахъ*, которыя въ разное время были изготовлены царевичу Петру въ теченіи первыхъ семи или осьми лѣтъ.

Въ 1674 году, 20 іюня, куплено царевичу вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ Алексѣевичемъ въ саадашномъ ряду девять лучковъ жильничковъ по 20 к. за лучокъ, да восмь гнѣздъ северегъ (родъ стрѣлъ) по 4 к. за гнѣздо. Замѣтимъ, что въ это время Петру было только два года, а Ивану восемь лѣтъ. Іюля 14 живописецъ Иванъ Безминъ писалъ царевичу красками, золотомъ и серебромъ — «пять *знаменъ* маленькихъ по разнымъ тафтамъ, съ обѣ стороны солнце и мѣсяцъ и звѣзды. Августа 3 иконописецъ Ѳедоръ Матвѣевъ серебрилъ два *лука* маленькихъ. Августа 5 сшито четыре *прапорца* тафтяныхъ, красныхъ и бѣлыхъ. Августа 10 сдѣлано шесть *барабанцовъ*. Въ декабрѣ изготовляли царевичу *въ поднось* къ Рождеству два *набата* (бубны), на которыя куплено: кожа, струны, мѣдныя кольца и колокольца. Одинъ изъ этихъ набатовъ, декабря 19, живописецъ Иванъ Салтановъ писалъ золотомъ и красками. Тогда же къ этому набату куплена *тесьма* зо-

---

12) Дѣла приказныя Моск. Г. Архива М. И. Д. Сообщено Н. В. Калачовымъ.

лотная съ серебромъ, съ серебряною оправою: пряжами. запряжниками и наконечниками. Въ то же время иконописецъ Өедоръ Нянинъ писалъ золотомъ и красками *барабанецъ*.

Въ 1675 году, 2 мая, купленъ снурокъ и струны къ барабану, а 22 сдѣланъ еще барабанъ барабанщикомъ Прокоф. Еремѣевымъ. 11 іюня на Воробьево отвезенъ деревянный конь царевичу. 11 іюля живописецъ Дорофей Ермолаевъ писалъ золотомъ и красками *потѣхи:* топорокъ съ обушкомъ, топоръ простой, чеканецъ, пятокъ ножиковъ, топоръ посольской, молотокъ, пятокъ шариковъ, а въ тѣ шарики положены колокольцы (бубенчики). 25 ноября живописецъ Дорофей Ермолаевъ золотилъ *пушечку* съ станкомъ и съ колесы, потѣшную, царевичу въ Преображенское. 1 декабря сдѣланы шахматныя маленькія доски и вызолоченъ лукъ въ потѣшное лубье. Кромѣ того велѣно росписать еще четыре лучка недомѣрочковъ, «а чтобъ были тѣ луки цвѣтны». 15 декабря Дорофей Ермолаевъ расписывалъ цвѣтно баканомъ, ярью и золотомъ изготовленныя всякія потѣхи: пять древокъ, пять прапоровъ тафтяныхъ, на нихъ звѣзды, а въ каймахъ травы; четыре топора круглыхъ, три топора съ обушки, два топора простыхъ, два буздукана, двѣ булавы, четыре ножика, двѣ пары пистолей и карабиновъ. Въ мартѣ царевичамъ Петру и Ивану дѣлали потѣшные *пистоли, карабины, пищали* винтованные съ деревянными замками и стволами. 24 апрѣля велѣно выписать красками *волчки*. Мая 15 сдѣлано Петру въ лубье саадашное саадакъ стрѣлъ, по счету 17, да стольникамъ на расходъ десять гнѣздъ стрѣлъ яблоновыхъ съ бѣлохвосцовыми перьями, срѣзней, томаровъ; да десять гнѣздъ стрѣлъ березовыхъ съ простымъ перьемъ. 2 іюня сдѣлано два лука недомѣрочковъ жильниковъ. Іюля 11 Дорофей Ермолаевъ писалъ золотомъ и красками *потѣшныя игры:* пару пищалей, пару пистолей, три булавы, три перната, три обушка, три топорка, три ножичка. 31 августа онъ же золотилъ и красками прописывалъ барабанецъ маленькій.

1676 года, 30 сентября, купленъ поясъ сабельный шелковый, турецкаго дѣла и привязанъ къ саблѣ потѣшной, у которой ножны были обтянуты хзомъ зеленымъ съ мѣдною золоченою оправою.

1677 года, іюля 11, скроены *потѣшныя полы*, въ киндякахъ желтомъ, лазоревомъ, червчатомъ, вѣроятно къ маленькимъ шатрамъ.

1678 года, марта 11, скроено *потѣшное знамя* въ дорогахъ осиновыхъ ясскихъ да въ червчатыхъ кармазиновыхъ. Знамя это въ хоромахъ царевича приняла боярыня Матрена Леонтьева. Че-

резъ три мѣсяца, іюня 12, скроено другое *потѣшное знамя*, средина тафта вишнева, каймы тафта двоелична шолкъ червчатъ да лазоревъ; крестъ дороги рудожелты. Сентября 16 сшитъ *потѣшный солнечникъ* суконный на тафтѣ.

1679 года, 5 мая, снова скроено потѣшное знамя съ желтыми тафтяными каймами. Мая 15 стрѣльникъ Вас. Емельяновъ сдѣлалъ шесть гнѣздъ (стрѣлъ) северегъ и томаровъ къ шести лучкамъ недомѣрочкамъ жильничкамъ и выкрасилъ ихъ шафраномъ; а лучникъ Кондратовъ дѣлалъ къ тѣмъ лукамъ тетивы. 15 іюля скроены *потѣшныя полы*, также вѣроятно къ шатрамъ, въ киндякахъ, въ зеленомъ да въ червчатомъ, черезъ полотнище. 7 августа боярыня Матрена Леонтьева взяла въ хоромы царевича десять аршинъ сукна темнозеленаго *робяткамъ* на кафтаны. 8 сентября она же взяла два аршина тафты желтой *робятамъ* на кушаки, пару соболей да половину полы хребтовъ бѣльихъ, робятамъ къ шапкамъ на тульи, а 26 сентября взяла царевичу на потѣху тафтъ бѣлой, алой, желтой, зеленой, лазоревой, по аршину. 29 на *потѣшные пропорцы* взяла тафтъ розныхъ цвѣтовъ 6 вершковъ, да 3 вершка тафты желтой, аршинъ сукна краснаго, четверть аршина сукна червчатаго. Ноября 30 сабельники Оружейной Палаты, Прохоръ Ивановъ съ товарищи, дѣлали царевичу изъ клену и липы потѣшные сабли, палаши, кончары, топорки, а станочникъ Андрей Васильевъ дѣлалъ изъ липы пару пистолей да пару карабиновъ. Декабря 22 живоп. Дорофей Ермолаевъ писалъ красками два топорка, булаву, шестоперъ, пистоль, карабинъ, потѣшные деревянные.

1680 года, февраля 11, бояринъ Родіонъ Матвѣевичь Стрѣшневъ принялъ въ хоромы царевичу аршинъ тафты червчатой, а сказалъ, что на потѣшные прапорцы. Около того же времени одѣты были и царевичевы четыре карлика въ малиновые суконные кафтаны на бѣльемъ мѣху, съ золочеными пуговицами. Изъ того же сукна имъ сшиты шапки и рукавицы [13]).

Изъ этого перечня случайно уцѣлѣвшихъ извѣстій, отрывочныхъ, лишенныхъ желаемой полноты, по крайней мѣрѣ въ отношеніи хронологической послѣдовательности, ясно уже видно, что Петръ съ самыхъ раннихъ лѣтъ окруженъ былъ товарищами-

---

13) Книги и дѣла въ столбцахъ Арх. Ор. П. № 528, 531, 539 и др.

ровесниками. Количество потѣшныхъ знаменъ, прапорцовъ, барабанцовъ и т. п. показываетъ, что все это заготовлялось на цѣлый маленькій полкъ, который и должно разумѣть подъ именемъ упомянутыхъ *робятокъ*. Ровесники-робятки были спальники, стольники, карлики, составлявшіе обыкновенный дѣтскій штатъ каждаго изъ царевичей и раздѣлявшіе съ нимъ дѣтскія игры. За исключеніемъ карликовъ они набирались изъ дѣтей бояръ и особенно изъ родственниковъ царицы, близкихъ или дальнихъ, которыхъ она выбирала къ себѣ въ стольники и тѣмъ приближала ко двору свое родство.

Вотъ имена нѣкоторыхъ изъ спальниковъ и стольниковъ, находившихся въ числѣ робятокъ при Петрѣ въ первое время: Нарышкины — Левъ, Мартемьянъ, Ѳедоръ Кириловы; Василій, Андрей, Семенъ Ѳедоровы; Кирила Алексѣевъ, Иванъ Ивановъ; — Гаврила Головкинъ сынъ постельничаго Ив. Сем. Головкина, Автамонъ Головинъ, Андрей Матвѣевъ, кн. Андрей Мих. Черкасскій, кн. Вас. Лавр. Мещерскій, кн. Ив. Дан. Великого-Гагинъ, кн. Ив. Ив. Голицынъ, Ив. Род. Стрѣшневъ; кромѣ того Григорій Ѳед. Балакиревъ, справлявшій должность стряпчаго у крюка; карлы: Никита Гавриловъ Комаръ, Василій Родіоновъ, Иванъ и Емельянъ Кондратьевы.

Безъ сомнѣнія обычныя игры съ сверстниками въ скоромъ времени вполнѣ были исчерпаны и мало уже интересовали даровитаго ребенка, въ которомъ, какъ говоритъ Крекшинъ, отъ самыхъ первыхъ лѣтъ видима была природная военная охота и храбрость, и ни къ какимъ другимъ забавамъ и увеселеніямъ онъ не прилежалъ, а желалъ только вѣдать военное ученіе. На четвертомъ году царевичь является уже *полковникомъ;* полкъ набранъ былъ изъ возрастныхъ, т. е. въ отношеніи къ нему и названъ его именемъ *Петровъ полкъ*. Крекшинъ разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: государь Алексѣй Михайловичь «повелѣлъ набрать полкъ возрастныхъ въ богатомъ зеленомъ мундирѣ съ знамемъ и ружьемъ и прочими полковыми вещами, и богато убрать и наименовать оный полкъ *Петровъ* Царевича Петра Алексѣевича изволилъ объявить того полка полковникомъ и по обычаю военному обо всемъ рапортовать, повелѣній отъ него требовать, что самъ государь своею персоною всегда наблюдалъ». Конечно запискамъ Крекшина въ полной мѣрѣ довѣрять нельзя; старикъ любилъ, и очень, разнаго рода украшенія, любилъ однимъ словомъ посочи-

нительствовать, видя въ томъ одну изъ главныхъ задачъ своего труда. Однакожь его сочинительство едва ли простиралось до того, чтобъ выдумывать факты; онъ только узнанные имъ факты, изъ разсказовъ ли очевидцевъ или изъ современныхъ документовъ, любилъ окружать красотами повѣствованія, любилъ даже драматизировать событія въ ущербъ ихъ простому, обыкновенному ходу. Но трудно доказать, чтобъ разсказанный имъ какой-либо фактъ не носилъ въ своихъ существенныхъ чертахъ всей правды дѣйствительнаго, а не вымышленнаго дѣла. Такъ и въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ возможности сомнѣваться въ томъ, что царь Алексѣй дѣйствительно присовокупилъ къ играмъ своего сына, по всѣмъ видимостямъ ребенка умнаго, живаго, какъ говорятъ — затѣйнаго, — маленькій полкъ — Петровъ и самъ руководилъ игрою. Все это было простымъ, самымъ обыкновеннымъ послѣдствіемъ общаго характера дѣтскихъ игръ въ царскомъ быту. Воинскія игрушки, какъ мы уже замѣтили были весьма обыкновенны и составляли любимую потѣху дѣтей. Въ такихъ игрушкахъ провелъ свое дѣтство и самъ царь Алексѣй; въ 1634 г. ему скованы были даже латы [14]). Сохранился также маленькій шеломъ, сдѣланный въ 1557 г. сыну царя Ивана Васильевича царевичу Ивану Ивановичу, когда ему былъ только четвертый годъ. Но принимали ли эти игры въ прежнее время какое-либо правильное устройство, такъ сказать систему, выходили ли они изъ круга простыхъ потѣхъ почти въ школьное ученье, какъ было у Петра, — намъ неизвѣстно. Знаемъ, что царевичи играли съ своими спальниками и стольниками, изъ которыхъ безъ сомнѣнія могли также образовываться маленькіе полки, что было неизбѣжно по самому свойству подобныхъ игръ. Царевичи особенно любили тѣшиться стрѣляньемъ изъ луковъ. Впрочемъ обстоятельства, окружавшія игры царевичей и самый характеръ дѣтей не могли быть одинаковы, однообразны и слѣд. не могли вести къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Для одного воинскія потѣхи утрачивали свою прелесть вмѣстѣ съ возрастомъ и оставлялись наравнѣ съ другими игрушками: царевичь, становясь взрослымъ, *большимъ*, смотрѣлъ и на дѣтскія игры уже какъ *большой*. Для другаго, каковъ былъ Петръ, дѣтскія игры получали значеніе дѣла, значеніе школьной науки и

---

14) Домашній бытъ царей, ст. 6, От. Зап. т XCIV, стр. 70.

съ годами пріобрѣтали только новыя силы и новыя формы, последовательно и можно сказать органически восходя отъ ребяческихъ потѣшекъ до полныхъ маневровъ, по плану обдуманному и правильно исполненному. Однимъ словомъ Петръ, еще ребенкомъ, изъ обыкновенныхъ своихъ потѣшекъ создалъ полный курсъ военной науки. Въ этомъ отношеніи его можно признавать первымъ кадетомъ, и притомъ кадетомъ, который прошелъ весьма разумную и основательную школу.

И такъ, если разсказъ Крекшина объ устройствѣ маленькаго полка, съ названіемъ Петрова, справедливъ, и если дѣтскій полкъ, вооруженный, обученный, исполнявшій формальности дисциплины, не могъ же образоваться самъ собою, при помощи однихъ дѣтей, а требовалъ руководителя, учителя, фельдфебеля, то естественно предположить, что былъ этотъ учитель, устроившій игру, обучавшій полковымъ дѣйствіямъ и дисциплинѣ не только малолѣтныхъ *салдатъ* но и самого трехлѣтняго полковника Петра. Къ сожалѣнію свѣдѣнія вообще о первоначальномъ ученіи и объ учителяхъ Петра до чрезвычайности скудны. «Имена способствовавшихъ къ обученію сего дражайшаго государя намъ не оставлены,» замѣчаетъ Миллеръ, справедливо предполагая, что были вѣроятно и другіе учители, кромѣ Зотова и явившагося уже въ послѣдствіи Франца Тиммермана. Однакожь весьма было бы любопытно знать имя перваго учителя въ воинскихъ играхъ Петра, перваго человѣка, который своими наставленіями, своимъ вліяніемъ не могъ не оставить въ воспитаніи ребенка болѣе или менѣе замѣтнаго слѣда.

Французъ Нёвиль, въ своихъ извѣстіяхъ о Московіи 1689 года, пишетъ между прочимъ, что царь Алексѣй Михайловичь, не за долго до своей кончины, назначилъ гувернеромъ къ Петру полковника Менезіуса, шотландца, который и занимался съ нимъ до начала царствованія царя Ивана, слѣд. вообще до того времени, какъ правленіе перешло въ руки царевны Софіи. Тогда онъ былъ удаленъ отъ Петра въ Смоленскъ по назначенію на службу. Извѣстіе весьма сомнительное, если подъ словомъ гувернеръ, разумѣть дядьку — воспитателя, ибо въ дядьки назначались люди *честные* породою, обыкновенно изъ боярскаго круга. Даже и въ учители грамотѣ выбирали обыкновенно изъ русскихъ и преимущественно изъ умныхъ, тихихъ и толковыхъ подьячихъ. Ни той, ни другой должности иностранецъ занять не могъ, да и самая мысль объ

этомъ не могла придти въ тогдашніе умы уже по одному отчужденію тогдашней жизни отъ всего иноземнаго. Но если среди прямыхъ и положительныхъ убѣжденій вѣка такой фактъ былъ рѣшительно невозможенъ, то существовала сторона быта, гдѣ иноземное легко допускалось и не смущало своимъ приближеніемъ строгихъ взоровъ старины. Эта сторона въ царскомъ домашнемъ быту принадлежала потѣхамъ, увеселеніямъ и забавамъ, а также и дѣтскимъ играмъ. Сюда иноземное проникало свободнѣе подъ видомъ бездѣлицъ, нестоющихъ серьезнаго вниманія. Намъ извѣстно уже, что дѣти царя Михаила, Алексѣй и Иванъ, и ихъ стольники были одѣты даже въ нѣмецкое платье, *курты* и т. п. [15]), въ то время, когда нѣмецкое платье строго было запрещено, такъ что сначала и самые иностранцы должны были ходить въ русскомъ же платьѣ. У Никиты Ивановича Романова, который любилъ иноземные обычаи и рядился по-нѣмецки, выѣзжая однакожь въ такомъ нарядѣ только на охоту, патріархъ отобралъ нѣмецкій костюмъ и сжегъ какъ вещь, по нѣкоторымъ понятіямъ, грѣховную. Но какъ бы то ни было фанатическое преслѣдованіе иноземнаго лишалось своей силы въ кругу дѣтскихъ забавъ, гдѣ иноземное являлось, какъ нами замѣчено, подъ видомъ потѣхи и слѣд. неимѣло какъ бы никакого значенія. Такъ *нѣмецкіе* или *фряжскіе потѣшные листы* въ XVII вѣкѣ принадлежали къ самымъ обыкновеннымъ предметамъ дѣтскихъ забавъ и даже въ извѣстной долѣ служили весьма полезнымъ назиданіемъ. О содержаніи ихъ мы не имѣемъ свѣдѣнія, но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что чрезъ нихъ получалось покрайней мѣрѣ наглядное знакомство со многими предметами иноземнаго быта, которые были осуждены мнѣніемъ вѣка. Всѣ печатные нѣмецкіе листы съ изображеніемъ священныхъ предметовъ офиціально провозглашены были еретическими, а такое осужденіе бросало значительную уже тѣнь и на всѣ другіе листы или гравюры западнаго происхожденія, и особенно въ отношеніи изображеній, которыхъ тогдашній человѣкъ не могъ себѣ растолковать, за отсутствіемъ необходимыхъ познаній. Припомнимъ также *нѣмецкія карты* и особенно *потѣшныя книги*, рыцарскія повѣсти о Бовѣ, о Петрѣ златыхъ ключевъ, которыя, какъ и фряжскія листы могли войдти къ намъ только подъ видомъ игрушекъ, потѣхъ,

---

15) Ibid.

вмѣстѣ съ игрушками и куклами привозными. Все это даетъ намъ нѣкоторое право заключить, что для подобной же потѣхи могъ быть введенъ въ хоромы малолѣтнаго царевича Петра *нѣмецъ*, обучавшій его съ сверстниками потѣшному ратному строю. Въ этомъ смыслѣ и должно понимать гувернерство Менезіуса, упоминаемое Нёвилемъ. И въ самомъ дѣлѣ комужъ было поручить образованіе маленькаго полка, какъ не нѣмцу, да притомъ, какъ говорятъ, пользовавшемуся при Дворѣ уваженіемъ. Самый чинъ *полковника* предполагаетъ полкъ, устроенный на нѣмецкую ногу, по образцу выборныхъ салдатскихъ и рейтарскихъ полковъ, которые тогда были уже заведены и въ которыхъ начальные люди были большею частію изъ нѣмцевъ же. Если-бы полкъ устроенъ былъ по русски, то Петръ былъ бы названъ *воеводою, головою*, а не полковникомъ.

Менезіусъ, какъ мы сказали, родомъ былъ шотландецъ и славился, какъ знатокъ всѣхъ европейскихъ языковъ. «Я былъ пріятно удивленъ, говоритъ Нёвиль, встрѣтившись съ Менезіусомъ въ Смоленскѣ, найдя человѣка его достоинствъ въ варварской странѣ, ибо кромѣ познанія въ языкахъ, которыми генералъ (такъ называетъ Нёвиль Менезіуса) говорилъ превосходно, онъ многое видалъ въ свѣтѣ, и въ жизни его случалось съ нимъ достойное разсказа. Обозрѣвши бо́льшую часть Европы, поѣхалъ онъ въ Польшу, предполагая оттуда пробраться въ Шотландію. Но въ Польшѣ завязалась у него интрига съ женою одного Литовскаго полковника. Мужъ заревновалъ, примѣтя частыя посѣщенія гостя, и велѣлъ слугамъ своимъ умертвить его. Полковница увѣдомила о томъ своего друга; онъ вызвалъ мужа на дуель, убилъ его, принужденъ былъ бѣжать и попался въ руки Москвитянъ, тогда воевавшихъ съ Польшею. Сначала обходились съ нимъ, какъ съ военно-плѣннымъ, но когда узнали причину его бѣгства, то предложили: либо служить въ царскихъ войскахъ, либо отправляться въ Сибирь. Онъ соглашался лучше на послѣднее, но отецъ нынѣшнихъ царей пожелалъ лично его видѣть, нашелъ въ немъ любезнаго человѣка, принялъ его ко Двору и далъ ему 60 крестьянъ. Потомъ женился онъ на вдовѣ нѣкоего Марселіуса, который былъ первымъ основателемъ желѣзныхъ заводовъ въ Московіи, приносящихъ нынѣ царямъ ежегодно дохода до 100,000 кронъ» [16]). Дѣйствительно Павелъ Гавриловичъ Менезіусъ былъ

16) Русскій Вѣстникъ 1841 г., № 9.

приближенъ ко Двору и неразъ исполнялъ разныя порученія даже и по дипломатической части. Нёвиль и Лизекъ именуютъ его генераломъ; Нёвиль разсказываетъ, что онъ, возвратившись изъ посольства въ разныя государства Европы, произведенъ былъ въ генералъ маіоры, а ѣздилъ будто бы съ предложеніемъ къ папѣ о соединеніи на нѣкоторыхъ условіяхъ Русской Церкви съ Латинскою. Но это былъ ложный слухъ, весьма естественно возникавшій между иностранцами-католиками, по поводу посольства въ Римъ. Менезіусъ ѣздилъ на Западъ съ объявленіемъ, что «Салтанъ Турской наступилъ на Польское государство войною, что поэтому необходимо всѣмъ окрестнымъ государямъ общими ихъ войски соединиться въ помощь Польшѣ и на оборону всѣмъ окрестнымъ христіанскимъ землямъ» [17]). Это полномочіе достаточно уже говоритъ въ пользу Менезіуса, какъ человѣка, заслужившаго довѣріе при Дворѣ и по своимъ познаніямъ и по личнымъ достоинствамъ и талантамъ. Онъ выѣхалъ изъ Москвы 16 октября 1672 года и возвратился, разумѣется, безъ успѣха, 28 марта 1674 года. Сначала онъ былъ *пѣшаго строю маіоръ*, а послѣ посланничества является уже *полковникомъ рейтарскаго строю 5 полка*. Должно быть чинъ полковника нашей службы соотвѣтствовалъ генералъ-маіорскому чину на западѣ.

Кромѣ главнѣйшаго полномочія Менезіусу поручено было также приговорить въ Русскую службу «двухъ трубачей самыхъ добрыхъ, которые бы въ ученьи свидѣтельствованы, *на высокой трубѣ танцы трубить*; да рудознатныхъ мастеровъ, самыхъ же добрыхъ, которые знаютъ золотую и серебряную руды, и плавильщиковъ человѣкъ трехъ или четырехъ [18]). Порученіе о музыкантахъ можетъ отчасти служить указаніемъ, что Менезіусъ, какъ бывалый человѣкъ, не безполезенъ былъ и при устройствѣ *комединной хоромины* или вообще театра, который только что предъ его посольствомъ заводился при Дворѣ и большею частію устроивался въ селѣ Преображенскомъ. Что Менезіусъ имѣлъ какое то отношеніе къ этимъ небывалымъ еще забавамъ въ царскомъ быту, на это указываетъ также и одинъ разсказъ Лизека. «Чрезъ нѣсколько дней послѣ нашего отъѣзда, пишетъ Лизекъ, нѣмецкіе комедіанты должны были представлять комедію, которая, какъ они увѣряли,

---

17) Памятники Дипл. Снош. т. IV, стр. 753 и др. — 18) Ibid. стр. 796.

доставитъ большое удовольствіе царю, если только въ ней будетъ участвовать одинъ изъ нашихъ слугъ. Это былъ балансёръ, заслужившій своими шутовскими и ловкими дѣйствіями всеобщее удивленіе, особенно Русскихъ, которые единогласно рѣшили, что онъ чародѣй и морочитъ добрыхъ людей бѣсовскою силою. Въ самомъ дѣлѣ надъ его фокусами нужно было призадуматься. Напримѣръ: онъ перекреститъ нѣсколько разъ ножи, и они сами собою поднимаютъ вѣнки и деньги. Какъ мы ни присматривались къ его штукамъ, но никакъ немогли отгадать причины странныхъ явленій. Нѣмцы и нѣкоторые изъ Русскихъ просили пословъ оставить его въ Москвѣ, пока онъ покажетъ свое искусство царю и царицѣ, но желаніе ихъ не было исполнено. По отъѣздѣ нашемъ, слухъ дошелъ до царя и онъ тотчасъ послалъ вслѣдъ за нами генерала Менезіуса, бывшаго нѣкогда посломъ въ Вѣнѣ и Римѣ, съ переводчикомъ, чтобы воротить въ Москву нашего слугу фокусника. На третій день они догнали насъ въ почтовыхъ саняхъ, и объяснивъ желаніе царя, просили отпустить сказаннаго слугу и увѣряли, что царь отдаритъ его щедро и тотчасъ отпуститъ назадъ. Послы предоставили ему на волю. Онъ воротился въ Москву, въ царскихъ палатахъ два раза показывалъ свои фокусы и удивилъ царя и царицу.» По всему вѣроятію, выборъ Менезіуса для подобныхъ порученій не былъ случаенъ; поручали ему какъ знатоку дѣла, какъ человѣку болѣе другихъ извѣстному и способному выполнить такое порученіе. Съ другой стороны это раскрываетъ близость его къ Матвѣеву и вообще къ людямъ, бывшимъ тогда въ силѣ, а слѣд. и личную извѣстность самому царю.

Такимъ образомъ сказаніе Нёвиля легко можетъ быть объяснено въ томъ смыслѣ, что Менезіусъ, подъ видомъ потѣхи, обученья солдатскому строю, введенъ былъ и къ царевичу Петру. Съ паденіемъ Матвѣева удаленъ былъ и Менезіусъ, какъ человѣкъ изъявлявшій особенную ревность къ Петру и его сторонѣ. Онъ посланъ былъ въ Смоленскъ, какъ говоритъ Нёвиль. Въ 1679 году дѣйствительно ему назначенъ походъ съ полкомъ къ Кіеву противъ Турокъ [19]). Въ 1683 г. Менезіусъ снова является при Дворѣ въ качествѣ переводчика на конференціи съ Шведскимъ посоль-

---

19) Книги Разрядныя, томъ II, стр. 1159 и др.

ствомъ [20]), а въ 1689 г. онъ въ Смоленскѣ встрѣтилъ Нéвиля, также въ качествѣ переводчика и пристава. Вообще свидѣтельство Нéвиля едвали можно отвергать вполнѣ; лично познакомившись съ Менезіусомъ онъ безсомнѣнія передалъ о немъ свѣдѣнія, какія слышалъ отъ него самого [21]).

Но какъ бы то ни было, Менезіусъ ли, другой ли кто, во всякомъ случаѣ, если вѣрить словамъ Крекшина объ образованіи Петрова полка, раннія потѣхи Петра не могли быть ведены безъ руководства человѣка, знавшаго дѣло; а если притомъ существуетъ свидѣтельство о гувернерствѣ Менезіуса, то мы имѣемъ возможность принять это свидѣтельство за достовѣрное.

Военное дѣло требуетъ строгаго порядка, строгой точности и отчетливости въ поступкахъ и дѣйствіяхъ, строгаго подчиненія общему строю дѣла, однимъ словомъ требуетъ всего того, что воспитываетъ, укрѣпляетъ и укореняетъ чувство долга. Можно съ достовѣрностію полагать, что все это въ отношеніи воспитанія дѣтей въ царскомъ быту было совершенною новостію во дворцѣ царя Алексѣя Михайловича. Извѣстно, что и прежде царевичи потѣшались воинскими играми и до этого времени они можетъ быть начальствовали маленькою ратью изъ спальниковъ и стольниковъ, но тѣмъ не менѣе въ этомъ, собственно царедворческомъ полку, они все-таки оставались царевичами. Между малолѣтною ратью и ими существовало всегда огромное разстояніе, которое не представляло ни одной точки, гдѣ бы возможно было уравненіе отношеній царственнаго ребенка съ дѣтьми царедворцевъ. Мы видѣли, что игры Петра начались съ того же; ему набраны для забавы дѣти царедворцевъ. Но живой, умный, необыкновенно дѣятельный ребенокъ не могъ конечно остановиться на этомъ и безъ сомнѣнія устройство особаго полка было вызвано какими либо новыми его затѣями, которыя по живости его характера могли возникать ежечасно. Новый полкъ, сформированный по правиламъ дисциплины, былъ шагомъ впередъ, и шагомъ весьма важнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Царевичъ однакожь и здѣсь отдѣлился отъ толпы царедворческихъ дѣтей чиномъ полковника. Это очень по-

---

20) *Баронъ Мейербергъ,* соч. Аделунга, стр. 343. — 21) Лефортъ и потѣхи Петра Великаго до 1689 года, г. Устрялова, въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. LXIX. Отд. II, 44.

пятно. Если въ прежнихъ играхъ онъ оставался на каждомъ шагу царевичемъ, то и въ новой сферѣ забавъ, естественно, онъ долженъ былъ занять первенствующее мѣсто между сверстниками, ибо понятія о царственномъ значеніи его лица не могли допустить даже и въ мелочахъ никакого уравненія съ другими. Такимъ образомъ царевичь-полковникъ повидимому игралъ прежнюю роль. Но на дѣлѣ было не такъ. Весьма важно было то, что полковникъ, если и стоялъ выше солдата по своему чину, то онъ совершенно уравнивался съ солдатомъ предъ лицемъ дисциплины, порядка, военнаго стройства и вообще обязанности службы. И тотъ и другой равно несли тяжесть и отвѣтственность общаго дѣла, которое, хотя бы и въ забавѣ, все-таки становилось выше лица, представляло сущность, безъ которой немогла вестись самая забава и которой, волею неволею, а необходимо было подчиниться. Свѣтлому, еще ничѣмъ не затертому уму ребенка тотчасъ же раскрылась эта сущность, эта *служба* для всѣхъ равная въ своихъ требованіяхъ. Трехлѣтній полковникъ, являясь съ полковымъ рапортомъ къ государю-отцу, могъ ясно представлять себѣ, что онъ уже не царевичь-сынъ, а простой солдатъ, несущій свою обязанность, службу, долгъ, ибо «реченіе солдатъ, какъ и тогда понимали, означало всѣхъ людей, которые при войскѣ суть, отъ вышняго генерала даже до послѣдняго» [22]). Такимъ, какъ кажется на первый взглядъ, мелкимъ различіемъ въ положеніи ребенка нельзя пренебрегать, особенно когда желаемъ выяснить сколько нибудь причины того или другаго направленія въ его развитіи. Новое положеніе вслѣдъ за собою влечетъ и новое понятіе, новое представленіе въ умѣ о своемъ значеніи, о своихъ отношеніяхъ къ другимъ. При этомъ должно замѣтить, что игры и игрушки для ребенка представляютъ такую же серьезную дѣйствительность, какъ и для взрослыхъ дѣльныя занятія въ собственномъ смыслѣ. Ребенокъ, когда говоритъ, что онъ *играетъ*, вовсе не то думаетъ, что̀ большой, опредѣляющій этимъ словомъ, пустую по своимъ понятіямъ, дѣятельность ребенка. Каждая кукла, каждый предметъ забавы, игра всякаго рода для ребенка также важны и знаменательны, какъ вообще дѣльныя занятія для взрослыхъ или большихъ.

---

22) «О воинскомъ дѣлѣ» соч. Адама Вейде. 1698 г.; рукопись.

И такъ, въ качествѣ полковника, являясь рапортовать о дѣлахъ полка, ожидая повелѣній, исполняя ихъ, царевичь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, по необходимости, долженъ былъ знакомиться съ существеннымъ дѣломъ своей забавы, т. е. съ порядкомъ, правильностію, отчетностію воинскихъ занятій, съ ежечаснымъ трудомъ, съ очевидной потребностью ученья и знанья. Онъ не остановился на томъ, на чемъ многіе могли остановиться, именно на стремленіи только повелѣвать, которое такъ было свойственно его положенію; напротивъ, геніяльность его тѣмъ особенно и обозначается, что, вникнувъ въ сущность дѣла, онъ съ полною радостію подчинился вполнѣ всѣмъ условіямъ воинской *науки*, поставилъ выше всего не пустыя формы, ни къ чему не ведущія, а *ученье, хитрость* ратнаго дѣла, которая одна только его и интересовала. А съ этой стороны, не смотря на малыя лѣта, его потѣхи теряли уже значеніе обыкновенной дѣтской забавы и становились дѣломъ серьезнымъ, которое, въ глазахъ его, равнялось съ обученіемъ грамотѣ и другимъ предметамъ, не носившимъ имени потѣхъ и потѣшекъ. Что маленькій Петръ такъ именно понималъ свои воинскія игры, это доказывается тѣмъ, что онъ, съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе расширялъ кругъ этихъ игръ и восходилъ постепенно отъ простаго полковаго ученья ружейнымъ выметкамъ и разнымъ пріемамъ фронта, *ручнымъ ухватамъ*, какъ тогда выражались, къ артиллерійской стрѣльбѣ, къ инженерному дѣлу, къ созиданію земляныхъ окоповъ и крѣпостей, къ осадѣ и штурмованію этихъ укрѣпленій, къ разнымъ эволюціямъ на водѣ и къ мореходству. Въ такомъ пониманіи своей забавы, онъ рѣшительно расходился съ мнѣніемъ вѣка, съ своими современниками, которые уже гораздо послѣ узнали значеніе этихъ какъ бы пустяшныхъ, однимъ словомъ потѣшныхъ дѣлъ геніяльнаго ребенка.

Поистинѣ это была самая лучшая и, при тогдашнихъ средствахъ образованія, самая разумнѣйшая школа для развитія природныхъ дарованій ребенка. Здѣсь пытливый дѣтскій умъ ежеминутно находилъ себѣ дѣло. Если ручные *ухваты*, ружейныя выметки, шагистика и тому подобныя упражненія первоначальной науки представляли мало пищи для соображеній и разсужденій, пріучая только къ *бодрому, безскучному* труду, то практическое примѣненіе этихъ упражненій, штурмы и осады и т. д., давали широкій просторъ умственнымъ силамъ, вызывали ихъ къ дѣятельности самостоятельной. А для ребенка, какъ и вообще для человѣка, нѣтъ выше

радости, какъ видѣть плоды своей дѣятельности, чувствовать себя побѣдителемъ труда, однимъ словомъ чувствовать силу своихъ дарованій. Вотъ почему, когда Петръ взялъ приступомъ первый потѣшный городокъ, радости его при этомъ событіи не можно было описать, какъ свидѣтельствуетъ Крекшинъ. Это было полное торжество безскучнаго труда и дѣтской мысли, неутомимо работавшихъ въ воинскомъ ученьи съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Мы не говоримъ уже о томъ, какъ благотворны были потѣхи Петра для развитія физическихъ силъ ребенка. Необыкновенно крѣпкое сложеніе и цвѣтущее здоровье, которымъ онъ обладалъ, служитъ полнымъ доказательствомъ, какъ были полезны эти дѣятельныя воинскія игрушки.

Многое также въ этой школѣ послужило задаткомъ въ опредѣленіи и направленіи нравственной стороны. Привычка къ труду неутомимому и безскучному, привычка къ лишеніямъ разнаго рода, какія необходимо являлись при исполненіи различныхъ обязанностей, строгій порядокъ и точность въ дѣйствіяхъ, безъ чего невозможенъ былъ правильный и успѣшный ходъ дѣла, т. е. самой игры, а слѣд. строгость и нелицепріятность взысканій за нарушеніе установленнаго порядка — все это, хотя и въ маломъ видѣ, хотя и въ зародышахъ, представляло богатую почву для развитія тѣхъ высокихъ нравственныхъ качествъ, совокупность которыхъ явила безпримѣрный образъ въ исторіи государей.

Но важнѣе всего по своимъ послѣдствіямъ было то, что Петръ въ этой только школѣ могъ выяснить себѣ великую истину: ставить дѣло выше лица, общую цѣль выше личной цѣли, — и въ этой только школѣ могъ послѣдовательно низвести свое значеніе со степени царевича до степени полнаго солдата, а потомъ перваго работника и слуги государству. Мы замѣтили уже, что чинъ полковника былъ первымъ и важнымъ шагомъ, шагомъ именно къ тому, чтобъ сдѣлаться полнымъ солдатомъ. Если цѣль хорошаго солдата быть генераломъ, какъ говорятъ, то несравненно высшая цѣль предстоитъ генералу, и особенно такому, каковъ былъ Петръ, готовившійся управлять громаднымъ и при томъ неустроеннымъ государствомъ; эта-то высокая по своей нравственной основѣ цѣль заключается въ томъ, чтобъ быть полнымъ солдатомъ, т. е. войдти въ сферу низшей, чернорабочей дѣятельности, до подробностей узнать ея требованія, нужды, труды и подвиги, однимъ словомъ,

сродниться съ нею и такимъ образомъ получить законную возможность разумно ею повелѣвать, разумно употреблять ея силы на общую пользу. Сдѣлавшись *рядовымъ*, т. е. ставъ *въ ряду* — обыкновенныхъ служебныхъ лицъ, Петръ тѣмъ самымъ вошелъ въ незнакомый для царевичей и по многимъ причинамъ недоступный дотолѣ кругъ простыхъ и прямыхъ отношеній между сверстниками-сослуживцами. Онъ сталъ лицомъ къ лицу съ черною работою и искренно полюбилъ ее, какъ существенную основу всякаго дѣла. Взглядъ его и на свое призваніе и на людей по необходимости долженъ былъ измѣниться. Прежнія формы отношеній къ подчиненной средѣ, всѣ эти *чины* и *чинность*, были забыты, сдѣлались даже смѣшными и удалены на задній планъ; впереди поставлено было дѣло, трудъ и работа, а потому и каждый истинный работникъ становился для Петра не только сослуживцемъ, товарищемъ, но близкимъ другомъ. Къ такимъ людямъ онъ привязывался всѣмъ сердцемъ, глубоко цѣнилъ и уважалъ ихъ. Всѣ обыкновенныя, существующія, отличія и различія людей совершенно сгладились предъ этимъ новымъ опредѣленіемъ ихъ значенія и достоинствъ. А какъ важно и благотворно было это новое начало отношеній для государственной дѣятельности, тому служитъ доказательствомъ вся эпоха преобразованій, явившая столько талантовъ, способностей, умственныхъ и нравственныхъ силъ, которыя до того времени или дремали среди умственнаго застоя или почитались контробандою.

Кромѣ того при этомъ непосредственномъ, ближайшемъ знакомствѣ съ чернымъ трудомъ и его представителями могъ съ большею силою выработаться и тотъ необыкновенный даръ умѣнья открывать въ людяхъ способности и таланты, выбирать полезныхъ дѣятелей, даръ, которымъ въ высшей степени обладалъ творецъ новаго поряда въ Русской жизни...

Вообще время первоначальныхъ потѣхъ Петра по своему значенію для его исторіи заслуживаетъ подробнаго изученія и тщательныхъ розысканій.

Но вотъ среди дѣтскихъ игръ и потѣхъ наступило наконецъ время *книжнаго ученія* и *писанія*. Крекшинъ разсказываетъ, что книжное ученіе, подъ руководствомъ Зотова, началось 12 марта 1677 года, т. е. когда царевичу былъ на исходѣ пятый годъ. Дѣйствительно въ царскомъ быту обученье грамотѣ начиналось съ пятилѣтняго возраста. Но принимая въ соображеніе дѣтство Петра,

которое, какъ отчасти уже видѣли, весьма рано выразило силу способностей ребенка, можно усомниться въ точной справедливости этого свидѣтельства, и тѣмъ болѣе, что Крекшинъ умалчиваетъ о томъ, съ азбуки ли началъ Зотовъ обученіе или съ другихъ книгъ, слѣдовавшихъ по тогдашнему курсу за азбукою. При томъ Крекшинъ писалъ объ этомъ, безъ сомнѣнія, по преданію, по разсказамъ. Наводитъ насъ на сомнѣніе одно официальное указаніе, которое, хотя и не представляетъ прямаго свидѣтельства по этому предмету, тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія. Изъ расходныхъ книгъ Тайнаго Приказа узнаемъ, что подьячій тайныхъ дѣлъ Григорій Гавриловъ въ октябрѣ и ноябрѣ 1675 г. писалъ *въ хоромы* къ государю *азбуку* и *часословъ*. 26 ноября, когда вѣроятно онъ окончилъ свой трудъ, ему выдано въ награду 10 рублей, а 27 числа въ соборѣ Николы Гостунскаго служили молебенъ *для многолѣтнаго здравія* царевича Петра Алексѣевича, за что̀ причту выдано: протопопу 10 р., тремъ священникамъ по 5 р., двумъ дьяконамъ по 3 р., дьячку полтора рубли, тремъ понамарямъ по 25 алтынъ. Извѣстно, что ученье всегда начиналось молебномъ, который служили не только дома, но и по церквамъ. Совпаденіе этихъ двухъ обстоятельствъ наводитъ на мысль, не началось ли ученье грамотѣ съ этого времени, т. е. слишкомъ за годъ раньше, чѣмъ свидѣтельствуетъ Крекшинъ. Къ тому же былъ обычай ученье начинать съ пророка Наума, т. е. съ 1 декабря. Что же касается до того, что азбука и чосословъ были писаные, а не печатные, какихъ уже передъ тѣмъ временемъ было нѣсколько изданій, то безъ сомнѣнія они были написаны крупнымъ уставомъ и съ разными украшеніями, что на первый разъ для ребенка было даже необходимо.

Впрочемъ наше предположеніе требуетъ еще болѣе крѣпкихъ подтвержденій, за неимѣніемъ которыхъ остановимся на разсказѣ Крекшина. Наступало пять лѣтъ царевичу, но возрастомъ и остротою разума онъ одаренъ былъ не по лѣтамъ. Отца онъ лишился на четвертомъ еще году. Царь Ѳедоръ Алексѣевичь, старшій братъ Петра — вельми любяше царевича и зрѣнія его ради часто приходя къ вдовствующей царицѣ Наталіи Кириловнѣ, посовѣтовалъ однажды, что время посадить его за грамоту. Нужно было сыскать учителя, кроткаго, смиреннаго и вѣдущаго божественное писаніе. Бывшій при этомъ вмѣстѣ съ государемъ боя-

ринъ Ѳедоръ Соковнинъ [23]) донесъ ихъ величествамъ, что имѣется мужъ кроткій и смиренный и всякихъ добродѣтелей исполненъ, въ грамотѣ и писаніи искусенъ, изъ приказныхъ, Никита Моисеевъ Зотовъ. Государь повелѣлъ представить его. Необъявляя Зотову о царскомъ рѣшеніи, Соковнинъ привезъ его во дворецъ, ввелъ въ переднюю комнату и велѣлъ дожидаться. Чрезъ нѣсколько времени одинъ изъ комнатныхъ вышелъ и спросилъ: «кто здѣсь Никита Зотовъ?» Зотовъ объявилъ себя. — Государь изволитъ тебя спрашивать, пойди вскорѣ — сказалъ комнатный. При этихъ словахъ Зотовъ пришелъ въ страхъ и безпамятство, такъ что немогъ двинуться съ мѣста. Онъ вовсе не подозрѣвалъ по какому случаю долженъ былъ предстать предъ свѣтлыя очи государя. Комнатный взялъ за руку кроткаго и смиреннаго учителя и въ утѣшеніе объявилъ ему, что милости ради государь его требуетъ. Но оробѣвшій учитель просилъ, чтобъ дали хоть малое время, когда придетъ въ память. Постоявъ немного, сотворилъ онъ крестное знаменіе и пошелъ за комнатнымъ во внутренніе покои къ царскому величеству. Государь милостиво принялъ его, пожаловавъ къ рукѣ. Началось испытаніе. Зотову велѣли писать и потомъ честь книги. Къ испытанію былъ призванъ Симеонъ Полоцкій, мужъ премудрый въ писаніи, который разсмотря писаніе и слушавъ чтеніе Зотова, объявилъ государю, яко право то писаніе и глаголъ чтенія. Проэкзаменованный учитель былъ отведенъ Соковнинымъ къ царицѣ. Когда Соковнинъ представилъ его, царица, держа за руку маленькаго Петра, обратилась къ избранному учителю съ слѣдующею рѣчью: «Извѣстна я о тебѣ, что ты житія благаго, божественное писаніе знаешь, — вручаю тебѣ единороднаго моего сына. Прими его и прилежи къ наученію божественной мудрости и страху божію и благочинному житію и писанію.» До сихъ поръ Зотовъ мало понималъ въ чемъ дѣло. Услышавъ повелѣніе царицы, — весь обліяся слезами, упалъ къ ея ногамъ и, трясеся отъ страха и слезъ, проговорилъ: «нѣсмь достоинъ принять въ хранилище мое толикое сокровище.» Государыня, повелѣвъ встать, продолжала: «Пріими отъ рукъ моихъ, не отрицайся принять. О добродѣтели и смиреніи

---

23) Соковнинъ въ 1676 г. былъ думнымъ дворяниномъ, а въ 1678 г. окольничимъ. См. Двор. Разр. т. IV. За 1677 годъ разрядовъ не сохранилось и потому неизвѣстно, когда именно Соковнинъ пожалованъ въ окольничіе.

твоемъ я извѣстна.» Зотовъ же не возста, лежа у ногъ, помышляя свое убожество. Государыня, снова повелѣвъ встать, пожаловала его къ рукѣ и приказала явиться наутріе для ученія царевича». На другой день утромъ, въ присутствіи царя Θеодора, патріархъ, сотворя обычное моленіе, окропя блаженнаго отрока святою водою и благословивъ, вручилъ его Зотову. Зотовъ, посадя царевича на мѣсто, сотворилъ ему земное поклоненіе и началъ ученіе. Въ то же время учитель былъ щедро награжденъ: патріархъ пожаловалъ ему сто рублей, государь — дворъ, государыня двѣ пары богатаго платья и весь уборъ.

Царевичъ учился прилежно и охотно. Главный и первый предметъ преподаванія заключался въ чтеніи и ученіи часослова, псалтыря, Дѣяній и Евангелія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Зотовъ же училъ царевича и писать. Обученье письму началось, кажется, на восьмомъ уже году, на что указываетъ извѣстіе о переплетѣ въ червчатый бархатъ *царевичевой буквари* (прописи) 15 марта 1680 года. Читать и писать царевичъ учился на особомъ *учительномъ налоѣ*, шириною въ $1^1/_2$ арш., вышиною въ аршинъ, который въ 1680 г. былъ обитъ на хлопчатой бумагѣ, червчатымъ атласомъ съ серебрянымъ галуномъ, а въ 1682 г. алымъ атласомъ.

Не встрѣтилось намъ извѣстій о томъ, учился ли царевичъ церковному пѣнію, которое какъ извѣстно, составляло необходимую и неотмѣнную часть тогдашняго начальнаго образованія. Отсутствіе положительнаго указанія по этому предмету не можетъ служить доказательствомъ, что пѣніе не входило въ первое ученіе Петра. При томъ кромѣ Зотова въ современныхъ расходныхъ запискахъ (1683 г.) упоминается еще *учитель* Афанасій Алексѣевъ Нестеровъ, который можетъ быть и былъ учителемъ пѣнія.

Но обыкновенный курсъ ученія значительно пополнялся при руководствѣ Зотова другими средствами образованія. Въ праздное время царевичъ съ любопытствомъ слушалъ *исторіи*, дѣла храбрыхъ и премудрыхъ царей, любилъ смотрѣть книги съ кунштами, т. е. съ рисунками, съ которыми онъ былъ уже знакомъ еще до начала обученія грамотѣ. Книги эти, составляемыя для забавы дѣтей, назывались обыкновенно *потѣшными*. Но умный учитель обратилъ на это особенное вниманіе и представилъ царицѣ, что такимъ легкимъ и занятнымъ способомъ можно познакомить царевича со многими полезными знаніями и просилъ, чтобъ были избраны искусные художники для составленія подобныхъ

книгъ и *училищъ*, т. е. иллюстрированныхъ тетрадей. Государыня весьма обрадовалась этому предложенію, повелѣла выдать изъ домашней царской библіотеки всѣ историческія «книги съ кунштами и всея Россіи книги съ рисунками градовъ и книги многія знатныхъ во вселенной городовъ». При помощи тогдашнихъ живописцевъ, Зотовъ составилъ значительное собраніе разныхъ кунштовъ, приказавъ написать лучшимъ драгимъ мастерствомъ, красками: грады, палаты, зданія, дѣла военныя, великіе корабли и вообще исторіи лицевыя съ прописьми, т. е. съ текстомъ и распредѣлилъ всѣ эти книги и училища по разнымъ покоямъ царевичевыхъ хоромъ. Когда царевичь въ ученіи книжномъ слишкомъ утруждался, Зотовъ бралъ изъ рукъ его книгу и въ увеселеніе сказывалъ: «о блаженныхъ дѣлахъ родителя его, царя Алексѣя Михайловича и царя Ивана Васильевича, храбрыя ихъ и военныя дѣла и дальные нужные походы, бои, взятье городовъ, и колико претерпѣвали нужду и тяготу больше простаго народа, и тѣмъ коликія благополучія государству пріобрѣли, и государство Россійское распространили. Такъ повѣдалъ дѣла в. к. Дмитрія Донскаго и дѣла князя Владиміра и Александра Невскаго и о прочихъ». А чтобъ представить все это наглядно, показывалъ ему изображеніе разсказанныхъ исторій и подвиговъ и переходя изъ комнаты въ комнату, знакомилъ его съ различными *науками,* присовокупляя, что безъ нихъ державнымъ монархамъ невозможно быть. Разсказъ Крекшина вполнѣ подтверждается современными офиціальными свидѣтельствами. Въ описаніи царскаго домашняго быта [24]) мы уже имѣли случай замѣтить, что обученіе дѣтей или точнѣе передача имъ разныхъ свѣдѣній, доступныхъ тому времени, была ведена посредствомъ картинокъ и имѣла довольно правильный составъ. Книги съ картинками историческаго содержанія назывались *царственными*, потому что излагали исторіи царствъ. Всѣ другіе предметы, изображенные въ картинкахъ, свѣтскаго содержанія, носили имя *потѣшныхъ,* увеселительныхъ, служившихъ для забавы, ибо назидательнымъ, учительнымъ въ собственномъ смыслѣ, почиталось одно только *Св. Писаніе* и вообще книги церковноучительныя. По этому и всѣ эстампы, гравюры, привозимыя съ Запада, также носили названіе потѣшныхъ фряжскихъ и нѣмецкихъ листовъ.

---

24) От. Зап. т. XCVII.

Такимъ образомъ Зотовъ не былъ первымъ вводителемъ этой методы знакомить дѣтей съ разными предметами быта и тогдашнихъ знаній посредствомъ картинокъ, какъ можно бы отчасти заключить изъ словъ Крекшина. Онъ могъ сдѣлать только болѣе обширное приложеніе этой методы при обученіи Петра. Еще князь Щербатовъ, издавая въ прошломъ столѣтіи разные *лѣтописцы* подъ именемъ «царственной книги», «царственнаго лѣтописца» и «древняго лѣтописца», которые были украшены множествомъ картинъ, замѣтилъ, что эти книги составляли нѣкогда одно цѣлое и на основаніи словъ Крекшина предположилъ, что сіи сочиненія могли быть употреблены для науки Петру Великому. Дѣйствительно въ расходныхъ запискахъ 1677 года встрѣчаемъ указаніе, что 24 марта, дьякъ Андрей Юдинъ принесъ въ оружейную палату, которая въ то время завѣдывала иконописными и живописными работами, «*книгу царственную въ лицахъ*, писана на александрѣйской бумагѣ въ десть, была переплетена, и изъ переплету вывалилась, и многіе листы ознаменены, а не выцвѣчены, шестьсотъ тринадцать листовъ, а на тѣхъ листахъ тысяча семдесятъ два мѣста (рисунковъ); а приказалъ тое книгу разцвѣтить иконописцамъ; а которые драные листы въ той книгѣ и тѣ листы переписать вновь; а сказалъ: тое книгу выдалъ ему отъ в. государя (Ѳеодора Алексѣевича) изъ хоромъ бояринъ и дворецкой и оружейничей Богданъ Матвѣевичъ Хитрово». Книга была отдана иконописцу Филиппу Павлову съ товарищи на подрядъ, по уговору за дѣло со всякаго *мѣста* (рисунка) по 6 денегъ. Такимъ образомъ время, когда эта книга поступила въ руки мастеровъ для возобновленія, именно 24 марта, совершенно совпадаетъ съ началомъ обученія Петра Зотовымъ (12 марта). Припомнимъ, что тогда же царица Наталія Кириловна повелѣла отдать Зотову и всѣ историческія книги съ кунштами. Нѣтъ сомнѣнія, что это та самая книга, по которой Петръ знакомился съ Русскою исторіей и которая потомъ въ безпорядкѣ найдена Щербатовымъ и издана подъ именемъ лѣтописцевъ. Теперь она принадлежитъ патріаршему книгохранилищу и пріобрѣтаетъ въ глазахъ любителя старины новую цѣну, какъ памятникъ первоначальной науки Великаго Преобразователя.

Потѣшныя книги и потѣшные фряжскіе листы по своему содержанію принадлежали также большею частію къ историческому отдѣлу свѣдѣній. Подъ словомъ потѣшный, какъ мы замѣтили, разумѣли тогда все, что не входило въ кругъ церковной книжности.

Поэтому потѣшныя книги и потѣшные листы могли быть сказочнаго, забавнаго содержанія, а также изображали и описывали предметы болѣе или менѣе назидательные или, какъ свидѣтельствуетъ Крекшинъ, грады, палаты, зданія, великіе корабли, дѣла военныя, бои, взятіе городовъ, исторіи лицевыя и т. п. Впрочемъ доступныя намъ офиціальныя указанія о потѣшныхъ книгахъ и листахъ рѣдко обмолвливаются объ ихъ содержаніи, и потому мы совершенно лишены возможности опредѣлить, какими именно изображеніями начались образовательныя забавы маленькаго Петра. Извѣстно только, что потѣшныя книги очень рано вошли въ кругъ этихъ забавъ. Такъ 8 генваря 1675 года, когда царевичу былъ третій еще годъ, иконописецъ Тимофей Рязанецъ писалъ ему потѣшную книгу въ четверть листа, разцвѣтивъ ее шафраномъ, виницейскою ярью и бѣлилами. Написать приказала боярыня Матрена Васильевна Блохина. 2 іюня 1676 г. иконописецъ Никифоръ Бовыкинъ также писалъ книгу шафраномъ на толстой и гладкой доброй бумагѣ, по приказу боярыни Матрены Романовны Леонтьевой. 20 іюня иконописецъ Ѳедоръ Матвѣевъ писалъ потѣшную книгу и разцвѣчивалъ сусальнымъ золотомъ по приказу боярина оружейничаго Б. М. Хитрово. 1680 г. генваря 15 и февраля 17 Тимофей Рязанецъ разцвѣчивалъ шафраномъ потѣшныя тетради по приказу боярина Род. Матв. Стрѣшнева. 19 марта одна потѣшная книжка была переплетена въ алый бархатъ. Но само собою разумѣется, что эти отрывочныя свѣдѣнія, случайно сохранившіяся, не даютъ полнаго отчета о всѣхъ книгахъ и тетрадяхъ, какія въ разное время были изготовлены царевичу. Онѣ не могутъ также положительно указывать, что забавы царевича этими книжками начались на третьемъ году; потѣшныя книги, тетради и листы поступали въ число игрушекъ съ того времени, какъ ребенокъ начиналъ смыслить. Сестрѣ Петра царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ потѣшная книжка была написана, когда ей было только полтора года, 7 февраля 1675 года.

О потѣшныхъ листахъ офиціальныя записки сообщаютъ, что въ 1680 г. 11 марта царевичу въ хоромы было куплено потѣшныхъ листовъ на гривну, а въ 1682 г. 29 апрѣля стольникъ Тихонъ Никитичь Стрѣшневъ въ хоромы взялъ *сто листовъ фряжскихъ* [25]).

---

25) Книги Арх. Ор. П. № 240 и 543.

Нужно замѣтить, что фряжскими листами убирались также и стѣны въ комнатахъ, слѣд. въ настоящемъ случаѣ эти листы могли быть употреблены и на такую уборку. Но все равно, на стѣнахъ ли, въ рукахъ ли ребенка, эти листы были весьма важнымъ и по времени въ высшей степени полезнымъ руководствомъ для обогащенія дѣтскаго ума разнородными болѣе или менѣе практическими свѣдѣніями, которыя восполняли въ тогдашнемъ образованіи весьма ощутительное отсутствіе наукъ. Къ этимъ гравированнымъ листамъ присоединялись и рисованные, вѣроятно пополнявшіе выборъ печатныхъ листовъ. Въ 1679 году 19 декабря живописецъ Карпъ Ивановъ писалъ царевичу «на Александрѣйскомъ листѣ красками и золотомъ: *двѣнадцать мѣсяцовъ и бѣги небесные противъ того какъ въ столовой въ подволокахъ написано*», т. е. въ плафонѣ столовой комнаты.

Такимъ образомъ курсъ обученія былъ по преимуществу практическій, болѣе увеселительный или потѣшный, какъ тогда говорили. По содержанію онъ былъ слишкомъ бѣденъ и не имѣлъ никакой заранѣе опредѣленной системы, но зато какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ вкусамъ и потребностямъ даровитаго ученика, соотвѣтствовалъ именно тою стороною, которая вмѣстѣ съ первыми его играми, присвоила такой *дѣльный* и дѣятельный характеръ дальнѣйшимъ потѣхамъ и забавамъ царевича.

Скоро и легко маленькій Петръ прошелъ всѣ науки. «По немногомъ ученіи и трудахъ богодарованною премудростію все совершенно обучи, замѣчаетъ Крекшинъ, а *книжное ученіе* толико имѣ въ твердости, что все Евангеліе и Апостолъ наизусть или памятью остро прочиталъ. Егда сѣмя благихъ ученій вкоренися въ сердце юнаго отрока, тогда разжеся любовію, еже бы вся, предлагаемая во ученіи, дѣйствомъ исполнить, созидать грады, и тажде брать, полки водить и дѣйствіе боевъ и морское плаваніе видѣть, и красная зданія созидать». Если съ одной стороны къ тому же самому вели первыя его игры, то съ другой книги съ рисунками, фряжскіе листы и разные куншты съ изображеніемъ военныхъ дѣлъ болѣе и болѣе укрѣпляли преобладающее направленіе въ занятіяхъ и забавахъ ребенка и съ каждымъ днемъ расширяли кругъ его свѣдѣній объ этихъ любимыхъ предметахъ. Потѣхи шли впередъ и впередъ, становились серьезнѣе, принимали видъ дѣйствительнаго служебнаго дѣла.

Въ началѣ 1682 года у хоромъ царевича была устроена *потѣшная площадка*, на которой поставлены *потѣшный* деревянный *шатеръ* и *потѣшная изба* — это было нѣчто въ родѣ воинскаго стана. На плащадкѣ стояли *рогатки* и *деревянныя пушки*, изъ которыхъ, вѣроятно посредствомъ какого-либо механизма, стрѣляли деревянными ядрами, обтянутыми кожей. Соберемъ опять свѣдѣнія о заготовленіи съ этого времени разныхъ потѣшныхъ воинскихъ предметовъ. 23 марта 1682 г. бояринъ Родіонъ Матвѣевичь Стрѣшневъ приказалъ починить два потѣшныхъ барабана, присланныхъ изъ хоромъ царевича, да вновь сдѣлать большой барабанъ «противъ стрѣлецкихъ». Новый барабанъ съ кожею, снурами и деревомъ стоилъ рубль. Изготовленные барабаны поданы въ хоромы. 13 апрѣля Стрѣшневъ снова выдалъ изъ хоромъ потѣшный барабанъ для починки заново. 13 января 1683 г. велѣно сдѣлать въ хоромы двѣ пушки деревянныя, мѣрою одна въ длину аршинъ, другая въ полтора аршина, на станкахъ, съ дышлы и съ колесы окованными; пушки внутри опаяны жестью, а снаружи высеребрены; станки, дышла и колесы росписаны зеленымъ аспидомъ (подъ мраморъ), всѣ украшенія на нихъ, коймы, въ кругахъ орлы и клейма и репьи были оловянныя литыя. 26 марта пушки поданы въ хоромы.

6 мая 1683 года, въ 12 часу дня, Петръ, уже царь, выѣхалъ для потѣхъ въ село Воробьево и прожилъ тамъ все лѣто до половины августа, возвращаясь въ Москву только на нѣсколько часовъ, по совершенной необходимости, для присутствія при церковныхъ торжественныхъ службахъ и церемоніяхъ и по случаю пріема посланниковъ. Судя по многимъ указаніямъ расходныхъ записокъ дворца, воинскія потѣхи въ это время шли съ большою дѣятельностію, барабаны немилосердо пробивались насквозь и высылались въ Москву, въ оружейную палату для починки. Еще предъ выѣздомъ, мая 3, былъ присланъ для починки потѣшный большой барабанъ, у котораго верхняя кожа во многихъ мѣстахъ была пробита и струны изорваны. Мая 7 присланы для починки три потѣшные барабана; мая 9 два пробитыхъ барабана возобновлены и росписаны красками; мая 20 присланы два барабана, одинъ большой, другой маленькій, кожи у нихъ всѣ проломаны. Потомъ дошло дѣло и до пушекъ, но уже не деревянныхъ, а мѣдныхъ и желѣзныхъ. 4 іюля стольникъ Гаврила Ивановъ Головкинъ выдалъ отъ государя изъ хоромъ «*шестчадцать пушекъ* малыхъ, и въ томъ

числѣ пушка большая безъ станку, двѣ пушки большіе на полковыхъ станкахъ, двѣ пушки поменши тѣхъ на полковыхъ же станкахъ, три пушки верховые съ станками, двѣ пушки безъ станковъ большіе, пушка малая безъ станку, три пушки на волоковыхъ станкахъ мѣдные, двѣ пушки желѣзныя безъ станковъ, а приказалъ къ первой пушкѣ сдѣлать два станка одинъ полковой, другой волоковой; а которые пушки безъ станковъ, къ тѣмъ пушкамъ придѣлать станки полковые и росписать красками цвѣтными, а старые станки починить и колеса придѣлать новые». Въ іюлѣ же, вѣроятно полковымъ музыкантамъ, *сиповщикамъ*, сдѣлано 25 сипошь (дудокъ) деревянныхъ точеныхъ, кленовыхъ. Извѣстіе о приведеніи въ порядокъ мѣдныхъ и желѣзныхъ пушекъ даетъ понятіе, что пушки эти были уже въ дѣлѣ. Дѣйствительно въ этомъ Воробьевскомъ походѣ къ обыкновеннымъ экзерциціямъ и потѣхамъ присоединились и потѣхи огнестрѣльныя. Въ маѣ на Воробьевѣ, пушкарскаго приказа гранатнаго и огнестрѣльнаго дѣла русскими мастерами и учениками произведена была *потѣшная огнестрѣльная стрѣльба* подъ руководствомъ огнестрѣльнаго мастера Симона Зомера, выѣхавшаго въ 1682 году и служившаго капитаномъ въ Выборномъ полку думнаго генерала Агея Алексѣевича Шепелева. 27 мая выдано этимъ мастерамъ по портищу сукна. Въ другой разъ они награждены августа 17, причемъ вообще сказано, что государь пожаловалъ за ихъ *многіе огнестрѣльные потѣшные стрѣльбы, что они стрѣльбы дѣлали въ походѣ въ селѣ Воробьевѣ предъ великимъ государемъ, мая 30 дня стрѣляли»*.

Такимъ образомъ 1683 годъ былъ, кажется, первымъ годомъ, когда Петръ перенесъ свои потѣхи въ поле. Событія 1682 года, когда онъ сдѣлался царемъ и слѣд. получилъ большую свободу и большій просторъ въ своихъ забавахъ, не позволили воспользоваться въ то же лѣто пріобрѣтенною властію вполнѣ распоряжать необходимыми средствами для расширенія круга любимыхъ забавъ.

Къ этому же году, еще къ началу кампаніи, какъ можно выразиться, относится безъ сомнѣнія и тотъ анекдотъ, по поводу псовой охоты, который разсказываетъ Крекшинъ. «Любомудрый и трудолюбивый монархъ и въ дѣтскихъ лѣтахъ не дѣтскими и не псовыми и птичьими охотами забаву имѣлъ, но отдѣска любилъ военныя науки, для чего набралъ невзрослыхъ и малыхъ и съ ними упражнялся, созидая грады, ведя апроши, штурмуя; полевые,

конные и пѣшіе, полки уча экзерциціи, и даже имя свое написалъ въ списокъ съ рядовыми солдатами». Но такіе потѣхи и труды естественно не могли нравиться царедворцамъ, стольникамъ, дѣтямъ бояръ и другихъ сановниковъ, обязанныхъ быть при немъ по наряду, по службѣ. «Бывшіе въ лѣтахъ и жившіе въ лѣностяхъ, продолжаетъ Крекшинъ, возмнили себѣ въ великій трудъ и неспокойство эти полевыя потѣхи и выхваляли государю охоту со псы и птицы, себѣ въ облегченіе». Петръ согласился потѣшиться этою охотою, назначилъ день. Когда все было готово, прибывъ на мѣсто, онъ предложилъ собранію, что желаетъ охотиться только съ самими царедворцами, а не съ ихъ холопями и велѣлъ служителямъ ѣхать по домамъ, а псовъ отдать ихъ господамъ. Такимъ образомъ псарня очутилась на рукахъ у самихъ бояръ, которые своры привязали къ сѣдламъ или вздѣли на руки. Но по непривычкѣ къ дѣлу новыхъ псарей, псарня вскорѣ замѣшалась, а съ нею замѣшались и кони и, освирѣпѣвъ, скакали по полю, влача псовъ и выбивая изъ сѣдла наѣздниковъ, изъ которыхъ многіе едва живы остались. Это доставило большое веселье государю. На другой день Петръ назначилъ охоту съ птицами и спросилъ царедворцевъ — желаютъ ли еще веселиться? Поняли царедворцы, что не лежитъ сердце у государя къ этимъ забавамъ и отреклись. Тогда Петръ спросилъ ихъ: псарями ли лучше быть или свѣтлыми воинами, въ шнурахъ псовыхъ лучше ли находить забаву или въ оружіи? Нѣтъ, въ оружіи слава всесвѣтлая, — отвѣчали царедворцы. «А когда всесвѣтлая слава въ оружіи, такъ зачѣмъ же къ охотѣ отъ дѣлъ царскихъ меня отвлекаете, и отъ славы къ безславью. Я царь, и подобаетъ мнѣ быть воину, а псы приличны пастухамъ и тѣмъ подобнымъ». Можно было бы усомниться въ справедливости этого разсказа или по крайней мѣрѣ въ рѣчахъ, произнесенныхъ одиннадцатилѣтнимъ царемъ, тѣмъ болѣе, что Крекшинъ вообще любитъ влагать въ уста своего героя краснорѣчивыя и разумныя не по лѣтамъ рѣчи. Но имѣя въ виду весь ходъ дѣтскихъ забавъ Петра, можно съ полною вѣрою допустить, что онъ такъ именно мыслилъ о своемъ призваніи и слѣдовательно могъ такъ именно повести разсказанное событіе и такъ выразить царедворцамъ свое мнѣніе о назначеніи царя, какъ перваго въ царствѣ воина. Что же касается до того обстоятельства, что случай этотъ относится къ Воробьевскому походу 1683 года, то на это указываютъ расходныя записки, въ которыхъ между прочимъ на-

ходимъ что 21 апрѣля для царя были приготовлены *трои нитяныя своры* и *три ременные ошейника*, а 2 мая куплена *живая лисица съ дѣтьми* за два рубли, которая вѣроятно въ концѣ мая и была отвезена въ село Воробьево, ибо за провозъ ея туда выдано 2 іюня постельному сторожу Тимошкѣ Ѳедорову четыре алтына [26]).

Въ то время, какъ одиннадцатилѣтній царь Петръ забавлялся на Воробьевыхъ горахъ воинскими потѣхами, въ Москву, въ іюлѣ, прибылъ секретарь Шведскаго посольства и извѣстный путешественникъ по Азіи Кемпферъ. Онъ видѣлъ обоихъ царей, Петра и слабаго брата его Ивана, которые принимали посольство въ Грановитой Палатѣ. Разсказъ Кемпфера объ этой аудіенціи особенно любопытенъ въ отношеніи того впечатлѣнія, какое произвелъ на путешественника младшій царь Петръ. Оба ихъ величества, пишетъ онъ, сидѣли на двухъ серебряныхъ креслахъ, на возвышеніи въ нѣсколько ступеней. Надъ каждымъ кресломъ висѣла икона. Одежда царей блистала золотомъ и дорогими камнями. Вмѣсто скипетровъ они держали въ рукахъ длинные золотые жезлы. «Старшій сидѣлъ почти неподвижно съ потупленными, совсѣмъ почти закрытыми глазами, на которые низко была опущена шапка; *младшій напротивъ того взиралъ на всѣхъ съ открытымъ прелестнымъ лицемъ, въ коемъ, при обращеніи къ нему рѣчи, безпрестанно играла кровь юношества; дивная его красота плѣняла всѣхъ предстоящихъ, такъ что, еслибъ это была простаго состоянія дѣвица, а не царская особа, то безъ сомнѣнія всѣ бы должны влюбиться въ него*». Кемпферъ даетъ Петру даже 16 лѣтъ, если это не описка или не опечатка издателей его сочиненія. Когда посланникъ, произнеся рѣчь, подалъ королевскія грамоты, старшій царь, Иванъ Алексѣевичъ, протянувъ внезапно и преждевременно руку свою (для цѣлованія), привелъ посольство въ немалое замѣшательство. «Послѣ того оба царя встали и, приподнявъ нѣсколько шапки, спросили о здравіи короля. При семъ молодой наставникъ старшаго царя поднялъ его руку и такъ сказать взялъ оною его шапку. Младшій же царь по живости своей поспѣшилъ встать и сдѣлать вопросъ [27]), такъ что его старый наставникъ принужденъ былъ

---

26) Книга Арх. Ор. П. № 253. — 27) Обыкновенная формула: Его королевское величество братъ нашъ, и пр. по здоровуль?

удержать его, дабы дать старшему брату время встать и вмѣстѣ съ нимъ вопросить [28]).»

Другой случай, характеризующій живость Петра, еще трехлѣтняго ребенка, разсказываетъ въ своихъ запискахъ Лизекъ. «Австрійское посольство, котораго онъ былъ также секретаремъ, прибывшее въ Москву въ началѣ сентября 1675 г., было принято царемъ въ Коломенскомъ дворцѣ, потому что царица желала видѣть церемонію въѣзда и пріема пословъ, не бывъ разумѣется видимою сама; загородный же дворецъ представлялъ къ тому всѣ удобства. Во время аудіенціи царица съ семействомъ находилась въ смежной комнатѣ и смотрѣла на церемонію чрезъ отверстіе притворенной двери. Но по окончаніи пріема маленькій князь, младшій сынъ, замѣчаетъ Лизекъ, открылъ потаенное убѣжище матери, отворивъ дверь, прежде нежели послы вышли изъ аудіенцъ-залы [29]).

Къ сожалѣнію, о подобныхъ случаяхъ, о дѣлахъ его дѣтства, мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія. Крекшинъ разсказываетъ еще о томъ, какъ маленькій Петръ жаловался брату Ѳеодору на новаго Годунова — боярина Языкова, который предлагалъ и даже дерзновенно будто бы выговаривалъ царицѣ Наталіи Кириловнѣ, жаловавшейся на утѣсненіе въ покояхъ, выѣхать въ другой дворецъ, можетъ-быть одинъ изъ загородныхъ. Видя печаль матери по поводу этого предложенія, царевичь однажды сказалъ Зотову: «идемъ, да поклонюся брату моему, царю Ѳеодору Алексѣевичу». Ни Зотовъ, ни царица не знали будто бы о его намѣреніи. Пришедъ къ царю, онъ держалъ, при всемъ синклитѣ, слѣдующую рѣчь: «Жалобу приношу на Годунова, нарицаемаго Языкова, который хочетъ меня нечестно и съ матерью моею выслать изъ дома моего отца и отъ тебя, любезнаго моего брата, какъ древній Годуновъ царевича Димитрія. Если онъ (Языковъ) тебѣ и угоденъ, то я все таки хочу жить вмѣстѣ съ тобою въ однихъ чертогахъ, чтобъ спасти жизнь свою отъ этого убійцы.» Облившись слезами и обратясь къ предстоявшему синклиту, онъ заключилъ: «или я не сынъ державнаго царя Алексѣя, что мнѣ уже и въ домѣ отца моего и угла нѣтъ?» Царь Ѳедоръ облобызалъ ребенка, посадилъ

---

28) *Баронъ Мейербергъ*, изд. Аделунгомъ, стр. 337 и слѣд. — 29) Ж. М. Н. П. 1837, ноябрь, стр. 356.

возлѣ себя на тронѣ и, оправдывая Языкова, сказалъ, что повелѣлъ въ прибавку дать царицѣ новое помѣщеніе во дворцѣ. Это было въ 1679 году. Около этого времени дѣйствительно построены были для царицы Натальи съ сыномъ новыя хоромы, примыкавшія къ патріаршему двору. Языковъ, думая, что царевичь жаловался по наученью Зотова, употребилъ все свое вліяніе, чтобъ удалить его отъ царевича. Въ 1680 г. Зотовъ былъ посланъ съ посломъ Тяпкинымъ въ Крымъ для заключенія мира; но по возвращеніи по прежнему оставался при Петрѣ учителемъ.

Припомнимъ также нѣсколько указаній о кормилицѣ Неонилѣ Ерофеевой, которую ребенокъ, какъ видно, любилъ и очень заботился объ устройствѣ ея домашнихъ дѣлъ. Въ сентябрѣ 1683 года она погорѣла. Петръ пожаловалъ ей, для пожарнаго разоренья, сто рублей, и когда она снова построилась, въ концѣ октября, послалъ къ ней на новоселье хлѣбъ-соль, т. е. хлѣбъ, купленный за 6 денегъ, и оловянную солонку съ солью, купленную за три алтына двѣ деньги.

Въ 1684 году кормилица Ненила задумала выдти за мужъ. Государь далъ ей на приданое тысячу рублей, 500 рублей 1 мая и 500 рублей 30 августа: сумма по тому времени весьма значительная. Неизвѣстно за кого выдалъ ее государь, но въ чиновныхъ спискахъ 1695 года она показана уже тотчасъ за дворовыми боярынями и названа *княгиней* Нинилой Ерофеевой, слѣдовательно мужъ ея былъ князь [30]).

Въ этой попыткѣ собрать мелкія указанія о дѣтствѣ Петра мы останавливаемся на 1683 годѣ, отлагая до другаго времени и новыхъ поисковъ описаніе послѣдующихъ потѣхъ, перенесенныхъ въ 1684 году въ Преображенское, гдѣ съ потѣхами почти незамѣтно слилось и великое дѣло преобразованія.

Само собою разумѣется, что говоря о Петрѣ, мы приходимъ къ

---

30) Кн. Арх. Ор. П. № 258 и 295.

тому же общему и нетерпѣливому желанію воспользоваться скорѣе результатами многолѣтнихъ изысканій, которыя посвящены исторіи его царствованія г. Устряловымъ, и которыя, судя по изданнымъ уже отрывкамъ, должны обогатить Русскую науку въ высшей степени замѣчательнымъ памятникомъ отечественной исторіографіи.

И. Забѣлинъ.

III.

О ДРЕВНИХЪ НАВЯЗАХЪ

и

НАУЗАХЪ

И ВЛІЯНІИ ИХЪ НА ЯЗЫКЪ, ЖИЗНЬ И ОТВЛЕЧЕННЫЯ ПОНЯТІЯ ЧЕЛОВѢКА.

СОЧИНЕНІЕ

Д. Щепинга.

О ДРЕВНИХЪ НАВЯЗАХЪ И НАУЗАХЪ И ВЛІЯНІИ ИХЪ НА ЯЗЫКЪ, ЖИЗНЬ И ОТВЛЕЧЕННЫЯ ПОНЯТІЯ ЧЕЛОВѢКА. [1)]

Первоначальный человѣкъ понималъ подъ словомъ *жизнь* одно чисто физическое существованіе, почему и выраженія *животъ* (какъ существованіе) и жизнь (Leib и Leben) были для него тождественны, а самое слово *животъ* (Leib) означало въ тоже время ту часть человѣческаго тѣла, которая содержитъ въ себѣ всѣ главные органы его жизни, безъ которыхъ онъ и жить не можетъ; посему и выраженіе — *положить* животъ, или Нѣмец. leiblass, отождествляется съ понятіемъ смерти. У Полабовъ сердце, желудокъ, животъ и жизнь имѣли одно общее выраженіе *žeiwot*, только первое означалось чаще съ уменьшительнымъ žeiwotek. Нѣмец. Leib — желудокъ и только Unterleib — животъ; почему вѣроятно и у насъ это слово имѣло прежде болѣе обширное значеніе и «положить животъ свой» могло совершенно соотвѣтствовать въ картинности своей выраженію — стать грудью.

При такомъ понятіи жизни наше *я* почти отождествляется съ главными органами нашего физическаго существованія — животомъ, — головой, — сердцемъ; и дѣйствительно въ народныхъ пѣсняхъ нерѣдко поется въ третьемъ лицѣ про сердце или головушку пѣвца, за-

---

1) При составленіи этой статьи, кромѣ извѣстныхъ сочиненій Гримма, Мишле, *Буслаева* (см. статью его «О наузахъ» въ 1 кн. Архива), и. др. мы пользовались въ особенности сочиненіемъ *Гануша*: Ueber die alterthümliche Sitte der Angebinde bei Deutschen, Slaven und Litauern, Prag. 1855. *Д. Ш.*

мѣняющія здѣсь его *я*. Но если живот и голова представители моего *я*, то руки, какъ посредники между мною и окружающими меня предметами, носятъ на себѣ понятіе моей принадлежности, понятіе *моего*. Все, что держатъ и обнимаютъ мои руки — мое. Вотъ почему всѣ выраженія принадлежности, имущества, владѣнія, большею частію носятъ въ первоначальномъ видѣ своемъ смыслъ физическаго схватыванія рукою, какъ напр. держава отъ держать (держать — удержать за собой), имѣніе отъ имати — брать; наконецъ и выраженія, указывающія прямо на руку, какъ Faustpfand, Handfeste, Handel, порука, порученіе, и пр. и пр. Такимъ образомъ рука становится въ прямой физической связи между мною и схваченнымъ мною предметомъ. Съ такого рода представленіями не разстается человѣкъ даже и въ тѣхъ сферахъ, гдѣ матеріальное схватываніе рукою становится невозможнымъ, и перенося ихъ въ область мышленія, всякое прикосновеніе и своего *я* къ окружающимъ его предмѣтамъ или обстоятельствамъ облекаетъ онъ въ воображеніи своемъ въ любимую форму вещественныхъ узъ, соединяющихъ и связывающихъ его съ внѣшнимъ міромъ.

Рука является такимъ образомъ первою нитью, соединяющею мое *я* съ принадлежащимъ мнѣ предметомъ — съ *мое*. Но кромѣ рукъ человѣку дана возможность укрѣплять предметы еще иначе къ своему тѣлу, именно: окружая или завивая себя этими предметами, иначе привязываніями и навѣшиваніями ихъ на себя. Этимъ условіямъ подчиняются всѣ одежды, ожерелія и всякаго рода ноша, непосредственно соединенная съ самимъ человѣкомъ. А какъ человѣкъ въ дикомъ, кочующемъ состояніи имѣлъ все свое добро при себѣ и почиталъ своимъ только то, что могъ унести съ собою, что непосредственно было съ нимъ связано, или матеріально къ нему привязано (надѣто — навьючено), то естественно, что понятіе владѣнія и собственности слилось неразрывно въ воображеніи человѣка съ представленіемъ вещественныхъ узъ, связывающихъ обладаемое съ владѣтелемъ. Чѣмъ драгоцѣннѣе казался человѣку предметъ, тѣмъ крѣпче старался онъ соединиться съ нимъ, почему и придавалъ дорогимъ металламъ наиудобнѣйшія формы для окруженія и обвитія ими самого себя, какъ напр. формы колецъ, вѣнцовъ, обручей (объ-руцѣ), и проч. Первый, дикій способъ всякаго пріобрѣтенія есть насильственное схватываніе предмета, насильное привязаніе его къ себѣ, почему и въ словѣ навязывать сохранился смыслъ насилія, а въ Нѣмецкомъ ringen — бо-

роться (отъ Ring — кольцо) и überwinden — побороть (собств. обвить) присутствуетъ и понятіе борьбы. У Чеховъ въ знакъ вызова бросался вѣнецъ (вѣроятно — цѣпь), какъ знакъ того, на что присужденъ побѣжденный, и веревка на шеѣ умирающаго гладіатора — явный знакъ плѣна и рабства. И дѣйствительно понятія побѣжденія и плѣна въ древности сливаются въ одно съ понятіемъ рабства; можно почти утвердительно сказать, что первымъ рабомъ сталъ тотъ, который въ неравной борьбѣ покорился врагу своему, отдался ему въ полонъ, схваченъ имъ руками (manucaptus) и сталъ въ глазахъ побѣдителя его собственностію, почему, какъ вещественную собственность, господинъ сталъ привязывать къ себѣ, къ своей колесницѣ, или къ коню своему, эту живую собственность, связавъ ему руки и ноги, чтобы лишить его всякаго вольнаго движенія. Отсюда и синонимныя выраженія вязень и узникъ у П. Беринды въ значеніи плѣнника. Ганушъ предполагаетъ даже, что и самое слово плѣнъ, полòнъ имѣетъ одно начало съ плесть, плетень, полотно, и пр. Въ Германскомъ языкѣ встрѣчаемъ мы выраженія bänndigen, überwinden, и другія, показывающія прямо на насильное, но естественное связываніе побѣжденнаго, точно также, какъ и Латинское vinco, victor — побѣждаю, побѣдитель, совершенно сродственны съ vincio, vinctum и vinculum, связываніе, узы и цѣпи.

Въ эпоху осѣдлости, человѣкъ, не таща болѣе за собою все свое добро, не въ состояніи болѣе и привязывать оное къ себѣ непосредственными матеріальными узами, но запираетъ его за крѣпкими стѣнами, которыя, замѣняя для него прежнія веревки и цѣпи, получаютъ въ его воображеніи одинакое съ ними значеніе *узъ*; узница, вязенье, турма (у П. Беринды), узилище — вотъ тѣ слова, которыми онъ называетъ то крѣпкое, стѣнами окруженное мѣсто. И въ прочихъ языкахъ Европы словà torre, taure, turm имѣютъ начало свое отъ понятія окруженія, соотвѣтствующаго вполнѣ понятію обвитія и обвязанія.

Начавши владѣть недвижимымъ имѣніемъ, человѣкъ перенесъ и на него свое древнее понятіе, и чтобы крѣпче удержать за собою это имущество, онъ сталъ окружать и обвивать его заборами и рвами. Замѣчателенъ въ этомъ отношеніи Индо-Европейскій корень *gard*, въ значеніи отдѣльной (загороженной) собственности. Скртск. *гарта* еще только колесница — имущество кочующаго человѣка, но Готское gards уже домъ и дворъ; дальше слѣдуетъ

Литовск. жардисъ — нашъ огородъ, Garten, jardin, какъ огражденная, но еще частная собственность; наконецъ наше городище и градъ (городъ) въ смыслѣ уже общественнаго явленія, крѣпости, urbs. Всѣ эти слова имѣютъ между собою общую связь одного и того же понятія — огражденія собственности, которое съ другой стороны въ Нѣмецк. Gurtel, Gürtel (поясъ) возвращается къ первоначальному смыслу вещественной повязки человѣческаго тѣла. Точно также корень tün или zün одновременно порождаетъ и наше *тынъ*, тынить, и Нѣмецк. Zaum — ограда и Сканд. tüm — verdarium; слово же *зараменье* (грань) имѣетъ филологическую связь не только съ областнымъ выраженіемъ *раменье* — лѣсъ (какъ рама — грань поля, равнины, обозрѣваемыхъ глазами), но и съ словомъ *рамо* — плечо (Латинс. humerus, ramus, Нѣмец. Arm, Французск. rameau), т. е. рука, подобно тому какъ отъ руки получилъ свое названіе обручь, хотя это слово и приняло у всѣхъ Славянъ значеніе деревяннаго или желѣзнаго кольца, связывающаго бочки и ведра.

При появленіи болѣе мирныхъ гражданскихъ и общинныхъ отношеній, насильственное завладѣніе схватываніемъ руками уступаетъ мѣсто другимъ — мирнымъ — способамъ пріобрѣтенія: подаркомъ, мѣной и покупкой; но въ то же время и одно огражденіе своей собственности стѣнами и заборами становится неудовлетворительнымъ, и самыя выраженія *крѣпости* и *огражденія* принимаютъ новый переносный смыслъ актовъ и договоровъ. Съ новымъ порядкомъ вещей, человѣкъ, начиная сознавать свои нравственныя обязанности, подчиняетъ понятію долга свой необузданный произволъ добровольными уступками общественнымъ условіямъ; но и на эту новую для него почву гражданственности и закона переноситъ онъ и свое древнее представленіе вещественнаго связыванія, обвиванія, окруженія и сжатія или схватыванія рукою. Любовью, кровью и трудомъ *привязывается* человѣкъ къ своей родимой землѣ, къ своему очагу и семейству. Такимъ образомъ являются узы родства и дружбы — *союзы*, *связи* и *привязанности* (verwand вмѣсто verbant, связанный, и Чешское *пріузникъ* — пріятель). Общественныя нужды налагаютъ на человѣка всякаго рода обязанности и обязательства (*обвязанія* и обвязательства, obligatio, Verbindlichkeit), и всякій общественный договоръ или условіе принимаетъ въ нашемъ воображеніи пластическую форму связи, союза (соуза) и вѣнца, въ первоначальномъ смыслѣ этого слова (у Беринды *увясло* и *увязенье* — вѣнецъ, *увясти вѣнцы* — короновать).

И вся жизнь наконецъ уподобляется длинной нити (въ рукахъ Паркъ, напримѣръ), по которой наши дѣянія и предпріятія являются то завязывающимися, то развязывающимися узлами (завязка, развязка), почему и самъ *узелъ* принимаетъ въ глазахъ нашихъ символическое значеніе таинственной загадки, неразгаданной будущности.

Подобно какъ въ вещественномъ связываніи лица или предмета есть сторона дѣйствующая — активная (тотъ кто связываетъ) и сторона страдательная, пассивная (кто или что связывается): точно также и въ нравственныхъ узахъ человѣка является онъ то дѣйствующимъ лицомъ, пользующимся крѣпостію этихъ узъ, то лицемъ пассивнымъ, угнетеннымъ ихъ тяжелымъ бременемъ. Естественно также, что при перенесеніи физическихъ явленій на отвлеченныя понятія, самые вещественные предметы этихъ явленій стали для насъ аллегорическими символами тѣхъ идей, которыя соотвѣтствуютъ въ мірѣ мышленія явленіямъ жизни матеріальной. Такимъ образомъ вѣнцы, цѣпи и кольцы отъ первоначальнаго значенія оковъ постепенно переходятъ въ нашихъ глазахъ въ олицетвореніе понятія царства и брака, могущества, богатства и славы, соединенныхъ однакоже постоянно и съ значеніемъ обѣта и договора, связывающаго члена сословія со всей его общиной (напр. цѣпи рыцарскихъ орденовъ), супруга съ женою, пастыря съ паствою и царя съ народомъ.

Мы видѣли уже выше, что первый способъ всякаго пріобрѣтенія и владѣнія состоялъ въ вещественномъ схватываніи рукою; но можно даже сказать, что если человѣкъ двигается ногами, всѣ почти прочія физическія его дѣйствія совершаются руками, отъ чего и Нѣмец. Handlung (дѣйствіе) прямое начало свое имѣетъ отъ Hand — рука. Чуть ли не общечеловѣческій обычай при условіи или договорѣ протягивать руку въ знакъ обѣщанія и клятвы, откуда и наша поговорка: *ударить по рукамъ*. Ясно, что въ этомъ простомъ обычаѣ лежитъ древнѣйшая форма крѣпости и связи договора, которая по видимому удержалась въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь въ своей первобытной формѣ, если вспомнимъ не только юридическое наше рукоприкладство, но и народный обычай *разниманія рукъ* третьимъ, постороннимъ лицомъ, который ударяетъ своей рукой сжатыя руки условливающихся, и такимъ обрядомъ становится свидѣтелемъ и порукою (по рукамъ?) вѣрнаго исполненія условія. Не менѣе знаменательно и то, что если при-

ходится неграмотному человѣку подписаться подъ какимъ-нибудь актомъ или условіемъ, то возлагая эту обязанность на грамотнаго, онъ ему прежде того даетъ руку, слѣдовательно ему *поручаетъ*, грамотный же становится какъ будто его по-ручителемъ (Французск. mandat, mandataire отъ manum dare). Вѣроятно, что и слово *обрученіе* имѣло прежде болѣе общій смыслъ договора, но и донынѣ обрученіе только личное обѣщаніе, еще не связанное духовными узами вѣнца. На Западѣ встрѣчаются почти тѣ же обычаи. Такъ напр. въ Французскомъ древнемъ правѣ вассалъ приносилъ клятву подданства, давая обѣ руки государю; господинъ, освобождая раба, долженъ былъ оттолкнуть его рукою; при передачѣ имущества и вступленіи во владѣніе какъ недвижимою, такъ и движимою собственностію, владѣтель долженъ былъ наложить на нее руку, въ знакъ владѣнія. Когда же хозяинъ отыскивалъ потерянную свою лошадь, или корову, или вещь, онъ удостовѣрялъ свое право на нее накладываніемъ на нее руки. Еще сохранилось на Французскомъ языкѣ множество юридическихъ выраженій, указывающихъ прямо на употребленіе *руки* въ подобныхъ случаяхъ: main garnie, main levée, bahn означаютъ: первое — владѣніе спорнымъ предметомъ, а послѣднія и право на владѣніе; main-mise — это наложеніе запрещенія на спорный предметъ; а main-morte — законное лишеніе, отказъ во владѣніи, съ другой стороны несвободное состояніе, откуда и Французск. прозваніе крестьянина manant; maintenir, mambarnir — защищать, сохранять; mambourg, mambournée — опекунъ, опека; наконецъ и самое maintien, maintenant (теперь, т. е. покуда держу рукою) имѣютъ вѣроятно также древнѣйшее юридическое значеніе. Отъ обычая давать руку въ знакъ заключеннаго условія или договора произошли вѣроятно и дальнѣйшія производныя Нѣмецкаго Hand и Handlung, какъ то: Handel — торговля, и многія другія (Ver- Be- Ab- Handlung); но существительное Ring — кольцо, и рожденное отъ него ringen — бороться руками, имѣютъ свое начало въ Славянскомъ — рука, ręка, выражая въ то же время заключающееся въ этомъ послѣднемъ словѣ древнѣйшее значеніе физической силы.

Мы указали выше на переходъ отъ схватыванія рукою къ навязамъ, какъ искусственнымъ ея дополнителямъ, для прикрѣпленія къ своему *я* и удержанія за собою своего движимаго имущества; почему и перейдемъ здѣсь прямо къ тѣмъ глаголамъ, которые по преимуществу выражаютъ собою сродныя понятія всякаго рода

вязанія и привязыванія: 1) ***плесть*** (церк.-слав. плѣсти), отсюда не только плетень, какъ ограда недвижимаго имущества, но, по мнѣнію Эрбена и Ганушa, полотно (Богемск. platno) и даже плѣнъ (полонъ) [2]. 2) ***Прясть***, пряду, пряжа и ***прячь*** (неупотреб.) — запрягать, откуда не только производныя: пряжка, упругость, пружина, и пр., но даже и слово *супругъ*. Этимъ двумъ глаголамъ по смыслу совершенно соотвѣтственнымъ представляется Германскій корень spann, откуда spannen (прячь, натягивать, запрягать) и spinnen — прясть, и множество другихъ производныхъ. 3) ***Вязать*** и вить (Нѣмец. binden и winden, др. Герм. vidan, vidi, (кор. Санскр. *вѣ*) — свивать, сплетать, сшивать, и пр.) пораждаютъ синонимическія значенія увясла, вѣнца, связки и вѣника, повязки и повойника. Въ отвлеченномъ значеніи своемъ два послѣдніе глагола выражаютъ два главныя понятія пріобрѣтенія и договора, или лучше сказать пріобрѣтенія не дикой силой кулака, но посредствомъ договора — подарка, уступки или мѣны. Самое слово ***дать*** (даръ, дань, Латинск. dare, dono) имѣетъ, быть можетъ, по мнѣнію Гримма, свое начало въ древ. Герм. vidi, vidan. У Чеховъ въ выраженіяхъ vazati, zavazati сохранился смыслъ подарка (въ особенности дѣтямъ крестнымъ отъ кумовьевъ). Тотъ же смыслъ имѣетъ у нихъ поговорка: «дать на вѣнокъ» — до vinku dati, а глаголъ vinovati означаетъ не только дарить, но и посвящать, Нѣмец. widmen. Если же мы вспомнимъ, что вѣнокъ (вѣнецъ) символъ договорнаго союза — ***вѣнчанія*** — брака, то и выраженіе — дать на ***вѣнокъ*** едва ли не получитъ въ глазахъ нашихъ у Славянъ значенія подарка, приданаго. Въ древней Россіи называлось приданое ***вѣномъ***, и слову вѣно совершенно соотвѣтствуетъ древ. Герм. wittemo, widamo.

Обще-Европейскій древній обычай нашъ покупать себѣ невѣсту отозвался въ языкѣ нашемъ не только въ оттѣнкѣ насилія, сохранившемся въ выраженіи — ***выдать за мужъ*** (сравни — выдать головой), но и въ другомъ значеніи слова ***вѣно***, какъ выкупной цѣны, платимой за невѣсту въ древности, вѣроятно, ея родителямъ, а нынѣ, по праву сильнаго — барину, помѣщику, и произшедшаго отъ него глагола вѣнити — продавать, вполнѣ соотвѣтствующаго

---

2) А можетъ быть и отъ *плѣти* (полоть), откуда плѣва, плѣвелъ (Русск. полова, половенъ). Примѣч. ***Ѳ. И. Буслаева***

Латинскимъ venus, venale и vendere (подкупъ и продажа) [3]). Но не смотря на этотъ обычай покупки невѣстъ, бракъ нисколько не теряетъ значенія свободнаго договора между мужемъ и женою; сначала *вяжется* женихъ за дѣвушкой (по областному выраженію Калужцевъ), т. е. ухаживаетъ и сватается за нее, потомъ обручается, т. е. даетъ ей руку въ знакъ окончательнаго условія, и за тѣмъ уже вѣнчается съ ней неразрывными узами брака, — и это добровольное и обоюдное соединеніе принимаетъ имя супружества (супругъ отъ «прячь»).

Супружескою вѣрностію не оканчиваются узы нравственнаго долга

---

3) Хотя обычай извѣстнымъ образомъ покупать, а слѣдовательно и продавать невѣсту отозвался у насъ кое-гдѣ отъ старины доселѣ: однако ему противодѣйствовалъ всегда другой, обычай свободной *выдачи за мужъ съ приданымъ,* дѣйствіе обратно противуположное покупкѣ и продажѣ. Это стремленіе къ законности выразилось у насъ и по христіанскимъ понятіямъ, и, еще прежде того, въ язычествѣ, по мягкости нравовъ, уже издревле противодѣйствовавшихъ наслѣдству дурныхъ обычаевъ. Та и другая, темная и свѣтлая сторона быта засвидѣтельствована Несторомъ на первыхъ уже страницахъ. Поляне «*брачныи обычаи имяху* (въ смыслѣ выдачи съ приданымъ): *не хожаше зять* (въ другихъ спискахъ *женихъ*) *по невѣсту* (т. е. чтобъ купить ее или увесть), *но приводяху вечеръ* (но ее (невѣсту) добровольно, безъ продажи, приводили вечеромъ, на свадьбу, въ домъ жениха), *а завътра приношаху по ней что вдадуче* (а на утро приносили къ жениху ея приданое).» Поляне, а съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, и обычай ихъ, получили перевѣсъ надъ прочими племенами Славянъ Русскихъ. Наоборотъ, Древляне «живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски... *и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця.*» Тотъ же «звѣринскій образъ (жизни)» имѣли и Радимичи, Вятичи и Сѣверяне: «*браци не бываху въ нихъ,* но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища, *и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто свѣщашеся*» (значитъ и здѣсь требовалось все-таки предварительное согласіе со стороны невѣсты и, вѣроятно, извѣстныя условія покупки или приданаго, какъ увидимъ ниже). Умычка у насъ исчезла вмѣстѣ съ Христіанствомъ, оставивъ только слабый слѣдъ: въ нѣкоторыхъ областяхъ, по окончаніи *хоровода* или *кола* (колеса, имѣющаго также видъ вѣнца), дѣвушки разбѣгаются стремительно, ихъ ловятъ парни и отводятъ къ своимъ дворамъ. Но обычай *уводить невѣсту* — понятіе, соединенное съ *куплею,* — сохранился во многихъ символическихъ обрядахъ, при которыхъ со стороны жениха *расплачиваются* за невѣсту со всѣми ея родичами, а послѣдніе видимо защищаютъ ее, плетьями, палками, и т. п. И замѣчательно, обычай этотъ укорененъ преимущественно въ тѣхъ областяхъ, кои заселены потомками Вятичей, Радимичей, и. т. д. А что касается до *умычки,* то ея понятіе и развѣтвленіе корнеслова совершенно

человѣка-семьянина; напротивъ того раждающіяся дѣти налагаютъ на него новыя заботы и обязанности. Чешскія выраженія: дать на вѣнокъ или завязать ребенку на крестины относятся по преимуществу къ подаркамъ крестныхъ отцовъ и матерей: кумъ даетъ денегъ на powijane (пеленки), кладя ихъ скрытно подъ ними, что̀ почти также дѣлается и у насъ. Нѣмцы употребляютъ выраженія: bescheren, beschenken (дарить) вмѣсто родить и при Рождествѣ Христовѣ дарятъ дѣтей отъ имени родившагося Спасителя. Во Франціи существуетъ обычай при рожденіи ребенка разсылать знакомымъ и роднымъ конфекты, какъ будто отъ новорожденнаго; у Люнебургскихъ католиковъ при Рожд. Хр. поется: wesola nowina! Maria powila nam syna; а Сербъ, при рожденіи ребенка, обращается къ родильницѣ съ обычнымъ вопросомъ: «что ми је майка повила?» Наконецъ Русское названіе повивальной бабки ясно указываетъ, что и у насъ роды почитались нѣкогда за подарокъ отцу семейства, но подарокъ далеко не безусловный, а напротивъ возлагающій на него новыя цѣпи нравственнаго долга. Замѣтимъ еще, что въ Германскихъ языкахъ переносится то же понятіе связи на кормленіе ребенка материнской грудью: das Spunn, Gespünn, Gespinn— грудное молоко, и abspänen, endspänen — отымать отъ груди, почему вѣроятно, что самое spänen значило нѣкогда сосать, что̀ подтверждается отчасти и названіемъ молочной свинки — Spanferkel.

Всѣ общественныя устройства, законы, условія и договоры, какъ бы они ни были добровольно приняты человѣкомъ, все же становятся въ глазахъ его цѣпями, стѣсняющими его произволъ (obligatio, Verbindlichkeit, обвязанность), и какъ бы ни говорили, что

совпадаютъ съ значеніемъ *вѣна*, *узъ*, *связыванія*, и. т. п. Корень *мѣк* или *мьк*, *мкну*, связываю; *умыкать*, отторгать и привязывать къ себѣ; *замыкать* — обвязывать, окружать, *оцѣплять*, откуда *замо́къ* = уза, и *за́мокъ*, запертое, огороженное мѣсто, claustrum, средоточіе города, крѣпость, средневѣковый монастырь. Даже, въ соотвѣтствіе словамъ *ужасъ* и *Gespenst*, отъ того же корня является *мьчта*, *мечта*, слово, означавшее у насъ издревле привидѣніе, призракъ. Далѣе, въ соотвѣтствіе словамъ *spinnen*, *Gespinnst*, вспомнимъ *мычки*, *мыканье* льну и вообще пряжи. — Умычка сохранилась до сихъ поръ у южныхъ Славянъ, съ названіемъ *одмица*, *отмица*: на другой уже день послѣ ея совершенія женихъ платитъ за невѣсту или — чаще — получаетъ приданое, и такимъ образомъ верхъ остается все таки за обычаемъ, болѣе мягкимъ. Прим. *П. А. Безсонова*.

эти цѣпи изъ чистаго золота, онѣ все таки остаются для него цѣпями. Въ нарѣчіяхъ Швейцаріи и Южной Германіи до сихъ поръ купчія и дарственные акты называются Strick или Streeke (т. е. веревка), и выраженіе: einstrickete, слово въ слово — ввязанный, означаетъ самую землю или иное имущество, о которомъ актъ совершается. Замѣчательно, что въ этихъ же нарѣчіяхъ сохранились въ смыслѣ *подарка* выраженія helseta и wörgeta отъ halsen и würgen — душить за шею. Фризское *ved* означаетъ въ одно время и договоръ и залогъ. Нѣмецкій корень spann имѣлъ также по видимому значеніе договорной связи, почему отрицательныя — abspennig, abspänstig удерживаютъ донынѣ смыслъ противозаконнаго уклоненія отъ своего долга, и дѣйствительно встрѣчаемъ мы въ Нибелунгахъ выраженіе *bespunnen mit miete*, обвить наймомъ, т. е. обязанностями или наградами. Быть можетъ, имѣетъ прямое отношеніе къ этимъ общечеловѣческимъ понятіямъ о навязахъ обычай феодальныхъ инвеституръ, встрѣчающійся однакоже отчасти и у насъ, при заключеніи договоровъ, передавать другъ другу цѣпь, кольцо, или какой-либо другой гибкій предметъ, могущій служить для завязки чего-нибудь, какъ то: древесную вѣтвь, веревку или даже солому. Самое названіе вѣтви или вѣтки указываетъ на одинъ и тотъ же корень Санскр. *вѐ*. Въ Римѣ, при уничтоженіи или снятіи запрещенія на имѣніе, ломалась вѣтка; вѣтвями же, воткнутыми въ землю, означались границы полей; у Грековъ всякій просящій держалъ въ рукѣ вѣтку масличнаго дерева (символъ мира и уговора). Въ средневѣковой Европѣ вѣтки служили символомъ передачи недвижимаго имущества, въ особенности лѣсовъ и садовъ плодовыхъ, и въ послѣднемъ случаѣ для этого употреблялись яблоня, груша и орѣшникъ. Иногда вѣтка передохитъ въ палку, которая въ свою очередь, какъ символъ власти и владѣнія, становится скипетромъ въ рукахъ вѣнценосцевъ. На Западѣ вступленіе во владѣніе и отказъ отъ онаго, покупка, договоръ, изъявленіе правъ на владѣніе, освобожденіе раба и многіе другіе юридическіе акты совершались держаніемъ, бросаніемъ и ломаніемъ соломы; продавецъ поднималъ съ земли соломину и передавалъ ее, въ знакъ своего отказа, покупщику, который сохранялъ ее какъ свидѣтельство совершеннаго акта; въ случаѣ жалобы являлся онъ съ этой соломиной и передъ судьей! Rompre la paille (ломать солому) означаетъ на Французскомъ языкѣ обоюдное условіе; но *rompre le fèstu* значило въ старину покинуть или очистить край:

«Va-t-en en ta contrée, rompu est le festus.» Наконецъ замѣтимъ, что въ клятвахъ и уговорахъ солома, при этомъ употребляемая, постоянно носитъ въ древн. Франц. языкѣ эпитетъ вязанной — *la paille noveuse*. Замѣтимъ также, что самое выраженіе — ломать солому (rompre) можетъ легко означать здѣсь *сгибаніе* и связываніе ея въ вѣнокъ. Германскіе императоры, отправляясь въ Римъ за императорской короной, должны были на пути своемъ вѣнчаться дважды: соломеннымъ вѣнцомъ въ Моденѣ и желѣзнымъ въ Миланѣ. Донынѣ во Франціи привязываютъ пуки соломы къ продажной мебели, соломой завязываютъ хвосты продажныхъ лошадей, и продающіяся земли означаются высокимъ шестомъ, украшеннымъ соломеннымъ крестомъ. Символъ соломы при договорѣ былъ повидимому обычаемъ и въ нашей древней Руси: «Посемъ же посла Володимеръ слугу своего доброго, вѣрного, именемъ Рачтыню, ко брату своему Мьстиславу, тако рѣка: «молви брату моему: прислалъ, рци, ко мнѣ сыновець мой Юрьи, просить у мене Берестья, азъ же ему не далъ ни города, ни села; а ты, рци, не давай ничего же», и веземъ *соломы* въ руку отъ постеля своеѣ, рече: «хотя быхъ ти, рци, братъ мой, тотъ *вехоть соломы* далъ, того не давай по моемъ животѣ никому же.» (Ипат. лѣтоп.)

Въ дѣтствѣ человѣчества, когда царствовала одна *сила* и одна только борьба могла рѣшать вопросъ о правомъ и неправомъ, судъ и сраженіе сливались въ одно понятіе. Но даже въ позднѣйшія эпохи,—когда обыкновенный судъ не могъ рѣшить дѣло, человѣкъ прибѣгалъ къ борьбѣ и поединкамъ, которые признавалъ судомъ Божіимъ. Имѣя въ виду, что побѣжденный становился рабомъ побѣдителя, естественно что и самое сраженіе и соединенное съ нимъ понятіе о правомъ и неправомъ, могло представиться воображенію обоюднымъ усиліемъ связать и окружить цѣпями (въ полонъ взять) своего противника; донынѣ говорится о сраженіи: «дѣло завязалось.» У Чеховъ передъ поединкомъ былъ обычай, упомянутый нами выше, бросать противнику вѣнецъ, т. е. цѣпь или окову, въ знакъ того, что ожидало побѣжденнаго. Съ такой точки зрѣнія побѣдитель есть тотъ, кто связываетъ; побѣжденный тотъ, кто связанъ! Нѣмец. überwinden, bänndigen — побѣдить, пересилить, происходятъ, очевидно, отъ binden и band. Въ правильномъ судѣ вмѣсто побѣжденнаго является виновный, и Ганушъ полагаетъ, что слово *вина* имѣетъ также нѣкоторое отношеніе къ

13

корню *вить*, выражая можетъ быть, собою узы преступленія. Въ феодальномъ Германскомъ словѣ *bana* (также band) соединяются оба понятія—и военной силы, и судебной власти баннаго государя (bannherrn); тоже слово выражаетъ и судебный приговоръ, лишающій правъ, осуждающій и изгоняющій изъ своей родины (bannen, verbannen). Вездѣ все тоже понятіе *узъ*, которыми сильный связываетъ слабаго, и правый виновнаго. Но при отсутствіи истиннаго права и неувѣренности въ своей физической силѣ, человѣкъ, для того, чтобъ опутать своего противника, прибѣгаетъ нерѣдко къ гнуснымъ средствамъ обмана, лжи, хитрости, пуганія и подкупа; отъ Латинскаго vendere происходитъ и venas, venalis — подкупный; у насъ вязга, вязига — придирчивый, за все тяжущійся человѣкъ. Въ самомъ смыслѣ слова — навязать вещь, или дѣло кому-нибудь, скрывается корысть, недоброжелательство и насиліе, которое еще ярче выступаетъ въ Нѣмецкихъ выраженіяхъ: anspannen и aufbinden, въ смыслѣ обманывать, дразнить, смѣяться и иногда и пугать, отъ чего и Gespänster — привидѣніе (обманъ и пугалице). Поговорка: ein Band durch den Mund ziehen, значить увѣрить въ неправдѣ, надуть; другая поговорка — *нацѣпить на себя медвѣдя* (sich einen Bären aufbinden) — употребляется въ смыслѣ надѣлать долговъ. Впрочемъ здѣсь слово *Bär* совершенно ложно принято за медвѣдя, и есть не что иное какъ древ. Герм. *bar* — *носить*, откуда Славянское: беру, брать и бремя, совершенно соотвѣтствующее смысломъ своимъ древ. Герм. *baer*. Тяжеле всѣхъ оковы, надѣтыя на человѣка насильно, противъ воли его, оковы, изъ которыхъ онъ постоянно и всегда напрасно старается вырваться на свободу. Таково положеніе не только раба, плѣнника или даже преступника, приговореннаго закономъ, но и свободнаго повидимому человѣка, угнѣтеннаго нуждами, болѣзнями и горестями. Нѣтъ ему нигдѣ простора; закованъ ли онъ въ цѣпяхъ, окруженъ ли стѣнами узницы (вязенья), или связанъ по рукамъ и ногамъ обстоятельствами, — его жизнь невольно становится ему *обузой*.

Эти вещественныя или нравственныя цѣпи, соединяя (conjungere) и прикрѣпляя человѣка къ мѣстамъ и лицамъ, отъ которыхъ онъ не въ силѣ оторваться, и это насильное соединеніе (Санскр. юга, юдж) естественно переходитъ для него въ нестерпимое *иго* (по-Кроатски юкъ), Нѣмец. Joch, Латинс. subjungere, jumentum, jugum. — Отъ понятія связывающихъ узловъ, родилось и понятіе узкость, узость. Рабы въ Римѣ и Германіи носили короткія и

узкія платья и обстриженные волосы, между тѣмъ какъ человѣкъ свободный носилъ длинные волоса и широкія длинныя платья. Чувство страха угнетеннаго раба или плѣнника, сжимая сердце его боязнію и испугомъ, конечно вполнѣ соотвѣтствуетъ физическому его стѣсненію — узкотѣ, почему и до нынѣ у Чеховъ слово это выражаетъ собою страхъ. Точно также Санскр. *ag* — узко; Нѣмец. enge (узко), angst, bange принимаютъ значеніе страха, какъ и Латинс. angor и anxietas; у насъ же отъ слова узъ, переходомъ *з* въ *ж* (также какъ гужъ, и областное ужище-веревка) появляется слово *ужасъ* [4]). Вообще чувство страха производитъ на человѣка сильное нервное и умственное *напряженіе*, Spannung, отъ котораго легко разгорается его впечатлительное воображеніе до такой степени, что ему появляются призраки и пугающія его видѣнія; почему отъ Spannung, какъ замѣчено выше, происходитъ и слово Gespänster. Не лишена нѣкоторой вѣроятности догадка, что и наше пугать имѣло въ первоначальномъ смыслѣ своемъ значеніе навязыванія или напряженія, если сравнить его съ древн. Герм. poug (boug) — обручь (Малоросс. пуга: ходитъ Илья на Василья, носитъ пугу жилляную) и Русскимъ *пукъ* — связка, отъ котораго какъ предмета, служащаго къ прикрѣпленію, Шимкевичь производитъ и *пуговицу*.

Средину между физическимъ связываніемъ тѣла и нравственными узами, какъ бы переходъ отъ одного къ другому, представляется намъ въ народныхъ суевѣріяхъ, преданія про волшебныя узы и чары. Въ нихъ есть отчасти и вещественное окруженіе человѣка начертаніемъ чародѣйнаго круга, пляской или обходомъ вокругъ него, но сущность этихъ чаръ не въ самомъ веществѣ окружающаго и связывающаго предмета, но въ ихъ сокрытой отъ насъ силѣ: «въ моихъ узлахъ сила могучая! заговариваю заговоръ мой крѣпко на крѣпко! слово мое крѣпко, на вѣки ненарушимо.» «А будь мое слово сильнѣе воды, выше горы, тяжеле золота, крѣпче алатырь-камня, могучае богатыря», и пр. и пр.

Можно бы въ разныхъ таинственныхъ дѣйствіяхъ колдуновъ, кудесниковъ и маговъ всей Европы найти безчисленное множество примѣровъ подобнаго окруженія; припомнимъ только здѣсь необ-

---

4) Нѣмецк. eng = ang соотвѣтствуетъ Славянск. Ѫг = ѫз = ѫж. Enge = ѫгълъ (уголъ), ѫзъкъ (узокъ), ѫже (уже — веревка). *Прим. Ѳ. И. Буслаева.*

ходимую осторожность при ожиданіи разцвѣта папоротника въ Ивановскую ночь, состоящую въ томъ, чтобъ очертить его кругомъ и стать самому въ этотъ кругъ, дабы нечистая сила не могла схватить цвѣтокъ. При язвахъ и повѣтріяхъ существуетъ какъ въ Германіи, такъ и у насъ въ Россіи древній обычай ночнаго таинственнаго опахиванія села, т. е. всѣ женщины села, взявъ съ собою плугъ, обходятъ съ нимъ ночью, съ разными обрядами, кругомъ всего села, что̀ не что иное, какъ окруженіе села тѣмъ же предохранительнымъ кругомъ. Наконецъ есть повѣрье, когда заблудится кто-нибудь въ лѣсу, что его *лѣшій обошелъ*, повѣрье, прямо также указывающее на какое-то таинственное окруженіе со стороны послѣдняго, отъ котораго нельзя иначе избавиться, какъ перекувырнувшись черезъ голову, что̀ въ свою очередь такое же колесообразное движеніе. Въ соприкосновеніи съ этимъ повѣрьемъ о лѣшихъ, находится вѣроятно и выраженіе «узелъ связать», т. е плутая по лѣсу возвратиться къ тому же мѣсту, откуда пошелъ. Разнаго рода насланія и навязыванія бѣдъ и болѣзней заговорами и кудесничествами, и самоѐ выраженіе — привить болѣзнь (навязала ме се болесть; лихоманка привязалась), съ одной стороны, а съ другой выраженія: очаровать, обворожить, и самые *óбороты* (метаморфозы) всѣ носятъ въ себѣ смыслъ какого-то таинственнаго обвитія, окруженія и насильственнаго стѣсненія человѣка. Но какъ въ жизни вмѣстѣ съ болѣзнію намъ дано и лѣкарство, вмѣстѣ со зломъ и способъ предохраненія, то и самое колдовство, вредя человѣку, также умѣетъ и отвратить отъ него этотъ вредъ, избавить его отъ наговоренной чары: *чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись*. Вотъ почему и главное противодѣйствіе и предохраненіе противъ всякихъ узъ и оковъ чародѣйства именно и состоитъ въ вещественныхъ навязахъ или наузахъ, одаренныхъ также чародѣйной силой, которыя, суевѣрный человѣкъ, съ условными заговорами и обрядами, навязывалъ себѣ на разныя части своего тѣла.

Въ Чешскомъ языкѣ встрѣчаются слова navuzi и navazy въ одинаковомъ смыслѣ съ Русскимъ наузы. Mater verborum сохранила намъ даже самое названіе чародѣйки, привязывающей наузы — navazac, употребительное теперь въ общемъ смыслѣ чародѣйки, вѣдьмы, равно какъ и самое дѣйствіе навязыванія — navazováti — значитъ колдовать. По-польски «nawiązanie» имѣетъ смыслъ вреда и денежной пени (*виры* Schmerzgeld); obwiązek —

votum, точно какъ и Нѣмец. Verbind—lichkeit; наконецъ и выраженіе — заклинаю тебя на всемъ обвязаннымъ (obwiązać), явно указываетъ на всю цѣнность и святость этихъ наузъ. Изъ самаго слова наузы догадываться можно, что они состояли изъ нѣсколькахъ узловъ: навяжу я рабъ (такой-то) на пяти узлахъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному, на пищаляхъ, лукахъ и всякому оружію. Вы узлы заградите стрѣльцамъ всѣ пути-дороги, замкните всѣ пищали, опутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія. Въ моихъ узлахъ сила могучая» и пр.; или «въ моихъ узлахъ зашиты злою мачихой змѣиныя головы» и пр. Между симпатическими средствами, употребляемыми до нашего времени и не въ одномъ простомъ народѣ, есть также средство навязывать на шею противъ горловой боли красную шерстяную нитку на 9 узлахъ. Вспомнимъ еще здѣсь гаданіе по узламъ, и мы должны будемъ сознаться, что и донынѣ живетъ у насъ полная вѣра къ древнимъ наузамъ, даже въ наиобразованнѣйшихъ слояхъ нашего общества.

Если перейдемъ мы теперь отъ чародѣйскихъ наузъ, имѣющихъ все значеніе свое не въ веществѣ и формѣ своей, но въ сокрытой силѣ чары, къ тѣмъ вещественнымъ предметамъ и украшеніямъ, которые служатъ намъ олицетвореніями отвлеченныхъ идей, принявшихъ въ нашемъ умѣ значеніе связи, навязы или союза, то убѣдимся, что все ихъ значеніе состоитъ въ внѣшней формѣ и цѣнности матеріала, изъ котораго они составлены. По формѣ своей принадлежатъ сюда всѣ согнутыя линіи (въ противоположность прямымъ линіямъ), стремящіяся соединиться и образовать собою кругъ, кольцо или узелъ, и главное значеніе формы есть постоянное напоминаніе связующей силы, какъ физической, такъ и нравственной, какъ активной, такъ и страдательной. Это доброе или злое значеніе предмета можетъ опредѣлиться однимъ только веществомъ самаго предмета и отчасти его употребленіемъ!

Одни и тѣ же предметы, какъ кольцы и цѣпи, напримѣръ, олицетворяютъ собою понятія свободы, могущества, славы и богатства, если они состоятъ изъ благороднаго металла—золота или серебра; и въ то же время означаютъ покорность и рабство, если скованы изъ желѣза или замѣнены веревкой. Золотое кольцо было знакомъ свободнаго человѣка въ древней Германіи; золотыя цѣпи и драгоцѣнныя ожерелья, носимыя на шеѣ — знаки достоинства, отличія и власти, нерѣдко царской. Желѣзное же кольцо на пальцѣ, желѣзный ошейникъ или веревка на шеѣ — несомнѣнные признаки

неволи и рабства. Такъ на полѣ битвы съ Готами тѣла ихъ узнавали по кольцамъ, у благородныхъ (nobles) были они золотыя, у свободныхъ людей серебряныя, у рабовъ же мѣдныя. У Каттовъ воинъ носилъ желѣзное кольцо (знакъ униженія) до тѣхъ поръ, пока не убивалъ собственноручно непріятеля на войнѣ.

Иногда также одно употребленіе предмета объясняетъ его значеніе, такъ напр. кольцы на ногахъ, хотя бы и были они изъ золота, указываютъ однакоже постоянно на плѣнъ и неволю; напротивъ тѣ же кольцы, преобразившись въ вѣнцы и другія украшенія головныя, всегда олицетворяютъ собою понятія власти, силы и славы. Но всѣ эти значенія, столь различныя по веществу и употребленію предметовъ, формой своей сливаются въ одно понятіе узъ; *обуздывающихъ* произволъ человѣка и подчиняющхъ его закону и долгу.

Кругъ же (коло) и въ особенности колесо (въ смыслѣ годоваго обращенія солнца) — постоянные символы божества солнца во всѣхъ древнихъ космогоніяхъ, а солнце есть олицетвореніе блеска и славы, могущества и силы. Очень было естественно при такихъ понятіяхъ не только сравнивать съ солнцемъ могучихъ царей, но и кровными узами связывать ихъ въ воображеніи съ благодѣтельнымъ свѣтиломъ. Цейлонскіе цари Суріава самымъ именемъ своимъ означаютъ династію солнца. Персидское царство именуется Коразанъ (отъ Кор — солнце и *азанъ* — сѣдалище), т. е. престолъ солнца, и знаменитый *Киръ* носитъ прямо имя солнца. Въ феодальной Германіи встрѣчаются лены отъ Бога и солнца, извѣстные подъ именемъ fiefs du soleil. Наконецъ и въ нашихъ древнихъ Русскихъ пѣсняхъ Св. Владиміръ удерживаетъ постоянный эпитетъ краснаго солнца Кіева.

Если вспомнимъ теперь, что солнце издревле рисуется подъ видомъ человѣческаго лица, окруженнаго сіяющими лучами, то намъ понятно станетъ и символическое украшеніе царской головы лучеобразной короной, притомъ постоянно изъ золота, какъ металла, болѣе всего напоминающаго солнце цвѣтомъ и блескомъ своимъ. Но какъ солнце у всѣхъ древнихъ народовъ проявляло собою одинъ мужской элементъ плодотворности небесъ, котораго пассивную женскую половину представляла то луна, то звѣзды (мы полагаемъ излишнимъ входить здѣсь въ подробное миѳическое изслѣдованіе факта, встрѣчающагося на каждомъ шагу во всѣхъ космогоніяхъ древняго міра), то можно съ вѣроятностію предположить, что

вмѣстѣ съ перенесеніемъ принадлежностей солнца на золотыя короны царей, изображенія луны и звѣздъ также перешли въ головные уборы царицъ и образовали, такъ называемыя, діадимы изъ драгоцѣнныхъ камней: Діана постоянно изображается съ полумѣсяцемъ на головѣ, и вѣроятно, что по цвѣту своему вѣнцы серебряные должны были напоминать мѣсяцъ, такъ точно какъ драгоцѣнные камни изображали звѣзды, а золото лучи солнца.

Въ филологическомъ отношеніи корона и Нѣмец. Kranz (вѣнокъ) имѣютъ одинаковое съ Славянскимъ коло (кольцо и колесо) происхожденіе отъ древняго кореннаго названія солнца кор или сур (sol), Коросъ и Коршыдъ; напротивъ того Славянскіе вѣнецъ и вѣнокъ указываютъ только на связывающую форму этихъ вещей. Вотъ почему единственно у насъ сохранился въ цѣлости своей древнѣйшій смыслъ вѣнчанія и вѣнца [5]), какъ брачнаго союза царя съ народомъ и мужа съ женою. При этомъ нельзя не замѣтить старшинство православнаго обряда, символическаго употребленія вѣнцовъ при бракосочетаніи, надъ обрядомъ католическимъ, гдѣ нѣтъ уже вѣнцовъ, хотя и сохранился во всемъ Западѣ обычай украшать вѣнками изъ цвѣтовъ голову новобрачной (la couronne de la mariée). Въ Царьградѣ свадебные вѣнцы имѣли форму башни (замка, туры); у древн. Грековъ были они вѣнки изъ масличнаго дерева. Въ древней Греціи и Римѣ древесные вѣнки имѣли одностороннее значеніе торжественнаго признанія превосходства вѣнчаннаго ими лица надъ его соперниками, признанія его славы и побѣды не только на полѣ битвы, но и въ игрищахъ и преніяхъ, не только полководца, но и мудреца, художника, поэта. Вообще всякое превосходство, даже тѣлесная красота, имѣло свой отличительный вѣнокъ у Еллиновъ. Отголосокъ тому встрѣчается и донынѣ во всей Западной Европѣ въ обычаяхъ раздавать въ школахъ вѣнки вмѣсто премій лучшимъ ученикамъ; или, при торжественныхъ встрѣчахъ царей и побѣдителей, украшать путь ихъ вѣнками и подносить имъ оные, въ особенности посредствомъ

---

5) Герцогъ Нормандіи вѣнчался при вступленіи на царство съ своей провинціею посредствомъ обручальнаго кольца. Дожъ Венеціи ежегодно обручался кольцомъ съ Адріатическимъ моремъ. — Въ Руанской хроникѣ за 1465 г. читаемъ: «Charles arrivé à Rouen, ceux de la diste ville, où illes l'espousent à leur Duc, et en ce faisant, lui baillerent un anneau qu'ils luy mirent au doy.»

женщинъ и дѣвицъ; сюда же относится, вѣроятно, и извѣстный въ сосѣдствѣ Парижа обрядъ вѣнчанія цѣломудренности, въ лицѣ Розьеръ. Само собою разумѣется, что всѣ подобные обычаи, введенные восторженнымъ подражаніемъ школы классицизма, явные анахронизмы, лишенные всякаго разумнаго смысла, всякой самобытной жизни въ преданіяхъ народнаго быта. Совсѣмъ другое значеніе имѣютъ вѣнки у Славянъ: обычаи цѣловаться и кумиться черезъ вѣнокъ (или согнутую вѣтвь), сплетать и разплетать вѣнки, бросать ихъ въ воду и въ огонь, или украшать ими могилы покойниковъ, — все это носитъ въ себѣ древнѣйшее значеніе вѣнка, какъ символической связи плодотворнаго брака любви, союза растительной силы земли съ стихіями влаги и свѣта (вода и огонь) и указываетъ на душевную связь христіанской любви, проникающую даже въ глубину могилъ и воскрешающую въ сердцѣ живаго человѣка память дорогихъ ему покойниковъ.

Греческое значеніе вѣнка, какъ награды, есть общая принадлежность всѣхъ навязъ вообще, и самое понятіе награды въ древнѣйшія времена смѣшивается съ понятіями мѣны и купли, иногда и насильственнаго завладѣнія силой. Ясно, напримѣръ, что сначала царское достоинство было воинской наградой народа за заслуги, но въ то же время оно вѣроятно добывалось часто силой оружія, а иногда и просто покупалось: такъ напр. герцогъ Краинскій платитъ за право возсѣсть на мраморный престолъ свой 60 пфениговъ. Англійскій король, при коронованіи своемъ, кладетъ на алтарь золотую монету (марка) и за нее беретъ лежащую на алтарѣ корону. Владѣтельный князь Шеноу (близь Ахена) вводитъ себя самъ во владѣніе, бросивши одинъ золотой и одинъ серебряный пфенингъ встрѣчающей его толпѣ, и вѣроятно, что самый обычай бросанія жетоновъ народу, ничто иное, какъ аллегорія на покупку.

Самое дѣйствіе купли (выкупа), награжденія и мѣны представлялось древнему человѣку въ видѣ обвиванія или обвязыванія продавца, откуда и выраженіе — вѣнити — продавать и древ. Герм. bespunnen mit miete, слово въ слово обвить наградой. Въ Нибелунгахъ Годелинде навязываетъ Фолкеру 12 обручей на руку, въ знакъ совершеннаго между ними условія: nam si 12 *pouge* (обручи, сравни съ Русскимъ «пукъ» — связка), unde *spien* (запрягла) ims an die hand. Въ преданіяхъ же Германіи находимъ мы въ подтвержденіе нашего предположенія самыя ясныя доказательства фак-

тическаго обвиванія или обсыпанія золотомъ. Такъ напр. Аттила обѣщается такъ обвить золотомъ того, кто отыщетъ ему Валтера, что онъ себѣ и выхода не найдетъ. Въ другомъ же случаѣ какой-то Бранденбургскій князь, выкупленный изъ плѣна своимъ народомъ, упрекаетъ народъ, что не по достоинству его выкупили, что нужно сѣсть ему на лошадь и поднять свою пику, и чтобы тогда народъ засыпалъ его такъ золотомъ, чтобы и конецъ пики не видать, и эти деньги оставить на выкупъ князя.

Изъ приведенныхъ примѣровъ легко заключить, что въ понятіяхъ древности богатство сливалось съ представленіемъ человѣка обвитаго, окруженнаго драгоцѣнными металлами и камнями. И дѣйствительно до существованія недвижимой собственности, человѣкъ, нося на себѣ все свое имущество, старался, чѣмъ драгоцѣннѣе была для него вещь, тѣмъ крѣпче непосредственно связывать ее съ собою, откуда и вышли, вѣроятно, всѣ обвивающія формы ожерелій, колецъ и вѣнцовъ; естественно также, что эти драгоцѣнныя обвязы, представляя собой, если можно такъ выразиться, капиталъ всего имущества кочующаго дикаря, могли легко перейти современемъ въ первый предметъ для *мѣны* и покупки и сдѣлаться, слѣдовательно, первоначальнымъ представителемъ того, что составляетъ у насъ нынѣ монета, *деньги*. Такъ напр. въ древней Эддѣ понятія перстня и золота тождественны (нищихъ награждаютъ кольцами), и вообще въ древн. Германіи ношеніе и собираніе колецъ означало не только свободное сословіе, но и богатство. Въ курганахъ Богеміи нашлись вязанья изъ золотыхъ нитокъ (Goldgewinde), которыя Ганушъ принимаетъ за первоначальную форму тамошнихъ денегъ, приводя и два цитата изъ древнихъ грамотъ, обязывающія на годичную уплату въ монастырь одной золотой, а въ другомъ случаѣ одной золотой и серебряной *нитки* [6]). Если такія нитки могли быть нѣчто въ родѣ монетарной единицы, то легко предположить, что изъ нихъ *сплетали* плотное вязанье — полотно, отчего и могло произойти слово платить, уплата (сравни плотно, полотно, плести и плетень); точно также какъ у Римлянъ — скотоводовъ изъ pecus (скотъ) образовалось слово pecunia — деньга. Русскій языкъ сохранилъ также память о древнемъ значеніи навязовъ, какъ драгоцѣнности: именно слова̀, въ значеніи

---

6) Trapezita *filum aureum* circa altare et *argenteum* circa ecclesiam annuatim solvere debet.

первобытной монетарной единицы, *ожерелiе* отъ жерло — горло и *гривна* отъ грива (Санскр. griwa — шея, затылокъ—нашему «грива», у лошадей напр.) указываютъ оба на шейное украшенiе, и Mater Verborum прямо переводитъ слово *hriwna* — ornamentum colli; точно также въ Юго-Герм. синонимахъ подарка helseto и würgeto отзываются слова halsen (отъ Hals — шея) и würgen — душить, сжимать шею, вѣроятно, въ смыслѣ украшенія шеи ожереліями и гривнами.

Д. Шепи́нгъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

МАТЕРІАЛЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ

ДО

ИСТОРІИ, ПРАВА и СТАТИСТИКИ,

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

I.

СУНОДАЛЬНОЕ ДѢЯНІЕ

1389 ГОДА

О ДУХОВНОМЪ ЕДИНСТВѢ РОССІИ.

СУНОДАЛЬНОЕ ДѢЯНІЕ

1389 года

О ДУХОВНОМЪ ЕДИНСТВѢ РОССІИ.*)

—

Самодержавіе въ Россіи искони основано было на незыблемомъ началѣ духовнаго единенія. Испытавъ многія препятствія, оно наконецъ восторжествовало, глубоко коренясь въ духѣ народномъ, проникнутымъ ученіемъ вѣры. Истина эта, напечатлѣнная въ нашихъ лѣтописяхъ, разительно оправдывается Греческими документами, обратившими на себя справедливое вниманіе ученыхъ (**). Изображая колебаніе Константинопольскихъ патріарховъ, подвергавшихся часто вліянію удѣльныхъ князей, эти документы рѣшительно подтверждаютъ предположеніе историковъ о возвышенныхъ начинаніяхъ отечественнаго Духовенства. Его то тяжкимъ и непризнаннымъ подвигамъ одолжено отечество наше твердостію своего существованія. Великій Святитель XIV столѣтія, подобно своимъ преемникамъ, не избѣгъ нарѣканій современниковъ за дѣла, которыми нынѣ гордится потомство. Порицанія,

---

(*) Издавая лишь переводъ настоящаго дѣянія, мы отступаемъ отъ принятаго нами правила — печатать переводы иностранныхъ документовъ вмѣстѣ съ текстомъ рукописныхъ подлинниковъ. Причина та, что, имѣя въ рукахъ списокъ съ подлиннаго дѣянія 1389 г., но не имѣя возможности убѣдиться въ его точности, мы предпочли не печатать его изъ опасенія быть неисправными, тѣмъ болѣе, что документы Константинопольскаго Патріархата XIII и XIV вѣка, къ числу коихъ принадлежитъ и предлагаемое нами дѣяніе, издаются въ Вѣнѣ І. М. Миклошичемъ и первый томъ ихъ уже вышелъ въ свѣтъ въ концѣ 1859 года. *Редакторъ.*

(**) См. Журн. М. Н. Пр. 1847 г. іюль м. кодексъ 2-й, л. 46, докум. 68.

брошенныя на его святую память, останутся навсегда яркимъ доказательствомъ сверхчеловѣческаго провидѣнія будущаго величія Россіи, упроченнаго непоколебимою твердостію его воли.

Съ такимъ убѣжденіемъ мы осмѣливаемся сообщить одинъ изъ достопримѣчательнѣйшихъ памятниковъ сношеній Россіи съ Константинополемъ, изображающій дѣянія Церкви нашей отъ смерти митрополита Алексія до возстановленія Кипріана на престолъ всероссійской митрополіи и разоблачающій то непостоянство мнѣній, которому подвергались по внушенію обстоятельствъ самые твердые, непоколебимые мужи. Для поясненія его мы прилагаемъ нѣсколько замѣчаній, заимствованныхъ изъ современныхъ источниковъ. Памятникъ этотъ мы назвали, согласно съ главнымъ его содержаніемъ, Сунодальнымъ дѣяніемъ 1389 года о возстановленіи духовнаго единства въ Россіи.

В. Григоровичъ.

Вся Россійская эпархія съ самаго начала предопредѣлена была быть паствою, управляемою однимъ митрополитомъ, именно съ тѣхъ поръ какъ Русскіе сподобились носить имя Христово и подчинились нашей великой Христовой, апостолической и каѳолической Церкви. Конечно не просто, какъ это сказалъ бы кто, и не случайно божественные оные мужи устроили, дабы многолюдный, тмочисленный, почти можно сказать, безчисленный оный народъ имѣлъ одного предстателя и общаго учителя. Ибо, такъ какъ земля русская велика, раздѣлена притомъ на многія и разныя мірскія области и на столько же управленій, такъ что многихъ имѣетъ князей, еще болѣе мѣстоблюстителей, и, такъ какъ помыслы этихъ раздѣлены не менѣе самыхъ дѣлъ до того, что многіе другъ противъ друга возстаютъ и нападаютъ и подстрекаются на раздоры, мятежи и междоусобія, то оные божественные мужи, провидѣвъ это божественнымъ духомъ, какъ истинные послѣдователи миротворца милосердаго Христа, стремившись наставить всѣхъ въ любви, мирѣ и единеніи другъ друга, и то не словомъ только, но и дѣломъ, примѣнивъ къ божественному ученію человѣческое знаніе и усмотрѣвъ, что не къ ихъ добру и не къ ихъ пользѣ будетъ, если и духовная власть на многія части распадется, что, напротивъ, одинъ митрополитъ будетъ связью и какъ бы союзомъ однихъ съ другими,— то, поелику мірскую власть не можно было одному подчинить, они поставили одну духовную. Благое устроеніе! ибо подчиненные одному предстателю и имъ путеводимые и сами съ собою и другъ съ другомъ примирились бы въ почитаніи одной главы, поставленной по примѣру единой главы, Іисуса Христа, которымъ, по словамъ Апостола, все тѣло церковное слагается и составляется и въ единеніи свершается. Такъ это именно и было, и дѣла церковныя успѣвали хорошо и мирно. Предъ немногими, однакоже, годами, произошли немалые раздоры, смуты и мятежи, такъ что всѣ дѣла превратились въ противное. Дабы сказанное сдѣлалось удобопонятнымъ и яснымъ, намъ нужно подробно разобрать оное. Знающимъ это будетъ въ напоминаніе; неиспытавшимъ и несвѣ-

давшимъ—руководствомъ, которымъ современемъ пользовались бы начальствующіе для пользы душъ человѣческихъ; тѣмъ, наконецъ, кто пожелаетъ изъ могущихъ впредь возникнуть бѣдствій извлечь полезное, будетъ это наставленіемъ, поученіемъ и примѣромъ.

За нѣсколько уже лѣтъ рукоположенъ былъ въ митрополиты Кіевскіе и всея Россіи святѣйшимъ приснопамятнымъ патріархомъ Филоѳеемъ, въ первое его патріаршество, посланный оттуда епископъ Владимірскій кгръ Алексій. Этотъ, отправившись туда и объявъ столь великую область, неодинаково ко всѣмъ былъ расположенъ, ниже одинаково печаловался обо всѣхъ съ тѣмъ, чтобы всѣмъ угодивъ, представилъ въ день судный отчетъ Богу. Когда же Великій Князь Московскій Іоаннъ, умирая, возложилъ на него надзоръ и опеку надъ сыномъ Димитріемъ и все о немъ смотрѣніе, то онъ немедля весь предался одному о немъ печалованію. Презрѣвъ естественные законы и правила, воспріялъ мірскую власть вмѣсто пасенія и наставленія Христіанъ. И заботясь о враждахъ, войнахъ и битвахъ, хотя и призванный поучать миру и согласію, оставилъ безъ епископскаго призрѣнія всю Литовскую эпархію и всю страну, надъ которой владѣлъ Великій Князь, огнепоклонниковъ (πυρσολατρῶν) и ее и митрополію всея Россіи, именно Кіевъ. Отсюда раздоры и распри и войны съ пролитіемъ крови всѣхъ князей другъ противъ друга и противъ ихъ собственнаго пастыря, виновника всего этого.

Узнавши о томъ, святѣйшій оный патріархъ сперва нарочными посланіями поучалъ князей и подобающимъ образомъ увѣщевалъ ихъ воздержаться отъ распрей и войнъ и взыскать мира, честнѣе котораго нѣтъ ничего. Не только это, но и еще и къ митрополиту писалъ и увѣщаніями и угрозами наставнически понуждалъ не дѣлать неподобнаго сану, дабы вмѣсто мира и согласія дарованныхъ намъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, онъ, поставленный миротворцемъ, пробуждая междоусобія и распри и войны, не поощрялъ князей къ раздорамъ. Князья же, раскаявшись и чтя патріаршія грамоты и повинуясь многимъ его увѣщаніямъ и поученіямъ, согласились быть готовыми принять митрополита, если захочетъ къ нимъ отправиться и прекратить прежніе соблазны, сознавая, что это принесетъ имъ и душевную и тѣлесную пользу. Но митрополитъ, который еще болѣе долженъ былъ къ тому поощрять и другихъ, какъ наставникъ мира и незлобія, не только не воспользовался нисколько патріаршими

увѣщаніями, какъ этого требовалъ санъ и положеніе первосвященника, но и показалъ себя въ этомъ дѣлѣ гораздо меньшимъ мірскихъ владѣтелей. Отказался совсѣмъ отъ мира, ни вочто считая патріаршія грамоты и пользу, изъ нихъ проистекавшую.

Тогда патріархъ, увидѣвъ, что грамоты ничего не помогаютъ, послалъ собственнаго монаха, нынѣ преосвященнаго митрополита Кіевскаго и всея Россіи, человѣка миролюбиваго и богобоязненнаго, умѣющаго хорошо пользоваться обстоятельствами и порядкомъ управлять дѣлами. Послалъ его, чтобы примирилъ князей другъ съ другомъ и съ митрополитомъ и еще устроилъ такъ, дабы митрополитъ, отправившись къ нимъ, навѣстилъ собственную митрополію, отъ которой устранялся девятнадцать лѣтъ, и навѣстилъ и прочій тмочисленный народъ, лишенный столько лѣтъ его поученія и навѣщенія. Когда это случилось, то князья показали еще больше послушанія къ патріарху и охотно приняли его совѣты, немедля отправивъ пословъ къ митрополиту. Они обязались страшными клятвами почитать собственнаго митрополита и оказывать ему всю честь, послушаніе и любовь, на случай, если что либо будетъ нарушающаго его честь и если не будутъ исполнять его желаній.

Оказалось, что онъ дѣлалъ противное. Онъ почелъ себѣ враждебными и патріаршія увѣщанія и упомянутаго посла и всячески отказывался отправиться къ нимъ. Любовь къ собственнымъ дѣтямъ, которыхъ великая Христова Церковь по Евангелію хорошо ему усыновила, всячески нехорошо отвергалъ. Это еще болѣе пробуждало къ гнѣву князей и разъярило на него, потому что они вмѣнили дѣло это въ знакъ личнаго презрѣнія. И такъ, они положили между собою рѣшеніе никогда не принимать его, даже если захочетъ къ нимъ отправиться. Писали притомъ къ патріарху всѣ вмѣстѣ и предложили пріискать иного архіерея. А патріархъ и такъ их просьбы не принималъ, но опять писалъ къ митрополиту, совѣтуя, какъ надлежитъ, дабы съ князьями примирился и отправился къ нимъ и духовно бы призрѣлъ собственныхъ дѣтей. Но онъ какъ камень (ἄσπις) глухъ былъ на зовъ, гласящій ему полезное и выгодное. До того дошло, что даже не удостоивался писавшій отвѣта и посрамленіе было на его головѣ.

Недовольные князья, отказавшись отъ предложенія, послали большое посольство съ грамотами къ святѣйшему оному патріарху и къ божественному и священному Синоду, упрашивая и умо-

ляя дать имъ другаго архіерея, который бы умѣлъ ихъ духовно призирать и поучать и наставлять о душеполезномъ и спасительномъ. А если цѣли своей не достигнутъ, будутъ готовы приступить къ другой Церкви, отступившей предъ многими годами отъ правыхъ ученій и отчужденной отъ православной Церкви Христіанъ.

Въ такомъ случаѣ что нужно было дѣлать великому оному божьему человѣку и по истиннѣ патріарху? Не слѣдовало дѣлить Россію на двѣ митрополіи, ниже презрѣть столькій народъ, лишенный столько лѣтъ архіерейскаго призрѣнія и вытекавшаго изъ него освященія, народъ, желавшій получить это по причинамъ истиннымъ и праведнымъ и съ искреннымъ прошеніемъ. Поэтому патріархъ, собравъ душевныя силы и заключивъ себя въ духѣ и призвавъ избранныхъ архіереевъ, воспользовавшись ими какъ совѣтниками и искренними увѣщателями, пошелъ въ дѣлѣ о томъ срединою. Чтобы, слѣдственно, столь великій народъ не остался безъ призрѣнія, и еще, чтобы онъ не предался совсѣмъ пагубѣ и душевной гибели приложеніемъ себя къ чуждой Церкви, съ величайшею осмотрительностію низошелъ къ просьбѣ нуждающихся. И такъ рукоположилъ реченнаго кѵръ Кипріана въ митрополиты Кіевско-Россійскіе и Литвы, этихъ именно мѣстъ, которыя оставилъ безъ призрѣнія на многіе годы митрополитъ кѵръ Алексій. А чтобы древнее устроеніе Россіи сохранилось и чтобы опять и впередъ она нашлась подъ однимъ митрополитомъ, то синодальнымъ дѣяніемъ узаконилъ, чтобы послѣ смерти кѵръ Алексія Кипріанъ объялъ и всю Россію и такимъ образомъ былъ одинъ митрополитъ всея Россіи. И сказывалъ, что и нынѣ эта митрополія не раздѣляется на двѣ, ибо недавнее рукоположеніе Кипріана есть дѣло настоятельной причины и неотлагаемой нужды, дабы весь народъ не преданъ былъ погибели. А что опять долженъ былъ быть одинъ митрополитъ Россійскій, этого требовала и справедливость и польза и обычай. И благо былобы, еслибы до конца сохранились такое дѣяніе и такое положеніе въ часъ невзгодія. Послѣ смерти кѵръ Алексія былъ бы Кипріанъ обладателемъ цѣлой Россійской Церкви, а соборная апостолическая Христова Церковь былабы опять свободна отъ взведенныхъ на нее по этимъ обстоятельствамъ несправедливыхъ порицаній, роптаній и обидъ.

Но искони человѣкоубійцу и злобному демону было это не-

выносимо. Бывъ по природѣ лукавымъ и человѣконенавистникомъ, не могъ онъ терпѣливо видѣть эту Церковь умиренною, но взволновавъ исполнилъ ее раздора и ввергнулъ другъ друга въ безмиріе. Вотъ изъ чего можно видѣть поводъ и причину раздора и мятежа. (*За симъ три съ половиною строки нарочно зачеркнуты*)....
...Какъ скоро узналъ, что онъ умеръ (*Алексій* М?), немедля написалъ въ Великую Россію, что никакъ не принимаетъ кѵръ Кипріана. Грамотами же передавалъ эту Церковь оному архимандриту Михаилу, о которомъ зналъ, что онъ въ чести у благороднѣйшаго князя кѵръ Димитрія. И кромѣ рукоположенія вручилъ ему всю власть надъ оною Церковью. И грамотами снабдилъ его, дабы, пришедши сюда, поставленъ былъ Великой Россіи... (*четыре строки нарочно замараны*). Великій же Князь Московскій, кѵръ Димитрій, когда преставился духовникъ его и опекунъ, митрополитъ кѵръ Алексій, изъ почтенія къ нему и послушанія, имѣя нѣкоторый гнѣвъ на кѵръ Кипріана, нашедши притомъ кстати и грамоты тогда бывшаго патріарха, послалъ онаго архимандрита кѵръ Михаила на рукоположеніе въ митрополиты Великой Россіи. Но Божій судъ преслѣдовалъ его, ибо, не вступивши еще въ царицу городовъ, еще проплывая Пропонтиду, готовясь на заутра пристать, разстался съ сею жизнью. Событіе это не устрашило окаянныхъ посланниковъ. Совѣщавшись на зло Церкви, умысливъ коварство и обманъ и сочинивъ подложныя грамоты, намѣрились они представить нѣкоего іеромонаха Пимена своимъ пастыремъ и клятвами и условіями обязали другъ друга, что никто изъ нихъ не скажетъ ниже объявитъ истину. И такъ грамоты и себя представили святѣйшему и приснопамятному патріарху Нилу, недавно еще принявшему церковное кормило.

Онъ же, не зная лукавства и умысла ихъ и довѣривъ грамотамъ, будто истиннымъ — и какъ же могла догадываться о такомъ злоумышленіи благая и божественная его душа, непричастная ни къ какому злу и исполненная всякой добродѣтели? — рукоположилъ Пимена въ митрополиты Россійскіе. Изъ этихъ то грамотъ бывшаго патріарха произошли слѣдствія такъ же злыя, какъ зло было начало. Онъ то во всемъ самый виновный.

А они, такимъ образомъ снабженные грамотами и угрожая касательно Латиновъ, и пословъ отправили и ложь выдумали и

сказывали, что никогда не доведутъ себя до принятія Кипріана, человѣка взысканнаго Литовскимъ Княземъ, сильнѣйшимъ ихъ врагомъ. Дѣяніе Пименово еще не кончилось, а уже начались раскрываться вины его. Нѣкоторые, прибывшіе сюда послѣ него, свѣдавши о лукавствѣ и злоумышленіи, которыхъ соучастникомъ, да, виновникомъ онъ былъ, какъ это послѣ болѣе оказалось, донесли объ этомъ патріарху. Онъ, призвавъ пословъ и обличивъ ихъ соборнѣ, произнесъ на нихъ отлученіе самое тяжкое и страшное. Они же, окаянные, не боясь Бога за лукавыя дѣла свои, ниже уваживъ отлученіе — дѣла свои, утверждали, что правдивы и на свою голову приняли отлученіе. Что же? Такимъ словамъ повѣрилъ патріархъ, ибо, казалось, это справедливо. И такъ онъ и снабдилъ Пимена грамотами сѵнодальными и вмѣстѣ съ послами отправилъ въ Россію. Скоро, однакожъ, ложь обличилась. Великій Князь Московскій, увидѣвъ его паче всякаго чаянія митрополитомъ, прежде чѣмъ узналъ то, что о немъ другіе свѣдали, призвалъ митрополита Кипріана, перемѣнивъ свое мнѣніе и испросивъ прощеніе за то, въ чемъ провинился противъ него, обманутый грамотами бывшаго патріарха. А Пимена, сдѣланнаго вопреки его мнѣнію митрополитомъ, какъ виновника лукавства и злоумышленія, заточилъ и заключилъ въ темницѣ. Пословъ же, которые ему содѣйствовали, однихъ лишилъ имущества, другихъ ссылкой, иныхъ темницей и ударами, а нѣкоторыхъ и смертью злѣйшимъ образомъ наказалъ. Узнавъ объ этомъ патріархъ и почитая дѣломъ недобрымъ, что человѣкъ Церковью какимъ бы то ни было образомъ рукоположенный предается мірскими властями тѣлесному бѣдствію, отправилъ къ Великому Князю грамоты, упрашивая принять его какъ архіерея его земли. Наконецъ, послѣ того какъ многія грамоты противъ кѵръ Кипріана и еще бо̀льшее ихъ количество было послано въ пользу Пимена, этотъ послѣдній побѣдилъ и получилъ оную Церковь.

Немного прошло времени, какъ въ царицу городовъ прибылъ Суздальскій епископъ Діонисій, сильно вопія противъ Пимена и представляя случившееся съ нимъ, какъ зло, доводящее Церковь къ раздору, мятежу и расколу, вмѣсто того, чтобы причинить единодушіе и миръ. Притомъ утверждалъ онъ, что грамоты о немъ и послы были совершенно лживые и злонамѣренные, и потому говорилъ, что несправедливо было бы признавать архіереемъ его, рукоположеннаго съ такимъ лукавствомъ. Это заставило святаго

онаго патріарха признаться, что если съ такимъ обманомъ и лукавствомъ Пименъ рукоположенъ, то справедливо будетъ, если онъ отрѣшится. Принявъ такое признаніе, Діонисій отправился въ Россію и тамъ получилъ на письмѣ обвиненіе Пимена отъ Великаго Князя и отъ другихъ князей. Привезши ихъ, вручилъ патріарху и привелъ съ собою іеромонаха Θеодора, архимандрита, въ доказательство того, что, послѣ отрѣшенія Пимена, онъ самъ долженъ принять власть надъ всею Россіею. И разсказывалъ Діонисій о дѣлѣ въ словахъ пышныхъ и только подъ предлогомъ, а между тѣмъ самъ скрытно другое сочинялъ и лживыми словами лицемѣрно всѣхъ привлекалъ. Подъ предлогомъ исправленія Россійской Церкви, взволнованной и бѣдствующей, лукаво подбиралъ къ себѣ власть. То поставлялъ на видъ грамоты, заключающія много лукаваго, которыхъ былъ сочинителемъ, то придумывалъ, заготовлялъ и располагалъ какъ не слѣдуетъ.

Наконецъ, когда высказаны были обвиненія на Пимена соборнѣ, положено было законнымъ образомъ, съ согласія патріарха и благоизволенія державнаго святаго Самодержца, послать двухъ архіереевъ, одного изъ церковныхъ и одного изъ царскихъ сановниковъ, дабы они изслѣдовали дѣло Пимена и, если справедливымъ окажется обвиненіе, то, такъ какъ онъ обманомъ по ложнымъ показаніямъ и выдумкамъ рукоположенъ, дабы отрѣшили сана и, извергнувъ его изъ Церкви, поставили Діонисія. Это не мало взволновало Русскихъ И всё разъярилось на вселенскую Церковь, такъ что нанесены были многія обиды съ прибавленіемъ насмѣшекъ, глумленія и ропота, чего всего были достойны тѣ, которые сплели ложь и надѣлали коварства и занимались бездѣльничествомъ. И тьму зла сдѣлавъ, они все это черезъ посланниковъ на насъ обратно взвели. Начало же случившагося не отъ кого другаго какъ отъ пословъ, выѣхавшихъ изъ Россіи. Они то въ раздорѣ между собою, раздѣленные на двѣ и даже три стороны, приводя въ одно время самыя противорѣчащія грамоты и другъ друга порицая и возставая другъ на друга, они то причинили и раздоры и раздѣленіе Церкви. А Церковь не знала, на чьей сторонѣ вмѣстѣ съ правдою остаться. Слѣдственно вмѣсто обвиненій, слѣдовало бы молчать. Они же, напротивъ, нанесли Церкви обиду и вмѣстѣ съ другимъ содѣланнымъ зломъ совершили изъза Церкви главное величайшее зло, обиду и презрѣніе Бога.

Посланные, слѣдственно, дошедши туда, изслѣдовали дѣло

Пимена, нашли всё истиннымъ и извергли его изъ Церкви. Между тѣмъ случилось, что Діонисій разстался съ жизнію. Пименъ же, извергнутый изъ оной Церкви, согласно рѣшенію, сдѣланному соборнѣ патріархомъ, бѣжалъ оттуда, измѣнилъ видъ, облекся въ мірскія одежды, скитался съ мѣста на мѣсто и достигнулъ царицы городовъ.

Здѣсь, вопія противъ неправды, усильно утверждалъ, что былъ обиженъ, ибо, если нужно было ему судиться за святительскій санъ, то, сказывалъ, надлежало бы ему, призванному соборнѣ, подвергнуться суду. Казалось, слѣдственно, что и онъ правду говорилъ. И такъ какъ еще не прибыли наши посланные, отъ которыхъ патріархъ могъ бы узнать, въ чемъ его по слѣдствію уличили, то онъ пользовался мѣстомъ, почестями архіерейскими и самымъ даже священнодѣйствіемъ. По прошествіи малаго времени, отправленные на слѣдствіе послы возвратились оттуда. А съ ними прибылъ и куръ Кипріанъ согласно писанію патріарха къ нему. Прошло еще время пока этотъ послѣдній, посылаемый туда по царскимъ дѣламъ, воротился, а между тѣмъ прибылъ опять Ѳеодоръ и привезъ съ собою обвиненія на письмѣ, бывъ для этого нарочно посланъ Великимъ Княземъ и имѣя словесно сказать многое противъ него. Принявъ на себя лице обвинителя, Ѳеодоръ имѣлъ доказательствомъ достовѣрности грамоты, имъ привезенныя, и лица, посланныя отсюда для изслѣдованія. Послѣ того какъ это сдѣлалось, и судъ замедлился по нѣкоторымъ временнымъ приключеніямъ, когда, наконецъ, внушеніемъ патріарха Сѵнодъ каноническій собрался, тогда уже Пименъ и Ѳеодоръ согласились и давъ себѣ взаимно обѣщаніе и клятвы вмѣстѣ съ нѣкоторыми неподобными условіями, бѣжали отсюда и скрытно отправились на востокъ. Узнавши объ этомъ, державный, святой царь и святой оный патріархъ всячески старались изыскать ихъ. Первый послалъ людей, чтобы ихъ привести, второй отлученіе съ грамотами, угрожавшими лишеніемъ и изверженіемъ, если не возвратятся. Они же нимало не желали этого. И опять посланы отъ патріарха грамоты, подобныя первымъ, а отъ царя сановники, носившіе съ собою и святыя его украшенія, которыми убѣждали ихъ разсѣять всякій страхъ и безъ боязни возвратиться. Но и такъ не захотѣли они, и, еще, прибѣгнувъ къ Туркамъ и усилившись ими, изрекли много хулы на царство и патріаршество. Презирая и ни во что поставляя божественныя пра-

вила, а вмѣстѣ съ ними и царскія, патріаршія и синодальныя, держались предположенной цѣли и отправились путемъ, ведущимъ въ Россію, служа другъ другу осужденіемъ. Ѳеодоръ, принявшій названіе архіепископа, а можетъ быть и дѣйствительно Пименомъ рукоположенный, отправился слѣдственно вмѣстѣ съ обвиненнымъ. И такъ враждебнѣйшіе прежде другъ другу такую заключили теперь дружбу, что сдѣлались неразлучными. Осуждены же они здѣсь не отсутствуя, какъ бы сказали нѣкоторые, что противно божественнымъ канонамъ. Ибо Пименъ и присутствовалъ и обвиняемъ былъ и призналъ обвинителя, съ которымъ наконецъ подружился и бѣжалъ. Это то и болѣе осуждаетъ его, потому что онъ подружился съ обвинителемъ. Если именно Ѳеодоръ лживо обвинялъ, то онъ въ слѣдствіе сего самъ осуждался и лишался общенія. Сообщаясь съ лишеннымъ общенія, онъ дѣлался самъ осужденнымъ и лишеннымъ общенія. Если же обвиненіе было справедливо, то изъ сего слѣдуетъ, что Пименъ осужденъ; а Ѳеодоръ дѣлался отрѣшеннымъ, сообщаясь съ лишеннымъ общенія.

И такъ другъ другу служатъ они осужденіемъ сами собою. Тщательно же разсматривающему окажется отлученіе это даже очень каноническимъ, именно потому, что послѣ трехъ сдѣланныхъ ему призывовъ къ возврату съ востока онъ никакъ не хотѣлъ воротиться, хотя призывался подъ отлученіемъ. Поэтому Сѵнодъ справедливо произнесъ осужденіе, сдѣлавъ общее каноническое о нихъ рѣшеніе.

Послѣ такихъ приключеній, послѣ возникшихъ для русской Церкви стольхихъ смутъ, замѣшательствъ и стольхихъ раздоровъ и распрей и козней, надобно же было всеконечно остановить зло и бурное время превратить въ тишину и ниспослать миръ и согласіе христіанскому народу, не допустить его совсѣмъ къ отчаянію при такомъ напорѣ золъ, безпрестанно на него пробуждаемыхъ. А это какъ же иначе могло случиться какъ не по первому чину и порядку и по обычаю и сперва хорошо узаконенному — именно возстановленіемъ опять одного митрополита Великой Россіи. Этому доброму дѣлу и содѣйствовала Божья помощь.

Смиреніе наше, какъ скоро судьбами, свѣдомыми Богу, довѣрено было намъ предстательство вселенской Церкви, и прежде бывъ нечуждымъ всего этого, соболѣзновавъ о сей разстроенной и страждущей Церкви, поставило (такое) дѣло въ числѣ собственныхъ, самыхъ достойныхъ попеченія.

И какъ бы начатки и благій даръ Богу отъ всѣхъ дѣлъ своихъ приноситъ (смиреніе наше) исправленіе россійской Церкви и устраненіе бывшихъ соблазновъ и раздоровъ, устроеніе мира всему народу и справедливое изглаженіе нанесенныхъ нашей великой Христовой, Каѳолической, Апостолической Церкви порицаній, ропотовъ и обидъ и очищеніе съ Божіею помощью Церкви. Такъ какъ державный Самодержецъ защитникъ Церкви и предстатель, оправдатель и дефензоръ приложилъ всё стараніе къ тому, чтобы исправить Церковь россійскую и сохранить ея древніе порядокъ и положеніе, чтобы уничтожить случившіеся соблазны, и всѣми возможными способами заботясь объ этомъ народѣ, предпочелъ его дѣло своему, лишь бы устроилась означенная Церковь, то смиреніе наше, совѣщавшись съ засѣдавшими съ нимъ преосвященными архіереями, всечестными, съ Ираклійскимъ, Кизическимъ, Никомидійскимъ, Оугровлахійскимъ, Никійскимъ, Монемвасійскимъ, Атталійскимъ, Адріанупольскимъ, Серрескимъ, Силиврійскимъ, Готѳійскимъ, Сугдайскимъ, Варнскимъ, опредѣлили и рѣшили признавать во всемъ отрѣшеніе Пимена, совершенное соборнѣ бывшимъ прежде насъ святѣйшимъ приснопамятнымъ патріархомъ Ниломъ. Такъ какъ онъ (Пименъ) обвиненія на него возведеннаго, находясь въ собственной Церкви и отсутствуя, мирно не отклонилъ, такъ какъ онъ прибывъ въ Сѵнодъ и желая собственныя провиненія смыть, увидѣвъ своего обвинителя, съ нимъ соединился, избѣгалъ суда, Сѵнода и рѣшенія его, такъ какъ и Сѵнодъ не нарушилъ заповѣди каноновъ, давъ, при такомъ ходѣ дѣлъ, трикратно ему знать, чтобы онъ прибылъ, и согласно съ правилами произнесъ о немъ рѣшеніе, — то, слѣдственно, онъ остается отрѣшеннымъ и отдѣленнымъ отъ архіерейскаго лика, бывъ уже отрѣшеннымъ рукоположившимъ его патріархомъ, который, весьма о немъ заботясь, не оставилъ ничего, клонившагося къ его чести, чтобы сдѣлать его непоколебимымъ, а не сдѣлалъ бы этого, еслибы не удостовѣрился, что стóитъ отлученія, какъ и дѣла о томъ свидѣтельствуютъ.

Такъ какъ Пименъ отрѣшенъ уже и отрѣшеніе его признано нынѣ соборнѣ смиреніемъ нашимъ безъ всякаго оправданія и такъ какъ правильно доказана необходимость одного митрополита всея Россіи и на это преимущественно соизволилъ державный и святой нашъ Самодержецъ, оберегатель и защитникъ правды и пользы и, притомъ въ этомъ безспорно состоитъ слава всей Цер-

кви и всѣхъ вообще христіанъ, случилось же къ тому, что преосвященный митрополитъ куръ Кипріанъ достойно занимаетъ мѣсто, на которомъ находится и имѣетъ дѣяніе святаго, приснопамятнаго патріарха Филоѳея на то, чтобы послѣ смерти же Алексія одинъ онъ пребылъ митрополитомъ Всероссійскимъ, то и мы всѣ вмѣстѣ признаемъ упомянутое дѣяніе. И какъ бы поставляя опять его снова, разрѣшаемъ бывшіе соблазны и смуты и раздоры и споры и всё зло, возникшее изъ нихъ, и почитаемъ не бывшими прежде, относя ихъ къ обстоятельствамъ и событіямъ и къ первымъ причинамъ, о которыхъ мы сказали. Утверждаемъ при томъ, что ни куръ Филоѳей, ни куръ Нилъ, блаженно жившіе и блаженнѣе преставившіеся, не были добровольными сообщниками такихъ раздоровъ, но неповинны и чисты въ обвиненіяхъ и порицаніяхъ, нанесенныхъ имъ нѣкоторыми.

И такъ, настоящимъ сѵнодальнымъ дѣяніемъ возобновляемъ прежнее устроеніе, чтобы митрополитомъ Кіевскимъ и всея Россіи и былъ и назывался куръ Кипріанъ, который до конца своей жизни будетъ обладателемъ ея и всея области ея и будетъ рукополагать епископовъ въ епископіяхъ, изначала подчиненныхъ Церкви его, и пресвитеровъ и діаконовъ, иподіаконовъ и анагностовъ, совершая всѣ прочіе святительскіе обряды, бывъ и называясь настоящимъ архіереемъ всея Россіи, и всѣ послѣ него митрополиты всея Россіи такими будутъ, наслѣдуя одинъ послѣ смерти другаго. И это сохранится ненарушимо отнынѣ впредь во всѣ вѣки, что и подтверждается честнымъ хрисовулломъ державнаго и святаго Самодержца. И никогда не нарушится настоящее дѣяніе и возстановленіе, ни нами, ни преемниками нашими, ибо опытомъ удостовѣрились мы въ томъ, какъ велико зло раздѣленіе и раздробленіе на части сей Церкви и какъ велико добро имѣть одного митрополита въ цѣлой этой эпархіи.

Сего ради выдано преосвященному митрополиту Кіевскому и всея Россіи, всечестному о Святомъ Духѣ возлюбленному брату нашего смиренія и сослужебнику куръ Кипріану и Россійской Церкви настоящее сѵнодальное дѣяніе нашего смиренія, на постоянную и неизмѣнную ея пользу, мѣсяца февруарія, наступающаго двадцатаго индиктіона шеститысячнаго осмисотаго девятинадесятаго седмаго года.

Имѣло и честной патріаршей руки (подпись), тако: Антоній, милостію Божіею архіепископъ Константинопольскій новаго Рима и вселенскій патріархъ.

Имѣло и другія подписи преосвященныхъ архіереевъ такія:

Ираклійскій Іосифъ,	Кизическій Матѳей,
Никомедійскій Макарій,	Угровлахійскій Анѳимъ,
Монемвасійскій Іосифъ,	Паргійскій и Аталійскій Аѳанасій,
Адріанупольскій Матѳей,	Смирнскій Діонисій,
Митилинскій Іеремія,	Серрескій Матѳей,
Варнскій Гавріилъ,	Силиврійскій Ѳеофилъ,
Готѳскій Антоній,	Сугдайскій и Фульскій Ѳеоктистъ,
Деркійскій Іоасафъ,	Созопольскій Іосифъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) «Узнавши это». Мы должны замѣтить, что эта грамота не упоминаетъ о многихъ событіяхъ, давшихъ безъ сомнѣнія поводъ къ справедливымъ и исполненнымъ послѣдовательности дѣйствіямъ Алексія митр. Поставленія митр. Галицкаго и Литовскаго, неупоминаемыя въ этой грамотѣ, достаточнымъ образомъ извиняютъ осторожность, съ какою дѣйствовалъ митроп. Алексій. См. Ж. М. Пр. 1847, ч. 54, отд. II, стр. 138, числа 27, 30.

[2]) «Тогда патріархъ видѣвъ». Справедливо, что патріархъ обращался къ митр. Алексію съ увѣщаніемъ: δικαιον δε ένι ΐνα και τήν γήν πάσης ρωσιας έπιβλέπης και ἔχεις μετά πάντων ρήγων ἀγάπην και διατέσην πατρικήν και ἀγαπᾶς ἀυτους ὁμοίως (ср. Ж. М. Пр. ч. 8), но самъ же патріархъ зналъ, вѣроятно, и главныя причины недоброжелательства къ западнымъ князьямъ, ибо въ позднѣйшей грамотѣ къ великому князю самъ пишетъ: πολλάόργήσθην κατα των ρήγων (Ж. М. Пр. ч. 20), и яснѣе въ грам. Новгор. епископу даетъ замѣтить ему, что онъ όυτε προσ τον ἱερώτατον μητροπολιτην πάσης ρωσιας όυτε πρός τον έυγενέστατον ρήγα πάσήσ ρωσιας κυρ δημήτρων ὑπομονήν διδωσι (Ж. М. П. ч. 22); наконецъ, ещё яснѣе и опредѣлительнѣе выражаетъ это въ грамотѣ къ князьямъ, которыхъ отлученіе, произнесенное митр. Алексіемъ, онъ подтверждаетъ и обѣщаетъ простить ихъ тогда только, когда (μίλλουσι συγμορήθηναι παραυτῆς) ὁποταν ποιήσωσι κατά τήν συμφωνίαν καί ὅποταν γραφη ὁ μγτροπολίτης ὁτι υπεστρεψαν, τοτε συγχωρηθήσονται παρά τῆς πητριότητος ἡμῶν (ср. Ж. М. Пр. ч. 24). Постоянныя, слѣдственно, измѣны князей и связи ихъ съ врагами великаго князя были главною причиною неблагорасположенія къ нимъ митроп. Алексія. Объ этомъ знали и въ Константинополѣ, но различно, по обстоятельствамъ, дѣйствовали.

[3]) Монаха, нынѣ преосвященнаго митроп. Кипріана.

Въ дополненіе ученой біографіи сего знаменитаго Россійскаго митрополита скажемъ, что есть слѣды его обширныхъ сношеній съ Аѳонской горой, гдѣ онъ жилъ, съ болгарскимъ патріархомъ Евѳиміемъ и съ Валашскимъ митрополитомъ Анѳимомъ, въ подчиненіи (временномъ?) котораго константинопольскому патріарху, вмѣсто архіепископа всея Болгаріи, въ Охридѣ, онъ кажется участвовалъ. Просимъ ученаго біографа поискать въ богатой рукописями библіотекѣ: Посланія Еѵѳимія, патр. Трьновскаго, къ Кипріану мниху, живщу на св. горѣ и просивщу написатися ему о нѣкіихъ церковныхъ винахъ, также Посланія тогоже Евѳимія къ Никодиму и Анѳиму, митропол. угровлахійскому. Намъ кажется, что нѣкоторыя событія Валашской церковной исто-

ріи пояснятся изъ тщательныхъ изслѣдованій о нашемъ Кипріанѣ.

Упомянутый Никодимъ, бывшій въ Римѣ по нѣкоторымъ церковнымъ дѣламъ, быть можетъ также былъ въ сношеніяхъ съ Кипріаномъ. Это лице весьма замѣчательно и поэтому просимъ біографа поискать еще Посланіе къ преподобному отцу нашему Никодиму, сущу тому въ Италіи, и посланное Павломъ, ученикомъ его, оставшимъ въ Мавровлахіи. Этого Никодима, священника иже въ Тисменѣ, мы видѣли въ монастырѣ Тисменскомъ (въ Валахіи) собственноручно писанное Евангеліе съ слѣдующею припиской: сиіе стоіе еѵгліе написа попь Никодимь на оугрсцѣи земли въ лѣто шестотого (sic) гоненія, ѿ начала битіа числімо ѕ и деветсьтно и ӷі. Слѣдственно, Никодимъ былъ современникъ Кипріану.

4) «Какъ скоро узналъ, что онъ...» ср. Ж. М. Пр. ч. 35. Кипріанъ былъ покровительствованъ императоромъ, но гонимъ патріархомъ Ниломъ. Замѣчательно, что въ одной грам. (ср. Ж. М. Пр. ч. 43) сказано, что Кипріану позволено было по просьбѣ императора отправиться въ Россію, но черезъ годъ воротиться въ Константинополь, чтобы судиться. Отправившись, онъ могъ служить не въ Великой Россіи, а въ своей *еноріи*.

5) «Сего ради—митрополитъ Кіевскій и всея Россіи». Какъ окончательно по этой грамотѣ понимать слово *всея Россіи*, можно кажется заключить изъ эпитета *Россія*, прилагаемаго въ греческ. грамотахъ XIV ст. разнымъ странамъ. Въ грамотахъ этихъ упоминаются μεγάλη Ροσία, μικρά Ροσία, Λιτβοροσία и, наконецъ, ρωσοβλαχια, которая относилась, кажется, не столько къ Молдавіи, сколько къ настоящей Бессарабіи. Имя, слѣдственно, Россія придавалось и въ XIV столѣтіи тѣмъ же странамъ, что и нынѣ. Въ одной грамотѣ (см. Ж. М. Пр. ч. 50) и Великій Князь Московскій носитъ этотъ общій титулъ ἐυγενέστατε μέγα ρήξ μοσχοβίου και πάσης ρωσίας.

II.

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЦОВЫХЪ КНИГЪ

1482 г.

О РЫБНЫХЪ ЛОВЛЯХЪ

СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ, МАРѲЫ ПОСАДНИЦЫ

И

БОЯРЪ НОВГОРОДСКИХЪ.

СООБЩЕНА

И. Н. Царскимъ.

ВЫПИСЬ СЪ ПИСЦОВЫХЪ КНИГЪ

ОНДРЕЯ ПЛЕЩѢЕВА 90-го ГОДУ.

Написано: въ Обонѣжской пятинѣ, въ Спаскомъ погостѣ, на Выгоозерѣ, угодья Соловетцкого монастыря на Выгѣ рѣкѣ пожаловалъ царь и великій князь къ Троицѣ Живоначалной, что на Сорокѣ, гдѣ преставись Соловетцкой чюдотворецъ Саватѣй, ѣзъ на рѣки на Сорокѣ, а оброку съ того ѣзу шло въ цареву и великого князя казну рубль Ноугородской, и того оброку царь и великій князь имати на Соловетцкихъ не велѣлъ; да на Выгу жъ колъ рыбной и сѣтная ловля, ловили сиги Жизнемцы, Соловетцкіе крестьяне, и тотъ колъ нынѣ пустъ, ловли въ немъ нѣтъ, а въ того мѣсто кола выше подъ деревнею подъ Островымъ переставленъ колъ ново, послѣ писма, черезъ всю рѣку Выгу, а ловятъ на немъ рыбу на монастырь въ межень, лососи, и тинды, и сиги гарьюсы, а въ осень рыбу большую семгу, а поставилъ игуменъ тотъ колъ на своей же монастырьской землѣ на Выго рекѣ; у моря ловля тоня семежная на порозѣ на Золотцѣ вопчѣ съ царевыми и великого князя крестьяны и съ Вяжитцкимъ монастыремъ да съ Пречистые пустынки Палья Острова, а ловятъ первою тонею по участкомъ рыбою дѣлити, и въ той тони царя и великого князя участковъ Марѳинскіе боярщины 16, а Ѳедоровскіе Глухова 7 участковъ, а Лукинскіе Ѳедорова 2 участка, да Михайловскихъ Берденева 2 участка, да Мосѣевыхъ дѣтей Бабкина пол-2 участка, а Вяжитцкого монастыря 6 участковъ, а пустынки Пречистой Палья Острова 2 участка, а Соловетцкому монастырю 18 участковъ; да усть Выги рѣки на Сороки у моря колъ рыбной и сѣтми ловятъ Нюгчане; а оброку было положено съ царевыхъ

и великого князя участковъ за рыбную ловлю и съ коловъ съ сѣтныхъ 5 рублевъ.

И всѣхъ участковъ было вопчихъ царя и великого князя и монастырскихъ 54 участки съ Ѳедоровскими участки Глухова семью, да Лукинскими Ѳедорова двѣма, да Мосѣевыхъ дѣтей Бабкина полторма, да Михайловскихъ Берденева полторма, да Марѳинскіе боярщины Исакова восмы участки, что далъ царь и великій князь Соловетцкому монастырю волостей Суму да Сороку, и тѣмъ угодьемъ царь и великій князь Соловетцкихъ пожаловалъ и съ оброкомъ — имать на нихъ не велѣлъ.

И всего Соловетцкихъ участковъ, старыхъ и новыхъ, что имъ далъ царь и великій князь, 38 участковъ; а осталось достали за царевыми и великого князя крестьяны Выгозерцы и за Нюгчане поѣздъ, 8 участковъ, да въ тонѣ участокъ.

Находится въ позднѣйшей выписи изъ писцовыхъ книгъ Обонѣжской пятины Юрія Константиновича Сабурова 1496 *года, писанной столбцемъ, на трехъ листкахъ, съ подписью на оборотѣ:* Къ сей выписи съ книгъ Николы Чудотворца Вяжыскаго монастыря игуменъ Генадей руку приложилъ.

III.

БОЯРСКАЯ КНИГА

1556 года.

сообщена

Кн. М. А. Оболенскимъ.

КНИГА БОЯРСКАЯ,

СКОЛКО ЗА НИМИ ПОМѢСТЬЯ И СКОЛКО ИМѢЮТЪ ДАТЬ ЛЮДЕЙ НА СЛУЖБУ

ВЪ ДОСПѢХАХЪ СЪ САЙДАКИ И СЪ САБЛИ И ЧТО СЪ НИХЪ БОЯРЪ НАДЛЕЖИТЪ ВЗЯТЬ ТѢМЪ ЛЮДЕМЪ НА ЖАЛОВАНЬЕ ДЕНЕГЪ.

—

. . . .

(*л. 1*) (*) Князь Ѳедоръ (**) княжъ Михайловъ сынъ Борятм...(***): съѣхалъ съ Усьи и съ Заечьи рѣки на Веден... лѣта 7064 держалъ черезъ год... ва до Веденьева дни. А дано бы... на 2 году и дано въ откупъ ... не сыскано; помѣстья на 600 ч... по старому смотру людей его 5 ч. ... пѣсехъ въ Серпуховѣ; помѣстья сказалъ 600 четвертей, самъ на конѣ, въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, людей его 10 ч., въ нихъ 5 ч. въ доспѣсехъ и въ шапкахъ въ желѣзныхъ съ копьи о дву конь, 5 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, съ копьи, объ одинъ конь, на одномъ шеломъ, а на другомъ шапка желѣзна, а... 3-хъ шапки мѣдены, изъ нихъ ведутъ 2 коня, просты, княжихъ 4 ч. А по уложенью взяти съ него съ земли ... въ доспѣсехъ, и передалъ 5 ч. въ те...ляехъ. А по новому окладу дати... его голову въ 16 статьѣ 25 рублевъ, да на люди съ земли 10 рублевъ, да на передаточныхъ людей 17 рублевъ, а не додати ему за 3 шеломы 3-хъ рублевъ.

(*л. 2.*) Михаило Тимоѳѣевъ сынъ Шетневъ — съѣхалъ съ тіуньства съ Московского на Спиридоньевъ день 61-го, держалъ 2 го-

---

(*) *Въ подл. все написанное на первомъ листѣ зачеркнуто.*—(**) *Вверху надъ первою строкою въ подл. написано*: умеръ.

(***) *Мѣстà, означенныя точками, въ подлинникѣ истлѣли.*

ду; вотчины не сыскано; помѣстья 147 четвертей; по старому смотру людей его на году въ Казани ... его 3 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотр... ему не былъ, былъ боленъ на Москвѣ. А по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ тегиляѣ, и передалъ людей всѣхъ, а не дода... ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 16 статьѣ 25 рублевъ, да на люди на передаточные 13 рублевъ, а не додати ему 2 рублевъ.

(*л. 3*) Михайло Михайловъ сынъ Гагинъ — съѣхалъ съ Малые Соли на Великъ день 62; держалъ черезъ годъ отъ Сбора до Велика дни; вотчины не сыскано; помѣстья за нимъ 153 четверти безъ третника; по старому смотру людей его въ Казани на году 5 ч., въ нихъ 3 ч. въ доспѣсехъ, 2 ч. въ тегиляехъ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ — на году въ Казани; а лѣта 7063 въ Казани на году. Помѣстья Михайло сказалъ за собою на 150 четвертей, вотчины не сказалъ; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его 5 ч. на конѣхъ, 3 ч. въ доспѣсехъ, 2 ч. въ тегиляехъ да конь простъ; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ тегиляѣ, и передалъ 3 ч. въ доспѣсехъ, да ч. въ тегиляѣ. А по новому окладу дати на его голову въ 16 статьѣ 25 рублевъ, да на ч. съ земли рубль, да на передаточныхъ людей 19 рублевъ.

(*л. 4*) Русинъ Даниловъ сынъ Игнатьевъ. Данъ былъ ему мѣхъ Тверской брати 64-й годъ; помѣстья за нимъ 19 вытей; въ Нѣметцкомъ походѣ 64 самъ въ доспѣсѣ, людей его 4 ч., въ нихъ ч. въ доспѣсѣ, ч. въ тегиляѣ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ помѣстья за собою сказалъ 12 вытей, самъ о 2 конь, въ доспѣсѣ и въ шапкѣ, да ч. на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, да 2 ч. на конехъ въ тегиляехъ въ толстыхъ, да 2 ч. на меринехъ съ юки. А по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ, и передалъ 2 ч. въ тегиляехъ, а не додалъ на нихъ 2 шеломовъ. А по новому окладу дати на его голову въ 16 статьѣ 25 рублевъ, да на люди съ земли 2 руб. да на передаточныхъ людей 6 рублевъ, а не додати ему 2 рублевъ.

(*л. 5*) Петръ Григорьевъ сынъ Кобякова. Данъ былъ ему мѣхъ Коломенской, и онъ не взялъ. Вотчины за нимъ съ братомъ его Иваномъ полчетверти безъ полполполчетверти сохи, а помѣстья за нимъ на 500 четвертей; людей его 5 ч. безъ доспѣховъ на конехъ по старому смотру. А въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ на 500 четвертей; вотчины сказалъ въ Окологородцкомъ стану — сошные и четвертные пашни не писано; самъ въ доспѣсѣ и въ

шапкѣ съ копьемъ о дву конь, людей его 5 ч. о дву конь съ копьи, на одномъ тегиляй толстой, 2 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 4 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ, и не додалъ на 4-хъ ч. доспѣховъ да на тегиляйного ч. шелома; а по новому окладу дати было на его голову въ 16 статьѣ 25 рублевъ, и нынѣ ему дати 17 рублевъ, а не додати ему 8 рублевъ, да на люди съ земли не дати 9 рублевъ, и всего ему не додати 17 рублевъ.

(*л. 6*) Князь Василей княжъ Ивановъ сынъ Телятевского Микулинской; сьѣхалъ съ Руная на Рожество Христово 61, держалъ 2 году. Помѣстья за нимъ на 300 четвертей, вотчины нѣтъ; людей его съ нимъ 1 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, на году въ Казани, а лѣта 7063 въ Казани на году самъ на конѣ да ч. его на конѣ; доспѣхъ не писанъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ, и не додалъ ч. въ доспѣсѣ да на ч. доспѣху; а по новому окладу дати было на его голову въ 16 статьѣ 25 рублевъ, и нынѣ ему дати 21 рубль, а не додати ему 4 рублевъ, да на люди съ земли не дати 4 же рублевъ, и всего ему не додати 8 рублевъ.

(*л. 7*) Мансуръ Матѳѣевъ сынъ Товарыщевъ: сьѣхалъ съ Череповеси на середокрестье 61; держалъ 2 году; вотчины не сыскано; помѣстья на 400 четвертей; по старому смотру людей его въ Казани на году 5 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ — годовалъ въ Казани; а лѣта 7063 въ Казани на году смотръ ему не написанъ же; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ, и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ, а по новому окладу дати на его голову въ 16 статьѣ 25 рублевъ, да на люди съ земли 6 рублевъ, да на передаточныхъ людей 10 рублевъ.

(*л. 8*) Оставя Правоторховъ сынъ Истлѣтеньева; сьѣхалъ съ Бѣлогородка на Петровъ день, держалъ годъ. Вотчины за нимъ съ братаничемъ треть сохи, помѣстья на 400 четвертей; людей его, сказалъ въ Муромѣ князю Ондрѣю Курбскому, съ нимъ будетъ на году въ Свіяжскомъ 5 ч. на конехъ въ доспѣсехъ да на городѣ 10 ч. съ пищалми; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, на году въ Свіяжскомъ, а въ Свіяжскомъ смотрѣ не написанъ же; а по уложенью взяти съ него съ земли 4 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ, и передалъ ч. въ доспѣсѣ, а не додалъ ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 16 статьѣ 25 рублевъ, да на люди съ земли 9 рублевъ, да на передаточного ч. 3 рубли, а не додати ему 2 рублевъ.

(*л. 9*)(*) Иванъ Ѳедоровъ сынъ Колтовского(**): съѣхалъ съ Тулы на Стрѣтеньевъ день 61-го; держалъ 2 году; вотчины не сыскано; помѣстья за нимъ на 400 четьи; по старому смотру людей его 6 ч., въ нихъ 3 ч. въ доспѣсехъ да 3 ч. въ тегиляехъ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ — былъ въ Рылску въ осадчикѣхъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ, и передалъ 3. ч. въ тегиляехъ; а по новому окладу дати на его голову въ 16 статьѣ 25 рублевъ, да на люди съ земли 6 рублевъ, да на передаточныхъ людей 12 рублевъ.

(*л. 10*) Степанъ Ѳедоровъ сынъ Нагаева: взялъ изъ писчіе въ Русѣ откупу 50 рублевъ 63; помѣстья за нимъ 23 обжи, вотчины не сыскано; въ нѣметцкомъ походѣ людей его 4 ч., въ нихъ 1 ч. въ доспѣсѣ, а 3 ч. въ тегиляехъ; а въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ за собою 23 обжи; самъ на конѣ въ пансырѣ и въ шеломѣ; людей его въ полкъ 4 ч., одинъ въ колчюгѣ, шапка на немъ турская, 3 въ тегиляехъ, на 2 шапки желѣзные, на третьемъ бумажная, въ саадацехъ и въ сабляхъ; у нихъ 2 копья да 2 рогатины, конь да меринъ просты; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 16 статьѣ 25 рублевъ, да на людей съ земли 3 рубли, да на передаточные 2 ч. въ тегиляехъ 7 рублевъ, а не додати ему рубля, потому что не далъ на передаточного ч. шелома.

(*л. 11*) Левашъ Ивановъ сынъ Яковля Олтуфьева: наѣхалъ былъ на Велью на Ильинъ день 63, и Велья съ Семеня дни 64-го дана въ откупъ; помѣстья за нимъ 25 обежъ съ полуобжею; вотчины не сыскано; въ нѣметцкомъ походѣ людей его 6 ч., въ нихъ 3 въ доспѣсехъ, а 3 ч. въ тегиляехъ, а въ Серпуховскомъ смотрѣ помѣстья сказалъ за собою 25 обежъ съ полуобжею; самъ Левашь на конѣ въ пансырѣ, на пансырѣ тегиляй толстой, камчатъ, людей его 4 ч. въ доспѣсехъ, да 2 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ, и передалъ 3 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 16 статьѣ 25 рублевъ, да на люди съ земли 3 рубли, да на передаточныхъ людей 19 рублевъ.

(*л. 12*) Жданъ Ондрѣевъ сынъ Вешнековъ: съѣхалъ съ Дѣймона іюня въ 1-й 63, держалъ отъ Покрова до іюня тогожъ году да отказалъ; помѣстья за нимъ 20 вытей; вотчины не сыскано;

(*) *Въ подл. все написанное на девятомъ листѣ зачеркнуто.*

(**) *Вверху надъ первою строкою въ подл. написано:* умре.

въ нѣметцкомъ походѣ людей его 7 ч., въ нихъ 5 ч. въ доспѣсехъ, 2 въ тегиляехъ; въ Серпуховскомъ смотрѣ самъ на конѣ, въ доспѣсѣ и въ шеломѣ; людей его 5 ч., 3 въ пансырехъ и въ шеломѣхъ, ч. въ зерцалехъ, да ч. въ бехтерцѣ, да 3 ч. въ тегиляехъ, въ шапкахъ въ желѣзныхъ, 2 коня просты, да меринъ, 5 копей да рогатина, да 3 ч. въ кошу сь юки; помѣстья за собою сказалъ 20 вытей. А по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ и передалъ 4 ч. въ доспѣсехъ, да 3 ч. въ тегиляехъ; а по новому окладу дати на его голову въ 16 статьѣ 25 рублевъ, да на люди съ земли 2 рубля, да на передаточныхъ людей 32 рубля.

(*л. 13*) Невзоръ Злобинъ сынъ Чеглоковъ: сьѣхалъ съ Ерославца на Ильинъ день, 63, держалъ черезъ годъ отъ Николина дни до Ильина дни, а съ Ильина дни Ярославецъ отданъ въ откупъ. Помѣстья за нимъ 29 вытей съ полувытью, вотчины не сыскано; въ нѣмецкомъ походѣ людей его ч. въ доспѣсѣ да 4 ч. безъ доспѣховъ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ помѣстья за нимъ 30 вытей, самъ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, да 2 коня просты, да за нимъ 3 ч., 2 въ пансырехъ, одинъ въ бехтерцѣ, да 6 ч. на конехъ безъ доспѣховъ, да 5 ч. въ кошу, да 5 ч. въ стану; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ, и передалъ ч. въ доспѣсѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 16 статьѣ 25 рублевъ, да на люди съ земли 4 рубли, да на передаточного человѣка 5 рублевъ.

(*л. 14*) Василей Ивановъ сынъКолединского: сьѣхалъ съ Молодого Березуя на Николинъ день вешней, 60; держалъ 2 году; вотчины за нимъ его выти полполтрети сохи, а помѣстья 158 четвертей съ осминою; по старому смотру людей его 5 ч., въ нихъ 4 ч. въ доспѣсехъ, ч. въ тегиляѣ; въ Серпуховѣ сказалъ, помѣстья ему явлено на пол-600 четвертей, дано ему 235 четвертей, вотчины за трема треть и полполтрети и полполчетверти сохи; самъ на конѣ въ доспѣсѣ съ копьемъ, людей его 6 ч., въ нихъ 1 въ доспѣсѣ, 5 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ съ копьи и съ рогатинами, аргамакъ, да 2 коня просты, 2 ч. сь юки, а у юковъ лошадь проста; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ, и передалъ 3 ч. въ тегиляехъ, а не додалъ на тегиляйного ч. доспѣху; а по новому окладу дати на его голову въ 16 статьѣ 25 рублевъ, да на люди съ земли 5 рублевъ, да на передаточныхъ людей 10 рублевъ, а не додати ему 2 рублевъ.

(*л. 15*) 17 статья по 20 рублевъ

Курдюкъ Ѳедоровъ сынъ Сумина: ималъ съ Балахны по 25 рублевъ на годъ, вотчины за нимъ не сыскано, помѣстья въ Можайску на 400 четвертей; прежней людцкой смотръ не бывалъ; а въ Серпуховѣ Курдюкъ самъ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ съ копьемъ; людей его 4 ч., въ нихъ 1 ч. въ доспѣсѣ, 3 ч. въ тегиляехъ, всѣ съ копьи и въ шеломѣхъ, 3 юки; помѣстья сказалъ на 500 четвертей, а вотчины сказалъ матери его приданые на 40 четвертей, а мати его, сказалъ, въ черницахъ, а ту вотчину, сказалъ, мати ихъ держитъ и нынѣ за собою; а по уложенью взяти съ него съ земли 4 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; и не додалъ на трехъ ч. тегиляйныхъ доспѣховъ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 17 статьѣ 20 руб. да на люди съ земли рубль; а не додати ему 9 рублевъ.

(*л. 16*) Лущиха Ѳедоровъ сынъ Сумина: ималъ съ Балахны по 25 рублевъ на годъ; вотчины сказалъ Лущиха матери его приданые на 40 четвертей, помѣстья въ Микулинѣ на 500 четвертей, а мати ихъ, сказалъ, въ черницахъ, а ту вотчину держитъ и нынѣ за собою; въ Серпуховѣ людей его 4 ч. въ доспѣсехъ да 3 юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 4 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ, и не додалъ ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 17 статьѣ 20 рублевъ, да на люди съ земли 7 рублевъ; а не додати ему 2 рублевъ.

(*л. 17*) Нелюбъ Тимоѳѣевъ сынъ Зачесломского: наѣхалъ былъ на Кусь и на Немду на Петрову память чюдотворцову, 63, и Кусь и Немда тогожъ году съ Благовѣщеньева дни отдана въ откупъ, а откупу съ тоѣ волости того году Петровского сроку дано ему 72 рубля съ полтиною, а впередъ ему откупу давати не велѣно; а вотчины за нимъ съ родною братьею съ 4-ма ч. на Костромѣ полчетверти сохи, да за нимъ же Конановскіе Писемского вотчины на 30 четвертей; а помѣстья за нимъ на 450 четвертей. Прежнее смотрѣнье людцкое и конное не бывало. Въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ за собою 400 четвертей, не додано, сказалъ, 50 четвертей; вотчины полполчетверти 50 четвертей; людей его 10 ч., въ нихъ 6 ч. въ доспѣсехъ, 2 въ куякѣхъ, 2 въ бехтерцехъ съ бармицами и въ шапкахъ въ желѣзныхъ, 4 о дву конь, а 2 объ одинъ, 4 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, на конехъ, на одномъ шапка желѣзна, а на 3-хъ мѣдяны, всѣ съ копьи, а тегиляйники всѣ съ наручми, ч. сь его аргамакомъ и съ копьемъ и съ доспѣхомъ, 4 ч.

сь юки, въ нихъ одинъ въ тегиляѣ и въ шапкѣ въ мѣдяной; а по уложенью взяти съ него съ земли 4 ч. въ тегиляехъ; и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ да 4 ч. въ тегиляехъ, а не додалъ 3 шеломовъ; а по новому окладу дати на его голову въ 17 статьѣ 20 рублевъ, да на люди съ земли 8 рублевъ, да на передаточныхъ людей 18 рублевъ, а не додати ему 3 рублевъ.

(*л.* 18 обор.). Данило Степановъ сынъ Отяева: ималъ съ Пѣнежки съ Малые по 20 рублевъ на годъ; вотчины не сыскано; помѣстья за нимъ на пол-600 четвертей; по старому смотру людей его 4 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ — былъ болѣнъ; и по уложенью съ земли люди далъ сполна; а по новому окладу дати на его голову въ 17 статьѣ 20 рублевъ да на люди съ земли 9 рублевъ.

(*л.* 19). Никита Семеновъ сынъ Вельяминовъ: кормленье за нимъ не сыскано (*); а 64 году дано ему на подмогу для Казанскіе службы 16 рублевъ и 22 алтына съ денгою; вотчины за нимъ съ братьею съ его съ Ондрѣемъ да съ Иваномъ вопчѣ у всѣхъ полполполчетверти сохи, а помѣстья за нимъ отца его на его выть полтрети сохи. Прежней смотръ не бывалъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, на году въ Казани; а лѣта 7064 въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ Никита помѣстья сказалъ вопчѣ съ братьею, за трема за ними на 400 четвертей, самъ на конѣ въ доспѣсѣ въ саадакѣ и въ саблѣ, людей его 2 ч. на конехъ, въ саадацехъ и въ сабляхъ, 3 ч. пѣши въ саадацехъ и въ сабляхъ; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ тегиляѣ; и не додалъ на человѣка тегиляя; а по новому окладу дати было на его голову въ 17 статьѣ 20 рублевъ; и нынѣ ему давати по 19 рублевъ, а не додати ему рубля, да на ч. съ земли не дати рубля жъ, и обоего ему не додати 2 рублевъ.

(*л.* 20). Михайло Өедоровъ сынъ Бурцовъ: наѣхати было ему на Островъ на великое мясное заговѣйно 64, и съ Семеня дни 64 Островъ въ откупу; помѣстья за нимъ 17 вытей безъ трети; вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 5 ч., въ нихъ 2 въ доспѣсехъ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ самъ на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ съ копьемъ; людей его 2 ч. въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ, 2 ч. на конехъ безъ доспѣху да 3 ч. въ кошу, 5 коней простыхъ подъ сѣдлы; помѣстья за собою сказалъ 25 вы-

*) *Въ подл. словд:* кормленье за нимъ не сыскано *зачеркнуты и вмѣсто ихъ вверху и на полѣ страницы написано:* съѣхалъ съ Богтюжскіе пр(ав)ды на Рожество 61-го; (дер)жалъ.... года.

тей; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; и передалъ ч. въ доспѣсѣ, а не додалъ ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 17 статьѣ 20 рублевъ да на люди съ земли 3 рубли, да на передаточного ч. трижъ рубли, а не додати ему 2 рублевъ.

(*л.* 21). Будай Угримовъ сынъ Болтинъ: сьѣхалъ съ Вельи на Ильинъ день 63, держалъ годъ; помѣстья за нимъ 20 вытей, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 5 ч., въ нихъ 3 въ доспѣсехъ, 2 въ тегиляехъ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ самъ на конѣ въ доспѣсѣ, въ пансырѣ и въ шеломѣ, и въ наручахъ съ лохти; людей его 4 ч. въ доспѣсехъ, въ нихъ 3 ч. въ шеломѣхъ, 1 ч. въ шапкѣ въ мѣдяной да 2 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ на меринехъ, на одномъ шапка желѣзная, съ конми съ простыми, да 3 ч. сь юки; помѣстья за собою сказалъ 19 вытей; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; и передалъ 3 ч. въ доспѣсехъ; а не додалъ на передаточного человѣка шелома; а по новому окладу дати на его голову въ 17 статьѣ 20 рублевъ, да на ч. съ земли 2 рубля, да на передаточныхъ людей 14 рублевъ, а не додати ему рубля.

(*л.* 22). Семенъ Истоминъ сынъ Нащекинъ: сьѣхалъ съ Берендѣева на Ильинъ день 63, держалъ черезъ годъ отъ Петрова заговѣйна до Ильина дни, а съ Ильина дни Берендѣево дано въ откупъ; помѣстья за нимъ 25 обежъ, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 4 ч., въ нихъ 2 въ тегиляехъ; въ Серпуховѣ помѣстья за собою сказалъ 4 обжи, а 23 обжи, сказалъ, явлено ему, а ещо не отдѣлено; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, въ шапкѣ въ желѣзной; людей его 5 ч., одинъ въ куякѣ, а другой въ пансырѣ, 2 въ тегиляехъ, одинъ камчатъ, а другой отласенъ, на 3-хъ шапки желѣзны, а на четвертомъ шапка мѣдяна, пятой безъ тегиляя; 2 коня просты подъ сѣдлы, 2 ч. на конехъ сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; и передалъ ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; а не додалъ на передаточного ч. шелома; а по новому окладу дати на его голову въ 17 статьѣ 20 рублевъ да люди съ земли 3 рубли, да на передаточныхъ людей 8 рублевъ, а не додати ему рубля.

(*л.* 23). Митка Васильевъ сынъ Уваровъ: бралъ мѣхъ Дмитровской 62 годъ; помѣстья за нимъ отцовского 20 вытей, а вотчины въ Дмитровѣ — селцо Новое съ деревнями, пашни полполтрети сохи и полполчетверти сохи; въ Нѣметцкомъ походѣ людей

его 5 ч. въ доспѣсехъ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ самъ на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, людей его 3 ч. въ доспѣсехъ и въ шеломѣ съ копьи да 2 ч. въ доспѣсехъ съ конми съ простыми, да 3 ч. въ кошу сь юки. Помѣстья за собою сказалъ 21 выть, да вотчины приданые 15 вытей; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; и передалъ 3 ч. въ доспѣсехъ, а не додалъ ч. въ тегиляѣ да на передаточныхъ людей 2 шеломовъ; а по новому окладу дати на его голову въ 17 статьѣ 20 рублевъ да на люди съ земли 5 рублевъ, да на передаточныхъ людей 11 рублевъ, а не додати ему 4-хъ рублевъ.

(*л.* 24). Ѳедоръ Левонтьевъ сынъ Соловцова: сьѣхалъ съ Вельи на Ильинъ день 62, держалъ годъ; помѣстья за нимъ 33 выти, вотчины не сыскано; въ Нѣмецкомъ походѣ людей его 4 ч., въ нихъ 3 въ доспѣсехъ, а ч. въ тегиляѣ; да съ Ѳедоромъ же 2 сына его: Иванко въ доспѣсѣ да Данилко въ тегиляѣ; въ Серпуховскомъ смотрѣ самъ на аргамакѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, за нимъ сынъ его Данилко на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ съ копьемъ, да 3 ч. на конехъ въ доспѣсехъ съ копьи да ч. въ тегиляѣ и въ шеломѣ съ копьемъ на конѣ, да 2 ч. на конехъ въ тегиляехъ и въ шеломѣхъ, да 2 коня просты, 3 ч. сь юки, помѣстья за собою сказалъ на 300 четвертей; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; и передалъ ч. въ доспѣсѣхъ да 2 ч. въ тегиляехъ; а по новому окладу дати на его голову въ 17 статьѣ 20 рублевъ, да на люди съ земли 5 рублевъ, да на передаточныхъ людей 13 рублевъ.

(*л.* 25). Александръ Степановъ сынъ Лихаревъ: сьѣхалъ съ Перемышля и съ Растовца на Оспожинъ день 62, держалъ годъ; вотчины за нимъ четверть сохи и полполполчетверти сохи, помѣстья на 400 четвертей; по старому смотру людей его 7 ч., въ нихъ 2 въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; въ Серпуховѣ сказалъ помѣстья на 400 четвертей, самъ о дву конь въ доспѣсѣ съ копьемъ, да 3 ч. въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ, да 2 ч. въ тегиляехъ, въ толстомъ да въ тонкомъ, одинъ въ шеломѣ, а другой въ шапкѣ въ бумажной, да 2 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 5 ч. въ доспѣсехъ; и не додалъ ч. въ доспѣсѣ да на тегиляйного ч. доспѣху; а по новому окладу дати на его голову въ 17 статьѣ 20 рублевъ, да на люди съ земли 4 рубли, а не додати ему 6 рублевъ.

(*л.* 26). Князь Иванъ княжъ Ѳедоровъ сынъ Горчаковъ Перемышского: сьѣхалъ съ Карачева на Покровъ 63, держалъ годъ

вотчины за собою не сказалъ; помѣстья за нимъ на 400 четвертей; по старому смотру людей его 3 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ 300 четвертей; самъ о дву конь въ доспѣсѣ съ копьемъ да въ шапкѣ, да на немъ же тегиляй бархатенъ; людей его 6 ч., 4 въ тегиляехъ въ толстыхъ, у трехъ рогатины, 2 ч. въ саадацехъ, 3 кони просты, 2 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ; и передалъ ч. въ тегиляѣ, а не додалъ на 3-хъ ч. тегиляйныхъ доспѣховъ; а по новому окладу дати на его голову въ 17 статьѣ 20 рублевъ, да на люди съ земли 4 рубли, а не додати ему на люди съ земли и на передаточного ч. 6 рублевъ.

(*л.* 27). Князь Петръ княжъ Борисовъ сынъ Пожарского: дана была ему Соль болшая, и онъ не наѣзживалъ; вотчины за нимъ отца его полполполчетверти сохи, помѣстья 503 четверти; по старому смотру людей его на году въ Казани 6 ч. на конехъ, въ нихъ 5 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годовалъ въ Казани, а лѣта 7060 четвертаго на Свіягѣ самъ на аргамачишкѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, людей его 5 ч. въ доспѣсехъ безъ шеломовъ, 4 ч. на конишкехъ, пятой на меринишкѣ; помѣстья сказалъ на пол-200 четвертей, вотчины на 30 четвертей; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; и передалъ 3 ч. въ доспѣсехъ, а не додалъ ч. въ тегиляѣ да 5 шеломовъ; а по новому окладу дати на его голову въ 17 статьѣ 20 рублевъ, да на люди съ земли 5 рублевъ, да на передаточныхъ людей 6 рублевъ, а не додати ему 9 рублевъ.

(*л.* 28). 18 статья по 17 рублевъ.

Андрѣй Борисовъ сынъ Ступишина: ималъ съ Пѣнежки по 10 рублевъ на годъ; вотчины за нимъ четверть сохи и полполполчети сохи; помѣстья на 300 четвертей; въ Полскомъ походѣ людей его 3 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ вотчины за собою не сказалъ, помѣстья написалъ 300 четьи, а на 100 четьи написалъ не додано; людей его 6 ч. на конехъ въ саадацехъ, 2 юка; а по уложенью взяти съ него съ земли 4 ч. въ доспѣсехъ; и не додалъ на 4 ч. доспѣховъ; а по новому окладу дати было ему во 18 статьѣ 17 рублевъ, и нынѣ ему дати 9 рублевъ, а не додати ему 8 рублевъ, да на люди съ земли не дати 8 же рублевъ, и всего ему не додати 16 рублевъ.

(*л.* 29). Захаръ Григорьевъ сынъ Обаринъ: ималъ съ Рожку

съ Любетцкого по 6 рублевъ, вотчины за нимъ съ матерью пол-сохи безъ полполчетверти сохи, да помѣстья на 400 четьи; по старому смотру людей его 3 ч., въ нихъ 2 въ доспѣсехъ, ч. въ тегилѣ; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ явлено ему на 450 четьи, а дано на 200 четьи; самъ на конѣ, за нимъ 5 ч., 2 коня просты, 2 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 6 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу давати было ему во 18 статьѣ по 17 рублевъ да на люди 13 рублевъ, и Захару и на люди денегъ не дати потому, что самъ и люди безъ доспѣховъ.

(*л.* 30). Борисъ Ивановъ сынъ Шастинского: дано было ему на Костромѣ полавочное и онъ не бралъ, а 64 году дано ему на подмогу для Казанскіе службы 11 рублевъ и 22 алтына съ денгою; вотчины за нимъ вопче съ братомъ полполполчетверти, да пашни 20 четьи, да помѣстья 76 четьи; по старому смотру въ Свіяжскомъ на году самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его съ нимъ ч. на конѣ въ доспѣсѣ 3 ч. пѣшихъ, въ нихъ 1 ч. въ доспѣсѣ, а 2 ч. въ тегиляехъ. А лѣта 7064 въ Нижнемъ Новѣгородѣ Борисъ помѣстья за собою сказалъ на 180 четьи, вотчины на 20 четвертей; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его 2 ч. на конехъ въ доспѣсехъ, въ саадацехъ и въ саблехъ, 4 ч. пѣшихъ въ саадацехъ, 2 съ рогатинами, 2 съ топорки; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ, и передалъ ч. въ доспѣсѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на ч. съ земли 2 рубля, да на передаточного ч. 5 рублевъ.

(*л.* 31). Иванъ Никитинъ сынъ Пущина: сьѣхалъ съ Мышеги на Петровъ день 62, держалъ годъ, вотчины не сыскано, помѣстья за нимъ на 300 четьи; по старому смотру людей его 3 ч. безъ доспѣху; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ на пол-300 четвертей; самъ на конѣ, людей его 3 ч. на конехъ, да онижъ ведутъ Ивановы 2 коня просты, ч. сь юкомъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ, и не додалъ 2 ч. въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати было на его голову во 18 статьѣ 17 рублевъ; и нынѣ ему давати по 13 рублевъ, а не додати ему 4 рублевъ да на люди съ земли не дати 4 же рублевъ, и всего ему не додати 8 рублевъ.

(*л.* 32). Иванъ Ивановъ сынъ Петровъ Заболотцкого: сьѣхалъ съ Вышегорода на Семенъ день 62, держалъ черезъ годъ отъ Петрова дни до Семеня дни; вотчины за нимъ приданые полтрети сохи да помѣстья велѣно за нимъ учинити на 400 четьи, и

того помѣстья еще ему не дано; по старому смотру людей его на годованьѣ 2 ч.; въ Серпуховѣ вотчина и помѣстье не писано; самъ на конѣ въ бехтерцѣ и въ шапкѣ, людей его 2 ч. въ пансырехъ безъ шеломовъ, 2 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 4 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; и не додалъ 2 ч. въ доспѣсехъ да ч въ тегиляехъ, да 2 шеломовъ; а по новому окладу дати было ему на его голову во 18 статьѣ 17 рублевъ, и нынѣ ему давати по 12 рублевъ, а не додати ему 5 рублевъ да на люди съ земли не дати 9 рублевъ; и всего ему не додати 14 рублевъ

(*л.* 33). Князь Данило княжъ Ивановъ сынъ Семенова Бабичевъ: сьѣхалъ съ Изборска на Николинъ день осенней 62, держалъ 2 году; помѣстья за нимъ 40 обежъ, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 5 ч., въ нихъ 3 ч. въ доспѣсехъ, 2 ч. въ тегиляехъ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его 4 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, одинъ съ конемъ съ простымъ, а 3 ч. съ копьи, 3 ч. сь юки; помѣстья у смотра не сказалъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ; и передалъ ч. въ тегиляѣ, а не додалъ на трехъ ч. тегиляйныхъ доспѣховъ; а по новому окладу дати на его голову во 18 статьѣ 17 рублевъ, да на люди съ земли 4 рубли, а не додати ему на люди съ земли и на передаточного ч. 6 рублевъ.

(*л.* 34). Князь Петръ княжъ Васильевъ сынъ Пожарского: сьѣхалъ съ половины Дмитрова на Петровъ день 63, держалъ годъ; вотчины за нимъ четверть сохи, помѣстья 200 четвертей; по старому смотру люди его 3 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годовалъ въ Свіяжскомъ; лѣта 7063 въ Свіяжскомъ на году; князь Петръ самъ на конѣ въ доспѣсѣ безъ шелома въ саадакѣ и въ саблѣ, людей его 2 ч. въ доспѣсехъ, на одномъ шапка желѣзная, въ саадацехъ и въ сабляхъ, съ рогатинами; помѣстья сказалъ за собою на 200 четьи, а вотчины на 80 четьи; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати было ему на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 6 рублевъ: и нынѣ ему и на люди денегъ не дати.

(*л.* 35). Немятой Андреевъ сынъ Тишкова: сьѣхалъ съ Берендѣева на Петрово заговейно 62, держалъ годъ; вотчины за нимъ четверть сохи безъ полполполтрети сохи; а помѣстья велѣно за нимъ учинити на 600 четьи; а старого за нимъ помѣстья на 230 четьи; а додати ему къ тому на 370 четьи; прежней людцкой смотръ и дача не бывала; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, былъ

у мостовъ приставленъ; а по уложенью взяти съ него съ старого помѣстья и съ вотчины 3 ч. въ доспѣсехъ, а коли исполнятъ помѣстье, и тогды взяти съ него 6 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 13 рублевъ.

(*л.* 36). Андрей Третьяковъ сынъ Тишкова; съѣхалъ съ Устюжского тіунства на середохрестье 63, держалъ 2 году; вотчины за нимъ 50 четвертей, помѣстья 300 четьи; прежней людцкой смотръ не бывалъ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, въ полону въ Нагаехъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ, да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати на его голову во 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 5 рублевъ.

(*л.* 37). Яковъ Губинъ сынъ Моклокова: наѣхалъ былъ на Тотму на рожество Ивана Предтечи 63, держалъ до Покрова 64 и съ того сроку Тотма отдана въ откупъ; вотчины за нимъ не сыскано, а помѣстья за нимъ 216 четьи съ осминою; 62 въ зимнемъ походѣ людей его 2 ч. въ доспѣсехъ, а 64 далъ память, будетъ людей его 10 ч., въ нихъ 5 ч. въ доспѣсехъ, 5 ч. въ тегиляехъ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, пошелъ съ послы въ Литву; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; и передалъ 4 ч. въ доспѣсехъ да 5 ч. въ тегиляехъ; а по новому окладу дати на его голову во 18 статьѣ 17 рублевъ да на ч. съ земли 2 рубля, да на передаточныхъ людей 40 рублевъ.

(*л.* 38). Петръ Ондреевъ сынъ Окинфова: съѣхалъ съ Вяземского ключа на середохрестье 63, держалъ годъ; помѣстья за нимъ 250 четвертей, вотчины не сыскано; по старому смотру людей его 4 ч., въ нихъ 2 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ 200 четьи, вотчины 10 четвертей; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его 3 ч. на конехъ, въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ, 2 коня просты, 3 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ, и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ, а не додалъ ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати на его голову во 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 3 рубли, да на передаточныхъ людей 8 рублевъ; а не додати ему 2 рублевъ, потому что не додалъ ч. въ тегиляѣ.

(*л.* 39). Князь Иванъ княжъ Ивановъ сынъ Володимеровъ Засѣкинъ: съѣхалъ съ Ухты и съ Карачшолги на Покровъ святѣй Богородицы 62, держалъ 2 году; вотчины за нимъ соха безъ трети, помѣстья 68 четьи; по старому смотру людей его въ Казани на

году 4 ч. на конехъ, въ нихъ 3 въ доспѣсехъ, ч. въ тегиляѣ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годовалъ въ Казани, а лѣта 7060 четвертаго въ Казани на году, самъ въ доспѣсѣ на конѣ, людей его 3 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ, да конь простъ; помѣстья сказалъ на 200 четьи, вотчины сказалъ 3 выти сохи; а по уложенью взяти съ него съ земли 5 ч. въ доспѣсехъ; и не додалъ ч. въ доспѣсѣ да на тегиляйного ч. доспѣху; а по новому окладу дати на его голову во 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 4 рубли; а не додати ему 6 рублевъ.

(*л.* 40). Тиханъ Дмитреевъ сынъ Белеутовъ Олехнова: наѣхати было ему на Берендѣево на Петрово заговенье 64, и Берендѣево дано въ откупъ; помѣстья за нимъ 224 четверти; прежней людцкой смотръ не сысканъ; а въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, былъ въ Крымѣ въ полону; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; а по новому окладу дати на его голову во 18 статьѣ 17 рублевъ да на ч. съ земли 2 рубля.

(*л.* 41). 19 статья по 15 рублевъ.

Грязной Ѳедоровъ сынъ Полуехтовъ:録 ималъ съ Рожку съ Любетцкого по 9 рублевъ, а съ Клекова по 3 рубли, и обоихъ по 12 рублевъ; помѣстья за нимъ на 300 четвертей; прежней смотръ не сысканъ, а въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, годуетъ въ Казани; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ да на люди съ земли 4 рубли.

(*л.* 42). Иванъ Кирѣевъ сынъ Олговъ: съѣхалъ съ Троетцкого стану въ Иледомѣ на Троицынъ день 62, держалъ годъ, а 64 году дати было ему на подмогу для Казанскіе службы 11 рублевъ и 22 алтына съ денгою, и онъ не взялъ; вотчины за нимъ полчетверти сохи, а помѣстья на 80 четьи; а по старому смотру въ Свіяжскомъ на году Иванецъ на конѣ въ доспѣсѣ, 2 ч. пѣшихъ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, годуетъ въ Казани; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ тегиляѣ; и не додалъ съ земли ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати было на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ, и нынѣ ему давати по 14 рублевъ, а не додати ему рубля да на ч. съ земли не дати рубля же, и обоего не додати ему 2 рублевъ.

(*л.* 43). Семенъ Григорьевъ сынъ Шепенковъ: наѣхалъ былъ на Утманово на Николинъ день вешней 63, держалъ до Веденьева дни 64, а съ того сроку Утманово дано въ откупъ; а лѣта 7064

дано ему на подмогу для Казанскіе службы 10 рублевъ; вотчины за нимъ полчетверти сохи, да пашни 37 четвертей, а помѣстья по окладу на 200 четьи; а по старому смотру въ Свіяжскомъ на году самъ на конѣ въ доспѣсѣ, съ нимъ ч. на конѣ въ доспѣсѣ да ч. пѣшь; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, годуѐтъ въ Казани; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; и не додалъ ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати было ему на его голову. въ 19 статьѣ 15 рублевъ и нынѣ ему дати 14 рублевъ, а не додати ему рубля да на люди съ земли не дати 5 рублевъ, и всего ему не додати 6 рублевъ.

(*л.* 44). Никита Семеновъ сынъ Вердеревского: вотчины за нимъ полполтрети сохи, а помѣстья на 500 четьи; по старому смотру людей его 4 ч., въ нихъ 2 въ доспѣсехъ, а 2 ч. безъ доспѣховъ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ Никита на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, въ тегиляѣ въ бархатномъ, людей его 5 ч., въ нихъ 4 ч. въ доспѣсехъ, на 2 шеломы, а на другихъ дву шапки, одна желѣзная , о дву конь всѣ четыре, на пятомъ ч. тегиляй камчатъ съ горнастаи и съ копьемъ, 2 юка; помѣстья на 500 четьи; вотчины сказалъ на Рязани, а сошного писма не вѣдаетъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 4 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; и не додалъ ч. въ тегиляѣ да на доспѣшного ч. шелома; а по нову окладу дати на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ да на люди съ земли 5 рублевъ, а не додати ему 4 рублевъ.

(*л.* 45). Юшко Петровъ сынъ Ѳедчищева: дана была ему Соль малая ждати и Солца отдана на откупъ; помѣстья за нимъ 400 четьи, вотчины нѣтъ; по старому смотру людей его 5 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годовалъ въ Свіяжскомъ, а лѣта 7063 на году въ Свіягѣ самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его 5 ч. на конехъ въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ да конь простъ; помѣстья сказалъ на 400 четьи, вотчины не сказалъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ; и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ да на люди съ земли 6 рублевъ, да на передаточныхъ людей 10 рублевъ.

(*л.* 46). Алексѣй Ѳѳонасьевъ сынъ Шмойловъ: сьѣхалъ съ Вышегородица на середокрестье 63, держалъ годъ; помѣстья за нимъ 16 вытей безъ пол-2 четверти пашни, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ 64 самъ въ доспѣсѣ да съ нимъ сынъ его Захаръ въ доспѣсѣ, людей его 3 ч., въ нихъ 1 ч. въ тегиляѣ и

въ шеломѣ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ самъ на конѣ въ доспѣсѣ, за нимъ сынъ его Захарко на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, безпомѣстной; а людей его 2 ч. на конехъ, одинъ въ доспѣсѣ, а другой въ тегиляѣ съ копьи, да ч. съ двѣма конми простыми, да 2 ч. въ кошу со вьюки; помѣстья за собою сказалъ 15 вытей; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ тегиляѣ; и передалъ ч. въ доспѣсѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ, да на ч. съ земли рубль да на передаточного человѣка 5 рублевъ.

(*л.* 47). Асанъ Дмитреевъ сынъ Гурьева: бралъ мѣхъ Тверской 60 годъ; помѣстья за нимъ 17 вытей, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ 64 самъ въ доспѣсѣ, людей его 5 ч., въ нихъ 3 въ доспѣсехъ, 2 въ тегиляехъ, опричь кошевыхъ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ самъ на конѣ въ пансырѣ и въ шеломѣ, за нимъ 3 ч. о дву конь, 2 въ пансырехъ, а третей въ тегиляѣ въ толстомъ, да ч. съ конемъ простымъ въ тегиляѣжъ въ толстомъ, да 3 ч. въ кошу сь юки; помѣстья сказалъ 17 вытей; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ тегиляѣ; и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ да на человѣка съ земли рубль, да на передаточныхъ людей 14 рублевъ.

(*л.* 48). Истома Петровъ сынъ Блаженковъ: съѣхалъ съ половины писчіе въ Русѣ 62, держалъ годъ; помѣстья за нимъ 15 обежъ, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 5 ч., въ нихъ 2 въ доспѣсехъ, 3 ч. въ тегиляехъ; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ за собою 15 обежъ, а явлено ему придати 5 обежъ; самъ на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ съ копьемъ, людей его 3 ч. въ доспѣсехъ, въ бехтерцехъ, и въ шапкахъ въ желѣзныхъ съ копьи, да за нимъ 2 ч. въ тегиляехъ, одинъ въ толстомъ, въ шапкѣ, а другой въ бархатномъ, на одномъ шапка желѣзная, а на другомъ шапка мѣдяная; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; а по окладу дати на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ, да на человѣка съ земли 2 рубля, да на передаточныхъ людей 14 рублевъ.

(*л.* 49). Занка Ивановъ сынъ Волоховъ: бралъ поворотное Дмитровское 63 годъ; помѣстья за нимъ 27 обежъ безъ полу-обжи; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 2 ч. въ тегиляехъ да 3 ч. съ копьи; въ Серпуховѣ сказалъ за собою помѣстья 26 обежь съ полу-обжею; самъ на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, конь простъ, людей

его 2 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ на конехъ, 3 ч. съ копьи, ч. сь юкомъ; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегилѣ; и не додалъ на тегиляйного ч. доспѣху; а по новому окладу дати на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ да на люди съ земли рубль, а не додати ему 2 рублевъ.

(*л.* 50). Михалко Даниловъ сынъ Хвостовъ: бралъ мѣхъ Колужской 61 годъ; помѣстья за нимъ 11 вытей, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 3 ч., въ нихъ ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ самъ на конѣ въ доспѣсѣ, за нимъ 2 ч. на конехъ въ пансырехъ съ копьи, 2 ч. съ конми съ простыми, одинъ въ тегиляѣ съ рогатиною да 2 ч. сь юки; помѣстья за собою сказалъ 20 вытей; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; и передалъ ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ, да на человѣка съ земли 2 рубля, да на передаточныхъ людей 9 рублевъ.

(*л.* 51). Василей Меншой Ондрѣевъ сынъ Вельяминовъ Сабуровъ: сьѣхалъ съ Водла озера на Покровъ святые Богородицы 61, держалъ годъ; помѣстья за нимъ 23 обжи съ третью обжи, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 3 ч. въ доспѣсехъ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ самъ на конѣ въ пансырѣ и въ шапкѣ и въ наручахъ да за нимъ 3 ч. на конехъ, человѣкъ въ пансырѣ и въ шапкѣ, а 2 въ бехтерцехъ съ копьи да съ рогатиною, на одномъ шапка мѣдяная, а другая железная, да человѣкъ на конѣ въ приволокѣ бархатной, да ч. на меринѣ въ тегиляѣ въ толстомъ безъ шелома, да 2 коня просты подъ сѣдлы, да 2 ч. въ кошу сь юки; помѣстья за нимъ 20 обежъ съ полу-обжею; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ, а не додалъ съ земли на тегиляйного человѣка да на 2 ч. передаточныхъ шеломовъ; а по новому окладу дати на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ, да на люди съ земли 3 рубли, да на передаточныхъ людей 7 рублевъ, а не додати ему 3 рублевъ.

(*л.* 52). Дмитрей Костянтиновъ сынъ Хлоповъ: сьѣхалъ съ Городня на Покровъ 64, держалъ отъ Петрова дни тогожъ году и съ того сроку данъ въ откупъ, а мытъ держалъ годъ; помѣстья за нимъ 30 обежъ, а вотчины не сыскано; по старому смотру людей его 5 ч., въ нихъ 3 ч. въ доспѣсехъ; а въ Серпуховѣ помѣстья за собою сказалъ 40 обежь безъ полу-обжи; самъ на конѣ въ пан-

сырѣ и въ шеломѣ съ наручми, людей его въ полкъ 6 ч. на конехъ въ саадапехъ и въ сабляхъ съ копьи, въ нихъ 3 ч. въ пансырехъ и въ шеломѣхъ, а четвертой въ бехтерцѣ, въ шапкѣ въ желѣзной, 2 въ тегиляехъ въ толстыхъ, на одномъ шапка желѣзная, а на другомъ мѣдена; аргамакъ, да конь да меринъ просты, 2 ч. сь юки, за юки ч.; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсѣхъ, и передалъ ч. въ доспѣсѣ да 2 ч. въ тегиляехъ, а не додалъ на передаточного ч. шелома; а по новому окладу дати ему на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ да на люди съ земли 6 рублевъ, да на передаточныхъ людей 12 рублевъ.

(*л.* 53). Воинъ Васильевъ сынъ Плещѣева: сьѣхалъ съ Кобылья городища на Семенъ день 64, держалъ годъ, и съ Семеня дни Кобылье городище отдано въ откупъ; помѣстья за нимъ 20 вытей, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 3 ч. въ доспѣсехъ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ самъ на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ съ копьемъ, за нимъ 4 ч., въ нихъ 2 ч. въ пансырехъ и въ шеломѣхъ съ копьи да 2 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, въ шеломѣхъ, да 2 коня просты подъ сѣдлы, да 2 ч. въ кошу сь юки; помѣстья за собою сказалъ на 200 четьи; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; и передалъ ч. въ доспѣсѣ да 2 ч. въ тегиляехъ; а по новому окладу дати на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ, да на человѣка съ земли 2 рубля, да на передаточныхъ людей 13 рублевъ.

(*л.* 54). Ѳедоръ княжъ Васильевъ сынъ Борятинского: сьѣхалъ (съ) Спасского стану на Ильинъ день 63, держалъ отъ Семеня дни до Ильина дни тогожъ году, и съ того дни Спаской станъ данъ въ откупъ; вотчины не сыскано; помѣстья за нимъ 500 четьи; по старому смотру людей его 7 ч., въ нихъ 2 въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ вотчина и помѣстье не писано; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его 5 ч., изъ нихъ одинъ ч. въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, ч. сь юкомъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 4 ч. въ доспѣсехъ; и не додалъ 3 ч. въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати было ему на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ, и нынѣ ему давати по 11 рублевъ, а не додати ему 4 рублевъ, да на люди съ земли не дати 8 рублевъ и всего ему не додати 12 рублевъ.

(*л.* 55). Денисъ Ѳедоровъ сынъ Ивашкинъ: сьѣхалъ съ Андопола на Благовѣщеньевъ день 54, держалъ 2 года; вотчины не сыскано, помѣстья на 400 четьи; по старому смотру людей его 6 ч., въ нихъ 2 ч. въ доспѣсехъ, 2 ч. въ тегиляехъ; въ Серпуховѣ

смотръ ему не былъ, въ полону въ Крымѣ; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ; и передалъ ч. въ тегиляѣ, а не додалъ на тегиляйного ч. доспѣху; а по новому окладу дати ему на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ да на люди съ земли 6 рублевъ, да на передаточного человѣка 2 рубля, а не додати ему 2 рублевъ.

(*л.* 56). Иванъ Назарьевъ сынъ Хлопова: по окладу бояръ Ивана Васильевича Шереметева съ таварыщи, по памяти съ приписью дьяка Богдана Логинова, велѣно давати Ивану за кормленье по 15 рублевъ на годъ; а по памяти-жъ съ приписью дьяка Василья Степанова велѣно за Иваномъ помѣстья учинити на 300 четьи, и дано ему помѣстья на 100 четьи, а по памяти жъ съ приписью дьяка Ивана Юрьева лѣта 7063 въ Полскомъ походѣ людей его 3 ч. въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ; и людей Иванъ всѣхъ передалъ, а съ земли людей взяти не съ чего; и дати Ивану на люди 15 рублевъ.

(*л.* 57). Степанъ Улмезевъ сынъ Юренева: наѣхалъ былъ на правду въ Судѣ на Троицынъ день 63, и съ Семеня дни 64 Суда дана въ откупъ; помѣстья за нимъ 25 вытей, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 5 ч., въ нихъ 2 въ доспѣсехъ, 3 ч. въ тегиляехъ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ самъ на конѣ въ пансырѣ и въ шапкѣ въ желѣзной, людей его ч. на конѣ въ доспѣсѣ и въ шапкѣ съ копьемъ, а другой ч. па меринѣ въ тегиляѣ и въ шеломѣ, да за нимъ въ полкъ ч. на конѣ въ пансырѣ и въ шапкѣ въ мѣдяной съ копьемъ, а другой ч. въ бехтерцѣ и въ шеломѣ съ рогатиною, да ч. въ тегиляѣ и въ шеломѣ, да 2 коня просты, да 3 ч. въ кошу за юки, въ нихъ одинъ тегиляй не толстъ; помѣстья за собою сказалъ 25 вытей; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ, а не додалъ на передаточного ч. шелома; а по новому окладу дати ему на его голову въ 19 статьѣ 15 рублевъ, да на люди съ земли 3 рубли, да (на) передаточныхъ людей 9 рублевъ, а не додати ему рубля.

(*л.* 58). Матѳѣй Шаблыкинъ Кормылицынъ; давати ему по 15 рублевъ.

(*л.* 59). 20 статья по 12 рублевъ.

Постникъ Семеновъ сынъ Соловцовъ:612 имaлъ съ чашнича пути по 18 рублевъ; вотчины за нимъ четвертой жеребей отца его чет-

верть сохи, а помѣстья на 400 четьи; по старому смотру людей его 3 ч., въ нихъ 2 ч. въ доспѣсехъ, ч. въ тегиляѣ; въ Серпуховѣ сказалъ за собою помѣстья на 400 четьи, вотчины на Костромѣ 130 четьи; самъ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, людей его 6 ч., въ нихъ 3 ч. въ доспѣсехъ, 3 въ тегиляехъ, 2 шапки мѣдяны, шапка желѣзная; да тѣ же люди ведутъ 3 кони просты подъ сѣдлы, 2 юка; а по уложенью взяти съ него съ земли 5 ч. въ доспѣсехъ; и передалъ ч. въ тегиляѣ, а не додалъ на 2 ч. доспѣшныхъ шеломовъ да на 2 ч. тегиляйныхъ доспѣховъ и шеломовъ, да на передаточного человѣка шелома; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ да на люди съ земли 3 рубли; а не додати ему на люди съ земли 7 рублевъ да на передаточного человѣка 4 рублевъ, и всего ему не додати 11 рублевъ.

(*л.* 60). Михалецъ Ивановъ сынъ Яропкинъ: ималъ изъ Малые Пѣнежки по 10 рублевъ на годъ; вотчины съ матерью да съ братьею вмѣстѣ за 4-ма ч. пол-четверти сохи, а помѣстья за нихъ на 301 четь; прежней смотръ не сысканъ; а въ Серпуховѣ вотчины сказалъ за матерью селцо четверть же пол-чети сохи; помѣстья 400 четьи; людей его 10 ч., въ нихъ 4 ч. въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ съ копьи, изъ нихъ же на одномъ человѣкѣ въ нихъ его доспѣхъ, 3 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, въ шапкахъ въ мѣдяныхъ съ копьи, изъ нихъ 2 ч. съ конми съ простыми, 3 ч. съ юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ; и передалъ 3 ч. въ тегиляехъ, а не додалъ на нихъ 3 шеломовъ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди съ земли 6 рублевъ, да на передаточныхъ людей 9 рублевъ; а не додати ему на передаточныхъ людей 3 рублевъ.

(*л.* 61). Русинъ Семеновъ сынъ Батюшковъ: ималъ съ Борку съ Желѣзного по 16 рублевъ; вотчины за нимъ полполтрети и полполчетверти сохи, а помѣстья 350 четьи; по старому смотру людей его 3 ч., въ нихъ 1 ч. въ доспѣсѣ; въ Серпуховскомъ смотрѣ помѣстье и вотчина не писана; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его 3 ч. на конехъ, одинъ въ пансырѣ, другой въ бехтерцѣ, третей въ куякѣ да ч. въ тегиляѣ, тѣже люди ведутъ 3 кони просты, 2 ч. съ юки; и по уложенью съ земли люди далъ сполна; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ да на люди съ земли 7 рублевъ.

(*л.* 62). Образецъ Гнѣвашевъ сынъ Рогатого: дано ему съ Куси да съ Немды 36 рублевъ съ четью; вотчины за нимъ полполчет-

верти, а помѣстья велѣно за нимъ учинити на 300 четвертей; и помѣстья за нимъ на 120 четьи, а додати ему къ тому 180 четьи; прежней смотръ людцкой не бывалъ, а въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годуетъ въ Казани; а по уложенью взяти съ него съ земли, какъ додадутъ ему помѣстье, 2 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ да на люди съ земли 5 рублевъ.

(*л.* 63). Ондрей Михайловъ сынъ Нагово: ималъ съ чашнича пути по 18 рублевъ на годъ; вотчины за нимъ четверть сохи и полполчетверти сохи, помѣстья 322 четверти; прежней людцкой смотръ не бывалъ, а въ Серпуховѣ вотчина и помѣстье написана; людей его 7 ч., въ нихъ 4 ч. въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ, а ч. въ тегиляѣ, въ шапкѣ въ мѣдяной, 2 коня просты, ч. сь его доспѣхомъ, 2 юка, за юки ч. простъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 4 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; и по уложенью съ земли люди далъ сполна, а не додалъ на тегиляйного человѣка шелома; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ да на люди съ земли 8 рублевъ, а не додати ему рубля.

(*л.* 64). Матѳѣй Дмитреевъ сынъ Игнатьева(*): ималъ съ Топалска по 15 рублевъ; помѣстья за нимъ 30 обежъ, вотчины не сыскано, людей его 3 ч. въ тегиляехъ; въ Серпуховѣ помѣстья за собою сказалъ 30 вытей; самъ на конѣ въ бехтерцѣ съ бармицею и въ шеломѣ съ наручми, людей его 4 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, 2 въ шапкахъ въ желѣзныхъ, третей въ шеломѣ и въ наручахъ, 3 на конехъ, 2 на меринехъ, да тѣжъ люди ведутъ 2 коня просты, 3 ч. сь юки, за юки лошадь проста; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ; и передалъ 2 ч. въ тегиляехъ, а не додалъ на 2 ч. тегиляйныхъ доспѣховъ да на передаточного человѣка шелома; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди съ земли 4 рубли, да на передаточныхъ людей 3 рубли, а не додати ему 5 рублевъ.

(*л.* 65). Князь Иванъ княжъ Васильевъ сынъ Мещерского Кіясовъ: ималъ съ Желѣзного Борку по 16 рублевъ на годъ; вотчины за нимъ не сыскано, а помѣстья на 400 четьи; по старому смотру людей его 2 ч. безъ доспѣховъ; въ Серпуховѣ помѣстье и вотчина не писана; самъ о дву конь съ копьемъ, людей его 3 ч. на конехъ, у нихъ 2 рогатины да ч. сь юкомъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ, и не далъ съ земли 3 ч. въ

*) *Въ подл. надъ этою строкою написано:* староста губной.

доспѣсехъ; а по новому окладу дати было ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, и нынѣ ему давати по 6 рублевъ, а не додати ему 6 рублевъ, да на люди съ земли не дати 6-жъ рублевъ, и всего ему не додати 12 рублевъ.

(*л.* 66). Князь Петръ княжъ Потуловъ сынъ Волконского: ималъ съ Борку по 16 рублевъ на годъ; вотчины за нимъ не сыскано, а помѣстья на 600 четьи; по старому смотру людей его 5 ч. безъ доспѣховъ; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ 600 четьи, вотчины не сказалъ; самъ въ доспѣсѣ и въ шапкѣ въ желѣзной, о дву конь, людей его 5 ч. въ саадацехъ и въ сабляхъ на конехъ безъ доспѣховъ, да 2 юка; а по уложенью взяти съ него съ земли 5 ч. въ доспѣсехъ; и не далъ съ земли людей всѣхъ; а по новому окладу дати было на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, и нынѣ ему давати по 2 рубля, а не додати ему 10 рублевъ, да на люди съ земли не дати 10-жъ рублевъ, и всего ему не додати 20 рублевъ.

(*л.* 67). Отай Ивановъ сынъ Шастинского: сьѣхалъ съ столнича пути на Костромѣ на Семенъ день 64, а держалъ отъ Николина дни вешнего 63 по Семенъ день 64, а лѣта 7060 четвертаго дано ему на подмогу для Казанскіе службы 10 рублевъ; вотчины за нимъ съ братомъ вопче полполполчетверти сохи да пашни на 20 четьи, а помѣстья 76 четвертей; въ Свіяжскомъ на году, по старому смотру, самъ на конѣ въ доспѣсѣ да съ нимъ ч. на конѣ въ доспѣсѣ, 3 ч. пѣшихъ, изъ нихъ 1 ч. въ доспѣсѣ, а 2 ч. въ тегиляехъ. Лѣта 7060 четвертаго въ Нижнемъ Новѣгородѣ помѣстья Отай сказалъ на 160 четьи, вотчины 5 четьи; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, въ саадакѣ и въ саблѣ, людей его 2 ч. на конехъ въ тегиляехъ и въ шеломѣхъ, въ саадацехъ и въ саблехъ, а на одномъ человѣкѣ, сказалъ, будетъ доспѣхъ; въ Свіяжскомъ городѣ 2 ч. пѣшихъ въ саадацехъ и въ сабляхъ; въ Серпуховѣ смотру ему не было, годуетъ въ Казани; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; и передалъ ч. въ тегиляѣ, а не додалъ на тегиляйного человѣка доспѣху; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на ч. съ земли 2 рубля, да на передаточного ч. 2-жъ рубля, а не додати ему 2 рублевъ (*).

(*л.* 69). Михайло да Василей Асановы дѣти Годунова: сьѣхали

---

*) *За симъ въ подл. слѣдуютъ два листка, изъ коихъ первый, по ветхости, неподклеенъ, а писанное на оборотѣ его и на другомъ листкѣ зачеркнуто и вмѣсто того написано:* Въ Юшково мѣсто Якушу Баухвалову 12 руб., — то и на люди.

оба съ Брашевы на Николинъ день осенней 61, держали 3 годы, а 64 году дано имъ на подмогу для Казанскіе службы по 12 рублевъ ч.; вотчины за ними треть сохи, а помѣстья по 60 четьи за ч.; прежняя людцкая дача не бывала; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, годуетъ въ Казани; лѣта 7064 въ Нижнемъ Новѣгородѣ помѣстья за собою сказали 150 четьи; сами на конехъ въ доспѣсехъ, въ саадацехъ и въ сабляхъ, людей ихъ 4 ч. на конехъ въ саадацехъ и въ сабляхъ съ копьи, 2 коня просты, 6 ч. пѣшихъ въ саадацехъ и въ сабляхъ; а по уложенью взяти съ нихъ 2 ч. въ доспѣсехъ; и не додали съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати было имъ на ихъ головы въ 20 статьѣ по 12 рублевъ ч., и нынѣ имъ давати по 10 рублевъ ч., а не додати имъ по 2 рубля ч., да на люди съ земли не дати имъ 4 рублевъ, и всего имъ не додати 8 рублевъ.

(*л.* 70). Богданъ Дмитреевъ сынъ Карташовъ: съѣхалъ съ Пушмы и съ Осиновца на Оспожцынъ день 64, держалъ годъ, а 64 дано ему на подмогу для Казанскіе службы 10 рублевъ; вотчины за нимъ на 5 четьи, да помѣстья 250 четьи; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, годуетъ въ Казани, а лѣта 7064 въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ Богданъ помѣстья сказалъ на 250 четьи, вотчины не сказалъ; самъ будетъ на конѣ въ доспѣсѣ, въ саадакѣ и въ саблѣ, людей его 3 ч. на конѣхъ, въ саадацехъ и въ сабляхъ, 2 въ доспѣсехъ, ч. въ тегиляѣ; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; и передалъ ч. въ доспѣсѣ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ да на люди съ земли 3 рубли, да на передаточного ч. 5 рублевъ.

(*л.* 71). Своитинъ Юрьевъ сынъ Чавкинъ: вотчины за нимъ не сыскано; а помѣстья за нимъ на 400 четьи; по старому смотру людей его 2 ч. безъ доспѣховъ; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ 400 четьи; самъ на конѣ безъ доспѣху да конь простъ, людей его 3 ч. въ тегиляехъ, 2 на конехъ, ч. на меринѣ, ч. сь юкомъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ; и не додалъ на земленыхъ людей доспѣховъ; а по новому окладу дати было ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди съ земли 6 рублевъ; и нынѣ Своитину и на люди денегъ не дати, потому что самъ и люди безъ доспѣховъ.

(*л.* 72). Иванъ Юрьевъ сынъ Чавкинъ: сьѣхалъ съ правды съ Костромскіе на Благовѣщеньевъ день 64; вотчины не сыскано; помѣстья за нимъ на 500 четьи; по старому смотру людей его 4 ч.

на конехъ безъ доспѣховъ; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ 500 четьи; самъ на конѣ безъ доспѣху да меринъ Воложской, людей его 4 ч. на конехъ въ саадацехъ и въ сабляхъ да человѣкъ сь юкомъ; а по уложенью взяти съ него 4 ч. въ доспѣсехъ; и не далъ на земленыхъ людей доспѣховъ; а по новому окладу давати было ему на его голову въ 20 статьѣ по 12 рублевъ да на люди съ земли 8, и Ивану и на люди денегъ не дати, потому что самъ и люди безъ доспѣху.

(*л.* 73). Иванъ Ѳедоровъ сынъ Сунбуловъ: вотчины за нимъ съ братьею и съ племянники за 6 ч. полтрети и полполполтрети сохи, а помѣстья на 400 четьи; по старому смотру людей его ч. безъ доспѣху.

(*л.* 74). Семенъ Степановъ сынъ Сунбуловъ: вотчины за нимъ съ братьею его и съ племянники за 6-ма ч. вопче полтрети и полполполтрети сохи, а помѣстья за нимъ на 400 четьи; по старому смотру людей его 3 ч. безъ доспѣховъ; а въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ 400 четьи; самъ въ доспѣсѣ и въ шапкѣ съ копьемъ о дву конь, людей его 3 ч. съ копьи объ одинъ конь, въ нихъ 2 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, на одномъ шапка желѣзная, ч. сь юкомъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; и не додалъ 2 ч. въ доспѣсехъ да на тегиляйного ч. доспѣху и шелома; а по новому окладу дати было ему въ 20 статьѣ 12 рублевъ, и нынѣ ему давати по 8 рублевъ, а не додати ему 4 рублевъ, да на люди съ земли не дати 7 рублевъ, и всего ему не додати 11 рублевъ.

(*л.* 75). Князь Осифъ княжъ Дмитреевъ сынъ Мосалского: наѣхалъ былъ на Соль на Малую на Великъ день 63, и съ Семеня дни 64 Соль Малая въ откупу; а вотчины за нимъ въ Мосалску 1104 четверти, а помѣстья на 85 четвертей; по старому смотру людей его въ Астарахани въ судѣхъ 23 ч., въ нихъ 4 ч. въ доспѣсехъ, а 8 ч. на кормовомъ суднѣ; въ Серпуховѣ вотчины сказалъ за собою 50 вытей да 20 починковъ нетяглыхъ; самъ въ доспѣсѣ и въ шапкѣ въ желѣзной съ копьемъ о дву конь, людей его 9 ч., въ нихъ 4 ч. въ доспѣсехъ, ч. въ шеломѣ, 3 ч. въ шапкахъ въ желѣзныхъ, на конехъ, въ саадацехъ и въ сабляхъ съ копьи, 5 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, въ шапкахъ въ желѣзныхъ, въ саадацехъ и въ сабляхъ, съ рогатинами, о дву конь, 5 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 10 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегилаѣ; и не додалъ 2 ч. въ доспѣсехъ да на 4 ч. тегиляйныхъ доспѣховъ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20

статьѣ 12 рублевъ, да на люди съ земли 3 рубли, а не додати ему на люди съ земли 18 рублевъ.

(*л.* 76). Чюдинъ Лобановъ сынъ Пелепелицынъ: по списку, къ кормленному верстанью данъ былъ ему Кодогорской станъ, и Кодогорской станъ данъ въ откупъ, а онъ не наѣзживалъ; а вотчины за нимъ полполчетверти сохи, помѣстья 91 четь; а по памяти съ приписью дьяка Василья Степанова, по окладу бояръ князя Дмитрея Курлятева съ товарищи, въ помѣстномъ верстаньѣ велѣно за нимъ учинити помѣстья и съ старымъ на 250 четьи до верстанья, а старого помѣстья за нимъ на 90 четьи съ осминою, а вотчины за нимъ по памяти жъ 30 четьи; а лѣта 7064 на году въ Свіяжскомъ; людей его 2 ч. въ доспѣсехъ, и доколѣ додадутъ ему помѣстье, и людей передалъ всѣхъ; а по кормленному окладу дати на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди на передаточные 10 рублевъ.

(*л.* 77). Иванъ Петровъ сынъ Ильина: сьѣхалъ съ пятна съ Мещерского на Мириносицы 60 четвертаго, держалъ годъ; вотчины не сыскано, а помѣсья за нимъ на пол-300 четьи; по старому смотру людей его 3 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ на пол-300 четьи; самъ о дву конь съ копьемъ, ч. о дву конь съ рогатиною, 3 ч. объ одинъ конь, ч. сь юкомъ; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; и не додалъ на ч. доспѣху да на другого ч. тегиляя; а по новому окладу дати было ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, и нынѣ ему давати по 9 рублевъ, а не додати ему 3 рублевъ, да на люди съ земли не дати 3-же рублевъ.

(*л.* 78) Иванъ Ондрѣевъ сынъ Окинфова: сьѣхалъ съ Вяземского ключа на середокрестье 62, держалъ годъ; помѣстья за нимъ на 300 четьи, а вотчины не сыскано; по старому смотру людей его въ Казани на году 2 ч. на конехъ въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ сказалъ помѣстья за собою на пол-200 четьи, вотчины вь Юрьевѣ на 10 четьи; самъ на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, людей его 3 ч. на конехъ въ доспѣсехъ, 2 ч. сь юки, да за юки лошадь простая; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ; и передалъ ч. въ доспѣсѣ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди съ земли 4 рубли, да на передаточного ч. 5 рублевъ.

(*л.* 79). Григорей Щуръ Васильевъ сынъ Курчовъ *): на Сло-

---

*) *Въ рукоп. надъ этою строкою написано:* староста губной.

бодцкомъ на Вяткѣ 2 году будетъ Рожество Христово 64; вотчины за нимъ треть сохи и полполчетверти и полполполчетверти сохи, да помѣстья на 200 четьи; прежняя людцкая дача не бывала, а въ Серпуховѣ смотръ не былъ же, староста губной; а по уложенью взяти съ него съ земли 4 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди съ земли 9 рублевъ.

(*л.* 80). Васюкъ Петровъ сынъ Житовъ: бралъ мѣхъ Костромской 63 годъ; вотчины за нимъ отца его выть полтрети и полполполчетверти сохи, помѣстья велѣно дати на 300 четьи; и дано ему на 140 четьи и недодано 160 четьи; старой смотръ людцкой не бывалъ; въ Серпуховѣ сказалъ помѣстья за собою на 200 четьи, а явлено на 400 четьи, вотчины 70 четьи; самъ въ тегиляѣ съ копьемъ о дву конь, людей его 4 ч. въ тегиляехъ, въ шапкахъ въ мѣдяныхъ, на конехъ, у трехъ человѣкъ копья, 2 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати было ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди съ земли 5 рублевъ; и нынѣ Васюку и на люди денегъ не дати, потому что самъ и люди безъ доспѣховъ.

(*л.* 81). Григорей да Ершъ княжъ Ивановы дѣти Щетинина: сьѣхали оба съ половины Кашина на Троицынъ день 63, держали по году; помѣстья за ними 432 чети за человѣкомъ; вотчины не сыскано; по старому смотру людей ихъ въ Казани на году 4 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годовали въ Казани; лѣта 7063 въ Казани на году, сами на конехъ въ доспѣсехъ, да за ними 6 ч. на конехъ въ доспѣсехъ; помѣстья сказали за собою по 300 четьи; вотчины не сказали; а по уложенью взяти съ нихъ съ земли по 3 ч. въ доспѣсехъ да по ч. въ тегиляѣ; и не додали 2 ч. въ тегиляехъ; а по новому окладу дати имъ въ 20 статьѣ по 12 рублевъ человѣку, да на люди съ земли 10 рублевъ, а не додати имъ 4 рублевъ, по 2 рубля ч.

(*л.* 82). Степанъ Залѣшаниновъ сынъ Бобровъ: бралъ мѣхъ Дмитровской 63 годъ; помѣстья за нимъ 20 обежъ; прежнея людцкая дача не бывала; въ Серпуховѣ Степанъ самъ на аргамакѣ да аргамакъ простъ, да конь простъ, людей его 3 ч. на конехъ, изъ нихъ ч. въ пансырѣ и въ шеломѣ; а помѣстья сказалъ за собою 20 обежъ; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на человѣка съ земли 2 рубля.

(*л.* 83). Яковъ Гнѣвашевъ сынъ Рогатого Безстужевъ: наѣхалъ былъ на Серебожъ, на Сергѣеву память чюдотворцову 63, держалъ до Ильина дни того жъ году, а съ Ильина дни Серебожъ данъ въ откупъ; вотчины за нимъ полполчетверти сохи, а помѣстья на 119 четьи; прежней людцкой смотръ не бывалъ, а въ Серпуховѣ смотръ не былъ же, староста губной; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ да на человѣка съ земли рубль.

(*л.* 84). Юрьи Васильевъ сынъ Крюковъ Глѣбова Сорокоумова: съѣхалъ съ Выщегородища на Ильинъ день 61, держалъ 2 году; помѣстья за нимъ 31 обжа съ полуобжею, а вотчины съ братьею за 4-ма человѣки полсохи; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 5 ч., въ нихъ 2 въ доспѣсехъ, 3 ч. въ тегиляехъ; въ Серпуховѣ сказалъ помѣстья 22 обжи съ полуобжею; вотчины въ Дмитровѣ пол-четверти сохи; самъ въ полномъ доспѣхѣ и въ шеломѣ, людей его въ полкъ 7 ч., изъ нихъ 2 ч. въ пансырѣ да въ бехтерцѣ и въ шеломѣ, 4 ч. въ тегиляехъ, одинъ въ шеломѣ, другой въ шапкѣ въ желѣзной, третей въ шапкѣ въ мѣдяной, четвертой безъ шелома, 2 коня просты, 2 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ; и передалъ 3 ч. въ тегиляехъ, а не додалъ на тегиляйного ч. доспѣху, да на передаточныхъ людей 2 шеломовъ; а по новому окладу дати на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди съ земли 6 рублевъ, да на передаточныхъ людей 8 рублевъ, а не додати ему 4 рублевъ.

(*л.* 85). Григорей Семеновъ сынъ Цыплятевъ: наѣхати было ему на Выгоозеро на сборное Воскресенье 64; помѣстья за нимъ 28 обежъ съ полуобжею, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 4 ч., въ нихъ 3 ч. въ доспѣсехъ, ч. въ тегиляѣ; въ Серпуховѣ помѣстья за собою сказалъ 30 обежъ; самъ на конѣ въ пансырѣ и въ шапкѣ въ желѣзной, людей его въ полкъ 2 ч. въ пансырѣхъ и въ шеломѣхъ съ рогатинами, да за нимъ ч. въ тегиляѣ, въ шапкѣ въ мѣдяной, съ конемъ съ простымъ да съ копьемъ, 2 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ; и передалъ человѣка въ тегиляѣ, а не додалъ на него шелома; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди съ земли 4 рубли, да на передаточного человѣка 3 рубли, а не додати ему рубля.

(*л.* 86). Михалецъ Назарьевъ сынъ Глѣбова: вотчины за нимъ

приданые полполтрети сохи, да вопче ему съ Сумниковымъ четверть сохи, да съ Измайловыми полполтрети безъ полполполчетверти сохи, списаны сошнымъ писмомъ съ иными; а помѣстья за нимъ на 400 четьи; по старому смотру людей его 3 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ 400 четьи; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его 3 ч. въ доспѣсехъ, 2 ч. въ тегиляехъ и въ шеломѣхъ, и въ шапкахъ въ желѣзныхъ съ копьи и съ рогатинами о дву конь да 3 ч. съ конми съ простыми, 3 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; и передалъ ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди съ земли 7 рублевъ, да на передаточного ч. 4 рубли.

(*л.* 87). Князь Иванъ Нѣмой княжъ Ивановъ сынъ Третьяковъ Пожарского: съѣхалъ съ Берендѣева на Петрово заговѣйно 60, держалъ 2 году; вотчины за нимъ полтрети сохи, помѣстья 500 четьи, по старому смотру людей его 4 ч. въ доспѣсехъ, въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годовалъ въ Свіяжскомъ городѣ; а лѣта 7060 четвертаго въ Свіяжскомъ помѣстья сказалъ за собою на 400 четьи, вотчины 130 четьи; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его 4 ч. въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ, 3 ч. на конехъ, а ч. на меринѣ на добрѣ, съ копьи и съ рогатинами, да конь простъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 5 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; и не додалъ ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди съ земли пять рублевъ, а не додати ему 6 рублевъ.

(*л.* 88). Андрѣй Шараповъ сынъ Плещеевъ: наѣхалъ былъ на Островъ на Великое мясное заговѣйно 63, держалъ до Семеня дни 64, а съ Семеня дни Островъ отданъ въ откупъ; помѣстья за нимъ 17 вытей, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 3 ч., въ нихъ 2 въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ самъ на конѣ въ пансырѣ и въ шеломѣ съ копьемъ, за нимъ 3 ч. на конехъ въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ, 2 съ конми съ простыми, и съ копьи, да 2 ч. въ кошу со вьюки; а не додалъ по памяти коня простого да копья, да человѣка кошевого со вьюкомъ; помѣстья за собою сказалъ 170 четьи; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ тегиляѣ; и передалъ 3 ч. въ доспѣсехъ, а не додалъ ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на человѣка съ земли рубль, да на передаточныхъ людей 13 рублевъ, а не додати ему 2 рублевъ.

(*л.* 89). Третьякъ Григорьевъ сынъ Кокошкина: съѣхалъ съ Порхова на Николинъ день вешней 62, держалъ годъ; помѣстья за нимъ 27 обежъ, вотчины за нимъ съ братьею за 4-ма ч. четверть сохи безъ полполполчетверти сохи; въ Казанскомъ въ зимнемъ походѣ 63 самъ въ доспѣсѣ, людей его 8 ч., въ нихъ 3 ч. въ доспѣсехъ, 2 ч. въ тегиляехъ; а по Серпуховскому смотру помѣстья за собою сказалъ 27 обежъ, а вотчины сказалъ за матерью да за ними за двѣма и за племянники полсохи съ тритцатью вытью; самъ на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, съ копьемъ, въ саадакѣ и въ саблѣ, да 2 ч. на конехъ въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ, въ саадацехъ и въ сабляхъ съ копьи, да три кони просты подъ сѣдлы, да за нимъ 8 ч., шесть на конехъ а 2 на меринехъ, въ саадацехъ и въ саблехъ, въ нихъ 2 ч. въ бехтерцехъ и въ шапкахъ въ желѣзныхъ, а 5 ч. въ тегиляехъ, 4 суконны, пятой бархатъ цвѣтной, въ нихъ 3 ч. съ копьи да 5 ч. въ кошу на меренехъ, да 4 юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегилѣ; и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ, 4 ч. въ тегиляехъ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди съ земли 5 рублевъ, да на передаточныхъ людей 26 рублевъ.

(*л.* 90 *об.*—91.) Степанъ Степановъ сынъ Изволского: съѣхалъ съ ключа съ Рязанскаго на Рожество Христово 61, держалъ 2 году; вотчины не сыскано, помѣстья за нимъ на 400 четьи; по старому смотру людей его 6 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ вотчина и помѣстье не писано; самъ на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ и въ тегилѣ съ копьемъ, аргамакъ на поводѣ, людей его 6 ч. о дву конь съ копьи, 4 ч. въ доспѣсехъ, на 2 шапки мѣдяны, а 2 ч. въ тегиляехъ, въ шеломѣхъ и въ шапкахъ, 3 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ, и передалъ ч. въ доспѣсѣ, да 2 ч. въ тегиляехъ, а не додалъ на передаточныхъ людей 2 шеломовъ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди съ земли 6 рублевъ, да на передаточныхъ людей 11 рублевъ, а не додати ему 2 рублевъ.

(*л.* 91 *об.*—92.) Князь Иванъ княжъ Дмитреевъ сынъ Щепинъ Ростовского: съѣхалъ съ столнича пути въ Переславлѣ на Ильинъ день 63, держалъ черезъ годъ отъ Покрова до Ильина дни, а съ того сроку столничь путь данъ въ откупъ; помѣстья за нимъ 30 обежъ, вотчины не сыскано; прежней людцкой смотръ не бывалъ; въ Серпуховѣ сказалъ помѣстья за нимъ 30 обежъ, въ нихъ 12 обежъ пусты съ повѣтрея; самъ на конѣ въ доспѣсѣ и

въ шеломѣ, людей его въ полкъ 4 ч., въ нихъ 1 ч. въ бехтерцѣ и въ шапкѣ въ желѣзной, а другой въ тегиляѣ въ толстомъ, въ шапкѣ въ мѣдяной, а третей въ тегиляѣ въ тонкомъ съ копьемъ, а четвертой въ тегиляѣ жъ да въ шапкѣ въ мѣдяной съ копьемъ, 2 ч. съ конми съ простыми, 2 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ; и не додалъ на тегиляйного человѣка доспѣху и шелома; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, да на люди съ земли рубль, а не додати ему 3 рублевъ.

(*л.* 93.) Ѳедоръ Ивановъ сынъ Игнатьевъ: съѣхалъ съ Вышегорода на Семень день 63, держалъ годъ; помѣстья за нимъ живущего и пустого пол-30 обежъ съ третью обжи; въ Нѣметцкомъ походѣ 64 самъ въ доспѣсѣ, людей его 2 ч. въ тегиляехъ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ самъ въ доспѣсѣ да въ шапкѣ, да 2 ч. въ толстыхъ въ тегиляехъ, да копье, да 2 ч. съ конми съ простыми, да 2 со вьюки; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч., 1 въ доспѣсѣ, а другого въ тегиляѣ; и не додалъ на тегиляйного ч. доспѣху да 2 шеломовъ; а по новому окладу дати было ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ; и нынѣ ему давати по 11 рублевъ, а не додати ему рубля, да на люди съ земли не дати 3 рублевъ, и всего ему не додати 4 рублевъ.

(*л.* 94.) Никифоръ Ѳедоровъ сынъ Вышеславцовъ: съѣхалъ съ Ошты на рожество Ивана Предотечи 62, держалъ годъ; помѣстья за нимъ 24 выти, вотчины не сыскано; по старому смотру въ Казанскомъ походѣ 63 людей его 8 ч., въ нихъ 7 ч. въ доспѣсехъ, а ч. въ тегиляѣ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ Микифоръ самъ на аргамакѣ въ доспѣсѣ вь юмшанѣ и въ шеломѣ, а на верхъ доспѣха приволока бархатна, за нимъ 3 ч. въ пансырехъ да ч. въ бехтерцѣ съ рогатиною, да 5 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, 3 ч. съ рогатинами, а четвертой съ копьемъ, одинъ изъ нихъ въ шеломѣ, а на пти ч. шапки мѣдяны, да 3 кони просты; помѣстья за собою сказалъ 23 выти, а не додалъ передъ своею памятью аргамака простого да ч. въ пансырѣ, а другого въ тегиляѣ; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; и передалъ 3 ч. въ доспѣсехъ да 4 ч. въ тегиляехъ, а не додалъ съ земли на тегиляйного ч. шелома да на передаточныхъ людей 7 шеломовъ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ да на люди съ земли 3 рубли, да на передаточныхъ людей 23 рубли, а не додати ему 8 рублевъ.

(*л.* 95 *об.*) Григорей Ивановъ сынъ Заболотцкого Дровнинъ: ималъ съ села съ Высокого по 18 рублевъ и по 30 алтынъ на годъ; вотчины за нимъ отца его треть сохи, а помѣстья на 300 четьи; прежней людцкой смотръ не бывалъ; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ дано ему на 250 четьи, а на 50 четьи не додано; самъ на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, людей его 5 ч., въ нихъ 2 ч. въ пансырехъ, ч. въ тегилѣ въ толстомъ, у нихъ копье да рогатина, 2 коня просты да 2 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 4 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегилѣ; и не додалъ 2 ч. въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 20 статьѣ 12 рублевъ, то ему и на люди.

(*л.* 96 *об.*) Князь Данило княжъ Ѳедоровъ сынъ Засѣкинъ Сандыревского: дана была ему половины Нерехты, и онъ не наѣзживалъ; вотчины за нимъ соха безъ трети, помѣстья нѣтъ; по старому смотру людей его 3 ч., въ нихъ 1 ч. въ доспѣсѣ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годовалъ въ Казани; лѣта 7063 въ Казани на году; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его ч. на конѣ въ доспѣсѣ, да 2 ч. безъ доспѣховъ, да конь простъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 4 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегилѣ; и не додалъ 3 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегилѣ; а по новому окладу дати въ 20 статьѣ 12 рублевъ, то ему и на люди.

(*л.* 97 *об.*) Ѳедоръ Львовъ сынъ Шетневъ: сьѣхалъ съ половины Нерехты на Благовѣщеньевъ день 61, держалъ пол-2 году, вотчины не сыскано, помѣстья во 80 четьи; смотръ людцкой прежней не бывалъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годовалъ въ Казани; а съ земли людей взяти не съ чего; а по новому окладу дати ему въ 20 статьѣ 12 рублевъ, то ему и на люди.

(*л.* 98.) Никита Васильевъ сынъ Попадьина Квашнинъ: сьѣхалъ съ Руная и съ Патробала на Рожество Христово 63, держалъ 2 году; помѣстья за нимъ 20 обежъ, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 2 ч.; въ Серпуховѣ помѣстья за собою сказалъ 20 обежъ; самъ на конѣ въ пансырѣ съ наручми и съ наколѣнки, въ саадакѣ и въ саблѣ, за нимъ 2 ч. на меринкехъ и въ саадацехъ и въ сабляхъ, у одного конь простъ, ч. въ кошу; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; и не додалъ ч. въ доспѣсѣ; а по новому окладу дати ему въ 20 статьѣ 12 рублевъ, то и на люди.

(*л.* 99.) 21 статья по 10 рублевъ.

Андрѣй Елмановъ сынъ Огарева: съѣхалъ съ Виляди на происхоженіе честнаго креста 63, держалъ 2 году; помѣстья за нимъ 32 обжи, вотчины не сыскано; по старому смотру людей его 6 ч. въ тегиляехъ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ написано: Ондрѣй Ивановъ сынъ Огаревъ помѣстья за собою сказалъ 30 обежъ, половина пуста отъ повѣтрея; самъ на аргамакѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, за нимъ 2 ч. въ доспѣсѣ и въ шапкахъ желѣзныхъ да 8 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, на 4-хъ шапки желѣзны, 5 съ копьи, а 3 съ конми съ простыми подъ сѣдлы, всѣ на конехъ, 3 ч. сь юки, за юки ч. простъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ; и передалъ 8 ч. въ тегиляехъ, а не додалъ на передаточныхъ людей 4-хъ шеломовъ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 21 статьѣ 10 рублевъ, да на люди съ земли 4 рубли, да на передаточныхъ людей 28 рублевъ, а не додати ему 4-хъ рублевъ.

(*л.* 100 *об.*) Васюкъ Васильевъ сынъ Жюкова: дано было ему поворотное Московское брати 64 годъ; вотчины за нимъ полполчетверти сохи, помѣстья на его жеребей на 236 четьи съ полуосминою, а людцкая дача не бывала, живетъ на Москвѣ, даетъ милостину; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати ему въ 21 статьѣ 10 рублевъ, то ему и на люди.

(*л.* 101.) 22 статья по 9 рублевъ.

Андрѣй Васильевъ сынъ Косово Плещеевъ: лѣта 7063 дано ему изъ Иногостижского откупу вопче съ братомъ съ Замятнею 30 рублевъ, а 64 году дано ему на подмогу для Казанскіе службы 12 рублевъ; вотчины за нимъ на 40 четвертей, а помѣстья на 250 четьи; по старому смотру людей его 1 ч.; въ Серпуховѣ смотру ему не было, годуетъ въ Казани, а лѣта 7060 четвертаго въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ помѣстья Ондрѣй сказалъ на 200 четьи, вотчины не сказалъ; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, въ саадакѣ и въ саблѣ, людей его 3 ч. на конехъ въ саадацехъ и въ сабляхъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ; и не додалъ съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати было ему на его голову въ 22 статьѣ 9 рублевъ; и нынѣ ему;

давати по 5 рублевъ, а не додати ему 4-хъ рублевъ, да на люди съ земли не дати 4-хъ же рублевъ, и всего ему не додати 8 рублевъ.

(*л.* 102.) Иванъ Никифоровъ сынъ Рожновъ: кормленье не сыскано, а лѣта 7064 дано ему на подмогу для Казанскіе службы 12 рублевъ; вотчины за нимъ полполтрети сохи, помѣстья 130 четьи; по старому смотру самъ на конѣ въ доспѣсѣ, за нимъ ч. безъ доспѣху; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, годуетъ въ Казани; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; и не додалъ ч. въ доспѣсѣ; а по новому окладу дати было ему на его голову въ 22 статьѣ 9 рублевъ, и нынѣ ему давати по 7 рублевъ, а не додати ему 2 рублевъ, да на человѣка съ земли не дати 2-же рублевъ, и всего ему не додати 4-хъ рублевъ.

(*л.* 103.) Костянтинъ княжъ Ѳедоровъ сынъ Перемышского: съѣхалъ съ столнича пути Костромского на Николинъ день вешней 63, держалъ годъ; вотчины не сыскано; помѣстья за нимъ на 300 четьи; по старому смотру людей его 3 ч. въ доспѣсехъ; на Дѣдиловѣ помѣстье и вотчина не писана; самъ на конѣ въ бехтерцѣ безъ бармицы, въ шапкѣ въ желѣзной, людей его за нимъ 3 ч. съ копьи да 2 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, да 2 ч. съ рогатинами и съ конми съ простыми, да ч. въ бармицѣ на конѣ за пансыря мѣсто; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ; и передалъ ч. въ тегиляѣ, а не додалъ ч. въ доспѣсѣ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 22 статьѣ 9 рублевъ, да на люди съ земли 4 рубли, да на передаточного человѣка 2 рубля, а не додати ему 2 рублевъ.

(*л.* 104.) Тимошка Подъюсовъ сынъ Кобяковъ: вотчины за нимъ съ матерью пол-сохи и пол-трети безъ полполчетверти; а помѣстья за нимъ не сыскано; по старому смотру людей его 5 ч. на конехъ безъ доспѣховъ.

(*л.* 105.) Ѳедоръ Васильевъ сынъ Лодыгинъ: наѣхати было ему на Копорью на Благовѣщеньевъ день 64; помѣстья за нимъ 23 обжи съ третью, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 2 ч.; въ Серпуховѣ сказалъ помѣстья за собою 17 обежъ пусто отъ повѣтрея; самъ на конѣ въ бехтерцѣ, въ саадакѣ и въ саблѣ, за нимъ ч. на конѣ въ тегиляѣ въ толстомъ съ копьемъ, въ саадакѣ и въ саблѣ, да другой человѣкъ съ конемъ съ простымъ безъ сѣдла, ч на конѣ сь юкомъ; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; и не додалъ человѣка

въ доспѣсѣ; а по новому окладу дати было ему на его голову въ 22 статьѣ 9 рублевъ, и нынѣ ему давати по 8 рублевъ, а не додати ему рубля, да на люди съ земли не дати 3-хъ рублевъ, и всего ему не додати 4-хъ рублевъ.

(*л.* 106.) Василей Михайловъ сынъ Давыдова: наѣхалъ былъ на Гдовъ на Благовѣщеньевъ день 63, и съ Семеня дни 64 Гдовъ отданъ въ откупъ; помѣстья за нимъ пол-13 выти, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 3 ч.; въ Серпуховѣ у смотру не былъ, сказалъ человѣкъ его Истомка, что въ стану боленъ; помѣстья за нимъ 14 вытей; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ тегиляѣ; и не додалъ на земленого человѣка тегиляя; а по новому окладу дати было ему на его голову въ 22 статьѣ 9 рублевъ; и нынѣ ему давати по 8 рублевъ, а не додати ему рубля, да на ч. съ земли не дати рубля жъ, и всего ему не додати 2 рублевъ.

(*л.* 107.) Иванъ Григорьевъ сынъ Кобяковъ: вотчины за нимъ съ братомъ его съ Петромъ полчетверти сохи безъ полполполчетверти сохи, помѣстья за нимъ на 400 четьи; по старому смотру людей его 3 ч. безъ доспѣховъ на конехъ; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ на 400 четьи, вотчины въ окологородьѣ 44 четверти; самъ въ доспѣсѣ съ копьемъ о дву конь, людей его 4 ч. о дву конь, одинъ въ бехтерцѣ и въ шеломѣ, а 2 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, на одномъ шапка желѣзная, а на другомъ мѣдяна, 2 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; и не додалъ ч. въ доспѣсѣ, да на тегиляйного человѣка доспѣха и шелома; а по новому окладу дати ему на его голову въ 22 статьѣ 9 рублевъ, а не додати ему на люди съ земли 7 рублевъ.

(*л.* 108.) 23 статья по 8 рублевъ.

Яковъ Никифоровъ сынъ Стромиловъ: ималъ съ Клекова по 30 рублевъ; вотчины за нимъ полсохи, а помѣстья 512 четьи; по старому смотру людей его 21 ч. въ доспѣсехъ; а въ Серпуховѣ вотчины сказалъ вопче съ братомъ съ Павлиномъ вь Юрьевѣ 500 четьи, да старые вотчины 250 четьи, людей вопче съ братомъ 20 ч. въ доспѣсехъ на конехъ съ копьи, въ кошу сь юки 8 ч.; а по уложенью взяти съ него съ земли 8 ч. въ доспѣсехъ, и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 23 статьѣ 8 рублевъ, да на люди съ земли 16 рублевъ, да на передаточныхъ людей 10 рублевъ.

(*л.* 109.) Ѳедоръ Меншой Семеновъ сынъ Есипова: увалъ съ чашнича пути по 18 рублевъ на годъ; вотчины за нимъ полчетверти сохи, да съ братомъ вопче полполполчетверти сохи, а помѣстья 150 четьи; по старому смотру людей его въ Свіяжскомъ на году ч. въ доспѣсѣ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годовалъ въ Казани; лѣта 7063, въ Свіяжскомъ на году Ѳедоръ; самъ на конѣ въ саадакѣ и въ саблѣ, въ тегиляѣ въ тонкомъ съ горностали, въ желѣзной шапкѣ, людей его ч. на конѣ въ саадакѣ и въ саблѣ съ рогатиною, конь простъ; помѣстья сказалъ за собою на 150 четьи, вотчины 100 четьи; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; и не далъ съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати было ему на его голову въ 23 статьѣ по 8 рублевъ, да на люди съ земли 3 рубли; и Ѳедору и на люди денегъ не дати, потому что самъ и люди безъ доспѣховъ.

(*л.* 110.) Тучко Ивановъ сынъ Радцовъ: дана была ему правда Переславская ждати, и правда дана въ откупъ, а лѣта 7060 четвертаго дано ему на подмогу для Казанскіе службы 10 рублевъ; помѣстья за нимъ по окладу на 400 четьи, вотчины не сыскано; по старому смотру въ Казани въ зимнемъ походѣ самъ въ доспѣсѣ да ч. безъ доспѣху; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годуетъ въ Казани; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ; и не додалъ съ земли людей всѣхъ; а по новому окладу дати было ему на его голову въ 23 статьѣ 8 рублевъ, и нынѣ ему давати по 2 рубля, а не додати ему 6 рублевъ, да на люди съ земли не дати 6-жъ рублевъ, и всего ему не додати 12 рублевъ.

(*л.* 111). Князь Иванъ княжъ Ондрѣевъ сынъ Лвовъ Зубатого: кормленье не сыскано; а лѣта 7064 дано ему на подмогу для Казанскіе службы 12 рублевъ; вотчины за нимъ не сыскано, а помѣстья 169 четьи съ осминою; по старому смотру въ Свіяжскомъ на году, самъ на конѣ въ доспѣсѣ да за нимъ ч.; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, годуетъ въ Казани. Лѣта 7060 четвертаго въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ князь Иванъ вотчины сказалъ 50 четьи, помѣстья не сказалъ; самъ на конѣ въ саадакѣ и въ саблѣ, людей его 3 ч. на конехъ въ саадацехъ и въ саблехъ; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; и не додалъ ч. въ доспѣсѣ; а по новому окладу дати ему въ 23 статьѣ 8 рублевъ, то ему и на люди.

(*л.* 112.) Князь Иванъ княжъ Васильевъ сынъ Вяземского Ѳѳонасьевъ: съѣхалъ съ Служня стану на Николинъ день осен-

ней 59, держалъ 2 году, а 64 году дано ему на подмогу для Казанскіе службы 13 рублевъ и 11 алтынъ съ денгою; велѣно за нимъ помѣстья учинити на пол-300 четьи и за нимъ на 170 четьи, а додати ему на 80 четьи: вотчины не сыскано; прежней людцкой смотръ не бывалъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ; а лѣта 7064 въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ князь Иванъ помѣстья за собою сказалъ на 130 четьи, вотчины не сказалъ; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, въ саадакѣ и въ саблѣ, людей его ч. на конѣ въ саадакѣ и въ саблѣ съ рогатиною, конь простъ; а по уложенью взяти съ него съ земли, какъ дадутъ ему помѣстье сполна, ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; и не додалъ съ земли людей ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати было ему на его голову въ 23 статьѣ 8 рублевъ; и нынѣ ему давати по 5 рублевъ, а не додати ему 3 рублевъ, да на люди съ земли не дати 3-же рублевъ, и всего ему не додати 6 рублевъ.

(*л.* 113.) Лобанъ Гостевъ сынъ Голчинъ: дано было ему Богаево ждати, и Богаево въ откупу, а лѣта 7064 дано ему на подмогу для Казанскіе службы 10 рублевъ; вотчины не сыскано, а помѣстья за нимъ на 208 четьи; прежняя людцкая дача не сыскана; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годуетъ въ Казани; а лѣта 7060 четвертаго въ Нижнемъ Новѣгородѣ помѣстья сказалъ за собою 170 четьи, вотчины не сказалъ; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его ч. на конѣ въ тегиляѣ, въ саадакѣ и въ саблѣ, да ч. на конѣ съ рогатиною; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ, и не додалъ на тегиляйного человѣка доспѣху; а по новому окладу дати ему на его голову въ 23 статьѣ 8 рублевъ, а не додати ему на ч. съ земли 2 рублевъ, потому что далъ ч. въ тегиляѣ, а не въ доспѣсѣ.

(*л.* 114.) Никита да Меншикъ Григорьевы дѣти Пелепелицына: Меншикъ съѣхалъ съ Толшмы и Стрѣлицы на Стрѣтеньевъ день 59, держалъ 2 году, а 60 четвертаго году дано имъ на подмогу для Казанскіе службы по 11 рублевъ и по 11 алтынъ съ денгою человѣку; вотчины за Микитою полполполтрети сохи, да у 5 у нихъ братовъ вопче полполполтрети, а помѣстья за Никитою 50 четьи, а за Меншикомъ вотчины полполполтрети сохи, да у 5 у нихъ братовъ вопче полполполтрети, а помѣстья за нимъ 50 четьи; прежней людцкой смотръ не сысканъ; а въ Серпуховѣ смотръ имъ не былъ, годуютъ въ Казани; лѣта 7060 четвертаго въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ сказалъ Никита помѣстья за собою 90 четьи, вотчи-

ны 30 четьи, а Меншикъ помѣстья сказалъ на 20 четьи, вотчины на 30 четьи, людей ихъ 4 ч., 2 ч. въ доспѣсехъ, а 2 ч. въ тегиляехъ и въ шеломѣхъ; и передали людей всѣхъ, а съ земли у нихъ людей взяти не съ чего; а по новому окладу дати имъ на ихъ головы въ 23 статьѣ по 8 рублевъ человѣку, да на передаточныхъ людей 18 рублевъ.

(*л.* 115.) Тулупъ Левонтьевъ сынъ Лаптевъ: дана была ему Вилядь ждати, и онъ не наѣзживалъ, и Вилядь въ откупу; 64 году дано ему на подмогу для Казанскіе службы 10 рублевъ; вотчины за нимъ треть сохи и полчетверти, а помѣстья не сыскано; а по старому смотру въ Свіяжскомъ на году самъ на конѣ въ доспѣсѣ, съ нимъ ч. на конѣ въ доспѣсѣ, 2 ч. пѣшихъ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, годуетъ въ казани; лѣта 7060 четвертаго въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ Тулупъ сказалъ вотчины на 100 четьи, а помѣстья не сказалъ; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, въ саадакѣ въ саблѣ, людей его ч. на конѣ въ доспѣсѣ, въ саадакѣ и въ саблѣ, да конь простъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; и не додалъ съ земли ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати было ему на его голову въ 23 статьѣ 8 рублевъ, и нынѣ ему давати по 7 рублевъ, а не додати ему рубля, да на люди съ земли не дати 5 рублевъ, и всего ему не дати 6 рублевъ.

(*л.* 116.) Иванъ Болшой Васильевъ сынъ Мясоѣдовъ: съѣхалъ съ Мещерки и съ Раменки на Петровъ день 63, держалъ отъ велика дни Петрова дни того жъ году, а съ того дни отдана въ откупъ; вотчины не сыскано; помѣстья на 300 четьи; по старому смотру людей его 5 ч., въ нихъ 2 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ 300 четьи; самъ о дву конь, въ доспѣсѣ и въ шапкѣ, да сверхъ доспѣха ферези бархатны, людей его 4 ч., въ нихъ 2 въ доспѣсехъ, 2 ч. въ тегиляехъ и въ шеломѣхъ и въ шапкахъ, о дву конь всѣ; а по уложенью взяти съ него съ земли 2 ч. въ доспѣсехъ, и передалъ 2 ч. въ тегиляехъ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 23 статьѣ 8 рублевъ, да на люди съ земли 4 рубли, да на передаточныхъ людей 8 рублевъ.

(*л.* 117.) Иванъ Меншой Петровъ сынъ Молвяниновъ: съѣхалъ съ Веретеи на Семень день 64, держалъ черезъ годъ, отъ крещенья Христова до Семеня дни, и съ Семеня дни 64 Веретея дана въ откупъ; помѣстья за нимъ 22 выти, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 2 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпухов-

скомъ смотрѣ самъ на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, да 2 ч. на конехъ въ доспѣсехъ, одинъ въ шеломѣ, а другой въ шапкѣ въ мѣдяной, да ч. на конѣ въ тегиляѣ, въ шапкѣ въ мѣдяной, да 2 коня просты, да 3 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; и передалъ ч. въ доспѣсѣ, а другого въ тегиляѣ; а не додалъ на передаточныхъ людей 2 шеломовъ, а по новому окладу дати ему на его голову въ 23 статьѣ 8 рублевъ, да на люди съ земли 2 рубля, да на передаточныхъ людей 7 рублевъ, а не додати ему за 2 шелома 2 рублевъ.

(*л.* 118.) 24 статья по 7 рублевъ.

Өедоръ Васильевъ сынъ Крюковъ Глѣбова Сорокоумовъ: наѣхалъ на яселничее Ноугородцкое на Благовѣщеньевъ день 64; помѣстья за нимъ 31 обжа съ получетвертью обжи, а вотчины за нимъ съ братьею полсохи; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 3 ч. въ тегиляехъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, былъ на яселничемъ въ Новѣгородѣ; а по уложенью взяти съ него съ земли 3 ч. въ доспѣсехъ; и не додалъ на 3-хъ ч. тегиляйныхъ доспѣховъ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 24 статьѣ 7 рублевъ, а на люди съ земли 6 рублевъ ему не дати.

(*л.* 119.) Иванъ Ондрѣевъ сынъ Совинъ: сьѣхалъ съ меншіе половины Задубровскіе слободы на происхоженіе честнаго креста 63, держалъ годъ; вотчины не сыскано, помѣстья за нимъ на 205 четьи; по старому смотру людей его 4 ч., въ нихъ 2 ч. въ доспѣсехъ, 2 ч. въ тегиляѣ, въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ 120 четьи; самъ на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, людей его 5 ч., изъ нихъ 4 ч. въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ, а пятой ч. въ тегиляѣ, въ шапкѣ въ желѣзной, у нихъ копье да рогатина, 2 коня простыхъ, 2 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; и передалъ 3 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 24 статьѣ 7 рублевъ, да на ч. съ земли 2 рубля, да на передаточныхъ людей 19 рублевъ, и всего ему и на люди съ земли и на передаточныхъ людей 28 рублевъ.

(*л.* 120.) 25 статья по 6 рублевъ.

Иванъ Ивановъ сынъ Кобылинъ Мокшѣевъ: сьѣхалъ съ Ладоги на середохрестье 62, держалъ годъ; помѣстья за нимъ 22

обжи съ полуобжею, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 4 ч., въ нихъ 2 въ доспѣсехъ, а 2 въ тегиляехъ; въ Серпуховѣ помѣстья сказалъ 22 обжи съ полуобжею; самъ на конѣ въ полномъ доспѣсѣ, вь юмшанѣ и въ шеломѣ и въ нару-чахъ и въ наколѣнкехъ о дву конь; людей его въ полкъ 4 ч., одинъ въ пансырѣ и въ шеломѣ о дву конь, 3 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, на 2 шеломы, а на третьемъ шапка мѣдяна, съ копьи, 3 ч. сь юки; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; и передалъ 3 человѣки въ тегиляехъ, а не додалъ шелома; а по новому окладу дати ему на его голову въ 25 статьѣ 6 рублевъ, да на человѣка съ земли 2 рубля, да на передаточныхъ людей 11 рублевъ, а не додати ему за шеломъ рубля.

(*л. 121*). Костя Васильевъ сынъ Телятева: сьѣхалъ съ Инобожа и съ Волги на Оспожинъ день 59, держалъ 2 году; вотчины не сыскано, помѣстья на 500 четьи; по старому смотру людей его въ Казани на году 6 ч. на конехъ въ доспѣсехъ да ч. на конѣ безъ доспѣху; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годовалъ въ Казани, а лѣта 7063 въ Казани Костя сказалъ помѣстья на 500 четьи, вотчины не сказалъ; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его 6 ч. на конехъ въ доспѣсехъ, 1 ч. на конѣ безъ доспѣху, конь простъ; а по уложенью взяти съ него съ земли 4 ч. въ доспѣсехъ; и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 25 статьѣ 6 рублевъ, да на люди съ земли 8 рублевъ, да на передаточныхъ людей 10 рублевъ, и всего ему и на люди съ земли и на передаточныхъ людей 24 рубли.

(*л. 122*). Русинъ Доронинъ сынъ Кочюровъ: наѣхалъ былъ на половину Нерехты на Николинъ день вешней 63, и съ Семеня дни 64 Нерехта дана въ откупъ, а пошлины съ Нерехты и кормовые денги съ бѣлыхъ сохъ взялъ на весь годъ; сьѣхалъ съ пошлинъ на Великъ день 64, держалъ годъ; вотчины не сыскано, а помѣстья за нимъ 102 чети; прежней людцкой смотръ не сысканъ; а лѣта 7060 четвертаго году дано ему на подмогу для Казанскіе службы 10 рублевъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, годуетъ въ Казани; а лѣта 7060 четвертаго въ Новѣгородѣ въ Нижнемъ Русинъ помѣстья сказалъ на 100 четьи, вотчины не сказалъ; самъ на конѣ въ доспѣсѣ, въ саадакѣ и въ саблѣ, людей его 2 ч. въ доспѣсехъ на конехъ, въ саадацехъ и въ сабляхъ, 3 ч. пѣшихъ въ саадацехъ и въ сабляхъ, изъ нихъ ч. съ пищалью; и по уложенью съ земли людей взяти не съ чего, и людей передалъ всѣхъ; а по ново-

му окладу дати ему на его голову въ 25 статьѣ 6 рублевъ да на передаточныхъ людей 10 рублевъ.

(*л.* 123 *об.*). Семенъ Васильевъ сынъ Неплюевъ: наѣхалъ былъ на Усть рѣку на Вербное Воскресенье 63, и Усть рѣка съ Покрова отдана въ откупъ; помѣстья за нимъ 18 обежъ, вотчины не сыскано; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 3 ч., въ нихъ 1 ч. въ доспѣсѣ, а 2 ч. въ тегиляехъ; а въ Серпуховскомъ смотрѣ Семенъ самъ на конѣ въ доспѣсѣ и въ шеломѣ, людей его 4 ч., 2 ч. на конехъ въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ съ копьи, а 2 ч. въ тегиляехъ, один въ шеломѣ на конѣ, а другой съ конемъ съ простымъ; помѣстья сказалъ за собою 20 обежъ; а по уложенью взяти съ него съ земли ч. въ доспѣсѣ; и передалъ ч. въ доспѣсѣ да 2. ч. въ тегиляехъ; а по новому окладу дати ему на его голову въ 25 статьѣ 6 рублевъ, да на ч. съ земли 2 рубля, да на передаточныхъ людей 12 рублевъ, а не додати ему рубля, потому что не додалъ на передаточного человѣка шелома.

11 статья по 50 рублевъ.

(*л.* 125). Василей Олександровъ сынъ Бѣлого: съѣхалъ съ Лузы на (*пробѣлъ*) лѣта 7000 (*пробѣлъ*) держалъ; вотчины за нимъ четверть сохи и полполполтрети сохи, помѣстья на 600 четвертей; и по уложенью взяти съ него 7 человѣкъ въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати на сго голову въ 11 статьѣ по 50 рублевъ, да на люди съ земли 15 рублевъ, и всего ему и на люди 65 рублевъ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, а по старому смотру людей его 5 ч. въ доспѣсехъ; и не додалъ 2 человѣкъ въ доспѣсехъ да человѣка въ тегиляѣ; и приведетца Василью дать на его голову и на люди 55 рублевъ, а не додати ему (*пробѣлъ*).

12 статья по 45 рублевъ.

(*л.* 126). Яковъ Ивановъ сынъ Кузмина: съѣхалъ съ Устюжны на Ильинъ день 60 третьяго, держалъ черезъ годъ отъ Велика дни до Ильина дни; помѣстья за нимъ 1184 четверти, вотчины нѣтъ; и по уложенью взяти съ него 11 человѣкъ въ доспѣсехъ; по старому смотру людей его 17 человѣкъ въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, годуетъ въ Казани. И лѣта 7060 четвертаго писалъ изъ Казани бояринъ и воевода князь Петръ Ивановичь Шуйской: билъ ему челомъ Яковъ Кузминъ, что въ Нижегородцкомъ смотренномъ списку прописанъ, и князь Петръ въ смотренномъ списку сыскалъ людей его 13 человѣкъ въ доспѣсехъ на конехъ,

и передалъ 2 человѣка въ доспѣсехъ; а по новому окладу на его голову въ 12 статьѣ по 45 рублевъ, да на люди съ земли 22 рубли, да на передаточныхъ людей 10 рублевъ, и всего ему и на люди 77 рублевъ.

(*л. 127*). Григорей Микитинъ сынъ Сукинъ: съѣхалъ съ Ямы на Рожество Ивана Предтечи лѣта 7060 третьяго, держалъ 2 года; вотчины за нимъ четверть сохи да въ спорномъ мѣстѣ полполполчети сохи, помѣстья 600 четвертей; и по уложенью взяти съ него 7 человѣкъ въ доспѣсехъ; по старому смотру людей его 15 человѣкъ въ доспѣсехъ; а въ Серпуховѣ людей его 20 человѣкъ въ доспѣсехъ, а шеломы не писаны; и передалъ 13 человѣкъ; а по новому окладу дати на его голову въ 12 статьѣ по 45 рублевъ, да на люди съ земли 14 рублевъ, да (на) передаточныхъ людей 65 рублевъ, и всего ему и на люди 124 рубли.

(*л. 128*). Михайло Ивановъ сынъ Семенова Колычова; съѣхалъ съ половины Ржевы Пустые на середокрестье великого поста 60 третьяго; дрьжалъ 2 года; вотчины за нимъ полполчетверти сохи и полполполтрети сохи; помѣстья на 700 четвертей; смотръ ему людцкой не бывалъ; а въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ же; а по уложенью взяти съ него съ земли 7 ч. въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати на его голову въ 12 статьѣ 45 рублевъ да на люди съ земли 14 рублевъ.

(*л. 129*). Иванъ Шапкинъ сынъ Рыбина: съѣхалъ съ Соли съ Болшіе на Николинъ день на осенней 60 третьяго, держалъ черезъ годъ отъ Сборного Воскресенія до Николина дни; вотчины за нимъ соха; помѣстья 503 четверти; и по уложенью взяти съ него 12 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, въ полону; а по Полскому смотру людей его 5 человѣкъ въ доспѣсехъ; и не додалъ 7 человѣкъ въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати на его голову въ 12 статьѣ 45 рублевъ да на люди съ земли 24 рубли, всего 69 рублевъ; и приведетца дати ему и на люди съ земли на 5 человѣкъ въ доспѣсехъ 41 рубль, а не додати ему на люди съ земли 28 рублевъ.

15 статья по 30 рублевъ.

(*л. 130*). Семенъ Ѳедоровъ сынъ Нащекинъ: съѣхалъ съ Копорьи на Благовѣщеньевъ день 60 третьяго, держалъ годъ; помѣстья за нимъ тритцать обежь, вотчины нѣтъ; и по уложенью взяти съ него 2 человѣка въ доспѣсехъ; людей его въ Казанскомъ походѣ 2 ч. въ доспѣсехъ, и далъ сполна; въ Серпуховѣ

смотръ не былъ; въ Нѣметцкомъ походѣ смотръ не сысканъ; а по новому окладу дати на его голову въ 15 статьѣ тритцать рублевъ да на люди на уложеные съ земли на 2 ч. въ доспѣсехъ четыре рубли, всего ему и на люди 34 рубли.

(*л. 131*). Князь Дмитрей княжъ Потуловъ сынъ Волконского; съѣхалъ съ Городня на Петровъ день 62, держалъ годъ; помѣстья за нимъ на 600 четвертей, вотчины нѣтъ; и по уложенью взяти съ него 5 человѣкъ въ доспѣсехъ; а на Михайловѣ городѣ людей его 4 человѣки, въ нихъ одинъ человѣкъ въ доспѣсѣ; и не додалъ на трехъ человѣкѣхъ доспѣховъ да ч. въ доспѣхѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 15 статьѣ 30 рублевъ да на люди съ земли 10 рублевъ, всего 40 рублевъ; и приведетца дати ему и на человѣка съ земли 20 рублевъ, а не додати ему на люди съ земли 20 рублевъ.

(*л. 132*). Князь Өедоръ княжъ Потуловъ сынъ Волконского: дана была ему Соль Болшая ждати, и онъ не наѣзживалъ, и Соль Болшая съ Семеня дни 60 четвертаго въ откупу; помѣстья за нимъ на 600 четьи, вотчины нѣтъ; и по уложенью взяти съ него 5 ч. въ доспѣсехъ; а по старому смотру людей его 3 человѣкы, въ нихъ одинъ человѣкъ въ доспѣсѣ; и не додалъ на 2 человѣка доспѣховъ да 2 человѣкъ въ доспѣсехъ; а въ Серпуховѣ князь Өедоръ далъ 5 человѣкъ, а доспѣхъ и тегиляи не писаны; а по новому окладу дати на его голову въ 15 статьѣ 30 рублевъ да на люди съ земли 10 рублевъ, всего 40 рублевъ; и приведетца дати ему и на люди 20 рублевъ, а не додати на люди съ земли 20 рублевъ,

(*л. 133*). Өедоръ Ивановъ сынъ Шубинъ: дана ему Черемха ждати; вотчины не сыскано, помѣстья за нимъ 150 четьи; и по уложенью взяти съ него человѣка въ тегиляѣ; а по новому окладу въ 15 статьѣ дати на его голову 30 рублевъ да на человѣка съ земли 2 рубли; въ Полскомъ походѣ людей его 3 ч., одинъ человѣкъ въ доспѣсѣ; и не додалъ человѣка въ тегиляѣ, а передалъ человѣка въ доспѣсѣ, и всего ему и на люди 33 рубли; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, въ полону.

(*л. 134*). Борисъ Ивановъ сынъ Хрушовъ: съѣхалъ съ двутретного ключа Рязанского на Рожество Христово 59, держалъ 2 года; вотчины за нимъ полполполтрети сохи, помѣстья на 400 четьи; и по уложенью взяти съ него 3 человѣки въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 15 статьѣ 30 рублевъ да на люди съ земли 7 рублевъ, и всего ему и

на люди 37 рублевъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, былъ въ полону; а въ Полскомъ походѣ самъ въ доспѣсѣ, людей его 3 человѣки, въ нихъ одинъ человѣкъ въ бехтерцѣ, а 2 человѣка въ тегиляехъ; не додалъ человѣка въ доспѣсѣ да на тегиляйного человѣка доспѣху; и приведетца дати ему 29 рублевъ, а не додати ему и на люди 8 рублевъ.

18 статья по 17 рублевъ.

(л. 135). Князь Михайло княжъ Өедоровъ сынъ Бахтеяровъ: вотчины за нимъ по старому писму полполполчети, помѣстья полсохи; и по уложенью взяти съ него 3 человѣки въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 6 рублевъ, и всего и на люди 23 рубли; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, былъ болѣнъ; а по старому смотру людей его 4 человѣки, въ нихъ одинъ человѣкъ въ тегилѣѣ; и не додалъ 2 человѣкъ въ доспѣсехъ да на тегиляйного человѣка доспѣху; и приведетца ему 13 рублевъ, а не додати ему и на люди съ земли 10 рублевъ.

(л. 135). Семенъ Өедоровъ сынъ Быковъ: наѣхалъ на Мушкову треть на Петровъ день 63, держалъ отъ Стрѣтеньева дни до Петрова дни; вотчины пол-сохи безъ полполчети и полполполтрети сохи; помѣстья велѣно учинити за нимъ на 400 четьи; и по уложенью взяти съ него 7 ч. въ доспѣсехъ; а въ Серпуховѣ Семенъ съ братомъ съ Осипомъ дали 7 человѣкъ въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ да 8 человѣкъ въ тегиляехъ и въ шапкахъ въ мѣдяныхъ, а 4 человѣки безъ доспѣховъ, 5 юковъ; и помѣчено на Семенову выть 3 ч. въ доспѣсехъ да 5 ч. въ тегиляехъ; и не додалъ на 4-хъ человѣкъ тегиляйныхъ доспѣховъ и шеломовъ, а передалъ человѣка въ тегилѣѣ безъ шелома; а по окладу дати на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 5 рублевъ, и всего ему и на люди 22 рубли, а не додати ему и на люди съ земли 13 рублевъ; а какъ дастъ доспѣхи и шеломы сполна, и тогды дать ему 35 рублевъ.

(л. 136). Князь Данило княжъ Юрьевъ сынъ Ситцкого Меншой: вотчины за нимъ 2 сохи; и по уложенью взяти съ него 15 человѣкъ въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ князь Данило далъ людей 8 ч. въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ да 4 человѣки въ тегиляехъ въ толстыхъ, на 3-хъ человѣкехъ шапкы желѣзные, а на человѣкѣ шапка мѣдяна, да 4 человѣки съ конми безъ доспѣховъ, 3 человѣки въ приволокахъ безъ шеломовъ, ведутъ аргамакъ да 2

коня, да княжей доспѣхъ; и не додалъ 3-хъ ч. въ доспѣсехъ, да на 4-хъ человѣкъ тегиляйныхъ доспѣховъ, да шелома; а по окладу дати на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 9 рублевъ, и всего ему и на люди 26 рублевъ, а не додати ему на люди съ земли да на людехъ за 4 доспѣхи 21 рубля, а какъ дастъ люди и доспѣхи сполна, и тогды дати ему 47 рублевъ.

(л. 137). Князь Иванъ княжъ Васильевъ сынъ Литвинова Мосалской: вотчины за нимъ въ Мосалску на его выть 660 четьи, помѣстья на 400 четьи; и по уложенью взяти съ него 9 человѣкъ въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 18 рублевъ, и всего ему и на люди 35 рублевъ; по старому смотру людей его 3 ч. въ доспѣсехъ да 2 ч. въ тегиляехъ; въ Серпуховѣ самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его 9 человѣкъ съ копьи и съ рогатинами, доспѣхъ не писалъ, 2 коня просты подъ сѣдлы, 3 ч. сь юкы; вотчины въ Мосалску 500 четьи, помѣстья 400 четьи; и не додалъ на люди доспѣховъ; и нынѣ князю Ивану и на люди не дать ничего.

(л. 138). Богданъ Ондрѣевъ сынъ Вешняковъ: данъ ему Островъ ждати, и съ Семеня дни 64 Островъ данъ въ откупъ; помѣстья за нимъ 20 вытей, вотчины не сыскано; и по уложенью взяти съ него ч. въ доспѣсѣ; въ Нѣметцкомъ походѣ 64 самъ въ доспѣсѣ, людей его 4 человѣки, 2 человѣка въ доспѣсехъ, 2 человѣка въ тигиляехъ, опричь кошевыхъ; а въ Серпуховѣ Богданъ самъ на конѣ въ пансырѣ и въ шеломѣ, людей его 2 человѣка на конехъ въ пансырехъ и въ шеломѣхъ съ копьи, 2 человѣка въ тегиляехъ, въ шапкахъ въ желѣзныхъ на конехъ, 2 коня просты; а по новому окладу дать на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ, да на ч. въ доспѣсѣ 2 рубля, да на передаточные люди на человѣка въ доспѣсѣ да на 2 человѣка въ тягиляехъ 13 рублевъ, и всего и на люди 32 рубля.

(л. 139). Степанъ Ондрѣевъ сынъ Вешняковъ: помѣстья за нимъ 20 вытей, вотчины не сыскано; и по уложенью взяти съ него человѣкъ въ доспѣсѣ; въ Нѣметцкомъ походѣ людей его 3 человѣки: одинъ въ доспѣсѣ, а 2 человѣка въ тегиляехъ, опричь кошевыхъ; а въ Серпуховѣ Степанъ самъ на конѣ въ пансырѣ и въ шеломѣ, людей его 2 человѣка въ пансырехъ и въ шапкахъ въ желѣзныхъ да человѣкъ въ тегиляѣ на конѣ съ копьемъ, 2 коня просты; и передалъ человѣка въ доспѣсѣ да человѣка въ тегиляѣ, а не додалъ на тигиляйного человѣка шелома; а по окладу

дати на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ, да за человѣка съ земли 2 рубли, да на передаточныхъ людей 8 рублевъ, и всего и на люди 27 рублевъ, а не додати ему за шеломъ рубля.

(л. 140). Илья Ивановъ сынъ Плещѣевъ: съѣхалъ съ половины съ Нерехты на *(пробѣлъ)* 59, держалъ два года; вотчины за нимъ треть сохи, помѣстья 114 четьи; и по уложенью взяти съ него 3 человѣки въ доспѣсѣхъ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ; а лѣта 7060 третьяго въ Казани самъ на конѣ въ доспѣсѣ, а людей его 4 человѣки на конехъ въ доспѣсехъ; и передалъ человѣка въ доспѣсѣ; а по окладу дати ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ, да на люди съ земли 6 рублевъ, да на передаточного человѣка 5 рублевъ, и всего ему и на люди 28 рублевъ.

(л. 141). Князь Семенъ княжъ Юрьевъ сынъ Меншого Ушатой: бралъ мѣхъ Коломенской 63 году; вотчины за нимъ 3 сохи съ третью и полполполтрети, помѣстья нѣтъ; и по уложенью взяти съ него 25 человѣкъ въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, былъ въ Казани на году, а въ Казани на году 63 самъ на конѣ въ доспѣсѣ, а людей его 6 человѣкъ въ доспѣсехъ на конехъ; и не додалъ 19 человѣкъ; а по окладу дати было ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 50 рублевъ, и всего ему и на люди 68 рублевъ, и нынѣ ему денегъ не дати.

(л. 142). Ондрѣй Ивановъ сынъ Сабуровъ: помѣстья за нимъ его выть треть 1784 четверти, а сошного писма 2 сохи съ третью, а вотчины не сыскано; по уложенью взяти съ него 16 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, былъ въ отсылкѣ; а въ Казани людей его 7 ч. въ доспѣсехъ, а въ Азторокани 29 человѣкъ въ доспѣсехъ; и приведетца дати 51 рубль; и по Казанскому смотру не додалъ 10 человѣкъ въ доспѣсехъ; а по окладу дати было ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 33 рубли, и всего ему и на люди 50 рублевъ; и приведетца давати ему 12 рублевъ, а не додати ему и на люди 38 рублевъ.

(л 143). Князь Иванъ княжъ Семеновъ сынъ Чермного Козловского: съѣхалъ съ Арбужевеси на Петрову чюдотворцову память 63, держалъ черезъ годъ отъ середокрестья чюдотворцовы памяти; вотчины не сыскано; помѣстья за нимъ на 300 четьи; и по уложенью взяти съ него 2 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ; а по старому смотру въ Свіяжскомъ на году самъ на конѣ въ доспѣсѣ, а за нимъ ч. на конѣ въ доспѣсѣ; и не до-

далъ человѣка въ доспѣсѣ; а по окладу дати ему на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 4 рубли, и всего ему и на люди 21 рубль; и приведетца дати ему 17 рублевъ, а на люди денегъ 4 рублевъ не дати.

(л. 144). Өедоръ Ондрѣевъ сынъ Волынского: съѣхалъ съ Вязмы на Великъ день 62, держалъ 2 года; вотчины за нимъ полполчети сохи, помѣстья 384 чети; и по уложенью взяти съ него 3 человѣки въ доспѣсехъ, ч. въ тегиляѣ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, годуетъ на Велижѣ; а людей его въ зимнемъ походѣ 60 третьяго году 2 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; и не додалъ ч. въ доспѣсѣ; а по окладу дати на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 3 рубли, и всего ему и на люди 20 рублевъ, а не додати ему 4 рублевъ.

(л. 145). Князь Иванъ Адашъ Барашовъ сынъ Звенигородцкой: съѣхалъ съ Мещеры на Великъ день 63, держалъ годъ, вотчины не сыскано; помѣстья за нимъ 203 чети; по старому смотру людей его 3 ч., одинъ ч. въ доспѣсѣ да 2 ч. въ тегиляехъ; а въ Серпуховѣ князь Иванъ самъ на конѣ въ доспѣсѣ и въ шапкѣ, людей его 3 ч. въ доспѣсехъ и въ шеломѣхъ, 4 ч. въ тегиляехъ, и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ да 4 ч. въ тегиляехъ, а не додалъ на нихъ 4 шеломовъ; а по новому окладу дати на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ, да на человѣка съ земли 2 рубля, да на передаточныхъ людей 22 рубли, и всего ему и на люди 41 рубль, а не додати ему за шеломы 4 рублевъ.

(л. 146). Иванъ Өедоровъ сынъ Воронова-Волынского: съѣхалъ съ половины Переславля на Филипово заговѣйно 63, держалъ годъ; вотчины не сыскано, помѣстья за нимъ на 374 чети; и по уложенью взяти съ него 3 ч. въ доспѣсехъ; по старому смотру людей его 7 ч. въ доспѣсехъ; а въ Серпуховѣ Иванъ самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его 3 ч. въ доспѣсехъ, 2 коня просты, 3 юкы; и далъ сполна; а по окладу дати на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 6 рублевъ, и всего ему и на люди 23 рубли.

(л. 147). Иванъ Поровотовъ сынъ Канчѣевъ: вотчины за нимъ съ матерью да съ братомъ сь его съ Тюменемъ треть сохи и полполчети, а помѣстья на 400 четьи; и по уложенью взяти съ съ него 5 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тягиляѣ; Серпуховской смотръ не сысканъ; а по старому смотру людей его 3 ч. безъ доспѣховъ; и не додалъ на 3 ч. доспѣховъ, да 2. ч. въ доспѣсехъ, да ч. въ

тегиляѣ; а по окладу дати было ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 11 рублевъ, и всего ему и на люди 28 рублевъ; и нынѣ денегъ не дати.

(л. 148). Уродко Өедоровъ сынъ Игнатьевъ *): бралъ мѣхъ Коломенской 62, вотчины не сыскано; помѣстья за нимъ на 300 четьи; и по уложенью взяти съ него 2 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, въ полону въ Крымѣ; а въ Полскомъ походѣ людей его 2 ч. въ доспѣсехъ; и далъ сполна; а по окладу дати ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 4 рубли, и всего ему и на люди 21 рубль.

(л. 148 обор.). Иванъ Кулневъ сынъ Михайлова: дано ему откупъ ключа Рязанского двутретного по 50 рублевъ на годъ; вотчины нѣтъ; помѣстья по Качаровскому окладу на 400 четьи; и по уложенью взяти съ него 3 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ не былъ, въ полону; а въ Полскомъ походѣ людей его 7 ч.: 4 ч. въ доспѣсехъ, 3 ч. въ тегиляехъ; и передалъ онъ ч. въ доспѣсѣ да 3 ч. въ тегиляехъ; а по окладу дати на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ, да на люди съ земли 6 рублевъ, да на передаточныхъ людей 17 рублевъ, и всего ему и на люди 40 рублевъ.

(л. 149). Григорей Шеметовъ сынъ Колтовского: вотчины и помѣстья не сыскано; по новому окладу на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ, а на люди дати, сыскавъ вотчина и помѣстье.

(л. 149 об. и 150). Иванъ Никитинъ сынъ Дубенского Болшой: сьѣхалъ съ Пенешки съ Малые на Ильинъ день 63, держалъ 2 года; вотчины за нимъ на его четвертой жеребей пол-2 чети сохи, а помѣстья по окладу велѣно за нимъ учинити на 400 четвертей; и Иванъ сказалъ помѣстья дано ему на 90 четьи, а вотчины сказалъ въ Бежетцкомъ Верху 150 четьи да на Коломнѣ 50 четьи, а 310 четьи помѣстья ему не дано; и по уложенью взяти съ него ч. въ доспѣсѣ; въ Серпуховѣ самъ Иванъ на конѣ въ доспѣсѣ съ копьемъ, людей его 4 ч., въ нихъ 2 ч. въ доспѣсехъ, а на обоихъ шапки мѣдяны, да 2 ч. въ тегиляехъ безъ шапокъ, да 6 коневъ простыхъ, 3 ч. съ юки; и не додалъ 2 ч. въ доспѣсехъ да на 2 ч. тегиляйныхъ доспѣховъ, да 4 шеломовъ; а по окладу дати было ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 12 рублевъ, и всего ему и на люди 19 рублевъ; и приведетца дати ему 11 рублевъ, а не додати ему 18 рублевъ.

---

*) *Надъ этою строкою въ подл. написано:* умре.

(л. 150 об. и 151). Ондрѣй *) Даниловы дѣти Кикина: за Ондрѣемъ было Закубежье, възъѣхалъ на Покровъ 63, держалъ до Ильина дни до того же году; а за Иваномъ кормленье не бывало, вотчины за ними нѣтъ, помѣстья явлено имъ по 500 четьи, а дано имъ по пол-300 четьи; и по уложенью взяти съ них по ч. въ доспѣсехъ да по ч. въ тегиляехъ, всего 4 ч.; Ондрѣевыхъ людей хъ Казани 3 ч. въ доспѣсехъ, а къ Азторохани 9 ч., в нихъ 4 ч. въ доспѣсехъ; а Ивановыхъ людей въ Полскомъ походѣ 4 ч. въ доспѣсехъ, а къ Азторохани людей его 8 человѣкъ, в нихъ 3 ч. въ доспѣсехъ, 5 ч. на кормовомъ; а въ Серпуховѣ Ондрѣй на конѣ въ доспѣсѣ съ копьемъ, да за нимъ 3 ч. о дву конь съ копьи, а въ кошу 3 ч.; и Ондрѣй не додалъ на люди доспѣху да тегиляя, а Иванъ передалъ 3 ч. въ доспѣсехъ, а не додалъ человѣка въ тегилѣ.

(л. 152). Сава Ивановъ сынъ Наумовъ: съѣхалъ съ правды съ Вологотцкые на Ильинъ день 50 девятого, держалъ черезъ годъ отъ Дмитреева дни до Ильина дни; вотчины за нимъ полполтрети сохи, помѣстья на четыреста четвертей; и по уложенью взяти съ него три ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегилѣ; а въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, потому: староста губной; а по старой дачѣ людей его въ Полскомъ походѣ четыре ч., три человѣки въ доспѣсехъ, ч. въ тегилѣ, и далъ сполна; а по окладу дати ему въ 18 статьѣ семнатцать рублевъ да на люди съ земли семь рублевъ, и всего ему и на люди двадцать четыре рубли.

(л. 153). Степанъ Дмитреевъ сынъ Оксаковъ: дана была ему Дуброва ждати, и Дуброва съ Семеня дни 64 дана въ откупъ; вотчины за нимъ съ братомъ его съ Ѳедоромъ въ Московскомъ уѣздѣ полполтрети сохи, помѣстья за нимъ 26 обежъ; и по уложенью взяти съ него 2 ч. въ доспѣсехъ; въ Нѣметцкомъ походѣ самъ на конѣ въ доспѣсѣ, людей его 2 человѣка въ доспѣсехъ, опричь кошевыхъ, а на Клѣткахъ Степанъ самъ на конѣ въ доспѣхѣ и въ шеломѣ, людей его 6 ч.: одинъ человѣкъ въ доспѣхѣ и въ шеломѣ на конѣ съ копьемъ, другой ч. въ тегилѣ и въ шеломѣ на конѣ съ копьемъ, а третей ч. въ тегилѣ безъ шелома, 3 ч. въ саадацехъ и въ сабляхъ, 2 коня просты; и передалъ человѣка въ тегилѣ, а не додалъ на тегиляйного человѣка доспѣху да шелома; а по

---

*) *Послѣ* Ондрѣй *въ подл. было написано* да Иванъ, *но имя это зачеркнуто, а на верху отмѣчено:* у Пути(в)ла.

окладу дати ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ, да на люди съ земли 4 рубли, да на передаточного человѣка рубль, и всего ему и на люди 22 рубля, а не додати ему за доспѣхъ да за шеломъ 3-хъ рублевъ.

(л. 154). Мамай Өедоровъ сынъ Хлыстовъ: кормленья за нимъ не бывало; помѣстья велѣно ему (учинити) на 400 четьи; и по уложенью взяти съ него 3 ч. въ доспѣсехъ; и Мамай въ Колугѣ самъ на конѣ въ пансырѣ и въ шапкѣ въ желѣзной, людей его вопче съ братомъ его 10 человѣкъ о дву конь, въ нихъ 2 ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ, одинъ съ копьемъ, а другой съ рогатиною; а Полской людцкой смотръ не сысканъ; и не додалъ 2 ч. въ доспѣсехъ да на тегиляйного человѣка доспѣху и шелома; а по окладу дати было ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 6 рублевъ, и всего и съ людми 23 рубли; и приведетца дати ему 11 рублевъ, а не додати ему и на люди 12 рублевъ.

(л. 155). Иванъ Молчановъ сынъ Голохвастова: дано было ему Водлоозеро, а наѣхати было на Покровъ 64, и Водлоозеро въ откупу; вотчины за нимъ не сыскано; помѣстья по окладу на 500 четьи; по уложенью взяти съ него 4 ч. въ доспѣсехъ; людей его въ Полскомъ походѣ 4 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; а въ Серпуховѣ Иванъ далъ память, самъ на аргамакѣ, въ доспѣхѣ и въ шеломѣ, да 5 ч. безъ доспѣховъ съ копьи и съ рогатинами, на верхъ тегиляи безъ шеломовъ, 2 коня просты, 2 ч. сь юкы да за юкы ч.; и не додалъ на людей доспѣховъ; а по окладу дати было ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 8 рублевъ, и всего ему и съ людми 25 рублевъ; и приведетца дати ему 9 рублевъ, а не додати ему 16 рублевъ.

(л. 156). Иванъ Ондрѣевъ сынъ Кикина: съѣхалъ съ Ухты и съ Карашалги на Николинъ день осеньней 64, держалъ отъ Вербного Воскресенія 63, дана въ откупъ; помѣстья за нимъ по окладу на 500 четьи, а вотчины за собою не сказалъ; и по уложенью взяти съ него 4 ч. въ доспѣсехъ; къ Азтарохани людей его съ братомъ его съ Измарахтомъ 20 ч., въ нихъ 10 ч. въ доспѣсехъ, 3 ч. въ тигиляехъ, на кормовомъ 14 ч.; а Полская дача людцкая не писана, потому что былъ въ тѣ поры на жалованьѣ; а въ Серпуховѣ Иванъ о дву конь, въ доспѣсехъ и въ наручехъ, и въ шеломѣхъ, и въ саадацехъ, и въ сабляхъ съ копьи, 3 человѣки въ кошу; и по уложенью далъ люди сполна; а по окладу дати ему въ

18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 8 рублевъ, и всего ему и на люди 25 рублевъ.

(л. 157). Истома Терентьевъ сынъ Осорьина: съѣхалъ съ Карачива на Покровъ святѣй Богородици 60 третьяго, держалъ годъ; помѣстья за нимъ на четыреста четвертей, вотчины на восмьдесятъ четвертей; и по уложенью взяти съ него четыре человѣки въ доспѣсехъ; по старому смотру на году людей его два ч. въ доспѣсехъ да человѣкъ въ тегиляѣ; а въ Серпуховѣ Истома самъ на конѣ въ доспѣхѣ и въ шеломѣ, людей ето шесть человѣкъ, въ нихъ три человѣки въ доспѣсехъ да три ч. въ тегиляехъ въ толстыхъ и въ шеломѣхъ, и въ шапкахъ, на конехъ, четыре шапкы мѣдяные, четыре человѣки съ конми съ простыми, три человѣки сь юкы; и не додалъ Истома на тегиляйного человѣка доспѣху да дву шеломовъ, а передалъ три человѣки въ тегиляехъ безъ шеломовъ; а по новому окладу дати ему въ 18 статьѣ семнатцать рублевъ, да на люди съ земли восмь рублевъ, да на передаточныхъ людей рубль, и всего ему и съ людми дватцать шесть рублевъ, а не додати ему семи рублевъ.

(л. 158). Кушникъ Григорьевъ сынъ Верхъдеревского: данъ былъ ему мѣхъ Коломенской, а брати 60 первей годъ, и онъ не бралъ; вотчины за нимъ не сыскано, а помѣстья на 250 четьи; а по уложенью взяти съ него ч. въ доспѣхѣ да ч. въ тегиляѣ въ толстомъ; а по старой дачѣ людей его 2 ч. безъ доспѣху; а въ Пронску Кушнику смотръ не сысканъ; и не додалъ съ земли на ч. доспѣху да на ч. тегиляя; а по окладу дати было ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 3 рубли, и всего ему и на люди 20 рублевъ; и приведетца дати ему 14 рублевъ, а не додати ему и на люди 6 рублевъ.

(л. 159). Игнатей да Тихонъ Дмитревы дѣти Олехновы Белеутовы: вотчины за Игнатьемъ полполтрети, да помѣстья его выти 224 чети, а Тихану было наѣхати на Берендѣево на Петрово заговѣйно 64, и Берендѣево дано въ откупъ; помѣстья за Тиханомъ на 224 четіи; и по уложенью взяти у Игнатья 2 ч. въ доспѣсехъ, а у Тихона ч. въ доспѣсѣ да ч. въ тегиляѣ; смотръ не сысканъ; а по новому окладу на ихъ головы въ 18 статьѣ по 17 рублевъ да на люди съ земли 7 рублевъ, и всего ему и на люди 41 рубль.

(л. 160). Ѳедка Пучекъ Петровъ сынъ Молвяниновъ: дано было ему поворотное Московское брати 65 году; помѣстья за нимъ на 300 четьи; и по уложенью взяти съ него 2 ч. въ доспѣсехъ.

людей его на году въ Казани 64 году ч. на конѣ безъ доспѣху съ конемъ съ простымъ, самъ на конѣ въ доспѣхѣ; помѣстья за собою сказалъ дано ему всего на 90 четьи; и не додалъ 2 ч. въ доспѣсехъ; а по окладу дати было ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 4 рубли, и всего ему и на люди 21 рубль; и приведетца дати ему 13 рублевъ, а не додати ему и на люди 8 рублевъ.

(л. 161). Григорей Левонтьевъ сынъ Онисимовъ: сьѣхалъ съ Усть рѣкы на Вербное Воскресеніе 62, держалъ годъ; вотчины за нимъ въ Московскомъ уѣздѣ полполтрети и полполчети сохи; помѣстья за нимъ 34 обежи; по уложенью взяти съ него 3 ч. въ доспѣсехъ, да ч. въ тегиляѣ; въ зимнемъ походѣ 63 самъ въ доспѣхѣ на конѣ, людей его 5 ч., въ нихъ 3 ч. въ доспѣсехъ, 2 ч. въ тегиляехъ; а на Клѣткахъ Григорей на конѣ въ полномъ доспѣхѣ, 3 ч. на конехъ въ пансырехъ и въ шеломѣхъ съ копьи и съ рогатинами, четвертой ч. въ бехтерцѣ и съ наручи на конѣ, а на пятомъ приволока бархатна, на меринѣ, 2 коня просты, 2 ч. въ кошу; и передалъ ч. въ бехтерцѣ безъ шелома, а не додалъ ч. въ тегиляѣ; а по окладу дати ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ, да на люди съ земли 6 рублевъ, да на передаточного человѣка рубль, и всего ему и на люди 25 рублевъ, а не додати ему 3-хъ рублевъ.

(л. 162). Князь Иванъ княжъ Ивановъ сынъ Козловского Ромодановского: данъ былъ ему Вышегородъ, а наѣхати было ему на Семенъ день 64, и Вышегородъ въ откупу; вотчины за нимъ 2 сохи безъ полполтрети и полполполчети; помѣстья за нимъ по книгамъ не сыскано; и по уложенью взяти съ него 14 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; въ Свіяжскомъ городѣ на году людей его 7 ч. конныхъ, 3 ч. пѣшихъ; а на усть Поротвы князь Иванъ на конѣ въ доспѣхѣ и въ шеломѣ, людей его 9 ч., въ нихъ 2 ч. въ пансырехъ и въ сабляхъ съ копьи, 4 кони просты, 4 ч. сь юкы, ч. въ кошу; и не додалъ 12 ч. въ доспѣсехъ да человѣка въ тегиляѣ, да 2 шеломовъ; а по окладу дати было ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 29 рублевъ, и всего ему и на люди 46 рублевъ.

(л. 163). Гаврило Ивановъ сынъ Колычовъ: бралъ мѣхъ Володимерской 62 году; вотчины за нимъ въ Московскомъ уѣздѣ полполполчети да въ Новѣгородѣ 139 обежъ безъ трети обежи; и по уложенью взяти съ него съ вотчины и съ братнею вотчиною и съ помѣстья съ братнею жъ вытью 13 ч. въ доспѣсехъ; по старому

смотру людей его 10 ч. въ доспѣсехъ, а въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, былъ въ высылкѣ, и по старому не додалъ 3 ч. въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 4 рубли, и всего ему и на люди 31 рубль, а не додати ему на люди съ земли 12 рублевъ.

(л. 164). *) Иванъ Дмитреевъ сынъ Полевановъ: кормленье за нимъ не бывало; вотчины за нимъ отца его полполчети и полполполчети, да помѣстья на 250 четьи; по уложенью съ земли взяти съ него 2 ч. въ доспѣсехъ; а по новому окладу дати на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ, да на люди съ земли 4 рубли, и всего ему и на люди дати 21 рубль; а въ Серпуховѣ смотръ не былъ, былъ въ полону; а Полской смотръ сыскати.

(л. 165). Олеша Злобинъ сынъ Чеглоковъ; беретъ мѣхъ Ноугородцкой съ Велика дни 64; вотчины за нимъ не сыскано, а помѣстья за нимъ 29 вытей съ полувытью; и по уложенью взяти съ него 2 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, беретъ мѣхъ *(пробѣлъ)*; въ Нѣметцкомъ походѣ Олеша самъ на конѣ въ доспѣхѣ, людей его 4 ч., въ нихъ 2 ч. въ доспѣсехъ, ч. въ тегиляѣ; и передалъ ч. въ тегиляѣ; а по окладу дати Олешѣ въ 18 статьѣ 17 рублевъ, да на люди съ земли 4 рубли, да на передаточного ч. 4 рубли, и всего ему и на люди 25 рублевъ.

(л. 166). Өедоръ Степановъ сынъ Давыдова Ульянинъ: бралъ въ Кашинѣ бражное 63; вотчины за нимъ на 20 четьи, помѣстья за нимъ по окладу на 500 четьи; по уложенью взяти съ него 4 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ Өедоръ самъ на конѣ въ доспѣхѣ, 3 ч. на конехъ, въ тегиляехъ, въ саадацехъ, 2 ч. въ кошу; и не додалъ на 3-хъ ч. тегиляйныхъ доспѣховъ да человѣка въ доспѣхѣ; а по окладу дати ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 8 рублевъ, и всего ему и на люди 25 рублевъ; и приведетца дати ему 15 рублевъ, а не додати ему на ч. 10 рублевъ.

(л. 167). Иванъ Юрьевъ сынъ Филиповъ Наумовъ: емлетъ откупъ съ ключа съ трети Рязанские на Болшомъ Дворцѣ; помѣстья за нимъ по окладу 300 четьи, вотчина не сыскана; и по уложенью взяти съ него 2 ч. въ доспѣсехъ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ; а въ Полскомъ смотрѣ людей его 3 ч., въ нихъ одинъ ч. въ доспѣсѣ; и не додалъ на ч. доспѣху; а по окладу дати ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ, а не додати ему на люди 4-хъ рублевъ.

---

*) *Написанное на 164 листѣ въ подл. зачеркнуто.*

(л. 168). Ондрѣй да Григорей Третьяковы *) дѣти Губина: Ондрѣю данъ былъ Орловъ на Вяткѣ, а наѣхати было ему 62, и онъ о наѣздѣ не билъ челомъ; а Григорью данъ былъ Котелничь на Вяткѣ, а наѣхати было ему на Ильинъ день 65; вотчины за ними по 60 четьи, а помѣстья по 450 четьи; и по уложенью взяти съ нихъ по 4 ч. въ доспѣсехъ; въ Полскомъ походѣ Ондрѣевыхъ и Григорьевыхъ людей 8 ч. въ доспѣсехъ да 4 ч. въ тегиляехъ, а въ Серпуховѣ Ондрѣй и Григорей сами на конехъ въ доспѣсехъ да 4 кони просты, да въ полкъ за ними 8 ч. съ копьи, да 4 ч. сь юки; и не додали на всѣхъ людей доспѣховъ; а по окладу дати было имъ въ 18 статьѣ 17 рублевъ человѣку да на люди съ земли 16 рублевъ, и всего имъ и съ людми 50 рублевъ; и приведетца дати имъ 18 рублевъ, а не додати имъ и на люди 32 рубля.

(л. 169). Василей Григорьевъ сынъ Яхонтовъ: бралъ мѣхъ Тверской 63; помѣстья за нимъ его выти на 567 четьи съ третникомъ, вотчины не сыскано; по уложенью взяти съ него 4 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; по старой дачѣ людей его 4 ч. въ доспѣсехъ да 2 ч. безъ доспѣховъ; а въ Серпуховѣ Василей на конѣ въ доспѣхѣ, 3 ч. въ доспѣсехъ, аргамакъ да конь простъ, 3 ч. въ кошу; и не додалъ на ч. доспѣху да человѣка въ тегиляѣ; а по окладу дати ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ, да на люди съ земли 5 рублевъ, и всего ему и на люди 22 рубли, а не додати ему 6 рублевъ.

(л. 170). Сеитъ Истоминъ сынъ Сухотинъ: бралъ поворотное Московское 64 съ Семеня дни; помѣстья за нимъ на 400 четьи; по уложенью взяти съ него 3 ч. въ доспѣсехъ, а по новому окладу дати на его голову въ 18 статьѣ по 17 рублевъ, да на люди съ земли 6 рублевъ, и всего ему и на люди 23 рубли; смотръ не сысканъ.

(л. 171). Ондрѣй Григорьевъ сынъ Тарбѣева: дано было ему бобровое въ Колузѣ 63; вотчины за нимъ 63 чети, помѣстья по окладу на 400 четьи; и по уложенью взяти съ него 3 человѣки въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, въ полону въ Крымѣ; а въ Полскомъ походѣ самъ въ доспѣхѣ, аргамакъ на поводѣ, людей его 6 ч., въ нихъ 5 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; и передалъ 2 ч. въ доспѣсехъ; а по окладу дати ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ, да на люди съ земли 7 рублевъ, да на

*) *Слова* да Григорей *въ подл. зачеркнуты и на верху отмѣчено:* умре.

передаточныхъ людей 10 рублевъ, и всего ему и на люди дати 34 рубли.

(*л. 172*). Семенъ Булгаковъ сынъ Кирѣевъ: дано было ему изъ Московского поворотного 50 рублевъ, а взяти было ему лѣта 7066; помѣстья и вотчина не написана; на Михайловѣ городѣ смотрѣнья князя Өедора Татева самъ Семенъ о дву конь въ пансырѣ и въ шеломѣ съ копьемъ, людей его 3 ч. о дву конь, въ нихъ 2 ч. въ пансырехъ и въ шапкахъ въ желѣзныхъ да ч. на конѣ съ рогатиною, да 2 ч. сь юкы; а по окладу дати ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ, а на люди дати по уложенью, сыскавъ вотчина и помѣстье.

(*л. 173*). Иванъ Өедоровъ сынъ Дувановъ Казначѣевъ: вотчины за нимъ пол-чети сохи, помѣстья на 250 четьи; и по уложенью взяти съ него 2 ч. въ доспѣсехъ да ч. въ тегиляѣ; а по новому окладу дати на его голову въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 5 рублевъ, и всего ему и на люди 22 рубля; въ Серпуховѣ смотръ ему не былъ, въ полону въ Крымѣ, а Полской смотръ не сысканъ.

(*л. 174*). Мамлѣй Юрьевъ сынъ Чавкинъ: сьѣхалъ съ правды съ Коестромские на Благовѣщеньевъ день 63, держалъ годъ; вотчины не сыскано, помѣстья за нимъ на 500 четьи; и по уложенью взяти съ него 4 ч. въ доспѣсехъ; по старому смотру людей его 4 ч. безъ доспѣховъ; въ Серпуховѣ самъ на конѣ безъ доспѣху да конь простъ, людей его 3 ч. на конехъ да человѣкъ на升 меринѣ, всѣ безъ доспѣховъ, да юкъ, да 2 лошади ючныхъ, да человѣкъ на меринѣ юкъ ведетъ; а по окладу дати было ему въ 18 статьѣ 17 рублевъ да на люди съ земли 8 рублевъ, и всего было дати ему и на люди 25 рублевъ, и нынѣ ему денегъ не дати.

ПРИМѢЧАНІЯ КНЯЗЯ М. А. ОБОЛЕНСКАГО.

1) Боярская книга, здѣсь напечатанная, издана въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ хранится въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Текстъ ея, заключающій въ себѣ 13 статей, отъ 11-й до 25 включительно, неполонъ, и самыя статьи и листы при переплетеніи книги перемѣшаны: именно, статей 13 и 14-й вовсе недостаетъ, статьи 11, 12 и 15-я слѣдуютъ за 25-ю; за 15-ю статьею, въ самомъ концѣ книги, помѣщена ст. 18-я въ другой разъ; листъ 42-й вплетенъ между 36 и 37-мъ л.; два листа сряду обозначены одною и тою же цифрою: 135. Рукопись писана современною скорописью, въ 4-ку, на бумагѣ, на 174 листахъ.

2) Въ поясненіе повода къ изданію боярской книги 1556 г., считаемъ неизлишнимъ указать здѣсь на слѣдующее мѣсто Никоновской лѣтописи (изд. въ 1791 г. Императорскою Академіею Наукъ, т. VII, стр. 261):

«По семъ же государь сия расмотри: которые велможи и всякие воини многими землями завладѣли службою оскудѣша, не противъ государева жалования и своихъ вотчинъ служба ихъ, государь же имъ уровнение въ помѣстьяхъ землемѣриемъ учиниша, комуждо что достоино такъ устроиша, преизлишкижъ раздѣлиша неимущимъ; а съ вотчинъ и съ помѣстья уложенную службу учиниша, со ста четвертей добрые угожіе земли человѣкъ на конѣ и въ доспѣсѣ въ полномъ, а въ дальней походъ о дву конь; и хто послужитъ по земли, и государь ихъ жалуетъ своимъ жалованиемъ, кормлениемъ, и на уложеные люди даетъ денежное жалование; а хто землю держитъ, а службы съ неѣ не платитъ, и на тѣхъ же самѣхъ имати денги за люди; а хто даетъ въ службу люди лишние передъ землею черезъ уложенные люди, и тѣмъ отъ государя болшое жалованіе самимъ, а людемъ передъ уложенными въ полтретия давати денгами; и все государь строяше какъ бы строеніе воинству, и служба бы государская безо лжи была и безъ грѣха, въ правду, и подлинные тому розряды у государскихъ чиноначальниковъ у приказныхъ людей».

I. УКАЗАТЕЛЬ ФАМИЛИЙ.

Прямыя цифры означаютъ годъ отъ С. М., курсивныя — листы подлинника.

II. УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ.

*) Цифры означаютъ листы подлинника.

III. УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВЪ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ

для

СЛОВАРЯ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКАГО

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ и ТЕХНИЧЕСКИХЪ ТЕРМИНОВЪ,

встрѣчающихся

ВЪ ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ.

I.

АЗБУКИ-ПРОПИСИ.

—

(Выписки изъ рукописныхъ азбукъ и прописей конца XVII-го и начала XVIII вѣка.)

Не смотря на то, что рукописныя Азбуки въ курсѣ «книжнаго ученія» нашихъ предковъ XVII вѣка занимали тоже первоначальное мѣсто, какое занимаютъ Прописи въ настоящее время, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что ихъ значеніе было несравненно полнѣе и самое вліяніе ихъ на развитіе понятій и убѣжденій учащихся гораздо плодотворнѣе, чѣмъ значеніе и вліяніе этихъ послѣднихъ. Начать съ того, что азбуки и прописи, намъ современныя, суть ни что иное, какъ *образцы чистописанія*, и съ этою цѣлью онѣ литографируются во множествѣ экземпляровъ, вполнѣ между собою сходныхъ. Вовторыхъ, согласно съ этою цѣлью, всѣ новѣйшія прописи, хотя и разныхъ изданій, подходятъ подъ одинъ общій имъ типъ: первые листки ихъ представляютъ отдѣльныя буквы, крупнаго и мелкаго шрифта; за ними слѣдуютъ буквы, писанныя въ связи, и наконецъ нѣсколько страницъ заняты цѣлыми періодами, взятыми большею частію изъ курса географіи, изъ историческихъ анекдотовъ, и т. под. Азбуки и прописи XVII и начала XVIII вѣка были напротивъ того рукописныя, и потому чрезвычайно разнообразны, не столько впрочемъ по формамъ буквъ, сколько по содержанію примѣровъ для письма, состоявшихъ изъ такъ назы-

ваемыхъ *апоѳегмъ*. Въ этотъ отношеніи онѣ были для современниковъ ни что иное, какъ маленькія энциклопедіи или учебники «житейской мудрости», въ коихъ предлагались главнымъ образомъ разнаго рода наставленія, совѣты и правила, относящіеся къ вѣрѣ и нравственности, но рядомъ съ ними также выдержки изъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, кое-какія свѣдѣнія изъ древней исторіи, формы актовъ, наиболѣе употребительныхъ въ практической жизни и собранія замысловатыхъ загадокъ. Всѣ эти «учительные пописи», какъ назывались въ подлинникахъ отрывочные примѣры или образцы «скорописнаго писма», были такъ сказать пересыпаны общими мѣстами о важности книжнаго ученія и о получаемой оттого пользѣ. Подобныя свѣдѣнія и соединенныя съ ними наставленія имѣли тѣмъ бо́льшее значеніе для учениковъ, что и все послѣдующее ученіе не выводило ихъ изъ круга понятій, съ коими они знакомились въ азбукахъ и прописяхъ. Предметы познанія оставались все тѣже, такъ что даже старцу, посвятившему всю жизнь книжному ученію, приходилось съ сердечнымъ убѣжденіемъ повторять тѣ же истины, которыя онъ вынесъ изъ первой школы въ лѣта ранней его молодости. Съ этой точки намъ кажется не безполезнымъ познакомить читателей съ древними Русскими азбуками и прописями, имѣя въ виду нѣсколько экземпляровъ ихъ, дошедшихъ до насъ изъ разныхъ рукъ. Смотря на нихъ какъ на краткія энциклопедіи для современниковъ, мы ближе узнаемъ то, что́ изъ книжной мудрости особенно занимало послѣднихъ, а съ другой стороны, какія были ихъ понятія объ этихъ интересовавшихъ ихъ предметахъ. Хотя всѣ рукописи, которыми мы пользуемся въ настоящемъ случаѣ, относятся исключительно къ концу XVII и началу XVIII столѣтія, но каждая изъ нихъ, какъ мы сказали выше, имѣетъ свои особенности, заслуживающія также вниманіе.

Одна изъ азбукъ [1]), названная въ заглавіи *скорописной*, начинается слѣдующими стихами, указывающими на букварь какъ на источникъ, откуда она заимствована составителемъ, и прославляющими высокое значеніе книжнаго ученія:

---

1) Она писана столбцемъ, на одиннадцати склеенныхъ вмѣстѣ листкахъ, вѣроятно въ 1707 году, который выставленъ въ одномъ изъ примѣровъ прописей, слѣдующихъ въ той же рукописи за азбукой. Принадлежитъ А. С. Никитину.

Зри *сія малая таблица,*
По [2]) *реченному Алфавитица,*
Написана къ прозрѣнію разуму,
Выписано изъ книги букварю,
Вамъ младымъ дѣтемъ къ наученію.
Ты же, благоумное отроча, сему внимай
И отъ нижнія степени воступай,
И не лестнѣ [3]) и не нерадиве всегда учися,
И отца своего въ наказаніи блюдися,
И паки не сопротивляйся въ добромъ ни въ чемъ,
Паипаче преклоняй ему выю свою во всемъ,
И вси воздивятся твоему смиренію,
И тако научишися мудростному писанію,
И тако достигнеши мудрыхъ мужей совѣта
И будеши истинный сынъ свѣта,
Паче же сего словесней нашей души.
Ты же, младый отроча, крѣпко сему внуши:
Къ мягкому воску чисто печать воображается,
Такожде и ученіе во младости вкореняется.
Сего ради ученію прилежи
И всякіе дѣтскіе фигуры отложи —
Аще научиши себѣ во младости,
То будетъ покой и честь во старости,
И тако хвалимъ будеши отъ всѣхъ
И да будетъ [4]) словеса твоя аки медъ во устѣхъ,
И Творца своего и Бога воспрославиши
И душу свою честну предпоставиши.

Азбука въ собственномъ смыслѣ или начертаніе буквъ въ принятомъ обыкновенно (алфавитномъ) порядкѣ состоитъ изъ отдѣльныхъ фигуръ, изображающихъ эти буквы въ различныхъ видахъ, именно: въ видѣ заставокъ, состоящихъ изъ такихъ фигуръ, въ коихъ каждая черта буквы проведена вдвойнѣ или болѣе, съ изображеніемъ въ промежуткахъ между чертами листьевъ и съ разными вокругъ украшеніями; такія буквы ставились обыкновенно въ началѣ рукописи или каждой отдѣльной статьи ея и главы, а также въ началѣ акта, писаннаго столбцемъ; далѣе въ видѣ боль-

---

2) Слова̀, напечатанныя курсивомъ, въ подлинникѣ писаны киноварью; но предлога «по» недостаетъ, хотя оставлено для него мѣсто: писецъ, очевидно, хотѣлъ написать его послѣ обыкновенными чернилами, какъ написано и слово «зри».

3) Такъ въ подл. Не должно ли читать: не лѣностне?

4) Такъ въ подл. вмѣсто: будутъ.

шихъ или прописныхъ буквъ, и наконецъ въ видѣ буквъ малыхъ или простыхъ. Каждый изъ этихъ видовъ буквъ имѣетъ нѣсколько различныхъ начертаній, впрочемъ довольно близко подходящихъ другъ къ другу. Такое изображеніе буквъ, составляющихъ церковно-славянскій алфавитъ, есть необходимое условіе каждой азбуки, или, лучше сказать, ея принадлежность; но въ нѣкоторыхъ экземплярахъ къ фигурамъ, изображающимъ ту или другую букву, которая слѣдуетъ по алфавитному порядку, присоединяются одна, двѣ, три буквы, и болѣе, въ связи съ коими первая, азбучная, буква составляетъ новый звукъ (складъ), или же цѣлое слово, напримѣръ: азъ, агіосъ, Аристотель; Бъ (Богъ); два; рцы, рабство; тать, терніе; хе, Христосъ, хранитель, и пр. Цѣль, съ какою къ настоящей буквѣ азбуки присоединяются другія, заключается, очевидно, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы показать, какъ писать слова подъ титлами или сокращенно; исключенія же изъ этого правила суть просто примѣры словъ, начинающихся извѣстной буквой, для того, чтобъ показать, какъ она пишется въ связи или слитно съ другими, что въ свою очередь подаетъ поводъ къ различнымъ начертаніямъ этой буквы. Наконецъ въ третьихъ азбукахъ при каждомъ начертаніи отдѣльной буквы помѣщаются цѣлыя фразы, выражающія какое-либо правило, нравственное изреченіе, и т. под., которыя начинаются той самой буквой, къ которой относится начертаніе. Здѣсь азбука сливается съ прописью, которая въ старыхъ рукописяхъ составляетъ особый отдѣлъ ея, заключающійся въ писанныхъ подъ рядъ изреченіяхъ и выдержкахъ разнаго рода. Для примѣра дополнительныхъ фразъ въ азбукахъ этого рода мы приведемъ здѣсь тѣ изъ нихъ, которыя встрѣчаются въ нашихъ рукописяхъ:

А. — Азъ есмь всему міру свѣтъ. — Аще, человѣче, хощеши мудръ быти и царьствію небесному наслѣдникъ, и ты научися по Бозѣ молчати.

Б. — Богъ есмь прежде всѣхъ вѣкъ. — Богу прибѣгай и у него милости проси о всемъ на просвѣщеніе души своей. — Болши скорбиши на земли, многими вѣнцы увязешися отъ Христа Бога.

В. — Вижу всю тайну человѣческую. — Видиши человѣка гнусна, нища, не мимо иди и приклони ухо твое къ моленію его и подажда по силѣ, да не затворятся двери породные отъ тебѣ.

Д.[5]) — Добро есть вѣрующимъ во имя Мое. — Добро есть и Божественная Писанія прочитати и симъ просвѣщати, а о невѣдущихъ вещехъ у мудрѣйшихъ со смиреніемъ и съ покореніемъ вопрошати. — Добродѣтель всякая незабвенна предъ Богомъ.

Е. — Есть гнѣвъ Мой (*вар.* Божій) на грѣшники. — Еже по Господню словеси реченная своя храни возлюбити ближняго своего велми.

Ж. — Жизнь есмь всему міру. — Жизнь нарочиту поживеши, аще во всемъ языкъ удержиши.

З. (Ѕѣло) — Зло законопреступникомъ. — Ѕѣло любя себя отъ скупости не стяжетъ друговъ.

З. — Земля есть подножіе ногама Моима. — Земная временная, небесная безконечная.

И. — Иже есть престолъ Мой на небесѣхъ. — Иже кто любитъ земная, не имать части съ небесными.

І. — Инаго Бога нѣсть развѣ Мене. — Источникъ сладокъ другъ при скорби, иже печалное сердце не (?) радость творитъ.

К. — Како на Мя совѣщаша золъ совѣтъ. — Како врачь неустроенъ и ненавыченъ можетъ уврачевати язву тѣлесныя болѣзни.

Л. — Людіе Мои законопреступніи. — Люби мудрѣйшихъ мужъ и почести приноси по силѣ.

М. — Мыслиша на Мя злая за благая. — Малая благодать во время скорби велми потребна есть всѣмъ. — Милостивъ бо Владыка Богъ нашъ, пріемлетъ грѣшнаго аки праведнаго, а праведнаго аки грѣшнаго.

Н. — На крестѣ пропяша Мя (*вар. вмѣсто* пропяша Мя — Мя пригвоздиша). — Не наступай на лице силнаго человѣка да не впадеши въ сѣть яко ластовица въ кохти ястребу.

О. — Оцта и желчи напоиша Мя. — Они же Мя не познаша. — Оныя радости и вѣчнаго упованія ничто есть сіе потребно на земли: сію есть всегда достойно предъ очима стяжати.

---

5) Къ буквѣ Г въ находящихся у меня рукописяхъ нѣтъ изреченій: въ однѣхъ они оторваны, въ другихъ стерлись, за исключеніемъ словъ въ одномъ экземплярѣ: «...вамъ сыновомъ человѣческимъ..... вышшіи явишися.»

П. — По милости Твоей живи мя. — Праведнаго сына Божія. — Поношеніе и укоризну пріими Господа ради якоже Онъ насъ ради пострада, Творецъ нашего ради спасенія.

Р. — Раздѣлиша ризы Моя себѣ и о одежди Моей меташа жребія. — Ровъ глубокъ мужу свои устнѣ иже отъ своего ума благо наслѣдитъ и зло постраждетъ языка ради своего.

С. — Слово законопреступно возложиша на Мя. — Студно грѣхъ содѣвающе. — Со всѣми дружись и со всѣми любовь имѣй, а всѣхъ блюдися, да не всѣмъ тайну повѣдай, да не злѣ постраждешь: иногда и другъ твой врагъ тебѣ бываетъ.

Т. — Терновъ вѣнецъ возложиша на Мя. — Тысячу друговъ избери, а отъ нихъ единого излюби, иже за тебя можетъ душу своя положити, понеже по Апостолу сія любви нѣсть [6]) болши.

У. — Умы Пилатъ руцѣ и рече: чистъ есмь отъ крове праведнаго сего. — Ума имѣй ко всѣмъ благо и любезно, понеже слово благо можетъ и печална человѣка уврачевати.

Ф. — Фарисеи же возопиша: возми, возми распни Его. — Фарисейска кичения, сирѣчь высокоумія отверзи отъ себе да слава Божія отъ тебе не отыдетъ.

Х. — Хотяше вашего спасенія, вся претерпѣхъ. — Хвалами почти всякого человѣка, не даждь скорби ни врагу своему.

От. — Отъ неправедныхъ беззаконникъ. — Отца и матерь наказанія пріемли яко отъ Господнихъ устъ; чти отца и матерь, долголѣтенъ будеши на земли и отъ Бога почтенъ.

Ц. — Церкви вамъ подписуя свобожденіе. — Цѣлитель буди всякой скорби, съ плачющимся плакати, а съ радующимися радоватися.

Ч. — Человѣческаго ради спасенія вся претерпѣвъ. — Честна милостина во время недостаткахъ. — Чисты васъ приводя своему отцу.

Ш. — Шатанія бѣсовскаго свобождая васъ. — Шлемъ сплети добродѣтелей и мечь воспріими духовный: симъ посѣчеши всю силу вражію.

Щ. — Щедротами своего человѣколюбія. — Щедръ и милостивъ буди ко всѣмъ, даже и Щедраго видѣти сподобишися, на Него же многоочитіи зрѣти не могутъ.

---

6) *Въ подл. ошибкою* нѣсмь.

Ю. — Юзы желѣзныя быстро и силно разсторгни, сирѣчь жены любве и дѣтей ласканія.

Я. — Яръ никакоже не буди: яръ человѣкъ домъ сатанинъ. — Ярые человѣцы грѣху не отдатливи отъ Бога пріимутъ наказаніе. — Яти будутъ гордіи и злѣ мучимы въ геенней огненней. — Яко же воскъ таетъ, тако и человѣкъ отъ славы погибаетъ.

Кси. — Къ симъ прежде писаннымъ не слышатель буди, но творецъ.

Пси. — Псалмопѣвца воспріими скоро и напиши на скрыжали сердечней.

Ѳ. — Ѳилософію 7) аще, человѣче, изучиши и вся витія препреши и Еллинская борзости претечеши и вся земля конца преидеши, а смертнаго часа никамо убѣжиши (*варіантъ:* Аще, человѣче, небеса и облацы превзыдеши и всю философію изучиши и Еллинскіе борзости претечеши и вся вѣтія препреши, и вся концы земли преидеши, а смерти себѣ, человѣче, нигдѣ не можешь убѣжати.)

Ѵ. — И житіе наше яко колесо обращается овогда выспрь, а овогда и внизъ, а иногда и тишиною сприлетается.

За буквами слѣдуютъ образцы скорописанія, которые въ одной изъ нашихъ рукописей имѣютъ заглавіе: «Пописи учительные младымъ дѣтямъ въ наученіе скорописнаго писма.» Эти образцы начинаются обыкновенно молитвами, изъ коихъ одна имѣетъ непосредственное отношеніе къ «изученію писанія.» Вотъ эта молитва: «Отверзи ми, Владыко Христе, богатую си руку въ поданіе ученія моего: не можетъ бо земля насѣянна отъ себе прорастити безъ присѣщенія благости Твоея, ниже рука моя двизатися можетъ окромѣ милости Твоея поданные. Человѣколюбче Господи, даруй ми рабу твоему съ радостію внимати божественному Твоему писанію, охоту съ разумомъ и открытіемъ учительнымъ писменемъ и зрѣніе очесемъ.» Другія молитвы, встрѣчающіяся въ нашихъ азбукахъ, болѣе или менѣе извѣстны, на пр.: «За молитвъ Пречистыя Твоея Матере и святыхъ отецъ нашихъ Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ. Аминь.» — «Все упованіе мое на тя возлагаю, Мати Божія: сохрани мя подъ кровомъ Тво-

---

7) *Въ подл. ошибк.* Ѳилоѳію.

имъ.» — «Богородице, Ты еси лоза истинная, извозраставшая намъ плодъ живота: Тебѣ молимся, молися, Владычице, со святыми Апостолы помиловати души наша.» — «По милости Божіи и великихъ святителей Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа, Московскихъ и всеа Росіи чюдотворцевъ, и ихъ молитвами спаси души наша.» — Послѣ молитвъ слѣдуетъ возваніе къ ученику: «Велико имя Пресвятыя Троицы хотѣти умѣти, ино учитися, а не лѣнитися: сѣди крѣпко, а пиши гладко, не описливо; мастера не гнѣви, а себѣ побоевъ не чини.» Другое наивное возваніе этого рода встрѣчается въ однихъ азбукахъ среди образцовъ письма, а въ другихъ въ самомъ концѣ ихъ, какъ заключеніе. Одна редакція поучаетъ такъ: «Зри, смотри, внимай, разумѣй: похотѣти умѣти, ино ся, учитись, а не лѣнитись, мастера чтити, а могорцу не жалѣти, а горести претерпѣти; аще горести не вкусити, то и сладости не видати.» Другая редакція гласитъ: «Зри очами, разумѣй сердцемъ, смышляй умомъ, дѣлай руками, сѣди крѣпко, пиши прямо, у Бога милости прошай: аще похотѣти умѣти, ино ся учить, мастера чтить, могорца не жалить; аще горести не вкусить, тако и сладости не видать.» Послѣдуетъ ли ученикъ этимъ увѣщаніямъ или нѣтъ, на всякій случай азбуки совѣтуютъ родителямъ и «мастерамъ» внушить имъ страхъ «жезломъ.» «Родителіе! не щадите жезла, аще хощете о чадѣхъ вашихъ веселится: жезлъ бо есть злобы искоренитель и насадитель добродѣтелеи.» — «Мало сына оскорбиши, но много ползуеши его: слезы его тако ти ползу содѣютъ, яко же週 дождь благовремянный, на ниву изліянный.» — «Бій первое слово таже жезломъ, и отженеши жестосердіе его и яко плевелы отбіеши злонравіе.» — «Зеленъ виноградъ да не сладокъ; младъ умъ да не кротокъ; конь не ученъ свирѣпъ, — сынъ ненаказанъ хотя и мудръ, а не безъ простоты.» Какъ бы въ утѣшеніе ученикамъ азбуки прибавляютъ: «Садъ новый, аще водами поится, цвѣтетъ и овощь отъ него родится: ученія корень горекъ есть, плоды жъ его суть сладки.»

Изъ правилъ, относящихся къ вѣрѣ и нравственности, первое мѣсто занимаютъ въ азбукахъ увѣщанія о молитвѣ, милосердіи, смиреніи, повиновеніи и почтеніи къ старшимъ. Вотъ какими словами предлагаются эти увѣщанія въ нашихъ рукописяхъ: «Постони яки мытарь, прибѣгни аки блудный, умилися аки Ахавъ, прослезися аки блудница, зови аки Хананея, предстой аки вдовица, молися яко Манасія: аще тако молишися, пріиметъ благій

Господь молитву твою, аки мати младенца.» — «Удивится человѣкъ всякой мудрости, аще Бога на помощь призоветъ, — всякая мудрость откровенна будетъ.» — «Не ищи, человѣче, мудрости, ищи кротости: аще обрящеши кротость, то и одолѣеши мудрость; не тотъ мудръ, кто много грамотѣ умѣетъ: тотъ мудръ, кто много добра творитъ; а не тотъ милостивъ, кто много милостыни творитъ, тотъ милостивъ, кто никого не обидитъ.» — «Смирись, брате, и чужимъ наказаніемъ накажися — самъ будеши бестрастенъ отъ зла.» — Человѣче! не буди скоръ на слово да не исторгнеши дѣла своего: аще будешь скоръ, бываетъ въ словѣ сваръ, а въ сварѣ брань, а въ брани бой, а въ бою смерть — неисцѣльный грѣхъ.» — «Епископомъ, пастыремъ Христова стада словесныхъ овецъ, главу свою покланяй со всякимъ благоговѣніемъ, и дастътися благословеніе Божіе.» — «Уму добру учися, а святому мужу повинися, а старѣйшему покорися; а безумному въ обиду не давайся, а за правду постражи, а безумнаго накажи.» — Въ одной прописи 1749 года мы нашли еще слѣдующее наставленіе: «Блюди, человѣче, умъ свой отъ безумія, трезвость свою отъ пьянства, постъ отъ объяденія, душу свою отъ ереси. Употреби трудъ — богатъ будеши; твори благо, бѣгай злаго — спасенъ будеши; по малу яждь, не много пей — здравъ будеши.» Послѣднія слова̀, какъ извѣстно, были любимымъ изреченіемъ Воронежскаго епископа, св. Митрофана.

Въ числѣ изреченій, предлагаемыхъ азбуками, видное мѣсто занимаютъ выдержки, приписываемыя отцамъ церкви и древнимъ философамъ, въ родѣ слѣдующихъ: «Златоустъ Іоаннъ рече: младо древо при пути стоя торжется, а безпріятный человѣкъ велми печалится; сухо древо при пути стоя посѣкается и во огнь вметается, тако и убогій человѣкъ отъ всѣхъ обидимъ, а ни отъ кого не помилованъ.» — «Златоустъ рече: человѣче, со всѣми ся дружися (sic), со всѣми ся люби, а всѣхъ ся блюди, иногда и другъ твой опослѣ врагъ тебѣ бываетъ.» — «Аристотель, Еллинскій философъ, глаголетъ: Аполоній нѣсть Богъ, но жрецъ; есть Богъ иже есть на небесѣхъ; сему же снити и воплотитися въ Дѣву чисту.» Но несравненно бо́льшее количество изреченій заимствовано писцами азбукъ изъ собственной житейской опытности и изъ наблюденій современниковъ. Эти изреченія для насъ особенно любопытны, потому что не только отражаютъ въ себѣ порядокъ вещей, болѣе или менѣе сходный съ нашимъ, но и поня-

тія до-петровской эпохи о томъ, какъ слѣдуетъ уживаться съ тѣми принятыми обычаями, съ которыми не вполнѣ ладятъ совѣсть или нравственность — иначе правила житейской мудрости, извѣстныя намъ отчасти изъ Сильвестрова Домостроя. Такъ, сознавая, что «при власти и при питіи мнози друзи и сродницы обрѣтаются, а при бѣдности и при напасти всѣ друзи и сродницы прочь отбѣгнутъ,» или что «богатой человѣкъ аще и просто слово молвитъ, всѣ молчатъ, убогій же аще и правду глаголетъ, всѣ возбраняютъ ему и изъ сонмища своего изженутъ,» — азбуки, соотвѣтственно этому дурному обычаю, наставляютъ: «Не наступай на лице сильнаго человѣка, да не впадеши въ сѣть, яко ластовица въ кохти ястребу.» Эгоизмъ практическаго человѣка проглядываетъ также въ слѣдующихъ наставленіяхъ: «Съ младымъ человѣкомъ не водись и тайны своей ему не повѣдай, пишетъ бо объ нихъ: лукаваго человѣка бѣгай—рысь пестра сверху, а человѣкъ лукавъ изнутри.» — «Сыне, аще премудръ будеши, самъ себѣ мудръ будеши и искреннимъ своимъ; аще ли золъ будеши, единъ потерпеши злая.» За то чрезвычайно справедливо поучаетъ практическій человѣкъ древней Руси, что «умну другу тайна повѣдати, аки горящей камень въ воду пустити; а безумну другу тайна повѣдати аки въ сухое сѣно искра заронити,» или «въ премудромъ человѣцѣ тайна содержится что бѣлой камень, отнюдъ не объявится; а въ безумномъ человѣцѣ тайна отнюдъ не содержится что огненная искра въ сухомъ сѣнѣ;» также: «мужъ мудръ многихъ научитъ и себѣ сладкое учинитъ, а несмысленный многихъ погубитъ и себѣ злое учинитъ.» Но житейская мудрость не помѣшала писцамъ азбукъ вставлять въ свои изреченія извѣстное сужденіе о женскомъ умѣ, составленное, какъ сужденіе исключительное и слѣдовательно одностороннее, подъ вліяніемъ ложнаго воззрѣнія на женщину вообще: «Умъ женскій твердъ аки храмъ непокровенъ; мудрость женская, аки оплотъ, до вѣтру стоитъ — вѣтри повѣютъ и оплотъ отпадетъ.» Рядомъ съ этими практическими положеніями въ азбукахъ встрѣчается слѣдующій совѣтъ, характеризующій древнее наше ученіе, которымъ мы и заключимъ сдѣланныя нами выписки разныхъ изреченій и правилъ: «Аще кто тя воспрощетъ, говоритъ пропись ученику, черпающему въ ней свою «мудрость», вѣси ли всю философію, ты же ему противо того отвѣщай: учился буквамъ, Еллинскихъ же борзостей не текохъ, риторскихъ астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми фило-

софы въ бесѣдѣ не бывахъ: учюся книгамъ благодатнаго закона аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ.»

Въ слѣдъ за изреченіями находимъ въ азбукахъ и прописяхъ образцы дѣловыхъ бумагъ, какъ-то челобитныхъ, купчихъ, заемныхъ кабалъ, и проч., образцы для частной переписки и полные титулы царскіе. Послѣдніе изъ нихъ, относящіеся къ тому или другому царю (позднѣйшій съ именемъ Петра Великаго), мы здѣсь опустимъ какъ слишкомъ извѣстные; но считаемъ не безполезнымъ выписать изъ нашихъ прописей образцы одной челобитой, одной заемной кабалы и письмо сына къ своимъ родителямъ, отличающіеся нѣкоторыми особенностями отъ изданныхъ уже матеріаловъ этого рода,

Челобитная.

Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, бьетъ челомъ сирота твой Вологжанинъ посадцкой человѣкъ имркъ. Взять, государь, мнѣ сиротѣ твоему на Вологжанинѣ жъ посадцкомъ человѣкѣ на имркѣ по заемной кабалѣ денегъ столько и столько, и по той кабалѣ онъ имркъ тѣхъ заемныхъ денегъ мнѣ сиротѣ твоему на срокъ, и послѣ сроку и по се число не платитъ. Милосердый великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержецъ, пожалуй меня сироту своего, вели, государь, его, имрка, сыскать въ приказную избу и противъ сего моего челобитья и заемной кабалы въ тѣхъ моихъ денгахъ допросить и по допросу свой великаго государя указъ учинить. Великій государь, смилуйся.

Заемная кабала.

Се азъ имркъ Вологжанинъ посадцкой человѣкъ имркъ сороку того и того занялъ есми у Вологжанина же посадцкого человѣка у имрка денегъ столько и столько Московскихъ ходячихъ ноября въ 1 день до сроку до Богоявленіева дни 1702 году, до сроку денги безъ убытковъ, а послѣ сроку платить и съ убытки всѣ сполна. А гдѣ меня заимщика ся кабала застанетъ подъ коимъ судомъ ни буди и на коемъ городѣ, тутъ мнѣ заимщику по сей кабалѣ судъ и правежъ и заемные денги платить и съ убытки сполна. А заемную кабалу писалъ, по его заимщикову велѣнью,

тотъ и тотъ имркъ, лѣта отъ Рождества Христова 1701 году ноября въ 1 день.

Письмо сына къ родителямъ.

Государю моему батюшку имрку и государынѣ моей рождьшей матушкѣ имркѣ великаго вашего жалованья нѣкто отъ послѣдныхъ, касаясь подноже ногъ вашихъ, сынишко ваше имркъ челомъ бьетъ. Подай, Боже, вамъ здравствовать на множество лѣтъ и будите покровенни десницею вышняго и всещедраго Бога. А про меня изволите напамятовать, и моему окаянству истинный Христосъ Богъ нашъ еще терпитъ, октября по 11 день въ живыхъ обрѣтаюся, а впредь уповаю на милость Божію и на ваше родителское благословеніе. И за семъ вамъ премножество челомъ бьетъ сынишко ваше имркъ писавый вамъ и поздравляю и нижайшее поклоняніе приношаю. Здравствуйте во вѣки. Аминь.

Въ прописяхъ же наконецъ встрѣчаются загадки, внесенныя сюда, вѣроятно, изъ разныхъ современныхъ сборниковъ. Самое полное собраніе такихъ загадокъ мы нашли въ рукописной прописи 1749 года, изъ которой и заимствуемъ ихъ.

Вопросъ. Что небесная высота и земная широта и морская глубина? *Отвѣтъ.* Небесная высота Отецъ, земная широта Сынъ, морская глубина — Духъ святый.

Вопросъ. Четыре восточніи и высокопарніи орьли едино ейце снесли. *Отвѣтъ.* Четыре евангелиста: Матѳѣй, Марка, Лука, Іоанъ чрезъ святаго Духа Евангеліе написаша.

Вопросъ. Треми ся земля зыблется и треми ся колеблется, а четвертаго не можетъ на себѣ понести. *Отвѣтъ.* Зыблется земля и колеблется первое Рождествомъ Христовымъ, второе крещеніемъ, третіе распятіемъ, а четвертаго не можетъ на себѣ понести — втораго Христова пришествія и страшнаго суда.

Вопросъ. Два стоятъ и два идутъ и два минуются. *Отвѣтъ.* Два стоятъ — небо и земля; два идутъ — солнце и луна; два минуются — день и нощь.

Вопросъ. Живъ гробъ хождаше, а въ немъ мертвецъ пояше. *Отвѣтъ.* Іона пророкъ бысть въ китовѣ утробѣ три дни и три нощи и по покаянію прости его Господь.

Вопросъ. Отъ коликихъ вещей сотвори Богъ перваго человѣка Адама? *Отвѣтъ.* Сотвори Богъ Адама отъ седми вещей: первое тѣло отъ земли; кости отъ камени; теплота отъ огня; зрѣніе отъ солнца; мысли отъ облака; кровь отъ моря Чермнаго; дыханіе отъ вѣтра; душа отъ Бога.

Вопросъ. Которая десятая часть во всемъ свѣтѣ днемъ убываетъ, а нощію паки десятая часть прибываетъ? *Отвѣтъ.* Десятая часть во всемъ свѣтѣ днемъ убываетъ воды отъ солнечнаго сіянія, понеже солнце днемъ лучами своими вельми сушитъ воду; а нощію паки десятая часть прибываетъ воды изъ подземныхъ жилъ водныхъ.

Вопросъ. Древянъ ключь, воденъ замокъ, заецъ убѣже, а ловецъ утопе. *Отвѣтъ.* Древянъ ключь — Моисеовъ жезлъ; водянъ замокъ — Чермное море; заецъ — Моисей пророкъ; а ловецъ за Моисеомъ — Фараонъ утопе въ Чермнемъ морѣ.

Вопросъ. Которая вещь двою рожденна, а ни единова не крещенна; а Бога хвалитъ, и міръ его слушаетъ. *Отвѣтъ.* Колоколъ, у церкви провозвѣстникъ на Божественное пѣніе.

Вопросъ. Которая вещь ни съ небесъ сниде, ни ангелъ, ни человѣкъ, а по Христѣ святъ бысть и многія чудеса творитъ. *Отвѣтъ.* Животворящій крестъ Господень, на немъ же распятъ бысть отъ Жидовъ.

Вопросъ. Видѣхъ жену пречюдну и великимъ свѣтомъ одѣянну; лице же ея яко солнце сіяюще; предъ нею же дванадесять звѣздъ блистающеся. *Отвѣтъ.* Жена же пречюдная, то вѣра христіанская; лице ея яко солнце сіяюще, то законъ Моисеовъ; предъ нею же дванадесять звѣздъ блистающеся, то дванадесять Апостоловъ.

Вопросъ. Богатъ пріиде къ нищему всякаго изобилія и богатства имѣетъ много, а единаго сокровища не имѣетъ и у нищаго проситъ. *Отвѣтъ.* Господь пріиде на Іердань рѣку и проситъ у Іоанна Предотечи крещенія.

Вопросъ. Конь бѣлъ и вельми быстръ; ѣздеша на немъ человѣкъ грозенъ; изо устъ его исходитъ мечь обоюду остръ. *Отвѣтъ.* Конь бѣлъ и вельми быстръ — сей свѣтъ; ѣздеша на немъ человѣкъ грозенъ, то Христосъ; изо устъ его исходитъ мечь обоюду остръ, то Слово Божіе.

Вопросъ. Которая мати дѣтей своихъ сосетъ? *Отвѣтъ.* Окіянъ море около всеа земли окруженіе имѣетъ и во окіянъ–море многія моря и великія рѣки вси теченіе имѣютъ.

Вопросъ. Нѣкая птица на камени не садится, а въ водѣ не ложится, но всегда у моря держится. *Отвѣтъ.* Корабль на морѣ плаваніе имѣетъ.

Вопросъ. Твой отецъ и мой отецъ тебѣ дѣдъ, а мнѣ мужъ, ты же мнѣ братъ, а я тебѣ родная мать. *Отвѣтъ.* Егда Господь изведе изъ Содома и Гомора Лота праведнаго съ женою и двѣма дщерьми и заповѣда Господь Лоту и женѣ его и дѣтямъ не озиратися вспять, Лотова же жена преступи заповѣдь Божію и озрѣся вспять, и бысть столбъ сланъ; Лотъ же остася съ двѣма дщерьми; большая же дщерь напоиша отца своего виномъ отъ винограда и паде съ нимъ въ блудъ и роди сына и рече къ нему: твой отецъ и мой отецъ, тебѣ дѣдъ, а мнѣ мужъ; ты мнѣ братъ, а я тебѣ родная мать.

Вопросъ. Стоитъ древо безъ корени и безъ вѣтей; сидитъ на древѣ томъ птица безъ крылъ и безъ перья; пріиде къ оной птицѣ ловецъ безъ ногъ и взя ея безъ рукъ и зарѣза безъ ножа. *Отвѣтъ.* Древо есть человѣкъ; птица есть душа; а ловецъ — смерть.

Вопросъ. Отецъ мя роди; азъ родилъ себѣ жену; жена же моя роди дѣти; дѣти же бысть отцу моему мати. *Отвѣтъ.* Сотвори Богъ перваго человѣка Адама: сотворенъ, а не рожденъ, и отъ ребра его сотворена Евва, помощница ему, въ жену, и отъ поколѣнія ихъ родися пресвятая Богородица, и бысть отцу и сыну своему, Богу нашему, мати.

Вопросъ. Который человѣкъ родивыйся не умре, а неродивыйся умре? *Отвѣтъ.* Неродивыйся Адамъ, первый человѣкъ, сотворенъ Богомъ, умре; а родивыйся Илія пророкъ и понынѣ не умре, взятъ бысть по Божію велѣнью въ райскія мѣста до втораго Христова пришествія и страшнаго суда.

Вопросъ. Ни съ небесъ сниде, ни отъ человѣка рожденъ, ни отъ земли взятъ, а человѣкъ бысть. *Отвѣтъ.* Евва сотворена Богомъ отъ ребра Адамова.

Вопросъ. Нѣкій кесарь посажденъ во мрачной темницѣ и при-

доша людіе и умолиша о немъ царя, и изведоша его изъ темницы вонъ и устроиша ему мѣсто аки околничіе, и возложиша шлемъ на главу его, и посадиша его на престолѣ, и даша въ руцѣ его скипетръ, и начаша ему кланятися вѣрніи и невѣрніи мужіе и жены; онъ нача имъ давати пищу неоскудную. *Отвѣтъ*. Жерновъ, что̀ муку мелютъ на пищу человѣкомъ.

Вопросъ. Нѣкая вещь перната, а неодушевленна, а душевныхъ убиваетъ и умерщвляетъ ногти своими желѣзными, а на камени не садится. *Отвѣтъ*. Стрѣла, что̀ изъ лука стрѣляютъ.

Вопросъ. Сколько далеко разстояніе имѣетъ отъ востока до запада? *Отвѣтъ*. Отъ востока даже до запада токмо единому Богу свѣдущему; а человѣку невозможно сего вѣдать; а солнце единымъ днемъ обхожденіе и теченіе имѣетъ отъ востока даже до запада.

Вопросъ. Сколь высоко отъ земли до небесъ, а отъ небесъ до земли, а отъ земли до бездны сколь глубоко? *Отвѣтъ*. Небесную высоту невозможно человѣку исповѣдать, точію измѣрилъ отъ небесъ до земли и отъ земли до бездны сатана — за гордость сверженъ бысть съ небеси.

Вопросъ. Стоитъ море на пяти столпахъ, царь речетъ потѣха моя; а царица речетъ погибель моя. *Отвѣтъ*. Море есть чара вина, пять столповъ пять перстовъ, царь есть тѣло, а царица душа.

Вопросъ. Нѣкая вещь на древѣ вися тростію прободенна и духомъ наполнена, трое служатъ, а отъ пятерыхъ ударенъ бываетъ и гласъ великій испущаетъ. *Отвѣтъ*. Волынка, что̀ играютъ въ нея люди.

Вопросъ. Въ нѣкоей вѣси проявилася птица, имѣетъ у себя четыре ноги и два крыла, глава подобна медвѣдю, носъ аки у слона, летитъ ворчитъ, а сядетъ молчитъ; аще кто тое птицу убіетъ, тотъ человѣкъ самъ свою кровь проліетъ. *Отвѣтъ*. Комаръ, онъ же и грозный козакъ.

Вотъ все, что найдено мною любопытнаго и замѣчательнаго въ древнихъ азбукахъ и прописяхъ, бывшихъ у меня подъ рукою. Нѣтъ сомнѣнія, что если пересмотрѣть другіе ихъ экземпляры, которыхъ очень много, то число представленныхъ мною выписокъ значительно увеличится, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличатся матеріалы для составленія довольно полной энциклопедіи научныхъ понятій, ка-

кими пробавлялись тѣ изъ нашихъ предковъ, коимъ не было ни досуга, ни возможности распространять свои свѣдѣнія о «житейской мудрости и божественномъ ученіи» чтеніемъ хронографовъ, лѣтописей, сборниковъ и безчисленнаго множества духовныхъ книгъ разнаго рода, оставленныхъ намъ древнею Русью. Но даже изучивъ эти послѣднія, любознательный читатель очевидно могъ съ новымъ для себя удовольствіемъ и пользою повторить мудрыя изреченія и замысловатыя загадки, которыя подъ руководствомъ строгаго «мастера» онъ въ своей ранней молодости читалъ въ азбукѣ или переписывалъ съ прописи.

Н. Калачовъ.

II.

КРЕСТЬЯНЕ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ XVI ВѢКА.

Крестьяне: a) королевскіе; частныхъ владѣльцевъ; вольные, похожіе; b) тяглые, огородники, подсусѣдки, вольники, осадники, бояре путные, бояре конные, земляне. Инвентари. Арендные листы.

Безпокойному и воинственному характеру Малорусской исторіи много помогала неопредѣленность гражданскихъ правъ подданныхъ Речи Посполитой и такая же неопредѣленность отношеній Малорусскаго народа къ Польскому. Постановленія статутовъ почти не ограждали личности низшаго сословія отъ произвола сильнаго; права владѣльцевъ были слишкомъ неограниченны; матеріальное благосостояніе несвободныхъ классовъ — слишкомъ сомнительно. Рано или поздно, но во всякомъ случаѣ неминуемо должно было ожидать столкновеній подвластнаго народа съ его законными властями, хотя эти послѣднія, съ своей стороны, были отчасти справедливы, дѣйствуя въ духѣ того времени и въ силу опредѣленій Статута. Помимо законодательныхъ кодексовъ, разные юридическіе обычаи, имѣвшіе силу формальнаго закона, оставались неизмѣнными отъ минувшихъ временъ и всей тяжестью своей падали на несвободное сословіе, находившее слишкомъ малую защиту въ Статутѣ и въ исполнителяхъ его постановленій: помимо статутовъ, законодательный обычай старины отдавалъ хлопа жидуарендатору въ полное распоряженіе, *съ правомъ живота и смерти.*

Въ понятіи самаго закона между человѣкомъ «простого стану» и «станомъ шляхетскимъ» существовало неизмѣримое разстояніе. Шляхтичъ, позволившій себѣ заняться какимъ бы то ни было ремесломъ, уничтожающимъ его шляхетское достоинство, терялъ свои благородныя права и становился въ уровень съ прочими неблагородными сословіями: только осмѣлься онъ взять въ руки аршинъ, или сѣсть за ткацкій станъ, или наконецъ поселиться въ городѣ съ цѣлями пріобрѣтеній посредствомъ торговли, — онъ уже выходилъ изъ круга шляхетскихъ вольностей. Дѣйствительно, разграниченіе этихъ двухъ классовъ замѣтно во всемъ, что касается правъ и гражданскаго положенія этихъ сословій, и взглядъ Статута на то и другое вполнѣ выразился въ нѣкоторыхъ его постановленіяхъ, изъ которыхъ мы приведемъ здѣсь самую малую часть:

1) Вдова стану шляхетскаго, выходя замужъ, безъ воли родственниковъ, за «человѣка простого стану, не шляхтича», *навсегда теряетъ все свое достояніе*, не только то, которое далъ ей мужъ, но и свое собственное, свое приданое, свою «отчизну и материзну» [1]).

2) Дѣти, происшедшія отъ шляхтича и нешляхтянки, причисляются къ благородному сословію отца, съ тою однако оговоркой, чтобъ «ремесломъ и шинкомъ не жили, и локтемъ не мѣрили» (т. е. аршиномъ; не были бы купцами); а впрочемъ и таковой, если бы шинкъ и ремесло мѣщанское и холопское покинулъ и поступковъ шляхетскихъ и рыцарскихъ наслѣдовалъ, тогда опять долженъ считаться шляхтичемъ [2]).

Такимъ же образомъ, если бы шляхтичъ, пренебрегая своимъ благороднымъ происхожденіемъ и стараясь о приращеніи своего имущества, поселился въ городѣ, «торгъ местскій ведучи, або и шинкъ въ дому маючи, и локтемъ меречы, або ремесло робечи на варстате, таковый вжо з вольностей шляхетскихъ веселитесе не масть» [3]), и т. д.

3) Всякій, родившійся въ простомъ сословіи, никогда не могъ

---

1) Статутъ великаго княжества Литовскаго, изд. Сигизмундомъ III, стр. 203—204. Мы пользуемся изданіемъ этого статута, сдѣланнымъ Москв. Общ. Истор. и Древн. Р. съ Краковскаго изданія 1588 года. См. Времен, кн. 19, М. 1854 г. — 2) Стат. Сигиз., стр. 61—62. — 3) Тамъ же стр. 63—64.

пріобрѣсти правъ шляхетскихъ (развѣ за какія-либо рыцарскія доблести), ни достигнуть какой бы то ни было должности [4]); покупка имъ всякой поземельной собственности считалась недѣйствительною и могла быть отнята прежнимъ хозяиномъ, не смотря на давность владѣнія [5]).

4) Разница между шляхтичемъ и человѣкомъ простого стану опредѣляется Статутомъ и въ отношеніи наказаній за уголовныя преступленія: убійство жены мужемъ, мужа женою, сестры братомъ, брата сестрою и вообще равныхъ равными, наказывалось смертью, безъ всякаго усиливающаго эпитета [6]); но если слуга убивалъ пана или только наносилъ ему рану, то наказывался, по выраженію Статута, *срого горъломъ* (srogogardlem), и какъ измѣнникъ подлежалъ *четвертованью* [7]), что въ сущности равнялось почти наказанію за отцеубійство, виновнаго въ которомъ возили по рынку, терзая тѣло клещами, потомъ сажали въ кожаный мѣшокъ вмѣстѣ съ собакой, пѣтухомъ, ужомъ и кошкой, зашивали и топили въ самомъ глубокомъ мѣстѣ рѣки или озера [8]). Но если слуга и не убилъ бы господина и даже не ранилъ бы его, а осмѣлился бы только защищаться, то лишался руки.

5) Если бы люди простого стану убили шляхтича, то сколько бы ихъ ни было, всѣ наказываются смертью; впрочемъ далѣе прибавлено, что *три головы простыхъ полагается за одну шляхетскую* — не больше [9]).

6) Статутъ, хотя, по видимому, и безсознательно, но никакъ не хотѣлъ поставить подданнаго, какъ короннаго такъ и владѣльческаго, и даже купца — наравнѣ съ Жидомъ, отдавая послѣднему преимущество въ его гражданскихъ правахъ и первенство въ его общественныхъ отношеніяхъ. Но Жидъ, принявшій Христіанскую вѣру, дѣлался не только шляхтичемъ лично, но и семейство его и потомство пріобрѣтали на вѣчныя времена права дворянства [10]).

7) По опредѣленію Статута, хлопъ и вообще всякій человѣкъ, не отличенный шляхетскимъ достоинствомъ, по своимъ гражданскимъ правамъ стоялъ ниже всего, что только было подвластно коронѣ Польской: Татаринъ, врагъ Христіанства во мнѣніи всей

4) Стат. Сигиз., стр. 60—61. — 5) Тамъ же, стр. 64. — 6) Тамъ же, стр. 287—289. — 7) Тамъ же, стр. 289. — 8) Тамъ же, стр. 288. — 9) Тамъ же, стр. 314. — 10) Тамъ же, стр. 336—337.

Европы и во мнѣніи самой Польши, личный врагъ Речи Посполитой и ея интересовъ, — Татаринъ имѣлъ бо̀льшую защиту въ законѣ Польскомъ, чѣмъ Малорусскій хлопъ. И это было бы не удивительно, еслибъ, во мнѣніи закона, отдавалось предпочтеніе мусульманину, отправлявшему королевскую службу; но предпочтеніемъ этимъ пользовался всякій Татаринъ, имѣвшій осѣдлость въ территоріяхъ Речи Посполитой и отправлявшій самыя низкія ремесла, — занимавшійся продажею скота, дубленіемъ кожъ, что̀ вообще считалось унизительнымъ: не смотря даже на такія неблагородныя занятія, Татаринъ стоялъ выше хлопа, и голова его цѣнилась много дороже, чѣмъ головы тяглыхъ людей, такъ что за увѣчье или убіеніе Татарина полагалась бо̀льшая пеня, чѣмъ за убіеніе тяглаго и двороваго человѣка [11]).

Этихъ немногихъ примѣровъ достаточно, кажется, чтобы видѣть то состояніе, въ которое самъ законъ ставилъ несвободныя сословія Речи Посполитой, включая въ число ихъ и всѣ прочіе классы общества, которымъ рожденіе не дало счастья принадлежать ни къ кровному дворянству, ни къ Жидамъ, ни даже къ Татарамъ: все, начиная отъ двороваго человѣка и тяглаго отчинника до мѣщанина и купца, во мнѣніи закона стояло ниже этихъ привиллегированныхъ сословій. Однимъ только Цыганамъ, пользовавшимся всеобщимъ презрѣніемъ, предпочитались несвободныя сословія короны Польской [12]).

Естественно ожидать, что законодательство Польское осталось вѣрнымъ самому себѣ въ примѣненіи этихъ началъ къ дѣлу. Каждая статья его постановленій относительно низшихъ сословій нисколько не противорѣчитъ основному взгляду, выраженному въ опредѣленіи значенія каждаго класса общества: законодательныя идеи Речи Посполитой только яснѣе выразились въ примѣненіи ихъ къ самому закону и къ его исполненію.

Низшими сословіями, людьми «простого стану» считались всѣ подданные королевства Польскаго, или непосредственно состоявшіе во владѣніи короны, или принадлежавшіе дворянству и не имѣвшіе правъ шляхетскихъ; къ среднимъ сословіямъ причислялись мѣщане и всѣ обыватели городовъ, пользовавшіеся Магдебургскимъ правомъ. Немалый классъ населенія королевства Польскаго и

---

11) Стат. Сигиз., стр. 334—338. — 12) Тамъ же, стр. 381—382.

великаго княжества Литовскаго составляли собственно такъ называемые «подданные» — крестьяне, судьба которыхъ тѣсно связана съ исторіей Малороссіи, хотя въ событіяхъ этой исторіи они играли довольно ничтожную роль, не имѣя ни смѣлости жаловаться на свою участь, ни средствъ улучшить ее, хотя бы такими трудными путями, какими, по возможности, облегчали тяжесть своего безвыходнаго состоянія Малорусскіе казаки. Состояніе этихъ послѣднихъ всякому изъ насъ болѣе или менѣе извѣстно изъ исторіи; политическая исторія южнорусскихъ героевъ, ихъ трудные и славные подвиги, успѣхи и неудачи въ войнахъ съ сосѣдями, слава ихъ полководцевъ — гетмановъ, кошевыхъ, куренныхъ, баснословные морскіе походы ихъ — все это знакомо намъ; но исторія не заглядывала еще въ бѣдныя крестьянскія хаты, не слѣдила за домашнею жизнью обывателей деревень и хуторовъ, не открывала передъ нами картины семейной ихъ жизни, повседневныхъ занятій, домашнихъ и полевыхъ работъ, не перечисляла намъ ихъ повинностей въ отношеніи къ казнѣ и къ владѣльцу и не опредѣляла на сколько тяжелы или легки были эти повинности. Южнорусскій народъ, — какъ почти всякій народъ во всѣхъ государствахъ, исключая немногихъ — жилъ и отжилъ свое время, почти незамѣченный исторіей; какъ и вездѣ, народъ южнорусскій, собственно масса, въ томъ числѣ и многочисленный классъ хлоповъ, не выступая нигдѣ рельефно въ политическихъ событіяхъ, постоянно оставался въ тѣни за знаменами воиновъ побѣдителей и побѣжденныхъ и почти не сдѣлался достояніемъ исторіи. — Были періоды, выдававшіеся въ исторіи южнорусскаго народа; но они, войдя по частямъ въ періоды исторіи о войнахъ, сгладились окончательно, не оставивъ по себѣ и слѣда замѣтнаго, по которому можно было бы прослѣдить жизнь и мысль (если только она была и дала плодъ) народа и его участіе, хотя отрицательное, въ осуществленіи великой идеи развитія человѣчества.

Южнорусскій поселянинъ тогда только становился достояніемъ исторіи, когда, доведенный до послѣдней степени нищеты и безпрестанно оскорбляемый въ самыхъ лучшихъ своихъ чувствованіяхъ, — въ чувствѣ религіозномъ и патріотическомъ, — мѣнялъ косу и цѣпъ на саблю и винтовку, или же просто съ косою и граблями уходилъ къ казакамъ, движимый послѣднимъ чувствомъ — животнаго самосохраненія. Эти моменты его жизни записала исторія, не входя въ подробности о его прежней, обыденной жизни,

о его лишеніяхъ, о томъ, чѣмъ онъ былъ до того времени, чѣмъ существовалъ, чѣмъ кормилъ жену и дѣтей и что заставило его кинуть то и другое.

Вторая половина XVI-го вѣка и начало XVII-го, имѣютъ едвали не первостепенную важность въ исторіи Малороссіи; такую же важность эта эпоха имѣла и въ отношеніи внутренней жизни южнорусскаго народа. Въ этотъ періодъ обозначились довольно точно права и обязанности разныхъ сословій въ Речи Посполитой, объясненныя и подтвержденныя статутами вмѣстѣ съ частными законодательными постановленіями, между коими уставы, грамоты и привиллегіи играютъ немаловажную роль. Вообще положеніе низшихъ сословій окончательно опредѣлилось къ тому времени. Положеніе это было именно такое, что единственнымъ его исходомъ оставалась борьба противъ существующаго порядка вещей. — Эту самую эпоху и взялъ я для моей статьи, ограничиваясь еще притомъ и тѣмъ, что въ обозрѣніе мое войдутъ не всѣ низшія сословія, а одни «хлопы», которыхъ жизнь, состояніе и обязанности представляютъ, въ эту эпоху, поразительную картину нравственнаго упадка Речи Посполитой, упадка, выразившагося въ безразсудствѣ и жестокости ея постановленій въ отношеніи къ несвободнымъ классамъ королевства.

Крестьяне [13]) королевства Польскаго, или вѣрнѣе княжества Литовскаго, состояли изъ двухъ отдѣловъ: изъ крестьянъ коронныхъ и крестьянъ частныхъ владѣльцевъ; были также въ сословіи крестьянъ и люди вольные, именно тѣ, которые не были прикрѣплены къ землѣ и имѣли право свободнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому, соотвѣтственно чему и назывались людьми *похожими.*

Права и обязанности коронныхъ крестьянъ, хотя имѣли много общаго съ правами крестьянъ помѣщичьихъ, однако далеко не такъ зависѣли отъ произвола лицъ, облеченныхъ властію, какъ права или, лучше сказать, отсутствіе правъ послѣднихъ: чиновникъ, властвуя надъ подданными своего короля именемъ закона, былъ, хотя наружно, ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ буквою этого закона, тогда какъ между владѣльцемъ и хлопомъ не было

---

13) Мы позволяемъ себѣ употребленіе этого слова потому, что слова *хлопъ* и *подданный*, встрѣчающіяся въ юридическомъ языкѣ того времени, въ настоящее время измѣнили свое значеніе.

поставлено никакого ограничивающаго начала, которое бы напоминало имъ о ихъ человѣческихъ отношеніяхъ. Чиновникъ, какъ членъ мѣстнаго начальства, былъ только орудіемъ королевской воли и помнилъ, что дѣйствія его подлежатъ контролю его собственныхъ начальниковъ; что произволъ, встрѣчая препятствіе со стороны другихъ исполнителей закона, не долженъ и не можетъ зайти слишкомъ далеко и не можетъ быть вполнѣ безнаказанъ: между тѣмъ какъ владѣлецъ оставался одинъ лицемъ къ лицу съ своею собственностію, наслѣдственною или купленною, или другимъ образомъ благопріобрѣтенною, и имѣлъ дѣло развѣ только съ своею личною совѣстью, настроенною на общій ладъ понятія того времени, когда вопросы общечеловѣческіе не имѣли мѣста ни въ литературѣ, ни въ общественномъ мнѣніи, ни на королевскихъ сеймахъ.

Коронными крестьянами были собственно тѣ, которые непосредственно принадлежали коронѣ и, въ родѣ крестьянъ помѣщичьихъ, жили при королевскихъ имѣніяхъ, замкахъ, дворахъ, разсѣянныхъ по всему княжеству Литовскому, Волыни и Малороссіи, и отправляли на короля такія же повинности, какъ подданные частныхъ владѣльцевъ на своихъ господъ, хотя менѣе стѣснительныя. — Въ каждомъ такомъ королевскомъ имѣніи былъ дворъ, или замокъ, — нѣчто въ родѣ помѣщичьей усадьбы. Изъ всего участка земли, принадлежавшаго имѣнію, обыкновенно выдѣлялась самая лучшая пахатная и сѣнокосная земля въ пользу двора, или казны и эта земля называлась *фольваркомъ* или «землею фольварковою» [14]). Такъ какъ по образцу Нѣмецкихъ хозяйственныхъ заведеній земля каждаго помѣстья разбивалась на *волоки* и на *морги* [15]), то имѣніе заселялось такъ, что на обработку каждой казенной, фольварковой волоки приходилось семь обывательскихъ волокъ и что первыя и послѣднія должны были обработываться одними и тѣми же руками [16]). На извѣстное число волокъ полагалось извѣстное число тяголъ, и если, въ теченіи времени, увеличивалось населеніе въ одномъ имѣніи, то лишнихъ членовъ семьи выселяли

---

14) Надо прибавить, что въ бо́льшей части помѣстьевъ княжества Литовскаго введено было хозяйство на образецъ нѣмецкихъ экономическихъ заведеній того времени. — 15) Каждая волока заключала въ себѣ около 20 нашихъ десятинъ (19 дес. я 2010 кв. саж.) и дѣлилась на 30 морговъ. — 16) Памятн. изд. Времен. Коммис., Кіевъ, 1846, т. II, отд. II, стр. 63—64.

въ другіе повѣты, имѣвшіе свободныя земли, населяя такимъ образомъ пустопорожнія мѣста и увеличивая количество тягловыхъ людей: вслѣдствіе такого хозяйственнаго порядка естественно, что число рабочихъ силъ въ одномъ и томъ же королевскомъ владѣніи мало измѣнялось въ своемъ составѣ. Изъ числа двухъ или трехъ братьевъ, семейство одного переводили на пустые волоки, или оставляли отцу одного только взрослаго сына, а другаго выселяли на тѣ земли, гдѣ недоставало рукъ къ обработкѣ полей [17]). Отъ этого обычая много выигрывали интересы казны, хотя страдали интересны несвободныхъ классовъ. Живя на казенной землѣ, коронный подданный обязанъ былъ платить за нее 21 грошъ съ волоки, кромѣ платы натурою и обязанности работать на казну каждые два дня въ недѣлю и выходить безотговорочно на работу во всякое время, когда *войтъ* признаетъ это необходимымъ, хотя бы для того поселянинъ долженъ былъ согноить въ полѣ свой собственный хлѣбъ или потерять все, что имѣетъ. Величина поземельной платы — 21 грошъ, будетъ понятна для насъ вполнѣ только тогда, когда мы эти деньги переведемъ на наши цѣны и опредѣлимъ, чему равнялся бы этотъ поземельный платежъ въ настоящее время. 21 литовскій грошъ приблизительно равнялся стоимости 1 р. 5 к. сер. на наши деньги [18]); но такъ какъ въ то время хорошій волъ цѣнился въ 50—40 грошей и даже меньше, то изъ этого можно заключить, что и 21 грошъ, по тогдашнимъ цѣнностямъ, стоилъ поселянамъ многихъ трудовъ и лишеній.

Чтобы лучше понять жизнь и состояніе крестьянина того времени и сознательнѣе войти въ его положеніе, необходимо прослѣдить его повседневные труды и заботы, вглядѣться въ его отношенія къ мѣстнымъ властямъ, взглянуть на его собственное хозяйство, приблизительно вычислить его скудные доходы и расходы и опредѣлить когда и при какихъ условіяхъ могъ онъ поддерживать свое существованіе. Я сказалъ, что коронные крестьяне княжества Литовскаго жили на землѣ, принадлежавшей королевскимъ помѣстьямъ, платили за эту землю поземельный оброкъ деньгами, прибавляя къ нему плату натурою, и работали для казны по опредѣленію мѣстныхъ властей. Самыя близкія власти, съ которыми крестьянинъ имѣлъ постоянно дѣло, были «войты»

17) Памятн. изд. Времен. Коммис., Кіевъ, 1846, т. II, отд. II, стр. 201. — 18) Тамъ же, т. III, отд. II, стр. 188.

и «лавники», избиравшіеся изъ среды самихъ же крестьянъ; но они не были избавлены и отъ казенныхъ чиновниковъ, «ревизоровъ», «возныхъ», «подкоморыхъ» и другихъ, наводившихъ на нихъ ужасъ своимъ появленіемъ. Земская полиція и все, что относилось до судебной и распорядительной власти, сосредоточивалась въ такъ называемыхъ «урядахъ», которые посылали чиновниковъ на слѣдствія, для разбора тяжебныхъ дѣлъ, на ревизіи, за сборомъ податей, и пр.; чинили судъ и расправу надъ крестьянами, неимѣвшими права апелляціи; дѣлали смертные приговоры и приводили ихъ въ исполненіе, не относясь къ высшимъ судебнымъ властямъ.

Такъ какъ для крестьянина единственнымъ источникомъ къ поддержанію своего существованія и для прокормленія семьи служитъ физическій трудъ, то интересно знать сколько времени удѣлялъ онъ на казенныя работы и что̀ за тѣмъ оставалось у него для работы на самаго себя и на свое семейство. Статутъ и другіе законодательные уставы опредѣляли эти повинности такимъ образомъ: Каждый крестьянинъ необходимо долженъ былъ работать на короля по два дня въ недѣлю, не считая четырехъ лѣтнихъ дней такъ называемой «толоки». Изъ пятидесяти двухъ недѣль, составляющихъ годъ, крестьянинъ свободенъ былъ отъ казенныхъ работъ только въ недѣлю Свѣтлаго Христова Воскресенія, на Рождество Христово и на масляницу [19]): слѣдовательно изъ 365 дней года — 100 дней онъ не былъ свободенъ, изъ чего видно, что свободнаго времени у него оставалось очень довольно. Но кромѣ того, смотря по обстоятельствамъ дѣла и по усмотрѣнію чиновниковъ, крестьяне обязаны были работать и во всякое другое время, когда находились уважительныя къ тому причины, за что̀, впрочемъ, слагались съ нихъ нѣкоторыя повинности, но въ такомъ только случаѣ, когда работы эти выходили изъ круга ихъ обыкновенныхъ занятій: такъ давались крестьянамъ нѣкоторыя льготы, когда на нихъ возлагалась доставка подводъ на слишкомъ большія разстоянія, постройка казенныхъ замковъ и дворовъ, и когда повинности эти отвлекали ихъ отъ хозяйства надолго и производили ущербъ въ ихъ собственной экономіи. Но поставка подводъ, доставка лѣсу и постройка казенныхъ зданій въ сосѣдственныхъ

---

19) Пам. изд. Врем. Ком., т. II, отд. II, стр. 153.

помѣстьяхъ не считались отягченіемъ для крестьянъ и предоставлялись благоусмотрѣнію чиновниковъ [20]). Если посылался чиновникъ съ казенными деньгами въ Виленское казначейство, тогда войты, чередуясь погодно, изъ войтовствъ своихъ должны были снаряжать подводу для доставки этихъ денегъ: если чиновникъ везъ съ собой до 500 копъ денегъ [21]), то ему давались двѣ подводы, если 1000 копъ, то четыре подводы. Плата прогонныхъ денегъ производилась также изъ мірской, т. е. крестьянской складчины: прогоны эти получали тѣ крестьяне, которые съ своими лошадьми употреблялись для перевозки денегъ изъ одного войтовства въ другое: они получали мірскихъ денегъ по грошу съ мили на одного коня. Не говорю здѣсь о прочихъ законахъ почтоваго вѣдомства, которые были организованы довольно правильно и тяжесть которыхъ падала опять таки почти на одно сословіе крестьянъ. — Кромѣ всего этого, крестьяне обязаны были, по распоряженію начальства, возить къ пристанямъ казенный хлѣбъ; лѣсные товары и камень для казенныхъ построекъ въ мѣста, которыя имъ назначитъ ревизоръ; они занимались также сплавомъ казеннаго лѣса и дровъ въ Вильно; на ихъ отвѣтственности лежало исправное содержаніе мостовъ по дорогамъ, и каждое войтовство, подъ начальствомъ своего войта, не дожидаясь распоряженій «мостовничаго», устроивало мосты и переѣзды на свой счетъ и своими руками. Впрочемъ, за всѣ эти работы положена была для нихъ небольшая льгота въ ихъ обычныхъ повинностяхъ [22]). Крестьяне обязаны были еще ходить поочередно на стражу въ казенные замки и дворы по всѣмъ королевскимъ помѣстьямъ; полагалось также извѣстное число сторожей изъ крестьянъ судебныхъ мѣстъ тѣхъ повѣтовъ и волостей, къ которымъ они принадлежали. А гдѣ находились казенныя лошади, тамъ для каждой конюшни наряжали одного сторожа; на каждые двадцать кормленыхъ воловъ также наряжался сторожъ изъ крестьянъ. Ремесленники всѣхъ возможныхъ ремеслъ, — столяры, кузнецы, слесари, колесники, бочары, рыболовы, землекопы, — были водворяемы при всѣхъ замкахъ и дворахъ казенныхъ, особенно при большихъ дорогахъ и при тѣхъ дворахъ, куда король чаще навѣдывался [23]).

---

20) Пам. изд. Врем. Ком, т. II, отд. II, стр. 154—155. — 21) Около 1500 руб. сер. — 22) Тамъ же, стр. 155—162. — 23) Тамъ же, стр. 162—164.

Въ Статутѣ Сигизмунда III повинности эти являются такими же, какими изображены здѣсь: и тамъ и здѣсь видимъ неопредѣленность этихъ повинностей. А это самое тяжелое состояніе для крестьянина. Онъ считаетъ себя болѣе безопаснымъ, если точно и опредѣлительно знаетъ, что̀ именно отъ него требуютъ, что̀ именно долженъ онъ платить въ казну и чиновникамъ, когда и сколько времени долженъ онъ отнимать у себя для казенной работы. Ему легче пожертвовать двумя третями всего своего времени и своихъ доходовъ, только бы это было опредѣлено разъ навсегда, — чѣмъ не знать ни одного дня, который онъ могъ бы назвать своимъ, не имѣть ни одного пенязя въ кошелькѣ, который бы принадлежалъ ему и никому больше. Произволъ въ распредѣленіи повинностей видѣнъ въ каждой главѣ королевскихъ уставовъ; онъ выражался въ ужасныхъ для крестьянина словахъ: *маеть быти на бачьности враду и ревизоровъ нашихъ*, т. е. «какъ угодно будетъ чиновникамъ», какъ они признаютъ за лучшее. Конечно крестьянинъ тяготился такой безурядицей въ своихъ отношеніяхъ къ казнѣ и къ чиновникамъ: ибо онъ въ такомъ только случаѣ считаетъ себя вполнѣ обезпеченнымъ, когда знаетъ, сколько онъ обязанъ внести въ казну, и какой поклонъ дать чиновнику, и сколько дней работать не на своей пашнѣ. — За то порядокъ казенныхъ работъ, пеня и тѣлесное наказаніе за всякое упущеніе опредѣлены уставомъ съ точностью. По словамъ устава, работа крестьянамъ должна быть заказана въ воскресный день: съ чѣмъ и въ какой день волость должна прійти на работу. И войтъ въ тотъ же день назначаетъ людямъ занятіе, и если кто не выйдетъ по заказу, то за первый день платитъ за непослушаніе грошъ пени, а за другой — барана, а если и въ третій разъ поупрямится, или отъ пьянства не выйдетъ на работу, то его наказывали бичомъ на скамьѣ и заставляли отработать пропущенные дни. А если бы, по какому-нибудь случаю, крестьянинъ въ самомъ дѣлѣ не могъ выйти въ поле по заказу войта, то обязанъ былъ извѣстить о томъ урядъ чрезъ сосѣда или присяжнаго засѣдателя («лавника»), и урядъ, признавъ причину уважительною, не долженъ подвергать его ни одному изъ вышеозначенныхъ наказаній, а крестьянинъ обязанъ въ другой день отработать все, что пропустилъ. Отъ работы же не откупаться никому; являться на работу когда солнце всходитъ, и оканчивать ее, когда солнце заходитъ; а отдыхъ тѣмъ, которые скотомъ работаютъ, передъ обѣдомъ — часъ,

передъ полдникомъ — часъ, подъ вечеръ — часъ; а которые работаютъ пѣшіе, тѣмъ давать только по получасу отдыха, и притомъ такой отдыхъ дается только лѣтомъ, въ большіе дни. А кто рано на работу не выйдетъ по упрямству, тотъ на другой день долженъ отработать столько времени, сколько пропустилъ [24]).

Надо замѣтить, что крестьянинъ не смѣлъ откупаться отъ работы; даже мѣстныя власти не имѣли права освобождать его отъ положенной работы, хотя бы то было за достаточное вознагражденіе въ пользу казны: въ случаѣ неисполненія этой статьи устава, самъ урядъ принималъ на себя отвѣтственность передъ закономъ. Надо полагать, что постановленіе это состоялось собственно по той причинѣ, чтобъ предотвратить злоупотребленія, могшія произойти отъ позволенія откупаться отъ работъ: по всей вѣроятности, статья эта направлена противъ взятокъ со стороны чиновниковъ уряда [25]).

Но не въ этомъ одномъ заключались повинности крестьянъ въ отношеніи къ казнѣ; сверхъ исполненія различныхъ работъ, они платили въ казну поземельный оброкъ и довольно сложныя пошлины; жалованье чиновникамъ большею частью падало, хотя нѣкоторымъ образомъ косвенно, на тѣхъ же крестьянъ. Кромѣ того, что крестьяне платили поземельныя пошлины, они обязывались вносить въ казну еще слѣдующій оброкъ: съ дыма — два гроша, съ хлѣба и съ дерева бортнаго — три гроша отъ каждой бортной лѣстницы; кто же не имѣетъ ни того, ни другаго, и живетъ на огородѣ, тотъ долженъ дать отъ огорода одинъ грошъ, а кто не имѣетъ и огорода — долженъ дать полгроша съ дыма [26]). Этого мало; кромѣ платы деньгами, поборы въ казну натурой существовали сами по себѣ, и нельзя сказать, чтобы очень легкіе: съ каждой волоки хорошей и посредственной земли давалось по двѣ бочки овса; а если овса было достаточно въ казенныхъ магазинахъ, то крестьяне обязаны были давать вмѣсто овса десять грошей. Овесъ этотъ они должны были отвозить въ Вильно, къ ловищамъ, пристанямъ и дворамъ казеннымъ, куда будетъ приказано, за 20 миль [27]); крестьянинъ, не желавшій везти своего овса на собственной подводѣ въ назначенное мѣсто, платилъ 10 грошей [28]). За

---

24) Пам. изд. Врем. Ком., т. II, отд. II, стр. 52—56. — 25) Тамъ же, стр. 25—26. — 26) Тамъ же, стр. 210. — 27) Тамъ же, стр. 47. — 28) Тамъ же, стр. 41.

тѣмъ, съ каждой волоки давался въ казну возъ сѣна (или три гроша) и отвозился въ назначенное мѣсто, не далѣе 15 миль. Или: каждая волока давала гуся или полтора гроша, пару куръ или 16 пенязей, 20 яицъ или 3 пенязя, на неводы—два гроша, на провіантъ — $2^1/_2$ гроша; если же на провіантъ не брались деньги, то этотъ провіантъ брался натурой: съ 30 волокъ въ годъ давали яловицу и двухъ барановъ, а съ каждой волоки по курицѣ и по 10 яицъ [29]). Эти мелкіе поборы обходились крестьянину конечно не такъ дешево, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, и почти безвыходно держали его въ нищетѣ, конца которой онъ не видѣлъ и на будущее время. Въ сущности, сумма тутъ не велика, особенно если мы станемъ мѣрить ее по своему, на основаніи цѣнъ настоящаго времени; но по тѣмъ временамъ такіе поборы были тяжелымъ ярмомъ для бѣднаго крестьянина, платившаго за все и отъ всего; для XVI-го вѣка это было тяжелѣе татарскаго набѣга и только не тяжеле развѣ одного аренднаго состоянія. Въ самомъ дѣлѣ историческіе и юридическіе факты всѣ согласны въ томъ, что Литовскому и Малорусскому крестьянину не дешево обходилось его существованіе; что дорого покупалъ онъ себѣ право жить на землѣ, а еще дороже — воздѣлывать эту землю. Но приходилось ли ему пользоваться плодами тяжелыхъ трудовъ своихъ, вознаграждались ли сколько-нибудь его лишенія и оставалась ли ему, въ возмездіе за трудъ, хоть часть того добра, которое добывалъ онъ потомъ и кровью: на это мы не отвѣтимъ утвердительно. Трудно думать, чтобъ крестьянинъ въ такомъ положеніи былъ обезпеченъ хотя самыми необходимыми предметами жизни. Оттого такъ часто въ законахъ Литовскихъ встрѣчается фраза, ужаснѣе которой ничего нѣтъ для крестьянина, — *чáсы голодные*. Это голодное время, безхлѣбье, заставлявшее крестьянина бросать свою семью и родину и идти на сторону *кормитися*, какъ говоритъ уставъ, — идти не на заработки, не для денегъ, а для одного насущнаго пропитанія: и шелъ онъ на сторону потому, что въ своей волости, въ своемъ селѣ и между знакомыми, безъ сомнѣнія, и прокормиться не надѣялся.

Но этимъ сказано далеко не все. Положимъ, что благодатная почва выручала крестьянина изъ нужды и дѣлала его безбѣднымъ,

29) Пам. изд. Врем. Ком., т. II, отд. II, стр. 42—43.

по крайней мѣрѣ, со стороны пищи; положимъ, что у него доставало времени собрать хлѣбъ съ своей волоки, заплатить въ казну натурой, сколько приходилось на его тягло; но вѣдь этого мало, онъ, какъ мы видимъ, долженъ былъ еще платить звонкой монетой — и за землю, и за огородъ, и съ дыма, и съ дерева бортнаго, если такое было на его волокѣ. Гдѣ же было достать Литовскому и Малорусскому крестьянину звонкой монеты, когда во всемъ государствѣ обращалась она въ довольно ограниченномъ количествѣ? Оставалось продать часть снятаго хлѣба, — но кому? Странно: слова «кому продать хлѣбъ» почти непонятны стали для крестьянина настоящаго времени, когда онъ знаетъ, что его хлѣбъ купитъ, если не всякій перекупщикъ, то другіе купятъ его на сторону, купятъ даже для того, чтобъ отправить за границу. Въ XVI-мъ вѣкѣ это было нѣсколько иначе: крестьянину можно было продать хлѣбъ только развѣ въ городѣ своего повѣта, для мѣстныхъ обывателей. Но городскіе обыватели того времени не чужды были крестьянскихъ занятій, сами владѣли извѣстными участками земли, получали съ нихъ хлѣбъ, и только рѣдкіе изъ нихъ нуждались въ крестьянскомъ. Оттого и не легко было крестьянину собрать какую-нибудь копу грошей, которая тотчасъ же переходила въ казну и въ карманы засѣдателей.

Для Литовскаго и Малорусскаго крестьянина чиновникъ былъ положительнымъ и неотразимымъ зломъ, всю тяжесть котораго несло на себѣ низшее сословіе: тамъ чиновникъ существовалъ мужикомъ и всякое столкновеніе этого послѣдняго съ закономъ въ лицѣ засѣдателя («лавника») или другаго урядника, всякое дѣло, — будь оно въ высшей степени правое, — требовало извѣстной платы чиновнику — по закону. Издержки мужику обходились двойныя: платилъ онъ казнѣ — по закону, платилъ и чиновнику — по закону; и чѣмъ чаще мужикъ встрѣчался съ закономъ, т. е. съ чиновникомъ, тѣмъ больше боялся онъ и того и другаго, и тѣмъ больше желалъ этихъ встрѣчъ чиновникъ, имѣя въ нихъ все: «насущный хлѣбъ, и жалованье, и награду за лишнія хлопоты, — не говоря уже о «благодарностяхъ», о «поклонахъ», которые разумѣются сами собой. Оттого и въ законѣ является статья противъ взятокъ, въ которой постановлено, чтобы войты, засѣдатели и прочіе чиновники не полагали лишняго за свои дѣла, не брали взятокъ, не выдумывали разныхъ своевольныхъ поборовъ. Но какъ непрочна была эта статья устава, видно

изъ того, что за всѣ свои плутни надъ крестьянами, за всѣ грабежи при слѣдствіяхъ и сборѣ пошлинъ, чиновникъ отвѣчалъ передъ правосудіемъ однимъ только рублемъ [30]), и, вѣроятно, оставался на прежней должности для выручки этого взятаго казной рубля.

Конечно, повинности крестьянина въ отношеніи къ казнѣ были почти постоянныя, тогда какъ повинности въ отношеніи къ исполнителямъ закона являлись большею частію въ тѣхъ только случаяхъ, когда крестьянинъ находился въ необходимости прибѣгнуть къ защитѣ правосудія. Впрочемъ, многое и въ этихъ случаяхъ обратилось въ непремѣнный законъ: такъ, на примѣръ, крестьяне неизбѣжно должны были платить чиновникамъ при отдачѣ въ казну своего овса, за вписаніе чего-либо въ реестръ, давать имъ подарокъ каждый новый годъ, и т. д., хотя въ это время были уже запрещены такъ называемыя «святочныя колядки» или *поколеды великодныя* [31]), за собираніемъ которыхъ чиновники обыкновенно ѣздили по селамъ и выдумывали при этомъ удобномъ случаѣ всякіе небывалые налоги. Смыслъ этого мѣста устава тотъ, что, до изданія его Сигизмундомъ Августомъ, чиновники въ Свѣтлое Христово Воскресеніе отправлялись по деревнямъ «славить Христа», поздравлять крестьянъ съ праздникомъ, и поздравленія ихъ, конечно, еще болѣе отягощали обывателей деревень.

Когда, по распоряженію правительства, производились въ казенныхъ мѣстахъ облавы и звѣриныя ловли, то на эти облавы сгоняли крестьянъ изъ всѣхъ сосѣднихъ волостей: они должны были являться туда на возахъ и пѣшкомъ, какъ того требовали обстоятельства, и обязаны были приходить всѣ безъ исключенія кромѣ дѣтей и стариковъ («хлопята и старые»), которымъ позволялось оставаться дома [32]). — Изъ крестьянъ избирались особые охотники, *осочники*, которые исполняли должность загонщиковъ на королевскихъ облавахъ, за что получали по двѣ волоки земли, свободной отъ поземельнаго оброка и другихъ повинностей [33]).—За тѣмъ, крестьяне платили *дань медовую* съ тѣхъ бортей, которыя находились въ казенныхъ лѣсахъ. Они обязаны были ловить бобровъ, гдѣ бы они ни оказались, не только въ общихъ и казенныхъ лѣсахъ, но и въ своихъ собственныхъ, на своихъ воло-

---

30) Пам. изд. Врем. Ком., т. II, отд. II, стр. 23—25. — 31) Тамъ же, стр. 129—130. — 32) Тамъ же, стр. 138—140. — 33) Тамъ же, стр. 18—19.

кахъ, и шкурку убитаго звѣря отдавали въ казну, оставляя себѣ за трудъ или пятаго бобра или подбрюшье каждаго пойманнаго. Что же касается до скота и всякихъ домашнихъ животныхъ, назначаемыхъ для убоя, то крестьянинъ не имѣлъ права продавать ихъ безъ особаго дозволенія уряда: такъ, если крестьянинъ желалъ продать въ торговый день мясо убитаго животнаго, то, привезши его въ городъ, обязанъ былъ выхлопотать прежде для этого разрѣшеніе начальства, заплативъ особую пошлину; да и предварительно, въ самомъ селѣ, ему нужно было показать мясо засѣдателю, заплативъ и ему пошлину, и привезти съ собой въ городъ шкуру убитаго скота, на случай подозрѣнія въ воровствѣ [34]). Естественно, что подобныя проволочки стоили крестьянину не дешево и совершенно отбивали у него охоту къ честному добыванію денегъ, хотя безъ нихъ онъ рѣшительно не могъ существовать, платя пошлину и оброкъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Всякое дѣло, какъ бы оно ни было маловажно, стоило крестьянину особыхъ издержекъ: онъ платилъ присяжному засѣдателю грошъ *оглядная* за каждый судебный осмотръ, за каждое произведенное слѣдствіе [35]); онъ платилъ войту четыре гроша по дѣлу о межахъ и 12 грошей уряду [36]); крестьянинъ неявившійся по какимъ-либо обстоятельствамъ на требованіе суда, платилъ «дѣтскому» грошъ *хоженаго* за каждую милю, пройденную дѣтскимъ къ нему и обратно [37]); «возный» бралъ за все: и за каждую милю, которую онъ проѣдетъ, и за каждое дѣло, къ которому приступитъ, бралъ и съ отвѣтчика и съ истца [38]), въ чемъ вполнѣ удостовѣряетъ насъ самый Статутъ Сигизмунда III.

Такъ брали отдѣльные чиновники; но и самому уряду положена было плата не меньше упомянутыхъ: за вписаніе крестьянина въ реестръ урядъ бралъ 14 пенязей съ волоки, съ бочки овса — пенязь, за судебный осмотръ — грошъ, отъ присяги — два гроша, за пересудъ — отъ копы три гроша, служителямъ за принесеніе и привозъ судебныхъ позвовъ — куницу, съ дѣвицы или вдовы, идущей замужъ въ другую волость — 12 грошей, подарокъ въ новый годъ — грошъ [39]), и пр. Какъ разнообразны были повин-

---

34) Пам. изд. Врем. Ком., т. II. отд. II, стр. 36—37. — 35) Тамъ же, стр. 29. — 36) Тамъ же, стр. 28. — 37) Тамъ же, стр. 22—23. — 38) Стат. Кор. Сигиз. III, стр. 99—100. — 39) Пам. изд. Врем. Ком., т. II, отд. II, стр 129—130.

ности крестьянъ въ отношенiи къ чиновникамъ, видно изъ того, что самыхъ названiй ихъ было безконечное множество: *хожженое, вижованое, оглядное, потуремное, помильное, поланцужное, поколодное*, и мн. др.

Изъ всего этого не трудно убѣдиться, что чиновникъ для Малорусскаго крестьянина былъ тяжелымъ бременемъ, котораго не могли облегчить ни казаки, ратовавшiе почти только за свою личную свободу и рѣдко за посполъство, ни политическiя бури, безпрестанно волновавшiя Польшу, ни самое время: бури касались только верхнихъ слоевъ общества, оставляя въ сторонѣ крестьянъ — хлѣбопашцевъ, имя которыхъ весьма рѣдко слышалось на сеймахъ и то развѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда какая-либо волость, доведенная до крайности и движимая лишь чувствомъ животнаго самосохраненiя, вставала на защиту своего послѣдняго достоянiя отъ произвола грабителей; тогда только поднимались «гречкосѣи», «голота» и вся масса бездомовныхъ батраковъ, жившихъ изъ за куска хлѣба. Чаще являлись на политической аренѣ «винники», «пивовары» и «хлѣбопеки», какъ населенiе преимущественно городское, имѣвшее болѣе средствъ располагать своимъ временемъ и своей жизнью. Сельское же населенiе, которое плугомъ и серпомъ поддерживало свое существованiе, безропотно, повидимому, работало на казну и на чиновниковъ. И нельзя сказать, чтобы эти послѣднiе были виноваты въ жалкой судьбѣ Малорусскаго простолюдина: то была воля закона, вытекавшаго изъ гуманныхъ идей Речи Посполитой; то было ослѣпленiе народа проповѣдывавшаго свободу и высоко стоявшаго въ общественномъ развитiи, — народа, который хорошо понималъ и сочувствовалъ человѣчнымъ идеямъ Нѣмирича, хотя такимъ страннымъ образомъ примѣнялъ ихъ къ дѣйствительности. Какъ ни была развита Польская шляхта, какъ ни славилась она образованiемъ и сочувствiемъ къ общечеловѣческимъ идеямъ, — но она съ трудомъ отличала хлопа отъ всякаго рабочаго животнаго; въ сердцѣ шляхтича, при всемъ его развитiи и живомъ стремленiи къ прогрессу, мало оставалось мѣста для жалости къ существу, которое природа поставила слишкомъ далеко отъ него и слишкомъ отдѣльно.

Намъ остается обозрѣть еще другiя стороны въ положенiи коронныхъ крестьянъ югозападной Руси. Подати съ нихъ положено было собирать отъ дня св. Михаила до св. Мартына. Для этого наряжались отъ уряда особые чиновники. Они обязаны были

принимать всѣ денежные сборы и другіе казенные доходы не иначе, какъ въ казенныхъ дворахъ, а гдѣ не было дворовъ, то въ городахъ и селахъ, на одномъ мѣстѣ, въ гостинницѣ, не разъѣзжая и не посылая войтовъ по селамъ, ни по домамъ, подъ угрозою королевской немилости, что̀ дѣлалось, вѣроятно для предотвращенія взятокъ и своевольныхъ поборовъ, бывшихъ не послѣднимъ зломъ въ администраціи того времени. Кто не могъ заплатить подати въ назначенный срокъ, того сажали въ тюрьму и держали тамъ до тѣхъ поръ, пока подать не была уплачена. И за это бралъ еще дѣтскій грошъ «поколоднаго.» Надо думать, что казенныхъ недоимокъ при такомъ порядкѣ вещей было не мало. Впрочемъ, ни воловъ, ни лошадей не было велѣно отбирать у несостоятельныхъ [40]).

Крестьянамъ не позволялось селиться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находился казенный лѣсъ и преимущественно около такихъ пущъ, въ которыхъ производились облавы и звѣриныя ловли. Если же въ казенныхъ лѣсахъ находились мѣста, годныя для сѣнокосовъ, то ихъ позволено было отдавать крестьянамъ *за плату*. Въ такомъ случаѣ крестьяне, закупивши сѣнные покосы, всѣ вмѣстѣ должны были ходить на сѣнокосъ, давъ знать о томъ лѣсничему, но не смѣли брать съ собой ни ружья, ни собаки, ни рогатины и ничего такого, чѣмъ можно убить звѣря. А гдѣ крестьяне имѣли бани въ казенныхъ лѣсахъ, тамъ при такихъ баняхъ, отнюдь не должны были держать ни скота (который могъ портить деревья), ни собакъ. Впрочемъ, они имѣли право въѣзжать, хотя не глубоко, и въ главныя казенныя пущи — по дрова, по хворостъ для городьбы, по лыко, по строевой лѣсъ, — но только для своей надобности, а не на продажу. Ребятишкамъ и бабамъ позволялось ходить по всѣмъ лѣсамъ — за грибами, лѣсными овощами, ягодами и хмѣлемъ. — На своей волокѣ крестьянинъ могъ убить волка, лисицу, рысь, россомаху, зайца, бѣлку и всякаго другаго малаго звѣря, также всякую птицу и могъ продавать кому угодно, не объявляя уряду; но сернъ и другихъ большихъ звѣрей не смѣлъ убивать и на своихъ волокахъ, хоть бы у себя на дворѣ; особливо въ пущахъ и около пущъ крестьянамъ не дозволялось держать ружей и ловить звѣрей какихъ бы то ни было, *подъ*

---

40) Стат. Сигиз. III, стр. 79—82.

опасеніемъ смертной казни [41]. Видно, что въ лѣсныхъ законахъ бо̀льшее вниманіе обращено было на сбереженіе звѣрей, необходимыхъ для королевской забавы, чѣмъ на охраненіе самыхъ лѣсовъ.

Положеніе казеннаго крестьянина не можетъ дать ни малѣйшаго понятія объ участи другихъ несвободныхъ классовъ Речи Посполитой: положеніе его должно было казаться рѣдкимъ благосостояніемъ въ глазахъ хлоповъ и *вольныхъ похожихъ.*

Вольные похожіе, не имѣя клочка собственной земли, которая вся находилась во владѣніи казны, или принадлежала шляхтѣ, рано или поздно, по неволѣ должны были сдѣлаться такимъ же достояніемъ пановъ, какъ и прочіе хлопы: если поселянинъ хотѣлъ оставаться вольнымъ, хотя по имени, онъ долженъ былъ скитаться съ мѣста на мѣсто и не имѣть своей собственной кровли. Въ этомъ случаѣ Статутъ заботился, кажется, о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ. Если вольный человѣкъ прожилъ десять лѣтъ на одномъ мѣстѣ, платя всѣ требуемыя отъ него повинности и работая на господина, онъ дѣлался крѣпостнымъ владѣльца земли и могъ откупиться отъ него только десятью копами грошей. Онъ могъ избавиться отъ своего пана еще бѣгствомъ; но въ такомъ случаѣ панъ имѣлъ право отыскивать его до десяти лѣтъ. Если въ продолженіе этого срока бѣглецъ не былъ пойманъ, то на одиннадцатомъ году становился снова вольнымъ; въ противномъ случаѣ дѣлался такимъ же крѣпостнымъ, какъ и другіе хлопы владѣльца. А *хлопъ* принадлежалъ господину весь, какъ принадлежали ему волы и овцы съ приплодомъ и шерстью, борти съ пчелами и медомъ, садки съ рыбой, лѣса съ дикими звѣрями; хлопъ работалъ на него столько, сколько позволяли ему силы и время, и если работалъ и на себя, то лишь только для того, чтобы все выработанное отдать господину же. Коронный крестьянинъ имѣлъ мѣсто и защиту въ законѣ, хотя, въ сущности, законъ этотъ былъ для него глухъ и нѣмъ, существуя только на бумагѣ, какъ мертвая форма, какъ чиновничья рутина, и не мѣшая исполнителю закона толковать смыслъ его по своему уразумѣнію; хлопъ лишенъ былъ даже этого; онъ, если можно такъ выразиться, стоялъ внѣ закона, по крайней мѣрѣ, для своего владѣльца; всѣ артикулы, въ которыхъ, повидимому, защищались его человѣче-

41) Стат. Сигиз. III, стр. 131—145.

скія права, не существовали на дѣлѣ, уступая передъ силою обычая, вслѣдствіе котораго жизнь хлопа могъ отнять панъ или его довѣренный. Хлопъ былъ рабъ въ полномъ смыслѣ слова. Хотя Статутъ Сигизмунда III и заботился уже, чтобы хлопа не называли невольникомъ, для чего и подобранъ особый *артыкулъ* — «о новомъ називиску челяди дворное, место того, *што ихъ передъ тымъ невольниками звано*» [42]); но перемѣна имени не спасла жизнь этой челяди отъ произвола господъ; исчезло названіе, но идея осталась вѣрною старинѣ, и много лѣтъ спустя послѣ изданія этого артикула, всякій помѣщикъ не боялся передавать своихъ крестьянъ въ аренду жидамъ и писать условія, которыя утверждались въ судебныхъ мѣстахъ, передъ лицемъ закона, и въ которыхъ не считалась предосудительною фраза, что жидъ арендаторъ имѣлъ полное и неотъемлемое право судить и *горломъ карать* (т. е. лишать жизни, предавать казни) арендныхъ крестьянъ.

Чтобы показанія наши не были голословны, возьмемъ въ помощь современныя тому свидѣтельства: для этого слѣдуетъ взглянуть на устройство помѣщичьихъ имѣній того времени въ югозападной Россіи. Голыя цифры сильнѣе всего скажутъ намъ о тяжкомъ положеніи низшихъ классовъ въ Малороссіи и Княжествѣ Литовскомъ. Драгоцѣннымъ памятникомъ для того служатъ инвентари помѣщичьихъ имѣній, въ которыхъ ясно обозначилось незавидное положеніе обывателей югозападной Россіи.

Системы сельскаго хозяйства въ Польской Руси XVI-го вѣка были довольно разнообразны; но, къ сожалѣнію, разнообразіе это нисколько не помогало сущности предмета и не дѣлало ни одной системы лучше другихъ. Развернемъ какой угодно инвентарь помѣщичьяго имѣнія, и намъ станетъ понятно къ чему клонились всѣ хозяйственныя мѣры разныхъ системъ и экономическихъ тонкостей. Передъ нами инвентарь имѣнія Заборольскаго: въ немъ говорится немного и притомъ какъ будто вскользь, когда рѣчь идетъ о крестьянскихъ повинностяхъ; но и по немногимъ сказаннымъ словамъ можно судить о многомъ недосказанномъ.

Имѣніе это не велико. Людей, приписанныхъ къ нему, инвентарь насчитываетъ до 62 тяголъ. Всѣ крестьяне занесены въ инвентарь поименно; при каждомъ тяглѣ обозначено сколько кто

---

42) Стат. Сигиз. III, стр. 382, арт. 36. Ср. стр. 346, арт. 21.

имѣетъ рабочаго скота, — лошадей и воловъ. На 64 души (считая вмѣстѣ съ тѣмъ повара и плотника) приходится только 46 лошадей, изъ которыхъ только 16 названы конями, а остальныя 30 — клячами; воловъ во всемъ имѣніи, на всѣ означенныя тягла, считалось 95 штукъ. Слѣдовательно у рѣдкаго крестьянина можно было найти пару воловъ, а иногда не было и одного, и у рѣдкаго находилась во владѣніи своя лошадь; у шести же изъ нихъ не было ровно ничего: ни вола, ни лошади. Намъ кажется, что съ такимъ количествомъ скота воздѣлывать землю не совсѣмъ удобно. И какимъ способомъ могли обработывать свои и господскія поля крестьяне имѣнія Заборольскаго, когда въ плугъ они могли запрячь не иначе какъ по одной клячѣ и по волу? — Конечно должны были прибѣгать къ складчинѣ. Между тѣмъ эти 64 человѣка несли повинности довольно обременительныя: одно то, что барщина для нихъ не ограничивалась никакимъ срокомъ. *Они должны были работать на помѣщика каждый день* и сверхъ того ежегодно давали ему по мацѣ (до 5 четвериковъ) овса съ каждаго вола [43].

Но еще тягостнѣе было положеніе крестьянъ въ другихъ подобныхъ имѣніяхъ. Напримѣръ: въ одномъ изъ нихъ крестьяне платили помѣщику ежегодно съ каждаго дворища по копѣ грошей (около 3 руб. сер.) [44], давали по двѣ курицы, по гусю, по десяти мотковъ пряжи и *работали на барщинѣ каждый день;* въ другомъ они платили помѣщику по двѣнадцати грошей съ дворища, сверхъ того давали по четыре мацы (2 четверти) овса, по двѣ курицы и *работали на барщинѣ каждый день;* въ третьемъ крестьяне платили помѣщику до двадцати грошей, давали до осьми мацъ овса (4 четверти), давали подводу, куда требовалось помѣщику, и *работали каждый день на барщинѣ;* въ четвертомъ имѣніи платили помѣщику по 1 р. 50 к. сер., давали по четверти овса, по пяти возовъ сѣна, по два ведра прѣснаго меду, по двѣ курицы, и *опять таки работали на барщинѣ каждый день* [45].

Натурально, что у такого народа могла сложиться грустная пѣсня, которая, находя сочувствіе въ угнетенной массѣ, пережила цѣлыя столѣтія и еще до сихъ поръ раздается на Волыни:

Ходить попокъ по церковцû,
У книжку читае:

43) Пам. изд. Врем. Ком., т. III, отд. II, стр. 16. — 44) Тамъ же, предисловіе. — 45) Тамъ же, предисловіе.

— Ой, чомъ же васъ, добрӣ люди,
У церквӣ не мае
— Ой, якъ же намъ, паноченьку,
До церквӣ ходити:
Одъ недӣлӣ до недӣлӣ
Маемъ молотити... [46]).

Кромѣ полевыхъ работъ, на крестьянъ возложено было исполненіе другихъ разнообразныхъ повинностей, неразлучныхъ со всякимъ порядочнымъ хозяйствомъ: у рѣдкаго владѣльца не было мельницъ, прудовъ для рыбы, бобровыхъ гоновъ, садовъ, винокуренныхъ заводовъ, — поддерживаемыхъ тѣми же рабочими силами; во многихъ имѣніяхъ приготовляли въ большомъ количествѣ поташъ, гнали деготь, рубили и возили на продажу лѣсъ, и пр. Такъ и въ имѣніи Заборольскомъ находилась винокурня и, кромѣ того, нѣсколько господскихъ огородовъ, требовавшихъ довольно тщательнаго ухода и значительнаго количества рукъ.

Вообще надо сказать, что это былъ родъ такихъ имѣній, которыми помѣщики владѣли на правахъ полной и безусловной собственности и потому между владѣльцемъ и его крестьяниномъ не существовало никакихъ опредѣленныхъ правилъ и всѣ повинности послѣдняго зависѣли отъ произвола перваго.

Другой родъ помѣщичьихъ владѣній представляютъ такія помѣстья, въ которыхъ отношенія между господиномъ и крестьяниномъ являются уже болѣе опредѣленными и менѣе зависятъ отъ произвола и личной воли владѣльца. Къ числу такихъ имѣній принадлежатъ помѣстья Черногородскія, бывшія во владѣніи князя Романа Сангушка и обширныя имѣнія Полонныя, принадлежавшія князю Григорію Сангушку. Имѣнія Черногородскія составляли 14 селъ, которыя, однако, не всѣ пользовались одинаковыми правами. Крестьянамъ этихъ селъ розданы были опредѣленные участки земли, называвшіеся *дворищами*, достаточные для одного крестьянскаго хозяйства. Количество земли, занимаемой однимъ дворищемъ, не опредѣлено въ инвентарѣ, да оно, кажется, и никогда не обозначалось точно опредѣленною мѣрою; по крайней мѣрѣ, въ памятникахъ того времени ничего не говорится о количествѣ земли, назначаемой подъ каждое дворище. Вѣроятно, ве-

46) Изъ Сборн. Волын. пѣсень, г. Костомарова.

личина ихъ зависѣла отъ воли помѣщика и средствъ крестьянина, которому дворище предоставлялось въ пользованіе. — Не всякій хозяинъ владѣлъ полнымъ дворищемъ: иному давалось полдворища, иному жеребій (извѣстная часть дворища), третьему даже полжеребья. Жеребья земли, по тогдашнему времени, было достаточно для одной ревизской души, или для небольшаго крестьянскаго семейства.

Инвентарь довольно отчетливо опредѣляетъ повинности каждаго крестьянина имѣній Черногородскихъ. Онѣ были слѣдующія: тяглый крестьянинъ, получившій въ удѣлъ дворище или жеребій, платилъ помѣщику поземельный оброкъ, сообразный съ качествомъ и величиной участка земли, который былъ данъ ему въ обработку. Самая большая плата состояла изъ 80 грошей или около 4-хъ нашихъ цѣлковыхъ; другіе платили 60 грошей (около 3 р. сер.); за меньшія дворищи взималось, большею частью, 30 и 29 грошей, что составляло почти нормальную цѣну посредственнаго дворища. Кромѣ поземельнаго оброка, крестьяне платили еще *дань медовую* и плата эта была различна: такъ, напримѣръ, крестьяне села Маневичей, которыхъ считалось только шесть дворищъ, платили медовой дани $112^1/_2$ ведеръ, кромѣ платы за землю, которая у нихъ равнялась 29-ти грошамъ съ дворища; крестьяне же села Рудникова, у которыхъ считалось 24 дворища, давали медовой дани только 24 ведра, и т. д. Относительно работъ тяглыхъ людей въ инвентарѣ сказано очень неопредѣленно, именно: *а повинность работы ихъ водлугъ давного звычаю.* Что это былъ за *старый обычай* — неизвѣстно. Можетъ быть это значитъ, что Черногородскіе крестьяне отбывали такую же барщину, какая была въ имѣніи Заборольскомъ, т. е. каждодневную.

Въ имѣніи Черногородскомъ не всѣ крестьяне состояли на правахъ тяглыхъ и не всѣ отбывали одинаковыя повинности. Въ этомъ имѣніи, какъ и во всѣхъ почти Малороссійскихъ имѣніяхъ того времени, кромѣ тяглыхъ, находился особый классъ сельскихъ обывателей, такъ называемые *огородники*, которые, не занимаясь земледѣліемъ, не имѣли и пахатныхъ полей, а содержали въ распоряженіи своемъ только дворовое мѣсто и небольшой клочекъ земли подъ огородомъ. Они платили поземельнаго оброка меньше: отъ 15 до 60 коп. сер. ежегодно. Но работы огородниковъ на барщинѣ уравнены были съ работами тяглыхъ людей. Третій родъ крестьянъ составляли въ этомъ имѣніи *подсусѣдки*, самые

бѣдные изъ обывателей деревень, неимѣвшіе, что называется, ни кола, ни двора; они не пользовались ни особымъ дворовымъ мѣстомъ, ни пахатной землей, ни огородомъ; а за то, что имъ позволялось жить въ помѣщичьемъ селѣ, они платили вмѣстѣ съ прочими обывателями отъ 5 до 25 коп. сер. въ годъ. Наконецъ, въ имѣніи Черногородскомъ проживали еще *вольники* — родъ новопоселенцевъ или «вольныхъ пахатныхъ людей», которые, на первое время послѣ своего поселенія, пользовались нѣкоторыми льготами относительно поземельнаго оброка и освобожденіемъ отъ другихъ повинностей: такъ въ селѣ Козлиничахъ вольники—Марко, Грицъ, и др. платили поземельнаго оброка отъ 15 до 30 к. сер. съ дворища.

Обыватели же двухъ селъ — Карасина и Поворска, въ которыхъ временно проживалъ самъ панъ, князь Сангушко, или его довѣренный, находились на другихъ условіяхъ: они платили меньшій поземельный оброкъ; но другія повинности ихъ были значительны. Крестьяне села Карасина давали поземельнаго оброка до 1 р. 20 к. сер. и сверхъ того медовой дани болѣе 26 ведеръ. Натуральныя ихъ повинности были слѣдующія: они давали подводу, куда ни требовалъ помѣщикъ или его управляющій; пахали на барскомъ полѣ, сѣяли, собирали хлѣбъ, молотили его и отвозили зерно, куда было приказано. Когда пріѣзжалъ къ нимъ князь или урядникъ, а также слуга княжій или урядничій, то крестьяне должны были давать все возможное продовольствіе какъ имъ и ихъ слугамъ, такъ и лошадямъ барскимъ.

Отъ крестьянъ села Поворска требовалось: поземельнаго оброка до 13 грошей, медовой дани 73 ведра и три возовицы меду. Барщина состояла въ слѣдующемъ: они строили дворовыя господскія зданія и дѣлали около барскаго двора городьбу; строили господскія конюшни, хлѣвы, оборы (т. е. скотные дворы) и всѣ хозяйственныя зданія. Они не пахали на барщинѣ, но, вмѣсто того, ежегодно давали по одной шестерной копѣ ржи, по копѣ овса, по копѣ гречихи; кромѣ того каждый годъ давали по два рѣшета всякой пашни, исключая огородниковъ. А повинность огородниковъ состояла въ слѣдующемъ: копать въ огородахъ и сѣять овощи, собирать и хранить все посѣянное и снятое въ огородахъ; они употреблялись также для посылокъ въ недальнія мѣста, обязаны были пасти лошадей, когда пріѣзжалъ князь, и съ каждаго огорода давали по шести грошей ежегодно.

Поворскіе же тяглые крестьяне обязаны были сжать всякую пашню, сколько бы ни было вспахано господскими сохами, убрать хлѣбъ, смолотить, отвезти на мельницу, куда приказано будетъ. Сѣно косить обязывались въ продолженіи двухъ недѣль; должны были также и убрать все скошенное сѣно, но не всѣмъ селомъ вдругъ, а только одной половиной въ одно лѣто, а въ слѣдующемъ году другою. По окончаніи сѣнокоса, обязаны были еще дать по грошу отъ косы надсмотрщику за работою. Въ недалекія мѣста должны были давать подводы, но дань отвозили, куда бы имъ ни было приказано. Когда пріѣзжалъ самъ князь или бирчій, то давали стражу къ господскому двору и возили дрова, а въ другое время крестьяне стражи не давали, потому что, кромѣ всѣхъ повинностей, они платили еще *сторожевщину*—по два гроша съ дыма. Они должны были строить господскія мельницы, гатить гати, ходить на облаву въ округѣ Поворскомъ и на бобровые гоны, когда бы то ни приказывалось. Все село обязано было давать помѣщику двѣ яловицы; но яловицами у нихъ не брали, потому что ежегодно за двѣ яловицы, въ день св. Петра и Павла, они вносили 100 грошей. Ежегодно, о праздникѣ Успенія, давали по парѣ куръ на каплуненье, а осенью, вслѣдъ за медовой данью, по гусю. Если бы кто нашелъ гнѣздо соколиное, то обязанъ былъ отнести его на барскій дворъ и отдать всѣхъ соколовъ; а если кто находилъ гнѣздо ястребиное или кобчее (въ подлин. *гнѣзда рабчого*), то долженъ былъ дать помѣщику по одной птицѣ отъ каждаго гнѣзда. Отдавъ подати, они должны были еще дать исправный возъ для доставки этихъ податей. А *полуковщину* платили по грошу отъ лукна (гнѣзда) боброваго, *по старому обычаю*, какъ сказано въ инвентарѣ [47]).

Не смотря на отчетливость инвентаря въ описаніи крестьянскихъ повинностей, все-таки для насъ остается темнымъ выраженіе, что крестьяне имѣній Черногородскихъ (исключая обывателей Карасина и Поворска) отбывали барщину «по старому обычаю». Изъ инвентаря мы не видимъ также, какъ велики были участки земли, розданные крестьянамъ за плату, а потому не въ состояніи опредѣлить, какой вѣроятный процентъ дохода съ земли платили крестьяне помѣщику. Также неизвѣстно намъ и коли-

---

47) Пам. изд. Врем. Ком., т. III, отд. II, стр. 17—59.

чество рогатаго скота, какимъ владѣлъ каждый крестьянинъ этого имѣнія.

Надо прибавить, что въ имѣніи Черногородскомъ, кромѣ тяглыхъ крестьянъ, огородниковъ, подсусѣдковъ и вольниковъ, жили еще *земляне*, которые занимали четыре селенія, принадлежавшія князю Сангушку: Вольку Ломачинскую, Шовтысову Руду, Васильки и Валку [48]). Села эти назывались «селами землянскими». Земляне были шляхтичи, не имѣвшіе поземельной собственности, а водворенные на помѣщичьей землѣ, съ обязательствомъ исправлять военную службу по приказанію владѣльца земли. Шляхтичи, получавшіе на такихъ же условіяхъ королевскія земли, назывались «землянами королевскими».

Обратимся теперь къ другому роду помѣщичьихъ имѣній, въ которыхъ еще яснѣе обозначены отношенія владѣльца къ крестьянину и болѣе яркими красками обрисованы повинности послѣдняго.

Инвентарь имѣнія Полонскаго составленъ превосходно. Разобравъ его, мы получимъ понятіе о состояніи хозяйства въ помѣщичьихъ имѣніяхъ югозападной Россіи XVI-го вѣка и, преимущественно, о состояніи Малорусскаго крестьянина того времени.

Къ имѣнію Полонскому было приписано шесть селъ различной величины, съ отведенными для каждаго участками земли, которая и была роздана крестьянамъ за опредѣленную плату и на извѣстныхъ условіяхъ. Хозяйственная система, введенная въ этомъ имѣніи, совершенно отлична отъ показанныхъ выше: здѣсь не назначалось особой усадебной земли, необходимой въ каждомъ селеніи, какъ бы ни было оно малонаселенно, и потому не было особой свободной земли, предназначенной для выгона; но вся земля разбита была на *волоки*, на извѣстные, одинакіе участки, которыми пользовались крестьяне, съ тѣмъ однако, чтобъ каждое семейство, получивъ участокъ земли, селилось на немъ со всѣмъ своимъ имѣніемъ и хозяйственными принадлежностями, составляя совсѣмъ отдѣльное отъ прочихъ хозяйство, — нѣчто въ родѣ хутора. Лучшая часть полей, луговъ и лѣсовъ отчислялась въ пользу помѣщика, для устройства *фольварковъ* и подъ господскія пашни и сѣнокосы; остальная земля дѣлилась между крестьянами. Фольварковыя пахатныя поля, предназначенныя собственно для помѣ-

48) Пам. изд. Врем. Ком., т. III, отд. II, стр. 44.

щика, иногда оставались въ его непосредственномъ владѣніи и воздѣлывались крестьянами посредствомъ барщины, а иногда, по примѣру прочей земли, дробились на волоки и роздавались крестьянамъ, по ихъ желанію, за условленную плату. Само собою разумѣется, что не всѣ были въ состояніи пользоваться этой землей, потому что поземельный оброкъ съ нея обходился очень дорого для крестьянина.

Я сказалъ, что вся земля Полонскихъ была раздѣлена на *волоки*. Волока заключала въ себѣ 19 русскихъ десятинъ и 2100 сажень [49]). На этихъ девятнадцати десятинахъ селилось иногда одно крестьянское семейство, если оно было довольно большое и могло обработывать 19 десятинъ; иногда — нѣсколько семействъ. — Повидимому, въ землѣ недостатка не было. По экономическимъ расчетамъ тогдашнихъ хозяевъ, волока земли считалась вполнѣ достаточною для водворенія на ней со всѣми необходимыми принадлежностями полнаго крестьянскаго хозяйства, которымъ завѣдывали нѣсколько семействъ, потому что волока заключала въ себѣ довольно значительное количество земли и не могла быть хорошо обработана руками одной семьи. Обыкновенно помѣщикъ распредѣлялъ землю между своими крестьянами такимъ образомъ: нѣсколько семействъ, соединивъ свой рабочій скотъ и какой у кого водился земледѣльческій капиталъ, составляли нѣчто въ родѣ маленькой общины, товарищества, и брали у владѣльца въ пользованіе себѣ одну волоку; потомъ, съ общаго согласія, раздѣляли ее на мелкіе участки, сообразно съ силами и средствами каждаго хозяйства, и каждая семья воздѣлывала свой уголокъ отдѣльно, помогая, въ случаѣ надобности, своимъ товарищамъ и отбывая повинности сообща; поземельный оброкъ за свою волоку вносило все товарищество вмѣстѣ. Не соединивъ своихъ средствъ и рабочаго скота, конечно, не всѣ крестьяне могли бы воздѣлывать землю, потому что недостатокъ въ земледѣльческихъ орудіяхъ и рабочемъ скотѣ былъ такъ ощу-

---

49) Мы разумѣемъ десятину «казенную», въ которой считается 2400 саж., а не «хозяйственную», имѣющую 3200 кв. саж. ***Волока*** имѣла 30 *морговъ*; моргъ равнялся 300 *прентамъ* (pręt, прутъ, мѣра); прентъ содержалъ въ себѣ 10 *шнуровъ*, который и считался нормальной линейною мѣрою, бывшею въ употребленіи у Литовскихъ землемѣровъ. См. Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847, str. 220, въ Пам. изд. Врем. Ком., т. III, отд. II, стр. 190.

тителенъ, что на нѣсколько семействъ приходился только одинъ волъ: такъ семейство Бартоломея Панасовича, имѣвшаго двухъ сыновей, пользовалось двумя третями волоки; остальная часть земли, т. е. одна треть волоки, была раздѣлена еще между тремя хозяйствами. Такимъ образомъ, шесть хозяйствъ были въ состоянiи воздѣлывать одну только волоку, да и то, вѣроятно, съ большимъ трудомъ, потому что на всѣ эти шесть хозяйствъ приходился одинъ только волъ и ни у кого изъ нихъ не было лошадей [50]). Или: Кузьма Тарасовичъ съ сыномъ получилъ треть волоки, Удодъ Ярмомъ, имѣвшiй трехъ сыновей,—другую треть, и Сайворосневичъ съ тремя братьями — остальную треть: и всѣ они, въ общей сложности, имѣли трехъ воловъ и одну только лошадь [51]). Въ этомъ случаѣ на мужскую душу приходится около двухъ десятинъ земли. Нѣкоторыя семейства брали волоку и на такихъ условiяхъ, что вся земля оставалась въ общемъ и нераздѣльномъ пользованiи цѣлаго товарищества [52]).

Такая хозяйственная система въ способѣ распредѣленiя земли оказалась очень удобною для крестьянъ, особенно для такихъ, которые были довольно бѣдны и безъ посторонней помощи не могли отбывать своихъ повинностей. Крестьянинъ, неимѣвшiй ни средствъ обзавестись порядочнымъ хозяйствомъ, ни довольно рабочаго скота, чтобы воздѣлывать самый маленькiй клочокъ земли, вступивъ въ товарищество съ зажиточнымъ крестьяниномъ, становился и самъ, если не безбѣднымъ, то по крайней мѣрѣ не безполезнымъ для помѣщика и общества; между тѣмъ какъ зажиточный мужикъ, имѣя нѣкоторый излишекъ въ средствахъ и какого-нибудь гулячаго воля, не только обработывалъ свою собственную волоку на правахъ полнаго и самостоятельнаго хозяина, но съ другой частью капитала присоединялся еще къ товариществу и былъ снова полезенъ и помѣщику и себѣ. Такихъ случаевъ находимъ въ инвентарѣ довольно много. При иномъ положенiи дѣлъ, всѣ повинности, соединенныя съ довольно значительною поземельною платою, могли бы сдѣлаться очень обременительными для подданныхъ, между тѣмъ какъ здѣсь даже тѣ семейства не были вовсе безполезны, въ которыхъ

---

50) Пам. изд. Врем. Ком., т. III, отд. II, стр. 86 и 87. — 51) Тамъ же, стр. 108. — 52) Тамъ же, стр. 74. См. *Фамота Вереденко* и *Матвѣй Восколупъ*,

не было ни одного взрослаго мужчины, — ни одного работника. — Характеръ Малорусскаго поселянина, какъ извѣстно, проявляется въ томъ, что онъ не любитъ жить въ большомъ семействѣ и каждый взрослый сынъ просится въ отдѣлъ и заводитъ свое хозяйство (что у Великороссіянина, издавна привязаннаго къ общинѣ, — къ міру, и почти незнающаго раздѣльности семейства, бываетъ наоборотъ): естественно послѣ этого, что вдовы, оставаясь послѣ мужей съ одними малолѣтными дѣтьми и не имѣя возможности присоединиться къ семейству мужа, отдѣлившагося отъ отца и братьевъ, не могутъ поддерживать своего хозяйства и впадаютъ въ нищету. При такомъ же порядкѣ, какой былъ заведенъ въ имѣніи Полонскомъ, зло это, почти неизбѣжное въ Малороссіи, могло быть устранено: вдова, у которой, при достаточности земледѣльческаго капитала, рабочаго скота и прочихъ необходимыхъ средствъ, недоставало рабочихъ рукъ и опытнаго распорядителя, могла поправить зло, присоединясь къ какому-либо товариществу или принявъ въ помощь къ себѣ другое семейство съ опытнымъ мущиной: всякій хорошій, но бѣдный работникъ могъ быть полезенъ въ этомъ случаѣ, вступивъ въ товарищество съ другой семьей не въ качествѣ наймита, а на правахъ такого же хозяина.

Но приступимъ къ обозрѣнію повинностей и работъ крестьянскихъ. Повинности были распредѣлены сообразно званію крестьянъ, потому что кромѣ тяглыхъ, огородниковъ и подсусѣдковъ, въ имѣніи Полонскомъ были еще *осадники, бояре путные* и *бояре конные*.

Въ селахъ: Городищѣ, Горкахъ, Полоннѣ и Оздовѣ повинности тяглыхъ крестьянъ были такого рода:

Чиншу, т. е. поземельнаго оброка каждый тяглый платилъ съ своей волоки 2 копы и 40 грошей, что составляло около 8-ми р. сер. Натурой крестьяне обязаны были давать: *жита дякольнаго*, для засѣва фольварковыхъ пашень, съ каждой волоки по полмацы Луцкой мѣры, насыпая въ уровень съ краями; каждое село давало извѣстное количество овса; *стаціи*, т. е. съѣстныхъ припасовъ, на случай пріѣзда князя, давали одну яловицу и одного барана съ десяти волокъ; а съ каждой волоки особо — по одному гусю, по двѣ курицы, по 20 яицъ и по возу сѣна. *Барщина* состояла въ слѣдующемъ: крестьяне обязаны были пахать лѣтомъ одинъ день для господской озими и, въ назначенное управителемъ время, вывезти на господскую пашню рожь, собранную съ кресть-

янъ же по полмацы съ волоки, посѣять и въ одинъ день заборо- новать, наряжая по одной боронѣ съ каждой волоки. Сколько бы ни было посѣяно хлѣба на господской пашнѣ, — весь такой хлѣбъ обязаны четыре поименованныя села пожать сгономъ, свезти въ барское гумно и сложить въ скирды. Крестьяне обязаны съ каж- дой волоки, за которую платится чиншу 2 копы и 40 грошей, привезти на господскій дворъ ежегодно по 4 воза дровъ изъ го- сподскаго лѣса, а также и изъ чужихъ лѣсовъ, если это будетъ приказано управителемъ. Каждое село обязано заблаговременно скосить сгономъ назначенную ему долю господскихъ сѣнокосовъ, по оповѣщенію и приказанію управителя; высушивъ сѣно, каждое село обязано было сложить его въ скирды и потомъ доставить на барскій дворъ. Стражу для двора Полонскаго обязаны давать всѣ села поочередно, наряжая по два сторожа въ недѣлю; а когда пріѣзжалъ князь, то наряжали сторожей по мѣрѣ надобности. Также и подводу эти четыре села обязаны были давать пооче- редно, ежегодно наряжая по одной подводѣ съ волоки, не далѣе 20 миль. Если съ какой-нибудь волоки уже наряжена была одинъ разъ подвода, то въ этомъ году крестьяне не обязывались давать другую подводу. Они должны были являться сгономъ для починки плотинъ (grobli), для загачиванія прорывовъ, насыпки отмелей, доставки хвороста и соломы, откуда прикажетъ управитель. — Всѣ эти работы они должны были отбывать во всякое время, когда требовала надобность.

Повинности эти были пояснены еще слѣдующими правилами: крестьяне не должны были нанимать земель у крестьянъ, принад- лежавшихъ постороннимъ владѣльцамъ; въ противномъ случаѣ, они платили штрафъ въ пользу помѣщика и теряли весь хлѣбъ, по- сѣянный на нанятой землѣ. А если кому изъ нихъ надобилась земля, то они должны были брать волока на землѣ своего господина, за положенную плату, если только гдѣ имѣлись такія волоки. — Крестьяне обязаны были уплачивать чиншъ управителю — осенью, въ день св. Мартына и не позже св. Николая; а кто изъ нихъ не могъ отдать чиншу до св. Николая, то управитель наказывалъ та- кого тюремнымъ заключеніемъ. — При отдачѣ *чиншовъ*, *бирчаго* и *писчаго*, управитель бралъ еще съ каждой волоки по 12-ти Литов- скихъ пенязей. — *Громады*, т. е. сельскія сходки, назначаемыя для господскихъ надобностей, должны были собираться не въ буд- ничные, но въ праздничные дни; а если бы кто изъ крестьянъ

не явился на сходку, то долженъ былъ заплатить управителю 2 гроша [53]).

Въ нѣкоторыхъ селахъ были и бо̀льшія повинности [54]).

Другой классъ крестьянъ — *огородники* не имѣли особаго пахатнаго поля въ своемъ пользованіи, а получали только по 3 морга земли подъ огороды. За это они платили по 12 грошей чиншу и по два дня въ недѣлю работали на барщинѣ пѣшіе. Они менѣе другихъ были полезны помѣщику. У огородниковъ не было ни лошадей, ни другаго рабочаго скота, потому и на барщину выгонялись они пѣшіе. Что такихъ полуземледѣльцевъ было довольно въ каждомъ селѣ видно изъ того, что списокъ огородниковъ каждой волости очень значителенъ; а отсутствіе рабочаго скота и по этой причинѣ — занятіе огородничествомъ, требующимъ только заступа и рукъ, не совсѣмъ рекомендуетъ достаточность Малорусскихъ крестьянъ того времени. — Огородники села Коршова, владѣя хорошей землей, платили не 12, а 30 грошей чиншу — плата довольно-тяжелая для огородника! — Самый печальный классъ сельскихъ обывателей составляли *подсусѣдки* — исключительное явленіе того смутнаго періода времени, когда не у всякаго крестьянина была соха и у рѣдкаго пара воловъ. И только подсусѣдки, жившіе почти за-христа-ради у другихъ крестьянъ и неимѣвшіе ничего кромѣ рукъ, способныхъ къ работѣ, а иногда лишенные и этого достоянія, — только подсусѣдки избавлялись отъ оброка, на томъ основаніи, что они ничего не могли заплатить за себя. Повинности ихъ состояли въ томъ, что они работали на барщинѣ по одному дню въ недѣлю.

---

53) Пам. изд. Врем. Кіев. Ком., т. III, отд. II. стр. 97—101.

54) Въ селѣ Баіовѣ, гдѣ крестьянамъ были отданы и господскія пашни, которыя отличались отъ прочихъ качествомъ земли, положено было платить съ волоки по 3 копы, т. есть до 9 р. сер., а съ такъ называемой *боярской* волоки — даже $3\frac{1}{2}$ Литовскія копы, т. е. до 10 р. 50 к. сер.; такую же сумму платили крестьяне Коршевскіе, водворенные на лучшей землѣ и пользовавшіеся рыбною ловлею въ Коршевскомъ прудѣ. — За то, неся прочія повинности наравнѣ съ другими крестьянами, они давали большее количество продовольствія, во время пріѣзда князя. — Баіовскіе же крестьяне, сверхъ вышесказанной поземельной платы, обязывались только работать на прудахъ Баіовскихъ во всякое время, когда требовалось чинить гребли, насыпать отмели, для чего они доставляли хворостъ, навозъ и солому, откуда будетъ приказано. Пам. изд. Врем. Кіев. Ком., т. III, одт. II, стр. 110—111 и 121—123.

Крестьяне же, называвшіеся *осадниками*, или «подданные осадные» отличались отъ тяглыхъ крестьянъ тѣмъ, что за право пользоваться господской землей, платили 3 копы (до 9 р. сер.) съ волоки и были избавлены отъ барщины и другихъ крестьянскихъ повинностей, лежавшихъ на прочихъ тяглыхъ людяхъ, огородникахъ и подсусѣдкахъ.

Были и такіе крестьяне, которые въ одно и то же время состояли на правахъ тяглыхъ и несли всѣ крестьянскія повинности, а между тѣмъ, владѣя другой волокой и платя за нее 3 копы, считались осадниками и избавлялись отъ барщины и повинностей по той волокѣ, съ которой платили осаду [55]).

На правахъ осадныхъ крестьянъ были и *бояре осадные* — собственно такіе сельскіе обыватели, которые обращены были изъ бояръ въ пахатныхъ крестьянъ. Вмѣсто отправленія барщины и взноса натуральныхъ повинностей, они платили помѣщику 3 копы осады.

Такъ какъ въ XVI вѣкѣ не существовало еще правильнаго устройства почтъ, то обязанность развозить письма и другія бумаги къ частнымъ лицамъ и въ разные уряды возлагалась помѣщиками на особый классъ крестьянъ, называвшихся *боярами путными*. Повинность эта называлась *листовною службою*. Кромѣ доставки бумагъ отъ помѣщика или управителя, боярe путные должны были провожать господскія подводы, отправлявшіяся куда-либо по надобности. Служба ихъ вознаграждалась участками земли въ половину волоки или въ цѣлую волоку, которые давались имъ отъ помѣщиковъ въ пользованіе [56]).

Боярами конными были или безземельные шляхтичи, или помѣщичьи крестьяне, получавшіе отъ помѣщика участокъ земли, съ обязанностію исполнять земскую военную службу. Такъ какъ, въ то время, каждый помѣщикъ несъ военную службу и былъ обязанъ снаряжать на свой счетъ опредѣленное число панцырниковъ, которое назначалъ сеймъ, соображаясь съ средствами помѣщика и величиной его поземельной собственности, то, чтобы, на всякій случай, воины эти были готовы и могли выступить въ поле, по первому требованію сейма, помѣщикъ отбиралъ изъ сво-

---

55) Пам. изд. Врем. К. Ком., т. III, отд. II, стр. 80. См. *Грицько Кондратовичъ*. — 56) Тамъ же, стр. 96. См. *Терчинъ* и др.

ихъ крестьянъ нѣсколько семействъ или приглашалъ бѣдныхъ шляхтичей, давалъ имъ въ пользованіе четыре волоки земли, свободной отъ обыкновенныхъ повинностей и возлагалъ на нихъ обязанности воинской службы. Люди эти назывались *боярами конными* или *панцырными*. Повинности ихъ обозначены въ инвентарѣ такъ: «Бояре конные Полонскіе должны имѣть добраго коня, ружье и рогатину, носить ливрею его княжеской милости, и исправлять военную сеймовую и другія службы, въ пользу князя, по приказанію его милости. Они освобождены за это какъ отъ чиншовъ, такъ и отъ ѣзды съ листами» [57]).

Но не всѣ помѣщики были такъ милостивы къ панцырникамъ; не вездѣ эти бояре отбывали только, въ случаѣ надобности, военную службу. — Бояре селъ Воротнова и Романова, въ Луцкомъ повѣтѣ, обязаны были кромѣ военной службы, пахать землю на помѣщика два дня осенью, одинъ день весною, косить сѣно одинъ день и исполнять все, что относилось къ обязанностямъ бояръ путныхъ, т. е. всю листовную службу; если они не отправлялись на войну, то платили поземельную плату по копѣ Литовскихъ грошей съ каждаго полдворища; сверхъ того давали *поволовщину* — по 13-ти Литовскихъ грошей съ каждаго вола [58]).

Прибавимъ еще нѣсколько словъ о другомъ имѣніи князя Григорія Сангушка, находившемся въ волости Полѣской. Земель, годныхъ для хлѣбопашества тамъ было немного, а потому обитатели Полѣсья должны были поддерживать свое существованіе занятіями, соотвѣтствовавшими естественному положенію мѣстности, покрытой лѣсами. Прежде всѣ эти крестьяне ходили на барщину въ имѣніе Полонское; но какъ потомъ они были освобождены отъ этихъ повинностей, то въ замѣну барщины, платили *позлотовщину*, съ каждаго дыма по злотому. Эта дань называлась также *подымнымъ*, *подымовщиной*. Сверхъ того отъ каждаго дыма платили дань медовую, смотря по достатку и средствамъ, — отъ нѣсколькихъ грошей до $2^1/_2$ копъ и болѣе [59]). Дымовъ въ этомъ имѣніи насчитывалось 113; на эти 113 дымовъ приходилось до 300 крестьянъ, считая и малолѣтнихъ мужескаго пола. — Въ инвентарѣ, какъ бы случайно, прибавлено, что крестьяне эти обя-

---

57) Пам. изд. Врем. К. Ком., т. III, отд. II, стр. 101. — 58) Тамъ же, стр. 191—192. — 59) Тамъ же, стр. 158—171.

заны еще были ходить на бобровые гоны и ловить бобровъ для помѣщика, но только тогда, когда бобры появлялись въ ихъ озерахъ и рѣкахъ. Значитъ, эта барщина не была постоянною, слѣд. и не могла быть обременительною. Что же касается до другихъ господскихъ работъ, то этого ничего мы не находимъ въ инвентарѣ.

Для того, чтобы понять несоразмѣрность податей и другихъ, натуральныхъ повинностей съ повседневными доходами, надо многое принять во вниманіе. Не смотря на видимое однообразіе и ограниченность потребностей крестьянина, въ жизни его требуется довольно много издержекъ и во всѣхъ случаяхъ его существованія необходимъ расходъ, который съ трудомъ покрывается ежедневными заработками. Земля служитъ единственнымъ средствомъ его обезпеченія; поселянину болѣе чѣмъ кому-либо необходима поземельная собственность, особенно въ такой странѣ, гдѣ земледѣліе составляетъ главный источникъ производительности, гдѣ крестьянину не остается другаго занятія, кромѣ хлѣбопашества. Въ странѣ торговой, развившей до высокой степени свои мануфактуры, низшія сословія могутъ еще существовать трудами рукъ своихъ помимо поземельной собственности; но въ странѣ, самой природой предназначенной быть земледѣльческою, въ странѣ съ обширными пахатными полями, какъ Малороссія и Литва, — только независимый клочокъ земли обезпечиваетъ благосостояніе низшихъ классовъ. Малорусское поспольство было лишено счастья назвать своимъ самый ничтожный уголокъ земли. Правда, иногда поселянинъ пользовался 10—20 десятинами (хотя это было рѣдко); но эта земля обложена была тяжелою податью и все-таки непринадлежала ему. Зато часто случалось, что цѣлая семья владѣла какими-нибудь двумя десятинами и несла повинности наравнѣ съ прочими. Вообще же ни одна семья не могла похвалиться избыткомъ земли. Одно семейство рѣдко владѣло цѣлой волокой; а если и бывали подобные случаи, то лишь тогда, когда три, четыре и даже пять женатыхъ сыновей не требовали еще у отца выдѣла своей части изъ имущества и жили съ нимъ вмѣстѣ. Чаще же всего волока дѣлилась между двумя, тремя и даже пятью и шестью семействами, и въ такомъ случаѣ на долю каждаго приходилось земли очень ничтожное количество. Въ семьѣ могло быть много женщинъ и дѣвицъ; но онѣ не считаются лицами, имѣющими права на землю (кромѣ вдовъ съ сыновьями, которыя

жили отдѣльнымъ хозяйствомъ), и на дòлю ихъ земли не полагается. Такимъ образомъ, при видимомъ достаткѣ Малорусскаго крестьянина въ поземельной собственности, — на самомъ дѣлѣ онъ былъ бѣденъ землею, да и за тотъ участокъ, которымъ владѣлъ, платилъ значительный оброкъ. Слѣдовательно самый первый, почти единственный источникъ его доходовъ былъ не вполнѣ благонадеженъ: трудно было расчитывать на достатокъ.

Достатокъ въ быту поселянина выражается матеріальнымъ его состояніемъ: исправностью земледѣльческихъ орудій, бòльшимъ или меньшимъ количествомъ рабочаго скота и другихъ необходимыхъ въ хозяйствѣ животныхъ. Это необходимое рѣдко имѣлъ у себя Малорусскій крестьянинъ. Въ инвентаряхъ постоянно встрѣчаются слѣдующія извѣстія: на 250—260 *хозяйствъ* причитается 110 лошадей и 195 воловъ; на 113 хозяйствъ — 47 лошадей и 74 вола, и т. д. Если въ этомъ числѣ были богатые крестьяне, имѣвшіе по двѣ пары воловъ, то были и цѣлыя семьи, неимѣвшія ни вола, ни лошади, или, часто, одна лошадь приходилась на два хозяйства. Естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было обѣдненіе крестьянъ, чего, по видимому, не предвидѣли или не хотѣли предвидѣть ихъ властители. Болѣе мягкія, болѣе человѣчныя требованія одного помѣщика касательно повинностей не были закономъ для другаго. Сеймъ не вступался въ семейныя дѣла господина и его подчиненныхъ. Произволъ пустилъ слишкомъ глубокіе корни и обычай старины казался священнымъ: обремененіе крестьянъ излишними налогами не считалось дѣломъ противозаконнымъ и не страшило помѣщика возможностью видѣть въ опекѣ свое имѣніе. Помѣщикъ зналъ, что произволъ его останется безнаказаннымъ и располагалъ судьбою своихъ рабовъ, какъ ему казалось удобнѣе; крестьянинъ также хорошо зналъ, что онъ отданъ головой пану, что для него не существуетъ гарантія и по неволѣ покорялся своей участи, хотя все болѣе и болѣе питалъ неудовольствіе на своего пана и становился къ нему все болѣе и болѣе во враждебныя отношенія. Помѣщики понимали это, но не хотѣли видѣть пагубныхъ слѣдствій такого положенія дѣлъ, имѣя на своей сторонѣ законъ и мнѣніе большинства, одинаково съ ними смотрѣвшаго на отношенія господъ къ своимъ хлопамъ. Между тѣмъ положеніе этихъ послѣднихъ не улучшалось. Напротивъ, можно даже хронологически показать, какъ возрастали съ каждымъ годомъ цифры, вы-

ражавшія поземельный оброкъ крестьянъ и ихъ натуральныя повинности. Эта возрастающая прогрессія началась съ половины XVI–го столѣтія. Чтобы видѣть это, стоитъ только сравнить инвентаръ 1566–го года съ инвентарями 1573 и 1598 годовъ [60]). Инвентари годъ отъ году пишутся отчетливѣе, но отчетливѣе обозначаются въ нихъ и повинности крестьянъ, разнообразнѣе становятся подати. — Уничтоженіе въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ барщины повлекло за собой установленіе «порютовщины», «подымовщины» и прочихъ налоговъ; сѣнокосы отданы крестьянамъ за плату, которая восходила до 8 грошей за одинъ моргъ или 40 коп. сер. за 1587 кв. саж., на которыхъ, по самой большой мѣрѣ, можно накосить три большіе воза сѣна; а возъ сѣна стоилъ тогда три гроша и даже грошъ! Видя, какъ дорого обходился мужику моргъ сѣнокоса, нельзя удивляться, что въ хозяйствѣ Малорусскаго крестьянина находилось такъ мало рабочаго скота. Въ XVI вѣкѣ, въ Малороссіи считалось хорошею цѣною заплатить за добраго вола 2 или $2^1/_2$ руб. сер., за мужицкіе сани — грошъ или полтора, за четверикъ ржи — тоже грошъ или еще меньше: стало быть, въ то время, когда и трудъ человѣка и произведенія земли цѣнились такъ неимовѣрно–дешево, платить 3 р. сер. и довольно большую подать натурою, при ежедневной барщинѣ, было не легко.

Но не въ однихъ повинностяхъ заключалась вся тяжесть положенія Малорусскихъ крестьянъ XVI–го вѣка: ужаснѣе всего была полная неограниченность правъ владѣльца и обычай отдавать имѣнія въ арендное содержаніе. Не будь никакихъ другихъ данныхъ для опредѣленія состоянія крестьянъ въ тогдашней югозападной Россіи кромѣ арендныхъ записей, мы и тогда имѣли бы право заключить, что состояніе это было самое безотрадное. Арендныя записи — это громко вопіющая несправедливость закона и общества противъ беззащитныхъ сословій, несправедливость, которой не могутъ прикрыть никакія историческія показанія.

Форма и содержаніе этихъ записей почти одинаковы. И эта–то одинаковость формы, фразъ и выраженій въ разныхъ записяхъ, сильнѣе всего убѣждаетъ въ томъ, что фразы эти вошли въ языкъ юридическій, что выраженія эти получили полное право граждан-

---

60) См. инвентари Заборольскаго, Черногородскаго и Полонскаго имѣній.

ства въ законѣ того времени. Во всѣхъ записяхъ неизмѣннымъ арендаторомъ является Жидъ. — Вотъ какъ писались почти всѣ арендные листы: «Я, Александръ Пронскій, кастелянъ Троцкій, и я, жена его милости, Өедора Сангушковна, княжна Пронская, кастелянша Троцкая, объявляемъ симъ арендымъ листомъ нашимъ, что мы отдали и нынѣшнимъ листомъ нашимъ отдаемъ въ аренду благородному пану Буркацкому и *славному пану Абраму Шмойловичу, Жиду Турейскому*, и потомкамъ ихъ, наше наслѣдственное имѣніе въ повѣтѣ Владимірскомъ, именно: замокъ и городъ Локачи, съ огородниками въ предмѣстьи, на Старыхъ Локачахъ, село Уймъ съ укрѣпленіемъ, два села Цевеличи съ фольваркомъ, село Крухиничи съ фольваркомъ, дворъ и село Павловичи съ фольваркомъ, село Уймица Павловицкая, село Холопичи съ фольваркомъ, съ землями, строеніями, людьми тяглыми и нетяглыми, съ боярами путными и панцырными, *съ Жидами и получаемыми отъ нихъ доходами*, со всѣми иными людьми, въ тѣхъ имѣніяхъ нашихъ живущими, съ пашнями, работами, съ подводами, фурами, чиншами, данями, пѣнями малыми и великими, съ мельницами и получаемыми отъ нихъ доходами, съ прудами, озерами, садками и рыбною ловлею, съ корчмами и продажею всякихъ напитковъ, съ гаями, садами, огородами, съ пустошами, сѣнокосами, скотомъ и вообще со всѣмъ и всякимъ имуществомъ и доходами, въ городѣ и селахъ, на поляхъ и въ дубравахъ, такъ чтобы поименованное непоименованному, а непоименованное поименованному никакъ не вредило, ничего для себя не оставляя въ томъ имѣніи на все время аренды» [61]). Перечисливъ всѣ имѣнія и доходы съ нихъ, всѣ обязанности крестьянъ и работы, арендная запись продолжаетъ: «Всѣ вышеупомянутыя имѣнія наши мы разомъ уступили и уступаемъ во владѣніе и пользованіе пановъ–арендаторовъ. *Имѣютъ они право брать себѣ всѣ доходы, судить крестьянъ, не допуская къ намъ апелляціи: они могутъ наказывать виновныхъ и непослушныхъ, по мѣрѣ вины, даже смертію*, если бы кто того заслужилъ; въ чемъ ни мы сами, ни потомки наши никакихъ препятствій дѣлать не будемъ» [62]).

Тотъ же самый тонъ, тѣ же выраженія встрѣчаемъ мы въ другой арендной записи: «Я, Григорій Сангушко–Кошерскій и я

61) Пам. изд. Врем. Комм., т. III, отд. II, стр. 68—70. — 62) Тамъ же стр. 79—80.

Софія изъ Головчина Григорьевая Сангушковая-Кошерская объявляемъ симъ нашимъ арендымъ листомъ, что мы отдали въ аренду имѣнія наши нижепоименованныя, ничего себѣ не оставляя, *славному пану Абраму Шмойловичу*; *женѣ его Рыклѣ Юдинѣ* и его потомкамъ, а именно: мѣстечко Кошаръ, при Кошарѣ Кошуръ Старый, Кругелъ, Краснодубье, Городелецъ, дворъ и село Мезовъ и Мезову, селище Борзовую Черемшанку, съ чиншами денежными, мельницами, корчмами, шинками и продажею въ нихъ разныхъ напитковъ, съ данью медовою, съ обыкновеннымъ въ томъ мѣстѣ мытомъ, съ боярами, со всѣми людьми тяглыми и нетяглыми, живущими въ тѣхъ мѣстахъ и селахъ, съ ихъ пашнями, работами и подводами, съ дякломъ, деревомъ бортнымъ, съ прудами, мельницами, которыя теперь находятся въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и селахъ или послѣ будутъ устроены, съ ихъ доходами, съ озерами, бобровыми гонами, съ полями, сѣнокосами, борами, лѣсами, гаями, дубравами, фольварками, гумнами, съ хлѣбомъ всякимъ на полѣ посѣяннымъ, и вообще со всѣми и всякими доходами, поименованными и непоименованными, ничего себѣ не оставляя» [63]), и т. д. И опять къ концу записи входитъ въ условіе таже безчеловѣчная передача правъ помѣщика арендатору — правъ на жизнь и смерть арендныхъ крестьянъ: «По этому арендному листу, данному съ нашими печатями и за собственноручными подписями нашими, имѣетъ онъ право владѣть вышеупомянутыми имѣніями нашими, пользоваться ими, брать себѣ всякіе доходы, судить и рядить бояръ путныхъ, которые ѣздили съ листами, также всѣхъ крестьянъ нашихъ виновныхъ и непослушныхъ *наказывать денежною пенею* и *смертію*, по мѣрѣ проступковъ (винныхъ и непослушныхъ, ведлугъ выступковъ ихъ, винами и *горломъ карати*)» [64]).

Жидъ Абрамко Шмойловичъ, названный въ записи «славнымъ паномъ», предъявивъ арендный листъ во Владимірскомъ урядѣ и записавъ его въ городскія книги, вступаетъ полнымъ и неограниченнымъ властелиномъ въ обширныя владѣнія, отданныя его личному произволу. Онъ дѣлается почти такимъ же властелиномъ и самаго помѣщика, отдавшаго ему своихъ крестьянъ, потому что и въ отношеніи къ нему произволъ его неограниченъ. Въ сямомъ дѣлѣ, власть Жида становится выше всего, что можно

---

63) Пам. изд. Врем. Комм. — 64) Тамъ же, стр. 88—89.

себѣ представить; онъ не имѣетъ надъ собой ни закона, ни контроля. «А если бы», продолжаютъ эти арендные листы, «во время ихъ владѣнія были опустошены вышеупомянутые мѣстечки, фольварки, села, гумна и мельницы, или если бы пашни погорѣли, или крестьяне разошлись прочь: въ такомъ случаѣ мы сами и потомки наши, на нихъ самихъ и ихъ потомкахъ за то ничего искать не будемъ, *но еще повинны будемъ отыскивать бѣглыхъ на свой счетъ*. А если бы какіе доходы не были получены по причинѣ непріятельскаго опустошенія, или мороваго повѣтрія, или градобитія, или если бы отъ засухи и наводненія испортились мельницы: *то за всѣ такіе убытки мы должны будемъ вознаградить ихъ*, по оцѣнкѣ добрыхъ людей [65]). А если бы въ чемъ нибудь нарушили мы эту запись, не исполнили бы чего-нибудь, къ чему обязались этимъ листомъ нашимъ, въ такомъ случаѣ вольно будетъ пану арендатору позвать насъ въ судъ городской, или земскій, или въ какой ему будетъ угодно, — и мы обязаны будемъ явиться, и тотчасъ, не выходя изъ суда, должны будемъ оправдаться, подъ закладомъ трехъ тысячь злотыхъ Польскихъ на урядъ и трехъ тысячь злотыхъ Польскихъ Абраму, его женѣ, или его потомкамъ; *также обязаны будемъ заплатить за убытки и издержки, по одному словесному объявленію, безъ всякихъ доводовъ и присяги»* [66]).

Читая подобныя записи, съ трудомъ вѣришь, чтобъ законъ могъ допускать такъ варварски издѣваться надъ несчастнымъ человѣчествомъ; а между тѣмъ самыя вѣрныя и нелицепріятныя свидѣтельства исторіи — тѣ, которыя писались безъ задней мысли, безъ претензіи быть памятниками историческими. Здѣсь, въ этихъ записяхъ, мы застаемъ преступленіе, такъ сказать, съ поличнымъ и ни въ какихъ историческихъ данныхъ не можемъ найти ему оправданія. Здѣсь дѣло слишкомъ громко говоритъ за себя и не даетъ повода сомнѣваться въ пристрастіи историческаго свидѣтельства.

И такъ мы видимъ, что славный панъ, Жидъ Абрамко Шмойловичъ и жена его Рыкла, дочь Іуды, судятъ, наказываютъ смертью арендныхъ крестьянъ, руководствуясь произволомъ, не относясь къ пану, — «безъ апелляціи,» какъ сказано въ записи;

65) Пам. изд. Врем. К. Ком., т. III, отд. II, стр. 90—91. — 66) Тамъ же, стр. 91—92.

они берутъ съ нихъ все, что могутъ и не страшатся ни пожаровъ, ни наводненій, ни градобитій, ни нашествія непріятеля, ни неурожая, потому что за всѣ убытки, можетъ быть даже мнимые, ихъ вознаграждаетъ помѣщикъ безпрекословно, по одному личному показанію арендатора, котораго самъ законъ уполномочивалъ на такое самоуправство. Подстароста Владимірскій, какъ предсѣдатель высшаго судебнаго мѣста, приказывалъ вносить эти записи въ городскіе книги такъ: «Я, разсмотрѣвъ предъявленный листъ и находя его *составленнымъ законно* (смертная казнь по личному произволу — законна!), съ печатями и собственноручными подписями, принялъ его для внесенія въ книги, предъ собою приказалъ читать»[67]). Изъ этихъ-то городскихъ книгъ, сбереженныхъ временемъ, мы и почерпнули такія свидѣтельства о состояніи крестьянъ въ томъ варварскомъ вѣкѣ.

Другіе арендные листы не противорѣчать предыдущимъ. Только вмѣсто Жида Абрамки Шмойловича является Жидъ Песахъ или другой подобный и права его такъ же неограниченны, какъ и перваго; только въ записи Песаха прибавлено, что *въ аренду къ нему поступаютъ и церкви со всѣмъ тѣмъ, что дано имъ на содержаніе*. Жидъ Песахъ, какъ и Абрамко, имѣетъ право «судить крестьянъ и наказывать виновныхъ и преступныхъ пенями (по злотому съ провинившагося), *а если бы кто по праву заслужилъ смерть, то карать и смертію.*» — И здѣсь, какъ тамъ, права арендатора выше всего на свѣтѣ; и Песахъ, какъ Абрамко, не страшится никакихъ случайностей и не знаетъ отвѣтственности ни передъ паномъ, ни передъ закономъ.

Кажется, сдѣланныхъ нами выписокъ достаточно для того, чтобы отчетливѣе представить ту печальную картину бѣдной Малороссіи, которую изобразили намъ, въ своихъ очеркахъ, историки этой страны. Но еслибъ не было никакихъ историческихъ свидѣтельствъ объ этой смутной эпохѣ, — тогда народъ самъ сказалъ бы намъ о своихъ минувшихъ бѣдствіяхъ. Такую пору народъ нескоро забываетъ. Не забылъ онъ и объ этомъ долгомъ періодѣ своихъ страданій и самъ становится свидѣтелемъ давноминувшихъ событій. Вотъ какъ говоритъ онъ объ этихъ временахъ:

---

67) Пам. изд. Врем. К Ком., т. III, отд. II, стр. 38.

Якъ одъ Кумивщины да до Хмелнищины,
Якъ одъ Хмелнищины да до Брянщины,
Якъ одъ Брянщины да до сёго жъ то дня,
Якъ у земли Кралевскій да добра не було:
Якъ жиды-рандари
Вси шляхи козацьки зарандовали,
Що на одній мили
Да по три шинки становили.
Становили шинки по долинахъ,
Зводили щоглы по высокихъ могилахъ.
Ище жъ то жиды-рандари
У тому не перестали:
На славній Украини вси козацьки торги заорандовали
Да брали мыто-промыто:
Одъ возового
По пивъ-золотого,
Одъ пишаго-пишеницы по три денежки мыта брали,
Одъ неборака — старця
Брали куры да яйца,
Да ище пытае:
«Ци не ма, котикъ, сце цого?»
Ище жъ жиды-рандари
У тому не перестали:
На славній Украини вси козацьки церкви заорандовали,
Которому бъ то козаку, альбо мужику давъ Богъ дитину появити,
То не йди до попа благословитьця,
Да пійди до жида-рандара, да положъ шостакъ, щобъ позволивъ церкву одчинити,
Туго дитину охрестити.
Ище жъ то которому бъ то козаку, альбо мужику давъ Богъ дитину одружити,
То не йди до попа благословитця,
Да пійди до жида-рандара, да положъ битый тарель, щобъ позволивъ церкву одчинити,
Туго дитину одружити.
Ище жъ то жиды-рандари
У тому не перестали:
На славній Украини вси козацьки реки зарандовали.
Перва на Самари,
Друга на Саксани,
Трейтя на Гнилій,
Четверта на Пробійній,
Пята на речци Кудесци.
Который бъ то козакъ, альбо мужикъ исхотивъ рыбы вловити
Жинку свою зъ дитьми покормити,
То не йди до пана благословитьця,
Да пійди до жида-рандара да поступи ёму часть оддать,

Щобъ позволивъ на ричци рыбы влозити,
Жинку свою зъ дитьми покормити», и. т. д. [68])

Народная поэзія представляетъ довольно много такихъ краснорѣчивыхъ свидѣтельствъ о состояніи Малорусскаго народа подъ Польскимъ владычествомъ, и — къ сожалѣнію — смыслъ ихъ такой же, какъ и въ этой думѣ: всѣ эти живые памятники старины выражаютъ печальную истину, до которой мы дошли путемъ разбора свидѣтельствъ историческихъ, — ту истину, что *въ землѣ королевской добра не было...*

Подавленные всею тяжестью неволи, хлопы безропотно пахали на шляхетскихъ фольваркахъ, вносили чиншъ и дань медовую, платили и «бирчее» и «плечее» и «позлотовщину» и «поволовщину»; всю жизнь свою, — отъ весны до весны — работали не па семью свою, а на беззаботнаго и, порой, жестокаго пана, отдававшаго ихъ, при первомъ удобномъ случаѣ, въ полное и неограниченное распоряженіе Жиду или другому ростовщику, который, за свои деньги, бралъ въ залогъ Божьи церкви и села съ крестьянами, не для того, чтобы улучшать ихъ состояніе, а чтобы имѣть возможность грабить ихъ безнаказанно, опираясь на силу закона, который словесное показаніе жида-арендатора велѣлъ признавать чѣмъ-то священнымъ, непогрѣшительнымъ, выше всякихъ доказательствъ. Разумѣется, Жидъ бралъ крестьянъ не съ человѣколюбивою цѣлью, не съ гуманными расчетами политико-экономиста и давалъ свои деньги промотавшемуся шляхтичу не изъ личнаго къ нему уваженія, не изъ желанія помочь пану, а съ простымъ, естественнымъ расчетомъ всякаго ростовщика — получить нѣсколько лишнихъ тысячь злотыхъ и получить какими бы то ни было средствами. Какъ ни нехорошъ шляхтичь къ своимъ крестьянамъ, какъ ни тяжела рука пана, — но рука арендатора тяжеле: помѣщикъ еще жалѣетъ своихъ крестьянъ, потому что они его собственность, приданое его дочерей, наслѣдство сыновей; а для арендатора — это временной источникъ доходовъ, рогъ изобилія, изъ котораго онъ постарается вытряхнуть все въ продолженіе срока аренды. И тяжко было бѣдному хлопу въ такой безграничной зависимости отъ жида; да врядъ ли было хорошо и пану; были же причины, вынуждавшія его давать такія огромныя права

68) Записи о южной Россіи, П. Кулиша, 1856 г., стр. 58 и слѣд.

арендаторамъ. Завѣдываніе имѣніями, подобными Малорусскимъ вотчинамъ той эпохи, едва ли было надежнымъ обезпеченіемъ для такого владѣльца, какъ Польскій магнатъ, и тѣмъ болѣе — шляхтичъ; слѣдствіемъ хозяйственной системы, образцики которой привели мы выше, — были естественно недоимки на крестьянахъ, и помѣщикъ отдавалъ ихъ и самаго себя головою арендатору, вѣроятно, потому, что уже ничего не могъ болѣе пріобрѣсти отъ своихъ истощенныхъ хлоповъ и расчитывалъ на экономическія способности Жида. Не что иное, какъ нужда заставляла, конечно, помѣщика прибѣгать къ такимъ безразсуднымъ мѣрамъ.

И дѣйствительно, въ историческихъ памятникахъ того времени, мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, что незавидна была и жизнь помѣщиковъ, такъ неограниченно располагавшихъ жизнью и имуществомъ множества подвластныхъ имъ существъ; что бѣдность проглядывала и въ ихъ обыденной жизни и во всемъ ихъ окружающемъ. — Вотъ, напримѣръ, изображеніе *двора Поворскаго*, въ которомъ часто жилъ самъ знаменитый князь Романъ Сангушко, воевода Брацлавскій, гетманъ дворный Великаго Княжества Литовскаго, староста Житомірскій, державца Речицкій, прославившійся побѣдами надъ войсками Іоанна Грознаго:

«Дворъ огороженъ заборомъ неновымъ; противъ воротъ домъ на столбахъ; крыльцо; изъ крыльца ходъ въ сѣни. Когда войдешь въ сѣни, то по правой сторонѣ свѣтлица, а въ ней печка бѣлая; четыре старыя, оконныя стекла; двери на желѣзныхъ завѣсахъ. Изъ этой свѣтлицы ходъ въ другія сѣни, а изъ этихъ сѣней ходъ въ другую свѣтлицу, въ которой печь бѣлая, три оконныя стекла старыя; изъ свѣтлицы ходъ въ кладовую. А по лѣвой сторонѣ, когда войдешь въ сѣни, свѣтлица, въ которой бѣлая печь, четыре старыя, оконныя стекла, двери на желѣзныхъ завѣсахъ; изъ этой свѣтлицы ходъ въ кладовую, въ которой небольшое окно безъ стекла. Изъ тѣхъ же сѣней ходъ въ кладовую, въ ней окно безъ стекла. Домъ покрытъ драныо неновою. Подлѣ этого дома — пивница, крытая драныо неновою; по другой сторонѣ дома — конюшня, сдѣланная срубомъ, недавно покрытая драныо; не далеко отъ этой конюшни — старая кухня, подлѣ кухни — конюшня, безъ кровли и безъ дверей, недавно поставлено; гридня, сѣни, на противной сторонѣ кладовая неновая,

избушка малая съ сѣнями, неновая, и пять старыхъ хлѣвовъ, сдѣланныхъ срубомъ и крытыхъ соломой» [69]).

А вотъ описаніе *двора Полонскаго*, къ которому принадлежало такое огромное количество земли и до десяти большихъ селеній. Дворъ этотъ принадлежалъ Григорію Сангушку:

«Домъ, обмазанный глиною; двѣ бѣлыя избы, одна противъ другой; одна изъ нихъ большая, построенная на каменномъ погребѣ. Въ этой избѣ пять оконъ, четыре оконныя стекла съ желѣзными прутьями и тремя ставнями на завѣсахъ; двери тоже на завѣсахъ; въ нихъ желѣзный запоръ въ видѣ скобы; скамьи въ достаточномъ количествѣ, печь изразцовая муравленая, подлѣ печки небольшой камелёкъ. Противъ означенной свѣтлицы находится другая свѣтлица, опочивальня, въ которой два окна съ двумя новыми стеклами, ставень одинъ, скамьи въ достаточномъ количествѣ, печь муравленая, а подлѣ нея камелёкъ муравленый. Изъ этой свѣтлицы входъ въ комнату, въ которой двери на завѣсахъ съ задвижкой; въ этой комнатѣ находится большой муравленый каминъ, окно съ ставнемъ на завѣсахъ, съ защепкою и скобою. Изъ этой комнаты входъ въ ретирадное мѣсто, *сдѣланное изъ хвороста, безъ кровли*, двери на завѣсахъ съ защепкою и скобою. *Между означенными избами находятся сѣни, плетенныя изъ хвороста* и *обмазанныя глиною*» [70]).

А вотъ еще картина *дворца Черногородскаго*, принадлежавшаго князю Роману Сангушку: «Во первыхъ, когда войдешь въ дворъ, то на лѣвой сторонѣ находится свѣтличка съ сѣнями. Въ ней печь простая, окна заклеены бумагою. За этою свѣтличкою кухня; подлѣ этой кухни другая свѣтличка, въ которой печка простая, окна заклеены бумагою; напротивъ этой свѣтлички кладовая, въ которую ходъ изъ сѣней. Подлѣ этой кладовой — клѣть для храненія имущества, подлѣ клѣти — чорная изба съ сѣнями, подлѣ избы — двѣ конюшни подъ одною кровлею. Всѣ изчисленныя строенія покрыты драньюо» [71]).

Странно согласить такую жалкую дѣйствительность съ разсказами лѣтописцевъ и поэтовъ о той роскоши, о томъ удивительномъ великолѣпіи, которое окружало шляхтича во всѣхъ случаяхъ жизни и на всякомъ мѣстѣ. Или панство не пользовалось такими

---

69) Пам изд. Врем. К. Ком., т III, отд. II, стр. 49—50. — 70) Тамъ же, стр. 61—62. — 71) Тамъ же стр. 49—50.

огромными доходами, какими они являются на страницахъ инвентарей; или же не умѣло распоряжаться ими такъ, чтобы доставить и себѣ и своимъ подданнымъ матерьяльное благосостоянiе и тратило ихъ болѣе на свои личныя, можетъ быть, по нашему времени — безумныя, удовольствiя, чѣмъ на удобства жизни. — Какъ бы то ни было, но ни изъ вышеприведенныхъ описанiй домашней обстановки пановъ, ни изъ арендныхъ листовъ, въ которыхъ такъ рѣзко обнаруживаются тягостныя отношенiя ихъ къ Жидамъ арендаторамъ, — мы не находимъ основанiя считать положенiе ихъ слишкомъ блистательнымъ.

Блистательно оно было развѣ только въ сравненiи съ положенiемъ хлоповъ, которыхъ даже и самая жизнь зависѣла отъ произвола сильнаго, которые испытали все, что можетъ испытать человѣкъ среди общества, поставившаго себя слишкомъ отдѣльно и слишкомъ высоко надъ низшими классами; общества, которое не позаботилось даже обезопасить существованiя этихъ послѣднихъ какими-нибудь формами закона, но исключило ихъ изъ своей среды, даже, кажется, не подозрѣвая невозможности существовать кому бы то ни было внѣ правилъ закона.

Неудивительно же, что «не было добра въ королевской землѣ», — и рано или поздно существовавшiй порядокъ вещей долженъ былъ сдѣлаться гибельнымъ для тѣхъ, кто былъ его причиной. Такъ и случилось.

Утѣсненный Малорусскiй крестьянинъ, хотя и не могъ помириться съ мыслью принадлежать пану-ляху по праву, однако, по неволѣ, покорялся своей участи. Но участь его понималъ, бѣдствiямъ его сочувствовалъ поставленный въ другое положенiе и сознававшiй свою независимость казакъ, и Польша поплатилась потерею самостоятельности за это угнетенiе Малоруссовъ, за эту вопiющую несправедливость къ народу, связанному съ ней добровольнымъ рѣшенiемъ, вслѣдствiе котораго цѣлая страна, такая же свободная и независимая какъ и Польша, соединила свою судьбу съ судьбой Речи Посполитой, не какъ побѣжденная нацiя, а «какъ равная съ равной, вольная съ вольной.»

Оттого такъ тяжело было Малорусскому народу терпѣть все то униженiе, на которое обрекла его Польша; тяжело было этому, нѣкогда самостоятельному народу, стать въ рядъ несвободныхъ сословiй, сносить всю муку рабскаго состоянiя и не имѣть защиты даже въ законѣ.

Шляхтичъ сознавалъ, что законъ на его сторонѣ и безсовѣстно пользовался своимъ правомъ; онъ понималъ выгоды своего положенія, какъ понималъ бѣдный Малоруссъ всю тяжесть своего, незаконность своихъ отношеній къ пану и несправедливость всегда угнетающаго его закона.

А тому, что онъ понималъ все это, — мы найдемъ доказательство въ самыхъ воспоминаніяхъ народа, сохранившихся въ немъ до сей поры. Старый бандуристъ настоящаго времени, зная о смутномъ концѣ XVI–го вѣка по разсказамъ отцовъ и дѣдовъ, самовидцевъ той эпохи, еще и теперь вспоминаетъ объ этой тяжелой порѣ.

«Базиляне, говорилъ г. Кулишу одинъ старый лирникъ, учать, було, по–Польскій, и который хлопчикъ, або дѣвочка скаже Боже приказаніе (т. е. заповѣдь), то стросцина (жена старо́сты) дасть пятака, гривню, або хрестикъ. Сказано — манила. У одного хлопчика спытала: «На що тебе Богъ создавъ?» — А винъ каже: «Щобъ панщину робивъ.» — Тому дала срибного злотого.» [72]).

Д. Мордовцевъ.

---

72) Записки о южной Руси П. Кулишъ. Спб. 1856 г., стр. 101—102.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ОТДѢЛЬНЫМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ

И

ИЗДАНІЯМЪ МАТЕРІАЛОВЪ,

КАСАЮЩИХСЯ

ВНУТРЕННЯГО БЫТА РОССІИ.

I.

ДОПОЛНЕНІЕ

КЪ РАЗСУЖДЕНІЮ Г. ДЕППА

О НАКАЗАНІЯХЪ,

СУЩЕСТВОВАВШИХЪ ВЪ РОССІИ

ДО

ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА,

Н. В. Калачова.

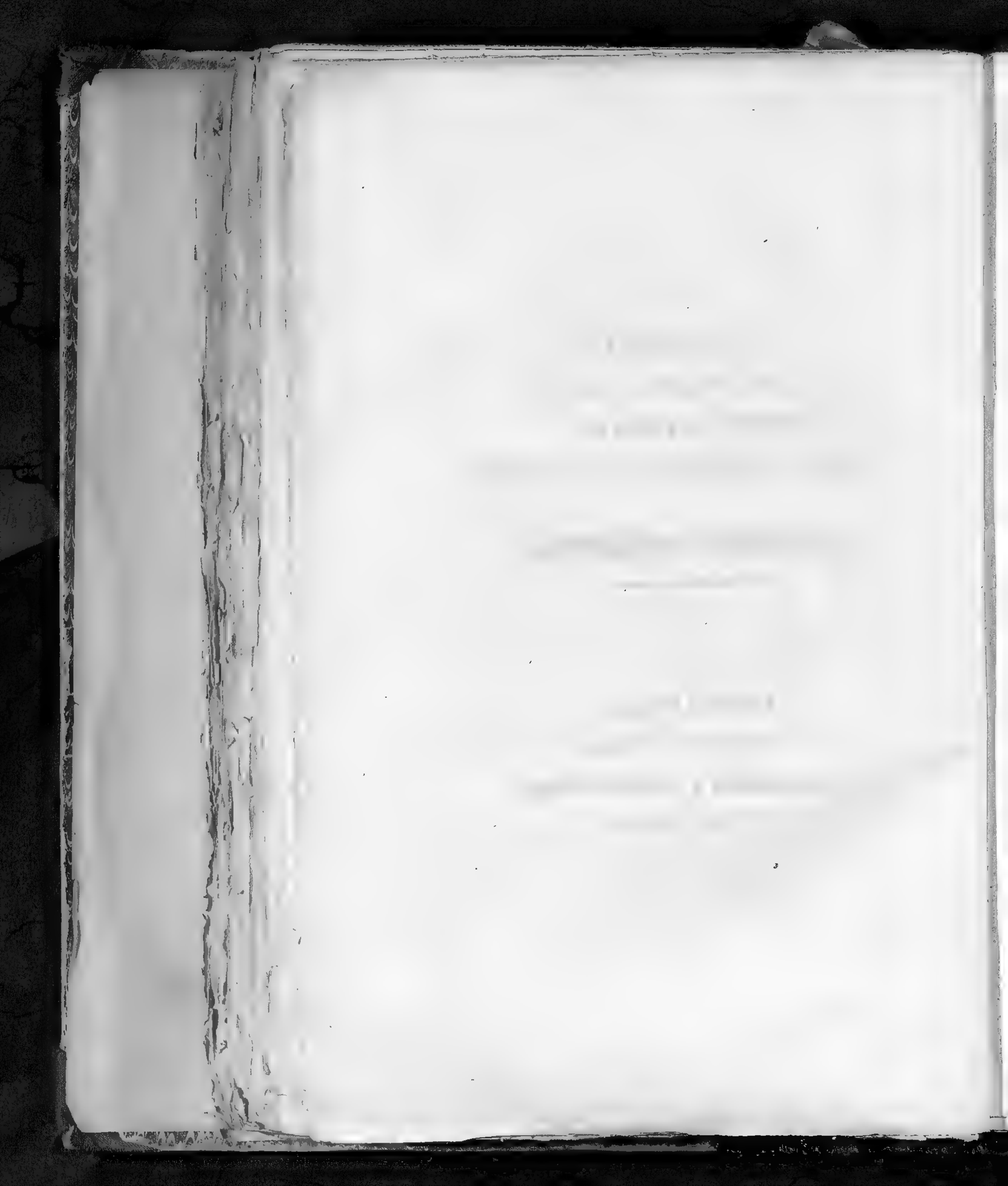
II.

ДОПОЛНЕНІЕ

КЪ НѢКОТОРЫМЪ СТАТЬЯМЪ

1-й ПОЛОВИНЫ 2-й КНИГИ АРХИВА,

А. Е. Энгельмана.



О НАКАЗАНІЯХЪ, СУЩЕСТВОВАВШИХЪ ВЪ РОССІИ

ДО ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ, НАПИСАННОЕ ДЛЯ ПОЛУЧЕНІЯ СТЕПЕНИ МАГИСТРА Ф. Деппомъ. Спб., въ тип. Крайя, 1840, въ 8-ку, 95 стр.

Есть два способа изученія и разработки нашихъ древнихъ юридическихъ памятниковъ. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, что изслѣдователь, разсматривая всѣ вообще матеріалы, относящіеся къ извѣстному періоду отечественной исторіи, а въ связи съ ними и акты юридическаго содержанія, старается понять ту идею, которую они выражаютъ въ примѣненіи къ народной жизни всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности, для того чтобы уяснить себѣ тѣ основныя начала, подъ вліяніемъ которыхъ они составлены въ данную эпоху. Такой способъ изученія и разработки памятниковъ можно назвать систематическимъ или прагматическимъ. Результатомъ его должно быть обозрѣніе всѣхъ источниковъ извѣстнаго періода въ ихъ органической связи относительно представляемаго ими содержанія. Другой способъ заключается въ подробномъ изученіи каждаго изъ отдѣльныхъ памятниковъ въ частности. Здѣсь изслѣдователь занимается спеціальнымъ разборомъ всѣхъ различныхъ положеній и данныхъ, которыя встрѣчаются ему въ разсматриваемомъ актѣ. Онъ не довольствуется размѣщеніемъ этихъ положеній въ какомъ-либо принятомъ наукою порядкѣ, но старается также, на основаніи всѣхъ добытыхъ имъ свѣдѣній, въ слѣдствіе такого спеціальнаго изученія своего матеріала, уловить тѣ движущія начала, которыя даютъ имъ жизнь и связываютъ ихъ въ одно цѣлое. Таковы требованія, выставленныя въ послѣднее время разными учеными въ отношеніи къ обоимъ способамъ разработки нашихъ древнихъ юридическихъ памятниковъ. Соглашаясь съ ними, мы въ правѣ предложить вопросы: который изъ этихъ двухъ способовъ долженъ предшествовать въ наукѣ, и могутъ ли они, взятые въ отдѣльности, приниматься каждый въ соображеніе при разработкѣ памятниковъ на основаніи другаго противуположнаго способа? Послѣдній вопросъ рѣ-

шить не трудно. Все то, что какимъ бы то ни было путемъ добыто какъ результатъ самостоятельнаго изслѣдованія, не можетъ быть чуждымъ для ученаго, если онъ не хочетъ быть одностороннимъ, или даже снова начинать уже сдѣланное прежде. Иное дѣло повѣрять результаты предыдущихъ розысканій: это прямая обязанность каждаго добросовѣстнаго историка-юриста. Вотъ почему всякій изслѣдователь, съ какой бы точки зрѣнія, какимъ бы способомъ онъ ни принимался за разработку памятниковъ, долженъ имѣть непремѣнно въ виду всѣ предшествовавшіе выводы, сдѣланные другими, для того чтобы или принять ихъ къ свѣдѣнію и ими воспользоваться, или же, напротивъ, опровергнуть ихъ на основаніи убѣдительныхъ доводовъ. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что только въ слѣдствіе обоюднаго содѣйствія того и другаго способа, памятники могутъ быть вполнѣ разъяснены, и отдѣльныя ихъ положенія войти, какъ достовѣрныя и осмысленныя данныя, въ содержаніе науки. Что же касается до того, который изъ означенныхъ двухъ способовъ разработки матеріаловъ долженъ предшествовать другому, мы думаемъ, что этотъ вопросъ нельзя рѣшить вообще, такъ чтобы тѣмъ самымъ поставить какое-либо обязательное правило для изслѣдователей. Мало ли вполнѣ основательныхъ условій, которыя могутъ побудить ученаго склониться въ своихъ розысканіяхъ на какой-либо одинъ способъ предпочтительно предъ другимъ? Не говоря уже о недостаткѣ въ спеціальныхъ пособіяхъ, необходимыхъ при изученіи каждаго отдѣльнаго памятника, въ богатомъ запасѣ филологическихъ и часто археологическихъ свѣдѣній и другихъ неизбѣжныхъ этого рода условій, самый складъ ума, способности и характеръ, дѣлаютъ одного болѣе склоннымъ къ научнымъ или теоретическимъ воззрѣніямъ на данные предметы, а другому указываютъ на направленіе фактическое, какъ наиболѣе ему доступное и сродное. Нельзя поэтому порицать ученаго за предпочтеніе одного способа разработки отечественной исторіи и ея памятниковъ другому, хотя нельзя также не замѣтить, что онъ обязанъ долго испытать себя, прежде нежели рѣшится въ своихъ розысканіяхъ принять направленіе теоретическое. Какъ направленіе отвлеченное и по преимуществу логическое, оно нуждается въ особенномъ талантѣ и соображеніи, которые природою не всякому даны въ удѣлъ, между тѣмъ какъ, при направленіи фактическомъ, съ средствами гораздо меньшими, можно всегда надѣяться принести прямую поль-

зу наукѣ. Впрочемъ на дѣлѣ это уже само собою сознается учеными, посвящающими себя преимущественно специальнымъ розысканіямъ; почему самому не должно слишкомъ опасаться *безплодныхъ* теоретическихъ воззрѣній, которыя сверхъ того никогда не устоятъ передъ судомъ времени. Но смотря съ этой точки на оба способа разработки памятниковъ, и не признавая за нужное обязывать изслѣдователей къ предпочтенію того или другаго способа, кромѣ указанія на непосредственныя преимущества, представляемыя направленіемъ фактическимъ, — мы не можемъ, говоря вообще, не сознаться, что научное или теоретическое воззрѣніе, основанное на внимательномъ, но тѣмъ не менѣе общемъ обозрѣніи всѣхъ источниковъ извѣстнаго періода, можетъ пролить яркій свѣтъ на уясненіе какъ значенія каждаго отдѣльнаго памятника, такъ и частныхъ его положеній. Наоборотъ, при недостаткѣ такихъ высказанныхъ теоретическихъ началъ въ наукѣ, изслѣдователь-специалистъ, не имѣя руководной нити въ своихъ розысканіяхъ, долженъ ощупью отыскивать какихъ-либо точекъ для своей опоры; почему не удивительно, если онъ признаетъ такимъ образомъ въ своихъ выводахъ за особенныя основныя начала вовсе не существенныя проявленія какой-либо отдѣльной личности, или же общія характеристическія черты всѣхъ народовъ, находящихся на извѣстной степени развитія. Однако и здѣсь, на дѣлѣ, исторія разработки памятниковъ подчинилась у насъ сама собою такому требованію основныхъ началъ, которыя были уже указаны предварительно подъ вліяніемъ теоретическаго направленія. Еще прежде нежели кто-либо изъ ученыхъ подумалъ приняться за спеціальное объясненіе того или другаго памятника, въ изслѣдованіяхъ нашихъ академиковъ конца XVIII столѣтія, а въ послѣдствіи въ Исторіи Карамзина и въ сочиненіяхъ Эверса, уже были высказаны основныя начала, какъ существенные элементы развитія общественной или частной жизни нашихъ предковъ въ древнѣйшее время, которыми слѣдовательно обусловлено вообще содержаніе нашихъ древнихъ юридическихъ памятниковъ. Самымъ яркимъ изъ такихъ началъ, какъ основный элементъ, который давалъ направленіе и движеніе всѣмъ важнымъ событіямъ періода нашей исторіи отъ призванія Князей Варяго-Русскихъ до Ярослава I включительно, было признано прежде всего въ наукѣ начало *Германское.* Основаніемъ къ этому служило убѣжденіе, что Князья Варяго-Русскіе и ихъ дружинники, призванные племенами

Славянскими и Финскими, по ихъ языку, законамъ и обычаямъ, были Скандинавы или Норманны. Не смотря на то, что, въ противоположность этому убѣжденію, нѣкоторые ученые признавали и доселѣ признаютъ Варяго-Руссовъ Славянами, многіе даже изъ нихъ согласны въ томъ, что наши предки, въ теченіе извѣстнаго времени, тѣмъ не менѣе находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ элемента Германскаго, который нѣкоторыми рѣзкими чертами отличался отъ кореннаго или народнаго элемента племенъ туземныхъ. Въ чемъ выражались эти рѣзкія черты Германскаго начала и какое именно было его вліяніе у насъ въ періодъ нашей исторіи до Ярослава I, въ настоящее время есть дѣло, можно сказать вообще, окончательно рѣшенное. Прочитавъ внимательно первые три тома «Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій,» изданныхъ г. Погодинымъ, и сообразивъ между собою предлагаемыя въ нихъ указанія, едва ли кто добросовѣстно рѣшится утверждать положеніе, что вліянія Германскаго элемента въ нашей древней исторіи признавать не слѣдуетъ. Но, останавливаясь на частностяхъ, нельзя между тѣмъ не сознаться, что авторъ «Изслѣдованій» довелъ до послѣдней крайности свои доказательства въ пользу выставляемаго имъ мнѣнія, что Варяго-Руссы были Скандинавы или Норманны. Многіе изъ обычаевъ и вообще юридическихъ явленій народной жизни, многія изъ отдѣльныхъ названій, на которыя онъ указываетъ, какъ на обычаи, явленія и названія Скандинавовъ, должно, по внимательномъ обсужденіи ихъ, признать или скорѣе туземными, Славянскими, или по крайней мѣрѣ на столько же Скандинавскими, на сколько они могли быть и Славянскими, т. е. общими не только Скандинавамъ и Славянамъ, но даже всѣмъ народамъ, стоящимъ на извѣстной ступени общественнаго развитія. Этимъ самымъ и высказывается, что, кромѣ начала Германскаго, опредѣлявшаго жизнь нашихъ предковъ въ такъ называемый періодъ Варяжскій, должно было быть еще другое начало — туземное. Какъ начало, находившееся въ означенное время подъ сильнымъ вліяніемъ элемента Германскаго въ сферѣ общественной жизни, оно хотя и дѣйствительно могло быть въ отношеніи къ ней празднымъ, но тѣмъ не менѣе должно было удержаться въ прежней силѣ въ частномъ быту отдѣльныхъ родовъ Славянскихъ, на который или вовсе не простиралась дѣятельность Варяго-Руссовъ, или же касалась его внѣшнимъ образомъ, безъ прямаго на него вліянія. Такое значеніе туземнаго начала въ продолженіе дан-

ной эпохи не только вѣроятно, но и подтверждается тѣмъ, что сами пришлые дружинники, войдя въ ближайшее соприкосновеніе съ туземцами, утратили свой народный характеръ и подчинились въ свою очередь какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни элементу Славянскому. Въ чемъ заключался этотъ Славянскій элементъ и въ чемъ онъ проявлялся, какъ народное начало нашихъ предковъ, не трудно было рѣшить, сдѣлавши разъ такой вопросъ, и уяснивъ себѣ, на основаніи лѣтописи, первоначальный бытъ нашихъ туземныхъ племенъ. Отвѣтъ на него впервые, въ примѣненіи къ нашей исторіи, былъ высказанъ знаменитымъ Эверсомъ. Въ послѣдствіи, выставленное имъ начало, въ частностяхъ, проведено и подтверждено, не только фактическими данными, но и логическими доводами, его непосредственными учениками и новѣйшими изслѣдователями, въ особенности гг. Кавелинымъ и Соловьевымъ. Оно выражается главнымъ образомъ въ слѣдующемъ. У всѣхъ младенческихъ народовъ, живущихъ болѣе отдѣльными, обособленными общинами или родами, нежели связанныхъ узами общественными, есть характеристическая основа, отличающая ихъ рѣзко отъ обществъ, стоящихъ сравнительно съ ними, на высшей ступени и соединенныхъ въ одно цѣлое отношеніями искусственными или, лучше сказать, юридическими. Это естественное начало есть крѣпкая родственная или кровная связь, иначе называемая началомъ родовымъ, которое, пока народъ находится подъ исключительнымъ его вліяніемъ и слѣдоват. не подчиняется въ своихъ дѣйствіяхъ никакому другому болѣе опредѣлительному началу, связываетъ въ одинъ составъ отдѣльныя родовыя общины, обозначаетъ мѣсто жительства каждой изъ нихъ, въ противоположность другимъ такимъ же общинамъ, и обусловливаетъ взаимныя отношенія между самими членами рода. Такимъ образомъ въ первобытномъ состояніи народовъ родовое начало имѣетъ совершенно иной характеръ и значеніе, нежели родственная связь въ новѣйшее время: оно есть не только начало частное, которымъ опредѣляются отношенія семейныя, но и общественное, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ взаимныхъ дѣйствій между отдѣльными родами и даже цѣлыми племенными союзами. Очевидно, что при такомъ значеніи родоваго или кровнаго начала, естественнаго и самобытнаго у всѣхъ младенческихъ народовъ, оно еще долго впослѣдствіи, не смотря на вліяніе другихъ началъ, отражается въ отдѣльныхъ явленіяхъ не только частной, но и общественной жизни того или

другаго государства. На нашей же почвѣ, сдѣлавшись, съ ослабленіемъ элемента Германскаго, основнымъ началомъ общественныхъ и частныхъ отношеній Княжескаго рода и отдѣльныхъ его членовъ, оно, въ слѣдствіе этого, какъ элементъ, и безъ того лежавшій въ основѣ нашего туземнаго быта, явилось главнымъ движущимъ началомъ всей жизни нашихъ предковъ, до тѣхъ поръ, пока вліяніе новаго развившагося въ то же время начала не ограничило круга его дѣйствій. Что же было это за новое начало, и чѣмъ обусловливалось его появленіе на нашей почвѣ? Здѣсь мы невольно приходимъ къ мысли, что народъ, двигаясь во времени, вмѣстѣ съ тѣмъ стремится къ дальнѣйшему развитію своего быта. Такое развитіе народной жизни можетъ условливаться двумя обстоятельствами, дѣйствующими или отдѣльно другъ отъ друга, или въ соединеніи, одновременно. Одно изъ нихъ есть внутренній, самостоятельный процессъ, состоящій въ томъ, что прежнее родовое начало опредѣляется и ограничивается въ слѣдствіе потребности такого ограниченія, лежащей въ немъ самомъ, какъ началѣ слишкомъ неопредѣленномъ и шаткомъ. Это и есть зародышъ новаго опредѣлительнаго начала, иначе называемаго началомъ юридическимъ, которое мало по малу, какъ начало высшее, должно охватить весь составъ общества и стать во главѣ его развитія. Къ нему слѣдоват. народъ поздно или рано приходитъ, руководствуясь естественной потребностью подчинить свои дѣйствія болѣе опредѣленнымъ условіямъ. Но очевидно, что если этому содѣйствуетъ еще, какъ другое, внѣшнее обстоятельство, вліяніе посторонняго народа, уже стоящаго на высшей ступени юридическаго развитія, то усвоеніе гражданскимъ обществомъ новаго начала должно совершиться скорѣе и успѣшнѣе. Примѣняя это сужденіе къ обстоятельствамъ, въ какихъ находилась древняя Русь, начиная съ Владимира Великаго и особенно съ кончины Ярослава I, мы не можемъ сомнѣваться, что, независимо отъ перваго условія внутренняго развитія каждаго общества, въ глазахъ нашихъ предковъ находилось еще государство, которое во всѣхъ отношеніяхъ служило для нихъ образцемъ, которое какъ въ жизни общественной, такъ и относительно частнаго быта предлагало имъ результаты своего юридическаго развитія. Я говорю о Византіи, откуда наши предки заимствовали христіанскую православную вѣру и вмѣстѣ съ тѣмъ источники права, не только церковнаго, но и свѣтскаго, которые должны были перейти и въ нашу туземную практику. И

давно уже наши ученые приводили въ своихъ сочиненіяхъ факты, указывающіе на такое вліяніе. Между тѣмъ лишь въ новое время элементъ Византійскій былъ выставленъ какъ одно изъ основныхъ началъ, которымъ опредѣлялось развитіе общественной и частной жизни нашихъ предковъ до Петра Великаго. Заслуга эта принадлежитъ барону Розенкампфу, профессору Неволину и другимъ новымъ изслѣдователямъ, но въ особенности профессору Московскаго Университета Крылову. Послѣ ихъ указаній едва ли кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что, начиная со времени введенія у насъ христіанской вѣры и въ продолженіе всей нашей древней исторіи, отечественные юридическіе источники, независимо отъ элементовъ Германскаго и туземнаго, отражаютъ въ себѣ по преимуществу элементъ Византійскій. Но нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что этотъ послѣдній элементъ, имѣвшій огромное вліяніе на содержаніе нашихъ памятниковъ, посредствомъ ихъ имѣлъ такое же дѣйствіе и на внутреннее развитіе народной жизни нашихъ предковъ, которое, хотя и безъ того могло бы совершиться, но въ настоящихъ обстоятельствахъ, при его объясненіи, не можетъ уже обойтись безъ указанія значительнаго вліянія на него Византійскаго права.

На означенныхъ данныхъ касательно элементовъ, которые являются основными движущими началами нашей народной жизни въ періодъ до Петра Великаго, и остановились новѣйшіе изслѣдователи. Но соображая ходъ нашей исторіи и будучи въ настоящее время достаточно знакомы и съ ея памятниками и съ ея результатами въ послѣдующемъ, мы, кажется, можемъ заключать, что, кромѣ этихъ указанныхъ элементовъ, не предвидится болѣе такихъ основныхъ началъ, которыми бы опредѣлялась жизнь нашихъ предковъ относительно ея развитія въ данное время. Такимъ образомъ, имѣя въ виду всѣ вообще источники нашей древней исторіи, намъ остается уяснить себѣ подробно каждый изъ разсмотрѣнныхъ выше элементовъ, а въ отношеніи къ отдѣльнымъ памятникамъ показать ихъ взаимную связь съ этими элементами и степень, въ какой они отражаютъ на себѣ ихъ вліяніе въ частности.

Предложенныя здѣсь мысли касательно способа разработки нашихъ древнихъ юридическихъ памятниковъ и уясненія ихъ на основаніи означенныхъ элементовъ, мы почли необходимыми для того, чтобы съ бо́льшимъ правомъ указать читателямъ на до-

стоинства и на недостатки предлежащаго нашему разбору сочиненія г. Деппа: «О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до Царя Алексѣя Михайловича.» Сочувствуя вполнѣ важности и занимательности предмета, избраннаго авторомъ для историко-юридическаго разсужденія на степень магистра, мы думаемъ, что нашимъ безпристрастнымъ отзывомъ можемъ лучше всего отдать ему должную благодарность какъ за услугу, оказанную имъ наукѣ вообще, такъ и въ особенности за вниманіе къ нашимъ собственнымъ трудамъ, выраженное въ любопытномъ его сочиненіи.

Мы начнемъ съ указанія на порядокъ, въ какомъ предлагаетъ авторъ свои изслѣдованія, и на источники, которыми онъ при этомъ пользовался; за тѣмъ разсмотримъ и самый способъ, какъ онъ поступилъ при объясненіи и разработкѣ отдѣльныхъ памятниковъ права въ отношеніи къ предмету, выбранному имъ для спеціальнаго разысканія.

Свою диссертацію г. Деппъ начинаетъ опредѣленіемъ общаго значенія правды и наказанія, выражающаго собою, говоря словами автора, «отрицаніе отрицанія этой правды.» Далѣе онъ переходитъ къ разсмотрѣнію означенной идеи наказанія въ ея осуществленіи у всѣхъ народовъ сначала въ *частной мести*, потомъ въ *выкупахъ*, находящихся въ связи съ началомъ государственнаго быта, и наконецъ въ возмездіи *общественномъ*. Эти общія основанія, съ которыми нельзя не согласиться, выставлены въ началѣ разсужденія съ цѣлью построить на нихъ систему наказаній, какая представляется и въ нашихъ источникахъ права до самаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

Какіе же это источники, на которыхъ слѣдуетъ въ настоящемъ случаѣ остановиться? Здѣсь авторъ предварительно высказываетъ относительно ихъ общую мысль, что они «не дошли до насъ въ оригинальныхъ документахъ, но въ различнаго рода спискахъ и замѣткахъ, почему требуютъ историко-юридической критики для возведенія на степень безусловной достовѣрности. Только съ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, замѣчаетъ г. Деппъ, начинается длинный рядъ памятниковъ, сохраненныхъ Правительствомъ въ подлинникахъ. Причина такого раздвоенія нашихъ источниковъ, продолжаетъ онъ, скрывается не столько въ случайности сохраненія ихъ, сколько въ самомъ родѣ образованія права до Уложенія 1649 года и послѣ него: до 1649 года право образовалось преимущественно обычаемъ, съ этого же времени оно по-

лучало свое развитіе отъ законодательной власти. Такимъ образомъ развитіе Русскаго права раздвояется *фактически* на два періода, которые, по различному роду образованія права въ каждомъ изъ нихъ, можемъ назвать: первый — *періодомъ права обычнаго*, а второй, въ противоположность ему — *періодомъ права письменнаго*. Изъ нихъ: *первый* обнимаетъ право отъ начала Государства Русскаго, т. е. отъ призванія Варяговъ до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича; *второй* — отъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича до нашихъ временъ» (см. стр. 9 и 10).

Всякаго, кто сколько-нибудь знакомъ съ источниками нашего права вообще, не можетъ не поразить высказанное здѣсь странное и невѣрное мнѣніе. Кому въ самомъ дѣлѣ не извѣстно, что и до Уложенія у насъ были официальные источники права, притомъ не одинъ и не два, а такое значительное количество, что самое Уложеніе, въ его полномъ составѣ, не что иное какъ сводъ этихъ официальныхъ источниковъ. Нельзя также сказать, чтобы они не дошли до насъ въ подлинникахъ: сколько бы можно было привести этому подтвержденій, основываясь на однихъ изданіяхъ Археографической Коммиссіи, не говоря уже объ разныхъ архивахъ и библіотекахъ, гдѣ до сихъ поръ хранятся многіе изъ означенныхъ документовъ съ современными скрѣпами, помѣтами и подписями. Безъ сомнѣнія все это очень извѣстно и самому г. Деппу, и онъ здѣсь только не ясно выразился, такъ что называя періодъ развитія Русскаго права до Уложенія — *обычнымъ*, а послѣдующій за тѣмъ — періодомъ права *письменнаго*, онъ, очевидно, долженъ былъ разумѣть подъ этимъ совершенно другое, нежели слѣдуетъ заключить, основываясь на приведенныхъ здѣсь прямыхъ словахъ его. Подъ такимъ условіемъ мы готовы съ нимъ согласиться, причисливъ только къ источникамъ перваго періода и самое Уложеніе съ дальнѣйшимъ развитіемъ права до законодательства Петра Великаго, и потому не продолжаемъ болѣе нашихъ доказательствъ, чтобы не спорить, быть можетъ, въ однихъ словахъ.

Источники Русскаго права, относящіеся къ первому періоду вообще, авторъ раздѣляетъ на два отдѣла, на *источники времени Русской Правды*, такъ какъ, по его словамъ, они своимъ содержаніемъ соотвѣтствуютъ этому памятнику, и на *источники времени Судебниковъ*, начинающіеся съ XIV вѣка и продолжающіеся до половины XVII в., къ числу коихъ, соглашаясь такимъ образомъ

съ высказаннымъ нами мнѣніемъ, онъ причисляетъ и самое Уложеніе. Послѣдніе, говоритъ авторъ, сравнительно съ первыми «носятъ на себѣ совершенно иной отпечатокъ» (стр. 10). Въ чемъ выражается этотъ особый отпечатокъ источниковъ втораго отдѣла, въ противоположность источникамъ до начала XIV в., г. Деппъ не говоритъ прямо и ясно; но изъ послѣдующаго видно, что, ограничиваясь предметомъ своего разсужденія, онъ разумѣетъ подъ этимъ различное понятіе о наказаніяхъ въ то и другое время. Въ древнѣйшихъ источникахъ права наказанія носятъ на себѣ характеръ частной мести и выкуповъ: напротивъ, начиная съ XIV вѣка, источники «изобилуютъ наказаніями, налагаемыми государственною властію на самое лицо преступника и отличающимися своею строгостію,» иначе сказать, въ нихъ наказанія являются скорѣе возмездіемъ преступнику отъ лица самого Правительства, нежели частною местью или пеней за матеріальный вредъ, какъ это было прежде. Но въ связи съ такимъ дѣльнымъ замѣчаніемъ, авторъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «изъ этого, говоритъ онъ, мы, сообразно съ представленными во введеніи общими чертами осуществленія идеи наказанія, должны бы были заключить, что эти наказанія введены не обычаемъ, но законодательною властію, убѣдившеюся въ недостаточности выкуповъ. Но мы въ источникахъ этого времени не замѣчаемъ и слѣдовъ *положительнаго писаннаго закона* (?!), который бы, заступивъ мѣсто обычая, ввелъ эти наказанія въ Русскую жизнь. Напротивъ того, *обычай* остается, какъ прежде, *единственною* формою образованія законовъ (?), и этимъ обычаемъ вводятся и утверждаются наказанія, по своему характеру совершенно противоположныя наказаніямъ времени Правдъ. Перемѣна произошла, значитъ, въ самыхъ обычаяхъ народа, то есть въ его основныхъ взглядахъ, понятіяхъ и потребностяхъ, словомъ въ его *характерѣ*, и въ этомъ заключается фактъ, котораго, по моему мнѣнію, не должно упускать изъ виду при обсужденіи дальнѣйшаго развитія юридическихъ отношеній нашихъ предковъ. Причину перемѣны мы находимъ во внутреннихъ смутахъ, раздиравшихъ Россію и не позволявшихъ ей оградить по крайней мѣрѣ свою внутреннюю жизнь отъ порабощенія *Татарами*: въ родѣ дальнѣйшаго образованія Русскаго права заключается между прочимъ одно изъ важнѣйшихъ доказательствъ того, что иго Татарское не ограничилось *однимъ* только *внѣшнимъ* покореніемъ, однимъ только полученіемъ дани съ Россіянъ,» и проч. (62 стр.)

Мы нарочно выписали это мѣсто, чтобы объ немъ могли судить сами читатели. Не смотря однако на очевидную ошибочность приведеннаго заключенія автора, въ немъ есть, по нашему мнѣнію, значительная доля истины, но совершенно въ другомъ смыслѣ, нежели догадывается г. Деппъ. Мы вѣримъ, что со времени Великаго Князя Іоанна III понятія и Правительства и народа, взглядъ ихъ на преступленія и наказанія и слѣдоват. самые обычаи, которые авторъ несправедливо признаетъ *единственною* формою образованія для того времени законовъ, во многомъ начали измѣняться и отчасти уже дѣйствительно измѣнились противъ понятій, обычаевъ и употребительныхъ наказаній до XV вѣка; мы можемъ даже сказать болѣе, именно, что, начиная съ Іоанна Грознаго, это измѣненіе очень ясно выразилось во многихъ законодательныхъ актахъ верховной власти; но какая была этому причина? Безъ сомнѣнія, какъ мы замѣтили выше, отчасти внутреннее самобытное развитіе и Правительства и народа, а отчасти вліяніе внѣшнее, но не Монголовъ, какъ думаетъ ошибочно г. Деппъ, а Византіи. Въ пользу этого говорятъ во-первыхъ факты, указывающіе на то, что со времени Іоанна III до Петра Великаго обсужденіе преступленій и наказанія совершались у насъ не только на основаніи туземныхъ источниковъ права, но и источниковъ Византійскихъ (слѣдоват., вопреки автору, не подъ вліяніемъ однихъ обычаевъ), особенно же на основаніи такъ называемаго *градскаго закона*; во-вторыхъ, вліяніе Византіи въ настоящемъ случаѣ подтверждаетъ также слѣдующій ясный логическій выводъ. Начало, по которому наказаніе является возмездіемъ самой верховной власти или правительства, есть начало высшее въ противоположность тому началу, по которому наказаніе выражается въ формѣ частной мести и выкуповъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое начало есть по преимуществу юридическое, которое для его признанія и на практикѣ и въ теоріи предполагаетъ, очевидно, уже нѣкоторое развитіе въ народѣ юридическаго элемента. Виновниками развитія у насъ этого элемента были конечно не Монголы, какъ всѣмъ довольно извѣстно, а Византійцы или лучше сказать, источники Византійскаго права и вліяніе духовенства, проводившаго ихъ вмѣстѣ съ утвержденными въ нихъ понятіями въ жизнь и обычаи нашихъ предковъ. Противъ всего этого никто и не споритъ, и потому удивительно, что авторъ, коснувшись настоящаго вопроса, оставилъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ своей диссертаціи, безъ всякаго вниманія элементъ Ви-

зантійскій. Тѣмъ болѣе страннымъ кажется намъ такое опущеніе, что въ одномъ мѣстѣ, какъ мы увидимъ ниже, онъ былъ наведенъ самими источниками на слѣды вліянія у насъ Греческаго права, и именно *градскаго закона*, еще при Великомъ Князѣ Владимирѣ (стр. 58). Къ сожалѣнію г. Деппъ не только не воспользовался этимъ, но даже выставилъ указанную нами выше странную гипотезу о вліяніи Монголовъ на нашъ внутренній бытъ!

Спеціальныя изслѣдованія свои авторъ посвящаетъ съ одной стороны разбору такъ называемыхъ имъ источниковъ времени Русской Правды, именно договоровъ Русскихъ Князей съ Греческими Императорами, Русской Правды, договора Смоленскаго Князя Мстислава съ Ригой и Готландіей въ началѣ XIII вѣка, и наконецъ извѣстнаго мѣста древней лѣтописи, гдѣ упоминается о вирѣ и казни относительно разбойниковъ при Великомъ Князѣ Владимирѣ. Съ другой стороны, онъ разсматриваетъ содержаніе источниковъ времени Судебниковъ, именно судной грамоты, данной В. К. Василіемъ Димитріевичемъ Двинянамъ въ 1397 г., далѣе самихъ Судебниковъ и дополнительныхъ къ нимъ статей, вмѣстѣ съ разными жалованными, уставными, судными и другими грамотами, относящимися ко времени отъ изданія перваго Судебника до Уложенія Царя Алексѣя Михайловича, и наконецъ самаго Уложенія. Мы не будемъ слѣдить за авторомъ во всѣхъ этихъ розысканіяхъ, но укажемъ исключительно на главные его выводы, вносящіе въ науку какія-либо новыя данныя, которыя должно, по нашему мнѣнію, признать вѣрными, или же, напротивъ, болѣе или менѣе неосновательными. Только въ особенности остановимся мы на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ статьяхъ Русской Правды, именно потому, что самъ г. Деппъ обращаетъ главное вниманіе на этотъ памятникъ, между тѣмъ какъ другихъ источниковъ онъ касается болѣе въ общихъ чертахъ, нежели въ частностяхъ. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ вообще о способѣ разработки памятниковъ, какимъ руководствовался авторъ въ своей диссертаціи.

Говоря о денежныхъ взысканіяхъ, которыя подъ разными названіями встрѣчаются въ нашихъ древнихъ источникахъ, г. Деппъ выражаетъ слѣдующую мысль: «Съ перваго взгляда, говоритъ онъ, убѣждаешься въ томъ, что между ними (денежными взысканіями) есть *какая-то система*, т. е. что они поставлены *не наобумъ*, но *во исполненіе* какихъ-то *общихъ* правилъ и взглядовъ, проникавшихъ всю юридическую жизнь нашихъ предковъ. Въ

объясненіи *этихъ общихъ началъ* состояла задача, предположенная себѣ уже многими, но никѣмъ еще не рѣшенная: показать невѣрность большей части существующихъ толкованій весьма не трудно, но тѣмъ труднѣе замѣнить ихъ другимъ толкованіемъ, которое бы соотвѣтствовало съ одной стороны духу времени и народа, а съ другой самому содержанію разбираемыхъ источниковъ. Найти такое толкованіе на основаніи однихъ только *нашихъ* источниковъ невозможно, по причинѣ, во-первыхъ, того, что они слишкомъ бѣдны общими положеніями, не заключая въ себѣ почти никакихъ непосредственно-объяснительныхъ намековъ; а во-вторыхъ потому, что намъ неизвѣстны еще цѣнности всѣхъ знаменателей разбираемыхъ денежныхъ взысканій, — неизвѣстно слѣдовательно ихъ отношеніе другъ къ другу. Къ счастію, мы имѣемъ другое вспомогательное средство, признанное почти всѣми занимавшимися Русскою древностію, но слишкомъ мало употребленное: историческій фактъ призванія Варяговъ и признаніе ихъ племенемъ Германскимъ наводитъ насъ на мысль, объяснить наши источники сравненіемъ ихъ съ законоположеніями древне-Германскаго міра и примѣненіемъ къ законамъ нашей древности обширныхъ изслѣдованій Германистовъ. Я, по крайней мѣрѣ, считаю это единственнымъ средствомъ для достиженія вѣрнаго воззрѣнія въ особенности на нашу *систему выкуповъ* (стр. 24 — 25)».

Вѣрный этой мысли, авторъ подробно разсматриваетъ основныя начала Германскихъ композицій и отраженіе ихъ въ нашихъ туземныхъ источникахъ. Такимъ образомъ одинъ изъ основныхъ элементовъ, имѣвшихъ вліяніе на общественное развитіе нашихъ предковъ въ періодъ древней отечественной исторіи, принятъ г. Деппомъ въ руководство, и нельзя не сознаться, что это подѣйствовало плодотворно на его трудъ. Но если изъ словъ автора очевидно, что онъ воспользовался указаніями, сдѣланными относительно Германскаго элемента въ предшествовавшихъ ему розысканіяхъ, и только примѣнилъ ихъ въ частностяхъ къ предмету своего разсужденія, то страннымъ должно показаться, что онъ рѣшительно не воспользовался указаніями на другіе элементы народной жизни нашихъ предковъ. Такъ, видѣли мы, поступилъ онъ въ отношеніи къ элементу Византійскому. Но и въ элементѣ Славянскомъ, касаясь мимоходомъ быта туземныхъ племенъ, онъ, очевидно, даже не подозрѣвалъ его отличительнаго начала, изъ котораго однако можно объяснить не только характеръ, но и самыя

средства нѣкоторыхъ наказаній, не говоря уже о многомъ другомъ, болѣе или менѣе важномъ и для г. Деппа. Вотъ почему, принявъ въ основаніе одинъ Германскій элементъ, онъ ограничивается исключительно его вліяніемъ и вовсе опускаетъ изъ виду коренныя основы родоваго быта.

Но, можетъ быть, скажутъ читатели, авторъ въ этомъ случаѣ избралъ другой самостоятельный путь для своихъ изслѣдованій. Разсматривая источники древняго Русскаго права въ ихъ взаимной связи, онъ имѣлъ такимъ образомъ средство пояснить народныя понятія не только въ примѣненіи къ частной мести и выкупамъ, но и въ отношеніи къ послѣдующему развитію настоящаго значенія наказанія, какое начинаетъ утверждаться у насъ, какъ мы видѣли, съ XV вѣка. Однако и этимъ средствомъ онъ не воспользовался: единственная цѣль, съ какою онъ, по видимому, предпринялъ внимательное впрочемъ сличеніе означенныхъ источниковъ между собою, заключалось въ томъ, чтобы съ одной стороны исчислить различныя наказанія, бывшія извѣстными въ то или другое время, а съ другой стороны обозначить подробнѣе, въ какихъ случаяхъ или за какія преступленія они употреблялись на практикѣ. При этомъ, надо замѣтить, авторъ не держался правила разсматривать вмѣстѣ всѣ источники даннаго времени, или наоборотъ обозрѣвать каждый изъ нихъ особенно, а поступалъ въ этомъ случаѣ довольно произвольно, разсматривая нѣкоторые источники во взаимной связи, а другіе отдѣльно отъ прочихъ. Сверхъ означеннаго въ такомъ видѣ изчисленія различныхъ наказаній, г. Деппъ предлагаетъ еще мѣстами такъ называемые имъ выводы, но, по его собственнымъ словамъ, они состоятъ только въ ближайшемъ объясненіи извѣстнаго рода наказаній и ихъ примѣненія.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ заключить, что разсужденіе г. Деппа, относительно его содержанія и способа разработки нашихъ древнихъ юридическихъ памятниковъ, есть ничто иное, какъ извлеченіе изъ источниковъ различныхъ мѣстъ, гдѣ упоминается о тѣхъ или другихъ наказаніяхъ, далѣе непосредственное сличеніе ихъ между собою съ подведеніемъ найденныхъ случаевъ подъ отдѣльныя рубрики, и наконецъ разъясненіе или даже простое обозначеніе противорѣчій, которыя представлялись при этомъ автору. Конечно, подобная номенклатура наказаній, съ поясняющими ее замѣчаніями, сдѣланная притомъ очень добросовѣстно и полно, имѣетъ свое значеніе въ наукѣ; но, какъ кажется, судя по

тому, что авторъ принялъ во вниманіе Германскій элементъ для разъясненія системы выкуповъ въ древнѣйшихъ памятникахъ Русскаго права, не одна она была его цѣлью. Можно напротивъ думать, что онъ былъ по неволѣ принужденъ ею ограничиться, въ слѣдствіе того, что не коснулся другихъ жизненныхъ началъ, опредѣлявшихъ, кромѣ элемента Германскаго, бытъ нашихъ предковъ въ періодъ до Петра Великаго.

Приступимъ теперь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ положеній въ сочиненіи г. Деппа.

Содержаніе источниковъ права, относящихся ко времени Русской Правды, разсматривается въ трехъ разныхъ отдѣлахъ, въ которыхъ авторъ указываетъ: 1) на непосредственные слѣды частной мести въ означенное время, 2) на систему Русскихъ выкуповъ, и 3) на первые слѣды наказанія въ нынѣшнемъ смыслѣ.

Что касается, во-первыхъ, до частной мести, то во всѣхъ относящихся сюда источникахъ г. Деппъ видитъ слѣды ея уже въ *ограниченіи*. Ограниченіе это заключается, по его мнѣнію, въ томъ, что съ одной стороны, уже со времени Великаго Князя Олега частная месть имѣла значеніе какъ *послѣдствіе одного только убійства*, съ другой же стороны, въ томъ, что она, какъ право, предоставлялась только одному лицу изъ находившихся въ отношеніи къ убитому въ опредѣленной степени родства, и слѣдоват. въ тоже время не могла быть правомъ другихъ его родичей.

Соображая эти положенія, выставленныя авторомъ относительно частной мести, съ его собственными выводами и съ самыми источниками, мы считаемъ себя въ правѣ замѣтить, что первое положеніе не вполнѣ согласно съ содержаніемъ Русской Правды, а второе требуетъ еще дополненій и поясненій. Кромѣ убійства, на основаніи краткихъ списковъ Русской Правды, побои, раны и увѣчье могутъ также служить поводомъ къ мести со стороны обиженнаго, и только въ томъ случаѣ, «*оже себѣ не можетъ мьстити*,» беретъ онъ за обиду 3 гривны, сверхъ платы за леченье. Въ тѣхъ же спискахъ Русской Правды встрѣчается еще другое любопытное указаніе, въ которомъ изслѣдователи видятъ также слѣды дозволеннаго Правительствомъ мщенія: «оже ли утнеть руку и отпадетъ рука, любо усохнеть, то 40 гривенъ, аще будеть нога цѣла или начьнеть храмати: *тогда чада смирять*». Эверсъ (Древнѣйш. Русск. право, въ переводѣ, стр. 311 и 322) такъ объясняетъ окончаніе этой статьи, что дѣти увѣчнаго имѣли право частной мести

или право на удовлетворенiе со стороны обидчика. Г. Деппъ опускаетъ это мѣсто безъ всякаго вниманiя, быть можетъ потому, что онъ понимаетъ его иначе. Если такое предположенiе наше справедливо, то не можемъ не замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ мы согласны съ нимъ, и, вопреки Эверсу, видимъ въ приведенной статьѣ указанiе не на право частной мести, которые принадлежало бы дѣтямъ обиженнаго, а на право защиты, предоставляемой изувѣченному противъ самихъ дѣтей его, которое въ настоящую эпоху преобладанiя физической силы, могли легко выходить изъ повиновенiя отцу, какъ скоро онъ лишался возможности проявлять на дѣлѣ свою естественную власть: тогда надлежало ихъ *смирять*. Но въ такомъ случаѣ г. Деппу слѣдовало бы оговориться, а не проходить столь замѣчательное мѣсто молчанiемъ. Что касается до другаго положенiя, то ясно, что право кровной мести дѣйствительно принадлежало прежде всего одному ближайшему изъ родственниковъ убитаго. Однако уже одно то обстоятельство, что въ Русской Правдѣ оно предоставляется не исключительно одному, а многимъ родственникамъ убитаго, должно бы навести автора на мысль, что собственно, на основанiи кореннаго обычая мести, не извѣстное какое-либо лице прежде всего признавалось мстителемъ обиженнаго, а цѣлый родъ его, всѣ его родичи, которые въ первой статьѣ Русской Правды ограничены только тѣмъ, что болѣе отдаленные родственники убитаго лишены этого права. Но очевидно, что, за такимъ ограниченiемъ опредѣленнымъ степенями родства, должно было оставаться въ силѣ общее, безъ сомнѣнiя, и до того времени правило, что прежде всего мститъ самый близкiй изъ родственниковъ убитаго, и только тогда, если онъ по чему-либо не можетъ мстить, или отказывается отъ мести, право его переходитъ къ другому ближайшему по немъ родственнику (убитаго.) И такъ рѣшительно было все равно сказать, что право мести принадлежитъ *ближнему* или же *ближнимъ* убитаго: въ обоихъ случаяхъ выражалась одна и таже мысль. Поэтому несправедливо г. Деппъ признаетъ множественное число противорѣчащимъ тогдашнимъ понятiямъ, и дѣлаетъ даже ошибочное предположенiе, что въ договорѣ Игоря, гдѣ говорится о *ближнихъ* убитаго въ этомъ множественномъ числѣ, могли понимать и не родственниковъ, а договаривавшихся Грековъ или Русскихъ вообще (стр. 18).

Наконецъ замѣтимъ еще, что, упоминая о родственникахъ,

имѣвшихъ на основаніи первой статьи Русской Правды право кровной мести, авторъ въ числѣ ихъ приводитъ дядю убитаго и прибавляетъ, что; можетъ быть, существовало различіе между *дядею по отцу* и *дядею по матери* съ одной, и между *племянникомъ по отцу* и *племянникомъ по матери* съ другой стороны (стр. 19). Не знаемъ, какое имѣетъ онъ къ тому основаніе, ибо въ памятникѣ ясно упоминается только о правѣ мести брата за брата, сына за отца, отца за сына и племянника по братѣ или сестрѣ («брату чаду любо сестрину сынови,» т. е. сына брата или сына сестры) очевидно за дядю, а о правѣ дяди вовсе не сказано. Здѣсь, кажется, г. Деппъ или невѣрно понялъ древній терминъ «брату чаду,» или же допустилъ предположеніе.

Во всѣхъ означенныхъ случаяхъ мы видимъ ясное дозволеніе частной мести, признававшейся слѣдов. за право со стороны родственниковъ убитато не только по договорамъ Олега и Игоря съ Греками, но и по Русской Правдѣ. Послѣ этого мы не можемъ объяснить себѣ положеніе автора, «что идея наказанія во время Олега уже *перестала осуществляться въ формѣ частной мести* (стр. 23)»: безъ сомнѣнія, онъ хотѣлъ сказать, что уже съ тѣхъ поръ, на основаніи источниковъ, частная месть не представляется намъ *исключительною* формою, въ которой осуществлялась идея наказанія.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію выводовъ г. Деппа относительно выкуповъ. Основаніемъ ихъ въ томъ значеніи, какое они имѣли у насъ, авторъ, какъ мы видѣли, считаетъ систему Германскихъ композицій. Подробности этого взгляда, въ краткихъ словахъ, заключаются въ слѣдующемъ: «Государственная жизнь Германскихъ племенъ, говоритъ г. Деппъ, была основана на *системѣ круговой поруки* (System der Gesammtbürgschaft). Цѣль этой поруки всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ состояла *въ поддержаніи общаго внутренняго мира* (Allmansfriede); всякое преступленіе было въ слѣдствіе этого *нарушеніемъ его* (Friedensbruch) и подвергало самого нарушителя *лишенію мира* (Friedlosigkeit). Такое лишеніе мира въ первомъ своемъ осуществленіи было нечто иное, какъ найденное законное основаніе дотолѣ непосредственной и неограченной частной мести. Но въ то же время нарушитель общественнаго мира сталъ считаться не только личнымъ обидчикомъ оскорбленнаго или его сродниковъ, а также всѣхъ лицъ, соединенныхъ круговой порукой. Различныя степени этой обиды должны были вы-

разиться и въ опредѣленіи различныхъ степеней наказанія или лишенія преступника нарушеннаго имъ мира. Такое опредѣленіе было найдено въ *возможности* данной ему *возвратить себѣ* утраченный *миръ* посредствомъ *выкупа*, или платы назначенной суммы за каждое преступленіе. Признать и ввести въ употребленіе денежные выкупы не представлялось затруднительнымъ, потому что у Германцевъ уже прежде существовалъ обычай, по которому возникавшая изъ преступленія «faida» устранялась договоромъ посредствомъ добровольнаго со стороны обидчика признанія себя виновнымъ и предложенія, сдѣланнаго имъ обиженному, вознаградить обиду матеріальнымъ образомъ (стр. 25—28).» За тѣмъ авторъ приводитъ результаты, полученные однимъ изъ знаменитыхъ изслѣдователей древняго Германскаго права, *Вильда*, изъ сравненія денежныхъ взысканій у Германцевъ, объ ихъ постепенности и разныхъ названіяхъ. На этомъ основаніи представляются три разряда всѣхъ пеней: 1) вознагражденіе, платимое за нарушеніе права (Rechtsbruch) обиженнаго, или за сдѣланную ему обиду (въ количествѣ *трехъ* марокъ, а въ слѣдствіе умноженія этого числа, 6, 9, 12). 2) Виры, платимыя за убійство, сначала преступникомъ вмѣстѣ съ членами его семейства, родственникамъ убитаго, а потомъ имъ однимъ (въ количествѣ 40 марокъ, которое увеличивалось въ слѣдствіе умноженія этого первоначальнаго числа, или уменьшалось, въ слѣдствіе дѣленія его, въ половинную виру). 3) Пеня, платимая за нарушеніе мира (Friedensgeld) *королю* или *общинѣ*, или обоимъ вмѣстѣ, при всѣхъ преступленіяхъ, требовавшихъ платы обиженнымъ (стр. 28—31).

Руководствуясь этими данными, г. Деппъ весьма справедливо замѣчаетъ, что и у насъ, на основаніи Русской Правды и другихъ позднѣйшихъ памятниковъ, система круговой поруки имѣла также важное значеніе, хотя отсюда и не слѣдуетъ заключать, чтобъ она служила въ древней Россіи основаніемъ всей государственной жизни, какъ это было у Германскихъ народовъ. Должно также признаться, что выводы автора о лицахъ, соединенныхъ круговой порукой въ такъ называемыхъ *вервяхъ* Русской Правды не только очень вѣрны, но, при необработанности предмета, заслуживаютъ полнаго вниманія изслѣдователей. Впрочемъ мы остановимся здѣсь только на главномъ замѣчаніи г. Деппа касательно установленія у насъ системы круговой поруки, съ которымъ, по нашему мнѣнію, нельзя вполнѣ согласиться, хотя въ частностяхъ оно должно

остаться въ своей силѣ. Именно авторъ полагаетъ, что система Германской круговой поруки легко могла отразиться въ Россіи въ отношеніи къ устройству въ ней системы выкуповъ, такъ какъ, по его словамъ, круговая порука *«не родилась у насъ среди народа, а была принесена къ нему Варягами.»* Еще прежде насъ г. Михайловъ въ своей магистерской диссертаціи сдѣлалъ намекъ на то, что, независимо отъ вліянія Германскаго элемента, взаимная отвѣтственность всѣхъ членовъ извѣстной общины, составляющая характеръ нашей древней круговой поруки, имѣла уже мѣсто въ туземномъ быту Славянъ. Она выражалась сначала въ защитѣ, какую оказывали другъ другу всѣ члены отдѣльныхъ родовыхъ общинъ въ противуположность къ другимъ родамъ, а впослѣдствіи въ платежѣ ими сообща пени, которой подвергался одинъ изъ членовъ рода. Но очевидно, что взаимная защита и отвѣтственность родичей въ этомъ смыслѣ вполнѣ отличалась отъ круговой поруки Германскихъ марокъ. Сверхъ того, что, на основаніи послѣдней, преступникъ долженъ былъ сдѣлать вознагражденіе обиженному или его родственникамъ, хотя бы находился съ ними въ одной маркѣ, онъ былъ еще обязанъ платить пеню за нарушеніе мира всѣмъ членамъ своей общины. Такое отличіе Германской круговой поруки отъ нашей въ отношеніи къ денежнымъ выкупамъ объясняется очень легко тѣмъ, что взаимная защита родичей основывалась на естественномъ или кровномъ между ними единствѣ, а круговая порука членовъ марки на внѣшней связи, которой цѣлью было поддержаніе въ ней самой общаго мира. Въ слѣдствіе этого имущество въ родѣ признавалось общею собственностью всѣхъ его членовъ, такъ что плата изъ него денежной пени за преступника въ пользу другихъ его родичей не повела бы ни къ чему. Напротивъ, иное дѣло было въ маркѣ, гдѣ, кромѣ общей собственности, члены могли имѣть еще свое отдѣльное имущество, которымъ они и отвѣчали какъ обиженнымъ, такъ точно королю и своимъ общинамъ. Но и подъ вліяніемъ Варяговъ-Руси наша туземная система круговой поруки нисколько не измѣнилась въ отношеніи къ денежнымъ пенямъ; дополнились только родовыя общины появленіемъ новыхъ общинъ гражданскихъ, впрочемъ съ тѣмъ же самымъ характеромъ, относительно взаимной отвѣтственности входившихъ въ составъ ихъ членовъ; почему самому можно думать, что эти общины образовались по образцу туземныхъ родовыхъ. На этомъ основаніи очень можетъ быть, что слово «вервь,»

въ Русской Правдѣ означаетъ не только искусственную гражданскую общину, которая составлялась для платежа пени въ случаѣ преступленій ея членовъ общими ихъ силами, но главнымъ образомъ и отдѣльныя родовыя общины, въ которыхъ члены были связаны кровными узами и общимъ имуществомъ (*). Имѣя это въ виду, мы совершенно согласны съ г. Деппомъ въ томъ, что хотя Варяги *должны* были Германскую систему круговой поруки, съ которой они сроднились въ своемъ отечествѣ, ввести и примѣнить къ Славянскимъ обычаямъ, но полное ея приложеніе стѣснило бы только ихъ самихъ. Поэтому какъ система, совершенно чуждая нашимъ предкамъ, она подъ вліяніемъ Варяго-Русскихъ Князей можетъ быть вошла у насъ въ употребленіе единственно относительно виры, платившейся всѣми членами верви въ томъ случаѣ, если на ихъ землѣ совершено было убійство, а преступникъ не былъ извѣстенъ, или хотя и былъ извѣстенъ, но скрывался, избѣгая наказанія. Напротивъ, въ другихъ случаяхъ круговая порука есть, очевидно, явленіе туземное, которое въ этомъ его значеніи было даже примѣнено къ взаимнымъ отношеніямъ между членами верви, какъ общины гражданской. Вотъ почему по Русской Правдѣ въ вервь было равно позволено и вкладываться и вовсе не вступать; только въ послѣднемъ случаѣ за лице, не принадлежавшее къ верви, уже не отвѣчали прочіе ея члены, когда оно подвергалось платежу пени за какое-либо преступленіе. Съ другой стороны понятно, что если въ туземныхъ родахъ преступникъ не былъ обязанъ платить денежную пеню въ пользу своихъ родичей, ибо они сами принимали въ ней участіе, то этотъ обычай не вошелъ въ употребленіе и въ вервяхъ, составившихся на основаніи свободнаго соглашенія. Послѣднее обстоятельство подтверждается еще и тѣмъ, что марки у Германскихъ народовъ были явленіемъ самостоятельнымъ, служа основнымъ началомъ для развитія ихъ государственной жизни, а у насъ верви, въ значеніи искусственныхъ общинъ, возникли подъ вліяніемъ Варяго-Руссовъ. По этой причинѣ только Князья, какъ виновники этого учрежденія и блюстители общаго спокойствія, и должны были изъ виры или денежнаго вознагражденія, платимаго преступникомъ, получать себѣ нѣко-

(*) Припомнимъ читателямъ одну относящуюся сюда, въ высшей степени любопытную статью въ уставѣ о церковн. суд. В. К. Ярослава: «аще дѣвка дѣтяти добудетъ, и проч., обличивъ ю, поняти въ домъ церковный, *а чимъ ю родъ окупить.*»

торую часть; прочіе же члены верви конечно не получали такой доли, ибо, какъ сказано выше, сами участвовали въ платежѣ виновнымъ слѣдовавшей съ него пени, что вмѣстѣ съ тѣмъ и служило достаточной гарантіей относительно ихъ надзора другъ за другомъ.

Гораздо больше слѣдовъ Германскаго вліянія, нежели въ круговой порукѣ, найдемъ мы въ нашимъ древнихъ пеняхъ, если сличимъ ихъ съ разсмотрѣнными выше Германскими выкупами. Вліяніе это выражается отчасти въ названіи виры, но особенно въ количествѣ денежныхъ вознагражденій, встрѣчающихся за разныя преступленія въ нашихъ древнихъ памятникахъ. Что касается до названія *виры*, то кажется въ самомъ дѣлѣ, что оно не Славянское, а вошло къ намъ въ употребленіе подъ вліяніемъ Германскаго элемента. Только не должно при этомъ упускать изъ виду, какъ дѣлаетъ г. Деппъ, что сверхъ того у насъ былъ туземный терминъ для означенія пени, платимой за смертоубійство, именно *головничество*, такъ точно какъ убійца назывался *головникомъ*, а убитый — *головою*. Другое же Славянское названіе, употребительное въ памятникахъ для означенія денежныхъ пеней вообще — *продажа*, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, уже съ самаго начала относилось преимущественно къ выкупамъ, взимавшимся въ разныхъ случаяхъ, кромѣ смертоубійства, и также впослѣдствіи, съ введеніемъ для выкуповъ послѣдняго рода еще новаго названія виры, удержалось въ прежнемъ значеніи. Но совершенно съ нимъ тождественнымъ является еще терминъ: «за *обиду* (столько-то гривенъ),» который вмѣсто «продажи» очень часто употребляется въ Русской Правдѣ. Съ другой стороны количество виръ и другихъ денежныхъ пеней, такъ точно какъ и судебныхъ пошлинъ, установленныхъ, очевидно, Варяго-Русскими Князьями до Ярослава включительно, носитъ на себѣ явный отпечатокъ вліянія Германскаго обычая. Чтобы однако не увеличить нашей статьи, и безъ того вышедшей за предѣлы рецензіи, мы приведемъ здѣсь только, въ краткихъ словахъ, самые любопытные выводы г. Деппа относительно виръ и продажъ, отчасти высказанные имъ самимъ ясно и положительно, а отчасти представляющіеся какъ непосредственные результаты сдѣланнаго имъ сближенія между собою разныхъ статей Русской Правды и другихъ памятниковъ. Во-первыхъ, и у насъ, какъ у Германцевъ, вира платилась только за убійство лицъ свободнаго званія, и по коли-

честву была трехъ родовъ: двойная, въ 80 гривенъ, простая или обыкновенная — въ 40 гривенъ, и полувиріе — въ 20 гривенъ. Но и продажу могъ получать и давать также только свободный; вліяніе Германскаго элемента сверхъ того очевидно въ системѣ денежныхъ пеней, кромѣ виры, какъ и въ системѣ денежныхъ пошлинъ, изъ преобладанія въ нихъ чиселъ: 3, 6, 9 и 12. Во-вторыхъ, изъ всей суммы, составлявшей виру, большая часть слѣдовала въ пользу обиженнаго или его родственниковъ; но нѣтъ сомнѣнія, что и *Князь* съ своими чиновниками получалъ изъ нея также часть. Какую именно — трудно сказать опредѣлительно: но между тѣмъ г. Деппъ предлагаетъ очень остроумную догадку, на основаніи двухъ статей Русской Правды, что какъ изъ двойной, такъ и изъ обыкновенной виры и полувиры вычиталось извѣстное количество въ пользу Князя, вирника, метельника и другихъ лицъ (чиновниковъ). Это любопытное и важное замѣчаніе остается только повѣрить и подтвердить въ частностяхъ, что̀, кажется намъ, очень возможно. Въ-третьихъ, пеня, платимая за преступленіе, сдѣланное холопомъ, называется *урокомъ*, какъ и плата за вещь, ибо онъ стоялъ наравнѣ съ вещью. Это было естественнымъ слѣдствіемъ того, что *продажѣ*, какъ выкупу за вину свою, могъ подвергаться только свободный человѣкъ. Такимъ образомъ за убійство чужаго холопа виновный платилъ *урокъ* его господину и сверхъ того 12 гривенъ *продажи* Князю. Считаемъ однако при всемъ этомъ не безполезнымъ сдѣлать одно замѣчаніе. Г. Деппъ часто затрудняется, кому приписать извѣстную денежную пеню, о которой не говорится положительно, что она должна слѣдовать Князю или обиженному, — одному ли изъ нихъ, или обоимъ вмѣстѣ, или даже еще общинѣ, къ которой принадлежалъ виновный. Намъ кажется, что въ настоящемъ случаѣ важнымъ указаніемъ могутъ служить мѣстоименія: *ему*, *тому*, *самому*, которыя въ разныхъ мѣстахъ Русской Правды встрѣчаются очевидно вмѣсто: *истцу* или *господину*; употребленныхъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Но отсюда слѣдуетъ заключить, что въ отношеніи къ тѣмъ пенямъ, при которыхъ нѣтъ одного изъ этихъ мѣстоименій, нельзя утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Деппъ, что ихъ должно признавать вознагражденіемъ въ пользу обиженнаго. Встрѣчающійся иногда въ связи съ ними терминъ: за *обиду*, ничего не доказываетъ, ибо онъ значитъ вообще тоже, что и *продажа*, т. е. употребляется въ смыслѣ пени за обиду или нарушеніе права безъ

опредѣленія того, кому она слѣдуетъ — самому ли обиженному, или Князю, какъ блюстителю общаго мира, за его нарушеніе виновнымъ въ слѣдствіе причиненной другому обиды. Ни въ какомъ случаѣ, однако, нѣтъ основанія, какъ мы видѣли выше, предполагать, чтобы изъ продажи или виры часть поступала въ пользу той общины, къ которой принадлежалъ преступникъ. Но нѣтъ также необходимости предполагать, чтобы продажа дѣлилась непремѣнно между Княземъ и обиженнымъ, ибо часто указывается на двѣ разныя пени, платимыя за одно и то же преступленіе, изъ коихъ одна относится къ Князю, другая же поступаетъ въ пользу истца. Вотъ почему мы думаемъ, вопреки г. Деппу, что пени, о которыхъ не говорится, чтобы онѣ слѣдовали въ вознагражденіе обиженному, особенно же тѣ, которыя обозначаются названіемъ *продажи*, могли по преимуществу быть пенями, назначенными въ пользу Князя за нарушеніе виновнымъ мира, котораго онъ былъ блюстителелемъ, или лучше сказать, въ видѣ наказанія. И такъ нельзя согласиться съ авторомъ, что прибавочныя суммы, встрѣчающіяся въ разныхъ статьяхъ Русской Правды, сверхъ суммы продажи (напр. въ статьѣ: «аже перстъ утнетъ кый любо, то 3 гривны продажи, а *самому* гривна кунъ»), должно *вычитать* изъ главной суммы, а не *прибавлять* къ ней. Упущеніе во многихъ случаяхъ другихъ взыскиваемыхъ суммъ кромѣ продажи въ пользу Князя не можетъ наводить сомнѣнія, ибо вознагражденіе, слѣдующее истцу, нельзя всегда напередъ опредѣлить съ точностью: это дѣло взаимнаго его соглашенія съ виновнымъ, или судебнаго разбора, или наконецъ случайной цѣнности вещи и даже личной обиды (такъ въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды говорится очень ясно, что за рану или побои виновный платитъ обиженному продажу *за безчестье, каковъ будетъ*, т. е. истецъ) (*).

Въ заключеніе отдѣла о выкупахъ г. Деппъ предлагаетъ перечень всѣхъ пеней, назначаемыхъ за разныя преступленія въ Русской Правдѣ, договорахъ Русскихъ Князей съ Греками (см. также

(*) Чтобы выразиться еще опредѣлительнѣе, мы замѣтимъ, что подъ денежными пенями (кромѣ виры), о которыхъ не говорится въ чью пользу они поступаютъ, мы разумѣемъ такъ называемое у Германцевъ Friedensgeld, взыскиваемое на основаніи Скандинавскихъ законовъ, независимо отъ вознагражденія въ пользу обиженнаго. Въ примѣненіи-то къ нимъ (ихъ установленію, количеству и взысканію), подъ вліяніемъ первыхъ нашихъ Князей, и могъ отразиться у насъ съ особенною ясностію элементъ Германскій.

стр. 23 и 24) и въ договорѣ Смоленскаго Князя Мстислава Д. съ Готландіей и Ригой, въ такомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ по количественной величинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ сводъ выкуповъ имѣетъ свою важность, и можетъ быть съ пользой употребленъ въ дѣло изслѣдователями нашего древняго права.

Предложенные до сихъ поръ выводы автора были бы однако неполны, если бы онъ не остановился на классическомъ мѣстѣ нашей древней лѣтописи о казни разбойниковъ при Великомъ Князѣ Владимирѣ. И въ самомъ дѣлѣ онъ не только не опустилъ его безъ вниманія, но даже посвятилъ его разбору особую статью подъ названіемъ: «Первые слѣды наказанія въ нынѣшнемъ смыслѣ.» Въ этомъ разборѣ есть новыя и притомъ вѣрныя замѣчанія, но все-таки мы можемъ поспорить съ авторомъ въ отношеніи къ частностямъ, и потому разсмотримъ его заключенія нѣсколько ближе.

Одна статья Русской Правды, въ которой, независимо отъ виры, говорится, что разбойникъ выдается Князю съ женою и дѣтьми «на потокъ и разграбленіе,» привела г. Деппа къ мысли, что и при Владимирѣ наказаніе за разбой могло имѣть мѣсто въ одно время съ существованіемъ виры, какъ вознагражденія за другія меньшія преступленія. На основаніи этой самой естественной мысли онъ вывелъ заключеніе, что Великій Князь отмѣнилъ только, по совѣту епископовъ, виры, получавшіяся имъ за разбой, и вмѣсто того сталъ преступниковъ подвергать казни. Такое различіе между разбоемъ и почти всѣми другими преступленіями, относительно опредѣленнаго за нихъ наказанія, осталось и въ послѣдствіи довольно долго въ полной силѣ, какъ это видно не только изъ Русской Правды, но и другихъ позднѣйшихъ памятниковъ. И такъ во всемъ этомъ нельзя не согласиться съ авторомъ; за то дальнѣйшіе его доводы въ объясненіе означеннаго факта кажутся намъ чистыми гипотезами. На основаніи лѣтописи никакъ нельзя говорить положительно: 1) чтобы Владимиръ опять отмѣнилъ введенную имъ казнь для разбойниковъ возстановленіемъ виры, ибо, въ томъ мѣстѣ, которое приводитъ для этого авторъ, говорится только о совѣтѣ епископовъ и старцевъ Великому Князю употреблять виру (вообще) на коней и оружіе, что̀ дѣлали, какъ извѣстно и бывшіе передъ нимъ и слѣдующіе за нимъ Князья, дѣлясь получаемой ими данью, вирой и продажей съ своими дру-

жинниками (ср. Софійск. Времен., изд. Строевымъ, ч. I, стр. 10) (*). 2) Нѣтъ никакихъ данныхъ, которыми бы можно было подтвердить и другое предположеніе г. Деппа, именно, что «такъ какъ вира оказалась при разбояхъ уже до введенія за нея казни недостаточной, то Великій Князь, возвратившись къ вознагражденію изъ имущества, *не возстановилъ виру*, но предписалъ отбирать все имущество у разбойника (разграбленіе).» Есть, напротивъ, полное основаніе думать, что и до Владимира въ родовомъ быту Славянъ, такъ точно какъ и въ Германскихъ маркахъ, разбойники изгонялись изъ своихъ общинъ, а имущество ихъ предавалось грабежу, и что впослѣдствіи этотъ туземный способъ наказанія стали относительно разбойниковъ употреблять у насъ сами Князья, въ значеніи верховной власти надъ отдѣльными родами и племенами; Владимиръ же, «боясь грѣха,» вмѣсто того бралъ съ разбойниковъ виру, отчего они умножались и побудили епископовъ обратиться къ Великому Князю съ совѣтомъ, чтобы за разбои ввести казнь. Такому заключенію нисколько не противорѣчитъ мѣсто, приведенное г. Деппомъ изъ Степенной книги и Никоновскаго списка, гдѣ говорится, что «Владимиръ сталъ *предавать* разбойниковъ казнямъ *по градскому* или *божественному закону*,» т. е. вѣшать, ибо и на основаніи разныхъ списковъ Русской Правды разбойники подвергаются не одному только разграбленію имущества, но сверхъ того выдаются Князю *на потокъ* или *на бой*. Подъ послѣднимъ можно разумѣть какъ тѣлесное наказаніе, такъ и смертную казнь. Что касается до слова *потокъ*, то г. Деппъ замѣчаетъ, будто варіантъ, встрѣчающійся вмѣсто него въ двухъ (sic) разныхъ спискахъ Русской Правды: *изганіе* или *погнаніе*, не можетъ служить для его объясненія, и что подъ нимъ должно понимать *отдачу преступника въ рабство Князю*. Мы обратили особенное вниманіе на то, можно ли было употребить этотъ замѣчательный варіантъ, и послѣ продолжительнаго обсужденія убѣдились, что переписчикъ имѣлъ къ тому достаточное основаніе. Терминъ «*погнаніе*» въ настоящемъ мѣстѣ или указываетъ на древній обычай въ самостоятельныхъ общинахъ изгонять изъ своей среды («вы-

(*) Мы знаемъ, что объясненіе, котораго здѣсь держится г. Деппъ, почти общее всѣмъ изслѣдователямъ; но оно ни на чемъ не основано, кромѣ того, что разсматриваемое мѣсто слѣдуетъ непосредственно за разсказомъ лѣтописца объ установленіи Владимиромъ казни для разбойниковъ по совѣту епископовъ.

бивать изъ земли вонъ») преступныхъ членсвъ, такъ что между тѣмъ самъ Князь выданнаго ему преступника не долженъ былъ подвергать на самомъ дѣлѣ такому изгнанію, а напротивъ, предать его смертной казни или заточенію; или же, съ чѣмъ также согласенъ Эверсъ, Князь выданнаго ему разбойника могъ дѣйствительно изгнать подъ вліяніемъ прежняго обычая, но изгнать вообще изъ всей своей земли, изъ всѣхъ своихъ владѣній, отвезя его или продавъ въ рабство въ чужую землю. Примѣры такого изгнанія или ссылки за границу встрѣчаются, какъ извѣстно, въ нашей древней исторіи, даже въ отношеніи къ Князьямъ (припомнимъ Князей Полоцкихъ, отвезенныхъ въ Грецію) Не сюда ли же относится запрещеніе митрополита Іоанна продавать христіанъ въ рабство иновѣрцамъ («въ поганыя»)? (Русск. достопам. ч. I, стр. 98).

Разсмотрѣніемъ статьи о казни разбойниковъ при В. К. Владимирѣ оканчивается первая и притомъ бо̀льшая половина диссертаціи г. Деппа. Остальная за тѣмъ часть труда посвящена сжатому обозрѣнію наказаній на основаніи разныхъ памятниковъ отъ XIV в. до Уложенія включительно. Всѣ они разсматриваются въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала наказанія по Судебнику царя Ивана Васильевича за тѣмъ наказанія, упоминаемыя въ памятникахъ предыдущаго времени; наконецъ указывается на измѣненія, происшедшія въ наказаніяхъ отъ 1550 г. до 1649, въ двухъ главахъ, изъ коихъ послѣдняя заключаетъ въ себѣ краткое обозрѣніе наказаній по Уложенію. Очевидно, что памятники относительно обширнаго пространства времени, которое обозрѣваетъ здѣсь г. Деппъ, такъ многочисленны, что онъ никакъ не могъ поставить себѣ задачей разсмотрѣть ихъ всѣ равно внимательно и подробно, для того, чтобы представить только въ легкомъ очеркѣ добытые имъ несомнѣнные выводы собственныхъ спеціальныхъ изслѣдованій. Тѣмъ не менѣе общія замѣчанія, дѣлаемыя авторомъ касательно разныхъ наказаній въ древней Россіи и ихъ значенія, вовсе не лишены занимательности, хотя съ ними не всегда можно согласиться. Чтобы подтвердить и то и другое, коснемся въ особенности тѣхъ соображеній г. Деппа, которыя по чему-либо наиболѣе замѣчательны, и прежде всего обратимъ вниманіе на результаты, полученные имъ въ слѣдствіе подробнаго, какъ кажется, изученія Судебника Царя Ивана Васильевича.

Наказанія, встрѣчающіяся въ Судебникѣ 1550 года, говоритъ авторъ, отличаются своею неопредѣленностію: «по весьма

многимъ преступленіямъ опредѣленіе наказанія предоставлено волѣ Государя, а если за другія преступленія въ законахъ наказаніе и опредѣлено, то только по *роду* и всегда безъ назначенія *вида*.» На этомъ основаніи онъ разсматриваетъ сначала наказанія неопредѣленныя, а потомъ уже опредѣленныя. Какія наказанія должно считать неопредѣленными, т. е. зависѣвшими въ своемъ назначеніи отъ воли или усмотрѣнія Государя, кромѣ опалы, объясняется выраженіями: «а въ пенѣ,» или «а въ казни *что Государь укажетъ*.» Первое означаетъ денежный штрафъ, которому подвергается виновный независимо отъ другихъ опредѣленныхъ денежныхъ взысканій, а второе тѣлесное наказаніе или лишеніе свободы (тюремное заключеніе), которыя относительно своего способа, количества и времени исполненія назначаются самимъ Государемъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сверхъ другихъ опредѣленныхъ уже наказаній, которымъ долженъ также подвергнуться преступникъ. Отсюда г. Деппъ заключаетъ, что въ обоихъ случаяхъ подразумѣваемыя наказанія «входятъ въ составъ» наказанія обыкновеннаго, и суть собственно не прибавленія, но *поясненія* (стр. 66). Нельзя однако при этомъ не замѣтить, что онъ упустилъ изъ виду то, что въ нѣкоторыхъ памятникахъ оба приведенныя выраженія встрѣчаются безъ всякой связи съ какими-либо другими опредѣленными наказаніями. Вотъ почему предложенное здѣсь объясненіе прямо примѣняется къ тѣмъ только статьямъ, которыя авторъ заимствовалъ изъ Судебника и помѣстилъ въ своей диссертаціи. Что касается до наказаній опредѣленныхъ, то г. Деппъ перечисляетъ ихъ въ такомъ порядкѣ, что подъ каждымъ приводитъ всѣ преступленія, за которыя они назначаются на основаніи Судебника. Эта перечневая роспись не только сама по себѣ любопытна, а также очень полезна для справокъ. Но такъ какъ по Судебнику за всякое преступленіе опредѣляется большею частію не одно, а нѣсколько наказаній вмѣстѣ, или такъ называемое наказаніе сложное, то авторъ прилагаетъ еще и другую таблицу, въ которой перечисляетъ, въ какихъ случаяхъ употребляются тѣ или другія наказанія вмѣстѣ, и въ какихъ случаяхъ одни наказанія простыя. Такимъ образомъ въ отношеніи къ Судебнику г. Деппъ совершилъ трудъ, который до сихъ поръ еще никѣмъ не былъ исполненъ, а между тѣмъ конечно всякому изъ занимающихся представлялся болѣе или менѣе необходимымъ. Если однако разсматривать въ частностяхъ выводы, предлагаемые г. Деппомъ о

наказаніяхъ, встрѣчающихся въ Судебникѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что они не всегда покажутся удовлетворительными. Такъ лишеніе свободы и тѣлесныя наказанія въ значеніи наказаній самостоятельныхъ признаются у него новыми, т. е. такими, «о которыхъ не упоминается» въ источникахъ времени Правдъ; сверхъ того авторъ замѣчаетъ, что эти преступленія по важности мѣста, занимаемаго ими въ Судебникѣ, являются какъ бы главною причиною его составленія. Ясно, что г. Деппъ въ настоящемъ случаѣ оставилъ безъ вниманія какъ практическіе, такъ и законодательные памятники нашего церковнаго права, иначе убѣдился бы, что многія тѣлесныя наказанія, какъ и лишеніе свободы, употреблялись у насъ еще задолго до Судебниковъ, подъ вліяніемъ Византійскихъ источниковъ. Этимъ и объясняется, какимъ образомъ они мало по малу вошли въ народный обычай, такъ что наконецъ ихъ сдѣлалось необходимымъ включить, какъ способы наказанія, и въ свѣтскіе источники права. Если же это вѣрно, то очевидно также какъ несправедливо поступилъ г. Деппъ, не упомянувъ въ своей диссертаціи ни слова объ нашихъ Кормчихъ, какъ будто бы онѣ вовсе не существовали; между тѣмъ какъ со времени принятія у насъ христіанской вѣры до Петра В. сначала Греческіе Номоканоны, а потомъ Кормчія, составленныя въ Болгаріи и Сербіи, но особенно въ нашемъ отечествѣ, были однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ, которые имѣли юридическое значеніе и въ теоріи и на практикѣ. Но и изъ свѣтскихъ памятниковъ нашего древняго права автору, повидимому, не всѣ знакомы; по крайней мѣрѣ онъ нисколько не остановился на такихъ, которые могли бы служить ему пособіемъ для разрѣшенія его собственныхъ сомнѣній и вопросовъ. Таковы напр. уставныя книги Разбойнаго Приказа; также находящіяся съ ними въ связи губныя грамоты доставили бы конечно г. Деппу не одно важное указаніе, особенно если бы онъ при этомъ воспользовался своднымъ ихъ текстомъ, составленнымъ г. Ерлыковымъ. Мимоходомъ замѣтимъ также, что намъ показалась чрезвычайно странною мысль автора объяснять различіе въ наказаніяхъ, опредѣляемое въ Судебникѣ и другихъ памятникахъ для людей *вѣдомыхъ лихихъ* и въ противоположность имъ *добрыхъ*, борьбою между прежней идеей наказанія и новой, которая будто установлялась подъ вліяніемъ «Татарскаго порабощенія» (стр. 77). Если бы даже послѣднее предположеніе было справедливо, то этимъ однако, по нашему мнѣнію, вовсе не объ-

ясняется причина упомянутаго различія, которая напротивъ гораздо естественнѣе и очевидна сама по себѣ. Именно, она была непосредственнымъ слѣдствіемъ установленія верховною властью повальнаго обыска, вызваннаго необходимостью прекращать грабежи и разбои, на которые постоянно жаловались сельскіе жители. Людей, оговоренныхъ въ этомъ обыскѣ *лихими*, естественно было, подъ вліяніемъ тогдашнихъ обстоятельствъ, подвергать болѣе строгой отвѣтственности за ихъ преступленія, не вполнѣ еще подтвержденныя, нежели тѣхъ, которые въ подобныхъ же случаяхъ оказались, въ слѣдствіе обыска, людьми *добрыми* или честными. И такъ наказаніе, которому подвергали тѣхъ и другихъ, очевидно, не могло быть одно и тоже.

За обозрѣніемъ наказаній по Судебнику 1550 года г. Деппъ переходитъ къ предшествующимъ ему памятникамъ, начиная съ XIV вѣка. Къ сожалѣнію, мы въ этомъ отдѣлѣ диссертаціи не нашли ничего особеннаго, чѣмъ бы могла воспользоваться наука, кромѣ нѣкоторыхъ напрасныхъ сомнѣній и догадокъ, напр. касательно слова «боранъ (баранъ)» въ смыслѣ животнаго, которое очень естественно могло употребляться въ XIV ст. для вознагражденій въ сельскомъ быту, вмѣсто денегъ, такъ точно, какъ съ такою же цѣлью употреблялись *бѣлки*, какъ видно изъ той же Двинской грамоты, на которой въ настоящемъ случаѣ основывается авторъ; или предположеніе его, не должно ли *пятнаніе* преступниковъ, о которомъ упоминается въ Двинской грамотѣ, принимать въ смыслѣ *пятненія нравственнаго* (!). Мы не находимъ также достаточнаго основанія, для чего бы обозрѣніе памятниковъ, предшествующихъ Судебнику, слѣдовало помѣстить не прежде, а послѣ него, какъ это сдѣлалъ г. Деппъ. Сходство нѣкоторыхъ источниковъ права по ихъ содержанію съ Судебникомъ не можетъ служить достаточной тому причиной, ибо гораздо важнѣе то, что разрывъ хронологической связи уничтожаетъ возможность слѣдить за постепеннымъ развитіемъ юридическихъ понятій въ данномъ народѣ.

Изъ дополнительныхъ статей къ Судебнику 1550 года и другихъ изданныхъ послѣ него памятниковъ авторъ признаетъ, въ отношеніи къ своему предмету, особенно важными указы царя Ивана Васильевича, которые впрочемъ, по его мнѣнію, въ отношеніи осуществленія идеи наказанія также не представляютъ почти ничего замѣчательнаго: «остались, говоритъ онъ, при прежнихъ

наказаніяхъ. и все развитіе въ этомъ отношеніи ограничилось почти однимъ только разъясненіемъ существовавшихъ положеній объ *обыскѣ* и о различномъ наказаніи преступниковъ, смотря по тому, окажутся ли они по обыску вѣдомыми лихими или добрыми.» Между тѣмъ самъ г. Деппъ замѣчаетъ, что въ одномъ изъ указовъ Грознаго въ *первый разъ* встрѣчается опредѣленіе цѣли предписываемаго наказанія, именно «чтобы впредъ не лгали» (стр. 90). Мы можемъ однако опять возразить автору, что проявляющаяся здѣсь въ наказаніи теорія устрашенія (предпочтительно предъ теоріей исправленія) уже гораздо ранѣе принималась въ соображеніе, и что кромѣ этого, безъ сомнѣнія, нашлись бы еще другія болѣе любопытныя данныя относительно осуществленія идеи наказанія, если бы только авторъ обратилъ вниманіе на тѣ источники церковнаго и свѣтскаго права, о которыхъ мы упомянули выше, такъ какъ они поясняютъ во многихъ случаяхъ и Судебникъ самого Грознаго и дополнительныя къ нему статьи. Точно тоже должно замѣтить касательно мысли г. Деппа, будто бы встрѣченное имъ указаніе въ уставной грамотѣ крестьянамъ царскихъ подклѣтныхъ селъ Переяславскаго уѣзда, 1556 г., о высылкѣ вонъ изъ волости ябедниковъ, которое намекаетъ на значеніе изгнанія (высылки) изъ мѣста жительства, въ смыслѣ самостоятельнаго наказанія, есть единственное исключеніе въ этомъ родѣ. О такой высылкѣ, говоритъ авторъ, не упоминается ни до того времени, ни впослѣдствіи (стр. 94), изъ чего должно заключить, что это наказаніе, какъ встрѣчающееся только однажды, «*было неизвѣстно собственно Русскому праву*» (стр. 91). Мы убѣждены, напротивъ, въ томъ, что высылка преступника изъ округа, къ которому онъ принадлежалъ, другими жителями, составлявшими съ нимъ одну родовую или гражданскую общину, въ полномъ значеніи туземнаго наказанія употреблялась у насъ отъ самой глубокой древности, и притомъ сначала даже за самыя тяжкія преступленія. Впослѣдствіи изгнаніе изъ волости въ отношеніи къ разбоямъ замѣнилось смертною ка нью, но осталось, какъ самостоятельное наказаніе, въ примѣненіи къ татьбѣ и другимъ преступленіямъ, на что, въ случаѣ нужды, мы могли бы привести многія ясныя свидѣтельства на основаніи разныхъ актовъ. Еще позже высылка изъ мѣста жительства замѣнилась во всѣхъ случаяхъ другими наказаніями и такимъ образомъ вышла изъ обычая; но это должно относиться не ранѣе какъ къ XVII вѣку, ибо употребленіе такого изгнанія,

сверхъ того, что оно было явленіемъ туземнымъ, поддерживалось еще вліяніемъ Кормчей, гдѣ оно назначается, на основаніи *градскаго закона*, также для обличенныхъ (особенно вторично) въ воровствѣ: «*біеми* (*отъ предѣлъ*) *да изженутся*.»

Что касается наконецъ до обозрѣнія г. Деппомъ наказаній по Уложенію, то оно очень сжато, заключая въ себѣ только одно существенное замѣчаніе, что здѣсь «наказанія, уже прежде бывшія извѣстными по своему *роду*, являются опредѣленными и по *видамъ*.» Въ слѣдъ за тѣмъ указывается на тѣ особенные виды наказаній, которые встрѣчаются въ Уложеніи. Впрочемъ, по своей краткости, эта роспись или табель, очевидно, можетъ имѣть только маловажное значеніе въ наукѣ.

Н. Калачовъ.

АРХИВЪ ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ ДО РОССІИ, ИЗДАВАЕМЫЙ НИКОЛАЕМЪ КАЛАЧОВЫМЪ. Книга второй половина первая. Москва, 1855.

—

Задача критики—содѣйствовать правильному развитію науки. Поэтому она должна останавливаться по преимуществу на важнѣйшихъ явленіяхъ въ области науки, къ которымъ нельзя не причислить и изданія г. Калачова. Вотъ почему мы рѣшились обратить вниманіе читателей на нѣкоторые статьи и предметы, вошедшіе въ составъ настоящаго тома «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній».

Поднятый съ недавняго времени вопросъ объ «изгояхъ» еще не доведенъ до надлежащей ясности. Надѣемся, что вновь открываемыя свидѣтельства объ немъ дадутъ возможность со всею точностію опредѣлить значеніе этого юридическаго термина въ древнѣйшемъ нашемъ быту и его судьбы въ продолженіе вѣковъ. Покамѣсть мы должны стараться (положительно или отрицательно) содѣйствовать къ его объясненію, сколько позволяютъ это наличныя средства. Къ отрицательной сторонѣ объясненія относится сообщенное въ «Введеніи» къ настоящему тому Архива (с. XXXI) опроверженіе производства слова «изгой» изъ языка готскаго, представленное Ѳ. И. Буслаевымъ. Но столь же мало оправдывается предъ судомъ филологіи и другое производство этого слова. Во второй половинѣ второй книги (отд. VI с. 42) изданія г. Калачова напечатано слѣдующее мнѣніе г. Микутскаго:

«На латышскомъ языкѣ словомъ *izgois* означается «вышед-«шій (тотъ кто вышелъ)». Слово это происходитъ отъ глагола *iť*, «(идти), который въ первомъ лицѣ настоящаго времени имѣетъ «*imu* (иду), въ прошедшемъ: *goju* (я шелъ); причастіе же его про-«шедшаго времени дѣйствительнаго залога: *gois* (шедшій)».

«Предложенное значеніе слова: *izgois* потверждается слѣдую-«шимъ мѣстомъ, встрѣчающимся въ книгѣ на латышскомъ языкѣ «подъ заглавіемъ: «Wyssa Mocieyba Katoliszka», напечатанной въ «Полоцкѣ, въ 1805 г., на стр. 32: «Un izgois ir na zynodams kur goja» (и вышелъ не зная куда шелъ)».

Прежде всего замѣтимъ, что въ правописаніи только что приведенныхъ латышскихъ словъ ясно обнаруживается вліяніе неправильнаго произношенія, отчего и представленныя выше формы грамматическія являются не въ своемъ видѣ. Нашему «идти», «иду» и пр. соотвѣтствуютъ на латышскомъ языкѣ не: *il'*, *imu*, а *eet*, *eemu* (произн. *ĕăt*, *ĕămu*) и пр.; съ русскими формами «шелъ», «шедшій» согласуются по значенію латышскія: *gâju*, *gâjis* (по обыкновенному правописанію *gahju*, *gahjis*, гдѣ *h* служитъ знакомъ удлинненія слога). Что касается въ частности мнимой формы *izgois*, то дѣйствительно въ латышскомъ языкѣ есть глаголъ *is-eet* (выйдти), наст. *is-eemu*, прош. *isgâju;* отсюда причастіе прошедшаго времени дѣйствительнаго залога *isgâjis*. Но оно значитъ не «вышедшій» или «тотъ кто вышелъ», а просто «вышелъ»; другими словами, оно не имѣетъ въ языкѣ значенія самостоятельнаго, но употребляется единственно для образованія прошедшаго сложнаго. На основаніи фразъ: *онъ* (*есть*) *вышелъ*, *il s'en est allé*, *er ist ausgegangen*, никто не станетъ утверждать, что на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ языкахъ для означенія человѣка вышедшаго есть существительныя *вышелъ*, *un allé*, *ein ausgegangener*; они совершенно небывалыя. Точно также и латышское слово *isgâjis* не можетъ быть принято въ смыслѣ существительнаго или прилагательнаго. Есть въ латышскомъ языкѣ отъ корня *gâ* простое существительное *gâjeis* (идущій, ходокъ; отсюда *zeł̄u-gâjeis*, прохожій, путешественникъ, странникъ), но сложнаго *isgâjeis* нѣтъ и никогда не бывало.

Слѣдовательно прямое производство нашего изгоя изъ языка латышскаго не оправдывается. Другой вопросъ: не находится ли изгой въ связи съ упомянутымъ корнемъ *gâ* (санскр. *гâ*)? Но при рѣшеніи этого вопроса нельзя основываться на одномъ только внѣшнемъ созвучіи, и сближенія, неподтверждаемыя законами чередованія звуковъ въ языкахъ индо-европейскихъ, не могутъ быть признаны удовлетворительными. Сюда относится сравненіе изгоя съ иллир. *hajati* (ходить) и словен. *hoja* (путешествіе). По соображенію этихъ словъ, лѣтъ семнадцать тому назадъ слово *изгой* объяснено было посредствомъ иллир. *izhajati* (выходить) и ему придано значеніе пришлеца, иностранца (см. Иванишева, о платѣ за убійство. Кіевъ, 1840, стр. 89). При ближайшемъ разсмотрѣніи, здѣсь открывается двоякая несообразность. Во первыхъ, въ сравниваемыхъ иллирійскихъ и словенскихъ словахъ начальной буквѣ корня *h* соотвѣтствуетъ русское *х* (ср. hoditi, hod, hoja и проч.

съ ходить, ходъ, ходьба и пр.), а не *г*, какъ бы слѣдовало ожидать, имѣя въ виду корень объясняемаго слова «изгой». Во вторыхъ, формы *izhajati* и *hoja* представляютъ намъ *j*, образовавшееся чрезъ смягченіе изъ первоначальнаго *d* (*izhajati*, отъ *izhoditi*, соотвѣтствуетъ церковнослав. исхождати, и *hoja* произошло отъ *hoditi*, какъ *voja* отъ *voditi*), тогда какъ въ словѣ изгой не замѣтно никакихъ слѣдовъ кореннаго *d*. Поэтому мы должны сказать, что сближеніе этихъ словъ между собою неосновательно. Еще болѣе лишено всякой филологической опоры произвольное объясненіе слова изгой, предложенное г. Хомяковымъ (см. Извѣстія Втораго Отд. Акад. Наукъ т. IV, выпускъ 3, матеріалы для словаря и грамматики стр. 385): «*Го* по санскр. *хвала. Гой еси!* будь хваленъ. *Изгой*, лишенный чести сословной или общинной.» Основываясь такимъ образомъ бездоказательно на одномъ случайномъ, внѣшнемъ созвучіи, можно сравнивать *изгой*, пожалуй, и съ еврейскимъ *гой*, или съ чешскими *гаями* и вообще съ чѣмъ угодно. Послѣ этого не мудрено, что объясненіе г. Хомякова явно противорѣчитъ свидѣтельству памятниковъ. Извѣстно, что въ уставѣ Новгородскаго Князя Всеволода-Гавріила о церковныхъ судахъ въ Новгородѣ и Псковѣ къ изгоямъ причисляются и *князья осиротѣвшіе*. Слѣдовательно, по мнѣнію г. Хомякова, князь осиротѣвшій «лишался чести сословной или общинной» (!). Поэтому, если далѣе г. Хомякову угодно утверждать, что «*произвольное изгойство* значитъ самоубійство въ рукописи, которой нѣкоторые ученые не поняли подъ вліяніемъ тѣснаго систематизма,» то читатель знаетъ, какъ оцѣнить подобную выходку. Дѣйствительно, подъ владычествомъ строгихъ законовъ науки не можетъ быть привольно поэтической фантазіи, и она улетаетъ въ заоблачныя высоты. Тамъ для нея нѣтъ ничего невозможнаго. Она смѣло сближаетъ, напримѣръ, слова *дума, дымъ* и *домъ*, какъ читается на стр. 154, отд. III разбираемой нами книжки «Архива,» — сближеніе, выраженное впрочемъ уже прежде въ другомъ мѣстѣ. Нельзя не удивляться, какъ авторъ статейки рѣшился повторить свое предположеніе послѣ основательнаго опроверженія г. Буслаева (см. письмо профессора Ѳ. И. Буслаева къ автору Исторіи Россіи, въ концѣ втораго тома сочиненія г. Соловьева, стр. 19). Это тѣмъ менѣе извинительно, что защищаемый имъ ложный этимологическій законъ внѣшняго созвучія легко можетъ ввести въ заблужденіе неопытныхъ. Душѣ человѣческой сродно сремленіе къ поэзіи, а въ кругу формъ по-

этическихъ немаловажное мѣсто занимаетъ внѣшнее созвучіе: имъ увлекаются тѣмъ охотнѣе, что основанное на немъ сближеніе словъ не требуетъ труднаго изученія законовъ лингвистическихъ. Такая увлекательность созвучія вмѣняетъ въ обязанность во всѣхъ общихъ сужденіяхъ по предмету лингвистическихъ сравненій соблюдать величайшую осторожность и осмотрительность. Это побуждаетъ насъ остановиться на образѣ выраженія одной мысли, встрѣчающейся въ Отд. I разбираемаго нами сборника на стр. 114, въ статьѣ ученаго, который многочисленными трудами пріобрѣлъ значительный авторитетъ въ области русской филологіи. Это мѣсто, съ перваго взгляда, похоже на апологію внѣшняго созвучія, между тѣмъ какъ нельзя предполагать, чтобъ такой филологъ, какъ г. Срезневскій хотѣлъ оправдывать затѣйливую игру созвучныхъ словъ. По сравненіи цѣлаго ряда славянскихъ, греческихъ и латинскихъ реченій, авторъ продолжаетъ: «Если и трудно вполнѣ доказать единичность корня во всѣхъ приведенныхъ словахъ, созвучныхъ въ коренныхъ частяхъ своихъ, то все же нельзя отвергнуть созвучія словъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленія въ каждомъ изъ сравненныхъ языковъ выражать одними и тѣми же избранными звуками одной и тойже массы идей.» Лингвистъ, читая эти строки, сейчасъ догадается, что рѣчь идетъ о *тождествѣ* звуковъ. Но въ обыкновенной рѣчи слова «созвучный» и «созвучіе» означаютъ не совсѣмъ то, и еслибъ намъ вздумалось понимать ихъ здѣсь въ обыкновенномъ смыслѣ, то мы получили бы въ результатѣ совершенно превратную мысль, будто бы единичность корня второстепенная вещь, а главное дѣло — внѣшнее созвучіе. Между тѣмъ лингвистика именно учитъ, что если невозможно доказать единичность корня, то это знакъ, что созвучіе словъ — не внутреннее, коренное, а внѣшнее, случайное, обманчивое, прикрывающее собою внутреннее несходство и различіе корней; изъ чего слѣдуетъ, что сравниваемые языки именно *не* выражаютъ «одними и тѣми же избранными звуками одной и той же массы идей.» Впрочемъ мы остановили вниманіе читателей на этомъ мѣстѣ только въ томъ убѣжденіи, что *одна* мысль г. Срезневскаго, неправильно понятая, можетъ имѣть болѣе вредное вліяніе, нежели, напримѣръ, вся статья г. Хомякова.

Возвратимся къ изгоямъ. Удовлетворительнѣе прочихъ изложено мнѣніе о производствѣ этого слова, представленное Ѳ. И. Буслаевымъ (см. первую книжку «Архива» Отд. I, стр. 59 и прилож. 2,

стр. 101), но и оно не устраняетъ всѣхъ недоумѣній. Имѣя въ виду извѣстный въ различныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ глаголъ *гоить* и древне-сербское существительное *гои* (*), г. Буслаевъ вторую половину слова *изгой* относитъ къ глаголу *жить*, точно такъ какъ, напримѣръ, *кой* (въ покой) относится къ *чить* (въ словѣ почить) или существительное *пой* (въ водопой) къ глаголу *пить* и какъ *лой* (жиръ) и *вой* (въ повой) образуются отъ *лить* и *вить*. Эта аналогія, съ перваго раза, дѣйствительно довольно убѣдительна, но при ближайшемъ разсмотрѣніи возникаетъ сомнѣніе, точно ли подъ это правило подходитъ и глаголъ жить. Во всѣхъ прочихъ вышеприведенныхъ словахъ корень оканчивается на гласную букву: *чи-ть*, санск. *сû*, латин. *quies*, греч. κεῖσθαι; *пи-ть*, санскр. *пû*, латин. *bi-bo*, греч. πι-νω; *ли-ть*, санскр. *лû*, латин. *li-gnor*, лит. *lĕti*; *ви-ть*, санскр. *ве* (*вâ*), лат. *viere* греч. ἴτυς, ἰτυς, литов. *wy-ti*. Не то съ глаголомъ *жить*, который въ корнѣ своемъ оканчивается на согласную *в* и поэтому принадлежитъ къ одной категоріи съ *шить* (жить вм. *живти*, *живу* санскр. *джûв*, латин. *vivo*, греч. βίος вм. βιος, готск. *qvivs*, лит. *gywas*; шить вм. *шивти*, церковнослав. *шиву* (**) (съ носовымъ звукомъ), санскр. *сив*, готск. *sivja*, лит. *suwu*, латин. *suo*). Въ томъ и другомъ глаголѣ опущеніе или превращеніе буквы *в* при образованіи той или другой формы

(*) См. грамоту Босенскаго Бана Кулина 1189 г. Съ оригинала она отпечатана въ Извѣстіяхъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ, т. I, стр. 345. Изъ того, что встрѣчающемуся въ ней выраженію: «правь гои дрьжати,» въ латинскомъ текстѣ того же времени соотвѣтствуютъ слова «rectam pacem manutenere,» еще не слѣдуетъ, чтобы и въ отдѣльности слово *гои* означало *pacem*, точно также какъ изъ другихъ выраженій той же грамоты: «дрьжати праву вѣру = manutenere amicitiam veram» и «правымь срьдьцемь дрьжати е — conscientia vera recipere» мы не въ правѣ заключить, будто бы слова *вѣра* и *срьдьце*, взятыя отдѣльно, имѣли значеніе *amicitia* и *conscientia*, или чтобы *дрьжати* само по себѣ значило *recipere*. Вмѣсто *гои*, какъ значится въ подлинникѣ, въ одномъ спискѣ, которымъ пользовался Шафарикъ, читается *гон*. Разница эта произошла или просто отъ описки, или же переписчикъ, не понимая слова *гои*, замѣнилъ его болѣе понятною для него формою *гон*. На томъ же основаніи, встрѣчающійся, по свидѣтельству Н. В. Калачова, въ одномъ спискѣ Русской Правды варіантъ *изгонъ* вмѣсто *изгой*, по нашему мнѣнію, не заслуживаетъ вниманія.

(**) Ср. Миклошича, Vergleichende Lautlehre der slawischen Sprachen, стр. 124.

происходитъ по извѣстнымъ лингвистическимъ законамъ благозвучія и согласованія звуковъ. Въ производныхъ же отъ глагола шить, какъ-то: *шовъ*, *швея* и пр. *в* остается неприкосновеннымъ. Поэтому мы не въ правѣ установлять связь между *живу* и *гой*, не доказавъ напередъ, по какому закону воспослѣдовало здѣсь опущеніе или превращеніе коренной буквы *в* (*). Такимъ образомъ еще вопросъ, не вѣроятнѣе ли связь слова изгой съ приведеннымъ нами выше корнемъ *гā*? Тогда Псковское село «Изгои» могло бы имѣть значеніе новоселокъ. Но эта связь должна быть доказана ясно и положительно, иначе она останется однимъ только предположеніемъ.

Далѣе, пока производство *гой* отъ *жить* не доказано болѣе твердымъ образомъ, объясненіе слова *изгой*, основанное на этомъ производствѣ, подвержено сомнѣнію, и безъ убѣдительныхъ историческихъ доказательствъ въ немъ нельзя видѣть человѣка, котораго, такъ сказать, *выжили* изъ тогдашняго общества. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется, понимаетъ это производство г. Калачовъ, выводя изъ него такое заключеніе, что «слѣдовательно изгой есть существо отрѣшенное, отпадшее или отдѣленное отъ жизни, не принадлежащее къ ея быту, а напротивъ изъ него вышедшее, исключенное». Здѣсь однако не опредѣлено, въ какомъ значеніи, по мнѣнію автора, принимался терминъ изгой первоначально, въ значеніи лица дѣйствующаго, или же подлежащаго дѣйствію. Наконецъ, спрашивается еще, существуетъ-ли сродство между древне-сербск. *гои* и нашимъ *изгой*. Одно созвучіе ничего не доказываетъ: не состоитъ же слово *наборъ* изъ *на* и *боръ* въ смыслѣ лѣса. Впрочемъ и *гои*, какъ выше замѣчено, можетъ имѣть совершенно другое значеніе, нежели какое приписывается ему на основаніи грамоты Бана Кулина.

До сихъ поръ мы разсматривали вопросъ объ изгояхъ со стороны этимологической. Обратимся теперь къ сторонѣ исторической. На основаніи свидѣтельства объ изгойствѣ, открытаго Ѳ. И. Буслаевымъ въ рукописномъ сборникѣ Царскаго, выраже-

---

(*) Такіе примѣры чередованія *в* и *j*, какъ наприм. Дунавъ и Дунай, домови (домовъ) и домой, долови (доловь) и долой, и даже шиву и шью, въ настоящемъ случаѣ ничего не доказываютъ, потому что они относятся къ позднѣйшимъ перемѣнамъ въ языкѣ, а при сравнительной этимологіи никакъ не должно смѣшивать между собою различныхъ періодовъ исторіи языка.

ніе «изгойство имати» означаетъ «взиманіе лишнихъ денегъ съ продаваемаго или выпускающагося на свободу раба противъ той суммы, за которую онъ былъ купленъ самимъ продающимъ или выпускающимъ его на волю господиномъ. Взиманіе такого излишка считается продажей «неповинной крови» и называется прямо грѣхомъ, который можетъ быть искупленъ лишь покаяніемъ и возвращеніемъ обиженному взятой съ него лихвы (стр. XXIX)». «Если однако (продолжаетъ г. Калачовъ) предположить, что и подъ словомъ «изгойство» разумѣется этотъ же самый грѣхъ, то еще остается неяснымъ, почему однимъ и тѣмъ же словомъ называлось и состояніе извѣстнаго лица, вышедшаго (волей или неволей) изъ сословія, къ которому прежде принадлежало, и означенный выше грѣхъ?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что всѣ свидѣтельства объ изгойствѣ, находящіяся въ извѣстной архивской рукописи, относятся къ одному только роду изгоевъ, именно къ тому роду, который въ Всеволодовомъ уставѣ означается словами «холопъ изъ холопьства выкупится». По отношенію къ этому случаю слово *изгойство* получило значеніе извѣстной платы за переходъ извѣстнаго лица въ состояніе изгоя (изгойство взимати), точно также какъ *ѣздъ* означалъ пошлину, взимаемую за поѣздку пристава. Такъ понимаемъ мы изгойство и въ слѣдующихъ словахъ Архивскаго сборника: «Всего же есть горѣе изгойство взимати, иже взимающеи, тіи не отдадуть опять тѣмъ же; *изгойство* же толкуется бесконечная бѣда, непрестающая слезы, немолчно въздыханіе, неусыпающій чрьвь, несъгрѣема зима, неугасаяй огнь, нестерпимая гроза, неисцѣлимая болѣзнь, вся же та суть безъ конца» (стр. XXIV). Здѣсь говорится очевидно не о состояніи изгоя, какъ полагали, а о «взиманіи изгойства» (въ смыслѣ платы). Приведенныя библейскія слова служатъ выраженіемъ понятія современниковъ о грѣховности такого взиманія. Въ другомъ мѣстѣ того же сборника, гдѣ послѣ исчисленія различныхъ грѣховъ говорится: «всего же того горѣе изгойство» (стр. XXVII), вѣроятно, пропущено слово «взимати» (ср. стр. XXV, строку 7: «всего же есть горѣе *изгойство взимати*»).

Далѣе г. Калачовъ предлагаетъ вопросы: «почему изгои, въ значеніи лицъ, вышедшихъ изъ извѣстнаго сословія, и изгойство, въ значеніи новаго ихъ состоянія (состоянія изгоевъ) упоминаются лишь въ памятникахъ XIII вѣка, между тѣмъ какъ изгойство, въ смыслѣ лихоимства, встрѣчается уже въ рукописяхъ позднѣй-

шаго времени и все мѣсто объ немъ пропущено въ древнѣйшихъ спискахъ «Впрашанія Кюрикова;» почему въ уставѣ Всеволода-Гавріила изгои называются людьми церковными, богадѣльными; почему въ уставѣ Ярославовомъ «о мостѣхъ» и въ уставѣ Смоленскаго Князя Ростислава они упоминаются состоящими подъ защитой и покровительствомъ Епископа?» (стр. XXIX). Будущее изслѣдованіе о значеніи изгоевъ, конечно, должно обратить вниманіе на всѣ эти вопросы, но покамѣсть мы не рѣшимся изъ нихъ вывести такое заключеніе, «что самое состояніе изгойства когда нибудь считалось грѣхомъ,» потому что употребленіе этого слова впослѣдствіи въ смыслѣ переносномъ, для означенія грѣха, какъ мы видѣли, относилось вовсе не къ самому состоянію изгойства и ограничивалось случаемъ совершенно частнымъ. Но за то къ предложеннымъ выше вопросамъ нельзя не присоединить еще одного: если, какъ полагаетъ г. Калачовъ, на изгоя первоначально смотрѣли какъ на величайшаго грѣшника, страшнаго преступника, разбойника, то чѣмъ же объясняется постановленіе Русской Правды, по которому за убіеніе изгоя въ случаѣ, когда «не будетъ кто мстя,» полагается точно такая же вира какъ и за убіеніе всякаго другаго члена тогдашняго общества, между тѣмъ какъ аналогія исторіи ясно показываетъ, что въ первоначальномъ общественномъ быту лицо, отрѣшенное отъ общества, лишается всякаго покровительства закона, и его безнаказанно дозволяется убить (*)? Далѣе спрашивается: почему въ Русской Правдѣ (по крайней мѣрѣ, въ спискахъ первой фамиліи, по раздѣленію Калачова) изгой ставится на ряду съ Русиномъ и Словениномъ? см. текстъ Русской Правды по изданію Калачова стр. 1: Аще не боудеть кто мстя, то 40 гривенъ за голову; «*аще* боудеть *роусинъ*» (то есть): «любо гридінъ, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ; *аще изгои* боудеть, любо *словенинъ*, то 40 гривенъ положити занъ». Все это предстоитъ разрѣшить будущему изслѣдователю вопроса объ изгояхъ, который долженъ имѣть въ виду и то, не было ли на Скандинавскомъ сѣверѣ чего нибудь похожаго на наше изгойство и во вторыхъ, существовало ли у Византійцевъ понятіе, а вмѣстѣ съ понятіемъ и выраженіе, соотвѣтствующее нашему «изгойство

(*) Мнѣ кажется что на этотъ вопросъ отвѣтъ ясный: Русская Правда составлена подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній, которыя именно уничтожили понятіе объ изгоѣ, какъ о грѣшникѣ, по языческимъ родовымъ понятіямъ, и придавали этому слову напротивъ того значеніе грѣшника въ христіанскомъ смыслѣ. *Н. К.*

взимати?» (*) Наконецъ, для окончательнаго разрѣшенія настоящаго вопроса можетъ быть не безъ важности будетъ объясненіе значенія въ нынѣшнемъ крестьянскомъ быту *изгойныхъ полей*, какимъ именемъ, по свидѣтельству И. Д. Бѣляева, въ нѣкоторыхъ нашихъ губерніяхъ означаются «особенныя или отдѣльныя поля, не входящія въ составъ общихъ полей, подлежащихъ обработкѣ.»

Какъ въ дѣлѣ филологіи всѣми признана необходимость сравнительнаго изученія языковъ, такъ и въ области исторіи права все болѣе и болѣе становится настоятельнымъ требованіе сравнительнаго изслѣдованія первоначальнаго общественнаго быта у различныхъ народовъ. Такое сравненіе (если только оно сдѣлано научнымъ образомъ) какъ нельзя лучше предохраняетъ отъ многихъ одностороннихъ увлеченій. Поэтому намѣреніе г. Калачова представить въ своемъ сборникѣ рядъ изслѣдованій о родовомъ бытѣ у Германцевъ, Кельтовъ, Грековъ, Римлянъ и другихъ народовъ древности заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ настоящей книжкѣ помѣщено изслѣдованіе покойнаго Грановскаго «О родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ.» Къ сожалѣнію, даровитое перо этого ученаго, слишкомъ рано похищеннаго у науки, ограничилось почти исключительно разборомъ вопроса объ отношеніи древне-германскаго рода къ его территоріи (маркѣ) и къ его старшинамъ. Всѣ прочія стороны родоваго быта, различіе свободныхъ и несвободныхъ, отношенія родичей личныя и по имуществамъ, родовой судъ и расправа и пр. остались нетронутыми, подъ вліяні-

---

(*) Нельзя здѣсь не замѣтить, какъ при современномъ ходѣ изслѣдованій объ отечественной старинѣ и въ особенности объ исторіи отечественнаго права, ощутителенъ недостатокъ хорошаго *византійскаго* словаря. Г. академикъ Куникъ въ статьѣ «О трудахъ византиниста Муллаха», помѣщенной въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ по I и III отд., т. III, стр. 413—428, справедливо говоритъ слѣдующее: «кто близко знакомъ съ нынѣшнимъ состояніемъ византійскихъ занятій, и кто понимаетъ важность ихъ для славянскаго языкознанія, литературы и исторіи, тотъ долженъ согласиться, *что успѣхи въ этой области существенно зависятъ отъ новаго изданія словаря Дюканжа»*. Въ теперешнемъ своемъ видѣ этотъ словарь (не говоря уже о его рѣдкости) далеко не соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ науки. Почти всякій разъ, когда прійдется справляться въ немъ, обманутыя ожиданія наводятъ на вопросъ, когда же наконецъ появится тотъ благодѣтель, которому суждено обрадовать ученый міръ изданіемъ труда, столь необходимаго для насъ на каждомъ шагу?

емъ какого-то страннаго скептицизма. Мы несогласны съ авторомъ въ томъ, будто подробное изображенiе родовыхъ формъ у Германцевъ невозможно (с. 163). Конечно, современныхъ этому быту историческихъ свидѣтельствъ весьма мало и дѣлать заключенія отъ позднѣйшаго къ предъидущему довольно опасно. Тѣмъ не менѣе дѣло историка состоитъ именно въ томъ, чтобъ умственно возсоздать прошедшее въ возможной полнотѣ. За недостаткомъ прямыхъ свидѣтельствъ объ этомъ прошедшемъ, онъ долженъ пользоваться съ одной стороны тѣми остатками старины, какіе сохранились для насъ въ языкѣ извѣстнаго народа, а съ другой— долженъ стараться отъискать въ послѣдующемъ развитіи этого народа тѣ сѣмена и начала, изъ которыхъ образовалась его жизнь. Вотъ въ какомъ смыслѣ историку не только дозволяется, но даже вмѣняется въ обязанность дѣлать выводы отъ позднѣйшаго къ предъидущему. Въ томъ и другомъ изъ поименованныхъ выше случаяхъ, наконецъ, не малое пособіе окажетъ изслѣдователю и аналогія исторіи, въ особенности исторіи племенъ родственныхъ. Но прежде нежели скажемъ нѣсколько словъ о сравнительно-исторической методѣ въ примѣненіи къ исторіи права, остановимся на одной мысли, выраженной въ статьѣ Грановскаго словами Зибеля, — мысли, которая по своей односторонности можетъ повести къ самымъ ложнымъ понятіямъ и заключеніямъ. Разсуждая объ извѣстномъ сочиненіи Эверса (Das aelteste Recht der Russen). Зибель упрекаетъ автора въ томъ, будто «онъ упускаетъ изъ виду, что семейство до или внѣ государства основано на нравственомъ, а не на юридическомъ законѣ, и потому развиваетъ нравственныя, а не юридическія отношенія.» Но съ этимъ мнимымъ различіемъ закона нравственнаго и юридическаго въ первоначальную эпоху народной жизни никакъ нельзя согласиться. Сфера юридическая и сфера нравственная, — это двѣ части одного цѣлаго, или, выражаясь точнѣе, область права входитъ въ составъ міра нравственнаго. Это — два концентрическихъ круга: средоточіе у нихъ одно и тоже (идея добра), только периферіи болѣе или менѣе сходятся или расходятся между собою въ различныя эпохи развитія народнаго быта и образованности. Въ первоначальный періодъ народной жизни тотъ и другой кругъ совершенно совпадаютъ другъ съ другомъ. Для народа первобытнаго нѣтъ другой нравственности кромѣ той, какая выражается въ его правахъ и испоконныхъ обычаяхъ, внѣшнихъ проявленіяхъ существа народнаго ду-

ха, и этимъ мѣриломъ измѣряется достоинство каждаго члена общества, каждаго отдѣльнаго человѣка; онъ считается нравственнымъ или безнравственнымъ смотря потому, согласны или несогласны его личныя убѣжденія и дѣйствія съ убѣжденіями и фактами, въ которыхъ обнаруживается внутренняя жизнь цѣлаго общества. Но эти самые убѣжденія и факты, эти нравы и обычаи, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ проявленіемъ права. По нимъ устроено общежитіе, ими поддерживается оно, ими охраняется, и всѣ послѣдующіе перевороты юридическаго быта обусловливаются этими «установленіями всего народа» (выраженіе Императрицы Екатерины II). Такимъ образомъ, первоначально нѣтъ никакого различія между отношеніями и законами юридическими и нравственными (въ тѣсномъ смыслѣ): тѣ и другіе, въ одинаковой степени, суть порожденія нуждъ и потребностей общества, тѣ и другіе равномѣрно внушаются народу его совѣстью и общимъ, врожденнымъ всѣмъ, нравственнымъ чувствомъ. Какъ вездѣ, такъ было и у насъ. И на Руси первобытная жизнь народа сама изъ себя износила законы своего бытія, выражавшіеся въ нравахъ и обычаяхъ, въ преданіяхъ отцевъ. Всякому извѣстны слова Нестора: «Имяху бо обычаи своя и законъ отецъ своихъ и преданья, кождо свой нравъ?» Но нигдѣ въ этомъ быту не видно слѣдовъ предполагаемаго различія между законами и отношеніями нравственными и юридическими. Напротивъ того, вездѣ замѣтно ихъ внутреннее и внѣшнее единство и тождество. Такъ, напримѣръ, въ области уголовнаго права, этого барометра общественнаго развитія народовъ, родовая и кровная месть считалась не только правомъ, но и нравственнымъ долгомъ. Тоже общенравственное направленіе замѣчается и въ другихъ чертахъ древней уголовной расправы: между прочимъ, еще въ XIV и XV вѣкахъ въ дѣлахъ о преступленіяхъ прежде всего обращали вниманіе не на самое преступное дѣйствіе и отношеніе къ нему извѣстнаго подозрѣваемаго лица, но на нравственность этого лица вообще; спрашивалось прежде всего, есть-ли обвиняемый человѣкъ «добрый» или «лихой», и «облихованный» народною молвою во всякомъ случаѣ подвергался наказанію.

И такъ, повторяемъ, совершенно напрасно говорятъ о мнимомъ различіи нравственныхъ и юридическихъ отношеній въ первую пору существованія государствъ. Тѣ и другія имѣютъ свое основаніе въ одной и той же нравственности, въ идеѣ добра и правды, выражающейся здѣсь въ той мѣрѣ, въ какой она доступна

для народовъ первобытныхъ. У нихъ въ это время нѣтъ еще отношеній чисто-нравственныхъ или чисто-юридическихъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга рѣзкою чертою, а есть вообще только нравы и обычаи, въ которыхъ заключается не болѣе какъ зародышъ законовъ нравственныхъ и юридическихъ, развивающихся въ своей отдѣльности только что въ послѣдствіи. Но тамъ, гдѣ нѣтъ различія между понятіями, не можетъ быть и рѣчи о смѣшеніи ихъ и такимъ образомъ обычная фраза, что не должно смѣшивать отношеній юридическихъ и нравственныхъ, фраза, къ сожалѣнію, находящаяся все еще въ большомъ почетѣ, оказывается совершенно несостоятельною, по крайней мѣрѣ относительно древнѣйшаго времени общественной жизни.

Конечно, со временемъ, и здѣсь происходитъ перемѣна. Народъ развивается, общежитіе расширяется, и интересы частные уже не поглощаются общественными, въ сознаніи народа яснѣе и яснѣе отдѣляются другъ отъ друга различныя сферы его быта. Потребность точнѣйшаго опредѣленія и разграниченія всѣхъ вообще отношеній общежитія ведетъ и къ разграниченію между собою элементовъ нравственнаго (въ тѣсномъ смыслѣ) и юридическаго. Это различіе обнаруживается съ двухъ сторонъ: относительно отдѣльнаго человѣка и относительно цѣлаго народа. Сознавая противоположность внѣшняго міра міру внутреннему, отдѣльный человѣкъ по достиженіи извѣстной степени образованности привыкаетъ строго различать внутреннее убѣжденіе отъ внѣшняго права, отдѣляетъ законы совѣсти отъ законовъ положительныхъ. Тѣмъ не менѣе связь между областью права и областью морали не прерывается совершенно. Она обнаруживается, напримѣръ, въ томъ постановленіи нашего законодательства, что даритель въ случаѣ явнаго неуваженія къ нему или неблагодарности одареннаго имѣетъ право требовать возвращенія подарка. Сюда же относятся нѣкоторыя постановленія о правахъ семейственныхъ, учрежденіе Совѣстныхъ Судовъ и пр. Равнымъ образомъ и въ отношеніи къ цѣлому народу законодательство не совпадаетъ уже совершенно съ его вѣрованіями и убѣжденіями, но съ одной стороны ограничено въ своемъ дѣйствіи внѣшностью явленій, тогда какъ совѣсть народная, обнаруживающаяся, между прочимъ, въ общественномъ мнѣніи, обращена преимущественно на внутреннюю сторону общественной жизни; съ другой же стороны законодательство стоитъ выше народныхъ нравовъ и обычаевъ, вѣрованій и убѣжденій, на-

правляетъ и облагораживаетъ ихъ. Однако при этомъ оно не можетъ стать въ слишкомъ рѣзкое противорѣчіе съ внутреннимъ историческимъ развитіемъ народа, иначе жизнь и практика все таки возмутся за свое, чему исторія новѣйшихъ законодательствъ представляетъ не одинъ примѣръ. Такимъ образомъ область права и область морали и въ настоящее время соприкасаются болѣе чѣмъ въ одной точкѣ. Но скажемъ болѣе, онѣ въ своей отдѣльности составляютъ не болѣе какъ одну только часть сферы правды: въ ней есть такія явленія, которыя не принадлежатъ исключительно ни къ области права, ни къ области морали, но соединяя въ себѣ элементы той и другой, значительно возвышаются надъ ними. Сюда относятся, напримѣръ, бракъ, союзъ родителей и дѣтей, самое государство. Кто сколько нибудь принялъ на себѣ трудъ размышлять о существѣ этихъ установленій нравственнаго міра, для того понятно, что бракъ не договоръ, и что съ другой стороны такъ-называемый бракъ по совѣсти не соотвѣтствуетъ понятію брака въ истинномъ его смыслѣ. Точно также, всѣ, конечно, согласятся, что родители не только нравственно обязаны имѣть попеченіе о своихъ дѣтяхъ, но, если нужно, могутъ быть понуждаемы къ этому и со стороны внѣшней власти. Наконецъ, государство по всей справедливости можетъ требовать отъ своихъ членовъ не только соблюденія внѣшнихъ условій общественнаго быта, но и внутренняго сочувствія, патріотизма; почему недостатокъ этого патріотизма, выраженный во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, и становится преступленіемъ. Такимъ образомъ, во всѣхъ явленіяхъ высшей сферы правды мораль и право являются въ тѣсной связи и взаимнодѣйствіи; это — только моменты высшаго единства, которое теоретики привыкли обозначать именемъ нравственности (въ обширномъ смыслѣ), отличая ее отъ морали или нравственности въ смыслѣ болѣе тѣсномъ, субъективномъ. Въ этомъ-то единствѣ идея правды достигаетъ высшей степени своего проявленія во внѣшности; *противоположность* же права и морали обнаруживается лишь въ сферѣ низшей, тамъ гдѣ человѣкъ является и разсматривается преимущественно въ своей отдѣльности. Но и здѣсь, какъ мы видѣли, эта противоположность не безусловная. Согласно съ этимъ древніе мыслители не отдѣляли правоученія отъ нравоученія, то и другое составляло у нихъ одно цѣлое — ѳику. Развитіе содержанія этой ѳики въ средніе вѣки повело къ открытію различія между правомъ и моралью, вслѣдствіе чего

особенно со времен Томазія, эѳику начали дѣлить на двѣ болѣе или менѣе рѣзко разграниченныя между собою части. Такъ какъ кромѣ этихъ частей въ эѳикѣ другаго содержанія не оставалось, то все то, что не покорялось понятію абстрактнаго права относили къ морали и, на оборотъ, самую сущность установленій высшей нравственности полагали въ одной лишь внѣшней юридической сторонѣ ихъ. Когда умъ человѣческій открываетъ новую истину, онъ въ избыткѣ радости своей готовъ считать ее безусловною, абсолютною. Долго продолжалось это дѣленіе права и нравственности, и только нашему вѣку суждено было возвыситься до болѣе удовлетворительнаго понятія о мірѣ правды, возстановить цѣлостное воззрѣніе на него древнихъ, не отказываясь въ тоже время и отъ тѣхъ различій, до сознанія которыхъ философія дошла въ позднѣйшемъ своемъ развитіи. Въ древнія времена нераздѣльное единство права и морали, обнаруживавшееся въ безсознательномъ обычаѣ, отражалось и въ наукѣ. Наше время достигло до сознательнаго единенія ихъ въ нравственности, въ высшихъ явленіяхъ государственной жизни Но вмѣстѣ съ тѣмъ современная наука признаетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ и точку зрѣнія чисто-юридическую и чисто-моральную. Однако когда эту противоположность права и морали, имѣющую право на признаніе только въ извѣстныхъ границахъ, хотятъ выдать за безусловный, непреложный законъ всего нравственнаго міра, когда говорятъ, что оба эти вида дѣятельности, по самой сущности своей, несогласуемы между собою, и, вслѣдствіе этого, правильное понятіе взаимной ихъ связи, истинное прозрѣніе въ существо нравственности и правды называютъ смѣшеніемъ понятій, то такой образъ воззрѣнія самъ оказывается виновнымъ въ смѣшеніи основныхъ началъ эѳики, въ недостаточномъ пониманіи значенія различныхъ сферъ нравственнаго міра.

Примѣръ такого смѣшенія подаетъ намъ и *Зибель*. Вездѣ, гдѣ свои положенія онъ основываетъ непосредственно на историческихъ данныхъ, онъ разсуждаетъ прекрасно. Но какъ скоро изъ отдѣльныхъ сужденій ему приходится вывести общую идею, основную мысль, у него является сбивчивость понятій, шаткость и путаница въ основныхъ началахъ. Такъ онъ совершенно правильно говоритъ, что «семейство превращается въ государство не вслѣдствіе увеличивающагося числа членовъ, а чрезъ духовное усиленіе понятія о правѣ»; онъ даже сознается, что «существенный при-

знакъ и законъ родоваго государства состоитъ въ томъ, что всѣ его гражданскія учрежденія облечены въ форму семейства.... На нее опираются общества, находящіяся въ дѣтскомъ возрастѣ». Но на ряду съ этими правильными понятіями вдругъ попадается представленіе, будто «народъ ищетъ соотвѣтствующихъ его потребностямъ формъ, и ему прежде всего представляется та, въ которой замкнута была его доисторическая жизнь — форма семейства». Слѣдовательно, по смыслу этихъ словъ, народъ въ первобытномъ своемъ состояніи сознаетъ различіе своихъ потребностей отъ тѣхъ формъ, въ которыя онѣ облечены, между тѣмъ какъ исторія убѣждаетъ насъ, что это сознаніе является уже гораздо позже. Кромѣ того, въ приведенныхъ словахъ заключается еще то неосновательное предположеніе, будто возникающее государство можетъ *заимствовать* формы своихъ учрежденій *извнѣ*, откудабъ то ни было. Но всемірная исторія права, напротивъ, доказываетъ ясно, что эти формы установляются сами собою, вытекаютъ изъ самой жизни народа, суть необходимое выраженіе того или другаго элемента этой жизни. Однако, казалось бы, исторія представляетъ примѣры и противнаго явленія, прямаго заимствованія однимъ народомъ у другаго установленій государственнаго устройства. Германскіе народы, поселившіеся на римской территоріи и, по разложеніи имперіи, образовавшіеся въ государства, приняли, какъ извѣстно, многіе законы, многія формы римскаго быта. Византійцы, наслѣдники греческаго міра, усвоили себѣ вполнѣ все римское устройство и законодательстьо, такъ что послѣдній періодъ исторіи этого законодательства оканчивается уже не въ Римѣ, а въ Византіи. Изъ основанныхъ въ средніе вѣки государствъ не одно обязано своимъ происхожденіемъ Норманнамъ, которые не могли не приносить съ собою законовъ и установленій, образовавшихся на ихъ родинѣ. Но эти и тому подобные примѣры, не опровергая вовсе нашей мысли, еще болѣе подтверждаютъ ее. При образованіи на римской почвѣ германскихъ государствъ столь же важную роль, какъ германскій элементъ, игралъ и элементъ римскій. Безъ него германскіе дикари остались бы тѣмъ-же, чѣмъ были прежде, и если, можетъ быть, и не исчезли бы такъ скоро какъ Гунны, Аланы, Авары и другіе народы не индо-европейскаго племени, то, во всякомъ случаѣ, не пережили бы ихъ долго, чему явнымъ доказательствомъ можетъ служить, напримѣръ, участь Вандаловъ. — Какъ въ германскихъ государствахъ, такъ и въ Византіи вліяніе

римскаго элемента не было внѣшнее, случайное. Византія не Римъ, и не Греція, но государство совершенно новое, образовавшееся при содѣйствіи различныхъ началъ, изъ которыхъ каждое было равно необходимо для зарожденія и поддержанія той особенной жизни, какую представляетъ намъ византійская исторія.—Наконецъ значеніе Норманновъ, какъ основателей и образователей государствъ, само собою указываетъ на необходимость ихъ появленія въ исторіи народовъ, среди которыхъ они поселились: вслѣдъ за переселеніемъ Норманновъ образовались новыя государства, въ которыхъ они играли первую роль; стало-быть сѣверные витязи были необходимыми дѣятелями въ процессѣ этого образованія. Но всѣ эти факты ничто иное какъ примѣры одного общаго правила. Сравнительное изученіе историческихъ преданій индо-европейскихъ народовъ покажетъ, что таковъ былъ общій ходъ образованія всѣхъ государствъ этого племени. Можно сказать еще болѣе: ни одинъ изъ народовъ, участвовавшихъ когда либо въ движеніи всемірной исторіи, не образовалъ себя въ государство самъ по себѣ, безъ участія постороннаго вліянія. Но это вліяніе было постороннимъ лишь по отношенію къ прежнему быту народа; относительно же новаго государства оно является элементомъ внутреннимъ и необходимымъ. Этотъ общій законъ образованія историческихъ государствъ вытекаетъ съ необходимостью изъ понятія объ исторической жизни, которая не можетъ противорѣчить понятію о жизни вообще. Источникъ и условіе всякой жизни разнообразіе въ единствѣ; однообразіе—это смерть. Вотъ почему всѣ племена и народы, которые, сосредоточиваясь въ самихъ себѣ, недоступны постороннему вліянію, мертвы для исторіи. Той же опасности подвергаются и тѣ, которые, будучи разъ введены въ кругъ историческихъ дѣятелей, думаютъ въ послѣдующемъ своемъ развитіи отстранять отъ себя всякое чужое вліяніе. Исторія доказала, что такая исключительность наноситъ смерть вѣрнѣе меча-истребителя. Въ эту пору народной жизни, въ эпоху дальнѣйшаго развитія его государственнаго быта, дѣйствительно можетъ быть рѣчь о заимствованіяхъ, которыя мы отвергали выше только относительно вопроса о самомъ образованіи государствъ. Въ цѣпи судебъ міра мы видимъ различныя фазы стремленія человѣчества осуществить добро и правду. Въ этомъ общемъ стремленіи каждому историческому народу выпадаетъ на долю своя задача. Но, трудясь надъ разрѣшеніемъ ея, онъ не можетъ чуждаться и другихъ сторонъ

жизни человѣчества, мыслей, осуществляемыхъ другими народами, иначе неминуемо впадетъ въ односторонность и не достигнетъ своей цѣли. Въ томъ и состоитъ различіе историческихъ народовъ отъ всѣхъ другихъ племенъ, что первые, кромѣ своей особенной жизни, живутъ и жизнію всемірною, и степень участія ихъ въ этой жизни обусловливаетъ всемірно-историческое значеніе каждаго изъ нихъ. Слѣдовательно отказаться отъ той или другой стороны этой жизни, значитъ — по собственной волѣ лишиться части того значенія, какого народъ способенъ достигнуть. Поэтому онъ даже обязанъ заимствовать у другихъ народовъ результаты ихъ исторической жизни, на сколько эти результаты имѣютъ значеніе общечеловѣческое, и счастливъ тотъ народъ, который умѣетъ воспользоваться трудами всѣхъ или многихъ своихъ собратовъ и тѣмъ освобождается отъ горькой необходимости идти путемъ недоразумѣній и ошибокъ. Само собою разумѣется, что недостаточно принять чужое, а нужно превратить его въ свое, нужно, чтобъ оно привилось къ народной жизни, перешло въ плоть и кровь народа: тогда только оно сдѣлается истиннымъ его достояніемъ, тогда только принесетъ плоды.

Далѣе, полагая причину основанія государствъ въ «духовномъ усиленіи понятія о правѣ,» Зибель ищетъ начала этого усиленія въ какомъ то договорѣ. Но не говоря уже о томъ, что такого договора въ дѣйствительности никогда не бывало, самый выводъ Зибеля опровергаетъ его предположеніе. Если государство происходитъ чрезъ духовное усиленіе понятія о правѣ, то зародышъ его заключается очевидно не въ актѣ усиленія, а въ самомъ понятіи о правѣ, существующемъ уже въ семействѣ. Противъ Эверса Зибель правъ въ томъ отношеніи, что Эверсъ дѣйствительно обратилъ вниманіе только на одну сторону образованія государствъ, на сторону семейственную; но самъ Зибель съ такою же односторонностію выставляетъ сторону противоположную, общинную. Эта сторона называется у него родовою, въ противоположность поборникамъ родоваго быта у насъ, понимающимъ подъ этимъ выраженіемъ то, что Эверсъ называетъ семействомъ. «Семейство, разсуждаетъ Зибель, превращается въ государство чрезъ сознательную или безсознательную волю участниковъ руководствоваться не одною родственною любовью, но еще гражданскими постановленіями. Такое стремленіе предполагается въ родѣ (т. е. общинѣ) и потому мы можемъ назвать его прямо государствомъ». Но

авторъ забываетъ, что кочевыя племена Мавровъ Сагары, или скитающіяся орды обитателей пустынь азіятскихъ и инородцевъ сибирскихъ дебрей, или даже осѣдлые народцы кавказскихъ кряжей тоже руководствуются не одною родственною любовью, но и положительными постановленіями, и тѣмъ не менѣе ихъ общинъ и союзовъ мы не назовемъ государствами. Не назовемъ потому, что у каждаго изъ нихъ недостаетъ одного или нѣсколькихъ существенныхъ условій государственнаго быта: у нихъ нѣтъ или опредѣленной территоріи или верховной власти, или того и другаго вмѣстѣ. Съ другой стороны, утверждая, что государства никакъ нельзя вывести изъ семьи, Зибель теряетъ изъ виду тѣ примѣры противоположнаго, которые представляетъ намъ исторія. По сю пору мы имѣемъ предъ глазами государство, остановившееся въ своемъ развитіи на началѣ семейственномъ. Я говорю о Китаѣ, которому нельзя отказать въ значеніи государства, и который тѣмъ не менѣе можетъ быть названъ семействомъ въ исполинскихъ размѣрахъ.

Все это можетъ служить новымъ доказательствомъ, какъ опасно пускаться въ общія разсужденія, ограничиваясь разсмотрѣніемъ историческаго развитія какого либо одного народа, и не расширяя своего кругозора сравнительнымъ изученіемъ судебъ и другихъ племенъ. Но не съ этой только стороны важно сравнительное изслѣдованіе первоначальнаго быта различныхъ народовъ, въ особенности народовъ соплеменныхъ. Оно составляетъ необходимое пособіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ и вопросахъ, на которые сохранившіеся до насъ памятники старины не даютъ прямаго отвѣта. При этомъ образъ и способы сравненія не предоставлены произволу изслѣдователей, но подлежатъ извѣстнымъ правиламъ, выработаннымъ современною наукою, правиламъ, въ своемъ примѣненіи часто едва уловимымъ, но тѣмъ не менѣе твердымъ и постояннымъ. Такъ, напримѣръ, во всемъ объемѣ могутъ быть сравниваемы племена славянскія только съ славянскими, германскія только съ германскими. Кто бы вздумалъ сближать славянскія древности, положимъ, съ греческими, тотъ никакъ не можетъ обойти Литовцевъ, Германцевъ, Латинцевъ, потому что, когда отдѣлилась отъ общаго корня греко-латинская отрасль, славяно-литовскіе и германскіе народы составляли еще одно нераздѣльное цѣлое. Слѣдовательно между первоначальными Греками и Славянами не могло быть ничего общаго, въ которомъ бы не участвовали равно-

мѣрно и предки племенъ литовскихъ, германскихъ, латинскихъ. Наконецъ, сближеніе древнеславянскаго быта съ кельтскимъ можетъ быть успѣшнымъ уже только тогда, когда въ кругъ изслѣдованія войдутъ въ одинаковой степени всѣ главные народы индо-европейскаго племени; потому что отношеніе языковъ этихъ народовъ другъ къ другу убѣждаетъ насъ въ томъ, что Кельты прежде всѣхъ оставили общую колыбель индо-европейцевъ въ такое время, когда еще не воспослѣдовало раздѣленія прочихъ соплеменныхъ имъ народовъ. Поэтому, собственно говоря, сравненіе древностей славянскихъ и кельтскихъ невозможно; оно само собою превратится въ изслѣдованіе отношенія славянской отрасли ко всему индо-европейскому племени вообще. Въ одномъ сочиненіи, недавно вышедшемъ изъ печати, бытъ древнихъ Славянъ сближается, какъ слышно, съ бытомъ Германцевъ и *Кельтовъ*. Если въ этомъ сочиненіи не обращено вниманія на всѣ вообще народы индо-европейскіе, то, на основаніи вышесказаннаго, не трудно опредѣлить всю недостаточность и безплодность труда, пренебрегающаго основными началами сравнительно-исторической методы.

Въ Отдѣленіи третьемъ настоящей книжки «Архива,» въ числѣ приготовительныхъ свѣдѣній для словаря историко-юридическаго, помѣщена статья г. *Калугина* «Окольничій». Какъ собраніе матеріала, она имѣетъ свою важность; но матеріалъ этотъ не обработанъ, какъ бы слѣдовало. Разумѣется, мы не думаемъ обвинять автора въ томъ, что онъ не представилъ читателямъ изслѣдованія объ историческомъ развитіи значенія Окольничихъ. Это лежало внѣ его плана. «Съ конца XIV вѣка, говоритъ онъ (стр. 139), названіе Окольничій встрѣчается въ нашихъ памятникахъ уже постоянно; но какъ болѣе опредѣлительныя свѣдѣнія объ немъ находятся въ источникахъ, принадлежащихъ къ царствованію Алексѣя Михайловича и его преемниковъ, то на основаніи ихъ мы разсмотримъ съ возможною подробностію значеніе Окольничихъ до самаго уничтоженія этого сана. Что же касается до матеріаловъ предшествующаго времени, то изъ нихъ мы воспользуемся только данными относительно должностныхъ обязанностей и службы Окольничихъ вообще». Поэтому мы и не требуемъ вывода изъ этихъ данныхъ, который бы съ точностью опредѣлилъ значеніе Окольничихъ въ періодъ времени до царя Алексѣя Михайловича, и довольствуемся общимъ замѣчаніемъ, что служебная дѣятельность ихъ въ это время была «разнообразна и давала имъ важное

значеніе». За то читатель вправѣ ожидать болѣе удовлетворительнаго изложенія при разсмотрѣніи значенія Окольничихъ въ періодъ времени отъ Алексѣя Михайловича до Петра Великаго, — изложенія, при которомъ бы «подробности» не уничтожали единства воззрѣнія. Но какъ выше (с. 144—146), такъ и здѣсь (с. 147—150) авторъ смѣшиваетъ значеніе и обязанности Окольничихъ, какъ лицъ, облеченныхъ опредѣленнымъ саномъ, саномъ окольническимъ, съ тѣми обязанностями, какія возлагались на тѣхъ или другихъ изъ нихъ случайно, вслѣдствіе порученія имъ той или другой должности. Такъ онъ говоритъ объ Окольничихъ, какъ членахъ Тайной Думы, и между тѣмъ самъ сознается, что не всѣ Окольничіе участвовали въ этой Думѣ; такъ онъ разсказываетъ что Окольничіе были главными судьями въ Приказахъ, тогда какъ извѣстно что завѣдываніе этими установленіями поручалось не только Окольничимъ, но и боярамъ и другимъ думцамъ. Далѣе говорится объ обязанностяхъ Окольничихъ, назначаемыхъ въ воеводы; но эти обязанности были тѣже, какія лежали на всѣхъ воеводахъ. Точно также не одни Окольничіе отправляли должность пословъ и обязанности и права ихъ по этому званію ничѣмъ не отличались отъ правъ и обязанностей пословъ вообще. Все это столь же мало относится къ окольничеству самому по себѣ, какъ и разныя временныя порученія, которыя иногда возлагались на Окольничихъ. Имѣя въ виду такое смѣшеніе понятій, уже не покажется страннымъ читать, что около 1680 года «и финансовая часть вошла въ составъ предметовъ ихъ вѣдомства» (с. 151). И на какомъ же основаніи? Потому что «изъ актовъ, относящихся къ 1680 году, извѣстно, что они (окольничіе, т. е. нѣкоторые изъ нихъ), вмѣстѣ съ боярами, завѣдывали дѣлами Приказа Большой Казны, Московскою Таможнею, Помѣрною и Мытною избами» (!). Разсуждая такимъ образомъ о предметахъ совершенно постороннихъ, авторъ не обращаетъ надлежащаго вниманія на значеніе окольничихъ, какъ чиновъ придворныхъ, и вовсе не упоминаетъ о томъ, что они по самому своему званію засѣдали въ Боярской Думѣ. Между тѣмъ именно въ этихъ двухъ отношеніяхъ главнымъ образомъ и слѣдуетъ говорить о «прямыхъ должностяхъ» окольничества позднѣйшаго времени. За доказательствами ходить не далеко. Не говоря уже о Котошихинѣ, въ разсказѣ котораго ясно обозначается значеніе окольничества XVII-го столѣтія, не угодно-ли справиться, напримѣръ, въ проектѣ устава о служебномъ старшин-

ствѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей (Архивъ Ист.-юрид. свѣд., кн. I Отд. II, № 2, стр. 32)? Въ немъ читаемъ объ окольничихъ: «Всего окольничихъ и намѣстниковъ 20 степеней по нашей Государской милости при нашемъ Царскомъ Величествѣ въ палатахъ садятца по степенямъ; а когда бываетъ нашего Царскаго Величества походъ, гдѣ ни есть, и тогда они предъ нашимъ Царскимъ Величествомъ ѣздятъ и ходятъ и устрояютъ путь, и кто въ то время намъ Великому Государю, нашему Царскому Величеству, бьетъ челомъ и подаетъ челобитные, и они у тѣхъ челобитчиковъ челобитные принмаютъ». А въ Запискѣ о Царскомъ Дворѣ, церковномъ чиноначаліи, придворныхъ чинахъ и пр., 1610—1613 г. (А. И. Т. II, № 355, стр. 422) сказано: «повинность бояромъ и околничимъ и дьякомъ думнымъ: быти всегды на Москвѣ при Государѣ безотступно и засѣдать въ Полатѣ, думати о всякихъ дѣлѣхъ, о чемъ Государь роскажетъ и что Царьству Московскому належать будетъ».

Что касается до происхожденія слова «Окольничій,» то г. *Калугинъ* отвергаетъ прежнее производство его отъ «около,» при чемъ окольничему придавали значеніе лица приближеннаго къ царской особѣ, чиновника, находившагося около государя (стр. 137). И по нашему мнѣнію, такое первоначальное значеніе окольничихъ еще не доказано; но съ другой стороны доводы, выставляемые противъ него авторомъ разбираемой статьи, не исключаютъ возможности обыкновеннаго объясненія этого слова. Во первыхъ, позднѣйшее различіе (въ XVII вѣкѣ) окольничихъ комнатныхъ и ближнихъ отъ всѣхъ прочихъ, въ настоящемъ случаѣ ничего не доказываетъ. Первоначальное (по обыкновенному предположенію) этимологическое значеніе окольничихъ со временемъ могло изгладиться изъ памяти людей, такъ что въ обозначеніи одного класса окольничихъ именемъ *ближнихъ* не было уже ничего несообразнаго. Столь же мало убѣдителенъ и другой историческій доводъ, что «еслибъ въ самомъ дѣлѣ таково было происхожденіе этого названія, то чинъ окольничихъ явился бы гораздо ранѣе, нежели упоминается объ немъ въ источникахъ». Печатая эти строки, авторъ имѣлъ въ виду свидѣтельства XIV столѣтія. Теперь же мы положительно знаемъ, что окольничіе были и въ XIII вѣкѣ, и вскорѣ, можетъ быть, найдутся свидѣтельства еще подревнѣе. Вообще, одно молчаніе источниковъ довольно шаткое основаніе для историческихъ предположеній. О первомъ появленіи окольничества мы

покамѣстъ не можемъ сказать ничего опредѣлительнаго, а на одномъ субъективномъ мнѣніи объ этомъ нельзя основывать окончательныхъ выводовъ. Третье доказательство г. Калугина филологическое: «еслибъ званіе Окольничихъ происходило прямо отъ *около*, то скорѣе бы назвали ихъ *Окольниками*, такъ точно какъ отъ слова *столъ* произошли *Стольники*, а не Стольничіе». Но вѣдь говорили же *ясельничій*, *постельничій* (отъ *ясли*, *постель*), а не ясельникъ, постельникъ; слѣдовательно, употребленіе того или другаго окончанія еще не рѣшаетъ дѣла. Притомъ, и форма *Окольникъ* происходила бы отъ *около* не прямо, а чрезъ посредство прилагательнаго *окольній*. Производство слова *окольничій* отъ *околичности*, предлагаемое Татищевымъ, филологически невозможно: *околичный*, *околичность* происходятъ отъ *околица*; *окольничій* же предполагаетъ форму *окольній*. Такимъ образомъ рѣшеніе вопроса о первоначальномъ значеніи окольничаго существенно зависитъ отъ объясненія слова *окольній*: значило-ли оно «приставленный къ извѣстному дѣлу, къ извѣстной должности,» какъ утверждаетъ г. *Калугинъ*, и если такъ, то всегда-ли оно имѣло это значеніе, мы покамѣстъ рѣшить не беремся (*). Какъ бы то ни было, съ словомъ *околичность* окольничій, съ точки зрѣнія филологической, имѣетъ только то общее, что то и другое слово чрезъ посредство формъ *околица* и *окольній* сводятся къ одному и тому же корню *около*. Что же касается до встрѣчающагося въ грамотѣ XV вѣка названія *околичникъ*, на которое ссылается г. *Калугинъ* (стр. 138), то еще вовсе не доказано, что оно означало именно окольничаго. По крайней мѣрѣ изъ относящагося сюда мѣста упомянутой грамоты этого не видно. Оно слѣдующее: «Отъ князя Михаила Андреевича, на Бѣлоозеро, къ намѣстнику и ко всѣмъ бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и *околичникомъ* и посельскимъ моимъ, ко всѣмъ безъ омѣны» (**). Если поименованные здѣсь околичники тождественны съ окольничими, то почему же упоминаются они послѣ дѣтей боярскихъ, тогда какъ ихъ мѣсто непосредственно послѣ бояръ? Извѣстно, что въ XV вѣкѣ постепенность чиновъ соблюдалась уже довольно строго. Но еслибъ даже было доказано, что подъ околичниками дѣйствительно должно разумѣть окольничихъ, то

(*) Акты Археогр. Экспед., т. I, № 4, II, стр. 36 (около 1450 г.)

(**) Замѣтимъ, что столъ, за которымъ въ царской палатѣ сидѣли окольничіе, назывался *окольнымъ*

еще вопросъ, не есть-ли эта форма результатъ попытки осмыслить себѣ значеніе слова, производство котораго уже въ то время, можетъ быть, укрылось отъ живаго пониманія народа. Во всякомъ случаѣ производство слова «окольничій» отъ «околичникъ» почти столь же неосновательно, какъ остроумное мнѣніе, что *владѣть* тоже что *волю дѣяти*, или что рѣка *Минсура* получила свое названіе отъ того, что *минуетъ Суры.*

Изъ соображенія скудныхъ историческихъ свидѣтельствъ объ окольничествѣ древнѣйшаго времени, по нашему мнѣнію, оказывается, что первоначально окольничій занималъ совершенно опредѣленную должность, точно также какъ крайчій, ловчій, постельничій, ясельничій и пр. Это видно, напримѣръ, изъ образа выраженія въ правой грамотѣ Смоленскаго Великаго Князя Ѳеодора Ростиславича, по судному дѣлу о нѣмецкомъ колоколѣ: (*) «А тоу были на соуде *бояре* мои: Григорь *намѣстьникъ*, Данило, Артѣмии, Микула дядковичь, Лука *околничии*, Путята дядковичь». Григорь и Лука были бояре и сверхъ того занимали извѣстныя должности намѣстника и окольничаго. Тоже самое въ жалованной грамотѣ Рязанскаго Великаго Князя Олега Іоанновича Ольгову монастырю, 1356—1387 г. (**), гдѣ значится между прочимъ: «*а бояре* со мною были:... Манасѣя *дядько*, Юрьи *окольничии*, Юрьи *чашьникъ*,» и пр. Равнымъ образомъ въ договорной грамотѣ Великаго Князя Симеона Ивановича съ братьями, 1341 года, (***) окольничій упоминается въ числѣ бояръ наряду съ тысяцкимъ и другими сановниками. Г. Калугинъ, кажется, также принимаетъ, что окольничій первоначально занималъ извѣстную должность, но его воззрѣніе существенно разнится отъ нашего. Характеризуя окольничаго какъ должностное лицо, которому поручались различныя «околичности» (стр. 138), онъ очевидно придаетъ этому сановнику значеніе совершенно неопредѣленное, подобное тому, какое въ низшей сферѣ тогдашней администраціи имѣли пристава. Но это воззрѣніе явно противорѣчитъ вышеприведеннымъ свидѣтельствамъ, по которымъ

(*) Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вѣкѣ. Найдены въ Рижскомъ Архивѣ К. Э. Напьерскимъ и изданы Археографическою Коммиссіею. С.-Пб. 1857 г., № IV.

(**) Акты Историческіе, т. I, № 2, стр. 2.

(***) Собр. Гос. Грам. и Дог., т. I, № 23, стр. 37.

окольничіе съ самаго начала ихъ появленія занимали извѣстное, опредѣленное мѣсто въ іерархіи должностей того времени. Отправляясь отъ этой истины, историческое изслѣдованіе объ окольничихъ должно показать, какъ окольничество въ теченіи времени болѣе и болѣе отрѣшаясь отъ связанной съ нимъ первоначально должности, мало по малу пріобрѣтало значеніе почетнаго сана и образовывало изъ себя одинъ изъ высшихъ классовъ въ государствѣ, пока наконецъ, при Петрѣ Великомъ, оно не перешло въ простой чинъ въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова.

Много дѣльныхъ статей собрано въ изданныхъ до сихъ поръ книжкахъ «Архива,» другія обѣщаются впредь. Между прочимъ, желали бы мы видѣть въ печати обѣщанную еще въ первой книжкѣ сборника статью самого издателя «о вліяніи Византійскаго элемента на юридической бытъ древней Россіи». По недостатку изслѣдованій правильныя понятія о значеніи этого элемента у насъ вовсе не такъ распространены, какъ бы слѣдовало. Не такъ давно еще читали мы въ одной статьѣ, будто «Россія по своей исторіи не столько нуждается въ изученіи древнихъ языковъ, какъ народы Запада». И таково мнѣніе не одного только лица, но большинства образованной публики. Оно, до извѣстной степени, справедливо относительно языка латинскаго, но вовсе не согласно съ правдою въ отношеніи греческаго языка. Изъ всѣхъ современныхъ намъ народовъ нѣтъ ни одного, который бы столь многимъ былъ обязанъ Грекамъ, какъ Славяне, и въ особенности Славяне русскіе. А тѣмъ не менѣе, какъ мало вниманія до сихъ поръ было обращено у насъ на занятія византійскія (*). Теперь, можно сказать, пробуждается сочувствіе къ нимъ; но только пробуждается и далеко еще не проявилось въ надлежащей мѣрѣ. При томъ, здѣсь, какъ и вездѣ, недостаточно одного чувства — нужно приняться за дѣло и приняться поскорѣе!

А. Энгельманъ.

(*) См. изданное Академіею Наукъ сочиненіе наше: Объ ученой обработкѣ Греко-римскаго права, съ обозрѣніемъ новѣйшей его литературы. Опытъ Введенія въ изученіе Греко-римской юридической исторіи. СПб. 1857.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И АКТЫ

НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ

ПО ЧАСТИ

ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА,

ВЪ ПЕРЕВОДАХЪ И ИЗВЛЕЧЕНІЯХЪ.

НЕСТОРЪ И КАРАМЗИНЪ.

ОПЫТЪ ОБСТОЯТЕЛЬНАГО УЯСНЕНІЯ

НѢКОТОРЫХЪ ДАННЫХЪ

ВЪ

ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

А. Наумова.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ *).

МЯТЕЖЪ ВЪ КІЕВѢ ВЪ 1068 г.

Проигранная Изяславомъ и братьями его битва съ Половцами (въ 1068 году) имѣла своимъ послѣдствіемъ происшествіе, разсказанное Карамзинымъ (т. II, стр. 75 и далѣе), не совсѣмъ согласно съ Несторовою лѣтописью, слѣдующимъ образомъ: «Великій Князь и Всеволодъ ушли въ Кіевъ, а Святославъ въ Черниговъ. Воины перваго, стыдясь своего бѣгства, требовали вѣча; собрались на торговой площади, въ Кіевскомъ Подолѣ, и прислали сказать Изяславу, чтобы онъ далъ имъ оружіе и коней для вторичной битвы съ Половцами. Великій Князь, оскорбленный симъ своевольствомъ, не хотѣлъ исполнить ихъ желанія».

Противъ этого можно сказать:

а) Нигдѣ нѣтъ ни слова о томъ, что воины Изяслава, *стыдясь своего бѣгства*, требовали вѣча. Здѣсь недостаетъ внутренней связи. Положимъ, что они стыдились своего бѣгства; но что̀ же было общаго между чувствомъ стыда и вѣчемъ? Развѣ хотѣли они объявить о своемъ стыдѣ на площади и публично сознаться въ своемъ раскаяніи?

Въ лѣтописи [1]) читаемъ слѣдующее:

Изяславу же съ Всеволодомъ Кыеву прибѣгшу, а Святославу Чернѣгову, и людіе Кыевьстіи прибѣгоша Кыеву; и сътвориша вече на търговищи. И рѣша пославше къ Князю: се Половци россулися по земли, вьдай, Княже, оружіе и кони, и еще біемся с ними.

Причина, почему они еще разъ хотѣли испытать счастія противъ Половцевъ и почему собрали вѣче объясняется словами отправленныхъ ими пословъ къ Великому Князю. Смотри, говорили они, Половцы разсѣялись по землѣ. За чѣмъ? Чтобы грабить ее.

---

*) Статьи 1 — 3 помѣщены въ первой книгѣ «Архива».

Кіевляне хотѣли защитить свои владѣнія отъ грабежа; вмѣстѣ съ тѣмъ они надѣялись легче справиться съ разсѣявшимся толпами непріятелемъ.

b) Не все равно сказать, что воины Изяслава, что Кіевляне (людіе Кыевстіи). Правда, Кіевъ былъ главнымъ владѣніемъ Великаго Князя; всѣ, имѣвшіе поземельную собственность въ области Кіевской, причислялись къ городу и считались Кіевлянами,—древнее учрежденіе, долго еще послѣ того сохранявшееся въ Россіи. Всѣ обязаны были службою. Но въ лѣтописи говорится только о Кіевлянахъ и ни слова о Владимірцахъ и Новгородцахъ, зависѣвшихъ также отъ Великаго Князя; слѣдовательно рѣчь идетъ не обо всѣхъ воинахъ Изяслава безъ различія. Половцы, по видимому, прежде всего обратились на владѣнія Кіевскія, какъ на самую богатую область, чтобы покойно ограбить ее послѣ выиграннаго сраженія; и такъ для Кіевлянъ было особенно важно прогнать ихъ.

Можетъ быть къ бѣжавшимъ присоединились и другіе, не принимавшіе прежде участія въ битвѣ. Слова лѣтописи можно объяснить двоякимъ образомъ. Изъ связи событій ясно, что тутъ были на лицо всѣ воины, за исключеніемъ только княжеской дружины, т. е. наиболѣе приближенныхъ къ Князю, его мужей и отроковъ.

c) Въ лѣтописи нѣтъ ни слова о томъ, чтобы Великій Князь оскорбился ихъ своевольствомъ и поэтому не хотѣлъ исполнить ихъ желанія. Онъ вѣрно бы такъ не поступилъ, если бы увѣренъ былъ въ успѣхѣ. Для него самого было очень важно прогнать Половцевъ, принудившихъ его искать безопасности за стѣнами Кіева. Ни самое вѣче, ни просьба коней и оружія для означенной цѣли не были чѣмъ нибудь неслыханнымъ; Князь же имѣлъ полную власть исполнить или отвергнуть требованіе народа. Ему не было причины оскорбляться.

Въ лѣтописи сказано только: *Изяславъ же сего не послуша*, и причина этого очевидна, хотя Несторъ на нее и не указываетъ. В. Князь не хотѣлъ вторично рисковать своей дружиной, оружіемъ и конями въ неравной битвѣ съ Половцами. Можно-ли было надѣяться, что Кіевляне одни побѣдятъ ихъ, когда соединенныя силы трехъ братьевъ не въ состояніи были имъ противиться? Народъ легко одушевляется; но Князь былъ въ этомъ случаѣ благоразуменъ. Въ стѣнахъ Кіевскихъ онъ могъ спокойно выжидать

того времени, когда Половцы, достаточно обогатившись добычею, возвратятся въ свои степи.

«Сдѣлался мятежъ, и недовольные, обвиняя во всемъ главнаго воеводу Изяславова, именемъ Коснячка, окружили домъ его. Воевода скрылся. Мятежники раздѣлились на двѣ толпы: одни пошли отворить городскую темницу, другіе на дворъ Княжескій. Изяславъ, сидя съ дружиною въ сѣняхъ, смотрѣлъ въ окно, слушалъ укоризны народа, и думалъ усмирить бунтъ словами. Бояре говорили ему, что надобно послать стражу къ заточенному Всеславу; наконецъ, видя остервененіе черни, совѣтовали Великому Князю тайно умертвить его. Но Изяславъ не могъ ни на что рѣшиться, и бунтовщики дѣйствительно освободили Полоцкаго Князя: тогда оба Ярославича въ ужасѣ бѣжали изъ столицы, а народъ объявилъ Всеслава Государемъ своимъ и разграбилъ домъ Княжескій, похитивъ великое множество золота, серебра, куницъ и бѣлокъ».

Начало и продолженіе мятежа разсказаны здѣсь Карамзинымъ (т. II стр. 75, 76) вообще вѣрно; только относительно нѣкоторыхъ побочныхъ обстоятельствъ сдѣланы имъ измѣненія, несогласныя съ Несторомъ, слѣдовательно съ единственнымъ источникомъ этого событія [2]).

1) Именно, судя по разсказу Карамзина, произошелъ тотчасъ мятежъ, какъ скоро Изяславъ не исполнилъ требованія Кіевлянъ. Карамзинъ, по видимому, различаетъ мятежъ, т. е. народное волненіе, несогласное съ законнымъ порядкомъ, отъ настоящаго возстанія противъ законной правительственной власти, и это различіе вполнѣ основательно. Сначала былъ только мятежъ, и лишь тогда, когда мятежники освободили изъ темницы Князя Полоцкаго, непріятеля Великаго Князя, произошелъ настоящій бунтъ. Только это продолженіе мятежа слѣдовало яснѣе обозначить и въ послѣдующемъ разсказѣ. Согласно съ нынѣшнимъ употребленіемъ словъ, читатель можетъ принять выраженія: мятежники и бунтовщики за синонимы и подумать, что послѣднее названіе въ продолженіи разсказа употреблено только для того, чтобы избѣжать повторенія одного и тогоже слова. Но этимъ самымъ сглаживается оттѣнокъ, очень важный въ настоящемъ мѣстѣ, для того, чтобы представить себѣ вѣрную картину дѣйствія Кіевлянъ.

2) Карамзинъ говоритъ, что недовольные обвиняли во всемъ главнаго воеводу Изяславова Коснячка. Во всемъ? Но въ чемъ

же? Передъ этимъ сказано только о просьбѣ Кіевлянами коней и оружія и объ отказѣ Изяслава. Въ лѣтописи происшествіе разсказано безъ излишнихъ украшеній, но ясно. Когда Изяславъ не исполнилъ требованія народа, то поднялись голоса противъ Коснячка, т. е. многіе стали обвинять его. Неудовольствіе за отказъ Князя обратилось прежде всего на этого воеводу. Онъ стоялъ во главѣ войска и правилъ городомъ, находясь въ томъ и другомъ случаѣ подъ верховнымъ начальствомъ Князя. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ. Кіевляне искали въ Коснячкѣ причины нежеланія Великаго Князя исполнить ихъ требованіе и вѣроятно нѣкоторыхъ другихъ притѣсненій, о которыхъ, по поводу уже разъ выраженныхъ неудовольствій, также зашла рѣчь. На это и хочетъ, вѣроятно указать, Карамзинъ выраженіемъ: «во всемъ», но оно неясно для всякаго кто не читалъ Несторовой лѣтописи.

3) По разсказу Карамзина, Кіевляне окружили тотчасъ домъ Коснячка, какъ будто они хотѣли схватить его и оскорбить или убить. Такъ дѣйствуетъ народъ въ наше время, когда онъ взбунтуется и когда разражается ненависть его противъ кого либо изъ вельможъ. По разсказу же Нестора, Кіевляне пошли только къ дому Коснячка. Это могли они сдѣлать и съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы допросить его и вынудить у него обѣщаніе содѣйствовать къ облегченію ихъ участи.

4) Карамзинъ говоритъ: воевода скрылся. Мы привыкли видѣть, что въ наше время именно такъ поступаютъ ненавистные народу сановники для того, чтобы въ началѣ волненія не сдѣлаться жертвою народной ярости; но мы не въ правѣ предполагать въ исторіи древнихъ временъ то, что теперь обыкновенно. Въ лѣтописи сказано только: «и не обрѣтши его», а это вовсе не то, что выражаетъ Карамзинъ словами: «онъ скрылся».

5) По Карамзину, мятежники раздѣляются на двѣ толпы; по лѣтописи, не нашедши Коснячка, они остановились у дома Брячиславова, и, какъ кажется, снова сдѣлали совѣщаніе. Тогда только вознамѣрились они освободить изъ темницы заключенныхъ.

Эта постепенность для насъ важна. Карамзинъ представляетъ мятежъ тогдашнихъ Кіевлянъ совершенно какъ бы народный мятежъ новѣйшихъ временъ. Если народъ дошелъ однажды до возмущенія, то предается онъ самому слѣпому изступленію; жертвою его дѣлается первый предметъ, на который обратится его нена-

вистъ; но если этому послѣднему удастся избѣгнуть общаго мщенія, то народъ безумно переходитъ отъ одной крайности къ другой и способенъ на жесточайшіе поступки. Въ такомъ же духѣ Карамзинъ разсматриваетъ и описываетъ мятежъ Кіевскій.

Совсѣмъ иное находимъ у Нестора. Когда Изяславъ отказывается исполнить ихъ требованіе, они жалуются на причиняемыя имъ притѣсненія одному изъ его мужей и отправляются къ нему, но безъ всякаго враждебнаго намѣренія и не производя безпорядковъ. Не нашедши его, останавливаются они опять у другаго дома (и совѣщаются снова). Тогда только приходитъ имъ на мысль освободить заключенныхъ, — рѣшеніе, которое еще болѣе усилило мятежъ, уже приблизившійся къ настоящему бунту и ихъ самихъ, какъ скоро оно приведено было въ исполненіе, необходимо должно было увлечь дальше и дальше.

Разсказъ лѣтописи о постепенномъ возрастаніи мятежа, одинъ въ историческомъ отношеніи истинный, вмѣстѣ съ тѣмъ вообще сообразенъ духу того времени. Основаніе этого различія въ дѣйствіяхъ древняго и новаго времени заключается въ томъ, что тогда всѣ Кіевляне, даже знатные и богатые, принимали участіе въ вѣчѣ, а слѣдовательно и въ возникшемъ здѣсь волненіи, между тѣмъ какъ у насъ напротивъ того мятежъ производитъ только одна чернь.

6) По разсказу Карамзина, Изяславъ, сидя у окна, слушалъ укоризны народа и думалъ усмирить бунтъ словами. По разсказу Нестора, часть мятежниковъ пошла къ мосту (вѣроятно для того, чтобы овладѣть имъ), а оттуда къ Княжескому двору, пока другая часть освобождала заключенныхъ. Тѣ, которые пошли къ Князю, начали съ нимъ «прѣтися». Онъ былъ у окна, они на дворѣ. Что же разумѣется здѣсь подъ словомъ: *прѣтися?* Конечно только то, что они высказывали Князю дѣлаемыя имъ притѣсненія и приносили ему жалобы, а онъ отвѣчалъ имъ. Какъ долго продолжались ихъ переговоры и какъ дѣйствовалъ при этомъ Князь, мы не знаемъ. Но нѣтъ никакого намека въ лѣтописи о томъ, что онъ думалъ и старался какъ нибудь усмирить бунтъ словами.

Вообще кажется, что переговоры шли недолго, потому что одинъ бояринъ (о которомъ именно упоминается) совѣтовалъ ему тотчасъ же отдать приказъ, чтобы Всеслава стерегли строже. «*Видиши ли, Княже* — сказалъ онъ — *людії възлѣзли: посли, ать Всеслава блюдуть*». Можно думать, что совѣтъ былъ данъ вскорѣ

послѣ того, потому что волненіе толпы обнаружилось тотчасъ при ея появленіи. И такъ по всему вѣроятію не было времени для продолжительныхъ переговоровъ.

Пока бояринъ еще говорилъ, пришла другая толпа отъ темницы, изъ которой она освободила заключенныхъ. Тогда дружина сказала Князю: «*Се зло есь: посли къ Всеславу, ати призвавше къ оконьцу пронзути и мечемъ. И не послуша сего Князь и людіе же кликнуша и идоша къ погребу Всеславлю. Изяславъ же се видѣвъ со Всеволодомъ побѣгоста съ двора Князи*». Такъ говоритъ лѣтопись. Ея простой разсказъ доказываетъ, что все очень скоро слѣдовало другъ за другомъ, какъ это и бываетъ обыкновенно въ такихъ мятежахъ. Перваго совѣта, который подалъ одинъ бояринъ Тукы, а не всѣ бояре, Великій Князь не могъ уже исполнить, потому что едва этотъ совѣтъ былъ поданъ, какъ обстоятельства измѣнились. Втораго совѣта онъ не принялъ, а тотчасъ за тѣмъ стало уже поздно приводить его въ исполненіе, ибо послѣ того, какъ обѣ толпы соединились (опаснѣйшею была конечно та, которая разломала двери темницы), дѣло идетъ не о преніи съ Великимъ Княземъ; они «*кликнуша*» вѣроятно для того, чтобы идти всѣмъ вмѣстѣ, направили путь къ темницѣ Всеслава, и тогда все было кончено.

Но такъ какъ Карамзинъ разсказываетъ, что бояре предложили Князю послать стражу къ заключенному Всеславу, и наконецъ, когда увидали, что народъ въ изступленіи, совѣтовали ему велѣть тайно умертвить Всеслава; что Изяславъ не могъ рѣшиться ни на то, ни на другое; что бунтовщики въ самомъ дѣлѣ освободили Всеслава, и что за тѣмъ оба Ярославича, исполненные ужаса, бѣжали изъ столицы, — то весь ходъ событій, въ слѣдствіе произвольнаго измѣненія такого множества маловажныхъ обстоятельствъ, принимаетъ совершенно другой видъ въ сравненіи съ тѣмъ, какъ представляетъ его лѣтопись.

Если на основаніи этихъ данныхъ исчислить всѣ неточности въ изложеніи Карамзина, то онѣ слѣдующія: 1) Несправедливо, что первый совѣтъ подали Князю всѣ бояре вмѣстѣ: его подалъ одинъ только изъ нихъ, Тукы, братъ Чюдинъ. 2) Совѣтъ состоялъ не въ томъ, чтобы послать стражу къ заключенному Всеславу, но въ томъ, чтобы стеречь, «блюсти» Всеслава, именно съ цѣлью предупредить всякое несчастіе, которое могло случиться съ нимъ или чрезъ него. Порученіе въ послѣднемъ смыслѣ заключаетъ въ се-

бѣ обширное полномочіе и вполнѣ соотвѣтствуетъ настоящему случаю. Одно отправленіе стражи не принесло бы много пользы, ибо стража конечно уже находилась при плѣнникѣ. 3) Не бояре подали и второй совѣтъ, а дружина. 4) Дружина подала его не въ концѣ событія, а тотчасъ послѣ перваго совѣта, именно когда этотъ послѣдній уже невозможно было исполнить. 5) Совѣтъ былъ поданъ не тогда, когда увидали, что народъ въ изступленіи, потому что тутъ былъ данъ лишь первый совѣтъ, но когда толпа освободила заключенныхъ изъ темницы, слѣдовательно когда обстоятельства сдѣлались гораздо хуже. 6) Совѣтъ состоялъ не въ томъ, чтобы тайно умертвить Всеслава, но чтобы подъ предлогомъ разговора подозвать его къ окну и тутъ убить его при всѣхъ. Предложеніе умертвить тайно заключалось уже въ первомъ совѣтѣ. Приказаніе стеречь, относившееся къ важному плѣннику, имѣло очень обширное значеніе. 7) Сказать, что Великій Князь не могъ рѣшиться ни на то ни на другое, значитъ, совершенно противорѣчить лѣтописи. У него вовсе не было столько времени, чтобы одуматься. Перваго совѣта не могъ онъ послушаться, потому что возмущеніе сдѣлалось слишкомъ значительно; посланные его не могли уже пробиться сквозь толпу; второй совѣтъ онъ не приказалъ выполнить тотчасъ, какъ скоро онъ былъ поданъ; потомъ стало уже поздно. 8) Изяславъ съ Всеволодомъ бѣжали изъ Кіева не тогда, когда бунтовщики уже освободили Всеслава, а когда пошли освобождать его. Они уже убѣжали, когда Всеславъ получилъ свободу. 9) Не одна чернь, какъ думаетъ Карамзинъ, дѣйствовала въ мятежѣ, а всѣ Кіевляне, бѣдные и богатые.

Исчисленныя девять обмолвокъ заключаются въ восьми строкахъ Исторіи Государства Россійскаго.

(¹) См. Новгородской лѣтописи стр. 354.

(²) Тамъ же, стр. 355. «Изяславъ же сего не послуша. И начаша людіе говорити на воеводу Косняча; идоша съ вѣча на гору, и приидоша на дворъ Коснячевъ и не обрѣтоша его, и сташа у двора Брячиславля, и рѣша: поидемъ высадимъ дружину свою ис погреба. И раздѣлиша надвое: половина ихъ иде къ погребу, а половина поидоша по мосту. Сиже пріидоша на Княжъ дворъ. Изяславу сѣдящу на сѣнехъ съ дружиною своею, и начаша прѣтися съ Княземъ, стояще долѣ; а Князю тогда изъ оконца зрящу, и дружинѣ стоящи у Князя. Рече Тукы, братъ Чюдинъ, Изяславу: видиши ли, Княже, людіі възлѣзли, посли, ать Всеслава блюдуть. И се ему глаголющу, другаа половина людии пріиде отъ погреба, отворивше погребъ; и рѣша дружина Князю: се зло есь; посли къ Всеславу, ати призвавше къ оконьцу пронзути и ме-

чемъ. И не послуша сего Князь, и людіе же кликнуша и идоша къ погребу Всеславлю. Изяславъ же се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣгоста съ двора Князи. И дворъ Княжъ розграбиша, бесчисленое множество злата поимаша и сребра, и кунами, и скорою. Изяславъ бѣжа въ Ляхы».

Прочіе извѣстные списки лѣтописи не представляютъ никакихъ важныхъ особенностей въ разсказѣ этого событія.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

ПЕРВОЕ ОТБЫТІЕ ИЗЪ КІЕВА, ВОЗВРАЩЕНІЕ И КНЯЖЕНІЕ ИЗЯСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА.

1068 — 1073 г.

Карамзинъ говоритъ (т. II, стр. 76 — 77): «Изяславъ удалился въ Польшу, но его братья спокойно княжили въ своихъ удѣлахъ... Король Польскій Болеславъ II, сынъ Маріи, Владиміровой дочери, и супругъ неизвѣстной намъ Княжны Россійской, принявъ Изяслава со всѣми знаками искренняго дружелюбія, какъ Государя несчастнаго и ближняго родственника, охотно согласился быть ему помощникомъ. Всеславъ допустилъ его до самаго Бѣлагорода; наконецъ выступилъ съ войскомъ изъ Кіева; но устрашенный силою Поляковъ, и, можетъ быть, не вѣря усердію своихъ новыхъ подданныхъ, ночью ушелъ изъ стана въ Полоцкъ. Россіяне, свѣдавъ о бѣгствѣ его, съ ужасомъ возвратились въ Кіевъ. Всѣ граждане собрались на вѣче, и немедленно отправили пословъ къ Святославу и Всеволоду объявить имъ, что Кіевляне, изгнавъ Государя законнаго, признаютъ вину свою; но какъ Изяславъ ведетъ съ собою враговъ иноплеменныхъ, коихъ жестокость еще памятна Россіянамъ, то граждане не могутъ впустить его въ столицу и прибѣгаютъ къ великодушію сыновъ Ярослава и отечества. «Врата Кіева для васъ отверсты»; говорили послы; «идите спасти градъ великаго отца своего, а ежели не исполните нашего моленія, то мы, обративъ въ пепелъ столицу Россіи, съ женами и дѣтьми уйдемъ въ землю Греческую». Святославъ обѣщалъ за нихъ вступиться, но требовалъ, чтобы они изъявили по-

корность Изяславу. «Когда братъ мой — сказалъ Черниговскій Князь — войдетъ въ городъ мирно и съ малочисленною дружиною, то вамъ нечего страшиться. Когда же онъ захочетъ предать Кіевъ въ жертву Ляхамъ, то мы готовы мечемъ отразить Изяслава какъ непріятеля». Въ то же самое время Святославъ и Всеволодъ извѣстили брата о раскаяніи Кіевлянъ, совѣтуя, чтобы онъ удалилъ Поляковъ, шелъ въ столицу и забылъ мщеніе, если не хочетъ быть врагомъ Россіи и братьевъ».

Можно счесть за неважное обстоятельство молчаніе Нестора о томъ, будто Кіевляне возвратились «съ ужасомъ», но и безъ этого объясняется очень легко, что они, не имѣя болѣе у себя вождя и князя, не осмѣлились противостоять въ чистомъ полѣ многочисленному войску Польскому. Не слѣдовало однако говорить здѣсь о всѣхъ Россіянахъ вообще. Изяславъ былъ изгнанъ одними Кіевлянами; съ ними одними вышелъ Всеславъ противъ Поляковъ. О вспомогательныхъ войскахъ другихъ областей вовсе не упоминается и изъ послѣдующихъ словъ лѣтописца видно, что здѣсь могла быть рѣчь только о Кіевлянахъ.

Слишкомъ произвольно украшаетъ Карамзинъ слова̀, обращенныя Кіевлянами къ Святославу и Всеволоду, заставляя ихъ (т. II, стр. 77) говорить: «Ежели не исполните нашего моленія, то мы, обративъ въ пепелъ столицу Россіи, съ женами и дѣтьми уйдемъ въ землю Греческую». По Несторовой лѣтописи [1]) говорятъ они только: «аще ли не хощета, намъ неволя: зажегше городъ свой, ступимъ въ Грецкую землю». О столицѣ Русской въ нынѣшнемъ значеніи этого слова здѣсь вовсе не могло быть рѣчи. Въ Россіи столицы еще не было.

Въ отвѣтѣ Святослава посламъ Карамзинъ измѣнилъ только порядокъ выраженій и нѣсколько прибавилъ, что̀ кажется незначительнымъ, но для вѣрнаго взгляда на все происшествіе и для его обсужденія немаловажно. Отвѣтъ въ томъ видѣ, какъ онъ переданъ въ Несторовой лѣтописи, сообразенъ съ положеніемъ дѣла и съ посольствомъ Кіевлянъ. Святославъ говоритъ: *мы послеве ко брату своему, аще пойдетъ съ Ляхи погубити васъ, то пойдемъ противу ему ратію* (ибо Кіевляне противъ Ляховъ требовали помощи и, страшась ихъ, хотѣли оставить городъ); *аще ли хощетъ съ миромъ, то въ малѣ да пріидетъ дружинѣ.* Карамзинъ поставилъ послѣднее предложеніе сначала и измѣнилъ слова̀ такъ: «Когда братъ мой войдетъ въ городъ мирно и съ малочисленною

дружиною, то вамъ нечего страшиться». Послѣднихъ словъ нѣтъ въ лѣтописи. Святославъ вовсе не хотѣлъ обѣщать того, что говоритъ Карамзинъ, да и сами Кіевляне этого не требовали. Они признали себя виновными въ томъ, что изгнали своего Князя. Только не хотѣли они быть преданы Ляхамъ. «Этого и не будетъ, велятъ имъ отвѣчать братья. Изяславъ долженъ вступить какъ законный Государь, съ миромъ, слѣдовательно съ небольшою дружиною, а не какъ побѣдитель съ войскомъ, которое поступаетъ по праву войны съ покореннымъ городомъ». Общей амнистіи Кіевляне не добивались, и Князья не обѣщали. Первые сами признались въ своей винѣ; преступники должны были подвергнуться наказанію: это согласовалось вполнѣ съ понятіями того времени. Кіевляне остались совершенно довольны; они не хотѣли только, чтобы съ Кіевомъ поступили какъ съ покореннымъ городомъ. Отвѣтъ Святославовъ успокоилъ ихъ.

Посланіе Святослава и Всеволода къ Изяславу также совершенно переиначено Карамзинымъ, потому что и здѣсь онъ исходитъ отъ ложнаго положенія, что Кіевлянамъ была обѣщана всеобщая амнистія. По Несторовой лѣтописи посланіе братьевъ было слѣдующее: «*Всеславъ ти бѣжалъ, а не води Ляховъ къ Кіеву, противнаго бо ти нѣту; аще ли хощеши гнѣвъ имѣти и погубити градъ, то вѣдай, намъ жаль отня стола*». Ни слова о всепрощеніи: предъявляется только требованіе не предавать городъ Ляхамъ и не обходиться съ нимъ враждебно. Напротивъ, Карамзинъ заставляетъ ихъ совѣтовать Изяславу, «чтобы онъ удалилъ Поляковъ, шелъ въ столицу и забылъ мщеніе, если не хочетъ быть врагомъ Россіи и братьевъ». О требованіи, чтобы Изяславъ отказался отъ мщенія нѣтъ ни слова въ источникахъ. И выраженіе: «если не хочетъ быть врагомъ Россіи» не соотвѣтствуетъ духу того времени. Такія высокопарныя слова еще не были тогда въ употребленіи. Князья говорили только отъ себя, а не во имя страны, которой органами они и не были.

Карамзинъ продолжаетъ: «Великій Князь далъ слово быть милостивымъ». Этимъ, по видимому, выражено обѣщаніе всеобщей амнистіи. Но въ лѣтописи нѣтъ опять о томъ ни слова. Въ ней только сказано: «*То слышавъ Изяславъ, остави Ляхи, и пойде съ Болеславомъ, мало поима Ляховъ*». Онъ слѣдовательно буквально исполнилъ то, чего требовали отъ него братья — не привелъ По-

ляковъ въ Кіевъ, а вошелъ мирно, какъ законный государь, съ небольшой дружиной.

«Онъ послалъ въ Кіевъ сына своего Мстислава, который, въ противность торжественному договору, началъ какъ звѣрь свирѣпствовать въ столицѣ: умертвилъ 70 человѣкъ, освободившихъ Всеслава; другихъ ослѣпилъ, и жестоко наказалъ множество невинныхъ, безъ суда, безъ всякаго изслѣдованія».

Такъ разсказываетъ Карамзинъ (т. II, стр. 78). Факты въ сущности переданы вѣрно, но изложеніе не точно. Торжественнаго договора, о которомъ говоритъ Карамзинъ, заключено не было. Выше словами лѣтописи разсказано, чего желали братья отъ Изяслава, и показано, что онъ въ самомъ дѣлѣ это желаніе исполнилъ. О другихъ требованіяхъ не было и рѣчи. Правда, Несторъ замѣчаетъ, что онъ погубилъ нѣкоторыхъ невинныхъ, но вовсе не говоритъ, какъ Карамзинъ, что такихъ невинныхъ было множество. Выраженіе: «безъ суда, безъ всякаго изслѣдованія», если придавать имъ особенную важность, служатъ поводомъ къ совершенно ложному сужденію о нравахъ и понятіяхъ древнихъ временъ. Продолжительный юридическій допросъ, торжественное судебное слѣдствіе, доказательства и приговоръ, теперь у насъ употребляемые, — все это, въ то отдаленное время, при существованіи очевидныхъ данныхъ, было еще неизвѣстно. Кіевляне были виновны въ отношеніи къ Изяславу, притомъ всѣ, только не въ равной мѣрѣ. Онъ обѣщалъ не погубить городъ, то есть не мстить всѣмъ. Это обѣщаніе онъ и сдержалъ. Но для того, чтобы подвергнуть своей мести отдѣльныя лица и для наказанія главныхъ преступниковъ, виновныхъ въ возмущеніи противъ своего Князя, онъ отправилъ впередъ своего сына. Мстиславъ велѣлъ казнить всѣхъ тѣхъ, которые освободили Всеслава изъ темницы. Они были главными виновниками, настоящими противниками Князя. Притомъ ихъ было легко отличить изъ толпы; всякой зналъ ихъ. Число ихъ не могло быть значительно; это видно уже изъ всего предыдущаго разсказа. Другимъ, менѣе виновнымъ, онъ велѣлъ только выколоть глаза — наказаніе, по понятіямъ того времени, гораздо менѣе строгое, чѣмъ смертная казнь. Все это приведено было въ исполненіе безъ всякихъ судебныхъ формальностей. Личныя свѣдѣнія, ибо Князь, его братъ и его семейство были свидѣтелями всего произшествія, показанія ихъ приверженцевъ, голосъ народа обличали виновныхъ: это казалось достаточнымъ для того вре-

мени. Точно также открыты и главные зачинщики мятежа. Очень можетъ быть, что въ числѣ ихъ осуждены были нѣкоторые вовсе невинные или въ меньшей степени виновные; лѣтописецъ въ томъ только и упрекаетъ Мстислава, что онъ ихъ казнилъ «не испытавъ»; но нисколько не упрекаетъ его за то, что онъ не изслѣдовалъ дѣло судебнымъ порядкомъ. Такое изслѣдованіе не считалось тогда необходимымъ.

Совсѣмъ не соотвѣтствуютъ событіямъ слова Карамзина, что Мстиславъ свирѣпствовалъ въ Кіевѣ какъ звѣрь. Онъ поступилъ (и очень вѣроятно по порученію отца) такъ, какъ поступилъ бы всякой современный ему Князь, какъ скоро получилъ опять свою власть, съ тѣми, которые изгнали его изъ отцовскаго наслѣдія. Также и въ политическомъ отношеніи Изяславу и братьямъ его было весьма важно очистить Кіевъ отъ приверженцевъ Всеслава.

Карамзинъ прибавляетъ: «Граждане (Кіевляне) не смѣли жаловаться». Въ лѣтописи объ этомъ ничего нѣтъ. Гражданамъ не было никакой причины жаловаться, ибо то, что имъ было обѣщано, было исполнено.

Отдѣльныя, слѣдующія за симъ, правительственныя мѣры Изяслава очевидно также поняты и обсуждены въ исторіи Карамзина съ ложной точки зрѣнія. Вотъ что именно онъ говоритъ (т. II, стр. 79): «Изяславъ, черезъ семь мѣсяцевъ снова Государь Кіевскій, не забылъ, что бѣдственный для него мятежъ сдѣлался на торговой площади: сіе мѣсто, отдаленное отъ дворца, казалось ему опаснымъ, и для того онъ перевелъ торгъ изъ Подола въ верхнюю часть города: осторожность малодушная и безполезная! Едва учредивъ порядокъ въ столицѣ, Великій Князь спѣшилъ отмстить Всеславу, и жаркимъ приступомъ взявъ Полоцкъ, отдалъ сей важный городъ въ удѣлъ Мстиславу; по внезапной же его кончинѣ Святополку, другому своему сыну. Но въ то самое время бодрый Всеславъ съ сильнымъ войскомъ явился подъ стѣнами Новагорода, гдѣ начальствовалъ юный Глѣбъ Святославичь, переведенный туда отцемъ изъ Тмуторакани. Ненавидя Полоцкаго Князя, Новогородцы сразились отчаяно, разбили его, и могли бы взять въ плѣнъ, но великодушно дали ему спастися бѣгствомъ».

Здѣсь слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на два пункта:

1) *Перемѣщеніе торговой площади.*

Онъ перевелъ торгъ или торговую площадь въ верхнюю часть

города, говоритъ Карамзинъ (т. II, стр. 79), «*на гору*» говоритъ лѣтопись.

Поводомъ къ перемѣщенію Карамзинъ считаетъ то, «что послѣдній бунтъ происходилъ на торговой площади, и прежнее ея мѣсто, отдаленное отъ дворца, казалось опаснымъ».

Въ лѣтописи Нестора нѣтъ объ этомъ ни слова. Вѣроятно, что предшествовавшій мятежъ подалъ поводъ къ перенесенію торговой площади; но были возможны и многія другія причины. Такъ наприм. Изяславъ могъ руководствоваться намѣреніемъ предупредить вредное вліяніе черни, которая по своимъ нуждамъ и ремесламъ наиболѣе посѣщаетъ площадь, на созванное невзначай вѣче. Бывшій передъ симъ опытъ можетъ быть доказалъ, что съ тѣми, которые требовали оружія и коней, легко было бы справиться, еслибы къ нимъ тотчасъ же не присоединилось большое сборище народа изъ низшаго сословія. Вспомнимъ, что при послѣднемъ возмущеніи собравшіеся составили двѣ толпы. Одна изъ нихъ пошла къ Князю, чтобы съ нимъ «прѣтися»: это были, вѣроятно, люди достаточные, которымъ не понравился его отказъ; другая разломала двери темницы: это была, вѣроятно, чернь. Дѣло приняло худшій оборотъ только тогда, когда вторая толпа соединилась опять съ первой.

Карамзинъ, по видимому, предполагаетъ, что тамъ, гдѣ была торговая площадь, надлежало быть и вѣчу. Я не считаю это несомнѣннымъ. Вѣче, по правилу, оставалось всегда на томъ мѣстѣ, гдѣ оно до сихъ поръ обыкновенно собиралось, и перенесеніе торговой площади не сдѣлало въ этомъ отношеніи никакой перемѣны. Если на новой площади недоставало церковнаго колокола, то уже потому самому здѣсь не могло быть и вѣча.

Объ этой правительственной мѣрѣ Изяслава Карамзинъ (т. II, стр. 79) судитъ слѣдующимъ образомъ: «осторожность малодушная и безполезная». Приговоръ, какъ кажется, слишкомъ поспѣшный! Чтобы вѣрно судить о подобной мѣрѣ мы должны знать какой цѣли хотѣлъ достигнуть Изяславъ перенесеніемъ площади и на сколько тогдашнія отношенія способствовали къ достиженію его цѣли. Обо всемъ этомъ мы ничего не знаемъ, потому что лѣтопись ничего не говоритъ.

2) *Взятіе Полоцка и побѣда надъ Всеславомъ при Новгородѣ въ* 1069 *году.*

Карамзинъ употребляетъ излишнее выраженіе, утверждая, что Изяславъ «жаркимъ приступомъ» взялъ Полоцкъ.

Въ лѣтописи Нестора нѣтъ ни слова о приступѣ. Въ ней говорится только, что Изяславъ «прогна Всеслава изъ Полотска (Никон. I, с. 169)». Это могло произойти и безъ жаркаго приступа, если Всеславъ бѣжалъ отъ превосходной силы непріятеля и жители города, страшась судьбы Минска, покорились добровольно. Такимъ-ли, или другимъ образомъ Изяславъ подчинилъ своей власти Полоцкое Княжество, мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ то, что объ этомъ говоритъ Карамзинъ не можетъ быть признано за достовѣрное.

И побѣду надъ Всеславомъ Карамзинъ разукрасилъ, перейдя въ своемъ разсказѣ за границы истинной исторіи.

Только въ Новгородскихъ спискахъ лѣтописи находится этотъ фактъ, и то не во всѣхъ одинаково. Которому же изъ различныхъ разсказовъ должно отдать преимущество?

Новгородскій харатейный списокъ разсказываетъ бо̀льшею частію одни Новгородскія событія и тѣ иногда съ такими прибавленіями, которыя собственно не относятся къ исторіи, каково наприм. подъ 1066 годомъ слѣдующее восклицаніе касательно взятія Новгорода: «*И колоколы съима у святыя Софіи. О велика бяше бѣда въ часъ той! и панекодила съима*». Въ этомъ спискѣ о побѣдѣ надъ Всеславомъ говорится такъ: «*Въ то же лѣто* (въ 1069 г.) *осень мѣсяца октября въ* 23, *на святаго Якова, брата Господня, въ пятничю, въ часъ* 6 *дни, опять приде Всеславъ къ Новугороду; Новгородци же поставиша пълкъ противу ихъ у звѣринця на Къземли, и пособи Богъ Глѣбу Князю съ Новгородци. О велика бяше сѣця Вожяномъ! и паде ихъ бѣзчисльное число; а самого Князя отпустиша Бога дѣля; а на заутріе обрѣтеся крестъ честный Володиміръ у святой Софіи, Новѣгородѣ, при епископѣ Ѳедорѣ*». Сравн. Ист. Карамзина т. II, примѣч. 118 и 125.

Этого факта во многихъ спискахъ нашей лѣтописи нѣтъ, на прим. въ Новгородскомъ II и въ Кенигсбергскомъ, а въ тѣхъ, гдѣ онъ помѣщенъ, онъ изложенъ не такъ подробно; многія побочныя

обстоятельства опущены, наприм., что они добровольно отпустили Князя, и восклицаніе о великой побѣдѣ надъ Вожанами превращено въ простой разсказъ: «велика бяше сѣча Вожаномъ [2])».

Теперь спрашивается: который списокъ принять за вѣрный снимокъ съ подлинника, Новгородскій (харатейный), разсказывающій фактъ съ подробностію въ обстоятельствахъ, или прочіе, которые, всѣ три одинаково, излагаютъ его короче? На этотъ вопросъ трудно отвѣчать. Имѣя въ виду эту обстоятельность, равно какъ восклицаніе, вставленное въ настоящій разсказъ, и еще другое, встрѣчающееся подъ 1066 годомъ, котораго также нѣтъ ни въ какомъ иномъ спискѣ, наконецъ особенность, съ какою передается извѣстіе о найденномъ крестѣ [3]), слѣдовало бы думать, что все это указываетъ на очень древнюю эпоху, даже можетъ быть на современнаго событію сочинителя. Сверхъ того очевидно, что Новгородскій списокъ по языку древнѣе другихъ, нами упомянутыхъ. Поэтому, если судить только по извѣстнымъ намъ рукописямъ, онъ безспорно превосходитъ ихъ древностію. Вотъ причина, почему, какъ кажется, и Карамзинъ отдаетъ ему рѣшительное предпочтеніе предъ другими списками. Но удивительно что всѣ остальные списки разсказываютъ этотъ фактъ совершенно одинаково, только не такъ подробно, слѣдовательно всѣ должны были заимствовать его изъ одной рукописи, которой составитель или взялъ въ основу Новгородскій харатейный списокъ и сократилъ его, или разсказалъ тотъ же фактъ самъ отъ себя, только короче. Притомъ слѣдуетъ замѣтить, что Новгородская харатейная рукопись въ томъ видѣ, въ какомъ она до насъ дошла, не всегда имѣетъ значеніе лѣтописи даже для древнѣйшаго времени, ибо важнѣйшія происшествія, необходимыя для исторической связи, часто въ ней опущены, напротивъ другія, въ сравненіи съ ними вовсе неважныя, разсказаны. Даже и Новгородскія событія изложены здѣсь безъ достаточной послѣдовательности, такъ что, пользуясь одною этою рукописью, нельзя составить себѣ и неполное понятіе ни о древнѣйшей Русской, ни о Новгородской исторіи; это лишь замѣтки въ хронологическомъ порядкѣ, безъ плана, случайно собранныя и записанныя. Такими рукописями должно пользоваться съ величайшею осторожностію. Напротивъ того въ тѣхъ спискахъ лѣтописи, гдѣ этотъ фактъ излагается короче, находятся всѣ важныя обстоятельства; въ нихъ опущены только вставочныя

восклицанія и отступленія, равно какъ извѣстіе, что Новгородцы отпустили Всеслава «Бога дѣля».

Но это послѣднее извѣстіе само по себѣ невѣроятно. За три года передъ симъ Всеславъ занялъ Новгородъ и разграбилъ его дочиста; теперь Новгородцы должны опять сражаться съ нимъ за свое имущество, за свою свободу, за женъ своихъ и дѣтей и между тѣмъ, не смотря на то, они будто бы великодушно даютъ ему средство убѣжать. Это вовсе не отзывается духомъ того времени. Ужели Новгородскій Князь Глѣбъ потерпѣлъ бы, чтобы упустили непріятеля отца его, который одинъ разъ свергнулъ его съ престола, чтобы упустили наслѣдственнаго врага его семейства. Невѣроятно!

Такъ какъ это обстоятельство встрѣчается только въ одномъ спискѣ, а во всѣхъ другихъ опущено, то слѣдуетъ заключить, что находящіяся въ нихъ сокращенія или взяты изъ другой также древней рукописи, которой теперь уже нѣтъ, и въ которой тотъ же фактъ разсказанъ былъ короче и точнѣе, или что онъ и сюда попалъ изъ Новгородскаго харатейнаго списка, но что при первомъ уже сокращеніи это событіе было выпущено какъ недоказанное и невѣроятное; что впослѣдствіи сокращеніе получило предпочтеніе предъ самимъ источникомъ и потому перешло во всѣ другіе позднѣйшіе списки лѣтописи. Въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ, кажется, отдать преимущество тому разсказу, который подтверждается большинствомъ списковъ, какъ мнѣніе, получившее бо́льшее значеніе еще въ древнее время.

Выше было замѣчено, что Новгородская харатейная рукопись въ отношеніи къ древнѣйшимъ событіямъ до тринадцатаго столѣтія не имѣетъ вовсе характера лѣтописи, а представляетъ лишь сборникъ замѣтокъ. По этой причинѣ она одна не можетъ служить, вопреки свидѣтельству всѣхъ другихъ списковъ, подтвержденіемъ факта, который самъ по себѣ сомнителенъ, тѣмъ менѣе, что и въ ней не сказано ясно о томъ, что Новгородцы могли взять Князя Всеслава въ плѣнъ и съ намѣреніемъ упустили его. Слова̀: «*а самого Князя отпустиша Бога дѣля*», допускаютъ двоякое объясненіе. Именно подъ этимъ можно разумѣть, что они могли Всеслава лишить жизни или взять въ плѣнъ, и также, что они въ самомъ дѣлѣ взяли его въ плѣнъ и потомъ отпустили. Отсюда, по видимому, легко объяснить, почему первый составитель замѣтокъ могъ выразиться такъ неопредѣленно. Незадолго

передъ тѣмъ разсказывалъ онъ подробно, что «велика была сѣча Вожаномъ» (подъ коими конечно должно разумѣть всѣхъ воиновъ Князя, слѣдовательно весь подчиненный ему и связанный съ нимъ народъ) и что ихъ «пало великое множество;» тутъ же какъ будто предлагаетъ себѣ вопросъ: да куда же дѣвался Князь? и отвѣчаетъ: «его отпустили они Бога дѣля». Со всякимъ можетъ легко случиться, что въ пространномъ разсказѣ онъ отвѣчаетъ на вопросъ, который самъ же себѣ задалъ, а потомъ записываетъ его какъ прибавленіе отъ себя. Но подобныя фразы, имѣющія весьма неточный смыслъ, не могутъ служить подтвержденіемъ опредѣленнаго факта. Съ такой точки, можетъ быть, смотрѣлъ на это и тотъ, кто позднѣе сократилъ разсказъ, и вотъ онъ принялъ всѣ другія важныя, хотя и побочныя, обстоятельства, а это показаніе выпустилъ какъ неопредѣленное и ничего невыражающее, равно какъ и самыя восклицанія.

Слѣдовательно эта чисто рыцарская черта, приданная Новгородцамъ, будто они послѣ жестокой битвы могли взять въ плѣнъ своего врага и великодушно упустили его, должна быть вовсе вычеркнута изъ исторіи, какъ недостаточно подтвержденная доказательствами и для того времени невѣроятная.

Впрочемъ въ разсказѣ о пораженіи Всеслава есть еще нѣкоторыя другія показанія, столь же мало основанныя на твердой исторической почвѣ.

«Въ то самое время (именно, когда Изяславъ, по смерти Мстислава, посадилъ въ Полоцкѣ своего другаго сына Святополка), говоритъ Карамзинъ, «бодрый Всеславъ съ сильнымъ войскомъ явился подъ стѣнами Новагорода, гдѣ начальствовалъ юный Глѣбъ Святославичь... Новогородцы сразились отчаянно, разбили его, и могли бы взять въ плѣнъ,» и т. д.

Противъ этого можно замѣтить: 1) нигдѣ не сказано, что Всеславъ явился съ сильнымъ войскомъ; не сказано также, что онъ явился подъ стѣнами Новгорода.

Одна Новгородская харатейная рукопись не совсѣмъ этому противорѣчитъ, выражаясь такъ: «*мѣсяца октября въ* 23 *приде Всеславъ къ Новгороду.*» Въ другихъ спискахъ послѣ словъ, что «Всеславъ бѣжалъ изъ Полоцка» лѣтописецъ продолжаетъ: «*побѣди Глѣбъ Князь съ Новгородцы Всеслава на Гзенѣ мѣсяца октября* 23 *день,*» и т. д. И такъ ни слова о сильномъ войскѣ, или о появленіи его подъ стѣнами Новгорода; даже, судя по предыду-

щему разсказу, можно предположить, что Всеславъ во время бѣгства изъ Полоцка самъ сдѣлалъ попытку напасть на Новгородъ, или когда проходилъ чрезъ владѣнія Новгородскія самъ подвергся нападенію со стороны Новгородцевъ и былъ ими разбитъ. Во всякомъ случаѣ удивительно, что послѣ побѣды надъ нимъ нашелся опять крестъ св. Владиміра, принадлежавшій Софійской церкви и который онъ за три года передъ тѣмъ взялъ себѣ въ добычу. Такого рода драгоцѣнности берутъ съ собою въ новый походъ тогда только, когда, лишившись прежней родины, ищутъ себѣ новой осѣдлости.

2) Нигдѣ нѣтъ ни слова о томъ, что Новгородцы защищались отчаянно. Даже Новгородская харатейная рукопись, которая разсказываетъ все такъ обстоятельно, говоритъ только, что они противопоставили Всеславу *полкъ.* Разсказъ Карамзина есть очевидно гипотеза, основанная на предположеніи, что Князь пришелъ къ Новгороду съ сильнымъ войскомъ; но это предположеніе, какъ замѣчено выше, ничѣмъ не подтверждается.

Подъ перомъ Карамзина передаваемое имъ событіе получаетъ болѣе интереса и весь разсказъ читается легче; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ лишается значенія правдивой исторіи.

(1) Кенигсб. спис. стр. 120: «Въ лѣто 6585 пойде Изяславъ съ Болеславомъ на Всеслава; Всеславъ же пойде противу, и пріиде къ Бѣлугороду Всеславъ, и бывшей нощи утаися Кіянъ, и бѣжа изъ Бѣлагорода къ Полоцку. Заутра же слышавше людіе бѣжавша Князя возвратишася къ Кіеву и сотвориша вѣче и послашась ко Святославу и ко Всеволоду, глаголюще: «Мы уже зло сотворили есьмо, Князя своего прогнавше, а се ведетъ на ны Ляцскую землю, а пойдета въ градъ отца своего; аще ли не хощета, намъ неволя; зажегше городъ свой ступимъ въ Грецкую землю.» И рече имъ Святославъ: «Мы послеве ко брату своему, аще пойдетъ съ Ляхи погубити васъ, то пойдемъ противу ему ратію, не дадимъ бо погубити градъ отца своего; аще ли хощетъ съ миромъ, то въ малѣ да пріидетъ дружинѣ,» и утѣшиста Кіяны. Святославъ же и Всеволодъ посласта ко Изяславу, глаголюще: «Всеславъ ти бѣжалъ, а не води Ляховъ къ Кіеву, противнаго бо ти нѣту; аще ли хощеши гнѣвъ имѣти, и погубити градъ, то вѣдай, намъ жаль отня стола.» То слышавъ Изяславъ, остави Ляхи, и пойде съ Болеславомъ мало поимъ Ляховъ. Посла же передъ собою сына своего Мстислава къ Кіеву; и пришедъ Мстиславъ посѣче Кіяны, иже бяху высѣкли изъ поруба Всеслава числомъ седмьдесятъ чади, а другія слѣпиша, другія же безъ вины погуби, не испытавъ. Изяславу же идущу ко граду, изыдоша людіе противу съ поклоны, и пріяша Князя своего Кіяне. И сѣде Изяславъ на столѣ своемъ мѣсяца маія во вторый день, распущая Ляхи на покормъ; и избиваху Ляхи отай и возвратись Болеславъ съ Ляхи на свою землю. Изяславъ же взгна горгъ на гору, и прогнавъ Всеслава

изъ Полоцка, посади сына своего Мстислава въ Полоцку, иже вскорѣ умре ту, и посади въ его мѣсто брата его Святополка».

Съ этимъ спискомъ лѣтописи согласны и прочіе списки въ томъ, что они не даютъ ни малѣйшаго повода къ отступленіямъ, находящимся въ изображеніи Карамзина.

(2) Никон. I, 160. «Всеславу же бѣжавшу, и побѣди Глѣбъ Князь съ Новгородцы Всеслава на Гзенѣ, мѣсяца Октября 23 день, велика бо тогда сѣча Вожаномъ. И заутріе обрѣтесь крестъ Владимерь въ святой Софіи на полатехъ, его же взялъ бѣ Князь Всеславъ ратію.»

Точно тоже говорится и въ лѣтописяхъ Софійской (Москва, 1820) и въ Воскресенской.

(3) См. выше. Другіе списки прибавляютъ подобно Никоновскому: *его же взялъ бѣ Всеславъ ратію.*

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ.

ВТОРИЧНОЕ ОТБЫТІЕ ИЗЪ КІЕВА ИЗЯСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА, ВОЗВРАЩЕНІЕ ЕГО И ПРАВЛЕНІЕ (1073—1077).

«Святославъ, желая бо̀льшей власти, увѣрилъ Всеволода, что старшій братъ тайно сговаривается противъ нихъ съ Княземъ Полоцкимъ». Такъ разсказываетъ Карамзинъ. См. его Ист. т. II, стр. 80.

Противъ этого можно сдѣлать два замѣчанія:

1) По словамъ Карамзина, Святославъ увѣрилъ брата своего Всеволода, что Изяславъ тайно сговаривается противъ нихъ съ Княземъ Полоцкимъ. Но по лѣтописи, Святославъ представилъ лишь Всеволоду, что братъ ихъ Изяславъ «сватается» со Всеславомъ, имѣя противъ нихъ злыя намѣренія, и что если они не примутъ свои мѣры, то онъ ихъ изгонитъ [1]). Съ Карамзинымъ согласенъ въ настоящемъ случаѣ Словарь Россійской Академіи, на основаніи котораго употребленное въ этомъ мѣстѣ лѣтописи слово *свататься* на древнемъ языкѣ означало и «сговариваться [2])»; но лишь одинъ Академическій Словарь придаетъ такое значеніе сло-

ву свататься; словари другихъ Славянскихъ нарѣчій не подверждаютъ его; притомъ ни въ одномъ изъ древнихъ производныхъ словъ, принадлежащихъ къ такому же корню, нѣтъ слѣда такого значенія этого слова; да и въ Академическомъ словарѣ предложенное въ немъ мнѣніе не подкрѣпляется никакимъ другимъ доказательствомъ кромѣ выписки этого же мѣста лѣтописи, въ которомъ смыслъ рѣчи гораздо скорѣе допускаетъ обыкновенное значеніе слова свататься. Но въ послѣднемъ случаѣ вовсе не нужно прибавлять, что это происходило «тайно», какъ пишетъ Карамзинъ. Въ Несторовой лѣтописи нѣтъ о томъ ничего. Что Изяславъ старался вступить въ родство съ Княземъ Полоцкимъ могло быть всѣмъ извѣстно; заключеніе, выведенное отсюда Святославомъ, имѣло за себя нѣкоторое вѣроятіе, ибо родственный союзъ Изяслава съ ихъ общимъ врагомъ Всеславомъ могъ казаться брату очень подозрительнымъ. Тѣмъ легче объясняется, почему добродушный Всеволодъ такъ скоро поддался его завѣренію.

Противъ этого можно сказать, что Изяславъ и Всеславъ были слишкомъ близкіе родственники (двоюродные братья) и что по правиламъ Греческой Церкви бракъ между ихъ дѣтьми былъ воспрещенъ; но въ первое время по введеніи христіанства Русскіе не такъ строго держались означеннаго запрещенія; въ исторіи мы встрѣчаемъ довольно такихъ исключеній.

2) Карамзинъ говоритъ: «Изяславъ бѣжалъ въ Польшу»; а лѣтописецъ, что онъ *изыде изъ Кіева*. Въ прежнемъ разсказѣ о мятежѣ про него и Всеволода сказано, что они *побѣгоста*. При поспѣшномъ бѣгствѣ едва ли могъ бы Изяславъ взять съ собою всѣ свои сокровища. Изъ связи событій видно, что онъ теперь удалился добровольно, потому что не былъ въ состояніи противиться обоимъ своимъ братьямъ. Онъ отправился въ Польшу, чтобы привести себѣ оттуда помощь.

Какія же были послѣдующія происшествія его жизни по словамъ Несторовой лѣтописи и какія на основаніи Исторіи Карамзина?

I. Пріемъ Изяслава въ Польшѣ.

Изяславъ же иде въ Ляхи съ имѣніемъ многымъ и съ женою, уповая богатствомъ многымъ, глаголя «яко симъ налѣзу воя», еже вся взяша Ляхове у него, показавше ему путь отъ себе. Такъ повѣствуетъ Несторъ.

Напротивъ Карамзинъ (II, 81) говоритъ: «Но Болеславъ уже не хотѣлъ искать новыхъ опасностей въ Россіи: взялъ его сокровища, и (по словамъ лѣтописца) указалъ ему путь отъ себя».

За чѣмъ Карамзинъ ставитъ здѣсь Болеслава вмѣсто Ляховъ? Развѣ то и другое значило одно и тоже, какъ наприм. въ наше время? Конечно нѣтъ. Еще очень недавно, какъ извѣстно, въ Польшѣ, гдѣ кое-что въ правительственныхъ учрежденіяхъ сохранилось изъ старины, не одно и тоже значило, когда говорили: Король сдѣлалъ то и то, или: народъ сдѣлалъ это. И такъ если въ лѣтописи читаемъ: Поляки взяли у Изяслава его богатства, то подъ этимъ не разумѣется, что взялъ ихъ Король для своего обогащенія, а дается знать, что взялъ ихъ народъ или, скорѣе, нѣкоторые изъ народа. Но за чѣмъ? Изъ грабежа? Едва ли; и въ тѣ времена имѣли силу нѣкоторыя понятія народнаго права, и особенно въ отношеніи къ сосѣднимъ государствамъ не легко рѣшались на подобныя обиды, потому что за нихъ мстили если не самому обидчику, то другимъ лицамъ изъ среды того же народа, жившимъ въ пограничныхъ странахъ или прибывавшимъ туда на время. Причину такого поступка Поляковъ съ Изяславомъ должно искать въ предыдущей исторіи. Когда онъ въ первый разъ возвратился на престолъ, Поляки сопутствовали ему какъ союзнику. Онъ распредѣлилъ ихъ для прокормленія въ разныя мѣста, но Русскіе тайно умертвили ихъ [4]). За этихъ то убитыхъ соотечественниковъ Поляки требовали вознагражденія. Такъ какъ они не могли отомстить неизвѣстнымъ виновникамъ убійства и не могли принудить къ уплатѣ денегъ города и селенія, гдѣ совершено было это убійство, то взяли ихъ съ первыхъ Русскихъ, попавшихся имъ въ руки, и удобнѣйшій къ тому случай представился въ лицѣ Изяслава, пришедшаго съ богатствами въ ихъ землю.

И такъ если Карамзинъ приписываетъ королю то, что сдѣлали Поляки, то онъ, по видимому, изъясняетъ древнюю лѣтопись не въ духѣ древняго времени. То, что въ лицѣ Болеслава показалось бы дурною чертою, унижающею его характеръ, именно ограбленіе и изгнаніе имъ изъ страны своей сосѣдняго Князя, родственника своего и друга, который, будучи изгнанъ родными братьями, пришелъ искать у него помощи, — это самое, какъ поступокъ Поляковъ, искавшихъ законнаго удовлетворенія, представляется совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Болеслава нельзя было бы

ничѣмъ извинить; Поляковъ же оправдываютъ господствовавшія въ то время понятія, какъ это доказываютъ многіе примѣры.

II. Заступленіе Нѣмецкаго Императора за Изяслава.

Цѣль настоящаго разъясненія нашего не въ томъ состоитъ, чтобы сравнить разсказъ Карамзина съ источниками (Нѣмецкими лѣтописями); но если онъ пользовался только тѣми изъ нихъ, которыя самъ приводитъ въ примѣчаніяхъ 128 и 129 т. II, то и здѣсь можно упрекнуть его за то, что онъ многое украсилъ, т. е. переиначилъ.

Ясно, что Нѣмецкій Императоръ заступился за Изяслава и что Святославъ поднесъ значительные подарки посламъ его, какъ для нихъ самихъ, такъ и для ихъ Государя. Это было въ обычаѣ у многихъ древнихъ народовъ, а въ то время въ обычаѣ у Русскихъ. Что Святославъ хотѣлъ почтить пословъ; что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, показывая имъ свои богатства, думалъ доказать свое могущество, это соотвѣтствуетъ и поступкамъ Изяслава, который полагалъ всю свою надежду на сокровища, и подтверждается согласіемъ Русскихъ источниковъ съ Нѣмецкими лѣтописями; притомъ очень вѣроятно, что честолюбивый и хитрый Святославъ не безъ всякаго основанія показалъ себя столь щедрымъ. Но въ чемъ состояли переговоры съ обѣихъ сторонъ, мы не знаемъ.

Поэтому Карамзинъ говоритъ конечно съ излишнею увѣренностію (т. II, с. 82): «Бурхардъ (посолъ Генриха IV) возвратился къ Императору съ дарами, которые удивили Германію. Генрикъ обезоруженный щедростію Святослава, и не имѣя впрочемъ никакого способа воевать съ Россіянами, утѣшилъ изгнанника однимъ безполезнымъ сожалѣніемъ».

Точно ли Генрихъ IV грозилъ такъ рѣшительно предпринять походъ въ Россію въ случаѣ, еслибъ Изяславу не возвратили престолъ его? Былъ ли онъ укрощенъ щедростію Святослава и дѣйствительно ли послѣ того утѣшилъ принятаго имъ подъ свою защиту Изяслава пустыми словами сожалѣнія? Обо всемъ этомъ мы не знаемъ, ибо въ источникахъ ничего не говорится.

Положимъ даже, что въ Нѣмецкихъ лѣтописяхъ есть извѣстія такого рода, хотя Карамзинъ на нихъ не ссылается; но онѣ однѣ не могутъ служить вполнѣ достаточнымъ подтвержденіемъ подобнаго факта. Не уже ли въ самомъ дѣлѣ Нѣмецкій Импера-

торъ былъ столь притязателенъ, что грозилъ походомъ въ такую отдаленную землю, и уже ли въ Россіи придали значеніе его угрозѣ? Это невѣроятно. Для похода въ столь отдаленныя страны, по военному устройству того времени, нельзя было употреблять вассаловъ; содержаніе же наемниковъ было слишкомъ тяжело. Только по причинѣ вліянія Генриха на ближайшихъ его сосѣдей (Богемію и особенно Польшу) дружба его могла быть важною для Изяслава и Святослава. Точно также по вліянію на Польшу Папы Изяславъ искалъ покровительства и этого послѣдняго.

Разсматривая сокровища Святослава, Нѣмцы сказали: *«се ни въ что же есть, се бо лежить мертво; сего суть кметье луче, мужи бо ся доищютъ и болше сего»*. По словамъ Карамзина (т. II с. 82) нашъ древній лѣтописецъ прибавляетъ: «Слѣдствіе доказало истину ихъ словъ: по смерти Святослава изчезли *какъ прахъ* всѣ его сокровища». Точно ли Несторъ это сказалъ, подлежитъ большому сомнѣнію: всѣ древніе лѣтописцы скупы на слова, точно также и нашъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ списковъ это прибавленіе находится только въ Никоновскомъ, который, какъ мы уже часто упоминали, скорѣе есть сборникъ, чѣмъ лѣтопись. Невѣроятно, чтобы во всѣхъ прочихъ спискахъ эти слова были опущены, если бы принадлежали самому Нестору.

III. Вторичное возвращеніе Изяслава.

Разсказъ Карамзина (т. II стр. 84), что, по смерти Святослава, изгнанный Князь ободрился и старался возвратить себѣ Кіевскій престолъ, хотя и не подтверждается точными словами лѣтописи, по крайней мѣрѣ соотвѣтствуетъ излагаемому въ ней ходу событій; но когда онъ прибавляетъ, будто Изяславъ «собралъ нѣсколько тысячь Поляковъ и вступилъ въ Россію», то въ этомъ случаѣ не основывается ни на какихъ историческихъ данныхъ. «***Пойде Изяславъ съ Ляхи***», говоритъ Несторова лѣтопись; но какъ велико было число ихъ она вовсе не опредѣляетъ. Болеславъ, какъ кажется, не принималъ личнаго участія въ этомъ походѣ, ибо о немъ въ особенности не упоминается, какъ во время перваго возвращенія Изяслава въ Кіевъ; не смотря на то вспомогательныя войска могли быть посланы имъ самимъ и число ихъ, приведенное Изяславомъ, могло быть гораздо значительнѣе.

Карамзинъ продолжаетъ (II, 84): «Добродушный Всеволодъ

встрѣтилъ его въ Волыніи, и, вмѣсто битвы, предложилъ ему миръ. Братья клялися, забывъ прошедшее, умереть друзьями», и т. д.

Ясно, что это описаніе слишкомъ поэтическое. Въ лѣтописи сказано только, что Всеволодъ шелъ къ нему на встрѣчу до Волыніи, и что они заключили миръ. Все прочее есть украшеніе Карамзина. Весьма сомнительно, чтобы одно добродушіе Всеволода было причиною мира. Дѣло Изяслава было правое. Всеволодъ, по смерти своего брата, можетъ быть признавалъ себя, и конечно не безъ основанія, слишкомъ слабымъ, чтобы противиться Изяславу. Что онъ не могъ разсчитывать на своихъ племянниковъ, сыновей Святослава, объ этомъ можно, по видимому, заключить изъ событій послѣдующаго времени. Да и самый миръ между братьями состоялся отчасти во вредъ имъ. Всеволодъ получилъ Черниговъ, который былъ собственно княженіемъ ихъ отца, слѣдовательно ихъ наслѣдіемъ.

IV. Распри Изяслава съ Святославичами и съ Княземъ Полоцкимъ.

«Опасаясь честолюбія безпокойныхъ племянниковъ и замысловъ давнишняго врага своего Всеслава, они (Изяславъ и Всеволодъ) хотѣли удалить первыхъ отъ всякаго участія въ правленіи и вторично изгнать послѣдняго».

Такъ говоритъ Карамзинъ (т. II, стр. 84, 85). Этими словами онъ указываетъ на нѣкоторыя побудительныя причины дѣйствій, за что однако нельзя былобы осуждать его, хотя о приводимыхъ имъ побужденіяхъ нѣтъ положительныхъ свѣдѣній въ тѣхъ источникахъ, которыми онъ пользовался. Иногда о причинахъ дѣйствій можно заключать изъ этихъ послѣднихъ, но не иначе какъ съ большою осторожностью. Связь между ними должна быть очевидна. Но здѣсь такой связи нѣтъ, въ чемъ мы легко убѣдимся, если разсмотримъ событія въ отдѣльности.

«Романъ Святославичь княжилъ въ Воспорской области. Сынъ Вячеславовъ Борисъ въ самое то время, когда Изяславъ и Всеволодъ заключали миръ на границѣ, овладѣлъ Черниговомъ; но предвидя, что дяди не оставятъ его въ покоѣ и накажутъ какъ хищника, чрезъ нѣсколько дней ушелъ въ Тмутаракань къ Роману. Князь Новгородскій Глѣбъ, юноша прекрасный и добродушный, къ общему сожалѣнію погибъ тогда въ отдаленномъ

Заволочьѣ. Изяславъ отдалъ его княженіе Святополку, а другому сыну своему, Ярополку, Вышегородъ. Олегъ Святославичь господствовалъ въ области Владимірской: онъ долженъ былъ, по волѣ дядей своихъ, выѣхать оттуда и жить праздно въ Черниговѣ».

Такъ разсказываетъ Карамзинъ (т. II, стр. 85); но разсказъ его не во всемъ исторически вѣренъ. Ибо:

1) Борисъ не завладѣлъ Черниговомъ съ оружіемъ въ рукахъ. Это слѣдуетъ изъ словъ лѣтописи, гдѣ въ настоящемъ случаѣ употреблено то самое выраженіе, какимъ означается въ ней всякое мирное занятіе княжества: «*сѣде*» въ Черниговѣ. Если онъ сынъ Святославовъ [5]), то этотъ фактъ объяснить легко, потому что Черниговъ былъ удѣломъ Святослава и слѣдовательно потомство его имѣло наслѣдственное право на престолъ его, какъ въ подобныхъ случаяхъ было принято за правило; только удивительно, что онъ лишь очень поздно вступилъ во владѣніе, такъ какъ Святославъ умеръ еще 27 декабря (Кенигсб. спис. стр. 124). Если же онъ сынъ Вячеслава [6]), то должно думать, что это было сдѣлано съ согласія Всеволода, все равно было ли оно имъ выражено или только предполагалось, ибо иначе трудно понять какимъ образомъ, будучи потомкомъ младшей линіи, Борисъ такъ мирно занялъ Черниговскій престолъ. Но въ обоихъ случаяхъ легко объяснить себѣ его поспѣшное бѣгство, когда онъ узналъ о соглашеніи Изяслава съ Святославомъ, по которому послѣднему достался Черниговъ. Противиться обоимъ братьямъ вмѣстѣ онъ былъ не въ силахъ. Но не въ духѣ того времени было бы ему опасаться, что онъ подвергнется наказанію какъ хищникъ. Да и ни въ одномъ спискѣ лѣтописи нѣтъ объ этомъ ни слова.

2) Очень вѣроятно, что Глѣбъ былъ изгнанъ изъ Новгорода, какъ сказано во второй Новгородскій лѣтописи на стр. 312, при исчисленіи князей. Если бы онъ погибъ въ Заволочьѣ [7]) какъ князь или какъ вождь Новгородскій, то тѣло его конечно было бы перенесено въ Новгородъ и погребено тамъ, а не въ Черниговѣ, какъ упоминается въ Кенигсбергскомъ спискѣ. Это подтверждается еще тѣмъ, что нѣтъ извѣстія ни о какой войнѣ Новгородцевъ съ жителями Заволочья и ни о какомъ поводѣ, почему бы онъ могъ туда попасть, какъ князь Новгородскій. Но кѣмъ же былъ онъ изгнанъ? Очень сомнительно, чтобы самими Новгородцами, какъ утверждаетъ Карамзинъ [8]). Этого права они еще въ то время за собою не утвердили. Но весьма вѣроятно

что дяди, какъ одни оставшіеся братья, раздѣливъ государство между собою, старались вытѣснить и сыновей Святослава изъ всѣхъ ихъ владѣній, дабы отнять у нихъ средства требовать съ оружіемъ въ рукахъ наслѣдія отцовскаго или какого нибудь равнаго ему княженія. Притомъ непремѣнно должно было возникнуть непріязненное отношеніе между семействами Изяслава и Святослава, ибо первый былъ изгнанъ послѣднимъ и принужденъ съ своимъ семействомъ скитаться бѣглецомъ въ чужихъ краяхъ. Только по смерти Святослава представилась ему возможность возвратиться въ отечество и вступить опять на престолъ. По тогдашнымъ же понятіямъ, обиженные старались за себя мстить. Кромѣ того Новгородъ уже съ нѣкотораго времени считался какъ бы принадлежностію велико-княжескаго престола: такъ владѣлъ имъ самъ Ярославъ; такъ владѣлъ Изяславъ, не смотря на то, что онъ собственно былъ удѣломъ умершаго брата его Владиміра [9]; такъ наконецъ владѣлъ Святославъ послѣ того какъ занялъ престолъ Кіевскій. Если бы Новгородцы въ самомъ дѣлѣ сами изгнали Глѣба, то вѣроятно объ этомъ первомъ самовольномъ изгнаніи князя было бы подробно упомянуто въ ихъ лѣтописи, какъ замѣчено въ нихъ о подобномъ случаѣ при Всеволодѣ (годъ 1135) [10].

3) Кажется очень сомнительнымъ, чтобы Олегу точно приказано было дядьями выѣхать изъ Владиміра, гдѣ онъ княжилъ, и жить праздно въ Черниговѣ. Даже еслибы у насъ не было никакого историческаго свидѣтельства объ этомъ обстоятельствѣ, то само по себѣ было бы весьма вѣроятно, что Изяславъ, вступивъ опять на Кіевскій великокняжескій престолъ, отнялъ бы зависящій отъ него Владиміръ у князя Олега и отдалъ бы его одному изъ своихъ сыновей или назначилъ бы туда посадника. Очень многимъ подтверждается предположеніе, что Владиміръ по смерти Вячеслава былъ присоединенъ къ великому княжеству и въ такой зависимости отъ Кіева управлялся посадникомъ или однимъ изъ сыновей Великаго Князя. Святославъ завладѣвъ великимъ княжествомъ, отдалъ Владиміръ *) сыну своему Олегу. Естественно, что Изяславъ, вступивъ снова на Кіевскій престолъ, опять взялъ у него этотъ городъ. Принадлежащее сюда свидѣ-

---

*) *Въ подлинникѣ вмѣсто* «Владиміръ» *напечатано ошибкою*: «Новгородъ».

тельство источниковъ и не говоритъ ничего болѣе: Олегъ былъ *выведенъ* изъ Владиміра, замѣчаетъ Владиміръ Мономахъ въ своей духовной; то есть у него отняли Владиміръ. Такое распоряженіе не было несправедливостью, ибо оно походило на то, если въ наше время государь смѣняетъ намѣстника какой либо своей области. Нѣтъ никакого основанія вмѣшивать сюда Всеволода; ему не было никакого дѣла до правительственной мѣры, касавшейся одного Кіева.

Также мало подтверждается источниками, чтобы Олегъ былъ нѣкоторымъ образомъ сосланъ въ Черниговъ. Подлинный памятникъ (духовная Владиміра) говоритъ только: «*онъ пришелъ въ Черниговъ*». Слова эти очевидно выражаютъ произвольное дѣйствіе, собственное избраніе мѣстопребыванія и, судя по обстоятельствамъ, это одно и вѣроятно. Изяславъ не сдѣлалъ еще несправедливаго поступка, отнявъ у Олега Владиміръ; но онъ поступилъ бы съ нимъ несправедливо, если бъ изгналъ его въ Черниговъ. И это слѣдовало бы выразить въ разсказѣ другими словами. Молодые Князья, лишившіеся по какому либо обстоятельству своей области, шли къ одному изъ своихъ родственниковъ, или къ отцу, какъ напримѣръ Глѣбъ, когда былъ изгнанъ изъ Тмуторакани, или къ дядѣ, какъ въ настоящемъ случаѣ Олегъ, или къ брату, родному и двоюродному, какъ Борисъ, а впослѣдствіи Олегъ. Почему Олегъ, не хотѣвшій еще идти къ Роману, скорѣе пошелъ къ Всеволоду, чѣмъ къ Изяславу, легко объясняется изъ предыдущаго. По этой причинѣ намъ кажется, что Карамзинъ (т. II, стр. 85) выражается по крайней мѣрѣ неточно, когда говоритъ далѣе: «Владиміръ далъ своему отцу и печальному Олегу роскошный обѣдъ». Откуда онъ знаетъ, что Олегъ былъ въ то время печаленъ? Источники на это прямо не указываютъ, да и къ заключенію такого рода въ нихъ нѣтъ достаточнаго основанія.

Точно также не доказано, чтобы Олегъ жилъ и долженъ былъ жить праздно въ Черниговѣ. Отдать такое приказаніе юношѣ изъ княжескаго рода было бы противно духу того времени и въ высшей степени неблагоразумно въ отношеніи политическомъ. Такой поступокъ возбудилъ бы всеобщее участіе къ Олегу и подалъ бы поводъ къ дурному мнѣнію объ его преслѣдователяхъ. Еще живы были приверженцы его отца, составлявшіе его дружину, т. е. мужи, извѣстные всѣмъ своею военною доблестью [11]).

«Сей Олегъ, рожденный властолюбивымъ, не могъ быть обольщенъ ласками дяди и брата; считалъ себя невольникомъ въ домѣ Всеволодовомъ; хотѣлъ свободы, господства; бѣжалъ въ Тмуторокань и рѣшился, вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ, искать счастія оружіемъ». Карамз. т. II с. 85, 86. Превосходное изображеніе; но вѣрно ли оно? Изо всего этого мы знаемъ только то, что Олегъ бѣжалъ изъ дома Всеволода. По какой причинѣ? Не сказано. Вѣроятно, по неудовольствію на Всеволода за то, что онъ завладѣлъ Черниговомъ, отчиной Олега, и самъ онъ (Олегъ) не получилъ никакого удѣла. Объ этомъ мы можемъ заключить изъ послѣдующихъ событій [12]). Вотъ вмѣстѣ съ тѣмъ причина, почему онъ соединился съ Борисомъ и оба пошли къ Чернигову съ цѣлью изгнать оттуда Всеволода. И онъ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ: Владиміръ Всеволодовичь получилъ Смоленскъ; изъ Изяславичей одному былъ данъ Новгородъ, другому Вышегородъ; онъ одинъ оставленъ безъ удѣла.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ разсказѣ о походѣ Олега съ Борисомъ къ Чернигову у Карамзина неудачно слѣдующее мѣсто: «Побѣдители взяли Черниговъ и думали, что все государство должно признать власть ихъ».

Въ лѣтописи сказано только: «*мняще одольвше,*» т. е. они думали, что завладѣли тѣмъ, чѣмъ желали завладѣть, именно Черниговымъ [13]). Очевидно, что занятіе этого города и его области было цѣлью ихъ похода, такъ какъ Черниговъ былъ отчиной Святослава. Намъ неизвѣстны переговоры, какіе въ то время происходили между Князьями; но конечно безъ переговоровъ дѣло не обходилось, хотя они оканчивались скоро чрезъ пересылки, какъ мы знаемъ изъ примѣровъ, гдѣ лѣтописецъ приводитъ содержаніе тѣхъ переговоровъ, которые предшествовали войнамъ. Наши предки не всегда поступали какъ хищники, которые бы брали все, что было возможно и гдѣ бы имъ ни представилась эта возможность. У нихъ были свои понятія о правѣ; но исторія, въ лицѣ лѣтописцевъ, ограничивалась начертаніемъ важнѣйшихъ событій. Основныя понятія о правѣ мы должны извлекать изъ отдѣльныхъ выраженій и поступковъ, приводя ихъ въ связь съ юридическими понятіями, общими всѣмъ древнимъ народамъ. Что касается до разсматриваемыхъ нами фактовъ, то изъ взаимнаго ихъ отношенія можно, кажется, вывести по крайней мѣрѣ то заключеніе, что Изяславъ и Всеволодъ, какъ одни оставшіеся братья, считали себя въ

правѣ присвоить себѣ всѣ отцовскія владѣнія. И прежде были примѣры въ этомъ родѣ: такъ поступилъ Ярославъ по смерти Мстислава; такъ поступилъ Изяславъ, относительно Новгорода, по смерти Владиміра. Напротивъ того Борисъ и Олегъ, если оба они были сыновья Святослава, смотрѣли на Черниговъ какъ на удѣлъ своего отца, предоставленный ему въ полную собственность; а если Борисъ былъ сынъ Вячеслава, то онъ смотрѣлъ на эту область какъ на такое отдѣльное княженіе, изъ котораго, за полученіемъ Изяславомъ и Всеволодомъ удѣловъ, данныхъ имъ отцомъ ихъ, слѣдовало наградить удѣлами князей младшей линіи. Изъ этого спора развилась мало по малу идея объ отдѣльныхъ княженіяхъ или удѣлахъ; пока же недоумѣніе рѣшалось обыкновенно силою оружія, какъ было и въ настоящемъ случаѣ.

Какъ ни пріятна для чтенія рѣчь, которую Карамзинъ влагаетъ въ уста Великаго Князя Изяслава, въ ней однако недостаетъ вѣрности, которая одна можетъ дать ей историческое значеніе. У Нестора она проще и ближе къ истинѣ. Прочтите ту и другую и сравните ихъ. Мѣстà, которыя въ устахъ Русскаго Князя XI-го столѣтія вовсе неестественны и по крайней мѣрѣ не могли быть произнесены Изяславомъ въ ту минуту, когда онъ утѣшалъ своего брата, въ нижеслѣдующей выпискѣ изъ Карамзина обозначены курсивомъ.

Несторъ

«Братъ, не тужи, видиши бо, колико ся мнѣ соключи; первое бо не выгнаша ли мене, имѣніе мое разграбивше? и паки второе, кою вину сотворилъ бѣхъ, не изгнанъ ли бѣхъ отъ ваю братьи своей, и не блудихъ ли по чужимъ землямъ, имѣнія лишенъ, а не сотворихъ зла ничтоже? И нынѣ, братъ, не тужи: аще нама будетъ причастіе въ Русской земли, то обѣма; аще лишена будеве, то оба; азъ сложу главу свою за тя» [14]).

Карамзинъ

«Утѣшься, горестный братъ, и вспомни, что было со мною въ жизни! *Отверженный народомъ, всегда мнѣ любезнымъ*; лишенный престола и всего *законнаго* достоянія, *могъ ли я чѣмъ нибудь укорять себя?* Вторично изгнанный братьями единокровными— и за что? *свидѣтельствуюсь Богомъ въ моей невинности*—я скитался въ земляхъ чуждыхъ; *искалъ сожалѣнія иноплеменниковъ! По крайней мѣрѣ ты имѣешь друга.* Если намъ княжить въ землѣ Русской, то обоимъ; если быть изгнаннымъ, то вмѣстѣ. Я положу за тебя свою голову» [14]).

Рѣчь Изяслава въ томъ видѣ, какъ она записана въ лѣтописи могла быть сказана Русскимъ Княземъ XI столѣтія своему брату. Но въ томъ изукрашенномъ видѣ, какъ читаемъ ее у Карамзина, она даетъ намъ невѣрное понятіе объ образѣ мыслей и чувствованій дѣйствующихъ лицъ XI-го вѣка, которые вовсе не были сентиментальны.

(1) Въ Кенигсбергск. спискѣ, стр. 122 и 123, сказано: «Святославъ же бѣ начало выгнанію Изяславлю, желая большія власти; Всеволода бо прельсти глаголя: яко Изяславъ сватается со Всеславомъ, мысля на наю; аще его не вариве, имать насъ прогнати, и такъ возостри Всеволода на Изяслава. Изяславъ же иде въ Ляхи», и проч.

(2) Словарь Академіи Россійской, ч. VI, стр. 47: Свататься... 2) Въ старинномъ знаменованіи: сговариваться, соглашаться. «Изяславъ сватается со Всеславомъ, мысля на насъ.» Никон. лѣт. ч. I, стр. 167.

(3) Ср. конецъ 1-го примѣчанія.

(4) Карамзинъ разсказываетъ это извѣстное происшествіе во II-мъ т., стр. 79.

(5) Такъ называется онъ во многихъ спискахъ лѣтописи, между прочимъ въ Кенигсбергской на стр. 126.

(6) Такъ называется онъ въ другихъ спискахъ, и это мнѣніе принимаетъ Карамзинъ. Конечно противъ этого говоритъ то, что Вячеславъ самъ родился въ 1036 году, слѣдовательно сынъ его Борисъ во всякомъ случаѣ былъ еще очень молодъ; моложе сыновей Святослава. Но онъ, можетъ быть, хотѣлъ завладѣть Черниговымъ вмѣстѣ съ сыновьями Святослава, и притомъ еще прежде съ нимъ объ этомъ условившись, чтò и подтверждается бѣгствомъ его къ Роману и впослѣдствіи тѣснымъ союзомъ его съ Олегомъ.

(7) Точно ли подъ Заволочьемъ разумѣется здѣсь столь отдаленная страна, какъ полагаетъ Карамзинъ? Вѣроятно, въ древнее время это названіе принадлежало бòльшему пространству земли, находившейся «за волокомъ,» и лишь тогда, когда близълежащія мѣстà получили точнѣйшія прозванія, прежнее болѣе общее имя оставлено за отдаленнѣйшими.

(8) Ист. Г. Р. т. II, прим. 133. Въ печатномъ спискѣ послѣ «выгнаша» недостаетъ слова, вмѣсто котораго Карамзинъ ставитъ: «Новгородцы;» но точно также можно было бы замѣнить его словами: «дядья» или «Глѣба.» Такое повтореніе имени въ древнихъ спискахъ встрѣчается нерѣдко.

(9) См. сказанное въ статьѣ III-й на стр. 27 (въ Архивѣ истор. юрид. свѣд. кн. I Отд. V).

(10) Всѣмъ этимъ не исключается однако возможность замѣнить пропускъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ лѣтописи словомъ «Новгородцы.» Но и въ такомъ случаѣ на основаніи предложенныхъ нами данныхъ должно принять, что Новгородцы сдѣлали это по требованію Великаго Князя и съ его помощью.

(11) См. о славной побѣдѣ надъ Половцами у Карамз. въ его Ист. т. II, с. 76.

(12) Можетъ быть онъ старался набрать дружину въ Черниговѣ. Въ при-

верженцахъ его отца не было тамъ недостатка, и онъ долженъ былъ бѣжать для своей безопасности, когда Всеволодъ узналъ о его намѣреніяхъ.

(13) Въ Кенигсбергскомъ спискѣ, съ которымъ согласны и другіе, сказано: «Олегъ же и Борисъ пріидоста къ Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Руской много зла сотворивше,» (стр. 25), и проч.

(14) См. Кенигсбергск. спис. (съ коимъ согласны Воскресенскій и Никоновскій) стр. 125, и въ Ист. Г. Р. т. II стр. 86.

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ.

СМЕРТЬ ИЗЯСЛАВА И СУЖДЕНІЕ О ЕГО СВОЙСТВАХЪ.

Распря, возникшая въ слѣдствіе изложеннаго передъ симъ происшествія между Великимъ Княземъ и его племянниками, кончилась неудачно для перваго. По словамъ Карамзина, онъ «немедленно собралъ войско,» и... «узнавъ, что племянники его идутъ съ войскомъ къ Чернигову, встрѣтилъ ихъ. Олегъ не надѣялся побѣдить четырехъ соединенныхъ Князей (Изяслава, Всеволода, Ярополка и Владиміра Мономаха), и совѣтовалъ брату вступить въ мирные переговоры; но гордый Борисъ отвѣтствовалъ ему: «останься спокойнымъ зрителемъ моей битвы съ ними» — сразился близь Чернигова, и заплатилъ жизнію за свое властолюбіе. Еще кровь лилась рѣкою. Изяславъ стоялъ среди пѣхоты: непріятельскій всадникъ ударилъ его копьемъ въ плечо: Великій Князь палъ мертвый на землю. Наконецъ Олегъ обратился въ бѣгство, и съ малымъ числомъ воиновъ ушелъ въ Тмутораканъ. — Бояре привезли тѣло Изяслава въ ладіи: на берегу жители Кіевскіе, знатные и бѣдные, свѣтскіе и духовные, ожидали его со слезами...» (т. II, стр. 86). Во всѣхъ ли подробностяхъ вѣрно это изображеніе Карамзина? Если сравнить его съ источникомъ, на которомъ оно основано, то должно отвѣчать отрицательно.

а) Изяславъ, по словамъ Карамзина, собралъ «немедленно» войско.

Въ лѣтописи этого нѣтъ. Въ ней сказано только, что Изяславъ собралъ войско «отъ мала и до велика», и это одно обстоя-

тельство имѣетъ для насъ важность. Оно доказываетъ, что нужна была значительная сила, чтобы отразить Князей, которые сдѣлались опасными при содѣйствіи имъ Половцевъ. Даже и невѣроятно, чтобы столь значительное войско могло быть собрано съ такою скоростью. Конечно при этомъ прошло столько же времени, сколько обыкновенно употреблялось на сборъ войска, а можетъ быть еще болѣе.

б) На совѣтъ, предложенный Олегомъ брату его Борису, вступить лучше въ переговоры о мирѣ, ибо они не въ силахъ противиться четыремъ соединеннымъ Князьямъ, Карамзинъ заставляетъ этого послѣдняго отвѣчать: «останься спокойнымъ зрителемъ моей битвы съ ними.» Эти слова были бы конечно очень рѣзки, выражая собою гораздо болѣе самонадѣянности и гордости, чѣмъ слова́ лѣтописи: *«тя готова зрю, а азъ имъ противенъ всѣмъ»*. Неосторожно поступилъ Борисъ, отважившись на битву съ четырьмя соединенными Князьями, и не внявъ мудрому совѣту Олега, и лишь за эту самонадѣянность и упрекаетъ его лѣтопись; болѣе же ни въ чемъ его не винитъ. Отвѣтъ, приписываемый ему Карамзинымъ, былъ бы слишкомъ гордъ и оскорбителенъ для Олега. Но нѣтъ никакого основанія считать Бориса столь легкомысленнымъ, чтобы въ самую критическую минуту онъ сталъ оскорблять своего брата и союзника. Въ такомъ неразумномъ поступкѣ и не обвиняетъ его лѣтописецъ. Болѣе мягкія слова́, которыми, по лѣтописи, онъ отвергъ мирныя предложенія Олега, гораздо естественнѣе въ такихъ обстоятельствахъ, чѣмъ выраженія слишкомъ рѣзкія.

Правда, что, сравнивая относительно этого пункта, содержаніе различныхъ списковъ лѣтописи, мы находимъ, что двумя изъ нихъ подтверждается мысль Карамзина, а мнѣніе противоположное подкрѣпляется только однимъ. Но послѣдній не можетъ быть также названъ дурнымъ спискомъ [1]) и притомъ есть внутреннія основанія, которыя рѣшительно оправдываютъ предлагаемое имъ чтеніе.

в) Напрасно также упоминаетъ Карамзинъ о боярахъ тамъ, гдѣ объ нихъ не говоритъ лѣтопись. Незнакомый съ древнимъ бытомъ можетъ подумать, что бояре лично служили Князю, такъ какъ, по словамъ Карамзина, они сами отнесли въ ладью тѣло убитаго Изяслава. Но мы не знаемъ навѣрное былъ ли такой обычай и напротивъ гораздо скорѣе можно думать, что подобныя

обязанности исполняли не бояре; а отроки или даже простая прислуга.

д) По разсказу Карамзина, на встрѣчу тѣла, изъ уваженія и участія къ Великому Князю, вышли всѣ Кіевляне до самаго берега рѣки. Мы не знаемъ, существовалъ ли тогда такой обычай. По лѣтописи, тѣло Великаго Князя было «поставлено противъ Городца», и только при его погребеніи жители вышли на встрѣчу къ нему за стѣны города, впрочемъ на какое отъ нихъ разстояніе мы опять не знаемъ.

Карамзинъ невѣрно передаетъ намъ сужденіе Нестора объ Изяславѣ. Вотъ оно:

«Бѣ же ***Изяславъ*** *мужъ взоромъ красенъ, тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, крива ненавидя, любя правду, клюкижъ въ немъ не бѣ, ни льсти, но простъ умомъ, не воздая зла за зло; колико бо ему сотвориша Кіяне, самаго выгнаша, а домъ его разграбиша, и не возда противу тому зла».*

Такъ говоритъ древній лѣтописецъ [2]). Но въ новѣйшей передѣлкѣ съ цѣлью оправдать это сужденіе, несогласное съ позднѣйшимъ образомъ мыслей, прибавлено много такого, что не принадлежитъ лѣтописцу. Такимъ мнимымъ оправданіемъ пользуется Карамзинъ, указывая на слѣдующія черты въ Изяславѣ, какъ бы словами самого подлинника: что онъ истинно простилъ мятежныхъ Кіевлянъ и не имѣлъ ни малѣйшаго участія въ жестокостяхъ своего сына; помнилъ только любовь Всеволода, добровольно уступившаго ему великое княженіе, и забылъ вражду его.

За тѣмъ продолжаетъ онъ уже отъ себя (стр, 88).

«Вѣримъ, говоритъ онъ, похвалѣ современника благоразумнаго, любившаго отечество и добродѣтель; но Изяславъ былъ столь же малодушенъ, сколь мягкосердеченъ: хотѣлъ престола, и не умѣлъ твердо сидѣть на ономъ. Своевольныя злодѣянія сына въ Кіевѣ — ибо казнь безъ суда и нарушеніе слова есть всегда злодѣяніе — изъявляютъ, по крайней мѣрѣ, слабость отца, который въ тоже самое время сдѣлалъ его княземъ владѣтельнымъ. Наконецъ бѣдствіе Минска и вѣроломное заточеніе Всеслава согласны ли съ похвалами лѣтописца?

Противъ этого намъ представляются многія возраженія:

1) Хотя Карамзинъ и говоритъ про древняго лѣтописца, современнаго Изяславу, но сужденіе Нестора передаетъ невѣрно. Отзывъ, принадлежащій будто бы этому послѣднему, взятъ имъ

изъ Никоновской лѣтописи, въ которой, очевидно, новѣйшій составитель къ словамъ древней лѣтописи присоединилъ свое мнимое оправданіе. Его легче опровергнуть, чѣмъ самого лѣтописца.

2) Несторъ, въ подтвержденіе своего сужденія объ Изяславѣ, говоритъ, что онъ не мстилъ Кіевлянамъ, не смотря на то, что они ему причинили много зла, изгнавъ его и разграбивъ все его имущество. Въ этомъ онъ, можетъ быть, и правъ, хотя, какъ очень вѣроятно, Изяславъ не только зналъ о казняхъ Мстислава въ Кіевѣ, но даже самъ ими распорядился. Кіевляне, по понятіямъ того времени, были всѣ виновны: всѣ возстали противъ своего Князя, прогнали его съ престола, наслѣдованнаго имъ отъ отца, и разграбили его имѣніе. Всѣ они слѣдовательно явились его врагами и, согласно съ убѣжденіями того времени, должны были подвергнуться его мести, какъ скоро онъ получилъ опять власть въ свои руки. Поэтому-то Кіевляне боялись — и не безъ причины — что мщеніе его падетъ на всѣхъ ихъ безъ различія и что онъ предастъ ихъ въ жертву Полякамъ. Противъ этого только могли они искать защиты у его братьевъ, и получили удостовѣреніе, которое ихъ успокоило. Во всемъ прочемъ Изяславъ могъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Братья именно велѣли сказать ему: «противнаго ти нѣту въ Кіевѣ», т. е. ты можешь пользоваться всѣми правами княжескими, не опасаясь сопротивленія. Изяславъ довольствовался лишь наказаніемъ главныхъ виновныхъ, и послѣ того ни одинъ Кіевлянинъ не испыталъ на себѣ его гнѣва за прежнее возстаніе. Конечно, по тогдашнимъ понятіямъ, это свидѣтельствовало въ пользу душевной доброты Изяслава. Если бы онъ сдѣлалъ болѣе, если бы простилъ всѣхъ виновныхъ, даже тѣхъ, которые освободили Всеслава, а слѣдовательно и главныхъ его приверженцевъ, то, по нынѣшнимъ убѣжденіямъ, это, можетъ быть, назвали бы поступкомъ, замѣчательнымъ по великодушію; но, по понятіямъ того времени, сочли бы непохвальною слабостью и поступкомъ вовсе наразумнымъ.

3) Карамзинъ упрекаетъ Великаго Князя Изяслава за то, что Мстислава, совершившаго такія злодѣянія, онъ сдѣлалъ вскорѣ послѣ того владѣтельнымъ княземъ. Первое упразднившееся Княжество, по обычаю, доставалось Мстиславу какъ старшему сыну. Онъ не сдѣлалъ ничего дурнаго, потому что въ Кіевѣ, по всей вѣроятности, исполнилъ только порученіе и приказаніе отца. Упрекъ, на который такъ упираетъ Карамзинъ, именно, что онъ

казнилъ виновныхъ безъ формальнаго суда, основанъ на ложномъ понятіи о правѣ древнихъ народовъ. Слѣдствіе и судъ безъ сомнѣнія были у нихъ извѣстны, только совсѣмъ иные, чѣмъ у насъ. Процессъ оканчивался чрезвычайно скоро. Конечно такое обсужденіе дѣла кажется намъ произвольнымъ и несправедливымъ; но такъ ли смотрѣли на него и въ то время? Обратите вниманіе лишь на Русскую Правду: во многихъ случаяхъ, даже между частными людьми, закономъ допускалась месть, т. е. самовольная расправа безъ особенной формальности. Чего же можно было ожидать въ такое время отъ Князя, который вступилъ побѣдителемъ въ возставшій противъ него городъ, какъ не то, что онъ прикажетъ схватить виновныхъ, которыхъ онъ считалъ такими по личному убѣжденію, по свидѣтельству своихъ приверженцевъ или по указанію самаго народа, и что онъ поступитъ съ ними, какъ съ врагами? Что вмѣстѣ съ тѣмъ случились ошибки и потерпѣли невинные — это объясняется несовершенствомъ человѣческой природы. Развѣ при нашихъ судебныхъ слѣдствіяхъ не случается ошибокъ?

При обсужденіи событій, относящихся къ первымъ временамъ въ исторіи извѣстнаго народа, должно постоянно имѣть въ виду, что понятія отдаленныхъ отъ насъ вѣковъ были совсѣмъ другія, чѣмъ наши, и что поэтому мы неизбѣжно будемъ дѣлать ложныя заключенія, если станемъ судить о происшествіяхъ прежняго времени на основаніи господствующихъ у насъ понятій. Теперь почти у всѣхъ народовъ въ Европѣ судопроизводство очень многосложно, и это признается необходимымъ; у всѣхъ юныхъ народовъ оно было напротивъ того самое краткое и замѣненіе его судопроизводствомъ сложнымъ признавалось ими въ высшей степени неосновательнымъ. Извѣстно, что Римскій процессъ, которому удивляются теперь и который въ Европѣ имѣетъ силу почти у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, былъ вовсе не сроденъ древнимъ Германцамъ, которые признавали его жестокимъ и вполнѣ несправедливымъ. А что же было у нихъ до того времени, и что послѣ? Судя по всему, что намъ извѣстно, самое краткое судопроизводство, сходное съ древнимъ Русскимъ? Если они имъ довольствовались, даже предпочитали его всѣмъ другимъ, то почему же для Русскихъ въ столь отдаленные вѣка немногосложное производство дѣлъ было бы неудобнымъ? О всякомъ народѣ должно судить по той степени образованія, на которой онъ находится.

4) Несчастная судьба города Минска, какъ мы уже прежде

замѣтили, была слѣдствіемъ военнаго права того времени. Но развѣ можно упрекать Князя за тѣ понятія о военномъ правѣ, которыя господствовали въ его время? Нѣтъ ничего плачевнѣе судьбы города, взятаго приступомъ; и въ наши просвѣщенные вѣка бывали тому примѣры. Чтобы отвратить бѣдствія заключаютъ капитуляцію. Но развѣ разграбленіе города, взятаго приступомъ, налагаетъ тѣнь на предводителя войска? Развѣ считалось это пятномъ въ характерѣ полководцевъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій, когда мы еще чаще встрѣчаемъ тому примѣры?

5) Вѣроломное заключеніе Всеслава не можетъ быть оправдано; но все таки и здѣсь должно кое-что сказать въ пользу Изяслава. Всеславъ первый началъ вражду; первый, вопреки всякаго права, безъ объявленія войны, напалъ на Новгородъ и ограбилъ его. Противъ непріятеля допускается и хитрость; ею тогда пользовались чаще и смотрѣли на нее не такъ строго, какъ теперь. Присяга не считалась еще столь священною; это подтверждается закономъ, признававшимъ ее въ значеніи доказательства лишь въ дѣлахъ маловажныхъ. Святость присяги стала оказывать свое вліяніе на грубые умы только тогда, когда уже укоренилась христіанская вѣра. Какъ она была въ то время еще не тверда въ Россіи, доказывается современнымъ почти происшествіемъ, относящимся къ волхву въ Новгородѣ (Карамз. т. II, стр. 94, 95).

И такъ древній лѣтописецъ можетъ быть и правъ въ своемъ сужденіи объ Изяславѣ. Очень можетъ статься, что справедливость, честность, мужество, братская любовь составляли черты его характера, за которыя воздаетъ ему должную хвалу лѣтописецъ. Но обладалъ ли онъ и умомъ обширнымъ? Кажется нѣтъ, судя даже по отзыву, какой дѣлаетъ объ немъ лѣтопись. Какъ знать какое участіе въ прежнихъ его неудачахъ имѣло честолюбіе хитраго Изяслава, въ пользу котораго по крайней мѣрѣ ничего не говоритъ Несторъ. Сына же его Глѣба онъ хвалитъ.

Къ характеристикѣ Изяслава Карамзинъ присоединяетъ нѣкоторыя извѣстія и сужденія о разныхъ происшествіяхъ, совершившихся въ правленіе Великаго Князя, которыя, кажется намъ, заслуживаютъ, по своей важности, болѣе обстоятельнаго разсмотрѣнія.

I. Уничтоженіе смертной казни.

Изяславъ, говоритъ Карамзинъ, призвалъ на совѣтъ братьевъ

своихъ и умнѣйшихъ вельможъ того времени и «совершенно уничтожилъ смертную казнь».

Противъ этого можно замѣтить:

1) Не одинъ Изяславъ отмѣнилъ смертную казнь, призвавъ лишь для совѣта своихъ братьевъ, но всѣ братья съѣхались и уничтожили ее каждый для своего владѣнія. Нѣтъ основанія думать, чтобы Великій Князь имѣлъ въ то время право издавать законы для всего государства, если оно не находилось въ непосредственномъ его управленіи, какъ это было наприм. при Владимірѣ и Ярославѣ. Каждый изъ Князей былъ государемъ въ своемъ удѣлѣ и для какой либо перемѣны въ существовавшихъ учрежденіяхъ необходимо было его согласіе.

2) Онъ собственно не уничтожилъ смертную казнь, а только «убіеніе», т. е. частную месть и замѣнилъ ее денежной пеней (выкупомъ). Это ясно изъ словъ закона: «*По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его*, и т. д., *и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати; а ино все яко же Ярославъ судилъ, такоже и сынове его установиша»*. Убіеніе не означаетъ здѣсь смертную казнь. Того же мнѣнія держится и Эверсъ [3]).

Впрочемъ, вопреки Эверсу, должно замѣтить, что новый законъ не имѣлъ цѣлью уничтожить вообще частную месть, а только отмѣнялъ кровную месть; т. е. кровная месть, которая прежде налагалась какъ обязанность, теряла это значеніе; тотъ, кто ей подвергался, могъ предложить денежное вознагражденіе ближнимъ родственникамъ убитаго, а послѣднимъ разрѣшалось принять такой выкупъ, безъ опасенія, что поступаютъ противозаконно. Прежде такое соглашеніе не было дозволено, ибо кровная месть была освящена закономъ какъ непремѣнная обязанность [4]).

Кровная месть рѣдко уничтожается вдругъ. Первымъ шагомъ къ постепенному ея уничтоженію, бываетъ бо́льшею частію отмѣна мести въ значеніи законной обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ дозволеніе выкупа, и именно это самое, а не что либо другое было установлено разсматриваемымъ нами закономъ. Такой смыслъ его и выраженъ вполнѣ словомъ: «отложиша».

Кажется также, что законодатель не имѣлъ здѣсь въ виду того исключительнаго случая, когда находимъ былъ гдѣ нибудь трупъ, а убійца былъ неизвѣстенъ [5]). Рѣчь идетъ вообще «о убіеніи.» Особеннаго же этого случая законъ Ярославовъ вовсе не касается, слѣдовательно и сыновья его не могли въ этомъ отношеніи из-

мѣнить постановленіе своего родителя. Измѣненіе состояло въ томъ, что они допустили за всякое убійство денежный выкупъ, который въ прежнее время (см. Правду Ярослава) не допускался, если были живы близкіе родственники, имѣвшіе возможность и обязанность мстить за убитаго.

Карамзинъ (т. II, стр. 88 и 89) предлагаетъ слѣдующіе вопросы: почему сдѣлалъ это постановленіе Изяславъ — «по излишнему ли человѣколюбію» какъ Владиміръ? или для сохраненія людей, которые могли еще служить отечеству? или для обогащеніе вирами казны Государей?

Вѣроятно настоящая причина не предугадана ни однимъ изъ этихъ предположеній. Кровная месть не могла оставаться въ прежней силѣ при дальнѣйшемъ развитіи общества [6]). Исторія древнихъ правъ указываетъ на постепенное уничтоженіе кровной мести почти во всѣхъ государствахъ.

II. Отношенія къ Греческимъ императорамъ.

По увѣренію Карамзина (т. II, стр. 92) Русскіе князья (Изяславъ и его братья) давали Грекамъ войско. Это невѣроятно, ибо, на основаніи источниковъ, они сами нуждались въ вспомогательныхъ войскахъ, брали ихъ у Скандинавовъ, да и то едва могли противостоять Половцамъ. Гораздо правильнѣе было бы поэтому сказать, что Русскіе Князья жили въ мирѣ съ Греческими Императорами. Они дозволяли воинственнымъ Скандинавамъ, искавшимъ платы и добычи, также и своимъ подданнымъ, когда не могли ихъ занять дѣломъ и содержать сами, отправляться въ Грецію съ цѣлью испытать тамъ въ военной службѣ своего счастія. Наемниковъ изъ варварскихъ народовъ было въ то время у Грековъ много; но Императоры принимали ихъ обыкновенно на службу чрезъ вербовку ихъ начальниковъ безъ всякаго договора съ правителями земель, откуда они были родомъ. Нѣтъ никакого извѣстія о томъ, чтобы изъ этого правила дѣлалось исключеніе для однихъ Русскихъ, да едвали это и вѣроятно.

Трудно также оправдать мнѣніе Карамзина (т. II, стр. 92). что въ это время Константинопольскій патріархъ получилъ прежнее вліяніе на Русскую Церковь и что она съ сей поры составляла семидесятую митрополію въ числѣ подчиненныхъ ему епархій, Правда, по словамъ Кодина [7]), Россія въ 1292 году была названа

семдесять первою митрополіей, между тѣмъ какъ прежде числилась семидесятою; но отсюда нельзя съ достовѣрностью заключить, что именно въ этомъ году, а не прежде произведены были другія перемѣны. Вообще этотъ предметъ требуетъ еще болѣе обстоятельнаго изслѣдованія.

III. Дѣйствія противъ волхвовъ.

Карамзинъ въ своемъ сжатомъ разсказѣ (т. II, стр. 93, 94) о дѣйствіяхъ противъ волхвовъ опустилъ нѣкоторыя обстоятельства, объясняющія древній бытъ Россіи. Именно прежде, чѣмъ Янъ сталъ наказывать виновныхъ, онъ спросилъ чьи они «смерды», и только когда узналъ, что они подданные его Князя рѣшился съ ними расправиться. Отсюда слѣдуетъ, что въ отношеніи къ судопроизводству вопросъ состоялъ не въ томъ, кому принадлежало оно въ той мѣстности, гдѣ совершено было преступленіе, но кто имѣлъ право суда надъ преступникомъ. Другое замѣчательное обстоятельство, опущенное Карамзинымъ, то, что Янъ требовалъ отъ жителей Бѣла-озера, съ коихъ онъ собиралъ дань, чтобы они ловили и выдавали ему волхвовъ, такъ какъ онъ самъ не могъ ими овладѣть, ибо ихъ защищали ихъ приверженцы; въ противномъ же случаѣ онъ грозилъ имъ остаться у нихъ на цѣлый годъ. Послѣ этой угрозы они привели ихъ къ нему. Требованія и угрозы со стороны Яна во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманіе, но для характеристики времени тѣмъ важнѣе, что мы такъ мало знакомы съ тогдашними учрежденіями и обычаями.

Несправедливо утверждаетъ Карамзинъ, что Янъ велѣлъ повѣсить волхвовъ на дубу какъ государственныхъ преступниковъ. Такими преступниками они собственно не были, ибо въ строгомъ смыслѣ государственными преступниками могли бы быть названы только тѣ, которые возстали противъ Князя. Какъ государственныхъ преступниковъ, ихъ надлежало бы представить къ Святославу, чего они и требовали. Янъ велѣлъ ихъ связать; на это онъ имѣлъ право, потому что они самовольно лишили многихъ жизни и противились ему съ оружіемъ въ рукахъ, не смотря на то, что онъ былъ посланъ Княземъ. Потому же онъ предложилъ тѣмъ, чьихъ родственниковъ волхвы убили, подвергнуть ихъ самихъ частной мести. Вызванные на эту месть предали волхвовъ смерти [8]) и потомъ трупы ихъ повѣсили на дубу. Слѣдовательно

здѣсь частная месть, дозволенная закономъ, была примѣнена къ дѣлу подъ покровительствомъ великокняжескаго чиновника и съ его содѣйствіемъ.

([1]) Кенигсбергск. спис. стр. 126: «И рече ему Борисъ: тя готова зрю, а азъ имъ противенъ всѣмъ»... Напротивъ въ Воскресенск.: «толико ты зри,» а въ Никоновскомъ: «ты готова зри» *).

([2]) Кенигсбергск. спис. стр. 126.

([3]) Древнѣйшее Русское право, стр. 314.

([4]) См. Правду Ярослава, у Эверса въ «Древнѣйш. Русск. правѣ» стр. 264.

([5]) Эверса «древнѣйшее Русск. право,» стр. 337.

([6]) Тамъ же, стр. 289.

([7]) Russia thronus fuit sexagesimus, et deducta est (ex decreto imperatoris Andronici Senioris) ad septuagesimum primum. *Stritteri* Memoriae populorum... e scriptoribus historiae Byzantinae erutae. T. II, p. 1036.

([8]) Въ Никоновск. лѣтописи: «биша;» но въ древнѣйшихъ спискахъ, на прим. во II Новгородскомъ, Воскресенскомъ и Софійскомъ «убиша,» что вполнѣ согласно съ духомъ того времени. Отъ грубыхъ людей, мстившихъ за смерть своихъ родственниковъ, нельзя ожидать, чтобы они дѣйствовали такъ обдуманно — сперва лишь били убійцъ, а потомъ повѣсили ихъ; вѣроятно, что они ихъ тотчасъ предали смерти.

Вообще глубокое вліяніе кровной мести на событія древнѣйшей Русской исторіи уяснилось намъ впервые изъ сочиненія Эверса, на которое нѣсколько разъ указано было выше.

СТАТЬЯ ВОСЬМАЯ.

КНЯЖЕНІЕ ВСЕВОЛОДА.

1078—1093.

«Не сынъ Изяславовъ, но Всеволодъ наслѣдовалъ престолъ Великокняжескій. Дядя, по тогдашнему образу мыслей и всеоб-

---

*) Предложенное при семъ объясненіе этихъ различныхъ чтеній мы опускаемъ въ переводѣ, такъ какъ оно слишкомъ натянуто и могло казаться автору удовлетворительнымъ только по недостаточному его знакомству съ языкомъ древнихъ памятниковъ. *Примѣчаніе Редакціи.*

щему уваженію къ семейственнымъ связямъ, имѣлъ во всякомъ случаѣ право старѣйшинства и заступалъ мѣсто отца для племянниковъ». Карамзинъ т. II, стр. 95 и 96.

Фактически вѣрно, что Всеволодъ наслѣдовалъ великокняжескій престолъ безъ всякаго сопротивленія со стороны Изяславичей. И рѣчь Ярослава къ Всеволоду (Кенигсбергск. спис. стр. 133) предполагаетъ непремѣнно, что отцовскій престолъ перейдетъ къ нему по праву въ томъ случаѣ, если онъ останется въ живыхъ по смерти братьевъ. Какъ же объяснить это?

Карамзинъ объясняетъ такъ, что дядя, по тогдашнимъ понятіямъ и всеобщему уваженію къ семейнымъ отношеніямъ, имѣлъ право старшинства и заступалъ для племянниковъ мѣсто отца.

Правдоподобнѣе, кажется намъ, было бы объясненіе, что Всеволодъ наслѣдовалъ и долженъ былъ наслѣдовать, потому что все отцовское имущество переходило ко всѣмъ сыновьямъ, какъ общее родовое имѣніе [1]). Хотя отецъ и дѣлилъ или они сами дѣлили между собою наслѣдство, но оставшемуся въ живыхъ доставалось все. Поэтому о Всеволодѣ говорится не только, что онъ наслѣдовалъ Изяславу на великокняжескомъ престолѣ, но въ лѣтописи именно сказано: «*пріимъ всю власть Рускую*». Это могло быть въ томъ только случаѣ, когда все отцовское наслѣдство въ рукахъ сыновей считалось за имѣніе родовое, которое по смерти отдѣльныхъ лицъ въ цѣлости доставалось послѣднему оставшемуся въ живыхъ.

О первомъ правительственномъ дѣйствіи Всеволода Карамзинъ говоритъ такъ (т. II, стр. 96): «сей государь утвердилъ Святополка на княженіи Новгородскомъ; другому сыну Изяславову, Ярополку, отдалъ Владиміръ и Туровъ, а Мономаху Черниговъ».

Это утвержденіе Вел. Княземъ старшаго Изяславича на престолѣ Новгородскомъ было бы замѣчательнымъ фактомъ въ отношеніи къ государственному праву того времени. Но у Нестора нѣтъ никакого указанія на такой фактъ, а внутреннія причины заставляютъ въ немъ сомнѣваться. Кажется, что новыя понятія послужили и здѣсь поводомъ къ ложному предположенію со стороны исторіографа.

Въ наше время, когда вступаетъ на престолъ новый государь, онъ обыкновенно утверждаетъ правителей провинцій, областей или какихъ либо частей государства подъ другими названіями, въ ихъ прежнемъ званіи. Не такъ дѣлалось это въ ту эпоху, о кото-

рой идётъ здѣсь рѣчь. Новгородъ былъ отданъ Святославу еще отцемъ его, а то, что членъ княжескаго рода получилъ отъ прежняго государя оставалось по праву въ его владѣніи и при новомъ Вел. Князѣ. Послѣдній не могъ лишить его этого княжества безъ причины; но могъ дать ему вмѣсто меньшаго княжества бо́льшее, какъ и поступилъ Всеволодъ въ отношеніи къ Ярополку.

I. Походъ Романа Святославича.

«Романъ, говоритъ Карамзинъ (т. II стр. 96) началъ (съ помощью Половцевъ) войну междоусобную, желая отмстить за Олега и Бориса».

Ни въ одной изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей нѣтъ такого извѣстія.

Вѣроятнѣе, что Романъ, бывшій въ то время Княземъ Тмутораканскимъ, хотѣлъ помочь силою оружія своей обиженной семьѣ. По смерти Святослава сыновьямъ его пришлось всюду терпѣть. Казалось, имъ хотѣли мстить за вину отца. Изяславичи и сынъ Всеволода получили отдѣльные удѣлы сначала при Изяславѣ, а потомъ при Всеволодѣ, между тѣмъ какъ Святославичамъ не было дано ничего. Они могли опасаться, что вовсе будутъ лишены права на удѣлы въ Россіи. Вотъ почему, кажется, Романъ взялся за оружіе. По крайней мѣрѣ такая причина очевидна изъ состоянія дѣлъ въ то время и изъ предыдущихъ событій; а о какой либо другой причинѣ въ источникахъ не говорится.

О братѣ Романа, Олегѣ, Карамзинъ пишетъ, что Половцы неволею отправили его въ Константинополь, когда Романъ палъ въ слѣдствіе ихъ измѣны. Въ лѣтописи же сказано: «поточиша ко Царюграду».

Есть разница между тѣмъ и другимъ. Еслибъ враги князя отправили его только въ Грецію, то онъ во всякое время могъ бы возвратиться произвольно; препятствія ему бы не встрѣтилось. Но этого не было, ибо мы знаемъ, что Олегъ жилъ въ Родосѣ два года изгнанникомъ. Поэтому, кажется, что они согласились съ Греческимъ Императоромъ отправить его въ изгнаніе въ такое мѣсто Греціи, откуда онъ не могъ бы легко уйти. Словомъ «поточить» и въ древнихъ законахъ, именно относящихся до убійства, означается уголовное наказаніе.

II. Занятіе Владиміра Ростиславичами.

«Ростиславичи, воспитанные, кажется, въ домѣ у Ярополка, бѣжали отъ него, и въ отсутствіе дяди, который гостилъ у Всеволода въ недѣлю Пасхи, вооруженною рукою заняли Владиміръ. Всякой знаменитый мятежникъ, обѣщая грабежъ и добычу, могъ собирать тогда шайки усердныхъ помощниковъ: доказательство, сколь правленіе было слабо и своевольство народа необузданно»!

Не очень вѣроятно обстоятельство, приводимое въ настоящемъ случаѣ Карамзинымъ (т. II стр. 97), именно, что Ростиславичи воспитывались у Ярополка, потому что объ этомъ можно заключить только изъ словъ лѣтописи: «выбѣгоста Ростиславичи 2 отъ Ярополка». Но эти слова находятся не во всѣхъ спискахъ лѣтописи (ихъ нѣтъ, напримѣръ, въ печатномъ Кенигсбергскомъ), и если считать ихъ достовѣрными, то они скорѣе подтверждаютъ мнѣніе, что бѣжавшіе принадлежали къ дружинѣ своего дяди.

Слишкомъ рѣзко, по видимому, сужденіе Карамзина о тогдашнемъ состояніи Россіи, когда онъ говоритъ, что всякой знаменитый мятежникъ пустыми обѣщаніями могъ себѣ найти усердныхъ приверженцевъ, что будто бы служитъ доказательствомъ слабаго правленія и необузданнаго своевольства народа.

Это мнѣніе неосновательно по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что тогда не было ни одного случая, гдѣ кто либо изъ народа или изъ вельможъ, выступивъ мятежникомъ, нашелъ бы себѣ приверженцевъ. Даже нѣтъ ни одного примѣра такого мятежа въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Внутреннія войны въ Россіи происходили единственно отъ самихъ Князей. Не получившіе удѣла старались добыть себѣ владѣніе съ оружіемъ въ рукахъ; бо̀льшею частію въ основѣ такого дѣйствія ихъ лежала мысль о правѣ, ибо всѣ были членами княжескаго рода, всѣ имѣли нѣкоторое притязаніе на родовое имущество и весь споръ происходилъ изъ различія между «моимъ и твоимъ», такъ какъ одинъ хотѣлъ взять какой либо удѣлъ себѣ, а другой его не давалъ. Это былъ споръ семейный. Въ семьѣ, состоявшей изъ частныхъ лицъ, младшіе члены, устраненные отъ наслѣдства, не скоро могли заставить уважать свои притязанія, если они даже ихъ заявляли, потому что у нихъ не было силы и имъ недоставало поддержки; напротивъ того младшимъ сыновьямъ князей пода-

вали помощь прежніе друзья и товарищи ихъ отцовъ; далѣе тѣ, которые почему либо были недовольны Вел. Княземъ и наконецъ тѣ, которые искали счастія, ибо если притязаніе, предъявленное членомъ княжескаго рода, имѣло успѣхъ, то онъ получалъ право раздавать города и области. На этихъ отношеніяхъ основывалась сила молодыхъ Князей, которые вооруженною рукою добивались удѣла въ землѣ Русской, т. е. въ ихъ общемъ родовомъ имуществѣ. Къ нимъ примыкали воинственные искатели приключеній, имѣвшіе въ виду добычу, или по найму. Несчастіе Россіи — междоусобныя войны были слѣдствіемъ этихъ споровъ между членами княжескаго рода, потому что участіе отдѣльныхъ лицъ въ общемъ родовомъ имуществѣ не было твердо опредѣлено ни закономъ, ни обычаями. Тоже самое видимъ мы и въ Шотландскихъ кланахъ; нѣкоторые изъ нихъ вовсе уничтожились вслѣдствіе споровъ о наслѣдствѣ.

И такъ не должно слабостью правленія или необузданнымъ своевольствомъ народа объяснять то, что было естественнымъ послѣдствіемъ неопредѣленности наслѣдственнаго права. Лишь долговременный опытъ научилъ, что обычный въ то время порядокъ наслѣдованія въ общемъ родовомъ имѣніи вовсе непримѣнимъ къ правительственной власти въ государствѣ.

III. Походъ Давида Игоревича противъ Грековъ.

«*Въ се же время Давыдъ зая Греки въ Олешьи, и зая у нихъ все имѣніе*». Такъ разсказываетъ Несторъ [3]). Карамзинъ же говоритъ (т. II стр. 98): «Давидъ Игоревичь завладѣлъ Олешьемъ, Греческимъ городомъ близь устья Днѣпровскаго, и нагло ограбилъ тамъ многихъ купцовъ».

Давидъ ограбилъ не однихъ купцовъ, но вообще Грековъ; онъ поступилъ съ ними какъ съ непріятелями. Нѣтъ основанія видѣть въ его дѣйствіи насиліе; это было право войны и случалось очень часто.

Вѣроятно въ то время были непріязненныя отношенія между Русскими Князьями и Греческимъ Императоромъ, ибо Олегъ, врагъ велико-княжеской семьи, конечно не безъ содѣйствія Грековъ возвратился изъ изгнанія и, можетъ быть, съ ихъ помощью, какъ думаетъ и Карамзинъ, овладѣлъ Тмутораканью. По крайней мѣрѣ мы видимъ изъ послѣдующихъ событій, что мужественное

нападеніе Давида на Греческій городъ нисколько не повредилъ ему въ глазахъ Всеволода. Правда, что онъ долженъ былъ возвратить Олешье, потому ли что Всеволодъ хотѣлъ оставить его за собою, или потому, что онъ думалъ опять уступить его Грекамъ; но за это онъ далъ ему удѣлъ въ Россіи (Дорогобужъ), котораго Давидъ давно добивался.

IV. Отношенія Ярополка къ Всеволоду.

Нѣтъ сомнѣнія, что сужденіе Карамзина о Князѣ Ярополкѣ Изяславичѣ слишкомъ строго, можно даже сказать слишкомъ поспѣшно.

«Самъ Ярополкъ, говоритъ онъ (т. II стр. 98), облагодѣтельствованный Всеволодомъ, не устыдился быть врагомъ его: Князь слабый, послушный коварнымъ совѣтникамъ, и скоро наказанный за свою безразсудность».

Въ лѣтописи нѣтъ обо всемъ этомъ ни слова. Въ ней говорится только, что Ярополкъ былъ увлеченъ неблагонамѣренными совѣтниками [4]).

Здѣсь намъ приходится повторить то, что уже не разъ было замѣчено:

Чтобы вѣрно судить о временахъ древнихъ, мы должны совершенно освободиться отъ нашихъ нынѣшнихъ понятій и брать при этомъ за мѣрило лишь то, что свойственно тѣмъ временамъ. Тоже самое должны мы сказать и здѣсь. Отношенія Князей между собою, особенно въ примѣненіи къ поземельному владѣнію, не были довольно твердо опредѣлены. Тѣ, которые сознавали свою силу, часто предпочитали ее праву. Въ этомъ былъ убѣжденъ каждый, и потому всякій, кто могъ опасаться силы другаго, былъ остороженъ и недовѣрчивъ.

1) Нельзя предположить, чтобы Ярополкъ безъ всякой причины рѣшился начать войну съ Всеволодомъ. При этомъ онъ могъ выиграть мало, а потерять много. Несторъ не говоритъ о причинѣ войны; надо попытаться разгадать ее изъ взаимной связи событій. Ближайшимъ предыдущимъ происшествіемъ была уступка области Дорогобужской Давиду Игоревичу. Эта область граничила съ владѣніями Ярополка и была, можетъ быть, отдѣленною отъ нихъ частью. Вотъ отчего могло произойти подозрѣніе Ярополка.

Игоревичь, Ростиславичи и Святославичи оказали себя врагами Великокняжеской семьи; по крайней мѣрѣ въ разныхъ случаяхъ они старались вооруженною рукою добыть себѣ удѣлы въ тѣмъ областяхъ, которыми въ то время владѣли одни Изяславичи и Всеволодовичи. Что теперь Всеволодъ старался примириться съ однимъ изъ своихъ противниковъ (Игоревичемъ), это конечно могло — и даже не напрасно — озабочивать Изяславича, который боялся, что онъ мало по малу успѣетъ склонить на свою сторону и остальныхъ, и съ помощью ихъ утвердить господство надъ Россіею въ своей семьѣ. Изяславичи тѣмъ болѣе могли опасаться такого умысла, что Владиміръ Мономахъ слылъ за храбраго воина, который безспорно съумѣлъ бы удержать въ своей власти то, что получилъ бы отъ отца. Еще сильнѣе должно было утвердиться въ немъ подозрѣніе въ томъ случаѣ, если полученная Давидомъ отъ Всеволода область Дорогобужская, какъ вѣроятно, судя по положенію дѣлъ, принадлежала прежде къ Княжеству Владимірскому, доставшемуся въ удѣлъ Ярополку. Это не было возстаніе одного Ярополка, но возстаніе Изяславичей противъ дяди, какъ очевидно изъ духовной Владиміра Мономаха [5]). Святополкъ принялъ сторону своего брата.

Но не осуждаетъ ли самъ лѣтописецъ поступокъ Ярополка, упрекая его въ томъ, что онъ послушался «злыхъ совѣтниковъ»? Противъ этого можно возразить: а) Въ лѣтописцѣ проглядываетъ явное пристрастіе къ Владиміру и его семейству, которое впослѣдствіи получило верховную власть въ Россіи; б) Ярополкъ во всякомъ случаѣ поступилъ слишкомъ необдуманно, возставши такъ поспѣшно по одному подозрѣнію противъ своего дяди, который все таки заступалъ ему мѣсто отца, былъ Великимъ Княземъ и превосходилъ его силой.

2) Также что касается до благодѣяній, будто бы оказанныхъ Всеволодомъ Ярополку, то дѣло было нѣсколько иначе. Всеволодъ, какъ кажется, сдѣлалъ для семейства Изяслава только то, чего требовало благоразуміе. Изяславъ стоялъ на его сторонѣ, поддерживалъ его всѣми силами, когда онъ былъ изгнанъ изъ Чернигова, и лишился за него жизни. Всеволодъ, получивъ по смерти Изяслава всю власть его въ свои руки, долженъ былъ по крайней мѣрѣ дать сыну его въ удѣлъ значительное Княжество. Это не было особеннымъ благодѣяніемъ, за которое Ярополкъ могъ бы считать себя чрезвычайно ему обязаннымъ. Напротивъ

того онъ оскорбилъ его своею несправедливостью, отнявъ у него часть отданной ему области и уступивши ее Давиду.

Нельзя также признать за особенное благодѣяніе то, что онъ возвратилъ удѣлъ Ярополку. Этотъ поступокъ можно назвать лишь благоразумнымъ, потому что Ростиславичи были точно также его противниками, какъ они были противниками Ярополка. Какъ Великій Князь, какъ глава рода, онъ долженъ былъ помогать тому, у котораго несправедливо отнимали владѣнія. Къ тому же здѣсь присоединялась обязанность возмездія: отецъ Ярополка помогъ ему въ подобномъ случаѣ съ самопожертвованіемъ.

«Ярополкъ, не сыскавъ заступниковъ внѣ Россіи, скоро умилостивилъ Всеволода искреннимъ раскаяніемъ, и заключивъ миръ съ его сыномъ, Мономахомъ, въ Волыніи, получилъ обратно свое княжество.» Такъ разсказываетъ Карамзинъ (т. II, стр. 98).

Несторъ не говоритъ ни слова о раскаяніи и объ умилостивленіи Всеволода. Онъ разсказываетъ только, что Ярополкъ заключилъ миръ съ Владиміромъ и что въ слѣдствіе этого мира Владиміръ воротился въ Черниговъ, а Ярополкъ отправился во Владиміръ. Изъ того, что лѣтопись не обозначаетъ силы Ярополка еще не слѣдуетъ, что у него вовсе ихъ не было. Изъ духовной Владиміра видно, что братъ его Святополкъ былъ съ нимъ въ союзѣ; изъ Польши онъ могъ также получить нѣкоторую помощь, хотя лѣтопись именно объ этомъ не говоритъ. И такъ то, что Карамзинъ прибавляетъ о великодушіи дяди и обязанности Ярополка къ благодарности по крайней мѣрѣ не доказано. Въ пользу Ярополка свидѣтельствуетъ доброе слово, сказанное въ одномъ изъ списковъ лѣтописи по случаю извѣстія о его смерти и погребеніи [6]).

V. Россія передъ смертью Всеволода.

Карамзинъ, изображая жалкое состояніе Россіи передъ смертью Всеволода (т. II, стр. 103), кажется, его преувеличиваетъ. Онъ соединяетъ произвольно отдѣльныя событія и тѣмъ самымъ придаетъ имъ больше значенія, чѣмъ каждое изъ нихъ имѣетъ порознь. Лѣтопись не только не представляетъ намъ такого страшнаго состоянія, но даже, если разсмотрѣть ее подробнѣе, не представляетъ данныхъ для такой картины.

Она упоминаетъ только о двухъ фактахъ: опустошеніи части государства Половцами и о смерти многихъ людей, то и другое

подъ 1094 годомъ. Въ 1084 году была послѣдняя междоусобная война, нѣсколько замѣчательная, но и та продолжалась недолго. Ростиславичей, изгнавшихъ Ярополка, тотчасъ прогналъ опять Владиміръ. Правда, что въ 1085 году Ярополкъ затѣялъ было вражду противъ Всеволода, но бѣжалъ, не обнаживъ меча и въ слѣдующемъ году миръ былъ заключенъ безъ всякаго кровопролитія. Съ тѣхъ поръ все оставалось спокойнымъ. И такъ въ продолженіи по крайней мѣрѣ шести лѣтъ Россія наслаждалась миромъ. Въ 1093 и 1094 годахъ замѣчены были различныя чудеса, что̀ вовсе не должно казаться удивительнымъ для столь суевѣрнаго вѣка и на что тѣмъ менѣе слѣдуетъ обращать вниманія, что сами лѣтописцы не говорятъ о ближайшемъ отношеніи ихъ къ послѣдующимъ событіямъ [7]). Да и самыя несчастія не были такъ значительны, какъ изображаетъ ихъ Карамзинъ. Что въ 1094 году была засуха и лѣса и болота горѣли, — это нельзя еще назвать слишкомъ важнымъ и особеннымъ бѣдствіемъ. Не въ первый разъ Половцы опустошали отдѣльныя области государства: въ другіе года, наприм. въ 1068, они разграбили еще болѣе областей, коихъ населеніе было сверхъ того многочисленнѣе. Притомъ на этотъ разъ Россія избавилась безъ войны отъ варваровъ, отвлеченныхъ походомъ противъ Польши. Въ 1094 году была большая смертность, но не чума, какъ думаетъ, кажется, Карамзинъ (т. II, стр. 100). Лѣтопись говоритъ, что много людей умерло, но отъ различныхъ болѣзней.

И такъ, читая лѣтопись, мы не находимъ въ ней никакихъ доказательствъ, чтобы положеніе Россіи въ послѣдніе годы правленія Всеволода было въ самомъ дѣлѣ такъ бѣдственно, какъ описываетъ его Карамзинъ (т. II, стр. 193). Случались въ это время несчастія, но не болѣе значительныя и необычайныя, чѣмъ и при другихъ Великихъ Князьяхъ, а правленіе этихъ послѣднихъ не почитается изъ за нихъ только бѣдственнымъ для жителей.

Также, когда лѣтописецъ изображаетъ характеръ Всеволода и дѣлаетъ обозрѣніе его жизни, онъ не говоритъ о жалкомъ состояніи народа, которое возбуждало бы особенное соболѣзнованіе въ Государѣ и лишало его самого покоя [8]). Онъ былъ счастливѣе въ Переяславлѣ, чѣмъ на Велико-княжескомъ престолѣ, замѣчаетъ Несторъ; но причины этого, о коихъ онъ упоминаетъ, совсѣмъ другія. Въ Кіевѣ ему причинили много горя и заботъ племянники его, требовавшіе себѣ болѣе значительныхъ удѣловъ; къ этому

присоединились старость и болѣзни. Ни слова о бѣдствіяхъ народа и о страданіяхъ князя, возбужденныхъ сочувствіемъ къ этимъ бѣдствіямъ.

VI. Характеръ Всеволода.

О характерѣ Всеволода лѣтопись говоритъ такъ:

«Всеволодъ бѣ издѣтска боголюбивъ, любяй правду, кормя убогія, воздая честь епископомъ и презвитеромъ, излиха же любяше черноризцы и подаваше требованіе имъ; бѣже вздержаясь отъ пьянства и отъ похоти; тѣмъ любимъ бѣ отцемъ своимъ [9])».

Эти черты Карамзинъ приводитъ лишь въ концѣ своей характеристики, которую мы разсмотримъ сей часъ нѣсколько подробнѣе.

Лѣтописецъ продолжаетъ: *«сѣде въ Кіевѣ княжа, и быша ему печали больши, неже сѣдящу ему въ Переяславлѣ.* Напротивъ Карамзинъ (т. II, стр. 101) говоритъ: «Всеволодъ съ завистью воспоминалъ то счастливое время, когда онъ жилъ въ Переяславлѣ, довольный жребіемъ Удѣльнаго Князя,» и т. д. Завистливо ли онъ воспоминалъ то время, мы не знаемъ. Впрочемъ, эта прибавка не лишена вѣроятія.

Наконецъ лѣтопись говоритъ про того же Князя:

«*Нача любити смыслъ уныхъ, свѣтъ створя съ ними; сиже начаша заводити и негодоваша дружины своея первыя, и людемъ недоходиша княже правды* (т. е. суда княжескаго), *начаша тіуни грабити, людій продавати, сему не вѣдущю въ болѣзнехъ своихъ* [10]».

Конечно смыслъ этого мѣста теменъ; но кажется ясно, что молодые вошли у князя въ милость и вытѣснили его старыхъ слугъ. Но чтоже значитъ: «*и людемъ не доходиша княже правды*»? Вѣроятно этимъ выражается то, что они не допускали обращаться къ суду княжескому, можетъ быть подъ предлогомъ, что Князь болѣнъ. Такимъ образомъ тіуны стали притѣснять народъ, потому что онъ уже не былъ защищаемъ Княземъ, и т. п.

Напротивъ, Карамзинъ разсказываетъ это дѣло такъ (т. II, стр. 101). «Не имѣвъ никогда великодушной твердости, сей Князь, обремененный лѣтами и недугами, впалъ въ совершенное разслабленіе духа, удалилъ отъ себя бояръ опытныхъ, слушалъ только юныхъ любимцевъ и не хотѣлъ уже слѣдовать древнему обычаю Государей Россійскихъ, которые сами, въ присутствіи вель-

можъ, судили народъ свой на дворѣ княжескомъ. Сильные утѣсняли слабыхъ. Намѣстники и тіуны грабили Россію какъ Половцы. Всеволодъ не внималъ жалобамъ.»

Какъ изображеніе Карамзина отличается отъ характеристики Несторовой лѣтописи! Карамзинъ не ограничивается матеріаломъ, находящимся въ его распоряженіи, вымышляетъ то, о чемъ лѣтописецъ не говоритъ, словамъ же его даетъ совсѣмъ иное значеніе, а въ одномъ мѣстѣ выражаетъ мысль, совершенно противоположную. Лѣтописецъ именно замѣчаетъ, что Всеволодъ не зналъ о притѣсненіи народа, а Карамзинъ разсказываетъ, что онъ зналъ, что ему жаловались, но что онъ не обращалъ вниманія на жалобы.

Наконецъ Карамзинъ (т. II стр. 102) прибавляетъ слѣдующее сужденіе о Всеволодѣ: «христіанинъ набожный, человѣколюбивый, трезвый и цѣломудренный отъ самой юности; однимъ словомъ достохвальный между частными людьми, но слабый и слѣдственно порочный на степени государей.»

Послѣднее есть прибавленіе самого исторіографа. Лѣтопись не говоритъ объ этомъ ничего. То, что она охуждаетъ въ немъ, было слѣдствіемъ старости и болѣзни и касается только послѣднихъ лѣтъ его жизни. Общее сужденіе о немъ, т. е. сужденіе обо всей его жизни отъ этого не зависитъ, и оно въ пользу Князя. Нельзя также требовать отъ государей временъ древнихъ, такъ точно какъ и отъ государей нашего времени, чтобы они были людьми совершенными.

(1) Этотъ взглядъ принадлежитъ Эверсу и выраженъ имъ въ его «Древнѣйшемъ правѣ Руссовъ,» на стр. 17, 203. Онъ безспорно заслуживаетъ одобреніе.

(2) Ср. Правду XIII столѣтія у Эверса на стр. 315.

(3) Кенигсбергскій списокъ, стр. 128.

(4) Тамъ же, стр. 128.

(5) Духовная Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ.... С. Петерб., 1793, стр. 42.

(6) «Онъ былъ боголюбивъ, кротокъ, исполненъ любви къ своимъ братьямъ» (*), говоритъ Кенигсбергскій списокъ, стр. 133. Это же, только пространнѣе, читаемъ и въ Никоновскомъ сборникѣ. Если бы въ настоящемъ мѣстѣ можно было преимущественно положиться на этотъ послѣдній, то слова его послужили бы доказательствомъ сказаннаго выше. Такъ читаемъ мы здѣсь (ч. I стр. 189), именно въ характеристикѣ Ярополка, что онъ невинно потерпѣлъ много отъ братьевъ (въ томъ числѣ и двоюродныхъ), былъ ими изгнанъ, оскорбленъ, ограбленъ и доведенъ до бѣдствія и горя.

(*) Въ подл. вмѣсто «къ братьямъ» сказано: «къ чернорнзцамъ».

(7) Только по случаю разсказа объ общей смертности замѣчено, что это было наказаніе за грѣхи,—взглядъ свойственный тому времени, который повторяется обыкновенно, когда идетъ рѣчь о всѣхъ подобныхъ происшествіяхъ: опустошеніи страны внѣшними врагами, голодѣ и морѣ.

(8) «Всеволодъ, говоритъ Карамзинъ (т. II, стр. 101), огорчаемый бѣдствіями народными,» и т. д.

(9) Кенигсбергск. спис., стр. 133.

(10) Тамъ же, стр. 133, и Никоновск. спис. ч. I, стр. 197.

ПРИМѢЧАНІЯ РЕДАКЦІИ.

1) Статья IV, стран. 7. Несправедливо мнѣніе, что бунтъ вспыхнулъ лишь по освобожденіи Всеслава изъ те́мницы. Лѣтописецъ ясно различаетъ темницу, въ которой былъ заключенъ Всеславъ (погребъ Всеславль) отъ темницы общей, по освобожденіи изъ которой преступниковъ или другихъ виновныхъ изъ среды народа («дружины,» какъ называетъ ихъ, въ лѣтописи, толпа) начался уже бунтъ, такъ что дѣйствительно Изяславъ съ братомъ бѣжали изъ Кіева прежде освобожденія Всеслава.

2) Статья VI, стр. 23 и 24. Дѣлаемое авторомъ объясненіе словъ: «Изяславъ *сватается* со Всеславомъ» очевидно невѣрно, и произошло отъ недостаточнаго знакомства его съ духомъ языка: стоитъ только прочесть въ связи всю относящуюся сюда фразу въ лѣтописи о томъ, какъ Святославъ «возостри Всеволода на Изяслава», чтобы признать вполнѣ основательнымъ значеніе, приданное здѣсь термину «свататься», какъ Словаремъ Россійской Академіи, такъ и Карамзинымъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

—

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ,

УКАЗАНІЯ И НОВОСТИ

ДЛЯ ОБЪЯСНЕНІЯ

БЫТА И ПИСЬМЕННОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

I.

ЗАМѢТКИ О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ ПО СЛАВЯНСКИМЪ ПРЕДАНІЯМЪ.

—

Понятіе о смерти; сонъ и смерть — братья; олицетвореніе смерти; душа и тѣло; тѣни умершихъ; представленіе души — вѣтромъ, бабочкою и птицею; обрядъ крещенія кукушекъ; миѳическое значеніе яйца.

Послѣдній актъ, которымъ завершается земная жизнь человѣка, исполненъ страшнаго и вмѣстѣ таинственнаго значенія. Смерть, постоянно унося новыя жертвы, для оставшихся въ живыхъ поколѣній ничего не открываетъ о той безвѣстной странѣ, куда увлекла ихъ предшественниковъ. Но человѣкъ, по самому свойству своей возвышенной природы, жаждетъ знать о томъ, что будетъ съ нимъ за гробомъ. Мысль о конечномъ уничтоженіи такъ враждебна инстинкту жизни, непосредственно ощущаемому человѣкомъ, что она невольно отстраняется имъ во имя надежды въ *жизнь загробную*, которая составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ во всѣхъ религіяхъ.

Живому не естественно не страшиться смерти, потому что жизнь уже сама по себѣ есть и высочайшее благо и высочайшее наслажденіе, объ исходѣ котораго нельзя думать безъ особеннаго тревожнаго чувства. У всѣхъ народовъ ходитъ много примѣтъ и совершается много обрядовъ, указывающихъ на тотъ страхъ и то опасеніе, съ которыми смотрятъ на все, что напоминаетъ о послѣд-

немъ концѣ. Такъ встрѣча съ похоронами считается предвѣстіемъ несчастія и неудачи; кто прикасался руками къ трупу покойника, тотъ, по народному убѣжденію, не долженъ сѣять, ибо сѣмена, брошенныя его рукою, *омертвѣютъ* и не произрастятъ плода[1]); всѣ присутствовавшіе при погребеніи, возвратясь домой послѣ этого печальнаго обряда, должны приложить свои руки къ очагу, чтобы такимъ образомъ очистить себя отъ зловреднаго вліянія смерти, и проч.

Вмѣстѣ съ *болѣзнями,* особенно повальными, быстро приближающими человѣка къ его кончинѣ, смерть признавалась у язычниковъ *нечистою, злою силою.* Оттого и въ языкѣ, и въ народныхъ повѣрьяхъ она сближается съ понятіями *мрака* и *холода.* Обожая солнечный свѣтъ и разливаемую имъ теплоту, какъ источникъ всякой земной жизни, язычники видѣли, что удаленіе этого свѣта и теплоты и приближеніе нечистой силы мрака и холода убиваетъ и жизнь, и красоту природы. Подобно тому смерть, смежающая очи человѣка, лишаетъ его возможности видѣть дневной свѣтъ, отнимаетъ отъ него ту внутреннюю теплоту, которая прежде согрѣвала охладѣлый его трупъ, и обезображиваетъ лице покойника предшествовавшими болѣзненными страданіями и предсмертною агоніей. Филологи указываютъ на связь корней въ слѣдующихъ рѣченіяхъ, основу которой надо искать въ до-исторической связи выражаемыхъ ими понятій: *смерть, мо(а)рана* или *мо(а)рена* (отъ снкр. *мри* — умираю), marzana, mors, *моръ, морокъ (мракъ), мерекъ (смеркаться)* — чортъ, *морозъ (мразъ), марать, мара* — призракъ, *мары* — носилки для покойниковъ, *смрадъ, смердѣть,* schmerz, *помора* — отрава, *поморщина* — большая смертность [2]). Краледворская рукопись сравниваетъ смерть съ *ночью*, приносящею мракъ, и съ *зимою*, представляющею собой смерть природы. Убитый Властиславъ повалился на землю: wstâti ne možeše;

Morena ici supáše w noc črnu.

(т. е. встать не можетъ: Морена усыпила его въ черную ночь.) Въ другомъ мѣстѣ Краледворской рукописи встрѣчаемъ выраженіе:

---

1) У Римлянъ жрецамъ воспрещалось прикасаться къ мертвому тѣлу. Пропилеи, ч. IV, стр. 211. — 2) Опытъ словаря областн. рѣченій, стр. 111, 169. Deutsche Mythol. ч. 2, стр. 801. Буслаева: «О вліяніи Христіанства на Славян. языкъ», стр. 62. Српски рјечникъ, изд. 1852, стр. 367. Матер. для сравнит. словаря, стр. 410.

«po puti wšci z Vesny po Moranu» — на пути отъ весны до мораны; здѣсь подъ весною разумѣется юность, а подъ словомъ «Морана»: *старость, смерть* и *зима*. Морана представлялась Чехами богинею и смерти и зимы [1]). Встрѣчая весну особеннымъ торжественнымъ празднествомъ, Славяне совершали въ тоже время обрядъ изгнанія смерти или зимы, и повергали въ воду соломенное чучело Мораны [2]). Еще до сихъ поръ весною на Радуницкой недѣлѣ поселяне наши изгоняютъ смерть изъ своего села и для того въ полночь бѣгаютъ съ метлами и кочергами [3]). Обрядъ этотъ напоминаетъ намъ другой, тождественный съ нимъ — обрядъ *опахиванія*, совершаемый въ нашихъ деревняхъ для изгнанія повальныхъ болѣзней: чумы, холеры, коровьей смерти, сопровождаемый звонкими ударами въ тазы, сковороды, косы, крикомъ и громкими возгласами. Вотяки и Черемисы передъ весеннимъ посѣвомъ хлѣба гоняютъ *шайтана:* парни и дѣвки садятся верхами на лошадей, берутъ въ руки зажженныя лучины, бичи, палки, метлы, и съ дикимъ воплемъ начинаютъ скакать по деревнѣ изъ конца въ конецъ, махая метлами и ударяя по хлѣвамъ и угламъ избъ, чтобы шайтанъ не осмѣлился повредить посѣву; потомъ бѣгутъ въ поле и ставятъ двѣ палки, заграждая легкимъ тыномъ въ знакъ того, что шайтанъ прогнанъ [4]). Подобно тому у Литовцевъ друзья умершаго, провожая его тѣло въ могилу, махали въ воздухѣ ножами съ крикомъ: «бѣгите, бѣгите, злые духи«! [5]) — Въ одномъ изъ похоронныхъ причитаній говорится о покойникѣ, что онъ уходитъ туда, гдѣ *солнце померкло и царствуетъ черная зима:* тамъ буду я — говоритъ умершій — *всегда*

---

1) Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія, 1840 г., декабрь, стр. 128, 130 (статья Срезневскаго). — 2) Современикъ 1852 г. № 10, критика. Костомарова: «Славянская миѳологія» стр. 39 и 74. — 3) Сахарова: Сказанія Русск. народа, т. 2, стр. 83. — 4) Записки Александры Фуксъ о Чувашахъ и Черемисахъ Казанск. губерніи. Казань, 1840, стр. 221, 261—2. Вятскія Губ. Вѣдомости 1851, № 25. — 5) Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа, стр. 111. Тоже изганіе дьявола у Евреевъ совершалось на новый годъ (Обряды Еврейскіе. Орелъ, 1830, стр. 179), а въ Персіи въ ноябрѣ: «и возятъ наряднаго мужика, сдѣланъ мѣхомъ да набитъ соломой, и сагадакъ и стрѣлы сдѣланы изъ лучины, а ему ругаются, и плюютъ на него, а жонки плачутъ... а того соломеннаго мужика вывезутъ на поле за городъ и вынесутъ соломы и нефти и сожгутъ, а сами вязьемъ бьются — а то они празднуютъ *клятымъ своимъ*» («О ходу въ Персидское царство» — во Временникѣ, ч. XV, стр. 17—18).

зимовать; лютая змѣя выпьетъ мои очи! [1]) Народное выраженіе: *околѣть* значитъ и озябнуть и умереть, а *истывать* (остынуть) употребляется въ смыслѣ — издыхать [2]).

Если понятіе о смерти сближалось въ доисторическое время съ понятіемъ о ночномъ мракѣ, то также естественно было сблизить его и съ понятіемъ о *снѣ*. Сонъ нераздѣленъ съ временемъ ночи, а заснувшій напоминаетъ умершаго. Подобно мертвецу, онъ смежаетъ свои очи и дѣлается недоступнымъ впечатлѣнію свѣта; остальныя чувства его также чужды внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Смерть и сонъ представляются потому въ миѳологіяхъ различныхъ народовъ явленіями между собою близкими, родственными. Гомеръ называетъ Смерть и Сонъ *близнецами*, а Гезіодъ — чадами *ночи*; какъ Греки, такъ и Римляне признавали Somnus братомъ Смерти. Оба брата, по ихъ мнѣнію, живутъ вмѣстѣ, на западныхъ границахъ міра — при входѣ въ *тартаръ*. Здѣсь Somnus вѣчно лежитъ на маковыхъ цвѣтахъ въ сладкомъ покоѣ, а вокругъ его ложа толпятся легкія сновидѣнія въ неясныхъ образахъ [3]). На такую древнѣйшую связь понятій смерти и сна намекаютъ и наши преданія. Въ народныхъ Русскихъ сказкахъ богатыри, убитые врагами, воскресая при окропленіи ихъ труповъ живою водою, постоянно произносятъ эти слова: *ахъ, какъ же я долго спалъ! — Спать бы тебѣ вѣчнымъ сномъ*, еслибъ не живая вода, отвѣчаетъ добрый товарищъ. Въ современномъ языкѣ выраженіе: *сонъ вѣчный* осталось метафорическимъ названіемъ *смерти;* наоборотъ, *сонъ летаргическій* въ простонародьи называется *обмираньемъ*, во время котораго, по разсказамъ поселянъ, душа оставляетъ тѣло, странствуетъ на томъ свѣтѣ, видитъ рай и адъ и узнаетъ будущность людей [4]). Языкъ засвидѣтельствовалъ близость и родственность понятій сна и смерти до осязательной наглядности. Умер-

1) Отечеств. записки 1851, № 8, стр. 52, стат. Буслаева. — 2) Опытъ обл. Великорус. словаря, стр. 76, 140. — 3) Обзоръ мнѣній древн. о смерти, судьбѣ и жертвоприношеніи, стр. 8 и 27. Deutsche Mythol., ч. 2, стр. 803. Иліада, пѣснь XIV. «Энеида» называетъ адъ жилищемъ тѣней, сна и мрака. Въ Шлезіи склепы съ погребальными урнами называются *пекломъ* (Вѣстн. Евр. 1826, № 3, стр. 210). — 4) Народн. Русс. сказки, вып. 1, № 14 и стр. 127. Москвит. 1846, № 11 и 12, стр 155. Молодикъ на 1844, стр. 88. Потому вѣрятъ, что обмиравшіе могутъ предсказывать: этимъ суевѣріемъ пользуются иногда хитрецы ради собственныхъ интересовъ. (Воронежск. Губернск. Вѣдомости 1850, № 20).

шихъ называютъ *усопшими (успшими, успеніе)* отъ глагола *спать*, *усыпить*, т. е. ихъ буквально называютъ уснувшими; подобно тому въ Смоленской губерніи мертвецы называются *жмурики* (отъ глагола *жмурить* — закрывать глаза), т. е. сомкнувшіе свои очи. Въ Архангельской губерніи существуетъ повѣрье: кто засыпаетъ тотчасъ, какъ ляжетъ въ постель, тотъ долго не проживетъ [1]). Въ вышеприведенномъ мѣстѣ Краледворской рукописи сказано, что Морена *усыпила* Власлава. Слово *отемнѣть* употребляется въ народномъ говорѣ въ смыслѣ: ослѣпнуть и умереть; согласно съ этимъ свидѣтельствомъ языка, упырей (упырями зовутъ мертвецовъ, являющихся по смерти) большею частію представляютъ *слѣпыми*. Какъ сонъ сближается съ смертію, такъ наоборотъ бодрствованіе уподобляется жизни; поэтому *жилой* означаетъ — неспящаго, напримѣръ: «мы пріѣхали *на жилыхъ*», т. е. мы пріѣхали, когда еще не спали; глаголъ *жить* употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ значеніи: бодрствовать, не спать [2]). Въ причитаніяхъ, обращаемыхъ къ покойникамъ, слышатся такія выраженія: «и вы, наши роднинькіе, встаньте, *пробудитесь*, поглядите на насъ!» или: «пришли-то мы на твое жицьіо вѣковѣшноіо, ужъ *побудзиць*-то пришли *отъ сна крѣпкова*» [3]).

Эти данныя, свидѣтельствующія о братствѣ сна и смерти, и то вѣрованіе, по которому душа во время сна можетъ оставлять тѣло и блуждать въ иномъ мірѣ и видѣть тамъ все тайное, послужили основаніемъ, почему сновидѣніямъ придано вѣщее значеніе. Для живой и впечатлительной фантазіи первобытнаго человѣка, видѣнное во снѣ не могло не имѣть прямаго отношенія къ дѣйствительности, среди которой такъ много было для него непонятнаго, таинственнаго, исполненнаго высшей священной силы. Онъ призналъ въ сновидѣніяхъ тоже участіе божества, какое признавалъ въ гаданіяхъ и оракулахъ. У древнихъ по случаю благопріятныхъ сновидѣній совершались празднества, а по случаю

---

1) Тоже говорятъ о томъ, кто спитъ не закрывая глазъ, или какъ бы отдувая отъ себя что (Этнограф. Сборникъ, вып. 1, стр. 168). — 2) Опытъ словаря областн. Великорус. рѣченій, стр. 57—58. Вѣстн. Русск. Географ. Общества 1852, ч. V, стр. 59. Маякъ 1844, т. XIII, стр. 44—58. — 3) Сахарова: Сказан. Русск. народа, т. 2, стр. 23 (Дневн.). Терещенко: Бытъ Русск. народа, ч. 3, стр. 102. Этнограф. Сборникъ, вып. 1, стр. 161.

страшныхъ — очищенія [1]). Славяне до сихъ поръ сохранили вѣру въ вѣщій смыслъ сновидѣній; такихъ, которые бы, по примѣру сказочнаго богатыря Василія Буслаевича, не вѣрили ни въ сонъ, ни въ чохъ, а вѣрили бъ только въ свой червленный вязъ [2]), въ старое время бывало немного. У Черногорцевъ если жена видѣла во снѣ, что мужъ ея подвергнулся какой-либо опасности, то этотъ послѣдній непремѣнно отложитъ задуманное имъ предпріятіе [3]). Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ есть нѣсколько прекрасныхъ поэтическихъ разсказовъ, содержаніемъ которыхъ служитъ «вѣра въ сонъ». Приведемъ примѣры:

Какъ по той-ли рѣкѣ Волгѣ-матушкѣ,
Тамъ плыветъ, гребетъ легкая лодочка.
Хорошо лодка разукрашена,
Пушкамъ, ружьицамъ изстановлена;
На кормѣ сидитъ ассаулъ съ багромъ,
На носу стоитъ атаманъ съ ружьемъ,
По краямъ лодки добры молодцы,
Добры молодцы — все разбойнички;
Посередь лодки да и бѣлъ шатеръ,
Подъ шатромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица,
Ассаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница.
Она плакала, заливалася;
Во слезахъ она слово молвила:
Нехорошъ вишь сонъ ей привидѣлся —
Расплеталася коса русая,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, Ярославская,
Растаялъ мой золотъ перстень,
Выкатался дорогой камень:
Атаману быть застрѣлену,
Ассаулу быть поиману,
Добрымъ молодцамъ быть повѣшеннымъ,
А и мнѣ-то, красной дѣвицѣ,
Во тюрмѣ сидѣть, во неволюшкѣ 4).

---

1) Обзоръ мнѣній древн. о смерти, судьбѣ и жертвопр., стр. 27. — 2) Древн. русск. стихотворенія, стр. 169. — 3) Броневскаго: Записки морск. офицера, ч. 3, стр. 277. — 4) Записана со словъ; смотри варіанты у Сахарова (Сказ. Рус. народа, ч. 1, стр. 204 и 224). Потеря обручальнаго кольца, по народной примѣтѣ, — худой знакъ.

Другая пѣсня:

Охъ ты, мать моя, матушка,
Что севоднешну ноченьку
Нехорошъ сонъ мнѣ видѣлся:
Какъ у насъ на широкомъ дворѣ
Что пустая хоромина:
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися;
На печищѣ котище лежитъ,
По полу ходитъ гусыня,
А по лавочкамъ голуби.
По окошечкамъ ласточки,
Впереди младъ ясенъ соколъ.

Пустая хоромина — чужая сторона; углы опали и бревна раскатились—родъ-племя отступились; котъ—свекоръ, гусыня—свекровь, голуби — деверья, ласточки — золовки, а ясенъ соколъ — женихъ [1]). Въ Словѣ о полку Игоревѣ встрѣчается слѣдующій разсказъ о вѣщемъ снѣ князя Святослава: «а Святъславь мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ «на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чръною па«поломою, на кроваты тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ тру«домь смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ «великый женчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя; уже дьскы безъ кнѣса «в моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю нощь съ вечера босуви «врани възграяху» [2]). Тотъ же предвѣщательный смыслъ придается сновидѣніямъ и въ скандинавскихъ сагахъ, и въ Нибелунгахъ, и въ Одиссеѣ (пѣснь XIX).

И смерть и сонъ признаваемы были Славянами, какъ и другими индоевропейскими народами, за живыя миѳическія существа, которымъ народная фантазія придала особыя олицетворенія. Согласно съ злобнымъ характеромъ смерти, на которую (по пословицѣ),

---

1) Отечеств. Записки 1851, № 7, стр. 41, стат. Буслаева. См. Српске пjесме, кн. 2, № 47. Бѣлорус. пѣсни Е. П., стр. 52, и пѣсни въ Вѣстн. Европы 1818, № 2, стр 50—52. Приснился ему дивный сонъ — говоритъ пѣсня — упали на его домъ пчелы, а на подворье звѣзда, и выпорхнула со двора кукушка. Пчелы вѣщаютъ слезы, звѣзда — рожденіе дитяти, а отлетъ кукушки — смерть матери. Есть пословица: «страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ»! — 2) Русск. достопамятн., ч. 3, стр. 116—122. Вѣщій сонъ Святослава состоитъ изъ примѣтъ: черный покровъ и карканье ворона — дурное предзнаменованіе; теремъ безъ кнѣса означаетъ лишеніе членовъ семейства, жемчугъ — слезы (Журн. М. Нар. Просвѣщ. 1836 г., т. X, стр. 466, стат. Максимовича.)

какъ на солнце, во всѣ глаза не взглянешь, и отъ которой нельзя ни откупиться, ни отмолиться [1]), она представлялась въ образѣ устрашающемъ. Въ одной Сербской рукописи встрѣчаются пять заговоровъ противъ *нежита* или смерти (существительное *нежитъ* — отъ слова *жить*, съ отрицательною частицею *не* [2]). Въ одномъ изъ нихъ сказано: «сходещю нежиту отъ сухаго мо-«ра(я)... Камо идеши, нежите? рече нежитъ: сѣмо иду въ чльвѣчю «главу мозга срѣчати, челюсти прѣломати, зубы ихь ронити, шіе «ихь кривити и уши ихь оглушити, очи ихь слѣпити, носа гугьнати, «крьве ихь проліяти, вѣка ихь исушити, устьнь ихь кривити и «удовь ихь раслабити, жиль ихь умртвити, тѣла изьмьждати, лѣ-«поту ихь измѣнити, бѣсомь мучити е» [3]). По Славянскому повѣрью, нечистый духъ *Мара* носитъ свою голову подъ рукою и блуждаетъ *ночью* подъ окнами избъ, произнося имена хозяевъ и домашнихъ: кто изъ нихъ отзовется на голосъ Мары, тотъ умретъ; или Мара садится *ночью* на человѣка и душитъ его. Къ опаснобольному приходитъ Смерть и становится около его постели: если она станетъ у изголовья, то больной выздоровѣетъ; а если у ногъ, и будетъ заглядывать ему въ глаза, то непремѣнно умретъ [4]). Коровью смерть (чуму) простолюдины наши представляютъ безобразною старухою, у которой руки — *граблями*. Смерть надѣляютъ всегда *косою:* она коситъ человѣческія жизни, какъ траву, и загребаетъ ихъ своими граблями [5]). У другихъ Славянскихъ племенъ (Сербовъ, Поляковъ, Словаковъ и южныхъ Славянъ) и въ Литвѣ встрѣчаемъ такое олицетвореніе чумы или моровой язвы [6]): это женщина огромнаго роста, съ распущенными косами, одѣтая въ бѣлую одежду (у Литовцевъ — въ черную). Она разъѣзжаетъ по свѣту въ повозкѣ или заставляетъ какого-нибудь человѣка носить себя по городамъ и селамъ, и *вѣетъ* изъ своей костлявой руки *краснымъ* или *огненнымъ* платкомъ на четыре стороны — и

---

1) Вѣстн. Русск. Географич. Общества 1852, ч. V, стр. 39. — 2) Между другими суевѣріями Іоаннъ Экзархъ Болгарскій упоминаетъ и о *нежитѣхъ*, исходящихъ изъ пустыни. — 3) Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т. 2. полов. 2, стр. 39—40 (статья Буслаева о пословицахъ). — 4) Маякъ 1843, т. VIII, стр. 64; 1844, т. XIII, стр. 49—58, 75 (Боричевскаго). — 5) Сахарова: Сказан. Рус. народа, т. 2 (Дневникъ), стр. 10—11. Записки о южной Россіи, изд. Кулишъ, т. 1, стр. 305. На лубочныхъ картинахъ Смерть изображается въ видѣ скелета съ косою. — 6) Извѣстно, что повальныя болѣзни (моръ) отождествлялись въ эпоху язычества съ смертію.

все кругомъ умираетъ. Иногда она просовываетъ свою руку въ окно или дверь избы и *махаетъ* платкомъ, навѣвая на семью заразу и смерть [1]). Тоже представленіе было соединяемо и съ холерою [2]).

Слѣды олицетворенія сна замѣчаемъ въ колыбельной пѣснѣ::

Ой ходить Сонъ по улоньцѣ,
Въ бѣлесонькôй кошулоньцѣ;
Слоняеться, тыняеться,
Госпóдоньки пытаеться... [3])

Страшная, но неотразимая сила смерти увлекала все живущее въ иной, безвѣстный міръ, гдѣ начиналась новая жизнь. Праздники въ честь умершихъ, возліянія и приношенія на ихъ могилы, вѣра въ явленіе мертвецовъ и множество другихъ преданій ясно свидѣтельствуютъ, что Славяне имѣли довольно опредѣлившіяся и подробныя представленія о загробной жизни.

Прежде всего укажемъ на тотъ многозначительный фактъ, что въ области языческихъ вѣрованій Славянъ *душа* признавалась какъ нѣчто отдѣльное отъ *тѣла*, имѣющее свое самостоятельное бытіе. По ихъ представленіямъ, душа еще во время жизни человѣка могла разставаться съ тѣломъ и потомъ снова возвращаться къ нему: такое удаленіе души преимущественно совершалось *во время сна*. У Черногорцевъ и Сербовъ есть повѣрье о *вѣдогоняхъ*. Это — духъ, обитающій въ человѣкѣ и животныхъ. Каждый человѣкъ имѣетъ своего вѣдогоня. Когда человѣкъ или животное засыпаетъ, то вѣдогонь оставляетъ тѣло и сторожитъ его отъ всякаго колдовства и отъ враговъ. Вѣдогони часто дерутся между собою, и если кто-нибудь изъ нихъ будетъ убитъ, то человѣкъ или животное, вѣдогонь котораго погибла въ дракѣ, тотчасъ же умираетъ во снѣ. Если воинъ умретъ во снѣ передъ битвою, то говорятъ, что вѣдогонь его дралась съ непріятелями и убита. Колдуны и колдуньи, погружаясь въ сонъ, могутъ выпускать изъ себя какое-то демоническое существо, т. е. душу, которая принимаетъ раз-

---

1) О связи повальныхъ болѣзней и смерти съ вѣтромъ смотри въ моей статьѣ: «Зооморф. божества у Славянъ» (Отеч. Зап. 1852, № 1, стр. 9—10). Повальныя болѣзни называются *повѣтріемъ*. — 2) Боричевскаго: Повѣсти и предан. народовъ Славянск. племени, стр 83—87, 176—7. Иллюстрація 1848 г., № 28 (Литовскія и Жмудскія преданія). — 3) Сборникъ Украин. пѣсенъ, стр. 101.

личные образы и носится по свѣту, при чемъ тѣло, оставленное душею, лежитъ совершенно мертвымъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ Сербскія преданія [1]) и одно любопытное показаніе стариннаго памятника, который, въ числѣ другихъ чародѣйствъ, упоминаетъ о слѣдующемъ: «*тѣло свое хранитъ мертво*, и летаетъ «орломъ и ястребомъ и ворономъ и дятлемъ, рыщутъ лютымъ «звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ «рысію и медвѣдемъ» [2]). И во время обмиранья или летаргическаго сна душа, по нашему народному суевѣрію, покидаетъ тѣло и странствуетъ на томъ свѣтѣ. Такимъ образомъ тѣло представлялось какъ бы жилищемъ живаго духа, тою временною оболочкою, въ которую онъ заключался при рожденіи дитяти и которую покидалъ при кончинѣ человѣка, когда, по словамъ стариннаго проповѣдника, «нужею страшною душа отъ тѣлеси изидетъ и ста«нетъ одержима душа зрящи на *свое тѣло, якоже бо кто изъволокся изъ ризы своея и потомъ сталъ бы зря ея»* [3]).

У всѣхъ индо-европейскихъ народовъ находимъ древнѣйшее представленіе мертвецовъ *тѣнями*, легкими какъ воздухъ, съ которымъ они внезапно появляются и исчезаютъ, и неуловимыми для осязанія. Человѣкъ умираетъ, тѣло его распадается въ прахъ, и только въ сердцахъ знакомыхъ ему, родныхъ и друзей живетъ воспоминаніе объ умершемъ, его лицѣ, пріемахъ, привычкахъ и прошлой жизни: это тотъ безтѣлесный образъ, который творитъ наше воображеніе объ отсутствующихъ и умершихъ и который съ теченіемъ всеистребляющаго времени становится блѣднѣе и блѣднѣе. Образъ умершаго живетъ въ нашей памяти, которая можетъ вызывать его предъ наши внутреннія очи; но образъ этотъ не болѣе какъ тѣнь нѣкогда живаго и близкаго намъ человѣка. Вотъ основа языческаго представленія умершихъ — безтѣлесными воздушными видѣніями, легкими призраками, тѣнями. Древніе думали, что друзья и родственники по смерти своей яв-

---

1) Попова: Путешествіе въ Черногорію, стр. 221. Српски рјечникъ, изд. 1852, стр. 66—67, 251. Отечеств. Зап. 1851, № 7, стр. 9. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1840 г. декабрь, стр. 141 (о Краледворск. рукописи). — 2) Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, стр. 211. — 3) Памятники Слов. XII. столѣтія, стр. 94. Таже мысль поэтически выражена въ народномъ стихѣ о разставаніи души съ тѣломъ (Чтен. О. И. и Др. Росс., годъ 3, № 9, стр. 209).

ляются къ постели близкаго имъ человѣка, чтобы онъ въ сновидѣніяхъ могъ проводить съ ними время [1]). Лѣтописецъ нашъ, разсказывая о томъ, какъ Полочане были избиваемы мертвецами (навье) [2]), изображаетъ послѣднихъ неуловимыми для взора привидѣніями [3]). Между русскими простолюдинами до сихъ поръ удержались слѣдующія повѣрья: если на сочельникъ, когда станутъ ѣсть *кутью*, не будетъ замѣтно чьей-либо изъ присутствующихъ *тѣни*, тотъ, значитъ, въ скоромъ времени *умретъ*. Кто послѣ трехъ-дневнаго поста отправится въ ночь наканунѣ родительской (поминальной) субботы на кладбище, тотъ увидитъ тамъ *тѣни тѣхъ, кому суждено умереть въ продолженіе года* [4]). Въ числѣ другихъ чародѣйныхъ способовъ порчи употребляется заговоръ *на тѣнь*. Если приколоть къ землѣ *тѣнь*, падающую отъ колдуна, вѣдьмы или оборотня, то они теряютъ свою силу и будутъ молить о пощадѣ. Есть народный разсказъ о томъ, какъ нечистая сила завладѣла тѣнью одного человѣка, который страдалъ до тѣхъ поръ, пока не возвратилъ своей тѣни назадъ. Многіе еще теперь не рѣшаются снять свой *силуэтъ*, опасаясь суевѣрной примѣты, по которой снявшій съ себя силуэтъ долженъ умереть въ теченіе года; другіе запрещаютъ дѣтямъ смотрѣтъ *на свою тѣнь* и *на свое изображеніе въ зеркалѣ:* иначе сонъ ребенка будетъ безпокоенъ и можетъ случиться несчастіе. Когда кто умретъ, то *зеркала* обыкновенно занавѣшиваются, чтобы покойникъ не могъ смотрѣться въ нихъ. У раскольниковъ зеркало — вещь запретная, созданная по ихъ мнѣнію дьяволомъ. *Разбитое зеркало* предвѣщаетъ чью-либо смерть въ домѣ. Зеркало отражаетъ образъ человѣка такъ же, какъ и гладкая поверхность воды, а по Сербскому вѣрованію человѣкъ, смотрясь въ воду, можетъ увидѣть въ ней свой смертный часъ [5]).

---

1) Тѣнь Патрокла явилась во снѣ Ахиллесу (Иліада, пѣснь XXIII.) — 2) Уже средній родъ этого слова указываетъ на что-то безличное, лишенное сущности человѣческой природы. — 3) Полное Собр. Лѣтописей, т. 1, стр. 92. — 4) Маякъ 1844 г., т. XIV (Бѣлорус. повѣрья.). Иллюстр. годъ 2, стр. 262 (стат. Даля). Въ полночь на Ивана-Купалу встаютъ изъ гробовъ тѣни умершихъ. (Очерки Россіи Пассека, кн. 1, стр. 105). — 5) Воронежск. Губерн. Вѣдомости 1851, № 13. Архивъ историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, т. 2. полов. 2, стр. 10—14 (стат. Буслаева). Иллюстр. 1846, стр. 344 (стат. Даля). По суевѣрному преданію, принадлежавшіе къ масонскимъ ложамъ

Душа человѣческая, разставшаяся съ тѣломъ, представлялась Славянами-язычниками въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: она представлялась и *огнемъ*, и *звѣздою* (о чемъ уже было подробно сказано во 2 т. Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, въ статьѣ: О значеніи Рода и Рожаницъ), и *вѣтромъ*, и *бабочкою*, и *птицею*, — могла переселяться въ царства *растительное* и *животное*, являться *карликомъ* и *русалкою*.

Языкъ сблизилъ понятіе о душѣ съ идеею вѣтра, что довольно наглядно видно изъ перехода звуковъ въ слѣдующихъ словахъ, происходящихъ отъ однаго корня: *душа, дышать, воз(вз)дыхать, д(ы)хнуть, духъ, дуть, дуновеніе, духомъ* — быстро, скоро, *воздухъ, вз-дохъ* [1]). Въ другихъ языкахъ также придаются душѣ названія отъ воздуха, вѣтра, бури: латинск. animus и anima, греч. ἄνεμος, отъ санскр. *ан*—дуть, *анила*—вѣтръ [2]). Въ язычествѣ вѣтры понимались, какъ *дыханіе* божества; Галицкая поговорка: «вѣтръ — божій духъ» находитъ подтвержденіе въ Русскомъ стихѣ о Голубиной Книгѣ, по сказанію котораго вѣтры произошли отъ свята духа. Когда вѣтръ срываетъ съ деревъ листья, и они, колеблясь, несутся по воздуху, то причиною этого, по увѣренію Черногорцевъ, бываютъ сражающіяся между собою *вѣдогони* (души) [3]). Очевидно, что представленіе души тѣсно связывалось съ обоготворенною въ язычествѣ стихіею воздуха и вѣтровъ, что совершенно согласно съ тѣмъ физіологическимъ явленіемъ, по которому жизнь человѣка необходимо условливается вдыханіемъ въ себя воздуха. Въ южной Сибири грудь и легкія называются *вздухи* [4]). Глаголы *издыхать, задушить, задохнуться*, означаютъ: умереть, т. е. потерять способность вдыхать въ себя воздухъ, безъ чего жизнь дѣлается невозможною. Объ умершемъ говорятъ: «онъ испустилъ послѣднее дыханіе» или «послѣдній духъ»! На оборотъ, глаголъ

оставляли въ обществѣ свои *портреты* и если кто измѣнялъ, то стрѣляли въ его портретъ — и онъ тотчасъ же умиралъ, гдѣ бы ни находился. — 1) Сравни переходъ звуковъ *у* и *ы* въ словахъ: *слухъ* и *слышать*. — 2) Буслаева: О вліяніи Христ. на Славянск. языкъ, стр. 67. — 3) Попова: Путешествіе въ Черногорію, стр. 221. Архивъ историко-юрид. свѣдѣній, т. 2, полов. 2, стр. 44. — 4) Простолюдины полагаютъ, что душа заключена въ дыхательномъ горлѣ, перерѣзаніе котораго прекращаетъ жизнь (Ж. М. Нар. Просв. 1836, т. X, стр. 464, статья Максимовича).

отдышать (*отдо́хнуть*) употребляется въ народной рѣчи въ смыслѣ: выздоровѣть, возвратиться къ жизни [1].

Въ отдаленное время язычества вѣтрамъ придавался миѳическій образъ птицы; отъ взмаха ея крыльевъ рождались вихри и бури [2]). Душа человѣческая уподоблялась вѣтру; разставаясь съ тѣломъ, она могла принять тотъ же образъ, какой придавался вѣтру. Это одно основаніе, почему душа представлялась *птицею*. Но было еще другое болѣе значительное основаніе: послѣ смерти человѣка душа его начинала новую, загробную, жизнь; кромѣ естественнаго рожденія, когда человѣкъ является на свѣтъ съ живою душою, эта послѣдняя какъ бы снова, въ другой разъ, рождается къ иной жизни — замогильной. Оставивъ тѣлесную оболочку, она должна принять новую форму. Съ нею, по мнѣнію наблюдательнаго, но младенчески-неразвитаго язычника, должна была совершиться та же метаморфоза, какая замѣчается въ животномъ царствѣ. Фантазія воспользовалась двумя наглядными сравненіями: a) разъ рожденный червякъ, умирая, вновь воскресаетъ въ видѣ легкой крылатой *бабочки* (*мотылька*); b) *птица*, рождаемая первоначально въ формѣ яйца, вылупливается потомъ изъ него цыпленкомъ, какъ бы рождаясь въ другой разъ. Это обстоятельство послужило поводомъ, почему птица въ санскритѣ прямо названа *двиджа* (дваждырожденная) [3]); тотъ же взглядъ замѣчается въ нашихъ народныхъ загадкахъ: «*двичи родится*, а разъ помира» [4]), или *дважды родится*, ни разу не кстится» (Переяславль-Залѣск. уѣзда) — значитъ *птица*; «*два раза родится*, ни разу не крестится; а чортъ его боится» (Новгородск. губ.) — значитъ *пѣтухъ*.

И бабочка и птица дали свои образы для олицетворенія души человѣческой. Въ Ярославской губерніи мотылекъ называется *душичка* [5]). Въ Херсонской губерніи простолюдины вѣрятъ, что душа умершаго является къ роднымъ, если они не подаютъ милостины, въ видѣ мотылька и вьется вокругъ свѣчки; почему родственники на другой же день кормятъ нищихъ для успокоенія души

---

1) Опытъ словаря областн. Великорус. рѣченій, стр. 146. — 2) Отечеств. Записки 1851, № 1, стр. 3, 6—7 («Зооморѳич. божества у Славянъ»). — 3) Отечеств. Зап. 1852, № 11, критика, стр. 36. — 4) Малорусск. и Галицк. загадки, Сементовскаго, стр. 29. — 5) Опытъ словаря обл. Великорус. рѣченій, стр. 52.

умершаго [1]). У Сербовъ есть повѣрье, что душа колдуньи излетаетъ изъ нея во время сна въ видѣ *бабочки*; потому *вѣшта* (вѣщая) означаетъ и колдунью и бабочку. Слово о полку Игоревѣ придаетъ душѣ эпитетъ *вѣщей*. Летающую ввечеру бабочку Сербы принимаютъ за душу чародѣйки (вiештицы) [2]). Греки представляли смерть съ погасшимъ факеломъ и вѣнкомъ, на которомъ сидѣла бабочка: факелъ означалъ угасшую жизнь, а бабочка — душу, покинувшую тѣло. Въ древнія времена на гробницахъ изображалась бабочка, какъ эмблема воскресенія въ новую жизнь [3]).

О душѣ-птицѣ у насъ сохранились довольно живыя преданія. По мнѣнію поселянъ, душа умершаго, послѣ разлуки своей съ тѣломъ, до шести недѣль остается въ семъ мірѣ. Родственники ставятъ для нея на окнѣ или на столѣ чашку со святою или свѣжею водою и вѣшаютъ полотенце, чтобы исшедшая душа омылась (искупалась), отерлась полотенцемъ и, *улетая* въ окно, могла явиться предъ Богомъ чистою (Нижегород. и Астрах. губ.) [4]). Воду эту, по возвращеніи съ похоронъ, переставляютъ иногда на покутъ, подстилая подъ нее кусокъ холста, и въ продолженіе шести недѣль ее перемѣняютъ каждый вечеръ; кромѣ того, кладутъ на столъ или на окна хлѣбъ-соль и коливо, полагая, что душа въ это время *прилетаетъ* въ избу пить и ѣсть [5]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ родственники умершаго втыкаютъ въ наружную стѣну или уголъ дома палку съ кускомъ полотна, чтобы душа покойника, блуждающая около прежняго своего жилья, могла отдохнуть на вывѣшенномъ полотнѣ: она *прилетаетъ* сюда, плачетъ и утираетъ свои слезы (Курск. и Тверск. губ.). Въ поминальные дни

---

1) Херсон. Губ. Вѣдомости, 1852, № 12. — 2) Српски рjечникъ, Караджича, стр. 66—67. Буслаева: Объ Эпическ. поэзіи (Отеч. Зап. 1851, № 7, стр. 9). Русск. достопамятн., ч. 3, стр. 200. У насъ *вѣщица*: и колдунья, и сорока, въ которую колдуньи любятъ обращаться. — 3) Deutsche Mythol., ч 2, стр. 789. Обзоръ мнѣній древн. о смерти, судьбѣ и жертвопр., стр. 9, 20. — 4) Повѣрье, основанное на вѣрѣ въ *очистительное* значеніе воды. Когда душа омывается, то бываетъ примѣтно, какъ колышется въ чашкѣ вода. По другому народному объясненію, душа, утомленная борьбою во время предсмертной агоніи, спѣшитъ утолить поставленною водою свою жажду. Маякъ, 1844, т. XV. Авдѣевой: Записки о старомъ и нов. бытѣ, стр. 122—3. — 5) Воронеж. Губ. Вѣдом. 1851, № 2. Маякъ 1843, т. 12, стр. 7.

первый испеченный блинъ кладется къ божницѣ (къ иконамъ) или на слуховое окно; вмѣстѣ съ блиномъ ставятъ туда чашку воды. Душа, присутствующая при поминкахъ, выкупается въ этой водѣ, закуситъ блиномъ и *улетитъ* [1]). Въ Кіевской губерніи вѣрятъ, что душа некрещеннаго младенца, прежде, нежели превратится въ русалку, семь лѣтъ *летаетъ* надъ землею [2]). Въ языкѣ нашемъ есть такое выраженіе объ умершемъ: «его душа *отлетѣла* въ иной міръ»! Краледворская рукопись свидѣтельствуетъ о томъ же представленіи; она разсказываетъ, что души покойниковъ порхаютъ по деревьямъ, вмѣстѣ съ птицами, пока не будутъ сожжены трупы:

Tamo i viele duš tiekà
Siemo tamo po dřevech.
I ich boié sie ptactvo i plachý zvieř,
Jedno sovy ne boié sie.

(т. е. тамъ много душъ утекло (носятся) туда-сюда по деревьямъ. Боятся ихъ птицы и пугливый звѣрь; только совы ихъ не боятся.) Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Нѣтъ юноши! напалъ на него лютой врагъ, ударилъ въ грудь тяжкимъ молотомъ,

Vyrazi z iunoše dušu, dušicu!
Sie *vyletie* pieknym táhlým hrdlem,
Z hrdla krásnýma rtoma.

(Исторгъ изъ юноши душу-душеньку! она вылетѣла прекрасною длинною гортанью, изъ гортани румяными устами). Тоже говоритъ Краледворская рукопись и о сраженномъ Властавѣ:

Ai, a vyide duša z řwúcéi huby,
Vyletie na drvo, a po drvech
Siemo tamo, doniž mrtew nezzen.

(Вотъ и вышла душа изъ стенящихъ устъ, взлетѣла на дерево и (порхаетъ) по деревьямъ туда-сюда, пока не сожгли мертвеца [3]).

---

1) Иллюстрац. годъ 2, стр. 648. Отеч. Зап. 1848 г., т. 56. Смѣсь, стр. 205. — 2) Кіевскія Губ. Вѣдомости, 1845, № 15. Прибавленія. — 3) Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., 1840, декабрь, статья Срезневскаго, стр. 128, 133—5. Слово о полку говоритъ, что князь Изяславъ изронилъ душу изъ храбраго тѣла чрезъ злато ожерелье (Достоп. Русск. т. 3, стр. 180). Народные стихи говорятъ объ изъятіи души изъ тѣла — въ сахарныя уста (Чт. Общ. И. и Др. Росс., годъ 3, № 9, стр. 20). О полетахъ душй см. Српски рјечникъ Вука Стеф. Караджича, стр. 251 (једогонья).

Выраженія эти, говорящія о полетѣ душъ, намекаютъ на древнѣйшее представленіе души птицею. Такой намекъ получаетъ особенную силу при положительномъ свидѣтельствѣ другихъ сохранившихся въ народѣ повѣрій. Въ уѣздахъ Мосальскомъ и Жиздренскомъ въ теченіе шести недѣль послѣ чьей-либо смерти стелютъ на окно бѣлое полотенце, выпуская конецъ его на улицу, а на полотенце кладутъ хлѣбъ, вѣря, что *душа покойника есть та птица, которая станетъ прилетать* и ѣсть положенный хлѣбъ [1]). Г. Кулишъ записалъ превосходный разсказъ о томъ, какъ обмирала одна старуха: «якъ прийшла вже мині година «вмира́ти (говорила обмиравшая), то Смерть и ста̀ла съ косо́ю «въ мене въ ногахъ. Якъ ста̀ла, то но́ги такъ и похоло̀ли... Якъ «замахнѐ косо́ю, то *душа́ тільќо пу́рхъ! такъ якъ пта́шка ви̂«летіла та й полетіла, полетіла* по хаті, и сіла въ кутку́ на «ѐбразі, підъ самою сте́лею. А гріхи́ стали на поро́зі та й не «пускають души съ хати. Отъ, я ба̀чу, що нікуди вийти; дивлю́сь, «ажъ вікнѐ очи́нене. *Я — пу́рхъ у вікно́!* и пішла, пішла по́лемъ. «Лѐгко та лю̀бо мині такъ, *мовъ за́разъ на світъ народи́лась*» [2]). Малороссіяне вѣрятъ, что душа покойника въ продолженіе сорока дней *летаетъ* съ ангеломъ въ невѣдомомъ мірѣ, являясь каждую ночь въ свой домъ, гдѣ она, въ видѣ *голубки*, купается въ нарочно-поставленной водѣ [3]). *Голубь* изображался на гробницахъ, какъ символъ отлетѣвшей души; у нѣмецкихъ Славянъ есть преданіе о сѣтующихъ на могилѣ голубяхъ. У Черногорцевъ *душу* прямо называютъ *голубкою* (*голубицею*) [4]). Въ похоронныхъ или надгробныхъ причитаніяхъ слышатся такія поэтическія обращенія къ милымъ родственному сердцу покойникамъ: «та прилизь же ты до мене, мій братику, хоть *сивымъ голубемъ*, хоть *яснымъ соколомъ*, хоть *билымъ либидемъ*» [5]), или: «*прилетай* ко мнѣ хоть *кукушечкой*, прокукуй мнѣ свою волюшку»! (Тамбовск. губ.). Сирота-невѣста, обращаясь къ умершимъ родителямъ съ обычнымъ обрядовымъ причитаніемъ, голоситъ: «возстань, кормилецъ-ба-

---

1) Изъ матеріаловъ Русскаго Географическаго Общества. — 2) Записки о южной Руси, т. 1, стр. 305—6. Москвит. 1846, № 11 и 12, стр. 152. — 3) Воронеж. Губерн. Вѣдомости 1851 г., № 2. — 4) Буслаева: О вліяніи Христ. на Слав. языкъ, стр. 71—72, 105. Вѣстникъ Европы 1827 г., № 14, стр. 148—9. Die Wissenschaft des Slaw. Mythus, Гануша, стр. 319. — 5) Воронежск. Губерн. Вѣдомости 1851 г., № 2.

тюшка, распечатай свои уста сахарныя, попроси у Господа Бога *златы крылушки*, *прилети* на свадебку, благослови»! (Тверск. губ.). Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій, говоритъ о полетѣ души орломъ, ястребомъ, ворономъ и дятломъ.

Дѣйствительно, преданія Славянъ, подобно преданіямъ другихъ народовъ, сохранили довольно разсказовъ о превращеніи душъ умершихъ въ *птицъ*, въ образѣ которыхъ онѣ навѣщаютъ своихъ родичей. Какъ скоро душа оставляетъ тѣло, она, смотря по характеру своей земной жизни, принимаетъ видъ *бѣлаго голубя* или *чернаго ворона* [1]). Польская легенда разсказываетъ, что каждый членъ рода Гербуртъ обращался по смерти въ *орла*, а перворожденная дочь дома Пилецкихъ превращалась въ *голубку*, если умирала до брака, и въ *сову*, если умирала по замужствѣ. Есть еще легенда: разбойникъ Мадей, терзаемый ужасомъ грядущаго наказанія на томъ свѣтѣ, обрекъ себя на покаяніе; онъ воткнулъ въ землю свою палицу и преклонилъ колѣна съ обѣтомъ не сходить съ мѣста, пока милосердіе Божіе не отпуститъ ему грѣховъ. Долго оплакивалъ онъ свои злодѣянія, палица разрослась въ вѣтвистое дерево и стояла осыпанная яблоками, и по мѣрѣ того, какъ небо разрѣшало грѣхи Мадея, яблоки одно за другимъ превращались въ *бѣлыхъ голубей* и улетали: эти голуби были души убитыхъ разбойникомъ. Осталось только одно яблоко: то была душа отца Мадеева, котораго замучилъ онъ страшнымъ образомъ. Наконецъ и оно превратилось въ сизаго голубя, который исчезъ вслѣдъ за другими [2]). Одна малороссійская пѣсня говоритъ о томъ, какъ душа убитаго мужа прилетала къ плачущей женѣ въ видѣ *павлина* [3]); въ нѣмецкой сказкѣ мальчикъ, убитый мачихою, оборачивается прекраснoперою птичкою, которая, прилетая къ своему дому, пѣла: меня мачиха убила, сестра схоронила — и я сталъ чудесною птичкой! — слова, одинаковыя съ тѣми, которыя въ русской сказкѣ наигрываются дудкою, сдѣланною изъ тростника,

---

1) Норка: Andeutungen eines Systems der Mythol., стр. 239—240. О превращеніи души въ птицу смотри Српски рјечникъ (1852 г.), стр. 66: «вiештица». — 2) Гримма: Deutsche Mythol., т. 2, стр. 788. Боричевскаго: Повѣсти и предан. народовъ Славянск. племени, стр. 134—5. Сличи съ указаніемъ Краледворской рукописи о душахъ, летающихъ съ птицами по деревьямъ. Русск. Вѣстн. 1842, № 5 и 6, стр. 123. — 3) Костомарова: Славянск. миѳологія, стр. 66—67.

выросшаго на могилѣ убитаго сестрами брата [1]). О представленіи душъ птицами у Германцевъ осталось много преданій [2]). У Литовцевъ есть прекрасное поэтическое преданіе: пѣвецъ Дайнасъ страстно влюбился въ красавицу; напрасно онъ утромъ и вечеромъ пѣлъ подъ ея окномъ сладкія пѣсни: суровая красавица не хотѣла отвѣчать его страсти. Дайнасъ утопился, и боги превратили его въ *соловья*. Только тогда почувствовала она къ нему любовь, умерла отъ горести и была превращена въ столиственную розу, которая начинаетъ цвѣсти въ то время, какъ перестанетъ пѣть соловей. Существуетъ въ Литвѣ и другой разсказъ о превращеніи одного бѣднаго, но трудолюбиваго и веселаго земледѣльца по смерти въ *жаворонка* [3]). Литовское преданіе о Дайнасѣ напоминаетъ намъ «Цеиска и Гальціону» Овидія: въ этомъ сказаніи поэтъ сохранилъ намъ подобное же преданіе древнихъ о превращеніи въ птицъ двухъ любовниковъ, погибшихъ въ волнахъ коварнаго моря. «Одиссея» души умершихъ представляетъ летающими въ воздухѣ стаями и сравниваетъ ихъ съ летучими мышами [4]). — Вотъ почему и птица (воробей, голубь, ласточка), влетѣвшая въ комнату, предвѣщаетъ чью-либо смерть [5]); также если сова, воронъ, филинъ кричатъ, сидя на кровлѣ дома, то должно ожидать въ семьѣ покойника; дятелъ, желна и кукушка, прилетѣвшіе къ дому, считаются такимъ же печальнымъ предвѣстіемъ чьей-либо смерти [6]).

Млечный путь у восточныхъ и древнихъ народовъ почитался дорогою, ведущею къ священнымъ обителямъ боговъ, почему назы-

---

1) Москвит. 1846, № 7. Kinder- und Hausmärchen, ч. 1, стр. 84—85 и № 47. Арабы вѣрили, что изъ крови убитаго является птица, которая летаетъ близь могилы, пока не будетъ отомщено убійство. — 2) Deutsche Mythol., т. 2, стр. 638, 640, 788. — 3) Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа, стр. 73. — 4) Пѣснь XXIV. Въ Малороссіи, возвращаясь съ кладбища послѣ похоронъ, старухи садятся на цѣлую ночь караулить душу усопшаго и ставятъ на столъ медъ, разведенный водою: здѣсь убѣждены, что душа прилетитъ пить медъ въ образѣ мухи (Этнограф. Сборн. ч. 1, стр. 371). — 5) Туже примѣту относятъ и къ нетопырю (Боричевск. Народн. Слав. разсказы, стр. 164.) — 6) Иллюстрац. годъ 2 (стат. Даля), стр. 333. Записки о старомъ и нов. Русск. бытѣ, Авдѣевой, стр. 140—2. Статическ. описаніе Саратовск. губерн., стр. 62. Абевега Рус. суев., стр. 157. Видѣть во снѣ, какъ улетѣла со двора кукушка или поднялся съ руки соколъ означаетъ смерть близкаго сердцу человѣка (См. народн. пѣсни, въ Вѣстн. Европы, 1818, № 21, стр. 50—52).

вали его *божьею дорогою* и *тропою блаженныхъ* (der Frommen), такъ-какъ этимъ путемъ души восходятъ въ блаженное царство Индры. А Литовцы называютъ млечный путь Pauksztu-kielas, т. е. *птичья дорога*, потому что души (какъ мы видѣли) представлялись птицами. Онѣ поднимались по этой дорогѣ на небеса [1]). Еще до сихъ поръ Литовцы, когда умретъ кто-нибудь изъ семьи, нерѣдко увѣряютъ, что они видѣли покойника, скачущаго на быстромъ конѣ по *птичьей дорогѣ* (по млечному пути), съ тремя звѣздами въ рукѣ, и вступающаго въ селенія вѣчнаго блаженства. Наши поселяне о млечномъ пути говорятъ, что эта небесная полоса указываетъ дорогу въ Іерусалимъ [2]).

Но особенно знаменательно представленіе души въ образѣ грустной, одинокой кукушки, которое можетъ навести на смыслъ загадочнаго обряда, извѣстнаго подъ названіемъ *крещенія кукушекъ*. Въ народныхъ Малороссійскихъ пѣсняхъ кукушка воспѣвается, какъ печальная птица, прилетающая горевать надъ трупами умершихъ [3]); къ кукушкѣ обращаются съ вопросомъ о покойникахъ, — такъ въ одномъ похоронномъ причитаніи надъ умершимъ отцомъ говорится:

Мій же ты таточку!
Якъ будутъ садочки цвисты,
И буде зозуленька куковаты,
Я жъ буду, мій таточку,
Зозуленьку пытаты:
Чи не бачила жъ ты, зозуленько,
Мого батьку риднаго?

Въ одной пѣснѣ невѣста-сирота посылаетъ кукушку за своими умершими родственниками, чтобы они пришли съ того свѣта благосло-

---

1) Норка: Andeutungen eines Systems der Mytholog., стр. 239—240. Гануша: Die Wissenschaft des Slawisch. Mythus im weitesten, den alt-preussisch-lithauischen Mithus mitumfassenden Sinne etc., стр. 272. Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа, стр. 69. — 2) Владимирск. Губерн. Вѣдом. 1844. Прибавл. къ № 52. Журн. Мин. Нар. Просв. 1844, апрѣль, статья Боричевскаго, стр. 36. Киргизы млечный путь также называютъ *птичьей дорогою* (Москвит. 1853, № 22, стр. 73). — 3) Никто — говоритъ пѣсня — не погруститъ о погибшемъ на чужбинѣ; только воронъ прилетитъ, сядетъ на трупѣ, поклюетъ и перестанетъ, да «прилетитъ зозуля да й плакати станетъ». Къ умирающему казаку прилетали кукушки, «у головахъ сидали, якъ ридни сестры ковали» (Журн. М. Н. Просв. 1837, т. XIII, стр. 42. Пассека: Путев. записки, стр. 68. Запорожек. старина, Срезневскаго, ч. 1, кн. 2, стр. 80).

вить ее на новое житье [1]). Кукушка вездѣ почитается птицею вѣщею, провозвѣстницею будущаго [2]); Малороссійская пѣсня говоритъ о кукушкѣ: «що вона ковала, промежъ святыхъ чувала» [3]).

Обрядъ крещенія кукушекъ совершается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 9 мая, въ этотъ день встрѣчи и закликанія весны; въ другихъ — на третьей, четвертой, пятой или шестой недѣлѣ послѣ Пасхи; но преимущественно въ недѣлю семицкую, когда поминаютъ умершихъ. Женщины и дѣвицы собираются въ лѣсъ, дѣлаютъ изъ лоскутьевъ и цвѣтовъ чучело *птицы* и сажаютъ на вѣтку, а подъ нею привѣшиваютъ *шейные кресты*; иногда вмѣсто того отыскиваютъ траву, называемую *кукушкою* (orchis latifolia — *кукушкины слезы*), и вырывъ ее съ корнемъ, одѣваютъ въ сорочку, потомъ кладутъ на землю и ставятъ надъ нею *крестообразно* двѣ дуги, покрывая ихъ платками и вѣшая съ двухъ сторонъ *по кресту*. Въ Орловской и Тульской губерніяхъ *надѣваютъ крестикъ* на самое чучело кукушки и поютъ: «*кумушки*, голубушки! *кумитеся*, любитеся, даритеся»! Это называется: *кстить* (крестить), *кукушку* или *кумиться*. Двѣ дѣвицы, поцѣловавшись изъ-подъ дуги, мѣняются крестами и называются *кумами*. — Въ праздникъ Семика поселяне приходятъ въ рощу, отыскиваютъ двѣ плакучихъ березы, нагибаютъ и связываютъ ихъ вѣтви разноцвѣтными лентами, платками или полотенцами въ видѣ вѣнка; надъ вѣнкомъ кладутъ траву кукушкины слезы или чучело кукушки, а по сторонамъ привѣшиваютъ *кресты*. Двѣ дѣвицы, желающія покумиться, ходятъ въ противоположныя стороны вокругъ березъ, потомъ цѣлуются три раза сквозь вѣнокъ навкрестъ и даютъ другъ другу сквозь вѣнокъ *желтое яйцо*. Хороводъ поетъ:

Ты, кукушка ряба!
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушки,
Покумимся, голубушки, и проч.

Покумившіяся мѣняются крестами и кольцами; а кукушку раздѣляютъ на части и хранятъ у себя на память кумовства [4]).

---

1) Воронеж. Губ. Вѣдом. 1851, № 2. Иллюстрац. 1848, № 1 (Бѣлорусс. свадьба). — 2) Гануша: Die Wissenschaft des Slaw. Mythus, стр. 317. Deutsche Mythol., ч. 2, стр. 641. — 3) Сборникъ Украинск. пѣсенъ, Максимовича, стр. 56. — 4) Затѣмъ слѣдуетъ пиршество, необходимою принадлежностію котораго почитается *яишница*. Тѣ, которыя покумились въ Се-

Этотъ обрядъ крещенія кукушекъ получитъ для насъ болѣе осязательное значеніе, если мы сблизимъ его съ повѣрьями о русалкахъ и мавкахъ, въ образѣ которыхъ (по народному мнѣнію) являются *души младенцевъ, мертворожденныхъ, или умершихъ безъ крещенія* [1]). Въ теченіе семи лѣтъ, до превращенія своего въ русалокъ, души эти *летаютъ* по воздуху, и только тогда, какъ наступаютъ *зеленыя Святки* (Семикъ и Троица), слышатся ихъ жалобные голоса, съ просьбою о крещеніи; наканунѣ Троицына дня русалки и мавки бѣгаютъ по засѣяннымъ полямъ и хлопаютъ въ ладони, приговаривая: «бухъ, бухъ — соломенный духъ! меня мати породила, некрещену положила (или: схоронила)». Кто услышитъ ихъ голосъ, тотъ долженъ произнести: «крещаю тебя, Иванъ да Марья, во имя Отца и Сына и Святаго Духа»! [2]) Любопытно, что въ Черниговской губерніи обрядъ завиванія семицкихъ вѣнковъ называется *встрѣчею русалокъ*, а развиванье вѣнковъ (на Петровъ день) — *проводами русалокъ*.

Если неокрещенныя души, летая по воздуху, испрашиваютъ себѣ крещенія; если такое явленіе совпадаетъ, по народному повѣрью, со временемъ совершенія обряда, извѣстнаго подъ названіемъ: «крещеніе кукушекъ»; если наконецъ душа представлялась въ образѣ птицы, и кукушка принимается эмблемою сиротства: то, можетъ быть, подъ «крещеніемъ кукушекъ» должно понимать символиче-

микъ, ходятъ на Троицынъ день развивать вѣнки или бросать ихъ въ воду, при чемъ поютъ: Раскумимся, кумушки, раскумимся, голубушки! да іо, іо Семикъ да и Тройца! — Есть игра, указывающая на тотъ же обрядъ кумовства; играющіе выбираютъ куму, а сами садятся въ кружокъ. Кума обходитъ ихъ и спрашиваетъ кого-нибудь изъ сидящихъ: чье это дитя? — Твое и мое. — Кому его кстить? — Тебѣ и мнѣ. Послѣ того кума и та, которую она спрашивала, разбѣгаются въ разныя стороны и, обѣжавъ кругъ три раза, останавливаются. Кто прибѣжитъ прежде, та садится, а другая идетъ спрашивать. Сходная съ этою игра существуетъ и въ Литвѣ (Сахарова: Сказан. Рус. нар., т. 1, стр. 72—73, т. 2, (Дневн.) стр. 86. Снегирева: Простонарод. праздники, ч. III, стр. 96—98, ч. 1, стр. 183. Вѣстн. Европы 1821, февраль, стр. 195. Саратовск. Губ. Вѣдом. 1844, № 6. Терещенко: Бытъ Русск. народа, т. 5, стр. 42, т. 6, стр. 165, 191—2). У Румуновъ на Троицкой недѣлѣ былъ праздникъ кукушекъ (Телеск. 1833, № 8, стр. 501—2). — 1) Терещ. Бытъ Русск. народа, ч. 6, стр. 124, 176, 181. Снегирева: Простонародн. праздники, ч. 3, стр. 98, ч. 4, стр. 10. Вѣстн. Европы, 1821, февраль, стр. 195. — 2) Терещенко: Бытъ Русск. народа, ч. 6, стр. 125, 129. Снегирева: Простонародн. праздники, ч. 4, стр. 10.

скій обрядъ крещенія младенцевъ, умершихъ безъ этого Таинства, и потому блуждающихъ по свѣту. Дѣти народному уму представляются чистыми, невинными; но если они умерли безъ крещенія — то гдѣ назначить имъ мѣсто загробнаго существованія! Простолюдинъ создалъ обрядъ посмертнаго крещенія, чтобы такимъ образомъ доставить душамъ младенцевъ вѣрный путь ко спасенію. Очевидно, что обрядъ этотъ могъ возникнуть уже въ эпоху Христіанства, но подъ сильнымъ вліяніемъ старинныхъ воззрѣній.

Представленіемъ души въ образѣ птицы легко объясняется, почему крестьяне Астраханской губерніи, посѣщая на праздникъ Пасхи кладбище, *крошатъ на могилахъ для птицъ красныя яйца.* — Яйцо у всѣхъ языческихъ народовъ служило символическимъ знакомъ *возрожденія къ новой жизни,* скрытой въ немъ — въ зародышѣ. У Египтянъ истуканъ Кнефа (творческая сила природы) представлялся гермофродитомъ, на головѣ котораго сидѣлъ ястребъ (символъ солнечнаго свѣта) съ *яйцомъ* въ клювѣ; изъ этого яйца родился *фтасъ*—огонь, источникъ всякаго плодородія. Подобно тому, по русскому повѣрью, *огненный змѣй* — оплодотворитель вылупляется изъ яйца [1]). Персы вѣрили, что въ началѣ не было ничего, кромѣ божества. Потомъ родилось *яйцо.* Когда оно созрѣло и достигло полной плодотворной силы, тогда явилась вселенная съ солнцемъ и луною. Персы величали яйцо въ своихъ священныхъ пѣсняхъ и держали въ храмахъ литыя яйца, какъ изображеніе всего рождающагося въ природѣ. Еще до сихъ поръ у восточныхъ народовъ сохранился обычай — въ мартѣ мѣсяцѣ, *при началѣ новаго года,* т. е. при весеннемъ возрожденіи природы отъ зимней смерти, биться *красными яйцами,* ставить ихъ на столѣ и посылать въ даръ къ своимъ друзьямъ. Древніе Греческіе и Римскіе философы происхожденіе міра и производительную силу природы обозначали изображеніемъ яйца. Въ Калевалѣ разсказывается, какъ могучій Вяйнямейненъ носился по синему морю; вдругъ прилетѣла орлица, свила на его колѣнахъ гнѣздо и нанесла яицъ; Вяйнямейненъ уронилъ яйца въ море и создалъ изъ нихъ солнце, луну, звѣзды и землю [2]). У Сла-

---

1) Жизнь кощея безсмертнаго заключена въ яйцѣ на островѣ Буянѣ. — 2) Терещенко: Бытъ Русск. народа, ч. 6, стр. 91—92. Временникъ: кн. XV: «О ходу въ Персидск. царство гостя Котова», стр. 14. Главныя черты изъ древней Финской эпопеи, соч. Эманъ, стр. 2—3. Современ. 1840, № 3, стр. 61 (статья Грота). Москвит. 1855, № 23 и 24, стр. 25 (о горцахъ).

вянъ яйцо употребляется во многихъ обрядахъ въ ознаменованіе другой жизни, ожидающей человѣка по смерти. Какъ у восточныхъ народовъ весеннее возрожденіе природы праздновалось красными яйцами, такъ и у насъ на праздникъ Пасхи *красныя* и *желтыя* яйца играютъ важную роль. Праздникъ обновленной природы совпадаетъ съ праздникомъ *свѣтлаго Воскресенія Христова*, предзнаменующимъ *воскресеніе* всѣхъ умершихъ въ новую жизнь, и съ праздникомъ въ честь мертвыхъ, которыхъ поминаютъ тогда на кладбищахъ. Встрѣчая весну, Славяне въ то же время прогоняли изъ своихъ селъ Марану (смерть и зиму); ибо съ возвращеніемъ теплаго солнца свѣтъ побѣждаетъ нечистую силу. Съ этимъ обновленіемъ природы связывалась мысль о воскресеніи мертвыхъ: по повѣрью, въ это время души умершихъ какъ бы получаютъ новыя силы; въ поляхъ и рощахъ появляются русалки; существуетъ даже обычай: закликая весну, съ краснымъ яйцомъ въ рукахъ, въ то же время *закликать* и мертвыхъ [1]). На святую недѣлю и на Радуницу (въ *навьскій* день) красятъ яйца и ходятъ съ ними на кладбище христосоваться съ покойными родителями и родственниками, при произнесеніи обычныхъ словъ: «Христосъ воскресе»! При этомъ катаютъ съ могильныхъ пригорковъ принесенныя красныя яйца и потомъ зарываютъ ихъ въ могилы. Кто умираетъ на Святую недѣлю, тому даютъ въ руки красное яйцо и вмѣстѣ съ нимъ предаютъ землѣ, дабы онъ могъ на томъ свѣтѣ похристосоваться съ своими родичами [2]). Въ Малороссіи на Свѣтлое Христово Воскресеніе бросаютъ въ воду скорлупу крашеныхъ яицъ, надѣясь, что она, плывя водою, донесетъ мертвымъ вѣсть о праздникѣ Пасхи [3]). Вѣсть эта доходитъ къ душамъ умершихъ только къ Троицыну дню, въ который и празднуется на томъ свѣтѣ *навьскій великъ день*. Около того же времени совершается простонародный праздникъ Семика, въ честь умершихъ. Поселяне ходятъ на кладбища, совершаютъ

---

1) Терещ.: Бытъ Русск. народа, ч. 6, стр. 152. Сахарова: Сказан. Русс. народа, т. 2, стр. 81. Современ. 1852, № 10. Критика. Славянск. миѳологія, Костомарова, стр. 66, 68. — 2) Сахарова: Сказан. Русск. нар., т. 2, стр. 75, 85. Этногр. Сборн., ч. 1, стр. 192, 226. Записки о старомъ и новомъ Русск. бытѣ, соч. Авдѣевой, стр. 121. Вѣстн. Европы 1818, № 21, стр. 112. Вѣстн. Русск. Геогр. Общества 1853, № 6, стр. 85. Умершіе во время Пасхи, по народному повѣрью, попадутъ въ *рай*. — 3) Костомарова: Славян. миѳолог., стр. 96. Маякъ 1843, т. 8, стр. 24. На этой скорлупѣ плаваютъ *русалки* (Иллюстр., годъ 2, стр. 171).

поминки, разбиваютъ на кладбищахъ красныя и желтыя яйца. Какъ на Пасху крошатъ на могилахъ яйца *для птицъ*, такъ на Семикъ дѣлаютъ это *для покойниковъ*, которые будто бы съѣдаютъ разбитыя для нихъ яйца. Вообще, яйца составляютъ непремѣнное условіе при праздникахъ мертвымъ. На Семикъ и Троицу крестьяне готовятъ яишницу и несутъ въ лѣсъ, при обрядовыхъ пѣсняхъ:

Радуйтесь, бѣлыя березоньки!
Идутъ къ вамъ красны дѣвушки,
Несутъ къ вамъ яишницу!
Іо, іо Семикъ да Троица! [1]

При обрядѣ крещенія кукушекъ также употребляются крашеныя яйца. Самый цвѣтъ, въ который окрашиваются яйца — *красный* и *желтый*, знаменателенъ: оба эти прилагательныя связываются съ понятіемъ *свѣта*, въ которомъ язычники видѣли начало всякой жизни и плодородія [2]).

А. Аѳанасьевъ.

---

1) Сахарова: Сказан. Русск. народа, т. 2, стр. 84. Терещ.: Бытъ Русск. народа, ч. 6, стр. 146, 163—5, 175—6. — 2) Яйцо получило значеніе средства, охраняющаго плодородіе, урожай и здоровье: на Вознесеніе крестьяне отправляются въ поля, засѣянныя рожью, подкидываютъ къ верху красныя яйца, чтобы рожь такъ же высоко поднялась, какъ вскинутое яйцо. На Пасху ставятъ на столъ кадку съ зернами пшеницы, зарывая въ нихъ яйцо, и эту пшеницу берегутъ для посѣва. Отправлясь сѣять ленъ, тоже кладутъ яйца въ мѣшокъ съ сѣмянами. Краснымъ яйцомъ гадаютъ о будущемъ урожаѣ и тушатъ пожаръ; съ него умываются на счастье и здоровье; печеныя яйца носятъ подъ мышками отъ лихорадки. У Литовцевъ, выгоняя весной овецъ въ поле, кладутъ на порогѣ нѣсколько яицъ; если овцы разобьютъ ихъ, то стадо въ продолженіи лѣта уменьшится, а нѣтъ — то умножится (Москвитян. 1852, № 19, стр. 99. Сахарова: Сказан. Русск. нар., т. 2, стр. 30. Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа, стр. 96).

II.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯНЪ СЕРДОБСКАГО УѢЗДА.

Немедленно по достиженіи *парнемъ* лѣтъ, въ которыя дозволяется ему закономъ вступленіе въ бракъ, семействомъ его посылается въ тотъ домъ, гдѣ пріискана и облюбована *дѣвка*, одна изъ самыхъ бойкихъ и говорливыхъ бабъ для предложенія о выдачѣ ея въ замужство. Баба эта, называемая *свахою*, снарядясь, отправляется въ назначенный домъ всегда *ночкомъ*, т. е. въ самые поздніе сумерки, ибо въ такую пору никто не перейдетъ ей дорогу, а злой человѣкъ не замѣтитъ цѣли ея отправленія и слѣд. не помѣшаетъ ея замысламъ. Предложеніе дѣлается *свахою* отъ имени *стариковъ*, т. е. родителей или старшихъ членовъ семьи «парня», *старикамъ* «дѣвки». Въ случаѣ согласія сваха не засиживается, а спѣшитъ домой порадовать пріятною вѣстью семью *жениха*, между тѣмъ, какъ *невѣста* [1]) начинаетъ обычный *вопь* или причитанія на разлуку съ родительскимъ домомъ:

Не касаточка, не ласточка,
Ко мнѣ горькой прилетала, и т. п.

Через нѣсколько дней, обыкновенно черезъ недѣлю, послѣ предложенія, сдѣланнаго свахой, старики жениховой семьи идутъ для

---

1) *Парень* и *дѣвка; женихъ* и *невѣста* суть народныя названія холостыхъ, первыя до сватовства, а вторыя послѣ сватовства, на которое со стороны родителей дѣвицы изъявлено согласіе.

окончанія сватовства въ домъ стариковъ невѣсты. Войдя въ избу, помолясь и поздоровавшись, пришедшіе гости усаживаются хозяевами за столъ, на который ставятъ принесенные съ собою: штофъ съ виномъ, часть *свѣжины* и *курникъ* [2]). Затѣмъ, наливъ себѣ въ стаканъ принесеннаго вина и выпивъ его, отецъ жениха вновь наливаетъ въ стаканъ вина и поднося его отцу невѣсты, дѣлаетъ ему вторично предложеніе съ просьбою закончить затѣянное сватовство. Отецъ невѣсты, не принимая вино, спрашиваетъ совѣта у своихъ домочадцевъ: отдавать ли дѣвку или нѣтъ? Тутъ между членами семьи возникаютъ толки и переговоры, которые оканчиваются тѣмъ, что рѣшеніе отдается на волю отца и матери: «ваше дѣтище, ваша и воля»; послѣ чего *старикъ* обращается къ своей старухѣ съ словами: «ну что *мать* [3]), али отдавать?» — «*Воля твоя, отецъ*», отвѣчаетъ всегда покорная у простолюдиновъ жена. «Ну, сватъ, по рукамъ, знать такъ Богу угодно, берите нашу дѣвку», заключаетъ отецъ невѣсты и ударомъ своей руки по рукѣ женихова отца изъявивъ наглядно свое согласіе, беретъ изъ рукъ его стаканъ вина и выпиваетъ. Обрадованный сватъ обноситъ и поитъ виномъ всѣхъ родныхъ невѣсты, изъ коихъ приглашаются на этотъ вечеръ только одни кровные да отецъ и мать крестные; сваха подчуетъ ихъ свѣжиною и курникомъ и заводитъ съ ними рѣчи о будущихъ любахъ и ладахъ, и этимъ заканчивается *рукобитье и запой невѣсты;* но въ слѣдъ затѣмъ начинается угощеніе отъ самихъ хозяевъ, которые накрываютъ столъ и ставятъ на него свое добро. По уходѣ гостей невѣста, сидѣвшая или лежавшая гдѣ-либо не шевелясь, обращается къ своему отцу съ вопомъ:

Пропилъ ты меня, батюшка,
За винную чарочку —
Молодехоньку, зеленехоньку!
Не далъ ты мнѣ, батюшка,
На рѣзвы ноги поднятися,
Съ умомъ-разумомъ собратися.

---

2) *Свѣжиною* называется у крестьянъ всякое мясо, сырое и вареное, въ противоположность посоленому или *солонинѣ*. *Курникъ* есть круглый сдобный пирогъ изъ пшеничной муки съ начинкою изъ курицы и рубленыхъ яицъ.

3) Вообще у нашего простонародья мужъ и жена называютъ другъ друга не по имени, а сначала *молодыми*, когда же обзаведутся дѣтьми мужъ зоветъ жену *мать*, а она мужа *отецъ;* когда наконецъ выдадутъ дочь замужъ или женятъ сына, то называютъ другъ друга *старикомъ* и *старухой*, и этимъ названіемъ величаетъ ихъ и вся семья.

И падая ему въ ноги, приговариваетъ: «Собери жь меня горькую во чужи люди!» Съ этою же просьбою обращается она къ матери и ко всѣмъ роднымъ:

Родимые вы мои сроднички,
Не помяните моей досады-грубости,
Не я-то вамъ досаждала,
Досаждалъ мой глупый разумъ.

Послѣ запоя къ невѣстѣ собираются ея подруги-дѣвушки, которыхъ она встрѣчаетъ объятіями и вопомъ:

Подите-ко вы, мои подруженьки,
Къ моему горю ко великому,
Не погнѣвайтесь, мои подруженьки,
Что я васъ не встрѣтила и, т. п.

Подружки садятся по обѣимъ сторонамъ невѣсты и запѣваютъ хоромъ:

Бѣжитъ рѣчка по песку
Во матушку во Москву;
Бѣжитъ рѣчка не колыхнется,
Желтымъ пескомъ не возмутится:
Сидитъ Надежда не улыбнется,
Сидитъ Ивановна не разсмѣхнется.

Невѣста отвѣчаетъ имъ:

Охъ, вы дѣвушки, подружки мои,
Вы подумайте сами не глупыя —
Да къ чему мнѣ веселитися:
Много увижу людей добрыихъ,
Много встрѣчу гостей хорошiихъ,
За то лишуся моего гостя дорогаго,
Моего батюшки роднаго!
Много у сыра дуба вѣтей-повѣтей,
Одной нѣтъ золотой макушки —
Какъ не будетъ у меня горькой
Сударыни-матушки.
Какъ кукушечка въ саду разкуковалася,
Такъ я бѣдная разгоревалася.

Если же невѣста сирота, не имѣющая ни отца, ни матери, она причитываетъ:

Охъ вы, дѣвушки, подружки мои,
Вы подумайте сами не глупыя
Да къ чему мнѣ веселится?
Много людей добрыихъ,
Собрать-срядить есть кому,
Благословить-то меня некому.

Прошу васъ, дѣвушки: не покиньте меня,
Вы сходите на кладбище къ моей матушкѣ,
Доложите кормильцу моему батюшкѣ,
Что меня горькую безъ нихъ собираютъ,
Во чужи люди, во незнамые!

Припоминая кого-нибудь изъ родныхъ, находящагося въ отлучкѣ, невѣста шлетъ и ему свой привѣтъ:

Взвѣйся ты мой дядюшка
Со чужой дальней сторонушки
Яснымъ соколомъ
На свою милу родину!
Сядь-ка ты, мой дядюшка,
На косящато окошечко,
Послушай ты моихъ пѣсень горькiихъ,
Какъ я несчастная за кажду минуту
Своимъ горемъ убиваюся.

Родные унимаютъ и утѣшаютъ невѣсту, приговоривая:

Полно тебѣ, горькая кукушечка, куковати,
Пора и перестати.

Подружки, гостя у невѣсты до самой ея свадьбы, пособляютъ ей шить приданое. Между дѣла онѣ поютъ пѣсни, извѣстныя здѣсь, какъ и вездѣ, подъ названiемъ *свадебныхъ*, принаравливая смыслъ и складъ каждой пѣсни къ обстоятельствамъ и расположенiю невѣсты:

Звонокъ колоколъ въ Новѣгородѣ,
А звончѣй того во Подъячевкѣ селѣ,
Звонитъ свѣтъ Надеждушка,
Звонитъ свѣтъ Ивановна и проч.

Наканунѣ дѣвичника поется:

При вечерѣ вечерѣ Надеждиномъ дѣвичникѣ,
Прилеталъ къ ней ясенъ соколъ,
Ясенъ соколъ, добрый молодецъ, и проч.

День, предшествующiй свадьбѣ, начинается *дѣвичникомъ* и оканчивается *вечеринкой*. Дѣвичникъ заключается въ слѣдующемъ. Дѣвицы, подружки невѣсты, истопивъ для нея баню, идутъ къ жениху за мыломъ. Онѣ справляютъ ему поклоны отъ невѣсты, а сватьямъ отъ сватьевъ; ихъ усаживаютъ, угощаютъ виномъ, брагою, говядиною и курникомъ. Послѣ угощенiя дѣвушки подносятъ жениху даръ невѣсты [4]), а онъ посылаетъ съ ними мыло,

---

4) Даръ состоитъ изъ рубахи, портковъ и платка, если женихъ сирота; если же отецъ и мать у него живы, то невѣста посылаетъ ему только пер-

даритъ ихъ деньгами, и въ принесенное ими ведро наливаетъ браги, а въ блюдо кладетъ говядины. На прощаньѣ дѣвушки зовутъ жениха и всю его семью и родныхъ къ невѣстѣ на вечеринку, и отправясь домой, поютъ дорогою:

Наливная наша ягодка,
Дорогая наша гостьинька,
Погости у насъ малехонько,
На дворѣ у насъ тихохонько, и. т. д.

Съ этимъ онѣ входятъ къ невѣстѣ, которая, встрѣчая ихъ, вопитъ:

Не пойте вы, мои подруженьки,
Мнѣ безъ пѣсень тошнехонько;
Запойте вы, мои подруженьки,
Мою пѣсню горькую, и т. д.

Дѣвушки, отдавъ поклоны отъ жениха и сватьевъ, собираютъ и ведутъ невѣсту въ баню, припѣвая:

По двору похаживаю,
Щепочки посбирываю,
Баньку мыльную растапливаю.
Растопись, моя банька мыльная.
Разгоритесь дубовы дровца;
Разсыпайся бѣлъ жемчугъ,
Не по атласу, не по бархату,
По серебрянному блюдечку:
Расплакалась свѣтъ Надеждушка,
Расгрустилась свѣтъ Ивановна
Предъ своимъ роднымъ батюшкою,
Предъ сударыней матушкою:
«Государь ты мой, батюшка,
Про что, по что пиво варишь,
Аль ты хочешь сына женить?
Сударыня моя матушка,
Ты на что, про что ширинки [5]) кроишь,
Аль меня хочешь за мужъ отдать?»

Выпаривъ, вымывъ и одѣвъ невѣсту, дѣвушки чешутъ ей голову и плетутъ косу, а она въ это время вопитъ:

Чешите мою головушку
Гладко на-гладко;
Плетите мою русу косу

чатки и платокъ; но въ томъ и другомъ случаѣ къ подарку присоединяется суровая посконная нитка, о значенiи коей будетъ сказано ниже.

5) Ширинка — кусокъ узкаго льнянаго холста, длиною не болѣе аршина, окаймленный у краевъ затканною изъ красной бумаги полоскою.

Мелко на-мелко;
Вплетайте мнѣ шелковъ косникъ
Крѣпко на-крѣпко.

Заплетя косу, дѣвушки ведутъ невѣсту домой съ пѣснію:

Я вечоръ была на вечерѣ,
У Надежды на дѣвичникѣ.
У Ивановны на дѣвичникѣ
Какъ Надеждиной матери
Нехорошъ сонъ привидѣлся:
Прилетали сизы голуби —
Сизехоньки, милехоньки.
Одинъ голубь всѣхъ сизѣе
И милѣе всѣхъ.
Онъ садился на окошечко,
На золотую причалинку.
Онъ будилъ, будилъ Надеждушку,
Онъ будилъ, будилъ Ивановну:
«Вставай-ка Надеждушка —
Ужь тебѣ и много надобно —
Ужь и свекора дарить было бы чѣмъ».
«Ужь я свекора порточками,
А свекровь рукавочками,
Деверьевъ-то по шириночкѣ,
А золовокъ по косыночкѣ.
А Александру я сама подарюсь,
А Петровичу я сама подарюсь.

Невѣста, подойдя къ воротамъ своего дома, вопитъ:

Подхожу я къ батюшкинымъ воротамъ,
Стоитъ тутъ озеро-болото,
Въ этомъ же во болотчикѣ
Плаваетъ утка со утятами:
Не яль горькая съ любезными подружками?

Войдя въ избу, падаетъ отцу въ ноги, вопя:

Спасибо тебѣ батюшка,
На пару, на банюшкѣ,
На дубовыхъ дровцахъ.

Затѣмъ кланяется въ ноги и матери, вопя:

Спасибо тебѣ, матушка,
На пару, на банюшкѣ,
На шелковомъ вѣничкѣ,
На цвѣтномъ платьицѣ.

Потомъ кланяется и всѣмъ своимъ домашнимъ, благодаря ихъ за заботы и попеченія объ ней. Всѣ стараются утѣшить ее и подъ

конецъ усаживаютъ на кутникѣ, покрывъ ее *фатою* [c]), дѣвушки же помѣщаются около нея, за занавѣсью, которою онѣ отдѣляются отъ передней части избы; здѣсь остаются онѣ и на весь вечеръ.

Къ вечеру въ домъ жениха собираются его родные. Ихъ угощаетъ отецъ жениха и въ тоже время назначаетъ изъ нихъ *дружку, полдружіе, каравайника, подсвѣчника,* а также, если у жениха отецъ и мать крестные умерли, вмѣсто ихъ *отца* и *мать посаженыхъ.* Въ должность дружки, какъ и вездѣ, выбирается мужикъ разбитной, который, какъ говорится, за отвѣтомъ въ карманъ не полѣзетъ и у котораго всегда въ запасѣ на языкѣ красное словцо. Полдружіе — помощникъ дружки. Каравайникъ везетъ съ женихомъ каравай хлѣба въ церковь и изъ церкви. Подсвѣчникъ принимаетъ свѣчи, употребляемыя при вѣнчаньи. Окончивъ выборъ, отецъ и мать жениховы приглашаютъ всю свою родню къ невѣстѣ на вечеринку и всею толпою, съ женихомъ впереди, отправляются къ ней въ домъ. Заслышавъ приходъ гостей, дѣвушки запѣваютъ:

Не было вѣтру, не было буйнаго, и т. д.

Пришедшихъ на вечеринку жениха и его родныхъ хозяинъ (отецъ или родственникъ невѣсты, выдающій ее за мужъ) встрѣчаетъ въ сѣнныхъ дверяхъ, держа въ рукѣ стаканъ, налитой до половины брагою; къ нему подходитъ отецъ жениха также со стаканомъ, наполненнымъ до половины брагою. На спросъ послѣдняго: «Ждалъ ли гостей? Радъ ли гостямъ?» хозяинъ отвѣчаетъ: «Милости просимъ.» За тѣмъ оба старика переливаютъ брагу изъ стакана въ стаканъ до трехъ разъ и, помѣнявшись ими, брагу выпиваютъ. Какъ скоро гости входятъ въ избу, дѣвицы затягиваютъ пѣсню:

Александръ идетъ со дарами,
Петровичъ идетъ со большими, и проч.

Въ избѣ невѣста сидитъ на кутникѣ подъ фатою посреди своихъ подружекъ. Изъ числа гостей къ ней подходитъ только сваха жениха, которая, поцѣловавшись съ нею и спрося ее о здоровьи, ставитъ ей на колѣни блюдо съ частью свѣжины и курникомъ. Прочіе же гости, увидѣвъ крестныхъ отца и мать невѣсты въ переднемъ углу за столомъ, окупаютъ у нихъ это мѣсто, отецъ

---

[c]) *Фата* — большой шелковый или бумажный платокъ.

жениха у крестнаго отца стаканомъ вина, а мать жениха у крестной матери *кокуркой* [7]). Окупивъ мѣсто, гости усаживаются за столомъ, оставляя почетныя мѣста въ переднемъ углу старшимъ. Тутъ свахою выводится изъ за занавѣси невѣста, покрытая фатою, которая кланяется гостямъ на всѣ стороны. Къ ней подводится женихъ, и свахи, откинувъ съ лица невѣсты фату, подаютъ обоимъ по стакану, налитому до половины брагой. Эти стаканы женихъ и невѣста подносятъ другъ другу, между тѣмъ какъ сватья спрашиваетъ жениха: «Знаешь ли кого подчуешь?», а свахи тоже самое спрашиваютъ невѣсту. Женихъ отвѣчаетъ: «Знаю, и подчую Надежду Ивановну», а невѣста: «Знаю и подчую Александра Петровича», послѣ чего они переливаютъ брагу изъ стакана въ стаканъ до трехъ разъ, мѣняются ими, выпиваютъ брагу до дна и цѣлуются. При этомъ вниманіе присутствующихъ обращено на то, кто прежде выпьетъ: женихъ, или невѣста? Если невѣста выпьетъ прежде жениха, то со всѣхъ сторонъ сыплются шутки и остроты въ родѣ слѣдующей: «Ну, сватья, жениха-то нашего знать волки съѣли!» Передъ уходомъ невѣсты къ подругамъ, дѣлаются обычные подносы даровъ. Даръ жениху сопровождается извѣстною пѣснью:

Князь молодой,
Ты даръ прими, и проч.

Какъ скоро невѣста возвратится опять за занавѣсь, на кутникъ, подруги ея затягиваютъ пѣсни въ честь жениха и его гостей. Каждому гостю, который величается пѣснью, подносится стаканъ браги, а онъ отдариваетъ дѣвушекъ монетою, бо̀льшею частію мѣдною.

По окончаніи пѣсень накрывается столъ и подаются гостямъ всегда только три блюда: студень, щи съ говядиною и лапша съ свининою. Послѣ ужина жениху предоставляется самая пріятная обязанность: идти за занавѣсь и въ кругу дѣвицъ, покрывшихся какъ и невѣста большими платками, отыскать свою суженую. Онъ схватываетъ на угадъ то ту, то другую, и все ошибается. За каждую ошибку онъ платитъ какую нибудь монету, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока не попадется ему невѣста. Налюбовавшись ею и распростясь съ нею и хозяевами, женихъ уводитъ всѣхъ гостей къ себѣ на вечеринку.

---

[7]) *Кокурка* — сдобная лепешка съ запеченымъ въ ней яйцомъ въ скорлупѣ.

По уходѣ гостей невѣста вопитъ:

Провожай-ка ты, мой батюшка,
Гостей мнѣ нежеланныхъ,
Моихъ разлучниковъ, и проч.

Вечеринка въ домѣ родителей невѣсты заканчивается дарами всей ея роднѣ. Каждый изъ гостей, принимая даръ и выпивая подносимый стаканъ браги, отдариваетъ невѣсту деньгами. У жениха же гости вновь ужинаютъ и уже въ позднюю ночь расходятся навеселѣ по домамъ.

На другой день всегда бываетъ свадьба. Утромъ этого дня въ домѣ невѣсты ничего не стряпается, и если свадьба играется лѣтомъ, то и изба не топится, а все вниманіе и хлопоты хозяевъ устремлены на то, чтобы успокоить невѣсту, которая, поднявшись отъ сна, начинаетъ тотчасъ вопить:

Вставай-ка ты, мой батюшка,
Вставай-ка ты, сударыня матушка,
Спалась ли вамъ темна ноченька, и проч.

Вскорѣ являются дружка̀ и полдружье. Вручивъ невѣстѣ даръ жениха [8]) и попросивъ стариковъ попроворить сборами къ свадьбѣ, они уходятъ, и дѣвушки приступаютъ къ одѣванью невѣсты подъ вѣнецъ. Сначала чешутъ ей голову и вмѣсто того, чтобы заплести косу, волосы на затылкѣ, у самаго корня, перевязываютъ снуркомъ. За тѣмъ братъ невѣсты, холостой и преимущественно младшій, а если нѣтъ братьевъ, то какой нибудь мальчикъ изъ родныхъ обуваетъ ее въ чулки и башмаки, при чемъ въ правый башмакъ кладетъ деньги. Между тѣмъ мать невѣсты опоясываетъ ее по голому тѣлу суровою посконною ниткою, завязавъ концы нитки узломъ *на отмашъ* [9]). Окончательнымъ нарядомъ распоряжаются опять подруги невѣсты у кутника, если свадьба бываетъ зимою, и въ клѣти, если лѣтомъ. Онѣ надѣваютъ на нее льняную бѣлую съ долгими рукавами рубашку и простой крашенинный сарафанъ. На этотъ сарафанъ надѣвается опять бѣлая кисейная

---

[8]) Даръ составляютъ: овчинная шуба, нагольная, а иногда крытая нанкою или китайкою, коты, какъ было прежде, а теперь болѣе башмаки и чулки.

[9]) Нитка эта прядется невѣстою *на отмашъ*, т. е. веретено съ ниткою вертится налѣво, притомъ тайкомъ ото всѣхъ и на печномъ столбѣ. Спрявши нитку, невѣста ссучиваетъ ее также на отмашъ и завязываетъ на ней шесть узловъ въ лѣвую же сторону. Первые узлы завязываются на порогѣ избы, вторые на порогѣ сѣней, третьи въ воротахъ. За тѣмъ нитка разрывается пополамъ; одну половину съ тремя узлами невѣста оставляетъ себѣ, а дру-

а иногда цвѣтная ситцевая или красная александрійская рубашка и сверхъ ея *французскій* [10]) или кумачный сарафанъ, если рубашка бѣлая, и китайчатый, если она цвѣтная или красная, съ шелковымъ поясомъ. Покрывъ невѣсту фатою, дѣвушки передаютъ ее свахѣ, съ которою она выходитъ отъ кутника или изъ клѣти на средину избы, во́пя:

Посторонитесь вы, люди добрые,
На всѣ четыре сторонушки,
Пропустите меня къ батюшкѣ,
Пропустите меня къ матушкѣ.

Подойдя къ отцу, она падаетъ ему въ ноги, во́пя:

Не бѣлая березынька
Ко сырой землѣ преклоняется, и проч.

Получивъ благословеніе отца, невѣста обращается къ матери, падаетъ ей въ ноги и также проситъ у ней благословенія. Мать, взявъ у мужа икону, благословляетъ дочь, и обнимая ее, кладетъ ей потихоньку за пазуху маковую головку или кусочекъ бредня [11]). За тѣмъ, посаженная крестнымъ отцемъ въ передній уголъ за столъ, невѣста во́питъ:

Не сажай-ка ты меня, батюшка,
За столы за дубовые,
За скатерти браныя,
За яства сахарныя —
Не въ сады-то меня сажаешь,
Сажаешь въ горе во великое!

Пока происходитъ это у невѣсты къ жениху собираются его родственники, разряженные, на отборныхъ лошадяхъ, въ повозкахъ

гую отсылаетъ жениху. Дѣлается это для того, чтобы отнять у колдуновъ силу ихъ наговоровъ и порчи, при чемъ простой народъ разсуждаетъ такъ: Хоть колдуны и знаютъ всю подноготную, но и имъ можетъ быть не въ домѣкъ то, что сдѣлано не по принятому порядку; но еслибъ знахарь и высмотрѣлъ нитку и даже сосчиталъ узлы, да не догадается, что она спрядена и завязана на отмашъ, а еслибъ наконецъ и это спровѣдалъ, то ему въ голову не придетъ, что нитка спрядена на печномъ столбѣ, безъ того же, хоть надорвись проклятый, — не испортитъ ему ни дѣвки, ни парня.

[10]) *Французскимъ* называется у крестьянъ всякій сарафанъ изъ краснаго ситца, съ *мушками* или пятнушками и цвѣтами, хотя бы онъ былъ и русскаго издѣлія.

[11]) И маковка и бредень составляютъ камень преткновенія для колдуновъ. Какъ ни хитеръ знахарь, но не скоро пересчитаетъ сколько въ положенной за пазуху маковкѣ зеренъ или сколько на отрывкѣ бредня узелковъ и петелокъ. Ошибись онъ хоть однимъ, и все колдовство пойдетъ не въ прокъ.

съ бубенчиками и колокольчиками. Дружка составляетъ изъ нихъ поѣздъ. Выбранные имъ *поѣзжане* надѣваютъ крестъ-на-крестъ черезъ плечо большіе платки, также привязываютъ къ дугамъ лошадей цвѣтные платки, которые развѣваются какъ флаги. Послѣ благословенія жениха отцемъ и матерью родными и крестными, дружка надѣваетъ ему на плеча платокъ, складывая его косынкою, точно такъ какъ носятъ платки женщины. За тѣмъ всѣ поѣзжане, равно какъ и остающіеся въ избѣ, присѣвъ на минуту, встаютъ, молятся и выходятъ на дворъ. Здѣсь, усѣвшись въ повозки, поѣзжане вновь крестятся, надѣваютъ шапки или шляпы [12]) и ѣдутъ за невѣстою. Подъѣхавъ къ воротамъ невѣстина дома и найдя ихъ по обыкновенію запертыми, они окупаютъ право въѣзда на дворъ стаканомъ вина. Подружки же невѣсты, заслышавъ поѣздъ, поютъ:

Погляди, дитя, въ окошечко:
Чьи кони разыгралися?
Разыгралися кони Александровы,
Разыгралися добры Петровича и т. д.

Выкупъ невѣсты дружкою, угощеніе поѣзда и благословеніе невѣсты и жениха родителями первой и ея крестными отцемъ и матерью происходятъ обыкновеннымъ порядкомъ. При выходѣ поѣзда изъ избы особенная забота невѣсты и всѣхъ присутствующихъ заключается въ томъ, чтобы она переступила черезъ порогъ правою ногою [13]). Идя избою невѣста вопитъ:

Первый-то ступень ступлю,
Прощусь съ батюшкою.
Другой-то ступень ступлю,
Прощусь съ матушкою.
Третій-то ступлю,
Прощусь съ родомъ-племенемъ!

Между тѣмъ дружка, выкупивъ у подружекъ невѣсты ея приданую постель, выноситъ ее изъ избы и укладываетъ въ повозку, на которой невѣста должна ѣхать въ церковь; а свахи, взявъ обѣ

---

[12]) Но никогда, сколько мнѣ извѣстно, шапка не надѣвается на жениха въ избѣ, какъ описываетъ это г. Леопольдовъ (см. Статистич. описаніе Саратовск. губ. ч. I, стр. 96).

[13]) Такъ какъ заговоръ о порчѣ дѣлается бо̀льшею частію на порогѣ, то переходъ черезъ порогъ правою ногою признается лучшимъ средствомъ уничтожить такое колдовство—по народному повѣрью, что правая сторона есть сторона благодати, ибо на правомъ плечѣ всегда сидитъ Ангелъ хранитель, а на лѣвомъ дьяволъ.

ложки, лежавшія передъ женихомъ и невѣстою на столѣ, увозятъ ихъ съ собою.

На дворѣ дядя или братъ усаживаютъ невѣсту въ сани или телѣгу (смотря по времени года), при чемъ невѣста вопитъ:

Не сажай ты меня, мой дядюшка,
На вороныхъ коней неѣзжаныхъ.
Эти кони обманчивы:
Не въ саду привезутъ меня веселитися,
А въ горе привезутъ, въ горе великое!

Закончивъ этимъ послѣднимъ причитаніемъ свой вопъ, невѣста, перекрестясь, покрывается фатою и усаживается въ повозкѣ. Рядомъ съ нею садятся: съ правой стороны сваха ея, представительница всей ея родни, остающейся дома, а съ лѣвой сваха жениха. Поѣзжане же усаживаютъ жениха, съ которымъ садится его крестный отецъ. Вообще поѣздъ устроивается дружкой въ слѣдующемъ порядкѣ: первую пару лошадей онъ оставляетъ для себя и полдружья, вторую для невѣсты и двухъ свахъ, третью для каравайника и подсвѣчника, четвертую для жениха и его крестнаго, а остальныя пары для прочихъ родственниковъ — поѣзжанъ. Уладивъ поѣздъ, онъ обходитъ его съ благословенными иконами, творя (во избѣжаніе на дорогѣ порчи отъ колдуновъ и злыхъ бабъ) воскресную, а за неумѣніемъ ея какую знаетъ молитву. За тѣмъ усаживается онъ съ полдружьемъ на свою пару и крикнувъ: «съ Богомъ поѣздъ честной!», трогаетъ лошадей, при чемъ весь поѣздъ снимаетъ шапки, крестится и выѣзжаетъ за дружкою въ назначенномъ порядкѣ на улицу. Отъѣхавъ нѣсколько саженъ, дружка поворачиваетъ лошадей и скачетъ обратно въ домъ невѣсты. Перемѣня хлѣбъ жениха на хлѣбъ невѣсты, онъ догоняетъ поѣздъ и отдавъ хлѣбъ каравайнику, пускаетъ лошадей во всю рысь, чтобы первому подъѣхать къ церкви. Когда же всѣ остановятся у церкви, женихъ высаживаетъ невѣсту изъ повозки, а дружка, отецъ крестный жениха и иные почетные изъ поѣзжанъ ѣдутъ за священникомъ, который ѣдетъ съ поѣзжанами, и въ слѣдъ за нимъ женихъ и невѣста вводятся въ церковь. Во время вѣнчанья, при подстилкѣ подъ ноги вѣнчаемымъ платка, извѣстнаго подъ названіемъ *подножья*, свахи нашептываютъ невѣстѣ, чтобы она встала на него прежде жениха, что̀ сулитъ ей власть надъ мужемъ. По окончаніи церковнаго обряда новобрачная отводится свахами въ трапезу, гдѣ онѣ заплетаютъ ей косу на двѣ половины и укладываютъ ихъ вокругъ

головы; на затылокъ подвязываютъ подзатыльную *поднизь*, на голову надѣваютъ *наклонку* [14]), спереди подвязываютъ также поднизь, называемую лобовой, сверхъ наклонки повязываютъ платокъ, шею и грудь украшаютъ *борками* и *гранатками* [15]), и закрывъ лице молодой фатою, выводятъ ее изъ церкви.

По возвращеніи изъ церкви, когда новобрачные, встрѣченные, по обычаю, родителями молодаго съ иконою и хлѣбомъ, въ вывороченныхъ на изнанку тулупахъ, прикладываются къ иконѣ, старики осыпаютъ ихъ хмѣлемъ, приговаривая:

Какъ хмѣль легокъ и веселъ,
Такъ будьте и вы легки и веселы!

За тѣмъ, вводя новобрачныхъ за руки въ избу, отецъ говоритъ молодому:

Вотъ тебѣ жена
Богомъ создана.
Люби ее какъ душу,
Тряси какъ грушу.
Живите богатьте,
Спереди горбатьте.

А мать договариваетъ:

Сколько въ лѣсу пеньковъ,
Столько вамъ сынковъ:
Сколько въ полѣ кочекъ,
Столько вамъ и дочекъ,

и усаживаютъ ихъ за столъ, при чемъ съ новобрачной снимается фата. Тутъ свекоръ, принявъ отъ свекрови каравай ржанаго хлѣба съ пшеничнымъ пирогомъ и солонкою съ солью и мѣдной монетой, подноситъ все это новобрачной невѣсткѣ, приговаривая:

Вотъ тебѣ, невѣстушка, одонье ржи,
А другое сама нажни,
И насъ при старости корми.

А свекровь вручаетъ молодымъ какого нибудь ребенка, приговаривая:

---

[14]) *Поднизь* — прямоугольникъ (четырехъ вершковъ въ ширину и двухъ въ вышину), низанчый узорочьемъ изъ цвѣтнаго стекляруса. *Наклонка* тоже что кокошникъ.

[15]) *Борки* составляются изъ *пронизокъ*, нанизанныхъ на толстую нитку; *пронизка же* есть цвѣтной стеклярусъ съ скважиною насквозь. *Гранатки* — стеклярусъ, подкрашенный подъ цвѣтъ гранаты.

Вотъ вамъ ребенокъ готовенькой,
А о своемъ сами позаботьтесь.

Новобрачная, принявъ ребенка, даритъ ему, если это дѣвочка, серги, а если мальчикъ — поясъ: дары эти у ней прицѣплены заранѣе на сарафанной проймѣ.

Между тѣмъ дружка съ свахою готовятъ въ чуланѣ, если время зимнее, и въ клѣти, если лѣто, постель новобрачнымъ, и войдя въ избу, уводятъ ихъ съ собою. Въ чуланѣ сваха, накормивъ и напоивъ молодыхъ, снимаетъ съ новобрачной наклонку и нарядные сарафанъ и рубашку, послѣ чего, снабдивъ ее нужными совѣтами, укладываетъ спать, и уходитъ съ дружкою, заперши напередъ чуланъ. По возвращенiи въ избу они садятся со всѣми поѣзжанами обѣдать. Пообѣдавъ, дружка и сваха подходятъ къ дверямъ спальни, стучатъ и окликаютъ новобрачную чету: «Ель, али сосна?» Если получатъ въ отвѣтъ: «Сосна», то отправляются обратно, но погодя немного опять подходятъ съ тѣмъ же, и если имъ отвѣтятъ: «Ель», то отпираютъ спальню. Здѣсь сваха снимаетъ съ молодой спальнее бѣлье и сарафанъ, надѣваетъ нарядные, и взявъ *молодыхъ* за руки вводитъ въ избу, припѣвая, приплясывая и причитая всякiй вздоръ, идущiй къ дѣлу. Между прочимъ она поетъ, колотя горшки и другую посуду, какая попадется ей подъ руку:

Ой бѣда, бѣда моя немаленькая,
Что зовутъ меня не дѣвушкою —
Вотъ не дѣвушкою, не молодушкою:
Я со вечера дѣвушка,
Ко полуночи молодушка,
Ко полуночи молодушка,
Чрезъ сорокъ недѣль матушка!
Ой бѣда, бѣда моя немаленькая.

Не то бываетъ, когда обнаружится нецѣломудренность новобрачной. Тогда дружка вводитъ пристыженную чету безъ пѣсень и прибаутокъ; горшки не колотятся, а случается напротивъ, что опозоренный молодой, чтобъ выместить свою досаду, задаетъ новобрачной *катку* и *потасовку*. Да и отцу и матери ея почетъ бываетъ не равный. Въ первомъ случаѣ самъ молодой съ дружкою, полдружьемъ и свахою новобрачной идетъ къ *своимъ тестю* и *тещѣ* на *яичницу*, и послѣ вина и яичницы приглашаетъ ихъ со всѣми родными къ *своимъ старикамъ*, а дружка и полдружье зовутъ

ихъ же къ молодымъ *князю* и *княгинѣ* на *сыръ-каравай* [16]). Встрѣчая *сватьевъ* съ виномъ, отецъ молодаго говоритъ имъ: «Умѣли, сватушки, дочку свою воспоить, воскормить, съумѣли и честь ее соблюстить — такъ просимъ пожаловать на всѣхъ радостяхъ. Что касается до отца и матери провинившейся дочки, то ихъ при встрѣчѣ не благодарятъ, и подносятъ имъ *не винцо, а бражку, да и ту ивашку* [17]), притомъ въ продырявленномъ снизу стаканѣ. Поднося стаканъ, дырочку затыкаютъ пальцемъ, чтобы брага до поры не вылилась. Старикъ-гость волею-неволею долженъ принять этотъ позорный стаканъ; но лишь онъ возьметъ его, какъ брага со свистомъ выливается изъ дырочки и старику удается только пригубить стаканъ при злобномъ хохотѣ оскорбленной семьи. «Что, сватушка, говоритъ старикъ-хозяинъ, по усамъ текло, да въ ротъ не попало; горько — а дѣлать нечего; ну, да судъ и рядъ не наши, а Божьи — такъ милости просимъ.»

Между тѣмъ какъ гости, размѣстясь на скамьяхъ и лавкахъ по старшинству, угощаются брагою и виномъ, закусывая разставленною по столамъ говядиной, бабы-хозяйки и приглашенные ими приспѣшницы страшно озабочены приготовленіями къ ужину. Ужинъ этотъ, называемый *гарный столъ*, состоитъ въ слѣдующемъ. Сначала покрываютъ столы скатертями, на нихъ кладутъ ложки, ломти ржанаго и пшеничнаго хлѣба, разставляютъ солоницы, ставятъ чаши съ брагою, съ опущеннымъ въ каждую ковшомъ. За тѣмъ гости усаживаются по старшинству. Изъ яствъ подаютъ: первое — холодное: *студень* говяжья, разведенная квасомъ съ приправою тертаго хрѣна и сметаны; второе — *щи* съ накрошенною въ нихъ свѣжиною; третье — *похлебка* изъ легкаго, требушины, и проч., приправленная гречневою крупою и сметаной; четвертое — *лапша* молочная, а болѣе мясная изъ свинины; пятое — *пшенникъ* съ приправою коровьяго масла; шестое — *курникъ*. Всѣ эти яства подаются приспѣшницами на столъ въ чашкахъ, прикрытыхъ сверху блюдами. Повершивъ гарной столъ курникомъ, хозяева кланяются гостямъ, прося не осудить, что накормили и напоили не вдоволь, а по своей силѣ-мочи. Гости же, благодаря хозяевъ за хлѣбъ-соль, поднимаются, стряхнувъ передъ тѣмъ на столъ крошки, нападавшія имъ на колѣни [18]), и собираются ко

[16]) Тоже что *курникъ*. См. выше примѣч. 2.

[17]) Брага, сильно разбавленная водой.

[18]) Обычай стряхать крошки на столъ повсемѣстенъ на Руси и соблюдается крестьянами послѣ каждаго обѣда, ужина, и т. п. Основаніемъ этому

дворамъ. Въ это время молодые подходятъ къ отцу и матери новобрачной и падаютъ имъ въ ноги, а дружка подаетъ старикамъ по стакану вина. Старики дѣлаютъ молодымъ наставленіе какъ имъ жить и любить другъ друга, и попробовавъ вино, словомъ: *«горько»* даютъ знать, чтобы они, поцѣловавшись, подсластили его. Тутъ разгулявшіеся старики дарятъ новобрачнымъ *на разводъ* телку или что другое изъ домашняго скота и толику денегъ. Отблагодаривъ ихъ, молодые кланяются въ ноги отцу и матери крестнымъ, а за ними и прочимъ роднымъ новобрачной, получая отъ каждаго совѣтъ и подарокъ.

На другой день въ домѣ молодыхъ пекутся блины. Закусивъ ихъ, вся семья идетъ на *блинки* къ тестю и тещѣ молодаго. Отсюда новая родня опять отправляется на обѣдъ къ молодымъ. Такимъ образомъ обѣ семьи, съ ихъ родными, продолжаютъ *гулять*, т. е. переходить изъ дома въ домъ, въ теченіи двухъ или трехъ дней, а иногда и цѣлой недѣли, попивая и приговаривая: «То мы къ тебѣ; то ваша милость къ намъ.»

А. Труворовъ.

служитъ конечно глубокое уваженіе простолюдина къ хлѣбу, какъ лучшему дару Божью, который не долженъ валяться на полу *зря*. Со стола крошки убираются въ какую нибудь посуду и даются скоту или птицѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ

ПО

РУССКОЙ ИСТОРІЙ, ГЕОГРАФІИ,

СТАТИСТИКѢ И РУССКОМУ ПРАВУ,

ВЫШЕДШИХЪ

ВЪ 1850 и 1851 ГОДАХЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

М. Капустинымъ.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ, ГЕОГРАФІИ, СТАТИСТИКѢ И РУССКОМУ ПРАВУ,

за 1850 годъ.

---

1. *Соборная грамота Духовенства Православной Восточной Церкви, утверждающая санъ Царя за Великимъ Княземъ Іоанномъ IV Васильевичемъ, 1561 года.* Изд. *Кн. М. Оболенскимъ.* М., 50 стр. (4). Въ этой книгѣ напечатана подлинная грамота съ двумя древними переводами, одинъ изъ нихъ современенъ акту, а другой сдѣланъ въ XVII-мъ вѣкѣ. Къ изданію присоединена выписка изъ посольскихъ сношеній Московскаго Двора съ Константинопольскимъ патріархомъ по вопросу объ означенной грамотѣ. Сверхъ того издатель разсматриваетъ вопросъ о регаліяхъ, присланныхъ Владиміру Мономаху и доказываетъ, что онѣ присланы Константиномъ Мономахомъ (вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ).

2. *Дворцовые разряды,* по Высочайшему повелѣнію изданные Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Томъ 1-й. Спб., XXXVI, и 1223 стр. (8). —Текстъ этого тома Разрядныхъ Книгъ сведенъ по 8 рукописямъ. Въ предисловіи изложены правила, которыми руководствовалась редакція въ изданіи текста ; за тѣмъ объяснено значеніе дворцовыхъ разрядовъ, какъ протоколовъ мѣстничества, и опровергается мнѣніе, будто всѣ разрядныя книги сожжены при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Первый томъ доводитъ разряды до 1628 года. См. Отеч. Зап. N 8 ; Ж. М. Н. П. 1852, N 1.

3. *Краткое собраніе законовъ, извлеченныхъ изъ Царскихъ Книгъ.* Кишиневъ, 116 стр. (8).

4. *Переводъ Ручной книги Законовъ или такъ называемаго Шестокнижія.* Кишин., 280 стр. (8).—Обѣ книги представляютъ собою источники законодательства, дѣйствующаго въ Бессарабіи.

5 *Ярлыкъ Хана Золотой Орды Тохтамыша къ Польскому королю Ягайлу.* Изд. *Кн. М. Оболенскимъ.* Казань. 72 стр. (8).—Здѣсь помѣщенъ въ переводѣ г. *Березина* ярлыкъ Тохтамыша , найденный въ 1834 году въ Моск. Главн. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ Переводъ обогащенъ множествомъ примѣчаній, объясняющихъ смыслъ разныхъ словъ памятника ; къ этому издатель присоединилъ свою пе-

реписку съ учеными, объяснявшими значеніе ярлыка. Этотъ послѣдній указываетъ на взаимную торговую связь Орды съ Литвою и вообще на ихъ отношенія между собою.

6. *Описаніе Государственнаго Архива Старыхъ дѣлъ*, сост. *П. Ивановымъ*. М., 412 стр. (8).—Г. Ивановъ дѣлаетъ историческое обозрѣніе присутственныхъ мѣстъ и учрежденій, дѣла которыхъ хранятся въ Госуд. Архивѣ Стар. Дѣлъ; такимъ образомъ онъ излагаетъ исторію Приказовъ, Коллегій, Конторъ и Коммиссій, дѣла которыхъ перешли въ Архивъ. Это историческое обозрѣніе весьма важно для исторіи нашей администраціи. Сверхъ того половину книги занимаютъ приложенія: судныя дѣла, грамоты и другіе акты; нѣкоторые напечатаны вполнѣ, другіе въ извлеченіи. См. Москв. N 19.

7. *Статейный списокъ стольника Василія Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, посольства въ Крымъ въ 1680 году*, для заключенія Бакчисарайскаго договора. Одесса, VI и 284 стр. (12).—Списокъ изданъ *Н. Мурзакевичемъ*; въ немъ, кромѣ подробностей о посольскихъ переговорахъ, есть любопытныя свѣдѣнія о пути, которымъ ходили въ Крымъ. Бакчисарайскій договоръ имѣлъ предметомъ опредѣленіе границъ Россіи съ Крымомъ (принятъ былъ границею Днѣпръ и городъ Кіевъ съ принадлежащими къ нему городками Васильковымъ, Трипольемъ и Стайками).

8. *Древнія грамоты и другіе письменные памятники, касающіеся Воронежской Губерніи и частію Азова*. Собр. и изд. *Н. Второвымъ и К. Александровымъ-Дольникомъ*. Книги 1 и 2. Ворон., 372 стр. (8).— Акты эти поясняютъ исторію Воронежа и Азовскаго края и свидѣтельствуютъ о различныхъ явленіяхъ общественнаго быта стараго времени. Сюда относятся: грамоты по случаю взятія Азова; дѣла по жалобамъ Татаръ на набѣги Донскихъ козаковъ; память по указу Воронежскаго епископа Митрофанія о нарядѣ стрѣльцовъ для охраненія города отъ непріятельскаго нападенія во время хода на Іордань. Особенно важны акты объ устройствѣ Украинской линіи и вообще объ укрѣпленіи Русскихъ границъ; грамоты, относящіяся къ бунту Разина, акты по уголовнымъ дѣламъ, и пр. См. Отеч. Зап. N 12, также статью *А. Лохвицкаго* въ Моск. Вѣд. 1855 г., N 20 и 21.

9. *Библіографическое обозрѣніе Русскихъ лѣтописей*. Соч. *Д. Полѣнова*. Спб., 148 стр. (8) —Здѣсь разсмотрѣно 18 книгъ, заключающихъ въ себѣ изданныя отдѣльно полныя Русскія лѣтописи: разсказана исторія изданія каждой лѣтописи и ея подробное содержаніе; оцѣнено достоинство лѣтописей, сличено ихъ содержаніе, наконецъ показано, гдѣ отпечатаны были особенно отрывки и отдѣльныя сказанія изъ лѣтописей. Отрывокъ былъ напечанъ въ Ж. М. Н. П. 1849, N 10.

10. *Roczniki i kroniki Polskie i Litewskie najdawniejsze*,—przez *Wacl. Alex. Maciejowskiego*. Wars., 282 стр. (8).—Старинныя польскія хроники, разобранныя Мацѣевскимъ.

11. *Die Quellen des Kurländischen Landrechts.* Herausg. von Dr. *Carl v. Rommel.* Lief. 4. Dorp., 112 стр. (8).

12. *Das Handelsgesetzbuch des Russischen Reichs.* Riga und Leipzig. 479 стр. (8).—Переводы изъ Свода Законовъ.

13. *Проектъ Устава о служебномъ старшинствѣ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей* по 34 степенямъ, составленный при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Изд. *Кн. М. Оболенскій.* М., 20 стр. (8).—Изъ этого проэкта видно византійское вліяніе на русскую администрацію и значеніе, которое имѣли намѣстники разныхъ городовъ въ порядкѣ государственной службы. Брошюра эта есть отдѣльный оттискъ изъ «Архива историко-юридич. свѣд. о Россіи» Н. Калачова, кн. 1.

14. *Вѣдомость о народонаселеніи Россіи по уѣздамъ губерній и областей*, составленная изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ Губернаторовъ, при Статистическомъ отдѣленіи Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ А. К. Спб., 48 стр. (8).—Вѣдомость составлена тщательно и вѣрно по даннымъ 1846-го года. Она была напечатана въ Соврем. N 6; недостатки ея указаны въ Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. 1851, кн. 5; общіе выводы сдѣланы пр. Вернадскимъ въ Моск. Вѣд. 1851, N 37, и слѣд.

15. *Нѣсколько словъ по поводу Вѣдомости о народонаселеніи Россіи*, сост. при Стат. Отдѣленіи Совѣта М. В. Д. Спб , 13 стр.. (4).—Здѣсь объяснено несходство показаній «Вѣдомости» и Календаря; въ послѣднемъ Акад. П. Кёппенъ выводитъ цифры народонаселенія, присоединяя извѣстный процентъ къ преждеобнародованнымъ извѣстіямъ; напротивъ «Вѣдомость» основывается на показаніи правительственныхъ мѣстъ.

16. *Русская Старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества.* Изд. *А. Мартынова.* Текстъ *И. Снегирева.* Годъ 3-ій, тетр. 9-ая. М. (in-f).—Здѣсь рисунки: церкви Рождества и Каменнаго моста въ Москвѣ, церкви Рождественскаго монастыря во Владимірѣ; Геѳсиманскаго скита близъ Троицко-Сергіевой Лавры. По поводу послѣдняго рисунка помѣщена статья г. Снегирева о деревянныхъ церквахъ древней Россіи и о способѣ ихъ построенія (церкви обыденныя, шатровыя, и проч.). См. рецензію *Н. Устрялова* въ «20-мъ присужд. Демид. наградъ».

17. *Русская старина.* Изд. *А. Мартынова.* Текстъ *И. Снегирева.* Годъ 2-й, изд. 2-е. М., 140 стр. (8).—См. Указ. 1848.

18. *Памятники древняго художества въ Россіи.* Изд. *А. Марты-*

нова. Текстъ *И. Снегирева.* М., 18 стр. и 6 рисунковъ.—Здѣсь представлены рисунки церковныхъ и домашнихъ утварей, св. крестовъ, иконописи, иконостасовъ, детальныя изображенія отдѣльныхъ частей зданій, украшеній, образцовъ мебели и другихъ принадлежностей стариннаго быта. По поводу рисунковъ собраны въ особую статью любопытныя свѣдѣнія вообще о древнихъ крестахъ, о столовыхъ сосудахъ, о сѣдалищахъ (столъ), и проч.

19. *Переписка фельдмаршаловъ Ѳедора Алексѣевича Головина и Бориса Петровича Шереметьева въ 1705 и 1706 годахъ* М., 68 стр. (8).—33 письма, хранившіяся въ родовыхъ бумагахъ *Н. Головина*, относятся къ Астраханскому возмущенію: особенной важности они не имѣютъ.

20. *Сочиненія Императрицы Екатерины II.* Томъ 2—й. Спб., 506 стр. (12).—См. Указ. 1849. г.

21. *Сравненіе таможенныхъ тарифовъ 1850 и 1841 годовъ.* Спб., 20 стр. (8).

22. *Статистическое обозрѣніе внѣшней торговли Россіи.* Сост. *Григ. Небольсинъ.* 2 части. Спб., 417 и 495 стр. (8).—Это—систематическій сводъ «Видовъ Торговли» съ цѣлью изобразить начало, развитіе и современное состояніе разныхъ отраслей внѣшней торговли Россіи и показать ихъ связь съ внутреннею торговлею. Все сочиненіе дѣлится на двѣ главныя части: въ первой разсматриваются различные роды отпускныхъ и привозныхъ товаровъ; вторая часть заключаетъ въ себѣ общій обзоръ отпуска и привоза этихъ товаровъ и сравнительные выводы о внѣшней торговлѣ Россіи и главныхъ иностранныхъ государствъ. Всѣ данныя означены погодно съ 1822 по 1846 годъ.

22. *Изложеніе началъ Мусульманскаго Законовѣдѣнія, Н. Торнау.* Спб., 627 стр. (8).—Авторъ изучилъ на практикѣ законовѣдѣніе Закавказскаго края и изложилъ тѣ начала права, которыя наблюдаются у мусульманскихъ подданыхъ Россіи; имѣя въ виду практическую пригодность своего труда, авторъ обратилъ особенное вниманіе на гражданскіе законы. См. рецензію гг. *Дорна* и *Каземъ-Бека* въ «20-мъ присужд. Демид. наградъ».

24. *Собраніе законовъ и постановленій до морскаго управленія относящихся.* 1849 и 1850-й годы. 2 части. Спб., 854 стр. (8).—См. Зап. Гидр. Деп. за 1850.

25. *Русская Фауна,* изд. *Ю. Симашко.* Тетр. 17—31. Спб., 442 стр. 8.—См. Указат. 1849.

26. *Записки Гидрографическаго Департамента Морскаго Министерства.* Часть VIII. Спб., 626 стр. (8).—Въ этой книгѣ помѣщены слѣдующія статьи по предмету Исторіи: 1) *А. Соколова:* Морскія

кампаніи 1798 и 1799 года и 2) Первый походъ на Азовское море 1699 года. Походъ 1699 года описанъ былъ только въ Азовской Исторіи Тауберта и весьма кратко у Голикова; здѣсь напечатанъ хранившійся въ рукописи подробный «Экстрактъ изъ журнала, держаннаго отъ господина Вице-Адмирала Крейса на пути изъ Москвы въ Воронежъ, съ Воронежа въ Азовъ, на Таганрогъ и къ Керчѣ, а оттуды паки назадъ къ Азову»; въ статьѣ г. Соколова помѣщена переписка Нельсона съ Ушаковымъ, а также описаны подробно дѣйствія послѣдняго въ Средиземномъ и Нѣмецкомъ Морѣ противъ Франціи. По предмету Географіи напечатаны въ «Запискахъ»; 1) окончаніе статьи *Н. Ивашинцова:* Русскія кругосвѣтныя экспедиціи (1819 — 1849); 2) *А. Кашеварова*: Атласъ Восточнаго Океана и 3) Восточный берегъ Каспійскаго Моря по Карелину. По предмету права: Дополненія и поправки къ морскимъ законамъ, сдѣланныя Петромъ Великимъ. Наконецъ къ Запискамъ приложенъ библіографическій Указатель и обозрѣніе морской Русской Литературы царствованія императора Александра I.

27. *Verhandlungen der Russisch-Kaiserlichen Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg.* Jahrgang 1848 und 1849. Spb., 432 (8).— Въ этомъ изданіи, кромѣ техническихъ изслѣдованій различныхъ минералловъ въ Россіи, помѣщены слѣдующія статьи, болѣе общія: 1) *Гофмана:* Краткое обозрѣніе Уральскаго хребта; здѣсь много свѣдѣній о добычѣ металловъ (на Нижнемъ Тагилѣ ежегодно добывается 950,000 пудъ желѣза и 210,000 пудъ мѣди; Уральскія розсыпи съ 1816 до 1848 года доставили 6851 пудъ золота). 2) *Гревинка:* Описаніе Сѣверо-Западнаго берега Америки и прилежащихъ острововъ въ орографическомъ и геогностическомъ отношеніяхъ; къ этому приложена роспись матеріаловъ для Исторіи путешествій и открытій въ западной части Сѣверной Америки и прилежащихъ моряхъ. См. Ж. М. Н. П. 1851, N 2; о послѣдней статьѣ См. ниже N 78.

28 *Географическія Извѣстія*, изд. Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Вып. 1 и 2. Спб., 310 стр.(8).—Здѣсь двѣ главныя статьи: *В. Григорьева:* О правописаніи чужеземныхъ мѣстностей и народовъ, и *П. Савельева:* Очеркъ путешествія въ прибалтійскія страны, Великій Новгородъ и Псковъ, совершеннаго рыцаремъ Гильбертомъ де Ланноа въ 1412—1414 годахъ.

29. *Записки Императорскаго Археологическаго Общества.* Томъ 3-ій. Спб., 34 стр. (8)—Перечень засѣданій Общества въ 1850—мъ году.

30. *Mémoires de la Société Impériale d'Archéologie de St. Pétersbourg, par B. Koehne.* XI (Vol. IV. N 2). Спб., 177-288 стр. (8). *Sup*-

plément. 44 стр. (8).—Здѣсь помѣщены статьи *Е. Мюральта:* Памятники древности въ С. Петербургѣ и Павловскѣ и Обозрѣніе Босфорскихъ могилъ. За тѣмъ напечатано извлеченіе изъ отчетовъ *А. Терещенко* о разрытіи кургановъ на развалинахъ Сарая, наконецъ статья г. *Банзарова:* О восточныхъ названіяхъ нѣкоторыхъ старинныхъ Русскихъ вооруженій.

31. *Записки С. Петербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Общества.* Томъ 2-й и 3-й. Спб., 151, 192, 34 стр. (8).—Главнѣйшія статьи этихъ томовъ суть слѣдующія: 1) г. *Григорьева:* Описаніе клада изъ Золотоордынскихъ монетъ, найденнаго близъ развалинъ Сарая; 2) г. *Березина:* Арабскія надписи въ Дербентѣ, 3) г. *Лакіера:* О знакахъ отличія за службу въ Россіи до временъ Петра Великаго, 4). г. *Казанскаго:* О гривнахъ. Наконецъ отчеты о засѣданіяхъ Общества.

32. *Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves, éd. par la Société Royale des Antiquaires du Nord.* Tome 1. Copenhague, 491 стр. (in-f).

33. *Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.* Москва. Книга 5, 6, 7 и 8—я. См. От. Зап. 1854, N 2, 1850, N 8.

34. *Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.* Томъ II, отд. 2 и 3-е. Одесса. (4).—Замѣчательнѣйшія статьи этого тома суть: 1) Статейный списокъ Тяпкина (см. настоящій Указ. N 7); 2) Высочайшіе рескрипты Екатерины II; 3) ярлыки Крымскихъ Хановъ; 4) *Срезневскаго:* О городищахъ въ земляхъ славянскихъ, преимущественно западныхъ; 5) *Снегирева:* Римскій барельефъ, извѣстный подъ именемъ образа Св. Георгія въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ. Остальныя статьи относятся къ объясненію арабскихъ и греческихъ надписей, находимыхъ въ Новороссійскомъ краѣ; сверхъ того присоединена библіографія и обзоръ дѣйствій общества 1843—1849 (здѣсь біографіи - некрологи архіеп. Кишиневскаго Димитрія и С. Дестунисъ).

35. *Памятная книжка Императорскаго Александровскаго Лицея на 1850—51 годъ.* Спб., 272 стр. (8).—Кромѣ отчета, здѣсь напечатано разсужденіе г. *Поливанова:* О постановленіяхъ относительно рекрутской повинности въ Россіи со времени Петра Великаго до 1810 года. (Это извлеченіе изъ Полн. Собр. Законовъ).

36. *Военный энциклопедическій Лексиконъ.* Книжк. 50—53.Спб., 550 стр. (8).

37. *Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи,* издаваемый *Н. Калачовымъ.* Кн. 1-ая. М., 486 стр. (8)—См. От. Зап. N 5 (ст. *К. Кавелина*); Совр. N 4 (ст. *Аѳанасьева*); Москв.

N 7 (статьи *М. Погодина.* и *Ш*); ib. N 9 (ст. *Ө. Буслаева*); Моск. Вѣд. N 87 (ст. К. А.); отвѣтъ на послѣднюю Москв. N 24. См. также предисловіе ко 2-ой кн. Архива.

38. *Археолого-Нумизматическій Сборникъ*, изд. *г. Спасскимъ* М., 240 стр. (4).—Описаніе монетъ старинныхъ Русскихъ.

39. *Кіевлянинъ*, изд. *М. Максимовичемъ*. Кн. 3-я. М., 218 стр. (8).—Кромѣ статей издателя, относящихся къ Малороссійской исторіи и археологіи (сказаніе о Сагайдачномъ, Переяславскія сказанія, книжная старина), здѣсь напечатаны : 1) *Кн. Оболенскаго* , О двухъ древнѣйшихъ святыняхъ Кіева; 2) *М. Погодина*, О Русской торговлѣ въ удѣльный періодъ; 3) *С. Соловьева* , Вел. Кн. Ольга; 4). *И. Бѣляева*, В. К. Михаилъ Черниговскій.

40. *Драмматическій Альбомъ*, изд. *И. Араповымъ*. М., 266 стр (8).—Здѣсь между прочимъ помѣщена статья издателя,—Очеркъ постепеннаго хода и усовершенствованія театра въ Россіи.

41. *Ярославскій Сборникъ*. Кн. 2-ая. Яросл., 217 стр. (8).—Здѣсь три статьи г. *Серебрякова:* Екатерина II въ городахъ Ярославской провинціи; Кн. Пожарскій и Мининъ въ Ярославлѣ въ 1612 году; Ө. Г. Волковъ (новыхъ свѣдѣній нѣтъ, взглядъ на событія поверхностный); г. *Трехлѣтова:* Свадебныя обычаи села Давыдкова (повтореніе извѣстнаго).

42. *Сборникъ Коммерческихъ знаній*, изд. *И. Вавиловымъ*. Спб., 303 стр. (8).—Въ этомъ изданіи, кромѣ теоретическихъ свѣдѣній, есть статья: Очеркъ характера внѣшней торговли, мореходства и мореплаванія въ Россіи (не заключающая ничего важнаго). См. Вѣстн. Геогр. Общ. 1851, кн. 1.

43. *Живописный Сборникъ*, изд. *А. Плюшаромъ*. Спб., 375 стр. (4).—Здѣсь между прочимъ напечатана небольшая статья о Москвѣ.

44. *Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи. М. Погодина*. Томъ 4-й. М., 448 стр. (8).—Четвертый томъ «Изслѣдованій» обнимаетъ собою время отъ кончины Ярослава до Монголовъ (1054—1240); авторъ называетъ его періодомъ удѣльнымъ. Изслѣдованія идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала разсматриваются источники удѣльнаго періода и разбирается хронологія лѣтописей ; за тѣмъ слѣдуютъ статьи: о предѣлахъ первыхъ Русскихъ княжествъ послѣ смерти Ярослава и городахъ, входившихъ въ составъ этихъ Княжествъ; о родахъ княжескихъ и правахъ наслѣдованія между князьями; наконецъ о значеніи Великаго Князя и объ отношеніяхъ князей между собою. См. Соврем. N 12; Отеч. Зап. 1851, N 3.

45. *Отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ лѣтописцѣ Русскомъ* Соч. *И. Б*. Спб., 52 стр. (8).—Отдѣльный оттискъ статьи Соврем. N 9.—Статья вызвана была мнѣніемъ г. Казанскаго (Времен. N 1 и 3)

о томъ, что Несторъ лѣтописецъ и Несторъ, сочинитель житія Θео-досія, не одно и тоже лицо. Г. Б. доказываетъ противное. См. отвѣтъ г. Казанскаго въ От. Зап. 1851, N 1. О томъ же Врем. N 7. Письмо г. *Погодина* къ г. Казанскому, Москв. 1849, N 5.

46. *Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси.* Соч. *А. Тюрина.* Спб., 95 стр. (8).—Отдѣльные оттиски статей, помѣщенныхъ въ Библ. для Чтенія.—Это очеркъ развитія русскаго внутренняго быта отъ древнѣйшихъ извѣстій до XII вѣка; въ этомъ развитіи авторъ принимаетъ пять формъ: 1) бытъ племенный; 2) родовой, 3) общественный, 4) земскій и 5) государственный. Въ изложеніи этихъ формъ высказано много новыхъ, весьма удачныхъ объясненій, вѣрныхъ взглядовъ и полезныхъ сближеній; такъ авторъ выводитъ, что у славянъ-язычниковъ существовало единобрачіе; вѣно не было куплею; въ древнѣйшей семьѣ признавалась только ближайшая связь родителей и дѣтей, отчего не было права представленія, и проч.—См. От. Зап. N 4.

47. *О значеніи Кормчей книги въ системѣ древняго Русскаго Права, Н. Калачова.* М., 208 стр (8).—Отдѣльное изданіе статей помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ Общ. Ист.» (годъ 3-ій, N 3 и 4).—Авторъ начинаетъ опредѣленіемъ юридическаго состоянія духовенства въ Россіи до Петра Великаго, излагаетъ права его и источники этихъ правъ. Переходя къ Кормчей, г. Калачовъ указываетъ на статьи этого памятника, заимствованныя изъ постановленій Византійскихъ и на статьи Русскія. Главнымъ образомъ авторъ объясняетъ Византійское вліяніе на наше право.

48. *О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго.* Историческое изслѣдованіе *Виталія Шульгина.* Вып. 1-й. Кіевъ, XXVII и 106 стр. (8).—Указавши на значеніе женщины въ домашней и общественной жизни, авторъ полагаетъ, что судьба Русской женщины прошла три ступени: въ языческомъ быту всѣ сферы жизни открыты женщинамъ, съ принятіемъ христіанства начинается разлученіе половъ, наконецъ при Петрѣ Великомъ это общественное разъединеніе прекращается. Въ 1—мъ выпускѣ разсматривается состояніе женщинъ въ языческой Руси. На основаніи лѣтописей, извѣстій иностранцевъ, обычаевъ, обрядовъ и пѣсенъ народныхъ, авторъ возсоздаетъ картину быта древней русской женщины, еще не просвѣщенной христіанствомъ; особенно подробно изслѣдованы вопросы о бракѣ у языческихъ Славянъ, о вѣнѣ, объ умычкѣ, и проч. Неправильность нѣкоторыхъ мнѣній автора указана *М. Погодинымъ* въ Москв. N 11; см. также Отеч. Зап., N 8, и Совр., N 12 (статья В. М-на).

49. *Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова.*

Соч. *Ил. Павлова.* М., 136 стр. (8).—Книга г. Павлова начинается подробнымъ разсказомъ объ избраніи Бориса на царство, большею частію словами памятниковъ. За тѣмъ разсматриваются его дѣянія до избранія и послѣ избранія: учрежденіе патріаршества, указы 1592 и 1597 годовъ, дѣйствія относительно торговли и промышленности, внѣшнія сношенія, стремленіе къ умственному и нравственному образованію народа. Всѣ эти событія авторъ подводитъ подъ одну общую мысль: при Іоаннѣ III и Василіѣ государственному началу уступаютъ родовыя отношенія княжескія и вѣчевыя, при Іоаннѣ IV—боярскія, при Борисѣ Годуновѣ—общинныя; всѣ дѣйствія Годунова служатъ продолженіемъ прежнихъ царствованій. Авторъ предлагаетъ новыя изслѣдованія о дѣтяхъ боярскихъ. Нѣкоторые недостатки этой книги указаны *М. Погодинымъ* въ Москв., N 8 и 9: см. также ст. *К. Кавелина*, От. Зап., N 9; отвѣтъ на нее г. Погодина—Москв. N 19, 20, 21, Современникъ, N 8; отвѣтъ Современнику въ Отеч. Зап. 1851, N 1.

50. *Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи.* Соч. *Е. Осокина.* Казань, 174 стр. (8).—Подробное указаніе всѣхъ таможенныхъ пошлинъ; здѣсь собрано все, что находится въ отечественныхъ памятникахъ о значеніи той или другой пошлины. Дробность изслѣдованія не дозволила автору сосредоточиться на одномъ главномъ началѣ и представить полную картину финансоваго управленія Россіи. См. рецензію *И. Бѣляева* въ Москв. N 22; Совр. N 12.—Отвѣтъ г. Осокина въ Юрид. Сборн. Мейера, 1855, стр. 539.

51. *Князь Андрей Юрьевичь Боголюбскій.* Соч *М. Погодина.* Спб. 70 стр. (8) М. 48 стр. (8).—Сочиненіе это было напечатано въ Ж. М. Н. П. 1849 г. N 9 и 10.—Оно представляетъ собою собраніе лѣтописныхъ свидѣтельствъ о всѣхъ событіяхъ жизни Андрея. Авторъ сличилъ для этого 5 лѣтописей и распредѣлилъ матеріалъ въ такомъ порядкѣ: рожденіе и женитьба, удаленіе на сѣверъ, дѣйствія внутреннія, отношенія къ Новгороду и Южной Россіи, походъ на Болгаръ, и проч.

52. *Die allgemeine gesetzliche Erbfol geordnung der Bluthverwandten Reichrechte, nach dem russischen* von. *S. Steinbach.* Dorp. 76 (8).—Составлено по дѣйствующимъ законамъ.

53. *Prawo hipoteczne w Królewstwie Polskiem,* objasnione przez *W. Dutkiewicza.* Wars. 586 (8).

54. *Опытъ Исторіи отправленія личной воинской повинности въ Россіи* отъ начала Государства до изданія Рекрутскаго Устава, съ 862 до 1831 года. Соч. *А. Корсунова.*—Сначала авторъ говоритъ объ иррегулярныхъ войскахъ, за тѣмъ обозрѣваетъ воинскую повинность до Петра Великаго, наконецъ узаконенія послѣдующаго вре-

мени. Это собственно указаніе матеріаловъ и выписки изъ источниковъ; неполнота и дробность изложенія не дозволяютъ автору сдѣлать вѣрные выводы.

55. *Устройство и состояніе Еврейскихъ Обществъ въ Россіи.* Соч. *Б. М—на.* Спб., 272 стр. (8).—Это сочиненіе напечатано было въ Ж. М. В. Д. Здѣсь изложены сначала исторія законовъ о водвореніи Евреевъ съ XVII вѣка, а потомъ ихъ настоящее положеніе: права Еврейскихъ обществъ и Евреевъ личныя и имущественныя, подати и повинности. Въ концѣ книги въ видѣ таблицъ представлены статистическія данныя: общее число Евреевъ (въ 1847 году 1.041.363 души и 869 обществъ), распредѣленіе ихъ по губерніямъ, количество земли и промыслы.

56. *Поморье бывшаго Удѣльнаго княжества Полоцкаго, сопредѣльнаго ему Псковскаго и Великаго Новгорода, Л. Тарасенко-Атрѣшкова.* Спб., 18 стр. (8).—Краткій очеркъ исторіи Лифляндіи до послѣдняго времени и нѣсколько статистическихъ указаній о настоящемъ ея бытѣ и законахъ.

57. *De Sophocle medici herois sacerdote disquisitionis delineatio.* Scripsit *Car. Pauckerius.* Particula 1. Dorp., 48 стр. 8).—Между прочимъ авторъ доказываетъ, что Венетовъ, жившихъ при Адріатическомъ Морѣ, слѣдуетъ принимать за Славянъ уже на основаніи ихъ богослуженія.

58. *De l'origine de la nation russe,* par. *Leon. Hegewald.* Spb., 192 стр. (8).—Наборъ самыхъ странныхъ мнѣній, основанныхъ на филологическихъ натяжкахъ. Авторъ находитъ въ Руссахъ соединеніе началъ яфетическаго и семитическаго. Это онъ старается доказать: a) лексикологіею слова Русь; b) преданіями о происхожденіи Руси; c) единствомъ этого народа съ Славянами, и проч; Руссы упоминаются у Гомера, бани и каша встрѣчаются у Геродота и Плинія; по этимологическому производству Русь означаетъ силу, твердость, завоеваніе.

59. *Исторія Русской Церкви.* Періодъ 1-й; отъ начала Христіанства въ Россіи до нашествія Монголовъ (988—1237). Изд 2-ое. Харьковъ, 270 стр. (8).—См. Указ. 1848, N 22.

60. *Entwurf zur Kirchen-und-Religionsgeschichte Esthlands vom Iahr 1792.* Von *Gust. Carlbrom.* Rev., 60 стр. (8).

61. *Антіохійская Церковь.* Соч. *С. Шевырева.* Спб., 28 стр. (8).—Здѣсь между прочимъ есть нѣсколько указаній на сношенія Антіохійской Церкви съ Россіею и въ нихъ новыя подробности о путешествіи Антіохійскаго Патріарха Макарія, который пріѣзжалъ въ Москву въ 1655 и 1667 годахъ.

62. *Краткій обзоръ Царствованія благословеннаго дома Романо-*

выхъ. Сост. *Зосима Воробьевъ*. Спб. 65 стр., (12).—Книга эта назначена для народнаго чтенія и заключаетъ въ себѣ безъискусственный разсказъ о возвышеніи Россіи подъ правленіемъ Державнаго Дома.

63. *Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-Esth-und Kurlands*. 5-er Band. Riga, 232 стр. (8).

64. *Opis Królestwa Polskiego*. Tom II. Wars., 88 стр. (8).—Продолженіе прежде начатыхъ изданій.

65. *Etudes sur quelques institutions de la Russie. Etablissement et mécanisme du gouvernement depuis Jean III jusqu'à Paul Premier*. Par *Ch. Lawton*. Spb., 346 стр. (8).—Во введеніи къ своей книгѣ, составленномъ по Карамзину, г. Лаутонъ говоритъ о началѣ Русскаго Государства, о Монгольскомъ игѣ и образованіи Московскаго Княжества; за тѣмъ слѣдуетъ краткая исторія учрежденій въ Россіи, раздѣленная на 4 періода: 1) отъ Іоанна III до Петра Великаго; 2) царствованіе Петра; 3) отъ Петра I до Екатерины II; 4) царствованіе императрицы Екатерины II. Содержаніе заимствовано авторомъ изъ сочиненія Арсеньева и изъ Полн. Собр. Законовъ. Въ концѣ книги приложено извлеченіе изъ того же Собранія о сношеніяхъ Россіи съ Англіею.

66. *Livland und die Anfänge des deutschen Lebens im baltischen Norden*. Von *K. Schlötzer*. Berl., 198 стр. (8).—Основательное изслѣдованіе о началѣ Ливонскаго Ордена.

67. *Die Gräber der Liven Ein Beitrag zur nordischen Alterthumskunde und Geschichte*. Von *Joh Bähr*. Drezd. 75 (4).— Къ этому изслѣдованію присоединена 21 таблица, гдѣ изображены могилы и найденныя въ нихъ вещи.

68. *Der Eid nach russischen Rechte*. Von *Jos. Lang*. Dorp., 77 стр. (8).—Разсужденіе на степень магистра.

69. *Das kurländische Erbrecht*, nach den Gesetzen und der Praxis dargestellt von *Karl Neumann*. Mittau, 226 стр. (8).—Полная монографія относительно мѣстныхъ Законовъ Россіи.

70. *Histoire de la politique extérieure du gouvernement français, 1830—1848*. Par *O. d'Haussonville*. Nouv. éd, Paris, 383 et 428 стр. (12).—Въ первомъ томѣ этого сочиненія есть глава о сношеніяхъ Россіи и Франціи; авторъ собралъ въ одно статьи, которыя онъ печаталъ въъ Revue des deux Mondes.

71. *Описаніе дѣйствій Черноморскаго флота въ продолженіе войны съ Турціею 1828 и 1829 года*. Соч. Вице-адмир. *В. И. Мелихова*. Спб., 350 стр. (8).—Оттискъ статьи Морск. Сборн. N: 1—9.

72. *Обозрѣніе русскихъ кругосвѣтныхъ экспедицій*. Сост. Лейт. *Н. Ивашинцовъ*. Спб., 306 стр. (8) —Оттискъ статей Зап. Гидрогр. Деп. См. настоящ. Указ. N 26.

73. *Исторія Черноморской торговли въ среднихъ вѣкахъ.* Изд. *Вас. Шостакомъ.* Часть 1-ая. Одесса, 156 стр. (4).—Эта книга есть переводъ сочиненія де Примодэ о торговлѣ Чернаго Моря. Въ первой части изложена исторія Черноморской торговли, торговыхъ колоній (Генуэзскихъ и Венеціанскихъ) и ихъ внутренняго устройства до взятія Кафы Мухамедомъ II. Здѣсь же можно найти исторію торговыхъ путей черезъ Черное Море въ Китай и Индію и важныя извѣстія о торговлѣ Русскихъ съ Константинополемъ. Свѣдѣнія Примодэ не сличены съ трудами Русскихъ ученыхъ.— О томъ же статья помѣщена въ Сѣв. Обозр. 1849, N 1.

74. *Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ.* Составилъ полковникъ *Милютинъ.* Спб., 144 стр. (8).—1839-й годъ замѣчателенъ въ исторіи Кавказской войны взятіемъ Ахульго; авторъ подробно описываетъ рядъ военныхъ дѣйствій и успѣховъ нашего оружія.

75. *Очеркъ Венгерской войны 1848—1849 годовъ.* Перев. съ Нѣмецкаго *Богдановича и Лебедева.* Спб., 164 стр. (8).—Подробное изложеніе Венгерской войны, въ которой участвовали русскія войска; составлено по оффиціальнымъ источникамъ.

76. *Commentaries on the war in Russia and Germany in 1812 and 1813. By* Colonel the hon. *George Cathcart.* Lond., 180 стр. (2).—Отецъ автора, лордъ Каткартъ былъ Англійскимъ посланникомъ въ С. Петербургѣ и находился въ свитѣ императора Александра I во все продолженіе войны 1813 года; авторъ состоялъ при отцѣ своемъ въ званіи адъютанта и присутствовалъ при всѣхъ военныхъ операціяхъ. Книга его имѣетъ значеніе, какъ записки очевидца, подмѣчающаго подробности, которыя могутъ разлить новый свѣтъ на событія и характеръ лицъ.

77. *Dictionary of Geography, Descriptive, Physical, Statistical, and Historical.* By *Alex. Keith Jonston.* Lond. 1500 стр. (8).—Это самый точный изъ всѣхъ существующихъ географическихъ Словарей.

78. *Beitrag zur Kenntniss der orographischen und geognostischen Beschaffenheit der Nordwest Küste Americas mit den Aleutischen Jnseln,* von Dr. *C. Grewingk.* Spb. 352 стр. (8).—Страны, описанныя авторомъ, принадлежатъ Россійско-Американской Компаніи. Въ книгѣ г. Гревинка предложено сначала общее обозрѣніе источниковъ и матеріаловъ, служащихъ для исторіи путешествій и открытій въ тѣхъ краяхъ; за тѣмъ слѣдуетъ самое описаніе страны—ея географія и орографія—сколько это возможно безъ собственнаго наблюденія. См. рец. *А. Озерскаго,* въ Вѣстн. Геогр. Общ. 1851, кн. 3, и *Г. Гельмерсена* въ 20-омъ присужд. Демид. наградъ. См. N 27 настоящ. Указ.

79. *Гидрографическое описаніе сѣвернаго берега Россіи,* сост. капи-

лейт. *М. Рейнеке* въ 1833 году. Часть 1-я. Бѣлое море. Спб. LXVI и 512 стр. (4).—Вторая часть этого труда, заключающая «Лапландскій Берегъ» вышла въ 1843 году. Введеніе къ 1-й части содержитъ въ себѣ обзоръ прежнихъ описаній и картъ Бѣлаго Моря; за тѣмъ слѣдуетъ общій обзоръ Моря и частныя описанія его. Авторъ, участвовавшій въ экспедиціи 1826 года, сдѣлалъ съемку береговъ и островов Бѣлаго Моря, опредѣлилъ его глубину и подробно описалъ устье Двины; сверхъ того собралъ богатый запасъ свѣдѣній относительно исторіи и статистики всего Бѣломорскаго края; въ видѣ приложеній авторъ помѣстилъ описаніе приморскихъ городовъ и селеній. См. рец. *В. Струве* въ 20-мъ прис. Демид. наградъ.

80 *Списокъ мѣстъ въ сѣверозападной части средней Азіи, положеніе которыхъ опредѣлено астрономически.* Сост. *Я. Ханыковымъ.* и *Ю. Толстымъ.* Спб., 49 стр. (8).

81. *Топографическо-хозяйственное описаніе прикаспійскаго края въ Закавказьи.* Сост. *Ю. Гагемейстеромъ.* Спб., 56 стр. (8).—Это описаніе знакомитъ съ общимъ характеромъ страны, а потому въ немъ мало числовыхъ данныхъ; авторъ разсматриваетъ естественное положеніе, хозяйство, занятія и характеръ жителей въ каждомъ уѣздѣ.—Описаніе было помѣщено въ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ.

82. *Kurze allgemeine Uebersicht des Uralgebirges.* Von Prof. *E. Hoffman.* Spb., 23 стр. (8).—Отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ Минер. Общ.» См. N 27.

83. *Ueber das Vorkommen silberhaltiger Bleierze im Nertschinsken Bergrevier,* von N. Wersilow. Spb., 32 стр. (8).—Содержаніе этой книги составляетъ описаніе всѣхъ рудниковъ Нерчинскаго округа и исторія ихъ разработки съ 1691 года.

84. *Опытъ Статистическаго описанія Новороссійскаго края.* Сочиненіе *А. Скальковскаго.* Часть 1-я. Географія, Этнографія и Народочисленіе Новороссійскаго края. Одесса, 364 стр. (8).—Авторъ предпосылаетъ своему изслѣдованію краткую исторію границъ края; за тѣмъ описывается настоящее положеніе и границы Новороссіи; въ этнографическомъ описаніи, весьма полномъ, находится много данныхъ для исторіи иностранныхъ колоній въ Россіи; вообще описаніе вездѣ оживляется историческими воспоминаніями; за этнографіей слѣдуетъ народонаселеніе со всѣми вопросами; къ нему относящимися. См. От. Зап. 1851, N 5.

85. *Obrazy Litewskie,* przez *Ignac. Chodźko.* Serye 5. Tom. II. Wilno, 288 стр. (12).

86. *Ukraina dawna i teraźniejsza,* przez *M. Grabowskiego.* Tom. I. Kijów, 172 стр. (4).

87. *Litwa Starozytne dzieje, ustawy, jezyk, wiara, obyczaye* etc. Przez. *J. Kraszewskiego*. Tom. II. Wars., 440. стр. (8).

88. *Wspomnienia Sandomierskie i opis miasta Sandomirza*. Przez. *J. Chadzomskiego*. Wars. 182. стр. (8).

89. *Opis Piotrkowa Trybunalskiego* pod względem historycznym i statisticznym. Przez *Oskara Flatt*. Wars. 64 стр. (8).

90. *Статистическіе очерки Воронежской губерніи*. Кн. 1, Ворон., 179 стр. (8).— Здѣсь описаны три уѣзда: Валуйскій, Острогожскій и Бобровскій; показано пространство земли, особенность мѣстности, опредѣлено различіе и качество почвы; наконецъ въ числахъ выражены народонаселеніе, культура и промышленность. Сверхъ того помѣщены свѣдѣнія историческія объ основаніи и заселеніи городовъ.

91. *Справочная книжка Архангельской губерніи на 1850 годъ*. Арх. 168 стр. (8).—Въ ней есть статистическія данныя и описаніе мѣстности.

92. *Памятная книжка Виленской губерніи на 1850 годъ*. Вильно, 234 стр. (12).—Она содержитъ описаніе мѣстныхъ достопримѣчательностей.

93. *Руководство къ познанію Кавказа*. Кн. 3-я. Спб., 179 стр. (8).—Здѣсь слѣдующія статьи: 1) о древнихъ народахъ восточнаго берега Чернаго моря; 2) о католикосахъ; 3) описаніе климата Кавказа. Книга не имѣетъ значенія.

94. *Srkice Kaukazie*, przez *I. Dobrskiego*. Wars., 276 стр. (8).

95. *Города, существовавшіе и существующіе въ Грузіи*. Соч. *Пл. Іосселіана*. Тифл. 88 стр. (16).

96. *Gospodarstwo postępowe w Litwie*, przez *T. Dybowskiego*. Wilno, 144 стр. (12).

97. *Описаніе Москвы и ея достопримѣчательностей*. Кн. 1 и 2. М. 570 стр. (12).

98. *Указаніе на достопримѣчательные предметы Кіева*. Кіевъ, 28 стр. (8).

99. *Описаніе Варшавы и ея окрестностей, съ дополненіемъ описанія Ченстохова*. Сост. *П. Д*. Съ планомъ Варшавы. Варш., 153 стр. (12).—Здѣсь представленъ историко-статистическій взглядъ на Варшаву, описаны всѣ замѣчательныя зданія въ ней и наконецъ обращено вниманіе на Ченстоховскій монастырь, замѣчательный въ историческомъ отношеніи и по древнему образу Божіей Матери, греческаго письма.

100. *Die Insel Kolgujew*. Von Nikolitsch. Mitau., 4 стр (8).—Отдѣльный оттискъ изъ 9-й тетради Трудовъ Курляндскаго Общества.

101. *Очеркъ сельско-хозяйственной промышленности Новороссійскаго края Екатеринославской губерніи*. М. 52 стр. (8).

102. *О климатѣ Полтавской губерніи. Ник. Маркевича.* М. 40 стр. (8).—Отдѣльные оттиски изъ Журн. Сельск. Хоз. Въ послѣднемъ помѣщены метеорологическія наблюденія надъ климатомъ и нѣсколько словъ о простонародномъ хозяйственномъ календарѣ, также о климатическихъ пословицахъ и повѣрьяхъ.

103. *Статистическое и хозяйственное описаніе Городищенскаго уѣзда Пензенской губерніи. П. Морозова.* Спб. 34 стр. (8).—Нѣсколько замѣчаній объ уѣздѣ. Въ концѣ приложенъ списокъ селъ и деревень, также дворянъ, владѣющихъ недвижимою собственностью въ уѣздѣ.

104. *Обозрѣніе Шацкаго уѣзда въ хозяйственномъ отношеніи, Кн. Влад. Волконскаго.* М. 56 стр. (8).

105. *Свѣдѣніе о хозяйствѣ Дмитровскаго уѣзда въ селѣ Волдынскомъ. А. Зубкова.* М. 16 стр. (8).

106. *Поѣздка въ Село Моховое. Н. Анненкова.* М. 80 стр. (16).—Замѣчанія о сельскомъ хозяйствѣ, лѣсоводствѣ и растеніяхъ Тульской губерніи.

107. *О разведеніи хмѣля въ Западной Россіи. Н. Башкевича* М. 48 стр. (8).

108. *О скотоводствѣ въ Россіи и его обезпеченіи.* Спб. 16 стр. (8).

109. *Первая выставка сельскихъ произведеній въ С. Петербургѣ.* Спб. 8 стр. (8).

110. *Полное собраніе сочиненій Франца Майера.* Томъ 1. М., 368 стр. (8). Въ этомъ собраніи помѣщена между прочимъ статья «О сельской полиціи». Она представляетъ полный кодексъ всѣхъ распоряженій, необходимыхъ для каждаго начальника имѣнія; обязанности крестьянъ и ихъ начальниковъ изложены въ слѣдующихъ главахъ: 1) объ исполненіи обязанностей къ Правительству; 2) о поддержаніи безопасности жизни и здоровья крестьянъ; 3) о благосостояніи крестьянъ и 4) о мірскихъ суммахъ. См. От. Зап. N 10.

111. *Der Bauerstand in Russland.* Von. *P. A. Storch.* Spb. 495 стр. (8).—Это систематическій сводъ и перечень извѣстій, извлеченныхъ изъ разныхъ сочиненій и расположенныхъ въ такомъ порядкѣ: 1) краткое введеніе и указаніе источниковъ и литературы предмета; 2) гражданское положеніе крестьянъ, ихъ права и обязанности; 3) числительность сельскаго населенія; 4) мѣры обезпеченія продовольствія; 5) страховыя учрежденія; 6) крестьянскіе капиталы, банки и сберегательныя кассы; 7) промышленность крестьянъ; 8) мѣры ея поощренія; 9) училища; 10) нравственность; 11) попеченіе о здоровьи; 12) благотворительныя заведенія; 13) постройки и 14) ярмарки.—Сочиненіе это было напечатано въ Mittheil. der Kaiser-

lichen freien ökon. Gesel.—См. рец. *К. Веселовскаго* въ 20-омъ прис. Демид. наградъ.

112. *Воспоминаніе объ Августѣйшемъ посѣщеніи Земли Войска Донскаго Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, въ 1850 году.* Спб. 22 стр. (8). Отдѣльный оттискъ изъ Русск. Инвалида N 270 и 271.

113. *Дорожникъ по пути слѣдованія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника по Закавказкому краю, въ 1850 году.* Составилъ *О. Константиновъ.* Тифл. 72 стр. (12).—Здѣсь помѣщено описаніе пути Августѣйшаго путешественника и присоединены этнографическія, статистическія и историческія описанія мѣстностей; такъ, при описаніи Душета, изложена исторія присоединенія Грузіи къ Россіи.

114. *Мысли о православіи, при посѣщеніи святыни Русской.* Спб. XVI и 407 стр. (8).—Авторъ (А. Н. Муравьевъ) описываетъ свою поѣздку по святымъ мѣстамъ Московской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Тамбовской и Владимірской губерній; при этомъ онъ воспоминаетъ историческое значеніе обителей и храмовъ, а также жизнь ихъ строителей и подвижниковъ. Книга наполнена многими новыми замѣчаніями о церковной архитектурѣ, о княжескихъ могилахъ, иконахъ, утвари.

115. *Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.* Вакаціонные дни проф. *С. Шевырева* въ 1847 году.. 2 части. М. 258 стр. (8).—Авторъ описываетъ каждый городъ, встрѣчающійся ему на пути, въ бѣгломъ очеркѣ. Замѣчательнѣе всего описаніе рукописей, хранящихся въ ризницѣ и библіотекѣ Кирилловскаго монастыря (Евангеліе, слово Серапіона, творенія Иларіона, Пчела); за тѣмъ описаніе города Бѣлоозерска, Кирилло-Новоезерской обители и Нилосорской пустыни.

116. *Путешествіе по Дагестану и Закавказью. И. Березина.* Изд. 2-ое. Каз., 430 стр. (8) —См. Указ. 1849, N 77.

117. *Замѣтки на пути изъ Петербурга въ Барнаулъ П. Небольсина.* Спб. 248 стр. (8).—Отдѣльно отпечатанныя статьи изъ Отеч. Зап. 1849 года.

118. *Кусково и его окрестности.* М., 96. стр. (16).

119. *Крушеніе корабля Невы у береговъ Новоархангельскаго порта. А Маркова* Спб 36 стр. (12).—Здѣсь есть нѣсколько подробностей о первоначальныхъ дѣйствіяхъ Россійско-Американской компаніи и о лицахъ, пріобрѣвшихъ извѣстность на этомъ поприщѣ. Брошюра эта была напечатана въ Москв. N 13.

120. *Описаніе маяковъ, башенъ и другихъ предостерегательныхъ для мореплавателей знаковъ Россійской Имперіи.* Спб., 89 стр. (4).

121. *Руководство для служащихъ на военныхъ морскихъ пароходахъ.*

Составилъ кап.-лейт. *Р. Скаловскій.* Часть 4-ая. Спб. 626 стр. (8).

122. *Flüchtige Bemerkungen eines Flüchtig—Reisenden.* Von. *C. Arnim.* 2 Th. Berl. XV и 569 стр. (8). —Описаніе путешествія въ Россію, совершеннаго въ 1846 году.

123. *Ueber die Deutschen in St. Petersburgischem Gouwernement.* Von. *P. Köppen* Spb. 45 стр. (8).—Извлеченіе изъ 7-го тома Bull. hist.-philol.

124. *Orographisch-geognostische Uebersicht des Uralgebirges im hohen Norden.* Von *A. Schrenk.* Dorp. 84 стр (8).

125. *Reise nach Kolchis und nach den deutschen Colonien jenseits des Kaukasus.* Von. *Mor. Wagner.* Leipz. VIII и 341 стр. (8).

126. *Матеріалы для статистики Царства Польскаго.* Сост. *Люд. Вольскимъ.* Спб. 117 стр. (8). —Здѣсь собраны матеріалы для гидрографіи и народонаселенія Царства.

127. *Памятная книжка Тверской губерніи.* Тверь, 123 стр. (8).

128. *Annuaire de l'Economie Politique et de la Statistique pour 1851,* par *Jos. Garnier et Guillaumin.* Paris, 320 стр. (12).—Въ третьей части этого сборника помѣщены статистическія свѣдѣнія обо всѣхъ государствахъ: о населеніи, финансовыхъ средствахъ, торговлѣ и проч.

129. *Свѣдѣніе о существующихъ въ Россіи лаврахъ и монастыряхъ.* М. 156 стр. (8).—Авторъ собралъ изъ разныхъ источниковъ, указанныхъ имъ, извѣстія о монастыряхъ и описаніе ихъ расположилъ въ алфавитномъ порядкѣ. Описаніе кратко, а свѣдѣнія не полны.

130. *Указатель святыхъ и священныхъ достопамятностей Кіева.* Кіевъ, 200 стр. (8).

131. *Путеводитель къ Московской святынѣ.* Сост. *Д. Струковъ.* М. 226 стр. (8).—Здѣсь описаны въ алфавитномъ порядкѣ всѣ Московскіе храмы, также находящіяся въ нихъ чудотворныя иконы и св. мощи, наконецъ праздcreства и крестные ходы.

132 *Церковно-историческій мѣсяцословъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.* М. 82 стр. (8).—Здѣсь представленъ хронологическій обзоръ событій, касающихся Лавры, число и время построенія церквей въ монастырѣ и окрестностяхъ, число жителей въ Лаврѣ и посадѣ, имена лицъ, погребенныхъ въ Лаврѣ, и проч.

133. *Описаніе зданій, находящихся въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ.* М. 14 стр. (12).

134. *Записки о нынѣшнемъ состояніи Русскаго Пантелеймонова монастыря на св. горѣ Аѳонской* М. 58 стр (8).

135. *Поѣздка на Валаамъ.* Спб. 12 стр. (8).

136. *Описаніе Иверскаго Богородицкаго монастыря.* 2-ое изд. .Спб. 64 стр. (8).

137. *Описаніе Тотемскаго Спасо—Суморина монастыря и Дѣдовской Троицкой пустыни.* Спб. 52 стр. (8).

138. *Описаніе Тотемскаго Спасо-Суморина монастыря.* М. 69 стр. (8).

139. *Обновленіе Святогорской общежительной Успенской пустыни.* Спб. 143 стр. (8).

140. *Обновленіе храма Знаменія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Дубровицахъ.* Соч. *А. Вельтмана.* М., 16 стр. (4) и рисунокъ.-Храмъ заложенъ въ 1690 году и освященъ въ 1704, въ присутствіи царя Петра I. Авторъ разсказываетъ исторію храма и самаго села Дубровицъ.

141. *Историческая записка о Фроловскихъ воротахъ, что нынѣ Спасскія Кремлевскія ворота въ Москвѣ. А. Бѣлякина.* М. 60 стр. (8).

142. *Житіе св. Димитрія, Митрополита Ростовскаго.* М. Два изданія.

143. *Житіе преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотворцовъ.* М., церк. печати.

144. *Краткое историческое извѣстіе о св. Θеодорѣ и Іоаннѣ, Суздальскихъ чудотворцахъ.* М. 20 стр. (8).

145. *Страданія св. мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія, пострадавшихъ въ Вильнѣ въ 1342 году.* Вильно, 32 стр. (16).

146. *Краткій отчетъ о положеніи и ходѣ Военно-учебныхъ заведеній въ двадцатипятилѣтнее царствованіе Государя Императора.* Напечатано по *Высочайшему* повелѣнію. Спб. 303 стр. (8).— Книга эта имѣетъ три отдѣла: 1) состояніе заведеній въ 1825 году; 2) ходъ заведеній въ періодъ двадцатипятилѣтія, и 3) состояніе заведеній къ исходу 1850 года. Въ теченіе 25-ти лѣтъ выпущено: офицерами 14,415, юнкерами — 1517 и въ гражданскую службу—1,265.

147. *Отчетъ Императорской Академіи Наукъ.* Спб. 28 стр. (8).

148. *Отчетъ Ректора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета за 1849 годъ.* Спб. 32 стр. (8).

149. *Торжественное собраніе Московской 3-ей Реальной Гимназіи.* М. 38 стр. (8). — Отчетъ объ ея состояніи.

150. *Отчетъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей съ 14 ноября 1848 по 14 ноября 1849.* Од., 28 стр. (8).

151. *Отчетъ Русскаго Географическаго Общества за 1849 годъ.* Спб. 66 стр (12).

152. *Отчетъ по Императорскому Гатчинскому Сиротскому Институту за послѣднія десять лѣтъ, съ 1840 по 1850 годъ.* Спб. 51 стр. (8).—Изъ общаго числа воспитанниковъ, которое въ теченіе десятилѣтія составляетъ 501, выпущено 248 канцелярскими служителями, 24 чиновниками втораго разряда, 64 домашними наставниками, остальные въ высшія учебныя заведенія.

153. *Историческое обозрѣніе дѣйствій и трудовъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.* Составилъ *Степанъ Масловъ.* Изд. 2-ое М., 368 стр. (16).— Все время существованія Общества съ 1818 по 1846 годъ, авторъ дѣлитъ на три періода и въ каждомъ описываетъ главнѣйшія учрежденія Общества и представляетъ имена его дѣятелей.

154. *Отчетъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства за 1849-й годъ.* М. 124 стр. (8).

155. *Записки Лебедянскаго Общества Сельскаго Хозяйства за 1849 годъ.* М. 384 стр. (8)

156. *Отчетъ Россійско-Американской Компаніи Главнаго Правленія по 1 генваря 1850 года.* Спб 38 стр. (8).

157. *О цѣли и дѣйствіяхъ перваго Россійскаго страховаго отъ огня общества, учрежденнаго въ 1827 году.* Спб. 24 стр. (8).

158. *Ueber den Zweck und die bisherige Wirksamkeit der ersten Rus. Feuer—Assecuranz—Compagnie, gegründ. im 1827.* Spb. 22 стр. (8).— Представлены цифры, показывающія оборотный капиталъ общества со времени его учрежденія.

159. *Statuten der Feuer-Versicherungs Compagnie Salamandra.* Spb., 31 стр. (8)

160. *Réglement de la société des bateaux à vapeur, Mercure, sur le Wolga, l'Oka, la Kama et leurs affluentes.* Spb. 16 стр. (8).

161. *Описаніе С.-Петербургскаго заведенія Общины Сестеръ Милосердія.* Спб. 67 стр. (8).

162. *Отчетъ Общины Сестеръ Милосердія за 1849-й годъ.* Спб. 36 стр. (12).—Сестеръ Милосердія состояло 25, въ больницѣ призрѣвалось 290 женщинъ; въ пансіонѣ воспитывалось 49 дѣвицъ; въ пріютѣ 69 дѣтей, въ исправительной школѣ 20, въ отдѣленіи кающихся—55. Въ приходѣ было 20,000 р. с. и столько же въ расходѣ.

163. *Instructions pour les dames protectrices des Salles d'asile et leurs aides.* Spb. 30 стр. (12).

164 *Association française de bienfaisance à St.-Pétersbourg.* Spb. 24 стр. (8)

165. *Rapport sur les opérations du comité de l'association française de bienfaisance pendant l'année 1849.* 29-me exercice. Sp. 24 стр. (12).

166 *Iahresfeier der Rigaischen Section der Evangel. Bibel-Gesellschaft in Russland, am 5 febr. 1850.* Riga, 52 стр. (8).

167. *6—ter Iahresbericht des Deutschen Wohlthätigkeits-Vereines in S.-Petersburg.* Spb. 32 стр. (8).

168. *12—ter Iahres-Bericht des Moskowschen Sections--Comität der Evangel. Bibelgesellschaft für die Iahre 1848 und 1849* M. 32 стр. (8).

169. *32—te Iahres-Rechenschaft des Frauen-Vereins zu Riga, am 13 Ian. 1850.* Riga, 18 стр. (4).

170. *Statuten der Sterbe-Kasse des Salz—und Kornmessen-Amtes.* Riga, 20 стр. (8)

171. *Отчетъ Владимірскаго губернскаго предводителя дворянства, за 1849 годъ*, Одесса, 24 стр. (4).

172. *Каталогъ дублетовъ Императорской Публичной Библіотеки*, часть 1 Спб., VIII и 350 стр. (8).—Здѣсь напечатаны подробныя заглавія сочиненій объ исторіи Россіи на иностранныхъ языкахъ.

173. *Указатель статей Горнаго Журнала съ 1825 по 1849 годъ.* Сост. *Р. Кемпински.* Спб. XX и 350 стр. (8) —Статьи расположены въ систематическомъ порядкѣ, а имена авторовъ въ алфавитномъ.

174. *Приготовительныя свѣдѣнія для словаря историко-юридическаго собственныхъ именъ и техническихъ терминовъ*, встрѣчающихся въ древнихъ русскихъ памятникахъ М. 16 стр. (8).—Отдѣльный оттискъ статьи *г. Ундольскаго* изъ Архива Историко-юрид. свѣдѣній кн. 1-ой.

175. *Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersbourg.* 3-er Theil, 1-er Band. Спб. 488 стр. (8).

176. *Catalogue d'une grande et très belle collection de monnaies et médailles polonaises.* Par *Leon Mikocki.* Wienne, XII et 188 стр. (8) —Каталогъ написанъ для аукціона, который назначенъ былъ правительствомъ Австрійскимъ.

177.—*Описаніе неизданныхъ русскихъ монетъ, принадлежащихъ собранію кн. С. В. Долгорукаго.* Спб. 20 стр. (8).

178. *Келарь Троицко-Сергіевской Лавры Авраамій Палицынъ, знаменитый сподвижникъ и защитникъ русской земли въ мрачную эпоху самозванцевъ* (1608—1612). Соч. *А. С.* Спб., 30 стр. (8). Здѣсь нѣсколько общихъ замѣчаній о лѣтописи Палицына и объ его жизни; брошюра не представляетъ ничего важнаго.

179. *Vie du Feld-maréchal Koutouzoff, par le général Mikhailovsky-Danilevsky,* trad. par *A. Fizelier.* Spb., 159 стр. (8).

180. *Воспоминаніе объ Иванѣ Никитичѣ Скобелевѣ. Ѳ. Булгарина.* Спб. 117 стр. (12) Неполный очеркъ жизни Скобелева.

181. *Жизнеописаніе генерала отъ кавалеріи Эманюэля.* Соч. *Кн. Н. Голицына.* Спб. 204 стр. (8).—Біографія одного изъ дѣятелей 1812-го года и подробности о самой эпохѣ.

182. *Некрологъ Александра Александровича Кавелина.* Спб. 15 стр. (8).—Оттиски изъ Русскаго Инвалида № 272 и 273.

183. *Собственноручный журналъ капитанъ-комондора С. К. Грейга.* Спб. 72 стр. (8). — Отдѣльные оттиски изъ Морскаго Сборника 1849 N 10—12. Журналъ веденъ во время Чесменскаго похода.

184. *Контръ-Адмиралъ Николай Петр. Кумани.* Спб. 9 стр. (8) — Изъ Морскаго Сборника № 7.

185. *Дмитрій Николаевичъ Бантышъ Каменскій.* Соч. *Б. Ф.* (Федорова) Спб. 28 стр. (8). — Біографія извѣстнаго писателя по Русской Исторіи.

186. *Семенъ Федор. Гаевскій.* Спб. 12 стр. (8).

187. *Мои воспоминанія о незабвенной Е. В. Новосильцовой.* М. 16 стр. (8). — Воспоминанія написаны Авд. Глинкою; въ нихъ помѣщенъ разсказъ Новосильцовой о происшествіяхъ въ первую ночь послѣ смерти Екатерины II.

188. *Hertiginnen af Finland. Historisk skildring af Finska kriget åren 1741 — 1743. Of Torelius. Helsingf.* 118 стр. (8). — Это собственно разсказъ объ Эвѣ Мартенъ, которая играла значительную роль въ жизни Кейта, сначала Русскаго, а потомъ Прусскаго генерала. Кромѣ того здѣсь на основаніи Шведскихъ документовъ изложена исторія Шведско-Русской войны, кончившейся Абосскимъ миромъ 1743 года. Трудъ г. Топеліуса особенно важенъ потому, что до сихъ поръ источникомъ для исторіи означенной войны были исключительно записки Манштейна.

189. *Анекдоты Россійскаго Императора Петра Великаго.* Изд. 3-е. М. 90 стр. (12).

190. *Мѣсяцословъ на 1851 годъ.* Спб. 286 стр. (8)—Здѣсь помѣщено нѣсколько статистическихъ таблицъ, напр. 1) о числѣ учащихся въ военно-учебныхъ заведеніяхъ (къ 1 январ. 1849 — 6763, къ 1 январ. 1850—7016); 2) таблица пожаровъ по Имперіи: въ 1848 году убытку отъ нихъ понесено до 35 мил. р. с., въ 1849 — до 8 мил. 3) перечень 92 ярмарокъ: на 14 главнѣйшихъ продано на сумму свыше 100 мил. р. с. (Нижегород. $45^1/_2$, Иркутск. $25^1/_2$ мил.)

191. *Новороссійскій календарь на 1851 годъ,* издаваемый отъ Ришельевскаго Лицея. Одесса, 415 стр. (8). — Въ немъ статьи: указатель достопримѣчательныхъ предметовъ въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабіи; статистическія таблицы того же края; обозрѣніе южнаго берега Крыма, *Ф. Домбровскаго*; описаніе Молочанскаго округа *Э. Вальтера,* — исторія и настоящее положеніе колоній Нѣмецкихъ на Молочныхъ Водахъ.

192. *Кавказскій календарь на 1851 годъ,* изданный отъ канцеляріи намѣстника Кавказскаго. Тифлисъ, 495 стр. (8).— Въ немъ слѣдующія главнѣйшія статьи: 1) *О. Константинова,* Путеводитель по Черноморію, Кавказскому и Закавказскому краю; 2) *Орловскаго,* Статистическій очеркъ Эриванской губерніи; 3) *А. Уманца.* Араксъ, очеркъ

мѣстностей, чрезъ которыя онъ протекаетъ; 4) таблицы о числѣ учебныхъ заведеній въ Закавказскомъ Учебномъ округѣ въ 1850 году и внѣшней торговли Закавказскаго края за послѣдніе 5 лѣтъ.

193. *Almanach de Gotha pour 1850.* Gotha, 787 стр. (32). — Помѣщены таблицы, относящіяся къ статистикѣ Россіи.

194. *Инструкція Благочинному* (церк. печ.). М. (8).

195. *Начертаніе Русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Н. Устрялова.* Изд. 7-е. Спб. 305 стр. (8).

196. *Краткое хронологическое обозрѣніе Русской Исторіи.* Спб. 117 стр. (12). Оно составлено *Н. Савельевымъ-Ростиславичемъ* и не имѣетъ достоинствъ.

197. *Учебная статистика, или этнографико-статистическое обозрѣніе пяти первоклассныхъ державъ Европы.* Соч. *Александра Брута.* Кн. 1. Спб. 200 стр. (8). — Данныя взяты до 1848 года.

198. *Руководство къ Россійскимъ законамъ,* сост. *Н. Рождественскимъ.* Изд. 4-е. Спб., 672 стр. (8).

199. *Указанія для производства уголовныхъ слѣдствій.* Сост. *Н. Калайдовичемъ.* Изд. 2-е. Спб. 216 стр. (12).

200. *Правила и формы для производства уголовныхъ слѣдствій* сост. *Е. Колоколовымъ.* Изд. 2 е. М. 168 стр. (8). — О прежнихъ изданіяхъ см. Указ. 1849 года.

201. *Указатель законовъ о властяхъ и установленіяхъ духовныхъ.* сост. *Е. Колоколовымъ.* М. 378 стр. (8). — Извлеченіе изъ Свода Законовъ.

202. *Отвѣтъ на вопросъ о разновременности Пасхи Христовой.* Соч. *Н. Хавскаго.* М. 24 стр. (16). — Брошюра о мартовскомъ и сентябрскомъ годѣ, написанная противъ мнѣній гг. Погодина и Ундольскаго.

203. *Revals sämmtliche Namen,* wissenschaftlich erklärt von *H. Neus.* Rev. 80 стр. (8).

204. *Русскіе простонародные разсказы* для народнаго чтенія. *Ѳ. Русанова.* М. 108 стр. (12).

205. *Изслѣдованіе запаса и прироста лѣсонасажденій С. Петербургской губерніи,* произведенное *графомъ де Бедемаромъ* съ 1843 по 1848 годъ. Спб. 200 стр. (8).

206. *Домъ графа Орлова-Денисова, прежде бывшій гр. Ростопчина* М. 28 стр. (8).

207. *Wiadomósc Bibliograficzna.* Wars. 176 стр. (8).

208. *Реестръ русскимъ книгамъ, продающимся у Лоскутова.* Спб. 100 стр. (8).

209. *Карта Аральскаго моря*, изд. Гидрограф. Департаментомъ. Спб., 1 листъ.

210. *Atlas de la Mer Noire et de la Mer d'Azow*, par *E. Taitbout de Marigny*. Одесса. 36 картъ (4).

211. *Полный историческій атласъ для древней, средней и новой исторіи, Н. Зуева.* Спб. 22 карты.

212. *Карты Европейской и Азіатской Россіи*, съ назначеніемъ станцій и числа верстъ между ними. Спб. 4 листа.

213. *Карта всей Россійской Имперіи.* Сост. *Алексѣевъ.* Спб., 6 листовъ.

214. *Учебная карта Россійской Имперіи.* Сост. *Ѳ. Наливкинъ.* М.

215 *Carte de la direction du chemin de fer, chaussée et communication des eaux entre S. Petersbourg et Moscou.* Spb. Изданіе *Даціаро.*

216. *Профиль Кавказскихъ горъ по южную сторону главнаго хребта.* Спб.

217. *Carte de la Pologne*, par *Dufour*. Paris, 2 листа.

218. *Karte von dem Kaukasischen Isthmus und von Armenien.* Herausg. von Prof. *K. Koch.* Berl., 4 листа и 31 стр. текста (4).

219 *). *Das Inland, Wochenschrift.* Въ этомъ изданіи помѣщены статьи: № 2, *War Graf Bernhard von der Lippe schon im J. 1204 Abt des Klosters zu Dünamünde, v. E. B(onnel);* № 4, 7, *Ueber Martin Beer und Konrad Bussow, v. Napiersky* und *Kunik;* № 9, 12, 16, 19, 20, 38, 41, 44, 49, *Beiträge zur Geschichte Kurlands, v. W. v. D.;* № 9, 13, *Esthnische Sagen und Mährchen, v. Graf N. Rehbinder;* № 10, 18, 20, *Anfänge der Deutsch-Lifländischen Geschichte nach Bremer Chroniken, v. E. Pabst;* № 14, 34, 39, 40, 42, 51, *Aus der nordischen, insbesondere ettischen Sagenlehre, v. E. C. v. Trautvetter;* № 21, 22, 23, 24, *War Bischoff Albert 1 ein Appeldern oder ein Buxhävden, v. E. B(onnel);* № 32, *Livländische alte Gräber in Ingermanland;* № 43, *Lebensabriss des Admiralen Grafen Heyden;* № 46, *Alte Gräber in den Gouvernements Witebsk und Pleskau.*

220. *Ulmann: Die Eigenthumsersitzung nach Kurländischem Rechte,* Dorpat, 48 стр. (8°).

221. *Reihenfolge der Livländischen Ordensmeister.* Riga, 8 стр. (8°).

222. *Neus: Esthnische Volkslieder. Urtext und Uebersetzung.* Reval, 136 стр. (8°).

223. *Allgemeine Usancen für Schiffer, Befrachtung, Löschen und Laden in Riga.* Riga.

---

*) Указаніемъ на слѣдующія съ сего нумера книги и статьи редакція обязана *Е. И. Бреверну.*

224. *Verhandlungen der gelehrten Esthnischen Gesellschaft zu Dorpat.* 3-tes Heft des 2-ten Bandes, Dorpat, 93 стр. (8⁰).

225. *Usancen der Börse und Convention darüber seehandelnder Kaufmanschaft in Riga.* Riga, 101 стр. (8⁰).

226. *C. von Rummel: Das Kurländische Vormundschaftsrecht.* Einleitung. Dorpat. 52 стр. (8⁰).

227. *O. Hacken: Ueber den Begriff der Ehre, deren Verletzung und Wiederherstellung.* Dorpat, 48 стр. (8⁰).

228. *Жиряева:* О стеченіи нѣсколькихъ преступниковъ при одномъ и томъ же преступленіи. Дерптъ, 148 стр. (8⁰).

229. *Britisch Convention.* Riga, 23 стр. (8⁰).

230. *Engelmann: Uebersicht der für die Ostseegouvernements wichtigsten Maasse, Gewichte und Münzen.* Mitau.

231. *Archiv für die Geschichte Liv- Esth- und Kurlands.* Erstes Heft des 6-ten Bandes. Reval, 112 стр. (8⁰).

232. *Nachrichten über die zweimalige Eroberung Mitaus durch die Schweden: 1621 und 1625.* Mitau, 62 стр. (8⁰).

233. *C. von Rummel: Piltensche Ordnungen und Statuten.* Dorpat, 211 стр. (8⁰).

234. *Beiträge zur Geschichte der Kirchen und Prediger in Livland.* Zweites Heft. Mitau, 88 стр. (8⁰).

КЛЮЧЪ КЪ УКАЗАТЕЛЮ.

I. Имена сочинителей, издателей и рецензентовъ *).

*) Цифры означаютъ нумера, подъ которыми поставлены книги въ Указателѣ.

II. Названія лицъ, мѣстъ и предметовъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

ПО

РУССКОЙ ИСТОРІИ, ГЕОГРАФІИ,

СТАТИСТИКѢ И РУССКОМУ ПРАВУ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ

ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСКАХЪ,

(издан. Свиньинымъ),

СОСТАВЛЕННЫЙ

А. Аѳанасьевымъ.

(Окончаніе).

1826 годъ.

1. *Таганрогъ*, изъ путевыхъ записокъ издателя «Отечественныхъ Записокъ» *(Свиньина)*, съ видомъ этого города (ч. XXV, N 69, стр. 3. N 71, стр. 422). Петръ Великій, имѣя въ виду возобновить древній торгъ Россіи съ востокомъ, основалъ у Азовскаго моря портовой городъ—Троицкой; но по договору Прутскому положено было разрушить всѣ сдѣланныя постройки, и Таганрогъ оставался въ запустѣніи до 1769 года. Екатерина II заботилась объ усиленіи торговли этого города съ Левантомъ; при Александрѣ I-мъ, для распространенія таганрогской торговли устроены здѣсь разныя конторы, амбары и другія заведенія. Надо еще позаботиться о углубленіи гавани; ибо засореніе ея и вмѣстѣ съ тѣмъ сильные северозападные вѣтры препятствуютъ лодкамъ съ грузомъ приближаться къ берегамъ. Эти неудобства, въ соединеніи съ перегрузкою кораблей, выдерживаніемъ кораблями карантиннаго срока и раннимъ наступленіемъ осени въ Азовскомъ морѣ, служатъ причиною, почему корабли въ цѣлую навигацію не могутъ сдѣлать болѣе одного рейса отъ Константинополя до Крыма. Волга и Донъ приносятъ въ Таганрогъ богатства внутреннихъ губерній Россіи, Сибири, Астрахани и земли войска Донскаго. Цѣны здѣсь на жизненныя потребности—низки; сухопутное доставленіе сюда товаровъ дешевле, чѣмъ въ прочіе черноморскіе порты. Природа, отказавъ Таганрогу въ качествахъ хорошаго порта, соединила въ немъ всѣ удобства для каботажной торговли. Если бы принять каботажную систему, то корабли, разгружаясь въ Керченскомъ полуостровѣ, могли бы сдѣлать десять поѣздокъ изъ Константинополя въ одну навигацію, а перевозныя лодки доставляли бы товары въ Таганрогъ. Тогда Керчь сдѣлался бы главнымъ складочнымъ мѣстомъ Восточно-Россійской торговли, а движеніе торговли увеличилось бы въ десять разъ; тогда можетъ быть совершилось бы и соединеніе Волги съ Дономъ. Далѣе авторъ говоритъ: о пространствѣ и раздѣленіи города, числѣ жителей, ихъ занятіяхъ, числѣ зданій и храмовъ, о заводахъ, гостинницахъ, общественныхъ учрежденіяхъ для призрѣнія, просвѣщенія и торговли; о присутственныхъ мѣстахъ и ихъ составѣ, таможнѣ, карантинѣ, маякахъ и береговой таможенной стражѣ; о количествѣ кораблей, приходившихъ сюда и вышедшихъ отсюда въ 1825 году; о величинѣ таможеннаго дохода и торговаго оборота; о грече-

скомъ магистратѣ, греческихъ дачахъ и хуторахъ и Николаевской волости. Въ заключеніе авторъ бросаетъ общій взглядъ на Таганрогское градоначальство: его границы, мѣстоположеніе, климатъ, число жителей, и проч.

2. *Обозрѣніе путешествія издателя Отечественныхъ Записокъ по Россіи, въ 1825 году, относительно археологіи*, сочиненіе *П. Свиньина* (ч. XXV, N 69, стр. 37. N 70, стр. 306. N 71, стр. 440. ч. XXVI, N 72, стр. 102. N 74, стр. 435. ч XXVII. N 75, стр. 91. N 76, стр. 244). Сочиненіе это было читано въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ и отрывки, взятые изъ начала и конца означенной статьи, были помѣщены въ «Трудахъ и Лѣтописяхъ» этого Общества (ч. III. стр. 181), подъ заглавіемъ: «Извлеченіе изъ археологическаго путешествія по Россіи Павла Свиньина въ 1825 году»; но и эти отрывки въ Отечественныхъ Запискахъ переданы съ дополненіями. Сочиненіе Свиньина состоитъ изъ краткихъ, отрывочныхъ, безъ всякой внутренней связи, замѣчаній о различныхъ древностяхъ и обычаяхъ, соблюдаемыхъ на Руси; здѣсь описаны: a) разные города и мѣстности, ихъ древности и достопамятности, именно: Тарутино, Куликово поле, село Монастырщина, Бородинское поле, Калуга, Смоленскъ, Тула, Липецкъ, Воронежъ, Павловскъ, мѣстечко Гомель, Донское селеніе Недвиговка, Полтава, Вышгородъ, Таганрогъ, Николаевъ, Севастополь, Керчь, Еникальская крѣпость, Фанагорія, Митридатова гора, Тамань, Старый Крымъ, развалины древней Солдаи, Судакъ, Урзуфъ, Ялта, Кучукъ-Ламбатъ, Бахчисарай, Ольвія, Одесса, Маджары, урочище Бургусанъ, мѣста по Тереку и Кумѣ, и другія. b) Храмы, монастыри и ихъ достопамятности (иконы, кресты, ризницы, библіотеки, и проч.) въ Старомъ Черкаскѣ, Нахичеванѣ, Одессѣ, Полтавѣ, Лубнахъ, Кіевѣ (Десятинная церковь и пещеры), Вышгородѣ, Переяславлѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, на Бородинскомъ полѣ; вещи, принадлежавшія Димитрію Ростовскому. c) Минцъ кабинеты (собранія древнихъ монетъ: Русскихъ, Босфорскихъ, Татарскихъ, Греческихъ), медали, древнія вещи, находимыя въ курганахъ, городища, каменныя бабы, музеумы античныхъ памятниковъ: статуй, барельефовъ, и т. п.; камни съ Греческими надписями; Тмутораканскій камень; свѣдѣнія о монетахъ В. Кн. Владиміра св., о двухъ серебряныхъ кумирахъ, найденныхъ въ Черниговѣ, и наконецъ о любителяхъ археологіи и нумизматики: С. М. Броневскомъ, Стемпковскомъ и Бларамбергѣ; библіотека въ Решетиловкѣ и рисунокъ Званки, подаренный Митрополиту Евгенію Державинымъ. d) Извѣстія о клейнодахъ и грамотахъ въ Новочеркасской Войсковой канцеляріи, о регаліяхъ и вещахъ, дарованныхъ Черноморскому войску

Екатериною II-ю, Павломъ I-мъ и Александромъ I-мъ, о грамотахъ и универсалахъ, хранящихся въ Черниговскомъ городовомъ магистратѣ, и о жалованныхъ грамотахъ Царя Михаила Θеодоровича Тульскимъ оружейникамъ. е) Воспоминанія о Петрѣ Великомъ, Екатеринѣ II, Потемкинѣ, Румянцовѣ (П. А.), Говардѣ и патріотахъ 1812 года: Шубинѣ и Энгельгардѣ; память о Разинѣ. f) Казацкіе и Калужскій женскіе уборы, Татарская свадьба и Татарскій трубадуръ, нравы и обычаи народовъ, обитающихъ у Кавказскаго хребта g) Замѣчанія о садахъ: Никитинскомъ, Лубенскомъ ботаническомъ и Кіевскихъ, о виноградѣ, произрастающемъ въ Воронежѣ и въ Крыму. Эти свѣдѣнія, сообщаемыя Свиньинымъ, не лишены нѣкоторой занимательности.

3. *Замѣчанія иностранца XVI вѣка о военныхъ походахъ Русскихъ того времени и преданности ихъ Государю своему* (ч. XXV, N 69, стр. 92). Иностранецъ этотъ — Гваньини, состоявшій въ Польской службѣ. По его показаніямъ, Великій Князь Московскій могъ содержать большое число войска, ибо за службу онъ не даетъ жалованья, а даетъ земли. Русскіе дворяне, признавая волю Государя за волю Божію, покорны ему и служатъ на своемъ иждивеніи: только дѣтямъ бѣдныхъ дворянъ назначается небольшое годовое жалованье. Великій Князь часто ведетъ войны; каждый дворянинъ приводитъ съ собою шесть служителей и столько же лошадей, изъ которыхъ одна везетъ жизненные припасы. За сорокъ лѣтъ тому Москвитяне не употребляли ни пушекъ, ни пѣхоты; теперь у нихъ есть пушки; они умѣютъ осаждать крѣпости, но въ полѣ сражаются не такъ счастливо. Далѣе авторъ кратко говоритъ объ оружіи Москвитянъ, ихъ одеждѣ, лошадяхъ, лагеряхъ, и трубачахъ. Свѣдѣнія эти перевелъ съ Латинскаго *К. У.* (*Успенскій*).

4. *О Ярославовой Правдѣ, какъ доказательствѣ Скандинавскаго происхожденія Руссовъ* (ч. XXV, N 69, стр. 101). Это отрывокъ изъ сочиненія Густава Эверса: «Предварительныя изслѣдованія для Россійской исторіи», переведеннаго г. Погодинымъ (глава IX, стр. 91—104). Содержаніе статьи слѣдующее: Русскою Правдою хотѣли доказывать Скандинавское происхожденіе Руссовъ; Шлецеръ указываетъ на сходство статьи о поѣздкѣ безъ спроса на чужомъ конѣ—съ закономъ Ютскимъ. Статья эта находится въ Шонскомъ уложеніи и законахъ Готландскихъ; но эти законы позднѣе Русской Правды. Сходство же въ данномъ случаѣ объясняется тѣмъ, что оба народа: и Скандинавы, и Славяне, всѣмъ, что у нихъ есть общаго, обязаны какому-нибудь третьему народу. Надо обратиться къ Нѣмцамъ, ибо Руссы имѣли съ ними сношенія еще прежде Нестора. Такъ св. Ольга посылала въ 959 году посольство къ Импе-

ратору Оттону I-му для испрашиванія себѣ священниковъ; черезъ 14 лѣтъ было къ нему и другое Русское посольство; Дитмаръ потому и зналъ о Кіевѣ и Владимірѣ; Императоръ Генрихъ III просилъ дочери Ярослава себѣ въ супружество. Ярославъ не могъ дать Новгородцамъ буквальнаго перевода нѣмецкихъ законовъ, иное онъ долженъ былъ измѣнить. Въ Правдѣ, напримѣръ, нѣтъ законовъ объ оскорбленіи женскаго пола, ибо это подлежало суду церковному. Нѣкоторыя техническія выраженія (вервь, вира, и др.), обнаруживаютъ однако переводъ. Въ примѣчаніяхъ къ статьѣ авторъ сомнѣвается, чтобы гривна равнялась древней нѣмецкой маркѣ и въ тоже время имѣла значеніе фунта.

5. *О началѣ и происхожденіи Россійскаго дворянства* (ч. XXV, N 70, стр. 181.) Въ глубокой древности народъ Русской раздѣлялся на *боярѣ* (*мужей*) и *людей* (*людиновъ*) — гражданъ свободныхъ. Военная служба почиталась единственнымъ занятіемъ свободныхъ гражданъ, изъ коихъ молодые поступали въ службу князей и бояръ и, получая отъ нихъ содержаніе или участокъ земли (*помѣстье*), составляли дружины. Половину изъ добычи бралъ князь или бояринъ, а остальная часть дѣлилась между дружиною, покорность которой къ начальнику была неограниченна. Княжескіе дружинники названы впослѣдствіи *дворянами* отъ слова *дворъ*, а боярскіе составили классъ *дѣтей боярскихъ* и уже позднѣе смѣшались съ дворянами въ одно сословіе. Въ древнія(?) времена дворяне составляли 6-ю степень Русскихъ чиновниковъ; въ среднія(?) дворянство составляло чинъ, а не званіе, ибо жаловалось государями не въ родъ, а кому-нибудь лично. Дворяне раздѣлялись на московскихъ и городовыхъ; изъ первыхъ избирались комнатные дворяне; послѣдніе дѣлились на выборныхъ, дворовыхъ и собственно городовыхъ (ихъ отличіе, служба, помѣстный окладъ). Дворяне и дѣти боярскіе, проживавшіе въ Москвѣ, назывались *жильцами* и состояли въ вѣденіи Разряда. Дѣти боярскіе раздѣлялись на полковыхъ, станичныхъ, вожей, ѣздоковъ. Грозный, соединивъ удѣльныя княжества подъ свое единодержавіе, включилъ въ число дворянъ—и князей удѣльныхъ; сюда примкнуло и Татарское дворянство. При Петрѣ Великомъ названіе: «дворянинъ» сдѣлалось общимъ для всѣхъ благородныхъ родовъ. Петръ III даровалъ дворянству свободу относительно государственной службы; Екатерина II дала ему жалованную грамоту. Статья эта въ настоящее время не можетъ имѣть большаго значенія.

6. *Донесеніе Д. Іоанна Фабра Его Высочеству Фердинанду, Инфанту Испанскому, Ерцгерцогу Австрійскому, Герцогу Бургундскому и Правителю Австрійской Имперіи, о правахъ и обычаяхъ Москов-*

скихъ, писанное въ 1528 г. Перевелъ съ латинскаго *К. Успенскій*, изъ книги: «Rerum Moscoviticarum Auctores varii unum in corpus nunc primum congesti, 1606 г., Франкфуртъ» (ч. XXV, N 70, стр. 283. ч. XXVI, N 75, стр. 47). По повелѣнію Фердинанда, авторъ развѣдывалъ у Московскихъ пословъ, возвращавшихся изъ Испаніи, о происхожденіи, вѣрѣ, нравахъ и обычаяхъ Москвитянъ. На основаніи этихъ показаній и по свѣдѣніямъ, собраннымъ изъ другихъ источниковъ, составлено донесеніе слѣдующаго содержанія: Москвитяне назывались прежде Роксоланами и Руссами; имперія Великаго Князя Московскаго обширна (ея границы и города; титулъ В. Князя); подъ властію Великаго Князя состоятъ многіе князья, владѣтели большихъ земель; всѣ повинуются ему безпрекословно, и онъ въ короткое время можетъ собрать до 300,000 войска. Войны Москвитяне ведутъ почти постоянно, пріобрѣтая все болѣе и болѣе воинскаго искусства. Языкъ ихъ сходенъ съ Богемскимъ, Кроатскимъ и Далматскимъ; вѣру исповѣдуютъ христіанскую, возвѣщенную Апостоломъ Андреемъ, и держатся соборныхъ постановленій; ересей убѣгаютъ. Далѣе разсказывается о церковномъ управленіи, похвальныхъ качествахъ высшаго духовенства, монастырѣ Троицко-Сергіевскомъ и общемъ народномъ благочестіи (строгое соблюденіе постовъ, молитвы за умершихъ, милостыня бѣднымъ, путешествія ко святымъ мѣстамъ, чествованіе иконъ, особенное уваженіе къ Святит. Николаю Чудотворцу, препровожденіе праздниковъ, и проч.). Училищъ у Москвитянъ немного; иностранными языками занимаются они мало. Въ Московіи находятся обширные лѣса, въ которыхъ ловятся пушные звѣри; но земля по причинѣ войнъ обработана мало. Здѣсь авторъ бросаетъ нѣсколько словъ о торговлѣ мѣхами, деньгахъ и объ инородцахъ, обитающихъ у Ледовитаго моря.—Въ примѣчаніи къ переводу помѣщено извѣстіе о союзахъ Австрійскаго Императора Максимиліана съ нашими Великими Князьями.

7. *Нѣчто о родѣ Великой Княгини Ольги*, статья *М. Погодина*. (ч. XXV, N 71, стр. 361). Она была напечатана и въ «Трудахъ и Лѣтописяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» (ч. IV, стр. 130); она же вошла и въ составъ III-й части «Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій» (стр. 88—93). Авторъ сначала приводитъ показанія историковъ XVIII-го столѣтія, которые, на основаніи Іоакимовской лѣтописи, почитали Ольгу Славянкою, внукою Гостомысла; потомъ беретъ свидѣтельства Нестора, житія Ольги и Степенной книги и приписываетъ ей Норманское происхожденіе, подтверждая свое положеніе еще слѣдующими данными: имя Ольги — Нормано-Варяжское; въ самой жизни ея, въ дѣятельности гражданской,

поѣздкѣ въ Царьградъ и принятіи ею христіанства — слышится болѣе духъ Норманскій, нежели Славянскій.

8. *Путешествіе блаженной и вѣчной памяти достойнаго Государя Императора Александра I-го по Волгѣ, во время Высочайшаго проѣзда чрезъ Симбирскую губернію въ городъ Оренбургъ, сентября 7 и 8-го чиселъ 1824 года* (ч. XXV, N 71, стр. 372.), статья *Трубникова*, флота-лейтенанта и командира того гардкоута, на которомъ плылъ Государь по Волгѣ. Прибывъ въ Симбирскую губернію, Государь осматривалъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ Калмыцкія войска, посѣтилъ Ставрополь и Самару. Г. Трубниковъ говоритъ о снисходительномъ и ласковомъ обращеніи Государя, его распросахъ во время пути и о дарованныхъ имъ милостяхъ. Между прочимъ, упоминаетъ онъ о Царевѣ Курганѣ, на которомъ останавливался Петръ Великій.

9. *Преданность къ своимъ Государямъ и отечеству жителей Смоленской губерніи и примѣрныя ихъ дѣянія въ достопамятную 1812 года войну* (ч. XXV, N 71, стр. 398. ч. XXVI, N 72, стр. 86.). Статья эта заимствована изъ «Статистическаго и Историческаго описанія Смоленской губерніи», составленнаго учителемъ Смоленской гимназіи *Антономъ Елоховскимъ*. Содержаніе таково: Смольяне всегда сохраняли вѣрность Государямъ и любовь къ отечеству; они помогали Скопину противъ Болотникова и первые явились въ ополченіе Пожарскаго. Когда въ 1806 г. Императоръ Александръ I-й объявилъ свою волю о собраніи земскаго ополченія, — Смоленское дворянство выказало особенную ревность, за что Государь изъявилъ свою признательность грамотою, которая здѣсь и напечатана. Въ 1812 году Смоленское дворянство первое испросило соизволеніе вооружить на своемъ иждивеніи 20,000 ратниковъ; вся губернія пожертвовала на армію до 10 милліоновъ рублей. Народная война началась съ предѣловъ Бѣлоруссіи; составились партіи, и нечаянные наѣзды ихъ много вредили непріятелю. Сычевскіе дворяне и жители отстаивали Тверскую губернію, а Юхновскіе Калужскую; партіи мѣщанъ и крестьянъ перехватывали непріятельскіе обозы, почты, и отбивали пушки. Между патріотами заслуживаютъ особенной памяти полковникъ Энгельгардъ, коллежскій ассесоръ Шубинъ и маіоръ Емельяновъ. Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ сформировалась воинская дружина, которая участвовала въ битвѣ подъ Духовщиною; гусаръ Елизаветградскаго полка Самусь собралъ отрядъ до 2,000 человѣкъ и истребилъ до 3000 непріятеля; предводитель Юхновскаго дворянства Храповицкій, коллежскій ассессоръ князь Тенишевъ, исправникъ Семичевъ, Рославльскій голова Полозовъ дѣлали разъѣзды съ большими успѣхами. Смоленское ополченіе участвовало въ

Бородинской битвѣ и въ сраженіи подъ Малоярославцемъ. Смоленская губернія была гробомъ многихъ изъ непріятельскихъ полчищъ (однихъ человѣческихъ труповъ сожжено до 70,000), но претерпѣла страшное раззореніе (здѣсь указано число раззоренныхъ монастырей, храмовъ и домовъ, сколько погибло отъ меча и болѣзней и сколько утрачено хлѣбомъ, скотомъ и прочимъ, и на какую сумму). Государь приказалъ на засѣвъ полей и продовольствіе крестьянъ Смоленской губерніи отпустить 3,700,000 рублей безпроцентно на 10 лѣтъ; С. Петербургское благотворительное общество и Костромское дворянство принесли свои пожертвованія. — Вообще статья эта содержитъ свѣдѣнія любопытныя, но къ сожалѣнію въ ней попадаются и неумѣстныя фразы въ отзывахъ о Наполеонѣ.

10 *С.-Петербургскія современныя лѣтописи.* Въ XXV части: a) *Доблести графа М. А. Милорадовича* (N 69, стр. 127.), статья *Б. Ф.* (Федорова). Сочинитель пользовался книгою: «Дѣянія Россійскихъ полководцевъ» и обозрѣніемъ жизни графа Милорадовича, сочиненіе Ѳ. Н. Глинки. Здѣсь представлены свѣдѣнія о происхожденіи графа Милорадовича, его военныхъ подвигахъ и храбрости, о службѣ въ званіи Кіевскаго военнаго губернатора и С.-Петербургскаго градоправителя, о послѣднемъ днѣ его жизни и погребеніи. b) *Примѣры уваженія иностранцевъ къ памяти Александра I-го*, статья *Федорова* (N 69, стр. 144.). Приведены выписки изъ Парижскихъ журналовъ (Moniteur, Journal des Débats, Journal de Paris, Gazette de France, Drapeau blanc) и Прусской государственной газеты о добродѣтеляхъ Александра I-го: его кротости, великодушіи, любви къ просвѣщенію, человѣколюбіи, и проч. c) *О торжественномъ годовомъ собраніи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества 6-го февраля 1826 года* (N 70, стр. 350). Эта и всѣ послѣдующія статьи «Современныхъ лѣтописей» составлены *П. Свиньинымъ.* Здѣсь напечатаны Высочайшій рескриптъ о пожалованіи Обществу 10,000 руб. ежегодно и рѣчь секретаря о благодѣяніяхъ, оказанныхъ Обществу Императоромъ Александромъ I; за тѣмъ сообщено, что было читано въ собраніи, кому выданы медали и какихъ членовъ лишилось Общество. d) *Осьмой выпускъ благородныхъ воспитанницъ Ордена святыя Екатерины* (N 71, стр. 511): предметы испытанія и прощальный гимнъ воспитанницъ, сочиненный Жуковскимъ. e) *Торжественное ввезеніе въ Царское село и въ столицу и погребеніе тѣла въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Павловича* (N 71, стр. 514.): встрѣча поѣзда, церемоніальное шествіе, особы, участвовавшія въ этой церемоніи, трауръ, катафалкъ, панихиды, и проч. Въ этой же статьѣ сообщены

и нѣкоторыя свѣдѣнія о перевезеніи тѣла Императора изъ Таганрога въ С.-Петербургъ.

Въ XXVI части (всѣ статьи принадлежатъ *П. Свиньину*): f) *Торжественное собраніе въ ученомъ Горномъ Комитетѣ* (N 72, стр. 126.), для празднованія дня его учрежденія: краткое извѣстіе о занятіяхъ горныхъ обществъ, учрежденныхъ по заводамъ и главнымъ солянымъ правленіямъ. g) *Литература* (N 72, стр. 129.): извѣстіе о книгѣ И. Дмитріева: «Апологи» и выписки изъ нея. h) *Изящныя художества* (N 72, стр. 132.): извѣстіе о литографическихъ эстампахъ, изображающихъ послѣднія минуты Императора Александра I-го и процессію сопровожденія тѣла Государева въ Петропавловскій соборъ. i) *Парадъ* (войскамъ) *и раздача медалей за взятіе Парижа* (N 72, стр. 133). к) *Особы, пріѣзжавшія къ Высочайшему Двору съ сожалительными грамотами Государей ихъ, по случаю кончины въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра I-го, и съ поздравительными съ восшествіемъ на престолъ Государя Императора Николая Павловича*, съ означеніемъ дней пріема и отпуска (N 73, стр. 270.). l) *Дань уваженія знаменитому исторіографу Русскому Н. М. Карамзину* (N 74, стр. 445). Подъ этимъ заглавіемъ сообщены свѣдѣнія о смерти исторіографа, его благородномъ чувствительномъ характерѣ и милостяхъ къ нему Императоровъ Александра I-го и Николая и Государыни Маріи Ѳеодоровны; далѣе говорится объ отношеніяхъ къ нему Шишкова, о слогѣ Карамзина и о цѣнѣ, какую предлагали ему книгопродавцы за XII-й томъ Исторіи Государства Россійскаго.

Въ XXVII-й части (всѣ статьи принадлежатъ *П. Свиньину*): m) *Погребеніе Императрицы Елизаветы Алексѣевны*, супруги Александра I-го (N 75, стр. 118): Описаніе церемоніальной процессіи. n) *Кончина графа Григорья Владиміровича Орлова* (N 75, стр. 124), извѣстнаго изданіемъ на Французскомъ языкѣ своихъ записокъ о Неаполѣ, исторіи музыки и живописи и басень Крылова во французскомъ и итальянскомъ переводахъ. o) *Новое гулянье на Елагиномъ и Каменномъ островахъ* (N 75, стр. 125), въ день рожденія Государыни.

11. *Выписка изъ письма И. Т. Радожицкаго къ Изд. Отеч. Записокъ. съ Кубани* (ч. XXV, N 70, стр 359.)— о кончинѣ Государя Александра I-го и о милостяхъ, какія раздавалъ онъ до послѣдней минуты, въ подтвержденіе чего приведенъ *Ильею Радожицкимъ* въ XXVI-й части Отечественныхъ Записокъ (N 72, стр. 139.) анекдотъ: «*Неустрашимость артиллеристовъ*»: за мужественное погашеніе пламени, происшедшаго отъ взрыва зарядовъ, Государь удостоилъ артиллеристовъ денежнаго награжденія.

12. (Двѣ) *Выписки изъ писемъ Его Преосвященства Гавріила, епископа Орловскаго и Сѣвскаго, къ Издателю Отеч. Записокъ* (ч. XXV, N 71, стр. 497. ч. XXVII, N 76, стр. 291). Въ первой выпискѣ Преосвященный говоритъ о желаніи своемъ доискаться въ Сѣвскѣ потаенныхъ ходовъ отъ старинной крѣпости къ рѣкѣ, и разъузнать о другихъ древностяхъ. Во второй выпискѣ онъ говоритъ о Свѣнскомъ монастырѣ, близъ Брянска (его мѣстоположеніе, названіе, церковь, чудотворная икона, и проч.)

13. *Письмо Священника Іоанна Субботина*—изъ Шуи (ч. XXV, N 71, стр. 498.), извѣщающее о запискахъ Барскаго, путешественника ко святымъ мѣстамъ, и старинныхъ медаляхъ.

14. *Выписка изъ письма Князя Кугушева къ Издателю Отеч. Записокъ* (ч. XXV, N 71, стр. 591.). Въ селѣ Пуриха, которое принадлежало князю Д. М. Пожарскому (Нижегородской губерн.), въ церкви хранятся евангеліе и крестъ, внесенные сюда сыномъ князя Пожарскаго. Здѣсь представлено описаніе евангелія и указана находящаяся на немъ надпись.

15. *Выписка изъ письма барона Алекс. Карлов. Боде къ Издателю Отеч. Записокъ*, изъ Судака (ч. XXV, N 71, стр. 503.): краткія замѣчанія о нѣкоторыхъ физическихъ явленіяхъ въ Крыму.

16. *Письмо Н. Б. (Бобарыкина) къ Изд. Отеч Записокъ* (ч. XXV, N 71, стр. 505.) о крестьянинѣ-стихотворцѣ Петрѣ Борисовѣ, который по ходатайству И. Ив. Дмитріева помѣщенъ въ Московскую гимназію; тутъ же приведенъ и отзывъ о немъ профессора И. Снегирева.

17. *Заводы, бывшіе Баташева, а нынѣ принадлежащіе Генераль-Лейтенанту Д. Д. Шепелеву и его дѣтямъ*, съ видомъ Выксунскаго завода (ч. XXVI, N 72, стр. 3. N 73, стр. 145. N 74, стр. 301.) —статья *П. Св. (Свиньина)*. Авторъ провелъ въ 1823 г. нѣсколько дней въ этихъ мѣстахъ, осмотрѣлъ заводы и собралъ о нихъ самыя точныя свѣдѣнія отъ управляющаго заводами. Имѣнія Шепелева лежатъ въ Нижегородской и отчасти во Владимірской и Тамбовской губерніяхъ по обѣимъ сторонамъ Оки. Первые рудопромышленники, открывшіе въ этихъ мѣстахъ желѣзную руду, были Муромскіе посадскіе люди Желѣзниковъ и Маздриковы; они устроили въ Унженскомъ уѣздѣ на р. Снаведи заводъ, раззоренный потомъ разбойниками. Въ 1755 г. дѣти Родіона Ивановича Баташева, пріискавъ руду при р. Унжѣ, построили здѣсь заводъ, а князья Рѣпнины основали желѣзный заводъ на р. Ерешмѣ. Впослѣдствіи Баташевы купили дачу, построили заводы Гусевскій, Выксунскій, Велѣтменскій, Илевскій, а покупкою пріобрѣли и заводъ Ерешминскій. Въ 1779 году они завели еще заводы Желѣзницкій и При-

станскій, а въ 1783 г. Верхоунженскій. Для этихъ заводовъ они безпрестанно пріобрѣтали селенія съ лѣсами и крестьянъ на своз. Въ 1784 году Иванъ Родіоновичъ Баташевъ построилъ Снаведскій литейный заводъ, а въ 1798 г. Верхнежелѣзницкій. За тѣмъ авторъ указываетъ, сколько за нимъ числилось крестьянъ, земли и лѣсу, говоритъ объ управленіи заводами, о его личномъ характерѣ и семьѣ, отъ которой осталась только одна внука, вышедшая за мужъ за генералъ-лейтенанта Д. Д. Шепелева; ея дѣтямъ Иванъ Родіоновичъ предоставилъ по завѣщанію все недвижимое имѣніе, подъ опекунствомъ Шепелева, который пригласилъ искусныхъ иностранцевъ для усовершенствованія механической и гидравлической части заводовъ, построилъ суконную фабрику, ввелъ строгую отчетность, распорядился объ изготовленіи на заводахъ разныхъ машинъ для продажи. Далѣе авторъ разсказываетъ о каждомъ заводѣ отдѣльно, именно: о времени ихъ основанія, ихъ дѣйствіи, механизмѣ, о находящихся при нихъ фабрикахъ; мастерскихъ, плотинахъ, пильныхъ мельницахъ, богадѣльняхъ, больницахъ, аптекахъ, складочныхъ и хлѣбныхъ магазинахъ, рощахъ, театрѣ, звѣринцѣ и оранжереяхъ; сообщаетъ, сколько при каждомъ заводѣ считается душъ по седьмой ревизіи, какъ велика задѣльная плата мастеровымъ и какія приняты мѣры для лучшаго пользованія лѣсами, представляетъ описаніе самыхъ работъ (листовъ желѣзныхъ, шиннаго желѣза, рѣзнаго, бѣлаго, укладу, цементованной стали, косъ, проволки, различныхъ машинъ); дѣлаетъ замѣчаніе о достоинствѣ добываемаго въ здѣшнихъ мѣстахъ чугуна и желѣза; сообщаетъ имена изобрѣтателей и усовершенствователей различнаго рода механическихъ заведеній и наконецъ говоритъ о разработкѣ рудъ (знатнѣйшіе рудники, ихъ глубина, количество добычи и число работниковъ). Заводы Шепелева, находясь въ центрѣ государства, близь судоходной Оки, могутъ снабжать своими издѣліями большую часть Европейской Россіи.

18. Біографія Ѳедора Васильевича Растопчина, статья *А. Я. Булгакова* (ч. XXVI, № 72, стр. 30). Авторъ, по собственному его показанію, служилъ подъ начальствомъ графа въ 1812 году и пользовался его дружбою. Растопчинъ родился 1765 года; въ службу вступилъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ; во время Шведской войны состоялъ для дипломатической переписки при принцѣ Нассау, и потомъ при графѣ Безбородко, когда тотъ отправился для мирныхъ переговоровъ въ Молдавію. Императоръ Павелъ ввѣрилъ ему управленіе иностранными дѣлами и пожаловалъ графомъ. Съ 1800 года графъ былъ въ отставкѣ; въ 1812 г. Государь назначилъ его Главнокомандующимъ въ Москвѣ.

Графъ ободрялъ народъ, заботился о порядкѣ и общей безопасности до самаго вступленія непріятеля въ столицу, а во время пребыванія въ ней Наполеона затруднялъ продовольствіе французскихъ войскъ и воспламенялъ духъ крестьянъ, вооружившихся на враговъ отечества. Около 30,000 Французовъ было побито въ Москвѣ и ея окрестностяхъ въ продолженіи шести недѣль поселянами и обывателями. Графъ Растопчинъ собственноручно зажегъ свой домъ въ селѣ Вороновѣ; но пожаръ Москвы въ извѣстной своей брошюрѣ приписываетъ Французамъ. Послѣ бѣгства непріятеля, онъ приводитъ въ Москвѣ все въ надлежащее устройство: храмы освящаются, бѣдные получаютъ пристанище, больные — пользованіе, городъ — очищается. На службѣ Растопчинъ пробылъ до 1815 года, и былъ пожалованъ Членомъ Государственнаго Совѣта. Путешествуя въ чужихъ краяхъ, онъ вездѣ былъ встрѣчаемъ съ особеннымъ уваженіемъ; короли осыпали его своими милостями. Растопчинъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ Суворовымъ, Кн. Безбородко, графомъ С. Р. Воронцовымъ и Веллингтономъ. Главнѣйшія черты его характера—обширныя свѣдѣнія, особенно въ исторіи, умъ наблюдательный, счастливая память, остроуміе и наклонность къ шуткѣ; сужденія его о поведеніи лицъ, облеченныхъ важными должностями, всегда были рѣшительны и рѣзки; онъ былъ вспыльчивъ, нетерпѣливъ, въ дѣлахъ наблюдалъ строгой порядокъ и поспѣшность, любилъ искусство и литературу, собралъ картинную галлерею, библіотеку и мраморы; онъ искренно былъ преданъ отечеству и считалъ народъ Русской сроднымъ ко всѣмъ великимъ дѣяніямъ; писалъ скоро и безъ поправокъ; кромѣ своихъ мемуаровъ, онъ оставилъ еще нѣсколько комедій; разговоръ его отличался мѣткими оборотами и остротою; онъ имѣлъ необыкновенный даръ находить всегда смѣшную сторону вещи. Въ заключеніе этой любопытной статьи авторъ вспоминаетъ о наружности гр. Растопчина, его болѣзни и послѣднихъ минутахъ жизни.

19. *Изслѣдованія о мѣстоположеніи древнихъ Греческихъ поселеній на берегахъ Понта Евксинскаго, между Тирасомъ и Ворисѳеномъ, учиненныя по случаю найденныхъ въ 1823 году остатковъ древности въ Одессѣ Иваномъ Стемпковскимъ*, съ приложеніемъ сравнительной карты древней и новой географіи береговъ Понта Евксинскаго между Тирасомъ и Ворисѳеномъ (ч XXVI, N 73, стр. 192 N 74, стр. 335). Содержаніе изслѣдованій слѣдующее: памятники, извлеченные изъ развалинъ Ольвіи, Херсонеса и Пантикапеи, служатъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ о мѣстоположеніи этихъ древнихъ колоній. По мнѣнію Бларамберга часть мѣстности, занимаемой нынѣшнею Одессою, была въ древности Греческимъ

селенiемъ, что подтверждается найденными здѣсь старинными сосудами. Сочинитель обращается къ древнимъ писателямъ, собираетъ всѣ сказанiя о состоянiи береговъ Понта Евксинскаго между Днѣстромъ и Днѣпромъ и полагаетъ, что въ окрестностяхъ Аккермана надо искать остатковъ древняго города Офiусы (Тиры), а въ окрестностяхъ Овидiопольской крѣпости — древней Никонiи, что нынѣшнiй Станиславовъ мысъ назывался нѣкогда мысомъ Ипполая, а Кинбурнская коса — Илеею, что крѣпость Алектросъ стояла тамъ, гдѣ теперь Очаковъ, что нынѣшняя рѣчка Тилигулъ называлась въ старину Аксiакомъ, р. Березань — Родосомъ, лиманъ Березаньскiй — Сагарикскимъ заливомъ, что на берегахъ Тилигульскаго лимана должно искать древняго Одиссоса, что наконецъ Одесская гавань называлась прежде гаванью Истрiянъ, около которой еще при Императорѣ Адрiанѣ существовало небольшое поселенiе.

20. *Краткое обозрѣнiе ботаническихъ садовъ въ Россiи и въ особенности Императорскаго въ Санктпетербургѣ* (ч. XXVI, N 74, стр. 378). Статья *А. К. Бошняка.* Предпославъ замѣчанiе, почему ботаника остается у насъ въ дѣтствѣ, тогда какъ минералогiя оказала большiе успѣхи, авторъ представляетъ краткiй обзоръ ботаническихъ заведенiй въ разныхъ государствахъ Европы, Восточной Индiи, Африки и Америки, и переходитъ потомъ къ описанiю подобныхъ заведенiй въ Россiи: Аптекарскаго сада, устроеннаго Петромъ Великимъ въ С.-Петербургѣ, Дворцовыхъ садовъ въ обѣихъ столицахъ, Демидовскихъ (въ Соликамскѣ и въ Нѣмецкой слободѣ — въ Москвѣ), Горенскаго (графа А. К. Разумовскаго, близь Москвы), Никитскаго (въ Тавридѣ), Экономическихъ садовъ въ Одессѣ, Полтавѣ, Пензѣ и Екатеринославѣ, Ботаническихъ въ Варшавѣ, при Университетахъ и Кременецкой гимназiи, Павловскаго (въ С.-Петербургѣ) и сада, разведеннаго на Елагинскомъ острову. За тѣмъ нѣсколько подробнѣе сказано о Петербургскомъ Императорскомъ Ботаническомъ садѣ; его устройство, теплицы, каналъ для воспитанiя водяныхъ травъ, залъ для публичныхъ лекцiй ботаники, и количество видовъ, помѣщенныхъ въ этомъ саду растенiй.

21. *Нѣкоторыя замѣчанiя на «Опытъ теорiи налоговъ», соч. Николая Тургенева», 2-е изд. 1819 г.* (ч XXVI, N 74, стр. 414.) Замѣчанiя эти не были окончены; они принадлежатъ *Н. П. Демидову,* о которомъ издатель Отеч. Записокъ говорилъ (въ примѣчанiи), что онъ приготовлялъ сочиненiе о торговомъ балансѣ. Рецензентъ разсматриваетъ первую главу сочиненiя Тургенева: «О происхожденiи налоговъ», указываетъ ея неполноту и, опровергая мнѣнiе, будто налогъ есть зло, настаиваетъ на необходимость налоговъ въ политическомъ обществѣ; за тѣмъ представляетъ со-

держаніе 2-й главы разбираемой книги: «О главныхъ правилахъ взиманія налоговъ.»

22. *О новыхъ открытіяхъ, письмо изъ Одессы*, подписанное буквами *М. К.* (ч. XXVI, N 73, стр. 263): извѣстіе о найденныхъ тамъ остаткахъ древности: человѣческихъ скелетахъ, глиняномъ сосудѣ, изломанной шпагѣ, мѣдныхъ украшеніяхъ и бусахъ.

23. *Изъ Бѣлева: О кончинѣ Императрицы Елизаветы Алексѣевны*, статья *И. Х.* (ч. XXVI, N 73, стр. 268.)

24. *О происхожденіи Россійскаго слова: рубль* (ч. XXVI, N 72, стр. 137), сочин. *Ст. Руссова.* До сихъ поръ, говоритъ авторъ, слово *рубль* производили отъ глагола *рубить;* но «Сѣверный Архивъ» (1826 г. N 1, стр. 12.) думаетъ производить это слово отъ арабскаго *руби*, означающаго монету восточныхъ народовъ, и полагаетъ, что къ намъ перешло оно во время Монгольскаго нашествія, тогда какъ въ лѣтописяхъ нашихъ рубли упоминаются еще въ XI столѣтіи.

25. *Письмо Преосвященнаго Платона къ Кн. Потемкину-Таврическому*, сообщ. И. Снегиревымъ (ч. XXVI; N 72, стр. 141.)—поздравленіе съ праздниками.

26. *О золотѣ и платинѣ, полученныхъ съ заводовъ хребта Уральскаго*: заимствованное изъ III-й книжки Горнаго журнала указаніе на то, сколько вѣсомъ получено на казенныхъ и частныхъ Уральскихъ заводахъ золота и платины въ 1825 году (ч. XXVI. N 72, стр. 142).

27. *Описаніе Судакской долины и винодѣланія въ Крыму въ 1825 году*, съ приложеніемъ картинки Судакской долины (ч. XXVII, N 75, стр. 3. N 76, стр. 186.) Статья эта не окончена; она принадлежитъ *П. Свиньину.* Содержаніе слѣдующее: Судакская долина — самая обширная на всемъ южномъ берегу Крыма. Здѣсь разведенъ казенный виноградный садъ. Правительство предположило учредить въ этихъ мѣстахъ училище, которое служило бы образцомъ для владѣльцевъ виноградниковъ; въ 1804 г. были отведены для этого училища земли, причислены къ нему казенные сады, выписаны изъ Франціи виноградныя лозы, вызваны искусные виноградари, собраны ученики, опредѣлена сумма на расходы училища, но до сихъ поръ заведеніе это мало принесло пользы. Тогда же проведенъ фонтанъ, устроенъ погребъ для винъ и другія строенія. Начальникъ сада баронъ А. К. Боде развелъ новую виноградную плантацію (его метода относительно рассадки виноградныхъ кустовъ). Выдѣлка вина началась съ 1807 г. — Далѣе показано, сколько выдѣлывается въ Судакской долинѣ вина, во что становится ведро, какъ великъ чистый доходъ и какіе способы

употребляются при выдѣлкѣ вина (вымораживаніе и уварка виноградняго сока прежде броженія). Виноградники заведены въ Тавридѣ древними Греками и Генуэзцами; въ первые годы Русскаго владѣнія Крымомъ только немногіе сорты здѣшняго винограда способны были къ выдѣлкѣ годныхъ столовыхъ винъ. Первый иностранный виноградъ разведенъ въ Крыму по приказанію Потемкина; главнѣйшія же разсадки лучшихъ сортовъ винограда принадлежатъ графу М. С. Воронцову, генералу Рудзевичу, Мордвинову, Бороздину и другимъ. Устроиваемая компанія даетъ надежду, что Крымъ въ скоромъ времени исполнитъ надежды Россіи.

28. *Пребываніе во 2-й арміи въ 1823 году блаженныя памяти Государя Императора Александра Павловича, описанное очевидцемъ* (Генералъ-Маіоромъ *Бурцовымъ* — ч. XXVII, N 75, стр. 21. N 76, стр. 145.). Это разсказъ о расположеніи и лагерѣ войскъ второй арміи, о встрѣчахъ Государя, посѣщеніи имъ разныхъ учрежденій главной квартиры, о бывшихъ маневрахъ, смотрахъ, и обѣдахъ, удостоенныхъ Высочайшаго присутствія. Къ статьѣ этой приложено: «Предположеніе для маневровъ, кои имѣли быть совершены въ присутствіи Его Императорскаго Величества во второй арміи», подписанное генералъ-маіоромъ Киселевымъ и графомъ Витгенштейномъ.

29. *Изслѣдованіе древнихъ историческихъ мѣстъ или урочищъ, которыя должны находиться въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губерніи* (ч. XXVII, N 75, стр. 68). Статья эта извлечена *Е. Г. Зельницкою* изъ записокъ ея отца; но не была окончена (*). Содержаніе ея слѣдующее: мѣстность Калужской губерніи издревле была театромъ многихъ историческихъ событій. Слѣды древности уцѣлѣли до сихъ поръ въ раздѣлахъ и именахъ географическихъ, существующихъ въ простонародьи. Сказавъ, что въ нынѣшней Калужской губерніи были нѣкогда разныя удѣльныя княжества и что самая Калуга имѣла собственныхъ князей, авторъ говоритъ о мѣстоположеніи княжества Воротынскаго, его предѣлахъ, населеніи, числѣ селъ и пустошей (по писцовымъ книгамъ) и исторической судьбѣ, о найденномъ въ рѣкѣ Висѣ крестѣ, о мѣстечкахъ Крайшино (Краишино), Ланганское, Людмескъ (Людемескъ) и Татарскомъ становищѣ; наконецъ о поземельной мѣрѣ при Петрѣ Великомъ.

30. *Краткое изложеніе тактики Генералъ-Маіора Вистицкаго*, (ч. XXVII, N 76, стр. 203.). Это извлеченіе изъ оригинальнаго сочиненія генерала Вистицкаго. Здѣсь доказывается, что многія воен-

(*) См. Описаніе происшествій 1812 года, случившихся въ предѣлахъ Калужской губерніи, и проч. Григорія Зельницкаго. М. 1815, въ 8. д. л.

ныя правила явились прежде Наполеона и принадлежатъ генію Петра Великаго, Румянцева и Суворова. Петръ Великій указалъ искусство дѣйствовать большими массами на важнѣйшей границѣ, оставляя на прочихъ слабыя силы; онъ распознавалъ уже теорію путей военныхъ дѣйствій и былъ изобрѣтателемъ того боеваго порядка, въ которомъ помѣщаются въ приличныхъ мѣстахъ редуты: такъ побѣдилъ онъ подъ Полтавой. Въ кампанію 1770 года противъ Турокъ Румянцевъ образовалъ систему реквизиціи. Военный приказъ Суворова былъ: глазомѣръ, быстрота, натискъ—и онъ разбивалъ съ нимъ и Поляковъ и Французовъ. Суворовъ показалъ, какъ можно истреблять непріятеля, не окружая его, и когда можно, оставляя крѣпости безъ осады, вносить войну въ нѣдро государствъ. За тѣмъ слѣдуетъ похвала сочиненію Вистицкаго и обозначены главы, на которыя оно дѣлится.

31. *Поѣздка Великой Княжны Елены Іоанновны въ Вильну для бракосочетанія съ Великимъ Княземъ Литовскимъ Александромъ*, сообщ. *А. Ө. Малиновскимъ* (ч. XXVII, N 76, стр. 229). Это статейный списокъ, веденный во время поѣздки В. Кн. Елены въ 1495 году: о встрѣчахъ Княжны и представленіяхъ ей по пути до самой Вильны, о поминкахъ, ей поднесенныхъ, о переговорахъ нашихъ бояръ съ панами относительно обрядовъ вѣнчанія. По пріѣздѣ въ Вильну В. Княжна отправилась въ Греческую церковь, гдѣ надъ нею были совершены всѣ Русскіе свадебные обряды (расплетаніе косы, осыпаніе хмѣлемъ, и проч.), а В. Князь Александръ въ костелъ, куда явилась потомъ и невѣста; здѣсь бискупъ говорилъ молитвы жениху, а попъ Өома невѣстѣ, «и бискупъ да и В. Князь о томъ побранили накрѣпко, чтобы попъ Өома молитвы не говорилъ». Послѣ бракосочетанія В. Княжна продолжала ходить въ Русской одеждѣ, а бани у В. Князя не было, «и бояре ему то являли». «Поѣздка» эта была перепечатана въ Русскомъ Зрителѣ, издав. Калайдовичемъ (1828 г. ч. II, N 5 и 6, стр. 42—51).

32. *Взглядъ на достопримѣчательныя зданія въ городѣ Смоленскѣ и (объ) урочищахъ, находящихся въ Смоленской губерніи*, соч. *Елоховскаго* (ч. XXVII, N 77, стр. 301). Въ этой статьѣ описаны: Смоленская каменная стѣна, заложенная Борисомъ Годуновымъ (протяженіе, башни, проломы); новая земляная крѣпость, построенная въ 1724 г.; Успенскій соборъ (размѣръ, время основанія и перестройки), Вознесенскій дѣвичій и Борисоглѣбскій монастыри (связанныя съ ними достопамятныя событія), церковь Архистратига Михаила, построенная въ XII столѣтіи Княземъ Давидомъ Ростиславичемъ, Бизюковъ Крестовоздвиженскій монастырь, построенный Салтыковыми, слѣды Троицкаго и другихъ бывшихъ

монастырей; Свирская слобода, шанецъ, устроенный Польскимъ Королемъ Сигизмундомъ III, фортификаціонныя постройки боярина Шеина, Гавриилова гора и на ней слѣды древнихъ фундаментовъ, деревня Шеинъ-Острогъ, Дѣвичья гора, Валутина гора и на ней землявыя укрѣпленія; рѣчка Колодня, Мигьково поле, ручьи (древняя р. Ведроша и Смядынь), село Погорѣлое, рѣчка Поляновка и на ней село Семлево, Долгомостье, рѣка Остръ, деревня Андрусово, Петровы Засѣки (валъ земляной, устроенный Петромъ Великимъ), село Чижово (родина Князя Потемкина-Таврическаго).

33. *Бытность въ Пруссіи Россійскаго гонца Парошина — Елизара Сергѣева у Бранденбургскаго Курфирста Фридерика Вильгельма, въ 1654 году* (ч. XXVII, N 77, стр. 348). Это отрывокъ изъ статейнаго списка означеннаго гонца, сообщенный *А. Ө. Малиновскимъ*; въ текстѣ этого статейнаго списка гонецъ называется Ѳедоромъ. Здѣсь разсказаны: пріѣздъ гонца въ Берлинъ, встрѣчи его, аудіенція у Курфирста. Гонецъ говорилъ Курфирсту рѣчь по наказу, спрашивалъ его о здоровьѣ, подалъ ему грамоту отъ Царя Алексѣя Михайловича и присланныя съ нимъ печатныя Польскія книги.

34. *Первое путешествіе Англичанъ въ Россію въ 1553 году*, описанное Климентомъ Адамомъ, другомъ Чанслера. Переведено съ Латинскаго *К. Успенскимъ* (ч. XXVII, N 77, стр. 368. ч. XXVIII, N 78, стр. 83. N 79, стр. 177). Этоже сочиненіе было напечатано и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1838 годъ (октябрь, стр. 35), въ переводѣ И. Тарнавы-Боричевскаго. Сочиненіе Климента Адама содержитъ: разсказъ о томъ, какъ и почему пристали Англичане къ Русскимъ владѣніямъ и какъ они были приняты, географическое описаніе Московіи и города Москвы, свѣдѣнія о Русскомъ войскѣ, торговлѣ, помѣстьяхъ, нѣкоторыхъ городахъ (Новгородѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ, Псковѣ и Холмогорахъ) и одѣяніи простаго народа. Другія статьи сочиненія (о судѣ, кабалѣ, воровствѣ, судебныхъ поединкахъ, духовенствѣ и о постройкѣ домовъ)—въ переводѣ Отечественныхъ Записокъ опущены.

35. *О сочиненіяхъ Павла Юрьевича Львова, относительно къ отечественному:* записка эта сообщена самимъ П. Ю. Львовымъ еще въ 1822 г. (ч. XXVII, N 77, стр. 412). Въ ней исчислены 12 сочиненій этого литератора, съ означеніемъ гдѣ и когда они были напечатаны, на какіе языки переведены и какія похвалы въ какихъ изданіяхъ вызвали, съ приведеніемъ самыхъ отзывовъ, а равно и похвальныхъ стиховъ и писемъ, присланныхъ къ автору; между прочимъ встрѣчаемъ здѣсь и письмо Державина. Въ запискѣ приведены сверхъ того указанія объ избраніи Львова въ члены Академіи, о присужденіи ему золотой медали, объ участіи его въ

Бесѣдѣ любителей Русскаго слова; недостаетъ только авторской скромности.

36. *Чувствительное путешествіе въ С.-Петербургъ деревенскаго дворянина* въ 1819 году — изъ Весьегонскаго уѣзда (ч. XXVII, N 77, стр. 434. ч. XXVIII, N 78, стр. 47. N 79, стр. 250). «Путешествіе»— не окончено; разсказъ остановился на прибытіи въ Шлиссельбургъ. Въ примѣчаніи къ этому сочиненію сказано, что оно правдиво, простодушно и съ какою-то оригинальною философіей изображаетъ нравы и обычаи Русскіе. Такое мнѣніе не вѣрно: о нравахъ и обычаяхъ здѣсь нѣтъ ничего; все путешествіе состоитъ большею частію изъ скучныхъ разсужденій автора о разныхъ предметахъ, изъ немногихъ замѣчаній о дорогѣ и нѣсколькихъ восторженныхъ словъ о митрополитѣ Михаилѣ.

37. *Письмо издателя Отечественныхъ Записокъ* къ брату его И. П. — о торжественномъ въѣздѣ Государя въ Москву: встрѣча, порядокъ церемоніальнаго шествія, хожденіе по соборамъ (ч. XXVII, N 76, стр. 280).

38. *О древнѣйшихъ монетахъ Царей Воспора-Киммерійскаго*, соч. *И. А. Стемпковскаго* (ч. XXVII, N 75, стр. 129): указаніе изображеній и надписей на монетахъ.

39. *Примѣръ удивительной храбрости Уральскихъ казаковъ*, ст. *А. В. Висковатова* (ч. XXVII, N 75, стр. 136) — при встрѣчахъ ихъ съ Киргисъ-Кайсаками.

40. *Объ отличномъ пѣвцѣ мальчикѣ* изъ Русскихъ, статья *М. Ѳ.* (ч. XXVII, N 76, стр. 296).

41. *Объ основаніи города Вильны*, статья *Степана Руссова* (ч. XXVII, N 75, стр. 140). Авторъ приводитъ выписку о началѣ Кіевской митрополіи, напечатанную въ Исторіи всѣхъ архіепископствъ аббата Комманвиля, въ Парижѣ 1770 г., утверждая, вопреки Вѣстнику Европы (1826 г. книжка 7, стр. 204), что Вильно основано прежде 1321 года, а Ягелло перемѣнилъ вѣру въ 1385 г.

42. *Новая карта Греціи* (ч. XXVII, N 75, стр. 142) и Архипелага, сочин. генералъ-маіоромъ Хатовымъ: извѣстіе о картѣ, составленное *Свиньинымъ*.

43. *Рыбинскъ, богатѣйшій внутренній портъ въ Россіи*, съ изображеніемъ этого города (ч. XXVIII, N 78, стр. 3, N 79, стр. 189)— статья *П. Свиньина*. Авторъ провелъ въ этомъ городѣ нѣсколько дней въ 1824 г. и пользовался записками, составленными тамошними жителями. Рыбинскъ—уѣздный городъ Ярославской губерніи, на берегу Волги, противъ устья Шексны, жителей имѣетъ до 3000 чел. Здѣсь собираются избытки южной Россіи и установляется цѣна на труды нѣсколькихъ милліоновъ; это житница С.-Петербурга.

Авторъ далѣе знакомитъ читателя съ нѣкоторыми изъ Рыбинскихъ жителей разныхъ сословій, чѣмъ-нибудь обращающихъ на себя вниманіе, говоритъ о старинномъ женскомъ нарядѣ и хвалитъ смышленность и предпріимчивость здѣшнихъ обывателей. Въ старину Рыбинскъ назывался Рыбною слободою и былъ заселенъ дворцовыми рыбаками: слобода эта упоминается еще подъ 1504 годомъ. За тѣмъ говорится о числѣ купцовъ въ Рыбинскѣ, разстояніи его отъ столицъ и губернскаго города, о числѣ домовъ, церквей и заводовъ, о присутственныхъ мѣстахъ и богоугодныхъ заведеніяхъ, о ярмонкахъ (сумма оборотовъ) и пристаняхъ, о перегрузкѣ судовъ въ Рыбинскѣ, о томъ, какъ тянутъ суда, о различныхъ видахъ судовъ и о привозимыхъ на нихъ товарахъ, о цѣнности этихъ товаровъ и ихъ распродажѣ, о машинныхъ судахъ, о стоимости провоза отъ низовыхъ городовъ до Рыбинска и отсюда до С.-Петербурга, о количествѣ судовъ, приходящихъ сюда ежегодно, и о крупчаткѣ на Волгѣ (въ двухъ верстахъ отъ города). Статистическія свѣдѣнія, собранныя Свиньинымъ, въ свое время были очень любопытны; къ статьѣ его приложены двѣ таблицы: a) о размѣрахъ судовъ, сколько они поднимаютъ груза, ихъ ходѣ и мѣстахъ постройки; b) сколько прибыло и отбыло какихъ судовъ въ 1780, 1798, съ 1813 по 1821 года, и о количествѣ на нихъ груза. Кромѣ того, въ началѣ статьи авторъ разсказываетъ исторію постройки храма въ селѣ Круглицахъ. Въ Отечественныхъ Запискахъ 1827 года (ч. XXIX, N 82, стр. 357), напечатаны: *Еще (?) поправки статьи о Рыбинскѣ, помѣщ. въ книжкѣ 79-й,* доставленныя *Ѳ. М. П.:* это поправки нѣкоторыхъ цифръ и неточныхъ выраженій въ описаніи Свиньина, переданныя безъ всякой связи.

44. *Бытность въ городѣ Бордо Россійскаго посланника дворянина Ивана Гавриловича Кондырева и подьячего Михайлы Невѣрова, у Французскаго Короля Лудовика XIII въ 1615 году* (ч. XXVIII, N 78, стр. 25). Это краткое извлеченіе изъ статейнаго списка означеннаго посланника, сообщенное *А. Ѳ. Малиновскимъ.* По воцареніи Михаила Ѳеодоровича надо было новой династіи начать дипломатическія сношенія; сверхъ того, нужно было сообщить разнымъ дворамъ о несправедливостяхъ Королей Польскаго и Шведскаго и побудить къ отозванію Французовъ, служившихъ при этихъ Короляхъ. Вотъ причины нашего посольства во Францію. Статейный списокъ разсказываетъ о плаваніи посланника, встрѣчѣ его въ Гагѣ, прибытіи въ Бордо и пребываніи здѣсь, о бывшей аудіенціи и переговорахъ, объ отвѣтной королевской грамотѣ, обратномъ пути и о современныхъ происшествіяхъ во Франціи.

45. *Предразсудки и суевѣрія Башкирцевъ* (ч. XXVIII, N 78, стр.

65, N 79, стр. 206), полезная статья *Петра Кудряшева.* Содержаніе: свѣдѣнія о Башкирскихъ чародѣяхъ, волшебницахъ, предсказателяхъ, чортовидцахъ и ворожеяхъ, способъ, употребляемый Башкирами для открытія вора, мнѣнія ихъ объ устройствѣ міра и судьбѣ, свидѣтельская присяга на кладбищѣ, обряды надъ больнымъ, празднество, называемое сабаннымъ, басня о построеніи Казани, средство противъ порчей, чортовы городища, кладъ, магометанское кладбище, почтеніе къ горамъ, похоронный обрядъ.—Томуже автору принадлежатъ слѣдующіе помѣщенные въ Отечественныхъ Запискахъ разсказы: a) *Быль Оренбургской линіи: Киргизскій плѣнникъ* (ч. XXVIII, N 79, стр. 271)—разсказъ о томъ, какъ молодой вахмистръ, захваченный въ плѣнъ Киргизами, бѣжалъ изъ неволи, благодаря помощи влюбившейся въ него Киргизки. Повѣсть эта—слабое и неудачное подражаніе «Кавказскому плѣннику.» b) *Абдряшъ, Башкирская повѣсть* (1827 г. ч. XXIX, N 81, стр. 126. N 82, стр. 322. N 83, стр. 509). Въ этой повѣсти, написанной высокимъ слогомъ и вообще весьма невѣрно освѣщенной, есть нѣкоторыя указанія на Башкирскіе обычаи и краткія свѣдѣнія о мѣстности Башкиріи, объ исторической судьбѣ Башкирцевъ и о произхожденіи баранты; здѣсь же приведено и нѣсколько Киргизскихъ пѣсень. c) *Даржа, Калмыцкая повѣсть* (1829 г. ч. XXXIX, N 113, стр. 379. ч. XL, N 114, стр. 66), основанная на народныхъ преданіяхъ. d) *Сокрушитель Пугачева, Илецкій казакъ Иванъ, Оренбургская повѣсть* (1829 г. ч. XL, N 115, стр. 233. N 116, стр 423): это смѣсь разсказа о чувствительной любви съ исторіей Пугачевскаго бунта. Для описанія послѣдняго авторъ пользовался Русскою исторіей С. Н. Глинки, сентенціей по дѣлу Пугачева 1775 года, другими оффиціальными бумагами, разсказами старожиловъ (теперь не новыми) и жизнеописаніемъ Суворова. e) *Искакъ, Татарская повѣсть* (1830 г. ч. XLIII, N 124, стр. 162. ч. XLIV, N 126, стр. 43. Приложенія).

46. *Новгородскія письма* къ К. Я. Б.......у (ч. XXVIII, N 79, стр. 145. N 80, стр. 329), соч. *А. В. Висковатова.* Подъ этимъ заглавіемъ напечатано нѣсколько писемъ о разныхъ предметахъ, именно: 1-е «Дорога и пріѣздъ въ Новгородъ» изъ С.-Петербурга; 2-е «Софійскій соборъ» (заложенъ 1045 г.: описаніе его внѣшняго вида и внутренности, иконостасъ, придѣлы, Корсунскія врата, ихъ исторія, раки угодниковъ, гробы Новгородскихъ архипастырей и князей, знамена, церковь Входа въ Іерусалимъ — подлѣ Софійскаго собора, колокольня, преданіе о Царѣ Іоаннѣ Грозномъ, крестные ходы); 4-е «Вѣче» (Вѣчевая башня, мнѣніе о ея древности, значеніе вѣча и краткій историческій очеркъ Новгородскаго народо-

властія; вѣчевой колоколъ въ 1714 г. перелитъ въ новую форму); 8-е «О пребываніи тѣла Государыни Императрицы Елизаветы Алексѣевны въ Новѣгородѣ»; 13-е «Лѣтняя ярмонка» (ея характеристика, крестный ходъ изъ Софійскаго собора въ Хутынскій монастырь, гостинный дворъ, базаръ); 16-е «Взглядъ на Новгородскіе праздники, увеселенія, наряды и духъ народа» (гулянье въ саду, окрутники на святкахъ, ночныя гульбища въ дни храмовыхъ праздниковъ, посидѣнки, и проч.); 23-е «Проѣздъ чрезъ Новгородъ Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны въ Москву»—для священнѣйшаго коронованія; 24-е «Послѣднее время въ Новгородѣ» (общій видъ города и воспоминаніе о его прежнемъ величіи). Всѣ эти письма нѣсколько поверхностны; самъ авторъ назвалъ ихъ «небрежными отчетами» своей поѣздки.

47. *Извѣстіе объ аудіенціи князя Антіоха Кантемира при Французскомъ Дворѣ, въ 1738 году, описанной имъ самимъ и извлеченной изъ манускрипта, хранящагося въ библіотекѣ А. П. Сулакадзева* (Солокадзіева) (ч. XXVIII, N 79, стр. 200): свиданія съ статсъ-секретаремъ, кардиналомъ и послами, аудіенція у Короля и его семейства, замѣчанія объ этикетѣ.

48. *Посольство отъ Великаго князя Московскаго Василія Ивановича къ Папѣ Клименту VII*, 1526 года, описанное Павломъ Іовіемъ Новокомскимъ (ч. XXVIII, N 79, стр. 224. N 80, стр. 356). Перевелъ съ Латинскаго *К. Успенскій*. Содержаніе: причины посольства, пріемъ посла нашего (Димитрія) въ Римѣ, его пребываніе тамъ, описаніе Московіи, городъ Москва, источники Волги и другихъ рѣкъ, Астрахань, Татары, Лапландцы, Пермь, Печора, Югра, Вогуличи и Китай. Переводъ означеннаго сочиненія былъ также напечатанъ въ «Библіотекѣ иностранныхъ писателей о Россіи» (т. I.), — только въ этомъ изданіи оно переведено вполнѣ, а въ Отечественныхъ Запискахъ переводъ не оконченъ: конецъ помѣщеннаго здѣсь перевода соотвѣтствуетъ 36-й страницѣ изданія «Библіотеки».

49. *Мысли старинныхъ Русскихъ богослововъ о словѣ Божіемъ, яко есть полезно души невидимой невидимое брашно*, изъ рукописнаго «Торжественника», собраннаго 1675 года въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ. Статья *Федорова* (ч. XXVIII, N 80, стр. 301). Выписки изъ означенной рукописи поучаютъ, что слово Божіе есть свѣтъ, прогоняющій тьму нечестія; огнь, распаляющій любовью къ Богу; мечь, отсѣкающій беззаконіе; брашно, питающее въ жизнь вѣчную. Священное Писаніе внушаетъ страхъ Божій, поощряетъ къ добродѣтели и очищаетъ душу человѣческую отъ запустѣнія. Вмѣ-

стѣ съ тѣмъ приведены мысли «о превосходнѣйшемъ всѣхъ Существѣ Божіемъ». Мысли эти авторъ приписываетъ Кіевскому богослову: въ «Торжественникъ» онѣ заимствованы изъ сочиненія: «Зерцало Богословія». Въ примѣчаніи къ статьѣ напечатаны два стихотворныя воззванія, заимствованныя изъ «Торжественника»: a) «Азбуковникъ или предисловіе до боголюбезнаго читателя» и b) «Пристиженіе до читателей».

50. *Краткое начертаніе дѣятельной и трудолюбивой жизни его Высокопреосвященства Митрополита Римскихъ церквей въ Россіи*— Станислава Сестренцевича - Богуша, статья *О. С. Шерпинскаго*, вице-президента Римско-Католической Духовной Академіи (ч. XXVIII, N 80, стр. 372). Сестренцевичъ происходилъ отъ Литовскихъ дворянъ, воспитывался во Франкфуртскомъ Университетѣ, былъ въ военной службѣ, а въ 1762 г. сталъ заниматься духовными дѣлами въ Главной Коллегіи. Постриженный въ духовное званіе, онъ достигъ наконецъ сана Великаго милостынераздавателя, Митрополита и Предсѣдателя въ Римско-Католическомъ департаментѣ. Далѣе указано, какими знаками отличія и за что былъ онъ награждаемъ, и какія сдѣланы имъ пожертвованія на содержаніе воспитанниковъ (въ Петербургской гимназіи) и воспитанницъ (въ Воспитательномъ Домѣ) и на сооруженіе Католическаго храма. Его характеръ заслуживалъ общее уваженіе. Онъ перевелъ на Польскій языкъ сочиненіе доктора Маккензи и Учрежденіе о губерніяхъ; сочинилъ «Исторію о Тавріи» и изслѣдованіе «О произхожденіи Славянъ и Сарматовъ»; былъ Президентомъ Вольнаго Экономическаго Общества и въ отсутствіе Шишкова занималъ мѣсто Президента Академіи наукъ.

51. *О службахъ и походахъ боярскихъ, также полковыхъ разрядахъ ихъ и о томъ, кто, когда и въ которомъ полку служилъ съ 6869 года по 7200 годъ (съ 1361—1692), въ теченіи 331 года* (ч. XXVIII, N 80, стр. 401. 1830 г. ч. XLIV, N 126, стр. 3), — извлеченіе изъ разрядныхъ книгъ, заимствованное изъ одной старинной рукописи. Издатель утверждаетъ, что разряды эти были писаны для одного изъ Московскихъ Царей и что составитель ихъ долженъ быть изъ роду Годуновыхъ или Сабуровыхъ; но этого нисколько не видно изъ самого памятника. Кромѣ обозначеннаго въ заглавіи, здѣсь говорится о назначеніи намѣстниковъ и воеводъ, о походахъ Царя, объ отправленіи и пріѣздѣ гонцевъ и пословъ, о мѣстническихъ спорахъ, и т. под. Между другими фамиліями встрѣчаемъ въ настоящемъ памятникѣ Годуновыхъ, Серебряныхъ, Горбатыхъ, кн. Курбскихъ, Шуйскихъ, Оболенскихъ, Воротынскихъ, Холмскихъ, и другихъ. Извлеченіе это сдѣлано безсвязно, безъ со-

блюденія хронологическаго порядка; на стран. 415 въ 28-й части текстъ до того перебитъ, что совершенно непонятенъ. Въ оглавленіи начальный годъ означенныхъ разрядовъ показанъ 1361-й, а въ текстѣ ранѣе 1443-го года извѣстій нѣтъ; самое же позднее извѣстіе относится къ 1692 году. Тѣмъ не менѣе памятникъ самъ по себѣ весьма любопытенъ и замѣчателенъ.

52. *Письмо отъ И. К. Радожицкаго, изъ Ставрополя* — о съѣздѣ на Кавказскія минеральныя воды, о новооткрытыхъ водахъ, о постройкѣ зданій и ваннъ, о мѣрахъ предосторожности для безопасности посѣтителей и о новыхъ поселеніяхъ въ тамошнихъ мѣстахъ. Къ письму приложены: а) «Росписаніе казачьихъ станицъ Кавказской линіи, переселяющихся на новыя мѣста съ 1826 года» и b) «Списокъ гг. посѣтителямъ и посѣтительницамъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ въ теченіе лѣта 1826-го» г. (ч. XXVIII, N 78, стр. 104, 116 и 117).

53. *Выписка изъ письма Ивана Алексѣевича Стемпковскаго*, (ч. XXVIII, N 78, стр. 141) объ открытіи въ Керчи музеума (мраморныхъ статуй, барельефовъ, медалей, и проч.), объ описаніи древностей музеума г. Бларенбергомъ, о найденныхъ въ Одессѣ амфорахъ и о памятникѣ дюку де Ришелье.

54. *Рѣдкій примѣръ безкорыстія* служившаго въ Оренбургской пограничной таможнѣ объѣздчикомъ Шамаева, статья *П. Кудряшева* (ч. XXVIII, N 80, стр. 432).

55. *О находкѣ серебряныхъ слитковъ въ развалинахъ Десятинной церкви*, статья *Берлинскаго* (ч. XXVIII, N 80, стр. 438): три серебряныхъ слитка овальной фигуры, ихъ описаніе и вѣсъ.

56. Объявленія: а) *о сочиненіяхъ г. Булгарина*, б) *о Московскомъ Вѣстникѣ*, c) *о продажѣ сочиненій г. Ертова*, и d) *о Новой Дѣтской библіотекѣ* (ч. XXVIII, N 80, стр. 440). Составлены *Свиньинымъ*.

57. *Замерзаніе Невы* (ч. XXVIII, N 80, стр. 450)—замѣтка *Свиньина*.

1827 годъ.

1. *Бахчисарайскій дворецъ, изъ путевыхъ записокъ Издателя Отеч. Зап. (Свиньина) 1825 года*, съ приложеніемъ вида Ханскаго сада въ Бахчисараѣ (ч. XXIX, N 81, стр. 3). Здѣсь представлено описаніе садовъ, фонтановъ, каскадовъ, дворцовыхъ залъ, и ихъ

украшеній, ханской мечети, гарема, бесѣдокъ, каменной гробницы Польской княжны (любимой Гиреемъ), ханскаго кладбища. Не смотря на передѣлки Бахчисарайскаго дворца (при Екатеринѣ II), онъ представляетъ вѣрвый обращикъ жизни азіатскихъ калифовъ.

2. *Монограмы или родъ гербовыхъ знаковъ на стѣнахъ замка Изборскаго* (ч. XXIX, N 81, стр. 28). Розысканіе это сдѣлано въ 1805 г. *графомъ Е. Ф. Канкринымъ*, по просьбѣ графа Н. П. Румянцева. Изборскъ, теперь экономическое село, лежитъ между Псковомъ и городомъ Печорою. Надъ самымъ селомъ находится древняя крѣпостца неправильной формы (ея описаніе), съ башнями. Судя по роду плиты, строеніе это было поправляемо; древнѣйшія части складены изъ красной известковой плиты, позднѣйшія изъ бѣлосѣроватой. Плиты тщательно сложены снаружи съ обѣихъ сторонъ, а средина между ними наполнена наскоро мягкою плитою въ жидкой извести. Въ этой старинной крѣпостцѣ замѣчателенъ «родъ монограмовъ или гербовыхъ знаковъ, находящихся на стѣнахъ; они сдѣланы изъ мелкихъ и тонкихъ известковыхъ плитъ, выпущенныхъ изъ стѣны примѣрно вершка на два; вышина каждой фигуры составляетъ около 2½ аршинъ; работа грубая.» Такихъ знаковъ четыре; къ настоящей статьѣ приложенъ съ нихъ снимокъ. Въ полуверстѣ отъ Изборска, по мнѣнію народа, находятся гробницы Князей рода Рюрикова. Здѣсь видны три большихъ креста и четвероугольныя плиты; на крестахъ видны черты письма, нѣсколько похожія на руническія; недалеко отсюда видно кладбище, огражденное землянымъ валомъ. Такіе же кресты съ надписями находятся около Изборска и съ другой стороны.

3. *Мысли относительно изысканія древностей въ Новороссійскомъ краѣ* (ч. XXIX, N 81, стр. 40), сочин. *И. Стемпковскаго*. Сѣверные берега Чернаго моря были заселены Греческими колоніями, которыя впослѣдствіи раззорены нашествіемъ дикихъ ордъ; нынѣ едва замѣтны ихъ слѣды. Многіе частные люди занимались изысканіемъ въ этихъ мѣстахъ древностей, но безъ общаго плана, и потому не могли принести большихъ успѣховъ наукѣ. Желательно, чтобы въ Новороссійскомъ краѣ составилось Общество, которое бы старалось отыскивать, описывать и объяснять древности, уцѣлѣвшія въ развалинахъ и гробницахъ. Правительство уже учредило въ разныхъ городахъ здѣшняго края музеумы для храненія находимыхъ древностей. За тѣмъ авторъ указываетъ на кругъ дѣйствій, который могъ бы представиться Обществу, и обозначаетъ мѣста, въ которыхъ надо приступить къ изысканіямъ (Аккерманъ, Овидіополь, Одесса, Березаньскій островъ, Ольвія, островъ Тендре, Херсонесъ, Өеодосія, Керчь, и другія); не должно оставлять безъ вниманія и

многочисленныхъ кургановъ, разсѣянныхъ по сѣвернымъ берегамъ Азовскаго моря.

4. *Историческое похвальное слово Димитрію Донскому*, сочиненное Его Превосходительствомъ А. В. *Казадаевымъ* (ч. XXIX, N 81, стр. 73, N 82, стр. 216, N 83, стр. 377. ч. XXX, N 84, стр. 49, N 85, стр. 206, N 86, стр. 337. ч. XXXI, N 87, стр. 60, N 88, стр. 212.). Это компиляція, составленная безъ всякой критической оцѣнки, на основаніи лѣтописей и трудовъ Татищева, Щербатова, Стритера, Рычкова, Митрополита Платона и другихъ, и притомъ написанная высокимъ подкрашеннымъ языкомъ. Содержаніе слова: состояніе Руси, В. Кн. Димитрій, его характеръ, достоинства и внѣшній видъ; его борьба съ Димитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ; занятіе удѣловъ; моровая язва; пожаръ въ Москвѣ 1365 г. и построеніе каменнаго Кремля; Татарскіе набѣги; Новгородскіе ушкуйники; борьба съ Тверью, Ольгердомъ и Олегомъ Рязанскимъ; война съ Мамаемъ и Куликовская битва; нашествіе Тохтамыша и раззореніе Москвы; Тамерланъ; расколъ стригольниковъ; новый порядокъ престолонаслѣдія; монета и огнестрѣльное оружіе; степень общественнаго просвѣщенія; болѣзнь, кончина и завѣщаніе В. Князя. Между прочимъ здѣсь находимъ и замѣтку объ иностранцахъ, писавшихъ о Россіи, преимущественно — о Массонѣ.

5. *Описаніе Турецкаго похода Россіянъ подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Голенищева-Кутузова въ 1811 году* — (ч. XXIX, N 81, стр. 105, N 82, стр. 258, N 83, стр. 431. 1828 г. ч. XXXIV, N 96, стр. 79, N 97, стр. 239), сочин. генералъ-маіора *Хатова*. Это продолженіе статьи, напечатанной въ XIV части «Отеч. Записокъ» (N 36, стр. 61 и N 37, стр. 223). Здѣсь подробно разсказываются военныя событія на Дунаѣ (у Виддина, Ломъ-Паланки, Рущука и Калафата) и въ Сербіи, расположенія войскъ, ихъ передвиженіе, численность и потери; распоряженія и дѣйствія Георгія Чернаго и генераловъ: Засса, Булатова, Маркова, и другихъ. Описаніе расположено по числамъ, въ видѣ дневника, и составляетъ полезный матеріалъ для военной исторіи. Въ концѣ авторъ излагаетъ переговоры о мирѣ съ Турціей и условія, на которыхъ онъ заключенъ.

6. *Чрезвычайное посольство Думнаго Совѣтника Емельяна Украинцева къ Портѣ Оттоманской въ 1699 и 1700 годахъ, для заключенія мирнаго договора на 30 лѣтъ*, сообщено *А. Ѳ. Малиновскимъ* (ч. XXIX, N 82, стр. 197, N 83, стр. 456). Свѣдѣнія, предлагаемыя здѣсь, дословно извлечены изъ донесенія Украинцева Петру Великому. Украинцевъ спустился изъ Азовскаго моря къ Царьграду на кораблѣ (описаніе его плаванія и встрѣчи), о которомъ «у Султана

и всего Турецкаго народа немалое было подивленіе»; посланника спрашивали: много ли у Государя Русскаго сдѣлано кораблей и какъ велики, и свободно ли ходятъ отъ Азова въ море?» и пѣняли въ томъ на Голландцевъ, что они учили государевыхъ людей корабельному мастерству; «а зѣло сего опасаются, какъ запретъ Царь Черное море, тогда де въ Царѣградѣ будетъ гладъ великой». Украинцевъ видѣлся здѣсь съ послами Англійскимъ, Французскимъ и Голландскимъ и замѣчаетъ, что всѣ «они держатъ во всемъ Турскую сторону». За тѣмъ былъ онъ у визиря, объявилъ полномочную грамоту и предложилъ на вѣчный миръ три статьи: a) плѣнныхъ размѣнять, b) Хана и Татаръ отъ войны удерживать, c) Гробъ Господень отдать по прежнему Грекамъ. Порта требовала, чтобы Казыкермень съ городками былъ уступленъ въ цѣлости и чтобы на морѣ не было у Царя никакихъ судовъ: «Чернаго де и Азовскаго моря никто не можетъ быти господиномъ, токмо Султанъ». Всѣхъ съѣздовъ для переговоровъ о мирѣ было двадцать два; на этихъ съѣздахъ наконецъ опредѣлено: Казыкермень раззорить, да и всѣмъ землямъ по Днѣпру, отъ Запорожской Сѣчи до Очакова, быть пустымъ; только на половинѣ означеннаго пространства быть поселенію для перевоза всякихъ людей; Азову со всѣми принадлежащими къ нему городками быть подъ властію Царя; сверхъ того Порта уступаетъ къ Азову земли отъ Кубанской стороны на десять часовъ ѣзды, и быть тѣмъ землямъ незаселеннымъ; Султанъ соглашается допустить существованіе крѣпостей: Таганрога, Павловской и Міюса.

7. *О послѣдней бытности блаженныя памяти Государя Императора Александра I Таврической губерніи Мелитопольскаго уѣзда въ Молочанскихъ менонистскихъ колоніяхъ*, статья *А. Ѳадѣева* (ч. XXIX, N 82, стр. 281). На пути изъ Таганрога въ Крымъ, 1825 года, Государь Александръ Павловичъ посѣтилъ Молочанскія менонистскія колоніи и встрѣченный старшинами въ селеніи Штейнбахѣ принялъ отъ нихъ письменное привѣтствіе, исполненное чувства благодарности, отъ лица всего менонистскаго общества; привѣтствіе это здѣсь напечатано. Авторъ статьи присутствовалъ при означенной встрѣчѣ, провожалъ Государя до послѣдней колоніи, и передаетъ свой разговоръ съ нимъ. Государь спрашивалъ его о занятіяхъ менонистовъ, ихъ образѣ жизни, суконной фабрикѣ и объ одномъ Швейцарцѣ, который имѣлъ намѣреніе содѣйствовать Базельскимъ миссіонерамъ въ обращеніи Ногайцевъ къ христіанству.

8. *Объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ Несторовой лѣтописи*, сочиненіе *Барона Г. А. Розенкампфа* (ч. XXIX, N 82, стр. 300). Авторъ обратилъ вниманіе на слѣдующія мѣста лѣтописи: a) «наченшю

Михаилу царствовати начася прозывати Руска земля»; b) «и отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля Новгородъ», т. е., по мнѣнію Розенкампфа, въ царствованіе Михаила земля Русская и народъ Русской начали быть извѣстными Грекамъ, а Новгородъ — Варягамъ; но земля Русская и прежде называлась *Россіею*, что видно изъ самыхъ Византійскихъ и другихъ свидѣтельствъ. — Сдѣлавши замѣчаніе о необходимости изслѣдовать Греческіе и Болгарскіе источники Несторовой лѣтописи, сочинитель возражаетъ далѣе Шлецеру, который утверждалъ, что Руссы были Норманны, пришедшіе отъ береговъ Швеціи. Между доказательствами, приводимыми Шлецеромъ, первое состоитъ въ томъ, что Финны называютъ Шведовъ Rootsi и что эти Rootsi жили на Упландскомъ берегу, древле и нынѣ называемомъ Рослагенъ. Но слова эти не доказываютъ произхожденія Руссовъ, ибо Шлецеръ принялъ здѣсь названіе военнаго ремесла за народное имя. Военныя силы Скандинавіи большею частію были морскія; вооруженныя лодки по Шведски назывались Rodhsi (гребцы), а вся страна по Упландскому берегу, гдѣ собирались морскія силы,—Rodslagen (отъ ro, ros, rod—грести веслами). Второе доказательство Шлецера основано на томъ, что въ Бертинскихъ лѣтописяхъ упоминается о двухъ послахъ, которые назывались Россами и признавали себя Шведами; третье доказательство состоитъ въ сходствѣ древнихъ Русскихъ законовъ съ Скандинавскими и Готескими, но такое сходство могло проистекать отъ различныхъ причинъ; оба эти доказательства еще не устраняютъ всѣхъ сомнѣній.

9. *Мысли о произхожденіи Донскихъ Казаковъ*, изъ записокъ генералъ-маіора *Х. И. Кирсанова* (ч. XXIX, N 83, стр. 487). Статья полемическая, но составленная весьма слабо; авторъ возражаетъ на записки Манштейна о Россіи (ч. I, стр. 31) и дополняетъ ихъ: а) Донскіе казаки обитали по Донцу отъ юрта Луганской станицы до устья и потомъ внизъ до Раздоръ и Черкаска, а ниже нельзя предположить; b) не принималъ ли Манштейнъ станицы за города, ибо древнѣйшія станицы, вѣроятно, строились на городищахъ (Монастырское, Старочеркаскъ, Ахасъ); с) мнѣніе о произхожденіи Донскихъ казаковъ отъ бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ невѣрно; казаки были во всѣхъ княженіяхъ Московскаго государства, какъ люди военные, особо отъ крестьянъ и холопей: слово «казакъ» есть общее въ Россіи, принадлежащее военному классу названіе, подобно словамъ: гусаръ и драгунъ. Съ другой стороны невѣроятно, чтобы крестьяне, недовольные своими господами, бѣжали на Донъ, въ мѣста постоянно угрожаемыя Татарскими набѣгами. Земля Донскихъ казаковъ заселена Русскими вольными людьми,

удалыми охотниками, а къ нимъ пристали выходцы изъ Грековъ, Турокъ и Черкесовъ, и проч. d) Манштейнъ говоритъ, что казацкая община покорилась Россіи, но она и не отторгалась отъ нея, ибо каждый ея членъ зависѣлъ отъ своего князя (?).

10. *Письмо отъ И. Т. Радожицкаго* — о торжествѣ, бывшемъ въ Ставрополѣ 20 ноября 1826 года, въ день восшествія на престолъ Государя Императора Николая 1-го (парадъ войскъ, молебенъ, балъ, иллюминація) (ч. XXIX, N 81, стр. 146).

11. *Объ открытіи богатаго золотоноснаго рудника* — Царево-Николаевскаго, письмо изъ Златоуста (ч XXIX, N 83, стр. 521).

12. *Выписка изъ письма Князя П. И. Кугушева изъ Нижняго Новгорода отъ 28 генв. 1827 года*, объ открытіи въ селѣ Лысковѣ новой ярмонки и о возведеніи тамъ каменнаго гостиннаго двора и павильона съ теплыми лавками (ч. XXIX, N 83, стр. 522).

13. *С.-Петербургскія современныя лѣтописи*, въ части XXIX: a) *Освященіе Военной галлереи*, въ которой собраны портреты знаменитыхъ сподвижниковъ въ войнѣ противъ Наполеона (описаніе комнаты и портретовъ, работы Дова). Въ ней велѣно хранить и знамена лейбъ-гвардіи. Статья принадлежитъ *Свиньину* (N 81, стр. 151). b) *Торжество столѣтія Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ.* Пригласительныхъ билетовъ было разослано 400. Торжество происходило въ Конференцъ-залѣ (описаніе ея убранства) и началось рѣчью Президента «о покровительствованіи Академіи Россійскими Монархами» (приведены изъ нея выписки). Непремѣнный секретарь Фусъ прочиталъ: «обозрѣніе ученой дѣятельности Академіи со времени ея основанія», программу задачь, предлагаемыхъ къ рѣшенію на преміи и списокъ вновь избраннымъ почетнымъ членамъ (задачи и списокъ здѣсь напечатаны). Графомъ Ѳ. П. Толстымъ вырѣзана на этотъ случай медаль (описаніе ея и надписи). Государь и Великіе Князья приняли званія Почетныхъ Членовъ Академіи; Прусскій Король—тоже (N 81, стр. 158). c) *Придворный маскарадъ* въ Таврическомъ Дворцѣ (N 81, стр. 194). d) *О новыхъ изящныхъ произведеніяхъ Императорскихъ фарфоровой фабрики и стекляннаго завода.* Эта и всѣ слѣдующія статьи «лѣтописей» принадлежатъ *П. Свиньину.* Авторъ представляетъ здѣсь описаніе огромнаго зеркала, назначеннаго въ подарокъ герцогу Веллингтону, хрустальной кровати и такого же бассейна, вазъ и другихъ превосходныхъ произведеній (N 82, стр. 360). e) *Увеселенія столицы:* вечернія собранія, физико-химическія лекціи, космо-рама, звѣринецъ, представленія магіи, чревовѣщательства и мимики, пикники въ купеческомъ клубѣ. Здѣсь между прочимъ приведенъ анекдотъ о Потемкинѣ (N 82, стр. 370). f) *Экзаменъ въ Обществѣ*

благородныхъ дѣвицъ XIX пріема: описаніе экзамена, прощальная пѣснь (соч. Жуковскаго), успѣхи въ музыкѣ, пѣніи, танцахъ и рукодѣліяхъ, имена награжденныхъ шифрами и медалями. За тѣмъ слѣдуетъ описаніе экзамена, сдѣланнаго воспитанницамъ мѣщанскаго училища (N 83, стр. 525). g) *Надгробный памятникъ покойному канцлеру графу Николаю Петровичу Румянцеву*, вылитый Якимовымъ съ извѣстнаго мраморнаго произведенія Кановы: «Миръ»: описаніе его и цѣна (N 83, стр. 534). h) *Рисунки бань, открытыхъ въ Помпеѣ,* доставленные въ Общество поощренія Русскихъ художниковъ Александромъ Брюловымъ, и объ изданіи ихъ (N 83, стр. 536). i) *Медаль работы Можжечкова*, вырѣзанная на стали, величиной съ серебряный пятачекъ, и изображающая портретъ Императора Александра I-го (N 83, стр. 537). k) *Масляница*, народное гульбище (N 83, стр. 538).

Въ XXX части: l) *Увеселенія С.-Петербургскихъ жителей—концерты* въ Филармоническомъ Обществѣ и театрѣ (N 85, стр. 322). m) *Качели на Святой недѣлѣ* и другія святочныя увеселенія (N 85, стр. 324).

Въ XXXI части: n) *Краткая записка о новостяхъ, найденныхъ издателемъ Отечественныхъ Записокъ въ столицѣ по возвращеніи своемъ нынѣшнимъ лѣтомъ изъ путешествія по Остъ-зейскимъ губерніямъ:* шоссе, Каменноостровскій театръ, садъ предъ Михайловскимъ дворцомъ, домъ графа Н. П. Румянцева, Исакіевскій соборъ, Екатерининская церковь и Преображенскій соборъ, циркъ у Семіоновскаго мосту, передѣлки въ Зимнемъ Дворцѣ, Тріумфальныя ворота, Сѣнная площадь, очистка каналовъ, новый Топографическій залъ въ Музеумѣ Горнаго Корпуса; вывозъ изъ Петербурга картинъ въ Англію; преобразованіе церковной музыки; воксалъ, скачка, гулянье на Елагиномъ острову; учрежденіе страховаго отъ огня Общества (N 89, стр. 498).

Въ XXXII части: o) *Выставка въ Академіи Художествъ* (N 90, стр. 130. N 91, стр. 311). Здѣсь находимъ указанія на работы Мартоса, Шебуева, Егорова, Воробьева, графа Толстаго, Орлова-Скаго, Дова, Уткина, Галактіонова, Доброхотова, Иванова, Кипренскаго, Тропинина, Щедрина, Венеціанова и другихъ (живопись, архитектурные планы, гравюры, рѣзьба на камняхъ, бюсты); здѣсь же сообщены извѣстія о модели дворца Царя Алексѣя Михайловича (въ селѣ Коломенскомъ) и о трудахъ воспитанниковъ Академіи, а также біографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ Русскихъ художникахъ. p) *Увеселенія*: скороходы, акробаты, пантоминныя представленія, Тирольскіе пѣвцы, необыкновенная собака, волшебно-механическій театръ, фокусники, косморама, циркъ, и т. под. (N 92, стр. 502).

14. *Нѣсколько безпристрастныхъ словъ о новыхъ журналахъ и альманахахъ на 1827 годъ*, статья *П. Свиньина* (ч. XXIX, N 81, стр. 176). Здѣсь находимъ указанія на первыя книжки Московскаго Вѣстника, Новой Дѣтской библіотеки и Славянина, и замѣтки объ альманахахъ: Памятникъ отечественныхъ музъ, Календарь музъ, Невскій альманахъ, Сиріусъ, Сѣверная лира, Дѣтскій цвѣтникъ, Подарокъ дѣтямъ и Незабудочка, съ выписками изъ этихъ изданій.

15. (Критическое) *Обозрѣніе «Описанія Тульскаго оружейнаго завода въ историческомъ и техническомъ отношеніи, сочиненнаго Кол. Сов. Докторомъ Гамелемъ. Москва, въ тип. Семена* (1826 г.).» Статья принадлежитъ *Свиньину*, который, благосклонно отзываясь о сочиненіи Гамеля, представляетъ оглавленіе этой книги, заимствуетъ изъ нея нѣкоторыя свѣдѣнія о началѣ въ Тулѣ чугунныхъ заводовъ и оружейнаго производства, о приписанныхъ къ Тульскому заводу крестьянахъ и оружейникахъ, и приводитъ нѣкоторыя статистическія данныя (ч. XXIX, N 82, стр. 333).

16. *Критика*: a) «*Главныя основанія земледѣлія, соч. Д. Шелехова*,» (ч. XXIX, N 82, стр. 347,) — статья *Свиньина*. Содержаніе ея слѣдующее: земледѣліе въ Россіи представляетъ самый недоходный промыслъ и остается безъ улучшеній, между тѣмъ какъ въ западной Европѣ оно даетъ доходъ равный съ мануфактурными заведеніями. Какъ исправить этотъ недостатокъ? Тверской помѣщикъ Д. П. Шелеховъ устроилъ свое помѣстье, введя въ него вмѣсто трехпольной системы плодоперемѣнную и усовершенствованныя земледѣльческія орудія. Въ книгѣ своей онъ изложилъ выгоды плодоперемѣннаго хозяйства; онъ доказываетъ, что сѣвооборотовъ можетъ быть множество, если принаровить ихъ къ разнообразнымъ почвамъ, климату и сбыту произведеній, и что плодоперемѣнное земледѣліе можетъ быть направлено не только на добываніе зерновыхъ хлѣбовъ, на которые цѣна стоитъ низкая, но и на другія цѣнныя — красильныя, пряныя и масличныя произведенія. b) «*Рѣчь о пользѣ и необходимости водворенія и распространенія плодоперемѣннаго и усовершенствованнаго земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства въ Россіи на мѣсто трехпольнаго, и о средствахъ къ тому ведущихъ, безъ особенныхъ важныхъ пожертвованій капитала, безъ измѣненія коренныхъ народа Русскаго нравовъ и существующаго отношенія крестьянъ къ своимъ владѣльцамъ, соч. Шелехова* (ч. XXX, N 85, стр. 302). Первые вводители плодоперемѣннаго хозяйства принимали все чужеземное безусловно, не обращая вниманія на мѣстныя условія; отъ того происходили убытки и появились насмѣшки (такъ въ 1806 г. издана въ Москвѣ книга: «Плугъ и Соха»). Шелеховъ предпринялъ рѣшить задачу: какъ съ

выгодою обратить трехпольное хозяйство въ плодоперемѣнное, дѣйствуя обыкновенною барщиною, т. е. тягловыми крестьянами, ихъ лошадьми и сбруей. По его предложенію, нѣкоторыя лица рѣшились составить въ С.-Петербургѣ земледѣльческую компанію на акціяхъ для водворенія въ Россіи плодоперемѣннаго хозяйства и завести образцовую въ Русскихъ нравахъ усадьбу. Рѣчь Шелехова принаравливаетъ общія правила, высказанныя имъ въ книгѣ о «Главныхъ основаніяхъ земледѣлія», къ Русскому быту.

17. *Некрологія* дѣйств. тайнаго совѣтника графа А. И. Моркова, бывшаго посломъ при консулѣ Наполеонѣ (ч. XXIX, N 83, стр. 538).

18. *Общая сравнительная вѣдомость о происшествіяхъ, случившихся въ теченіи четырехъ лѣтъ въ Россіи* (ч. XXIX, N 83, стр. 540): это статистическая таблица, составленная Свиньинымъ, о движеніи народонаселенія, количествѣ подкидышей и рожденныхъ уродовъ, числѣ преступленій, величинѣ убытковъ, понесенныхъ отъ пожаровъ, наводненій, бурь, града, саранчи и червей — въ продолженіе 1823—1826 годовъ. Статья эта была напечатана и въ N 5 Сѣверной Пчелы за 1827 годъ.

19. *Описаніе построенія города Ярославля и заложенной въ основаніе онаго церкви во имя св. Пророка Иліи Великимъ Княземъ Ярославомъ I*, сочиненіе *М. Львивцева* (ч. XXX, N 84, стр. 3. N 85, стр. 169), съ видомъ города Ярославля съ горы Туговой. Статья эта написана на основаніи мѣстныхъ преданій. Содержаніе ея слѣдующее: время построенія Ярославля опредѣляется годами княженія Ярослава I въ Ростовѣ, къ области котораго принадлежалъ послѣ этотъ новый городъ. Охотясь въ лѣсу на берегахъ Волги, Ярославъ встрѣтился съ медвѣдицею, убилъ ее, и вскорѣ заложилъ здѣсь рубленный городъ, далъ ему гербъ (?) съ изображеніемъ медвѣдя, а верхнее устье Котрости назвалъ рѣкою Медвѣдицею. Поселеніе обведено было потомъ землянымъ валомъ; на берегу Медвѣдицы построенъ дворецъ удѣльныхъ Ярославскихъ Князей, которые по смерти были погребаемы въ мужскомъ Петровскомъ монастырѣ. Далѣе слѣдуетъ: неловкое объясненіе всѣхъ подробностей Ярославскаго герба и свѣдѣнія о церкви св. Пророка Иліи, будто бы построенной В. Кн. Ярославомъ, причемъ опровергается мнѣніе Географическаго словаря Россійскаго государства, по словамъ котораго Ярославъ началъ основаніе города построеніемъ церкви Апостоловъ Петра и Павла.

20. а) *Царскосельскій лѣтописецъ* (ч. XXX, N 84, стр. 29, N 85, стр. 281. N 86, стр. 414. ч. XXXI, N 88, стр. 315), сочиненіе заслуженнаго профессора *Ильи Яковкина*. Въ началѣ, вмѣсто предисловія, напечатано письмо автора къ издателю Отечествен. Записокъ,

въ которомъ опровергается показаніе академическаго мѣсяцеслова на 1778 годъ, что Царское село началось строиться въ 1744 году. За тѣмъ слѣдуетъ «Краткая лѣтопись о селѣ Царскомъ или извлеченіе о времени нѣкоторыхъ происшествій, до села Царскаго касающихся, отъ самаго приписанія мызы Сари и другихъ пяти мызъ къ комнатѣ Ея Царскаго Величества Государыни Екатерины Алексіевны до нашихъ временъ.» Лѣтопись раздѣлена на четыре періода: первый съ 1708 по 1742 годъ, второй до половины 1762 г., третій до исхода 1796 г., четвертый по 1825 г.; изложена она по годамъ и состоитъ изъ краткихъ и несвязныхъ замѣтокъ о припискѣ мызъ, по указу Петра Великаго, во владѣніе Императрицы, Царевича и Меншикова, о населеніи ихъ, обмежеваніи, постройкѣ здѣсь различныхъ зданій, устройствѣ садовъ, оранжерей, звѣринца, театра, школы, богадѣлень, и т. п., о проведеніи каналовъ; объ управленіи Царскимъ селомъ и разныхъ для того учрежденіяхъ, о крестьянскихъ обязанностяхъ и различныхъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, о попыткахъ провести въ царскосельскіе сады хорошую воду; о штатахъ на содержаніе Царскаго села; о поставленныхъ здѣсь памятникахъ Румянцеву, графу Орлову и въ память завоеванія Сибири; объ учрежденіи оспеннаго дома, школы лѣсоводства, садовой школы и лицея; о посѣщеніи Царскаго села Королями Польскимъ и Прусскимъ, и проч. — Тому же автору принадлежатъ напечатанныя въ Отечествен. Запискахъ статьи: b) *Раздача земель въ Ингерманландіи, присоединенной къ Россіи Петромъ I* (1828 г. ч. XXXV, N 99, стр. 39), — отрывокъ изъ первой части «Исторіи села Царскаго, соч. профес. Яковкина. СПБ. 1829 г.» (стр. 42 — 70); но въ книгѣ это мѣсто передано полнѣе, а въ Отечеств. Запискахъ оно напечатано съ пропусками. Рѣшившись населить Ингерманландію Русскими, Петръ В. раздавалъ здѣшнія земли въ дачи. Здѣсь указано число розданныхъ мызъ, деревень, пустошей, крестьянскихъ дворовъ, земли, лѣсу, и прочаго; сколько въ 1711 году было во всей Ингерманландіи пахотной земли, какія мѣста не велѣно было назначать въ роздачу, по скольку крестьянъ селить на извѣстномъ пространствѣ. Поселяли въ этой странѣ главнымъ образомъ каменщиковъ, кирпичниковъ, мастеровыхъ людей и ямщиковъ; земли раздавались всякихъ чиновъ служилымъ людямъ изъ С.-Петербургской губернской канцеляріи. Для заведенія Русскихъ слободъ около мызы Сари были наряжаемы плотники изъ дворцовыхъ волостей въ 1716 — 18 годахъ (сколько срублено ими избъ), а для населенія ихъ вызвано сюда изъ тѣхъ же волостей 200 дворовъ крестьянъ, и переведенцы надѣлены избами, пашнею, сѣнокосомъ и въ первое время получали казенное хлѣбное жалованье. Свѣдѣнія

эти извлечены изъ дѣлъ архива Царскосельскаго дворцоваго правленія. с) *О проведеніи проточной воды и объ изслѣдованіяхъ къ продолженію канала изъ Невы до Царскаго села* (1828 г. ч. XXXV, N 100, стр. 211), изъ второй части «Исторіи села Царскаго»: свѣдѣнія заимствованы изъ того же архива. Содержаніе статьи слѣдующее: Императрица Елизавета Петровна сожалѣла о недостаткѣ проточной воды въ Царскомъ селѣ; было сдѣлано много розысковъ для проведенія рѣчной воды въ тамошніе пруды, но безъ успѣха. Нева, Славянка, Таица не могли служить для этой цѣли; изъ другихъ мѣстъ тоже невозможно было провести воду, въ доказательство чего приведены авторомъ описаніе и измѣреніе различныхъ мѣстностей около села Царскаго. Въ 1748 г. велѣно было провести Виттелевскую ключевую воду посредствомъ канала въ Царскосельскій прудъ. Каналъ этотъ рыли солдаты полевыхъ полковъ. d) *Новое устроеніе Виттелевскаго канала въ Царскомъ селѣ, отрывокъ изъ третьей части Исторіи села Царскаго* (1829 г. ч. XL, N 115, стр. 215). Здѣсь говорится объ устройствѣ мостовъ, пристаней, Боуерскаго канала (по имени распорядителя генералъ-квартирмейстера Боуера), Бабаловской плотины съ шлюзомъ, крытаго канала отъ Курголова до Бабалова и открытаго канала отъ Таицы; о суммахъ, во что стало это устройство и сколько нужно на содержаніе Боуерскаго канала и объ условіяхъ договора, заключеннаго съ инженеръ-полковникомъ Герардомъ по производству минныхъ работъ.

21. *Военныя дѣйствія соединенныхъ Россійско-Турецкихъ войскъ подъ Анконою въ 1799 году*, сочиненіе *А. В. Висковатова* (ч. XXX, N 84, стр. 91. N 85, стр. 264. ч. XXXI, N 89, стр. 439. ч. XXXIV, N 98, стр. 432.). Авторъ пользовался сочиненіемъ полковника Рука (переводъ съ англійскаго, изданный въ Николаевѣ въ 1801 году), журналомъ капитанъ-лейтенанта Мессера (1799 г.), записками и устными показаніями контръ-адмирала Ратманова, сочиненіемъ: «Défense d'Ancône et des départemens romains: le Tronta, le Musone et le Métanto, par le général Monnier, ouvrage composé par M. Mangourit», письмами лицъ, участвовавшихъ въ Анконскомъ походѣ и оффиціальными бумагами. Содержаніе: Французская революція заставила Императора Павла I поднять оружіе и отправить въ Италію Суворова; Султанъ Селимъ III вступилъ съ Россіей въ союзъ. Но въ то время, какъ Французы были поражаемы Суворовымъ, въ Церковной области города находились во власти непріятеля. Духъ неудовольствія на Французовъ и здѣсь началъ явно распространяться; во многихъ мѣстахъ вспыхнуло возмущеніе. Извѣщенный о томъ адмиралъ Ушаковъ отрядилъ эскадру подъ начальствомъ контръ-адмирала Пустошкина къ Анконѣ (составъ эскадры; поло-

женіе Анконы, ея укрѣпленія и численность гарнизона). Пустошкинъ въ маѣ 1799 г. сдѣлалъ предложеніе о сдачѣ, но безъуспѣшно, и вслѣдъ за тѣмъ открылъ огонь по укрѣпленіямъ. Получивъ потомъ извѣстіе о вооруженіи жителей города Пезаро, эскадра оставила одинъ корабль для блокады Анконы и отправилась въ Пезаро; здѣсь отрядъ высадился, соединился съ приставшими къ нему жителями и двинулся по Анконской дорогѣ, заставивъ непріятеля очистить Фано и Синигалію. Дальнѣйшіе успѣхи были остановлены выступленіемъ изъ Кадикса Французско-Испанскаго флота. Въ іюнѣ главнокомандующій въ Архипелагѣ отрядилъ въ Адріатическое море новую эскадру подъ начальствомъ капитана графа Воиновича (ея составъ), который прибылъ въ Пезаро и узналъ, что ожидаемыя Французскія войска еще не являлись, что завоеванія Пустошкина снова впали во власть непріятеля, но что генералъ Монье, начальствовавшій въ Анконѣ, кромѣ Россійско-Турецкой эскадры, долженъ былъ бороться еще съ предводителемъ инсургентовъ Лагоцемъ. Графъ Воиновичь вытѣснилъ Французовъ изъ городовъ Фано, Синигаліи, мѣстечка Фьюжемино и высотъ Монтаньольскихъ; разные города Римской республики прислали къ нему депутатовъ съ изъявленіемъ благодарности. Въ Анконѣ припасы вздорожали; Монье издалъ прокламацію къ войскамъ и занялся приведеніемъ города въ лучшее оборонительное состояніе. Началась осада Анконы (численность войскъ, опроверженіе ложныхъ показаній о поведеніи союзной арміи, дѣйствія и смерть Лагоца, осадныя работы, вылазки, число убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ, твердость непріятеля, адская колона, составленная генераломъ Монье, письмо къ нему графа Воиновича о сдачѣ и отвѣтъ).

22. *Любопытное письмо изъ Сибири* (ч. XXX, N 84, стр. 113) о городѣ Барнаулѣ (внѣшній видъ, общественныя зданія, сады ботаническій и лазаретный, плотина, соборъ, музеумъ), объ ежегодной добычѣ серебра и золота съ Колыванскихъ заводовъ и о количествѣ серебра, добытаго съ 1747 по 1825 г. въ Змѣиногорскомъ рудникѣ. Свѣдѣнія о городѣ переданы поверхностно, полнѣе—описаніе музеума, въ которомъ собраны: модели рудниковъ и машинъ; чучелы Сибирскихъ звѣрей и птицъ, насѣкомыя; орудія, издѣлія и другія вещи Азіатскихъ народовъ; костюмы Сибирскихъ кочевыхъ жителей и шамановъ; вещи, вырытыя изъ кургановъ; музыкальные инструменты Далай-Ламайцевъ; ловушки для звѣрей; минеральный кабинетъ и библіотека.

23. *Оренбургской мѣновой дворъ* (ч. XXX, N 84, стр. 127), сочин. *Александра Крюкова*. Дворъ этотъ огражденъ четырмя огромными корпусами и заключаетъ въ себѣ 152 лавки и помѣщеніе для куп-

цовъ; въ него ведутъ двое воротъ: Россійскія и Киргизскія. Надъ первыми устроена пограничная таможня. Въ срединѣ двора расположенъ другой дворикъ, который называется Азіатскимъ. Отдавъ дань воспоминанія Оренбургскому военному губернатору Неплюеву, авторъ представляетъ «поверхностное обозрѣніе Оренбургской торговли.» Ярмонка на мѣновомъ дворѣ начинается съ половины іюня, а кончается въ октябрѣ. Киргизы мѣняютъ здѣсь барановъ, рогатой скотъ и добычу звѣроловства на хлѣбъ, лошадей, фабричныя издѣлія и нѣкоторые Хивинскіе и Бухарскіе товары (на сколько промѣнено въ 1826 году). Безопасность торгующихъ охраняется воинскою стражею. Хива и Бухарія направляютъ свои купеческіе караваны въ Троицкъ и Оренбургъ; путь отъ Оренбурга до Бухаріи идетъ черезъ Киргизъ-кайсакскую степь, а до Хивы черезъ крѣпость Сарайчиковскую. Частыя вражды Хивинцевъ съ Бухарцами и разбои Киргизовъ мѣшаютъ успѣхамъ здѣшней торговли. Бухарцы и Хивинцы привозятъ къ намъ шелковыя и бумажныя матеріи, халаты, одѣяла, сушеные фрукты, кашемирскія ткани, корень мареву; отъ насъ же получаютъ произведенія нашихъ фабрикъ.— За тѣмъ слѣдуетъ описаніе вступленія Бухаро-Хивинскаго каравана въ Оренбургскій мѣновой дворъ въ 1826 г. и указаніе на цѣнность привезенныхъ и вывезенныхъ товаровъ.

24. *Приказы и письма Императора Петра Великаго и Императрицы Екатерины I генералу Матюшкину, во время войны съ Персіей* (ч. XXX, N 86, стр. 387. ч. XXXII, N 91, стр. 242. N 92, стр. 398). Въ предисловіи издатель Отечеств. Записокъ говоритъ о заботливости Петра В. расширить торговыя наши связи съ Азіей. — Здѣсь напечатано: 19 писемъ, 3 инструціи, 3 резолюціи на докладные пункты и три указа Петра Великаго (съ 30 марта 1722 по 23 октября 1724 г.) и пять писемъ Екатерины I (отъ 20 февраля по 22 декабря 1725 г.). Переписка эта касается Персидскихъ дѣлъ, во время занятія войсками Русскими Дагестана, Ширвана и Гиляни; въ ней говорится о постройкѣ ластовыхъ судовъ и лодокъ на Волгѣ и нагрузкѣ ихъ провіантомъ, объ учрежденіи магазиновъ и лазаретовъ и другихъ военныхъ распоряженіяхъ, о поселеніи въ Дербентѣ, около Баку и у крѣпости св. Креста торговыхъ и ремесленныхъ Армянъ и поселянъ, о предположенномъ завоеваніи города Баку и какъ поступать послѣ его взятія, о пріемѣ въ Русское подданство прикаспійскихъ народовъ, объ осмотрѣ р. Куры, занятіи нашими войсками Гиляни, разграниченіи земель Россіи съ Персію, и проч. Любопытны знаки довѣренности Петра В. къ Матюшкину; онъ позволяетъ ему распечатывать письма, адресованныя на Царское имя, и требуетъ, чтобъ Матюшкинъ распоряжался «по своему искуству

и совѣту, ибо изъ такой дальности какъ возможно точные указы писать? понеже случаи непрестанно перемѣняются.» Императрица Екатерина I въ своихъ письмахъ извѣщаетъ о кончинѣ Петра В., надѣется на вѣрность и рвеніе Матюшкина и награждаетъ его орденомъ Александра Невскаго.

25. *Извѣстіе о древностяхъ, найденныхъ въ Одессѣ въ теченіи 1826 года*, сочин. *И. Стемпковскаго* (ч. XXX, N 86, стр. 440). По древностямъ, найденнымъ въ Одессѣ, авторъ заключаетъ, что здѣсь въ древности было Греческое селеніе и что гавань Одесская есть та, которую называли Истріянскою. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ описаніе самихъ древностей (вазы, амфоры, и проч., ихъ мѣра, изображенія, надписи, археологическія объясненія).

26. *Письмо о Россіяхъ, бывшихъ нѣкогда внѣ нынѣшней нашей Россіи—Степана Руссова* (ч. XXX, N 86, стр. 463. ч. XXXI, N 87, стр. 104. N 89, стр. 337). Собственно подъ этимъ заглавіемъ напечатано два письма. Въ первомъ авторъ спрашиваетъ: откуда пришелъ Рюрикъ съ братьями? и въ отвѣтъ на то говоритъ, что онъ отыскалъ много странъ, носившихъ имя Россіи или Руссіи; именно ему извѣстны Россіи Французская или Аквитанская, Нарбонская, Англійская, Шотландская, Ирландская (городъ Руссъ), Бельгійская, Германская (графство Рейсъ), Прусская (Пруссія—Порусcія отъ рѣки Русы; на устьѣ Нѣмана городъ Русна), Закарпатская Рассія и Расція и Скандинавская; въ доказательство приведены выписки изъ разныхъ хроникъ и сочиненій (въ подлинныхъ выраженіяхъ и въ переводѣ). За тѣмъ авторъ представляетъ свѣдѣнія «о городахъ и мѣстахъ, коихъ названія имѣютъ нѣкоторое созвучіе съ словомъ Россія или Руссія» — въ Германіи, Литвѣ, Италіи, Корсикѣ, Грузіи, Мингреліи, Азіи, Африкѣ и Америкѣ, и приводитъ нѣкоторыя возраженія противъ мнѣнія Байера о приходѣ Рюрика изъ Швеціи. Во второмъ письмѣ сочинитель разсматриваетъ вопросъ былиль Руссы или Россы на пространствѣ нынѣшней Россіи до прихода Рюрика? распространяется о Роксанахъ, Роксоланахъ, Робасцахъ, Козарахъ, и другихъ, и полагаетъ, что въ первыя три столѣтія дѣйствительно существовали Руссы между Днѣпромъ и Дономъ и по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, но съ IV вѣка скрылись и показываются опять не ранѣе IX вѣка. Балтійскіе и наши Руссы, говоритъ авторъ, имѣли много общаго между собою, и «нѣтъ причины спорить: пришли ль Руссы съ Балтійскаго моря или были прежде въ Россіи. Они точно были прежде Рюрика въ Россіи и точно пришли съ Балтійскаго моря.» Изложеніе писемъ Руссова отличается запутанностію и отсутствіемъ исторической критики.

27. *Выписка изъ письма барона А. К. Боде* — изъ Судакской долины (ч. XXX, N 84, стр. 141), — замѣтки о виноградникахъ и винодѣліи на южномъ берегу Крыма.

28. a) *Письмо отъ г. Лупула изъ Перемышля* (ч. XXX, N 84, стр. 144). Авторъ силится доказать, что Русь имѣла собственныя свои деньги гораздо прежде, нежели думаютъ, и сообщаетъ о собственномъ собраніи раковинъ, окаменѣлостей, медалей и монетъ (Тверскихъ, Псковскихъ и Новгородскихъ). Онъ увѣряетъ, что монеты Новгородскія носятъ видъ языческой старины, ибо на одной сторонѣ ихъ видно изображеніе идола, а на другой надпись: «Великаго Новгорода», и что трехгранные, литые изъ серебра бруски, найденные въ Серпуховѣ, должно почитать за самыя древнѣйшія Русскія деньги, ибо на нихъ замѣтенъ штемпель. — Это письмо Лупула подверглось дѣльному возраженію: въ той же части Отечеств. Записокъ было помѣщено b) *Письмо г. Руссова* (N 85, стр. 327), который спрашиваетъ: на какомъ языкѣ и какими буквами значится надпись на Новгородской монетѣ; если Славянскими буквами, то эти появились уже по введеніи Христіанства. До Татаръ въ Россіи употреблялись деньги кожаныя (куны, векши, ногаты) и золото и серебро не въ чеканной монетѣ, а на вѣсъ. Эти металлы заблаговременно раздробляли на части опредѣленнаго вѣса, для удобства въ торгу; отсюда древніе *рубли*, которые въ началѣ представляли грубые отрубки. Впослѣдствіи стали ихъ дѣлать легче и удобнѣе и появились *долгеи*, а еще позже, при Димитріи Донскомъ, *полтины*. Трехгранные серебряные куски можно причислить къ долгеямъ, но ихъ нельзя считать самыми древними: они найдены въ Серпуховѣ, построеніе котораго относятъ ко времени Донскаго. c) *Письмо отъ г. Лупула* (1828 г. ч. XXXIII, N 93, стр. 199.) представило слѣдующія возраженія: Олегъ и Игорь заключили съ Греками договоры, писанные не руническими, а Славянскими буквами, слѣдовательно эти послѣднія письмена возникли вмѣстѣ съ Россійскимъ государствомъ, когда Славяне явились съ Дуная на Ильмень; что звонкая монета существовала въ Россіи до Христіанства видно изъ означенныхъ договоровъ, въ которыхъ упоминаются гривны золотая и серебряная; серебряные бруски могли быть чеканены прежде основанія Серпухова. — Въ той же XXXIII-й части Отеч. Записокъ (1828 г. N 95, стр. 572) напечатанъ d) *Отвѣтъ г-на Руссова г-ну Лупулу*. Содержаніе отвѣта слѣдующее: договоры Олега и Игоря были написаны по Гречески, а не по Славянски: Несторъ заимствовалъ ихъ изъ Греческихъ источниковъ; Славяне не могли принесть письменъ съ Дуная, ибо они пришли оттуда около 445 года, а Славянскія буквы стали извѣстны на Дунаѣ не

раньше 863 года; гривны и золотники, означенные въ договорахъ Олега и Игоря, не были монетою, а служили мѣрою вѣса; несправедливо, что будто литература и преданія молчатъ о Славянскихъ рунахъ.

29. *О безкорыстіи Просина* (мѣщанина Пензенской губерніи), статья *г. Меркулова* (ч. XXX, N 84, стр 148).

30. *О новой находкѣ въ Керчи,* изъ письма *И. А. Стемпковскаго:* надгробный камень, изображеніе на немъ и надпись. (ч. XXX, N 84, стр. 150).

31. *О модели С. Петербурга,* привезенной въ Берлинъ, изъ письма *М. М.* Въ указателѣ авторомъ этого извѣстія показанъ *Росси* (ч. XXX, N 82, стр. 151).

32. *О концертѣ* (въ пользу бѣдныхъ), *письмо изъ Оренбурга отъ г. Размахнина* (ч. XXX, N 84, стр. 153).

33. *Письмо И. Т. Радожицкаго изъ Ставрополя* (ч. XXX, N 86, стр. 489). Здѣсь находимъ извѣстіе о серебряныхъ монетахъ времени Петра В., найденныхъ у Кумыцкаго селенія Ендера или Андреевскаго, о состояніи этого селенія и правахъ его жителей, о слѣдахъ древняго Русскаго лагеря (ряды обрушившихся землянокъ) и окопа, называемаго по преданію крѣпостію Петра Великаго, наконецъ о мѣдной пушкѣ, подаренной этимъ Государемъ Кумыцкому старшинѣ.

34. *Критика:* «*Сочиненія Ѳ. Булгарина, въ 4-хъ частяхъ, съ пятью картинами* (ч. XXX, N 85, стр. 317)», статья *П. Свиньина.* Это простая выписка оглавленія означенныхъ книжекъ съ голословнымъ замѣчаніемъ объ оригинальности и остроуміи сочиненій Булгарина.

35. *Некрологія: Генералъ-лейтенантъ Григорій Васильевичь Плуталовъ* (ч. XXX, N 85, стр. 334.), бывшій тридцать лѣтъ комендантомъ Шлюссельбурга (его формулярный списокъ). Статья *П. Свиньина.*

36. а) *Путешествіе г. Гамбы въ Южную Россію*, статья *Ц* Ц** (ч. XXX, N 84, стр. 156). Въ указателѣ статья эта приписана *И. А. Стемпковскому.* Кавалеръ Гамба, Французскій консулъ въ Тифлисѣ, издалъ въ 1826 г. въ Парижѣ «Путешествіе въ Южную Россію и особенно въ области, лежащія по ту сторону Кавказа, совершенное съ 1820 по 1824 годъ» (2 части, съ 4 географическими картами). Объ этомъ-то сочиненіи и сообщено здѣсь извѣстіе, съ указаніемъ — когда и что объѣхалъ путешественникъ и въ чемъ состоитъ содержаніе изданной имъ книги. Убѣдившись, что положеніе Грузіи выгодно для производства чрезъ эту страну обширнѣйшей торговли между Европою и Азіей, что городъ Кутаисъ

можетъ удобно сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ для снабженія Европейскими произведеніями всей Анатоліи и Турецкой Арменіи, Тифлисъ центромъ всѣхъ торговыхъ сношеній, а Астрахань посредницею между Азіей и морями Азовскимъ и Балтійскимъ, Гамба указываетъ своимъ соотечественникамъ на возможность снова открыть тотъ древній путь, чрезъ который совершалась прибыльная торговля съ Индіей. Благое дѣйствіе указа 8 октября 1821 года уже ощутительно въ Грузіи, особенно въ Тифлисѣ (населеніе этого города и торговля); торговыя сношенія Грузіи въ 1821 — 25 годахъ представляютъ уже замѣчательное движеніе, въ доказательство чего приведены нѣкоторыя статистическія данныя (цѣнность товаровъ, закупленныхъ для Грузіи въ Лейпцигѣ въ 1825 и 1826 годахъ, почтовой сборъ и таможенный доходъ въ Тифлисѣ въ 1820 и 1823 г.). b) *О Каспійскомъ морѣ*, переведено изъ означеннаго путешествія Гамбы (ч. XXX, N 86, стр. 496) *Стемпковскимъ*. Въ этомъ отрывкѣ говорится, что плаваніе по Каспійскому морю считается труднымъ и опаснымъ. Изъ всѣхъ внутреннихъ морей, оно наиболѣе было предметомъ многихъ предположеній и догадокъ. Каспійское море подвержено ежегодной періодической прибыли и убыли воды и сверхъ того вѣковымъ измѣненіямъ въ глубинѣ; нынѣ оно постоянно убываетъ. Еще недавно морскія волны омывали стѣны города Баку; теперь море довольно далеко отъ него. Убыль воды произвела нѣсколько новыхъ островов и открыла нѣкоторыя части обширнаго караванъ-сарая, лежащаго въ морѣ на разстояніи двухъ верстъ отъ берега; слѣдовательно было время, когда Каспійское море при западныхъ берегахъ своихъ имѣло еще менѣе воды.

37. *Поѣздка на Елтонское озеро*, изъ путевыхъ записокъ издателя Отеч. Зап. 1824 года *(П. Свиньина)*, съ приложеніемъ вида, представляющаго добываніе соли изъ этого озера (ч. XXXI, N 87, стр. 3. N 88, стр. 241. N 89, стр. 397). Авторъ, на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ ему изъ Саратовскаго солянаго правленія, разсказываетъ о находящихся въ Камышинѣ, Саратовѣ, слободахъ Николаевской и Покровской соляныхъ магазинахъ (число магазиновъ, что стоила ихъ постройка, сколько вмѣщаютъ они пудовъ соли, что платилось за сваливаніе соли въ 1803—18 г.), и о приписанныхъ къ Елтонскому озеру крестьянахъ для своза соли (въ какихъ слободахъ они поселены, дарованныя имъ привиллегіи, сколько числилось «солевозцевъ» по седьмой ревизіи, количество фуръ и скота, употребляемаго для перевозки соли, общественныя учрежденія). Далѣе слѣдуетъ описаніе дороги, замѣтки о поѣздкѣ въ долгушѣ и леченіи скота дегтемъ. Озеро Елтонъ, когда авторъ приближался къ нему, было покрыто соленопромышленниками; онъ ѣздилъ

смотрѣть на работы, и составилъ имъ описаніе. Соль колятъ на подобіе льда, разбиваютъ и накладываютъ на дощанники; работа тяжкая; но всѣ опыты замѣнить ее механическими орудіями были неудачны. Люди работаютъ почти нагіе, проводя цѣлый день по поясъ въ соляной водѣ. Главныя болѣзни рабочихъ состоятъ въ ранахъ, открывающихся отъ ѣдкости рапы. Правительство учредило для нихъ больницу. Рабочіе, занимающіеся ломкою соли (число ихъ), являются къ озеру въ исходѣ апрѣля, приготовляютъ землянки, дощанники, каналы, гати и разныя орудія; въ концѣ мая смотритель озера, отыскавъ лучшую садку соли, назначаетъ ее къ добыванію; ломка продолжается до 15 сентября (сколько успѣваютъ дѣлать ломщики въ день оборотовъ отъ мѣста разработки къ берегу, сколько пудъ соли два работника могутъ приготовить въ одинъ день, сколько назначается ломщиковъ для приготовленія милліона пудъ; количество задѣльной платы съ 1772 по 1818 годъ; что можетъ выработать одинъ человѣкъ въ теченіи лѣта; что стоитъ содержаніе ломщиковъ въ продолженіи работъ на озерѣ). Здѣсь авторъ представляетъ описаніе Елтонской слободы (зданія, кордоны и караулъ для защиты солянаго производства отъ Киргизовъ Букѣевской Орды, торговля и сношенія съ Калмыками и Киргизами) и сообщаетъ историческія свѣдѣнія о соляной промышленности. Калмыки въ XVII вѣкѣ имѣли въ своихъ рукахъ Елтонское озеро, называли его *золотымъ* (алтанъ-норъ) и вели съ Русскими мѣновой торгъ солью. Около 1703 г. соленопромышленники построили здѣсь земляной городъ, и съ этого времени жители Саратова и Камышина безпрепятственно занимались добываніемъ и вывозомъ соли. Въ 1731 г. запрещены вольная продажа соли и вывозъ ея изъ Елтона. Добываніе Елтонской соли возобновлено въ 1747 году посредствомъ Саратовскаго комиссарства и устроена земляная крѣпостца; въ 1780 г. озеро поступило въ вѣдомство Саратовской казенной палаты, а въ 1788 г. добываніе соли отдано на четыре года именитымъ гражданамъ Гусятниковымъ и купцу Латухину, потомъ снова завѣдывала этимъ дѣломъ казенная палата; послѣ была учреждена низовая соляная контора, въ 1805 г. Елтонская соляная экспедиція, а въ 1818 г. Камышинское соляное правленіе, которое въ 1821 году переведено въ Саратовъ (составъ правленія, сколько ассигновано на содержаніе его и военной команды). За тѣмъ слѣдуютъ: указаніе длины, ширины, окружности озера, возвышенности его береговъ, впадающихъ сюда рѣкъ и родниковъ; замѣчанія о колодцахъ, о глинѣ голубой, желтой и красной, какая открывается при копаніи этихъ колодцевъ, о рапѣ или тузлукѣ, о садкѣ соли, о контаряхъ для ея взвѣшиванія; о цѣлебныхъ Елтонскихъ грязяхъ; статисти-

ческія свѣдѣнія о количествѣ соли, вывезенной изъ озера въ магазины, о платѣ вощикамъ, цѣнѣ на соль, ея продажѣ и количествѣ прибыли въ 1705—1823 годахъ. Елтонское озеро въ незапамятной древности составляло часть Каспійскаго моря.—Къ этой полезной и любопытной статьѣ приложена: «табель о количествѣ соли, вывезенной съ Елтонскаго озера въ Покровскіе и Николаевскіе запасные магазины съ 1747 по 1825 годъ», а въ примѣчаніи помѣщенъ журналъ поѣздки черезъ озеро смотрителя онаго Якубинскаго 30 мая 1824 года.

38. *Историческое описаніе священнѣйшаго коронованія и мѵропомазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, августа въ 22 день, и всѣхъ предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ за онымъ торжествъ и увеселеній въ Москвѣ 1826 года* (ч. XXXI, N 87, стр. 26. N 88, стр. 169. N 89, стр. 369. ч. XXXII, N 90, стр. 23. N 91, стр. 199. N 92, стр. 347), подробная статья *П. Свиньина*. Она состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: a) «Взглядъ на коронованіе Россійскихъ вѣнценосцевъ,» начиная съ Владиміра Мономаха, который получилъ въ даръ царскія утвари отъ Греческаго Императора и передалъ ихъ въ наслѣдство своимъ потомкамъ. Кіевляне и Новгородцы возводили князей на престолы во храмахъ; въ 1431 г. Татарскій царевичь Уланъ посадилъ Василія на Великокняжескій Московскій столъ въ Успенскомъ соборѣ у златыхъ воротъ; Іоаннъ III короновалъ внука своего Димитрія; потомъ говорится о вѣнчаніи Іоанна Грознаго, Бориса Годунова и Ѳеодора Іоанновича (описаніе обряда). О скипетрѣ, мѵропомазаніи и св. причащеніи старинные лѣтописцы не упоминаютъ, а яблоко или держава не значится въ описаніи царскихъ утварей до Михаила Ѳеодоровича. Обрядъ осыпанія золотомъ при выходѣ Государя изъ храма, вѣроятно, былъ отмѣненъ при Екатеринѣ II, а вѣнчаніе короною Мономаховою оставлено со времени Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, для вѣнчанія которыхъ были изготовлены двѣ особыя короны. Незадолго предъ нашествіемъ Наполеона было уничтожено мѣсто, называвшееся зонтикомъ, которое состояло изъ винтообразной лѣстницы въ столпѣ, куда послѣ коронаціи всходили Цари и показывались народу. — Этотъ «Взглядъ» составленъ поверхностно и слабо, преимущественно по Карамзину b) Описаніе торжественнаго вшествія Государя въ Москву смотри въ настоящемъ указателѣ на стр. 19 (1826 года, 37). c) «Большой маневръ» 15 и 16-го августа. d) «Перевезеніе регалій изъ оружейной палаты въ Императорскій дворецъ», 18 августа. e) «Объявленіе герольдами о днѣ Высочайшаго коронованія»: порядокъ кортежа; одежда ге-

рольдовъ и печатное объявленіе, раздаваемое народу. f) «День священнѣйшаго коронованія и муропомазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, 22 августа»: порядокъ, въ которомъ собирались участвующіе въ церемоніи во дворецъ, размѣщеніе войскъ, несеніе къ собору регалій, встрѣча Государя духовенствомъ, рѣчь, произнесенная Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, присутствовавшіе въ храмѣ при совершеніи коронаціи, ассистенты Ихъ Величествъ, обрядъ вѣнчанія, муропомазанія и причащенія св. тайнъ, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ историческихъ свѣдѣній; шествіе Государя и Государыни въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, а потомъ въ большой Кремлевскій дворецъ; обѣдъ въ грановитой палатѣ, иллюминація и вечернее гулянье. g) «Представленіе чиновъ для поздравленія Ихъ Императорскихъ Величествъ». h) «Балъ въ грановитой палатѣ» 27 августа. i) «Придворный маскерадъ, данный 1-го сентября въ большомъ Петровскомъ театрѣ.» k) «Смотръ своднаго гвардейскаго и гренадерскаго корпуса» на Ходынскомъ полѣ и посѣщеніе Государемъ лагеря гренадерскаго корпуса и сводной дивизіи. l) «Военный обѣдъ, данный Московскимъ купечествомъ для угощенія Государя Императора 3-го сентября». m) «Балъ въ Благородномъ собраніи». n) «Балъ у Французскаго посла герцога Рагузскаго.» o) «Посѣщеніе Императорскою фамиліею Россійскаго спектакля» на большомъ Петровскомъ театрѣ (опера и балетъ). p) «Балъ у Великобританскаго посла герцога Девонширскаго.» q) «Посѣщеніе Италіанскаго спектакля (оперы) Императорскою фамиліею». r) «Балъ у дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Ник. Борис. Юсупова». s) «Спектакль для нижнихъ чиновъ Императорской гвардіи». t) «Народный праздникъ» на Дѣвичьемъ полѣ (число столовъ, галлереи, каскады и фонтаны, бьющіе виномъ, манежъ для волтижеровъ, катальныя горы, качели, карусель, и проч.; сколько израсходовано меду, пива и разныхъ припасовъ и сколько было на праздникѣ народа)» u) «Балъ у каммеръ-фрейлины графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской.» x) «Фейерверкъ, приготовленный подъ руководствомъ Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейгмейстера (подробное описаніе иллюминаціи, фейерверка и эмблемъ); y) «Путешествіе Императорской фамиліи въ Святотроицкую Сергіеву Лавру» (встрѣча, рѣчь митрополита, обзоръ монастыря, ризницы, академіи и библіотеки). z) «Прощальный обѣдъ въ селѣ Архангельскомъ» у князя Н. Б. Юсупова (обозрѣніе села, здѣшняго замка, различныхъ произведеній искусства, библіотеки, театра и парка).» Въ Отечественныхъ Запискахъ 1828-го года П. Свиньинымъ были напе-

чатаны: *Приложенія къ Историческому Описанію коронованія Ихъ И. В. Государя Императора Николая Павловича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны* (ч. XXXIII, N 94, стр. 380. N 95, стр. 581. ч. XXXV, N 99, стр 128), а именно: a, списокъ особъ, прибывшихъ по сему случаю: Король Прусскій, нарочно-присланныя посольства, дипломатическіе чины, знатные путешественники; списки b) членовъ коммиссіи о коронованіи, c) главныхъ чиновъ коронаціи, d) особъ, назначенныхъ къ держанію порфиръ, e) особъ, которыя несли балдахинъ надъ Ихъ Величествами, f) особъ, несшихъ балдахинъ надъ Государынею Маріею Феодоровною, g) Синодальныхъ членовъ, епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ, бывшихъ при коронаціи, h) губернскихъ предводителей Дворянства, присутствовавшихъ при коронаціи, и k) градскихъ головъ отъ губернскихъ городовъ.

39. *Историческое извѣстіе о походѣ Россійскихъ войскъ въ 1796 году въ Дагестанъ и Персію подъ командою графа Валеріана Александровича Зубова* (ч. XXXI, N 87, стр. 127. N 88 стр. 266), заимствовано *И. Радожицкимъ* изъ журнала одного соучастника этого похода, съ присоединеніемъ свѣдѣній о дѣйствіи Персидскихъ войскъ въ Грузіи. Въ 1795 г. Персидскій Шахъ Ага-Могаметъ вторгся съ 60,000 войска въ Грузію, оставилъ достаточныя силы для блокады крѣпостей Эривани и Шуши, а самъ прямо двинулся къ Тифлису. Грузинскій Царь Гераклій осмѣлился выступить на встрѣчу непріятелю съ 10,000; но былъ разбитъ и бѣжалъ въ горы, а сынъ его Георгій вскорѣ присягнулъ Шаху въ вѣрности съ обѣщаніемъ платить ему дань. Шахъ раззорилъ завоеванныя земли, пошелъ обратно и расположилъ армію при соединеніи рѣкъ Куры и Аракса, а самъ короновался въ Ардевилѣ; Эривань сдалась. Императрица Екатерина II, узнавъ о сихъ происшествіяхъ, въ мартѣ 1796 года велѣла составить корпусъ войскъ для похода въ Дагестанъ (его составъ). Далѣе статья излагается по числамъ, въ видѣ журнала, и содержитъ свѣдѣнія: о числѣ, расположеніи и движеніи войскъ, средствахъ продовольствія, назначеніи начальниковъ, военныхъ дѣйствіяхъ и величинѣ потерь съ обѣихъ сторонъ. Графъ Зубовъ обложилъ Дербентъ (описаніе города, осада, штурмъ, непріязненное поведеніе Горцевъ) и занялъ его; Шихъ-Али-ханъ и его чиновники были арестованы; тогда войска наши двинулись по направленію къ Кубѣ, а моремъ адмиралъ Федоровъ прошелъ къ городу Баку; ханы Бакинскій и Шемахинскій просили о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи. Городъ Куба былъ занятъ нашимъ войскомъ, а главный корпусъ расположился передъ Шемахою и безпрепятственно распространялъ свои дѣйствія до Куры и Арак-

са. Въ это время бѣжалъ изъ-подъ караула Шихъ-Али-ханъ, сталъ собирать себѣ приверженцевъ, и соединился съ ханомъ Казыкумыцкимъ; сдѣланные за нимъ поиски были неудачны. Въ наказаніе за вѣроломство, обнаруженное при этихъ обстоятельствахъ Кубинскою провинціею, съ нея стали собирать провіантъ реквизиціонно. Тогда же сдѣлано было приглашеніе младшему брату Шихъ-Али-хана пріѣхать въ Кубу для принятія отъ Русскихъ ханства; онъ явился и былъ объявленъ ханомъ. Но извѣстіе о кончинѣ Императрицы остановило всѣ дѣйствія корпуса графа Зубова; вскорѣ за тѣмъ было получено повелѣніе вывесть войска въ Россію. Шихъ-Али-ханъ прислалъ письмо съ просьбою о принятіи его въ подданство Императора Павла; едва войска наши отошли отъ Дербента, какъ онъ завладѣлъ имъ снова. Возвратный походъ наша армія совершила подъ командою генералъ лейтенанта Булгакова; вмѣстѣ съ тѣмъ было выведено много Армянскихъ семействъ, пожелавшихъ переселиться за Терекъ. Въ заключеніе говорится о несчастной смерти Персидскаго Шаха.

40. *Путешествіе Екатерины II въ Тавриду, описанное Французскимъ посломъ графомъ Сегюромъ*, переводъ *Ив. Горностаева* (ч. XXXI, N 89, стр. 467. ч. XXXII, N 90, стр. 94 N 91, стр. 265. ч. XXXIII, N 94, стр 317. N 95, стр. 459. ч. XXXV, N 100, стр. 177). Авторъ свое въ высшей степени любопытное описаніе начинаетъ съ 17 января 1787 года и говоритъ о своемъ свиданіи съ Государынею въ Царскомъ селѣ. 18-го января пустились въ путь; весь кортежъ состоялъ изъ 178 экипажей, 560 лошадей ожидало на каждой станціи. Дни были короткіе, и потому по обѣимъ сторонамъ дороги на небольшихъ разстояніяхъ пылали огромные костры. На дорогѣ, когда подъѣзжали къ городамъ и селамъ, выходили несчетныя толпы народа и радостно привѣтствовали Государыню. Во время пути Императрица вставала въ 6 часовъ, работала съ министрами, завтракала; въ 9 часовъ отправлялись въ путь, а въ два останавливались для обѣда; потомъ снова ѣхали и въ семь часовъ пріѣзжали на ночлегъ. Вездѣ были приготовлены для Государыни дворцы или дома; время за обѣдомъ и вечера она проводила въ кругу своихъ приближенныхъ, развлекаясь разными играми (буреме, загадки, шарады, и проч.). Графъ Сегюръ ѣхалъ иногда въ каретѣ вмѣстѣ съ Государыней и передаетъ происходившие при этомъ разговоры; она любила шутить, намекала на дѣйствія Французской политики въ пользу Турокъ, разсказывала о своемъ путешествіи по Волгѣ, о дикихъ ордахъ Киргизовъ, Татаръ, и др; сообщила забавную черту о писателѣ Мерсіе де-ла-Ривіерѣ и интересныя замѣчанія о Дидеротѣ; Россію называла она своимъ маленькимъ хозяйствомъ;

цѣль моего путешествія, говорила Государыня, видѣть людей, при-
близить ихъ къ себѣ и открыть доступъ ихъ жалобамъ: «мое пра-
вило, что лошадь добрѣетъ отъ хозяйскаго глазу.»—Авторъ въ раз-
ныхъ мѣстахъ приводитъ свѣдѣнія о характерѣ Государыни и по-
литическихъ отношеніяхъ Россіи съ Франціей и Турціей. Онъ ука-
зываетъ на мѣста остановокъ и города, лежавшіе по пути, дѣлаетъ
замѣчаніе о лѣсахъ Петербургской губерніи, представляетъ описа-
ніе крестьянской избы, говоритъ о Порховѣ, Великихъ Лукахъ, Ве-
лижѣ, Порѣчьи, Смоленскѣ, Мстиславлѣ, Новгородѣ Сѣверскомъ,
Кіевѣ (историческія воспоминанія объ этихъ городахъ, число домовъ
и жителей, церкви и монастыри, школы, Кіевская академія, Печер-
ская крѣпость, представленія, аудіенціи, осмотръ учрежденій,
обѣды, балы), о плаваніи по Днѣпру (устройство галеръ, роскошь,
торжественныя встрѣчи, описаніе рѣки), о городахъ Триполье,
Переяславлѣ, Тректемировѣ, Дубровнѣ, Кременчугѣ (аудіенція, балъ,
маневры), Калибердѣ, Переволочнѣ, Ортикѣ и Кайдакѣ. Во время
путешествія Императрица была окружена толпою иностранцевъ,
между которыми были Императоръ Австрійскій (встрѣча его съ
Екатериною II, мнѣнія его о Потемкинѣ и войнѣ нашей съ Турціей),
Король Польскій (его свиданіе съ Государынею въ Каневѣ, празд-
никъ по этому случаю, балъ, данный Королемъ), Принцъ де Линь
(его остроуміе, веселость, шутки съ Сегюромъ и Кобенцелемъ), Фицъ-
Гербетъ, графъ Кобенцель, Испанецъ Миранда, Шевалье де Ламетъ,
и др. Въ Кіевѣ авторъ встрѣтился со многими нашими знаменито-
стями и сообщилъ нѣсколько любопытныхъ характеристическихъ
свѣдѣній о фельдмаршалѣ Румянцовѣ, Каменскомъ, Суворовѣ (его
странности, анекдоты о немъ), Потемкинѣ (его заботливость о
встрѣчѣ и пріемѣ Государыни въ завѣдываемомъ имъ краю, мѣры
для населенія и улучшенія этого края, неудовольствія противъ него
нѣкоторыхъ лицъ, характеръ, странности, близкая его короткость
съ Сегюромъ, ихъ дружескія бесѣды). По основаніи Екатериносла-
вля Императрица ѣхала по степямъ до Херсона (описаніе горо-
да, спускъ кораблей), а потомъ чрезъ Кизикермань и Ногайскую
степь въ Крымъ. Отечественныя Записки обѣщали продолженіе
этой статьи, но обѣщаніе не было исполнено.

41. *О заложеніи основанія памятника Дюку Ришелье*, письмо отъ *И. А. Стемпковскаго*. Это коротенькая выписка изъ Одесскихъ газетъ о закладкѣ основанія, на которомъ должна стоять статуя герцога Ришелье и замѣтка о сообщеніи посредствомъ пароходовъ между Одессою, Херсономъ и Николаевымъ (ч. XXXI, N 89, стр. 485).

42. *О чудесной самородкѣ платины, найденной на Нижнетагиль-*

скомъ заводѣ П. Н. Демидова: видъ, вѣсъ и мѣсто находки; при статьѣ (въ указателѣ приписанной *Сведомскому*) приложенъ рисунокъ, изображающій означенную самородку (ч. XXXI, N 89, стр 487).

43. *Извѣстіе о вновь открытыхъ рукописяхъ Ломоносова*, статья *П. Свиньина* (ч XXXI, N 89, стр. 489). Свѣдѣніе о пріобрѣтеніи авторомъ 300 листовъ собственноручнаго письма Ломоносова, о намѣреніи напечатать ихъ въ разныхъ изданіяхъ, и списокъ статьямъ: 28 Русскихъ, 21 Латинская, 2 Нѣмецкихъ и 1 Французская; онѣ касаются горнаго дѣла, физики, химія: тутъ же встрѣчаемъ стихи, проэкты для монументовъ, благодарственное слово, университетскій регламентъ, и проч.

44. *Вышгородъ*, изъ живописнаго путешествія по Россіи *П. Свиньина*, съ видомъ этого города (ч. XXXII, N 90, стр. 3). Вышгородъ окруженъ со всѣхъ сторонъ лѣсами, мѣстоположеніе привлекательно. Теперь Вышгородъ ничтожное селеніе (число дворовъ и жителей), но съ нимъ связаны многія историческія воспоминанія. На Вышгородской горѣ, которая прежде называлась Хоревицею, В. Кн. Ольга устроила свой теремъ; В. Кн. Владиміръ построилъ здѣсь церковь св. Василія, куда потомъ были перенесены мощи Бориса и Глѣба. Со времени В. Кн. Святополка Изяславича Вышгородъ сталъ мѣстопребываніемъ удѣльныхъ князей. Андрей Боголюбскій построилъ на берегу Днѣпра церковь Бѣлаго Спаса. Сверхъ сего статья разсказываетъ объ остаткахъ древнихъ построекъ, крѣпостныхъ валовъ, стрѣльницъ, тайника, о курганахъ (одинъ изъ кургановъ называется Варавикъ), о минералогическомъ изслѣдованіи высокаго берега Днѣпра, о постройкѣ черезъ эту рѣку деревяннаго моста, о началѣ Межигорскаго монастыря и военныхъ событіяхъ, касавшихся Вышгорода.

45. *Краткая лѣтопись войнамъ, веденнымъ Русскими противъ Персіянъ*, составлена подъ руководствомъ генералъ-лейтенанта графа Сухтелена поручикомъ *Ладыженскимъ* (ч. XXXII, N 90, стр. 53. N 91, стр. 169. N 92, стр. 478. ч. XXXIII, N 93, стр. 81). Войны съ Персіею главнѣйшею цѣлію имѣли распространеніе нашей Азіатской торговли, зачатки которой (чрезъ Астрахань) встрѣчаемъ еще при Іоаннѣ Грозномъ. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ заключенъ договоръ съ Армянскою компаніей о продажѣ намъ шелку: Азіатская торговля возвысилась, но разбои Стеньки Разина, грабительство Дагестанскихъ и Ширванскихъ жителей и возмущенія въ самой Персіи были причиною ея упадка. Въ 1717 г. Петръ В. заключилъ съ Шахомъ Гуссейномъ торговый трактатъ подъ названіемъ « статьи о купечествѣ, » и назначилъ экспедицію, подъ начальствомъ Беко-

вича, для открытія сообщенія съ Индіей восточнымъ берегомъ Каспійскаго моря, для изслѣдованія теченія рѣки Аму-дарьи, и для склоненія Хивинскаго и Бухарскаго хановъ въ Россійское подданство. Но предпріятіе это окончилось гибелью Бековича и посланнаго съ нимъ войска. Послѣ того Петръ В., пользуясь междоусобными войнами въ Персіи, рѣшился овладѣть западнымъ и южнымъ берегами Каспійскаго моря, и такимъ образомъ положить прочную основу Индо-Персидской торговлѣ. Поводомъ къ войнѣ послужило умерщвленіе Русскихъ купцовъ въ Шамахѣ. Въ іюлѣ 1722 г. вышла изъ Астрахани флотилія подъ начальствомъ генералъ-адмирала графа Апраксина (число судовъ) и высадила полки у мыса Аграханскаго; конница прибыла сюда же сухимъ путемъ изъ Царицына. Петръ В. выступилъ съ войскомъ къ Дербенту; городъ сдался; отсюда онъ имѣлъ намѣреніе идти на Баку, но поврежденіе бурею судовъ заставило Русскихъ немедля возвратиться въ Астрахань. Въ Дербентѣ былъ оставленъ гарнизонъ. На возвратномъ пути Государь положилъ основаніе крѣпости св. Креста. Вслѣдъ за тѣмъ была снаряжена эскадра подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Соймонова, и городъ Рящъ былъ занятъ нашимъ войскомъ. Между тѣмъ возмущенія въ Персіи не утихали; Шахъ рѣшился начать переговоры, въ С. Петербургъ былъ отправленъ посломъ Измаилъ-Бегъ. А въ Астрахани готовилась новая экспедиція противъ Баку, подъ начальствомъ генералъ-маіора Матюшкина. Онъ заставилъ эту крѣпость сдаться и оставивъ въ ней гарнизонъ, возвратился въ Астрахань; одинъ изъ нашихъ отрядовъ овладѣлъ областью Сальянъ. Посолъ Персидскій подписалъ договоръ, которымъ Русскій Государь обязывался содѣйствовать къ возвращенію Шаху Тахмасу престола съ тѣмъ, чтобы Дербентъ, Баку съ областями, Гилянь, Мазандеранъ и Астрабадъ были уступлены Россіи. Петръ В. назначилъ три пункта на Каспійскомъ морѣ для устроенія пристаней, чрезъ которыя должны идти Азіатскіе товары въ Астрахань. Не смотря на измѣну Сальянской владѣтельницы, Русскіе болѣе и болѣе утверждались въ завоеванныхъ областяхъ построеніемъ новыхъ укрѣпленій. Распоряженіе военными дѣйствіями вручено генералъ-лейтенанту Матюшкину. Шахъ Тахмасъ однако не призналъ договора, заключеннаго Измаиломъ-Бегомъ, а въ 1825 г. умеръ Петръ В. Управленіе Персидскими дѣлами возложено было на кн. Долгорукаго, который уполномоченъ былъ вступить въ переговоры съ Шахомъ Тахмасомъ, но нападеніе его военноначальниковъ на Гилянь принудили князя взяться за оружіе; дѣйствія его были удачны, хотя и не прекратили волненій. По возвращеніи кн. Долгорукова въ С. Петербургъ, начальство надъ

войсками раздѣлено между Левашевымъ и Румянцовымъ. Между тѣмъ успѣхи Шаха Тахмаса день ото дня становились значительнѣе; предводителемъ его войскъ явился Надиръ, одержавшій блистательныя побѣды надъ Турками. Положеніе Русскихъ при Каспійскомъ морѣ дѣлалось затруднительно, почему Петербургскій Дворъ рѣшился примириться съ Шахомъ; въ 1732 году состоялся миръ Персіи съ Портою въ Кирманшавѣ. Россія также приступила къ этому договору и обязалась въ теченіе шести мѣсяцевъ возвратить область Лагиджанъ, а прочія области по возстановленіи совершеннаго спокойствія въ Персіи. Генералъ Левашевъ вошелъ въ Баку. Надиръ, принудивъ Шаха уступить себѣ управленіе государствомъ, уничтожилъ Кирманшавскій трактатъ и объявилъ Туркамъ войну. Важная побѣда, одержанная Персіянами, принудила Порту къ заключенію невыгоднаго для нея мира. Наконецъ въ 1735 году былъ заключенъ Русскимъ уполномоченнымъ кн. Голицынымъ окончательный договоръ Россіи съ Персіей, по которому Россія обязалась немедленно очистить всѣ области, принадлежавшія Персіи до похода Петра В. съ тѣмъ, чтобы подданнымъ ея предоставлены были: право безпошлинной торговли во всѣхъ Персидскихъ земляхъ, право строить въ удобныхъ мѣстахъ складочные магазины, каравансараи, лавки и право ѣздить съ товарами въ Индію и обратно. Города Баку и Дербентъ были отданы, укрѣпленіе Св. Креста срыто, войска отведены въ Астрахань. Сношенія Русскаго Двора съ Правителемъ Персіи не прерывались: Надиръ просилъ о присылкѣ ему людей, умѣющихъ строить суда; провозгласивши себя Шахомъ, онъ отправлялъ съ извѣстіемъ объ этомъ свое посольство. Въ 1739 году по Бѣлградскому миру между Россіей и Портою Большая и Малая Кабарда признаны независимыми, Азовъ положено разорить и на моряхъ Черномъ и Азовскомъ не имѣть Россійскаго флота. Такимъ образомъ двумя трактатами съ Персіею и однимъ съ Портою Россія уступила свою власть на Востокѣ, пріобрѣтенную Петромъ I. По смерти Надира Персія снова раздробилась на многія независимыя владѣнія; торговля Астрахани ослабѣла; утѣсненія, причиняемыя Русскимъ купцамъ отъ Хановъ Гилянскаго, Астрабадскаго и Бакинскаго мѣшали торговымъ оборотамъ. Сынъ Астрабадскаго Хана Ага-Магометъ, успѣвшій наконецъ соединить въ своихъ рукахъ власть надъ Персіею, былъ недоброжелателенъ къ Россіи. Чтобы пріобрѣсти на Каспійскомъ морѣ безопасное пристанище и привлечь туда привозъ товаровъ изъ Индіи и другихъ восточныхъ странъ, въ 1781 году была отправлена эскадра подъ начальствомъ капитана графа Воиновича, который долженъ былъ склонить какого-либо изъ Персидскихъ Хановъ на добровольную уступку участка

земли. Расположившись въ Астрабадскомъ заливѣ, графъ Войновичь былъ измѣннически захваченъ въ плѣнъ, и возложенное на него порученіе осталось безъ исполненія. Ага-Магометъ-ханъ двинулся на Грузію, находившуюся подъ Русскимъ покровительствомъ, разбилъ Царя Ираклія и короновался въ Ардевилѣ. Въ примѣчаніи сообщены свѣдѣнія о сношеніяхъ Русскаго Двора съ Грузіей со времени Өедора Іоанновича до 1791 года. Обѣщаніе о продолженіи этой статьи въ слѣдующихъ нумерахъ журнала не было исполнено. Авторъ пользовался сочиненіями Бутурлина, Броневскаго и Соймонова.

46. *Статистическія свѣдѣнія по Рязанской губерніи за 1826 годъ* (ч. XXXII, N 91, стр. 230. N 92, стр. 385). Эта въ свое время полезная статья сообщаетъ свѣдѣнія о положеніи губерніи, пространствѣ, почвѣ земли, двѣнадцати уѣздныхъ городахъ (Рязань, Зарайскъ, Михайловъ, Пронскъ, Скопинъ, Данковъ, Сапожокъ, Ораніенбургъ, Ряжскъ, Касимовъ, Спаскъ и Егорьевскъ), числѣ деревень, монастырей, храмовъ, домовъ и жителей; о промыслахъ и образѣ жизни поселянъ, урожаяхъ, цѣнахъ на хлѣбъ, доходахъ отъ земледѣлія, количествѣ лѣсовъ и сѣнокосовъ, о разведеніи Березинскаго табаку, числѣ конныхъ заводовъ, рогатаго скота и овецъ, огородовъ, садовъ, ульевъ, рыбныхъ ловель, каменоломней (по берегамъ Оки и Дона), мельницъ, винокурень и другихъ заводовъ и фабрикъ; сколько купеческихъ капиталовъ, судостроительныхъ верфей, училищъ и учащихся, сколькимъ младенцамъ привита оспа; о числѣ смертоубійствъ, преступленій и пожаровъ; какъ велики капиталы Приказа Общественнаго Призрѣнія и на обезпеченіе народнаго продовольствія; наконецъ о минералогической экспедиціи.

47. *Кызъ-Брунъ, Черкесская повѣсть И. Родожицкаго* (ч. XXXII, N 91, стр. 285. N 92, стр. 451). Въ этой плохой повѣсти есть нѣсколько краткихъ указаній на обычаи Черкесовъ.

48. *Слово при заложеніи памятника герцогу Еманнуилу де Ришелье въ городѣ Одессѣ, 1827 года іюля 30 дня, произнесенное протоіереемъ Несторомъ Святенковымъ* (ч. XXXII, N 92, стр. 337). Давно ли, говоритъ авторъ, страна сія была пустынею и во власти враговъ христіанства? Екатерина II и Александръ I возродили весь край своими попеченіями. За тѣмъ слѣдуетъ указаніе заслугъ и достоинствъ герцога Ришелье, въ воздаяніе которыхъ Императоръ Александръ повелѣлъ поставить въ Одессѣ бронзовый ему памятникъ.

49. *Первая, вторая, третья, четвертая и послѣдняя выписки изъ журнала Россійскаго посольства въ Персію 1817 года,* получены отъ *А. П. Ермолова* (ч. XXXII, N 92, стр. 415. 1828 года: ч. XXXIII, N 93, стр. 107,

N 94 стр. 221. N 95 стр. 395). Выписки эти весьма любопытны; онѣ изложены въ видѣ дневника, начиная съ 17 апрѣля. Послѣ прощальнаго обѣда въ Тифлисѣ, чиновники, составлявшіе посольство, отправились въ путь: слѣдуютъ описаніе дороги и мѣстъ, чрезъ которыя ѣхало посольство, и свѣдѣнія о встрѣчахъ и пріемахъ посла, о взаимныхъ визитахъ и Персидскихъ обычаяхъ. Въ Тавризѣ посолъ былъ у наслѣдника Персидскаго престола, Аббасъ-Мирзы (церемоніалъ, споръ о томъ, долженъ ли посолъ войти къ Аббасъ-Мирзѣ въ сапогахъ или въ однихъ красныхъ чулкахъ, характеръ Аббасъ-Мирзы, угощеніе имъ Русскаго посольства, смотръ Персидской конницы и артиллеріи); здѣсь было получено извѣстіе, что Шахъ отправился въ лѣтній дворецъ Султанію, куда поѣхалъ и посолъ (дружелюбное расположеніе Шаха, поздравленіе посла съ пріѣздомъ, свиданіе его съ великимъ визиремъ, церемоніальныя ауедіенціи у Шаха, различныя увеселенія въ честь посла; отпускная ауедіенція и подарки; обѣдъ, данный посломъ Персидскимъ вельможамъ). Переговоры, веденные съ Персидскимъ Дворомъ, имѣли цѣлію укрѣпить за Россіей завоеванныя ею земли и положить начало дружескихъ связей между обоими государствами. Сначала было Персидскій Дворъ настаивалъ на возвращеніе земель, пріобрѣтенныхъ Россіею; но рѣшительные и смѣлые отвѣты посла заставили Шаха объявить, что дружбу Русскаго Императора онъ предпочитаетъ всѣмъ выгодамъ, и потому отказывается отъ своихъ требованій. Затѣмъ описывается возвратный путь посольства до Тифлиса; на возвратѣ посолъ снова посѣтилъ Аббасъ-Мирзу и велъ съ нимъ переговоры о возвращеніи Русскихъ плѣнныхъ и дезертировъ.

50. *Отъ И. М. Горностаева объ Арзамасской Академіи Ступина* — о заведенной академикомъ Ступинымъ школѣ живописи (помѣщеніе школы, плата за ученье, число воспитанниковъ, театръ, заведенный въ школѣ) и нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни. Школа Ступина образовала 92 художника (ч. XXXII, N 90, стр. 158).

51. *Выписка изъ письма къ Изд. Отеч. Записокъ Московскаго купца Ф. Н. Державина, 11 августа 1827 года*: извѣстіе о приготовленіи шалей Московскимъ фабрикантомъ Ѳедоромъ Гучковымъ и объ изобрѣтеніи Глушневымъ тканья шалей на Жакардовой машинѣ (ч. XXXII, N 90, стр. 164).

52. *Изъ Нижняго Новгорода отъ Д. И. В., 10 сентября 1827 г.* — *о ярмаркѣ* (въ указателѣ статья эта приписана *Д. Николаеву*): о привозѣ на ярмарку различныхъ товаровъ и ихъ цѣнность (ч. XXXII, N 90, стр. 166).

53. *Выписка изъ письма И. М. Снегирева: Нѣчто о кончинѣ М. И. Невзорова,* директора Университетской типографіи: гдѣ онъ родился, воспитывался, путешествовалъ и что издалъ (ч. XXXII, N 91, стр. 336).

54. *Свѣдѣнія о Наваринѣ, почерпнутыя большею частію изъ журнала Россійскаго капитана, дѣйствовавшаго при овладѣніи въ 1770 году сею крѣпостію нашими войсками:* положеніе Наварина, его укрѣпленія, водопроводъ, гавань, и проч. (ч. XXXII, N 92, стр. 519).

1828 годъ.

1. *И моя поѣздка въ Ревель 1827 года* (ч. XXXIII, N 93, стр. 3. N 94, стр. 339. N 95, стр. 534), съ видомъ Ревеля, сочиненіе *П. Свиньина* (смотри стр. 539). Сначала описываются мѣста, лежащія по пути въ Ревель изъ С. Петербурга и ихъ достопримѣчательности: Екатерингофъ (дворецъ Петра Великаго, вещи ему принадлежавшія, китайская комната, встрѣча 1-го мая въ Екатерингофѣ, тріумфальная арка, воздвигнутая 1814 года въ честь гвардіи, дача оберъ-шенка А. А. Нарышкина, мраморная колона Екатеринѣ II, поставленная въ Левенталѣ, дубовая роща, насажденная Петромъ I, красный кабачокъ, дача Кирьново княгини Дашковой, инвалидный домъ графовъ Зубовыхъ въ Сергіевской пустынѣ, начало этой пустыни); дворецъ цесаревича, построенный въ 1711 году въ Стрѣльнѣ, Стрѣлинскія роща, оранжереи и церковь (ея достопамятности), колоніи Нейдорфъ и Нейгаузенъ; мыза Ропша, Ямбургъ (историческія о немъ воспоминанія, ситцевая фабрика), Нарва (здѣшній дворецъ Петра В., анекдотъ объ этомъ Государѣ; Вышгородъ и Иванъ городъ; соборъ, домъ бургомистра, ратуша, развалины гермейстерскаго замка, старинное зданіе Персидской факторіи; водопадъ, мостъ и бесѣдка, построенная для Екатерины II, загородный домикъ, суконныя фабрики и мельницы, арсеналъ Карла XII, историческія судьбы Нарвы: остатки Петровскихъ батарей на Ивановской горѣ, островъ Большой на р. Наровѣ; статистическія свѣдѣнія о Нарвѣ: число жителей и зданій, богоугодныя заведенія, училище, фабрики, водяныя сообщенія, пристани, торговые обороты, и проч.); мызы по пути отъ Нарвы, развалины Везенбергскаго замка, памятникъ сражавшимся за отечество въ 1812 году, мѣстоположеніе по дорогѣ

къ Ревелю, наконецъ самый Ревель: общій видъ его, Петербургскій форштадтъ, морскія ванны и купальня; Екатериндаль (дворецъ Петра Великаго, анекдотъ объ этомъ Государѣ), маякъ Ревельскій, развалины матросскихъ казармъ, адмиралтейство, гавани, воспоминанія о побѣдѣ Русскаго флота надъ Шведскимъ въ 1790 году.— Оканчанія этой статьи напечатано не было.

2. *О раскольникахъ, поселенныхъ Таврической губерніи въ Мелитопольскомъ уѣздѣ*, небольшая статья *А. Ѳ-ва (Ѳаддѣева)* (ч. XXXIII, N 93, стр. 44). По правому берегу рѣки Молочной расположено девять деревень, населенныхъ духоборцами, до 4,000 душъ обоего пола. Первое водвореніе ихъ въ этихъ мѣстахъ относится къ 1800 г. Они отвергаютъ всякое внѣшнее богопочитаніе, таинства и обряды. Вѣрованія духоборцевъ основываются на слѣдующихъ началахъ: Богъ есть духъ въ насъ живущій и просвѣщающій, а потому учителей духовныхъ не нужно: въ Св. Писаніи важно только ученіе нравственное, прочее все иносказаніе и должно быть понимаемо духовно. Духоборцы имѣютъ своего старшину, родителей именуютъ старикомъ и старухою, о дѣтяхъ говорятъ *наши*, а не *мои*; праздниковъ и постоянныхъ собраній для молитвы не знаютъ. По ихъ мнѣнію, душа человѣка по смерти переходитъ во вновь рожденнаго младенца; для супружества почитаютъ нужнымъ только согласіе родителей; оружія не носятъ. Они трезвы, трудолюбивы, честны, но склонны къ ссорамъ и жадны къ деньгамъ; прежде между ними были люди, свѣдущіе въ Св. Писаніи; теперь такихъ мало. Въ 1821 году между поселеніями менонистовъ и Ногайцевъ отведенъ участокъ для водворенія на немъ молаканъ, которые сами себя называютъ «духовными христіанами»: ихъ деревня называется Нововасильевкою. Они почитаютъ Св. Писаніе, признаютъ Христа Сыномъ Божіимъ, вочеловѣчившимся, вѣрятъ, что душа безсмертна; но отвергаютъ иконы, таинства и обряды.

3. *Приготовленія къ проѣзду Петра Великаго чрезъ Рязанскую провинцію въ 1722 году*, извлечено изъ оффиціальныхъ бумагъ въ губернскомъ архивѣ бывшей провинціальной канцеляріи Переяславля-Рязанскаго *П. Гуляевымъ* (ч. XXXIII, N 93, стр. 59. N 94, стр. 269. N 95, стр. 488). Въ 1722 г. Петръ В. отправился изъ Москвы въ Персидскій походъ до Астрахани водою. Рязанская провинція того времени вмѣщала въ себѣ болѣе 200 верстъ протяженія Оки, по которой шествовалъ государь въ низовый край; самая Рязань стоитъ на Трубежѣ, составляющемъ рукавъ Оки, и Государь торжественно былъ встрѣченъ Рязанцами. — Авторъ собралъ свѣдѣнія о возвратномъ шествіи Государя изъ Астрахани въ столи-

цу, по окончаніи Персидскаго похода, и о бывшихъ по сему случаю приготовленіяхъ въ Рязанской провинціи. Свѣдѣнія эти онъ излагаетъ большею частію языкомъ самыхъ памятниковъ, приводя ихъ вполнѣ или въ сокращеніи; здѣсь встрѣчаемъ указы Сената, Коллегій, инструкціи разнымъ лицамъ, донесенія воеводѣ, и проч. Для шествія Государя велѣно было по почтовой дорогѣ изготовить по 160 подводъ ямскихъ, а гдѣ ямовъ нѣтъ, тамъ собрать съ ближнихъ городовъ и уѣздовъ, черезъ одинъ станъ построить по бѣлой свѣтлицѣ и черной избѣ, а между ними сѣни; на станахъ (разстояніемъ одинъ отъ другаго не болѣе двадцати верстъ) заготовить покупкою съѣстные припасы и питья, и поставить конвои изъ драгунскихъ полковъ; въ степи по дорогѣ подѣлать вѣхи; дорожные столбы и мосты исправить, а гдѣ нѣтъ—тамъ устроить. О всѣхъ подобныхъ распоряженіяхъ говорится весьма подробно. — Въ 1723 г. велѣно было изготовить подводы для проѣзда изъ Персіи полномочнаго посла Измаила-Бека.

4. *Донесеніе Парѳенія, Митрополита Лаодикійскаго, Его Императорскому Величеству Государю Императору Петру Первому о томъ, какъ онъ освободилъ изъ Турецкаго плѣна Россійскихъ подданныхъ* (ч. XXXIII, N 94, стр. 203). Парѳеній разсказываетъ, что въ 1686 году, въ бытность въ Царьградѣ Русскаго посланника Никиты Алексѣева, онъ Парѳеній помогалъ ему въ сношеніяхъ съ Константинопольскимъ Патріархомъ относительно присудности Кіевской митрополіи Русскому престолу; что онъ ходилъ по Турецкимъ деревнямъ и выручалъ Русскихъ невольниковъ съ ихъ семьями; что въ 1681 году Патріархъ Константинопольскій и соборъ избрали его Лаодикійскимъ Епископомъ, а нынѣ пришелъ онъ въ Русское царство.

5. *Посольство Баттони отъ Австрійскаго Императора Леопольда къ Царю Алексѣю Михайловичу въ 1675 году, описанное Адольфомъ Лизеккомъ, Секретаремъ Посольства*, перевелъ съ Латинскаго *К. У. (Успенскій)* (ч. XXXIII, N 94, стр. 290. ч. XXXV, N 100, стр. 280. N 101, стр. 301). Въ предисловіи говорится о составѣ посольства и его цѣли — заключить взаимный оборонительный союзъ противъ Татаръ и Турокъ. Изъ журнала Лизека не находимъ въ переводѣ начала, т. е. описанія путешествія отъ Вѣны до Москвы. Содержаніе переведенныхъ главъ слѣдующее: a) въѣздъ посольства въ Москву, b) празднованіе новаго года, c) первая ауеліенція, данная посламъ въ Коломенскомъ дворцѣ, d) императорскіе дары Царю Алексѣю Михайловичу, e) обѣдъ, данный посламъ послѣ первой ауеліенціи, f) первая конференція въ Кремлѣ о томъ, чтобы

при Царскомъ и Императорскомъ Дворахъ не было никакого различія въ церемоніяхъ принятія и отпуска пословъ; g) путешествіе Царя Алексѣя Михайловича въ Троицкую Лавру на богомолье; h) вторая конференція въ домѣ боярина Артемона Сергѣевича Матвѣева о томъ, какъ Царь и Императоръ будутъ взаимно титуловать себя. Сверхъ этихъ статей, въ журналѣ Лизека еще остается пять главъ, ненапечатанныхъ здѣсь. Болѣе полный и лучшій переводъ означеннаго сочиненія находится въ Журналѣ Министерства Народнаго просвѣщенія.

6. *О древнихъ зданіяхъ въ Рязанской губерніи по 1827 годъ* (ч. XXXIII, N 95, стр. 443), статья *Хламова*. Здѣсь помѣщено описаніе находящихся въ Рязани и его уѣздѣ: архіерейскаго дома, храмовъ, монастырей (время ихъ постройки, достопамятности, замѣчательныя гробницы), а также крѣпости въ Зарайскѣ, Татарской мечети и ханскихъ кладбищъ въ Касимовѣ.

7. *Мысли о Сумароковѣ и другихъ писателяхъ* (ч. XXXIII, N 95, стр 507. ч. XXXIV, N 96, стр. 32. N 97, стр. 214). Статья эта писана съ цѣлью защитить старыхъ писателей, достоинства которыхъ были заподозрѣны современною критикою. Трагедіи Сумарокова, говоритъ авторъ, были въ свое время украшеніемъ театра; старые писатели уважали церковнославянскій языкъ, что и придавало ихъ слогу возвышенность. Далѣе онъ возстаетъ противъ мнѣнія Греча, высказаннаго въ обозрѣніи Русской литературы за 1815-16 года, что скоро настанетъ новая эпоха національной у насъ трагедіи, и отвергаетъ превосходство стиховъ и слога Озерова сравнительно съ прежними образцами; для того сличаетъ онъ трагедію Сумарокова: «Синавъ и Труворъ» съ «Фингаломъ» Озерова, похваляетъ первую, а въ послѣднемъ видитъ сплетеніе сказочныхъ приключеній и наборъ холодныхъ вопросовъ и восклицаній. Такъ называемое нынѣ преобразованіе языка, по мнѣнію автора, состоитъ въ томъ, чтобы, послѣдуя романтизму, возноситься мечтательнымъ воображеніемъ выше здраваго разсудка, ради сентиментальности удаляться чувства природы и относительно размѣщенія словъ слѣдовать языкамъ чужеземнымъ, а также смѣшивать слогъ высокій съ простымъ и употреблять слова нарочно выдуманныя и иностранныя. Въ подтвержденіе приводятся мѣста, заимствованныя изъ разныхъ современныхъ писателей въ стихахъ и прозѣ. Вся статья написана въ духѣ «Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ». Въ ней встрѣчается нѣсколько справедливыхъ замѣчаній касательно употребленія словъ, расположенія предложеній и вреднаго вліянія иностранныхъ выраженій и оборотовъ, допускаемыхъ въ Русскую рѣчь; но встрѣчаются и замѣчанія совершенно произвольныя, осно-

ванныя на пристрастіи къ старымъ писателямъ, церковнославянскому языку и преданіямъ схоластической реторики.

8. a) *Взглядъ на подвиги Россіянъ въ Персіи въ 1826 и 1827 годахъ и дѣйствія Россійскаго флота подъ Навариномъ* (ч. XXXIII, N 93, стр. 168). b) *Окончаніе войны Русскихъ съ Персіанами* (ч. XXXIV, N 96, стр. 186). Содержаніе первой статьи: 1826 года Персидскія войска вторглись въ Русскіе предѣлы, заняли Елизаветполь и старались возмутить Россійскихъ подданныхъ. Главнокомандующій въ Грузіи генералъ Ермоловъ отрядилъ противъ непріятеля князя Мадатова, который очистилъ Елизаветполь. Подкрѣпленный потомъ генераломъ Паскевичемъ, онъ разбилъ близъ этого города Наслѣдника Персидскаго престола Аббасъ-Мирзу. Паскевичь переправился черезъ Араксъ и потѣснилъ его еще далѣе. Принявъ главное начальство надъ войсками отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, Паскевичь разбилъ Персіянъ въ знаменитой битвѣ при ручьѣ Джевань-Буланъ, осадилъ и взялъ Еривань и Тавризъ, послѣ чего Аббасъ-Мирза рѣшился вступить въ переговоры о мирѣ.—За тѣмъ напечатанъ: «Трактатъ, заключенный въ Лондонѣ Россіею, Франціею и Англіею 1827 года», по которому державы эти обязались предложить Оттоманской Портѣ свое посредничество для возстановленія мира между ею и Греками. Вслѣдствіе этого договора, эскадры трехъ союзныхъ государствъ соединились и для достиженія цѣли трактата рѣшились атаковать Наваринскую крѣпость; сраженіе окончилось уничтоженіемъ Турецкаго флота (описаніе сраженія). Во второй статьѣ разсказывается объ открытыхъ съ Аббасъ-Мирзою переговорахъ о мирѣ, которые внезапно, по внушенію Порты, были прерваны требованіемъ Шаха, чтобъ Русскія войска отступили за Араксъ. Но устрашенный новыми успѣхами войскъ нашихъ, Шахъ снова приступилъ къ переговорамъ; былъ заключенъ славный миръ (его содержаніе), по которому Россія пріобрѣла ханства Эриванское и Нахичеванское. Свѣдѣнія эти заимствованы *(И. М. Горностаевымъ)* изъ Journal de St. Pétersbourg и Сѣверной Пчелы. c) *Военныя событія*, заимствованныя изъ оффиціальныхъ реляцій и журналовъ (ч. XXXVI, N 102, стр. 152. N 104, стр. 493. 1829 года: ч. XL, N 114, стр. 144. N 115, стр. 292. N 116, стр. 465. 1830 года: ч. XLI, N 118, стр. 297). Въ 1828 году Россія объявила войну Турціи; войска наши перешли Прутъ, заняли Молдавію и Валахію; Запорожцы и Некрасовцы возвратились въ Русское подданство; крѣпости: Исакчи, Браиловъ, Анапа, Карсъ, Ахалкалакъ, Ахалцихъ, Варна, Силистрія, Шумла и другія были взяты; занятіе этихъ крѣпостей, военныя дѣйствія графа Дибича, графа Паскевича-Эриванскаго и другихъ генера-

ловъ въ 1828 и 29 годахъ, подвиги нашего флота подъ начальствомъ адмирала Грейга, переходъ за Балканы, условія Адріанопольскаго мира—разсказаны обстоятельно.

9. *О Нижегородской ярмаркѣ* 1827 года, статья *К. Кугушева*, сообщающая свѣдѣнія: о томъ, сколько было занято торговыхъ помѣщеній, какъ былъ великъ полавочный сборъ и какими увеселеніями сопровождалось время ярмарки (театръ) (ч. XXXIII, N 93, стр. 197).

10. *Письмо изъ Астрахани объ увеселеніяхъ во время масляницы*, (ч. XXXIII, N 95, стр. 563): благородные спектакли, концертъ, живыя картины и маскарадъ, данные въ пользу жителей города Або, пострадавшаго отъ пожара, и въ пользу Астраханскаго училища.

11. *Письмо отъ Его Превосходительства Н. М. Сипягина*, изъ Тифлиса, о найденныхъ въ Грузіи серебряныхъ монетахъ временъ Сассанидовъ (ч. XXXIII, N 95, стр. 578).

12. *Воззванія къ благотворительности* бѣднымъ семействамъ, *П. Свиньина* (ч. XXXIII, N 94, стр. 390 и 392).

13. *Керчь, древняя Пантикапея*, изъ «Живописнаго путешествія по Россіи» *П. Свиньина*, съ приложеніемъ вида Керченскаго порта (ч. XXXIV, N 96, стр. 3). Пантикапея основана Милесійцами; древность ея свидѣтельствуется самою мѣстностію (Митридатова гора, Митридатовы креслы, т. е. остатки старинныхъ плитъ и камней, золотой курганъ и найденныя въ немъ древнія вещи; мысль объ основаніи музеума антиковъ, находимыхъ въ здѣшнихъ окрестностяхъ, Мирмикіонъ; описаніе Греческой церкви, существующей 1200 лѣтъ). Портъ Керченскій обширенъ и удобенъ; устроеніе въ этомъ городѣ карантина должно имѣть благодѣтельное вліяніе на торговлю, ибо суда не будутъ имѣть надобности перегружаться по нѣскольку разъ. Земля Черноморскихъ казаковъ, живущихъ противъ Керчи и на берегу Азовскаго моря, плодородна, и промышленность ихъ усиливается. Къ выгодамъ Керченскаго порта надо отвести возможность завести непосредственныя сношенія съ дикими обитателями Кавказа. Г. Скасси завелъ самыя дружескія торговыя сношенія съ нѣкоторыми племенами Черкасіи, и торговля эта была большимъ пособіемъ для продовольствія Ѳеодосійскаго уѣзда въ 1823—25 годахъ, когда саранча опустошала Крымскія поля; жителей въ Керчи около 4,000; они большею частію Греческіе выходцы (ихъ занятія, рыбная ловля, добываніе соли, минералы, растительность). Ениколь, составляя съ Керчью одно градоначальство, имѣетъ видъ Турецкаго города; крѣпость Еникольская и маякъ.

14. *Новгородъ-Сѣверскій*, статья учителя Новгородъ-Сѣверской

гимназіи *Ивана Сбитнева* (ч. XXXIV, N 96, стр. 105. N 97, стр. 313): мѣстоположеніе города; историческія о немъ свѣдѣнія; Спасскій монастырь, извѣстный пребываніемъ въ немъ Отрепьева (судьба этой обители, церкви, духовное повѣтовое училище, стѣны, Троицкой садъ, кладбище, число монаховъ и доходы монастыря); домъ помѣщика Суддіенка , въ которомъ останавливался Императоръ Александръ I; гимназія (помѣщеніе, библіотека, число воспитанниковъ); губернская площадь ; кладбища Юрьевское и Всѣхъ Святыхъ; тріумфальныя ворота (Брама), сооруженныя по случаю пріѣзда Императрицы Екатерины II; крѣпость, построенная въ 1044 году; два кургана; Успенскій соборъ и церкви (время ихъ построенія и достопамятности); каменный домъ, въ которомъ имѣлъ свое пребываніе Петръ Великій; площадь, называемая Сборнымъ мѣстомъ, гдѣ были избираемы члены магистрата; число жителей, торговля и ярмарки; отчетъ: сколько барокъ и плотовъ , съ какимъ товаромъ и на какую сумму было отправлено въ 1727 г. изъ Брянска, Трубчевска, Кременчуга и Новгородъ-Сѣверска по Деснѣ.—Какъ приложеніе къ статьѣ о Новгородѣ-Сѣверскомъ здѣсь напечатана копія съ жалованной грамоты, данной Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Спасо-Сѣверскому монастырю (1679 года), по челобитью архіепископа Лазаря Барановича и гетмана Демьяна Игнатовича, на владѣнье селами, деревнями, мельницами, озерами и угодьями.

15. *Путевый (1824 г.) журналъ крестьянина Суханова, отъ Архангельска до С.-Петербурга* (ч. XXXIV, N 97, стр. 193). Это краткой и поверхностный разсказъ о дорогѣ и лежащихъ по пути мѣстахъ, каковы: Холмогоры (число церквей и домовъ), монастырь Сійскій, Каргополь (храмы, монастыри, одежда жителей и число домовъ), Вытегра, Лодейное поле (адмиралтейство), и Шлиссельбургъ.

16. *Историческія черты и статистическое описаніе Воронежской губерніи (первыя по 1827, а второе за 1826 годъ)*, соч. *Хламова* (ч. XXXIV, N 98, стр. 361; ч. XXXV, N 99, стр. 71). Воронежская губернія открыта въ 1779 году. Воронежъ упоминается еще въ 1177 г; но возвышеніе его начинается со времени Петра В., который завелъ здѣсь корабельную верфь. Достопамятности въ губерніи: a) земляныя крѣпости въ Новохоперскѣ и Тавровѣ ; b) цейхгаузъ, построенный Петромъ I для складки военныхъ припасовъ и битья монеты; c) земляной редутъ, имепуемый Рай-городокъ, въ Павловскѣ; d) тамъже земляная крѣпость, называемая Адмиралтейскою ; e) деревянный домъ въ Валуйкахъ, въ которомъ жилъ въ 1699 г. Петръ В.; f) тамъ же соборная церковь, построенная въ 1699 и передѣланная въ 1755 г. За тѣмъ слѣдуютъ географическія

и статистическія свѣдѣнія о Воронежской губерніи: ея протяженіе, мѣловыя горы (Дивногорскій монастырь); рѣки несудоходныя и судоходныя (Донъ и Воронежъ), съ указаніемъ: сколько съ 1822 по 1825 годъ отправлено судовъ со всѣхъ пристаней губерніи, съ какимъ грузомъ, на какую сумму и сколько судовъ прибыло; озера, климатъ, господствующія болѣзни и мѣстныя средства для ихъ лѣченія; города уѣздные и заштатные, Нѣмецкая колонія Рибенсдорфъ, число селеній, монастырей, храмовъ, домовъ; количество жителей по сословіямъ, пахотной земли, лѣса, сѣнокосовъ и бакшей; урожаи и цѣнность ржи; садовыя, огородныя, красильныя и аптекарскія растенія (число аптекъ); рыбный ловъ; конскіе заводы графини Орловой-Чесменской, графа Ростопчина, Домогатскаго и др.; какъ велико въ губерніи количество лошадей, рогатаго скота, овецъ, ульевъ, мельницъ, винокуренныхъ и прочихъ заводовъ и фабрикъ; какъ великъ доходъ отъ этихъ промысловъ; количество повинностей, казенной недоимки по 1821 годъ, доходовъ, поступившихъ въ казну съ 1820 по 1826 годъ включительно, денежныхъ капиталовъ, принадлежащихъ городамъ и Приказу Общественнаго Призрѣнія; богоугодныя учрежденія, число учебныхъ заведеній и учащихся; состояніе вѣдомствъ военнаго, полицейскаго и пожарнаго.

17. *Наблюденія путешественника въ 1827 году о выгодахъ винограднаго садоводства въ Крыму*, статья *А. Бороздина* (ч. XXXIV, N 96, стр. 138). Въ эпоху присоединенія Крыма къ Россійской державѣ и послѣ о виноградномъ садоводствѣ здѣсь имѣли весьма слабое понятіе. Въ 1804 году Правительство основало въ Судакѣ виноградное училище для обученія искусству разводить сады и винодѣлію. Но по недостатку свѣдущихъ людей училище не принесло ожидаемой пользы. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до 1824 года, съ котораго казенный садъ въ Крыму получаетъ совершенно иной видъ. Нынѣшній его начальникъ доказалъ, что виноградъ можно разводить и на горахъ безъ поливки, и что вино, добываемое изъ такого винограду, не уступаетъ иностранному. Наибольшую производительную силу имѣютъ нагорныя земли по южному берегу Крыма, отъ Ѳеодосіи до Евпаторіи. Авторъ при этомъ указываетъ на цѣнность крымскихъ винъ и количество доходовъ, получаемыхъ съ здѣшнихъ виноградниковъ. Но особенно виноградники и винодѣліе усовершенствовались со времени прибытія сюда графа М. С. Воронцова. Виноградное училище принимаетъ учениковъ за умѣренную плату.

18. *Письмо отъ И. Т. Радожицкаго* о съѣздѣ на Кавказскія воды въ 1827 году, о новыхъ устроенныхъ здѣсь зданіяхъ, о цѣнѣ за

пользованіе ваннами и образѣ жизни (ч. XXXIV, N 96, стр. 150). Къ этому письму приложенъ *Списокъ посѣтителямъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ, въ теченіе курса 1827 года, по сентябрь мѣсяцъ* (ч. XXXIV, N 98, стр. 480).

19. *Отъ А. П. Г. о благотвореніи помѣщицы своимъ крестьянамъ* (ч. XXXIV, N 96, стр. 158)—о присылкѣ княгинею Бѣлосельскою-Бѣлозерскою крестьянамъ Катавскаго завода въ даръ десяти зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій.

20. *С. Петербургскія современныя лѣтописи;* всѣ статьи, за исключеніемъ одной подъ буквою *к*, принадлежатъ *П. Свиньину*; въ XXXIV-й части a): *Литературныя извѣстія, журналы и альманахи* (N 96, стр. 161); *сочиненія Ѳ. Булгарина, томы III, IV и V* (N 96, стр. 172). Слѣлавъ похвальный отзывъ о сочиненіяхъ Булгарина, авторъ прибавляетъ: «съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ я, принимаясь нѣсколько разъ хохотать отъ всей души, весьма замысловатое описаніе *извощика метафизика*, хотя ясно видѣлъ, что перуны остроумія и ироніи устремлены прямо на меня». b) *Увеселенья публики:* Итальянская трупа, концерты, музыкальныя общества, картины (N 96, стр. 177). c) *Публичное испытаніе въ Школѣ сельскаго хозяйства и горнозаводскихъ наукъ* (N 97, стр. 347). d) *Годичное собраніе въ Обществѣ поощренія художниковъ;* здѣсь упоминаются имена Брюловыхъ, Иванова, Бруни и Тона (N 97, стр. 352). e) *Торжественное засѣданіе ученаго Комитета по горной и соляной части* (N 97, стр. 357) и объ основаніи Горнаго журнала.

Въ XXXV-й части: f) О *библіотекѣ С. Петербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества* (N 101, стр. 353): основана въ 1766 г; число книгъ до 4,000. g) *С.-Петербургское пожарное Депо* (N 101, стр. 458): заботы объ этомъ учрежденіи генералъ-маіора Чихачева.

Въ XXXVI-й части: h) *Панорама Константинополя* (N 102 стр. 172). i) *Рисунки барона Штетнера* (N 102, стр. 174). к) «*Чувства Русскаго при гробѣ Маріи,*» сочиненіе 18-ти лѣтняго литератора *В. И. Б. (Бурнашева)*». Авторъ высокимъ слогомъ разсказываетъ о богоугодныхъ дѣяніяхъ покойной Государыни (N 103, стр. 303). l) *Послѣдній долгъ поклоненія и погребенія, возданный тѣлу блаженной памяти Императрицы Маріи Ѳеодоровны*: извѣстіе о Ея послѣднихъ минутахъ и о церемоніяхъ погребенія (N 103, стр. 313).

21. *Мои мысли о переводѣ басенъ И. А. Крылова Ипполитомъ Петровичемъ Маскле*, статья *П. Свиньина* (ч XXXIV, N 98, стр. 471), съ указаніемъ кѣмъ и на какіе языки были переводимы басни Крылова.

22. *О грамматикѣ Молдавскаго языка,* изданной г. Марцелли—извѣстіе *П. Свиньина* (ч. XXXIV, N 98, стр. 473).

23. *О происхожденіи двухъ простонародныхъ словъ: Карачунъ и Чуръ*, статья *Степана Руссова* (ч. XXXIV, N 98, стр. 474). Въ Молдавіи, говоритъ авторъ, ворожеи и колдуны называются *калачунами*; съ этимъ названіемъ сходно Русское слово *карачунъ*, подъ которымъ надо разумѣть злаго духа. Слово же *чуръ* означаетъ тоже, что *juro* (заклинаю).

24. *Картина Оренбурга и его окрестностей* изъ «Живописнаго путешествія по Россіи издателя Отеч. Записокъ (*Свиньина*) въ 1824 г., съ приложеніемъ вида Оренбурга» (ч. XXXV, N 99, стр. 3). Сказавши о пути изъ Илецкой защиты въ Оренбургъ и находящихся здѣсь форпостахъ, авторъ на основаніи свѣдѣній, собранныхъ Рычковымъ, говоритъ объ избраніи мѣста для Оренбурга и о построеніи этой крѣпости (дѣйствія стат. сов. Кирилова, тайныхъ сов. Татищева и Неплюева). За тѣмъ сообщены свѣдѣнія о числѣ жителей и домовъ въ городѣ, о его казенныхъ зданіяхъ, бульварѣ, церквахъ, обелискѣ, гульбищахъ, домѣ евангелическихъ Шотландскихъ братій, военной больницѣ, военно-сиротскомъ отдѣленіи, богадѣльнѣ и училищахъ, о Татарахъ и Бухарцахъ, о торговлѣ съ Киргизами, гостинномъ дворѣ, таможнѣ, базарѣ, разныхъ промыслахъ, пушечномъ дворѣ и заводахъ литейномъ и кожевенныхъ.

25. *Петръ Михайловичъ Кудряшевъ, пѣвецъ картинной Башкиріи, быстраго Урала и безпредѣльныхъ степей Киргисъ-Кайсацкихъ*, соч. *П. Свиньина* (ч. XXXV, N 100, стр. 145). Авторъ былъ знакомъ съ Кудряшевымъ и сообщаетъ о немъ біографическія свѣдѣнія. Кудряшевъ воспитывался въ Верхнеуральскомъ Военно-сиротскомъ отдѣленіи, поступилъ на службу унтеръ-офицеромъ и былъ произведенъ въ аудиторы; онъ любилъ занятія исторіею и словесностію (при этомъ изчислены его сочиненія и приведены выписки изъ его стиховъ); но печальныя обстоятельства скоро приблизили его къ могилѣ. Здѣсь же напечатано письмо Кудряшева къ автору статьи, въ которомъ говорится объ Оренбургской линіи и сопредѣльныхъ ей мѣстахъ (Губерлинскія горы, деревня Сибаева, гора Ярындыкъ, курганы, гора Магнитная, Верхнеуральскъ, капище въ Киргизской степи; Златоустовскій заводъ, Уральскія горы), о Башкирскихъ сказкахъ и пѣсняхъ (двѣ пѣсни переведены стихами) и Верхнеуральскомъ архивѣ (здѣсь представлены двѣ любопытныя выписки изъ старыхъ бумагъ).

26. *Топографическое и физическое обозрѣніе Тамбовской губерніи*, соч. *Хламова* (ч. XXXV, N 100, стр. 242. N. 101, стр. 333). Тамбовская губернія древле была пограничною; здѣсь были устроены при Царяхъ Михаилѣ Θеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ крѣпостцы отъ Татар-

скихъ набѣговъ. Заштатный городъ Романовъ, по преданію, составлялъ удѣлъ знаменитыхъ Романовыхъ. Сообщая свѣдѣнія о Тамбовской губерніи, авторъ описываетъ: ея мѣстность, границы, пространство, климатъ, господствующія болѣзни, красильныя растенія, рѣки и Липецкіе минеральные источники; указываетъ на количество пашень, луговъ, лѣсу, неудобной земли, на число уѣздовъ, городовъ, селъ, домовъ въ городахъ, волостныхъ правленій и удѣльныхъ приказовъ, число жителей по сословіямъ и вѣроисповѣданіямъ, церквей и монастырей, на количество годоваго урожая и хлѣба, употребляемаго въ продажу и для винокуренія, и на его цѣнность; говоритъ о числѣ конскихъ заводовъ, лошадей, рогатаго скота, овецъ, свиней, птицъ, ульевъ; сколько пудовъ ловится рыбы и на какую сумму добывается камня, какъ велико число садовъ, огородовъ, мельницъ, винокуренныхъ и другихъ заводовъ и фабрикъ, и какъ великъ доходъ, доставленный всѣми этими статьями, также о количествѣ объявленныхъ въ 1826 г. купеческихъ капиталовъ, числѣ ярмарокъ, торговъ, лавокъ, магазиновъ, трактировъ, и т. п., о числѣ площадей, улицъ, станцій, мостовъ, перевозовъ, о Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, его капиталахъ въ 1827 г., богоугодныхъ, учебныхъ и исправительныхъ заведеніяхъ, о расходахъ на содержаніе полиціи, городскихъ доходахъ и доходахъ со всей губерніи.

27. *О прощаніи и послѣднемъ засѣданіи въ Орловскомъ комитетѣ преосвященнаго Гавріила* (вице-президента этого комитета), статья *П. Ермолова* (ч. XXXV, N 101, стр. 443).

28. *Выписка изъ письма Архимандрита Веніамина къ Архимандриту Анастасію изъ Пустозерска, отъ 30 сентяб. 1827 г.*, замѣтка, касающаяся острова Вайгачь и Югорскаго Шара; на означенномъ островѣ былъ Самоядской семиличный идолъ, обставленный 419-ю другими идолами. Самояды почитаютъ бѣлыхъ медвѣдей (ч. XXXV, N 101, стр. 449).

29. а) *Краткое замѣчаніе относительно разныхъ мнѣній о началѣ Россійскаго государства*, статья *Степана Руссова* (ч. XXXV, N 99, стр. 122). Г. П. (Погодинъ) въ 4-й книжкѣ Московскаго Вѣстника на 1828 г. (стр. 483) полагаетъ, что Славянами было призвано не то Норманское племя, которое уже прежде было ими изгнано, а другое. Слово «Норманское», по мнѣнію Руссова, употреблено здѣсь не кстати, ибо Несторъ говоритъ, что иные Варяги назывались Русью, а иные Норманами; слѣдовательно онъ различалъ Русь отъ Норманов. b) *Нѣсколько словъ* (того же автора) *о книгѣ подъ названіемъ: «Нынѣшнее состояніе Молдавіи, Валахіи и Бессарабской Области, съ историческ. и статистич. описаніемъ сихъ*

земель, и проч. Соч. Игнатія Яковенка. СПБ., 1828 г. (ч. XXXV, N 99, стр. 124).

30. *О названіи Кавказа, изъ новѣйшаго сочиненія г. Клапрота о Кавказѣ*, переводъ *Стемпковскаго* (ч. XXXV, N 100, стр. 297). Имя *Кавказъ* древнее; оно первоначально принадлежало всѣмъ высокимъ горамъ, окружающимъ Персію, и должно быть сближаемо съ словомъ *Когъ-Кафъ* (гора Кафъ, которая по баснословію народовъ западной Азіи окружаетъ міръ). Древняя форма этого послѣдняго слова была *Когъ-Кафсъ*, т. е. Каспійскія горы. Имя Кавказъ нынѣ неизвѣстно между народами Азіи, а употребляется Армянами и Грузинами.

31. *Письмо графа А. В. Суворова-Рымникскаго Князю Г. А. Потемкину-Таврическому, въ дополненіе къ прежнему представленію о награжденіи отличившихся при взятіи крѣпости Измаила* 1789 года (ч. XXXV, N 101, стр. 461).

32. *Учуги и взглядъ на рыболовство въ Астрахани*, изъ «Живописнаго путешествія по Россіи» издателя Отеч. Зап. (*Свиньина*), съ видомъ рыбной ловли въ Астрахани (ч. XXXVI, N 102, стр. 3. N 103, стр. 206). Авторъ самъ посѣтилъ учуги и въ статьѣ своей сообщаетъ описаніе лова и приготовленія рыбы; говоритъ о времени багренія, числѣ наемныхъ работниковъ, заработной платѣ и рыболовныхъ снастяхъ. По его словамъ, учуги можно назвать обширнѣйшими садками въ мірѣ. Ловъ рыбы производится безпрерывно, но особенно два раза въ году бываетъ онъ весьма значителенъ: весною до половины іюня и осенью въ октябрѣ и началѣ ноября. На промыселъ выѣзжаютъ разомъ лодокъ до тысячи. Рѣдкая рыба, входящая въ рукава Волги, избѣгаетъ гибели отъ учуговъ, устроенныхъ на четырехъ глубочайшихъ протокахъ этой рѣки. Такимъ образомъ учуги лишаютъ выгодъ рыболовства верховыя Волжскія губерніи. Жиротопленіе также производитъ примѣтное умаленіе рыбы, истребляя ее въ маломъ возрастѣ Рыбная ловля и торгъ ея продуктами составляютъ главнѣйшее богатство Астраханской губерніи. Петръ В. обезпечилъ плаваніе по Волгѣ, и съ той поры рыбные промыслы здѣшняго края сдѣлались источникомъ государственныхъ доходовъ. До 1704 г. они зависѣли отчасти отъ Приказа Казанскаго дворца, отчасти принадлежали монастырямъ, а въ этомъ году учреждена Рыбная канцелярія, рыбные и тюленьи промыслы отданы на откупъ и сочинена инструкція о приготовленіи рыбы. Въ 1731 г. отобраны у Троицко-Сергіева монастыря Иванчугскія воды; въ 1743 уничтожены откупа и ловъ рыбы взяло Правительство на себя. Императрица Елизавета снова разрѣшила откупа; въ 1751 г. тюленьи промыслы отданы

на откупъ графу Шувалову, а въ 1757 г. дозволенъ вывозъ клея за границу. Въ 1762 г. учреждена въ Астрахани Рыбная контора отъ купечества; въ 1771 г. разрѣшено было продавать земли съ принадлежащими къ нимъ водами въ частное владѣніе. Воды Эмбенскія въ 1792 г. пожалованы графу Салтыкову, а въ 1799 графу Кутайсову, у котораго послѣ (въ 1803 г.) куплены Правительствомъ и открыты для вольной промышленности. Въ 1797 году Императоръ Павелъ велѣлъ отобрать отъ мѣстнаго купечества земли съ водами и учуги, и пожаловалъ ихъ въ вѣчное владѣніе князьямъ Куракинымъ. Теперь рыбные Астраханскіе промыслы находятся въ вѣдѣніи 36 хозяевъ. Сверхъ того авторъ сообщилъ свѣдѣнія о селеніи Самоздѣлкѣ и сказалъ нѣсколько словъ о Калмыцкой пляскѣ и кулачномъ боѣ Татаръ. Было обѣщано продолженіе статьи, но обѣщаніе не исполнено.

33. *Книга тысячная отъ сотворенія міра 7059 года, а отъ Рождества Христова 1551* (ч. XXXVI, N 102, стр. 25, N 103, стр. 230. N 104, стр. 421). Это списокъ, указывающій на распредѣленіе земель за боярами и дѣтьми боярскими, каковое было сдѣлано по указу Царя Ивана Васильевича учинить въ Московскомъ и другихъ уѣздахъ помѣщиковъ тысячу человѣкъ, надѣляя ихъ опредѣленнымъ числомъ четвертей земли. Тѣмъ, за которыми имѣются въ Московскомъ уѣздѣ или близь Москвы (верстъ за 50 и 60) вотчины, указъ не велитъ давать помѣстій; а которые изъ помѣщиковъ вымрутъ, а дѣти ихъ къ службѣ будутъ не пригодны, то на мѣсто тѣхъ велѣно прибирать иныхъ. Этотъ любопытный памятникъ сообщенъ *Б. Ѳедоровымъ*, который присоединилъ къ нему свое предисловіе и примѣчанія.

34. *Статистическое описаніе города Пронска, въ Рязанской губерніи 1826 года* (ч. XXXVI, N 102, стр. 65), изъ записокъ *М. Н. Макарова*. Содержаніе статьи слѣдующее: положеніе Пронска, его историческая судьба, количество земли, число жителей, остатки древностей: курганъ, называемый Гнѣвною горою, Чертово городище; старинная дубовая церковь и *било;* новая Спасо-Преображенская пустынь и свѣдѣніе о монастыряхъ, улица княжая, Князья Пронскіе, преданіе о памятникѣ опричника Кудеяра Тишинкова, заводы (чугунноплавительный и желѣзодѣлательный), рудники и фабрики (проволочная, игольныя); камень, торфъ; значительныя селенія въ уѣздѣ; мамонтовы кости. Обо всемъ этомъ разсказано поверхностно; самая статья скорѣе можетъ быть названа археологическою, нежели статистическою.

35. *Взглядъ на исторію трехъ княжествъ: Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи, съ II-го по XIII-е столѣтіе*, соч. *Степана Руссова* (ч.

XXXVI, N 102, стр. 90). Въ дополненіе къ письмамъ, изданнымъ Яковенкомъ объ означенныхъ княжествахъ (*), Венелинъ напечаталъ въ Московскомъ Вѣстникѣ за 1828 г. (N 15, стр. 256—278) письмо, которое долженствовало представить историческую картину Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи со II-го до XIII столѣтія. По поводу этого послѣдняго письма составилась критическая статья Руссова, который замѣчаетъ: а) что о событіяхъ II-го, III, IV, XI и XII-го столѣтій Венелинъ умолчалъ; b) что въ концѣ IV-го столѣтія напали на Готовъ не Словене и Булгаре, а Гунны; c) что мнѣніе о крещеніи Словенскихъ племенъ послѣ 900 года невѣрно, ибо Кириллъ и Меѳодій крестили ихъ раньше и переводъ св. Писанія совершенъ ими не для однихъ Болгаръ; d) что мнѣніе, будто Болгары были бичемъ Европы и разсказъ о войнѣ ихъ съ Карломъ Великимъ не имѣютъ основанія; e) Венелинъ утверждаетъ, что Молдавія и Валахія въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій до 900 года не видали въ своихъ предѣлахъ чуждыхъ народовъ; а Козары, Авары, Печенеги, войска Олега? f) Далѣе авторъ оспариваетъ мнѣніе, что Сербы, Кроаты, Валахи, Венгры и Руссы въ IX и X столѣтіяхъ были подвластны Болгарскому Королю Борису и что Болгарскіе Короли издавна имѣли своихъ воеводъ въ Молдавіи и Валахіи. g) По мнѣнію Венелина Болгары съ 1380 г. всѣ истреблены въ Болгаріи, а осталась часть ихъ въ Молдавіи и Валахіи; но откуда взялись нынѣшніе Болгары за Дунаемъ и куда дѣвались они съ этой стороны? и проч. Въ той же части Отечественныхъ Записокъ (ч. XXXVI, N 104, стр. 477) помѣщено было: *Прибавленіе къ статьѣ о Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи, напечатанной въ От. Зап. за октябрь мѣсяцъ сего 1828 года*, соч. *Степана Руссова* Здѣсь сдѣланы замѣчанія на «Историческо-статистическое обозрѣніе Молдавіи и Валахіи, взятое сокращенно изъ» Blackwood's Magazin» и помѣщенное въ 14 и 15 книжкахъ Московскаго Телеграфа на 1828 г.: а) воеводъ Волошскихъ съ именемъ Оракула никогда не было (вѣроятно извращено имя Дракулы); b) договоръ 1460 г. въ Валахіи совсѣмъ неизвѣстенъ; c) фамилія Маврокордатовъ съ 1710 года занимала господарское достоинство до 15 разъ; d) съ 1710—1800 г. въ Молдавіи господари перемѣнялись 25 разъ; e) трактатомъ 1812 года Россія пріобрѣла отъ Турціи не одну часть Молдавіи, а всю Бессарабію; f) зима въ Валахіи бываетъ умѣренная и Дунай рѣдко замерзаетъ; g) показаніе о вѣрѣ и бракахъ цыганъ, о всеобщемъ невѣжествѣ въ Молдавіи и Валахіи, о числѣ церквей и монастырей въ Бухарестѣ—невѣрны.

(*) Нынѣшнее состояніе Турецкихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи и Россійской Бессарабской области, и пр. соч. Игнатія Яковенко. СПБ. 1828. г.

36. *Прогулка по Воспорскому проливу и по берегамъ Азовскаго моря въ 1820 году*, соч. *Ивана Сбитнева*, учителя Новгородъ-Северской гимназіи (ч. XXXVI, N 103, стр. 181. 1829 года ч. XXXVII, N 105, стр 33. N 107, стр. 360). Статья эта содержитъ въ себѣ: описаніе города Еникаля (церковь, училище, крѣпость, фонтанъ, число жителей и домовъ, поселенные здѣсь Греки), Керчи (дорога къ этому городу, крѣпость, портъ, золотая гора, греческіе поселенцы), Темрюка, Екатеринодара, Щербиновки, Ейскаго городка, Очаковской станціи (замѣтка о шайкѣ бродягъ, называемыхъ Мугамедами), станціи Кагальника, рыбной ловли въ устьѣ Дона, Азова, Ростова (биржа, о сношеніяхъ его съ Таганрогомъ), крѣпости св. Димитрія, Пахичевани (его исторія, Армяне) и Таганрога. Сочиненіе Сбитнева наполнено пустыми фразами и разсужденіями о собственныхъ чувствованіяхъ и восторгахъ. Въ Отечеств. Запискахъ 1830 года (ч. XLII, N 122, стр 385) помѣщено: *Замѣчаніе на статью: прогулка по Воспорскому проливу и по берегамъ Азовскаго моря*, соч. *У.* Авторъ этого замѣчанія говоритъ о вѣроисповѣданіи Армянъ и его особенностяхъ.

37. *Нѣчто о жизни и о произведеніяхъ Ивана Прокофьевича Прокофьева*, соч. *Свиньина* (ч. XXXVI, N 103, стр. 252; N 104, стр. 405). Прокофьевъ, отличный ваятель, родился въ 1758 г., воспитывался въ Академіи Художествъ, былъ за границею и въ Парижѣ слушалъ профессора скульптуры Жульеня. Здѣсь подробно изчислены его работы, указаны пожалованныя ему награды и сообщено извѣстіе о его болѣзни и смерти. Онъ умеръ въ 1828 году 70 лѣтъ отъ рожденія.

38. *Свѣдѣнія о рѣкѣ Печорѣ, собранныя на мѣстахъ Вологодскимъ гражданиномъ Александромъ Деньгинымъ* (ч. XXXVI, N 104, стр. 349). Одна изъ величайшихъ рѣкъ въ сѣверномъ краю Россіи —Печора беретъ начало изъ Уральскаго хребта, протекаетъ болѣе 2000 верстъ и впадаетъ въ Сѣверный океанъ; принимаетъ въ себя много рѣкъ, при посредствѣ которыхъ возможно сообщеніе Печоры съ Камою и Вычегдою, а черезъ эти послѣдвія съ Волгою и Сѣверною Двиною, только съ четырехъ-верстнымъ переволокомъ судовъ и перевозкою товаровъ. Весьма удобно сдѣлать каналъ для соединенія Печоры съ Вычегдою. Страна по р. Печорѣ богата лѣсами, врачебными, красильными и другими растеніями, рыбою, звѣрями, птицами, разными минералами и рудами. Обитатели здѣшніе: Самоѣды, Зыряне и Русскіе занимаются оленеводствомъ, звѣриной ловлею и морскими промыслами; торговля производится Чердынцами, Галичанами и отчасти жителями Печоры (что и куда доставляется); хлѣбопашество незначительно. Къ статьѣ своей ав-

торъ присоединилъ подробныя примѣчанія о разныхъ рѣкахъ (Мылва, Волоснипа, Кама, Вычегда, Ижма, Мезень, Цыльма, Уса и др.), объ озерѣ Елецъ и островѣ Новой Земли, о произведеніяхъ по тремъ царствамъ природы, о характерѣ и бытѣ Самоѣдовъ, о заводахъ и соляныхъ варницахъ.

39. *Русскія святки въ Еривани 1827 года*, соч. ген-м. *Бурцова*. (ч. XXXVI, N 104, стр. 380): извѣстіе о томъ, какъ провели Русскіе этотъ праздникъ въ Еривани.

40. *Русскій анекдотъ* (ч. XXXVI, N 102, стр. 177) изъ Итальянской компаніи—о неустрашимости генералъ-маіора Репнинскаго, статья *П. Свиньина*.

41. *Описаніе церковной встрѣчи въ Кіевѣ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Николаевны* (ч. XXXVI, N 104, стр. 512). Статья Кіевскаго митрополита *Евгенія*. Здѣсь сообщено свѣдѣніе о посѣщеніи Государынею и В. Княжною Кіевопечерской Лавры, Софійскаго и Андреевскаго соборовъ, пещеръ, Михайловскаго и Николаевскаго монастырей и мѣста Десятинной Церкви.

42. *Нѣчто о Колесницѣ, устроенной на аркѣ Главнаго Штаба*, статья *П. Свиньина* (ч. XXXVI, N 104, стр. 520).

43. *Изъ Выксунскаго завода, отъ К. П. М. Кугушева, отъ 2 сентября* 1828 года (ч. XXXVI, N 102, стр. 178), о Нижегородской ярмаркѣ (сколько было занято торговыхъ помѣщеній и сколько собрано за то денегъ, цѣны чаямъ), объ освященіи Армянской церкви, открытіи памятника Минину и кн. Пожарскому и народныхъ зрѣлищахъ.

44. *Отъ М. А. Ксиландра изъ Петрозаводска, октября 25-го 1828 г.* (ч. XXXVI, N 103, стр. 338)—о праздновании въ этомъ городѣ по случаю взятія Варны.

45. *Изъ Москвы отъ П. П. И (Иванова) 7 ноября 1828 г. о Персидскихъ трофеяхъ* (ч. XXXVI, N 103, стр. 342). Въ Оружейной Палатѣ, извѣщаетъ письмо, поставленъ тронъ наслѣдника Персидскаго Аббасъ-Мирзы, взятый въ прошедшую войну, а на Царской площади поставлены Персидскія пушки. Трофеи эти были возимы по улицамъ столицы; для воиновъ лейбъ-гвардіи былъ обѣденный столъ. Изображеніе упомянутаго трона приложено къ XXXVII части Отечеств. Записокъ 1829 года.

46. *О посѣщеніи Ставрополя покойнымъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1825 году* (ч. XXXVI, N 103, стр. 344). Государь между прочимъ осматривалъ и Калмыцкія кибитки.

47. *О публичномъ испытаніи въ Пермскомъ Сиропитательномъ*

домъ, статья *М. Г. Сведомскаго* (ч. XXXVI, N 104, стр. 524). Ежегодное торжество, установленное въ воспоминаніе посѣщенія Перми Императоромъ Александромъ, сопровождается публичнымъ испытаніемъ дѣвицъ Сиропитательнаго дома. Авторъ говоритъ объ этомъ испытаніи и панихидѣ по Государѣ Александрѣ Павловичѣ и Государынѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.

1829 годъ.

1. *Граммата Владислава Ягеллона, данная имъ брату своему Скиргайлу Олгердовичу на Троцкую область съ принадлежностями* (ч. XXXVII, N 105, стр. 3). Владиславъ, Король Польскій и В. Кн. Литовскій, обязуется не подъискивать подъ Скиригайломъ Княженія Троцкаго, лихихъ людей не слушать и стоять за него крѣпко, а также уступаетъ ему Полтескъ, Менескъ, Свислочь, Бобруескъ и прочее, что назначилъ для него отецъ, съ данью и пошлинами. Грамота дана 1387 года, за печатью, при свидѣтеляхъ. *Свиньинъ* присоединилъ къ грамотѣ свое замѣчаніе о важности этого памятника, ибо изъ него видно, что Литовскій народъ, хотя и не весь, былъ крещенъ еще до Ягеллона, что Русскій языкъ былъ тогда въ Литвѣ придворнымъ и письменнымъ, что означенная грамота послужитъ руководствомъ къ опредѣленію хартій XIV вѣка Западной Россіи. — При XXXIX части Отеч. Записокъ (N 112) приложенъ снимокъ съ этой любопытной грамоты.

2. *Извѣстія о Московіи, писанныя Албертомъ Вимена да Ченеда, въ 1657 году,* переводъ *Шепелевича* съ Итальянской рукописи (ч. XXXVII, N 105, стр 13. N 106, стр. 224. N 107, стр. 421. ч. XXXVIII, N 108, стр. 79). Эти любопытныя записки содержатъ въ себѣ: a) географическія свѣдѣнія о Московіи (предѣлы, Черная и Бѣлая Русь, произведенія; климатъ); b) характеръ народонаселенія и степень его образованія: жители сильнаго сложенія, ведутъ свое произхожденіе отъ Афета, склонны къ рабству, пристрастны къ пьянству, но экономны и разсудительны; науки въ пренебреженіи, ремесла въ худомъ состояніи, нравы испорчены; путешествовать въ чужіе края для пріобрѣтенія познаній запрещено; врачебной науки почти никто не знаетъ; во всей арміи не болѣе пяти врачей, но и тѣхъ скорѣе можно назвать цирюльниками; вѣру исповѣдаютъ Греческ ю почитаніе иконъ, посты); народъ суевѣренъ, бороды

не брѣетъ, чтобы не исказить образа Божія; впрочемъ семь лѣтъ тому назадъ нѣкоторые стали бриться; пища; c) сословія бояръ, купцовъ и крестьянъ (состояніе этихъ послѣднихъ, право перехода); монахи и бѣлое духовенство. d) Лапландцы, Черемисы; царства Казанское и Астраханское и Сибирскія степи; e) судопроизводство, лихоимство, воеводы, различныя наказанія; f) войска (конница, пѣхота, артиллерія, оборона городовъ, расходы); мѣдная монета, золото и серебро; g) гавани Архангельская и Св. Николая: суда на Каспійскомъ морѣ для доставленія товаровъ изъ Астрахани въ Персію; торговля (вывозные товары, участіе казны, пошлины съ товаровъ); h) казенная продажа напитковъ; i) Дворъ В. Князя (Царя), бояре и боярскіе дѣти (ихъ одежда), придворные чиновники, Царевичи Грузинскій и Касимовскій; k) характеръ и наклонности В. Князя, семья; намѣреніе его выдать одну изъ своихъ сестеръ за мужъ за графа Вольдемара, Датскаго Королевича; l) волненіе во Псковѣ по случаю дороговизны хлѣба.

3. *Путевыя записки по Мезенскому уѣзду въ 1828 году, инспектора Протопопова*, (ч. XXXVII, N 105, стр. 58. N 106, стр. 254). Это краткія замѣтки, записанныя въ видѣ дневника, о переѣздахъ и разстояніи мѣстъ въ означенномъ уѣздѣ, о занятіяхъ жителей хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, морскими промыслами и рыбною ловлею, о климатѣ, почвѣ земли, произведеніяхъ, хищныхъ звѣряхъ рѣкахъ, и нефтянномъ ключѣ; о Самоѣдахъ (ихъ бытъ, чумы, отношенія къ хозяевамъ оленьихъ стадъ) и Зырянахъ; о Пустозерскѣ, числѣ жителей въ разныхъ мѣстахъ и училищѣ въ Ижмѣ. Въ заключеніе представлена мысль объ улучшеніи участи Самоѣдовъ и какія нужно принять для того мѣры.

4. *Путешествіе въ Соловецкій монастырь Издателя Отечественныхъ Записокъ (Свиньина) въ 1828 году* (ч XXXVII, N 105, стр. 119. N 106, стр. 209. ч. XXXVIII, N 108, стр. 59) съ приложеніемъ вида этой обители. Въ Соловецкій монастырь отправляется множество богомольцевъ изъ Сибири и восточныхъ губерній черезъ Архангельскъ, а съ запада и изъ Петербурга черезъ Повѣнецъ и Сумы (маршрутъ послѣдняго пути). Авторъ говоритъ о часовняхъ на островахъ Онежскаго озера, о Толвыйскомъ погостѣ (мѣсто рожденія препод. Зосимы и заточенія Марѳы Ивановны, супруги Филарета Никитича; преданіе о священникѣ, который принесъ заключенницѣ вѣсти о сынѣ ея Михаилѣ; однодворцы, извѣстные подъ именемъ *бояръ*), о водопадѣ Фоймогубскомъ, монастырѣ Палеостровскомъ, пещерѣ Св. Корнилія, Шуйскомъ погостѣ, городѣ Повѣнцѣ (достопамятности въ здѣшней церкви), поворотномъ островѣ (воспоминаніе о Петрѣ Великомъ), и рѣкѣ Повѣнчанкѣ, въ

которой находятъ жемчугъ; далѣе описываются: путешествіе по рѣкѣ Выгу (берега, водяныя птицы, олени), Воицкой золотой рудникъ (геологическія замѣтки, плавка мѣди и золота съ 1732 до 1794 г., заводскія толчеи), плаваніе по озерамъ и черезъ пороги (ихъ имена), спуски съ водопадовъ (предположеніе Кемскаго купца Антонова о соединеніи Бѣлаго моря съ Онежскимъ озеромъ), рыболовство въ сѣверномъ краю Россіи, селеніе Сорока, принадлежавшее Борецкимъ, келья препод. Савватія и Кузовы острова; наконецъ Соловецкій монастырь (его исторія, губа Благополучія, Святое озеро, храмъ и трапезная; грамота, данная монастырю отъ Великаго Новгорода на исключительное владѣніе Соловецкими островами со всѣми ловлями, озерами и пашнями, свѣдѣнія объ отданныхъ Соловецкой обители Мареою посадницею волостяхъ на Корельскомъ берегу; пророчества Св. Зосимы о паденіи Новгорода; игуменъ Филиппъ Колычевъ, бывшій послѣ митрополитомъ). Обѣщано было продолженіе статьи, но обѣщаніе не исполнено.

5. *Списокъ съ духовной торговаго гостя Гаврилы Мартинова Өетіева, писанный имъ въ 1684 году ноября въ 27 день* (ч. XXXVII, N 106, стр. 169. N 107, стр. 337). Въ началѣ *П. С. (Свиньинъ)* предпослалъ описаніе этого любопытнаго памятника и свѣдѣніе о портретѣ Өетіева, хранящемся во Владимірской церкви, въ Вологдѣ. Завѣщатель исчисляетъ свое богатство (дворы, лавки, товары, одежды, посуду и разныя вещи), назначаетъ, что наслѣдовать его женѣ, родственникамъ и пріятелямъ, на комъ взыскать долги, что роздать на поминъ души по монастырямъ, богадѣльнямъ, темницамъ, попамъ и нищей братіи, гдѣ погребсти его тѣло, какъ отправить поминки (третины, девятины, полусорочины и сорочины), говоритъ о запискѣ въ синодики, пѣніи панихидъ и построеніи церкви, дѣлаетъ распоряженіе о дворовыхъ людяхъ (отпускъ на волю и прикрѣпленіе за родными). Къ этой духовной грамотѣ приложены: a) роспись гостя Гаврилы Мартинова сына Өетіева, сколько его лавокъ, анбаровъ, квасницъ, дворовъ, огородовъ и сѣнныхъ покосовъ въ разныхъ мѣстахъ и сколькими изъ нихъ поступился онъ въ домъ пресвят. Богородицы Владимірской, b) роспись, что роздать пріятелямъ; c) роспись платья, оставленнаго зятю; d) роспись гостя Өетіева, кому что приказалъ роздать, будучи въ Холмогорахъ, въ домѣ тамошняго архіепископа; e) опредѣленіе патріарха Іоакима признавать духовную грамоту дѣйствительною и распоряженіе о долгахъ, не упомянутыхъ въ ней.

6. *Историческое описаніе Ваги и города Шенкурска, составленное изъ древнихъ Русскихъ лѣтописей, царскихъ и святительскихъ граммотъ, писцовыхъ и дозорныхъ книгъ, монастырскихъ, церковныхъ*

и канцелярскихъ архивныхъ бумагъ и разныхъ современныхъ записокъ, Матвѣемъ Мясниковымъ (ч. XXXVII, N 107, стр. 383. ч XXXVIII, N 108, стр. 22. N 109, стр. 229 N 110, стр. 377 ч. XXXIX, N 111, стр. 78. N 112, стр. 243. N 113, стр. 402. ч. XL, N 114, стр. 93. N 115, стр. 260. N 116, стр. 448). Въ предувѣдомленіи авторъ говоритъ, что онъ началъ собирать старыя рукописи, будучи бургомистромъ Шенкурскаго магистрата; за тѣмъ указываетъ источники своего сочиненія какъ рукописные, такъ и печатные и приводитъ его оглавленіе Сочиненіе должно было состоять изъ 46 главъ, изъ коихъ 13 были въ сокращенномъ видѣ напечатаны въ XXVII части Сѣвернаго Архива (1828 г.) Въ Отечественныхъ Запискахъ помѣщены только первыя девять главъ: I — « Географическіе предѣлы и пространство Важской стороны» (границы въ разныя эпохи, дѣленіе на станы, округи, и проч., статистичекія данныя за 1782 годъ, о количествѣ рѣкъ, озеръ, пашней, сѣнокосовъ, волостей, деревень и церквей). Глава II— « Первобытные жители Ваги (Чудь, звѣроловство, торгъ мѣхами, построеніе Шенкурска, дѣйствія Новгорода)». Глава III— « Поселенія на Вагѣ Новгородскихъ Славяно-Руссовъ.» Начальное поселеніе въ этой сторонѣ Новгородцевъ надо относить къ 1315 году. Посадникъ Своеземцевъ купилъ за 20,000 бѣлокъ земли Шенкурскаго погоста и началъ заводить земледѣліе; потомъ основали здѣсь селенія и другіе бояре; Чудь обрусѣла. Глава IV— « Христіанское благочестіе и духовное чиноначаліе.» Христіанство по Двинѣ и Вагѣ появляется съ XI-го столѣтія; церковное управленіе зависѣло отъ Новгородскихъ владыкъ, которые посвящали сюда іереевъ, посылали волостелей и десятильниковъ и налагали дани; послѣ учрежденъ въ Шенкурскѣ Важскій Софійскій дворъ. Холмогорская епархія основана въ 1682 году. Глава V—« Важскій Софійскій дворъ и церковныя установленія, поповскіе старосты и десятники, митрополичьи дани, предметъ вѣдомства Важскаго Софійскаго двора, переименованіе его Важскимъ духовнымъ заказомъ и потомъ Важскимъ духовнымъ правленіемъ, и т. д; статистическія показанія о числѣ приходовъ, соборовъ и часовень; свѣдѣнія объ Архангельскомъ епископѣ Неофитѣ и о наиболѣе замѣчательныхъ распоряженіяхъ по церковной части. Глава VI— « Важскіе монастыри и пустыни: ихъ имена, мѣстоположеніе, исторія, вклады, приписныя деревни, несудимыя грамоты, храмы, иконы, кресты, списки игуменовъ, игуменей, строителей и священниковъ, свѣдѣнія о числѣ братіи, земель и дворовъ; монастыри и пустыни, упоминаемые въ старинныхъ актахъ. Глава VII— « Шенкурскій Благовѣщенскій и прочіе соборы по Вагѣ», ихъ исторія, описаніе внѣшняго и внутренняго

вида, утварь, вклады, доходы. Глава VIII— «Важскія приходскія церкви и часовни». Глава IX— «Архитектура и благолѣпіе храмовъ». Храмы по древнему Русскому образцу строились деревянные, небольшіе и отличались простотою; зимніе были съ притворами, черными печами и деревянными дымоволоками; сосуды и кресты дѣлались деревянные, а звѣзда надъ священными сосудами желѣзная, ризы крашенинныя и холщевыя. Но съ теченіемъ времени начались усовершенствованія. Съ 1500 по 1700 годъ храмы строились уже высокіе, пирамидальные; расположеніе было крестообразное, квадратное, шпиль готическій. За тѣмъ описано устройство храмовъ: одношатровыхъ, двушатровыхъ, десятиглавыхъ, объ одномъ и двухъ верхахъ, клинчатыхъ, и наконецъ разныхъ фасадовъ и плановъ по образцамъ древнихъ Новгородскихъ церквей; указаны примѣчательнѣйшіе изъ бывшихъ по Вагѣ храмовъ и представлено описаніе различной церковной утвари (сосуды, кресты, книги, покровы, ризы, паникадилы, купѣли, вѣнцы, и проч).

7. *Отвѣтъ Ѳаддею Венедиктовичу Булгарину на письмо его* (писанное) *въ защиту г. Дова* и напечатанное въ Сѣверной Пчелѣ, соч. *П. С.* (*Свиньина*) (ч. XXXVII, N 105, стр. 152). Авторъ утверждаетъ, что Довъ, работая быстро и заботясь болѣе о личномъ интересѣ, нежели объ искуствѣ, не отличается въ своихъ произведеніяхъ вѣрностью рисунка.

8 *Нѣкоторыя свѣдѣнія о Ломоносовѣ (имъ самимъ писанныя)* (ч. XXXVII, N 105, стр. 166). Около 1737 фельдмаршалу графу Миниху было поручено исправить соляное дѣло Украинскихъ городовъ Бахмута и Тора. Онъ послалъ въ Германію Академическаго профессора Юнкера осмотрѣть соляные заводы. Въ Фрейбергѣ въ то время были Русскіе студенты и между ними Ломоносовъ. Профессоръ поручалъ ему переводить съ Нѣмецкаго разныя бумаги о соляномъ дѣлѣ, чтó было возлагаемо на него и по возвращеніи въ Россію. Ломоносовъ еще прежде бывалъ на соловарняхъ у Бѣлаго моря. Въ 1744 году ему поручена была проба солей Русскихъ и Испанской. Записка эта въ полн. собраніе сочиненій Ломоносова, изданное Смирдинымъ, не вошла.

9. *Несчастная погибель промышленниковъ на Новой Землѣ отъ цынготной болѣзни*, статья *Никитина* (ч. XXXVII, N 105, стр. 162). Въ 1801 г. Бѣломорская Компанія отправила въ Новую Землю судно съ 15 промышленниками, которыя тамъ погибли.

10. *Некрологія* (XXXVII, N 106, стр. 316) управлявшаго экспедиціею для ревизіи счетовъ въ Государственномъ Контролѣ д. ст. сов. Могилевскаго (А. И); свѣдѣнія о его воспитаніи, характерѣ и службѣ. Статья *Е. П. Ковалевскаго*.

11. *Взглядъ на періодическія изданія и альманахи* (ч. XXXVII, N 106, стр. 322. N 107, стр. 489), статья *П. С.* (*Свиньина*). Здѣсь сказано объ изданіяхъ, прекратившихся и вновь явившихся въ 1829 году, о перемѣнахъ въ разныхъ журналахъ, гдѣ и сколько выходитъ въ Россіи повременныхъ изданій (Русскихъ и иностранныхъ); приведены отзывы о Московскомъ Телеграфѣ, Славянинѣ, Галатеѣ, и др. и сдѣлано краткое замѣчаніе о вышедшихъ и приготовленныхъ альманахахъ.

12. *Письмо изъ Варны, отъ 30 октября 1828 года*, соч. *Должникова* (ч. XXXVII, N 106, стр. 292). Содержаніе: переправа черезъ Дунай 10-й пѣхотной дивизіи, преслѣдованіе непріятеля и походъ къ крѣпости Кистенджи, дѣло при Базарджикѣ и взятіе его, Варна (описаніе ея мѣстоположенія и внѣшняго вида).

13. *Изъ Москвы. О сооруженіи памятника въ Тарутинѣ* (ч. XXXVII, N 106, стр. 311) и о данныхъ для сего средствахъ графомъ С. П. Румянцовымъ.

14. *Изъ Кіева отъ І... О..* (ч XXXVII, N 106, стр. 313) о церемоніальномъ шествіи тѣла покойнаго тайн. совѣтн. Н. Н. Демидова, которое изъ Италіи было перевезено въ Нижнетагильской заводъ Пермской губерніи.

15. *Выписка изъ письма А. К. Бошняка, отъ 10 февраля 1829 года. Елизаветградъ* (ч. XXXVII, N 107, стр. 473.) —о посылкѣ живописцевъ (изъ крѣпостнаго состоянія) въ Персію для снятія рисунковъ по естественной исторіи.

16. *Выписка изъ письма Пономарева, отъ 2 декабря 1828 года, изъ Екатеринбурга* (ч. XXXVII, N 106, стр. 474), о найденномъ въ Мурзинскомъ пріискѣ аквамаринѣ или бериллѣ, вѣсомъ болѣе шести фунтовъ.

17. *Экзаменъ въ Екатерининскомъ институтѣ 1829 года февраля 14 и 15* (ч. XXXVII, N 107, стр. 476), статья *В. Бурнашева*. Содержаніе: успѣхи воспитанія, прощальная пѣснь, сочиненная Жуковскимъ, списокъ выпускнымъ воспитанницамъ, посѣщеніе института Государынею, панихида на могилѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

18. *Наблюденія Русскаго въ Америкѣ. Взглядъ на свободныя художества въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ*, изъ живописнаго путешествія по Сѣверной Америкѣ *П. Свиньина*, въ 1811—13 годахъ (ч. XXXVIII, N 109, стр. 145. N 110, стр 289. ч. XXXIX, N 112, стр. 181).

19. *Статистическое обозрѣніе города Донкова* (*Рязанской губерніи*), *1826 года*, статья *Хламова* (ч. XXXVIII, N 109, стр. 165.) Содержаніе: положеніе города, число жителей, промыслы, Покровскій монастырь, признаки бывшей земляной крѣпости, Куликово поле, рѣка, однодворцы. Изложеніе поверхностное.

20. *Краткая опись предметовъ, составляющихъ Русскій Музеумъ Павла Свиньина, 1829 года* (ч. XXXVIII, N 110, стр 313. ч. XXXIX, N 111, стр. 3), сдѣланная самимъ владѣтелемъ Музеума. Въ началѣ Свиньинъ предпослалъ «Общій взглядъ»; здѣсь говорится; что всѣ любопытные предметы древностей и издѣлій отечественныхъ собраны имъ во время путешествій по Россіи; за тѣмъ слѣдуетъ опись: a) *картины* Русскихъ художниковъ (числомъ 82); b) *изваянія*, бронза, фарфоръ, мозаика, модели, механическіе часы, токарныя вещи (59); c) *миніатюрные портреты царственныхъ особъ* (30); d) *старинное серебро*—кубки, стопы, ковши, братины, люстра, чарки, и проч. (63); съ нѣкоторыми изъ этихъ вещей соединяются имена Грознаго, Годунова, Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Петра Великаго, Царевны Софьи, Іоанна Алексѣевича, Императора Іоанна Антоновича, Натальи Кириловны, бояръ Матвѣева, Милославскаго, и др; e) *собраніе медалей* въ память разныхъ событій и въ честь разныхъ учрежденій и лицъ, жетоны, знаки отличія за походы, и побѣды, знакъ о взятіи пошлины съ бороды; медали, найденныя въ развалинахъ Ольвіи, Херсонеса, Пантикапеи и въ другихъ мѣстахъ, татарскія, персидскія, эстляндскія, древнія серебряныя гривны, рубли, царскія копѣйки, кожаныя деньги; f) *собраніе минераловъ, расположенныхъ по системѣ Вернера* (415); g) *библіотека* изъ рукописей, Русскихъ книгъ и иностранныхъ, до Россіи относящихся, изданій; h) *воспоминанія* изъ вещей и издѣлій, почему-либо заслуживающихъ вниманія (гребень Царевны Софьи, памятники изъ развалинъ Ольвіи, Херсонеса, Сарая и другихъ мѣстъ, кресты, шлемы, бердыши, броня, перстни, идолъ Чукчей, инструменты, и проч). Въ Отечеств. Запискахъ 1830 г. (ч. XLI, N 117, стр. 171) помѣщено было *Объявленіе* о перемѣнѣ въ каталогѣ рукописей.

21. *Письмо изъ Москвы о прекрасномъ праздникѣ Александра Яковлевича Булгакова*, соч. *Князя П. Вяземскаго* (ч. XXXVIII, N 108, стр. 115): описаніе бала и маскарада.

22. *Отъ Преосвященнѣйшаго* (епископа Орловскаго) *Гавріила* (ч. XXXVIII, N 108, стр. 131). Авторъ спрашиваетъ: гдѣ крестъ и шаръ, бывшіе на куполѣ С. Петербургскаго Исакіевскаго собора и гдѣ кресты съ его колоколами? Въ отвѣтъ на это приводитъ предписаніе Коммисіи, учрежденной для перестройки означеннаго собора, отъ ноября 1821 года, объ отдачѣ этихъ крестовъ и шара полковнику Стремоухову для устрояемой отцемъ его сельской церкви.

23. *Въ Москву А. А. Іовскому. О Баронѣ Гумбольдтѣ*, статья *П. С.* (*Свиньина*). Авторъ упоминаетъ о своемъ знакомствѣ съ Гум-

больатомъ и говоритъ о путешествіи его къ Уральскому хребту (ч. XXXVIII, N. 109, стр. 280).

24. *О концертѣ въ пользу бѣдныхъ. Изъ Вологды, отъ 13 марта 1829 года*, статья *В. Бобарыкина* (ч. XXXVIII, N 110, стр. 401).

25. *Отъ г-на Журавлева, изъ Архангельска, 1-го февраля 1829 года*, о смѣломъ поступкѣ крестьянина для спасенія своей матери (ч. XXXVIII, N 110, стр 404).

26. *И мое мнѣніе о Выжигинѣ* (ч. XXXVIII, N 108, стр. 137), статья *П. С. (Свиньина)*. Авторъ говоритъ о блистательномъ успѣхѣ романа (въ нѣсколько дней раскуплено 2000 экземпляровъ) и дѣлаетъ незначительныя замѣчанія о его достоинствахъ и недостаткахъ.

27. *Рѣчь Симбирскаго Гражданскаго Губернатора предъ открытіемъ дворянскихъ выборовъ на текущее трехъ-лѣтіе* (ч. XXXVIII, N 108, стр. 141) *А. Я. Жмакина*.

28. *Объявленіе о новой гидрографической картѣ Россійской Имперіи* (ч. XXXVIII, N 109, стр. 284) и сравнительная таблица о числѣ барокъ, судовъ и плотовъ, отправленныхъ по разнымъ путямъ въ теченіи 1824—28 годовъ.

29. *О книгѣ: «Спасаемая Греція»*, объявленіе *П Свиньина* (ч. XXXVII, N 109, стр. 288).

30. *Списокъ съ подлинной грамоты Царя Алексѣя Михайловича къ Шведскому королю Карлу*—1666 или 7-го года, о посылкѣ на съѣздъ для размежеванія границъ гусарскаго строю подполковника Караулова и дьяка Грабова (ч. XXXVIII, N 110, стр. 406).

31. *Изъясненіе нѣкоторыхъ Корельскихъ словъ, доказывающихъ существованіе тамъ (?) Чуди*, статья *Протопопова* (ч. XXXVIII, N 110, стр. 410). Древніе жители Архангельской губерніи Самоѣды, Лопари и Зыряне, были извѣстны подъ общимъ названіемъ Заволочской Чуди. По существующимъ до сихъ поръ географическимъ названіямъ по Двинѣ и Бѣлому морю можно заключать, что Чудь имѣла здѣсь постоянныя мѣста жительства. Въ началѣ XI вѣка она платила дань Новгороду. Затѣмъ приложенъ словарь географическихъ названій Архангельской и Олонецкой губерніи.

32. *С. Петербургскія современныя лѣтописи*—въ части XXXVIII: а) *Изъ Варшавы, отъ 25 мая 1829 г., о коронаціи Его Императорскаго Величества*, статья *Н. Б.* (N 110, стр. 418) описаніе церемоніи и бывшихъ празднествъ. b) *Выставка Россійскихъ издѣлій* (N 110, стр. 435. ч XXXIX, N 111, стр. 761. N 112, стр. 283): обозрѣніе произведеній казенныхъ, частныхъ русскихъ и иностранныхъ заводовъ и фабрикъ, и имена награжденныхъ медалями, преміями, и т. п. Эта и послѣдующія статьи принадлежатъ *П. Свиньину*.

Въ части XXXIX: c) *Нѣсколько словъ о новой стихотворной повѣсти: Терпи козакъ—атаманъ будешь!* (N 112, стр. 326) d) *Хозревъ Мирза, сынъ Аббаса-Мирзы, наслѣдника Персидскаго престола при Россійскомъ Дворѣ* (N 113, стр. 469. ч XL, N 114, стр. 117). Здѣсь говорится о несчастной смерти А. С. Грибоѣдова и о послѣдующемъ за тѣмъ путешествіи Хозревъ-Мирзы къ Русскому Двору съ извиненіемъ, (почетныя встрѣчи, увеселенія, обворъ достопримѣчательностей, представленіе Императору и обратный путь).

Въ части XL: е) *Молебствіе по случаю мира съ Портою Оттоманскою,* заключеннаго въ Адріанополѣ (N 114, стр. 138).

33. *Пребываніе въ Россіи Корнелія Бруина (въ 1702 году),* переводъ съ французскаго *В. Бурнашева* (ч. XXXIX, N 113, стр. 345. ч. XL, N 114, стр. 46. N 116, стр. 395. 1830 года: ч. XLIV, N 126, стр. 1. Прибавленія). Бруинъ свидѣтельствуетъ, что Петръ Великій самъ приказывалъ ему писать правду, не боясь обидѣть нашу народность Онъ поправляетъ нѣкоторыя ошибочныя мнѣнія иностранцевъ о Россіи (напримѣръ: о величинѣ Москвы, о мнимомъ почитаніи Русскими колоколовъ.) Содержаніе записокъ его слѣдующее: обычай Русскихъ государей *славить* на святкахъ; посѣщеніе Петромъ Великимъ разныхъ иноземцевъ: разговоры автора съ этимъ государемъ; обрядъ водоосвященія; о побѣдѣ надъ Шведами и празднество по этому случаю; запрещеніе поединковъ; описаніе казней (зарытіе въ землю и сожженіе): свадьба боярина Сицкаго съ княжною Шаховскою въ домѣ Лефорта (описаніе дома и его украшеній, поѣздъ царя, свадебный столъ, одежда царя, князя Меншикова и боярынь, ряженье въ нѣмецкія платья); разговоръ автора съ царемъ во дворцѣ кн. Меншикова; онъ представляется вдовствующей царицѣ, супругѣ Іоанна Алексѣевича, и его дочерямъ; свадьбы нѣкоторыхъ особъ изъ царской свиты; отъѣздъ изъ Москвы уполномоченнаго Датскаго короля Паувель-Гейнса; авторъ обѣдаетъ съ царемъ въ селѣ Преображенскомъ; Меншиковъ даритъ иностранныхъ купцовъ золотыми медалями съ изображеніемъ Государя; Алексѣевка, подмосковная деревня князя Меншикова (увеселенія здѣсь): катанья царя по Москвѣ и къ Коломенскому; подчиванье иноземныхъ купцовъ; чистка улицъ и пожаръ въ Нѣмецкой слободѣ; празднованіе Пасхи; дача генералъ-фельдмаршала Шереметева, онъ принимаетъ Государя и его свиту, Брантсъ угощаетъ царя; наводненіе бывшее въ Архангельскѣ, убогіе дома. Въ Отечеств. Запискахъ 1830 года напечатаны изъ сочиненія Бруина VII, IX и X-ая главы, въ которыхъ находимъ свѣдѣнія о естественныхъ произведеніяхъ Россіи (ягоды, огородныя овощи, цвѣты, деревья, садъ князя Черкасскаго), о разныхъ

обычаяхъ (качели, охота, пріемъ гостей, дураки, способы письма и шитья), о заключенникахъ въ Преображенскомъ селѣ; описаніе Воробьевскаго дворца и Москвы (ея мѣстоположеніе, Кремль, башни, ворота, Бѣлый-городъ, Китай-городъ, храмъ Василія Блаженнаго, лавки, балаганъ для театральныхъ представленій, Скородомъ, Нѣмецкая слобода, церкви, монастыри, присудственныя мѣста, ихъ устройство и вѣдомство; далѣе авторъ исчисляетъ главнѣйшіе города Русскіе, имена патріарховъ, имена бояръ въ 1689 году, говоритъ о казняхъ, пыткахъ и тѣлесныхъ наказаніяхъ, о войскахъ, доходахъ казны отъ мѣховъ, питейныхъ домовъ и таможенъ, объ учрежденіи ордена Св. Андрея Первозваннаго, о преобразованіяхъ Петра (бритье бороды, одежда, постановленія о нищихъ и бродягахъ, богадѣльни, устроенныя по монастырямъ, мѣры для устроенія флота), о царевичѣ Алексѣѣ, о приходѣ въ Архангельскій портъ иностранныхъ кораблей и торжественномъ въѣздѣ царя въ Москву по взятіи Нотенбурга. Интересное сочиненіе Бруина переведено здѣсь не вполнѣ; даже изъ тѣхъ главъ, которыя напечатаны въ переводѣ, замѣчаются нѣкоторыя выпуски (*).

34. *Первый день моего пребыванія въ Архангельскѣ, изъ живописнаго путешествія по Россіи издателя Отеч. Зап.* (*Свиньина*) *въ 1828 г.*, съ видомъ города (ч XXXIX, N 111, стр. 104). Содержаніе статьи: Новодвинская крѣпость, часовня чудотворной иконы Божіей Матери Филипьевской, соборная церковь (ея достопримѣчательности, вклады Петра В , Софіи, исторія храма ; жилище Петра Великаго, анекдотъ объ этомъ государѣ; старый монетный дворъ, составляющій часть гостиннаго двора, построеннаго при Алексѣѣ Михайловичѣ, Орловская башня; Мосѣевъ островъ.

35. *Воспоминанія о Тайномъ Совѣтникѣ Николаѣ Никитичѣ Демидовѣ*, соч. *П. Свиньина*. (ч. XXXIX, N 111, стр. 129.) Демидовъ былъ пламенный патріотъ, готовый содѣйствовать во всякомъ предпріятіи на пользу и просвѣщеніе отечества; обладалъ качествами государственнаго человѣка; бережливый и вмѣстѣ щедрый, дальновидный и предпріимчивый, онъ искусно управлялъ обширными дѣлами своими въ Сибири, Америкѣ и разныхъ странахъ Европы. Получивъ отъ отца 11,550 душъ крестьянъ при заводахъ и вотчинахъ, онъ дѣтямъ оставилъ вдвое больше. Демидовъ особенное вниманіе обращалъ на горные заводы, устроилъ при нихъ разныя машины, заботился объ улучшеніи судьбы ма-

(*) На стр. 10: «Suschowo (не Сухарева ли башня?)»—нѣтъ, это должно быть Сущово; церковь Николая *на Хипахъ* (Khipach)— вѣроятно *на Щепахъ*.

стеровыхъ и объ ихъ воспитаніи; онъ любилъ приносить огромныя пожертвованія на богоугодныя и учебныя заведенія; въ отечественную войну сформировалъ полкъ; старался объ обработкѣ полей въ Херсонской губерніи, участвовалъ въ различныхъ обществахъ. Авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о его службѣ, супружествѣ и путешествіяхъ. Въ 1828 году Демидовъ умеръ во Флоренціи; тѣло его было перевезено на Нижнетагильскіе заводы.

36. *Нѣчто о новомъ каналѣ герцога Александра Виртембергскаго, изъ путевыхъ записокъ Издат. Отеч. Зап.* (*П. Свиньина*) (ч. XXXIX N 112, стр. 169). Еще Государственный Канцлеръ Графъ Румянцевъ предлагалъ устроить каналъ, но дѣло замедлилось. Въ 1826 г. Главнокомандующій путями сообщеній Герцогъ Виртембергскій, осмотрѣвъ урочища, предназначилъ составить проэктъ объ этой искуственной водяной системѣ. Въ продолженіи трехъ лѣтъ работы были окончены: устроены шлюзы, плотины, водоспуски, подъемные мосты. Здѣсь сообщено: во что обошелся каналъ казнѣ, его протяженіе, польза отъ него ожидаемая и нѣкоторыя статистическія данныя.

37. *Цвѣтокъ на гробъ Петра Великаго*, соч. *В. Бурнашева* (ч. XXXIX, N 112, стр. 194): это похвальное, реторически украшенное слово.

38. *Предположеніе объ описи Ледовитаго моря на нартахъ* (ч. XXXIX, N 113, стр. 333). Удобнѣйшее время для описи: мартъ, апрѣль и начало мая; для этого нужны только три путевыя нарты и пять человѣкъ (какъ должны быть устроены нарты, какъ кормить и беречь собакъ, инструменты, нужные для описи береговъ, смѣта для трехъ нартъ и пяти человѣкъ, отправляющихся въ море на 60 дней, припасы). Къ статьѣ присоединены примѣчанія *Влад. Романова*.

39. *Наблюденія Русскаго офицера въ Варнѣ*, собранныя на мѣстѣ *Павломъ Должниковымъ* (ч. XXXIX, N 113, стр. 431). Подъ этимъ заглавіемъ сообщены свѣдѣнія: a) «О числѣ церквей и монастырей въ крѣпости Варнѣ и обширности ея митрополіи». b) «Степень образованія и религіозности греческаго духовенства и изъ какого класса людей оно избирается» (Образованность не велика, въ церквахъ нѣтъ надлежащей чинности, какъ у насъ, брачный обрядъ имѣетъ особенности). c) «Отношеніе духовенства къ Туркамъ». d) «Имѣетъ ли турецкое правительство вліяніе на назначеніе въ митрополиты и другія духовныя мѣста?» Назначеніе таковое принадлежитъ Константинопольскому патріарху, но онъ злоупотребляетъ своей властію. Достоинство митрополитовъ, епископовъ и самаго патріарха покупаются. e) «Степень свободы въ отправленіи богослуженія и

другихъ обрядовъ?» Церкви строются въ скрытыхъ мѣстахъ; чтобы починить или выстроить новую церковь надо просить о дозволеніи и употребить на то много трудовъ и денегъ, церковные ходы и колокольный звонъ запрещены. Затѣмъ описывается обрядъ бросанія въ морскія волны креста и выносъ плащеницы.

40. *Выписка изъ письма И. М. Снегирева о сооруженіи памятника преподобному Нестору* (ч XXXIX, N 113. стр. 422.) Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ въ Кіевѣ (описаніе памятника, надписи), и извѣстіе объ иконѣ Преподобн. Нестора, поставленной въ залѣ Общества.

41. *Новыя тріумфальныя ворота въ Москвѣ*, съ видомъ ихъ (ч. XL, N 114, стр. 3), статья *М. Я. Толстаго.* Здѣсь сообщены свѣдѣнія о закладкѣ этихъ воротъ, въ воспоминаніе торжества Русскихъ въ 1814 году, о чугунныхъ украшеніяхъ, размѣрѣ и подписяхъ памятника, и напечатано слово, произнесенное митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ при закладкѣ.

42. *Мысли г. Вестмана, воспитанника благороднаго пансіона при С. Петербургскомъ пансіонѣ, о нынѣшнемъ состояніи земледѣлія въ Россіи и въ главнѣйшихъ Европейскихъ государствахъ;* читано на публичномъ актѣ (ч. XL, N 114, стр 22. N 115, стр. 119.) Статья поверхностно касается земледѣльческой промышленности въ Австріи Голландіи, Пруссіи, Англіи, Франціи, Испаніи и наконецъ въ Россіи; въ этой послѣдней земледѣліе, по мнѣнію автора, улучшается (хлѣбъ, конопля, ленъ, табакъ и хмѣль.) и значительная часть его произведеній отпускается за границу; но урожай хлѣба у насъ не великъ; причиною тому: трехпольное хозяйство и недостатокъ свѣдѣній. Въ заключеніе сказано нѣсколько словъ объ учрежденіи С.-Петербургской земледѣльческой компаніи для водворенія въ Россіи плодоперемѣннаго сельскаго хозяйства.

43. *Описаніе церковной встрѣчи въ Кіевѣ. Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Павловича* (ч. XL, N 114, стр. 87). Статья Кіевскаго митрополита *Евгенія.* Въ іюнѣ 1829 г. государь посѣтилъ Кіевопечерскую Лавру, Софійскій соборъ и Михайловскій монастырь, осматривалъ гробъ В. К. Ярослава, мозаику и пещеры.

44. *Письма Дениса Ивановича Фонъ-Визина къ роднымъ изъ чужихъ краевъ* (ч. XL, N 115, стр. 169). Напечатано пять писемъ Фонъ-Визина (четыре къ сестрѣ Ф. И. Аргамаковой): 1-е 1784 г., помѣщенное и въ собраніи сочиненій его (см. изданіе Смирдина 1846 г., стр. 389—390), за исключеніемъ начальныхъ строкъ. Остальныхъ писемъ въ изданіи Смирдина вовсе нѣтъ. 2-е— 1785 г.;

начало этого письма напечатано въ сочиненіи Вяземскаго (Фонъ-Визинъ. Спб. 1848, стр. 147). 3-е письмо помѣщено у Вяземскаго на стр. 241—3; а 4-ое на стр. 149—151, но это послѣднее у него полнѣе; 5-е письмо 1787 г. изъ Карлсбада о пользованіи тамошними водами и стеченіи сюда пріѣзжихъ.

45. *Двѣ грамоты Царя и Великаго князя Θеодора Іоанновича Кольскимъ жителямъ* (ч. XL, N 115, стр. 181) 1590 года. Это льготныя жалованныя грамоты, дарованныя за мужественную оборону Кольскихъ жителей, которые отразили Шведовъ и отстояли острогъ. Царь освободилъ ихъ на три года отъ всякихъ податей и оброковъ, дозволилъ вызвать на посадъ крестьянъ, строить собственныя промысловыя суда и вести свободную торговлю, а по истеченіи этихъ трехъ лѣтъ взимать съ нихъ пошлины только по 3 деньги съ рубля.

46. *Замѣчанія на статью, въ XIII, XIV, XV и XVI книжкахъ Вѣстника Европы на сей 1829 годъ напечатанную подъ заглавіемъ: «(мой) взглядъ на Русскую Правду»* (Каченовскаго), сочиненіе *Ст. Руссова* (ч. XL, N 116, стр. 337.) Каченовскій представивъ восемь доказательствъ, отвергающихъ древность Русской Правды, утверждалъ, что она есть произведеніе не Ярослава, а другихъ людей и другаго вѣка. Руссовъ возражаетъ въ защиту памятника: a) По мнѣнію Каченовскаго Правда не дошла въ подлинникѣ; списки ея не имѣютъ ни княжескихъ печатей, ни другихъ оффиціальныхъ признаковъ; она писана на сѣверномъ славянорусскомъ нарѣчіи—невѣроятные успѣхи въ письменности! Откуда Ярославъ могъ взять примѣръ для сочиненія своихъ законовъ?—Славяне съ самаго начала своего христіанскаго просвѣщенія молились на родномъ языкѣ, и потому имѣли естественное побужденіе обработать свой языкъ; еще въ половинѣ XI вѣка въ Кіевѣ трудились надъ переводами съ греческихъ книгъ. Константинопольскіе пастыри могли убѣждать Ярослава I написать законы, и онъ внялъ совѣтамъ духовенства и изложилъ письменно законы, которые, вѣроятно, уже существовали изустно задолго прежде. Отъ того для Ярослава и не нуженъ былъ примѣръ сѣверныхъ писателей исландскихъ и скандинавскихъ. b) Какъ явились въ Правдѣ слова: голова (съ латинскаго caput), головникъ, вира, мытникъ, смердъ, тіунъ, когда это слова иноземныя?—По всему южному берегу Балтійскаго моря обитало славянское племя Венеды, извѣстные въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Варяговъ; безотлучные спутники Готовъ, они могли заимствовать означенныя слова во время походовъ ихъ на Римскія границы и передать потомъ Новгородцамъ. c) Откуда взялись въ Новгородѣ при Ярославѣ I гривны?—Гривны упоми-

ваются въ Несторовой лѣтописи еще при Олегѣ; мнѣніе Каченовскаго, что марка Любская и Ливонская дала бытіе Русской гривнѣ ни на чемъ не основано. d) Правда различаетъ гостей и купцовъ, торговлю внутреннюю и внѣшнюю, говоритъ о ростѣ и долгахъ купеческихъ; но куда могли ѣздить Новгородскіе купцы для торговли, съ кѣмъ и какими товарами могли торговать?—Они могли торговать въ Константинополѣ и Болгарахъ—мѣхами, невольниками и сырыми произведеніями, обмѣнивая ихъ на сукна, ткани, металлическія издѣлія, золото, серебро, и проч. Города въ Пруссіи, Помераніи и землѣ Вендовъ также могли быть въ торговыхъ сношеніяхъ съ Русью. e) *Сыръ*, даваемый по Русской Правдѣ на продовольствіе вирника въ середу и пятницу, означаетъ *сырое*, т. е. невареное, постное. f) Правда упоминаетъ чернечьихъ холопей, а при Ярославѣ I не было монастырей.—При Ярославѣ были на Руси монахи и монастырскіе холопи. g) По словамъ Каченовскаго Правда принадлежитъ не Ярославу I, а должна быть относима къ другому какому нибудь князю этого имени, жившему позднѣе: такое сомнѣніе уничтожается самымъ текстомъ Правды, которая уже при Владимірѣ Мономахѣ была пополнена.

47. *Судоходство пяти губерній: Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской* (ч. XL, N 116, стр. 380). Въ этой статьѣ, приписанной въ указателѣ *П. Свиньину*, говорится о судоходствѣ по Окѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ (Зуша, Москва, Проня, Нара), по Цнѣ, Мокшѣ, Дону, Воронежу и Деснѣ (ихъ теченіе, пристани, сколько проходитъ судовъ и съ какими грузами, судостроительныя верфи).

48. *Археологическое и статистическое обозрѣніе города Скопина 1826 года (Рязанской губерніи)*, статья *Хламова* (ч. XL, N 116, стр. 411): мѣстоположеніе, число жителей, почва земли; монастырь, его достопамятности, замѣтка о деревянномъ посохѣ, принадлежавшемъ старцу Пересвѣту, сподвижнику Донскаго, и преданіе о самомъ Пересвѣтѣ; нѣсколько словъ о князьяхъ Скопиныхъ.

49. *Анекдотъ о фельдмаршалѣ Графѣ Румянцевѣ-Задунайскомъ*, свидѣтельствующій объ удивительной его памяти, ст. *П. Свиньина* (ч. XL, N 114, стр. 167).

50. *Русская умористика.* Подъ этимъ заглавіемъ печатались разныя легкія беллетристическія статьи (*В. Бурнашева*), направленныя противъ страсти къ визитнымъ карточкамъ, противъ дороговизны и безполезности маскерадовъ, противъ пристрастія къ французскому языку, и проч. (ч. XL, N 115, стр. 313. N 116, стр. 497. 1830 года ч. XLI, N 117, стр. 155. N 118, стр 319. N 119, стр. 472; ч. XLII, N 121, стр. 242. N 122, стр. 370). Сюда же можно

причислить и нѣсколько сатирическихъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ Отеч. Запискахъ (ч. XLI, N 117, стр. 119. N 118, стр. 265. N 119, стр. 443; ч. XLII, N 121, стр. 214. N 122, стр. 365).

51. *Взглядъ на Виды торговли, издаваемые при Департаментѣ Внѣшней торговли* (ч. XL, N 115, стр. 321), стат. *П. Свиньина.* Это собственно объявленіе о «Видахъ торговли», съ приложеніемъ таблицы Русской торговли за 1828 г., въ сравненіи съ 1802 годомъ (привозъ и вывозъ) и съ краткимъ указаніемъ на перемѣны по разнымъ отраслямъ отечественной промышленности и торговли въ 1824-8 годахъ.

52. *Города, составлявшіе Ганзейскій союзъ*, составилъ *С. Руссовъ* (ч. XL, N 116, стр. 483), простой перечень именъ, съ указаніемъ на трактаты союза съ Новгородомъ, Псковомъ, Смоленскомъ и Полоцкомъ.

53. *Раздѣленіе меньшей Киргизкайсацкой Орды на роды, отдѣленія и подъотдѣленія*, съ указаніемъ мѣстъ кочевья, замѣтка *Ѳ. Ѳ. Берга* (ч. XL, N 116, стр. 489).

54. *Объявленіе о* (публичномъ) *курсѣ профессора* (С. Петербургскаго Университета) *Соколова*, стат. *П. Свиньина* (ч. XL, N 116, стр. 495).

55. *Изъявленіе благодарности отъ Издателя Отечеств. Записокъ* (*П. Свиньина*) за вниманіе къ его изданію, цѣль котораго распространить любовь ко всему Русскому (ч. XL, N 116, стр. 499).

1830 годъ.

1. *Взглядъ на Одессу, изъ живописнаго путешествія по Россіи Издателя Отеч. Зап. 1825 года (П. Свиньина)*, съ видомъ дворца графа Воронцова (ч. XLI, N 117, стр. 1). Содержаніе: Одесскій рейдъ, исторія города, дюкъ де Ришелье, его вліяніе на торговлю Одессы, и умноженіе откупныхъ и таможенныхъ сборовъ; театръ, гостинницы, училища, Ришельевскій лицей, церкви, монастырь, маякъ, гавани военная и купеческая, карантинъ, брантвахта для осмотра судовъ, госпиталь, бульваръ, дворецъ графа М. С. Воронцова, памятникъ дюку Ришелье, публичный садъ, дачи, купальни, зала для праздниковъ и баловъ; торговля пшеницею (цѣны, изъ какихъ мѣстъ доставляется пшеница, сколько проходило въ 1817 г. кораблей за этимъ товаромъ); археологическія собранія Бларамберга и Стемпковскаго (античные мраморы, барельефы, статуи, вазы, монеты, и т. под.).

2. *Договорная окончательная грамота, при державѣ Государя Царя и В. Князя Михаила Феодоровича въ 1634 году, у рѣчки Поляновки, при дорогѣ Вяземской и Дорогобужской, составленная и подписанная полномочными послами Русскими: бояриномъ и Псковскимъ намѣстникомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметьевымъ, да окольничимъ и намѣстникомъ Суздальскимъ Алексѣемъ Михайловичемъ Львовымъ и Польскими: ксендзомъ Якубомъ Жадикомъ бискупомъ Хеялинскимъ и Померанскимъ, канцлеромъ Корннымъ Христопомъ Родивиломъ, Княжатемъ на Биржахъ и Дубинкахъ, воеводою Виленскимъ, полнымъ гетманомъ княжества Литовскаго и старостою Житморскимъ, Быстрицкимъ, и прочими—объ отреченіи Владислава короля Польскаго отъ престола Московскаго и отъ всѣхъ царскихъ титуловъ Россійскаго государства* (ч. XLI, N 117, стр. 47. N 118, стр. 194. N 119, стр. 377), о заключеніи между Польшею и Россіей мира, о правильномъ написаніи титула Царя Михаила Ѳеодоровича, объ уступкѣ Польшѣ нѣкоторыхъ городовъ, о размежеваніи земель между обоими государствами, о посольскихъ сношеніяхъ, взаимной торговлѣ, пошлинахъ, разборѣ споровъ между пограничными жителями, и проч.

3. *Памятныя записки Василья Александровича Нащокина* (ч. XLI, N 117, стр. 76). Здѣсь напечатанъ отрывокъ изъ записокъ Нащокина съ 1716—1723 годъ (смотри «Записки В. А. Нащокина. СПБ. 1842» in 8, стр. 2—19); продолженія не было, хотя и обѣщано. Содержаніе отрывка составляютъ разныя происшествія Петровскаго царствованія: дѣло царевича Алексѣя, погребеніе фельдмаршала Шереметева и генералъ-аншефа Венда, баталіи съ Шведами, взятіе четырехъ фрегатовъ, свадьба князя-папы П. И. Бутурлина, празднованіе по случаю мира съ Швеціей, походъ въ Персію, коронованіе Екатерины и поѣздка царя къ марціальнымъ водамъ.

4. *Практическій механикъ въ Грязовцѣ, Василій Максимовичь Лебедевъ* (Вологодской губерніи—ч. XLI, N 118, стр. 179). Сказавъ о его происхожденіи, авторъ говоритъ, что первымъ опытомъ Лебедева было замѣненіе бадей помпами на Леденскихъ соляныхъ заводахъ, что послѣ онъ обозрѣвалъ разные заводы для повѣрки дѣйствія машинъ, составлялъ проэкты и получилъ за свои изобрѣтенія пять золотыхъ медалей. За тѣмъ приложенъ списокъ изобрѣтенныхъ Лебедевымъ машинъ: земледѣльческихъ, заводскихъ и мануфактурныхъ.

5. *Отрывокъ походнаго дневника Егерьскаго офицера*, соч. *Павла Должикова* (ч. XLI, N 118, стр. 221). Этотъ отрывокъ содержитъ въ себѣ разсказъ о походѣ части нашихъ войскъ, на другой день послѣ взятія Варны, для преслѣдованія Омера-Вріони, отступавъ-

шаго за р. Камчикъ, и о возвратномъ потомъ движеніи къ Варнѣ, а также описаніе этой крѣпости и вступленія въ нее Русскихъ.

6. *Бисаврюкъ или вечеръ наканунѣ Ивана-Купала, Малороссійская повѣсть (изъ народнаго преданія), разсказанная дьячкомъ Покровской церкви* (ч. XLI, N 118, стр. 238. N 119, стр. 421), сочиненіе *Н Гоголя.* Повѣсть эта напечатана въ его сочиненіяхъ (т. 1. стр. 69—98) подъ заглавіемъ: «Вечеръ наканунѣ Ивана-Купала», только въ этомъ послѣднемъ изданіи видна значительно-большая обработка.

7. *Наставленіе Выборному отъ Малороссійской Коллегіи въ Коммиссію о сочиненіи проэкта новаго уложенія Г. Коллежскому Совѣтнику и Члену той Коллегіи Наталину* (ч. XLI, N 119, стр. 347; ч. XLII, N 120, стр. 44). Въ этой чрезвычайно-интересной инструкціи указаны недостатки внутренняго состоянія Малороссіи и представлены проэктированныя статьи о тѣхъ исправленіяхъ, какія необходимы въ этомъ краю по разнымъ отраслямъ управленія, а именно здѣсь разсуждается: 1) «о правительствѣ и судахъ», 2) «о раздѣленіи Малой Россіи на части», 3) «о учрежденіи присяжныхъ адвокатовъ и публичныхъ нотаріусовъ», 4) «о государственныхъ доходахъ», 5) о раздѣленіи городовъ на классы, о магистратѣ, бургомистрѣ и ратсгерахъ, о дѣленіи городскаго поселенія на уряды, 6) о фабрикахъ и мануфактурахъ, 7) «о лѣсахъ», 8) о винокуреніи, 9) о дорогахъ и плотинахъ, 10) «о дворянствѣ», 11) «о монастырскихъ имѣніяхъ», 12) «о воспитаніи и ученіи, такожъ о призрѣніи къ нищимъ.», 13) «о чиновникахъ», 14) «о службѣ военной и казакахъ», 15) «о артиллеріи», 16) «о неписаніи (отнынѣ болѣе) въ казачье званіе», 17) «о Грекахъ», живущихъ въ Нѣжинѣ, 18) «о простомъ народѣ» (повинности, очередники, подсусѣдники), 19) «о розданныхъ имѣніяхъ коронныхъ», и 20) «о недвижимыхъ имѣніяхъ».

8. *Записки генералъ-маіора Броневскаго о Киргизъ-Кайсакахъ Средней Орды* (ч. XLI, N 119, стр. 400; ч. XLII, N 120, стр. 75. N 121, стр. 162. N 122, стр. 357; ч. XLIII, N 123, стр. 70. N 124, стр. 194). Авторъ самъ неоднократно былъ въ кочевьяхъ Средней Орды (въ 1824 г.), наблюдалъ бытъ Киргизовъ и составилъ любопытныя записки, которыя раздѣлены на главы, съ особенными заглавіями: 1) о границахъ Киргизцевъ, 2) ихъ произхожденіе и народныя преданія, касающіяся этого вопроса, 3) переселеніе ихъ на степь, занимаемую Зюнгорцами; 4) о ханахъ Киргизскихъ (порядокъ возведенія и значеніе ихъ), 5) отношенія ихъ къ Россіи и Китаю, и о пришествіи Китайцевъ къ горамъ Баянъ-Алулъ, 6) о солтанахъ, біяхъ и старшинахъ, 7) о хожахъ, исправляющихъ духовныя должности, и муллахъ; 8) о теленгутахъ или невольникахъ; 9) о разныхъ азіятцахъ, пребывающихъ въ Средней Ордѣ: Бухар-

цахъ, Ташкенцахъ, Коканцахъ, Намагайцахъ, и Кашкарцахъ; 10) о торгѣ невольниками; 11) характеръ и степень нравственнаго состоянія Киргизовъ, ихъ одежда и вооруженіе; 12) о работникахъ срочныхъ и поденщикахъ; 13) о Киргизахъ, отдавшихся въ Русское подданство, ихъ благосостояніе, раздѣленіе на станичныхъ и степныхъ и взаимныя ихъ отношенія; 14) примѣрное исчисленіе народа и стадъ, 15) о ремеслахъ и разныхъ издѣліяхъ, о земледѣліи, скотоводствѣ, рыбной ловлѣ и охотѣ; 16) образъ жизни (лѣтомъ и зимой, пути кочевокъ, баранта или набѣгъ для отбитія скота, мѣры правительства противъ этого обычая) и нравы; 17) духовные обряды при рожденіи младенцевъ, свадьбахъ, погребеніи умершихъ, поминки; 18) о состояніи женъ и наложницъ; 19) шаманы, ворожба и лѣченіе болѣзней; 20) музыка, пѣсни, пляска, борьба, скачки, бѣганье въ запуски; 21) о торговлѣ съ азіятцами и съ Русскими; 22) Киргизскіе законы и наказанія за ихъ нарушеніе; 23) курганы и другіе остатки старины, и наконецъ 24) Киргизская сказка о Баянъ-сулѣ.

9. *Новый поэтъ-крестьянинъ Егоръ Алипановъ* (ч. XLI, N 117, стр. 105). Алипановъ любилъ читать духовныя книги и сталъ писать стихи, увлекшись примѣромъ Слѣпушкина; здѣсь напечатаны четыре его стихотворенія, изъ которыхъ одно: «Видѣніе на прибытіе Государя Императора Николая Павловича за Дунай въ армію». Въ той же части Отеч. Записокъ (N 119, стр. 458) и въ ч. XLIII (N 123, стр. 98) помѣщено еще нѣсколько стихотвореній Алипанова; одно изъ нихъ есть «Пѣсня Русскихъ воиновъ по переходѣ Балканскихъ горъ».

10. *Четыре времяни года русскаго поселянина, соч. Ѳ. Слѣпушкина:* извѣстіе о новомъ сочиненіи Слѣпушкина, съ выдержками изъ него (ч. XLI, N 118, стр. 273).

11. *Письма изъ отдаленной Сибири* (ч. XLI, N 117, стр. 130. N 118, стр. 289): четыре письма отъ 1828 года; авторъ принадлежалъ къ коммиссіи, которой поручено было изслѣдованіе быта здѣшнихъ инородцевъ. Онъ говоритъ о путешествіи по Ленѣ, Якутскѣ, тамошнемъ климатѣ, Якутахъ и Тунгусахъ.

12. *Отъ г. Журавлева изъ Архангельска о излѣченіи умалишенной г. Протопоповымъ*, инспекторомъ Архангельской Врачебной Управы (ч. XLI, N 117, стр. 137).

13. *Отъ В. П. Бурнашева о шалевыхъ издѣліяхъ фабрики Воронежской помѣщицы Наст. Андр. Шишкиной, работающихся по изобрѣтенію сестры ея Вѣры Андр. Елисѣевой* (ч. XLI, N 117, стр. 141). Послѣ разныхъ попытокъ, г-жа Елисѣева открыла тайну тканья Кашемирскихъ шалей и завела производство ихъ въ селѣ Андреевскомъ, опредѣливъ къ тому своихъ крѣпостныхъ женщинъ.

Объ этой фабрикаціи шалей были сообщены извѣстія въ Сѣверной Почтѣ, издававшейся при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, и въ № 9-мъ Журнала мануфактуръ и торговли за 1827 г. Лучшую шаль своего производства Елисѣева въ 1825 году поднесла Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Нынѣшняя владѣтельница фабрики доставила въ Комитетъ выставки нѣсколько своихъ произведеній (описаніе шести шалей, съ указаніемъ на ихъ цѣны) и поднесла Государынѣ голубой плащь.

14. *Нѣсколько общихъ словъ о новомъ историческомъ романѣ: Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 году, соч. М. Загоскина* (ч. XLI, N 117, стр. 166).

15. *Къ родителямъ.* Издатель Отечеств. Записокъ предлагаетъ брать въ гувернантки изъ воспитанницъ Русскихъ институтовъ (ч. XLI, N 117, стр. 170).

16. *Списокъ авторовъ (и переводчиковъ), участвовавшихъ въ десятилѣтнемъ изданіи Отечественныхъ Записокъ*, въ алфавитномъ порядкѣ, съ указаніемъ на ихъ труды, помѣщенные въ журналѣ Свиньина (ч. XLI, N 117, стр. 173. N 118, стр. 339; ч. XLII, N 120, стр. 141. N 121, стр. 259. N 122, стр. 395). Списокъ этотъ указываетъ на многихъ авторовъ, не обозначившихъ своихъ именъ подъ статьями, таковы: А. И. Данилевскій-Михайловскій, Корниловичь, митрополитъ Евгеній, генералъ-маіоръ Хатовъ, Н. А. Полевой, Θ. Н. Глинка, графъ А. А. Аракчѣевъ, генералъ-маіоръ Бурцовъ, Е. П. Ковалевскій и другіе (*). Въ концѣ прибавленъ указатель плановъ и видовъ, помѣщенныхъ въ Отечественныхъ Запискахъ.

17. a) *Ротта или присяга Самоядовъ,* языческій обрядъ (ч. XLI, N 118, стр. 327). b) *Кудеси или колдовство Самоядовъ*, соединенное съ жертвоприношеніемъ (ч. XLI, N 118, стр. 329).

18. *Еще безденежный курсъ на Россійскомъ языкѣ*: объявленіе о курсѣ лѣсоводства Статскаго Совѣтника Стефани, и о составѣ этого курса (ч. XLI, N 118, стр. 336).

(*) Въ указателѣ, напечатанномъ нами во 2 томѣ Архива, статья, означенная на стр. 34 подъ № 24, ошибочно приписана *В. Капнисту*; она принадлежитъ *Свиньину*, а имя Капниста относится къ стихамъ, заключающимъ эту статью. «Мысли о торговлѣ чернаго моря» въ указателѣ (2 т. Архива стр. 53, N 24) несправедливо приписаны *Павлу Яковлеву:* въ «Спискѣ авторовъ» сочиненіе это показано произведеніемъ *В. П. Гурьева.* Статью, отмѣченную буквами *Н. Твъ* (см. въ указателѣ во 2 т. Архива стр. 79, N 29) «Списокъ авторовъ» называетъ произведеніемъ *М. Θ. Орлова.* Подъ статьею «О старинныхъ городищахъ» (см. въ указателѣ т. 2. Архива, N 38, стр. 102) подписано имя *Солунова*, а въ «Спискѣ авторовъ» сочинителемъ ея названъ *Солнцевъ.*

19. *Словцо объ актерахъ-волонтерахъ, ст. Люборуссова.* (ч. XLI, N 118, стр. 336).

20. *Правители города Кіева отъ завоеванія сего княженія Вел. Княземъ Литовскимъ Гедеминомъ съ 1320 до 1828 года* (ч. XLI, N 119, стр. 478): имена Литовскихъ удѣльныхъ князей, воеводъ отъ нихъ и отъ королей Польскихъ, Русскихъ воеводъ и стольниковъ, губернаторовъ, генералъ-губернаторовъ и комендантовъ, съ указаніемъ годовъ ихъ управленія. Перечень эта подписана буквами: *М. Б.* Свѣдѣнія, здѣсь собранныя, почерпнуты «изъ исторіи Стрійковскаго, «исторіи Несѣцкаго, de corona polska, и изъ исторіи Кіевоподоль-«скаго магистратскаго архива; изъ записей бывшей Кіевской гу-«бернской канцеляріи и указовъ тѣхъ временъ, въ магистратскомъ «архивѣ находящихся; наконецъ правители со времени открытія «намѣстничествъ выбраны изъ современныхъ предписаній.»

21. *Дмитрій Самозванецъ, историческій романъ, соч. Ѳ. Булгарина* (ч. XLI, N 119, стр. 492): краткое и благосклонное указаніе на достоинства романа.

22. *Извѣстія по части изящныхъ художествъ:* описаніе двухъ памятниковъ Императору Александру I и князю Потемкину-Таврическому, работы скульптора Мартоса, и извѣстіе о картинѣ Рафаэля (ч. XLI, N 119, стр. 496).

23. *Полтава, изъ живописнаго путешествія по Россіи издателя Отеч. Записокъ* (*Свиньина*), съ видомъ города (ч. XLII, N 120, стр. 1). Содержаніе: дорога отъ Рѣшетиловки до Полтавы, дѣленіе этого города на три части, соборъ, хранящійся въ немъ портретъ князя Долгорукаго-Крымскаго, древняя небольшая церковь, гдѣ Петръ В. принесъ благодареніе за Полтавскую побѣду, памятникъ на мѣстѣ дома, въ коемъ жилъ Петръ I (анекдотъ объ этомъ государѣ), храмъ во имя Исакія Далматскаго, въ которомъ на доскѣ вырѣзана Полтавская баталія, Шведская могила, историческія воспоминанія о Полтавскомъ боѣ, преданія относящіяся къ этой битвѣ, о маневрахъ при Екатеринѣ II и Александрѣ I, совершенныхъ въ память Полтавскаго боя; проэктъ памятника на Шведской могилѣ, составленный архитекторомъ Амвросимовымъ, Преображенскій монастырь, остатки земляной крѣпости, гимназія, больница и богадѣльня, публичный садъ, школа садоводства, дача княгини Репниной, старинный домъ Котляревскаго, замѣтки о характерѣ малороссіянъ (анекдоты), строенія въ городѣ, торговля (ярманки), фабрики и заводы.

24. *Пустынная Рихловская обитель св. Николая, изъ путевыхъ записокъ Ф. Ш. Марчевскаго 1825 года* (ч. XLII, N 120, стр. 99.

N 121, стр. 195). На горномъ берегу Десны одинъ пасичникъ обрѣлъ въ вѣтвяхъ клена явленную икону св. Николая: тутъ была построена часовня (въ 1620 г), а потомъ церковь Гетманъ Богданъ Хмельницкій, получившій при этой иконѣ изцѣленіе, поручилъ родичу своему воздвигнуть на мѣстѣ ея явленія обитель, что и было исполнено (1666 г.). За тѣмъ слѣдуетъ внѣшняя исторія монастыря, описаніе церквей, монастырской пасики, пещеръ и скита, и указаніе на чудеса, бывшія отъ св. иконы.

25. *Память графу Петру Васильевичу Заводовскому* (ч. XLII, N 121, стр. 142): рѣчь, говоренная на Польскомъ языкѣ ректоромъ Виленскаго Университета *Иваномъ Снядецкимъ* въ 1813 г. Здѣсь сообщены біографическія свѣдѣнія о Дѣйств. Тайномъ Совѣтникѣ П. В. Заводовскомъ Онъ служилъ при графѣ Румянцовѣ Задунайскомъ въ Малороссіи, былъ потомъ докладчикомъ при Екатеринѣ II и участвовалъ въ важнѣйшихъ постановленіяхъ правительства Павелъ I наградилъ его графскимъ достоинствомъ и орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ 1802 г. по учрежденіи Министерства Народнаго Просвѣщенія онъ былъ первымъ его Министромъ и заботился о заведеніи народныхъ училищъ, гимназій и Университетовъ; потомъ былъ президентомъ Департамента законовъ въ государственномъ Совѣтѣ. Скончался въ 1813 году.

26. *Духовная Іоакима патріарха Московскаго* (ч. XLII, N 122, стр. 287). Памятникъ въ высшей степени любопытный, прекрасно-характеризующій личность Іоакима и самую эпоху. Сказавъ о постриженіи своемъ въ Межигорскомъ монастырѣ и обѣщаніи не исходить оттуда, Іоакимъ проситъ разрѣшенія отъ патріарховъ въ томъ, что нарушилъ этотъ обѣтъ; за тѣмъ благословляетъ царскую семью и всѣхъ христіанъ, проситъ прощенія въ своихъ прегрѣшеніяхъ, завѣщеваетъ тѣло свое погребсти въ Новоспасской обители, въ простой монашеской одеждѣ, распоряжается о поминовеніи по своей душѣ, даетъ патріаршимъ крестьянамъ льготу касательно оброчныхъ денегъ, и наконецъ предлагаетъ поученіе государямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ—это самая интересная часть духовной. Здѣсь между прочимъ увѣщеваетъ онъ не сближаться съ иновѣрцами, не дозволять имъ построеніе храмовъ, не навыкать иностраннымъ обычаямъ, не давать надъ полками начальства иноземцамъ, и проситъ о заповѣданіи, чтобы иконы писались по древнимъ греческимъ образцамъ. Духовная Іоакима писана въ 1690 году. Къ ней присоединены: извѣстіе о кончинѣ и погребеніи патріарха и стихи надгробные (силлабическіе).

27. *О прежнихъ правахъ, вольностяхъ и преимуществахъ Малороссіи,* заимствовано изъ экстракта, сочиненнаго въ 1751 г. Генеральною

наются въ Несторовой лѣтописи еще при Олегѣ; мнѣніе Каченовскаго, что марка Любская и Ливонская дала бытіе Русской гривнѣ ни на чемъ не основано. d) Правда различаетъ гостей и купцовъ, торговлю внутреннюю и внѣшнюю, говоритъ о ростѣ и долгахъ купеческихъ; но куда могли ѣздить Новгородскіе купцы для торговли, съ кѣмъ и какими товарами могли торговать?—Они могли торговать въ Константинополѣ и Болгарахъ—мѣхами, невольниками и сырыми произведеніями, обмѣнивая ихъ на сукна, ткани, металическія издѣлія, золото, серебро, и проч. Города въ Пруссіи, Помераніи и землѣ Вендовъ также могли быть въ торговыхъ сношеніяхъ съ Русью. e) *Сыръ*, даваемый по Русской Правдѣ на продовольствіе вирника въ середу и пятницу, означаетъ *сырое*, т. е. невареное, постное. f) Правда упоминаетъ чернечьихъ холопей, а при Ярославѣ I не было монастырей.—При Ярославѣ были на Руси монахи и монастырскіе холопи. g) По словамъ Каченовскаго Правда принадлежитъ не Ярославу I, а должна быть относима къ другому какому нибудь князю этого имени, жившему позднѣе: такое сомнѣніе уничтожается самымъ текстомъ Правды, которая уже при Владимірѣ Мономахѣ была пополнена.

47. *Судоходство пяти губерній: Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской* (ч. XL, N 116, стр. 380). Въ этой статьѣ, приписанной въ указателѣ *П. Свиньину*, говорится о судоходствѣ по Окѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ (Зуша, Москва, Проня, Нара), по Цнѣ, Мокшѣ, Дону, Воронежу и Деснѣ (ихъ теченіе, пристани, сколько проходитъ судовъ и съ какими грузами, судостроительныя верфи).

48. *Археологическое и статистическое обозрѣніе города Скопина 1826 года (Рязанской губерніи)*, статья *Хламова* (ч. XL, N 116, стр. 411): мѣстоположеніе, число жителей, почва земли; монастырь, его достопамятности, замѣтка о деревянномъ посохѣ, принадлежавшемъ старцу Пересвѣту, сподвижнику Донскаго, и преданіе о самомъ Пересвѣтѣ; нѣсколько словъ о князьяхъ Скопиныхъ.

49. *Анекдотъ о фельдмаршалѣ Графѣ Румянцевѣ-Задунайскомъ*, свидѣтельствующій объ удивительной его памяти, ст *П. Свиньина* (ч. XL, N 114, стр. 167).

50. *Русская умористика.* Подъ этимъ заглавіемъ печатались разныя легкія беллетристическія статьи (*В. Бурнашева*), направленныя противъ страсти къ визитнымъ карточкамъ, противъ дороговизны и безполезности маскерадовъ, противъ пристрастія къ французскому языку, и проч. (ч. XL, N 115. стр. 313. N 116, стр. 497. 1830 года ч. XLI, N 117, стр. 155. N 118, стр 319. N 119, стр. 472; ч. XLII, N 121, стр. 242. N 122, стр. 370). Сюда же можно

причислить и нѣсколько сатирическихъ стихотворенiй, помѣщенныхъ въ Отеч. Запискахъ (ч. XLI, N 117, стр. 119. N 118, стр. 265. N 119, стр. 443; ч. XLII, N 121, стр. 214. N 122, стр. 365).

51. *Взглядъ на Виды торговли, издаваемые при Департаментѣ Внѣшней торговли* (ч. XL, N 115, стр. 321), стат. *П. Свиньина*. Это собственно объявленiе о «Видахъ торговли», съ приложенiемъ таблицы Русской торговли за 1828 г., въ сравненiи съ 1802 годомъ (привозъ и вывозъ) и съ краткимъ указанiемъ на перемѣны по разнымъ отраслямъ отечественной промышленности и торговли въ 1824-8 годахъ.

52. *Города, составлявшiе Ганзейскiй союзъ*, составилъ *С. Руссовъ* (ч. XL, N 116, стр. 483), простой перечень именъ, съ указанiемъ на трактаты союза съ Новгородомъ, Псковомъ, Смоленскомъ и Полоцкомъ.

53. *Раздѣленiе меньшей Киргизкайсацкой Орды на роды, отдѣленiя и подъотдѣленiя*, съ указанiемъ мѣстъ кочевья, замѣтка *Ѳ. Ѳ. Берга* (ч. XL, N 116, стр. 489).

54. *Объявленiе о* (публичномъ) *курсѣ профессора* (С. Петербургскаго Университета) *Соколова*, стат. *П. Свиньина* (ч. XL, N 116, стр. 495).

55. *Изъявленiе благодарности отъ Издателя Отечеств. Записокъ* (*П. Свиньина*) за вниманiе къ его изданiю, цѣль котораго распространить любовь ко всему Русскому (ч. XL, N 116, стр. 499).

1830 годъ.

1. *Взглядъ на Одессу, изъ живописнаго путешествiя по Россiи Издателя Отеч. Зап. 1825 года (П. Свиньина)*, съ видомъ дворца графа Воронцова (ч. XLI, N 117, стр. 1). Содержанiе: Одесскiй рейдъ, исторiя города, дюкъ де Ришелье, его влiянiе на торговлю Одессы, и умноженiе откупныхъ и таможенныхъ сборовъ; театръ, гостинницы, училища, Ришельевскiй лицей, церкви, монастырь, маякъ, гавани военная и купеческая, карантинъ, брантвахта для осмотра судовъ, госпиталь, бульваръ, дворецъ графа М. С. Воронцова, памятникъ дюку Ришелье, публичный садъ, дачи, купальни, зала для праздниковъ и баловъ; торговля пшеницею (цѣны, изъ какихъ мѣстъ доставляется пшеница, сколько проходило въ 1817 г. кораблей за этимъ товаромъ); археологическiя собранiя Бларамберга и Стемпковскаго (античные мраморы, барельефы, статуи, вазы, монеты, и т. под.).

2. *Договорная окончательная грамота, при державѣ Государя Царя и В. Князя Михаила Феодоровича въ 1634 году, у рѣчки Поляновки, при дорогѣ Вяземской и Дорогобужской, составленная и подписанная полномочными послами Русскими: бояриномъ и Псковскимъ намѣстникомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметьевымъ, да окольничимъ и намѣстникомъ Суздальскимъ Алексѣемъ Михайловичемъ Львовымъ и Польскими: ксендзомъ Якубомъ Жадикомъ бискупомъ Хелминскимъ и Померанскимъ, канцлеромъ Корунным Христопомъ Родивиломъ, Княжатемъ на Биржахъ и Дубинкахъ, воеводою Виленскимъ, полнымъ гетманомъ княжества Литовскаго и старостою Житморскимъ, Быстрицкимъ, и прочими—объ отреченіи Владислава короля Польскаго отъ престола Московскаго и отъ всѣхъ царскихъ титуловъ Россійскаго государства* (ч. XLI, N 117, стр. 47. N 118, стр. 194. N 119, стр. 377), о заключеніи между Польшею и Россіей мира, о правильномъ написаніи титула Царя Михаила Ѳеодоровича, объ уступкѣ Польшѣ нѣкоторыхъ городовъ, о размежеваніи земель между обоими государствами, о посольскихъ сношеніяхъ, взаимной торговлѣ, пошлинахъ, разборѣ споровъ между пограничными жителями, и проч.

3. *Памятныя записки Василья Александровича Нащокина* (ч. XLI, N 117, стр. 76). Здѣсь напечатанъ отрывокъ изъ записокъ Нащокина съ 1716—1723 годъ (смотри «Записки В. А. Нащокина. СПБ. 1842» in 8, стр. 2—19); продолженія не было, хотя и обѣщано. Содержаніе отрывка составляютъ разныя происшествія Петровскаго царствованія: дѣло царевича Алексѣя, погребеніе фельдмаршала Шереметева и генералъ-аншефа Венда, баталіи съ Шведами, взятіе четырехъ фрегатовъ, свадьба князя-папы П. И. Бутурлина, празднованіе по случаю мира съ Швеціей, походъ въ Персію, коронованіе Екатерины и поѣздка царя къ марціальнымъ водамъ.

4. *Практическій механикъ въ Грязовцѣ, Василій Максимовичь Лебедевъ* (Вологодской губерніи—ч. XLI, N 118, стр 179). Сказавъ о его происхожденіи, авторъ говоритъ, что первымъ опытомъ Лебедева было замѣненіе бадей помпами на Леденскихъ соляныхъ заводахъ, что послѣ онъ обозрѣвалъ разные заводы для повѣрки дѣйствія машинъ, составлялъ проэкты и получилъ за свои изобрѣтенія пять золотыхъ медалей. За тѣмъ приложенъ списокъ изобрѣтенныхъ Лебедевымъ машинъ: земледѣльческихъ, заводскихъ и мануфактурныхъ.

5. *Отрывокъ походнаго дневника Егерьскаго офицера*, соч. *Павла Должикова* (ч. XLI, N 118, стр. 221). Этотъ отрывокъ содержитъ въ себѣ разсказъ о походѣ части нашихъ войскъ, на другой день послѣ взятія Варны, для преслѣдованія Омера-Вріони, отступав-

шаго за р. Камчикъ, и о возвратномъ потомъ движеніи къ Варнѣ, а также описаніе этой крѣпости и вступленія въ нее Русскихъ.

6. *Бисаврюкъ или вечеръ наканунѣ Ивана-Купала, Малороссійская повѣсть (изъ народнаго преданія), разсказанная дьячкомъ Покровской церкви* (ч. XLI, N 118, стр. 238. N 119, стр. 421), сочиненіе *Н Гоголя.* Повѣсть эта напечатана въ его сочиненіяхъ (т. 1. стр. 69—98) подъ заглавіемъ: «Вечеръ наканунѣ Ивана-Купала», только въ этомъ послѣднемъ изданіи видна значительно-большая обработка.

7. *Наставленіе Выборному отъ Малороссійской Коллегіи въ Коммиссію о сочиненіи проэкта новаго уложенія Г. Коллежскому Совѣтнику и Члену той Коллегіи Наталину* (ч. XLI, N 119, стр. 347; ч. XLII, N 120, стр. 44). Въ этой чрезвычайно-интересной инструкціи указаны недостатки внутренняго состоянія Малороссіи и представлены проэктированныя статьи о тѣхъ исправленіяхъ, какія необходимы въ этомъ краю по разнымъ отраслямъ управленія, а именно здѣсь разсуждается: 1) «о правительствѣ и судахъ», 2) «о раздѣленіи Малой Россіи на части», 3) «о учрежденіи присяжныхъ адвокатовъ и публичныхъ нотаріусовъ», 4) «о государственныхъ доходахъ», 5) о раздѣленіи городовъ на классы, о магистратѣ, бургомистрѣ и ратсгерахъ, о дѣленіи городскаго поселенія на уряды, 6) о фабрикахъ и мануфактурахъ, 7) «о лѣсахъ», 8) о винокуреніи, 9) о дорогахъ и плотинахъ, 10) «о дворянствѣ», 11) «о монастырскихъ имѣніяхъ», 12) «о воспитаніи и ученіи, такожъ о призрѣніи къ нищимъ.», 13) «о чиновникахъ», 14) «о службѣ военной и казакахъ», 15) «о артиллеріи», 16) «о неписаніи (отнынѣ болѣе) въ казачье званіе», 17) «о Грекахъ», живущихъ въ Нѣжинѣ, 18) «о простомъ народѣ» (повинности, очередники, подсусѣдники), 19) «о розданныхъ имѣніяхъ коронныхъ» и 20) «о недвижимыхъ имѣніяхъ».

8. *Записки генералъ-маіора Броневскаго о Киргизъ-Кайсакахъ Средней Орды* (ч. XLI, N 119, стр. 400; ч. XLII, N 120, стр. 75. N 121, стр. 162. N 122, стр. 357; ч. XLIII, N 123, стр. 70. N 124, стр. 194). Авторъ самъ неоднократно былъ въ кочевьяхъ Средней Орды (въ 1824 г.), наблюдалъ бытъ Киргизовъ и составилъ любопытныя записки, которыя раздѣлены на главы, съ особенными заглавіями: 1) о границахъ Киргизцевъ, 2) ихъ произхожденіе и народныя преданія, касающіяся этого вопроса, 3) переселеніе ихъ на степь, занимаемую Зюнгорцами; 4) о ханахъ Киргизскихъ (порядокъ возведенія и значеніе ихъ), 5) отношенія ихъ къ Россіи и Китаю, и о пришествіи Китайцевъ къ горамъ Баянъ-Аулъ, 6) о солтанахъ, біяхъ и старшинахъ, 7) о хожахъ, исправляющихъ духовныя должности, и муллахъ; 8) о теленгутахъ или невольникахъ; 9) о разныхъ азіятцахъ, пребывающихъ въ Средней Ордѣ: Бухар-

цахъ, Ташкенцахъ, Коканцахъ, Намагайцахъ, и Кашкарцахъ; 10) о торгѣ невольниками; 11) характеръ и степень нравственнаго состоянія Киргизовъ, ихъ одежда и вооруженіе; 12) о работникахъ срочныхъ и поденщикахъ; 13) о Киргизахъ, отдавшихся въ Руское подданство, (ихъ благосостояніе, раздѣленіе на станичныхъ и степныхъ и взаимныя ихъ отношенія; 14) примѣрное исчисленіе народа и стадъ, 15) о ремеслахъ и разныхъ издѣліяхъ, о земледѣліи, скотоводствѣ, рыбной ловлѣ и охотѣ; 16) образъ жизни (лѣтомъ и зимой, пути кочевокъ, баранта или набѣгъ для отбитія скота, мѣры правительства противъ этого обычая) и нравы; 17) духовные обряды при рожденіи младенцевъ, свадьбахъ, погребеніи умершихъ, поминки; 18) о состояніи женъ и наложницъ; 19) шаманы, ворожба и лѣченіе болѣзней; 20) музыка, пѣсни, пляска, борьба, скачки, бѣганье въ запуски; 21) о торговлѣ съ азіятцами и съ Русскими; 22) Киргизскіе законы и наказанія за ихъ нарушеніе; 23) курганы и другіе остатки старины, и наконецъ 24) Киргизская сказка о Баянъ-сулѣ.

9. *Новый поэтъ-крестьянинъ Егоръ Алипановъ* (ч. XLI, N 117, стр. 105). Алипановъ любилъ читать духовныя книги и сталъ писать стихи, увлекшись примѣромъ Слѣпушкина; здѣсь напечатаны четыре его стихотворенія, изъ которыхъ одно: «Видѣніе на прибытіе Государя Императора Николая Павловича за Дунай въ армію». Въ той же части Отеч. Записокъ (N 119, стр. 458) и въ ч. XLIII (N 123, стр. 98) помѣщено еще нѣсколько стихотвореній Алипанова; одно изъ нихъ есть «Пѣсня Русскихъ воиновъ по переходѣ Балканскихъ горъ».

10. *Четыре времяни года русскаго поселянина, соч. Ѳ. Слѣпушкина:* извѣстіе о новомъ сочиненіи Слѣпушкина, съ выдержками изъ него (ч. XLI, N 118, стр. 273).

11. *Письма изъ отдаленной Сибири* (ч. XLI, N 117, стр. 130. N 118, стр. 289): четыре письма отъ 1828 года; авторъ принадлежалъ къ коммиссіи, которой поручено было изслѣдованіе быта здѣшнихъ инородцевъ. Онъ говоритъ о путешествіи по Ленѣ, Якутскѣ, тамошнемъ климатѣ, Якутахъ и Тунгусахъ.

12. *Отъ г. Журавлева изъ Архангельска о излѣченіи умалишенной г. Протопоповымъ*, инспекторомъ Архангельской Врачебной Управы (ч. XLI, N 117, стр. 137).

13. *Отъ В. П. Бурнашева о шалевыхъ издѣліяхъ фабрики Воронежской помѣщицы Наст. Андр. Шишкиной, работающихся по изобрѣтенію сестры ея Вѣры Андр. Елисѣевой* (ч. XLI, N 117, стр. 141). Послѣ разныхъ попытокъ, г-жа Елисѣева открыла тайну тканья Кашемирскихъ шалей и завела производство ихъ въ селѣ Андреевскомъ, опредѣливъ къ тому своихъ крѣпостныхъ женщинъ.

Объ этой фабрикаціи шалей были сообщены извѣстія въ Сѣверной Почтѣ, издававшейся при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, и въ № 9-мъ Журнала мануфактуръ и торговли за 1827 г. Лучшую шаль своего производства Елисѣева въ 1825 году поднесла Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Нынѣшняя владѣтельница фабрики доставила въ Комитетъ выставки нѣсколько своихъ произведеній (описаніе шести шалей, съ указаніемъ на ихъ цѣны) и поднесла Государынѣ голубой плащь.

14. *Нѣсколько общихъ словъ о новомъ историческомъ романѣ: Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 году, соч. М. Загоскина* (ч. XLI, N 117, стр. 166).

15. *Къ родителямъ.* Издатель Отечеств. Записокъ предлагаетъ брать въ гувернантки изъ воспитанницъ Русскихъ институтовъ (ч. XLI, N 117, стр. 170).

16. *Списокъ авторовъ (и переводчиковъ), участвовавшихъ въ десятилѣтнемъ изданіи Отечественныхъ Записокъ*, въ алфавитномъ порядкѣ, съ указаніемъ на ихъ труды, помѣщенные въ журналѣ Свиньина (ч. XLI, N 117, стр. 173. N 118, стр. 339; ч. XLII, N 120, стр. 141. N 121, стр. 259. N 122, стр. 395). Списокъ этотъ указываетъ на многихъ авторовъ, не обозначившихъ своихъ именъ подъ статьями, таковы: А. И. Данилевскій-Михайловскій, Корниловичъ, митрополитъ Евгеній, генералъ-маіоръ Хатовъ, Н. А. Полевой, Ѳ. Н. Глинка, графъ А. А. Аракчѣевъ, генералъ-маіоръ Бурцовъ, Е. П. Ковалевскій и другіе (*). Въ концѣ прибавленъ указатель плановъ и видовъ, помѣщенныхъ въ Отечественныхъ Запискахъ.

17. a) *Ротта или присяга Самоядовъ*, языческій обрядъ (ч. XLI, N 118, стр. 327). b) *Кудеси или колдовство Самоядовъ*, соединенное съ жертвоприношеніемъ (ч. XLI, N 118, стр. 329).

18. *Еще безденежный курсъ на Россійскомъ языкѣ*: объявленіе о курсѣ лѣсоводства Статскаго Совѣтника Стефани, и о составѣ этого курса (ч. XLI, N 118, стр. 336).

(*) Въ указателѣ, напечатанномъ нами во 2 томѣ Архива, статья, означенная на стр. 34 подъ № 24, ошибочно приписана *В. Капнисту*; она принадлежитъ *Свиньину*, а имя Капниста относится къ стихамъ, заключающимъ эту статью. «Мысли о торговлѣ чернаго моря» въ указателѣ (2 т. Архива стр. 53, N 24) несправедливо приписаны *Павлу Яковлеву:* въ «Спискѣ авторовъ» сочиненіе это показано произведеніемъ *В. П. Гурьева*. Статью, отмѣченную буквами *Н. Тѣ* (см. въ указателѣ во 2 т. Архива стр. 79, N 29) «Списокъ авторовъ» называетъ произведеніемъ *М. Ѳ. Орлова*. Подъ статьею «О старинныхъ городищахъ» (см. въ указателѣ т. 2. Архива, N 38, стр. 102) подписано имя *Солунова*, а въ «Спискѣ авторовъ» сочинителемъ ея названъ *Солнцевъ*.

19. *Словцо объ актерахъ-волёнтерахъ, ст. Любоpуссова.* (ч. XLI, N 118, стр. 336).

20. *Правители города Кіева отъ завоеванія сего княженія Вел. Княземъ Литовскимъ Гедеминомъ съ 1320 до 1828 года* (ч. XLI, N 119, стр. 478): имена Литовскихъ удѣльныхъ князей, воеводъ отъ нихъ и отъ королей Польскихъ, Русскихъ воеводъ и стольниковъ, губернаторовъ, генералъ-губернаторовъ и комендантовъ, съ указаніемъ годовъ ихъ управленія. Перечень эта подписана буквами: *М. Б.* Свѣдѣнія, здѣсь собранныя, почерпнуты «изъ исторіи Стрійковскаго, « исторіи Несѣцкаго, de corona polska, и изъ исторіи Кіевоподоль« скаго магистратскаго архива; изъ записей бывшей Кіевской гу« бернской канцеляріи и указовъ тѣхъ временъ, въ магистратскомъ « архивѣ находящихся; наконецъ правители со времени открытія « намѣстничествъ выбраны изъ современныхъ предписаній.»

21. *Дмитрій Самозванецъ, историческій романъ, соч. Ѳ. Булгарина* (ч. XLI, N 119, стр. 492): краткое и благосклонное указаніе на достоинства романа.

22. *Извѣстія по части изящныхъ художествъ:* описаніе двухъ памятниковъ Императору Александру I и князю Потемкину-Таврическому, работы скульптора Мартоса, и извѣстіе о картинѣ Рафаэля (ч. XLI, N 119, стр. 496).

23. *Полтава, изъ живописнаго путешествія по Россіи издателя Отеч. Записокъ* (*Свиньина*), съ видомъ города (ч. XLII, N 120, стр. 1). Содержаніе: дорога отъ Рѣшетиловки до Полтавы, дѣленіе этого города на три части, соборъ, хранящійся въ немъ портретъ князя Долгорукаго - Крымскаго, древняя небольшая церковь, гдѣ Петръ В. принесъ благодареніе за Полтавскую побѣду, памятникъ на мѣстѣ дома, въ коемъ жилъ Петръ I (анекдотъ объ этомъ государѣ), храмъ во имя Исакія Далматскаго, въ которомъ на доскѣ вырѣзана Полтавская баталія, Шведская могила, историческія воспоминанія о Полтавскомъ боѣ, преданія относащіяся къ этой битвѣ, о маневрахъ при Екатеринѣ II и Александрѣ I, совершенныхъ въ память Полтавскаго боя; проэктъ памятника на Шведской могилѣ, составленный архитекторомъ Амвросимовымъ, Преображенскій монастырь, остатки земляной крѣпости, гимназія, больница и богадѣльна, публичный садъ, школа садоводства, дача княгини Репниной, старинный домъ Котляревскаго, замѣтки о характерѣ малороссіянъ (анекдоты), строенія въ городѣ, торговля (ярманки), фабрики и заводы.

24. *Пустынная Рихловская обитель св. Николая, изъ путевыхъ записокъ Ф. Ш. Марчевскаго 1825 года* (ч. XLII, N 120, стр. 99.

N 121, стр. 195). На горномъ берегу Десны одинъ пасичникъ обрѣлъ въ вѣтвяхъ клена явленную икону св. Николая: тутъ была построена часовня (въ 1620 г), а потомъ церковь Гетманъ Богданъ Хмельницкій, получившій при этой иконѣ изцѣленіе, поручилъ родичу своему воздвигнуть на мѣстѣ ея явленія обитель, что и было исполнено (1666 г.). За тѣмъ слѣдуетъ внѣшняя исторія монастыря, описаніе церквей, монастырской пасики, пещеръ и скита, и указаніе на чудеса, бывшія отъ св. иконы.

25. *Память графу Петру Васильевичу Заводовскому* (ч. XLII, N 121, стр. 142): рѣчь, говоренная на Польскомъ языкѣ ректоромъ Виленскаго Университета *Иваномъ Снядецкимъ* въ 1813 г. Здѣсь сообщены біографическія свѣдѣнія о Дѣйств. Тайномъ Совѣтникѣ П. В. Заводовскомъ Онъ служилъ при графѣ Румянцовѣ Задунайскомъ въ Малороссіи, былъ потомъ докладчикомъ при Екатеринѣ II и участвовалъ въ важнѣйшихъ постановленіяхъ правительства Павелъ I наградилъ его графскимъ достоинствомъ и орденомъ св. Андрея Первозваннаго. Въ 1802 г. по учрежденіи Министерства Народнаго Просвѣщенія онъ былъ первымъ его Министромъ и заботился о заведеніи народныхъ училищъ, гимназій и Университетовъ; потомъ былъ президентомъ Департамента законовъ въ государственномъ Совѣтѣ. Скончался въ 1813 году.

26. *Духовная Іоакима патріарха Московскаго* (ч. XLII, N 122, стр. 287). Памятникъ въ высшей степени любопытный, прекрасно-характеризующій личность Іоакима и самую эпоху. Сказавъ о пострижевіи своемъ въ Межигорскомъ монастырѣ и обѣщаніи не исходить оттуда, Іоакимъ проситъ разрѣшенія отъ патріарховъ въ томъ, что нарушилъ этотъ обѣтъ; за тѣмъ благословляетъ царскую семью и всѣхъ христіанъ, проситъ прощенія въ своихъ прегрѣшеніяхъ, завѣщеваетъ тѣло свое погребсти въ Новоспасской обители, въ простой монашеской одеждѣ, распоряжается о поминовеніи по своей душѣ, даетъ патріаршимъ крестьянамъ льготу касательно оброчныхъ денегъ, и наконецъ предлагаетъ поученіе государямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ—это самая интересная часть духовной. Здѣсь между прочимъ увѣщеваетъ онъ не сближаться съ иновѣрцами, не дозволять имъ построеніе храмовъ, не навыкать иностраннымъ обычаямъ, не давать надъ полками начальства иноземцамъ, и проситъ о заповѣданіи, чтобы иконы писались по древнимъ греческимъ образцамъ. Духовная Іоакима писана въ 1690 году. Къ ней присоединены: извѣстіе о кончинѣ и погребеніи патріарха и стихи надгробные (силлабическіе).

27. *О прежнихъ правахъ, вольностяхъ и преимуществахъ Малороссіи*, заимствовано изъ экстракта, сочиненнаго въ 1751 г. Генеральною

войсковою канцеляріею (ч. XLII, N 122, стр. 324). Здѣсь находимъ краткое извлеченіе: изъ жалованныхъ грамотъ царей Алексѣя Михайловича, Θеодора, Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ коихъ подтверждены права и привиллегіи, дарованныя Малороссіи королями Польскими и В. Князьями Литовскими; изъ грамоты Императрицы Елизаветы (1749 года) объ избраніи гетмана вольными голосами и подтвержденіи древнихъ правъ; изъ статута о правахъ, данныхъ В. Князьями Литовскими и королями Польскими. За тѣмъ слѣдуетъ любопытное указаніе на почести, отдававшіяся гетманамъ: право принимать и отпускать пословъ, почетный караулъ, отданіе воинской чести, салютація изъ пушекъ, встрѣчи при пріемѣ, мѣста за царскимъ обѣдомъ, право награждать чинами и деревнями.

28. *Письмо отъ Московскаго купца Θ. Н. Державина отъ 10 Апрѣля 1830 года*, о производствѣ шалей на подобіе Турецкихъ Гучковымъ (ч. XLII, N 121, стр. 228).

29. *Любопытное письмо Суворова къ Графу Цукато, испрашивавшему позволенія быть его историкомъ* (ч. XLII, N 121, стр. 230). Суворовъ говоритъ, что дѣянія его, какъ воина, тѣсно связаны съ исторіею его жизни, какъ человѣка; что онъ всегда обращался съ временемъ бережливо; что, обдумавъ свои намѣренія, исполнялъ ихъ скоро и съ настойчивостію, но что постоянно высказывался въ особенной свойственной ему формѣ. Къ этому Суворовъ прибавилъ, что приказалъ сообщить графу всѣ подлинныя бумаги, необходимыя для его исторіи. Письмо писано отъ 28 декабря 1794 года.

30. *Письмо въ Москву о публичныхъ удовольствіяхъ въ Россіи*, ст. *П. С. (Свиньина)*. Письмо это направлено противъ маскерадовъ въ домѣ г-жи Энгельгардтъ, будто бы назначавшихся для небогатыхъ чиновниковъ (ч. XLII, N 120, стр. 125).

31. *Библіографическое извѣстіе: Выпись хронологическая изъ исторіи Русской* (ч. XLII, N 120, стр. 131). Это извѣстіе о продажѣ рѣдкаго изданія «Записокъ касательно Россійской исторіи Императрицы Екатерины II», in 4, на 224 страницахъ, безъ означенія мѣста и года печатанія, съ атласомъ, содержащимъ въ себѣ 40 гравированныхъ изображеній. При этомъ указаны и другія изданія «Записокъ» и напечатанъ Высочайше утвержденный докладъ 1783 года 4 декабря, коимъ опредѣлено назначить десять членовъ, которые бы подъ наблюденіемъ графа А. П. Шувалова составили совокупными трудами записки о древней Русской исторіи; докладъ говоритъ о методѣ занятій, слогѣ и средствахъ для изданія. Авторъ «библіографическаго извѣстія» догадывается, что въ числѣ этихъ

десяти членовъ были профессора Московскаго Университета Барсовъ и Чеботаревъ.

32. *О молотиловѣялкѣ*, изобрѣтенной инженеръ-маіоромъ Вышняковымъ: ея выгоды (ч. XLII, N 121, стр. 233).

33. *Омнибусы* въ С. Петербургѣ—извѣстіе (ч. XLII, N 121, стр. 237).

34. *О происхожденіи суевѣрія на счетъ мая мѣсяца, по сходству сего слова съ Римскимъ*, коротенькая замѣтка *Руссова* о суевѣрномъ мнѣніи, что въ маѣ несчастливо заключать браки (ч. XLII, N 121, стр. 241).

35. *Историческая Запорожская пѣсня*, касающаяся войны Петра В. съ Шведами (ч. XLII, N 121, стр. 253).

36. *Корелія* (ч. XLII, N 121, стр. 253): извѣстіе о стихотворномъ произведеніи Ѳ. Н. Глинки, похвалы и выписки изъ самаго сочиненія. Подписано *В. Р—ичь*.

37. *Отрывокъ изъ письма армейскаго офицера*—о деревенскомъ училищѣ у одного помѣщика (ч. XLII, N 122, стр. 368).

38. *Щетъ на Зырянскомъ языкѣ, употребляемый въ Ижемской слободѣ* (ч. XLII, N 122, стр. 388).

39. *Простонародныя слова, употребляемыя въ Оренбургской губерніи*, сообщ. *Н. Кудряшевымъ* (ч. XLII, N 122, стр. 389).

40. a) *Листокъ для родины* (ч. XLII, N 122, стр. 393; ч. XLIII, N 123, стр. 102. N 124, стр. 286; ч. XLIV, N 126, стр. 185). b) *Выписки изъ литературныхъ прибавленій къ Листку для родины* (ч XLIV, N 126, стр. 229). Въ предисловіи *П. Свиньинъ* говоритъ, что «Листокъ для родины» есть рукописная газета, издававшаяся у стѣнъ Варны «молодымъ неопытнымъ любителемъ словесности *Должиковымъ*.» Содержаніе газеты преимущественно касается войны нашей съ Турками: составъ войскъ при крѣпости Варнѣ, занятіе разныхъ городовъ, извѣстія о убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ, воззваніе графа Дибича къ жителямъ Болгаріи, свѣдѣнія объ осадѣ Шумлы, успѣшныя дѣйствія противъ Турецкой флотиліи, занятіе Русскими войсками Адріанополя, мирные переговоры, состояніе Варны, распоряженія относительно управленія краемъ, прибытіе Государя къ Варнѣ, и проч. Въ прибавленіяхъ къ листку находимъ мелкія статьи и стихотворенія, не имѣющія особеннаго достоинства; между стихотвореніями встрѣчаемъ: «На взятіе Варны», «Военные куплеты» и др.

41. *Воспоминанія и наблюденія во Псковѣ Издателя Отеч. Зап. (Свиньина) въ 1827 году*, съ видомъ города. (ч. XLIII, N 123, стр. 1). Содержаніе: старинныя палаты (Поганкина), занятыя подъ провіантскій магазинъ, кремль, княжескій дворецъ. соборъ, мощи и

мечь св. Гавріила, Псковскаго чудотворца, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Всеволода Мстиславича, мощи и мечь Псковскаго князя Довмонта, цѣпь юродиваго Николы Салоса, его смѣлыя слова Іоанну Грозному, гробницы здѣшнихъ архіереевъ и князей, ризница, о вѣчевомъ колоколѣ, древнее зданіе, принимаемое за гостинный дворъ Ганзы, развалины палатъ князя Меншикова, домъ, въ которомъ останавливался Петръ I (анекдотъ объ этомъ государѣ), Снѣтная гора, нѣсколько словъ о митрополитѣ Кіевскомъ Евгеніи, когда учреждена Псковская епархія, кто управлялъ ею, сколько въ ней храмовъ и монастырей, семинарія, рѣка Великая, рыболовство. Обѣщано было продолженіе этой статьи, но обѣщаніе не исполнено.

42. *Путевыя записки, веденныя самимъ Государемъ Петромъ Великимъ, во время путешествія своего въ 1697 и 1698 годахъ, по чужимъ краямъ, подъ именемъ дворянина Россійскаго посольства* (ч. XLIII, N 123, стр. 31. N 124, стр. 119). Эти записки развѣ по началу могутъ быть приписываемы Петру В., а далѣе—нѣтъ; потому что Петръ I въ Италіи не былъ. Онѣ были напечатаны: П. Бекетовымъ отдѣльно въ С. Петербургѣ въ 1788 году, въ 12 долю, подъ такимъ заглавіемъ: «Записная книжка любопытныхъ замѣчаній Великой особы, странствовавшей подъ именемъ дворянина Россійскаго посольства въ 1697 и 1698 году», и еще по другому, отличающемуся отъ Бекетовскаго, списку въ Отечественныхъ Запискахъ Краевскаго за 1846 годъ, N 6, стр. 126—151 княземъ Вл. К—вымъ, съ объяснительнымъ предисловіемъ. Этотъ послѣдній списокъ сходенъ съ напечатаннымъ Свиньинымъ и сообщеннымъ ему Гавріиломъ, епископомъ Екатеринославскимъ. Текстъ «Записокъ» лучше изданъ у г. Краевскаго, а въ изданіяхъ Бекетова и Свиньина много ошибокъ; за то у нихъ напечатаны и такія мѣста, которыя въ изданіи Краевскаго опущены. «Записки» очень любопытны; онѣ состоятъ изъ обзора достопримѣчательностей и многихъ наивныхъ замѣчаній по пути изъ Москвы чрезъ Нарву, Гамбургъ, Амстердамъ, Гагу и другіе города въ Венецію, Флоренцію, Римъ, Миланъ, и обратно въ Россію. Къ этому памятнику въ спискѣ, напечатанномъ у Свиньина, присоединена любопытная статья: «О происходящихъ порядкахъ въ Россіи въ небытность государеву»; здѣсь сказано, что въ отсутствіе Государя управленіе было поручено боярамъ Т. Н. Стрешневу и Ѳ. Ю. Ромодановскому, и потомъ излагаются свѣдѣнія о стрѣлецкомъ бунтѣ (походъ стрѣльцевъ къ Москвѣ, донесеніе о томъ Царю, дѣйствія боярина Шеина и Гордона.)

43. *Евангеліе, читаемое на литургіи во святую Пасху, на Самоядскомъ языкѣ* (ч. XLIII, N 123, стр. 113). b) *Краткій Самоядскій словарь* (ч. XLIII, N 123, стр. 115).

44. *Нигдѣ ненапечатанное доселѣ письмо Петра I къ Нѣжинскому Наказному полковнику Журавскому* (ч. XLIII, N 124, стр. 355), безъ означенія года, мѣсяца и числа, о выборѣ вольными голосами новаго гетмана по случаю измѣны Мазепы, и о скорѣйшемъ прибытіи Журавскаго къ Царю для совѣтовъ (*).

ДОПОЛНЕНІЕ.

45. *Еще о храбромъ М. Г. Бедрягѣ*, ст. *К. Рылѣева* (1820 года: ч. IV, N 8, стр. 284). Краткое извѣстіе о характерѣ, службѣ и смерти на Бородинскомъ полѣ Бедряги, который командовалъ лейбъ-эскадрономъ гусарскаго Ахтырскаго полка.

46. *Русскіе анекдоты:* a) *Русскій богатырь при стѣнахъ Дербента* —о подвигѣ поручика Чикрижова въ Персидскую кампанію 1796 г. (1821 года: ч. VII, N 15, стр. 120). b) *Братская любовь и алчность къ прибытку получаютъ должное возмездіе* (ibidem, стр. 124).

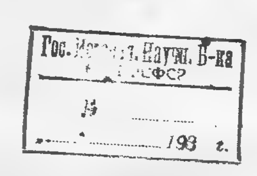
(*) Сентябрской книжки Отечественныхъ Записокъ за 1830 годъ (№ 125) не было, а за № 124-мъ прямо слѣдовалъ № 126-й, заключающій въ себѣ три мѣсяца: Октябрь, Ноябрь и Декабрь; впрочемъ въ концѣ этого нумера сказано: «конецъ двадцать (читай: сорокъ) четвертой части и сто двадцать *пятой* книжки.» Къ этому нумеру приложены окончанія двухъ статей, начатыхъ прежде, подъ особою нумераціей.

КЛЮЧЪ КЪ УКАЗАТЕЛЮ.

1. ИМЕНА СОЧИНИТЕЛЕЙ, ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ И ПЕРЕВОДЧИКОВЪ (*).

(*) Цифры, напечатанныя простымъ шрифтомъ, означаютъ страницы Указателя, а напечатанныя курсивомъ—нумера статей. Крестъ (+) принятъ для означенія, что слѣдующія за нимъ цифры относятся къ статьямъ Указателя, помѣщеннымъ въ настоящей книжкѣ; цифры же безъ сего знака относятся къ началу Указателя, помѣщенному во 2-й книжкѣ Архива.

II. Указатель лицъ, мѣстъ и предметовъ.



ОПЕЧАТКИ.

Стрн.	Стрк.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
		Отдѣл. I.	
5 —	5	послѣднемъ	послѣднимъ
» —	6	сдѣать	сдѣлать
13 —	2	на родные	народные
15 —	35	прислалъ	присланъ
21 —	23	разрядовъ	разрядовъ.
34 —	14	въ дѣлахъ;	въ дѣлахъ
53 —	37	Романовскимъ	Ромодановскимъ
64 —	17	127 (1618)	127 (1618 — 1619)
87 —	13	челомъ.	челомъ:
93 —	10	ед.	Ѳед.
96 —	24	Пушкинъ	Пушкину
99—16—17		Солнцевъ-Засѣинъ	Солнцевъ-Засѣкинъ
107 —	6	Беклемышевымъ	Беклемишевымъ
» —	36	своего, ангела	своего ангела
108 —	25	что	чтобъ
114 —	35	о безчестьи,	за безчестье
121 —	27	ждана	Ждана
» —	33	безъ мѣтсъ	безъ мѣстъ
122 —	40	Депол.	Допол.
124 —	7	бить	бить
134 —	13	на нето	на него
143 —	25	пиршество	пиршество
149 —	12	галунамъ	галуномъ
166 —	30	поряда	порядка
		Отдѣл. II.	
19 —	28	жилъ,	жилъ
38 —	6	ч	ч.
45 —	34	Кормылицынъ	Кормилицынъ
48 —	37	пеодкленъ	подклеенъ
57 —	24	во 80	на 80
58 —	36	ему;	ему.
61 —	6	Ѳедоръ;	Ѳедоръ
63 —	13	казани	Казани
» —	25	Петрова дни	до Петрова дни
		Отдѣл. III.	
10 —	13	ино ся,	ино ся
21 —	12	(srogogardlem)	(srogo gardlem)
46 —	10	Ярмомъ	Ярлошъ
» —	27	гулячаго воля	гуляцаго вола
		Отдѣл. V.	
23 —	7	велико бо	велика бѣ
38 —	32	наразумнымъ	неразумнымъ
40 —	32	Изяслава	Святослава
		Прил. I.	
въ оглав.		въ 1850 и 1851	въ 1850
6 —	25	сравнителъные	сравнительные
		Прил. II.	
48 —	1	Индіей,	Индіей
58 —	13	Иетръ	Петръ
69 —	22	звѣряхъ	звѣряхъ,
83 —	11	Житморскимъ	Жижморскимъ

Въ Редакціи Архива, а равно въ книжныхъ магазинахъ: въ С. Петербургѣ — Д. Е. Кожанчикова, на Невскомъ проспектѣ, противъ Публичной библіотеки, въ домѣ Демидова, и въ Москвѣ — Ивана Вас. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, продаются слѣдующія сочиненія и изданія Н. Калачова:

	Р.	К.
Изслѣдованія о Русской Правдѣ, ч. I	2	—
Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій, 2-е изданіе, 1847 г.	—	20
О значеніи Кормчей въ системѣ древняго Русскаго права	1	20
Иностранные сочиненія и акты, относящіеся до Россіи, собранные К. М. Оболенскимъ, подъ редакціею Н. В. Калачова, четыре выпуска	—	60
Каждый выпускъ отдѣльно	—	20
Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. Книга первая	3	—
Того же изданія книги второй половина первая	3	—
Того же изданія книги второй половина вторая	3	—
Того же изданія книга третья	3	50
Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, томъ I.	2	—
Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изданный въ 1859 году. Шесть книгъ, съ дополненіемъ въ одной книгѣ	9	—